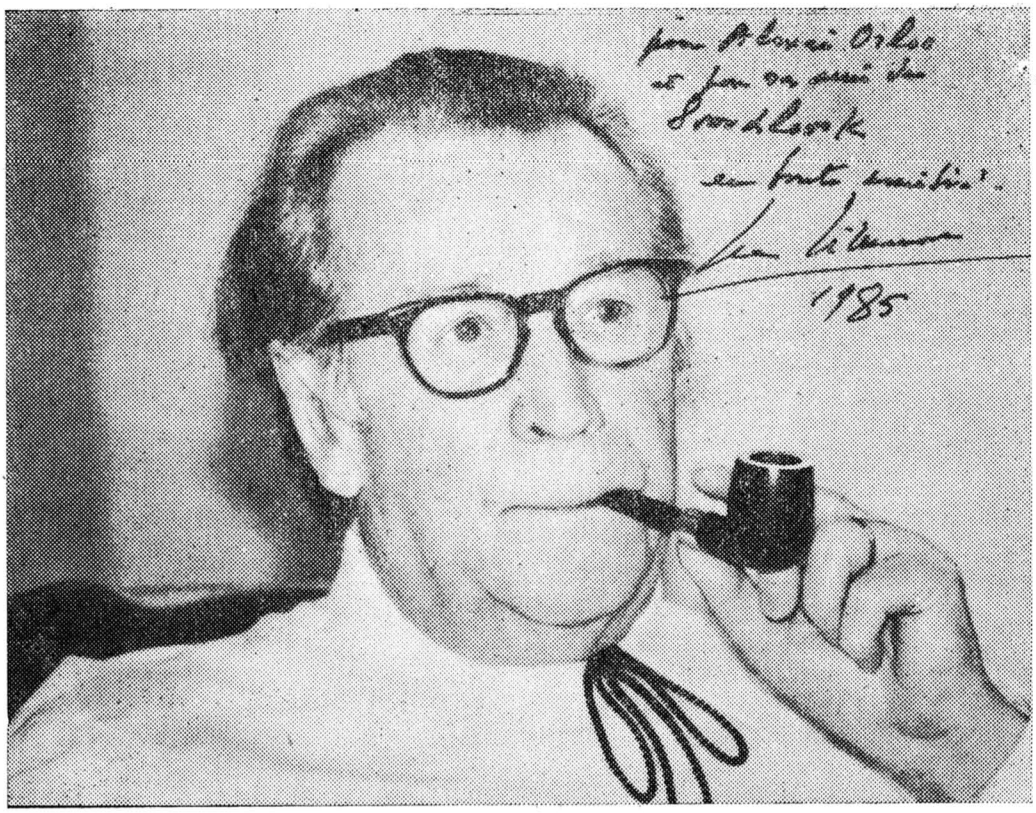
Мегрэ и обвиняемый

повесть

рисунки Елены Пуянковой

Жорж Сименон

«Вы действительно старый друг...»



Как часто, когда говорим мы о людях великих, на память приходят имена тех, кто, войдя с ними в историю, стал символом посредственности и даже подлости. Как хрестоматийны антитезы: «Пушкин — Дантес», «Лермонтов — Мартынов»...

А где же друзья?..

Почему так мало знаем мы о тех, кто посвящал свои жизни талантам? Может быть, они незаметны, как всегда незаметно подлинное добро? Почему еще со школьной скамьи научились мы проявлять столь непосредственный интерес к таким посредственностям, как Мартынов, и практически ничего не знаем о таких удивительных людях, как Елизавета Алексеевна Арсеньева, без которой — есть такое мнение! — могла и не состояться бессмертная судьба Лермонтова?

В каком школьном учебнике моя дочь найдет великий пример истинной любви к большому таланту? А ведь они есть — эти замечательные примеры. Бывает, что и ходить-то за ними далеко не надо...

Так, например, стóит мне услышать о французском писателе Жорже Сименоне, в памяти тут же возникает имя свердловчанина Алексея Ивановича Орлова. Именно его, человека незнаменитого, знаменитый автор романов о комиссаре Мегрэ назвал одним из своих «самых преданных исследователей» и «выдающимся книголюбом».

Не спеши, дорогой читатель, снисходительно улыбнуться по поводу таких — в умудренном твоем сознании — несопоставимых примеров. Конечно же, я не собираюсь сопоставлять — я только хочу попытаться рассказать об одном из случаев удивительной любви так называемого простого Человека к Человеку большого таланта. Итак: «Жорж Сименон — Алексей Орлов»...

Что породнило двух старых людей? Чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в тесную однокомнатную квартиру на окраине Свердловска, где и проживает в прошлом механик одного из уральских заводов, а ныне пенсионер Алексей Иванович Орлов.

Прямо скажем: скромная квартирка! Ни стеллажей тебе полированных, за зеркальными стеклами которых толпятся престижные тома в золоченых переплетах, ни подходящего под эти тома прочего интерьера... Дешевые, с точки зрения иного современного любителя художественной литературы, деревянные полки. Вот на этих дешевых полках и стоят дорогие для механика Орлова книги, среди них — немало изданий Сименона, с дарственными надписями автора: «Верному из верных...», «Моему преданному другу, который знает мои книги лучше, чем я сам...», «Алексею Орлову с благодарностью, дружбой и признательностью...».

А вот и сам хозяин — невысокий, слегка сутулый; живые, приветливые глаза. Вот он уже усадил гостей за маленький журнальный столик, разлил по чашкам кофе и начал рассказ:

— Жоржем Сименоном я увлекся в начале шестидесятых, когда первые его произведения появились в нашей печати. Помню, залпом проглотил роман «Желтый пес». В авторе я увидел не просто великолепного мастера детектива, но — прежде всего — глубокого и тонкого психолога. Это не просто увлекательные романы, а большая литература о Человеке. Я нахожу, например, немало общего в характерах Мегрэ и следователя Порфирия Петровича у Достоевского — оба не только талантливые сыщика, но, главное, убежденные гуманисты!..

Чем дальше Алексей Иванович углублялся в мир Сименона, тем больше хотел узнать о писателе. Стал собирать различные материалы о его жизни, разыскивать публикации Сименона в газетах и журналах. Сегодня уникальное сименоновское досье, собранное книголюбом, насчитывает свыше пятидесяти томов. Создается впечатление, что Алексей Иванович всю свою долгую жизнь провел рядом с Сименоном — он знает сотни деталей из жизни человека, живущего за тысячи верст от него в далеком швейцарском городе Лозанна.

Но главное дело жизни Орлова — это уникальная, не

имеющая аналогов в нашей стране библиография творчества Жоржа Сименона. Солидный машинописный том, в который книголюб вложил более десяти лет своей жизни, включает сведения о 358 художественных произведениях его любимого писателя, изданных в СССР и во Франции. Интересная деталь: работая над библиографией, Алексей Иванович в свои семьдесят лет изучил французский язык. Теперь он читает романы о Мегрэ в подлиннике.

Из этого библиографического справочника, написанного на русском и французском языках, сегодня черпают сведения крупнейшие библиотеки нашей страны, видные ученые-литературоведы, многочисленные книголюбы. Алексей Иванович охотно делится сведениями со всеми, кто проявляет интерес к его любимому писателю. Кстати, многие годы Орлов с немалым увлечением ведет пропаганду творчества Сименона: выступает с лекциями о комиссаре Мегрэ перед работниками свердловской милиции, встречается с тружениками родного завода, преподавателями и студентами вузов города, изучающими французскую литературу. Что и говорить, какой писатель не мечтает иметь такого одержимого, удивительного друга, истинного знатока и ценителя своего творчества!

Несколько лет назад известная советская исследовательница творчества французского романиста Э. Л. Шрайбер побывала в гостях у Жоржа Сименона и показала ему библиографию, составленную Орловым. Писатель с большим интересом изучил эту работу и высоко оценил ее. Каково же было его удивление, когда он узнал, что уникальный библиографический труд принадлежит... уральскому механику!

Вскоре почтальон принес в дом Алексея Ивановича письмо из далекой Лозанны. Трудно было старому человеку без волнения читать эти строки, даже руки дрожали.

«Дорогой мсье! Я был чрезвычайно поражен, узнав, что Вы автор замечательной библиографии моих произведений о «Мегрэ» и «не Мегрэ», изданных в СССР.

От всего сердца поздравляю Вас с такой великолепной работой! Я очень счастлив, что в Свердловске, на Урале, живут такие выдающиеся книголюбы. Желаю Вам большого успеха в Вашей будущей деятельности и шлю Вам выражение своих самых сердечных чувств.

Жорж Сименон».

С тех пор знаменитый французский писатель внимательно следит за работой своего уральского друга, регулярно посылает ему книги, фотографии, другие материалы, а один из экземпляров библиографии хранится в научном центре по изучению творчества Жоржа Сименона в бельгийском городе Льеже — на родине писателя. В одном из сименоновских писем прочитал я волнующие слова признания: «Вы действительно старый друг...».

Коль скоро читателю «Следопыта» предстоит прочитать роман «Мегрэ и осведомитель», давайте воспользуемся случаем и попросим Орлова рассказать об этом еще неизвестном русскому читателю романе.

— Этот роман Сименон написал за одну неделю, завершил работу 11 июня 1971 года. Не удивляйтесь таким срокам — он, как вы знаете, пишет очень быстро. Таково, скажем, своеобразие его таланта. А всего перу Сименона принадлежат 102 произведения о Мегрэ, из них — восемьдесят романов и двадцать два рассказа. В нашей стране на сегодняшний день опубликовано семьдесят шесть. Это предпоследний из восьмидесяти романов о комиссаре Мегрэ. Такая вот библиографическая арифметика. Любителям Сименона пригодится...

«Мегрэ и осведомитель» писатель задумал и создал на своей швейцарской вилле в местечке Эпаленж, где жил в то время. Впервые роман увидел свет на французском языке в парижском издательстве «Пресс де ла Ситэ» в том же 1971 году. В нашей критике о нем никаких сведений нет, так что публикация в «Уральском следопыте» будет открытием для почитателей творчества Сименона.

Яков АНДРЕЕВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Телефонный звонок разбудил Мегрэ, и он недовольно заворчал, даже не понимая спросонок, который теперь час, но не стал смотреть на будильник. Он медленно выбирался из тяжелого сна и его не покидало какое-то давящее ощущение в груди.

Босиком, неуверенной походкой лунатика он направился к аппарату.

— Алло...

Мегрэ даже не заметил, что не он, а его жена зажгла ночник.

— Это вы, шеф?

Он не сразу узнал голос.

— Говорит Люкас... Я дежурю сегодня ночью... Только что звонили из восемнадцатого округа...

— Ну и что там?

— На авеню Жюно на тротуаре найден труп мужчины...

Эта улица находилась на самом верху холма Монмартр, неподалеку от площади Тертр.

— Я звоню вам по поводу опознания трупа... Им оказался Морис Марсиа, владелец «Сардины»...

«Сардина» — типично французский ресторан на улице Фонтен.

— Что он делал на авеню Жюно?

— Похоже, убили его не там. Создается впечатление, что тело привезли туда и положили на тротуар.

— Сейчас еду...

— Прислать за вами машину?

— Да...

Мадам Мегрэ, лежа в постели, все время наблюдала за мужем и, услышав последние слова, поднялась, пытаясь нашарить комнатные туфли.

— Сейчас приготовлю тебе чашечку кофе.

Как неудачно, что это случилось именно сегодня вечером. Впрочем, сам вечер прошел на редкость приятно. Была очередь супругов Мегрэ принимать у себя чету Пардонов. Между ними существовало, укрепившееся с годами, молчаливое соглашение.

Раз в месяц Мегрэ с женой ужинали у Пардонов на бульваре Вольтер. Через две недели наступал их черед принимать у себя на бульваре Ришар Ленуар чету Пардонов.

Женщины каждый раз старались приготовить роскошное угощение и обменивались рецептами, а мужчины мирно беседовали, потягивая сливовую или малиновую наливку из Эльзаса.

Сегодня ужин особенно удался. Мадам Мегрэ зажарила молодых цесарок, а комиссар принес из погреба одну из последних бутылок Шато-дю-Пап,— однажды удалось купить на распродаже целый ящик.

Вино было отменное, и они осушили бутылку до дна. Сколько рюмок сливянки выпили они затем? Во всяком случае, разбуженный среди ночи Мегрэ чувствовал себя явно не в форме.

Он хорошо знал Мориса Марсиа. Его знал весь Париж. Когда Мегрэ начинал работать в полиции, ему случалось допрашивать Марсиа в своем кабинете. Правда, Марсиа в те времена еще не был такой важной птицей.

Позже комиссар изредка ужинал с женой в ресторане на улице Фонтен, который славился превосходной кухней.

Когда мадам Мегрэ принесла ему чашку кофе, он был уже почти одет.

— Что-нибудь серьезное?

— Эта история может наделать много шума.

— Я его знаю?

— Мсье Морис, так его называют все. Точнее, Морис Марсиа.

— Из «Сардины»?

Комиссар утвердительно кивнул головой.

— Его убили?

— Как будто... Пойду-ка взгляну сам.

Он медленно допил кофе, набил трубку, потом приоткрыл окно — взглянуть, какая погода. Дождь шел по-прежнему, но такой мелкий и редкий, что его капли мерцали в бликах фонарей.

— Наденешь плащ?

— Не стоит... Очень тепло...

Стоял май, чудесный май, но вот прошла гроза, и погода испортилась, весь день напролет моросил дождь.

— До скорого...

— Знаешь, цесарки были восхитительны...

— И все-таки это, наверное, не слишком легкая пища...

Он предпочел промолчать, так как сегодняшний ужин до сих пор напоминал о себе тяжестью в желудке.

Маленькая черная машина стояла у подъезда.

— Авеню Жюно...

— Номер?

— Там наверняка толпа...

Улицы казались черными. Движения уже почти не было, потому они добрались до Монмартра всего за несколько минут. Зато по самому Монмартру двигаться оказалось труднее — там всю ночь открыты кафе и в любое время бродят толпы туристов. Авеню Жюно находилось вне этой шумной зоны, его окаймляли невысокие дома, где жили художники.

Справа на тротуаре толпился народ. Несмотря на поздний час, в окнах горел свет.

Приехавший раньше Мегрэ комиссар этого округа — невысокий, худой и застенчивый — подошел к Мегрэ.

— Рад, что вижу вас здесь, господин Дивизионный комиссар... Это дело вызовет много шума...

— Вы уверены в подлинности личности?

— Вот его бумажник...

Он протянул комиссару бумажник из черной крокодиловой кожи, в котором лежали только удостоверение личности, водительские права и вырванный листок из блокнота, где были записаны несколько номеров телефона.

— Деньги?

— Пачка ассигнаций, три или четыре тысячи франков, я не считал, в заднем кармане брюк.

— Оружие?

— Пистолет «Смит и Вессон», которым давно не пользовались.

Мегрэ наклонился над телом, и ему показалось странным, что он смотрит на мсье Мориса сверху вниз. Убитый, как всегда в вечерние часы, был в смокинге, а на манишке расплылось пятно крови.

— Никаких следов на тротуаре?

— Нет.

— Кто обнаружил тело?

— Я...— послышался за его спиной тихий голос.

Это произнес старик. Седые волосы образовывали сверху на его голове подобие нимба. Мегрэ узнал довольно знаменитого художника, но не мог вспомнить его имя...

— Я живу в доме напротив... Ночью иногда просыпаюсь, а снова заснуть трудно...

На нем была пижама, сверху — старый дождевик. На ногах — красные комнатные туфли.

— Когда не спится, я подхожу к окну. Авеню Жюно — спокойная, безлюдная улица... Машины ходят редко... Я очень удивился, когда заметил, что на тротуаре лежит что-то черно-белое, и спустился посмотреть... Я позвонил в комиссариат... Эти господа явились на машине под рев сирены, и в окнах сразу же появились зеваки.

Кроме официальных лиц, стояло еще человек двадцать — прохожие, соседи в ночных рубашках и пижамах. Местный врач заявил:

— Мне здесь больше нечего делать... Я не сомневаюсь в том, что он действительно мертв... Остальное уже дело судебного медика.

— Я ему позвонил,— заметил комиссар полиции,— и предупредил прокуратуру.

Как раз при этих словах подъехал и вышел из машины товарищ прокурора с секретарем. Он удивился, увидев Мегрэ:

— Вы полагаете, дело серьезное?

— Боюсь, что да... Вы знаете Мориса Марсиа?

— Нет.

— Вам никогда не случалось ужинать в ресторане «Сардина»?

Пришлось ему объяснить, что в этом ресторане можно встретить не только высший свет и людей искусства, но и воротил преступного мира.

Доктор Бурже, судебный медик, который сменил ушедшего на пенсию доктора Поля, склонился над телом, осмотрел рану, освещая ее электрическим фонариком, который всегда носил с собой.

— Если не ошибаюсь, всего одна пуля, но большого калибра, стреляли в упор.

— В котором часу наступила смерть?

— Если его привезли сюда сразу, преступление, должно быть, совершилось в полночь... Допустим, между двенадцатью и часом ночи... Точнее скажу после вскрытия...

Мегрэ подошел к Вельяру, инспектору восемнадцатого округа, который скромно стоял в стороне.

— Вы знали мсье Мориса?

— Только в лицо и по рассказам.

— Он живет в этом квартале?

— Нет, кажется, в девятом округе... Где-то возле улицы Баллю...

— Может быть, у него была любовница в этих краях?

Действительно странно, притащить мертвеца на другой конец города и бросить его здесь, на тихой улице Жюно.

— Думаю, я бы об этом слышал. Инспектор девятого округа Луи знает все уголки Пигаль, как свои пять пальцев, уж он-то должен быть в курсе дела.

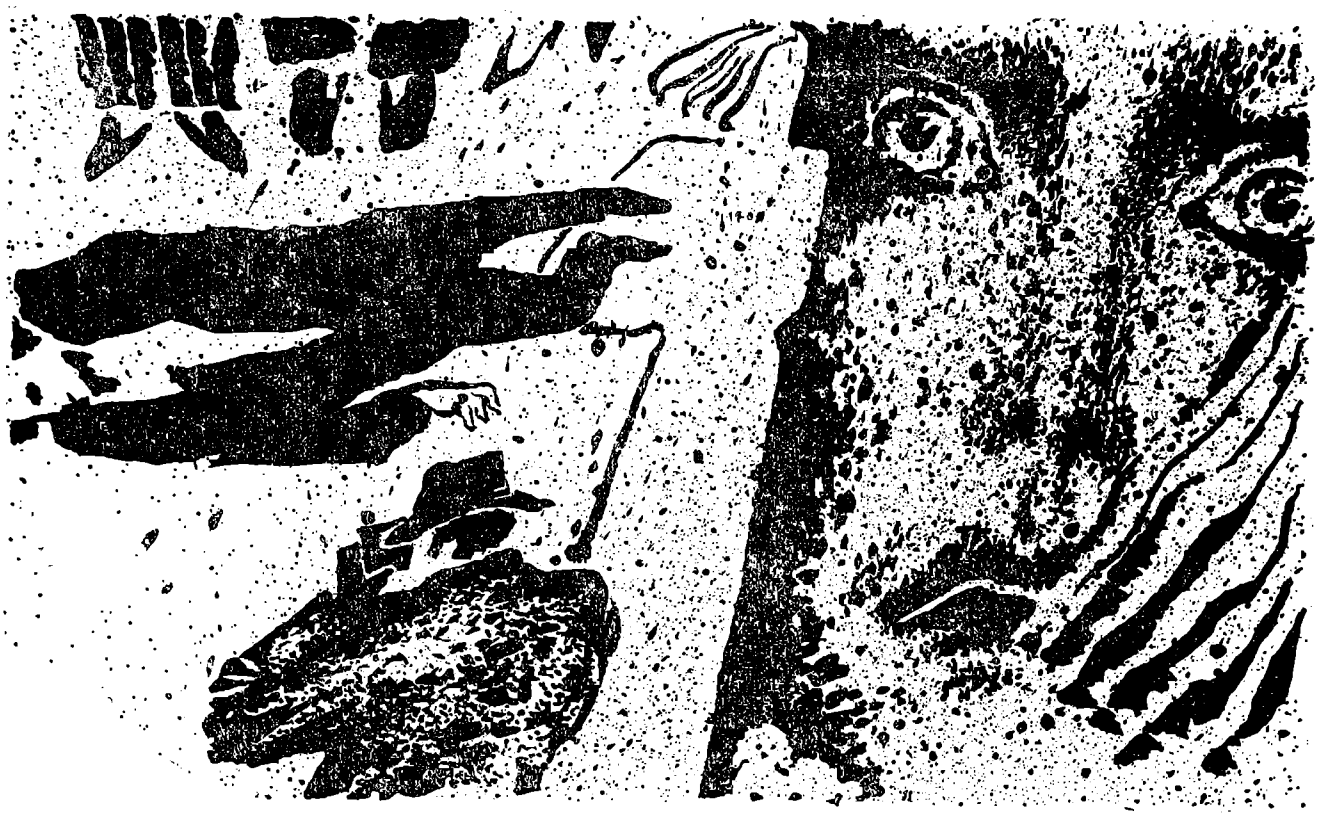
Пожав всем руки, Мегрэ уселся в маленькую черную машину как раз в ту минуту, когда подъехал высокий, рыжий журналист со всклокоченными волосами.

— Мсье Мегрэ...

— Не сейчас... Обращайтесь к инспектору или к комиссару полиции.

И он бросил шоферу:

— Улица Баллю...



Заглянув в удостоверение личности убитого, он добавил:

— Дом двадцать один «б».

Машина остановилась возле довольно большого особняка, который когда-то принадлежал одному владельцу, а позже был переделан для сдачи квартир в наем. Справа от входной двери висела медная дощечка с фамилией дантиста, принимавшего на третьем этаже, на другой сообщалось, что кабинет невропатолога находится на четвертом.

Звонок разбудил консьержку.

— Я к мсье Марсиа.

— Мсье Марсиа никогда в это время не бывает дома.

— А мадам Марсиа?

— Кажется, вернулась. Не думаю, что она вас примет. Попробуйте, если дело срочное. Это на втором, налево. Они занимают весь этаж, но правая дверь заколочена.

Широкая лестница была покрыта толстым ковром, стены облицованы желтым мрамором. На двери слева никакой таблички. Мегрэ нажал кнопку звонка.

Тишина. Он позвонил снова. Наконец, в квартире послышались шаги. Не открывая двери, женщина спросила заспанным голосом:

— Кто там?

— Комиссар Мегрэ.

— Мужа нет дома. Обратитесь в ресторан на улице Фонтен.

— Там его тоже нет.

— Вы там были?

— Нет. Но я знаю.

— Подождите минутку. Сейчас надену халат.

Когда она открыла дверь, на ней был золотисто-желтый пеньюар, накинутый на белую шелковую ночную рубашку. Мадам Марсиа выглядела намного моложе своего мужа. Высокая блондинка, худая и стройная, как манекенщица или танцовщица из кабаре. На вид ей можно было дать лет тридцать.

Она с безразличным видом посмотрела на комиссара.

— Почему вы ищете моего мужа в такой час? Входите...

Она открыла дверь в большую гостиную и зажгла свет.

— Когда вы в последний раз видели мужа?

— Как обычно, около восьми вечера, когда он отправился к себе в ресторан.

— На машине?

— Конечно, нет. Это ведь недалеко отсюда.

— Он никогда не берет машину, чтобы вернуться домой?

— Только в проливной дождь.

— Вам случается его сопровождать?

— Нет.

— Почему?

— Мне нечего делать в его ресторане.

— Выходит, все вечера вы проводите здесь?

Казалось, подобные вопросы были для нее неожиданными, но ни обиды, ни удивления она не выказывала.

— Почти все. Иногда бываю в кино.

— Вы не заходите в ресторан к мужу пожелать ему доброй ночи?

— Нет.

— Сегодня вечером вы были в кино?

— Нет.

— Выходили из дома?

— Нет... Только выводила собаку... Всего на несколько минут, шел дождь.

— В котором часу?

— Около одиннадцати... Может быть, немного позже.

— Вы не встретили никого из знакомых?

— Нет... Но почему вы задаете эти вопросы и почему вас интересует, как я проводила время сегодня вечером?

— Ваш муж умер...

Глаза у нее стали огромными. Они были светло-голубые, очень выразительные. Потом она открыла рот, словно хотела крикнуть, но у нее пропал голос, она поднесла руку к груди, вытащила из кармана пеньюара платок и уткнулась в него лицом.

Неподвижно сидя в неудобном кресле в стиле Людовика XV, Мегрэ ждал.

— Сердце? — наконец спросила она, скатав носовой платок в комочек.

— Что вы имеете в виду?

— Муж старался об этом не говорить, но он страдал болезнью сердца и лечился у профессора Жардена...

— Он умер не от болезни сердца... Его убили...

— Где?

— Этого я не знаю. Тело бросили на авеню Жюно.

— Это невозможно... У него не было врагов...

— Надо полагать, хоть один-то был, раз его убили.

— Где он сейчас?

— В институте судебной медицины...

— Вы хотите сказать, что там...

— Да, сейчас идет вскрытие... Это обязательно...

Из глубины коридора показалась белая собачка. Она лениво подошла и потерлась о ноги хозяйки.

— Что говорят в ресторане?

— Я там еще не был. А что могут сказать?

— Почему он ушел так рано? Ведь он всегда уходит последним, сам запирает дверь перед тем как проверить кассу.

— Вы там работали?

— Нет. Ведь это обычный ресторан, а не кабаре.

— Вы танцовщица?

— Да.

— Вы сейчас танцуете?

— С тех пор как вышла замуж, нет.

— А сколько лет вы замужем?

— Четыре года...

— Где вы познакомились?

— В «Сардине»... Я танцевала в «Канарейке»... После работы, если было не очень поздно, заходила туда поужинать.

— Там он вас и заметил?

— Да.

— В ваши обязанности также входило развлекать клиентов?

Лицо у нее приняло ледяное выражение.

— Смотря что вы под этим понимаете. Если клиент приглашает сесть к нему за столик, мы не отказываемся распить с ним бутылку шампанского, но не больше...

— У вас был любовник?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Пытаюсь узнать, кому мог встать на пути ваш муж.

— Когда мы познакомились, у меня не было любовника.

— Ваш муж был ревнив?

— Очень.

— А вы ревновали его?

— Не кажется ли вам, господин комиссар, что подобный вопрос — крайняя бестактность, если учесть, что я только что узнала о смерти мужа?

— У вас есть собственная машина?

— Морис подарил мне недавно «Альфа-Ромео».

— Какая у него машина?

— «Бентли».

— Он сам водил?

— У него был шофер, но случалось, что он водил и сам.

— Прошу прощения, что доставил вам такие неприятные минуты, но, увы, такова моя профессия.

Он поднялся, вздыхая. В большом салоне, где всю середину занимал роскошный китайский ковер, царила тишина.

Она проводила его до двери.

— Вероятно, в ближайшие дни мне придется задать вам новые вопросы. Как удобнее, вызвать вас на набережную Орфевр или прийти к вам сюда?

— Лучше здесь...

— Благодарю вас...

В ответ она сухо попрощалась.

Он по-прежнему ощущал тяжесть в желудке, гудела голова.

— В ресторан «Сардина» на улицу Фонтен.

Возле ресторана еще стояло несколько роскошных машин, а швейцар в ливрее ходил взад и вперед по тротуару. Мегрэ вошел в ресторан и сразу почувствовал дуновение свежего воздуха — в зале работал кондиционер.

Метрдотель Рауль Комита, которого комиссар хорошо знал, поспешил ему навстречу.

— Вам столик, мсье Мегрэ?

— Нет.

— Если вы к хозяину, то его нет.

Метрдотель был лысый, с болезненным лицом.

— Он ведь редко отсутствует? — спросил Мегрэ.

— Практически никогда...

В просторном зале ресторана стояло двадцать или двадцать пять столиков. Потолок был украшен тяжелыми резными балками. Стены на три четверти облицованы мореным дубом. Обстановка выглядела добротной, богатой, лишенной тех признаков безвкусицы, которые часто сопутствуют убранству в деревенском стиле.

Шел четвертый час ночи. В зале оставалось не больше десятка посетителей, в основном артистов, которые заканчивали ужин.

— В котором часу ушел Марсиа?

— Точно сказать не могу, примерно около полуночи.

— Вас это не удивило?

— Разумеется. Такое случалось не больше трех или четырех раз за двадцать лет. Впрочем, вы его знаете. Я обслуживал вас много раз, когда вы приходили с вашей дамой. Патрон всегда в смокинге. Однако он замечает все. Думаешь, что он в зале, а он уже в кухне или у себя в кабинете.

— Он вам обещал, что скоро вернется?

— Он только тихо произнес: «До скорого». Мы стояли в вестибюле. Ивонна протянула ему шляпу. Я увидел, что идет дождь и посоветовал ему взять

плащ, который висел тут же на крючке. Но он сказал: «Не стоит... Мне недалеко»...

— Он выглядел озабоченным?

— Трудно что-либо прочесть по его лицу.

— Может быть, раздраженным?

— Нет, что вы!

— Перед уходом он ни с кем не говорил по-телефону? Ему никто не звонил?

— Нужно спросить у кассирши. Все телефонные разговоры проходят через нее. Но скажите мне... К чему все эти вопросы?

— Он убит выстрелом из пистолета, а тело обнаружено на тротуаре на авеню Жюно...

Лицо метрдотеля словно застыло, а нижняя губа слегка задрожала.

— Это невозможно,— пробормотал он.— Кто мог такое сделать?.. У него нет врагов... В сущности, он очень славный человек, очень счастливый... Он так гордился достигнутым положением... Там что, произошла драка?

— Нет. Его убили где-то в другом месте, а потом перевезли, вероятно на машине, на авеню Жюно. Вы, кажется, сказали, что из ресторана он вышел в шляпе?

— Да.

— Покойный был без шляпы. Я должен задать несколько вопросов кассирше.

Метрдотель поспешил к столику, за которым сидели клиенты, спросившие счет. Счет был уже готов, и он понес его на тарелке, наполовину прикрыв салфеткой.

Кассирша оказалась маленькой худощавой брюнеткой с красивыми черными глазами.

— Я комиссар Мегрэ...

— Знаю...

— Думаю, нет смысла скрывать от вас: вашего хозяина убили.

— Ах, вот о чем вы так таинственно говорили с Раулем... У меня подкашиваются ноги... Он только что стоял там, где стоите вы...

— Ему никто не звонил?

— Звонили за несколько минут перед его уходом.

— Мужчина? Женщина?

— Этого я как раз и не поняла. Так мог говорить и мужчина с высоким голосом, и женщина с низким.

— Раньше вам не приходилось слышать этот голос?

— Нет. Попросили позвать к телефону мсье Мориса...

— Его так и назвали?

— Да, как все завсегдатаи. Я поинтересовалась, кто его спрашивает, и мне ответили: «Сейчас я ему сам сообщу». Я подняла глаза и увидела рядом мсье Мориса. «Это меня? Кто?» Не знаю,— сказала я. Он нахмурил брови и протянул руку за трубкой. Я, конечно, не слышала, что говорили на другом конце провода. «Что, что?.. Я вас плохо слышу... Да?.. Вы в этом уверены?.. Ну, только попадитесь мне в руки...» — сказал мсье Морис. Видимо, звонили из автомата, я слышала щелчок — опустили монету. «Я знаю не хуже вас, где это находится»,— говорил мсье Морис. Он резко повесил трубку и направился к двери, но вдруг вернулся и прошел к себе в кабинет, за кухней.

— Часто он туда ходил?

— По вечерам очень редко. Когда приходил в ресторан, шел просмотреть почту. После закрытия я приносила ему туда счета, и мы вместе проверяли...

— Деньги остаются в ресторане до утра?

— Нет, он уносит их в специальном портфеле.

— Полагаю, он имел при себе оружие?

— Он перекладывал пистолет из ящика в карман...

Этой ночью рано было уносить выручку, однако же мсье Морис вернулся к себе в кабинет за пистолетом.

— Может быть, здесь лежит еще какое-то оружие?

— Нет. Я видела только этот пистолет.

— Не проведете ли вы меня к нему в кабинет?

— Минутку...

Она протянула какой-то счет Раулю.

— Пройдемте сюда...

Они прошли по коридору с окрашенными в зеленый цвет стенами. Слева, через застекленную перегородку, была видна кухня, где четверо поваров наводили порядок.

— Это здесь... Я думаю, что вы имеете право войти...

Кабинет скромный, обставлен безо всякой роскоши. Три добротных кожаных кресла, письменный стол красного дерева в стиле ампир, позади него — сейф и полки с книгами и журналами.

— Деньги лежат в сейфе?

— Нет. Только бухгалтерские отчеты. Можно было бы обойтись и без сейфа. Когда мсье Морис откупил ресторан, сейф уже стоял здесь, и новый хозяин не стал его убирать.

— Где обычно лежал пистолет?

— В правом ящике...

Мегрэ выдвинул ящик. Там лежали бумаги, сигары, сигареты, но пистолета не было.

— А что, мадам Марсиа часто звонила мужу?

— Почти никогда.

— Она не звонила этой ночью?

— Нет. К телефону подхожу только я.

— А он? Он ей не звонил?

— Редко. Даже не помню, когда он звонил в последний раз. Кажется, перед прошлым рождеством.

— Благодарю вас.

Мегрэ чувствовал себя очень усталым и тяжело опустился на сиденье маленькой черной машины.

— Бульвар Ришар-Ленуар.

Дождь перестал, мостовая по-прежнему блестела, но небо на востоке стало проясняться.

Он смутно ощущал, что эта история выглядит как-то странно. Разумеется, мсье Морис не был святым. Он провел бурную молодость и не раз был судим за сводничество.

Затем, к тридцати годам, он поднялся по социальной лестнице, став хозяином публичного дома, одного из самых известных в те времена в Париже на улице Ганновер.

По документам дом был записан на другое лицо. Добрую часть дня Марсиа проводил либо на скачках, либо играл в карты с другими подозрительными личностями в бистро на улице Массэ.

У него была кличка — Судья. Уверяли, что если в их среде случались раздоры, последнее слово оставалось за ним.

Морис был красив, одевался у лучших портных и носил только шелковое белье. Он был женат и уже снимал ту же квартиру на улице Баллю.

С возрастом он пополнел, и это придавало ему большую уверенность в себе.

Вот досада! Мегрэ забыл спросить у кассирши, не

говорил ли человек, звонивший по телефону, с акцентом. Иногда такая деталь может иметь значение.

А пока в голове у него был сплошной туман. Ему вспомнилась фраза, сказанная Морисом Марсиа во время их последнего свидания на набережной Орфевр. Сам Марсиа не был тогда под подозрением, но бармен из его ресторана подозревался как соучастник ограбления банка в Пюто.

— Что вы можете сказать об этом Фрэдди?

Бармена звали Фрэдди Страциа. Он был родом из Пьемонта.

— По-моему, он хороший бармен.

— Вы считаете его порядочным человеком?

— Видите ли, господин комиссар, смотря что вы под этим понимаете. Среди порядочных людей есть разные! Когда мы с вами познакомились и оба, если можно так выразиться, были дебютантами, я не считал себя человеком непорядочным, но это мнение ни вы, ни судьи не разделяли. Мало-помалу я изменился... Можно сказать, потратил около сорока лет, чтобы стать порядочным человеком. Такое бывает только с людьми, которые переходят в другую веру... Такие люди становятся фанатиками новой религии. Они, воспитавшие в себе эти достоинства, намного щепетильнее других. Вы спрашиваете у меня, порядочный ли Фрэдди? Я бы не дал, конечно, голову на отсечение, но уверен, что он не такой идиот, чтобы впутаться в подобное грязное дело.

Машина остановилась перед домом Мегрэ. Комиссар поблагодарил шофера и медленно, с трудом переводя дыхание, стал подниматься по лестнице. Ему не терпелось поскорее лечь в постель.

— Устал?

— Еле живой...

Через десять минут он уже спал.

Было около одиннадцати утра, когда он проснулся и мадам Мегрэ тут же принесла ему в постель чашечку кофе.

— Смотри,— удивился он.— Солнце выглянуло.

— Ты задержался так поздно из-за дела на улице Фонтен?

— Откуда ты знаешь?

— Из газет. Слышала по радио. Кажется, этот мсье Морис типичный парижанин?

— Не простой парижанин, а довольно заметная личность,— поправил он.

— Ты его знал?

— С тех пор как начал работать в Уголовной полиции.

— А почему они решили выбросить труп на авеню Жюно?

— Пока мне еще ничего не понятно,— признался он.— Тем более что у Марсиа в кармане лежал пистолет.

— Ну и что?

— Странно, почему он не выстрелил первым... Вероятно, он был чем-то взволнован или удивлен.

Мегрэ в халате опустился в кресло, снял телефонную трубку и набрал номер Уголовной полиции.

Люкас, отдежуривший ночью, уже преспокойно спал дома. К телефону подошел Жанвье.

— Устали, шеф?

— Нет. Кажется, дело сдвинулось. Ты в курсе?

— Да, просмотрел газеты, свежие рапорты, в частности, рапорт комиссара восемнадцатого... Еще звонил доктор Бурде.

— Что он сказал?

— Стреляли с расстояния в метр, может быть, полтора. Оружие — скорее всего бульдог калибра тридцать два или тридцать восемь. Пуля в лаборатории. Что касается бедняги Марсиа, то смерть наступила почти сразу от внутреннего кровоизлияния.

— Он потерял много крови?

— Очень мало...

— У него было больное сердце?

— Бурде этого не сказал. Хотите, я ему позвоню?

— Я сам позвоню. Я буду у себя, наверное, после полудня. Если узнаешь что-нибудь новое, позвони мне.

Через несколько минут он уже говорил по телефону с доктором Бурде.

— Вам, вероятно, удалось поспать,— сказал он Мегрэ.— А вот я работал до девяти утра, потом мне принесли еще одного пациента, вернее, пациентку.

— Скажите, доктор, вы чего-нибудь не заметили помимо раны, ну, допустим, симптомов болезни?

— Нет. Это был здоровый человек, прекрасно сохранившийся для своего возраста...

— А сердце?

— Насколько я могу судить, сердце было в хорошем состоянии...

— Благодарю вас, доктор.

Но ведь Лина, белокурая жена Марсиа, сказала, что время от времени ее муж ходил на консультацию к профессору Жардену. Он позвонил профессору домой, но, не застав, связался с больницей.

— Извините за беспокойство, господин профессор... Говорит комиссар Мегрэ. Кажется, сегодня ночью умер один из ваших пациентов... Ужасная смерть... Я говорю о Морисе Марсиа...

— Хозяин ресторана на Монмартре?

— Да.

— Я консультировал его один-единственный раз. По-моему, он собирался застраховать свою жизнь и перед официальным врачебным осмотром захотел показаться врачу по своему выбору.

— И что же?

— Сердце прекрасное.

— Благодарю вас...

— Ну что,— спросила мадам Мегрэ.— Он был болен?

— Нет.

— Почему же его жена тебе сказала?

— Я знаю не больше, чем ты. Дай мне еще чашку кофе.

— Что тебе хочется на обед?

Он еще не забыл о беспокоившей его ночью тяжести в желудке.

— Ветчину, картошку с маслом и зеленый салат...

— И это все? Ты объелся моими цесарками?

— Да нет... Просто мы с Пардоном слишком налегли на сливянку... Не считая того, что вино...

Он поднялся, вздыхая, и зажег свою первую трубку, потом расположился у открытого окна. Не прошло и десяти минут как зазвонил телефон.

— Алло, шеф! Это Жанвье. Ко мне только что приехал инспектор Луи из девятого... Он надеялся повидать вас... Похоже, он хочет рассказать вам что-то интересное... Он спрашивает, можно ли прийти днем.

— Пусть приходит ко мне в кабинет к двум...

Луи — странный человек. Он стал вдовцом лет пятнадцать назад и до сих пор одевался во все чер-

ное, словно все еще носил траур по жене. Коллеги между собой называли его Вдовцом.

Он никогда не смеялся и не шутил. Если дежурил у себя в кабинете, то работал без передышки. Поскольку он не курил, то даже не тратил время на то, чтобы раскурить трубку или зажечь сигарету.

Чаще всего он работал вне стен полиции и, как правило, по ночам. Он знал, как свои пять пальцев, квартал Пигаль.

Если Луи вызывал к себе на допрос проститутку или сутенера, то всегда имел на то веские основания. Поэтому местная публика поглядывала на него с опаской.

Он безвыездно жил в квартире по другую сторону бульвара, на улице Лепик. Он и родился в этом квартале. Его часто видели в магазинах, куда он сам ходил за покупками.

Он доподлинно знал родословную всей местной шпаны, историю всех девиц легкого поведения.

Луи заходил в бары, никогда не снимая шляпы, неизменно заказывал бутылочку Виши и долго сидел, поглядывая на посетителей. Иногда обращался к бармену:

— А я и не знал, что Фрэнсис вернулся из Тулона.

— Вы точно знаете?

— Он сейчас заметил меня и скрылся в туалете.

— Я еще его не видел... Странно... Обычно, приехав в Париж, он заходит поприветствовать меня.

— Вероятно, я его спугнул.

— С кем он был?

— С Мадлен.

— Это его прежняя.

Луи никогда ничего не записывал, но тем не менее имена, фамилии и прозвища всех этих дам и господ хранились в его памяти, как в хорошей картотеке.

Улица Фонтен относилась к его участку и, должно быть, он знал о мсье Морисе намного больше, чем Мегрэ и все остальные. Кроме того, раз он сам явился на набережную Орфевр, то, наверное, не случайно. Ведь он был человеком робким.

Луи прекрасно понимал, что выше звания инспектора ему не подняться, и благоразумно смирился с этим, работая не за страх, а за совесть. Работа была единственной его страстью, и он посвятил ей всю свою жизнь.

— Я спущусь купить ветчины...

Мегрэ смотрел, как она шла в сторону улицы Сервандони. Ему повезло с женой, и он благодарно улыбнулся.

Сколько времени успели прожить супруги Луи, пока жена не попала под автобус? Наверное, несколько лет, не больше. Ведь тогда ему было всего тридцать. В тот день он, как и сейчас Мегрэ, смотрел в окно и несчастный случай произошел прямо у него на глазах.

Мегрэ постучал по дереву, хотя у него не было такой привычки, и не отошел от окна, пока не убедился, что жена снова пересекла бульвар и вошла в парадное.

Луи — не имя, а фамилия инспектора. Раньше Мегрэ подумывал о том, чтобы взять его к себе в бригаду, но Луи был таким мрачным, что его приход мог бы отрицательно сказаться на общей атмосфере в группе инспекторов.

— Бедняга!

— Ты говоришь сам с собой?

— А что я сказал?

— Ты сказал: «бедняга». Ты думал о Марсиа?

— Нет, я вспомнил об одном человеке, который пятнадцать лет назад потерял жену и до сих пор носит траур.

— Неужели он одет во все черное?.. Нынче это не принято...

— Да, именно, во все черное. Ему неважно, что думают о нем другие. Некоторые, увидев его впервые, принимают за духовное лицо и обращаются к нему: «отец».

— Ты не бреешься? Не будешь принимать ванну?

— Обязательно буду... Так приятно, когда не нужно никуда спешить...

И докурив трубку, он пошел в ванную.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Окна в кабинете Мегрэ были открыты, и туда проникали дуновения свежего воздуха, доносился шум машин с моста Сен-Мишель.

Инспектор Луи сидел на краешке стула, который любезно предложил ему комиссар. Движения его были такими замедленными, что казались почти торжественными, как и его черное одеяние, особенно бросавшееся в глаза в этот весенний день.

— Благодарю вас, господин Дивизионный комиссар за то, что вы согласились меня принять...

На его нежной, молочно-белой, как у женщины, коже резко выделялись густые черные усы, губы были красные, словно накрашенные, но тем не менее в его облике не чувствовалось ничего женственного.

Видимо, он был робким уже в школе, из тех, кто краснеет и заикается, стоит учителю задать ему какой-нибудь вопрос.

— Я хотел, с вашего разрешения, спросить вас...

— Пожалуйста.

— Тело обнаружено на авеню Жюно, значит, следствие будут вести инспекторы восемнадцатого округа?

Прежде чем ответить, Мегрэ пришлось подумать.

— Они, конечно, станут допрашивать случайных свидетелей, будут искать машину, которая среди ночи остановилась на авеню Жюно, вызовут старого художника, который известил полицию, и других соседей.

— А дальнейшее следствие?

— Как вам известно, это уже дело бригады Уголовной полиции, но это не помешает нам просить и принимать помощь инспекторов данного округа. Вы ведь хорошо знаете Монмартр, не так ли?

— Там родился и живу до сих пор.

— Вы были знакомы с Морисом Марсиа?

— И с ним, и с его служащими.

Луи покраснел. Он должен был сделать над собой усилие, чтобы сказать то, что собирался.

— Видите ли, главным образом я работаю по ночам. В результате я стал прекрасно ориентироваться в этом мире. На Пигаль ко мне привыкли. Я перекидываюсь несколькими словами то с одним, то с другим... Захожу в бары, в кабаре, где, не дожидаясь моей просьбы, мне приносят бутылочку Виши.

— Полагаю, раз вы пришли ко мне, значит, у вас есть какие-то соображения по делу об убийстве Марсиа.

— По-моему, я знаю, кто его убил.

Откинувшись в кресле, Мегрэ спокойно покуривал

свою трубку, глядя на своего собеседника с любопытством, смешанным с некоторой долей восхищения.

— Ваши предположения на чем-то основаны?

— И да, и нет.

Он был смущен и не осмеливался смотреть комиссару прямо в лицо.

— Сегодня утром мне позвонили.

— Собеседник назвался?

— В общем, нет... Уже много лет мне звонит один и тот же человек...

— Мужчина или женщина?

— Мужчина... Он каждый раз отказывается назвать свое имя... Когда на Монмартре происходит что-нибудь из ряда вон выходящее, он звонит мне и начинает так: «Это я...» Я узнаю его голос. Он звонит из автомата и, не теряя времени, сообщает главное, например: «В квартале Ля шапель готовится вооруженное нападение... Это банда Колья».

Мегрэ заметил:

— Но Колья в тюрьме и просидит еще долго.

— Действуют его сообщники.

— А ваш анонимный осведомитель никогда не ошибается?

— Нет.

— И не требует у вас денег?

— Нет. Даже не требует закрывать глаза на какие-нибудь незаконные махинации...

Слова инспектора заинтересовали Мегрэ.

— И он звонил вам сегодня утром?

— Да. В восемь часов, перед тем как я обычно выхожу за покупками... Я живу один и вынужден сам заниматься хозяйством.

— Что он вам сказал дословно?

— Что Марсиа убил один из братьев Мори...

— И все?

— Все. Вы знаете братьев Мори, Манюэля и Джо?

— Вот уже больше двух лет мы пытаемся захватить их на месте преступления. Однако до сих пор не можем предъявить им ничего конкретного.

— Я тоже за ними слежу. Они живут порознь. Манюэль, старший, ему тридцать два года, занимает просторную, можно даже сказать, роскошную квартиру на улице Лябрюйер.

В двух шагах от «Сардины».

— Младшему, Джо, двадцать девять. Он снимает две комнаты, спальню и гостиную в отеле «Острова» на авеню Трюден... Эти сведения должны быть здесь, на набережной, в их досье. Они открыли дело по импорту фруктов и овощей на улице дю Кэр. Один из них обязательно находится там. Это большое продолговатое помещение на первом этаже. Вход прямо с улицы.

— Они связаны с Морисом?

— Иногда у него ужинают. И не только они. Многие подозрительные личности бывают в этом ресторане.

— А что, Марсиа при случае им как-то помогал?

— Не думаю. Он стал осторожным и боялся рисковать своей репутацией.

— О ком из братьев говорил ваш осведомитель?

— Он не уточнял, но наверняка будет и второй звонок. Поэтому я и осмелился просить, чтобы вы меня приняли.

— Вы хотели бы участвовать в следствии?

— Я хотел бы участвовать в нем официально. Я никогда не занимаюсь тем, что выходит за рамки моих обязанностей. Мне можно доверять. Обещаю, что буду подробно информировать вас о том, что мне удастся обнаружить.

— Вы хорошо знаете братьев Мори?

— Я часто встречаю их в барах... У Манюэля была любовница, уроженка Мартиники, очень красивая...

— Где она теперь?

— Выступает в кабачке для туристов.

— Кем он ее заменил?

— Никем. Я всегда вижу его одного или с братом... А тот живет вместе с молодой девушкой, приехавшей из провинции, по имени Марсель, ей двадцать два года...

— Может быть, она и есть слабое звено в этой цепи?

— Нет, это девушка с характером и безумно влюблена в Мори...

— Думаете, она в курсе дел обоих братьев?

— Не знаю, насколько они ей доверяют... Им приписывали не менее десяти одинаковых ограблений, совершенных по одной и той же методе. Местом преступления всегда выбирался замок или богатое поместье в провинции, примерно в 150 километрах от Парижа.

Грабители прекрасно осведомлены о ценностях, картинах или антикварной мебели, находящихся в доме. Они точно знают, когда отсутствуют хозяева и сколько человек в охране.

Действуют они тихо, без взлома. Меньше чем за час вывозят все, что так или иначе можно реализовать. Для этого по меньшей мере нужен один грузовик.

Кстати, братья Мори располагали двумя грузовиками, необходимыми в торговле фруктами. По странной случайности, дело свое они организовали тоже два года назад.

Манюэль прежде работал у одного предпринимателя на Центральном рынке. Джо три года прослужил в конторе архитектора.

Но где они хранили награбленные богатства? Вероятно, поблизости от Парижа, в какой-нибудь вилле или доме, снятом на чужое имя.

— А кто мог сторожить награбленное?

— Точно не уверен, но думаю, мамаша Мори.

— Вы ее знаете?

— Никогда не видел. Знаю только, что она существует. Она жила с детьми в Арле. Когда сыновья подались в Париж, она еще на несколько лет осталась на Юге с дочерью. Теперь дочь вышла замуж и переехала в Марсель.

Значит, уже давно инспектор Луи методично работал в одиночку, не прибегая к помощи громоздкого аппарата полиции.

— Откуда вам все это известно?

— Я наблюдаю, прислушиваюсь. У меня осведомители в разных уголках страны. Мне тоже иногда случается оказывать им услуги.

— Что делает мамаша Мори?

— Продала дом в Арле со всем имуществом и больше там не показывалась.

— Бьюсь об заклад, что вы уже пошарили по деревням близ Парижа.

— Да, мне случается в выходные дни или во время отпуска заниматься такими поисками.

— Вы ничего не нашли?

— Пока нет.

Он снова покраснел, как бы стыдясь, что не оправдал доверия.

— Что вы знаете о мадам Марсиа?

— Вы имеете в виду последнюю? Ведь до нее была другая, с которой он прожил около двадцати лет. Они жили дружно. Правда, он подобрал ее на улице, но сделал из нее настоящую даму. Когда она умерла от рака, он очень переживал и долгое время был просто сам не свой.

Как-то в молодости Мегрэ пришлось поработать инспектором на улицах, потом на вокзалах, в метро, в больших магазинах. В то время он хорошо знал уголовный мир Парижа.

Теперь он был отгорожен четырьмя стенами своего кабинета, а его начальник был весьма недоволен, если Мегрэ случалось заходить к подозреваемому домой.

— Где он познакомился со второй женой, Линой?

— Сначала она работала танцовщицей в «Табарене», потом в «Канарейке». Думаю, там он ее и увидел. Несмотря на профессию, она отличалась скромностью, вела себя пристойно и, говорят, никогда не уединялась с клиентами. У нее, кажется, есть образование.

— Неужели вы знаете, откуда она родом, кто ее родители, где училась?

Инспектор Луи снова покраснел.

— Родилась она в Брюсселе. Ее отец работал там в банке. До восемнадцати лет училась, потом поступила на работу в тот же банк, а через некоторое время сбежала в Париж с молодым человеком, художником, который собирался сделать карьеру. Однако известность не пришла так быстро, как он надеялся, и Лина устроилась продавщицей в магазин на Больших Бульварах. Художник ее бросил, и она очутилась в «Табарене», где сначала была статисткой...

Мегрэ уже много лет знал инспектора Луи. Правда, встречались они крайне редко и почти не сталкивались по работе. Одно время Мегрэ считал его напыщенным дураком, но потом понял, что ошибался и что Луи умный малый.

Сейчас он смотрел на него с любопытством, граничащим с восхищением.

— Вы знаете подноготную всех обитателей Монмартра?

— Со временем информация накапливается.

— Вы ведете досье?

— Нет. Держу все в голове. Ведь я ничем больше не занимаюсь, меня ничто другое не интересует.

Мегрэ встал и открыл дверь в кабинет инспекторов.

— Можно тебя на минутку, Жанвье?

И когда тот вошел, спросил:

— Полагаю, вы знакомы?

Мужчины пожали друг другу руки.

— Мы сейчас довольно долго говорили с инспектором Луи о деле по убийству Марсиа. У тебя есть что-нибудь новенькое?

— Я только что выяснил: около часа ночи на авеню Жюно остановилась красная машина.

— Наши люди, конечно, продолжат расследование. Но инспектор Луи знает многих действующих лиц и будет работать по своей линии и держать нас в курсе своих дел. Кстати, ты знаешь братьев Мори?

— Одно время мы подозревали, что они стоят во главе гангстерской шайки, грабящей замки.

— За ними по-прежнему следят?

— От случая к случаю. Следят, главным образом, за их перемещением. Джо, тот, что помоложе, часто бывает в Кавайоне и по соседству — покупает несезонные фрукты и овощи.

— Начиная с сегодняшнего дня установишь за ними круглосуточную слежку.

— За обоими?

— Да, за обоими.

— Это по поводу замков?

— Нет, на этот раз дело идет об убийстве. Убийстве Мориса Марсиа.

Жанвье невольно взглянул на своего коллегу из девятого округа. Было очевидно, что он не совсем доволен вмешательством инспектора Луи в это дело.

— Еще за кем-нибудь установить слежку?

— За вдовой...

— Вы думаете?..

— Я ничего не думаю, ты это знаешь. Я ищу. Мы все ищем.

Он пожал руку инспектору Луи.

— Вы возвращаетесь на Монмартр?

— Да.

— У вас машина?

— Нет.

— Я тоже еду туда. Я вас подвезу. Жанвье, поедем со мной.

Жанвье вел машину. Рядом с ним Мегрэ курил трубку, а на заднем сидении расположился Луи, который явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Он всегда мечтал работать непосредственно на Уголовную полицию и задание, порученное ему, расценивал как повышение.

Когда подъехали к улице Нотр-Дам де Лоретт, Жанвье спросил:

— Куда ехать?

— Дальше. На улицу Баллю.

— К Морису Марсиа?

— Да. Где вас высадить? — спросил Мегрэ у Луи.

— Где угодно. Мне отсюда недалеко до дома.

— В таком случае, остановимся здесь.

— Вы знаете, где меня найти. Мой номер телефона указан в справочнике.

— Благодарю вас.

Он неуклюже вышел из машины и пошел по тротуару ровным, неторопливым шагом.

Через несколько минут Мегрэ и Жанвье уже звонили в дверь бывшего частного особняка. Дверь им открыла консьержка — красивая женщина лет сорока. Она оглядела их через застекленную дверь, комиссар вошел первым.

— Привезли тело?

— Еще нет, но служащие бюро похоронных процессий уже наверху. Думаю, покойного привезут к концу дня.

— Я хочу представить вам инспектора Жанвье, он тоже ведет это дело. Сколько лет мадам Марсиа живет в этом доме?

— С тех пор как они поженились... Должно быть, свыше четырех лет.

— У них часто бывали гости?

— Почти никогда. Вам ведь известно, что мсье Марсиа не возвращался домой раньше трех-четырех часов ночи. Он все утро спал, потом завтракал, отдыхал, потом ему делали массаж.

— Обедал он дома?

— Редко. Чаще всего у себя в ресторане.

— Вместе с женой?

— Нет, мне кажется, он не любил, чтобы она ходила к нему в ресторан.

— Почему?

— Наверное, опасался нежелательного знакомства. Не забывайте, что ему было за шестьдесят, а ей нет и тридцати...

— Что она делала дома?

— Отдавала распоряжения кухарке, горничной. Иногда ходила к Фошону или в другие роскошные магазины, чтобы купить то, что не продается в нашем квартале. Раз или два в неделю ходила к парикмахеру.

— В центре?

— Кажется, на улице Кастильон...

— А по вечерам?

— Читала, смотрела телевизор. Перед сном минут на десять выводила собачку...

— А в кино ходила?

— Возможно. Раз или два в неделю отсутствовала весь вечер.

— А к ней никто не приходил?

— Никто.

— Благодарю вас. Она наверху?

— Да. У нее портной.

Они не стали вызывать лифт, а поднялись и позвонили в дверь второго этажа. Открыла им молодая горничная с огромным бюстом.

— Что вам угодно?

— Мы к мадам Марсиа.

— Мадам Марсиа занята.

— Мы подождем.

— Что передать?

— Уголовная полиция.

— Одну минутку.

Она оставила их в холле, а сама скрылась в глубине квартиры. Дверь в гостиную была открыта. Оттуда уже вынесли мебель в стиле Людовика XV, исчез и большой китайский ковер, а рабочие, взобравшись на стремянки, обтягивали стены черной материей.

Приготовления шли с размахом — гостиная была превращена в часовню. Вероятно, портного пригласили, чтобы заказать траурную одежду.

— Пройдите, пожалуйста, со мной.

Она провела их в кабинет или библиотеку, от пола до потолка уставленную стеллажами. Все книги были в тисненых переплетах. Наверняка мсье Морис их не читал.

Мягкие, удобные кресла. Тут же стоял маленький бар, внутри, должно быть, находился холодильник. Письменный стол, обитый красным сукном, был совершенно пустым.

Мебель кабинета была выдержана в английском стиле. В специальной шкатулке красного дерева, инкрустированной слоновой костью, вероятно, лежали дорогие гаванские сигары. Интересно, стояла ли здесь эта мебель и все остальное, когда Лина появилась в доме? Или, может быть, именно она придала квартире определенный стиль?

— Письменный стол, за которым почти не работали...— пробормотал Мегрэ, обращаясь к Жанвье.— Если бы ты видел мебель в гостиной. Как будто музей.

— Скоро ее превратят в самую настоящую часовню...

Послышались шаги, и они замолчали.

На ней было очень скромное платье из черного матового шелка, а на пальце бриллиантовое кольцо, которое она, по-видимому, никогда не снимала. Она на мгновение остановилась в дверях, и на лице у нее выразилось удивление. Взгляд ее переходил с Мегрэ на Жанвье. Возможно, ее удивило, что вместо одного человека она увидела двоих? Что она подумала? Быть может, этот визит показался ей более официальным, чем предыдущий?

— Инспектор Жанвье — один из моих основных сотрудников.

Она слегка кивнула головой.

— Извините меня, но я очень занята...

— Уверяю вас, мы тоже, и отнимаем у вас время не ради собственного удовольствия...

Они все трое стояли, так как хозяйка не предлагала им сесть, но Мегрэ сделал это без приглашения.

— Это долгий разговор?

— Думаю, что нет.

— Вы могли вчера спросить меня все, что вас интересует. Я была с вами откровенна. Его привезут сюда к семи часам.

Комиссар сделал вид, что не слышит. Осматривая комнату оценивающим взглядом, он спросил:

— Когда вы поселились в квартире четыре года назад, вся эта мебель уже стояла здесь?

— Не четыре, а пять,— поправила она.— Мы были женаты пять лет.

— А мебель?

— Она была куплена при мне, до этого стояла другая.

— Полагаю, менее роскошная?

— Другого типа.

— Кому из вас двоих пришла мысль сменить мебель?

— Моему мужу. Он не хотел, чтобы я жила в той же обстановке, что и его первая жена.

— Я у вас не спросил, подлинное ли все это. Вчера я любовался мебелью в гостиной.

— Все это подлинное,— сухо ответила она.

— Вы покупали мебель вместе?

— Нет, он предпочитал сам ходить по антикварным магазинам, чтобы приготовить мне сюрприз. Но я не понимаю, какое отношение эта мебель...

— Вероятно, это никак не связано со смертью вашего мужа, но мы из опыта знаем, что, когда совершено убийство, важна любая деталь. Ваш муж был очень богат?

— Я никогда не говорила с ним о деньгах. Я только знаю, что дела в ресторане шли весьма успешно, и он потратил немало усилий, чтобы так продолжалось и дальше.

— Он был очень влюблен?

— С чего вы это взяли?

— Никто не станет создавать подобную декорацию ради женщины, к которой равнодушен.

— Он меня любил.

— Бьюсь об заклад, что брак был заключен с условием общности имущества.

— Но это же естественно, разве нет?

— Когда состоятся похороны?

— Послезавтра в церкви Нотр-Дам де Лоретт. Затем, после отпевания, его перевезут в Бандоль, у нас там вилла, и похоронят на местном кладбище.

— Вы поедете в Бандоль?

— Конечно.

— Друзья тоже поедут?

— Нет. Не знаю. Это от меня не зависит.

— Еще один вопрос. Что будет с рестораном?

— Он будет работать. За исключением дня похорон.

— Кто будет теперь им заниматься?

Она мгновение колебалась.

— Я...— произнесла она наконец.

— Вы полагаете, что у вас хватит опыта?

— Персонал так долго работал с моим мужем, что ресторан смог бы функционировать самостоятельно...

— Вам придется полностью изменить образ жизни...

Мегрэ понимал, что ее раздражают эти, на первый взгляд, ничего не значащие вопросы, но он продолжал задавать их с наивно-простодушным видом.

— Поскольку я не нарушаю законы, мой образ жизни никого не касается, не так ли?

— Это я рассуждаю вслух... Здесь вы живете почти затворницей... Проводите вечера в одиночестве...

— Никто не запрещал мне выходить...

— Знаю... Иногда вы ходили в кино... Но у вас нет ни приятелей, ни подруг...

Вошла горничная и в нерешительности остановилась.

— Рабочие спрашивают, есть ли у нас какие-нибудь зеленые растения... Иначе комната выглядит пустой...

— Покажите им растения на террасе.— И обращаясь к Мегрэ:

— Вы видите, мое присутствие необходимо. Ваша настойчивость меня неприятно поражает, тем более что, как вы дали мне понять вчера, вы с симпатией относились к моему мужу...

— Постараюсь беспокоить вас как можно реже...

— Предупреждаю, что я решила больше вас не принимать.

— Сожалею, так как в этом случае буду вынужден вызывать вас на набережную Орфевр. Ваш муж раньше часто там бывал, до того как стал хозяином «Сардины». В те времена и виллы в Бандоле у него тоже не было.

— Вам непременно хотелось напомнить мне об этих неприятных вещах?

— Нет. В отличие от вас, он имел добрых друзей. Интересно, знаете ли вы кого-нибудь из них? Может быть, они приезжали к нему летом в Бандоль? Например, братья Мори...

Если она и вздрогнула, то так незаметно, что он не мог быть в этом абсолютно уверен.

— А я должна была их знать?

— Я задаю вам вопрос. Их двое. Манюэль и Джо... У них контора по импорту фруктов на улице дю Кэр.

— Я не знаю ни того, ни другого...

— Они часто ужинали в «Сардине»...

— Куда я даже не заглядываю...

— И последний вопрос. Вы останетесь жить одна в этой огромной квартире?

— Муж всегда просил меня об этом. Он также хотел, чтобы я сохранила ресторан и виллу в Бандоле. «Как будто я по-прежнему немного там присутствую»,— говорил он.

— Он ждал, что с ним может такое случиться?

— Конечно, нет.

— Но он носил в кармане оружие...

— Только тогда, когда при нем были деньги... Все, кто регулярно носит крупные суммы, вооружены...

— Кстати, где он хранил деньги дома?

— В сейфе.

— А где он находится?

— За этим полотном Делакруа, налево от камина.

— Вы знаете шифр?

— Нет, придется приглашать специалиста из фирмы, где их производят.

— Благодарю вас.

Она поднялась, и чувствовалось, что она все время находится в напряжении. Казалось, теперь она мысленно прокручивала в голове вопросы, которые задал ей комиссар.

К чему, в конечном счете, все они вели? Мегрэ сам затруднился бы на это ответить. Он все время испытывал какую-то неловкость. Что-то ему не нравилось.

Когда они с Жанвье вышли на улицу Баллю, солнце стояло еще высоко и сильно припекало.

— Вам не кажется, шеф, что она знает больше, чем говорит?

— Могу дать голову на отсечение.

— Вы думаете, что она могла бы быть... Ну, скажем, соучастницей?

— В этом я пока не уверен, но дело это куда более запутано, чем ей хотелось внушить нам.

— Куда поедем?

— На улицу Фонтен...

В этот час посетителей в ресторане не было, и два официанта уже накрывали столики к ужину. Фрэдди, бармен, протирал бутылки и ставил их на полку.

Комиссар направился прямо к нему.

— Где Комита?

— Он отдыхает в кабинете патрона.

— Уже?

— Что вы имеете в виду?

— Мосье Марсиа еще не похоронили, а он уже делает то, что ему заблагорассудится.

— Вы ошибаетесь. И при жизни мсье Мориса у Рауля была привычка посидеть часок с закрытыми глазами в одном из кресел кабинета.

— Вы знаете, что похороны состоятся послезавтра?

— Мне еще не сообщили.

— Ресторан будет закрыт, чтобы все служащие могли присутствовать.

— Так всегда делают в подобных случаях.

— Затем тело отвезут и похоронят в Бандоле.

— Меня это не удивляет. Шеф родился в деревне, где-то между Марселем и Тулоном, и каждый год закрывал ресторан на месяц, чтобы отдохнуть на своей вилле в Бандоле...

— Как вы думаете, что станет с рестораном?..

— Мне все равно. Обязательно найдется человек, чтобы им управлять. Ведь это золотое дно...

— Отныне у вас будет не хозяин, а хозяйка.

— Кроме шуток?

— Мадам Марсиа решила занять место своего мужа.

Фредди скривился, но потом бросил:

— В конце концов, это ее личное дело.

— Вы ее знаете?

— С тех пор как она стала выступать в «Табарене». Я работал там два года перед тем как перейти в «Сардину». Она выступала как танцовщица.

— Что вы о ней думаете?

— У меня редко выпадал случай поговорить с ней. Иногда она заходила в бар. Вот и все. Мне ка-

залось, что она важничает. Здесь на Монмартре мы привыкли к приветливым девушкам. И все-таки в ней есть природный шик, этого у нее не отнимешь. Наверное, она из порядочной семьи, я не удивлюсь, если она получила хорошее образование.

— Братья Мори по-прежнему часто заходят в ресторан ужинать?

Фрэдди не почувствовал в этом вопросе подвоха.

— Время от времени... Не регулярно... Знаете, импорт фруктов такое дело, что приходится вставать ни свет ни заря...

— Они всегда ходили в приятелях патрона?

— Мсье Морис подсаживался на минутку к их столику, как и к другим завсегдатаям... Случалось, он угощал их лучшим коньяком из своих запасов.

— Но мадам Марсиа никогда не приходила?

— Никогда...

— Вы не знаете, почему?

— Полагаю, потому, что мсье Морис был ревнив... Она очень хороша собой, многие любят женщин такого типа. К тому же между ними было больше тридцати лет разницы...

Он посмотрел в глубь зала.

— А вот и Рауль! Снова на своем посту.

Метрдотель уже их заметил, он подошел и подал руку Мегрэ, а потом Жанвье.

— Вы пришли ко мне?

— Мы хотели увидеть вас, но на то нет особой причины. Я уже сказал Фрэдди, что панихида состоится послезавтра в церкви Нотр-Дам де Лоретт...

— Значит, закроем ресторан... Было бы разумнее предупредить меня раньше. Ведь теперь на мне лежит вся ответственность за дело... Я здесь работаю уже шестнадцать лет, а она...

Он замолчал в смущении. У него едва не вырвалось:

— А она спала с ним не больше пяти лет...

— Вы знаете, кто сменит в ресторане мсье Марсиа?

— По вашему тону я уже догадываюсь. Впрочем, я уже думал об этом вчера. Разумеется, она?

— Да, она. А вы с ней знакомы?

— Я видел ее в Бандоле. Хозяин знал, что я отдыхаю на Лазурном берегу, и пригласил меня поужинать с ними на вилле... В таком доме приятно доживать свой век... Вилла не очень большая, не очень помпезная, но настоящая, добротная... Я сам тоже с Юга... Немного разбираюсь в старинной провансальской мебели... Такую, как у мсье Мориса, я встречал редко...

Он повернулся к Фредди:

— Ты еще не обслужил этих господ? Что будете пить?

— Пиво...

— Мне тоже,— смущенно сказал Жанвье.

А Комита вздохнул:

— Да, забавная ситуация, патрон — женщина... Заведение будет похоже на бордель!..

— Некоторые клиенты наверняка будут чувствовать себя в привычной обстановке...

— Вы ведь знаете, здесь бывают и министры, и художники, и режиссеры, и даже банкиры, адвокаты, врачи, не считая, как вы сейчас заметили, уголовников в прошлом...

— Братья Мори приходят сюда по-прежнему?

Он немного помедлил с ответом.

— Время от времени. Что касается меня, я их всегда недолюбливал, особенно Манюэля. Этот тип не прочь пустить пыль в глаза. У него сногсшибательные машины, поглядеть на него — так с виду он богат, как Крез. А ведь делами по импорту заправляет братец Джо... Манюэль даже не показывается в конторе на улице дю Кэр и большую часть времени проводит в Довиле, в Туке или еще где-нибудь...

— С женщинами?

— Ну, в них-то у него недостатка нет. Ведь он красивый парень, но все так, мимолетом, ничего серьезного. Впрочем, это не мое дело. Мне кажется, хозяин неплохо к нему относился...

— Меня удивляет одно. Мсье Морис, судя по всему, очень любил жену и ревновал ее. Он оставлял ее дома только с кухаркой и горничной... Но, если я правильно понял кассиршу, по ее словам, он даже не утруждал себя и не звонил ей, хотя бы пожелать спокойной ночи.

— Ну уж, вовсе нет!

— Что вы имеете в виду? Выходит, кассирша соврала?

— Нет, она не соврала, но ведь ей известно не больше, чем мне. Хозяин часто сидел у себя в кабинете и телефон был переключен к нему... И тогда он мог звонить кому угодно...

— Часто так бывало?

— Раза два за вечер...

— Вы думаете, что он звонил жене?

— Наверное, у него были и другие дела, но ей он тоже мог звонить.

— А если ее не было дома...

Метрдотель молча посмотрел на комиссара.

— Надо полагать, этого никогда не случалось,— произнес он после недолгой, но достаточно красноречивой паузы.

Кассирша уселась за маленькой конторкой и стала готовить кассу.

— Вы позволите мне сказать ей пару слов?

— Здесь командуете вы, комиссар.

И поскольку Мегрэ собирался уплатить за два пива, добавил:

— Это за счет ресторана...

— Добрый вечер, мадмуазель!

— Добрый вечер, господин комиссар!

— Вчера вечером или, вернее, сегодня рано утром вы мне сказали, что мсье Морис редко просил вас соединить его по телефону.

— Именно так.

— Однако же почти каждый вечер он звонил жене!

— Этого я не знаю. Случалось, что он переключал телефон к себе в кабинет. Тогда мне было неизвестно, кому он звонил...

— Это было всегда в определенное время?

— Не раньше одиннадцати... Чаще за полночь, около половины первого...

— Он не звонил в другие города?

— Время от времени. Я это знаю по телефонным счетам. Оплачивать их — моя обязанность.

— Он звонил всегда в один и тот же город?

— Нет... Чаще всего в маленькую деревню, которую я с трудом нашла по карте: Эгланд на Уазе.

— Вы знаете, что у вас скоро вместо хозяина будет хозяйка?

— Я так и предполагала.

— И что вы думали по этому поводу?

— Это всегда малоприятно. Впрочем, поживем — увидим.

Теперь в баре расположились двое клиентов. А Мегрэ с Жанвье уселись в машину.

— На набережную, шеф?

— Может быть, мне поехать домой? Что-то я разленился. Страшно утомительно задавать вопросы, толком не зная, зачем.

— Вы считаете, что убийство Марсиа было преднамеренным?

— Нет... Или же это одно из самых странных преступлений, с которыми мне довелось столкнуться.

— Вы все время упоминаете братьев Мори.

— Они давно у меня на подозрении. И я неспроста говорил о мебели, к великому удивлению мадам Марсиа... Морис был человеком примитивным, без всякого художественного вкуса и вот постепенно он пополнял свой интерьер антикварной мебелью, настоящими музейными экспонатами.

— Ограбление замков?

— Весьма возможно. Во всяком случае во всем чувствуется безупречный вкус. Я собираюсь пригласить эксперта для осмотра квартиры. Если вся эта мебель и предметы обстановки куплены у антикваров, где-то должны быть счета.

— Вы думаете, что Лина Марсиа в курсе дела?

— За это я не поручусь, как, впрочем, и в обратном... Уж слишком настойчиво она повторяла, что никогда не ходила вместе с мужем покупать мебель.

Они попали в час пик, на улицах были пробки, и добраться до бульвара Ришар-Ленуар они смогли только за сорок пять минут.

— До завтра, Жанвье.

— До завтра, шеф.

Перед тем как подняться по лестнице, Мегрэ вытер пот со лба.

— Кто-то звонил тебе трижды, но не захотел оставить свой номер телефона. Он обещал позвонить позднее.

— Мужчина или женщина?

— Я не разобрала. Он повторял, что дело очень важное. Что речь идет о жизненно важном деле.

И это в тот момент, когда Мегрэ наконец, расслабившись, собрался сесть за стол у открытого окна...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Только около девяти часов зазвонил телефон, и Мегрэ бросился к аппарату, по дороге выключив телевизор.

— Алло! Комиссар Мегрэ?

Наконец, он услышал тот самый, пресловутый голос.

— Вы меня не знаете, но я вас знаю. Я видел вас сегодня днем, когда вы навещали Лину Марсиа, и позже, когда шли в «Сардину».

Комиссару уже говорили, что этот голос мог принадлежать и мужчине, и женщине. Мегрэ бы сказал, что это говорит подросток, который кривляется, и ему пришло на ум странное, ничего не значащее слово — щелкунчик. Голос становился то визгливым, то совсем низким — басовым.

— Кто вы?

— Мое имя вам ничего не скажет. Инспектору Луи оно тоже неизвестно, хотя я звоню ему уже много лет подряд. И довольно часто. Я пытался поймать его сегодня, но его нет ни дома, ни на работе. Тогда я решил обратиться прямо к вам. Скажите, когда вы его арестуете?

— Кого?

— Вы знаете не хуже меня. Мори... Манюэля Мори, я имею в виду старшего.

Мегрэ услышал, как провалилась монета. Незнакомец звонил из автомата.

— Это не терпит отлагательств, господин комиссар... Для меня это вопрос жизни и смерти... Я сразу заметил, что ваш инспектор на хвосте у братьев Мори... Мори — профессионалы и наверняка заметили тоже. Значит, они догадались, что кто-то на них стукнул, а они меня знают и поймут, что это моих рук дело. Прошу вас арестуйте, хотя бы Манюэля... Из них двоих он опаснее... Это он стрелял в мсье Мориса...

— Почему?

На другом конце провода вдруг наступила тишина, и Мегрэ нахмурил брови. Ждал он довольно долго, но телефон по-прежнему молчал.

Звука опускаемых монет слышно не было, а только зловещее безмолвие.

— Он хотя бы назвал себя? — спросила мадам Мегрэ.

— Нет. Он многое знает, и это для него опасно.

Наконец Мегрэ лег спать, мрачный, встревоженный. Он был бессилен защитить человека, не зная, ни как его зовут, ни как он выглядит.

Когда он на следующее утро пришел на набережную Орфевр, было уже довольно жарко. Первым, кого он заметил, был инспектор Луи, который ждал его, сидя на одной из скамеек в длинном коридоре.

— Вы ко мне?

— Да, господин Дивизионный комиссар.

— Есть новости о вашем добровольном осведомителе?

— Да. Он звонил мне за полночь. Он прервал разговор с вами, потому, что увидел через стекло кабины кого-то из знакомых, кому не хотел попасть на глаза... Он мне тоже звонил, что, пока братья Мори будут на свободе, он больше не проявится и на время исчезнет.

— Вы и вправду считаете, что ему угрожает опасность?

— Конечно. Иначе он об этом бы не говорил.

— Какие слухи ходят на Монмартре?

— Говорят, кто-то из них — то ли Манюэль, то ли мсье Морис сводили счеты. Оба были вооружены. Вероятно, Мори оказался проворнее.

— А причина преступления?

— Когда я пытался завести разговор на эту тему, мне в ответ только улыбались и молчали.

— Вы считаете, что Мори был любовником Лины Марсиа?

— Я об этом думал. В этом случае она рисковала не только безбедной жизнью, но, вероятно, и головой...

— Вы проходили сегодня по улице Баллю?

— Да. На дверях уже висят черные драпировки, у дома толпятся люди, входят и выходят.

— Кто они? Вы их узнали?

— Кого там только нет... Мелкие торговцы... Владельцы ресторанов... Девицы из ночных кабаре... Сутенеры...

— Мне бы стоило взглянуть самому.

Комиссар вызвал Жанвье и велел готовить машину.

— Поедемте со мной, мсье Луи... Вы знаете этих людей лучше, чем я...

Возле дома Марсиа на улице Баллю собрались небольшие группы людей, словно похороны были назначены на сегодня. Драматическая смерть мсье Мориса была событием дня для всего Монмартра и об этом говорили шепотом.

— Войдем!

Они поднялись на второй этаж. На лестнице царила тишина. Дверь в квартиру была приоткрыта. В холле пахло восковыми свечами и хризантемами. Цветов и венков принесли столько, что их некуда было класть и теперь уже не понадобились бы зеленые растения, чтобы просторная гостиная не выглядела пустой.

Лина стояла у дверей в глубоком трауре, склоняя голову перед каждым посетителем и пожимая протянутые руки. Лицо ее казалось застывшим, непроницаемым.

Увидев Мегрэ, она состроила недовольную гримасу, словно желая упрекнуть его за приход и неуважение к покойному.

— Примите самые искренние соболезнования,— пробормотал он.

— Только этим и занимаюсь.

Гроб еще не закрыли. Морис Марсиа лежал в парадном костюме, со спокойным лицом и, казалось, даже с ироничной улыбкой на губах. В гостиной, обтянутой черной материей, тканной серебром, горела дюжина свечей, и во всем доме пахло воском.

Посетители на минуту подходили к гробу и склоняли головы перед покойником, одетым, как для торжественной церемонии.

— Вы кого-нибудь узнаете? — прошептал Мегрэ.

— Одного или двух сутенеров... А вот хозяин «Сан-Жен» с женой, она совладелица заведения...

— Вы думаете, так может продолжаться целый день?

— Наверняка. А завтра в церкви Нотр-Дам де Лоретт будет слишком тесно, чтобы...

Они задержались вместе с другими прохожими на противоположном тротуаре, чтобы посмотреть, как входят и выходят посетители.

— Вот они...

На углу улицы остановился красный «ягуар», и из него вышли двое еще очень молодых людей. Оба элегантные, видные парни с презрительным взглядом.

Их здесь знали, и им это было прекрасно известно. Они шли посредине улицы, приветствуя многочисленных знакомых. Когда старший заметил Мегрэ, он минуту колебался, а потом направился прямо к нему.

— Вы причиняете много неудобств, комиссар, мне и моему брату, устраивая за нами слежку. Чтобы вам сэкономить на агентах, могу дать подробный отчет о своем времяпрепровождении. Сегодня днем, например, мы с Джо находились на улице дю Кэр, получали большие партии товара. Завтра, после панихиды, я поеду в Бандоль. Ну, а вы, Луи, можете продолжать шарить по всем углам и слушать сплетни... Марсиа стоил большего...

Явно довольный собой, он повернулся к брату, и они вошли в дом.

— Теперь вы смогли сами убедиться, что это за тип,— пробормотал инспектор Луи.— Хищник с острыми зубами, который считает себя умнее всех остальных...

— Я хотел бы расспросить его консьержку.

— Она работает только днем... Ночью ее замещает муж, он спит в привратницкой на раскладушке. Его зовут Виктор и его хорошо знают в этом квартале... Это отпетый пьяница, весь день он только и делает, что пьет то в одном бистро, то в другом...

— А можно его найти?

— Попробуем... Начнем с улицы Лябрюйер и площади Сен-Жорж.

В каждом бистро инспектор Луи выпивал стакан Виши с клубничным сиропом, а Мегрэ за все время выпил лишь две кружки пива.

— Вы не видели Виктора?

— Он ушел полчаса назад и, наверное, вернется, потому что еще мало выпил.

Когда Мегрэ и инспектор обнаружили наконец Виктора в шестом по счету бистро, он уже здорово набрался.

— Смотрите! Инспектор Луи... Бутылочку Виши инспектору!.. А вы, толстяк...

Это был подонок, какие ютятся под каждым мостом. Рубаха была расстегнута на груди, оторванный карман висел на нитке.

— Бьюсь об заклад, вы ко мне... А это что за тип?.. Врач?..

— Зачем вам врач?

— Это уже не первый раз... Они пытаются запрятать меня подальше, а ведь я никого даже пальцем не трону...

Это его самого рассмешило.

— Это комиссар Мегрэ...

— Я уже где-то слышал это имя... Зачем я ему понадобился?

— Вы спите в привратницкой по ночам?

— Да, с тех пор как жена заболела и врач велел ей побольше отдыхать.

— Сколько жильцов в доме?

— А я их никогда не считал... По две квартиры на каждом этаже и в среднем по три человека в квартире... Считайте сами... Я уже давно не в ладах с арифметикой...

— Вы хорошо знаете Манюэля Мори?

— Это мой приятель...

— Да ну?

— Правда. Иногда, когда возвращается, он приносит мне бутылку. Другим и в голову не придет, что мне хочется промочить горло...

— Обычно он поздно возвращается?

— Смотря что вы считаете поздно... Дай-ка мне еще этого, Гастон.

Струйка красного вина потекла по его небритому подбородку.

— В полночь?

— Что в полночь?

— Он возвращается в полночь?

— Или в пять утра... По-разному... Когда к нему приходила его подружка...

— Вы хотите сказать, что он возвращался домой с женщинами?

— Нет, мсье. Не с женщинами. С женщиной.

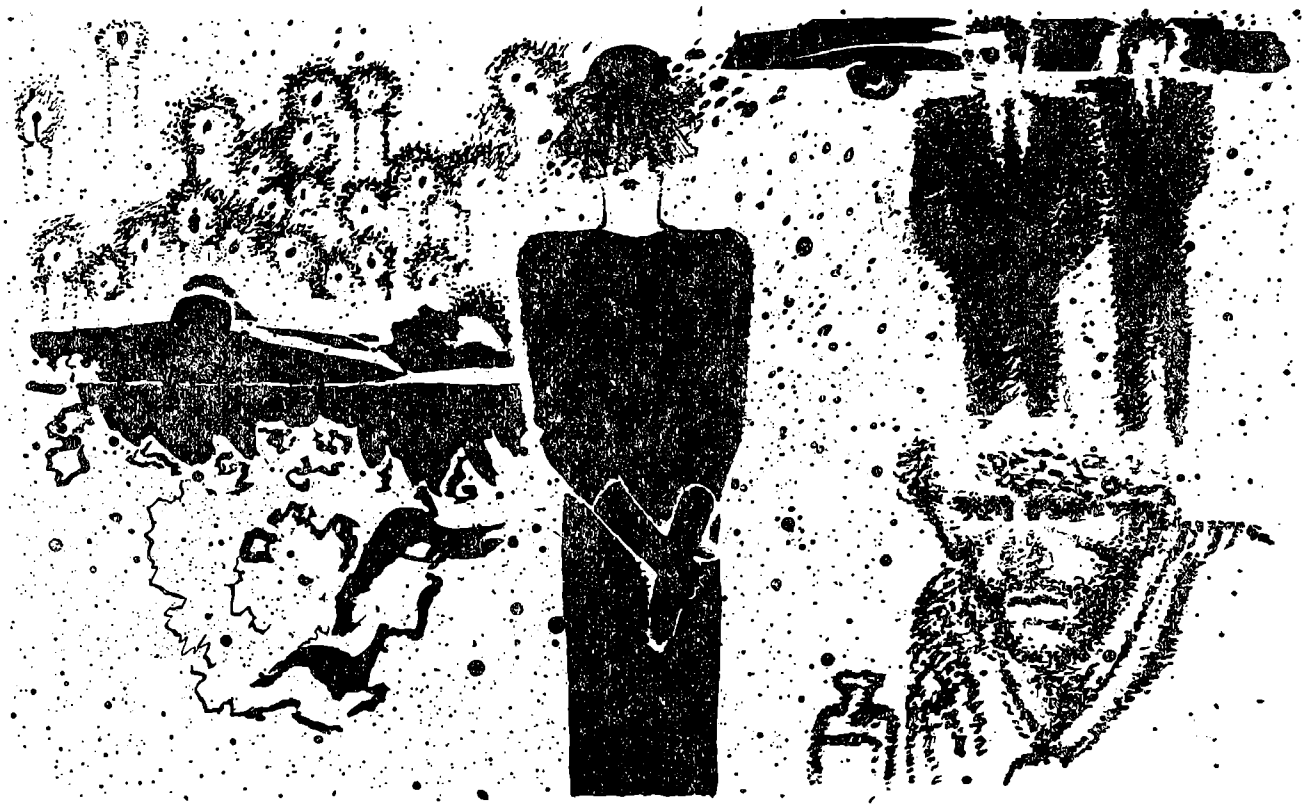
— С одной и той же?

— Да, с одной и той же, вот именно...

— Высокая?

— Не такая высокая, как он, но повыше меня.

— Худая? Блондинка?



— А почему бы и нет?

— Она оставалась у него на всю ночь?

— Вовсе нет... Не угадали... Она проводила с ним не больше одного-двух часов...

— Вы знаете, как ее зовут?

— Я не из полиции. А вы-то хоть знаете мое имя?

— Виктор...

— Виктор, а дальше? Вы думаете, у меня нет фамилии, как у всех людей? Так вот, моя фамилия Макуле, как у моего отца, у матери, а родился я возле Арра... Что вы на это скажете?

— Он приносил вам бутылку, когда приходил с ней?

— Постойте!.. Я об этом не думал... Похоже, что так... По крайней мере, в последний раз...

— Когда она была в последний раз?

— Вчера?.. Нет... Позавчера... Я иногда путаю, потому что у меня все дни и ночи одинаковы... Это было в ту ночь, когда жильцы второго этажа, как они говорят, устраивали «прием». Потолок надо мной ходил ходуном и без конца хлопали бутылки с шампанским.

— На каком этаже живет Мануэль Мори?

— На четвертом. У него, поверьте мне, прекрасная квартира... А мебель он покупал не на распродаже, не по дешевке... Например, спальня у него обтянута желтым шелком... Что вы на это скажете?

— Они приехали вместе?

— Он всегда приходит вместе с ней... Не знаю, может быть, боится, что кто-нибудь ее свистнет...

— Никто не приходил в ту ночь, когда Мори и его подружка были наверху?

— Дайте вспомнить... Черт подери, когда работаешь мозгами, прямо в горле пересыхает. Угостили бы бутылочкой...

Мегрэ сделал знак хозяину в голубом фартуке принести вино.

— Знаете, ведь я не замечаю людей, которые проходят. Они звонят, а я даже не всегда до конца просыпаюсь... Это, конечно, не надо рассказывать управляющему домом, он и без того порядочная сволочь... Так вот, когда жильцы проходят мимо застекленной двери, они называют свое имя. В эту ночь какой-то тип, он был один, это точно, назвался Мори... А я и подумал... Вот странно... Ведь он уже недавно проходил со своей дамочкой. Правда, он мог выйти купить бутылку... Или это был не он, а его брат... Их двое... Вы знаете, что их двое? Он набрал код и поднялся наверх.

— По лестнице или на лифте?

— Вот этого я не знаю. Я снова заснул...

— Вы не видели, как он выходил?

— Когда выходят, можно открыть дверь изнутри.

— Никто не выходил, не хлопал дверью?

— Как это не выходил! Компания, которая кутила на втором этаже... Они все были в стельку пьяные, даже женщины орали на лестнице во все горло...

— Вы вставали, чтобы посмотреть?

— Нет. Я слышал, как дверь закрылась, и все.

— А подружка?

— Какая подружка? И что у вас за манера, говорите обо всех сразу. Вы имеете в виду жильцов со второго этажа или Мори?

— Мори и его любовницу.

— Ладно... Теперь ясно... Хотя вы забыли про брата...

— Он вышел один?

— Брат? Я даже не знаю, был ли это его брат...

— Еще бутылку! — заказал Мегрэ, вытирая испарину со лба.— Хорошо. Будем говорить гость.

— Я не слышал, как он проходил мимо привратницкой.

— А девица?

— Если бы вы ее видели, вы бы не называли ее так. Это настоящая дама...

— Ну, а дама?

— Она оставалась наверху не более получаса...

— Вы видели, как она уходила?

— Нет, нет и нет... Если бы я поднимался всякий раз, когда кто-нибудь выходит из дома, то не стоило бы вообще ставить раскладушку.

— А может быть, потом Мори выходил с тяжелым пакетом?

— Прошу прощения, не видел ни Мори, ни пакета, но слышал, как отъехала машина, она здорово грохочет, когда трогается с места.

— В котором часу он вернулся?

— Не знаю. Но когда он, проходя, назвал свое имя, я подумал, что они там, на четвертом, совсем с ума посходили. А может быть, из-за бутылки...

— Он что, принес вторую бутылку?

— Нет. Но первая была не сухое, красное, как эта, а коньяк...

— Спасибо, Виктор,— сказал Мегрэ, уплатив по счету.

На улице комиссар пробормотал:

— Кажется, ваш осведомитель...

— Какой осведомитель?

— Да тот, который время от времени звонит вам и сообщает разные сведения...

— Я никогда его об этом не просил... Я его даже не знаю.

— Досадно, он, видимо, хорошо осведомлен. После того что я сейчас услышал, мне стало ясно, чего он боится. Вам кажется, что Мори способны его прикончить?

— Либо поручить кому-нибудь... Я считаю, что они способны на все.

— Я вот думаю, не попросить ли сейчас у следователя ордер на их арест...

— Обоих?

— Если младший так же опасен, как Манюэль...

— А мне как действовать?

— Вы будете продолжать собирать сведения в квартале. Обстановка там сейчас для этого благоприятная, все взволнованы, должно быть, только об этом и говорят, рассказывают друг другу то, что узнали...

— Вы арестуете их сегодня?

— Сначала повидаю на улице дю Кэр.

Однако Мегрэ зашел в кабинет следователя по фамилии Бутэй. Это был человек лет пятидесяти, он давно знал Мегрэ.

— Добыли уже мне убийцу?

— Не совсем... Но я уже стал лучше разбираться в этом деле.

Мегрэ рассказал то, что знал. Оба сидели друг против друга и курили трубки.

Когда комиссар закончил свой рассказ, следователь проворчал:

— С уликами не густо...

— Мне хотелось бы, когда я к ним пойду, чтобы у меня в кармане лежал ордер на арест... И ордер на обыск.

— На имя обоих?

— Так было бы лучше всего. Я не знаю, где скрывается осведомитель. Джо, кажется, не менее опасен, чем Манюэль.

Следователь Бутэй повернулся к секретарю:

— Приготовьте два ордера на арест братьев Мори, Манюэля и Жозефа...

Мегрэ назвал адреса обоих.

Следователь проводил его до двери.

— Эта история скоро наделает много шума.

— Шум уже есть.

— Знаю... Читал в газетах...

Одна из статей была озаглавлена:

«Морис Марсиа — глава гангстеров — убит соперником?»

Другая статья намекала на то, что квартал Пигаль хранит немало секретов, а полиция слишком часто закрывает на все это глаза.

«Похоже, следствие будет непростым. Интересно, станет ли когда-нибудь известен финал этой истории?»

«Завтрашние похороны обещают собрать много народа, поскольку хозяин «Сардины» имел друзей не только в своем квартале, но и по всему Парижу».

«Что касается комиссара Мегрэ — он отказывается от всяких заявлений. До сих пор неизвестно, поедет ли он завтра в Бандоль. Он только повторяет: «Следствие продолжается»...»

Улица дю Кэр находилась рядом с Центральным рынком, где еще не успели снести торговые павильоны, но вся деятельность была прекращена — рынок переносили в Рэнжи.

На этой улице размещались конторы оптовиков, склады, а также небольшие отели, где постояльцы надолго не задерживались, и убогие бистро.

Когда Мегрэ вышел из такси, он заметил двух инспекторов, которые ходили взад и вперед по тротуару. Сначала он удивился, почему их двое, но тут же сообразил. Один занимался Манюэлем Мори, другой его братом Джо.

— Вы знаете, ребята, что они вас заметили?

— Потому-то мы и не прячемся. Старший спокойно подошел ко мне и сказал, пуская сигаретный дым прямо мне в лицо, как в кино:

— Не нужно играть в прятки, малыш. Я знаю, что ты здесь, и не стану убегать...

Склад представлял собой длинное пустое помещение без витрины. На ночь его закрывали железной шторой. Посредине склада разгружали грузовик. Один из рабочих в серой блузе, стоя в кузове, передавал ящики с фруктами своему напарнику, а тот подхватывал их на лету и ставил вдоль стены.

В нескольких метрах от него стоял Джо Мори, руки в карманах, с сигаретой в зубах, лениво наблюдая за разгрузкой. Увидев Мегрэ, он не стал хмурить брови и не двинулся ему навстречу.

В правом углу склада, ближе к улице, находилась контора с застекленной дверью, где Манюэль, в сдвинутой на затылок шляпе, просматривал стопку счетов. Он, конечно, тоже увидел комиссара, но даже не пошевелился.

Мегрэ толкнул дверь, уселся на единственный свободный стул и стал набивать трубку.

Первым не выдержал Манюэль и пробормотал:

— Я ждал вас.

Мегрэ по-прежнему молчал.

— Я только что звонил своему адвокату. Он тоже находит, что вы слишком много говорите, и вы, и инспектор в трауре, который уже целую вечность бродит по Монмартру. Вы оба задаете слишком много вопросов слишком многим людям.

Мегрэ старательно раскуривал трубку, словно не придавая никакого значения словам Манюэля.

— Иногда коварные вопросы могут причинить столько же вреда, как и прямые обвинения, а это уже пахнет оскорблением личности. Что касается меня и моего брата, нам это безразлично, но вы впутываете в это дело других лиц. А вот Блоха может дорого поплатиться за то, что лезет не в свои дела.

Таким образом от одного из братьев Мори Мегрэ узнал, наконец, прозвище человека, который звонил ему накануне, а до этого регулярно снабжал информацией по телефону инспектора Луи.

— Где вы были позавчера в половине первого ночи?

— У себя.

— Нет. Вы были там на полчаса раньше, в двенадцать ночи, и не один.

— Я вправе принимать у себя дома кого хочу.

— Но не убивать тех, кто к вам приходит.

— Я никого не убивал.

— Я уверен, что вы не храните у себя никакого оружия, даже револьвера тридцать второго калибра.

— К чему он мне?

— В эту ночь вы нашли ему применение. Разумеется, вы всегда будете вправе заявить, что действовали в качестве необходимой самообороны.

— Мне не от кого было защищаться.

— Я хочу осмотреть вашу квартиру.

— Попросите у следователя ордер на обыск.

Мегрэ достал ордер из кармана и показал его Манюэлю вместе с двумя ордерами на арест.

Было очевидно, что Мори этого не ожидал. Он не смог сохранить невозмутимость — вздрогнул и уронил пепел сигары на пиджак.

— Что это значит?

— Только то, что обычно означают подобные бумаги.

— Вы меня уведете?

— Пока не знаю. Возможно. Вы по-прежнему возражаете, чтобы я осматривал вашу квартиру?

Манюэль поднялся, пытаясь обрести привычную самоуверенность, и приоткрыл дверь.

— Послушай, Джо. Иди-ка сюда на минутку!

Его брат снял куртку и засучил рукава белой рубашки.

— Ты понимаешь, что означают эти бумаги или нет? Тут одна для тебя, другая для меня и еще одна общая для нас обоих, ордер на обыск. У тебя в стенном шкафу случайно не спрятан труп?

Младший Мори не смеялся. Он внимательно читал ордера.

— И что дальше? — спросил он.

Неизвестно было, к кому он обратился, к брату или к Мегрэ.

— Когда я закончу все дела с вашим братом, я поеду к вам в отель, а вы меня там подождете.

— У вас есть машина? — спросил Манюэль.

— Такси.

— Может быть, я вас отвезу?

— Нет. Но я прошу вас ехать следом за моим такси, но не перегонять.

Мегрэ захватил с собой инспектора, который отвечал за Манюэля.

— Куда поедем?

— К нему домой, улица Лябрюйер.

— Он едет за нами.

— Именно это я и попросил его сделать.

Это было в двух шагах от улицы Фонтен. Квартира Марсиа на улице Баллю тоже в двух шагах от ресторана. Джо жил в отеле «Острова» на улице Трюден, в пяти минутах ходьбы.

— Его хоронят завтра?

— Завтра панихида, а потом тело перевезут в Бандоль, где и состоятся похороны.

Семиэтажный дом был современной постройкой. Здесь жили богатые люди.

— Что мне делать? Подняться с вами?

— Лучше остаться внизу.

Красный «ягуар» остановился позади такси.

— Я вам покажу дорогу.

Они прошли мимо привратницкой, на окошке зашевелилась занавеска.

— Четвертый этаж.

— Знаю...

— Если не возражаете, поднимемся со мной в лифте.

— Давайте.

— А вы не боитесь? Ведь я моложе и сильнее вас.

Мегрэ только посмотрел на него, как смотрят на мальчишку, который зарывается.

Манюэль достал из кармана ключ, открыл дверь и пропустил комиссара вперед.

— Как видите, я не держу служанку. Одна женщина приходит сюда каждый день и ведет хозяйство, но не раньше полудня. Я обычно в это время еще сплю.

Гостиная была небольшая, особенно по сравнению с гостиной на улице Баллю, но обставлена также дорогой мебелью. Из нее вела дверь в столовую, где висел натюрморт Шардена, изображавший фазанов в корзине. Он показался Мегрэ подлинником.

— Шарден?

— Полагаю.

— Вы любите живопись?

— Ценю. Если торгуешь помидорами и фруктами, это еще не значит, что ты равнодушен к искусству.

В голосе чувствовалась ирония. Кровать в спальне была не убрана. Это была единственная комната, обставленная в современном стиле, очень светлая, радующая глаз. К ней примыкала довольно просторная ванная, посреди которой висела боксерская груша.

— Конец осмотра. Вы все видели.

— Еще не все. В спальне чего-то не хватает.

— Чего?

— В центре комнаты лежал небольшой ковер; на покрытии, закрывающем пол, осталось светлое пятно.

Мегрэ наклонился.

— Кстати, тут видны ворсинки цветных ниток, вероятно, от исчезнувшего ковра.

— Ищите его.

— Я не стану заниматься этим бессмысленным делом. Вы позволите?

Он снял телефонную трубку и попросил соединить его с Уголовной полицией, потом с лабораторией.

— Это вы, Мёрс? Говорит Мегрэ. Я хотел бы, чтобы вы захватили двух-трех человек и приехали на улицу Лябрюйер... Там возле парадной дежурит наш инспектор... Поднимитесь на четвертый... Что я ищу? Да что попадется...

Теперь уже с Манюэля слетела его пресловутая спесь.

— Они сейчас придут и перевернут квартиру вверх дном.

— Вполне возможно.

— Смею вас уверить, что ковра, о котором вы говорите, никогда не существовало.

— Тогда мы будем знать, откуда взялись эти цветные нитки.

— Это от пальто моей приятельницы.

— Нет. Мадам Марсиа, Лина, если предпочитаете, женщина со вкусом и не стала бы носить красно-зелено-желтое пальто...

— Полагаю, мой адвокат имеет право присутствовать при обыске?

— Я не возражаю.

Теперь телефонную трубку снял Манюэль.

— Алло! Будьте любезны, я хотел бы сказать несколько слов мэтру Гарсену... Просит Манюэль Мори... Дело очень срочное...

Его явно лихорадило.

— Гарсен?.. Старина, я звоню вам из дома... Здесь комиссар. У него ордер на обыск. Он обнаружил на покрытии пола ниточки, которые ему не нравятся... Он сразу же вызвал людей из Отдела установления личности... Может быть, вы бы подъехали?.. Что вы говорите? Я обязан позволить им рыться в шкафах и в ящиках?.. Это еще не все... У него один ордер на арест брата и второй на мое имя... Нет... Он мне сказал, что не знает, воспользуется ли ими. Давайте условимся. Если я вам позвоню, допустим, до четырех часов, делайте все возможное, чтобы нас вызволить... У меня нет желания провести ночь в мышеловке... Не говоря уже о том, что завтра панихида, а потом я собирался поехать в Бандоль на похороны... Она чувствует себя хорошо... Спасибо, старина... До скорого...

Разговор с адвокатом его немного подбодрил.

Он был удивлен, когда Мегрэ сказал ему:

— Если бы вы меня предупредили, что собираетесь в Бандоль...

— А что бы это изменило?

— Я не стал бы заниматься ордерами. Я не подумал о Лине, ей наверняка потребуется ваша поддержка.

— Что это вы вбили себе в голову?

— То, что в квартале Пигаль знают все... Теперь вас уже не посещают, как раньше, по две-три подружки в неделю?

— Моя личная жизнь касается только меня...

— Вы вправе спать с женой друга, это верно, но не имеете права стрелять в него в упор.

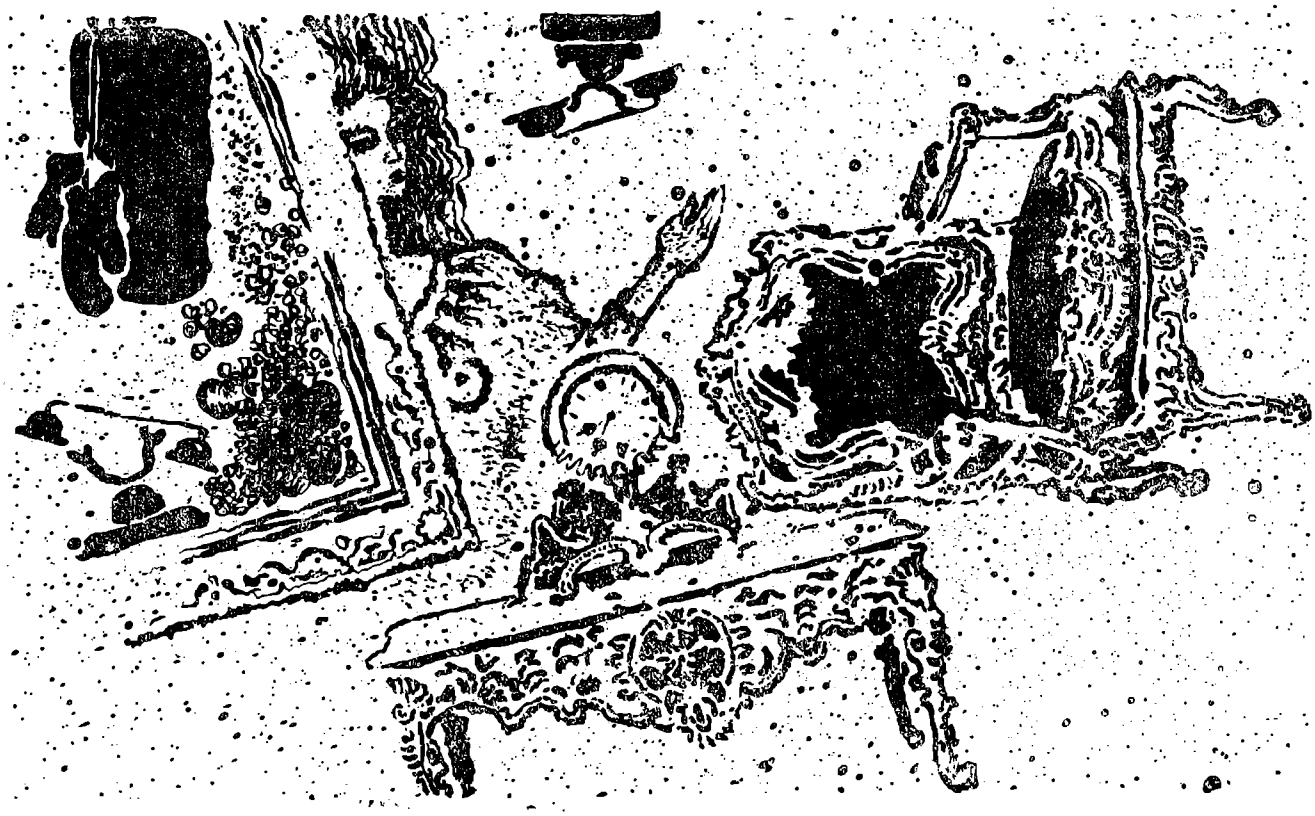
В дверь позвонили. Вошел Мёрс в сопровождении двух помощников с чемоданчиками в руках.

— Сюда... Это в спальне... Нет смысла и спрашивать у вас, что находилось здесь, на этом выцветшем участке.

— Разумеется, ковер.

— На покрытии пола остались нитки... Я хотел бы, чтобы их собрали и исследовали... В любом случае нужно как следует осмотреть всю квартиру... Мне было бы интересно найти здесь планы поместий или замков. Или, например, переписку с иностранными антикварами или торговцами картин.

Мори был ошеломлен и не пытался этого скрыть.



— Это что еще за новости?

— Пока лишь идея, витающая в воздухе, но она может во что-то вылиться. Не буду вам мешать, Мёрс. У меня есть еще одно дело... Там вы мне тоже, вероятно, понадобитесь.

И повернувшись к Манюэлю:

— Вас я оставляю тоже. До нового приказа вы остаетесь на свободе, но вам запрещается выезжать из города...

— А в Бандоль?

— Это я вам сообщу завтра утром.

— Я могу позвонить Лине?

— Вы ведь пойдете к ней.

Манюэль пожал плечами.

— Раз уж вы так осведомлены, не буду отрицать. Тем более что мы не сделали ничего плохого.

— Я вам этого искренне желаю.

Несколько минут спустя Мегрэ входил в отель «Острова». Он не относился к разряду шикарных гостиниц, но был достаточно комфортабельным и на редкость чистым. Здесь, вероятно, подолгу жили одни и те же постояльцы. Он обратился к дежурной:

— В каком номере остановился Джо Мори?

Девушка по другую сторону конторки смотрела на него, улыбаясь.

— Третий этаж, номер двадцать два, мсье Мегрэ.

— Он сказал вам, что ждет меня?

— Нет. Он сказал, что к нему должны придти, но я сразу узнала вас, как только вы вошли.

Мегрэ поднялся на лифте и постучал в двадцать второй номер. Ему сразу открыли. Это был Джо, он ушел со склада, чтобы быть дома, когда придет комиссар.

— Что вы сделали с моим братом?

— Я оставил его дома. Правда, вместе со специалистами из Отдела установления личности, они тщательно исследуют его квартиру.

— Вы его не арестовали?

— Завтра он понадобится Лине... Он должен ехать в Бандоль... А вы?

— Я не собирался туда ехать... О какой Лине вы говорите?

— Бросьте... Это уже дело прошлое... Ваш брат признался, что был ее любовником...

— Я вам не верю.

Они находились в маленькой гостиной с обивкой серо-жемчужного цвета, немного старомодной, но достаточно приятной. Поколебавшись, Джо потянулся к телефону и набрал номер брата.

Мегрэ, руки за спину, осматривал все вокруг, наугад открыл одну из дверей и столкнулся с молодой женщиной в незастегнутом, наброшенном на голое тело пеньюаре.

— Полагаю, вы любовница Джо? Вопрос, конечно, праздный, потому что я застал вас в спальне возле разобранной постели, а на кресле лежит ваша одежда.

— А что в этом плохого?

— Ничего. Сколько вам лет?

— Двадцать два.

Мегрэ услышал голос Джо, говорившего по телефону:

— Он уже с ней... У меня не было времени... Но ты сам хорош! Это правда, что он разрешил тебе поехать в Бандоль, и ты говорил с ним о Лине? Ты должен был меня предупредить... Не знаю... Он бесе-

дует с ней в спальне... Ты ведь ее знаешь... Она может говорить часами, увы, я так и не нашел глухонемую, которая бы мне подошла.

Он повесил трубку и застыл на пороге спальни.

Девушка говорила:

— Меня зовут Марсель... Марсель Ванье... Я родом из Безье, но как только смогла, приехала в Париж...

— Сколько времени вы связаны с Джо?

— Месяц, и я не строю на этот счет никаких иллюзий... Вряд ли это продлится еще месяц...

— Застегни халат! — сухо приказал ей молодой человек.

И повернувшись к Мегрэ, добавил:

— Если бы вы мне сказали, что именно вы ищите, мы, возможно, выиграли бы время... Вы знаете, у меня машина под разгрузкой, а потом нужно отпускать товар.

Комиссар, словно не слыша, продолжал, обращаясь к Марсель:

— Где вы были позапрошлую ночь?

— В котором часу?

— С одиннадцати...

— Ходили с Джо в кино. Сразу же вернулись, потому что он устал.

— Когда ему позвонили по телефону?

Она открыла рот, потом снова закрыла и с вопросительным видом посмотрела на Мори.

— В этом ничего нет особенного,— произнес тот.— Мне позвонил брат и сообщил, что он намерен в ближайшие дни отправиться кутнуть в провинцию.

— В Бандоль? — насмешливо спросил Мегрэ.

— В Бандоль, или в другое место. Этого он мне не сказал.

— Если ваш брат упоминал Бандоль, значит, он опережал события, ведь Морис Марсиа еще не был убит...

— А мне откуда об этом знать?

— Только вчера это сообщалось во всех газетах с указанием часа, когда наступила смерть,— примерно в половине первого ночи...

— Возможно, но меня это не интересует.

— У вас здесь нет картин?

— Каких картин?

— Не знаю. В этом деле замешано много любителей живописи.

— Ко мне это не относится.

— И обстановка у вас, честь по чести, гостиничная?

— А как может быть иначе?

— Здесь вы храните счета и деловые бумаги?

— Конечно, нет. На улице дю Кэр. Это вполне естественно.

— Мадмуазель Марсель, вы работаете?

— В настоящее время нет.

— А чем вы занимались до того как встретили этого парня?

— Работала в баре на улице Понтье... Наверное, зря бросила это место...

— Я тоже так думаю.

— Что вы мне посоветуете?

— Послушайте, вы...— вмешался Джо, сжав кулаки.

— Потише, малыш... Я ведь вас сегодня не увожу. Можете еще наслаждаться жизнью. Но не вздумайте уезжать из Парижа. Да, еще один совет. Не дотрагивайтесь до Блохи даже пальцем, если его встретите... Это может вам дорого обойтись.

И Мегрэ, набивая трубку, стал спускаться по лестнице. Он забыл про девушку-дежурную и был очень удивлен, когда молодой веселый голос крикнул ему вдогонку:

— До свидания, мсье Мегрэ.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Приехав на набережную Орфевр, Мегрэ тут же вызвал к себе в кабинет Жанвье.

— Ничего нового по делу Марсиа?

— Нет. Только звонил инспектор Луи. Он хотел с вами поговорить.

— Он у себя?

— Нет. Будет в половине первого в ресторане «Рона» на бульваре Клиши.

— Пообедаешь со мной?

— Охотно. Жена сегодня уехала к матери, и мне придется обедать в ресторане.

Комиссар позвонил мадам Мегрэ.

— У меня много работы, и обедать я не приду.

Она и так это знала. Всякий раз, когда расследование доходило до какой-то определенной ситуации, Мегрэ испытывал потребность устроить себе передышку, вот так, пообедав с одним из своих сотрудников в пивной «Дофин».

Это был своего рода прием, чтобы постоянно быть погруженным в атмосферу дела и ни на минуту не отвлекаться. Оба спокойно шли пешком до пивной и занимали места у стойки, где уже собиралось много их коллег с набережной Орфевр.

— Разнообразия ради,— проворчал Мегрэ,— возму-ка я стаканчик аперитива...

Такое с ним случалось редко. С тех пор как его старый друг, доктор Пардон, посоветовал ему следить за здоровьем, он пил гораздо меньше, чем раньше, и ему часто случалось долго держать в зубах потухшую трубку.

— Ты не знаешь, что Луи от меня нужно?

— Всем известно, что он любит напускать на себя таинственный вид.

— Удивительный он человек, но в бригаде работать не смог бы. Он непременно должен действовать в одиночку...

Хозяин подошел поздороваться с ними. Он совсем облысел, но поскольку этот процесс длился уже долгие годы, никто не замечал особых перемен.

— Что сегодня на обед?

— Свиные сосиски... Но если вы предпочитаете бифштекс...

— Давайте сосиски! — отрезал Мегрэ.

— Мне тоже,— как эхо, повторил Жанвье.

Они вошли в зал ресторана, где заняты были только четыре столика. За двумя сидели адвокаты. Здесь Мегрэ и его сотрудники чувствовали себя, как дома. У комиссара было свое постоянное место, в углу у окна, откуда открывался вид на Сену и проходившие по ней катера. Из окна кабинета он тоже видел эти же катера, и так продолжалось более тридцати лет. Впрочем, это зрелище ему не наскучило.

— Сделай одолжение,— сказал он Жанвье.— Когда вернешься на набережную Орфевр, позвони в Орли и закажи мне на завтра билет на Марсель. Желательно, в середине дня.

— Вы летите в Бандоль?

— Да. Неофициально, конечно, поскольку эти места не входят в нашу юрисдикцию.

— Днем должен быть транзитный рейс.

— Кстати, уже половина первого. Позвони инспектору Луи. Пусть, как только освободится, зайдет ко мне.

В четверть второго Вдовец уже сидел напротив комиссара. За окном шелестела листва. Мегрэ снял пиджак. Луи, как всегда, был одет во все черное.

— Сегодня утром мне звонила подруга моего неизвестного собеседника.

Мегрэ не смог сдержать улыбки.

— Имени своего она не назвала... Она очень взволнована: вот уже двое суток ее друг не подает признаков жизни.

Мегрэ спокойно ждал продолжения.

— Другая новость менее достоверная... Трое или четверо подозрительных личностей внезапно исчезли с Монмартра, и все они случайно оказались друзьями братьев Мори.

— У меня тоже есть для вас новость, инспектор. Я знаю, кто ваш анонимный осведомитель.

Луи густо покраснел. Ему показалось невероятным, что комиссару за сутки удалось установить личность этого таинственного человека. Иначе говоря, сделать то, чего сам он не сумел сделать за долгие годы.

— Кто это?

— Вы знаете Блоху?

— Да его знают все на Монмартре.

— Это он... Я узнал это от самого Манюэля Мори, то ли он случайно проговорился, то ли считал, что я в курсе дела.

Больше тридцати лет Мегрэ знал человека по прозвищу Блоха, потому, что ростом тот был не больше метра пятидесяти. К тому же он отличался

Окончание. Начало в № 8.

крайней худобой, и лицо у него тоже было необычным: большую часть занимал рот — удивительно подвижный, словно из резины.

Он работал рассыльным в «Крысином погребке», в шикарном кабаре на площади Пигаль, куда большинство клиентов приходили в смокингах. Блоха был одет в красного цвета униформу — короткий пиджачок и брюки, фуражка с галунами. Он стоял у двери, готовый мчаться, куда угодно.

Теперь «Крысиного погребка» больше не существовало. Блоха, настоящее имя которого — Жюстен Кроттон, много лет работал в пивной на улице Виктор-Массэ, куда частенько наведывались главари преступного мира.

Он по-прежнему был на редкость худым и таким проворным, что мог пробраться куда угодно, только лицо его покрылось морщинами. Издалека его вообще можно было принять за подростка, но и вблизи он неплохо выглядел для своих сорока пяти или сорока шести лет.

— Как же я не узнал его голос? — сетовал Луи.

— Должно быть, он старался его изменить.

— Не настолько. Теперь, когда вы мне сказали, я задним числом узнаю... Как же я о нем не подумал!

— На какие деньги он жил последнее время?

— Он сожительствовал с девицей из «Канарейки». Она живет на улице Фромантен.

— Сутенер?

— Очень возможно. Точно я не знаю. Странно, что такая видная девица живет с этим недомерком... Он родился в Париже, на бульваре Ля Шапель, думаю, нет смысла объяснять вам, чем занималась его мамаша. Она отправила его к одной из своих сестер в Вандею; в четырнадцать лет он вернулся в Париж и, чтобы существовать, выкручивался, как мог.

— Он в опасности,— значительно произнес Мегрэ.

— Вы полагаете, что Мори могут осмелиться...

— Сами они останутся вне подозрений, но в их окружении достаточно профессиональных убийц, и если нужно будет убрать лишнего свидетеля...

Инспектор Луи никак не мог прийти в себя:

— Блоха! Ведь его никто не боится... Его считают безобидным существом, полу-мужчиной, полумальчишкой, с морщинистым лицом. Он водит дружбу с отпетыми парнями, которые без опаски говорят при нем на любые темы... Думаю, он мечтает считаться своим в их среде. Я не удивился бы, если бы ему поручили стоять на стреме...

— Как зовут его подружку?

— Бланш Пигу... Улица Фромантен, дом двадцать восемь. Это в двух шагах от бульвара Клиши, где я только что обедал.

— Вы ее знаете?

— Только с виду. Она ни разу не была замешана ни в чем подозрительном.

— Наверняка она ложится спать только под утро. У нас есть шанс застать ее дома...

— Если ей не нужно сегодня делать прическу... Эти девицы встают рано, когда идут к парикмахеру.

Мегрэ подозвал Жанвье.

— Хочешь пойти с нами? Мы снова отправляемся на Монмартр.

— Взять машину?

— Конечно...

Они поехали втроем. День был солнечный, правда, слишком жаркий для мая. Неудивительно, если бы разразилась гроза.

Улица Фромантен оказалась тихой. Дом номер двадцать восемь был сравнительно новым, довольно комфортабельным с виду.

— Поднимемся втроем? — спросил Жанвье.

— Сначала я поднимусь один, чтобы ее не испугать. Пусть меня сопровождает инспектор Луи, ведь звонила она ему.

— Третий этаж, вход с улицы,— сказала им консьержка.

На лестнице пахло едой, где-то плакал ребенок. Мегрэ нажал кнопку звонка. Пришлось подождать, пока дверь им открыла девушка, довольно пухленькая, в накинутом на голое тело пеньюаре.

Она узнала инспектора Луи.

— Вы его нашли?

— Еще нет, но с вами хотел бы поговорить комиссар Мегрэ.

— Но я в таком виде... Я спала... Еще даже не успела причесаться.

— Мы подождем,— добродушно сказал Мегрэ.

У девушки было открытое, немного наивное лицо. На вид ей можно было дать лет двадцать пять, а образ жизни еще не наложил отпечаток на ее внешность.

— Входите... Располагайтесь... Я сейчас...

Она вошла в комнату, к которой, вероятно, примыкала ванная.

Если бы комиссару не приходилось часто иметь дело с определенным типом женщин, на которых порядочные женщины смотрят с презрением, он бы удивился, увидев, что подобная девица живет в такой обстановке.

В гостиной стояла добротная мебель типа модерн, какую можно встретить в каждой второй парижской квартире. И мебель, и паркет были тщательно натерты. Слегка попахивало мастикой.

Открыв наугад какую-то дверь, Мегрэ оказался в чистенькой кухне.

— Может быть, выпьете кофе? — предложила девушка, появившись в том же пеньюаре, сквозь которое просвечивало голое тело, но со следами косметики на лице.

— Нет, спасибо.

— Вы не возражаете, если я приготовлю себе? При моей профессии нельзя отказываться, когда клиент угощает спиртным. Боб, бармен, если удается, наливает мне холодного чаю вместо виски, но некоторых посетителей не проведешь... Если хотите, в холодильнике есть пиво... Жюстен обожает пиво, считает, что от него можно поправиться. Представляете, он весит около сорока двух килограммов. Он чуть не стал жокеем, но его обучение продолжалось всего два дня... Он боится лошадей.

— Но не боится уголовников с Пигаль...

Она включила электрическую кофеварку. Кухня была оснащена современными приспособлениями.

— Вы мне не ответили насчет пива.

— Охотно выпью стаканчик...

— Ваш инспектор пьет только минеральную воду Виши, а у меня ее нет.

— Откуда вы знаете, что он пьет только Виши?

— Он изредка заходит в «Канарейку», когда осматривает все заведения... Садится в уголке в баре и слушает... Он знает гораздо больше, чем хочет показать.

— Вы знали, что Блоха звонил инспектору?

— Пожалуй, нет...

Взяв чашку кофе, она пошла в гостиную, а Мегрэ последовал за ней со стаканом пива.

— Он странный парень, инспектор Луи может вам рассказать. Не так ли, инспектор?

— Я всегда удивлялся, почему вы решили жить с ним вместе.

— Прежде всего потому, что я не выношу большинства сутенеров... По своим задаткам, я должна была стать порядочной женщиной, ведь я чувствую себя счастливой только, когда стряпаю, занимаюсь хозяйством...

Все трое сидели в удобных креслах.

— С такой профессией, как у меня, необходимо, чтобы рядом был мужчина...

— Даже такой неполноценный, как Жюстен Кротон?

— Зря вы так думаете. Действительно, в нем много инфантильного, но при этом — намного больше здравого смысла, чем это кажется...

Она не обращала внимания на то, что ее пеньюар почти распахнулся. Кожа у нее была ослепительно белой и, вероятно, очень нежной.

— Он всегда мечтал быть своим среди этого сброда. Для начала, как и многие, стал сутенером.

— Этим он занимается и теперь?

— Я не мешаю ему так думать... Благодаря этому он чувствует себя человеком. Теперь, как и во времена, когда он служил рассыльным, он охотно оказывает услуги любому... Время от времени он напускает на себя таинственный вид и сообщает:

— Не удивляйся, если я ночь или две не буду ночевать дома... Мы подготовили вооруженный налет.

— Он говорил правду?

— Действительно, какая-нибудь банда в это время готовила ограбление, но он-то в нем не участвовал... Я, правда, не знала, что он звонил инспектору и сообщал ему собранные сведения... Это придавало ему значительность в собственных глазах.

— Что произошло за последние два дня? Что он вам рассказывал?

— Ничего конкретного. Однажды утром он вернулся домой какой-то возбужденный. «Сегодня ночью был большой шум,— сказал он,— скоро это появится на первых страницах газет и вызовет сенсацию...» Кража со взломом? — спросила я. «Почище... Убийство... И жертва — известная личность в нашем квартале». Ты не можешь назвать мне имя? — спросила я. «Это скоро появится в газетах. Речь идет о мсье Морисе». Хозяине «Сардины»? — «Да... И только я один, не считая убийцы и его любовницы знаю, кто это сделал». А я предпочла бы не знать.

Она взяла новую сигарету, так как одну уже выкурила, выйдя из ванной.

— Я спросила его, что он собирается делать. Он ответил: «За меня не волнуйся». Надеюсь, ты не станешь шантажировать этого типа, спросила я. «Ты прекрасно знаешь, что это не в моих правилах». Ему известно, что ты в курсе? — продолжала я. «Если он узнает, до пенсии мне не дожить...»

Она на минутку замолчала, выпустив кольцо дыма.

— Это был его звездный час. «Если бы ты знала, о ком идет речь. Один из воротил на Монмартре... Что до его любовницы...» Ничего мне не говори... «Как хочешь. Ты узнаешь правду из газет, если только газеты посмеют опубликовать этот материал». Он

ушел утром и с тех пор я его больше не видела. Вечером в «Канарейке» на меня как-то странно поглядывали, а двое незнакомых мужчин буквально не сводили с меня глаз. Я, как всегда, сидела в баре с одним клиентом из провинции. Когда он бывает в Париже, то не упускает случая со мной встретиться... Мы пошли с ним в отель, а когда вышли оттуда, один из незнакомцев ходил взад и вперед по тротуару. Сначала я испугалась за Блоху. Его все так называют, и я в конце концов тоже привыкла... Впрочем, он этим очень гордится... Это своего рода популярность... Кроме того, он обожает корчить гримасы, чтобы рассмешить публику...

— Он мне звонил по телефону,— с деланным безразличием произнес инспектор Луи.

— Так я и думала. Вот откуда его таинственный вид и странные слова перед уходом. Ему действительно грозит опасность?

На сей раз ответил Мегрэ:

— Вне всякого сомнения. Убийца мсье Мориса знает, что его выдал Блоха.

— А я? Как вам кажется, за меня они не возьмутся?

— За вами по-прежнему следят?

— В прошлую ночь один из этих двоих снова был в «Канарейке». Его позвали к телефону, и он ушел, покосившись на меня.

— Если не ошибаюсь, они сейчас стараются скрыться в разных уголках Франции.

— А братья Мори?

— Кто вам о них говорил? Ни в газетах, ни по радио не упоминались их имена.

— О них судачит весь квартал. Они тоже уехали?

— Нет. Мы не выпускаем обоих из вида.

— Вы думаете, это они?

— Я не могу ответить на этот вопрос. В котором часу обычно вы выходите из дома?

— Часа в два или в три. Я хожу за покупками, ведь я люблю стряпать... Около десяти вечера навожу марафет и отправляюсь на работу — в «Канарейку»... Занимаю свое место в баре и жду... Иногда два часа, иногда только несколько минут, а случается просиживать до самого закрытия.

— Через час на улице будет стоять полицейский в штатском. Не удивляйтесь, он будет ходить за вами по пятам и сделает все возможное, чтобы вас защитить.

— Я должна идти на панихиду завтра? Все туда идут...

— Идите... Я тоже там буду... Как и ваш ангел-хранитель.

— Это мне напоминает уроки закона божьего...

Мегрэ и инспектор поднялись.

— Узнаете что-то новое, сразу же звоните в Уголовную полицию. Вызывайте меня или кого-нибудь из инспекторов моей бригады. Инспектор Луи редко бывает в своем кабинете.

— Благодарю вас, господин комиссар... До свидания, инспектор... Если у вас будут сведения о Жюстене...

— Надеюсь, что у нас их не будет. Он почуял опасность и где-то спрятался... Ему не нужно далеко уезжать, он знает Монмартр, как свои пять пальцев, а ведь там есть такие укромные уголки, где он сможет скрываться недели напролет и никому не попадаться на глаза.

— Хорошо бы,— вздохнула она, постучав по деревянной крышке стола.

Жанвье ждал их у входа.

— Ну, что?

— Она, конечно, боится, и я не могу ее за это упрекать... Боится за Блоху, боится за себя... Я обещал ей, что через час человек из нашей бригады будет стоять у ее дома и неотступно следовать за ней. Не забудь позаботиться об этом, когда мы вернемся на набережную... Подбери кого-нибудь, кто может появиться в шикарном ночном кабаре, не привлекая к себе внимания.

Мегрэ повернулся к Луи.

— Вы пока останьтесь возле дома. Как только придет наш инспектор, он вас сменит.

— Хорошо, господин Дивизионный комиссар.

Ведя машину, Жанвье спросил:

— Как она выглядит?

— Очень неплохо... Наверное, если бы жизнь ее сложилась иначе, когда ей было лет семнадцать-восемнадцать, она стала бы хорошей женой и отменной хозяйкой.

— Она знала?

— О телефонных звонках Блохи? Начала догадываться только два дня назад... Просто невероятно... Это ничтожество с лицом клоуна умудрялся долгие годы быть осведомителем инспектора Луи, и никто этого не подозревал... Он упивался этой ролью, она вселяла в него веру в свои силы. Когда арестовывали тех, кого он выдал, он имел право сказать:

«Благодаря мне».

И это было правдой.

Днем Мегрэ поднялся на верхний этаж Дворца правосудия, где находились владения Мёрса: лаборатория Отдела установления личности.

В девяти случаях из десяти требовались специалисты, хотя бы для того, чтобы определить отпечатки пальцев, однако в этих комнатах со сводчатыми потолками работали всего человек десять в белых халатах.

— Полагаю, еще слишком рано ждать каких-нибудь новостей?

Скромный, худощавый Мёрс обычно ходил в мятом костюме. Он так давно появился на набережной Орфевр, что теперь невозможно было представить Отдел установления личности без него. Он был готов приступить к работе в любое время дня и ночи. Правда, никто не ждал его в студенческой холостяцкой квартирке в Латинском квартале.

— Одно уже ясно,— заметил он своим слегка монотонным голосом.— Совсем недавно, скорее всего вчера днем, натерли воском всю мебель, протерли дверные ручки, пепельницы, самые мелкие предметы, чтобы уничтожить отпечатки пальцев. Установить нам удалось только отпечатки хозяина квартиры, Манюэля Мори, карточку которого я нашел в картотеке, и отпечатки служанки, которая, по словам консьержки, приходила в квартиру вчера днем. Я забыл упомянуть о других отпечатках, ваших, комиссар.

— Значит, не оставили ни одного отпечатка?

— Ни одного, шеф. Можно сказать, профессиональная работа.

— Так это и есть профессионалы. В каком году заведена карточка на Мори?

— Четырнадцать лет назад.

— Ограбление?

— Да, во время отпусков ограблен частный особняк на авеню Ош.

— Сколько ему дали?

— Тогда ему еще не исполнилось восемнадцати лет, и это была первая судимость. Кроме того, решили, что он в ограблении не участвовал, а только был на подхвате. Кражу совершили пятеро.

— Что-то смутно припоминаю, хотя сам я этим делом не занимался.

— Он получил год тюрьмы...

— Есть какие-нибудь доказательства, что в его квартире, особенно в спальне, часто бывала женщина?

— Мы перетряхнули стенные шкафы буквально до нитки: никаких следов — ни пудры, ни крема, ни единого женского волоса.

— А покрытие на полу?

— Дорен, один из лучших в мире специалистов по животным и растительным волокнам. Это его конек. Он больше часа изучал покрытие через лупу и собрал не больше трех десятков едва заметных обрывков нитей... Он работал над ними много часов... Я имею в виду шелковые нитки — очень старые, им, как минимум, триста лет, и Дорен готов поклясться, что они выдернуты из китайского ковра. Он продолжает расследовать свою находку, чтобы окончательно разрешить эту задачу.

Мегрэ нравилась атмосфера, царившая в этих комнатах под самой крышей, где можно было спокойно работать, в стороне от посетителей.

Каждый знал, что он должен делать. Возле одного из слуховых окон стоял каучуковый манекен, к которому приходилось прибегать для воссоздания ситуации, когда, например, нужно было установить, в какой позе находился человек, получивший соответствующий удар ножом, или по положению тела жертвы определить траекторию пули.

— Если завтра обнаружите что-нибудь новое, сообщите Жанвье. Я еду в Бандоль.

Мёрс был не из тех, кто проводит отпуск на Лазурном берегу, и потому для него Бандоль казался чем-то сказочным.

— Вам там будет жарко,— только и пробормотал он.

Когда Мегрэ за ужином сообщил жене, что завтра едет в Бандоль, она улыбнулась и сказала:

— Я и так знала.

— Откуда?

— Только что по радио сообщили, что панихида состоится завтра в церкви Нотр-Дам де Лоретт, а погребение на кладбище в Бандоле... Что ты надеешься там обнаружить?

— Ничего конкретного. Может быть, какой-то след, пусть даже самый ничтожный... Собственно, причина, по которой я поеду туда и буду завтра утром присутствовать на заупокойной службе, одна и та же...

— Там будет жарко.

— Возможно, мне придется там переночевать... Все будет зависеть от самолета... Наверное, я не стану возвращаться в Париж поездом...

— Я приготовлю синий чемоданчик...

— Да. Белье и туалетные принадлежности. Больше ничего.

Ему было немного не по себе из-за того, что он ехал на юг за казенный счет, поскольку острой необходимости в этом не было. Скорее наоборот. Все шло к тому, что никаких улик он там не обнаружит.

Спал он спокойно и, когда мадам Мегрэ принесла ему кофе в кровать, он зажмурился от слепящих лучей солнца

— Сейчас передавали, что сегодня в Марселе температура тридцать два градуса,— улыбаясь, заметила она.

— А в Париже?

— Двадцать шесть... Это самый теплый май за тридцать лет.

— Мой самолет улетает в двенадцать с минутами, не помню точно, билет покупал Жанвье. Перед тем как ехать в Орли, я еще успею заскочить на набережную Орфевр. Чемодан беру с собой.

— А когда и где ты будешь обедать?

— В крайнем случае, перехвачу что-нибудь в Орли...

Он уже направился к двери, когда жена вдруг спросила:

— Ты меня не поцелуешь?

Пришлось вернуться.

— Только не волнуйся. Вот уже полвека я не летаю на одномоторных самолетах и не собираюсь обогнуть земной шар...

И все же ему было немного не по себе всякий раз, когда он расставался с женой больше, чем на сутки.

Выйдя на улицу, он поднял голову, заранее зная, что жена будет стоять у окна.

И это было очень кстати, потому что она показала ему в окно синий чемодан, который он оставил в передней, и они встретились на полпути в подъезде.

В четверть десятого Жанвье вошел в кабинет комиссара.

— Говорят, вся улица запружена и церковь не сможет вместить всех желающих...

Мегрэ предвидел нечто подобное, но не настолько.

— По-прежнему, нет новостей от Блохи?

— Нет. Этой ночью кто-то звонил Бланш Пигу в «Канарейку». Когда она вернулась в бар, она выглядела взволнованной, но почти сразу же к ней подсел клиент.

— В котором часу она вернулась домой?

— Около четырех утра...

— Тем хуже,— пробормотал Мегрэ себе под нос.

Он поискал номер телефона молодой женщины и набрал его. К его великому удивлению, она тут же сняла трубку.

— Кто говорит? — спросила заспанным голосом.

— Комиссар Мегрэ.

— Что-нибудь новое?

— У меня нет, а вот вам кто-то ночью звонил в «Канарейку». Кто именно?

— Это он, да...

— Он сказал вам, где прячется?

— Нет. Он хотел знать, в курсе ли вы его дел, вы или инспектор Луи... Я ответила, что в курсе... Тогда он спросил, сердитесь ли вы на него, и я сказала, что нет...

Она напоминала заспанную девчонку.

— Ведь это правда, что вы на него не сердитесь?

— Он по-прежнему боится?

— Да. Он еще спрашивал, не бродят ли незнакомцы возле дома. Потом поинтересовался: «Еще никого не арестовали?». Я ответила, что не знаю.

«Даже не было обыска у Манюэля Мори?». По-моему, был, сказала я. Ко мне приходил комиссар Мегрэ с инспектором Луи, но они мне ничего подробно не рассказывали... Во всяком случае, меня круглые сутки охраняет полицейский.

— Он больше ничего не говорил? — спросил Мегрэ.

— Только то, что каждую ночь меняет пристанище... Вот и все... Я не могла долго разговаривать, потому что возле меня уже вертелся клиент...

— Продолжайте спать и ничего не бойтесь... Если днем появится что-нибудь новое, обратитесь к инспектору Жанвье на набережную Орфевр.

— Вы едете в Бандоль?

Его уже это раздражало. Все говорили об этом путешествии, словно он сообщил о нем в газетах.

— Так вот! — вздохнул он, глядя на силуэт Жанвье, выделявшийся на фоне деревьев.— Не знаю, хорошо ли это придумано, но каждую ночь он меняет адрес.

— Это, наверное, не так уж глупо... Видимо, немало людей его разыскивают...

Если Мори дал такой приказ, что было весьма вероятно, то за Блохой охотилась вся шпана с Монмартра. А уж с его-то внешностью он не мог раствориться в толпе.

— Я скоро заеду за своим чемоданом. Кстати, дай мне мой билет.

К счастью, отлет был позднее, чем он думал, в 12.55.

— До скорого!

Он велел ехать на улицу Баллю и попросил полицейского, который вел машину, чтобы тот остановился у церкви и подождал его там.

Перед домом толпилось не меньше двухсот человек и только немногие поднимались наверх, чтобы выразить соболезнование. Кого здесь только не было — и местные лавочники, и сутенеры, и владельцы ресторанов и ночных кабаре.

Начали выносить цветы и венки. Для них потребовались две отдельные машины.

Затем четверо мужчин спустили гроб красного дерева и поставили его в похоронный экипаж.

Церковь находилась неподалеку, к тому же не хватило бы машин, чтобы перевезти туда всех пришедших.

Когда на пороге появилась Лина Марсиа, белокурая и бледная, в глубоком трауре, толпа вздрогнула, как при появлении кинозвезды, и казалось, что вот-вот зааплодирует.

Она села в огромную черную машину, которая медленно двинулась за толпой. Впереди процессии шли служащие «Сардины». За ними — те, кто прежде работал с мсье Морисом, люди его возраста и даже постарше.

Они шли степенно, с непокрытой головой, держа шляпы в руках, а из окон высовывались любопытные.

В ослепительном свете солнца это зрелище выглядело особенно торжественным и, наверное, Марсиа остался бы доволен такими похоронами.

Обернувшись, Мегрэ увидел, что процессия, занимавшая всю улицу, растянулась больше чем на 300 метров, и полицейским, неуверенно манипулировавшим белыми жезлами, пришлось перекрыть уличное движение.

— Классные похороны,— восхитился проходивший мимо мальчишка.

Церковь действительно уже была переполнена и свободными остались только первые ряды, отгороженные черными шнурами.

Лина держалась очень прямо и шла одна, по-прежнему впереди, а ее голубые глаза оставались непроницаемыми.

Так же одна она села в первом ряду, а сотрудники покойного во втором.

Люди стояли в обоих нефах, на паперти, а через открытые главные двери в церковь врывались порывы весеннего ветра.

Орган заиграл траурный марш и через несколько минут началась служба.

Мегрэ, стоя в левом крыле и изучая лица присутствующих, очень скоро заметил Мори. Тот находился в окружении влиятельных, знатных особ, словно имел на это право, хотя был самым молодым из них.

Когда он встретился глазами с Мегрэ, комиссар прочел в них скрытый вызов.

Мегрэ не стал дожидаться окончания церемонии. Было жарко. Ему хотелось пить. Через несколько минут он уже сидел в прохладном бистро в ожидании кружки пива.

— Вот это похороны по первому разряду,— пробормотал хозяин бистро. От старости у него уже слегка дрожали руки.— Хоронят-то кого?

— Хозяина ресторана «Сардина».

— Это выше, на улице Фонтен?

— Да.

— Мне кажется, он был гангстером...

— Был, в молодости.

Мегрэ залпом выпил кружку пива, расплатился, а затем отыскал черную машину Уголовной полиции.

— На набережную.

— Хорошо, шеф.

Было одиннадцать часов. Он как раз успевал взять чемодан, пожать руку Жанвье и на той же машине ехать в Орли.

Интересно, Лина и Манюэль поедут вместе? А гроб отправят до Бандоля самолетом?

Когда с формальностями было покончено, у Мегрэ оставалось еще немного времени, и он отправился на поиски комиссара аэропорта. Мегрэ хорошо знал его по совместной работе на набережной Орфевр.

— Вы летите в Бандоль?

Мегрэ едва не выругался.

— Да... Кажется, лечу через двадцать минут.

— Скоро объявят посадку...

— Скажите... Вы не знаете, не зафрахтован ли какой-нибудь самолет для перевозки гроба?

— Мсье Мориса?

— Да.

— Его отправят в три часа на специально нанятом самолете вместе с женой, разумеется, он — в ящике, а она рядом.

Мегрэ предпочел никак не реагировать на эту остроту.

— Сколько времени займет вся поездка?

— Они должны приземлиться в Тулоне, оттуда похоронная машина перевезет гроб в Бандоль — недалеко, всего четырнадцать километров.

— Пассажиры на Марсель...— объявил громкоговоритель.

И Мегрэ направился к указанной двери. Десять минут спустя самолет оторвался от земли.

Он дал себе слово, что будет любоваться пейзажем, потому что особенно любил эту дорогу — на юг от Лиона. Однако из этого ничего не вышло: Мегрэ заснул раньше, чем долетели до Роны.

Из марсельского аэропорта его привезли на вокзал, а полчаса спустя поезд отошел на Бандоль.

Ему было очень неудобно держать на коленях чемодан и непрерывно снимать шляпу, чтобы вытереть лоб.

В Бандоле уже на платформе он почувствовал, что солнце буквально обжигает, и даже пожалел, что приехал. У вокзала стояла вереница такси и один старый фиакр. Мегрэ предпочел фиакр.

— Куда вас везти, мсье?

— Вы знаете какой-нибудь приличный отель на набережной?

— Будете там через пятнадцать минут.

Колеса вязли в расплавленном от жары асфальте. Город был почти весь белый, как Алжир, вдоль некоторых улиц росли пальмы.

Сквозь листву блеснуло ярко-синее море. Потом показался пляж, где загорало всего несколько человек, а еще пять-шесть купались. Сезон еще не начался.

Проехали казино. Отель был тоже белый, с огромной террасой, усеянной цветными зонтиками.

— У вас найдется комната?

— Надолго?

— На одну ночь.

— На одного? Вы предпочитаете с видом на море?

Он заполнил бланк для приезжающих.

— Двести тридцать третья комната.

Отель назывался «Тамариск». Все было свежим и чистым.

— У вас можно что-нибудь выпить?

— Бар в конце коридора.

Он отправился туда и выпил кружку пива.

— Вы, случайно, не комиссар Мегрэ? — спросил наблюдавший за ним некоторое время бармен.

Это был еще очень молодой блондин, который тут же зарделся от собственной смелости.

— Вы надолго на Лазурный берег?

— До завтрашнего дня.

— Я так и думал... Вы приехали на похороны мсье Мориса, верно?

— Он был заметной фигурой в этих местах?

— Попросту говоря, сам господь бог.

— Далеко отсюда его вилла?

— Добрых четверть часа пешком. Это, практически, на другом конце побережья, недалеко от виллы покойного Рэмю. Вы ее легко узнаете, возле дома огромный бассейн...

Мегрэ все время не покидало ощущение, что он словчил, устроив себе внеочередной отпуск.

— А кладбище?

— Не меньше километра от виллы... Там соберется много народа... С самого утра уже приезжают из Тулона и Марселя...

— Что за люди?

— Весьма именитые. Я даже думаю, что сам супрефект приедет... Так поговаривают...

Мегрэ выпил вторую кружку пива и, посмотрев на часы, медленно пустился в путь. К счастью, улица, тянувшаяся вдоль моря, была достаточно тенистой.

«Надо будет приехать сюда на несколько дней с женой»,— подумал он.

Должно быть, самолет уже доставил гроб и Лину в Тулон. Чем ближе он подходил к кладбищу, тем больше попадалось ему навстречу людей, спешивших на церемонию, а когда он дошел до поворота, его глазам представилось примерно такое же зрелище, как сегодня утром на улице Баллю.

Кто из них знал всю правду? Неважно. Ведь все равно ни один не осмелился бы открыть рот.

Это сделал один-единственный человек, который позвонил из телефонной будки, даже не назвавшись, а теперь скрывался где-то на Монмартре.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Чуть поодаль от толпы стоял человек, хорошо известный Мегрэ. Это был комиссар тулонской уголовной полиции Бутан.

— Странно,— заметил он, пожимая руку Мегрэ,— я думал о вас утром, когда брился, точно предчувствовал, что вы приедете.

Он указал на толпу.

— Что вы на это скажете? Здесь в самый раз провести облаву... Весь цвет преступного мира, да не только из Тулона — из Марселя, Лиона, Ниццы...

К ним подошел мужчина, которого Бутан представил Мегрэ:

— Шарлеруа, комиссар полиции в Бандоле. Надеюсь, Шарлеруа, вы узнали комиссара Мегрэ?

— Весьма польщен...

Неожиданно возникло замешательство. Поравнявшись с виллой Марсиа, водитель похоронного экипажа чуть было не свернул направо, но к нему подбежал распорядитель церемонии и дал другие указания.

Обе группы смешались. По-видимому, все были знакомы между собой. Пожимали друг другу руки, некоторые перешептывались.

Мадам Марсиа вышла из машины и направилась к вилле. Она уже успела переодеться. Теперь на ней был черный костюм из легкой ткани, шляпа из белого шелка и белые перчатки.

Зачем она пошла одна на виллу? Мегрэ не мог найти никакого объяснения. Бутан и комиссар полиции тоже.

Она оставалась там не больше десяти минут, вышла и снова села в свою машину. Кортеж развернулся и выехал на улицу Эколь, потом на авеню 11 ноября и внезапно остановился у ворот кладбища.

Снова возникла сумятица, потому что многие бросились бегом, перепрыгивая через могилы, чтобы занять места получше у вырытой ямы.

Там уже ждал священник и приветствовал Лину.

Она пролила не больше слез, чем утром в церкви Нотр-Дам де Лоретт. Тяжелый гроб опустили в могилу. Священник прочитал вполголоса несколько молитв, потом дошла очередь до цветов, которые положили пока на соседние могилы.

— Здесь все тузы уголовного мира. Есть и новички, они очень гордятся тем, что находятся в таком обществе. Что вы собираетесь делать, комиссар?

— Еще не знаю.

— Где вы остановились?

— В отеле «Тамариск».

— Там хорошо, и хозяева славные...

Лина уже уехала к себе на виллу. Мегрэ не разглядел в толпе ни Манюэля, ни его брата.

— Я думаю, что сейчас нанесу визит...

— Вам кажется, что она была в курсе дела?

— Не просто кажется, я в этом уверен. К сожалению, у меня нет ни единого доказательства...

— Желаю удачи. Если я вам понадоблюсь, вы знаете, где найти и меня, и Шарлеруа...

Толпа мало-помалу рассеивалась, направляясь к центру города, чтобы освежиться в барах. Только несколько машин, принадлежащих самым важным персонам, укатили обратно в Тулон или в Марсель.

Мегрэ оказался в одиночестве перед белой виллой. Она не ошеломляла грандиозными размерами. Красивая вилла, не больше, и самым примечательным в ней был бассейн, окруженный шезлонгами. В саду росло несколько пальм, много кактусов и каких-то тропических растений, названий которых Мегрэ не знал.

Он поднялся по трем ступенькам крыльца, нажал на кнопку электрического звонка и был удивлен, что дверь тотчас же открылась, и перед ним предстала Лина.

— А я-то недоумевала — неужели вы упустите случай... Ведь вы не уважаете траур, не правда ли?

— А вы?

Войдя в дом, Мегрэ сразу же попал в обширный холл с белыми стенами, обставленный такой же старинной мебелью, правда, в другом стиле, как и в квартире на улице Баллю.

Лина не предложила ему сесть. Стоя, она ждала, пока он начнет говорить. Рука, державшая сигарету, слегка дрожала.

— Я хотел бы с вами поговорить о той ночи, когда убили вашего мужа.

— По-моему, я уже ответила на все ваши вопросы.

— Вы не сказали мне правду, и я снова задаю вам тот же вопрос.

И Мегрэ уселся в одно из кресел, обитое кремовой кожей.

— Вы пользуетесь тем, что у меня не хватает сил выставить вас за дверь...

— Вы никогда не осмелитесь этого сделать... Хотя бы потому, чтобы еще больше не скомпрометировать вашего любовника...

Она побледнела от ярости и стала тушить в пепельнице сигарету.

— Значит, в вас нет ничего человеческого?

— Напротив, даже сверх меры... Но все зависит от собеседника... Нет сомнения, что вы вышли замуж за Марсиа из-за его денег...

— Это мое дело.

Она, наконец, села, скрестив ноги, взяла из золотого портсигара, лежавшего на круглом столике, новую сигарету и зажгла ее.

— Вы были в спальне вместе с Манюэлем... Кто-то изо всех сил стал колотить в дверь. Вероятно, Мори надел халат, а вы поглубже зарылись в одеяла...

Она не шелохнулась. Теперь ее лицо стало непроницаемым... Мегрэ готов был поклясться, что в ее светло-синих глазах промелькнуло только чистое любопытство.

— И что дальше?

— Это был ваш муж.

— И как же, по вашему мнению, он поступил? Пожал Манюэлю руку?

— Он вытащил из кармана пистолет.

— Прямо, как в кино.

— Но мне бы хотелось знать, где находился пистолет Мори. Наверняка в каком-нибудь ящике... В спальне или в гостиной...

— Вы должны доказать, что в квартире хранилось оружие.

Она зажгла сигарету.

— И что там находилась я... И что там был посетитель, и никто иной, как мой муж... Плохо взялись за дело, комиссар...

Мегрэ уже открыл рот, чтобы ответить, но тут она произнесла немного громче:

— Входи, дорогой...

Сразу же открылась дверь и вошел Манюэль Мори в шортах и шлепанцах на веревочной подошве, словно возвращался с пляжа.

— Итак, комиссар, все разъезжаете, как я посмотрю.

Он оглядел Мегрэ с ног до головы ироническим взглядом, подошел к бару и смешал себе Том Коллинз [1].

— Ты тоже хочешь, малышка?

— Меня и вправду мучит жажда.

— А вы, господин легавый?

— Нет...

— Как будет угодно... Здесь бесполезно совать мне под нос вашу желтую бумажку... Вы далеко от ваших охотничьих угодий...

— Я мог бы без труда получить подобную бумагу в местной полиции.

— Но вы этого не сделаете.

— Это почему?

— Потому что у вас нет никаких улик...

— Даже свидетельства Блохи?

— А вы его нашли?

Он насупил брови и продолжал:

— Блоха, наверное, лучше всех знает и девятый, и восемнадцатый округа. У него много знакомых, и большинство готовы ему помочь... Но не вы его найдете, комиссар... Его найдут мои люди... И у вас все равно не будет никаких доказательств... Как видите, я открываю свои карты... Если бы у меня были свидетели, я мог бы еще раз подтвердить, что ни я, ни кто другой в моей квартире не стреляли и что Морис в эту ночь там даже не появлялся. Мы с Линой можем повторять, что между нами никогда ничего не было, и, будьте уверены, я помешаю вам вызвать на суд свидетелей, которые показали бы обратное.

Он вовсе не ломал комедию. Его просто распирало от самоуверенности, и Мегрэ с тревогой наблюдал за ним, пытался понять причину подобного поведения. Создавалось впечатление, что он теперь ничего не боится, а сама Лина казалась такой спокойной, словно ни один Марсиа в мире вообще не существовал.

Комиссар сразу же подумал о Блохе. Неужели люди Мори, как тот их называл, напали на след недомерка и теперь он перестанет представлять для них опасность — замолчит раз и навсегда?

Мегрэ набил трубку, раскурил ее, встал и начал ходить взад и вперед по комнате.

— Я в самом деле нахожусь за пределами вверенного мне округа. Следовательно, не могу воспользоваться документами, которые показывал вам в Париже.

— Именно так...

---

[1] Том Коллинз — американский коктейль.

— Однако мне достаточно снять телефонную трубку, и через полчаса комиссар Бутан появится здесь с ордером на обыск... Полагаю, вы знаете Бутана?

— Да, хотя он и не входит в число моих приятелей.

— Тогда выбирайте... Либо вы мне разрешаете осмотреть виллу, либо я звоню в Тулон...

— Смотрите, ради бога. Только при условии, что вы ничего не заберете с собой.

Тут же в гостиной комиссар сделал открытие. Одна из стен была закрыта полностью книжными шкафами. Все книги — в роскошных переплетах, как и в парижской квартире.

На книжных полках лежали стопки журналов, но не популярные еженедельники, какие продаются во всех киосках. К тому же они никак не соответствовали характеру мсье Мориса. Мегрэ вполголоса читал названия журналов, сделав заключение, что их, по крайней мере, держали в руках:

— «Поместья и замки»... Поучительное чтение, не так ли? «Жизнь в деревне»... «Основы искусства»...

Мори нахмурил брови и взглянул на свою любовницу.

— Это мои журналы,— сказала она.— Я не играю в карты, и когда мужчины заняты партией в джин, сажусь в угол и читаю.

Следующей комнатой была столовая в старинном провансальском стиле, а слева — будуар, где каждая вещь, как и в Париже, смело могла бы занять место в витрине музея.

— Это подлинник? — спросил Мегрэ, указывая на картину Ван-Гога.

— Я не эксперт,— ответила Лина,— но у мужа не было привычки приобретать копии.

Кухня оказалась просторной, современной, безукоризненно чистой.

— Гостей вы почти не принимали?

— Откуда вы знаете?

— У меня хватило времени навести справки. Я знаю также, что братья Мори жили у вас, в среднем, месяц в году...

— Они были лучшими друзьями моего мужа...

— А он, вероятно, знал не все о ваших отношениях с Манюэлем...

Тот по-прежнему хранил спокойствие и молча ходил следом за Мегрэ.

— Вы ошибаетесь... Моему мужу исполнилось шестьдесят два года, и он прожил достаточно бурную жизнь... В определенном смысле он был уже не в форме... Четыре года назад, когда мы поженились, он, вероятно, был в меня влюблен, но очень скоро мы стали жить, как брат с сестрой...

— Можете продолжать лгать... Мне все равно.

Он поднялся по мраморной лестнице и толкнул двустворчатую дверь: просторная спальня, к которой примыкала терраса, выходившая прямо на море.

— Ваша спальня?

Там стояли рядом две кровати и, как всегда, изысканнейшая мебель.

Ванна, полностью облицованная светло-желтым мрамором, была больше, чем на улице Баллю.

— Одна ванная на двоих? Что-то это плохо вяжется с вашей историей о братике и сестричке...

— Думайте как вам угодно...

На этом этаже находились еще две спальни, и в каждой была отдельная ванна.

— Полагаю, это комнаты братьев Мори?

— Комнаты для друзей.

— Кроме них, еще много друзей жили в этих комнатах?

— Случалось.

Почти все картины принадлежали кисти старинных мастеров, имен которых Мегрэ не знал.

— Есть чердак?

— Нет. Комнаты в мансарде для слуг.

— Слуги сейчас в доме?

— Нет. Сегодня вечером я уезжаю. Сюда приходит одна служанка. Чтобы содержать виллу в порядке, этого достаточно.

— Значит, вы не стараетесь нанимать каждый год одних и тех же слуг?

— Иногда приходится менять.

— Таким образом, большую часть года этот дом по почам всегда пуст и никто его не охраняет...

Она утвердительно кивнула. Тогда он спросил с оттенком иронии:

— А вы не боитесь воров?

— Они не осмелились бы ограбить дом моего мужа.

— А теперь, когда вы стали наследницей, не тронут и ваш дом?

Они вернулись в гостиную, но Мегрэ не пошел к выходу, а снова сел в свое кресло.

Любовники переглянулись.

— Я позволю себе напомнить, что наш самолет уже ждет в Тулоне.

— В а ш самолет? Вы сказали во множественном числе. Это означает, что Мори полетит с вами?

— А почему бы и нет?

— Как друг... С самыми честными намерениями...

— Кажется, пришло время сменить пластинку. Мы действительно любовники: это правда...

— Вот так-то лучше.

— И это отнюдь не драма.

— Если только муж не получает в грудь пулю большого калибра.

Комиссар повернулся к Мори.

— Мы не закончили наш короткий разговор на эту тему. Мы остановились на том, что, надев наспех халат, вы направились к входной двери. Вы, конечно, открыли...

— И что дальше?

— Продолжения я жду от вас. Морис Марсиа не остался стоять на площадке...

— А разве я вам сказал, что это был он?

— По крайней мере, вы этого не отрицали. Думаю, он вряд ли расположился в гостиной, чтобы поболтать с вами. Скорее всего, он прошел через гостиную в спальню... Ему достаточно было приподнять одеяло, чтобы обнаружить свою жену в чем мать родила...

— Какая изящная шутка! — с иронией произнесла Лина.

— Вообще-то, входя в квартиру, он уже знал, что там увидит. Он знал это, выходя из «Сардины».

— Он знал это последние три года.

— Нет, вы не заставите меня поверить в образ мужа, который закрывает глаза на неверность жены, ни в мужа-импотента... В руке у него, вероятно, был пистолет. Ваш пистолет, Мори, лежал в кармане халата... Откуда вы его взяли?

— У меня в квартире не было оружия.

— Кто же стрелял в таком случае? Пистолет

Марсиа не выстрелил. Ну, а пистолет, из которого его убили, вероятно, сейчас покоится на дне Сены...

— Вы могли бы поручить водолазам достать его.

Но Мегрэ не давал сбить себя с мысли и продолжал:

— Допустим, вы пошли открывать дверь не будучи вооруженным, что весьма возможно...

— Наконец-то!

— Я еще не кончил... Но вы могли схватить пистолет, видя, что Марсиа направляется в спальню... Если только пистолет не находился в ящике ночного столика и какая-то добрая душа не вложила его вам в руку, чтобы вы могли защищаться...

— Я предпочел бы послушать этот рассказ перед судом присяжных.

— Есть еще и другой вариант...

— Какой же? Вы возбуждаете мое любопытство...

— Убили его не вы...

— Ага, теперь на сцене появляется новый персонаж, которому отведена роль злодея...

— Нет... Пока вы ходили открывать дверь, у Лины было достаточно времени, чтобы схватить оружие из ящика ночного столика... И когда Марсиа стал вам угрожать, она...

— Она, наверное, попала бы в потолок, поскольку ни разу в жизни не держала в руках пистолет...

— Об этом мы еще поговорим.

— Согласен, в Париже.

— Но на сей раз в моем кабинете.

— А почему бы и нет?

— Вы рискуете выйти оттуда в наручниках.

— Пытаться запугивать собеседника — дурной тон. А если я уеду прямо отсюда за границу?

— Interpool [1] тотчас же обнаружил бы вас. Вы забываете, что на вас заведена карточка в Уголовной полиции и, кроме того, вы весьма заметная фигура... Полагаю, выждав какое-то время, вы собираетесь повиниться?

— Это вполне возможно...

— Поторопитесь на самолет...

Манюэль решил пошутить:

— Вам не угодно занять в нем место?

Мегрэ посмотрел на него со спокойной уверенностью, не покидавшей его все это время, он он понимал, что это затишье перед бурей.

Наступила ночь. Аллеи вдоль моря, обсаженные деревьями, слегка освещались, слышался легкий шум волн.

Мегрэ сел на скамейку. Воздух был теплый. Он чувствовал себя расслабленным. Еще немного, и он вызвал бы мадам Мегрэ из Парижа, чтобы провести недельку здесь, в Бандоле.

Передохнув, он отправился к себе в номер и тут же уснул. Утром встал рано, чтобы успеть в Марсель на самолет и уже в десять часов тридцать минут выходил из Орли.

Мегрэ взял такси и сначала заехал домой. Жена встретила его не проявляя чрезмерных восторгов, но по ее сияющему лицу чувствовалось, что она счастлива.

— Очень устал?

— Немного.

— Приготовить тебе кофе?

— Спасибо. Мне нужно ехать на набережную.

— Все то же проклятое дело?

— Да, проклятое, как ты говоришь, дело.

— Во вчерашних вечерних газетах писали о тебе. Как будто ты напускаешь на себя таинственность, чем-то озабочен, разочарован и, конечно, что-то скрываешь.

— Если бы они знали правду! Я даже не уверен, приду ли обедать. Все зависит от того, что меня ждет в кабинете. Кстати... В один из ближайших дней нам нужно будет съездить вместе в Бандоль.

У дома его ждала машина, и вскоре он уже поднимался по лестнице Уголовной полиции. На его столе лежала кипа документов, рапорты, письма. Он открыл дверь комнаты инспекторов и позвал Жанвье.

— Хорошо съездили, шеф?

— Неплохо. Угадай, кто находился на вилле еще до прихода мадам Марсиа?

— По-видимому, Мори...

— Точно. Это крепкий орешек, уверяю тебя, и он нас хорошенько помучит, пока не заговорит.

— У меня для вас хорошая новость... Точнее, наполовину хорошая... Утром звонил инспектор Луи. Он упустил Блоху, опоздал на несколько часов... Он хотел с вами об этом поговорить и будет ждать в своем кабинете. Позвоните ему туда.

— Сделай одолжение, соединись с ним и скажи, что я еду.

Мегрэ подошел к открытому окну. Собиралась гроза, но, по всей видимости, разразится она только к вечеру.

— Он вас ждет.

— Поедешь со мной? Тогда мы сможем по дороге поговорить.

Действительно, по пути он рассказал Жанвье о том, что происходило в Бандоле. Они ненадолго остановились у полицейского отделения на площади Сен-Жорж, и мсье Луи, как некоторые официально называли его, чтобы подразнить, тут же подсел к ним в машину.

— Хотите посмотреть последнее место, где он прятался?

— Да...

— В таком случае, остановитесь на самом верху Монмартра, на площади Тертр...

Вдоль тротуаров расположились художники, а неподалеку в ожидании туристов стояли покрытые красными клетчатыми скатертями столики.

— Поверните за угол на улице Мон-Сени и остановитесь.

Чуть ниже стояли здания, сравнительно новые, наверху же большинство домов выглядели обветшалыми. Инспектор Луи провел коллег по аллее между двумя домами, и там они увидели в глубине застекленную мастерскую художника.

Луи постучал. Отозвался громкий голос:

— Войдите!

Они оказались в мастерской скульптора, и хозяин посмотрел на комиссара, прищурив глаза. Так художники обычно смотрят на модель.

— Вы комиссар Мегрэ, я не ошибся?

— Нет, не ошиблись...

— А это...

— Инспектор Жанвье.

— Уже много лет в моем ателье не было столько посетителей...

[1] Interpool (англ.) — международная организация Уголовной полиции.

У него были седые волосы, седые усы и бородка, а щеки розовые, как у младенца.

— Мсье Сорель — самый старый художник на Монмартре,— пояснил инспектор Луи.— Сколько лет, вы сказали, вы занимаете это ателье?

— Пятьдесят три года... Я видел, как сменяли друг друга художники, начиная с Пикассо, мы с ним часто вместе перекусывали в каком-нибудь бистро.

В его взгляде сквозило что-то наивное, ребяческое. После осмотра мастерской иллюзии относительно его таланта тотчас же рассеялись.

Он лепил только детские головки, вернее, одного и того же ребенка, но разные выражения его лица и, наверное, эти скульптуры продавались у торговца картинами на площади Тертр.

— Кажется, у вас жил Блоха?

— Два дня и две ночи. Он ушел вчера вечером, когда совсем стемнело. Он боится долго оставаться в одном месте, иначе его могут выследить.

— Почему он выбрал ваше ателье?

— Да ведь я знаю его с тех пор, когда ему еще не было и пятнадцати. Уличный мальчишка, пробавляясь как мог, чтобы выжить, не всегда ел досыта. Я встретил его однажды на площади Тертр и спросил, не хочет ли он мне позировать. Он пришел. Бюст, который я тогда с него вылепил,— одна из моих лучших работ и находится сейчас бог весть в какой коллекции. Скопировав его гримасы и огромный рот, я смог сделать настоящего клоуна. Вылепи я с натуры профессионального циркача, едва ли сумел бы добиться большего правдоподобия. Это был славный парень. Время от времени он стучал ко мне в дверь, обычно зимой, и спрашивал, нельзя ли ему переночевать на циновке... На циновке моей собаки, у меня тогда была собака, огромный сенбернар... Но это уже другая история.

— Он рассказывал вам про своих врагов?

— Он спросил, смогу ли я его приютить на одну или две ночи... Я хотел знать, не от полиции ли он скрывается, он мне ответил, что, напротив, он в очень хороших отношениях с инспектором Луи и с комиссаром Мегрэ, и добавил, что именно из-за этого некоторые люди пытаются поймать его...

— Он вам не сказал, куда пойдет?

— Нет, но думаю, это где-то поблизости. Кажется, он не собирался уходить далеко отсюда...

— За эти два дня он ни о ком конкретно вам не рассказывал?

— Как же, рассказывал, об одном бывшем полицейском, который теперь на пенсии. Он хорошо относился к Блохе, когда тот был мальчишкой. Не знаю, как его зовут... Я вообще его не знаю... Я выбираюсь из ателье не дальше, чем на сто метров — за покупками или чтобы отнести свои работы торговцу.

Казалось, он только заметил, что гости стоят.

— Извините, что я не предложил вам сесть, но у меня не хватит на всех стульев... А что касается аперитива, у меня есть только сухое красное вино, то самое, которое пил Утрилло, вам оно, наверное, покажется слишком терпким.

— За эти двое суток он от вас не выходил?

— Нет. Но он был удивлен и очень обрадовался, что у меня есть телефон. Он позвонил какой-то женщине, сообщил о себе, а я, чтобы не смущать его, вышел во двор покурить. Могу вам только сказать,— он очень напуган... Он не мог усидеть на месте... Вздрагивал при малейшем шуме и, наверное, раз десять спрашивал у меня, не должен ли кто-нибудь

ко мне придти... Но кто ко мне может придти? У меня даже нет прислуги...

Мегрэ смотрел на скульптора с большой симпатией. Ведь в самом деле, это был редчайший экземпляр, уцелевший на старом Монмартре.

— Знаете! Он ведь про вас говорил... Как будто вы должны кого-то арестовать, но он не понимает, почему вы так тянете... «Если комиссар не поторопится, у него не останется больше ни одного свидетеля, ведь они расправятся со мной...»

Пожав руку старику и выйдя из ателье, Мегрэ проворчал:

— Полицейский в отставке...

— Я уже начал отрабатывать эту версию,— сказал инспектор Луи с присущей ему невозмутимостью.— Есть основания предполагать, что это полицейский из восемнадцатого округа или, может быть, из девятого, так как Блоха далеко не уйдет... Вероятно, в молодости Блоха охотнее всего слонялся в этом квартале... Я начал просматривать списки полицейских, вышедших в отставку за последние десять лет, но пока не нашел ни одного, кто бы жил на Монмартре. Сегодня днем я продолжу работу.

Было бы, по-видимому, намного проще, в квартале, где все друг друга знают, обратиться к первой попавшейся кумушке или к бакалейщику. Но это может навлечь опасность на Блоху...

— Куда вас отвезти?

— Спасибо. Не нужно. Я останусь здесь, в квартале.

У инспектора Луи были свои методы. Он напоминал охотничьего пса и явно чувствовал бы себя не на месте, доведись ему работать в бригаде. Сейчас он, вероятно, снова обойдет окрестные бары, поглощая все новые и новые порции минеральной воды и прислушиваясь к разговорам посетителей.

— Бланш Пигу на улицу Фромантен...

Мегрэ тоже начинала беспокоить судьба Блохи, но даже если бы он бросил на его поиски десяток или два полицейских, все равно толку бы не было.

— Кстати, за братьями Мори по-прежнему следят?

— Инспекторы сменяют друг друга. В отсутствие брата Джо довольно много времени провел на улице дю Кэр, потом уехал на грузовике и вернулся около восьми вечера без тары. Опустил железную штору и отправился домой, наверное, принять душ и переодеться. Знаете, где он ужинал?

— В «Сардине»?

— Как вы догадались?

— Потому что это означает захват власти...

— А Манюэль?

— Еще проще... Он тоже ужинал в «Сардине» вместе с Линой... Она, вероятно, впервые пришла в ресторан своего мужа. Бедный Марсиа не знал, что скоро она станет там хозяйкой.

— Надо полагать, они бросают вызов. Уверен, что служащие были возмущены, увидев ее в день похорон в обществе Мори...

— Манюэлю наплевать, что думают служащие. Если они уволятся, он наймет своих людей... Вероятно, это входит в его планы... Бьюсь об заклад, что он ночует на улице Баллю...

— Ваша правда... И насколько мне известно, до сих пор еще там...

— И все же здесь что-то не так,— вполголоса произнес Мегрэ.

— Блоха?

— Увы, Блоха ничем не может нам помочь. Нам его не найти. Нет! Тут есть какая-то неувязка, но сколько я не бьюсь, чтобы понять, где именно, у меня только начинает болеть голова...

— Я поднимусь с вами?

— Лучше, наверное, не стоит... У этой девушки, несмотря на ее ремесло, есть известная деликатность. Ко мне она уже привыкла, но если мы явимся вдвоем...

На сей раз юная подруга Блохи уже встала и завтракала, сидя у окна.

— Кофе? Я уже сварила...

— Охотно...

Она казалась озабоченной.

— Есть какие-нибудь новости, комиссар?

— Я знаю, где Блоха провел две последние ночи, но вчера он снова исчез...

— В каком квартале?

— Возле площади Тертр, у одного скульптора...

— Странно. Однажды, когда мы ходили обедать в ресторан у подножья Санкр-Кэр, он мне рассказывал о нем. На него нахлынули воспоминания детства. Он мне описывал циновку, на которой ему доводилось спать, на этой циновке обычно спала огромная собака.

— Он больше не рассказывал вам ни о ком из этого квартала?

— Не помню... Кажется, нет...

— Например, о бывшем полицейском?

— Нет, впервые слышу...

— Он вам звонил?

— Два раза.

— Что он сказал?

— Он боится все больше и больше. И не понимает, почему вы не арестуете братьев Мори. Тогда бы их банда притихла, и Жюстен мог бы спокойно дышать...

— Он на меня сердится?

— Да, немного. И еще на инспектора Луи. Я пересказала ему то, что вы мне говорили.

— Послушайте... Полагаю, он вам снова позвонит, если только там, где он находится, есть телефон. Попросите его позвонить мне... Я успокою его...

— Это правда?

— Мне необходимо с ним встретиться и если встреча состоится, то, вероятно, два часа спустя братья Мори будут за решеткой...

— Я ему передам... Я сделаю все возможное... Поставьте себя на его место... Он не верит больше никому и ничему...

Четверть часа спустя Мегрэ и Жанвье сидели у стойки бара в «Сардине». В это время накрывали к обеду, а возле кассы метрдотель принимал по телефону заказы на столики.

— Кружку пива, Фрэдди...

— А вам? — спросил он у Жанвье.

— То же самое...

— У нас осталось только заграничное пиво.

— Все равно.

Было похоже, что Фрэдди обслуживает их нехотя. Он часто поглядывал на дверь, словно боялся, что сейчас войдут братья Мори.

— Никогда еще не видел такого количества на-

рода на похоронах,— пробормотал Мегрэ, словно желая вызвать его на разговор.

— Да, народа было много.

— И почти столько же пришло в Бандоле. Люди приезжали отовсюду: из Ниццы, из Канн, из Тулона, из Марселя. А сколько машин! Я насчитал не меньше пяти «Феррари»...

Фрэд делал вид, что протирает стаканы. Комита, метрдотель, уже положил трубку, но вместо того чтобы подойти к ним, остался в глубине зала, словно не замечая их.

Мегрэ с усмешкой произнес:

— Что-то сегодня прохладно.

Термометр показывал двадцать пять градусов в тени.

— Да, прохладно...

— Вы уже видели свою хозяйку?

— Какую хозяйку?

— Лину Марсиа... Она ужинала здесь вечером с братьями Мори... Правда, скоро хозяином станет Манюэль...

— Послушайте, господин Мегрэ... Я не вмешиваюсь в ваши дела... И вы не вмешивайтесь в то, что происходит у нас... И вообще, если увидят, что я разговариваю с вами, мне это может повредить... Вам тоже от этого добра не будет...

Комиссар и Жанвье переглянулись.

— Подожди меня минутку, Жанвье!

И Мегрэ направился к туалетам. По дороге он должен был пройти мимо Комита.

— Добрый день, мсье Рауль,— обратился он к нему.

— Фрэдди, должно быть, сказал вам, что вы здесь — нежеланный гость...

— В самом деле... Смена владельца... И сразу же все в заведении поджимают хвост...

— Я был бы вам весьма признателен, если бы вы здесь больше не показывались.

— Вы забываете, что это общественное место, доступное всякому, кто прилично одет и у кого тугой бумажник...

Он зашел в туалет, а потом вернулся в бар. Было двадцать минут первого.

— Знаешь, Жанвье, что мы сейчас будем делать? Мы здесь пообедаем.

Они направились к ближайшему столику. Комита бросился к ним:

— Прошу прощения, но этот столик заказан.

— Тогда мы сядем за соседний.

— Он тоже заказан... Все столы заказаны...

— Тогда, допустим, вот тот заказан на мое имя... Садись, Жанвье...

Со стороны Мегрэ это вовсе не было мальчишеской выходкой. Он разозлился и, в свою очередь, хотел всыпать им как следует.

— Дайте мне, пожалуйста, меню... И не забывайте, что в 24 часа я могу закрыть ваше заведение...

Меню было огромное, со списком вин на последней странице.

— Есть раковины Сен-Жак. Что ты на это скажешь, Жанвье?

— Берем раковины Сен-Жак...

— Потом жареную говядину...

— Хорошо...

Он посмотрел на последнюю страницу.

— Легкое вино... Есть Божоле?

— Пожалуйста.

Метрдотель стоял возле столика, словно аршин проглотил. Вошли четверо клиентов и уселись у окна. Темноволосая кассирша заняла свое место, но напрасно Мегрэ пытался с ней поздороваться. Она делала вид, что не узнает его.

Мсье Морис умер. Он держал своих служащих в строгости, но тем не менее раньше обстановка в ресторане была непринужденной.

Вчера вечером явился Мори в обществе Лины Марсиа, чтобы вступить в свои права, и служащие это поняли.

Отныне им придется лезть из кожи вон, чтобы угодить. И они уже старались. Сталкиваясь в зале, они обменивались между собой несколькими словами.

— Держу пари, что нас обслужат не раньше, чем через полчаса, а то и через час.

И в самом деле, сначала обслужили столик на четверых, потом двух англичан, которые только что вошли, и чем дольше на них не обращали внимания, тем больше улыбался Мегрэ, демонстративно покуривая свою трубку.

— Не торопитесь! — бросил он проходившему метрдотелю.

— Что вы, мсье. У меня нет ни малейшего намерения.

Братья Мори так и не появились, и Мегрэ с Жанвье, в конце концов, пообедали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Когда Мегрэ в четвертом часу вернулся на набережную Орфевр, первым, кого он увидел, был инспектор Луи, сидевший на скамейке в коридоре, держа на коленях черную шляпу.

Комиссар пригласил его войти в кабинет, и инспектор Луи присел на краешек стула.

— Кажется, господин Дивизионный комиссар, мне повезло...

Голос у него был тихий, как у всех застенчивых людей, и он редко смотрел в глаза собеседнику.

— Расставшись с вами утром, я снова стал обходить бары и кафе в верхней части Монмартра, возле площади Тертр... Я знаю, у меня это нечто вроде мании... Я зашел в бистро «Три бочки» на улице Габриэль, где собираются завсегдатаи, уселся перед стойкой и заказал, как водится, бутылочку Виши.

Мегрэ знал, что торопить его бесполезно. Инспектор говорил с присущей ему медлительностью, стараясь быть точным во всех деталях — это было в его натуре.

— В углу, под рекламным щитом с изображением стенных часов, четверо мужчин играли в белот[1]. Все четверо были пожилые и, вероятно, уже много лет неизменно играли в белот на этом месте в один и тот же час. Я вздрогнул, когда услышал: «Теперь твой ход, бригадир». Это относилось к человеку лет семидесяти, с виду еще крепкому. Трижды за десять минут к нему обращались, называя бригадиром.

«Он что, из полиции?» — вполголоса спросил я хозяина.

«Он служил там сорок лет... Это полицейский старой школы. Здесь, в квартале, его знали все, а для мальчишек он был буквально как отец родной».

«И давно он в отставке?»

«Не меньше десяти лет, и каждый день приходит

[1] Белот — распространенная во Франции карточная игра.

сюда сыграть партию... Он живет один с тех пор как сын женился и переехал в Мо. Дочь работает медсестрой в больнице Биша. У него есть еще второй сын, который занимается неизвестно чем, полагаю, чем-то предосудительным».

«Он живет неподалеку?»

«Да, поблизости... На улице Толозе... Как раз напротив единственного на этой улице дансинга... Жена его умерла пять лет назад, и он сам ведет хозяйство, сам готовит... У нас здесь немало стариков, живущих в одиночестве на скромную пенсию».

Мегрэ достаточно хорошо знал Монмартр и понимал, что это особый город внутри другого, огромного города. Некоторые его обитатели никогда не бывали дальше площади Клиши.

— Вы раздобыли его точный адрес?

— Я сразу же ушел из бистро, стараясь не привлекать внимания. Старик вышел через полчаса и зашел к мяснику купить две котлеты... Я шел за ним следом до улицы Толозе на большом расстоянии, поскольку он, наверное, прекрасно разбирается в слежке. Он вошел в четырехэтажное здание, как раз напротив дансинга «Там-Там». Я позвонил в отделение восемнадцатого округа и попросил себе на час или два в помощь инспектора. Прислали совсем молодого, и теперь он стоит на посту недалеко от дома.

Теперь инспектор Луи замолчал. Он рассказал все, как умел.

— Ты слышал, Жанвье?

Тот находился в кабинете вместе с комиссаром.

— Поедем туда?

— Разумеется.

— Возьмем с собой людей?..

— Не стоит... Операцию нужно провести как можно незаметнее.

Они сели в маленькую черную машину, стоявшую во дворе Уголовной полиции.

— Кажется, на улице Толозе движение одностороннее?

— Увы, поскольку она упирается в лестницу.

Еще издали они заметили молодого полицейского, находившегося на некотором расстоянии от дома.

— Я сейчас зайду один. Не стоит его пугать.

Он обратился к консьержке, показав свою полицейскую бляху.

— Бригадир у себя?

— Мсье Коласон? И впрямь, его до сих пор называют бригадиром... Он вернулся часа два назад... Сейчас, наверное, отдыхает.

— Какой этаж?

— Третий, дверь направо...

Разумеется, здесь не было лифта. Дом был старый, как и почти все дома на этой улице, на лестнице стоял сильный запах кухни.

Звонка на дверях не было, и Мегрэ постучал.

— Войдите! — степенно ответили ему.

Квартира оказалась маленькой, ее загромождала мебель, видимо, раньше служившая большой семье. В спальне, направо, стояли две кровати. За окном висел решетчатый шкафчик, служивший холодильником.

— Глазам не верю! Комиссар Мегрэ, у меня!.. Входите, прошу вас, здесь есть один человек, который будет очень доволен.

Он ввел комиссара в душную комнату, одновременно столовую и гостиную. Человек, ростом не больше полутора метров, походивший на мальчишку, но с лицом, изборожденным морщинами, с тревогой смотрел на посетителя.

— Вы его арестовали? — сразу же спросил он.

— Нет еще, но вы ничем не рискуете...

Тут в разговор вмешался бригадир Коласон.

— Я ему уже сто раз повторял, что он должен вам позвонить и сказать, где находится... Он явился ко мне, весь дрожа... Его просто терроризируют эти братья Мори... Правильно я назвал их имя?.. В мою бытность их никто не знал.

— Им чуть больше тридцати...

— По вечерам я смотрю телевизор, но газет не читаю. Жюстен вспомнил обо мне... Я знал его, когда он болтался по кварталу в стоптанных шлепанцах...

— Что вы со мной сделаете?

Блоха был как-то весь внутренне зажат и не мог расслабиться.

— Мы сейчас вместе поедем на набережную Орфевр. Поговорим в моем кабинете с глазу на глаз. Возможно, вслед за этой беседой братья Мори будут арестованы.

— Как вы меня нашли?

— Это инспектор Луи напал на ваш след...

— Значит, и другие могли бы меня разыскать?..

— Благодарю вас, бригадир, за гостеприимство, которое вы ему оказали, и надеюсь, что котлеты вам попались свежие...

— Откуда вы знаете?

— Все тот же инспектор Луи... И хорошей вам партии в белот завтра утром!..

Комиссар повернулся к коротышке, который до сих пор не пришел в себя.

— Пойдем...

Отставник проводил их до двери и грустно смотрел, как они спускаются по лестнице.

— Полезай в машину!

Блоха сел сзади, рядом с инспектором Луи.

— А я-то считал, что хорошо спрятался!..— вздохнул Жюстен, обращаясь к нему.

— Я случайно напал на след бригадира.

Жюстен съежился на сиденьи, чтобы его не заметили с улицы.

Они вместе поднялись по лестнице Уголовной полиции, которую Блоха оглядел с каким-то боязливым уважением. А Мегрэ, поднимаясь по лестнице, колебался, войти ли им в кабинет втроем или допросить Блоху с глазу на глаз.

— Я вас скоро позову,— сказал он Луи и Жанвье...— А ты входи!

Он чуть было не сказал: «малыш», но вовремя удержался.

— Садись... Ты куришь?

— Да...

— Есть у тебя сигареты?

— Осталось две...

— Возьми эту пачку...

Мегрэ всегда держал в запасе две-три пачки для возможных собеседников.

— Что вы...

— Одну минутку...

На столе он увидел записку: «Вас просили позвонить в лабораторию».

Мегрэ набрал номер Мёрса.

— Что-нибудь новое?

— Да. Лаборатория хорошо поработала. Специалист по тканям ходил к самому крупному торговцу

коврами в Париже. Его первые впечатления подтвердились... Шелковые нитки действительно от старинного китайского ковра шестнадцатого или семнадцатого века. Если не считать музеев, во Франции существует не больше трех или четырех подобных ковров частных владельцев. Торговец не знает, у кого они находятся. Он наведет справки. Есть еще одна новость поважнее. Обнаружены незначительные следы крови на обивке пола, в том месте, где лежал ковер... Эта кровь сильно разбавлена водой... Должно быть, пятно пытались замыть и терли жесткой щеткой, так как нашли также небольшое количество щетины.

— Можно ли определить группу крови?

— Это уже сделано. Группа АВ.

— К сожалению, никому не пришло в голову проверить кровь мсье Мориса, пока еще была возможность. Разве что судебный медик...

— Да. Вероятно, он об этом подумал... Вы получили его рапорт?

— Он не указывает группу крови.

Блоха смотрел на комиссара так, словно не мог поверить в то, что с ним произошло. Но почему он до сих пор был так напряжен? Чего еще он боялся?

Мегрэ встал и открыл дверь в комнату инспекторов.

— Жанвье, попробуй поскорее связаться с судебным медиком... Спроси у него от моего имени, проверил ли он кровь Марсиа. Если нет, то пусть скажет, куда делась его одежда.

Два десятка инспекторов выстукивали на машинках рапорты и среди них очень прямо сидел Луи с шляпой на коленях.

Вернувшись к себе в кабинет, комиссар обратился к Блохе:

— Так... Который теперь час?.. Четыре... Возможно, мы еще застанем дома твою подружку.

И в самом деле, на другом конце провода он услышал голос Бланш Пигу.

— Это ты, Жюстен?

— Нет... У телефона комиссар Мегрэ...

— У вас есть новости?

— Он сидит в моем кабинете...

— Он сам к вам явился?

— Нет... Пришлось поискать...

— А где он был?

— На Монмартре, как я и ожидал...

— Вы арестовали...

— Братьев Мори... Нет... Не все сразу... Передаю трубку Жюстену.

Он сделал Блохе знак подойти к телефону.

— Алло? Это ты?..

Он чувствовал себя неловко, был взволнован.

— Еще не знаю... Я здесь не больше четверти часа, и мне еще не задали ни одного вопроса... Да, я чувствую себя хорошо... Нет... Я не знаю, когда вернусь... Пока...

— Вам не придется больше долго его ждать,— сказал Мегрэ, беря трубку.— Во всяком случае, теперь можете не волноваться...

Закончив разговор, он медленно закурил трубку, внимательно глядя на Жюстена Кроттона. Он не понимал, почему Блоха по-прежнему проявляет нервозность.

— Ты всегда так дрожишь?

— Нет.

— А чего ты боишься здесь, в моем кабинете? Меня?

— Может быть...

— Почему?

— Потому что вы наводите на меня трепет... Все, что относится к полиции, наводит на меня трепет...

— И однако напоследок ты отправился искать убежище у бывшего бригадира полиции...

— Для меня бригадир Коласон не настоящий полицейский. Я знал его, когда мне еще не было шестнадцати. Только благодаря ему меня не сажали за бродяжничество...

— Тогда как я?.

— Вы такой важный...

— Откуда ты узнал, что Лина была любовницей Манюэля?

— Это знали во всех заведениях квартала.

— А мсье Морис три года ничего не подозревал.

— Как будто...

— Ты уверен?

— Тот, кого это непосредственно касается, всегда остается в неведении, не так ли? Мсье Морис был человек богатый, влиятельный. Полагаю, что никто бы не осмелился сказать ему прямо в глаза: «Ваша жена изменяет вам с одним из ваших друзей».

— А разве Марсиа и братья Мори были друзьями?

— Да, уже сколько лет...

— Откуда ты знаешь?

— Братья Мори регулярно ужинали в «Сардине» и мсье Морис всегда подсаживался к их столу. Случалось, что они оставались после закрытия.

— Они бывали на улице Баллю?

— Я много раз видел, как они входили в дом.

— Когда Марсиа был у себя?

— Да.

— Откуда ты все это знаешь?

— Брожу то тут, то там... У меня тонкий слух... Слушаю, что говорят вокруг... Меня не боятся.

— Часто ты ходил в «Сардину»?

— В бар... Фрэдди мне почти друг.

— Не думаю, что он остался им теперь...

— Вечером, когда произошло убийство, я находился на улице Фонтен. Вдруг из ресторана выскочил мсье Морис в такой необычный для него час.

— Когда это было?

— В начале первого... Он не сел в машину, а быстро направился к улице Ля Брюйер...

— Ты знал, что жена мсье Мориса находится у Манюэля?

— Да.

— Откуда ты знал, что она была там именно в этот вечер?

— Я за ней следил...

— Выходит, подглядывать и следить за людьми вошло у тебя в привычку?

— Я всегда мечтал стать полицейским... Помешал мой рост... Возможно, и отсутствие образования...

— Ладно... Итак, ты идешь следом за мсье Морисом... Он входит к Манюэлю... В окнах горел свет?

— Да.

— Сколько времени Лина уже находилась там?

— Недолго.

— Ты вошел в дом?

— Нет.

— Ты угадал, что сейчас произойдет?

— Да... Только не знал, кто из двоих будет убит...

— Ты слышал выстрел?

— Нет... Жильцы дома тоже, наверное, не слышали или подумали, что это выхлоп автомобиля.

— Продолжай...

— Примерно через четверть часа мадам Марсиа вышла из дома и быстро направилась к себе...

— Ты шел за ней?

— Нет... Я остался.

— Что произошло потом?

— Какая-то машина примчалась, как вихрь, и меня чуть было не засекли. Это прибыл второй Мори, Джо... Видно, брат позвонил ему и велел срочно приехать...

Мегрэ слушал рассказ со всевозрастающим интересом. До сих пор он не почувствовал фальши, но его не покидало ощущение, что здесь что-то не так...

— Ну, а потом?

— Оба брата вышли, неся в руках скатанный ковер, в котором было завернуто что-то тяжелое...

— Тело Марсиа?

— Видимо, так. Они втащили ковер в машину и умчались в сторону площади Константин-Пекэр. У меня не было машины, и следовать за ними я не мог.

— Что ты сделал?

— Остался ждать.

— Они долго отсутствовали?

— С полчаса.

— Они привезли обратно ковер?

— Нет, я его больше не видел. Оба они поднялись в квартиру, и Джо вышел только через час...

Это звучало правдоподобно. Сначала братья отнесли тело в самую темную часть авеню Жюно. Что касается ковра, то были все основания полагать, что они выбросили его в Сену.

Вернувшись на улицу Ля Брюйер, они тщательно уничтожили следы преступления.

— Что ты делал потом?

— Дождался утра, чтобы позвонить инспектору Луи.

— Почему ему, а не в комиссариат или, допустим, в Уголовную полицию?

— Потому что они наводят на меня трепет...

Он действительно был напуган.

— Ты ему звонил не в первый раз?

— Нет, я давно поставляю ему информацию... Я его знаю с виду... Мы с ним бываем в одних и тех же заведениях... Он всегда один...

— Почему ты исчез?

— Потому что опасался, что братья Мори подумают на меня...

Мегрэ нахмурил брови. Это был самый неубедительный довод всего признания...

— С чего бы это они подумали на тебя? Ты что, был с ними связан?

— Нет... Но они видели меня в барах... Они знают, что я бываю во всех уголках Монмартра и что я достаточно осведомлен.

— Нет! — вдруг бросил Мегрэ.

Блоха посмотрел на него с изумлением, потом со страхом.

— Что вы хотите сказать?

— Чтобы расправиться с тобой, нужны более веские причины.

— Клянусь вам.

— Ты ни разу с ними не разговаривал?

— Никогда... Вы можете у них спросить...

Он лгал. Мегрэ это чувствовал, хотя и не имел точных доказательств.

— Ладно, их сейчас арестуют. А пока пойдем со мной в соседний кабинет.

— Сиди здесь спокойно и жди меня. Кто-нибудь из инспекторов даст тебе газету.

— Я не люблю читать.

— Ладно, только не волнуйся...

Мегрэ сделал знак Жаннье следовать за ним в кабинет.

— Ты звонил в институт судебно-медицинской экспертизы?

— Я говорил с самим доктором Бурде... Одежда и белье остались там... Кровь группы АВ...

— Такая же, как и на ковре...

— В наших краях это наиболее распространенная группа крови.

— Я поднимусь к следователю, а потом вы и Люкас будете, наверное, мне нужны... И Лапуэнт тоже...

Мегрэ оказался в длинном коридоре, куда выходили кабинеты следователей. Почти все скамейки были заняты ожидавшими своей очереди предстать перед судом. Одни — в сопровождении двух жандармов — были в наручниках, другие — под следствием или свидетели — не имели столь отрешенного вида.

Мегрэ постучал в дверь одного из кабинетов и вошел туда: следователь Бутей что-то диктовал секретарю.

— Прошу прощения...

— Садитесь. Как всегда, служебные бумажки... Вы воспользовались моими ордерами?

— Только на обыск... Из спальни старшего Мори исчез китайский ковер... На покрытии пола под ковром обнаружено несколько пятен, оказавшиеся пятнами крови... Группа АВ... А на одежде Марсиа, которую обследовал доктор Бурде, на месте раны тоже обнаружены пятна крови той же группы...

— Вы ведь отдаете себе отчет, что это не доказательство...

— Да, но это улика... Есть и другие. В день похорон Мори ночевал на улице Баллю, и оба брата в какой-то степени вступили во владение «Сардиной».

— Вы нашли этого коротышку? Какое у него прозвище?

— Блоха... Он внизу, под охраной. Он утверждает, что сразу после полуночи видел, как мсье Морис вошел в дом на улице Ля Брюйер, где живет старший Мори... Четверть часа спустя оттуда вышла Лина Марсиа и быстрым шагом направилась к своему дому... Наконец, младший Мори приехал на машине, словно вызванный по телефону на помощь. Через полчаса оба брата спустились вниз с тяжелым грузом, который засунули в машину... Из-за отсутствия машины Блоха не мог следовать за ними, но он категорически утверждает... Тело было завернуто в пестрый ковер.

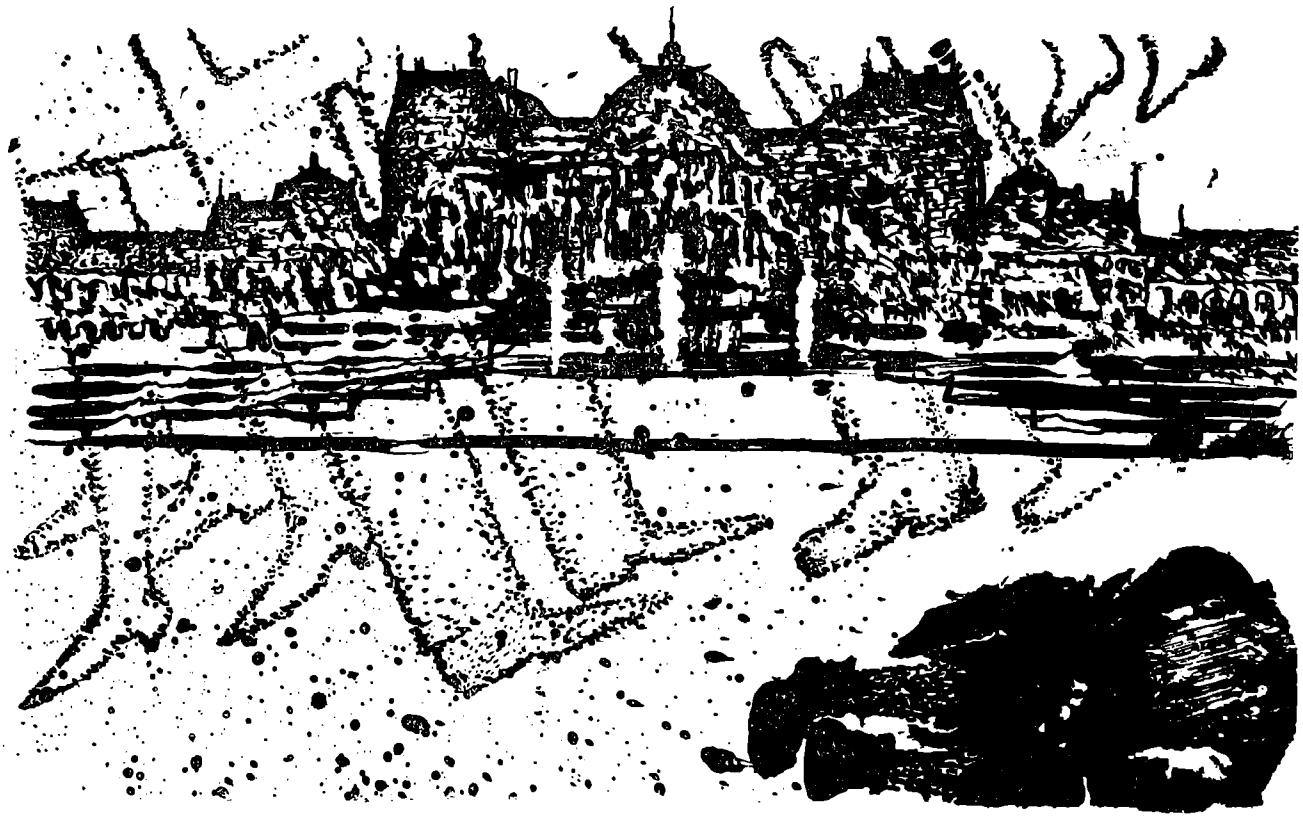
— Вы собираетесь их арестовать?

— Сегодня же... Я хотел бы, однако, получить еще один ордер, на имя Лины Марсиа...

— Вы считаете, что она?..

— Она, конечно же, соучастница... Я подозреваю, что именно она передала оружие любовнику... Я даже думаю, не она ли стреляла...

Следователь повернулся к секретарю:



— Вы слышали... Составьте акт... У меня впечатление, что они будут держаться до конца.

— Я тоже этого жду... И было бы неосмотрительно отправлять их на суд присяжных без всяких доказательств, они наймут не только лучших адвокатов Парижа, но и всех лжесвидетелей, которые им понадобятся.

Минуту спустя Мегрэ вошел в свой кабинет и несвойственным ему жестом достал из ящика пистолет и положил его в карман.

Затем он позвал Люкаса, Жанвье и Лапуэнта.

— Входите, ребята... На этот раз все ставится на карту... Ты, Жанвье, пойдешь со мной... Возьми пистолет, с такими людьми нужно быть готовым ко всему... Вы оба,— сказал он Люкасу и Лапуэнту,— пойдете на улицу дю Кэр. Весьма вероятно, что вы застанете там младшего Мори. Если нет, то попробуйте найти его дома на авеню Трюден, отель «Острова». Если и там его не окажется, идите в «Сардину»... Вот ордер на его арест... Возьмите с собой пару наручников. Ты, Жанвье, тоже...

Во дворе они разделились на две группы, и две машины уехали по разным адресам.

— Куда мы едем?

— Сначала к Манюэлю...

Консьержка сказала, что как будто Мори нет дома, но там находится служанка. Они поднялись. Служанка оказалась такой худой, что удивляло, как она еще держится на ногах. Она была лет шестидесяти, болезненного вида, с недовольным, даже враждебным лицом.

— Что вам угодно?

— Нам нужен Манюэль Мори.

— Его нет.

— Когда он ушел?

— Ничего не знаю.

— Он не ночевал дома?

— Это вас не касается.

— Полиция!

— Полиция или не полиция, это не ваше дело, в какой кровати спит человек.

— Вы заметили, что из спальни исчез ковер?

— Ну и что с того!.. Может быть, его прожгли сигаретой и отправили в починку, это дело хозяйское...

— Вы ладите с хозяином?

— Как кошка с собакой.

Они прекрасно подходили друг к другу.

— Ну что, вы не уходите? Я буду пылесосить, у меня нет времени...

Через несколько минут они уже остановились перед домом покойного Марсиа.

— Мадам Марсиа у себя? — спросил Мегрэ у консьержки.

— Кажется, она не спускалась... Правда, можно выйти и через дверь в сад, она открыта.

— И днем и ночью?

— Да.

— Значит, вы точно не знаете, кто вошел, а кто вышел?

— Немногие жильцы пользуются этой дверью.

— Кажется, мадам Марсиа в прошлую ночь была не одна?

— Кажется, да...

— Вы видели, как утром выходил мужчина?

— Нет... Вероятно, они еще наверху... Судя по

словам ее горничной, в доме скоро появится новый жилец...

— Кому была больше предана горничная?

— Скорее, мсье Морису.

— Благодарю вас...

Мегрэ и Жанвье поднялись на второй этаж. Мегрэ позвонил, и прошло несколько минут прежде, чем им открыли дверь.

— Мне, пожалуйста, мадам Марсиа...

— Не знаю, сможет ли она вас принять... Но вы входите...

Служанка провела их в гостиную, которая уже обрела свой прежний вид.

— Нужно будет придти сюда со специалистами по старинной мебели,— пробормотал Мегрэ, пока они ждали.

Вместо Лины в дверях появился Манюэль Мори.

— Опять вы!

— Я просил Лину Марсиа.

— У нее нет ни малейшего желания вас видеть, и я не позволю вам ее волновать.

— Однако я буду вынужден поволновать вас обоих. Именем закона, вы арестованы!

— Ах, да... Знаменитый ордер.

— На этот раз есть и другой, на имя Лины Марсиа, урожденной Полен...

— Вы осмелились...

— Да, осмелился и советую вам не поднимать шума. Это может вам дорого обойтись.

Манюэль поднес было руку к оттопыренному карману, где, судя по контурам, лежал пистолет, но Мегрэ тихо произнес:

— Опусти лапки, малыш...

Любовник Лины побледнел.

— Ты лучше возьми его на прицел, Жанвье.

Комиссар поискал кнопку звонка, наконец, увидел возле внушительного камина и нажал. Через несколько минут на пороге гостиной появилась горничная.

— Сходите за мадам Марсиа... Скажите ей, чтобы она взяла с собой все необходимое — одежду, белье и предметы туалета на неопределенный срок.

Через несколько минут появилась Лина с пустыми руками.

— Что это означает?

Она остановилась, увидя Жанвье с пистолетом в руке.

— Вот ордер на ваше имя... Я пришел, чтобы арестовать вас обоих...

— Но я здесь ни при чем.

— Во всяком случае, вы присутствовали при убийстве и пытались выгородить виновника... Это называется соучастием...

— Если всякий раз, когда у женщины есть любовник, она рискует...

— Не все любовники стреляют в мужей... Идите за вещами... Минутку... Дайте мне ваше оружие, Манюэль.

Тот колебался. Лицо его стало жестким, и Мегрэ, готовый ко всему, пристально смотрел ему в глаза.

Наконец, он отдал оружие.

— Останься с ним, Жанвье... Я не люблю, когда женщина уходит одна... У меня тогда нет уверенности, что я ее потом найду...

— Мне нужно переодеться.

— Вы не первая женщина, которая при мне переодевается... И что на вас было одето, когда вы танцевали в «Табарене»?..

Все были напряжены до предела. Мегрэ проводил Лину до холла, и она открыла дверь спальни в серебристых тонах, обставленной мебелью в стиле Людовика XVI. Кровать была разобрана. На столике — бутылка виски и два полупустых стакана.

Мегрэ считал, что Лина способна на все, например, схватить бутылку и ударить его по голове...

Он налил ей порядочное количество виски и убрал бутылку подальше.

— А вы не хотите?

— Нет. Собирайтесь...

— Как вы думаете, сколько мы будем отсутствовать? Наверное, лучше сказать, сколько я буду отсутствовать?

— Это будет зависеть...

— От кого?

— От вас и от следователя.

— Почему вы вдруг решили нас арестовать, тогда как еще вчера об этом не было речи?

— Допустим, сегодня мы обнаружили нечто важное...

— Вы, конечно, не нашли оружия, из которого убили моего мужа?

— Вы прекрасно знаете, что это оружие лежит на дне Сены, как и ковер, испачканный кровью...

— В какую тюрьму вы нас отправите?

— Сначала в Депо[1], в подвал Дворца Правосудия.

— Туда сажают проституток?

— Случается...

— И вы осмелитесь...

Он показал ей на кровать.

— Вы даже не подождали, пока кровать остынет...

— Вы мерзкий тип...

— В данную минуту да. Поторопитесь...

Она демонстративно, словно желая бросить вызов, разделась догола.

— Мне хочется принять душ... Наверное, там, куда я отправлюсь, нет душа.

У нее была красивая, стройная фигура танцовщицы, но комиссар остался равнодушным.

— Даю вам пять минут...

И он встал у дверей ванной, из которой был еще один выход.

Понадобилось ждать около четверти часа, пока она собралась. Она надела тот же черный костюм, что и накануне, и ту же белую шляпу. В чемоданчик положила немного белья и туалетные принадлежности.

— Я следую за вами, раз иначе нельзя. Надеюсь, вам это дорого обойдется...

Они застали обоих мужчин в гостиной. Взгляд Манюэля выражал недоумение. Почему его любовница заставила себя так долго ждать? Догадывался ли он, на что она способна?

— Наручники, Жанвье...

— Вы наденете на меня наручники? — спросил побледневший Манюэль, сжав кулаки.

Он был намного сильнее Жанвье, но под пристальным взглядом Мегрэ разжал кулаки, и тут же щелкнули наручники.

---

[1] Депо — тюрьма, находящаяся в здании Дворца Правосудия в Париже.

— Надеюсь, ей вы их не наденете?

— Только в случае необходимости.

Горничная открыла входную дверь, странно улыбаясь.

— Спускайтесь!

Он посадил Мори на заднее сиденье машины и сел рядом с ним, а Лина села впереди, рядом с Жанвье. Они не пытались сбежать, что, впрочем, было невозможно.

— А мой брат?

— Он, наверное, уже в Уголовной полиции. Если только его сумели найти.

— Вы послали людей на улицу дю Кэр?

— Да.

— Он должен был быть там... Мой брат здесь ни при чем... Я даже не видел его в ту ночь...

— Вы лжете...

— Попробуйте доказать обратное.

Машина въехала во двор, и все четверо поднялись по лестнице.

— В мой кабинет, Жанвье.

Окно осталось открытым. Надвигалась гроза и в районе Монпарнаса уже, наверное, шел дождь.

— Садитесь оба... Посмотри, Жанвье, Люкас и Лапуэнт уже здесь?

Инспектор тут же вернулся.

— Он рядом, под охраной.

— Пусть введут.

Джо был разъярен, как и его старший брат.

— Я буду жаловаться.

— Ладно. Скажете это следователю...

— Сколько времени вы собираетесь нас держать?

— Это зависит от присяжных. Один из вас рискует получить двадцать лет или больше... Лично вам это обойдется в несколько лет...

— Я ничего не сделал...

— Я знаю, что вы не стреляли, но мне также известно, что когда брат позвонил вам среди ночи, вы помогли ему спустить труп Марсиа, положить в вашу машину и отвезли на улицу Жюно...

— Это ложь...

— Жанвье! Введи свидетеля, который ждет.

— Если речь идет о нем...

— Речь идет именно о нем... Входите, Жюстен... Садитесь!

Жанвье стоял, словно наблюдая за ними, а Лапуэнт стенографировал допрос в углу кабинета.

— Вот это вы называете свидетелем? — проворчал Манюэль, взбешенный донельзя.— Да ведь его можно купить за сто франков и заставить говорить, что угодно.

Мегрэ сделал вид, что не слышал, и повернулся к Лине.

— Извольте ответить, мадам, находились ли вы в ночь с понедельника на вторник в квартире присутствующего здесь Манюэля Мори на улице Лябрюйер.

— Это вас не касается.

— Должен ли я сделать вывод из вашего поведения, что вы решили не отвечать ни на один вопрос?

— Смотря какие будут вопросы.

Любовник смотрел на нее, нахмурив брови.

— Вы признаете, однако, что были любовницей этого человека?

— Я могу быть любовницей кого захочу. Насколько мне известно, в Уголовном кодексе нет статьи, запрещающей это.

— Где вы ночевали прошлую ночь?

— У себя.

— С кем?

Лина промолчала.

— Знали ли вы, что у вашего любовника в ящике ночного столика или на нем лежало оружие?

Никакого ответа.

— Я позволю себе повторить этот вопрос в ваших собственных интересах, так как он очень важен. Особенно для вас. Когда ваш муж позвонил в дверь, вы лежали в постели голая. Манюэль надел халат и пошел открывать, но он не взял оружия... У вашего мужа в руках был пистолет. Он прямо направился в спальню и сдернул одеяло... Как он там вас назвал, я не знаю. Затем он повернулся к Манюэлю... Тот подошел к кровати и через мгновение у него в руках был пистолет. Он выстрелил первым... Это первая версия. По ходу следственного эксперимента, который мы скоро произведем, мы посмотрим, насколько она правдоподобна. Существует и другая гипотеза, тоже вполне вероятная. Вы знали, где находится оружие... Ваш муж собирался выстрелить в вашего любовника, но вы выстрелили первой... Что вы на это скажете?

— Скажу, что это просто безумие. Прежде всего я должна была там находиться. Затем, чтобы...

Не слушая ее, Мегрэ повернулся к Манюэлю.

— Ну, а вы что на это скажете?

Лицо старшего Мори было мрачным, и он только покачал головой.

— Ничего не скажу.

— Вы не протестуете против этой версии?

— Повторяю, я ничего не скажу...

— Вот так-то ты меня продал? Ну, хорошо же, дорогой, скоро узнаешь...

— Ты что, Лина, я ничего не сказал?

— Ты бы мог все отрицать.

— Возможно, я заговорю у следователя или в присутствии моего адвоката.

— А пока я должна расплачиваться... Послушайте, господин комиссар...

И взбешенная она подошла к столу Мегрэ и начала говорить, яростно жестикулируя. Теперь это уже была не элегантная Лина Марсиа, а разъяренная самка.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

— Да, я действительно была на улице Лябрюйер, не буду отрицать, поскольку нас видел муж консьержки, хотя и был в стельку пьян. Но надолго ему не заткнешь рот бутылкой коньяка. Наверное, к тому же повсюду остались отпечатки пальцев, следы моей пудры или крема. Эта история тянется уже три года, и я бываю у него по крайней мере два раза в неделю. А этот подонок, этот гнусный недоносок, который сидит вон там в углу, наверняка был в курсе наших дел. Что же касается Манюэля, то он знал, чего добивается, когда стал моим любовником. Он добивался не меня, а наследства моего мужа.

Она не владела собой, говорила отрывисто.

— Когда Морис обратил на него внимание, Манюэль был всего лишь мелким сутенером... Вы наверняка не знаете, что Морис был крупным дельцом...

Мегрэ курил трубку, боясь прервать этот поток слов. Лина говорила, охваченная яростью, а может

быть, страхом. Время от времени она поворачивалась и с ненавистью смотрела на Манюэля.

Всего несколько часов назад они были не только любовниками, но еще и соучастниками преступления. Теперь каждый стремился свалить вину на другого.

— Жанвье, сними с него наручники.

— Наконец-то вспомнили... Полагаю, что отсюда не так-то просто вырваться...

Манюэль уже утратил свой апломб и только криво усмехался.

Блоха неподвижно сидел на стуле в углу, как можно дальше от братьев Мори. Вид у него по-прежнему был испуганный, и несмотря на то, что Манюэль проиграл, он смотрел на него с ужасом. Он так давно испытывал к нему страх, считая своего рода сверхчеловеком, что никак не мог избавиться от этого чувства.

— Я сейчас все скажу,— продолжала она.— Мы лежали в постели. Вдруг в дверь позвонили.

— Вы этого не ждали?

Она немного задумалась.

— Нет. Откуда мне было знать, что мой муж явится именно этой ночью?

— Значит, он не догадывался о вашей связи, хотя был в курсе всего, что происходило в квартале Пигаль.

— В таком случае он не стал бы ждать целых три года. Если он был в курсе, то прекрасно играл свою роль. Ведь он ревновал меня, как сумасшедший...

— Вам не показалось, что Манюэль ждал этого визита?

На этот раз пауза длилась дольше.

— Честно говоря, не знаю. Он встал, надел халат, который висел на кресле... Потом достал из ящика ночного столика пистолет и сунул его в карман.

— Она лжет, комиссар. Халат из тонкого шелка, и пистолет просвечивал бы в кармане. Послушайте меня хорошенько. Я сказал, что буду говорить только в присутствии своего адвоката, это так... Но прошу вас, не доверяйте словам этой женщины и проверьте все, что она скажет... Об одном, по крайней мере, я могу теперь сказать правду... Это она бросилась мне на шею, когда я появился в их доме... Она без конца твердила, что Морис старик, ни на что не способен. Старый маньяк, как она выражалась.

— Напротив, это он...

Манюэль тоже поднялся.

— Сядьте!

Постороннему наблюдателю эта сцена могла бы показаться забавной. Мегрэ, сидя в своем кресле перед набором разложенных на столе трубок был столь же бесстрастен, как восковая фигура в музее Гревен [1].

Блоха по-прежнему дрожал в своем углу, словно именно ему грозила опасность.

Младший брат слушал, не вмешиваясь в разговор. В данную минуту в кабинете Мегрэ разворачивалось не столько дело Марсиа, сколько ожесточенная и безжалостная схватка между двумя любовниками.

— Стоит тебе захотеть, и в тот же день ты займешь это место. Вот что она мне говорила... Она тщеславна, скупа... Вышла из самых низов и перед тем, как попала в «Табарен», немало слонялась по тротуарам на площади Пигаль.

Все это было на редкость омерзительно, и бедный Лапуэнт, стенографировавший допрос, пытался скрыть свою неприязнь.

— Давно она задумала убить мужа? — спокойно, словно задавая самый естественный вопрос, спросил Мегрэ.

— Во всяком случае это пришло ей в голову в первые же месяцы нашей связи.

— Вы ее отговаривали?

— Это ложь, господин комиссар, он специально стал моим любовником, чтобы в один прекрасный день завладеть состоянием мужа...

— А тот по-прежнему ничего не подозревал?

— Он доверял мне. Впрочем, я его обманывала впервые.

— Неправда... Она спала даже с барменом Фрэди... Он подтвердит.

Она снова повернулась к нему, разъяренная, словно собиралась плюнуть ему в лицо.

— Будет гораздо удобнее, мадам, если вы сядете на место.

— Я видела, как вы рассматривали мебель и картины на улице Баллю. Не сомневаюсь, что вы обо всем догадались и устроите экспертизу. Тогда все выплывет наружу. Но идея принадлежит вовсе не этому жалкому типу, этому ничтожеству.

— Это Манюэль-то — ничтожество!

— Ограбление замков, как это называют, организовал мой муж, да, сам придумал и организовал... У него было шесть-семь доверенных лиц в разных уголках Франции. Когда затевалась очередная операция, он давал им знать, и все они собирались в указанном месте. Братья Мори тоже участвовали в деле, предоставляли грузовики и ящики.

— Куда девалась мебель и ценные вещи, которые попадали в руки Манюэлю и Морису?

— Они возвращались в провинцию к подпольным антикварам. Разве это неправда?

— Это единственная правда из всего, что она здесь наговорила. Не стану отрицать, поскольку экспертиза все равно подтвердит...

— Значит, вы руководили операциями?

— На месте — да. Но приказы давал Морис. Он ничем не рисковал... У себя в ресторане он изображал раскаявшегося преступника и даже видные чиновники подавали ему руку.

— Дело было прибыльное...

— Золотое дно...

— ...которое вы собирались прибрать к рукам?

— Это придумала она.

— Это точно?

— Мое честное слово стоит столько же, сколько ее слово. Считайте, как вам угодно. Жаль, что я бросил пистолет в Сену, потому что на нем вы бы обнаружили вовсе не мои отпечатки пальцев.

— Разве вы не видите, что он нагло врет?

И в ту минуту, когда никто этого не ждал, Мегрэ обернулся к Блохе, побледневшему как полотно.

— В котором часу вы позвонили?

---

[1] Музей Гревен — знаменитая парижская галерея восковых фигур.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Около двенадцати ночи,— пробормотал тот.

— Что вы ему сказали?

— Правду.

— Какую правду?

— Что его жена находится в квартире у Манюэля.

— Почему вы вдруг вздумали это сделать?

Жюстен повернулся с упрямым видом, как школьник, застигнутый врасплох.

— Отвечайте.

— Я не знаю... Хотел отомстить...

— За что?

— За все. Два года назад я пытался войти в их банду. Я знал, как они работают. Я знаю все, что творится в квартале Пигаль и на Монмартре. Я просил Манюэля взять меня, но он ответил, что ему не нужны такие ублюдки.

Теперь вмешался Манюэль.

— Он лжет.

Мегрэ курил трубку за трубкой, и воздух казался сизым от дыма.

— Вы тоже можете курить,— предложил комиссар.

— А я? — спросила Лина.

— Извольте.

— У меня нет сигарет, а у этого подонка я брать не хочу...

Комиссар достал из ящика пачку сигарет и протянул ей, но спичку подносить не стал. У нее так дрожали руки, что первые две спички потухли, и она смогла раскурить сигарету только от третьей.

— Ну, а что скажете вы, Манюэль?

— Он никогда ничего мне не предлагал. Я знал его только с виду, потому что часто встречал на Монмартре... Все знают, что он стукач.

— Неправда!

— Теперь вы, Жюстен, продолжайте.

— Я позвонил, чтобы отомстить этому человеку, за то, что он презирал меня.

— Откуда вы звонили?

— Из ближайшего автомата. Я издали видел огни ресторана.

— Вы понимали, что тем самым можете спровоцировать драму?

— Не совсем...

— Но в общем не имели ничего против?

— Нет.

— А если бы речь шла о других людях, вы поступили бы так же?

Этот вопрос застал его врасплох, и ему потребовалось время на раздумье.

— Не знаю,— признался он.

— А может быть, вы мстили за свой маленький рост, за свое лицо, из-за которого на вас оборачиваются на улице?

— Не знаю,— повторил он.

— Будьте внимательны, я задам вам важный вопрос. Вы только что солгали, потому что боитесь Манюэля.

Коротышку снова охватил панический страх, словно даже здесь, в полиции, братья Мори оставались такими же всемогущими...

— Я сказал всю правду.

— Нет. Правда состоит в том, что вам заплатили за то, чтобы вы позвонили Морису в назначенный час.

— И кто же это, интересно, заплатил мне?

— Разумеется, Манюэль.

— Я протестую,— закричал тот.— Хотел бы я знать, зачем мне потребовалось, чтобы меня застали на месте преступления, да к тому же муж любовницы?

Но Жюстен продолжал:

— Он мне дал тысячу франков... Он угрожал, что убьет меня, если я скажу об этом хоть слово... Он добавил: «У меня повсюду друзья. Они сделают все, что потребуется, если я сам не смогу...» Мне было жаль мсье Мориса, я к нему очень хорошо относился.

— И все-таки послушался?

— Мне вовсе не хотелось получить пулю в живот.

— А ты не подумал, что мсье Морис может выстрелить первым?

— Если уж этот человек,— он указал на Манюэля,— если уж этот человек решил, что все будет так, а не иначе, все должно было произойти именно так, как он задумал... Ведь это сущий дьявол.

Мегрэ, не сдержавшись, улыбнулся, и тут на первый план выступила Лина.

— Видите, комиссар, я не лгала... Я ничего не знала об этом звонке... И не ждала, что муж ворвется в дом, поэтому у меня не было оружия.

— Вранье! Она соврет — недорого возьмет... Это она придумала, чтобы ее мужу позвонили в ресторан, она... Помню, как сейчас, она сказала: «Если ты пришьешь его или его где-то пришьют, в конце концов обвинят тебя, потому что полиция быстро разнюхает про нашу связь... Предположим, что он застукает нас, как говорится, на месте преступления... Я его хорошо знаю... Он без оружия не пойдет. Он станет угрожать тебе или мне. В любом случае, это будет необходимая самооборона...»

— И все-таки это не доказывает, что стреляли не вы...

У Лины от ярости выступили слезы.

— Ну что я должна сделать, чтобы вы мне поверили?

— Не мне вам верить. Все решает суд присяжных.

— Я в жизни не держала в руках оружия.

— Опять врет,— вмешался Манюэль.— Я видел, как она в Бандоле охотилась на чаек.

— Из ружья?

— Из ружья мужа.

— И попадала?

— Убила несколько штук у меня на глазах.

— Жюстен...

— Да, господин комиссар...

— Когда и где Манюэль говорил вам о телефонном звонке?

— В ночь убийства на улице Пигаль. Я проводил Бланш в «Канарейку». Я всегда прохожу там в одно и то же время.

— И сказал, что вы должны позвонить Морису около полуночи?

— Да...

— Вот видите,— воскликнула Лина,— я даже не знала, где найти Блоху, а уж Манюэль позаботился, чтобы я не догадалась об этом звонке.

Мегрэ хотелось пить. Он дорого бы отдал, чтобы ему принесли стакан пива, но тогда нужно было бы заказывать на всех...

Он добился важных результатов, весьма важных. Любовники, ополчившись друг на друга, больше не

отрицали убийства Мориса Марсиа в квартире на улице Лябрюйер.

Что же касается того, кто именно виновен, Мегрэ это не слишком занимало. Сейчас важно было выяснить, кто стрелял и что происходило раньше, то есть как готовилось преступление.

Он повернулся к Манюэлю, который курил с презрительным видом.

— Зачем же вы, устроив настоящую любовную трагедию, вызвали брата, чтобы он помог вам отнести тело на улицу Жюно?

— Это и есть доказательство, что я не стрелял... Если бы я стрелял, я бы сознался, потому что действовал в пределах необходимой самообороны... Но поскольку это сделала Лина, поверить в это было бы труднее... Я велел ей идти домой, пообещав все устроить.

Мегрэ поочередно смотрел на любовников. Оба они способны солгать. Мори — циник, он мог пойти на все. Но разве Лина — более искренняя, чем Манюэль?

Из угла, где сидел Блоха, раздался высокий голос.

— Это он.

— Вы видели?

— Слышал.

— Где вы находились?

— Шел следом за мсье Морисом до четвертого этажа. Спрятался на площадке. Потом услышал, как закричала женщина: «Да стреляй же! Ты что, не видишь? Он сейчас меня убьет!» Не успела она произнести последнее слово, как раздался выстрел... Я поспешно убежал.

Наступила тишина. Непомерно большой рот Блохи исказился странной улыбкой.

Манюэль заговорил первым:

— Он лжет. Морис вовсе не собирался в нее стрелять...

— Он все выдумал,— вмешалась Лина.— Никто из нас не произнес ни слова...

Мегрэ встал и пристально осмотрел всех присутствующих.

— Никто больше ничего не хочет сказать?

— Нет,— буркнул Манюэль.

— Повторяю — он лжет,— сказала Лина.

— Жанвье, одень всем троим наручники.

— Но я-то тут ни при чем,— запротестовал младший из братьев, Джо.

— Разве вы не помогали брату избавиться от трупа?

— Это не преступление.

— Это называется соучастие... Одень им наручники.

— И мне тоже? — завопила Лина, словно собираясь устроить истерику.

— И вам.

Мегрэ сказал Лапуэнту:

— Помоги Жанвье переправить их в Депо.

Он устал. Ему хотелось подумать о чем-нибудь другом. Он надел шляпу и спустился по лестнице.

С неба падали крупные капли дождя, оставляя черные круги на асфальте.

Он дошел до площади Дофин, где двое его коллег пили аперитив. Он чуть было не соблазнился, но удержался.

— Самую большую кружку пива, какая у вас найдется,— сказал он хозяину.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Скамья, слева от кабинета следователя Бутей, была почти всегда занята в течение трех месяцев. Потребовалось отыскать в разных провинциальных городках сообщников братьев Мори и покойного мсье Мориса по ограблениям замков и богатых поместий.

Параллельно работали эксперты и в конце концов установили происхождение мебели и картин с улицы Баллю и улицы Лябрюйер.

У антикваров-перекупщиков в разных концах страны нашли многое из того, что было украдено бандой.

Мегрэ специально отправился на Монмартр, чтобы поздравить инспектора Луи.

— Я сделал только то, что входит в мои служебные обязанности,— пробормотал тот, краснея.

— В тот день, когда вы почувствуете зов сердца, можете стать членом моей бригады...

Вдовец не мог поверить словам Мегрэ. Наверное, в нем боролись желание войти во Дворец Правосудия и привязанность к кварталу Пигаль.

Дело слушалось судом присяжных, Лина и Манюэль непрерывно пытались свалить вину за убийство друг на друга.

Телефонный звонок жертве указывал на преднамеренное преступление, за которое полагается максимальное наказание.

Несмотря на терпение следователя Бутей, ему так и не удалось установить вину одного из любовников, которые отныне превратились в заклятых врагов.

Когда слово давали Лине, со скамьи подсудимых раздавалось:

— Она лжет!

— Замолчите.

— Говорю вам, она лжет.

— А я приказываю вам замолчать.

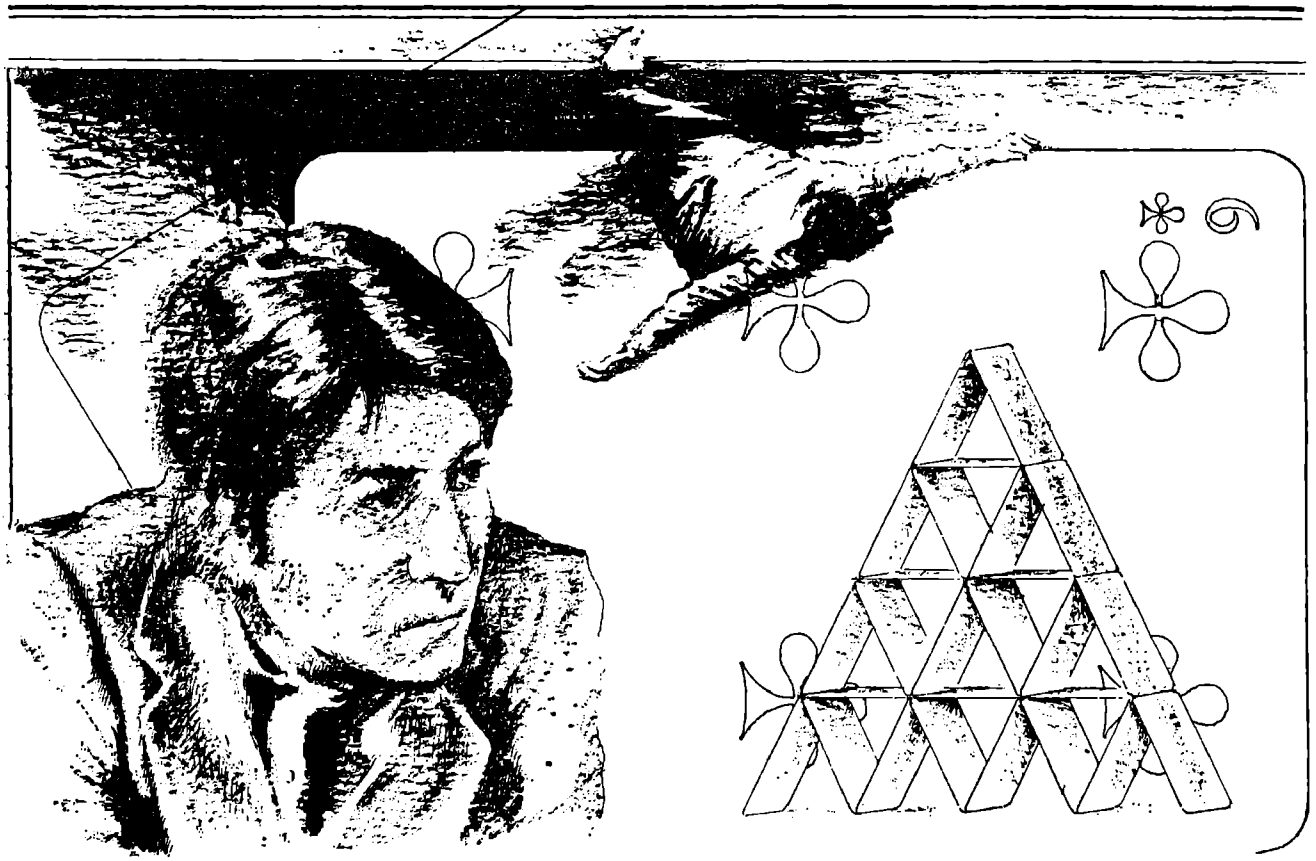
То же самое повторилось, когда на вопросы отвечал Манюэль.

Суд присяжных долго не раздумывал. Он приговорил Лину и Манюэля к двадцати годам заключения каждого, а Джо — к пяти годам.

И все трое, покидая зал суда, обменивались ненавидящими взглядами.

У Блохи снова вошло в привычку звонить инспектору Луи.

Перевод с французского
Н. М. Брандис
и М. Е. Таймановой



БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ

Повесть

Анатолий РОМОВ

Рис. Евгения Охотникова

ПРОЗА

БОРИС И ИРАКЛИЙ

«Неужели я кого-то пущу впереди себя». Эти слова, которые он, Боря Иванов, впервые прошептал в восемь лет, сопровождали его потом всю жизнь. С момента, когда он ощутил себя среди узких душных улочек Тбилиси, с жестоких игр сверстников во дворах Авлабара. Района, где живет более пятнадцати национальностей и где каждый мальчишка знает как минимум три языка.

Фамилией «Ивановы» его предки, ассирийцы *, были обязаны казаку, выдававшему в конце прошлого века паспорт приехавшему на Кавказ прадеду. Прадед повторил свою фамилию трижды, но казаку сочетание «Бит-Иоаннес» показалось слишком мудреным. Спросив: «Это по-нашему Иван, что ли?» и не дождавшись ответа, казак, махнув рукой, записал: «Иванов». Прадед, конечно же, русского тогда еще не понимал. Так и появились в Тбилиси, в районе Авлабара, по сегодняшнему в районе имени 26-ти бакинских комиссаров, ассирийцы Ивановы.

В Авлабаре вообще не принято уступать. Он же, Боря Иванов, не мог уступить никогда. За это его били. Били жестоко, в кровь, обычно по нескольку человек — повалив и по уличному обычаю норовя попасть ногами под дых или в лицо. Били в восемь, в десять, в одиннадцать лет. В двенадцать его избила компания шестнадцатилетних — за то, что он плюнул в лицо их вожаку по кличке Нюс. У Бори отобрали деньги, которые мать дала ему на кино, и потом, взяв за руки, пытались заставить поклониться Нюсу. Он сделал вид, что сейчас поклонится, вот-вот — и когда лицо Нюса приблизилось, залепил ему слюной глаза. В тот раз ему казалось, что его били бесконечно долго. Наконец его оставили — хар-

* Ассирийцы — одна из народностей СССР. Самоназвание — атурая. В СССР живут в основном на Кавказе, а также в Москве и Ленинграде. Распространено также название ассирийцев — айсоры. Но оно неправильно.

кающего кровью, бессильно-вялого, почти мертвого. Несколько часов он просидел, скрючившись, около забора. Домой он приполз ночью и на все вопросы матери только кашлял, выплевывая сукровицу.

После этого он записался в секцию бокса. Два года, проходя в школу и из школы, он избегал мест, где мог бы встретить Нюса или кого-то из его компании. На третий год, когда он заработал свой первый юношеский разряд, он решил, что может ходить в школу обычной дорогой. И вскоре встретил Нюса. Впрочем, он знал, что рано или поздно все равно его встретит. Нюс стоял с двумя приятелями, Борис же был один.

Драка была короткой. Один из товарищей Нюса, с ходу получив крюк в челюсть, уполз вдоль забора. Второй был нокаутирован с третьего удара. Нюсу же, который несколько раз поднимался и лез на кулаки, Борис заплатил сполна.

Но эту стычку с Нюсом еще нельзя было назвать даже возмужанием.

Возмужание, как и полагается, прошло все этапы, которые неизбежно сопровождают превращение подростка в мужчину — здесь, в Тбилиси, в Авлабаре. Он был пятым ребенком в семье рабочего нефтебазы. В четырнадцать он уже должен был сам зарабатывать себе на хлеб. Сначала пошел грузчиком на механический завод, потом там же стал давильщиком. Потом научился курить — чтобы суметь бросить. Пить — чтобы потом уже не брать в рот ни капли. И, конечно, с тринадцати именно здесь, в Авлабаре, он смог подробно изучить все карточные игры, от «секи» и «деберца» до преферанса и покера. В четырнадцать знакомый цыган научил его запоминать рубашки карт, и ему показалось, что в карточной игре он достиг совершенства. Иногда он даже обыгрывал самого Ираклия Кутателадзе, своего лучшего друга. Но в пятнадцать, так же как и Ираклий, пройдя неизбежный этап карточного запоя, он внезапно охладел совершенно к картам. В восемнадцать Борис Иванов поступил на шоферские курсы, в двадцать один, после армии, стал милиционером-стажером.

В милицию он пошел не из каких-то высоких побуждений. Может быть, высокие побуждения появились потом, сначала же он просто искал работу, которая бы ему понравилась. Он умел водить машину, умел стрелять, был кандидатом в мастера по боксу. Рано или поздно кто-то наверняка должен был посоветовать ему пойти в милицию. Первый такой совет он услышал от своего тренера. Так он пришел в городское УВД.

Начал он с того, что в составе специальной группы из трех человек ходил по Тбилиси и ловил карманников. Именно в это время Борис снова, по-настоящему, сблизился со своим бывшим одноклассником, Ираклием Кутателадзе.

Вообще об Ираклии Кутателадзе следует рассказать особо. Ираклий был из тех, про которых уже с первого класса говорят: «У мальчика светлая голова». Ираклий Кутателадзе обладал потрясающей памятью и во время учебы все схватывал на лету. Но Ираклия отличала еще и врожденная целеустремленность, и если уж он за что-то брался, то не останавливался, пока не достигал максимального результата. Во втором классе восьмилетний Ираклий увлекся шахматами — и к пятому стал кандидатом в мастера. Ираклий был гордостью школы, выступал на первенстве Тбилиси среди взрослых, и вся школа, в том числе и его ближайший друг Боря Иванов, ездили «болеть» за своего соученика. Но, хотя Борис и Ираклий дружили с первого класса, к седьмому их пути стали медленно, но неуклонно расходиться. Борис пошел работать и теперь уже занимался в вечерней школе, Ираклий продолжал учиться в старой, готовясь к поступлению в вуз. Временами Борис, конечно, урывал время, чтобы заскочить к Ираклию, взять какую-нибудь книгу, поговорить с его отцом, батоно Ясоном, доцентом университета. Борис работал водителем самосвала и готовился уйти в армию, когда Ираклий выбрал не такой уж престижный пищевой факультет Тбилисского политехнического института, поступить в который ему ничего не стоило. Все экзамены Кутателадзе сдал на пятерки. Но тем самым он отказался от блестящей карьеры «грузинского Ландау», которую ему пророчили окружающие. Ни у кого не было сомнений, что Ираклий Кутателадзе будет поступать, как минимум, на математический в МГУ или в МИФИ. Уже вернувшись из армии и поступив в милицию, Борис Иванов не раз слышал от многих: «Испугался Ираклий, не поехал в Москву. А зря. С его головой он прошел бы в любой вуз». Но Борис знал — Ираклий, конечно же, не испугался. Он хорошо знал семью своего друга, не раз прислушивался к тому, что говорил батоно Ясон. Увы — как часто наставления старшего Кутателадзе казались ему скучными, далекими от жизни, никому не нужными. Только гораздо позже он понял: в семье Кутателадзе нашла прочный приют старая, как мир, идея, всегда жившая и живущая во многих грузинских интеллигентных семьях. Она была проста: способный молодой человек должен идти не туда, где будет лучше карьера, а туда, где он сейчас нужнее обществу. Впрочем, неизвестно, был ли Ираклий нужней всего именно в мясо-молочной промышленности. Но раз он пошел на пищевой факультет в политехнический институт, значит, он так решил. И спорить с ним, Борис это знал, было уже бессмысленно.

Потом, когда Ираклий Кутателадзе окончил институт с отличием и получил направление в Москву, в аспирантуру Тимирязевской академии, их пути как будто бы разошлись окончательно. Борис Иванов продолжал работать в Тбилиси и в конце концов стал заместителем начальника РОВД. Но вот — все это пронеслось, как сон. Пронеслось, и самого Бориса Иванова, уже майора милиции, выпускника Академии МВД, тоже перевели в Москву.

Борис Иванов стал старшим оперуполномоченным ГУУР МВД СССР. Это считалось повышением. Предполагалось, что здесь, в Москве, может пригодиться все, чему он научился в Тбилиси. Он, например, считал, что все это могло пригодиться и в самом Тбилиси. Но начальство решило, что здесь он нужнее.

Странно — но с Ираклием Кутателадзе, который давно уже жил в Москве с женой Мананой и сыном Дато, Борис Иванов встречался после переезда в Москву довольно редко. Впрочем, в самой их дружбе ничего, конечно же, не изменилось. Просто обстоятельства не давали им встречаться чаще, чем раз в месяц. Сначала Иванову надо было устроиться вместе с семьей — женой Лилей и трехлетним Геной. Нелегкой была и новая работа, на которой приходилось засиживаться до ночи и часто работать

без выходных. Потом вдруг грянул гром: Лиля, не выдержав жизни в Москве, уехала внезапно вместе с сыном в Тбилиси. Сейчас, когда после переезда Иванова в Москву прошло пять лет, Ираклий Кутателадзе успел уже стать директором мясокомбината.

КАБИНЕТ ПРОХОРОВА

Иванов следил, как Прохоров, следователь прокуратуры по особо важным делам, просматривает одну из папок следственного дела. Вот уже неделю они ежедневно встречаются в этом кабинете. Собственно, пошел уже девятый день с тех пор как убийство Садовникова свелс их вместе. Обычно они встречаются вечером, к концу рабочего дня. Разглядывая собственное отражение в оконном стекле, Иванов усмехнулся — плохо. Когда у следователя и оперативника все идет хорошо, такие встречи ни к чему. Если все идет хорошо, достаточно телефонного звонка. К собственному отражению Иванов привык и считал его обычным, невыдающимся. Но в Москве, где он работал пятый год, он каждый раз разглядывал себя с досадой. Слиться, потеряться среди других в столице с такой внешностью трудно. Черные волосы, черные густые брови, нос «крючочком», резко очерченные губы, ямочка на подбородке. Ко всему этому общий оливковый подсвет лица и темно-карие, выпукло обозначенные глаза. Типичный «гость с юга».

Перед тем как приехать к Прохорову, Иванов два часа потратил на изучение сводок по преступлениям, совершенным в Москве за последние несколько суток. Этим — с тех пор как в их поле зрения попал убийца Садовникова, условно именуемый «Кавказцем» — он вместе со своей группой занимался теперь ежедневно. Втроем они не только просматривали сводки, но и звонили на места, в районные и транспортные управления и отделения. Вместе они, то есть он, Линяев и Хорин, буквально «прочесывали» все случаи или попытки разбойного нападения с применением огнестрельного оружия. Их интересовали лица высокого роста с «южной» или «кавказской» внешностью, около тридцати лет. И каждый раз выяснялось, что след ложный.

На секунду Прохоров, читающий дело, поднял глаза:

— Борис Эрнестович, подождете? Сейчас закончу, и поговорим насчет этого Нижарадзе? Хорошо?

— Конечно. Дочитывайте, Леонид Георгиевич, делать ведь все равно нечего.

— Угу. Я минутку.— Прохоров снова уткнулся в папку. Иванов принялся рассматривать снежинки, летящие за окном. Подумал: Нижарадзе. В море любых кавказских фамилий он всегда чувствовал себя привычнее. Вроде бы он знал одного д е л о в о г о Нижарадзе, по кличке «Кудюм». Насколько он помнит, «Кудюм» занимался мошенничеством. Если этот Нижарадзе из «Алтая» и есть «Кудюм», что вполне допустимо, ибо кавказцы останавливаются в «Алтае» довольно часто — вряд ли след приведет к чему-нибудь. Фармазонщик «Кудюм» никогда не пойдет на убийство. Если же он абхазец из Гудауты, то и воровать никогда не будет. Так и остановится навсегда на своем «фармазоне». У абхазцев воровство считается последним делом. Да и не верит он в такие «находки». Возникла же фамилия Нижарадзе так: вчера, на шестой день организованной Прохоровым проверки московских гостиниц, было обнаружено, что в день убийства Садовникова из гостиницы «Алтай» выписался некто Гурам Джансугович Нижарадзе, житель Гудауты. По показаниям персонала, у этого Нижарадзе был белый пуховый спортивный костюм. В этом костюме его видели несколько человек. Белый пуховый костюм, фамилия... Нет, всего этого мало. Но какой-никакой — все же след. Иванов с легкой досадой подумал о том, почему именно его назначили начальником опергруппы. Потому что он из Тбилиси? Когда к месту происшествия подъехала оперативная машина, Садовников еще жил. И в «скорой помощи» по дороге в больницу успел сказать: «Кажется... он с Кавказа». Это были последние слова. Довезти до больницы Садовникова не успели, он так и умер в машине. Свидетельницы также показали, что нападавший был «высоким человеком лет тридцати восточной наружности». Нижарадзе... Хорошо, допустим, этот Нижарадзе и есть «Кудюм» — ну и что? Его видели только работники гостиницы «Алтай». Вряд ли они его запомнили. Но если и запомнили — фамилия «Нижарадзе» еще не означает, что у человека восточная наружность. Светловолосый человек с голубыми глазами тоже может носить фамилию Нижарадзе. Белый костюм... Ну да, это как раз и есть — крохотный след. Которого раньше не было. Может, этот след приведет к чему-то. А может — нет.

Согласно заключению судмедэкспертизы, по голове Садовникова было нанесено семь ударов «тяжелым металлическим предметом». Иванов уже много раз прикидывал, что бы это могло быть. Скорее всего это был короткий стальной прут с приделанной для удобства рукояткой: убивал Садовникова человек опытный и сильный. «Кавказцу» было важно сразу же нанести оглушающий удар. И потом уже добить жертву. По вытоптанной почве, поломанным кустам и найденному на месте схватки синему пластмассовому замку от застежки «молния», наверняка сорванному с белой пуховой куртки — Садовников сопротивлялся до последнего. Героически. Ну да, почему бы и нет. Строго говоря, Садовников и умер, как герой. Судя по всему, роковым оказался самый первый удар, нанесенный неожиданно — в момент, когда инспектор, остановившись рядом с «Кавказцем», стал вглядываться вниз, куда показывал «человек в белом пуховом костюме». Сейчас трудно предположить, как сопротивлялся Садовников после этого первого удара — уже оглушенный и истекающий кровью. Может быть, сначала он пытался достать пистолет? Или, понимая, что выхватить оружие уже не сможет, схватился врукопашную? Неясно. Ясно лишь, что «Кавказец» продолжал бить Садовникова прутом по голове, нанеся вслед за первым еще шесть безжалостных смертельных ударов.

Прохоров кончил читать и отложил папку.

— Борис Эрнестович, я вижу, вы в этого Нижарадзе не очень-то верите?

С виду Прохоров — сама простота. Но Иванов давно понял: Прохоров лишь с виду кажется простым. В действительности он достаточно сложен. И — ничего не говорит зря.

— Почему, Леонид Георгиевич. Верю. Вообще — какая работа проведена там, в гостинице?

— Я настоял, чтобы туда выехала опергруппа. Номер осмотрен прокурором-криминалистом. Помимо

этого, проведен подробный опрос персонала.

— Ну и опрос что-нибудь дал?

— Если вы о материальных следах... Их выявить пока не удалось. Правда, неопрошенные свидетели еще остались. Дежурство в гостинице сменное. Да и вообще...— Прохоров помедлил.— Вообще, «землю рыть» пока рано. До ответа из «ИЦ» *.

Смысл этих слов Иванов отлично понял. Одно дело, если они установят, что проживающий в «Алтае» Нижарадзе ни разу не был судим. Значит, отпечатков его пальцев в «ИЦ» нет. И совсем другое — если попавший в их поле зрения ранее был осужден.

— Понимаю.

— Насчет же этого Нижарадзе...— Прохоров явно хотел еще раз все взвесить.— Я все-таки верю, что там есть что-то путное.

Иванову было ясно — Прохорова заинтересовал пункт остановки. То, что Нижарадзе остановился именно в гостинице «Алтай». Три известных в Москве останкинских гостиницы, «Заря», «Восход» и «Алтай», считаются устаревшими, малокомфортабельными. Но именно в этих окраинных гостиницах любят останавливаться «деловые» с юга. Те, кому есть смысл не обращать на себя внимания.

— Вы имеете в виду... то, что он остановился в «Алтае»?

— Именно. Что касается запроса в «ИЦ», я его сделал по телефону. Может, сегодня даже ответят. Подождете? Или... вас дома ждут?

Они с первого дня совместной работы обменялись домашними телефонами и практически каждый день звонили друг другу. Иванов хорошо знал голоса домашних Прохорова — жены Аллы и сына Егора. Прохоров, попадая каждый раз при звонке домой только на Иванова, мог, конечно, догадаться, что тот живет один. Сейчас Иванову даже показалось, что Прохоров не спрашивал раньше о его домашних делах не просто так. Во всяком случае, теперь он знал точно: в Прохорове очень сильно развита некая внутренняя деликатность. Но даже сейчас, заданный вскользь, мельком, вопрос о «доме» был Иванову неприятен. Он ответил, глядя в окно:

— Да у меня... найдутся дела. Я еще подъеду к концу работы.

— Ну, а я тут еще посижу. Я вообще, вы же знаете, сижу долго. Так что смело подъезжайте.

— Хорошо.— Иванов вышел. Еще неизвестно, что лучше — прямота или вот такая, как у Прохорова, деликатность. На улице стемнело, уже горели фонари. Впереди светились окна комиссионного магазина, рядом несколько молодых людей стояли у входа в кафетерий. Иванов остановился у своей светло-голубой «Нивы». Достал ключ, открыл дверцу. Прохорову он наврал — никаких дел у него сейчас не было. И ехать некуда. Разве что — к Ираклию. Попозже. А что? Пожалуй, сегодня действительно можно будет съездить на Тимирязевку. Он давно там не был. Все-таки хоть какая-то, но иллюзия домашнего уюта. Ему там всегда рады. И не нужно заранее звонить, можно без звонка. Если бы его ждали дома. Если бы... Лиля с трехлетним Геной в Тбилиси — уже полгода. Он до сих пор помнит эту ее фразу, с которой он сорвался. «Борис, знаешь, кажется — переезд в Москву не для меня. И этот город не для меня».— «О чем же ты думала, прожив здесь пять лет?» — «Ну — так...» Он помнит, как после этого закричал на нее. И — как она побледнела. Но ведь он обязан был так поступить. Он, мужчина. Обязан. Видите ли, здесь, в Москве, она жить не захотела. Да, он кричал на нее: «Ты будешь здесь жить! Будешь! Слышишь — будешь! А не хочешь — убирайся! Я не держу».

Он сел в машину. После того, как он накричал на нее, Лиля жить здесь не захотела, хотя между ними, лично между ними, как будто ничего не произошло. Даже после того, как Лиля уехала, он знал — она не хочет и не будет с ним разводиться. Она уехала, потому что он просто ее выгнал. Может быть, теперь уже она не вернется. Не вернется? Нет, конечно же, она в конце концов вернется. Куда ей деться, не может же она продолжать жить в Тбилиси — одна, с ребенком, без него.

Машину Иванов остановил недалеко от злополучного перекрестка. Впереди был виден «стакан» ГАИ, в котором сейчас сидел кто-то из инспекторов. За будкой зеленели купола крохотной церквушки Ивана-Воителя, еще дальше тянулась длинная ограда смотровой площадки. «Кавказец», судя по всему, сначала стоял где-то там, у церкви. Выжидая, пока Садовников заступит на пост. Может быть, за церковью. Если бы понять, зачем именно сейчас, именно в эти дни «Кавказцу» понадобилось срочно добывать пистолет. Налет? Ограбление? Или — можно допустить — оружие понадобилось для защиты от кого-то. Нет, для защиты вряд ли. При таком способе добывания оружия это не тот человек. Не тот, которому кто-то осмелился бы угрожать. Что-нибудь посложнее. Допустим, вооруженный шантаж? Вымогательство крупных сумм у «деловых», так называемый р а з г о н? Может быть. Или, скажем, нападение на сберкассу? Неизвестно. Что гадать. Мало ли что еще. Конечно, все зависит от того, новичок этот «Кавказец» или рецидивист. Был ли он ранее судим, отбывал ли наказание. О том, что убийца был опытным, говорит только дерзость нападения — и все.

Фотографии жителей Москвы, ранее судимых и похожих по описанию на «Кавказца», были показаны свидетелям, но никто опознан не был. Значит, совсем не исключено, что это был новичок.

Вздохнув, Иванов сосредоточил внимание на асфальтовой мостовой. Снег, падающий на подмерзший сухой асфальт, сейчас будто сам собой собирался в бледные вращающиеся спирали. Покрутившись, спирали скатывались вниз, на подернутую первым ледком Москву-реку. Нет, все-таки ему хочется знать хотя бы что-то об этом Нижарадзе. Человеке в белом пуховом спортивном костюме, выехавшем из гостиницы сразу после происшествия. Кудюм, Кудюм... Хорошо, допустим, в «Алтае» жил Кудюм, и что? Конечно, о том, что этот Нижарадзе родом из Гудауты, они уже знают. Насколько он помнит, Кудюм тоже имел какое-то отношение к Гудауте. Но Кудюм — и убийство? С таким, как Кудюм, Садовников наверняка бы справился. Внимание Прохорова к этому Нижарадзе из гостиницы «Алтай» привлек белый пуховый костюм. Но сам-то Иванов отлично знает: таких белых костюмов, импортных, в Грузии десятки, если не сотни. На убийце был костюм фирмы «Карху» — это они определили по оторванному синему замочку от застежки «молния». Ну и что — «Карху»? Тбилиси завален финскими костюмами.

* «ИЦ» — информационный центр МВД СССР.

Он сидел, вглядываясь в расплывающийся над Ленинскими горами вечерний полумрак. Народу на смотровой площадке довольно много, человек около двадцати. Он уже не раз приезжал сюда. Приезжал и стоял вот так, пытаясь представить, что же произошло здесь неделю назад. Хорошо, он попробует еще раз вникнуть в последнее утро инспектора ГАИ Виктора Садовникова.

Неделю назад, выслушав в полвосьмого утра вместе со всеми сводку — перечень дорожных происшествий за последние сутки, номера угнанных машин и описания особо опасных преступлений,— тридцатилетний инспектор ГАИ Виктор Садовников сел в стоящий у дверей отделения «Уазик». Через пятнадцать минут он уже выходил у своего поста — здесь, у стеклянной будки на Ленинских горах. Место, по московским понятиям, малооживленное, особенно в утреннее февральское дежурство. Впадение Мичуринского проспекта в улицу Косыгина. Перекресток считается нетрудным. Можно предположить: тогда, неделю назад, в воскресное утро, этот перекресток вообще выглядел пустынным. Дальше... Дальше — скорей всего, Садовников, убедившись, что знаки на перекрестке в порядке, поднялся по лесенке в стеклянную будку. Отомкнул ключом дверь, уселся на табурет, снял замок с панели управления. Садовников был мастером спорта по самбо, человеком, любящим жизнь, свою молодую жену и двоих детей. Впрочем, можно допустить, Садовников в то утро не испытывал восторга в связи с предстоящим дежурством. По показаниям товарищей, инспектор был человеком действия. Здесь же, в стеклянной будке, не всегда удается по-настоящему и повернуться. Что же дальше? Дальше ясно — Садовников щелкнул тумблером автоматической регулировки светофора. Кажется, именно с этого момента все пошло так, как рассчитал «Кавказец». Пожалуй, о том, что провод, соединяющий светофор с пультом, был заранее перерублен, Садовников, конечно, не догадывался. Он увидел всего-навсего, что светофор «на черном». То есть не подает признаков жизни. И все. Картина в жизни инспектора ГАИ обычная. Конечно же, с Садовниковым такое случалось и раньше. Звонок Садовникова о неисправности был зафиксирован в семь пятьдесят утра. Примерно в это же время свидетели видели на перекрестке стоявшего и ходившего милиционера. Садовников вынужден был спуститься на мостовую, чтобы регулировать движение вручную. Именно этого и добивался убийца, заранее повредив провод. Садовников ходил здесь, недалеко от края вот этого обрыва, ведущего вниз, к Москве-реке. Именно здесь, где-то около десяти — пятнадцати минут девятого, инспектор и увидел «Кавказца». Высокого человека «южного», «восточного» или «кавказского» типа с темными усами, в белой пуховой спортивной куртке и таких же белых спортивных брюках. Человек стоял на краю обрыва и показывал руками вниз: мол, смотрите, товарищ милиционер, что происходит, подойдите сюда! По крайней мере, именно так восприняла жесты «Кавказца» свидетельница Свирская, гулявшая в это время недалеко от смотровой площадки. Садовников, увидев эти жесты, сделал то, что сделал бы на его месте любой другой постовой: подошел, встал рядом и посмотрел туда, куда показывал «Кавказец». Именно в этот момент, по показаниям свидетельниц, человек в белой куртке «махнул рукой». Свидетельницы сначала подумали, что этим жестом он хотел что-то объяснить милиционеру. После этого, по показаниям свидетельниц, оба, нападавший и Садовников, скрылись из вида. Женщины, конечно, не имели понятия, что в эти минуты в нескольких метрах от них убивают человека. Для него же, Иванова, слова «махнул рукой» с самого начала имели определенный, простой и ясный смысл: «Кавказец» успел ударить первым. Прутом. Или каким-то другим металлическим предметом, приспособленным для такого удара. Дальше — завязалась схватка. Оба, сцепившись, поневоле сползли по обрыву вниз. Ясно — тяжело раненный первым ударом, Садовников наверняка уже «поплыл». Женщины же в это время видели лишь пустой край обрыва. Только через несколько минут одна из свидетельниц, Нефедова, догадалась подойти к краю обрыва и посмотрела вниз. Потом наступило то, что и должно было произойти: увидев истекающего кровью, потерявшего сознание Садовникова, Нефедова истошно закричала: «Помогите! Скорей, на помощь! Человека убили! Помогите!» Нефедова продолжала это выкрикивать, даже когда к ней подбежали еще три женщины. Некоторое время, застыв от ужаса, они разглядывали умиравшего Садовникова. Находясь в шоке, никто из них не догадался, что телефон, по которому можно вызвать и милицию, и «скорую», рядом, в будке. Может быть, в тот момент Садовникова еще можно было спасти. Но две свидетельницы, Фелицина и Костюкова, оставшись у места происшествия, стали призывать криками на помощь. Пустая трата времени — хотя в конце концов эти крики привлекли к краю обрыва нескольких прохожих. Свирская и Нефедова побежали искать телефон-автомат. Это отняло еще несколько минут — ближайшая будка находилась далеко, метрах в двухстах на Мичуринском проспекте. Пока женщины ее нашли, пока дозвонились в милицию, пока приехала оперативная группа и «скорая помощь», «Кавказца», конечно же, давно простыл след. Садовников терял последние остатки крови. Все попытки спасти его потом, когда приехали опергруппа и «скорая помощь», были практически бесполезны.

Старший опергруппы, отправив Садовникова на «скорой» и отметив, что у раненого отсутствует личное оружие, тут же провел опрос свидетелей. Выяснил приметы преступника, передал их дежурному по городу. Все говорило о том, что убийство совершено из-за пистолета.

Выждав, когда на перекрестке зажжется зеленый, Иванов поехал назад, в следственную часть прокуратуры.

ГОСТИНИЦА «АЛТАЙ»

В кабинете Прохорова ничего не изменилось, если не считать снятого пиджака и стакана чая на столе.

— Можем себя поздравить,— сказал Прохоров.

— А что?

— Из гостиницы «Алтай» в день убийства выехал Нижарадзе Гурам Джансугович, трижды судимый.

— Кличку не выяснили?

— Теперь уже моя очередь спросить: а что?

— Ничего.— Иванов помедлил.— Не «Кудюм»?

Прохоров некоторое время с интересом смотрел

на Иванова. Наконец, будто что-то решил, медленно отхлебнул чай.

— «Кудюм», точно. Я предполагал, что вы его знаете. Он проходил в Тбилиси по многим делам. В частности, по последнему с мошенничеством. После отбытия наказания освободился три месяца назад. Выписался вроде бы домой, но пока по месту жительства в Гудауте его нет. Местонахождение неизвестно.

— Как его определили? По паспортным данным?

— По паспортным.

— А что-нибудь еще? В номере, например? Ну, там, приметы, следы, прочее?

— Если вы о следах пальцев, то принадлежавших Нижарадзе в номере не нашли.

В данном случае это было довольно важно: надо все время помнить, что дактилокарта с отпечатками пальцев Кудюма хранится в «ИЦ». Прохоров посмотрел в окно:

— Что вполне объяснимо. Во-первых, номер после того дня много раз убирали. Потом... Поймите, Борис Эрнестович, Нижарадзе тысячу раз мог позаботиться, чтобы их не нашли. Так ведь?

Прищуренные глаза, все черты лица Прохорова старались сейчас показать полную бесстрастность. Но за кажущейся бесстрастностью, конечно же, скрывалось торжество. Все правильно. Повод есть, сегодня, после недели бесплодных поисков, после отчаяния, которое уже начинало охватывать их всех, они наконец хоть что-то зацепили. Определение «Кудюма» было, можно сказать, принципиальной победой. Даже если это ложный след, даже если находка ничего не даст. И победа эта была одержана благодаря Прохорову. Иванов знал, только приняв дело к производству, Прохоров сразу же настоял на погостиничном обходе. Сам чертил схемы обхода, сам инструктировал группы. Для него же самого, Иванова, это, как он выражался, «шастание по гостиницам» представлялось пустой тратой времени. Прохоров был другого мнения. И вот — «Кудюм».

— Леонид Георгиевич, поздравляю вас. Но вы же сами понимаете, Кудюм...— Иванов замолчал.— Кудюм, засветившийся в белом пуховом костюме в «Алтае»,— это, конечно же, нечто. Но Кудюм не мог убить Садовникова.

— Все понимаю, Борис Эрнестович. Кудюм мошенник, а не убийца. Но мошенник может в любую минуту стать убийцей, он от этого не застрахован, так ведь? Ну и... Ну и — надо поработать. Хорошо поработать. Вы согласны?

— Значит, я занимаюсь Кудюмом.

— Пожалуйста. Данных, что Кудюм совершил какое-то правонарушение, у нас нет. Так что, сами понимаете, в розыск его объявлять нельзя. Я позвонил к вам в МВД, его будут искать... Но в общем-то я рассчитываю на вас. И на ваших ребят.

— О чем разговор. Я сейчас же еду в «Алтай». Кстати, в каком он жил номере?

Прохоров перелистал перекидной календарь:

— На втором этаже, номер двести девять. Дежурные по этажу... Сейчас уточним. Значит, так: Акифьева, Лыкова, Грачева. Дежурят через двое суток на третьи. Опрошены из них Акифьева и Грачева, с Лыковой не говорили. Ну, там, на месте, думаю, разберетесь.

— Разберусь, куда я денусь. Разрешите от вас позвонить?

— Конечно.— Прохоров придвинул телефон.— Это городской.

Сняв трубку и набрав номер отдела, Иванов подумал о Хорине и Линяеве. Наверняка им давно уже надоело томиться в отделе. Целую неделю дальше телефонных звонков и читки сводок дело не идет. Но деться некуда, по характеру преступления, по некоторым приметам он до сих пор рассчитывает, что «Кавказец» с добытым оружием как-то проявится. Именно поэтому он бросил все силы на проверку сводок и звонки на места. В трубке щелкнуло, отозвался знакомый, с хрипотцой голос:

— Хорин слушает.

— Николай, это я. Как вы там?

— Все в порядке, Борис Эрнестович.

— Линяев?

— Сидит рядом.

— Новое есть что-нибудь?

— Н-ну...— Хорин помедлил.— Кое-что есть, но вы же знаете, пока не будет проверено...

— Свежее? В смысле, я пока не знаю?

— Да, без вас тут кое-что поступило.

— По Москве?

— По Москве. Дама одна жалуется, мужа ограбили.

— Ага... Ну ладно, мы скоро встретимся, расскажете. Вот что: меня интересует Нижарадзе Гурам Джансугович из Гудауты, кличка «Кудюм». Запишите.

— Записал. Нижарадзе Гурам Джансугович, Гудаута, кличка «Кудюм». Правильно?

— Да. Во-первых, позвоните в Абхазию, узнайте, что, как. Потом постарайтесь достать последние фотографии этого Нижарадзе. Ну и материалы, что найдете. Как управитесь, захватывайте все с собой и подъезжайте к гостинице «Алтай». В гостиницу не заходите, ждите в машине. Все, до встречи.

Попрощавшись с Прохоровым, Иванов уже через полчаса остановил машину в Останкино, недалеко от гостиницы «Алтай». Долго ждать не пришлось, минут через двадцать сзади притормозила серая «Волга» с Хориным и Линяевым.

Прежде чем пересесть к ним, Иванов оглядел темневшую в стороне пятиэтажную гостиницу со слабо освещенными окнами. Там все тихо. Дверцу «Волги» открыл сидевший за рулем жилистый чернявый Хорин; сев рядом, Иванов увидел кивнувшего с заднего сиденья Линяева. Если Линяев, невысокий блондин, в обычные минуты выглядел рыхлым, развалистым, то в худощавом Хорине, казалось, таится некая дрожь, как в туго натянутой струне. Все это, конечно, видимость. В каждом движении Линяева угадываются необходимые оперативнику качества—сила и нужная резкость. Хорину же, при всей его кажущейся нервности, никогда не изменяет спокойствие. В связи с особым характером преступления в его группу включены асы из асов. Но пока основная функция этих асов, увы, сводится к выполнению различных мелких поручений. В подобных случаях главная задача участников опергруппы — находиться в состоянии повышенной боевой готовности. Пригодится ли оно когда-нибудь, он не знает и сам.

— Достали.— Линяев вытащил из внутреннего кармана куртки конверт.— Вот, три. Все, что удалось.

Иванов бегло просмотрел фото. Все три пере-

сняты и увеличены, узнать Кудюма на них не так просто. Одно наверняка сделано для личного дела в ИТК, две других — из последнего следственного дела. Ничего, других нет, сойдут и эти.

— В Управлении о Нижарадзе пока ничего не знают,—.извиняющимся тоном сказал Хорин.— Я звонил абхазцам, те тоже в неведении. Розыск оформить нельзя, сами понимаете.

— Понятно. Что там с этой... дамой, или кто там у вас?

— Да вот, сообщили из одного отделения. В центре. Пришла к ним сегодня женщина, жена заведующего «Автосервисом». Фамилия — Гари...

— Гарибова,— подсказал Линяев.

— Да, Гарибова. Говорит, вчера у ее мужа какой-то неизвестный, угрожая оружием, отобрал двадцать тысяч рублей. Как сообщили из отделения, неизвестный, описанный этой дамой, похож на «Кавказца». Высокий, южного типа, лет тридцати. С усами.

— Где она его видела?

— Они пришли к ним домой. Муж и неизвестный. По ее показаниям, муж был бледен, не в себе. Сказал, что это его племянник. Ну и попросил ее снять со своей книжки двадцать тысяч рублей. Якобы для больного родственника. Она, конечно, ничему не поверила. По ее словам, неизвестный правую руку все время держал в кармане.

— Сняла она деньги?

— Да. Сняла и принесла домой, хотя это не проверено. Муж передал деньги неизвестному, и тот ушел. После этого муж ей сказал, чтобы она никому ничего не говорила. Мы попросили ребят из отделения до вас мужа ее не трогать. Потом она вроде на коленях умоляла их не выдавать ее. Даже заявление не написала. Муж, мол, убьет. Все это они передали со слов. Мы вызвали ее повесткой, завтра в два будет у вас. Правильно?

— Правильно. Значит, пока так: ждите здесь. До упора. Но, в общем, я недолго.

Подойдя к гостинице, он толкнул входную дверь. Вошел в полуосвещенный вестибюль. Невысокий пожилой швейцар только покосился, ничего не сказав. За табличкой «Администратор» никого нет, горит настольная лампа. На креслах перед конторкой, обставившись чемоданами, сидят мужчина неопределенного возраста и полная немолодая женщина.

— Я из милиции.— Иванов посмотрел на швейцара.— На втором этаже кто сейчас дежурит? Акифьева?

— Грачева. Позвать?

— Спасибо, я сам поднимусь. Как ее имя-отчество?

— Вера Мелентьевна.

— Пожалуйста, не говорите пока никому, что я здесь.

Швейцар кивнул. Иванов поднялся на второй этаж. В полутьме выделялся лишь столик дежурной. Женщина лет сорока; волосы забраны узлом, поверх форменного халата толстая вязаная кофта. С видимым неудовольствием отложила раскрытую книгу:

— Слушаю.

— Вы — Грачева Вера Мелентьевна? — Вытянул краешек удостоверения. Почувствовав, что разговор будет долгим, женщина аккуратно заложила страницу.

— Она самая.

— К вам, наверное, уже обращались — по поводу жильца из двести девятого?

— Обращались, а как же. Что это вы за него так, за этого двести девятого? Что он сделал-то?

— Вы вообще его помните? Внешне?

— Ну-у... Вроде такой... Как бы южный. Особенно-то я его не разглядывала, всех разглядывать, с ума сойдешь. Но так вроде он был с усами. Ну и крупный мужчина.

— Этот номер, двести девятый,— двойной?

— Двойной. Но он жил один. И оплачивал за двоих.

— Понятно.— Иванов достал из кармана три фотографии «Кудюма».— Посмотрите, не он? Не торопитесь, внимательно посмотрите.

Дежурная передвинула фотографии. Поменяла их местами у лампы.

— Вроде напоминает — этого-то. Только...— Подняла глаза.— Только этот — явный ведь уголовник? А?

— Вера Мелентьевна, вы меня не спрашивайте. Посмотрите еще раз и скажите: похожи эти фотографии на жильца из двести девятого номера? Который съехал неделю примерно назад? Нижарадзе Гурама Джансуговича?

Дежурная снова принялась рассматривать фотографии.

— Отдаленно вроде можно сказать.

— А не отдаленно?

— Вроде бы тот, из двести девятого, такой был... спокойный, солидный.

Любопытно, если Нижарадзе из двести девятого был не настоящий. Но кажется, больше ничего определенного она ему не скажет.

— Позвольте фотографии.

Дежурная протянула фотографии, сказала с сожалением:

— Вообще сходства я не уловила.

— Кто его еще видел из работников гостиницы?

— Все. Он тут жил четыре дня. Сменщицы мои видели, горничные. Но так, я с ними говорила,— его мало кто помнит. Он все время в номере сидел. А когда жилец в номере, мы стараемся не беспокоить.

А ведь интересно все может разложиться, если это не Нижарадзе. Что ж —теперь можно заняться горничной.

В крошечной комнате отдыха в конце коридора, усевшись на стул, горничная долго рассматривала фотографии. Вернула, скептически сморщилась:

— Знаете, все-таки не он. Тот был весь какой-то округлый такой, надутый... А этот — щуплый. Нет, не он.

Дежурная могла ошибиться — фотографии все-таки некачественные. Но вряд ли вместе с дежурной ошиблась еще и горничная. Похоже, здесь жил не «Кудюм». А тот, кто использовал его документы. Если так, все меняется.

— Когда вы убирали, он каждый раз был в номере?

— Я его всего два раза видела. А так — убирала без него.

— Ну, а когда убирали при нем, что он делал?

— Ничего не делал. Сидел, и все.

— Просто сидел? Или что-то делал в этот момент? Постарайтесь вспомнить?

— Я ведь то с пылесосом, то со щеткой. Пока сметешь, пока ведро вынесешь...

— Все-таки постарайтесь. Он что, в потолок смотрел? Чай пил?

— Вроде он то ли считал что-то, то ли писал.

— Считал или писал? Почему вы так подумали?

— Он за столом сидел, пока я ходила. Я в его сторону вообще-то не смотрела. Но так — вроде у него плечи шевелились. Все время. Будто он писал. Или переставлял что-то на столе.

— Переставлял? Вы не ошибаетесь? Именно переставлял?

— Ну да. Это я так сейчас думаю. Тогда-то мне все равно было, но сейчас...— Горничная помедлила.— Самой даже любопытно. Вообще-то, кто он такой, этот двести девятый? Уголовник, что ли?

— Если это тот, кого мы ищем,— уголовник. Теперь, Лена, вы говорите, вы ведро из этого номера выносили? Мусорное? Постарайтесь вспомнить, что было в этом ведре?

— Что там может быть? Газеты смятые. Окурки, бумага грязная. Мусор.

— Какие газеты, вы не помните? На русском языке?

— На русском? — Горничная замолчала.— А на каком еще?.. Ну да, он же грузин. Нет, по-моему, все-таки на русском. Хотя точно не скажу.

— Конечно, от каких сигарет окурки, тоже не помните?

— Да вы что. Я и не смотрела. От сигарет, и все. А от каких — мне как-то все равно.

— А бумаги какие были? В мусорном ведре?

— А какие могут быть бумаги? Бумаги как бумаги.

— Ну, мало ли. Допустим, он мог выбросить старые проездные билеты? Или документы?

— Документы? Не-ет...— Горничная замолчала.— Нет, документов там не было. Вообще, ничего такого не было. Если уж так... Обертки, помню, от вафель были. Да, обертки.

— Обертки от вафель?

— Да. Он их много, помню, накидал.

Обертки от вафель. Нет, эти обертки от вафель ни о чем ему не говорят.

— Сластена, значит, был?

— Не знаю. Мужчина он крупный. С чаем, наверное, употреблял. У нас буфет не работает. Закрыт.

— А вафли где же он взял?

— На этаже, у дежурной. У нас на этаже все есть. Вафли, вода минеральная, чай, сахар.

— Ну, а какие они, эти обертки? От вафель.

— Вы что, оберток от вафель не видели? Бумажки такие, белые. Хрустящие. Мы, знаете, их сколько выгребаем.

— Понятно. Леночка, вы о чем-нибудь с ним говорили?

— Чего мне с ним говорить? Спросила только: «Я у вас уберу?» — «Да, пожалуйста». И все.

— Вы не обратили внимания — он говорил с акцентом?

— Ой, не помню. Вообще-то... Нет, не помню. Может, с акцентом.

То, что ни администратор, ни швейцар не смогли опознать «Нижарадзе» по фотографии, ценности особой не представляло — в любом случае они вряд ли детально запомнили его лицо. И все же, отпустив Хорина и Линяева и разворачивая машину, Иванов был почти уверен: в двести девятом номере останавливался не Кудюм.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

Прохоров, которому на следующее утро он изложил свои соображения, долго вытирал платком пот со лба и шеи.

— Преждевременных выводов мы с вами, конечно, делать не будем. Но, может быть, это действительно не Кудюм?

— Тогда кто же?

— Ну, допустим, «Кавказец»?

— На «Алтай» напали вы,— дипломатично сказал Иванов.— Я только поговорил с персоналом.

— Ладно вам, Борис Эрнестович. Славу мы еще разделим.

— Я не о славе.

— А о чем?

— Мы можем найти Кудюма и ничего не узнать.

— Понимаю. Вы имеете в виду — этот паспорт Кудюм мог просто потерять?

— Вот именно. Или паспорт украли, такое бывает. Кто — Кудюм и понятия не имеет.

— Резонно. Но все-таки, Борис Эрнестович, я очень хотел бы спросить у Кудюма, когда мы его найдем: как было дело? И посмотреть, что он ответит. Согласитесь, это будет интересно?

Договорившись, что он будет звонить Прохорову, если узнает что-то новое, Иванов спустился вниз и сел в машину. Включил зажигание, развернулся, выехал на улицу Горького. Разглядывая покрытые снегом улицы, усмехнулся. Он слишком хорошо знал себя: если в нем самом не появилось желания что-то сделать, дела можно было и не начинать. Он мог соглашаться, поддакивать, обещать, мог даже, случайно или по инерции, сделать требуемое, если поручение оказывалось не очень серьезным. Но в серьезных случаях любое дело, он это давно понял, без его желания почти наверняка будет обречено на неудачу. И вот сейчас, именно здесь, на улице Горького, при повороте к Каменному мосту, он вдруг понял: в нем возникло желание задержать «Кавказца». Именно задержать, глаза в глаза. Теперь уже он знал: то, что шансов найти «Кавказца» у него мало, не имеет никакого значения. Он вдруг впервые попытался представить себе, кто же такой «Кавказец» на самом деле. «Высокий», «темный», «южного типа», «надутый». Рисовалось что-то безликое, расплывчатое. Ничего конкретного. Уже подъезжая к знакомому зданию на Октябрьской площади, он мысленно вернулся к Кудюму. Все-таки он хотел бы понять, откуда у «Кавказца» чужой паспорт? Что — Кудюм отдал ему паспорт сам? Не похоже. Вряд ли фармазонщик по собственной воле свяжется с убийцей. Значит, передача паспорта «Кавказцу» с ведома Кудюма мало вероятна. Но мало вероятно и то, что опытный мошенник-профессионал потеряет паспорт. Или, что у него его украдут. Потом, сам «Кавказец» тоже не простачок. Конечно, то, что он, поселившись в «Алтае», использовал паспорт уголовника, могло быть простым совпадением. Но в этом мог быть и какой-то скрытый смысл. Мог.

Именно с этой мыслью Иванов остановил машину у Министерства внутренних дел.

ПРОРАБОТКА

В его кабинете, если сравнивать, допустим, с тбилисскими условиями, все было на высшем уровне. Стены покрывали деревянные панели, зимой и летом работал кондиционер. На столе, кроме двух телефонов, стояло еще и переговорное устройство, с восьмого этажа открывался вид на Октябрьскую площадь. Но главное — здесь не было того, что постоянно присутствовало в Тбилиси. В тесноватой приемной замнача РОВД постоянно стояла суета, сутолока. Не было никаких гарантий, что в кабинете вдруг не окажется самый неожиданный посетитель.

Да, в Тбилиси к нему мог войти каждый, так было принято. Здесь же, наоборот, стояла тишина и была возможность вызывать только тех, кого ты хочешь. Казалось бы, все это свидетельствовало о его, Иванова, возвышении. Тем не менее все пять лет тишина этого кабинета действует на него угнетающе. Впрочем, его угнетает не только тишина. Он, Иванов, только сейчас, на пятом году пребывания в Москве, понял: человеку, выросшему и проведшему большую часть жизни в Тбилиси, к другому городу привыкнуть почти невозможно. Даже к такому, как Москва. Тбилисский воздух, тбилисский дух, все, к чему он привык с рождения, уже въелось в него.

Все это мелькнуло в секунду, как мелькало уже не раз — от взгляда в окно, на расстилающуюся внизу Октябрьскую площадь, до движения собственной руки с карандашом к перекидному календарю. «14.00. Гарибова». Кто такая эта Гарибова? Вспомнил — в два должна зайти женщина, по показаниям которой человек, похожий на «Кавказца», отобрал позавчера у ее мужа двадцать тысяч рублей. Подчеркнув запись, мельком глянул на часы. Двадцать пять второго. Значит, Гарибова должна скоро быть. Позвонил, вошли Линяев и Хорин.

— Борис Эрнестович, абхазцы сообщили: Нижарадзе Гурам Джансугович в декабре обращался в Гудаутское РОВД по поводу утери паспорта,— доложил Хорин.

— А... Все-таки обращался.

— Да. По оформлении документов там же, в Гудауте, ему выдали новый паспорт. В настоящее время Нижарадзе в Гудауте нет. Вообще, по сведениям РОВД, по месту прописки он появляется крайне редко.

— Где он потерял паспорт?

— По его заявлению, паспорт Нижарадзе потерял в поезде «Москва — Сухуми», возвращаясь из Гагр. Гостил у родственников.

— Подтверждения есть?

— Проездной билет, согласно устному объяснению Нижарадзе, он выкинул. Абхазцы обещали связаться с родственниками. А также найти эту поездную бригаду. Чтобы выяснить о билете.

— Вы спрашивали у абхазцев, куда вообще мог запропаститься Нижарадзе? Ведь, наверняка, он что-то говорил. Ну там — жене, родственникам, соседям.

— Есть сведения, что Нижарадзе мог уехать ближе к Пскову или Новгороду,— сказал Хорин.— Я связывался уже и с теми, и с этими.

— Еще что-нибудь из новостей? Начальство не тревожило?

— Пока нет.

— Насчет Гарибовой — вы помните? Вот, помечено в календаре. Жду к двум. Не мешало бы знать их выходные данные. Точные имена, фамилии, возраст, прочее.

— Сейчас.— Хорин достал записную книжку.— Гарибова — Светлана Николаевна, домохозяйка. Тридцать восемь лет. Муж — Гарибов Георгий Константинович, директор станции автообслуживания в районе Тушино. Пятьдесят два. Проживают оба в центре, на улице Рылеева. Дом девять, квартира сто пятьдесят один. Детей нет.

— Не проверяли — этот Гарибов сейчас на работе? Он мог взять бюллетень, уехать, мало ли?

— Я звонил, на проходной сказали — директор на месте.

— Хорошо. Будьте у себя. Если появится Гарибова, сразу направляйте ко мне.

Гарибова вошла в его кабинет ровно в пять минут третьего.

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ГАРИБОВА

Это была пепельная блондинка, из тех, про которых говорят: «Она еще красива». Сероглазая, с маленьким прямым носом и пухлыми губами. Войдя, Гарибова осторожно положила на стол пропуск, села, сцепив руки. На чем, на чем, но на привычке разных женщин по-разному украшать себя Иванов взгляд набил еще в Тбилиси. Эти сухие мягкие руки и открытые прической красивые уши наверняка привыкли к золоту и бриллиантам. Сейчас украшений нет; здесь, в этом кабинете, золото и бриллианты были бы не к месту. Одета хорошо и со вкусом: вязаное, без сомнения дорогое платье, агатовое ожерелье, платиновые часики. Она будто искала глаза Иванова, хотела что-то увидеть в них, но при этом ее взгляд оставался невидящим, бессмысленно-стеклянным.

— Борис Эрнестович, я просто умоляю вас — вы должны обещать мне не рассказывать это мужу. Конечно, раз я пришла, я все вам расскажу. Но если муж узнает, что я была в милиции... Все, он не простит. Вы можете это понять?

Конечно, многое она наигрывает. И все-таки сейчас в глазах у нее самое настоящее отчаяние.

— Светлана Николаевна, если меня не заставят крайние обстоятельства, самые крайние... А я надеюсь, они не заставят,— муж о вашем приходе сюда не узнает.

— Спасибо. И... не милиции мой муж боится. Ясно же, он боится этого человека. Понимаете, в общем, мой муж очень приличный человек. До «Автосервиса» работал на заводе главным инженером. А когда позавчера... Когда он пришел с этим... Я сразу поняла — никакой это не племянник. Все выглядело глупостью с самого начала. Племянник... Хорош племянник. Вы, наверное, уже знаете все? Вам рассказали?

— Рассказали в общем. Кстати, когда точно это случилось?

— Позавчера. Днем. Двенадцати еще не было. Сначала позвонил муж. Говорил он вроде спокойно. Но я сразу поняла, у него что-то с голосом. «Света, пожалуйста, будь сейчас дома. Я зайду, и не один. С родственником». Я попыталась выяснить, с каким родственником. И вообще, что это за визит, в середине рабочего дня. Но на все вопросы он только

повторил: «Я тебе сказал, будь дома. Это очень важно. Мы скоро будем». Ну, я кое-как прибрала. Потом слышу, минут через тридцать, открывается дверь. Входят, Георгий и этот... племянник. Верзила, на голову выше мужа. Борис Эрнестович, если бы вы видели его лицо. Если бы вы его видели.

— Что в нем было особенного?

— Просто что-то страшное. Так вроде с виду молодой парень, лет тридцати, не больше. Но лицо... Знаете, ноздри какие-то вывернутые, щеки надутые, глазки маленькие. Усищи такие черные, волосы тоже черные, челочкой так на лоб. И все время правая рука в кармане. Не знаю даже, что у него там было. Но руку из кармана он не вынимал. Бр-р... Как вспомню, просто страшно делается.

— Как он был одет?

— В таком костюме, пуховом, спортивном.

— Белом?

— Темно-синем. Куртка, брюки. Такой, знаете, модный. Марочка слева на груди, «Адидас». Ну, в общем, сейчас такие носят.

Если это в самом деле «Кавказец», любопытно. Темно-синий костюм по аналогии с белым. Только тот костюм белый и «Карху», этот же — темно-синий и «Адидас».

— Когда они вошли, муж его как-то представил?

— Сказал: познакомься, Света, это мой племянник. Они прошли в комнату. Георгий сел, «племянник» остался стоять. Я сразу поняла, тут что-то не то. Меня просто начало колотить. Знаете, колотит, и все. Георгий сам не свой, бледный весь. Я смотрю на него, а он говорит: «Света, у нас случилось несчастье. Тяжело больна моя родственница, тетя. Нужны деньги на операцию. Сейчас ты возьмешь книжку, паспорт и снимешь со счета двадцать тысяч. И принесешь сюда». У меня в глазах потемнело. Мы ведь такой суммы вообще никогда не снимали. И все это, знаете, таким металлическим голосом. Таким, что ясно — никакой больной родственницы нет. Я открыла было рот, хотела что-то сказать, но тут муж на меня просто зарычал: «Молчи, слышишь, молчи! И делай, что сказали! Бери книжку, паспорт и снимай деньги! Пойми, это вопрос жизни и смерти!» Как он сказал — «жизни и смерти», я все поняла. А он тут еще добавил: «И торопись, слышишь, торопись! Если ты до часа не принесешь деньги, будет плохо!» «Племянник» сразу же посмотрел на часы. Я запомнила — было ровно десять минут первого. Ну, после этих слов меня всю как обварило. Я поняла, никакой это не племянник. Поняла — убийца. Вот он сидит, держит руку в кармане. И ясно так стало: если я не принесу сейчас этих денег, до часу, он Георгия просто убьет. Тут, честное слово, в голове заметалось: до часа еще долго. Может быть, выйти и позвонить в милицию? Начала искать паспорт, книжку, пока все нашла, пока оделась — смотрю, уже двадцать минут первого. Думаю, успею, не успею? Говорю: «Смотрите, уже двадцать минут первого. У нас только до сберкассы идти минут десять». «Племянник» усмехнулся: «Захотите, успеете. И вот еще: когда выйдете, за вами неподалеку пойдет один молодой человек. Так что не удивляйтесь. Для надежности — все-таки сумма большая». Все, думаю, никакой милиции. Вышла, иду к сберкассе, боюсь оглянуться. Сердце колотится, встречных почти не вижу. В сберкассе очереди не было, два человека.

Контролер и кассирша у меня знакомые. Сначала говорят — надо было предупредить. Такой суммы может не найтись. Я им говорю — мол, решили дачу покупать. В общем, наскребли. Пока получала деньги, все косилась — нет ли где этого молодого человека. Ну и, пока шла назад, все, как в тумане.

— Никого не видели?

— Вы что? Я не только «молодого человека», я вообще никого не видела. В лифт только когда вошла, смотрю — на часах без десяти. Из лифта вышла, дверь открываю, руки трясутся. Что, если он возьмет сейчас деньги и нас убьет? Чтобы свидетелей не было? Потом, думаю, мы ведь даем деньги, зачем ему нас убивать? Да и обратного пути нет, там Георгий. Все мысли в какую-то кучу. В общем — вхожу, они там. Георгий в той же позе сидит. «Племянник» рядом. Только я вошла, он сразу — на часы. Муж говорит: «Все в порядке?» Я говорить даже не могу, протягиваю сумку. Муж отдал ее «племяннику»: «Считайте». Тот: «Пересчитайте сами». Муж пересчитал — ровно двадцать тысяч.

— В каких купюрах были деньги?

— Около двух тысяч были сотнями. Еще около трех тысяч — полсотнями. Остальные десятки и пятерки. В пачках.

— Номер купюр не переписали?

— Вы что. Не в том была состоянии. Потом — за мной же следил этот «молодой человек».

«Молодой человек» мог за ней и не следить. Но мог и следить. Понять сейчас, как все было на самом деле, трудно.

— Значит, ваш муж пересчитал деньги. Дальше?

— Сложил в сумку и отдал этому... «племяннику». Я помню, он к двери подошел. В одной руке держит сумку. Смотрит на нас и слушает. Долго стоял, минут, наверное, десять. А другая рука все в кармане. На лестнице было тихо, лифт только один раз проехал. Он подождал, пока лифт остановится. Наверху где-то. Потом улыбнулся, улыбочка у него такая мерзкая. «Спасибо». Дверь открыл и вышел. Все.

— Что вы стали делать дальше?

— А что мне оставалось делать дальше? Сначала кинулась к мужу. Трясу его, кричу: «Георгий, что случилось?» Кричу в голос, а он сидит с закрытыми глазами. Я кричу, а он сидит. Потом говорит тихо: «Света, хочешь, чтобы у нас с тобой все было в порядке?» Сначала я что-то говорила ему, а он только одно: «Хочешь?» Наконец я говорю: «Жорочка, ну что ты, милый, конечно, хочу...» «Так вот, очень тебя прошу, об этом случае никому не говори. Никому. Ни родственникам, ни подругам, ни знакомым. Но главное — не вздумай обращаться в милицию. Слышишь? Если ты это сделаешь,— все. Считай, между нами все кончено. В ту же секунду». Хорошо, говорю, Жорочка, хорошо, но ты мне хотя бы объясни, кто это был. Он: «Неважно, кто это был. Был и все, тебя это не должно касаться. О деньгах не волнуйся, заработаем. Все, я поехал на работу». Он уехал, а я сижу и не понимаю, что со мной. Просто не понимаю. В одну секунду кому-то отдать двадцать тысяч. Борис Эрнестович, поймите меня правильно. Я не мещанка, не стяжательница, не накопительница. Но вы понимаете? У нас были какие-то расчеты, планы. И вот, в какую-то секунду все рухнуло. Ну, что я буду объяснять.— Она долго молчала.— Нельзя это оставлять безнаказанным. Нельзя, вы понимаете?

— Все же, Светлана Николаевна, вам придется написать подробное заявление. Вот бумага, ручка. Садитесь и спокойно пишите. Обязательно укажите подробности. По возможности точное время. Местонахождение и номер сберкассы. Номер вашего счета. И не бойтесь, укажите все данные вашего мужа. Место работы. Должность. Место и год рождения. Короче, все данные. Сделать это все равно необходимо. Не бойтесь. Обещаю, договор, что ваш муж ничего не узнает, остается в силе.

Чуть поколебавшись, заявительница взяла лист бумаги и ручку.

После ухода Гарибовой Иванов некоторое время сидел, пытаясь понять свои ощущения. Похоже, это «Кавказец». Само собой, надо еще проверить, насколько искренней была Гарибова. Многое будет зависеть и от разговора с самим директором «Автосервиса». Но даже если Гарибова что-то и скрыла, того, что он от нее узнал, хватит, чтобы они начали заниматься «племянником».

Послав Линяева проверить точность показаний Гарибовой в сберкассе на Арбате, Иванов тут же выехал с Хориным в Тушино, в «Автосервис».

«АВТОСЕРВИС»

Белесое и веснушчатое лицо оперуполномоченного районного ОБХСС Байкова, сидящего за баранкой, выражало сейчас то, что и должно было выражать. Ему позвонили «сверху» и попросили оказать содействие двум работникам министерства. Он это содействие честно оказывает.

После вопроса о Гарибове Байков на секунду повернулся.

— Н-ну... что вам рассказать о Гарибове... Директор «Автосервиса» есть директор «Автосервиса». На посту около года. Вообще-то, товарищ подполковник, материалов на Гарибова в нашем отделе пока нет.

На след «племянника» они напали довольно быстро. Первым о проникновении на территорию «Автосервиса» высокого человека с черными усами в костюме спортивного типа вспомнил вахтер.

— Было. Позавчера, утром, часов в одиннадцать. Точно, как вы говорите,— такой высокий, плотный, лет тридцати. И костюм синий. Фирмы, правда, не помню, но импортный. Я его тормознул, ну, а он: «Друг, я к директору. По срочному делу. Дело горит, понимаешь?»

Немолодой вахтер изучающе посмотрел на Байкова. Он пытался понять, что скрывается за всеми этими расспросами. Кашлянул:

— С виду он так вроде деловой, с напором, с таким лучше не связываться. Потом, он ведь в самом деле шел к директору. Минут так через двадцать они уехали вместе с Георгием Константиновичем. На директорской машине.

— Во сколько примерно это было? — спросил Иванов.

— Около половины двенадцатого.

Все совпадает. Значит, «племянник» был здесь точно. Для уточнения деталей, поговорив еще немного с вахтером, они разделились. Хорин двинулся к ремонтникам, чтобы походить среди мастеров и «на публику» спросить двух-трех о южанине в костюме «Адидас». Иванов с Байковым, поднявшись на второй этаж, заглянули в приемную Гарибова.

Здесь слышался легкий гул, все стулья в небольшой комнате были заняты. Несколько человек стояло у окна. Байков кивнул строгого вида немолодой секретарше:

— Добрый день, Алина Борисовна. Можно вас? Буквально на одну минуту?

Секретарша вышла в коридор. Иванов улыбнулся:

— Алина Борисовна, дорогая, я хотел бы всего только пару вопросов. Может быть, отойдем?

— Н-ну... пожалуйста.— Отойдя вместе с Ивановым к окну, секретарша покосилась на оставшегося у двери Байкова.— Слушаю.

— Позавчера вы были на работе?

— Позавчера? Конечно.

— Вы помните посетителей, которые были у директора в первой половине дня?

— В общем. Да, конечно, помню. Вас кто-то интересует?

— Позавчера к директору мог заходить такой... Молодой человек высокого роста. Южной наружности, похож на кавказца. В синем спортивном костюме. Не помните такого?

— Почему же. Очень хорошо помню. Он пришел в начале одиннадцатого. Они довольно долго сидели. Минут пятнадцать.

— Одни?

— Одни. Георгий Константинович сразу же позвонил. И попросил никого не впускать. Сказал, что у него важный разговор.

Кажется, факт нападения и вымогательства крупной суммы с помощью оружия подтверждается. По крайней мере, пока.

— У директора с этим... молодым человеком была договоренность?

— Не знаю.

— Но ведь вы же его пропустили? Молодого человека?

— Я его не пропускала. Он пришел сам. За всеми же не уследишь. Он подождал, пока из кабинета выйдут, и вошел. Я и сказать ничего не успела. Почти тут же позвонил Георгий Константинович. Сказал, чтобы я никого не впускала. Он будет занят по важному делу.

— Значит, директор поговорил с молодым человеком. Что было потом?

— Они вместе вышли. Георгий Константинович сказал, что поедет по делам, будет после обеда.

Главное, что было нужно Иванову, он выяснил. «Молодой человек», похожий по описанию как на «племянника», так и на «Кавказца», проник позавчера на предприятие довольно сомнительным образом. Четверть часа он провел в кабинете директора. О чем он беседовал наедине с Гарибовым, никто не знает. Конечно, можно уже сейчас идти к Гарибову. Все же Иванов решил придерживаться прежнего плана. Пусть директор, узнав об их поисках, сам позвонит Байкову. Да и он должен дать Гарибову шанс. В расчете на его совесть. Секретарша снова покосилась на капитана:

— Собственно, а что с этим молодым человеком?

— Ничего особенного. Просто... есть у нас кое-какие подозрения.

Они двинулись к приемной; остановившись у двери, секретарша посмотрела на Байкова:

— Так я не понимаю — вы еще придете? И вообще, мне что — говорить о вас Георгию Константиновичу?

— Придем, обязательно придем,— сказал Байков.— А насчет Георгия Константиновича... Смотрите сами, Алина Борисовна. Можете сообщить о нашем визите. Секрета здесь особого нет. А можете и не сообщать.

Иванов просидел в отделе до позднего вечера, но ожидаемого им звонка Гарибова так и не дождался. Спустившись, уже в машине подумал: может быть, поехать к Гарибову домой? Нет, слишком крайняя мера.

ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ГАРИБОВ

Утром Иванов позвонил Байкову:

— Ну что? Никаких новостей?

— Пока никаких, товарищ подполковник. Все тихо. Гарибов с утра вышел на работу. Звонить не думает.

— Придется вам поехать к нему. И поговорить. Ждать больше мы не можем. Скажите — по нашим данным, два дня назад у вас был человек, которым мы интересуемся. Мол, что вы можете о нем сказать?

— Ну, а если начнет отнекиваться?

— Продолжайте разговаривать. И предупредите меня, я подъеду.

Вскоре позвонил уже Байков:

— Товарищ подполковник, Гарибов не выдержал. Позвонил сам.

— Сознался?

— Сказал, есть важный разговор. Выехал ко мне, скоро будет.

Когда Иванов вошел в кабинет Байкова в РУВД, Гарибов уже сидел там. На директоре был хорошо сшитый темно-серый костюм, темная рубашка, аккуратно повязанный галстук. Несмотря на наметившуюся лысину и резкие морщины, на вид Гарибову никак нельзя было дать даже пятидесяти. Темные глаза из-под густых бровей смотрели на Иванова уверенно и спокойно. Байков вздохнул:

— Вот, Борис Эрнестович. Не получается что-то у нас с Георгием Константиновичем.

— Поясните,— подыграл Иванов.— Что не получается?

— Да вот, не получается серьезного разговора.

— А что такое? — Присев на стул, Иванов посмотрел на Гарибова.— Объясните, Георгий Константинович, что, собственно, происходит?

Некоторое время Гарибов рассматривал положенные на стол руки. Покачал головой:

— Да вот и я что-то не понимаю. Почему же не получается разговор, Виталий Сергеевич?

— Не знаю, почему,— Байков вздохнул.

— Наоборот, по-моему, получается. Как раз у нас получается серьезный, обстоятельный разговор.

— Не получается,— сказал Байков.— Не получается серьезного обстоятельного разговора.

Гарибов пожал плечами.

— А в чем дело? — спросил Иванов.

— В том, что я вот тут спросил Георгия Константиновича... Что он может сказать по поводу интересующего нас молодого человека? Ну, вы помните?

— Помню.— Иванов с интересом посмотрел на Гарибова.— Молодого человека в синем спортивном

костюме? Который был на «Автосервисе» два дня назад?

— Точно. Так вот, Георгий Константинович упорно утверждает,— это его родственник.

— Родственник?

— Да. Племянник. Представляете? Все бы ничего. Одно настораживает: Георгий Константинович утверждает, что он ничего об этом своем племяннике не знает.

— Ничего не знает?

— Совершенно верно. Даже фамилии. Представляете?

— Это в самом деле так, Георгий Константинович? — спросил Иванов.

Гарибов, по-прежнему разглядывавший свои руки, чуть шевельнулся:

— Не понимаю только одного, почему это так удивляет? Бывают особые обстоятельства.

— Какие же?

— Он — сын сестры моей матери. Но, так сказать, незарегистрированной сестры.

— Как понять — незарегистрированной? — спросил Байков.— Это что, брак?

— Не брак. Но их родство нигде не зафиксировано. У мамы с сестрой был один отец. Но разные матери. Они не общались. Фамилию мамина сестра, получается, моя тетя, носит по матери. Какую, я понятия не имею. И вообще, я про них никогда ничего не знал. По-моему, не такие уж это удивительные обстоятельства.

Некоторое время все трое молчали.

— Интересно,— сказал Иванов.— Вы про них никогда ничего не знали. Как же вы узнали племянника?

— Я знал его еще маленьким. Тетка приезжала с ним — не помню уж, зачем. Сейчас, когда он пришел, я его узнал.

— Понятно. И как его зовут?

— Олег.

— А по отчеству?

— Отчества я не знаю.

— Странно,— сказал Байков.

— Действительно, непонятно,— заметил Иванов.— Как это можно не знать отчества?

— Я даже фамилии их не знаю. Мама, наверное, знала, я — нет.

— Простите, ваша мама жива?

— Умерла. Десять лет назад.

— Ясно, Георгий Константинович. Значит, он, то есть ваш племянник Олег, к вам пришел, и что?

— Пришел, поздоровался. Я его узнал. Ну и — он говорит, мама, в смысле, моя тетя, очень больна.

— Где живет эта ваша тетя, он не сказал?

— Где-то на Украине. Не помню точно. Поймите, я был взволнован.

— Неужели совсем не запомнили? Хотя бы примерно? Что это, город, село?

— Кажется, он назвал город.

— Какой? На какую букву хотя бы?

— По-моему, Днепропетровск. Или Днепродзержинск. Что-то в этом роде.

— Значит, будем считать — Днепропетровск или Днепродзержинск. Что было дальше?

— Олег сказал, мама больна. Нужна срочная операция. Операцию будет делать известный хирург. Ну и — нужны деньги.

— Много денег?

Гарибов помедлил. Будто обдумывал ответ.

— Много. Двадцать тысяч рублей.

— Ого! Зачем же столько денег?

— Олег объяснил, это очень сложная операция. Нужны дорогие лекарства. Оплата сиделкам. Но главное — все зависит от хирурга. Ну и... его надо отблагодарить.

— Как понять «отблагодарить»? Дать взятку?

Гарибов усмехнулся:

— Борис Эрнестович, давайте не будем.

— Давайте. Но все же интересно.

— Вопрос идет о жизни и смерти. Может быть, это взятка, не знаю. Называйте, как хотите. Короче, Олег сказал, что ему срочно нужно двадцать тысяч. В долг. Он обещал отдать.

— И вы дали?

— Конечно. Ни секунды не задумываясь.

— Почти незнакомому человеку?

— Ну и что? Во-первых, он все-таки родственник. У меня не так много родственников. Потом, в такой ситуации, думаю, не только я отдал бы деньги.

На секунду у Иванова мелькнуло сомнение: может быть, все это правда? Все действительно было так, как рассказывает Гарибов? Кажется, он недооценил Гарибова. Конечно, все, что касается «незарегистрированного родства»,— выдумано. Все же остальное тщательно продумано. Настолько тщательно, что, если Гарибов твердо решит стоять на своем, выбить почву у него из-под ног будет очень трудно. Почти невозможно. Иванов перевел взгляд с телефонного аппарата на Гарибова:

— Как же вы отдали эти деньги? Они что, лежали у вас в столе?

— Зачем в столе. Мы с Олегом поехали ко мне домой. У нас есть некоторые сбережения. У меня и у моей жены. Ну и — я попросил жену снять со своей книжки двадцать тысяч. Деньги мы не разделяем. Она сняла, я передал деньги Олегу. Он уехал.

— Куда точно он уехал, вы не поинтересовались?

— Нет. Он сказал — торопится, у него билет на вечерний поезд.

— На какой? Может быть, он назвал вокзал?

— Нет. Сказал — домой. Этого мне было достаточно.

Ясно: Гарибова ограбили. «Изъяли» двадцать тысяч. Но сообщать об этом ограблении он не хочет. Боится. Почему — объяснений может быть много. Главное объяснение, конечно же,— какая-то связь с «Кавказцем». Какая? Скорее всего, Гарибов все-таки жертва. Жертва, не желающая выдавать преступника. Значит, как-то связанная с ним. Иванов сделал незаметный знак Байкову: оставьте нас одних. Капитан, сославшись на дела, вышел. Сейчас надо сделать все, чтобы Гарибов сказал правду. Именно сейчас. Потом может быть поздно. С каждым новым объяснением Гарибов будет заучивать свою версию. Иванов — искать несоответствия и возражать. Обычная игра. Но пока будет идти эта игра, уйдет время. А с ним — «Кавказец».

— Георгий Константинович, повторяю: мы считаем, что я принял ваши объяснения. Но вы же разумный человек. Оба мы знаем: у вас отняли двадцать тысяч. Неважно как — обманом, силой, угрозой оружия. Но отняли.

— Не отняли. Эти деньги я отдал сам.

— Допустим. Теперь подумайте: что будет, если

я всерьез приму вашу версию? О «племяннике». Вы представляете, что будет?

— Это не версия. Это правда.

— Упрямый вы человек. Ладно. Допустим, мы считаем — ваше объяснение чистая правда. В таком случае вы знаете, что ваш племянник особо опасный преступник? Объявленный во всесоюзный розыск?

— Первый раз слышу.

— Хорошо. Верю. Вы могли об этом не слышать. Так вот, по нашим данным, ваш «племянник» объявлен в розыск по всей территории СССР. Как опасный преступник. Совершивший тяжелое преступление. Может быть, не одно. За каждое из таких преступлений ему грозит исключительная мера наказания.

Он нарочно затянул паузу. Гарибов не пошевелился.

— Вашим объяснением, выдающим этого преступника за вашего родственника, вы ставите себя с ним на одну доску. То есть сами становитесь преступником. Соучастником тяжелейшего преступления. Надеюсь, вы это понимаете?

Не меняя выражения лица, Гарибов потянулся к карману. Достал пачку «Пэлл Мэлл». Посмотрел на Иванова:

— Я закурю. Разрешите?

— Конечно.— Уловив жест, Иванов покачал головой: — Спасибо, я не курю.

Гарибов щелкнул зажигалкой. Помедлив, прикурил, глубоко затянулся. Выражение его лица показалось Иванову задумчиво-отсутствующим. Кажется, сейчас Гарибов срочно пытается еще раз все взвесить. Может быть, понять, как нужно вести себя с Ивановым. Можно допустить, этот человек умеет разбираться в людях. Знать бы только, насколько он честен. Дело даже не в деньгах. Пока для него Гарибов загадка. Во всяком случае, понять, связан ли как-то директор «Автосервиса» с нарушением закона, сейчас сложно. Но ясно, этот человек попал в трудное положение. Гарибов положил сигарету на край пепельницы.

— Хорошо, Борис Эрнестович. Я буду говорить правду.— Помедлив, Гарибов снова взял сигарету. Несколько раз затянулся, разглядывая дым.— Но поймите меня тоже. Вы бывали в положении, когда вам приставляют нож к горлу? Вернее — дуло пистолета?

— У него был пистолет?

— Был.— Они встретились взглядами. Как будто врать ему Гарибов не собирается. По крайней мере, пока.— Как только он вошел, он достал пистолет. Ну и все остальное шло уже под этим соусом.

— Что «остальное»?

— Разговор. Обычный разговор. Если, конечно, его можно считать обычным. Говорилось все тихим голосом. Мол, так и так, нужны двадцать тысяч. Срок до часу дня. Если к этому времени денег не будет, я буду убит. Кроме того, у моего дома дежурит еще один. Они знают, что жена сейчас дома. Если до пяти минут второго денег не будет, второй человек войдет в квартиру и убьет также мою жену. И заберет все, что считает нужным. Если же я отдам деньги до часу дня, они уйдут. И я с ними никогда больше не встречусь. Так сказать, гарантия. Такие условия.

Докурив сигарету, Гарибов осторожно притушил ее о край пепельницы.

— Я не знаю насчет героизма. Как все это бывает. Говорят, люди идут на пули, ложатся на гранаты. Ну и так далее. Но я, наверное, не герой. Впрочем, может быть, в каких-то обстоятельствах я и пошел бы на пули. Но знаете, когда ты сидишь вот так... Под пистолетом в собственном кабинете... И когда тебе говорят про жену, поневоле начинаешь взвешивать. И решать, что лучше. Двадцать тысяч или собственная жизнь. И жизнь жены.

— Георгий Константинович, вы знаете этого человека?

В глазах Гарибова сейчас отражается все, что угодно. Злость. Ненависть. Недоумение. Но только не колебание.

— Не знаю. И вообще, надо уходить с этой должности. Считается, все директора «Автосервисов» миллионеры. Видимо, поэтому он и пришел ко мне.

— Давайте уточним вопрос. Согласен, может быть, именно этого человека, с пистолетом, вы не знаете. Но наверняка вы можете предположить, кто мог его к вам послать?

— Борис Эрнестович, предположить я мог бы, если бы был в чем-то замешан! В чем-то, понимаете, хоть в чем-то! Но я ни в чем не замешан! Ни в чем! Я обычный человек!

— Может быть, все-таки кто-то вызывает у вас подозрение?

— Борис Эрнестович, неужели вы думаете, я не прикидывал? Вертел так и этак. Мало ли, может, кто-то из знакомых? Или из тех, кто у нас обслуживается? Бывшие сослуживцы, допустим? Враги, наконец? Да мало ли кто?

— И что же?

— Когда посылают двух убийц порешить, так сказать, тебя и жену, всегда поймешь, кто бы это мог быть. Рано или поздно. Здесь же — не понимаю. Не идет ничего в голову, и все.

Полное впечатление — Гарибов действительно не знает ни «Кавказца», ни того, кто его навел.

— Хорошо, Георгий Константинович. Будем считать, вы действительно ничего не знаете. Но в таком случае вы должны были сразу позвонить в милицию. И сообщить, что на вас было совершено разбойное нападение.

— Здесь я виноват. Просто испугался. Знаете, уже потом, когда все произошло, меня охватил страх. Но я ведь в конце концов позвонил.

— Поздновато. Да и здесь тоже сочиняли какие-то басни. О «незарегистрированной» тете. Не к лицу это вам. Да, кстати, почему грабитель стал «племянником». Кому пришла эта идея?

— Он сам предложил. Повторяю, как только он вошел, он сразу достал пистолет. Сел. И стал объяснять. Что и как. Во-первых, я должен был тут же позвонить секретарше. Мол, важное дело, буду очень занят, пусть никого не пускает. Во-вторых, я ведь тоже не сразу согласился. Сказал, у меня просто нет таких денег. Потом, когда понял, что дело серьезное... А я это понял — стали сообща выяснять, как я могу передать ему двадцать тысяч. Он спросил: «У вашей жены деньги на книжке есть?» Раз есть, значит, я должен сказать, что он мой племянник. Ну и... всю остальную сказку.

— Вы не заметили, какой системы у него был пистолет?

— Насколько я понял, наш пистолет. Армейский. Системы Макарова.

У Садовникова тоже был пистолет системы Макарова.

— Опишите его внешность.

— Высокий. Да, высокий и крепкого сложения. Черные волосы, черные усы. Лицо... такое, как бы сказать, неприятное. Нос небольшой, курносый. Глаза светлые. Говорил он с легким акцентом. Думаю, скорей всего, кавказец. А вот кто точно... Грузин, армянин, азербайджанец... Не знаю.

Дождавшись, пока Гарибов выйдет, Иванов набрал его домашний номер. Трубку сняла хозяйка:

— Алло? Слушаю вас.

— Здравствуйте, Светлана Николаевна. Это Иванов, из милиции. Помните?

— Д-да... Конечно.

— Светлана Николаевна, нам надо встретиться. Есть серьезный разговор. Как у вас со временем — завтра? Скажем, в первой половине дня? В час дня? Пропуск будет выписан. Адрес вы знаете. Жду. Всего доброго, Светлана Николаевна.

Сообщив о заявлении Гарибовой дежурному на Петровку, 38 и договорившись о направлении опергруппы на квартиру Гарибовых, набрал номер отдела. Сказал снявшему трубку Линяеву:

— Сергей, сейчас ты или Хорин свяжитесь с Петровкой. Заявление Гарибовой есть, я им уже сообщил. Выезжайте с ними на квартиру Гарибовых.

— Понял, Борис Эрнестович.

Уже по дороге в Управление, разглядывая летящую навстречу мокрую мостовую, подумал: по сути, он по-прежнему ничего не знает о «Кавказце». Так же, как и раньше. Какие-то лоскутки. Обрывки. Что за напарник? Был ли он на самом деле? Или все это выдумка, чтобы припугнуть? Ну и — национальность. Конечно, сам он, если бы столкнулся лицом к лицу с «Кавказцем», его национальность определил бы сразу. Гарибов же, как и все коренные москвичи, разбирается в этом смутно. Если верить описаниям Гарибова, «Кавказец» скорее похож на мингрела.

Остановив машину у Управления, Иванов подумал: все же сведения, которые он сейчас узнал, говорят о многом. Во-первых, обо всем этом интересно будет узнать Прохорову. Но раньше, конечно, он должен поделиться новостями со своим шефом, заместителем начальника Управления.

НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Шефа Иванов в последнее время видел практически каждый день. Иногда по нескольку раз — являясь главным образом по вызову. Вообще же в обычные дни попасть к заместителю начальника было даже трудней, чем к самому начальнику. Так уж повелось, что с самого начала работы в ГУУР шеф Иванова п р и н я л. Правда, особых выгод по службе это Иванову не приносило. Шеф был среднего роста, чуть полноватым человеком с сединой в редких белесых волосах. Улыбался крайне редко. Также крайне редко он надевал генеральский мундир. У шефа было два гражданских костюма, за пять лет Иванов хорошо изучил оба — однобортные, светло-коричневые, один в чуть заметную полоску, другой гладкий. Сегодня он в гладком.

Иванов начал рассказывать. Пока речь шла об «Алтае», о разговоре с горничной, даже о визите Гарибовой, карандаш, которым генерал поправлял что-то в бумагах, продолжал двигаться. На посещении «Автосервиса» он застыл. Изложение разговора с Гарибовым генерал выслушивал уже выпрямившись. Правда, карандаша он пока не выпускал, делая вид, что иногда поглядывает на написанное. И вдруг, разглядывая что-то в окне, прервал Иванова:

— Выходит, разгон. Разгон, разгон, разгон... Интересно.

Когда рассказ был окончен, шеф поднес карандаш к глазам. Старая привычка, выдававшая серьезный интерес,— вот так, будто изучая на свет, смотреть на кончик карандаша.

— Вообще-то, молодец. Молодец, что его нащупал. Вот только подсказал бы, к кому он придет еще? И вообще, скольких он уже успел разогнать?

Иванов промолчал. Генерал положил карандаш на стол, осторожно, будто это была по меньшей мере противопехотная мина.

— Насчет прошлого можем что-то сказать?

— По фотографиям его никто не признал. Я направил группу взять следы пальцев в квартире Гарибовых. Но... Думаю, он там ни за что не брался. Что касается гостиницы «Алтай» — там картина смутная. После него в номере жили. Ну и — убирали. Во всяком случае, следы, которые мы сняли в номере, в ИЦ не прошли. Так что был он судим или нет — неизвестно.

— Все понял. Помощь не нужна?

Всесильность шефа заключалась и в том, что, если надо, он мог подключить к работе чуть ли не все министерство. Но только если это действительно было надо.

— Спасибо, Иван Калистратович. Пока обойдусь своими силами.

Минут через двадцать, переехав через два Каменных моста и миновав улицу Фрунзе, Иванов уже сидел в кабинете Прохорова. После рассказа о признании Гарибова Прохоров мельком просмотрел заявление директора «Автосервиса». Иванов же сказал:

— У меня просьба — Гарибову пока к себе не вызывай. Разговор с новым человеком может ее сбить.

— Понимаю. У вас уже установились какие-то отношения. Хорошо, договорились. С Гарибовой будешь работать ты.

Иванов вернулся в отдел. И вовремя. Звонил телефон. Он снял трубку:

— Слушаю вас.

Он явственно слышал чье-то придыхание. Наконец мужской голос спросил:

— Простите, Борис Эрнестович?

Голос довольно мягкий. Но вопрос прозвучал твердо, без колебаний.

— Борис Эрнестович. Простите, кто говорит?

— Это... Ну, будем считать, я звоню вам по поводу Гарибова.

— По поводу Гарибова?

— Да. Вернее, обстоятельств, связанных с Гарибовым. Вы ведь в курсе?

— В какой-то степени. Но все-таки, кто вы? Я ведь должен знать, с кем говорю.

— Вы это узнаете. Но сначала я хотел бы договориться с вами о встрече.

Человеку, который с ним говорит, наверняка за

сорок. Судя по голосу, он занимает в жизни не последнее место.

— Вы хотите со мной встретиться?

— Хочу. Но только на нейтральной почве.

— Как понять — на нейтральной почве?

— Где-нибудь в городе. Это возможно?

Может быть, это кто-то, связанный с «Кавказцем»? Вряд ли. «Кавказец» не из тех, кто сам полезет в петлю. Скорее, этот человек как-то связан с Гарибовыми. Ведь и муж, и жена знают его телефон.

— В принципе возможно. И... когда вы хотите встретиться?

— Чем скорее, тем лучше. Сейчас вы можете? Скажем, минут через сорок? Вас устроит?

Иванов помедлил несколько секунд. О том, что встреча может быть опасной, он не думал. Таких встреч он никогда не боялся. Но надо все-таки решить, как он пойдет. Один или с кем-нибудь.

— Вполне,— сказал он.— Где мы встретимся?

— В кафе...— голос назвал кафе в центре, в котором собиралась главным образом молодежь.— Но вы должны обещать, что придете один.

Ничего обещать незнакомцу Иванов не собирался. Вообще он не любил давать обещаний. Но в любом случае в кафе он пошел бы один. Поэтому сказал:

— Хорошо. Я приду один.

— Спасибо. Значит, я буду ждать вас через час. На первом этаже, столик в дальнем углу. Там может быть очередь, на всякий случай я предупрежу швейцара. Скажите ему... Скажите, что вы к Алексею Павловичу. Я буду сидеть за столиком один. На мне будет серый костюм. Очки. А как я узнаю вас?

— Я подойду и представлюсь.

— Значит, через сорок минут я вас жду. До встречи.

— До встречи.— Положив трубку, Иванов посмотрел на часы. Без пятнадцати шесть. Интересно... Значит, к столику в углу кафе он должен подойти в двадцать пять седьмого. Время еще есть. Естественно, в кафе он придет один. Разговаривать с «Алексеем Павловичем» тоже будет один. Но подстраховаться нужно. Линяев и Хорин. Сидеть в кабинете им надоело, вот и хорошо. Все-таки живой выезд. Побудут где-нибудь поблизости. Лучше всего им, конечно, просто посидеть в машине, недалеко от входа в кафе. Он вызвал Хорина и Линяева. Через минуту они сидели у него в кабинете. В Управление оба пришли работать после него, тем не менее он знал каждого давно и хорошо. Но вот так, рука об руку, в одной опергруппе, работать им приходилось впервые. Понятно, оба считались сильными оперативниками. Обычно каждый из них сам возглавлял группу, ставить их «на подхват» было расточительством. И все-таки ему хотелось бы понять, не по репутации, а в деле чего стоят оба. Вошедшие ждали, что он скажет.

— Только что мне позвонил какой-то человек. Сказал — хочет поговорить по поводу Гарибова. Назвался Алексеем Павловичем.

Линяев промолчал. Хорин хмыкнул, скорее из вежливости.

— Интересно.

— Встреча назначена через сорок минут, в кафе. Этот Алексей Павлович попросил, чтобы я пришел один. Но поскольку все это касается не только Гарибова, но и Садовникова, сами понимаете.

— Понимаем,— сказал Линяев.

— Придется вам посидеть в машине. Подъезжайте чуть позже меня. Удобные места там есть. Встаньте и ждите.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ

Подъехав к кафе, Иванов остановил машину почти у входа. Скрываться ему пока не от кого и незачем. У дверей на ступеньках небольшая очередь. За стеклянной дверью пожилой швейцар. Фуражка с золотым галусом, все как положено. Табличка «Мест нет». За окнами кафе темно, вспыхивает цветомузыка. Стараясь не привлекать внимания очереди, вышел из машины. Подошел к стеклянной двери, постучал. Встретившись взглядом со швейцаром, показал глазами: надо. По виду его сейчас можно принять за лицо свободной профессии. Возраст неопределенный, седых волос нет. Одежда — тонкая кожаная куртка, свитер, узкие брюки. Ботинки, рассчитанные на уличную слякоть. Все, как надо. Швейцар приоткрыл дверь:

— Вам что, молодой человек? Мест нет, все занято.

Чуть надавив, Иванов быстро проскользнул в образовавшуюся щель. Очередь подалась было за ним. Из-за этого швейцар отвлекся, накидывая скобу. Не давая опомниться, Иванов шепнул:

— Вас должны были предупредить. Алексей Павлович.

Не дожидаясь ответа, прошел в зал. Огляделся. Кафе в основном заполнено мальчиками и девочками, такими же, что стоят снаружи. Столик в дальнем углу: лицом к залу сидит человек в сером костюме и в очках. Кажется, по общей конфигурации — человек невысок. Худощав. Волос на голове почти нет, их остатки на неровном черепе аккуратно подстрижены. Маленькие светлые усики. На вид лет сорок. Отхлебнув кофе, не отрывая чашки от губ, посмотрел в его сторону. Поставил чашку. Взял салфетку, аккуратно промокнул усы. Положил салфетку в пепельницу. Достал сигарету из лежащей рядом пачки. Подойдя, Иванов остановился у столика. Сигареты достаточно редкие, «Фифс авеню». И зажигалка не из дешевых, электронный «Ронсон».

— Простите, вы — Алексей Павлович?

— Совершенно верно. Алексей Павлович. А вы Борис Эрнестович?

— Борис Эрнестович.

— Садитесь. Не знал, что вам заказать, поэтому взял только кофе.

— Кофе как раз то, что нужно.— Иванов сел. Человек, сидящий напротив, смотрит, чуть улыбаясь. В прищуренных серых глазах настороженная приветливость. Похоже, взгляд отработанный. Несмотря на возраст, моложав. Тонкая голубая рубашка, подобранный в тон галстук, на левом безымянном пальце кольцо-печатка.

— Слушаю, Алексей Павлович. Вы хотели со мной поговорить?

— Хотел.— Алексей Павлович протянул пачку.

— Не курю.

— Прекрасно. А я — если позволите.— Алексей Павлович не спеша прикурил. Глубоко затянулся, осторожно выпустил дым в сторону. Сделав несколь-

ко затяжек, положил сигарету на край пепельницы.

— Понимаете, все это... Звонок вам по телефону, встречу здесь, разговор с вами... Все это я затеял по собственной инициативе. Сам. Но толкнула меня на это... забота о безопасности нескольких людей. Им угрожает серьезная опасность. Очень серьезная.

— Кому «им»? Что это за люди?

— Мои друзья. Люди в высшей степени порядочные. Со всех точек зрения. В том числе и с точки зрения закона.

— Прекрасно. Ну, а остальное?

— Что «остальное»?

— Скажем, их имена? Где они живут, работают?

— Могу назвать одного человека. Гарибов Георгий Константинович. Вы ведь его знаете?

— В какой-то степени. Вы хорошо с ним знакомы?

— Это мой друг. Давний и очень близкий.

— И что же Гарибов? Какое отношение он имеет к нашему разговору?

Алексей Павлович вздохнул:

— Борис Эрнестович, вы ведь знаете все про Гарибова. Давайте говорить начистоту.

— Давайте. Я с самого начала за это. Так что же я про него знаю?

— Все. Вы прекрасно знаете, что на Гарибова напали. Знаете, что под угрозой оружия его заставили отдать двадцать тысяч рублей. Вам все это известно.

— Допустим. Интересно только, откуда это знаете вы? Вообще, Алексей Павлович, может быть, хватит недоговоренностей?

— Хватит. Вы хотите знать, откуда я это узнал? Мне рассказала Светлана Гарибова. Насмерть перепуганная. Ну и, чтобы у вас не было никаких сомнений, вот моя визитная карточка.

Иванов взял протянутый белый квадратик. «Шестопалов Алексей Павлович. Засл. деят. науки РСФСР. Директор НИИ «Дорстрой».

Дождавшись, пока Иванов изучит визитку, Шестопалов сказал:

— Теперь вы понимаете, что происходит? По Москве ходит убийца. Вооруженный. Сегодня он ограбил Гарибова, до Гарибова побывал у кого-то еще. Завтра придет еще к кому-то.

— Вы не подозреваете, с кем этот убийца может быть связан?

— Дорого бы я дал, чтобы понять это.

— Вы сказали — «завтра он придет к кому-то еще». Почему вы в этом так уверены?

— А вы в этом не уверены? Есть у меня такое предположение. Исхожу из характера.

— То есть вы опасаетесь, что он придет и к вам?

— Ну вот...— Шестопалов поиграл пачкой.— Дождался. Вы уже смотрите на меня как на преступника. Так, Борис Эрнестович?

— Разве я сказал что-то обидное?

— Обидное...— Шестопалов пожал плечами и подозвал официантку. Пока он делал заказ, Иванов вспомнил: «До Гарибова побывал у кого-то еще». Может быть, действительно «Кавказец» приходил к кому-то еще? И Шестопалов об этом знает? Вообще-то фраза была произнесена как оговорка, но к ней стоит вернуться. Официантка поставила кофе. Сделав глоток, Иванов спросил миролюбиво:

— Только не подумайте, что я опять запускаю «скрытую мину». Но все-таки хотелось бы еще спросить о ваших друзьях. Как я понял, мой телефон вы тоже узнали от Гарибовой?

— Она мне позвонила... Примчалась, выплеснула душу. Как говорится, выплакалась в жилетку. Ну и — дала телефон.

— А... другие ваши друзья? Кто они?

— В силу ряда причин, которые я уже объяснил, я не могу назвать их имена.

— Но ведь если вы не назовете имен ваших друзей, какой смысл в нашей встрече? Вы просите защиты у милиции. Но как милиция может защитить тех, кого не знает? Извините, Алексей Павлович... Но у меня может создаться впечатление — вы хотите, чтобы мы защитили только вас?

— Вы отлично знаете, что это не так.

— Может быть, у ваших друзей есть какой-то общий признак?

Шестопалов приподнял чашку, будто разглядывал на свет. Поставил на блюдце.

— Увы. У них есть общий признак. Отличающий в том числе и меня. Не знаю, почему, но этот признак обычно вызывает недоверие. Особенно у вас. У милиции. Это состоятельные люди. У них есть дача, машина, деньги на книжке. Вот и весь их признак. Просто о некоторых вещах я пока не имею права говорить.

— Вы посоветуетесь с вашими друзьями, и мы вернемся к этому разговору? — сказал Иванов.— Я правильно понял?

— Пожалуй.

— В таком случае — когда?

— Скажем, завтра. На этом же месте, в этот же час. Вас устроит?

— В принципе устроит. Но хотелось бы вернуться еще к одному вопросу. Правда ли, что до Гарибова грабитель был у кого-то еще?

— Борис Эрнестович, если вы помните, я этого не утверждал. Я просто предположил, что до Гарибова он мог быть у кого-то еще. И все. Да, я подозреваю, что он был еще у одного из моих друзей. Но пока это только подозрение.

Расставшись с Шестопаловым, Иванов коротко передал содержание разговора с ним Линяеву и Хорину. Оба некоторое время обдумывали услышанное.

— Надо выяснять его окружение,— сказал Хорин.

— Верно. Поэтому тебе, Николай, Шестопалов,— Иванов протянул Хорину визитную карточку.— Много за сутки ты не узнаешь, но все же выясни, что сможешь.

КРУГ ЛИЦ

Утром Иванов поехал в прокуратуру. Выслушав рассказ о Шестопалове, Прохоров проворчал что-то вроде «бум-бум-бум...»

— Шестопалова и его знакомых что-то объединяет. Но сам-то ты пытался прикинуть, что может сблизить этих мифических людей?

— Пытался,— сказал Иванов.— Понимаешь, на уголовников они не похожи. Ни Гарибов, ни Шестопалов.

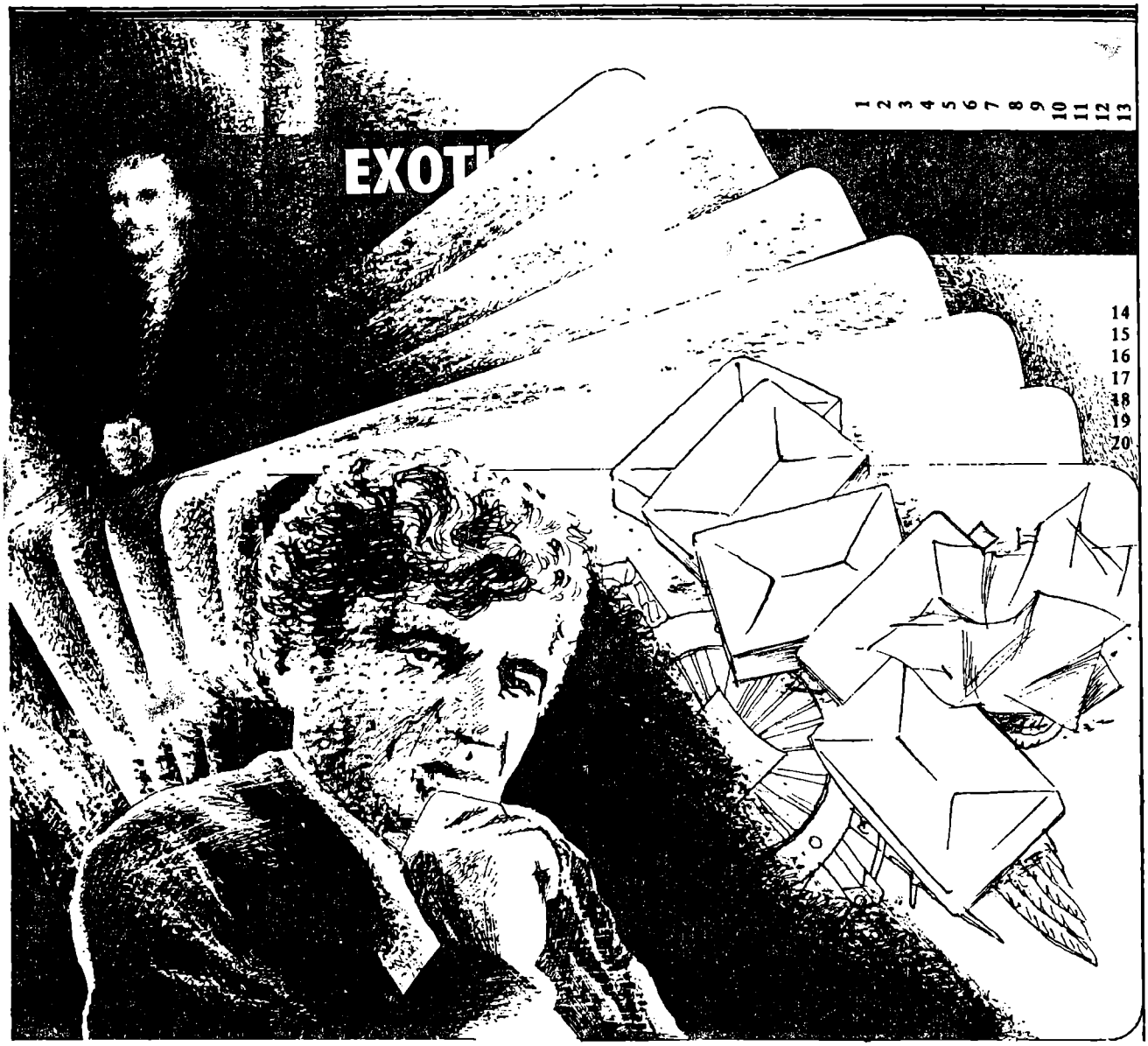
— Но что-то же их объединяет?

— Объединяет. В час дня у меня встреча с Гарибовой. Может, у нее что-то выцарапаю.

Условившись, что будет звонить как только что-то узнает, Иванов поехал в Управление. По дороге он снова попытался понять суть неуловимой общности Гарибова и Шестопалова. Вариантов было много, и все-таки ни на одном он не мог пока остановиться. Единственное, что он знал точно — этих двух людей объединяет что-то знакомое. То, с чем он уже сталкивался. Это знакомое было в манерах, в одежде, в похожих марках сигарет, в печатках на пальцах. Даже в образе мыслей.

В Управлении он коротко доложил шефу о вчерашних событиях. Так же, как и вчера, генерал выслушал его с повышенным интересом. Это было понятно, если считать, что «Кавказец» и «племянник» одно и то же лицо (а что это один человек, можно было уже не сомневаться), розыск выходил из некоего безвоздушного пространства, в которое поневоле попал в первые дни после убийства Садовникова. Обращение Шестопалова в милицию вкупе с выходом на Гарибовых переводило работу в реальную плоскость. Теперь вместо гадания на кофейной гуще Иванов мог вплотную заняться людьми, как-то связанными с убийцей: Гарибовым, Гарибовой, Шестопаловым и Кудюмом. Возможно, к этим кандидатурам вскоре прибавится еще несколько человек. Значит, прежде всего он должен заняться выяснением всего, что касается окружения этих людей. Изложив шефу основные соображения и получив добро, Иванов заглянул в комнату Линяева и Хорина. Нового здесь он ничего не узнал: Линяев звонил по телефону, безуспешно пытаясь установить местонахождение Кудюма. Что касается Хорина, то Иванов знал еще с вечера — Хорин занимается Шестопаловым. Часы показывали без двадцати час.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.



БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ

Повесть

Анатолий РОМОВ

Рис. Евгения Охотникова

ПРОЗА

Вернувшись в свой кабинет, Иванов начал приводить в порядок бумаги, но довести работу до конца не успел — пришла Гарибова.

Светлана Николаевна выглядела как и в первый свой визит: дорогое, но скромное платье, минимум украшений. Войдя, дежурно улыбнулась:

— Здравствуйте, Борис Эрнестович.— Присела на предложенный стул.— Вы просили — я пришла.

— Спасибо.— Он решил сразу начать с главного.— Светлана Николаевна, я вызвал вас затем, чтобы вы рассказали об окружении вашего мужа. Друзьях, знакомых. Причем давайте договоримся с самого начала — по возможности откровенно.

Окончание. Начало см. в № 7.

— Н-ну... Если, как вы просите, говорить откровенно... У него их очень много. Знакомых. Я бы даже сказала, бесчисленное количество. Не знаю даже, с кого начать.

— Наверное, с самых близких друзей. С тех, с кем вы дружите семьями.

— Это, в основном, мои друзья.

— Понимаю. Я о них не спрашиваю. Я спрашиваю о друзьях вашего мужа.

— Они одновременно и друзья Георгия... Эти друзья... Но... как бы вам объяснить. У него есть еще друзья.

— Что-то мы с вами совсем запутались. Как понять — еще друзья?

Гарибова явно колеблется. Это может значить только одно: он, Иванов, на правильном пути. Выждав, он сказал мягко:

— Светлана Николаевна... Мы ведь условились говорить откровенно.

— Ну хорошо. Хорошо, Борис Эрнестович. Я расскажу о всех его друзьях. Но только... Я опять хочу попросить вас, чтобы ни муж, ни его друзья об этом не знали.

— Это подразумевается. Светлана Николаевна, я жду. Нельзя же останавливаться на середине.

Гарибова долго молчала. Наконец выдохнула еле слышно:

— Какие дела могут заставить мужчину не обращать внимания на женщину?

— Разные.

— Борис Эрнестович, неужели не ясно? Это карты.

МОДЕЛИРОВАНИЕ

Подписав Гарибовой пропуск, Иванов проводил ее до двери. Вернувшись, сел за стол. Значит — это карты... Еще раз перечитал фамилии и должности названных Гарибовой друзей мужа. Самым близким другом, почти членом семьи, она считала Шестопалова. Большинство же остальных были для нее лишь карточными партнерами мужа, не более. Чаще всего в доме Гарибовых появлялись некто «Илья Егорович», директор «Гастронома», «Юра», называвший себя стоматологом, и «Игорь Борисович», работавший, опять же по непроверенным данным, администратором филармонии.

Да, сейчас Иванов наконец понял: Гарибов, Шестопалов и их партнеры — так называемые «лобовики». Все эти люди играют в карты по-крупному, «лоб в лоб». Отсюда и само слово «лобовик». И сейчас все, что он узнал после встреч с Шестопаловым и Гарибовой, говорит, что он столкнулся именно с ними. Лобовики среди любителей карт занимают особое положение — в отличие от всех остальных картежников, в том числе и от карточных шулеров, так называемых «катал». Негласный кодекс запрещает лобовикам в игре между собой прибегать к какому-то ни было шулерству. Игра ведется только на очень крупные суммы с обязательной немедленной отдачей. Если вдруг не оказывается наличных денег — долг необходимо отдать как можно скорее, в считанные часы. Что же касается отношений с законом... Карточные игры в СССР в принципе не запрещены. Карты можно купить в любом табачном киоске. Если человек проиграл в карты десять тысяч, не нарушая при этом общественного порядка — это нельзя квалифицировать как нарушение закона. Но Иванов прекрасно знал о связях лобовиков с преступными элементами. Лобовиками бывают только «солидные люди», как правило, занимающие высокое положение. Безусловно, не исключено, что среди лобовиков, если постараться, можно найти и честного человека, такого, который, садясь за карточный стол, принципиально полагается только на свое реноме и реноме партнера. Но это скорее исключение, чем правило. Честность не та основа, на которую могут полагаться крупные игроки,— ведь счет в их игре идет на тысячи, а то и на десятки тысяч рублей. Именно поэтому на страже интересов крупных картежников стоят «шестерки-вышибалы». Вербуются вышибалы, как правило, из бывших уголовников. Виновному в неотдаче долга сначала делается предупреждение, а потом он может поплатиться увечьем или даже жизнью.

Довольно долго Иванов сидел молча, разглядывая исписанный календарь. Сейчас он попытался понять, все ли так, как он рассчитал. Нет ли каких-то неучтенных фактов, ложных ходов... Нет, кажется, момент, которого он так долго ждал, все-таки наступил. Он вычислил «Кавказца». Человек, убивший на Ленинских горах инспектора ГАИ Садовникова,— «шестерка-вышибала». После разговора с Гарибовой сомнений в этом нет никаких. Собственно, дело теперь только в технике — его и его товарищей. Снял трубку, набрал номер.

Отозвался Линяев, он спросил:

— Сережа, что там?

— Пока все то же. Кудюм не проглядывается.

— Хорин?

— Звонил. Передал: объявится только к вечеру.

— Зайди-ка, есть дело.

Иванов коротко передал Линяеву все, что услышал от Гарибовой. После сообщения о картах и «Жемчуге» майор легко постучал кулаком в ладонь:

— Похоже, тепло, Борис Эрнестович? «Кавказец» — вышибала?

— Не знаю. Во всяком случае, времени у нас с тобой сейчас мало. Во-первых, сразу от меня иди к генералу. Сообщи новость, ну и... Шеф — человек мощный, пусть поднимает все силы. И ориентирует на «Кавказца» всех, кто так или иначе связан с каталами, лобовиками и так далее. Понял?

— Понял. Что, можно идти?

— Подожди. Учти, нам с тобой все это организовывать некогда. Как только утрясешь вопрос с шефом, отправляйся в ближайший табачный киоск.

— Табачный киоск?

— Да. Мне нужно шесть колод карт. Даже лучше семь. Нераспечатанных. Но это не все. Нужно срочно найти парня, похожего на «Кавказца». С использованием до конца дня. В Министерстве, я думаю, пара-другая таких найдется?

— Может, Подошьян Валера? Из нашего отдела? В нем почти метр девяносто. Ну там — и все остальное.

— Подойдет. Предупреди, пусть не уходит. И давай за колодами. Дорогих не покупай, нужны самые дешевые. Деньги оформим, не волнуйся.

— Я не волнуюсь. Тогда я с колодами — прямо к вам?

— Давай.— Нажав на рычаг, набрал номер дежурной по второму этажу гостиницы «Алтай».— Де-

журная? Простите, Лена Малахова сейчас дежурит? Позовите, пожалуйста...— Подержав трубку у уха, услышал знакомый голос:

— Да, я слушаю.

— Лена, это один ваш знакомый. Из милиции. Мы с вами беседовали, в дежурке. Помните? Насчет жильца из двести девятого номера. Иванов моя фамилия.

— А-а.... Помню. Здравствуйте.

— Здравствуйте. Леночка, только два вопроса. Помните, вы рассказывали, как вы убирали в номере? А жилец в это время что-то переставлял на столе?

— Переставлял? А, ну да. Помню. А что?

— Вы тогда сказали, у него в мусорном ведре были белые хрустящие бумажки. Обертки от вафель. Помните?

— Н-ну... Как будто. Да, были вроде обертки.

— Леночка, вспомните — кроме этих белых хрустящих бумажек, вы не видели этикетки от вафель? На вафлях же сверху этикетки. На них название, цена.

— Ой, я не помню. Может, и были. Там разве разберешь? Этикетки, не этикетки. Я же не вглядывалась.

— Еще вопрос — когда вы в тот раз вошли, во что ваш постоялец был одет? Когда на столе что-то переставлял.

— Сейчас... Подождите... В спортивном костюме. Знаете, такой, импортный? Синий, с тремя полосками.

— Все ясно, Леночка. Ждите, мы к вам скоро подъедем. На месте я все объясню.

Положив трубку, снова набрал номер. Услышал отзыв:

— Подошьян слушает.

— Валера, это Иванов. Линяев тебя предупредил?

— Да. Я в полной готовности.

— Вот что, Валера, достань до вечера спортивный костюм-пижаму. Фирмы «Адидас», синий с тремя полосками. На твой рост. Причем срочно, в течение двадцати минут. До выезда.

— Но, Борис Эрнестович...

— Все, встречаемся внизу, в машине.

Следующий, кому он позвонил, был Прохоров.

— Леня, это Борис Иванов. Ты очень занят?

— Дела есть всегда. А что? Что-нибудь случилось?

— Особенного ничего. Ты мне нужен часа на два. По нашему делу. Если я сейчас заеду, как? Минут через двадцать?

— В принципе можно, только объясни хоть примерно. Что случилось?

— Объясню потом. Смотри в окно. Увидишь мою машину — выходи.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Свернув направо, он проехал под железнодорожным мостом. Перед самым входом в «Алтай» затормозил, почувствовав, как качнулись сзади Линяев и Подошьян. Сидящий рядом Прохоров покосился:

— С такими молодцами только кого-то брать. А? Надеюсь все-таки, брать мы никого не будем?

— Не будем, не беспокойся. Потерпи. Я хочу, чтобы все было чисто.

— Эксперимент? Судя по всему.

— Сейчас увидишь. Пошли.

Вчетвером они прошли в гостиницу. В холле было пусто. Швейцар, узнав Иванова, сделал знак бровями — мол, не волнуйтесь, все помню. Вместо молодящейся блондинки за стойкой сидела худая девушка в очках. Иванов протянул удостоверение. Девушка изучала его долго. Вздохнула:

— Опять по поводу второго этажа? Да? Двести девятый?

— Двести девятый, угадали. Номер сейчас занят?

— По-моему, там живут. Только, кажется, они ушли.— Выдвинула ящик.— Да, вот ключи. Вам что, нужен этот номер?

— Нужен, но...— Он замолчал. Проводить эксперимент без согласия владельцев номера нельзя. Впрочем, для того, что он задумал, может подойти другой номер, аналогичный.— А свободные номера у вас есть? Желательно на этом этаже. Двухместные.

— Сейчас...— Карандаш дежурной пополз по квадратам схемы.— Вот, двести пятнадцатый. А... зачем?

— Надо провести эксперимент. Так называемое моделирование. Для этого нам нужен свободный номер, а также — представитель администрации. Вы бы, например, нас устроили как представитель администрации. Как? Договорились?

Вслед за администратором Иванов вместе с Прохоровым, Линяевым и Подошьяном поднялся на второй этаж и остановился у двести пятнадцатого номера. Посмотрел на стоящего рядом Подошьяна. Для эксперимента капитан подходил идеально: высокий, широкоплечий, с пышными черными усами. Впрочем, подумал Иванов, во время эксперимента горничная увидит Подошьяна только со спины. Так что усы в данном случае будут неиграющей деталью.

— Коротко установку. Пока мы одни,— сказал Иванов.

— Сейчас,— Подошьян потер лоб.— Значит, так — в номере я снимаю плащ, остаюсь в тренировочном костюме. Вскрываю шесть колод карт. Седьмую, контрольную, не трогаю. Затем снимаю с шести колод бумажные обертки. Мну их. Кроме того, мну несколько газетных обрывков. Затем бросаю в мусорную корзину смятые газетные обрывки. Сверху — смятые бумажные обертки от карт. Потом все колоды, кроме двух, прячу в стол. Сажусь за стол лицом к окну, спиной к двери. Начинаю тасовать карты. Обе колоды. Делаю это медленно, размеренно. Причем, чтобы со стороны двери карт не было видно. После стука в дверь говорю: «Войдите». Входит горничная, спрашивает: «Можно я уберу?» Не оборачиваясь и продолжая медленно тасовать карты, говорю: «Пожалуйста». По-моему, все?

— Все. Ты, Сергей?

— Я беру шесть пачек вафель и корзину, сдираю обертки...— Линяев поискал глазами.— Ну, хотя бы вон там. За выступом коридора. Подходит?

— Вполне.

— Мну газетные обрывки, кидаю в корзину. Сверху бросаю смятые обертки от вафель. Правильно?

— Правильно. Кажется, они идут.

Дежурная по этажу, с которой подошла администратор, оказалась совсем молодой девушкой. Высокая, с ямочками на пухлых щеках, она выдохнула еле слышно:

— Здравствуйте. Меня зовут Тамара.

— Здравствуйте, Тамарочка.— Иванов улыбнул-

ся.— Видите, сколько молодцов я к вам привел? Это Леонид Георгиевич, это Сергей, это Валерий. Меня зовут Борис Эрнестович. Кстати, Тамара, вы что-то продаете на этаже? Вафли, например?

— Есть вафли. Вафли есть, лимонад. Чай, сахар. Ну, там, спички, сигареты «Прима».

— Позовите-ка горничную.

Дежурная по этажу ушла и через минуту вернулась с Леной Малаховой. Увидев Иванова, горничная приставила швабру к стене.

— Я вас давно жду. Я номер убираю, ничего?

— Наоборот, очень даже хорошо. Помните, вы убирали при постояльце? Вы вошли, взяли мусорное ведро, чтобы его вынести, и среди прочего мусора заметили смятые хрустящие белые бумажки. Еще раз спрашиваю — вы видели рядом с этими смятыми белыми бумажками этикетки? Тоже смятые, тоже бумажки, но на которых написано, как называются вафли, цена, и так далее?

— Я уж думала. Не помню. Вы прямо так уж серьезно. Кто их знает, эти этикетки. Может, они внутри были. В бумажках. Или там на дно провалились. Дело какое, подумаешь. Еще долго будете спрашивать?

— Все, больше не буду. Сейчас вы должны повторить все то, что сделали в тот раз. Постучать в номер, услышав отзыв, войти. Спросить, можно ли убрать. Делайте это спокойно, так, как делаете всегда. Представьте, что вам действительно нужно убрать в номере. После того как находящийся в комнате разрешит вам произвести уборку, вы возьмете мусорное ведро и вынесете к нам. Для нас это важно, как восстановление событий. По-современному — моделирование. Понятно?

— Понятно.

— Человек, которого вы увидите в номере, со спины похож на Нижарадзе. Сидеть он будет, как сидел в тот раз Нижарадзе, к вам спиной. Этот человек будет делать определенные движения. Ваша задача — сказать нам после эксперимента, похожи ли эти движения на те, которые делал Нижарадзе. А также — похоже ли то, что вы увидите в мусорном ведре, на то, что вы увидели в этом ведре в тот раз. Вот и вся задача. Все, можете стучать. Ну! Стучите!

Помедлив, Лена постучала в дверь. Оттуда донеслось: «Да, войдите!» Девушка открыла дверь и вошла, из-за закрытой двери было хорошо слышно, как она спросила — можно ли убрать в номере. Чуть погодя дверь открылась. Лена показала мусорное ведро — в нем на газетных обрывках лежали смятые обертки от карт.

— Я правильно все сделала?

— Правильно.— За Леной Иванов видел спину Подошьяна — тот продолжал медленно тасовать карты.— Как движения? Похожи на те, которые делал Нижарадзе?

— Похожи. Я теперь поняла, что он делает. Карты тасует. Правильно?

— Правильно, только почему же вы тогда об этом не догадались?

— Так ведь я второй раз уже на это смотрю. И внимательно. Тогда мне как-то все равно было. Ну, а сейчас — я же не слепая.

Иванов обернулся:

— Сергей Александрович! Пожалуйста!

Все молча следили, как вышедший из-за выступа Линяев ставит на пол корзину. В этой корзине поверх таких же, как в первой, газетных обрывков лежали смятые обертки от вафель вместе с этикетками.

— Посмотрите внимательно,— сказал Иванов.— Лена? Какие бумажки были в корзине в тот раз? Белые? Или вот такие, с этикетками?

Лена несколько раз перевела взгляд с одной корзины на другую. Поставила свою корзину на пол.

— Нет. Все-таки бумажки тогда были вот такие. Как в моей.

Из эксперимента следовало: неизвестный, проживавший в гостинице «Алтай» под фамилией Нижарадзе, скупал в большом количестве карточные колоды. Далее — пока этот неизвестный вынужденно находился в номере, он тасовал карты. Этого занятия он не прекращал даже при появлении горничной. То есть «Нижарадзе» занимался тем, чем обычно занимаются в свободное время для тренировки зрительной памяти профессиональные картежники — тасовал карты, запоминая их «рубашки».

Значит, соответственно с этим следовало ориентировать и розыск.

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

Вернувшись к вечеру в Управление, Иванов застал в сборе всю опергруппу. У Хорина, появившегося лишь сейчас, к концу рабочего дня, вид был усталый. После короткой беседы выяснилось: ничего такого, что выглядело бы для Иванова неожиданностью, Хорин не узнал. Как и ожидалось, никаких грехов по части ОБХСС за Шестопаловым не числилось. Дача, кооперативная квартира в центре города и машина были приобретены на средства, полученные от внедрения ценного изобретения. Шестопалов был одним из авторов научного коллектива, разработавшего новое покрытие для шоссейных дорог. Единственное, что показалось Иванову интересным,— Хорину удалось выяснить, что часть своего отпуска, причем совсем недавно, с 25 января по 11 февраля, директор НИИ «Дорстрой» провел в Сочи. Останавливался Шестопалов в гостинице «Жемчуг», занимая номер «полулюкс» на пятом этаже. Любопытны были также два списка, которые Хорин не поленился полностью переписать в агентстве Аэрофлота. Один перечислял пассажиров авиарейса № 1045 «Москва — Сочи» 25 января, второй — авиарейса № 1046 «Сочи — Москва» от 11 февраля. Согласно этим документам, 25 января одним рейсом с Шестопаловым вылетел Гарибов Георгий Константинович. Он же вместе с Шестопаловым вернулся в Москву 11 февраля — опять же одним рейсом. Больше знакомых фамилий в двух списках Иванов не нашел. Тем не менее он принялся тщательно изучать оба реестра. В конце концов, просмотрев списки несколько раз, подчеркнул строчку: «Палин Илья Егорович». Причем фамилия «Палин» значилась как в первом, так и во втором списке. Главным, конечно, было имя-отчество, а не фамилия — именно это имя-отчество, «Илья Егорович», упомянула в своих показаниях Гарибова. Хорин тут же позвонил в отдел кадров управления торговли. Там попросили перезвонить и через двадцать минут сообщили: Палин Илья Егорович работает директором магазина «Гастроном» № 26. Значит, Гарибова имела в виду именно этого Илью Егоровича. Похоже, вся тройка летала в Сочи своей компанией. Зачем, ясно: поиграть. Иванов попросил Линяева связаться с Сочи и выяснить, в какой гостинице останавлива-

лись Гарибов и Палин. Впрочем, он был убежден, что они, как и Шестопалов, сняли номера в «Жемчуге».

Оставив Линяева и Хорина в отделе, Иванов спустился вниз. До встречи с Шестопаловым оставалось минут двадцать. Усевшись в машину, он не спеша двинулся к центру. Остановившись у кафе, подумал: пока ничего особенного в факте выезда тройки в Сочи нет. На размышления наводит только то, что все трое вернулись в Москву 11 февраля, то есть за три дня до убийства Садовникова. Конечно, это может быть случайным совпадением. Но может и не быть. Кроме того, в его расчеты пока не очень укладывается фамилия «Палин». С Палиным, по словам Гарибовой, ее муж познакомился недавно.

Шестопалов сидел за тем же столиком и выглядел так же, как вчера: крахмальная рубашка, подобранный в тон галстук, отлично сшитый костюм. Кофе был уже подан. Увидев Иванова, Шестопалов поднял руку. Подождал, пока Иванов усядется, улыбнулся:

— Я заказал кофе, вы не против?

— С удовольствием. Как, Алексей Петрович, вы посоветовались со своими друзьями?

— Посоветовался.

— И что же?

— Ну...— Шестопалов взял чашку. Пригубив кофе, оба посмотрели друг на друга. Со стороны этот взгляд наверняка выглядел мимолетным, ничего не значащим. Но оба сейчас, и Иванов, и Шестопалов, отлично поняли, что означает секундная пауза. Директор НИИ пытался понять, много ли успел узнать о нем Иванов. Иванов — определить, насколько откровенным решил быть с ним Шестопалов.

— Видите ли...— Достав сигарету, Шестопалов посмотрел на Иванова.— Видите ли, прошлый раз я вас обманул.

— Обманули?

— Да. Я закурю, вы не против?

— Пожалуйста.

Щелкнув зажигалкой, Шестопалов прикурил. Сделал несколько затяжек.

— Прошлый раз я сказал, что опасаюсь за своих друзей. Может быть, этот убийца действительно придет к кому-то из моих знакомых. Не знаю. Но на самом деле я опасаюсь только за одного человека.

— За кого же?

— За себя. Увы, Борис Эрнестович, только за себя. Я живу сейчас в состоянии панического страха. Понимаете? Панического. Последние дни я вообще не сижу у себя в кабинете. Приезжаю в НИИ, отдаю распоряжения и тут же уезжаю.

— Чем же это вызвано?

— Тем что сейчас моя очередь. Моя, вы понимаете? — Помедлив, Шестопалов аккуратно положил сигарету на край пепельницы. Поднял глаза: — Борис Эрнестович, вы случайно никогда не играли в покер?

По взгляду Шестопалова ясно: это признание. Кажется, Шестопалов действительно решился на полную откровенность.

— Почему же. Играл.

— Впрочем, вопрос задан неточно. Играть в покер мало, надо понимать, что это за игра.

— Надеюсь, я и это понимаю.

— Ну, если понимаете...— Шестопалов снова взял сигарету. Затянулся.— Если понимаете, то поймете, как много значит в покере чутье. Интуиция. Смею надеяться, я играю в покер неплохо. Так вот, то, что сейчас моя очередь, я понял чутьем. Конечно, это можно было и высчитать. Но я понял чутьем.

— Объясните?

— Охотно. Видите ли, я любитель игры в карты. Вас это не шокирует? Как работника милиции?

— Если вы не нарушаете при этом закон — почему же. Не шокирует.

— Закона я не нарушаю. Наоборот, всегда стою за предельную честность. Что же касается карт... Думаю, вы слышали — есть так называемые спортивные карты? И знаете, что в нашей стране ежегодно проводится любительское первенство — скажем, по игре в вист? Собственно, для меня карты — разрядка. После довольно-таки тяжелой работы. Единственная в своем роде разрядка, отдых...— Шестопалов все-таки еще колеблется.— Вы, конечно, слышали о гостинице «Жемчуг» в Сочи? И знаете, что там собираются любители карточной игры?

Еще бы он не знал гостиницы «Жемчуг». Одна из лучших сочинских гостиниц с закрытым пляжем. В бархатный сезон, когда там собирается элита «лобовиков», попасть в «Жемчуг» практически невозможно. Места на это время года расписываются заранее. Впрочем, «лобовики» собираются в «Жемчуге» не только в бархатный сезон. Найти их там можно практически круглый год. Значит, теперь разговор действительно пошел начистоту.

— Знаю.

Шестопалов притушил сигарету.

— Для нас с вами не секрет, что в «Жемчуге» собираются не только любители? Не секрет, Борис Эрнестович?

— Вы правы. Не секрет.

— В таком случае, вам многое будет ясным. В «Жемчуге» есть и жучки, и шулера, так называемые «каталы». К сожалению. Есть просто уголовники — на мой взгляд. Так называемые «вышибалы». Ведь мы договорились быть откровенными? Так ведь?

— Договорились. Я внимательно слушаю, Алексей Павлович.

Шестопалов отхлебнул кофе. Поставил чашку.

— Ну вот. Недавно, в конце января, я выехал в «Жемчуг» с двумя своими друзьями. На две недельки, развеяться. Естественно, и поиграть. У нас это традиция, мы каждый год выезжаем в Сочи в это время. За честность, по крайней мере, за карточную честность каждого из этих людей я ручаюсь. Одного из них вы знаете, это Георгий Константинович Гарибов. Второго я знаю меньше, но тоже готов за него поручиться. Учитывая даже, что должность, которую он занимает, довольно... Как бы это сказать,— особая, что ли.

— Что же это за должность?

— Директор «Гастронома». Крупного московского «Гастронома». Фамилия его Палин. Палин Илья Егорович. Не знаю, как по работе, но по чисто человеческим качествам...— Шестопалов сделал паузу.— По чисто человеческим качествам Илья Егорович вне всяких подозрений. За это я ручаюсь.

Выверенная фраза. Похоже, «отсрочку» на сутки Шестопалов попросил именно из-за этого. Еще раз проверить, все ли чисто у Палина в магазине.

— И что же случилось за время этого путешествия?

— За время путешествия ничего. Случилось после. Мы вернулись в Москву одиннадцатого февраля.

Через четыре дня, пятнадцатого, к Палину на работу пришел этот выродок. И заставил, угрожая пистолетом, отдать двадцать тысяч рублей. Еще через пять дней, двадцать первого, этот же бандюга пришел к Гарибову. С тем же пистолетом. И так же потребовал двадцать тысяч. Георгий вынужден был подчиниться. Ужас в том, что Палин, когда его ограбили, ничего нам не сказал. Он думал, это никак не связано... с «Жемчугом». Когда же ограбили Георгия, все стало ясно. Теперь вы понимаете? Моя очередь. Я — последний.

Шестопалов снова закурил. Откинувшись на стуле, стал безразлично разглядывать вьющиеся в полутьме кольца дыма. Все, как по расписанию, подумал Иванов. Четырнадцатого был убит Садовников. Пятнадцатого «Кавказец» пришел к Палину. Угрожая пистолетом системы «Макаров». Двадцать первого «раздел» Гарибова. Если бы Палин сразу обратился в милицию... Даже не обязательно сразу... Хотя бы на третий день. Пусть даже на четвертый. И рассказал бы при этом про поездку в Сочи... Если бы Палин все это сделал, они могли бы задержать «Кавказца» уже двадцать первого. Прямо в «Автосервисе». Впрочем, рассчитывать на это смешно. Палин не рассказал о происшедшем даже близким друзьям. Иванов вздохнул:

— Жаль, что сам Палин сразу не обратился в милицию. И вы не рассказали обо всем в прошлый раз.

— Палин придет к вам завтра. Сам. Он боялся за семью, поэтому и не сообщил сразу. Его можно понять. Как и меня.

Ясно — суточная «отсрочка» была взята Шестопаловым и для этого. Чтобы вместе с Палиным решить, как обезопасить директора «Гастронома» еще и от уголовной ответственности за укрывательство преступления. Словно угадав мысли Иванова, Шестопалов слабо улыбнулся:

— Я надеюсь, вы это учтете? Борис Эрнестович?

Вдруг, глядя на лицо директора НИИ, внешне спокойное, Иванов ощутил неприязнь. Можно поверить — Шестопалов действительно хорошо играет в покер. И еще в одно можно поверить: каждый из этой тройки отлично устроил свою жизнь. Именно это отличное устройство жизни, написанное сейчас на лице Шестопалова, выводит его, Иванова, из себя. Сам он никогда бы вот так свою жизнь не устроил. Никогда. Они совершенно разные люди — с Шестопаловым. Да, другого чувства, кроме неприязни, у него сейчас просто не может быть. Хотя — даже чисто теоретически — он не знает, можно ли привлечь кого-то из этой тройки к уголовной ответственности. За что? За злоупотребление служебным положением? За принуждение к соавторству? Допустим, к соавторству, которое принесло Шестопалову несколько десятков, а может, сотен тысяч рублей? Мало ли... Нет. Даже если допустить, что Шестопалов, Гарибов или Палин и совершили какие-то противоправные действия, следов после этих действий они не оставили. Уж точно. Никаких. Тут же подумал: дурацкие рассуждения. Вообще, если уж на то пошло, раздражаться на кого-то только из-за того, что тот хорошо устроил свою жизнь,— глупо. Он, юрист, просто не имеет на это права. Видимо, все это как-то отразилось на его лице.

— Борис Эрнестович, надеюсь, это учтется? Мы ведь хотим помочь милиции. И потом, слабость Палина — ее ведь можно понять?

— Безусловно, это учтется. Вообще, Алексей Павлович, я должен поблагодарить вас — за то, что вы обратились ко мне. Как к представителю милиции.

Кажется, Шестопалов не заметил его переживания. Нервно улыбнулся:

— Ну что вы... Понимаете, тут даже не пахнет выполненным долгом. Просто... Просто я впал в панику. И все. Поверите — я сейчас со страхом думаю о моменте, когда вы уйдете. Я останусь один. И... И на каждом перекрестке мне будет мерещиться этот бандит. Что мне делать? Объясните?

— Не волнуйтесь. С вашей безопасностью мы что-нибудь придумаем.

— Спасибо... Но — вы понимаете меня?

— Понимаю.

Они замолчали. Казалось, сейчас в зале в такт тихой хрустальной музыке мерцают, переливаются разноцветные фонарики. Кафе притихло, голоса умолкли. В воздухе в этот момент существовало что-то совершенно отдельное, чуждое их разговору. Да, Иванов вдруг понял, как далеки они сейчас с Шестопаловым от всего этого «молодняка». От тех самых мальчиков и девочек, которые, сидя за своими столами, знать ничего не знают о «Кавказце». И не хотят знать. И правильно делают. Помедлив, он спросил:

— Алексей Павлович, может быть, это кто-то из тех самых сочинских «вышибал»? Которые обитают около «Жемчуга»?

Шестопалов занялся зажигалкой. Поставил, положил, перевернул.

— Понимаю, Борис Эрнестович. Думаете, он взыскивал с Палина и Гарибова карточные долги?

— Почему бы и нет?

— Неотданные карточные долги...— Казалось, директор НИИ сейчас вслушивается в тихо звучащую музыку.— Нет, исключено. Решительно исключено. Прежде всего долги у нас принято отдавать сразу. Потом, я знаю своих друзей. Палин и Гарибов прекрасно играют и редко проигрывают. Но уж если они кому-то проиграют, в должниках ходить никогда не будут. Гарантия. Отдадут сразу. Да и к чему им лишние беспокойства? Нет, Борис Эрнестович, все это бессмыслица. Никаких долгов у них не было.

— А у вас нет карточных долгов?

— Обижаете. У меня их просто быть не может. Физически.

Некоторое время оба молчали. Если грабил Палина и Гарибова действительно не «вышибала» — плохо. То, что начало было проясняться, снова уходит в пустоту. Шестопалов помешал ложечкой остатки кофе.

— Оба, Палин и Гарибов, сказали мне, что их ограбили. Грабил их один и тот же человек, неизвестный им. Ни с какого бока неизвестный. Понимаете?

— Ваши друзья могли вас обмануть.

— Если бы они хотели меня обмануть, неужели бы я это не понял? Достаточно любому из них шевельнуть бровями, и я уже знаю, что он имеет в виду. Нет, они говорили правду. Никаких долгов у них не было. Просто это... какой-то беспредельщик.

Значение слова «беспредельщик» Иванов понял отлично. Человек, не признающий никаких законов.

В общем, это согласовывалось с его первоначальной точкой зрения. Шестопалов пригубил кофе:

— Ясно только одно: зацепил этот беспредельщик нас в «Жемчуге». Я это знаю точно. Я ведь не выгляжу неопытным юношей? Не правда ли? — Шестопалов на секунду поднял глаза.

— Действительно, не выглядите.

— Человек в моем возрасте всегда понимает, где мог произойти... будем говорить так — прокол.— Директор НИИ замолчал, явно подбирая выражения.— В «Жемчуг» мы поехали расслабившись. Много говорили. Мне казалось — никто из посторонних услышать этого не мог. Но, видимо, все-таки кто-то нас услышал.

— О чем вы говорили?

— О многом. В том числе и о своих денежных делах. В частности о том, что у каждого из нас есть сейчас «свободные деньги». Единственное, что нас извиняет,— все мы были в крупном выигрыше. Но вообще, глупость — говорить о каких-то «свободных деньгах». Дурацкий, ребяческий разговор... Впрочем, что теперь сожалеть — задним числом. Да и вообще, в этот раз в «Жемчуге» нас окружала какая-то легкомысленная атмосфера. Но ничего конкретного, понимаете, конкретного я вспомнить не могу. Человека с внешностью этого бандюги ни рядом с нами, ни вообще в «Жемчуге» не было. Но я знаю, что все тянется оттуда. Знаю. Этот бандит пронюхал что-то про нас. Ну и — взялся за дело. Двое «обработаны», остался третий. Я. И вопрос будет закрыт.

Если уж быть дотошным, то до конца. Подумав об этом, Иванов спросил:

— Может быть, именно вас он трогать уже не решится?

— Это почему?

— Понимая, что Палин и Гарибов могли вас предупредить.

Шестопалов положил зажигалку.

— Получается, как у страуса: прячь голову в песок. Здесь не тот случай.

— Почему?

— Во-первых, это смертник. Решившийся идти до конца. Терять ему нечего. А потом — он абсолютно убежден, что ни Палин, ни Гарибов меня не предупредят. Да и в самом деле — когда он пришел к Гарибову, тот ведь ничего не знал. И я бы ничего не узнал, если бы не чутье. Когда Георгий двадцать первого приехал ко мне, на нем лица не было. Но о том, что его только что ограбили, он не сказал. Только предупредил: «Леша, будь осторожней». Хорошо, вечером я догадался позвонить Светлане. Ну, а потом, когда встретился и с Палиным, все стало ясно.

Они снова замолчали. Похоже, Шестопалов прав, «Кавказец» убежден, что все ограбленные им будут молчать. Уж во всяком случае, не заявят в милицию. Расчет на полную безнаказанность. Но если допустить, что «Кавказец» действительно не «вышибала», откуда же он тогда взялся? Из Сочи? И как-то связан с гостиницей «Жемчуг»? Непонятно.

— Алексей Петрович, еще раз спасибо за откровенный разговор. Что касается вашей безопасности — не беспокойтесь. Во всех подозрительных случаях сразу же звоните мне. Вот еще телефон дежурного, если не застанете меня. В случае чего, вам достаточно будет просто позвонить, указав свое местонахождение. Об остальном позаботимся мы.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Директор «Гастронома» № 26 Илья Егорович Палин действительно утром пришел к Иванову на работу. Он позвонил снизу, из бюро пропусков, и через некоторое время уже сидел в кабинете. Грузноватый, с носом картошкой и маленькими глазками, Палин выглядел не так подтянуто, как Гарибов и Шестопалов. Одет он тоже был попроще. Рассказ Палина ничего не добавил к тому, что Иванов уже знал. По словам потерпевшего, утром 15 февраля в его кабинет, расположенный на первом этаже магазина, вошел высокий молодой человек, одетый в оранжевую куртку «аляска». Описание молодого человека, данное Палиным, в целом соответствовало уже известным описаниям «Кавказца» и «племянника». Угрожая пистолетом системы «Макаров», молодой человек потребовал немедленно отдать ему двадцать тысяч рублей. По словам Палина, во внешнем облике молодого человека было что-то особенно его испугавшее. Как выразился директор «Гастронома», он буквально потерял голову от страха и мало что понимал. В состоянии шока Палин предложил грабителю восемь тысяч рублей государственных денег, находившихся в тот момент в его сейфе. Грабитель, взяв восемь тысяч, заявил, что оставшиеся двенадцать потребует все равно. Не в этот раз, так позже. Но угрожать в таком случае он будет уже не только Палину, но и его семье — жене и двенадцатилетней дочери. Если же Палин снимет сейчас эти двенадцать тысяч со своего счета в сберкассе и передаст ему, он гарантирует, что никогда больше к нему не придет. Подумав, Палин с этим требованием согласился. Вместе с молодым человеком на машине Палина они подъехали к сберкассе. Сняв с аккредитива двенадцать тысяч рублей, Палин в соседнем подъезде передал их вымогателю, все еще находясь в состоянии шока. Сложив деньги в сумку, грабитель исчез. Опасаясь за жизнь жены и дочери, Палин решил о случившемся никому не говорить. Сняв со своего счета еще восемь тысяч, он вернулся в магазин и положил деньги в сейф. По утверждению Палина, человека, приходившего к нему с пистолетом, он раньше не видел никогда. Все сообщенное Шестопаловым о поездке в Сочи и пребывании в гостинице «Жемчуг» было Палиным полностью подтверждено. Никаких людей, хотя бы отдаленно напоминавших грабителя, и вообще ничего подозрительного во время поездки и пребывания в Сочи Палин не заметил.

После ухода Палина Иванов попробовал подвести некоторые итоги. Кажется все-таки, Шестопалов прав. Во всяком случае, предположение Шестопалова, что кто-то слышал ведущиеся втайне от всех разговоры тройки в «Жемчуге», выглядит очень близким к истине. В обоих случаях «Кавказец» действовал так, как мог действовать только очень хорошо осведомленный преступник. Знающий все о своих жертвах — от их личной жизни до кредитоспособности. На какое-то мгновение у Иванова даже мелькнуло подозрение — может быть, оба нападения инсценировал и организовал сам Шестопалов? Все-таки, подумав, он это подозрение отбросил. Шестопалову, жизнь которого сейчас отлично налажена, не имело никакого смысла вступать на скользкий путь явной уголовщины. Даже если допустить, что директору НИИ вдруг срочно понадобились большие деньги, вряд ли он пошел бы на столь отчаянный риск. Тем бо-

лсе — не стал бы связываться с убийством работника милиции. Нет, «Кавказец» наверняка действует самостоятельно. Похоже, Шестопалов прав, это действительно «беспредельщик». Уголовник-рецидивист, решившийся на все и получивший непонятно каким образом подробную информацию о Палине, Гарибове и Шестопалове. И действующий сейчас в соответствии с этой информацией. Впрочем, может быть, это «новичок». Иванов совсем не исключал, что «Кавказец» мог раньше к уголовной ответственности не привлекаться. Если так, похоже, именно полученная в «Жемчуге» информация о трех «состоятельных» людях могла заставить «Кавказца» разработать план, который он сейчас приводит в исполнение. Тройка выехала из Сочи в Москву 11 февраля. «Кавказец», имевший к этому времени подробные сведения о каждом, выехал следом. Он хорошо понимал, чтобы заставить отдать двадцать тысяч рублей таких людей, как Палин или Гарибов, доводы нужны очень серьезные. Лучшим доводом могло быть только оружие. Это оружие он добыл 14 февраля, убив на Ленинских горах Садовникова. По крайней мере, по датам все совпадает. Взвесив все еще раз, Иванов понял: именно сейчас необходимо его присутствие в Сочи. В гостинице «Жемчуг». Необходимо хотя бы для того, чтобы просто осмотреться. Понять, кто и где мог получить столь подробную информацию о Палине и Гарибове. Приехать он может, скажем, под видом того же «лобовика». Мысленно он «проиграл» этот вариант несколько раз. Из Тбилиси в Москву он переехал пять лет назад. В Тбилиси его хорошо знали, но знали главным образом жители Авлабара. Крупных «лобовиков», да еще выбирающих местом игры Сочи, насколько он помнит, в Авлабаре никогда не водилось. Что же касается «лобовиков» московских, здесь его просто никто не знает. Исключая, естественно, Шестопалова, Гарибова и Палина.

Со всем этим он пошел к генералу. Выслушав, шеф некоторое время делал вид, что рассматривает на свет кончик ручки. Возражения, которые могли бы найтись у генерала, Иванов примерно представлял. Поэтому, после того как ручка наконец легла на стол, продолжал терпеливо ждать. Генерал вздохнул:

— Вы сами когда-нибудь играли в карты?

— Обижаете, Иван Калистратович. Я из Тбилиси. И не просто из Тбилиси, а из района Авлабара. Играл с детства во все игры.

— Понятно, что из Тбилиси. Но насколько я понимаю, в «Жемчуге» собираются акулы. Даже не акулы — киты. Допустим, сыграть на их уровне вы сможете. Но что будет, если вы проиграете? Вы ведь знаете, какие суммы там проигрываются?

— Понимаю, что вы хотите сказать. Никакое ФПУ мне таких сумм не выделит, это ясно. Ответ на это один: я не должен проигрывать. Думаю, со своей квалификацией я все же потяну. А поехать туда я должен. Согласитесь — информация идет оттуда.

— Оттуда,— согласился шеф.

— Причем — я поеду не один. А с двумя партнерами. Играющими гораздо лучше меня.

— Даже с двумя?

— С двумя, Иван Калистратович. Так будет лучше.

— Интересно. Кто же эти партнеры?

— Один — Шестопалов.

— Шестопалов...— генерал помолчал.— Что ж, это вариант. А второй?

— Второго называть пока не буду. Должен с ним поговорить.

— Тоже... посторонний?

— Да, в МВД он не работает. Но думаю, этот человек меня не подведет.

— Надеюсь, в конце концов, о нем доложите?

— Конечно, Иван Калистратович.

К концу рабочего дня Иванов заехал к Прохорову. Следователю он рассказал все, что удалось узнать за вчерашний вечер и сегодняшний день — от встречи с Шестопаловым до разговора с генералом. Идею выехать в Сочи с двумя хорошо играющими партнерами Прохоров одобрил.

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Закончив дела с Прохоровым и выйдя из подъезда следственной части, Иванов сел в «Ниву». Подумал вдруг: нет, он все-таки не пришел еще к определенному решению. И не знает, имеет ли право предложить поехать с ним в «Жемчуг» под видом «лобовика» Ираклию Кутателадзе. Хотя вроде бы со всех сторон Ираклий — идеальный партнер именно для такой поездки.

Он вдруг поймал себя на том, что непрерывно повторяет эти два слова — «идеальный партнер»,— проезжая светофоры. Хотя лучше всего здесь подойдет другое слово: приманка. Ираклий, выехавший под видом «лобовика» в «Жемчуг» и затем вернувшийся в Москву, станет идеальной приманкой для «Кавказца». Директор мясокомбината. С грузинской фамилией. Любящий муж и отец. Хорошо — только не нужно перегибать палку. Любящий муж и отец — ну и что? Проплыло: они с шефом разработают двойную систему подстраховки. Манану с Дато можно будет временно переправить на другую квартиру. Безопасность будет абсолютной. А «Кавказец» клюнет. Клюнет и — они его возьмут. Снимут без единого выстрела. С Мананой же и Дато ничего не случится. Он, Иванов, позаботится об этом лично. Ведь случай-то особый. Совершенно особый. Усмехнулся. Нет. Все-таки он, Иванов, не имеет на это права. Не имеет. И все же, проехав немного и свернув на Ленинградский проспект, Иванов понял: его снова начинают грызть сомнения. Да, Ираклий особый человек. Но ведь и случай совершенно особый. Именно тот, единственный в жизни, когда можно пойти на это. Если он, Борис Иванов, действительно хочет успеха. Ираклию он доверяет, как самому себе. Ираклий понимает его не просто с полуслова — с полувзгляда. У Ираклия феноменальные шахматно-математические способности. Но главное — уникальная зрительная память. И связанное с ней абсолютное понимание всех карточных игр. Шахматы, конечно, Ираклий давно оставил, сейчас он наверняка не сыграет даже в силу мастера. Но карты — другое дело. Карты вспомнить гораздо легче. Что же касается карточных «рубашек» и их запоминания — насколько Иванов помнит, в юности Кутателадзе ухитрялся запоминать всю колоду после третьей, иногда даже после второй сдачи. Если у Ираклия осталась хотя бы половина этих способностей, он окажется намного сильней даже таких игроков, как Гарибов и Шестопалов.

Именно с этими мыслями он остановил машину

у дома Кутателадзе. Поднялся на третий этаж, позвонил. Но когда увидел Ираклия, а затем Манану и Дато, понял — сказать о своем предложении он просто не сможет. Дальше все было, как обычно. Он поцеловался с Ираклием, махнул рукой Дато, выдержал объятья Мананы. После ужина на кухне Манана, как обычно, ушла. Они довольно долго молча пили чай. Наконец, Ираклий оставил чашку. Сказал тихо:

— Боря, хватит. Говори, с чем пришел. Ну? Говори, я же не слепой.

Собственно, этого следовало ожидать. Скрыть что-то от Ираклия, впрочем, как и Ираклию от него, Иванову никогда не удавалось. Помедлив, он рассказал все — об убийстве Садовникова до собственного решения поехать под видом «лобовика» в «Жемчуг». Ираклий долго бесцельно помешивал чай ложечкой. Наконец посмотрел на Иванова:

— Боря, ты ведь не все сказал. Ты забыл объяснить, зачем со всем этим пришел ко мне? При чем тут я? Я правильно понял? Боря?

— Правильно.— При ответе Иванову пришлось отвести глаза.— Понимаешь, Ираклий, мне пришла в голову дурацкая, идиотская мысль. Мне показалось, будет неплохо, если со мной в «Жемчуг» поедешь ты. Под видом «лобовика». Но теперь я понимаю — мысль была глупой. Поэтому все отменяется.

— Собственно, почему отменяется?

— По очень простой причине. После поездки в «Жемчуг» ты станешь приманкой. Но не только ты. Приманкой станут еще Манана и Дато.

Ираклий подошел к окну. Сказал, не оборачиваясь:

— Ну, во-первых, мы всегда являемся приманкой. Таков философский закон жизни. Потом — Манану и Дато можно на время куда-то отправить. Пока вы не арестуете... этого. Вы как-то его называете?

— Называем. «Кавказец».

— «Кавказец». Любопытное название. Слушай. У него осталась семья? У Садовникова?

— Осталась. Жена и двое детей.

— Жена и двое детей...— Вернувшись, Ираклий сел за стол. Посмотрел на Иванова.— Боря, а ведь знаешь — я с тобой поеду. Это точно.

— Нет, Ираклий. Ты со мной не поедешь. И — прости меня. Как друг, прости — за то, что я вообще сегодня пришел к тебе.

ГОСТИНИЦА «ЖЕМЧУГ»

Минут через двадцать после резкого набора высоты Иванов почувствовал: оглушительный гул двигателей стал тише. Вскоре выровнялся и наклон самолета. Покосился на сидящего в соседнем кресле Шестопалова. Тот читает газету; вот, поймав его взгляд, улыбнулся, поднял брови: «Что?» После того как Иванов сделал знак: «Ничего»,— директор НИИ снова углубился в изучение спортивных новостей. Если в полете ничего не случится, через два часа они приземлятся в Адлере. И вскоре займут забронированные Шестопаловым два номера «полулюкс» на пятом этаже гостиницы «Жемчуг». С окнами на море.

После памятного разговора с Ираклием прошло пять дней. Для Иванова это были дни напряженной работы. Выбор он сделал в тот же вечер — выйдя из квартиры Ираклия и сев в машину. По пути от Ираклия она оформилась окончательно. Для того чтобы «Кавказец» клюнул, нужна приманка. Для поимки крупной дичи всегда лучше, чтобы приманок было больше. Пока из приманок у них есть только одна — Шестопалов. Причем приманка не очень надежная, если Иванов прав и «Кавказец» из осторожности решит оставить последнего из тройки в покое. Но в таком случае почему он, Иванов, остальные приманки должен искать на стороне? Почему бы ему самому не стать приманкой? В полном смысле этого слова? И не выманить «Кавказца» на себя?

В тот вечер, подъехав к дому, Иванов в этой мысли утвердился окончательно. Решено — в «Жемчуг» они выедут вдвоем с Шестопаловым. Третий не нужен. Наоборот, третий может помешать осуществлению замысла. Здесь же, в Москве, надо будет провести некоторую подготовку. Иванов примерно представлял себе «образ», который мог бы заинтересовать «Кавказца» — применительно к его, Иванова, внешности. Скажем, Иванов мог стать человеком, занимающим небольшую, но «денежную» должность. Естественно, любящим крупную игру. И, конечно, хорошим семьянином. Детей сюда можно не приплетать. Но почему бы с завтрашнего дня в квартире Иванова не появиться приятному женскому голосу? Отвечающему на телефонные звонки?

Шестопалов, конечно, в эти подробности посвящен не был. Он знал лишь, что полетит вместе с Ивановым в Сочи и будет выдавать его там за своего приятеля. В Москве помощь Шестопалова выразилась в знакомстве с серьезными «лобовиками» и в организации нескольких пробных игр. И вот сейчас Иванов, ставший заведующим Краснопресненским межрайонным пунктом сбора стеклотары Багратом Элизбаровичем Чубиевым, летит в Сочи, чтобы вместе с приятелем провести короткий весенний отпуск в уютной гостинице.

В адлерском аэропорту они приземлились благополучно. Дождавшись, пока объявят выход из секции, Иванов взял оставленную на стеллажах небольшую кожаную сумку и вместе с Шестопаловым спустился по трапу.

Площадь перед адлерским аэропортом, постоянно забитую машинами и людьми, Иванов хорошо знал, знал и то, что вытянувшиеся в ряд свободные такси в большинстве своем поедут только по определенному маршруту и возьмут далеко не каждого. Тем не менее Шестопалов, оглядев опытным взглядом вставшие в очередь такси, кивнул на ближнюю машину:

— По-моему, эта нам подойдет. Садимся?

Уверенность Шестопалова, как вскоре выяснилось, строилась на хорошем знании местных обычаев. Как только они без всякого приглашения устроились на заднем сиденьи, водитель, услышав «В «Жемчуг»...», молча кивнул. Примерно через полчаса они уже стояли перед стойкой администратора в гостинице «Жемчуг». Еще минут через двадцать Иванов, бросив на диван куртку и плащ, оценил огромные габариты кресла в своем номере. Некоторое время он сидел, рассматривая синеющее за окном море.

Впрочем, долго любоваться морем ему не пришлось. Раздался стук в дверь, вошел Шестопалов. Усевшись напротив, закурил, испросив разрешения взглядом.

— Понимаю, вам хочется отдохнуть, посмотреть на море.— Сделав несколько затяжек, вздохнул.—

Мне тоже. Но если мы хотим, чтобы все шло по плану, отдыхать некогда. Во-первых, я уже договорился, вечером у нас игра.

— С кем?

— Кроме нас будет еще двое. Оба — мои хорошие знакомые, ленинградец и киевлянин. Учтите, это люди очень серьезные. Шутить не любят. Расслабляться с ними нельзя.

— Постараюсь не расслабляться.

— Во-вторых, если хотите держать марку, нам надо идти. Прямо сейчас. Сначала в бассейн и сауну, потом обедать. Все уже подготовлено и заказано.— Заметив колебания Иванова, добавил: — Кстати, в сауне могут быть еще... интересные знакомства.

Иванов вместе с Шестопаловым спустился в сауну. Пока Шестопалов договаривался с невысоким пожилым банщиком, он быстро разделся и прошел в парную. Усевшись на деревянном полке и чувствуя, как тело распаривается в стоградусном мареве и пот начинает заливать глаза, заметил рядом еще три фигуры. Вошедший Шестопалов познакомил его с сидящими рядом любителями пара. Двое оказались научными работниками, третий — тренером по теннису. Разговор сначала шел вяло, но после нескольких выходов в бассейн и рассказанных Шестопаловым анекдотов обстановка разрядилась. По крайней мере, перед уходом, когда все пятеро, завернувшись в простыни, пили в предбаннике настоенный на травах чай, Иванову показалось, что он в компанию принят. Так или иначе, теперь все называли его «Баграт». Сам он также получил привилегию называть каждого из новых знакомых по имени.

Вернувшись в номер, Иванов дождался Шестопалова. Теперь он убедился: тот ничего зря не делает. Вдвоем они спустились в ресторан. Усевшись за столик на четверых, Шестопалов сделал вид, что изучает меню, хотя ясно было — заказ у него давно готов.

— Понимаете, Баграт Элизбарович... Тут такое дело... Только поймите меня правильно. Я примерный семьянин и вообще... Человек далеко не легкомысленный. Но если вы хотите, чтобы мы выглядели теми, за кого себя выдаем, надо, чтобы за нашим столиком находилось приятное женское общество. Причем совсем не обязательно потом... Ну, вы меня понимаете. Переходить какие-то границы. Но девушки за столиком нужны. Уж поверьте.

— Понимаю. Расслабляет партнеров?

— В какой-то степени и это. Но главное — это некий знак. Указывающий, что мы серьезные люди. Именно серьезные. Думаю, вы это должны знать. Я угадал?

— Что, девушки у вас уже приготовлены?

— Ну...— Шестопалов усмехнулся.— Я буду через пять минут.

Он ушел и вскоре вернулся с двумя довольно миловидными девушками, которых представлял как Риту и Алису. Каждой из них можно было дать от двадцати до двадцати трех лет. В разговоре выяснилось, что обе живут в Сочи и заканчивают музыкальное училище. Более общительной и смешливой оказалась Рита, блондинка с курносым веснушчатым носом и большими серыми глазами. В отличие от нее коротко стриженная темноволосая Алиса вступала в беседу лишь изредка. Хотя Алиса была близорука и носила очки с большой диоптрией, она явно была лидером в этой паре. Судя по поведению и по отдельным репликам, действительно нельзя было предположить, что девушки привыкли «легко переходить границы». Иванов даже мог поверить, что обе часто ходят сюда лишь потому, что здесь неплохо кормят. Что же касается распространения о нем сведений, могущих привлечь «Кавказца», знакомство было неоценимым. Если «Кавказец» действительно крутится где-то около «Жемчуга», он может попытаться что-то выяснить о новом «друге» Шестопалова. Когда Рита простодушно намекнула, что она с подругой не прочь продолжить знакомство и, может быть, даже сходить один раз с новыми знакомыми на танцы, Иванов, поймав вопросительный взгляд Шестопалова, сказал, отхлебнув кофе:

— А что. Очень даже возможный вариант. Но только...

— Да,— подхватил Шестопалов.— Только не сегодня. У нас важный разговор с Москвой.

Ночью, засыпая в номере после «серьезной игры», в которой Шестопалов крупно выиграл, Иванов подвел итоги дня. Пока все как надо. Он остался «в нуле». Но только с точки зрения денег. В остальном он выиграл. Наиболее значимые постояльцы «Жемчуга» узнали многое о своем новом знакомом, москвиче Баграте Чубиеве. Он богат, любит играть только по-крупному, недавно женился и боготворит молодую жену. Визитную карточку, в которой Иванов был обозначен «Старшим товароведом Управления торговли Краснопресненского райисполкома г. Москвы», он незаметно сунул Рите. Рита, он был в этом абсолютно уверен, наверняка уже сегодня успела показать карточку «товароведа из Москвы» многим приятельницам. Может быть, и приятелям.

ВСТРЕЧА

Утром, проснувшись, Иванов ощутил непривычную тяжесть в голове. Посмотрел на часы — восемь. За окном светает. Откуда же тяжесть... В Москве он привык вставать в половине седьмого. Ну да — вчерашняя игра. «Пуля со скачками», которую они расписали на четверых, закончилась поздно ночью. С полчаса он не мог заснуть, возбужденный игрой.

Откинул одеяло. Вспомнил — здесь есть бассейн. Взял полотенце, спустился вниз. На контроле перед входом в бассейн дежурил все тот же невысокий банщик. Узнав его, кивнул: проходите.

Нырнув, начал отмерять брассом дорожку за дорожкой. Несмотря на ранний час, купающихся в бассейне было довольно много. По его дорожке плавали две дамы в колпаках для волос, соседние дорожки тоже не пустовали. Примерно на двадцатом повороте, он, наконец, почувствовал в голове привычную ясность. Продолжая плыть, стал автоматически перебирать всех, кого встретил вчера. «Лобовиков», окружавших их людей, официантов. Остальных работников гостиницы. Посетителей ресторана, просто случайных встречных. Среди этого круговорота постепенно выделилось несколько лиц. Тех, кого он мог бы заподозрить. Вообще, не его дело, ломать сейчас над этим голову. Всеми подозрительными лицами в «Жемчуге» и около него давно уже занимаются сочинцы. Он может не беспокоиться и о другом. А именно — о каналах ухода информации, о сауне и посетительницах ресторана. Этим тоже займутся сочинцы. Он же должен просто продолжать гнуть свою линию. Как

можно больше людей должны узнать, кто он. Узнать его адреса и телефоны — как домашний, так и рабочий. Узнать, что он только что женился. Узнать, наконец, что ему некуда девать деньги. Деньги... В этом смысле для полной гарантии было бы неплохо, чтобы в «Жемчуге» у него состоялось несколько крупных выигрышей. Вчерашняя игра была скорей проверкой. В дальнейшем Шестопалов обещал позаботиться о нужном подборе партнеров.

Выйдя из воды, он принял душ, насухо растерся полотенцем. Натянул костюм, поднялся по витой лесенке на смотровую площадку. Оперся о перила, разглядывая разноцветное море. Сзади кто-то кашлянул. Повернул голову и — увидел Ираклия.

Ираклий был примерно в таком же, как у него, спортивном костюме, и наверняка тоже только что искупался — волосы были мокрыми. Встретившись с Ивановым взглядом, Ираклий улыбнулся:

— Боря, извини, но... я вот приехал. Я понимаю, ты очень сердишься. Но клянусь, мой приезд ничему не помешает. Ничему.

Иванову смысл этих слов можно было не объяснять. Ясно — Ираклий приехал сюда по собственной инициативе. Конечно же — с целью помочь ему, Иванову, поймать «Кавказца». Не понимая, что теперь, когда все изменилось, и главное, изменилась установка, он может только помешать. Впрочем, теперь рассуждать об этом бессмысленно. Да и все это было бы не страшно, если бы не одно обстоятельство: Манана и Дато. Стараясь подавить внезапно вспыхнувшее раздражение, Иванов сказал тихо:

— Ты... давно здесь?

— Третий день. Считая сегодняшний. И... не волнуйся. Нас никто не слышит. И вообще, до нас никому нет дела.

Иванов вдруг почувствовал: раздражение пропало. Осталась только благодарность. Пусть Ираклий не согласовал все это с ним. Он, Иванов, знает, зачем Ираклий это сделал. Только потому, что понял: ему, Борису Иванову, это нужно. Других причин не было. Ираклий усмехнулся:

— Понимаешь, Боря... Может, я действительно зря сюда приехал. И в чем-то тебя подведу. Но когда ты ушел от меня, в тот раз... Я ведь все понял. И понял, что тебе легче было повернуться и уехать. Чем продолжать просить меня. Но я-то знаю, ты зря не придешь. Все. Что-то еще нужно объяснять?

— Не нужно — Иванов некоторое время рассматривал море, чтобы продумать все еще раз.— Ты как меня заметил? Случайно?

— Сейчас случайно. Но о том, что ты здесь, я знал еще вчера. Кроме того, я знаю, что ты — Баграт Элизбарович Чубиев.

— Откуда?

— Я все-таки из Тбилиси. И знаю, что у «лобовика» должна быть девушка. Не волнуйся, моя совесть перед Мананой чиста. Но девушку я завел в первый же день. Ну и вчера ее подруга показала мне визитную карточку. С твоим домашним телефоном.

— Эту подругу зовут Рита?

— Совершенно верно. Рита.

— А твою девушку — Алиса?

— Юля. Но Алиса — из их компании. Извини, вчера я был вынужден повести их в ресторан.

— Понятно. Прости за нескромный вопрос — откуда у тебя деньги?

На секунду их взгляды встретились. Иванов отлично знал: Ираклий, особенно в последние годы, став директором мясокомбината, не бедствует. Но при этом его никак нельзя назвать человеком с лишними деньгами. Конечно, двух зарплат, его и Мананы, на жизнь вполне хватает. И на то, чтобы регулярно посылать деньги родителям. В последние три года Ираклий стал откладывать деньги на машину. Но не более того. Все это наверняка отразилось сейчас в глазах Иванова. Так или иначе, Ираклий усмехнулся:

— В каком смысле понимать вопрос?

— Вопрос надо понимать в смысле очень обыденном. Для того чтобы приехать сюда и устроиться, нужна приличная сумма. Состояние твоих денежных дел я примерно знаю. Вот и все.

— Неужели я не нашел бы денег, чтобы приехать сюда и устроиться?

— Допустим. Но для остального? Для игры? Или для того, чтобы повести трех девушек в ресторан?

— Боря, хочешь, я тебе займу? Сколько тебе нужно? Десять тысяч? Двадцать? Тридцать? Впрочем, тридцати, наверное, у меня не наберется. Но тысчонок десять могу подкинуть. Честное слово. Причем — без отдачи.

— Выиграл?

— Угадал. Причем в глупейшую игру. В «секу». Я и не знал, что деньги могут доставаться так легко. На каждой сдаче — сто рублей. Расплата наличными. Правда, играть заставляют почти все время. Передышки делаются только на обед и на ужин. Зато теперь я могу заплатить за все. В том числе за ужин с тремя девушками.

Услышав, как за ними спускается после завтрака вниз шумная компания, Ираклий замолчал. Как только смех и разговоры стихли, сказал:

— Учти, Боря, я все понимаю. И знаю, как все это делается. Деньги, которые я здесь выиграю, отдам государству — все до копейки. Если ты волнуешься за Манану и Дато, не волнуйся. За день до моего отъезда они уже жили на другой квартире. У знакомых, которые уехали в командировку.

— Как ты это объяснил Манане и Дато?

— Сказал, что задумал длительный ремонт. Правильно? Насколько я понял, я должен стать приманкой для вашего... «Кавказца»? Что для этого нужно делать?

Иванов медлил. Вообще-то, если действовать правильно,— приезд Ираклия мало что изменит. Надо только скрыть от остальных, что они с Ираклием знакомы.

— Вот что... Для всех здесь — мы с тобой раньше друг друга не знали. Это обязательное условие. Запомнишь?

— Постараюсь.

— Второе — со мной приехал один человек. Некий Шестопалов Алексей Павлович.

— Я его видел. Ваш сотрудник?

— В том-то и дело — нет. Он тоже ничего не должен знать.

— Не должен — не узнает.

— Но желательно, чтобы вы с ним познакомились. Естественно, без моего участия. Тогда мы могли бы встречаться ежедневно. Понял?

— Значит, сегодня же я с ним познакомлюсь. Вообще — кто он?

— Директор НИИ «Дорстрой». Настоящий лобо-

вик. Ну и... в какой-то степени помощник. Но тебя это не должно касаться.

— Не должно — значит, не коснется.

ЗНАКОМСТВО

Сославшись на сонливость, Иванов оставил Шестопалова в холле и пошел на пляж. Здесь, раздевшись и устроившись на лежаке, сделал вид, что дремлет. Но, конечно же, он хорошо видел все, что происходит вокруг.

Примерно через час у лестницы, ведущей с террасы на пляж, появились Ираклий и Шестопалов. Отвернувшись, Иванов выждал минут пять — и незаметно осмотрелся. Оба лежат поблизости. Отлично. Посмотрев в их сторону чуть позже, увидел — Шестопалов тасует колоду.

В карты Ираклий и Шестопалов играли до самого обеда. Перед обедом Иванов задремал было по-настоящему, но его разбудил легкий кашель. Открыл глаза — рядом на корточках сидит Шестопалов.

— Баграт Элизбарович, видите человека за моей спиной? На лежаке, в синих плавках?

— Вижу. Кто это?

— Некто Кутателадзе, директор московского мясокомбината. Не против, если я вам его представлю?

— Совсем не против.

— Думаю, этот Кутателадзе нам не помешает. Человек он довольно милый. К тому же денежный.

— Что ж, давайте — если денежный.

По знаку Шестопалова Ираклий подсел ближе — и «знакомство» состоялось.

ЗАПИСКА ПОД ДВЕРЬЮ

Следующие три дня Иванов, Ираклий и Шестопалов провели вместе. В основном их сутки разделялись на игру, начинавшуюся, как правило, к ночи, и на все остальное. То есть на отдых, сон и еду. Так уж сложилось, что немалую часть «остального» занимало посещение ресторана с Юлией, Алисой и Ритой.

Каждый, кто хотел бы узнать всю подноготную о «Баграте Элизбаровиче», наверняка всю эту подноготную уже знал. Кроме того, по «Жемчугу» гуляло несколько визитных карточек «Чубиева».

На четвертый день, с трудом открыв глаза в четверть второго, Иванов подумал: может быть, хватит? Задача, которую он себе поставил, выполнена.

Вскочив, принял душ. Оделся, подошел к двери, взялся за ручку, но почти тут же пришлось нагнуться. Поднял лежащий под дверью бумажный квадратик, развернул: «Уважаемый Б. Э! Вас срочно просил позвонить в Москву Леонид Георгиевич».

Леонид Георгиевич... То есть Прохоров. Значит, записка — сигнал сочинцев.

Спустившись в холл, зашел в будку телефона-автомата. Набрал номер Прохорова; через секунду в трубке щелкнуло:

— Слушает Прохоров.

— Леня, это Борис. Я в Сочи. Что — какие-то новости?

— Еще минут двадцать, и я бы уехал во Внуково. Вчера позвонили из Гудауты. «Кудюм» там.

— Вот те на... Ну и — как он себя чувствует?

— Вроде — в спокойном состоянии. Гудаутцы взяли у него паспорт, якобы для проверки. Так что деться ему некуда. Короче, у меня уже билет на самолет, я вылетаю. Ну и... хотел бы тебя увидеть.

— Ты летишь до Адлера?

— До Адлера. Рейс десять — пятьдесят два.

— Отлично. Давай так: в адлерском аэропорту тебя встретят. А я сяду в машину через чуть позже. Скажем, у Гантиади.

Ираклию и Шестопалову Иванов объявил, что срочно вылетает в Москву. Потом по телефону-автомату позвонил в сочинское УВД и попросил дежурного выслать машину для встречи Прохорова. Предупредил: вместе с Прохоровым эта машина должна подождать его в Гантиади.

Через три часа он уже сидел рядом с Прохоровым в синей «Волге», направляясь в Гудауту.

ГУДАУТА

В Гудауту они приехали около восьми вечера. Здраво рассудив, что разговор с Нижарадзе-Кудюмом лучше отложить до утра, остаток дня оба решили посвятить уточнению связанных с Кудюмом обстоятельств. Только выяснив их, можно было выработать тактику завтрашнего допроса.

Ожидавший их начальник Гудаутского отделения внутренних дел моложавый майор, хоть и был готов к разговору, ничего нового о Кудюме сообщить не смог. По его сведениям, Кудюм, вернувшийся после отбытия наказания к семье в Гудауту, бывал здесь крайне редко. На все вопросы участкового Кудюм всегда отвечал одно: ездил к родственникам. Родственники у него были — в Тбилиси, Пицунде и Лазаревском. Но где в действительности бывал во время своих отлучек Кудюм, пока не установлено. Выдвинутая было версия, что на «гастроли» Кудюм выезжает в Псковскую и Новгородскую области, в дальнейшем не подтвердилась. Что касается паспорта — Кудюм твердо уверял всех в Гудаутском ОВД, от участкового до начальника отделения, что действительно потерял паспорт в поезде. То же самое он сказал и вчера, когда паспорт у него под видом проверки был изъят. Вообще же, по словам начальника ОВД, этим фактом, изъятием у него паспорта, Нижарадзе-Кудюм остался крайне недоволен. Он уверял, что ему опять якобы нужно ехать к родственникам, сначала в Тбилиси, потом в Пицунду. Поэтому сейчас он наверняка с нетерпением ждет, когда ему вернут паспорт.

Обсудив все это еще раз перед сном в комнате для приезжих, оба решили: конечно, было бы хорошо, чтобы на первых порах Кудюм о приезде сюда знакомого ему Иванова не подозревал. В таком случае, если предположить, что Кудюм начнет темнить, Иванов, внезапно подключившись к допросу, мог бы использовать фактор неожиданности. Но все же лучше будет, если Иванов на этот раз просто посидит за столом. Молча. Делая вид, что якобы не помнит Кудюма. Такое поведение должно дать двойное преимущество: во-первых, Кудюм, столкнувшись с непонятным ему пока поведением Иванова, наверняка будет нервничать. Во-вторых, Иванов, разместившись в стороне, сможет наблюдать, как будет реагировать Кудюм на подготовленные заранее вопросы.

Может быть, вас пытались запугать. Было такое?

— Ничего не было. Никто меня не запугивал.— Сказав это, Кудюм опустил голову и замолчал. Воспользовавшись паузой, Иванов показал Прохорову взглядом: настала пора поговорить с Кудюмом мне. И наедине. Прохоров кашлянул:

— Хорошо, Нижарадзе. Думаю, на сегодня хватит.

Кудюм поднял голову:

— Вы что... паспорт мне не отдаете?

— Вашим паспортом занимаются работники милиции. Обращайтесь к ним.

— Милиции? А вы кто?

— Я работник прокуратуры. Я ведь сказал, дело касается убийства.

Кудюм посмотрел долгим взглядом.

— Понятно. Мне что, можно идти? Сейчас?

— Если не трудно, подождите меня в коридоре,— негромко сказал по-грузински Иванов.— Нам надо поговорить.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Выйдя в коридор, Иванов кивнул сидящему на стуле Кудюму:

— Может, пройдем на улицу? Тут скверик есть недалеко. Посидим, поговорим.

Кудюм смотрит недоверчиво.

— У вас какие-то возражения, Нижарадзе?

— Н-нет... Хорошо, пойдем.

Выйдя из здания ОВД, они прошли в соседний скверик. Иванов уселся на единственную среди чахлых акаций скамейку. Подождал, пока Кудюм сядет рядом. Подставил лицо солнцу. Не оборачиваясь и чувствуя дыхание Кудюма, сказал по-грузински:

— Нижарадзе, ты ведь меня знаешь? Знаешь или нет?

— Знаю,— неожиданно решительно сказал Кудюм.— Знаю, батоно Борис. Но поймите — в жизни человека иногда бывает сложный переплет. Очень сложный. Я взят за горло, понимаете? За горло!

— Кем же? Назови имя этого человека.

— Не могу я назвать его имя. И не человек это. Судьба.

— Значит, судьба взяла тебя за горло. Ты хочешь сказать — людей при этом не было? Я правильно понял? Судьбы без людей не бывает. Ты, Нижарадзе, это хорошо знаешь. Так же, как я. Поэтому очень прошу: не выводи меня из себя.

Человек, который убил Садовникова, явно жил в «Алтае» по паспорту Кудюма. Кудюм этого человека знает. Но вместо того чтобы назвать — сидит, уставившись в землю. Иванов внезапно ощутил раздражение.

— Вот что, Кудюм. Ты знаешь, с тобой, со всеми твоими родственниками, поездками, вообще со всем я еще не разбирался. Не до этого. Хотя подозреваю, сильно подозреваю — переключился ты после колонии. Ушел со средней полосы. Здесь, на Кавказе, в родных краях, фармазонить лучше. Так ведь?

— Что вы, батоно Борис. Никуда я не ушел. К родственникам ездил...

— Ладно. К этому еще вернемся. Говорю в последний раз. В самый последний. Если ты не скажешь сейчас кому отдал паспорт, все сделаю, но спокойной жизни здесь, на побережье, тебе не будет. Земля будет гореть под ногами, понял? Где бы ты ни был. В Тбилиси, Пицунде, Лазаревском. В любом другом месте. Обещаю. Понял?

— Понял. Только — статью на себя брать надо.

— Какую еще статью?

— Ладно, батоно Борис, возьму статью. Если правду говорить, отдал я паспорт. Не знаю, может, даже вашему отдал.

— Что значит «нашему»? Работнику милиции?

— Да.— Кудюм долго молчал.— Вообще-то, глупо все получилось. Поймал он меня на «хибе»[1]. Все уже прошло, я даже бабки взял. Вдруг он откуда ни возьмись. «Стой, ни с места... И вы, потерпевший, ни с места...»

— Подожди, подожди... Где все это было?

— В Сочи. На Морвокзале. У меня сразу застучало — «влип». Выйти не успел, и на тебе.

— Он что, был в форме?

— Нет, в гражданском.

— Какой из себя? Опиши, как выглядел?

— Такой... высокий. Руки, плечи... Короче, бугай.

— Грузин? Армянин?

— Нет, европеец. Белый.

— Что значит «белый»? Волосы белые?

— Ну да. Не белые, конечно. Такие... русые, что ли. Усики тоже светлые.

— Он документы показывал?

— Какие документы? Паспорт у меня взял, и все. «Стойте здесь. И вы, потерпевший, стойте здесь». И исчез. Я, наверное, минут двадцать его ждал. Тот лох[2] ушел почти сразу, он с теплохода был, турист. С «Ивана Франко». Я постоял, потом думаю: что делать? Не в отделение же идти, глупо ведь. Потом уже понял — чисто он меня. «Бирку»[3] взял, и с концами. Верите, батоно Борис, я до сих пор не просек, ваш это был или не ваш.

По лицу Кудюма было ясно — он говорит правду. Собственно, сомневаться в этом не приходилось. Иванов хорошо знал: человека из ИТК заставить признаться в повторном преступлении не так просто. «Размотал» же всю правду Кудюм по одной причине: во-первых, чтобы избавиться наконец от мучившей его ложной ситуации. Во-вторых, исходя из его, Иванова, репутации. Кудюм знал — если он сейчас его обманет, ему несдобровать.

МОСКВА

От Гудауты до Адлера они доехали без приключений — на той же машине. С Прохоровым Иванов для верности попрощался в самолете. Во Внуково, сойдя с трапа, посмотрел, как следователь пошел к стоянке такси — и двинулся влево, к отделению воздушной милиции. Вскоре увидел в темноте присыпанную хлопьями снега знакомую «Волгу». За рулем сидел Липяев. Усевшись рядом, Иванов бросил:

— Привет. Как Москва?

— В порядке, Борис Эрнестович.

— Надеюсь, шеф не ушел?

— Нет. Ждет вас.

— Давай в управление. И чем скорее, тем лучше.

---

[1] «Хиба» (жарг.) — точная копия ценной вещи.

[2] «Лох» (жарг.) — простак, недотепа. В данном случае — жертва мошенничества.

[3] «Бирка» (жарг.) — документ, паспорт.

В управлении Иванов доложил шефу о результатах пребывания в «Жемчуге» и о том, что рассказал Кудюм. Отложив карандаш, генерал посмотрел в упор:

— Борис, тут кое у кого возникли сомнения в твоем плане. Насчет трех засад — у Шестопалова, Кутателадзе и у тебя самого. Я, конечно, отстаивал все эти засады, но... Как бы это тебе объяснить. Твои выкладки заманчивы.

Генерал медлил, исследуя что-то на столе. Что ж, подумал Иванов, всего этого он ждал. Шеф продолжил:

— Но возражения тоже справедливы. Пойми, я не утверждаю, как некоторые, что весь твой план бессмыслен изначально. Но все же... Согласись, вся наша заманчивая версия основана только на одном реальном аргументе — предчувствии Шестопалова.

Иванов понимал: в его отсутствие многие в управлении наверняка требовали отмены его плана, как бесперспективного. Причем, самое главное — он тоже сейчас в этот план почти не верит. Тем не менее он сказал тихо, но твердо:

— Иван Калистратович, наша с вами версия основана еще и на наших общих расчетах.

Сейчас, после поездки в Сочи и Гудауту, Иванов укрепился в уверенности: или сам «Кавказец», или кто-то из его сообщников наверняка связан с «Жемчугом». И еще: на Палине и Гарибове «Кавказец» не остановится.

— Может, решимся на что-то другое? — сказал генерал.— Ведь сочинцы пока не могут ничего нащупать?

— Согласитесь, Иван Калистратович, если бы они что-то нащупали, мой вариант был бы уже никому не нужен. Прошу — утвердите план. На мою ответственность.

— Ладно, действуй. Другого выхода все равно нет.

Выходя из кабинета, Иванов подумал: генерал прав. Шансов, что «Кавказец» попадется в одну из трех засад, у них практически нет.

ОЖИДАНИЕ

Услышав телефонный звонок, Иванов снял трубку:

— Да? Слушаю вас?

— Иван Петрович? — спросил женский голос.

«Иваном Петровичем» звали его предшественника.

— Нет, это не Иван Петрович. Иван Петрович перешел на другую работу. Куда, не знаю. Позвоните в отдел кадров.

Положил трубку. Хотя Ивана Петровича спрашивали в день по нескольку раз и наверняка будут еще не раз спрашивать, каждый телефонный звонок рождал в Иванове некую надежду. Каждый раз ему казалось: это «Кавказец». Впрочем, «Кавказец» действительно мог позвонить перед визитом, чтобы проверить, на месте ли «Баграт Элизбарович».

Иванов сидел в своем новом кабинете заведующего пунктом сбора стеклотары и смотрел в окно. Это учреждение, называвшееся «межрайонным», не занималось непосредственно сбором бутылок, а лишь координировало работу многих точек. Размещался «межрайонный пункт» в пристройке к продовольственному магазину. Небольшая площадка за окном из-за скученности, создаваемой машинами и штабелями пустой тары, была превращена в настоящий лабиринт. Эта обстановка, по тайному расчету Иванова, должна стать дополнительным соблазном для «Кавказца». Скрыться в таком захламленном дворе легко.

Засада была хорошо продумана: всю рабочую смену Иванова в одной из комнат пристройки дежурили два оперуполномоченных. Стоило ему нажать скрытую в ножке стола кнопку, и они, услышав звонок, тут же должны были понять: «Кавказец» здесь. И начать действовать по разработанному плану.

Иванов посмотрел в окно. Увы, несмотря на все эти приготовления и на полную конспирацию, «Кавказец» и не думал здесь появляться. В НИИ «Дорстрой» на мясокомбинате его тоже пока не замечали. Его, Иванова, план разработан до последнего движения. Но, рассматривая двор за окном, на котором разворачивалась тыловая жизнь магазина, Иванов с тоской подумал: сколько он видел в жизни таких «хорошо разработанных планов». Прекрасных, отлично продуманных, учитывающих, кажется, все возможные неожиданности. И тем не менее кончавшихся полной неудачей. Приступая к разработке плана, он все-таки надеялся: за это время что-то удастся выяснить сочинцам. Но хотя поисками следов «Кавказца» и «Европейца» в Сочи занимались довольно активно, выяснить там ничего не удавалось.

ИРАКЛИЙ КУТАТЕЛАДЗЕ

Оранжевый комбинатский «Москвич» остановился около дома Ираклия Кутателадзе в половине седьмого вечера. Ираклий посмотрел на смуглого худощавого парня, к которому уже успел привыкнуть. Собственно, новый водитель, Андрей, внешне был очень похож на обычно отвозившего Ираклия домой комбинатского водителя, Вадима Авилова. Только Вадим любил поболтать, Андрей же был молчуном. Ираклий улыбнулся:

— Пойду?

— Да вы не волнуйтесь.— Андрей помолчал.— Там все в порядке. Проходите в квартиру, и все.

— Тогда — до свиданья?

Кутателадзе вышел из машины. Обогнув угол дома и поднявшись на третий этаж, остановился у своей квартиры. Достал ключи. Да, все как обычно. Наверху раздались легкие шаги. Вчера вечером в его квартире до ночи сидел Валерий. Сегодня должен быть Феликс. К ночи он уйдет. Уйдет — потому что, как понял Ираклий, милиция считает: вряд ли «Кавказец» будет взламывать его квартиру ночью. Равно как и днем, когда в ней никого нет. Сунув ключ в скважину, посмотрел наверх. Точно, Феликс. Невысокий крепкий парень спустился на площадку. Улыбнулся.

— Добрый вечер, Ираклий Ясонович. Как доехали?

— Все в порядке. Идем?

— Идем.

Пропустив Феликса в квартиру, Ираклий зажег свет. Предложил чай, но Феликс отказался. Точно так же отказывался от чая Валерий. Единственное, что оба иногда соглашались делать в его квартире,— смотреть вместе с ним телевизор. И то не всегда. Впрочем, телевизор они тоже смотрели по-особому. Так, будто кроме экрана видели одновременно что-то еще.

Оглядев опустевшую квартиру, Ираклий занялся тем, чем обычно занимался последние вечера. Включил телевизор, мельком глянул на экран. Усадив в кресло Феликса, пошел на кухню. Поставил чайник, наспех попил чай с бутербродами. Позвонил Манане. Разлуку с семьей он переносил с трудом, поэтому с женой и сыном разговаривал по телефону каждый вечер. Причем в последние дни в этих разговорах опять возникла тема ремонта квартиры. Манана, сначала принявшая объяснение о ремонте спокойно, теперь уже в этот ремонт не очень верила. Вот и сейчас, после обмена обычными новостями, разговор снова пошел о злополучном ремонте. В конце Манана сообщила: днем ей на работу звонила из Тбилиси мама Ираклия, Вера Северьяновна. Как показалось Манане, Вера Северьяновна тоже озабочена происходящим. Успокоив Манану и поговорив с Дато, Ираклий положил трубку — и тут же позвонил Иванову. С ним они разговаривали по телефону каждый вечер, причем темы были самыми разными. От обычных житейских проблем до того, как он, Ираклий, должен вести себя в том или ином случае при встрече с «Кавказцем».

Ночью, проводив Феликса и уже засыпая, Ираклий думал о том, о чем привык думать в последние дни. О появившихся в его жизни неудобствах. О Манане и Дато. Об отце и матери. И, конечно, о «Кавказце». Вообще, он считал возможность появления «Кавказца» на комбинате маловероятной. Но все время подогревал себя мыслью: он должен продолжать делать то, что начал. Ведь в его понимании человек, подобный «Кавказцу», позорит его край и его народ. По сути, он хуже дикого зверя. Именно на таких «оборотней» его далекие предки устраивали облаву всем миром. Храбрецы же выходили в горы, чтобы выследить и убить их в одиночку. Ведь в конце концов он знает: даже если к нему, Ираклию Кутателадзе, «Кавказец» не придет, он все равно окажет своему другу посильную помощь. Этого вполне достаточно, чтобы продолжать ждать.

ГОСТЬ

Развернувшись, белая «Восьмерка» остановилась у фургона с продуктами. Увидев ее, Иванов машинально посмотрел на часы: без десяти час, скоро обед. Сидящий за рулем человек вышел. Оглянувшись, запер дверь машины, спрятал ключ в карман. Подошел к фургону, спросил что-то у рабочих. Обычный для такого места человек, подумал Иванов. На вид лет сорок, одет по-молодежному: холщовая кепочка, черная кожаная куртка, джинсы. Приезжающие сюда в машинах люди, как правило, делают одно и то же: входят в заднюю дверь с сумкой или портфелем в руке. И вскоре, выйдя из задней же двери, уезжают. Долго такие машины во дворе не задерживаются.

Лишь когда один из рабочих кивнул в сторону пристройки, Иванов вдруг сообразил: этого, в кепочке, плотного, с короткой шеей и округлым лицом, он уже видел. Причем недавно. Вот только — где же. Где же, где же... Кажется, в «Жемчуге».

Человек двинулся в его сторону. Идет вразвалку, на окна не смотрит. Вот хлопнула дверь — человек вошел в пристройку. Сделал два шага. Звуки в коридоре стихли. Осматривается. «Кавказец»? Нет — «Кавказец», по описанию очевидцев, выше ростом. Да и открытый для всеобщего обозрения приезд на белой «Восьмерке» — не в манере «Кавказца». Единственное — Иванов сейчас не сомневался, что человек пришел именно к нему. Точно — через секунду в дверь постучали.

— Да! — сказал Иванов.— Войдите!

Дверь приоткрылась, человек спросил:

— Баграт Элизбарович?

— Баграт Элизбарович.

Человек вошел. Постоял перед столом. Снял кепочку, сел. Настороженно повел подбородком:

— Можно вас попросить запереть дверь?

— Зачем?

— Есть разговор. Ну и... не хотелось бы, чтобы мешали.

Оперативная группа видела, как человек вошел. Этого достаточно. Подумав об этом, Иванов подошел к двери, повернул ключ. Вернулся, сел.

— Слушаю вас?

Человек изобразил улыбку:

— Меня зовут Михаил. Фамилия Голдаев. Думаю, вы меня видели? В «Жемчуге»!

— Допустим, видел.

— Баграт Элизбарович, мне очень неловко, что я пришел к вам. К незнакомому человеку.

— Ничего страшного.

— Но у меня нет другого выхода.— Голдаев достал записную книжку. Подцепил ногтем клочок бумажки, положил перед Ивановым: — Вот.

На неровном клочке была изображена цифра «80». Насколько Иванов понимал в расчетах лобовиков, «80» означало, что выдавший бумажку остался должен Голдаеву восемьдесят тысяч рублей. Чуть ниже стояло: «29.1». Дата — двадцать девятое января. На языке лобовиков такие бумажки, своего рода векселя, называются «капустой». Подписи нет — чтобы не оставлять улик.

— Объяснить, что это? — спросил Голдаев.

— Капуста. Но не моя.

— Верно, не ваша. Это капуста Шестопалова.

Интересно, подумал Иванов. Шестопалов уверял, что у него нет карточных долгов.

— Капуста Шестопалова, но идете вы почему-то ко мне.

Голдаев положил на стол визитную карточку «Чубиева»:

— Вот. Ваша визитная карточка. Я пришел к вам, потому что знаю только ваш адрес. И... не волнуйтесь. Услугу я оплачу.

Иванов изобразил раздумье. Посмотрел на Голдаева:

— Оплатите?

— Да. Три процента. Естественно, если долг будет отдан. Устроит?

Сейчас надо вести себя естественно. Так, как вел бы себя «Чубиев».

— Ну... я пока еще не знаю, что вам нужно.

— Шестопалов отдал мне только двадцать штук. Сегодня я ему позвонил, но он отказался даже говорить. Больше я с ним дела иметь не хочу. Поэтому прошу вас ему передать: с сегодняшнего дня я включаю счетчик. «Аварийку» [1].

[1] «Включить счетчик» (жарг.) — прибавлять к просроченному карточному долгу дополнительные суммы в определенные отрезки времени (час, сутки, неделю). «Аварийка» — т. е. аварийный, удвоенный или утроенный счет.

Иванов посмотрел на Голдаева. Взгляд у того непроницаемый, с прищуром.

— Понятно. И какой счет вашей «аварийки»?

— Двести в день. Срок — месяц. Ну, а потом... Потом пусть не жалуется.

— А... если он отдаст долг, что я получу? Три процента от остатка? Или от всей суммы?

— Естественно, от всей суммы.— Оторвав клочок бумажки, Голдаев вывел на нем: «3 %».— Вот расписка. Деньги ваши — если отдаст.

Шестопалов всегда подчеркивал: карточные дела у него складываются блестяще. На самом же деле он должен восемьдесят тысяч. Из которых отдал только двадцать. Может быть, Шестопалов связан с «Кавказцем»? Повертев бумажку, Иванов спрятал ее в карман.

— Ну... хорошо. Попробую что-то сделать. Кстати — когда он вам отдал двадцать штук? Если точно?

— Сейчас... Если точно — двадцать первого февраля.

Двадцать первого февраля... Именно в этот день был ограблен Гарибов. Палина же «Кавказец» «разогнал» чуть раньше — пятнадцатого. Если учесть, что два налета принесли «Кавказцу» сорок тысяч и он делился с Шестопаловым поровну — все совпадает. Голдаев набросал на перекидном календаре семь цифр:

— Мой телефон. Если что-то выясните — позвоните. С десяти до шести. Договорились?

— Договорились. Как станет что-то известно — позвоню.

Голдаев встал, натянул кепочку:

— Пойду.

Открыв дверь, Иванов выпустил его. Через секунду раздался телефонный звонок. Снял трубку, услышал голос Игоря Бязева — оперуполномоченного, сидящего в соседней комнате:

— Борис Эрнестович, у вас... порядок?

— Порядок.— Иванов следил, как Голдаев за окном садится в машину.— Номер видите?

— Вижу.

— Позвоните на ближайшие посты ГАИ. Пусть остановят машину... ну, скажем, за нарушение правил дорожного движения. Задержат его и пока не выпускают. Но так, чтобы он ни о чем не догадался.

— Понял.

Положил трубку. Проследил, как белая «Восьмерка», развернувшись, выехала на улицу. Вряд ли приход Голдаева — проверка. Непохоже. Кому и зачем его проверять? Но если это не проверка — значит, Шестопалов ввел его в заблуждение. Скрыв крупный карточный долг. Что же — Шестопалов связан с «Кавказцем»? А почему бы и нет. Вполне возможно. Ведь расклад самый обычный: Шестопалов дает исчерпывающую информацию, «Кавказец» действует. Впрочем, расчеты, которые он сейчас производит в уме, надо проверить. Снял трубку, набрал номер Гарибовой.

— Светлана Николаевна?

— Я. Слушаю вас.

— Это Иванов, узнаете?

— Конечно. Добрый день, Борис Эрнестович. У вас... что-то новое?

— Нам нужно увидеться по важному делу. Вы сейчас свободны?

— Что... прийти к вам?

— Нет. Я подъеду к вашему дому на машине. Минут через пятнадцать. У меня светло-голубая «Нива». Выходите и сразу садитесь.

ВЫЯСНЕНИЕ

Ждал он недолго. Выйдя из подъезда, Гарибова ссла рядом с ним. Он кивнул:

— Давайте отъедем.

Проехав два квартала, остановил машину.

— Светлана Николаевна... В день, когда вас ограбили, вы спрашивали у кого-то совета — стоит ли вам обращаться в милицию?

Сидит молча. Значит, вопрос ее озадачил. Шевельнулась:

— Что... это имеет значение?

— Имеет. От этого будет зависеть, найдем мы грабителя или нет.

— Оттого, спрашивала ли я у кого-то совета?

— Да. Оттого, спрашивали ли вы у кого-то совета.

Вообще-то, по его расчетам, скрывать ей особенно нечего.

— Хорошо, допустим, я спрашивала. Но я обещала этому человеку не выдавать его.

— И все же настоятельно прошу — назовите его имя.

— Ну... это Шестопалов.

— Шестопалов? Почему именно он?

— Потому что он никогда не даст плохого совета. И потом... Поймите мое состояние. Ведь с мужем об этом я говорить не могла. Леша был единственным, к кому я могла обратиться. В тот момент.

— Вы ему позвонили? Или сразу приехали?

— Нет. Леша позвонил сам. Он часто звонит — узнать, что и как. Ну и... он сразу понял по моему голосу — что-то случилось.

Шестопалов позвонил первым... Это очень важно. И — этого следовало ожидать.

— Вы поехали к нему?

— Да. Я поехала к нему и все рассказала. Леша посоветовал обратиться в милицию. Сказал — прощать такое нельзя.

— Вы общались с Шестопаловым после нашей первой встречи?

— Общалась.

— И что Шестопалов?

— Ничего особенного. Поинтересовался, что произошло в милиции. Расспрашивал, кто вы, как выглядите, как себя вели. Вообще, что вы за человек. Я сказала — вы очень симпатичный человек.

— О чем еще вы говорили?

— Алексей попросил ваш телефон. Сказал, хочет помочь милиции найти бандита. Я дала. Ведь тайны в этом нет?

— Нет.

— Ну вот. Дальше вы знаете.

— Шестопалов советовал — что можно говорить в милиции, а что нельзя?

— В первый раз, когда я должна была пойти к вам... в МВД — сказал, чтобы я поостереглась говорить про карты. Объяснил — милиция может не так понять. Ну, а во второй... когда я рассказала про вас — посоветовал: надо все объяснить. До конца.

— Ясно.— Включил мотор. Проехав по пустому переулку, остановил машину у подъезда Гарибовой. Если она расскажет об этой встрече Шестопалову, ничего страшного не случится. Но лучше, если он об этом не узнает. Кивнул:

— Светлана Николаевна... очень прошу вас не говорить Шестопалову о нашей встрече. Хорошо?

— Хорошо.— Помолчала.— Я ничего ему не скажу. Обещаю.

— Вот и отлично. Спасибо.

Подождал, пока Гарибова войдет в подъезд — и подъехал к ближайшему телефону-автомату. Заглушил мотор, вышел, набрал номер Бязева. Услышав отзыв, сказал:

— Игорь, это Иванов. Ну что?

— Голдаев задержан. Сейчас находится в отделении ГАИ.

— Что ему предъявили?

— Пока — только подозрение, что машина краденая.

— Личность установлена?

— Да. Голдаев Михаил Витальевич, прописан в Москве. Старший технолог объединения «Трикотажница». К уголовной ответственности не привлекался. Холост. Документы на машину в порядке. Они спрашивают, что с ним делать?

— Отпустить. С извинением.

— Все понял. Вы приедете?

— Не знаю. Если что-то — я в министерстве.

ШАНС

Выслушав рассказ Иванова, шеф заметил:

— Я правильно понял — вы считаете, «Кавказец» и Шестопалов действуют сообща?

— Считаю. Во всяком случае, пока все за это.

— Заманчиво.— Здесь наступила пауза, во время которой шеф несколько раз переместил по столу ручку.— Но признаюсь — сомнительно.

— Почему?

— Во-первых,— Шестопалов никогда не будет связываться с убийством милиционера.

— Об убийстве милиционера Шестопалов мог и не знать. «Кавказцу» нужно было оружие — он его добыл.

— Хорошо, допустим — мог не знать. Но, насколько я понял, доказательств связи Шестопалова и «Кавказца» у нас нет? Только домыслы?

— Ну... если уж на то пошло — доказательства можно добыть.

— Каким образом?

— Нащупав их связь.

— Связь... Думаете — это так просто?

— Не просто. Но почему бы не предположить, что связь у них самая элементарная?

— Например?

— Скажем — телефонная? Конечно, по домашнему или рабочему телефонам Шестопалов говорить с «Кавказцем» не будет. Но он вполне может воспользоваться уличным телефоном-автоматом.

Шеф снова покрутил ручку, несколько раз поставил ее стоймя. Отложил.

— Уличным телефоном-автоматом... Ну, допустим.

— Дальше — если бы удалось снять этот разговор на пленку, все было бы решено. Естественно, такую съемку надо вести при понятых.

Генерал тронул ладонью шею:

— При понятых... В общем-то... При нашем положении — это идея.— Посмотрел в окно.— Только — он может вообще не выйти на связь. А?

— Выйдет. Ему нужны деньги. И потом... У меня есть соображения, как эту связь ускорить.

— Любопытно.

— Засадой в НИИ «Дорстрой» занимается Савельев. Он инструктировал Шестопалова, постоянно поддерживает с ним контакт. Вот пусть и скажет сегодня: засада в институте, как не оправдавшая себя, снимается. Шестопалову это сразу развяжет руки. Мне кажется, он давно бы уже дал наводку «Кавказцу», если бы не боялся наших засад.

Генерал некоторое время рассматривал собственные сложенные ладони.

— Ладно. Так и будем действовать. Насколько я понял — вы считаете, Шестопалов будет «разгонять» кого-то из своих знакомых? Так?

— Именно так. На этих знакомых нам и нужно ориентироваться. Причем в самое ближайшее время.

— Ну а... насчет других засад? Вашей и на мясокомбинате?

— Я должен оставаться на месте. Из-за Голдаева. Ну, а Кутателадзе... Не забывайте — Кутателадзе ведь тоже знакомый Шестопалова.

ЦЕХ ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ

Рабочий день на мясокомбинате начался, как обычно. С утра Ираклий Кутателадзе подписал стопку принесенных секретаршей приказов. Провел летучку. Ответил на нужные звонки, сам позвонил по нескольким нужным звонкам. В одиннадцать секретарша, как всегда, принесла чай. В это время позвонили из цеха первичной обработки продукции. Начальник цеха Кузин сообщил о «ЧП» — часть только что поступившего от поставщиков сырья не соответствует стандарту. Выругав про себя поставщиков, Ираклий бросил: «Сейчас буду»,— и, отдав необходимые указания секретарше — что кому отвечать и кого куда посылать,— отправился в цех первичной обработки. Лишь на середине пути вспомнил: он опять забыл предупредить опергруппу о выходе из комбината. С досадой подумал: Борис рассердится. Действительно, что стоило взять трубку и сказать по телефону: «Выхожу». Впрочем, ничего страшного не произойдет. Да и не возвращаться же.

Возле кабинета начальника цеха Кузина, в небольшой приемной, всегда грудилась очередь. Допуском людей в кабинет руководила молоденькая секретарша Инна. Как давно уже заметил Кутателадзе, Инна и сама являлась приманкой для молодых инженеров и мастеров. Во всяком случае, они то и дело заходили сюда по самым разным поводам. Еще в коридоре Ираклий услышал голос начальника цеха, звучавший на повышенных тонах. Бросив толпившимся в приемной «Добрый день», вошел в кабинет. При его появлении невысокий кругленький Кузин возмущенно показал на стоявшего рядом со скучным видом представителя поставщиков:

— Полюбуйтесь, Ираклий Ясонович. Видели? Где совесть? Главное, выбрали момент. С ножом к горлу.

После длительной перепалки и прямых звонков поставщикам инцидент в конце концов был улажен. Представитель поставщиков ушел. Кузин сел за стол, вытирая платком обильный пот. В дверь заглянула Инна:

— Ираклий Ясонович, к вам посетитель. Я пропущу?

— Что еще за посетитель?

— Говорит, искал вас по всему заводу. Он от промкооперации, из Кабардино-Балкарии. Вот он, за мной стоит.

— Ну — пожалуйста. Пусть проходит.

Инна отодвинулась. Высокий человек лет тридцати, войдя, осторожно прикрыл дверь. Сразу же мелькнуло: этого человека он где-то видел. Темные усы. Темные волосы челкой на лоб. Маленькие немигающие глаза. Синий спортивный костюм с эмблемой «Адидас» над левым карманом куртки. Стоп. Это же «Кавказец». Он его не видел. Но десятки раз слышал его описание. Ираклий сразу ощутил ход собственного сердца. Правая рука гостя в кармане куртки. Ну да — там пистолет. Непонятно только, как «гость» его нашел. Собственно, что тут находить? Ведь он сказал секретарше, куда выйдет.

— Слушаю? — Кажется, Ираклий не услышал собственного вопроса. Помедлив, повторил громче: — Слушаю вас?

Человек улыбнулся, будто кто-то силой заставил его это сделать:

— Вы — Ираклий Ясонович?

— Я — Ираклий Ясонович.— Мелькнуло: Кузин продолжает усиленно вытирать пот. Ясно — он и понятия не имеет, кто вошел в кабинет. Но во внешнем виде человека нет ничего особенного. Совершенно ничего особенного.

— Понимаете, я приехал к вам в командировку. Издалека, из Кабардино-Балкарии. Ну и — нам с вами надо поговорить. Я от поставщиков, вопросы у меня серьезные.

Не вовремя он вышел из своего кабинета. Да еще забыл об этом предупредить. Если бы это случилось в его кабинете, «Кавказец» давно бы уже был схвачен. Впрочем, может, это все-таки не «Кавказец»? Нет, Борис предупреждал: если кто-то будет рядом, «Кавказец» скорей всего заговорит о производстве.

— Пожалуйста, садитесь. Поговорим.

— Да, но...— Человек настороженно смотрит на Кузина.— Понимаете, разговор у меня особый. Хотелось бы поговорить наедине.

Ираклию вдруг показалось — он весь мокрый. Собственно, чего он испугался? Вспомнились слова Бориса: «В любом случае веди себя так, как ведешь всегда. В любом случае». Надо взять себя в руки. Помедлив, сказал спокойно:

— Тогда пройдем в мой кабинет. Если наедине.

Он все говорит правильно. Надо увести его в свой кабинет. Опергруппа там рядом, за стенкой. Так как человек продолжал смотреть с некоторым сомнением, добавил:

— В моем кабинете мы можем поговорить спокойно. Да и это недалеко.

Вдруг подумал: он сейчас еле удерживается, чтобы не закричать: «Соглашайся! В моем кабинете я дам тебе все, что ты просишь! Соглашайся!» Казалось, прошла целая вечность, прежде чем человек сказал:

— Все же давайте сначала поговорим здесь. А потом где хотите. Можно и у вас.

Мелькнуло: здесь есть телефон... Ну и что — телефон? А то, что стоит снять трубку и сказать условную фразу, и опергруппа будет знать, что происходит. Но кто сказал, что «Кавказец» даст снять трубку? Он, Ираклий, слишком долго молчит. Надо что-то говорить.

— Ну... хорошо. Только — как мы будем с хозяином кабинета?

— Да ладно.— Спрятав платок, Кузин пошел к двери.— Ладно, Ираклий Ясонович, у меня как раз дела в цехе. Говорите сколько угодно.

Вышел. Как только они остались одни, человек вытащил правую руку из кармана. Пистолет. А человек — «Кавказец». Теперь в этом нет никакого сомнения. Рука медленно поднялась, остановив пистолет у живота Ираклия. Странно, живот будто обварило. Он никогда не стоял вот так, под пистолетом. Человек усмехнулся:

— Ираклий Ясонович, разговор будет простой. Если сделаете что не так, тут же стреляю. Тут же. Понимаете? Выстрела никто не услышит. Поэтому делать будете только то, что скажу. Поняли? Или повторить? Ираклий Ясонович?

Спокойней. Слышишь, Ираклий, спокойней. «Кавказец» обладает многими несомненными преимуществами перед тобой. Он вооружен. Физически намного сильнее. Он не знает жалости. За его плечами, наверное, несколько кровавых расправ. Но ведь какие-то преимущества есть и у тебя. Во-первых, интеллект. Во-вторых, сила духа. Постарайся превзойти его хоть в этом. Да, тебе сейчас не сладко. Но это и хорошо. Ты ведь и должен показать, что струсил. Иначе он поймет — его здесь ждут. Вот и покажи, что тобой овладел страх. Ствол пистолета двинулся, коснувшись живота:

— Эй, директор? Заснул? Во-первых, открой дверь. Чуть-чуть. И скажи девахе, чтоб никого не пускала. У тебя важный разговор. Понял?

— Понял.— Губы сказали это сами. Помедлив, Ираклий взялся за ручку двери. Тут же услышал шепот:

— Только панику поднимать не вздумай. Сам понимаешь, трупов будет вагон. Кроме тебя. Уяснил?

— Уяснил.

— Давай. Учти, я стою рядом. Ну?

Ираклий приоткрыл дверь. Все как обычно. Легкий шум, стоят люди. Инна разговаривает с молодым мастером. Кажется, фамилия этого мастера Соловьев. Да, Соловьев. Инна посмотрела с вопросом:

— Слушаю, Ираклий Ясонович?

— Не пускай никого. Хорошо, Инночка? У меня серьезный разговор.

— Даже Сергея Ильича?

— Даже Сергея Ильича. Но он придет не скоро.

— Все поняла. Никто не войдет.

Прикрыл дверь. Повернулся:

— Что еще?

— Еще...— «Кавказец» смотрит изучающе. Помедлив, показал глазами на ключ в двери. — Поверни ключ. Быстро.

Ираклий повернул ключ. Спросил, не поднимая головы:

— Дальше?

— Дальше садись за стол. Учти — телефон не трогать. И вообще сидеть тихо. Никаких лишних движений. Понятно?

Подождав, пока Ираклий сядет, «Кавказец» подошел к единственному в кабинете окну. Встал боком, посмотрел вниз. Отсюда, со второго этажа, ему наверняка хорошо видны все подходы к цеху. Вот повернулся. Так же боком отошел от окна. Сел. Рука с пистолетом лежит на столе. Ствол чуть в сторону. Улыбнулся:

— Ираклий Ясонович, долго мучить вас я не буду. Мне нужны деньги. Двадцать тысяч рублей. Думаю, у вас найдется такая небольшая сумма. Найдется? Причем деньги нужны быстро. До часу дня.

Надо тянуть время. Чем дольше его не будет в кабинете, тем больше надежда на опергруппу. Они начнут его искать. Только Ираклий подумал об этом, как раздался звонок. «Кавказец» положил руку на трубку:

— Трубку не брать... Значит, поняли? Деньги нужны до часу дня.

Звонок продолжает звенеть. Аппарат здесь один, на Инну выхода нет. Похоже, это опергруппа. Они его ищут.

— Поняли, Ираклий Ясонович?

— Но... где же я найду такую сумму?

— Не знаю. Это ваше дело. К часу, последний срок — к половине второго я должен получить деньги. В противном случае пострадаете не только вы. Пострадает ваша мама.

— Мама? — Это вырвалось само собой. Вообще, причем здесь его мама? Что, они действуют одновременно здесь и в Тбилиси?

— Но... почему мама?

— Потому что если до полвторого вы не отдадите деньги, мой товарищ вынужден будет войти в вашу квартиру. И сильно повредить вашей маме. Так же, как я буду вынужден повредить вам. Увы.

— В какую мою квартиру? В Тбилиси?

— Зачем в Тбилиси? В Москве.

Наконец телефон замолчал. У него стучит в висках. Почему вдруг возник разговор о маме?

— Но... мама живет в Тбилиси.

— Не знаю, где она живет. Сейчас она в Москве.

— Глупость. Ее в Москве нет.— Вдруг по глазам «Кавказца» Ираклий понял: мама действительно в Москве. «Кавказец» пожал плечами. Снял трубку:

— Не верите — наберите свой номер телефона. Не хотите? Тогда давайте я. Но предупреждаю: говорите с ней только по-русски. Иначе я прерву разговор.

Набрал номер, прислушался к гудкам. Услышав чей-то отзыв, протянул трубку:

— Она у телефона. Значит, только по-русски. И коротко. Ваша мама.

Ираклий прижал трубку к уху. В мембране — мамин голос. Как бухает в голове. С ним они могут делать что угодно. Но с мамой... Вообще, он не может даже этого представить. Мама — и они.

— Алло? Мама? Это ты?

— Иракли... Иракли, как я волнуюсь...

— Ты откуда? — Он спросил по-русски, хотя мама говорила по-грузински. Кажется, все проваливается. Летит куда-то...

— Из Тбилиси... Утренним самолетом... Я ведь знала, никакого ремонта... Иракли, зачем ты меня мучаешь? Зачем?

— Как ты попала в квартиру?

— Что значит — как? У меня же ключ.

— Ключ?

— Ты что, забыл? Вы же сами дали мне ключ.

Да, он вспомнил. Он сам дал матери этот ключ.

— Если бы не этот ключ, я б вообще не прилетела. Иракли, ну разве так можно? Я вся извелась.

— Ты о чем?

— О чем... Он не понимает. Что у вас с Мананой? Вы что, разъехались? Разошлись? Говори правду. Ика? Умоляю. Мать нельзя обманут, слышишь? Не молчи. Ну, Иракли?

«Кавказец» поднял пистолет. Показал: все.

— Мама, я тебя очень прошу — успокойся.

— Но, Иракли... Ика...

— Мама, у нас все в порядке. Я тебе потом объясню. Сейчас я не могу говорить.

— Но Ика...— Гудки. «Кавказец» нажал на рычаг.

— Убедились?

— Убедился.— Теперь ему все ясно. Поговорив вчера с Мананой, мама подумала: у них нелады. И наутро вылетела. Это на нее похоже. У мамы это называется «спасать семью». «Кавказец» усмехнулся:

— Ираклий Ясонович, теперь вы понимаете? Я не шучу.

— Да. Понимаю.

Что он говорит? Он полностью потерял контроль над собой. Если бы не мама... Если бы не мама, он действовал бы по заранее разработанному с Борисом сценарию. Сначала бы прикинулся, что у него вообще нет таких денег. Потом попытался бы всячески снизить сумму. Потом сказал бы, что попробует занять деньги у друга. Директора шашлычной. И позвонил бы по телефону опергруппы. О том, что этот номер специально заимствован у одной из шашлычных, не знает никто. Даже справочная служба. Если «Кавказец» вздумал бы вдруг спросить об этом номере по «09», ему бы подтвердили: «Да, это шашлычная». «Кавказец» пригнулся:

— Ираклий Ясонович, очнитесь. Давайте подумаем, как быстрее получить деньги. Они у вас в сберкассе?

— Да. То есть в сберкассе у меня мало...

Опять в голове заметалось: мама... Ведь днем дежурство у его квартиры снимается. Хорошо, допустим «Кавказец» будет задержан. Здесь. Но ведь мама — там. В его квартире. Получается, он, Ираклий Кутателадзе, должен подставить маму, с в о ю м а м у, под пистолет убийцы. Веру Северьяновну Кутателадзе. Но, собственно, как он может этому помешать? Даже если допустить, что он был бы согласен откупиться? Где он смог бы достать двадцать тысяч рублей? Да еще — до часу дня? Хорошо, пусть он смог бы их достать, эти двадцать тысяч. Ну и что? Некоторое время Ираклий сидел, повторяя про себя эту цифру. Двадцать тысяч... Нет. Если бы он только сделал это... Если бы передал двадцать тысяч в обмен на жизнь мамы... И при этом отпустил «Кавказца» и его напарника с миром, он стал бы предателем. Обычным предателем. Причем в этом случае он предал бы не только Бориса. Он предал бы всех, кого «Кавказец» смог бы потом убить и ограбить. И не только их самих, но и их близких. Самое же страшное, он предал бы себя. И именно мама, которая сейчас, сама того не подозревая, может вот-вот погибнуть, никогда не простила бы ему этого. Никогда. Вдруг он понял. Ясно, отчетливо понял: он будет проводить разработанный с Борисом план.

— Ираклий Ясонович, вам не жаль свою маму? Или вы думаете, мой товарищ ее пожалеет?

— Нет... Я так не думаю... Но понимаете... Двадцать тысяч... Огромная сумма...

— Побойтесь бога, Ираклий Ясонович. Разве для вас это сумма? Вообще, что для вас двадцать тысяч?

Все правильно. Если «Кавказец» знает о его выигрышах в «Жемчуге», то в понимании «Кавказца» ему, Ираклию Кутателадзе, действительно ничего не стоит отдать двадцать тысяч. «Кавказец» чуть повернул пистолет.

— Давайте не будем, Ираклий Ясонович. Не нужно сердить друг друга. Разойдемся с миром. Вы отдаете деньги, я ухожу. И никогда больше на вашем горизонте не появлюсь. Здесь полная гарантия.

— Все же... двадцать тысяч. Может быть, я действительно мог бы их сейчас набрать. Ну чуть меньше. Двадцать тысяч, честное слово, просто не наберу. Скажем, тысяч десять? Хорошо?

— Ираклий Ясонович. Жадность — знаете, как она губит людей? Хорошо, сейчас я возьму десять тысяч. Но ведь я приду потом. Чтобы забрать остаток.

— Может быть, пятнадцать вам хватит? Все-таки — такая огромная сумма?

— Ну и жадюга же вы, Ираклий Ясонович. Что вам пять тысяч?

— Хорошо... Только... Как я попрошу такую сумму? Ведь просто так ее никто не даст. Скажут — зачем?

— Это не проблема. Скажите, заболел родственник. Нужны деньги на операцию. Вас же знают, Ираклий Ясонович? У вас авторитет.

— Ну хорошо... Хорошо... Просто не знаю... Я мог бы позвонить одному другу.

— Ну так звоните.— «Кавказец» развернул аппарат.— Подождите. Что это за друг?

— Один мой друг. У него... у него бывают деньги.

— Деньги — это хорошо.— «Кавказец» долго молчал. Повторил: — Деньги — это хорошо. Только откуда я знаю — может, вы собираетесь звонить в милицию?

— Почему в милицию? Я позвоню своему другу.

— Куда вы позвоните своему другу?

— На работу. Он сейчас на работе.

— Куда именно на работу? Где он работает?

— Он заведует пунктом стеклотары. Межрайонным. Если вы не верите, можете позвонить в справочную. И спросить, как позвонить в Краснопресненский пункт сбора стеклотары.

— Как его зовут, вашего друга? Имя, отчество, фамилия?

— Чубиев. Баграт Элизбарович Чубиев.

«Кавказец» посмотрел в окно. Кажется, этот взгляд его успокоил — придвинув к себе аппарат, он сказал:

— Хорошо. Давайте-ка его телефон. Напишите на бумажке. Проверим.

Оторвав листок календаря, Ираклий набросал телефон. «Кавказец» набрал «09».

— Пожалуйста, телефон межрайонного пункта сбора стеклотары. Стек-ло-тары. Краснопресненский район. Да.

Выслушав ответ, положил трубку. Тронул лоб.

— Ладно, звоните вашему другу. Только предупреждаю: без фокусов. Говорите коротко. Нужны деньги. И все. Деньги пусть привозит сюда. Для него я ваш родственник. Племянник. И пусть поторопится. Времени мало.— Помолчав, тронул телефонный аппарат: — Звоните.

Ираклий снял трубку, набрал номер. Гудки. Вот щелкнуло. Голос Бориса:

— Алло? Слушаю вас?

Только бы Борис его понял. Только бы понял.

— Багратик? Здравствуй, это я. Ираклий.

— Ираклий? — Голос Бориса чуть замешкался.— Ты... откуда?

— С работы. Понимаешь, Багратик, у меня боль-

шое несчастье. Какое, объясню потом. Мне срочно нужны деньги. Очень срочно.

— Сколько тебе нужно?

— Двадцать тысяч.

— Ого. Таких денег я могу не собрать. А... что случилось-то?

Ясно, Борис подстраховывается — на случай, если «Кавказец» слышит ответы.

— С мамой... несчастье.

Он нарочно чуть выделил «с мамой». Борис вздохнул:

— А... что с твоей мамой? Что-нибудь серьезное? Она что... больна?

— Да, больна. Серьезно больна.

— Что — это недавно выяснилось? Я никогда не слышал, что она у тебя больна...

— Это выяснилось только сегодня. Баграт, умоляю — привези деньги. За мной не встанет, ты же знаешь.

— Н-ну... хорошо. Попробую.

— Не «попробую». Нужно везти деньги, срочно. И — до часу дня.

— Почему такая спешка? Что — поезд отходит?

— Багратик, дело не в поезде. Срочно вези деньги. Пойми — мама для меня дороже всего.

— Ладно, Ираклий. Ладно. Но... я это делаю только ради твоей мамы.

— Спасибо, Багратик.— «Я это делаю только ради твоей мамы». Судя по этим словам, Борис понял: с мамой Ираклия действительно что-то случилось.— Я знал, ты не подведешь.

— Подожди благодарить. Куда везти деньги? На комбинат?

— Да. Только — я буду ждать не у себя в кабинете. У нас есть цех первичной обработки. Я сейчас там. В кабинете начальника цеха. Приходи прямо туда. С деньгами.

— Хорошо. Сейчас буду.

— Спасибо, Баграт. Жду.

ТУХЛОЕ МЯСО

О том, что Ираклий захвачен «Кавказцем», Иванов понял сразу, как только услышал по телефону: «Багратик! Здравствуй, это я, Ираклий...» Не только из-за «Багратика». Голос Ираклия был совсем чужим. Сухим, хриплым. Как только Иванов все это понял, в голове сразу же заметалось: «Где Линяев и Хорин?» Почему Ираклий звонит ему... Ведь они договорились — оказавшись вне кабинета, Ираклий в случае опасности должен звонить в опергруппу. Линяеву и Хорину. Ведь они рядом, на комбинате. Специально для таких случаев им выделен «подставной» телефон. Впрочем, тут же он понял: времени на метания и раздумья не остается. Без всякой паузы он должен решить, как говорить. Исходить ли из того, что «Кавказец» прижал ухо к мембране и слышит все, что ему говорит сейчас Ираклий? Или — нет? Хотя — в любом случае он обязан говорить так, будто «Кавказец» все слышит. Но — вдруг «Кавказец» знает, кто такой «Чубиев»? Неясно. Ладно, выбора все равно нет. Да и Шестопалов вряд ли имел возможность и желание посвящать в это напарника.

В общем-то, в этом разговоре все для Иванова было разложено по полочкам. Ираклий забыл предупредить о выходе из кабинета. «Кавказец», пройдя на территорию комбината, поинтересовался, где директор. Узнав, что директор в цехе, прошел туда и легко захватил Ираклия. Линяев и Хорин, скорее всего, об этом захвате могут только подозревать. Но не знают — иначе бы они ему позвонили. Единственное, что смущает — интонация, с которой Ираклий сообщил о матери. Что-то здесь не то. Нажав на рычаг, Иванов тут же набрал номер Мананы:

— Мананочка, это Боря. Не могу долго говорить, извини. Что с Верой Северьяновной? Она часом не заболела?

— Почему заболела? Она в Москве.

— В Москве?

— Да. Прилетела сегодня утром. Я с ней только что разговаривала. А... что случилось? Боря?

— Ничего. Надеюсь, мама разместилась в квартире Ираклия?

— Конечно. У нее свой ключ. Да объясни, в чем дело? Я уже два раза звонила Ираклию. Конечно, найти его невозможно. Он же никогда не сидит на месте.

— Мананочка, ты не волнуйся. Просто у меня небольшое дело к Вере Северьяновне. Да — ты давно с ней разговаривала?

— С полчаса.

— Она, конечно, сейчас там? На Тимирязевке?

— Конечно. Мы же с Ираклием на работе. Она будет нас ждать.

Ударив по рычагу, нажал кнопку вызова опергруппы. Тут же набрал домашний номер Ираклия. Сразу узнал голос Веры Северьяновны. По интонации — с ней пока ничего не случилось. Она даже ответила по-тбилисски: не «Алло?», а «Батоно?»

— С приездом, Вера Северьяновна. Это Боря Иванов.

— Боречка? Тысячу лет! Ой, Боречка, вай ме! Как я рада! Понимаешь, я в Москве.

— Вера Северьяновна, простите, ради бога, я сейчас не могу особенно долго разговаривать. Я к вам обязательно сегодня приеду, мы увидимся, поговорим. Вы давно в квартире?

— Только утром прилетела. Первым рейсом.

— То есть около одиннадцати вы уже были в квартире?

— Примерно... А что это тебя интересует?

— Да... к Ираклию должны были в это время зайти или позвонить. Никто не заходил?

— Никто.

— И не звонил?

— Нет. Хотя подожди... Звонил. Как раз когда я вошла. Мужской голос. Спросил Ираклия. Я сказала, он на работе.

— Больше он ничего не спрашивал? Может, что-то передавал?

— Ничего не передавал. Спросил только: «Вы его мама?» Я говорю: «Да, мама». Он сказал — он друг Ираклия. Мы очень мало поговорили. Потом звонил Ираклий. Но как-то странно. Трубку положил.

— Вера Северьяновна, у меня большая просьба. Можно к вам сейчас заедут два наших друга? Моих и Ираклия? Мы договорились встретиться на квартире Ираклия, им пока некуда деться? А мы с Ираклием подъедем позже?

— Ради бога, пусть приезжают. Вообще, где Ираклий? На работу ему звоню, не могу дозвониться. Ты не знаешь? Что за манера вообще бросать трубку? От кого, от кого, но от Ираклия такого не ждала.

— Вера Северьяновна, еще одна просьба. Никому

не открывайте, пока наши друзья не подъедут. Что бы за дверью ни говорили. Мосгаз, водопроводчик, телеграмма и так далее. Никому, даете слово?

— Боря, не нравится мне это... Почему ты об этом говоришь?

— Понимаете, Ираклий связался с ремонтом. Ну и — нашлось несколько назойливых типов. Рвачи, жулики, пытаются содрать с него лишние деньги. Хорошо, я вмешался. Устроил ему честных ребят. Зачем лишнее переплачивать? А мои все хорошо сделают. Качественно. Ну, а эти — все еще ходят. Навязывают услуги. Поэтому не открывайте никому. Мои ребята подъедут скоро. Минут через пятнадцать. Запомните, их зовут Игорь и Володя. Запомнили?

— Конечно. Игорь и Володя.

— Откроете только им. Они скажут: «Это Игорь и Володя, друзья Бориса Иванова». Как только это услышите, впускайте. Хорошо?

— Хорошо. Вы-то с Ираклием скоро подъедете?

— Скоро. Я еще позвоню. Всего доброго.

Положил трубку. Два дежурных оперуполномоченных, Игорь Бязев и Володя Коротков, уже стояли рядом. Посмотрел на них:

— Только что звонил Кутателадзе. Кажется, он захвачен. Есть подозрение — его квартира тоже под прицелом. Конец разговора с матерью Кутателадзе слышали?

— Слышали,— сказал Бязев.

— Срочно езжайте туда. Что делать и как действовать — не мне вас учить. Мать Кутателадзе зовут Вера Северьяновна. Для нее вы — Игорь и Володя, мои друзья. Приехали ремонтировать квартиру. Я выезжаю на мясокомбинат. Как только окажетесь в квартире Кутателадзе, звоните туда. В опергруппу. Адрес на Тимирязевке знаете. Это третий этаж, без лифта. Поторопитесь.

Не глядя в их сторону, набрал номер опергруппы на мясокомбинате. Отозвался Линяев. Иванов сразу спросил:

— Что с Кутателадзе, знаете?

— Да. Думаем, захват. В цехе первичной обработки.

— «Думаем»... Почему я должен узнавать это раньше вас?

— Я звоню непрерывно. У вас занято. Да и... мы только что поняли.

— Хорошо, разберемся потом. Какие приняты меры?

— Хорин и Козлов уже там. Только что звонили — контролируют выход из кабинета. Я на связи. Вызвана дополнительная опергруппа.

— Зря. Надо было без паники. По всему — он один.

— Но ведь...

— Обсуждать будем потом. Действуйте так: сейчас вы идете к цеху и сменяете Козлова. Пусть идет к проходной и проследит за действиями дополнительной опергруппы. Главное, что б не было паники. Понятно? Вообще — пусть дождутся меня. «Кукла»[1] у вас готова.

— Готова.

— Захватите с собой. Я выезжаю к вам. Постараюсь быть минут через десять — двенадцать. Вообще, напомните — что это за место? Этот кабинет? Народ там есть?

— Есть. Это на втором этаже, в дальнем конце кабинета.

— Люди о чем-нибудь догадываются?

— Пока нет. Кутателадзе предупредил, чтобы к нему никого не пускали. И запер дверь изнутри.

— Ждите меня с Хорином на первом этаже. На глаза не лезьте. Все, я скоро буду.

Положил трубку, машинально хлопнул себя по боку, проверил пистолет. Прихватив пустой портфель, быстро вышел во двор, сел в «Ниву». Вывернувшись из краснопресненских переулков, дал полный газ. На ходу, еле успевая проскакивать светофоры, подумал: кажется, номер с «Чубиевым» прошел. Ясно также, почему Ираклий позвонил именно ему — из-за мамы. Если номер с «Чубиевым» прошел, он может смело входить в кабинет. Конечно, в крайнем случае он возьмет «Кавказца» и один. Но лучше подстраховаться. Как — пока неизвестно. Нужно думать. Думать... Жаль, в кабинете Ираклий. Если бы он, Борис Иванов, оказался в этом кабинете один на один с «Кавказцем», то взял бы его, не задумываясь. Чем бы тот ни был вооружен. Хоть гаубицей. С Ираклием же совсем другое дело. Мало ли, начнется пальба... Рисковать нельзя. Что же придумать... Что же... Все, проходная комбината. Перед тем как затормозить, незаметно огляделся. Как будто никаких «напарников». Старенький «Рафик» с рекламой мороженого на дверце. Похоже, именно на нем прибыла дополнительная опергруппа. Выключив мотор, вышел из машины. Сразу за дверью проходной столкнулся с Козловым. Спросил тихо:

— Где дополнительный наряд?

— Здесь, в комнате вахтеров.

— Ничего нового нет?

— Нет. Линяев и Хорин в цехе. Ждут вас.

— Очень хорошо. Куда выходит окно из этого кабинета?

— Во двор.

— То есть меня он увидит?

— Если вы подойдете, увидит.

— Все, пошел туда. Смотрите за обстановкой.

Выйдя из проходной и шагая по территории комбината, Иванов продолжал перебирать все возможные варианты подстраховки. Конечно, если ничего не придумается, можно просто рассчитать время. Так, чтобы в момент, когда он будет передавать «куклу», в кабинет ворвались Линяев и Хорин. Нет, не годится. Он ведь не знает, как будет настроен «Кавказец» именно в этот момент. В Линяева и Хорина он верит. И все же, если в этот момент пистолет будет у «Кавказца» в руке, может быть всякое. В том числе и трупы. Надо придумать какую-то хитрость. Отвлекающий момент. Вот только — какой. Пройдя еще немного, Иванов завернул за угол и увидел цех первичной обработки. По внешнему виду — все спокойно. По крайней мере, внизу, у входа в цех, никого нет. На втором этаже несколько окон. Вполне возможно, «Кавказец» стоит у одного из них. И видит сейчас его, «Чубиева». Пусть видит. Он, Баграт Чубиев, идет на выручку. В руке у него портфель со срочно собранными двадцатью тысячами. На операцию маме. Единственное — лишь бы не сорвался Ираклий. Впрочем, вряд ли Ираклий сорвется после разговора с ним. Осталась мелочь — придумать под-

[1] «Куклой» принято называть толстую пачку бумаги, имитирующую крупную сумму денег. При изготовлении «куклы» сверху обычно кладется несколько настоящих ассигнаций.

страховку. Сейчас он увидит Линяева и Хорина. Задерживаться с ними долго нельзя. Если «Кавказец» видел его из окна, он будет ждать его сразу. Времени — только чтобы подняться по лестнице. Стоп. Кажется, он придумал. Как только раньше это не пришло ему в голову. Ведь они на мясокомбинате. Ну конечно. Мясо. Ему нужно несколько килограммов испорченного мяса. Не может быть, чтобы здесь, на комбинате, не нашлось нескольких кило протухшего мяса. Причем желательно целым куском. Так, чтобы края свисали с рук...

Войдя в дверь, он столкнулся с Линяевым и Хориным. Спросил:

— Все по-старому?

— По-старому,— тихо сказал Линяев.— Вернулся начальник цеха. Мы сказали, директор занят. Он снова ушел.

— «Кукла»?

— Вот.— Хорин показал толстую пачку, завернутую в газету. Иванов быстро опустил ее в портфель, щелкнул застежкой. Сказал:

— Я иду туда, передавать деньги. Полагаю, он меня уже видел. Вы же — где хотите, но срочно достаньте сейчас две вещи. Белый халат и большой кусок тухлого мяса. Кило на десять. И тухлого, чтоб воняло. Понятно задание?

— Понятно,— Линяев кивнул.

— Как только достанете, один быстро надевает халат, второй берет в руки это мясо. Вместе подходите к кабинету, прямо под дверь. У кого мясо, начинает базар. Голоса не жалеть. Мол, чем кормите народ, где директор и так далее. Второй должен оправдываться. Побазарите около минуты — и в кабинет. Все ясно?

— Ясно,— сказал Хорин.

— Действуйте. Я пошел. Где этот кабинет? Направо, налево?

— Налево. Там открыта дверь, увидите.

Быстро поднялся по лестнице, прошел налево по коридору. Вот приемная. Двое парней разговаривают у окна. За столом — молодая девушка. Секретарь начальника цеха. По крайней мере, по виду. Ей, наверное, и было дано указание никого не пускать. Подойдя, пригнулся:

— Ираклий Ясонович как будто здесь?

— Здесь. Он просил никого не пускать. У него важный разговор.

— Знаете — он меня ждет. Доложите, пожалуйста. Скажите — к нему Баграт Элизбарович Чубиев. Чу-би-ев. Он примет.

Посмотрела недоверчиво.

— Н-ну хорошо. Я доложу, мне что.

— Пожалуйста.

Подошла к двери, постучала:

— Ираклий Ясонович! Тут к вам...— Помедлив, снова постучала: — Ираклий Ясонович?

Дверь чуть приоткрылась. Но кто за ней стоит, Иванов не увидел. Девушка сказала, уже тише:

— Ираклий Ясонович, к вам какой-то Чубиев. Пустить?

— Да, пожалуйста...— Голос Ираклия.— Пустите, я его жду.

Девушка кивнула «проходите». Войдя в кабинет, Иванов сразу увидел «Кавказца». Стоит у окна, правая рука в кармане. И то хорошо. Если бы он держал пистолет в открытую — было б много хуже. Ираклий сказал тихо:

— Багратик, познакомься,— мой племянник.

«Кавказец» нехотя кивнул. Иванов поклонился:

— Очень приятно. Чубиев. Что... можно при нем?

— Да...— Ираклий замялся.— Собственно, он и приехал... Чтобы передать эти деньги. Для мамы.

Надо тянуть как можно дольше. Пока не подойдут Линяев и Хорин. Прыгнуть на «Кавказца» и не дать ему достать пистолет он мог бы уже сейчас. Но с Линяевым и Хориным все будет гораздо чище. Посмотрел на Ираклия:

— Вот что. Только пойми меня правильно. Я тебе абсолютно доверяю. И все же — давай, чтобы все было спокойно. Напиши расписку. Сумма серьезная. Тем более тут твой родственник. Ты ведь не против?

— Багратик, деликатный вопрос. Без процентов? Молодец Ираклий. Полная натуральность.

— Без. Я думаю, ты остался человеком. Так ведь? И сможешь оценить.

— Спасибо. Значит — пишу на двадцать?

— На двадцать.

Ираклий начал писать. «Кавказец», стоя рядом, искоса смотрит в бумажку. Иванов незаметно сделал короткий шаг. Расстояние до «Кавказца» сократилось. Да, в случае чего он наверняка достанет «Кавказца» одним прыжком. В этот момент за дверью раздались громкие голоса. Линяев и Хорин. Ираклий и «Кавказец» повернули головы. «Чем вы кормите людей? Чем?» — слышалось за дверью.— «Этой падалью? Где ваш директор?» Сделав еще полшага, Иванов спросил:

— Что это? Что за шум?

— Не знаю.— Ираклий пожал плечами.— Кто-то шумит. Вообще у нас такое редко бывает.

Линяев действительно не жалеет голоса. «Давайте сюда вашего директора, я ему в морду это мясо кину! Пусть жрет сам! В конце концов, мы детское учреждение! Совесть у него есть?» Ираклий отложил ручку.

— Ну, знаете... Это переходит границы... Надо положить конец.

— Не отвлекайтесь, Ираклий Ясонович,— тихо сказал «Кавказец».— Я закрою дверь.

Шагнуть он не успел — в дверь ворвались Линяев и Хорин. С рук перепачканного кровью Линяева свисал огромный кусок мяса. Оглянувшись, он двинулся к «Кавказцу»:

— Где у вас тут директор? Вы чем кормите народ? Понюхайте, чем пахнет? Вы вообще соображаете?

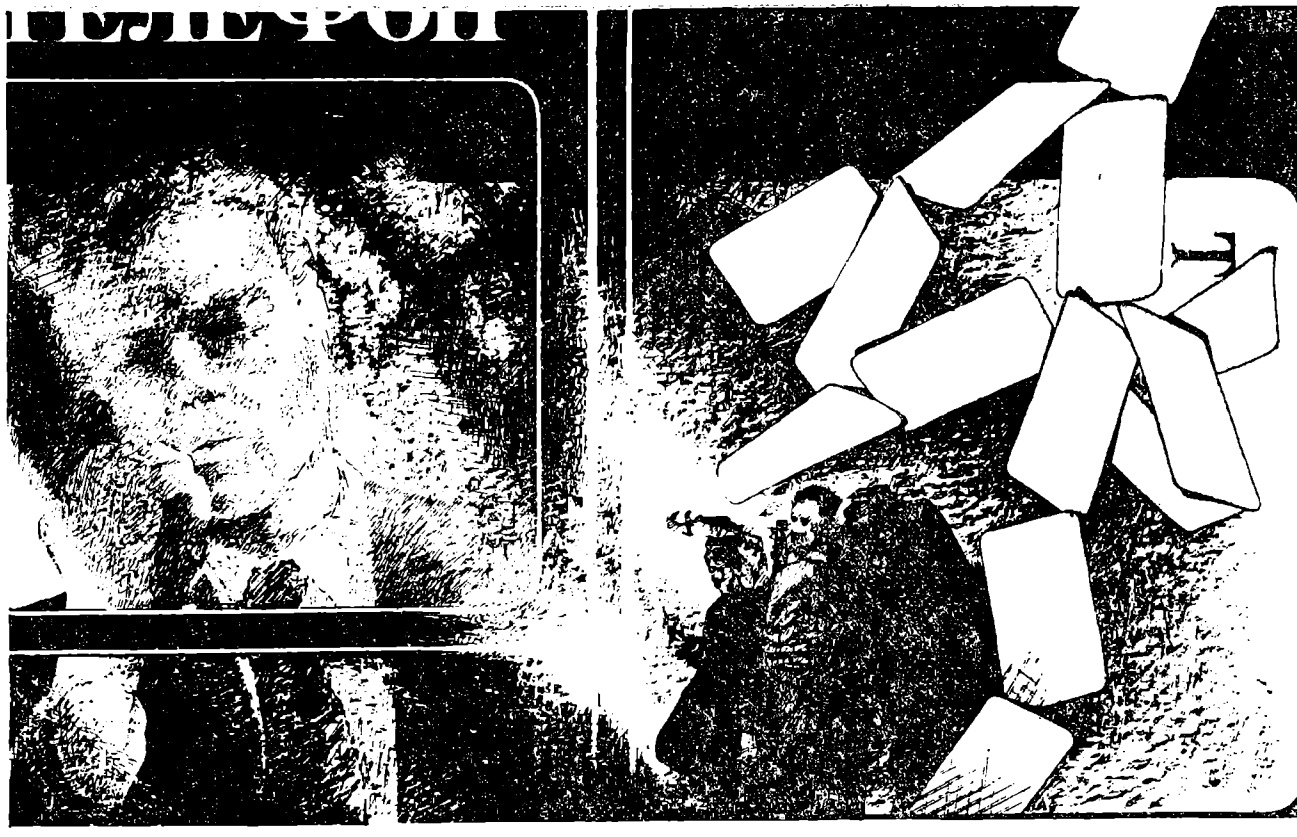
Комната наполнилась запахом тухлятины. «Кавказец» брезгливо отодвинулся:

— Что вы ко мне? Вот директор.

Этого было достаточно, чтобы Хорин в белом халате успел зайти с другой стороны. Скорее даже не увидев, а почувствовав это, «Кавказец» дернулся, но достать руку с пистолетом уже не успел. Хорин и Линяев повисли на нем с двух сторон.

СЧИТАТЬ УСТАНОВЛЕННЫМ

Через несколько дней в комнате прокуратуры, дожидаясь, пока Прохоров заполнит протокол, Иванов в который раз уже рассматривал лежащие перед ним на столе вещественные доказательства, отобранные им лично у «Кавказца» в момент задержания. Сейчас на столе следственной части прокуратуры, неподвижные и отстраненные от того, что совсем не-



давно было с ними связано, вещдоки выглядели довольно мирно. Пистолет системы «Макарова» — номерное оружие, принадлежавшее Садовникову. Искусно сделанный парик. Такие же накладные черные усы. Контактные линзы, меняющие цвет глаз. Распорки для ноздрей, изготовленные из канцелярской резинки. Резиновые защечные подушечки. Специально сделанный холщовый пояс с гнездами. Рядом — вынутые из этих гнезд ножи и стальные прутья с насаженными на них рукоятками. Одним из таких прутьев, как и предполагал Иванов, был убит Садовников.

«Европеец», отобравший паспорт у Нижарадзе, и «Кавказец» оказались одним и тем же лицом — жителем Сочи Виталием Уховым. Предположение Иванова подтвердилось и здесь: Ухов, войдя в преступный сговор с Шестопаловым, вымогал крупные суммы денег у лиц, имена и адреса которых ему называл партнер. Пистолет Ухов забрал у убитого им инспектора ГАИ Садовникова. Об этом убийстве Шестопалов действительно не знал — что отнюдь не умаляло его вины, как организатора преступной группы. Связь Шестопалова с Уховым была подтверждена видеопленкой, на которую был снят разговор директора НИИ по уличному телефону-автомату. Разговор этот состоялся вечером, накануне налета Ухова на мясокомбинат. Возвращаясь с работы домой, Шестопалов попросил водителя ненадолго остановить машину. Выйдя, зашел за угол и позвонил по телефону-автомату. Бесстрастная видеопленка зафиксировала движения губ, а значит, и слова. В том числе — «Ираклий Ясонович» и «мясокомбинат».

СТАРАЯ МЕЛОДИЯ

Он включил приемник. Посмотрел на сидящую рядом Веру Северьяновну:

— Вам не помешает?

— О чем ты, Боря? Я люблю музыку.

Вера Северьяновна молчит, глядя вперед. Ираклий не мог проводить мать на этот утренний рейс и попросил это сделать его, Бориса Иванова, своего друга. Тронув ручку настройки, Иванов подумал: все-таки хорошо, что Вера Северьяновна так и не узнала ни о чем. Как он и предполагал, упоминание «Кавказца» о напарнике оказалось точно рассчитанной уловкой, что подтвердили подъехавшие на Тимирязевку Бязев и Коротков. Никаких следов пребывания здесь сообщника «Кавказца» они не обнаружили. Так что об опасности, которая могла ей угрожать, Вера Северьяновна даже не подозревает. И уж тем более она не знает об опасности, угрожавшей Ираклию. Наверное, ей сейчас легко и хорошо — ведь она возвращается в Тбилиси, убедившись, что у Ираклия с Мананой все в порядке.

Поворачивая тумблер, Иванов вдруг услышал сквозь треск помех и звуки голосов знакомую мелодию. Чистый, спокойный звук трубы. Как давно он не слышал этот звук трубы. Наверное, лет десять. Мелодия хорошо ему знакома, но сейчас кажется — он слышит ее впервые. Настолько она прекрасна.

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ...

Лоуренс БЛОК

Рис. Николая Мооса

Лоуренс Блок родился в 1938 году в Буффало, крупном промышленном городе на северо-востоке США. Начиная с 1961 года, опубликовал несколько книг и десятки отдельных рассказов (частично под псевдонимами Чип Харрисон или Пол Кэвенаг), главным образом остросюжетного характера.

Живет в Бостоне.

Рассказ «Если этот человек умрет...» был опубликован в 1987 году в «Неделе».

В тот вечер, еще до получения первого письма, он поставил в Саратоге* на лошадь по кличке Пятнистая Полоса, считавшуюся аутсайдером. Ставки на нее принимались из расчета два к девяти; он решил рискнуть двумя сотнями долларов и, казалось, не без оснований: Пятнистая Полоса сразу же захватила лидерство. Бесспорный фаворит четырехлетка Глория Скотт не

[1] Город в штате Нью-Йорк, известный своим ипподромом.

вписалась в поворот и была снята с дистанции. Крафт уже подсчитывал свой выигрыш, но на финишной прямой Пятнистая Полоса сбилась на галоп и была дисквалифицирована. Он разорвал билеты тотализатора и отправился домой.

На другое утро Эдгар Крафт чувствовал себя в конторе неуютно. Почта доставила шесть писем; пять из них оказались счетами, оплатить которые в ближайшем будущем он не надеялся и попросту сунул их в ящик, где уже лежала стопка таких счетов.

Шестое письмо не содержало счета, напоминания или, скажем, угрозы отобрать купленную в рассрочку мебель в случае неуплаты очередного взноса. Это было короткое сообщение, напечатанное посередине стандартного машинописного листа.

Сначала значилось имя:

МИСТЕР ДЖОЗЕФ Х. НЕЙМАН.

и строчкой ниже:

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, ВЫ ПОЛУЧИТЕ ПЯТЬСОТ ДОЛЛАРОВ.

Крафт не был расположен к шуткам. Размышления о рысаке, лидировавшем на всей дистанции и сорвавшемся на финишной прямой, не способствовали проявлению чувства юмора.

Он внимательно рассмотрел полученное послание, перевернул его — нет, на обороте ничего не было,— снова перевернул, прочитал еще раз и стал разглядывать конверт — обычный почтовый конверт без указания отправителя, на котором были напечатаны его имя и служебный адрес да стоял штемпель городской почты. Пробормотал нечто непечатное по адресу неких идиотов и их представлений о шутках. Наконец он порвал письмо вместе с конвертом на мелкие кусочки и бросил их в корзину.

В течение следующей недели Крафт лишь раз или два вспоминал о письме: у него хватало своих проблем. Он никогда раньше не слышал о каком-то Джозефе Х. Неймане и отнюдь не питал надежд на получение пятисот долларов. Он ничего не рассказал о загадочном сообщении жене; когда позвонили из финансового ведомства и спросили, надеется ли он своевременно произвести по своим обязательствам платежи, Крафт и не подумал сообщить о наследстве, которое ему собирается оставить некий мистер Нейман.

День за днем он механически выполнял свои служебные обязанности как человек, который знает, что его заработок — лучше, чем ничего, но что этот заработок никогда не будет соответствовать его потребностям.

Он ездил в Саратогу еще дважды; один раз выиграл тридцать долларов, другой раз проиграл двадцать три. И уже почти успел забыть о таинственном корреспонденте и столь же таинственном мистере Джозефе Х. Неймане.

Тогда Крафт получил второе письмо в таком же конверте. Он механически вскрыл конверт и развернул сложенный вчетверо лист машинописного формата. На стол выпорхнули десять новеньких пятидесятидолларовых банкнот, а машинописный текст в середине листа гласил:

ПРЕМНОГО БЛАГОДАРЮ!

Крафт растерялся. И попытался сообразить, чем мог заслужить чью-то благодарность, не говоря уже о пятистах долларах. Потом вспомнил о первом письме, выскочил на улицу и купил в киоске утреннюю газету. Среди траурных объявлений он прочитал, что Джозеф Х. Нейман, 67 лет, умер в госпитале после продолжительной болезни... Вдова, трое детей и четверо внуков извещают, что погребение состоится в узком семейном кругу... Цветов и соболезнований просят не посылать.

...Триста долларов Крафт положил на свой счет в банке, остальные двести — в бумажник. Произвел срочные платежи за квартиру, за машину и еще по нескольким мелким счетам. Стопка в ящике письменного стола хоть и не исчезла, но значительно похудела. Финансовое ведомство он удовлетворил частично. Баланс был все еще с дефицитом, хотя долгов стало меньше, чем до весьма своевременной кончины мистера Джозефа Х. Неймана. Вечером он поехал вместе с женой в Саратогу и даже предложил ей сделать несколько ставок по наитию. Они проиграли сорок долларов, но теперь это не очень беспокоило Крафта.

Когда пришло следующее письмо, Крафт не стал рвать его. Он узнал надпись на конверте и, прежде чем вскрыть, повертел письмо в руках, словно наивный ребенок, получивший завернутый в бумагу подарок. Однако он не был так наивен, как ребенок, и не мог избавиться от предчувствия, что таинственный благодетель предъявит за свои деньги какие-то требования. Наконец он вскрыл письмо: никаких требований. Обычный лист, в середине которого значилось новое имя:

МИСТЕР РАЙМОНД АНДЕРСЕН.

и ниже:

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, ВЫ ПОЛУЧИТЕ СЕМЬСОТ ПЯТЬДЕСЯТ ДОЛЛАРОВ.

В последующие дни Крафт пытался убедить себя, что не желает ничего дурного мистеру Раймонду Андерсену. Однако семьсот пятьдесят долларов были довольно значительной суммой. И конечно, он охотно ими воспользовался бы... Нет, он, конечно, не хочет ускорить смерть мистера Андерсена, он не желает этой смерти, но если с мистером Андерсеном тем не менее что-то случится...

Что-то случилось. Пять дней спустя в газетах появилось траурное объявление. Андерсен был, оказывается, очень немолод. После длительной болезни он умер в своей постели в доме престарелых. Когда Крафт читал это объявление, его охватило возбуждение и чувство вины. Но в чем,

собственно, заключалась его вина? Он ведь никак не способствовал этой смерти, которая, кстати, была для такого старого и больного человека скорее избавлением, чем трагедией. Но с какой стати кто-то должен выплатить Крафту семьсот пятьдесят долларов?

Однако, как и в прошлый раз, кто-то сделал это. Письмо принесли уже на следующее утро; в нем оказались обещанные деньги в сотенных и полусотенных купюрах и листок с таким же текстом:

ПРЕМНОГО БЛАГОДАРЮ!

Но за что же? Крафт не имел ни малейшего понятия об этом. Прежде чем тщательно сложить письмо и убрать его вместе с конвертом в ящик письменного стола, он еще раз прочитал эти два слова.

«За что же меня благодарят?» — подумал он.

В течение следующих двух недель писем не было, хотя Крафт с тайной надеждой тщательно просматривал доставляемую почту. Иногда он двадцать или даже тридцать минут сидел за своим столом без движения, размышляя о загадочных письмах и неизвестно откуда свалившихся деньгах.

Фирма платила ему пять тысяч долларов в год; за это приходилось работать от 40 до 45 часов в неделю. Анонимный же корреспондент прислал уже четверть его годового оклада, хотя Крафту не пришлось за это даже шевельнуть пальцем.

Семьсот пятьдесят долларов оказались хорошим подспорьем, но до полного избавления от долгов было еще далеко. Жене вдруг пришла фантазия сменить обои в гостиной. Нужно было срочно внести квартплату, сделать очередной взнос за купленную в рассрочку автомашину... Однажды ему повезло на ипподроме, но два последующих посещения Саратоги поглотили выигрыш с лихвой.

Наконец пришло новое письмо — вместе с проспектом, рекламирующим электроосушитель для погреба, и предложением сделать взнос на благотворительные цели. Крафт отправил оба проспекта прямиком в корзину и нетерпеливо вскрыл знакомый белый конверт. Содержание письма было подобно предыдущим:

МИСТЕР КЛОД ПЬЕР.

и ниже:

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, ВЫ ПОЛУЧИТЕ ТЫСЯЧУ ДОЛЛАРОВ.

Руки Крафта задрожали: сумма опять увеличена. Мистер Клод Пьер? Нет, это имя ничего не говорило Крафту. Может быть, мистер Пьер — старый больной человек, умирающий от тяжкого недуга? Крафт надеялся, что это так. Он стыдился своих мыслей, но ничего не мог поделать; ему хотелось думать, что мистер Пьер вот-вот умрет.

На этот раз Крафт проявил активность: схватил телефонный справочник и стал лихорадочно листать его. Вот, есть: Клод Пьер, Хэнидейл драйв, 19. Потом захлопнул справочник и попытался изгнать всю историю из головы, но это намерение было заранее обречено на неудачу. В конце концов Крафт смирился; еще раз открыл справочник и стал гадать, от чего умрет этот человек. Это ведь неизбежно, не так ли? Кто-то сообщал ему в письме некое имя, затем человек умирал — и Крафту платили. Очевидно, Клод Пьер был приговорен.

Он набрал номер, значившийся в справочнике. Трубку взяла женщина. Крафт спросил, может ли он поговорить с мистером Пьером.

— Мистер Пьер в больнице.— Женщина сообщила, в какой именно.— А кто его просит?

— Спасибо,— сказал Крафт и положил трубку.

Понятно, подумал он. Они, кто бы это ни были, попросту выявляют людей, которые в ближайшее время должны умереть. И когда неизбежное наступает — посылают ему, Эдгару Крафту, деньги. И всё. Незачем искать в этом смысл. Многие вещи в жизни Крафта казались ему лишенными смысла. Может быть, таинственный отправитель писем не в себе? Во всяком случае, если кто-то желает посылать Крафту деньги, отказываться он не станет.

После обеда Крафт позвонил в больницу. Два дня назад Клод Пьер подвергся серьезной операции, сообщила сестра. Сейчас он в удовлетворительном состоянии.

Значит, должен быть рецидив, подумал Крафт. Ведь этот человек приговорен, автор писем предопределил его смерть. Крафт пожалел мистера Пьера и погрузился в изучение программы предстоящих скачек. Лошадь по кличке Апельсиновое Зерно, которую Крафт давно уже облюбовал, может оказаться победительницей... И он поехал на ипподром. Но Апельсиновое Зерно не оправдала его надежд.

Несколько дней спустя он опять позвонил в больницу. Та же сестра сообщила, что мистер Клод Пьер поправляется после операции. В течение следующих трех недель Крафт почти ежедневно справлялся о его состоянии. Однажды сестра сообщила, что больному стало хуже и что он впал в беспамятство. Но на другой день она радостным голосом поведала об улучшении. А Эдгара Крафта при этом известии обуял гнев.

С этого дня мистер Пьер окончательно пошел на поправку и вскоре выписался из больницы. Очевидно, подумал Крафт, случилось что-то непредвиденное; ведь если бы мистер Пьер умер, он получил бы тысячу долларов! Мистер Пьер был уже при смерти, но непонятным образом остался жив и выздоровел, а Крафт лишился тысячи долларов, которую надеялся вот-вот получить.

Каждый день он ждал нового письма. Письма

не было. Между тем он просрочил очередной взнос за автомашину, вот уже две недели не платил за квартиру, несколько раз выслушивал напоминания финансового ведомства, но письма не было, и Крафт озлобился против самого себя. «Если этот человек умрет», говорилось в прежнем письме; никаких дополнительных условий, никаких сроков в письме не было. Так не бессмертен же в конце концов этот мистер Пьер! А коль скоро он испустит наконец последний вздох, Крафт получит «свою» тысячу долларов.

Допустим, с мистером Пьером что-то случится... Крафт гнал от себя эти мысли, но безуспешно. Мысли о мистере Пьере принимали самое неожиданное направление. Это было бы нетрудно, говорил он себе. Ни один человек не знает, что он заинтересован в смерти Клода Пьера. Если он выберет подходящий момент, если он сделает это грязное дело и исчезнет, никто ничего не узнает. Полиция никогда не свяжет его имя с именем Клода Пьера. Он, Крафт, не был знаком с мистером Пьером...

Но он просто не может этого сделать, говорил он себе. Он не убийца. Такое безрассудство, такой абсурд просто немыслим... Он обойдется без этих денег. Он может прожить и без этой тысячи долларов. Да, в мыслях он давно уже нашел им применение, он уже считал эти деньги как бы в кармане — когда мистер Пьер лежал в больнице без сознания. Но он обойдется. Да и что он может поделать?

Однако уже на другой день имя мистера Пьера было на первых полосах всех газет. Минувшей ночью кто-то пробрался в дом на Хонидейл драйв и зарезал мистера Пьера в его собственной постели. Убийца успел удрать. Мотивы убийства выяснить не удалось. Полиция была растеряна.

Когда Крафт читал об этом, у него сосало под ложечкой. Первым ощущением было чувство вины, словно это он пырнул человека ножом в живот, словно это он проник под покровом ночи в дом на Хонидейл драйв, чтобы хладнокровно совершить убийство и исчезнуть. Он твердо знал, что не участвовал в этом преступлении, что он лично никого не убивал — разве что в мыслях. Да, он думал об этом, хотел, чтобы это случилось — и никак не мог избавиться от сознания своей вины.

Письмо принесли уже на следующий день. В нем было десять сотенных и знакомый уже текст:

ПРЕМНОГО БЛАГОДАРЮ!

Не благодарите меня, думал он, укладывая деньги в бумажник. Благодарите не меня.

В новом письме значилось новое имя:

МИСТЕР ЛЕО ДЕННИСОН.

и ниже:

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, ВЫ ПОЛУЧИТЕ ТЫСЯЧУ ПЯТЬСОТ ДОЛЛАРОВ.

Рука с письмом повисла в воздухе. Крафт тяжело дышал. Сердце билось учащенно. Он сделал над собой усилие и прочитал письмо вторично. Потом достал прежние письма, разорвал вместе с только что полученным на мелкие кусочки, выбросил в туалет и спустил воду.

Он почувствовал головную боль. Принял таблетку аспирина, но облегчение не приходило. Уселся за свой стол, но до самого обеда ничего не мог делать. В ресторанчике за углом съел свой обед, не чувствуя вкуса пищи. Вернувшись в контору, взял было программу предстоящих скачек, но никак не мог сосредоточиться. Ушел из конторы раньше времени и решил пройтись пешком.

Итак, теперь на очереди мистер Лео Деннисон, думал Крафт на другое утро, листая телефонный справочник. Деннисон проживал в квартире большого дома на Кедбери авеню. Крафт попытался позвонить ему, но никто не ответил. Деннисон был адвокатом; в справочнике значился и номер телефона его бюро. Крафт наб-

рал номер. Мистер Деннисон уехал на конференцию, сообщила секретарша, нужно ли передать ему что-нибудь?

ЕСЛИ ЭТОТ ЧЕЛОВЕК УМРЕТ, вертелось в мозгу у Крафта. Но Деннисон был совершенно здоров, он вел свои дела и даже поехал на какую-то конференцию, причем человек, посылавший Крафту письма, прекрасно знал об этом. Однако же — полторы тысячи долларов!

Но как? Револьвера у Крафта нет, и он понятия не имеет, где его можно раздобыть. Нож? Кто-то ведь убил мистера Пьера ножом. Найти нож не так уж сложно... Но держать при себе нож казалось Крафту неестественным.

Может быть, сбить автомобилем? Пожалуй, годится: подкараулить его и задавить. Это не так уж трудно и достаточно надежно. Однако полиция обычно находит водителей, скрывшихся после наезда. Царапины на окраске, следы крови на бампере... Крафт не вдавался в детали, но ему казалось, что удравших с места происшествия водителей чаще всего находят.

«Плюнь и забудь об этом! — сказал он себе.— Ты же не убийца!»

Но забыть он не мог. Два дня подряд он заставлял себя думать о чем-нибудь другом, но не мог. И все время думал только о Деннисоне, о полутора тысячах долларов... Думал об убийстве.

Однажды он встал раньше обычного и поехал на Кедбери авеню. Стал следить из своей машины за домом, где жил Деннисон. Заметил, как адвокат вышел и стал переходить на другую сторону улицы, где, очевидно, с вечера стояла его машина. Крафт уже поставил было ногу на педаль газа: включить стартер, нажать педаль до отказа, разогнать машину и сбить Деннисона...

Он не сделал этого. Что, если его поймают? Конечно, его ничто не связывает с отправителем писем. И с Деннисоном его тоже ничто не связывает... кроме тысячи пятисот долларов.

Однажды в среду он позвонил жене и сказал, что прямо с работы поедет в Саратогу. Но вместо этого поехал на Кедбери авеню. Поставил машину поодаль и стал наблюдать за домом. А как только швейцар на минуту отлучился, Крафт проскользнул в подъезд и отыскал квартиру Деннисона. Квартира, правда, была заперта, но замок, как в большинстве домов, где есть швейцары, был чисто символический. Крафт быстро справился с ним, хотя вспотел и дрожал от опасения, что кто-то может пройти по лестнице мимо.

В тот момент, когда Крафт вошел в квартиру, он как бы преобразился. Страх исчез. Теперь он был уверен в себе. Все предопределено свыше, повторял он про себя. Джозеф Х. Нейман был приговорен, Раймонд Андерсен был приговорен, Клод Пьер был приговорен — и все они умерли. Теперь точно так же был приговорен Лео Деннисон — и он тоже должен умереть! Эдгар Крафт чувствовал себя теперь лишь частицей целой системы, винтиком гигантского механизма. Он выполнит свое дело, не вдаваясь в рассуждения. Все должно идти по плану.

Он ждал в течение трех часов, ждал спокойно и безмолвно. Как только ключ стал поворачиваться в замке, он бесшумно скользнул за дверь, занеся над головой каминную кочергу. Деннисон вошел. Вошел один.

Кочерга резко опустилась на голову вошедшего. Адвокат беззвучно повалился на пол. Кочерга поднялась и опустилась еще дважды. Для большей уверенности. Деннисон не шевелился. Он был мертв.

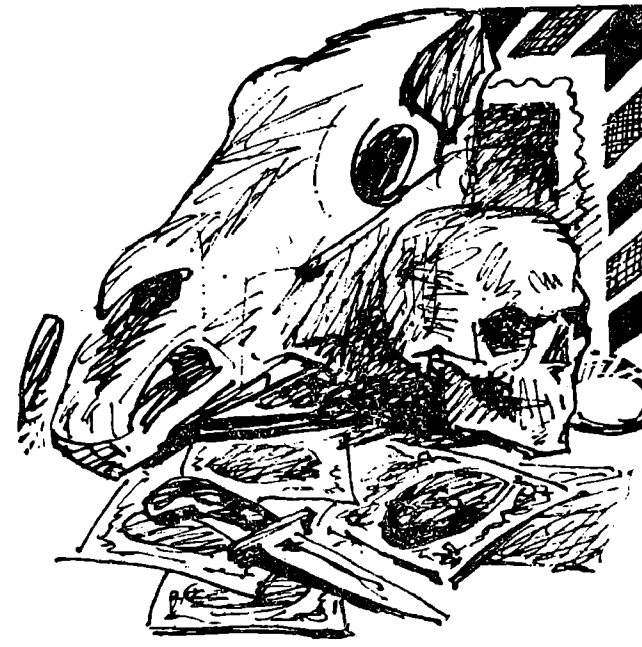
Крафт стер кровь, протер места, где могли остаться отпечатки его пальцев, и черным ходом вышел. Никто его не видел.

Ночью он плохо спал: боялся, что будет страдать от сознания собственной вины. В мыслях он давно уже был убийцей — когда желал смерти Андерсену, когда исходил из необходимости убить Пьера. Теперь совершился лишь переход от намерений к действию, но это вовсе не побуждало его осознать свою вину.

В четверг на его имя не поступало писем. А в пятницу, придя на работу, он обнаружил на столе знакомый конверт. Этот конверт был чуть толще обычного, ибо содержал пятнадцать стодолларовых купюр. Но содержание письма удивило его.

Обычное ПРЕМНОГО БЛАГОДАРЮ было напечатано, как и раньше, посередине листа. Строчкой ниже Крафт прочитал странную фразу:

КАК ВАМ НРАВИТСЯ НОВЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?



ТЕРРОРИСТ

Роберт ФИШ

Рис. Николая Мооса

Летний день клонился к вечеру. Над невысокими Теннесскими горами, юго-восточными отрогами Аппалачей, стремительно двигался реактивный лайнер Боинг-727. Он летел из Нью-Йоркского аэропорта Кеннеди и, согласно расписанию, направлялся в Новый Орлеан. Автопилот поддерживал курс на юго-юго-запад и высоту 28 тысяч футов над уровнем океана.

Радист протиснулся из салона через узкую дверь в пилотскую кабину, подтянул джинсы и успокоительно кивнул капитану. Затем плотно устроился на своем месте, надвинул наушники и потянулся к ручкам настройки.

Капитан внимательно всмотрелся в его невозмутимое лицо, поправил свой микрофон, выключил мелодичную магнитофонную музыку, транслировавшуюся в пассажирский салон, и включил бортовую сеть динамиков:

— Леди и джентльмены! С вами говорит командир корабля пилот Литтлджон. Впереди слева по движению вы можете видеть красивое озеро, образованное разливом реки Теннесси. Немного дальше — плотина, отделяющая его от других озер, объединенных ТВА-проектом *, в числе которых и озеро Чаттануга. А в бинокль можно увидеть на западе великие Аппалачи.

Он щелкнул переключателем и отодвинул от себя микрофон. В наушники пассажиров снова полилась негромкая музыка. Почти в то же мгновение на панели загорелась лампочка вызова по внутреннему переговорному устройству. Капитан потянулся вперед и нажал кнопку включения:

— Да?

— Капитан, это Клариса. У нас случилось происшествие...

— Происшествие?

— Да. Пассажир заперся в туалете вместе с Милли.— Голос стюардессы заторопился, очевидно, она хотела, чтобы ее правильно поняли.— Это не обычный флирт, капитан. Это хайджекинг, угроза захватить самолет.

Радист вздрогнул. Переговорное устройство придавало эмоциональной речи стюардессы металлический оттенок. Второй пилот вскочил было на ноги, но повелительный жест капитана заставил его опуститься на место.

— Где находятся воздушные маршалы **? — спросил капитан.

— Один из них сидит рядом со мной...

— Прежде чем подключить его к связи,— перебил капитан,— скажи, как ведут себя пассажиры.

— Они еще ничего не знают, сэр.

— Отлично. Они и не должны знать. А теперь передай микрофон маршалу.

Пауза. Затем зазвучал низкий мужской голос:

— Хэлло, капитан. То, что случилось, очень просто. Мужчина прошел к туалету. Никто, конечно, не обратил на него внимания. А оказавшись в хвосте, он показал Милли пистолет и силой затащил ее в туалет. Теперь он держит ее между собой и дверью. Клариса говорит с ней через дверь. Милли утверждает, что у него есть пистолет, нож и еще какая-то бутылка с желтой маслянистой жидкостью; он говорит, что это нитро.— Мужчина закашлялся, прочищая горло.— Что нам делать?

— Ничего,— мгновенно отреагировал капитан.— Вернитесь на свое место. Пусть он говорит через Милли, раз уж он держит ее в качестве щита. Поручите переговоры Кларисе. Я запрошу инструкции у Нового Орлеана.

Лицо капитана стало серьезным, когда он вновь заговорил со стюардессой.

— Клариса?

— Да, сэр?

— Включи над туалетом сигнал «неисправен» и опусти шторы. С Милли пока все в порядке?

— Да, сэр... Минутку, она что-то говорит.— Клариса умолкла, потом заговорила вновь.— Хэлло, капитан. Милли сообщает, что он требует направить самолет в Джексонвилль. Для дозаправки.

— Куда он хочет лететь? У нас хватит горючего хоть до Кубы!

— Да, сэр, но она пока ничего больше не сообщает.

— Кто он такой?— спросил капитан.— Что указано в маршрутном листе?

— Он значится как Чарльз Вагнер из Хартфорда, Коннектикут. Место 16д, у прохода. Когда мы только вылетали из аэропорта Кэннеди, я подавала ему ленч.

— Как он выглядит? — продолжал спрашивать капитан. В голосе стюардессы почувствовалось колебание:

— Ну... как... обычный пассажир вроде. Лет тридцати с небольшим. Волосы длинные, но уже редеют.

— Много ли он выпил? ***

Роберт Л. Фиш родился в 1912 году в США. Инженер-химик по пластмассам. Работал также в Аргентине, Бразилии, Англии, Венесуэле, Мексике, Колумбии, Корее, на Тайване.

С 1962 года полностью перешел на литературную деятельность. Автор многочисленных детективных романов и рассказов (в том числе под псевдонимом Роберт Л. Пайк или Лоуренс Робертс).

Президент ассоциации писателей детективного жанра США (1978).

Живет в Трамбалле (штат Коннектикут, США).

---

* В соответствии с решением конгресса США в период депрессии 1930 годов был разработан и осуществлен ТВА-проект — комплекс мероприятий с целью поддержания судоходства на реке Теннесси, регулирования стока и расхода воды для промышленных целей и целей орошения.

** Специальная охрана, сопровождающая самолет в целях предотвращения угона.

*** В самолетах авиакомпаний США выпивка и закуска предоставляются пассажирам бесплатно, их стоимость включается в стоимость билета.

— Нет, сэр, только пиво,— ответила Клариса.— И я уверена, что он совершенно трезв. Что нам делать?

— Ничего. Постарайтесь найти себе какое-нибудь занятие в хвосте. На случай, если пассажиры заинтересуются, почему ты там крутишься. А теперь включи сигнал неисправности и задерни...

— С вами хочет говорить Новый Орлеан, сэр,— перебил радист.

— Говорит Литтлджон,— сказал капитан в микрофон.— У нас на борту террорист.

— Чего он хочет?

— Он захватил одну из наших стюардесс и заперся с ней в туалете. Вооружен. Грозит нитроглицерином. Пока что требует направиться в Джексонвилль. Говорит, как бы для дозаправки.

— Не выключайтесь,— ответил голос.— Я доложу руководству и свяжусь с вами.

Лицо капитана застыло, словно маска. Он глядел перед собой невидящим взглядом. Штурвал не шевелился. Ожидание было заполнено кажущимся спокойствием. Затем в тишину ворвался другой радиоголос. В нем чувствовались начальственные нотки:

— Капитан Литтлджон? Это служба безопасности Нового Орлеана. Вы можете изменить курс на Джексонвилль.

Второй пилот уже отыскивал в своей сумке карту с нужным маршрутом. Одна рука капитана Литтлджона легла на штурвал, другая отключила автопилот. Однако он счел еще необходимым сделать объявление:

— Леди и джентльмены! — услышали в салоне.— Чтобы дать возможность пассажирам правого борта полюбоваться в этот поздний час красотой озера Чаттануга...

Самолет описал широкую дугу и лег курсом на юго-восток, навстречу надвигающейся темноте. В наушниках вновь послышался голос офицера безопасности:

— Отлично сработано, капитан. Позднее пассажирам все же придется сообщить об изменении курса. А вы свяжитесь с нашей службой в Джексонвилле, они уже знают. Мы тоже будем слушать вас.

— Роджер *,— ответил капитан и наклонился ко второму пилоту, который уже прокладывал на своей карте маршрут. Поверхность земли постепенно темнела, хотя в иллюминаторы самолета еще проникали солнечные лучи. В наушниках снова послышался голос Кларисы:

— Капитан?

— Да, Клариса? — Литтлджон выпрямился в своем кресле.

— Он хочет денег,— сообщила стюардесса.— Хочет получить выкуп за самолет и за пассажи-

* Жаргонное слово, подтверждающее получение сообщения, вроде русского «вас понял» или «ясно».

ров. Хочет, чтобы деньги были приготовлены к тому времени, когда мы приземлимся. А не то он грозит расправиться с Милли. Если же и это не поможет, он взорвет самолет.

— Сколько же он хочет?

— Четверть...— Кларисса сглотнула слюну.— Четверть миллиона.

На лице капитана не дрогнул ни один мускул. Он снова переключился на дальнюю связь.

— Хэлло, Новый Орлеан? Говорит капитан Литтлджон.

— Это Джекс,— ответило радио другим голосом.— Мы слышим.

— Парень требует четверть миллиона долларов.

— Слышим. Кто он такой?

— Он значится как Чарльз Вагнер из Хартфорда, Коннектикут.

— Чего он еще хочет?

— Минутку.— Литтлджон нажал кнопку внутреннего переговорного устройства.— Кларисса, хочет он чего-нибудь еще?

— Да, сэр, он требует чертову уйму вещей. Я полагаю, он имел достаточно времени, чтобы обдумать это. Я все записала.— Послышалось шелестение бумаги. Вдруг голос стюардессы изменился: — Мне очень жаль, сэр, но этот туалет не в порядке. Нет, второй функционирует нормально. Да, сэр...— Затем ее голос понизился: — Это пассажир. Надпись включена, но некоторые не замечают...

— Ладно,— перебил капитан.— Продолжай.

— Да, сэр. Итак, вот что он хочет. Деньги в обычной дорожной сумке, перевязанными в пачки по десять тысяч. Купюры по пятьдесят или сто долларов, не крупнее. Он требует также, чтобы мы приземлились в конце 725-й полосы, подальше от аэровокзала.

— Подожди,— сказал Литтлджон стюардессе.— Хэлло, служба Джекс, вы все это слышали?

— Да,— ответил голос.— Продолжайте.

— Продолжай, Кларисса,— повторил Литтлджон.

— Да, сэр. Он говорит, что пассажиры смогут выйти, но требует, чтобы никто не входил в самолет. Тогда он выйдет из туалета. И он хочет два парашюта.

— Сразу два? — переспросил капитан.

— Два,— повторила стюардесса.— Он сказал: один спортивный, другой обычный, армейский.

Пилоты услышали, как офицер безопасности в Джексонвилле давал кому-то указание:

— Запросите парашютную ассоциацию США, известен ли им некий Чарльз Вагнер. Только побыстрее.— Затем тот же голос стал громче: — Что еще, капитан?

— Кларисса?

— Это все, капитан. То есть пока все. Он говорит, что дальнейшие указания даст после приземления.

Капитан отключил переговорное устройство.

— Хэлло! Джекс! Нельзя ли нам очистить место на 725-й полосе? Независимо от направления ветра.

— Роджер,— ответил голос.

— А как насчет денег?

— Деньги будут,— заговорил голос.— Не знаю, долго ли он будет обладать этими деньгами,— усмехнулся собеседник,— но он их получит. Так же, как и парашюты.

— Хорошо,— сказал Литтлджон.— Мне страшно даже подумать, что он может убить нашу Милли. Не говоря уже о самолете вместе с пассажирами и экипажем.

Ответа не было. Литтлджон отключил радио и сосредоточил внимание на управлении самолетом. Некоторое время пилоты и радист молчали. На их лицах застыло выражение напряженного ожидания. Мощные двигатели мерно рокотали. Далеко позади самолета солнце коснулось горизонта. Земля давно уже погрузилась в темноту. Наконец в наушниках зазвучал голос диспетчера Джексонвилльского аэропорта, указавший коридор для посадки. Самолет стал снижаться. Капитан передал управление второму пилоту и приступил к объяснению с пассажирами:

— Леди и джентльмены! — раздался в наушниках его спокойный голос.— С вами снова говорит капитан корабля. По условиям погоды нам приходится совершить посадку в аэропорту Джексонвилля, Флорида. После приземления представитель компании объяснит вам задержку и организует дальнейшую транспортировку. Мы сожалеем о случившемся. А теперь, когда наш самолет начал снижаться, поднимите, пожалуйста, спинки ваших кресел и пристегните ваши ремни. Следите за световыми табло. Благодарю вас за внимание.

Последний озирающийся пассажир, удивленный настойчивыми требованиями сесть в автобус, чтобы следовать к видневшемуся вдали зданию аэровокзала, вовсе не думал, что он и его спутники вскоре станут героями дня как очевидцы или даже участники несостоявшегося угона самолета.

Топливозаправщики уже завершали перекачку горючего, когда из небольшого закрытого автомобиля, остановившегося возле самолета, вышли двое. Один из них нес спортивный парашют и дорожную сумку, другой с трудом тащил огромный армейский парашют. По внешнему виду они походили на агентов ФБР. Впрочем, они и в самом деле были ими. Они поднялись по алюминиевому трапу, не входя в самолет, втолкнули свой груз в салон, бросили беглые взгляды на дверь в туалет и, кивнув на прощание Кларисе, ушли. Из окна пилотской кабины Литтлджон

видел, как они снова уселись в машину и укатили. Тогда он включил переговорное устройство.

— Клариса?

— Да, капитан?

— Куда мы теперь должны лететь?

— Минутку.

Заправочные шланги медленно исчезали в чревах автоцистерн, словно некие монстры пожирали огромные спагетти. Из переговорного устройства снова послышался голос Кларисы.

— Капитан, он говорит, чтобы мы летели в направлении Майами *. Он требует держать минимальную скорость, не более двухсот миль в час, и лететь на высоте не более двух тысяч футов. И кроме того, чтобы задняя дверь была незаперта...

В разговор вмешался представитель службы безопасности:

— Капитан, разве из самолета можно выпрыгнуть?

— Из этого можно,— ответил капитан, отключив внутреннюю связь.— Очевидно, парень выбрал 727-й именно поэтому. Из 707-го или из 747-го не выпрыгнешь. Вероятно, он кое-что знает о «Боингах» или изучал специально.

— За четверть миллиона каждый согласится изучить такую проблему,— иронически заметил офицер безопасности.— Я себе представляю, что за эти деньги можно даже совершить первый в своей жизни прыжок с парашютом. Кстати, в ассоциации не оказалось сведений о парашютисте Чарльзе Вагнере.

— Если только это настоящее его имя,— заметил Литтлджон.

— Да, конечно,— согласился офицер.— А есть ли опасность разгерметизации самолета, когда откроется задняя дверь?

— Нет, на двух тысячах футов опасности нет. И потом, если мы даже запрем дверь, он может выпрыгнуть через любой аварийный люк.— Голос капитана подрагивал, выдавая волнение.— Итак, что мы будем делать?

Земля ответила незнакомым голосом:

— Капитан, с вами говорит майор Уиллоуби из воздушных сил. У вас есть предложения?

— Ну... я думаю...— неуверенно начал капитан,— что мы могли бы двигаться над океаном. Там он не выпрыгнет. Это даст вам время на подготовку. Он, конечно, не станет прыгать в воду и потребует вернуться на материк. А вы тем временем поднимете несколько самолетов, чтобы обнаружить его в момент прыжка.

Вмешался радист, участник войны во Вьетнаме:

— Если он применит затяжной прыжок хотя бы на пятьсот футов, вы не увидите его ночью.

— Но попробовать все же можно,— предложил Литтлджон.— За неимением лучшего.

— Принято,— согласился майор Уиллоуби.— Разрешаю вам следовать над водой столько времени, сколько сможете. Постарайтесь лететь над океаном хотя бы до Дейтона-Бич, тогда мы успеем поднять другие самолеты *. О'кей?

— О'кей,— ответил Литтлджон. В этот момент загорелся сигнал вызова по внутренней связи.

— Капитан,— раздался взволнованный голос Кларисы,— он нервничает.

— Скажи ему, что мы уже вылетаем,— ответил капитан и запустил двигатели. Огромный самолет вздрогнул, сдвинулся с места и, набирая скорость, покатился вдоль взлетной полосы. Потом оторвался от бетона и стал круто подниматься вверх. Огни города как бы покатились вбок, поворачиваясь вместе с разворотом самолета. Литтлджон повел корабль над водой в миле от берега. Уиллоуби следил за ним с помощью радара и продолжал поддерживать радиосвязь.

— Что делает ваш парень? — спросил майор.

— Бог его знает,— ответил Литтлджон. Он пожал плечами, и это можно было понять по интонации.— Не сомневаюсь, что скоро он выйдет из туалета и увидит, что мы летим над водой. Затем... ну, в общем, увидим. Не отключайтесь.

— Капитан? — послышался голос стюардессы.

— Да, Клариса?

— Он как будто хочет выйти.

Литтлджон заговорил торопливо, не дожидаясь развития событий:

— Клариса, шнур твоего телефона должен дотянуться до ближайшего кресла. Я хочу, чтобы ты и Милли, как только она выйдет, пристегнулись в креслах. Этот псих может выпрыгнуть или вылететь, как ему угодно, но я не желаю, чтобы вы рисковали возле раскрытой двери. Ты слышишь?

— Да, сэр, минутку.— Затем, после паузы, тембр ее голоса слегка изменился.— Вот, я пристегнулась, капитан. Они выходят.

— Как Милли?

— Бледна, как привидение.

— Неудивительно. Пусть Милли тоже сядет и пристегнется.

Мужчины в пилотской кабине напряженно вслушивались в звуки, доносившиеся из динамика внутренней связи.

— Капитан, он смотрит на воду. Говорит, если вы немедленно не отвернете к суше, он убьет нас обеих. Капитан, я боюсь!

— Поворачивайте! — скомандовал майор Уиллоуби.— Олл райт, теперь мы уже у вас на хвосте.

Литтлджон положил самолет в вираж. Под ними промелькнули огни Сент-Огастина **.

---

* Майами — крупнейший фешенебельный курорт на южном побережье Флориды.

* От Джексонвилля до Дейтона-Бич полтораста километров.

** Сент-Огастин — курортный город на восточном побережье Флориды, между Джексонвиллем и Дейтон-Бич.

— Капитан,— сообщила Клариса,— он говорит...

— Подожди,— перебил капитан.— Дай мне поговорить с ним.

— Минутку.— Наступила пауза. Потом снова послышался голос Кларисы.— Капитан, он не желает говорить в микрофон. И требует лететь к Окале, а затем повернуть на юг, на Нейплс, с той же скоростью и на той же высоте. Он говорит, что вы можете выйти из кабины, когда будете пролетать над Нейплсом; к этому времени его уже не будет в самолете.

— Делайте, как он говорит, капитан,— снова вмешался майор Уиллоуби.— Не рискуйте. Наши самолеты следуют за вами. И мы предупредили полицию всех населенных пунктов. Он не уйдет далеко.

— Не забывайте, что в Центральной Флориде много густых лесов,— напомнил Литтлджон.— Хотя я, конечно, подчиняюсь. Но в таком случае, почему бы нам не предоставить коридор от Нейплса до Майами? И может быть, вы зарезервируете нам места в каком-нибудь отеле на эту ночь?

— Будет сделано,— согласился майор.

— Капитан,— раздался нервозный голос Кларисы,— он требует, чтобы мы ушли, чтобы мы не видели, как он прыгнет...

Литтлджон вздохнул.

— Олл райт. Но держитесь крепче, я дам крен на другой борт, чтобы держать вас подальше от проклятой двери. Шагайте.

Мужчины застыли в напряженном ожидании. Наконец стюардессы проскользнули в пилотскую кабину и заперли за собой дверь. Милли была бледна, как полотно. Клариса поддерживала ее. Литтлджон вопросительно посмотрел на женщин.

— Она просто перепугалась,— успокоила его Клариса.— Сейчас пройдет.

Литтлджон стиснул зубы и посмотрел вниз.

— Приближается Нейплс,— сообщил второй через несколько минут.

— Не хочешь ли пройтись посмотреть?— обратился к нему капитан.— Только осторожно.

— Ладно.— Он протиснулся между стюардессами и вышел в пустой салон. Держась за кресла, прошел до конца самолета, подошел к болтающейся наружной двери, клацающей при каждом соприкосновении с бортом, закрыл ее и вернулся в кабину.

— Мы его так и не видели,— сообщил по радио Уиллоуби.

— Не беспокойтесь, его найдут,— отозвался голос офицера безопасности.— Мы подняли на ноги полицию всего штата.— Он помолчал, потом заговорил другим тоном.— О'кей, капитан. Для вас открыт путь в Майами. Доброй ночи.

— Благодарю,— сухо ответил Литтлджон и выключил микрофон.— Ладно, ребята,— обратился он к экипажу и положил руки на штурвал.— У нас сегодня был трудный день. Но еще немного, и мы сможем отдохнуть в отеле.— Повинуясь воле капитана, самолет стал резко набирать скорость.

Когда самолет набрал высоту и скорость, Литтлджон передал управление автопилоту. Кивнул радисту, и тот тщательно отключил всю радиосвязь. Затем капитан лично принес из салона небольшую дорожную сумку и стал доставать аккуратно перевязанные пачки пятидесятидолларовых банкнот.

— Пятьдесят тысяч долларов каждому,— удовлетворенно заметил он, разложив деньги на пять аккуратных пачек.— Не так уж мало за несколько неприятных часов. Особенно если учесть, что эти деньги не облагаются налогами,— ухмыльнулся он.

— Мне следовало бы выделить побольше,— угрюмо проворчала Милли.— Пять чертовски длинных часов просидеть взаперти в тесном туалете рядом с трупом...

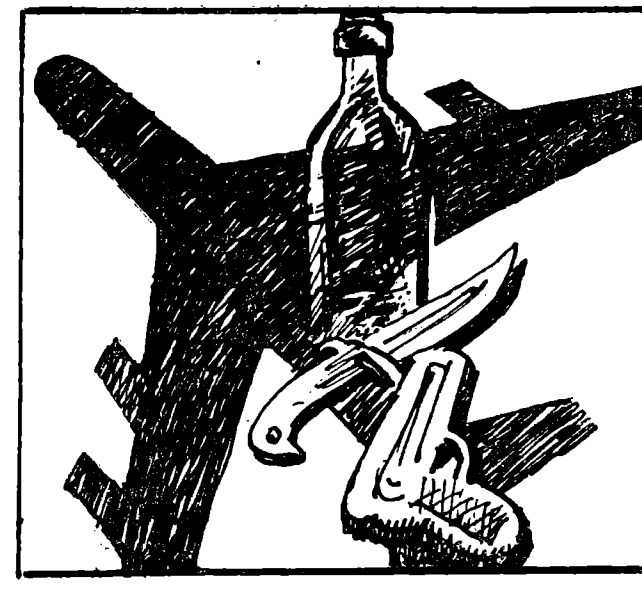
— Тебе — побольше? — удивилась Клариса.— А что тогда говорить мне, которой пришлось вытолкнуть его из этой проклятой двери? Даже будучи обвязанной веревкой, я до смерти боялась, что вылечу вместе с ним из самолета...

— А мне? Ведь именно мне пришлось убить беднягу,— отозвался радист, участник вьетнамской войны.

Второй пилот словно не слышал этих разговоров. Он спокойно укладывал деньги, пачку за пачкой, в свой атташе-кейс.

— Чарльз Вагнер из Хартфорда, Коннектикут,— проговорил он как бы про себя.— Угораздило же его полететь на нашем самолете в недобрый час! Интересно бы узнать: а чем он занимался при жизни?

Перевод А. Яковлева



ТРАГЕДИЯ В МАСДОН МЕЙНОР

Агата КРИСТИ

Рис. Николая Мооса

Я несколько дней был в отъезде. А когда вернулся, застал Пуаро за укладкой маленького чемоданчика.

— Добрый день, Гастингс! Я уже боялся, что уеду без вас.

— Значит, вас пригласили расследовать новое дело?

— Да, хотя мне кажется, оно вряд ли будет интересным. Страховое общество «Северный союз» попросило меня прояснить обстоятельства смерти мистера Мальтраверса. За несколько недель до этого он застраховал жизнь на пятьдесят тысяч фунтов.

— Вот как? — удивился я.

— Разумеется, договор содержит стандартную оговорку по поводу самоубийства. Вы же знаете, что в случае самоубийства страховка не выплачивается. Мистер Мальтраверс был обследован доверенным врачом страхового общества, и, хотя он был в годах, врач счел его полностью здоровым. Однако в среду — то есть позавчера — труп мистера Мальтраверса был найден в его имении Масдон Мейнор в Эссексе. Причиной смерти объявлено внутреннее кровотечение. В этом не было бы ничего необычного, если бы о финансовом положении мистера Мальтраверса не бродили темные слухи. «Северный союз» установил, что покойный был на грани разорения. Это меняет дело. У Мальтраверса красивая, молодая жена, и предполагают, что он собрал по крохам все наличные деньги, чтобы уплатить за страховку в ее пользу, а затем покончил жизнь самоубийством. Такое случается. Мой друг Альфред Вринт, один из директоров «Северного союза», попросил меня проверить обстоятельства смерти мистера Мальтраверса. Я его предупредил, что ничего не обещаю. Если бы в свидетельстве о смерти было написано «инфаркт», я был бы настроен более оптимистично. При инфаркте можно предположить, что врач ошибся. Но внутреннее кровотечение устанавливается однозначно. И все же нам стоит исследовать некоторые моменты. У вас есть пять минут на сборы, Гастингс.

Примерно через час мы вышли на небольшой станции Масдон Лей. На вокзале выяснилось, что до Масдон Мейнор около мили пути. Пуаро не захотел брать такси, и мы двинулись пешком.

— Каков план боевых действий? — спросил я.

— Вначале я хочу разыскать доктора. В Масдон Лей только один врач — Ральф Бернард. О, кажется, мы уже пришли.

Усадьба располагалась в глубине сада, несколько в стороне от улицы. Латунная табличка подтверждала, что мы у цели. Мы позвонили.

На наше счастье, хотя у доктора Бернарда как раз были часы приема, пациентов не оказалось. Сам врач, уже пожилой человек, выглядел несколько надменным, но вызывал симпатию. Пуаро представился и сообщил о цели визита: он объяснил, что страховое общество вынуждено проводить перепроверку таких случаев.

— Конечно, конечно! — сказал доктор Бернард.— Я полагаю, что Мальтраверс был состоятельным человеком и застрахован на большую сумму?

— Вы считаете, что он был очень богат?

Врач недоуменно посмотрел на нас:

— А разве нет? У него было две автомашины, да и Масдон Мейнор — большое имение, оно требовало немалых расходов.

— Я слышал, у него в последнее время были большие убытки,— сказал Пуаро и внимательно посмотрел на врача. Тот задумчиво покачал головой:

— Вот как? Тогда счастье для его жены, что есть эта страховка. Она очень красивая и обаятельная молодая женщина! Эта история на нее сильно подействовала. Она все еще сплошной комок нервов, бедняжка. Я попытался помочь ей, чем мог, но все же полностью снять шок не удалось.

— Вы лечили мистера Мальтраверса?

— Нет, он никогда не был моим пациентом.

— Что? Но труп-то осматривали вы?

— Да.

— И причина смерти не вызвала у вас сомнений?

— На его губах была кровь. Это, без сомнения, внутреннее кровотечение, вызванное язвой желудка.

— Вы осматривали мистера Мальтраверса там, где его нашли?

— Да, труп не трогали. Он лежал на опушке небольшой рощицы. Вероятно, мистер Мальтраверс захотел пострелять ворон — рядом с ним нашли мелкокалиберное ружье.

— А может, его застрелили?

— Да что вы, дорогой мистер Пуаро!

— Прошу прощения,— сказал Пуаро скромно.— Но недавно в одном деле об убийстве врач сначала назвал причиной смерти сердечный приступ, и лишь когда полицейский указал ему огнестрельную рану, он изменил заключение о смерти.

— Вы не найдете на теле мистера Мальтраверса никаких огнестрельных ран,— сказал доктор Бернард сухо.— Угодно вам что-нибудь еще, господа?

Мы поняли намек.

— Большое спасибо, доктор, что вы так любезно ответили на наши вопросы. Впрочем... вскрытие вы посчитали излишним?

— Совершенно излишним! — Врач оживился.— Причина смерти вполне ясна, а в моей профессии принято избегать всего, что может без нужды волновать родственников покойного.

В Масдон Мейнор нас встретила горничная средних лет. Пуаро дал ей свою визитную карточку и письмо от страхового общества для миссис Мальтраверс. Горничная провела нас в небольшую столовую и пошла известить хозяйку дома. Минут через десять в дверях появилась стройная женщина в траурном платье.

— Мистер Пуаро? — спросила она тихо.

— Мадам! — Пуаро галантно вскочил со стула и склонился в вежливом поклоне.— Я не могу выразить, насколько я сожалею, что вынужден досаждать вам. Но вы понимаете, что никак нельзя избежать некоторых формальностей.

Глаза миссис Мальтраверс сильно покраснели от слез, но это не могло скрыть ее необыкновенной красоты. Ей было примерно двадцать семь или двадцать восемь лет.

— Речь пойдет о старховке моего мужа, не так ли? Неужели мне прямо сейчас надо ею заниматься — всего лишь через два дня после его смерти?

— Надеюсь, вы простите нас, милостивая государыня! Дело в том, что ваш муж застраховал свою жизнь на довольно большую сумму, а в таких случаях страховое общество должно как можно скорей разобраться во всех деталях. Поверьте, я буду предельно деликатен и постараюсь выяснить только необходимые детали. Не могли бы вы мне вкратце рассказать о печальных событиях?

— Я переодевалась к чаю, когда ко мне поднялась служанка — один из садовников прибежал в дом... Он нашел его...

Ее голос становился все тише. Пуаро сочувственно пожал ее руку.

— Понимаю. Ну хорошо, вы видели своего мужа во второй половине дня?

— После ленча — не видела. Я ходила в деревню, чтобы купить почтовые марки, и думала, что он в саду.

— Он часто стрелял ворон?

— Да, он обычно брал с собой мелкокалиберное ружье. В тот раз я слышала издалека один или два выстрела.

— Где сейчас это ружье?

— В холле, наверное.

Она пошла с ним в холл, и Пуаро тщательно осмотрел оружие.

— Двух патронов в магазине нет,— заметил он, ставя ружье на место.— Сейчас, мадам, если можно, мне хотелось бы осмотреть...— он сделал тактичную паузу.

— Служанка отведет вас,— отвернувшись, пробормотала миссис Мальтраверс.

Вызванная горничная повела Пуаро по лестнице.

Оставшись наедине с такой прекрасной и такой несчастной женщиной, я мучился, решая, стоит ли заводить разговор или оставить ее в покое, и, наконец, произнес пару общих фраз, но миссис Мальтраверс ответила очень рассеянно. Несколько минут спустя к нам вернулся Пуаро.

— Благодарю вас, мадам, за уделенное нам внимание. Не думаю, что потребуется еще беспокоить вас. Впрочем, вы были в курсе финансового положения вашего покойного супруга?

Она покачала головой:

— Ни в малейшей степени. Я совсем не разбираюсь в финансовых делах.

— Понимаю. Значит, вы не можете нам сказать и о том, почему ваш супруг столь внезапно решил застраховать свою жизнь? Он ведь, насколько я знаю, раньше никогда об этом не думал.

— Нет, смогу. Мы, правда, были женаты чуть более года, но я знаю, почему он решил застраховаться. Муж был убежден, что не проживет долго. Он предчувствовал свою скорую смерть. Я узнала, что у него уже однажды было кровотечение, и он понимал, что рецидив очень опасен. Я как могла пыталась развеять его мрачные настроения и страхи, но — безуспешно. К несчастью, он оказался прав.— Со слезами на глазах она попрощалась с нами.

Когда мы спускались ко въезду, Пуаро сказал:

— Да, вот каковы дела! Назад, в Лондон, друг мой. Кажется, тут пустой номер. И все-таки...

— Что?

— Легкое противоречие — всего лишь! Вы заметили его? Нет? Да, жизнь полна противоречий, и человек, конечно же, не сам выбирает себе жизнь. Но нет такого яда, от которого рот бы наполнялся кровью. Нет, нет, я должен покориться судьбе и думать, что здесь все ясно и нет ни малейшего сомнения, но... Кто это?

Высокий молодой человек шагал нам навстречу. Он прошел мимо, не обратив на нас внимания. У него было

волевое, сильно загоревшее, обаятельное лицо — загар явно тропический. Садовник, который сгребал листья, проводил незнакомца взглядом. Пуаро быстро подошел к нему:

— Скажите, пожалуйста, кто этот господин? Вы его знаете?

— Не припомню его имени, сэр, хотя я его слышал. Он на этой неделе ночевал здесь. Во вторник.

— Быстрее, друг мой, за ним,— сказал Пуаро.

Мы вновь поспешили вверх по въезду, за удаляющейся фигурой. Силуэт дамы, одетой в черное, был хорошо виден на террасе дома, и незнакомец свернул с дорожки. Мы последовали за ним и стали свидетелями встречи.

Увидев молодого человека, миссис Мальтраверс еле удержалась на ногах, ее лицо сильно побледнело.

— Вы...— выдохнула она.— Я думала, что вы уже в море — по дороге в Восточную Африку?

— Я получил известие от моего поверенного, которое задержало меня,— объяснил молодой человек.— Мой дядя в Шотландии неожиданно умер и оставил мне кое-какие деньги. При таких обстоятельствах я счел за лучшее отложить свое путешествие. А потом прочитал печальную весть в газете и приехал, чтобы узнать, не смогу ли я чем-нибудь вам помочь. Ведь нужен кто-то, чтобы позаботиться о ваших делах.

В этот момент оба заметили наше присутствие. Пуаро, рассыпаясь в извинениях, объяснил, что он оставил в холле свою трость. С заметным недовольством миссис Мальтраверс представила нас:

— Мсье Пуаро, мистер Гастингс, капитан Блэйк.

Мы перекинулись несколькими фразами, и Пуаро выяснил, что капитан Блэйк живет в гостинице «У якоря». Так как забытая трость не нашлась (что, впрочем, было не удивительно), Пуаро принес еще тысячу извинений, прежде чем мы окончательно не удалились.

Вернувшись в деревню, Пуаро прямиком направился к гостинице «У якоря».

— Мы подождем здесь, пока не вернется наш друг капитан Блэйк,— заявил он.— Вы обратили внимание, я специально сказал, что все это — пустой номер и мы следующим поездом возвращаемся в Лондон? И, надеюсь, не подумали, что это я всерьез? Заметили выражение лица миссис Мальтраверс, когда она увидела юного Блэйка? Она была явно потрясена. Ночью во вторник — за день до смерти мистера Мальтраверса — он был тут. Мы должны выяснить, что капитан Блэйк делал здесь, Гастингс.

Примерно через полчаса из окна мы заметили Блэйка, который приближался к гостинице. Пуаро вышел навстречу, заговорил с Блэйком и провел его наверх, в комнату, снятую нами.

— Я объяснил капитану Блэйку, что нас привело сюда,— сказал он мне. Затем, обращаясь к молодому человеку, продолжил: — Вы поймете, мсье капитан, как для меня важно выяснить, в каком душевном состоянии мистер Мальтраверс находился непосредственно перед смертью. Я бы не хотел травмировать миссис Мальтраверс такими вопросами. Ну, а вы были здесь незадолго до этого печального события и, конечно, можете дать нам ценную информацию.

— Я к вашим услугам и готов сделать все, что в моих силах, но боюсь, что не сообщу вам ничего интересного. Видите ли, хотя Мальтраверс был старым другом нашей семьи, я не слишком хорошо знал его.

— Когда вы приехали сюда?

— Во вторник перед обедом. А рано утром в среду уехал в город, потому что мое судно должно было отправиться около двенадцати часов из Тильбери. Но известия, которые я получил, заставили меня изменить свои планы.

— Вы хотели вернуться в Восточную Африку, не так ли?

— Да. После войны я безвыездно жил там.

— Ну, а о чем вы говорили за обедом — во вторник вечером?

— О, я уже не припомню. Обычная болтовня. Мальтраверс расспрашивал меня о семье. Потом мы рассуждали о политике, а после этого миссис Мальтраверс пожелала узнать о жизни в Восточной Африке, и я рассказал ей пару историй — вот, кажется, и все.

— Благодарю вас,— Пуаро помолчал, а затем осторожно сказал: — С вашего разрешения, я проведу маленький эксперимент. Вы рассказали нам все, что смогли вспомнить — все, что, так сказать, находится в вашем сознании. А сейчас мне хотелось бы задать несколько вопросов вашему подсознанию.

— Что-то вроде сеанса психоанализа? — спросил Блэйк с некоторым беспокойством.

— О, нет! — поспешил успокоить его Пуаро.— Это очень простая вещь. Я буду говорить вам слово, а вы станете отвечать мне другим словом, и так далее. Вы будете называть первое слово, которое вам придет на ум. Начнем?

— Ну, ладно,— неохотно согласился Блэйк.

— Записывайте, пожалуйста, слова, Гастингс,— сказал Пуаро. Затем он достал из кармашка свои массивные часы в форме луковицы и положил рядом с собой на стол.

— Давайте начинать: день.

После секундной паузы Блэйк ответил.

— Ночь.

Затем его ответы на вопросы Пуаро стали быстрее.

— Имя,— сказал Пуаро.

— Фамилия.

— Бернард.

— Шоу.

— Вторник.

— Обед.

— Путешествие.

— Судно.

— Страна.

— Уганда.

— Рассказ.

— Львы.

— Мелкокалиберка.

— Ферма.

— Выстрел.

— Самоубийство.

— Слон.

— Бивни.

— Деньги.

— Адвокат.

— Благодарю вас, капитан Блэйк. Вы не откажете в просьбе еще раз помочь нам примерно через полчаса.

— Охотно.

Молодой офицер посмотрел на него с любопытством и, вставая, вытер пот со лба. Когда дверь за Блэйком закрылась, Пуаро, улыбаясь, сказал:

— Ну, а сейчас, Гастингс, вы все наверняка поняли сами. Не так ли?

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

— Разве вам ничего не сказал список слов?

Я в недоумении покачал головой.

— Я помогу вам. С самого начала Блэйк отвечал уверенно и без колебаний. Отсюда мы можем сделать вывод, что он не пытался скрыть свое чувство вины. «День» и «ночь», «имя» и «фамилия» — совершенно обычные ассоциации. Интересные начинаются со слова «Бернард». Оно должно было напомнить ему здешнего врача, если бы он знал его. Но он явно не знал. Дальше он сказал в ответ на мой «вторник» — «обед», но на слова «путешествие» и «страна» ответил «судном» и «Угандой», что ясно показывает, как важна для него поездка, от которой пришлось отказаться. «Рассказ» напомнил ему историю про львов, которую он рассказывал за столом. Я продолжил «мелкокалиберка», а он совершенно неожиданно ответил «фермой». Когда я сказал «выстрел», он ответил — «самоубийство». Ассоциации, кажется, ясны. Какой-то человек покончил с собой на ферме при помощи мелкокалиберки. Он явно все еще вспоминает истории, которые рассказывал за столом. Теперь я снова приглашу капитана Блэйка и попрошу рассказать нам историю про самоубийство, которую он преподнес во вторник во время застолья. Мне кажется, что моя гипотеза недалека от истины.

Блэйк был совершенно откровенен:

— Да, я за обедом рассказал такую историю, сейчас припоминаю. Один мужчина застрелился на ферме. Он выстрелил из мелкокалиберки в рот, пуля вошла в мозг и осталась там. Врачи были в полной растерянности — снаружи не было никаких признаков, только немного крови во рту. Но в чем, собственно...

— В чем тут связь с делом мистера Мальтраверса? Разве вы не знаете, что рядом с ним нашли мелкокалиберку?

— Вы думаете, что моя история навела его на эту мысль? Это ужасно!

— Не мучьте себя — это бы все равно произошло, так или иначе. Извините, мне надо срочно позвонить в Лондон.

Пуаро долго говорил по телефону и вернулся с отрешенным видом. После полудня он ушел куда-то. Лишь около семи вечера он пришел в гостиницу и объявил, что более не вправе откладывать момента, когда он сообщит молодой вдове новости. Миссис Мальтраверс между тем успела снискать мою неразделенную симпатию. Она не просто лишилась денег, но и всю жизнь будет мучиться, сознавая, что ее муж самоубийца. Это невыносимо для всякой женщины. Я надеялся, что юный Блэйк окажется в состоянии утешить ее, когда минует первый приступ горя. Было очевидно, что он боготворит ее.

Наша беседа была очень неприятна для молодой женщины. Она наотрез отказалась поверить в факты, которые ей сообщил Пуаро, а когда ей пришлось убедиться в его правоте, разразилась рыданиями. После обследования трупа наше подозрение подтвердилось. Пуаро нанес бедной женщине сильный удар, но он, в конце концов, работал по поручению страхового общества — что же ему оставалось делать? Прощаясь с миссис Мальтраверс, он сказал ей:

— Мадам, вы должны лучше чем кто-либо знать, что мертвые не успокаиваются навеки!

— Что вы хотите этим сказать? Что вы имеете в виду? — пролепетала она. Глаза ее округлились.

— Я повидал в жизни кое-какие странные вещи. Вы же знаете, в деревне ходят слухи, что в этом доме появляются привидения?

Она кивнула. В этот момент служанка сообщила, что стол накрыт.

— Вы не останетесь с нами, чтобы перекусить?

Мы с благодарностью приняли приглашение. Я надеялся, что наше присутствие немного отвлечет миссис Мальтраверс от печальных дум.

Мы ели суп, когда раздался вопль и звон разбитого стекла. Мы вскочили. Вошла служанка, держась рукой за сердце.

— Там человек — он стоит в коридоре.

Она перешла совсем на шепот.

— Я подумала... Мне показалось, что это был хозяин...

Какая-то паника охватила нас. Служанка была явно в ужасе, а когда трапеза завершилась, миссис Мальтраверс попросила Пуаро не уходить.

Мы сидели в маленькой столовой. Поднявшийся ветер завывал вокруг дома. Два раза медленно-медленно — сама собой — открывалась дверь, и каждый раз молодая женщина со стоном ужаса судорожно хватала мою руку.

— Ох, эта дверь, она как заколдованная! — сердито воскликнул Пуаро. Он встал и закрыл ее, повернул ключ в замке.— Все, я ее закрыл.

— Не надо было этого делать,— прошептала миссис Мальтраверс.— Если дверь опять откроется...

Она еще не закончила говорить, как произошло невозможное. Закрытая на замок дверь медленно, очень медленно отворилась. Я со своего места не мог видеть коридор, но она и Пуаро видели. Женщина взвизгнула:

— Вы видели его — там, в коридоре?!

Пуаро посмотрел на нее недоумевающим взором и покачал головой.

Вдруг, как по команде, светильники мигнули и погасли. Из темноты раздались три громких удара. Я услышал стон миссис Мальтраверс.

А потом — я увидел!

Мужчина, труп которого я еще недавно разглядывал, стоял перед нами. От него исходило слабое свечение. На губах была кровь, и он протягивал правую руку, указывая на нас пальцем. Свет, который он излучал, резко усилился, и появился луч, который скользнул по Пуаро, по мне — и остановился на миссис Мальтраверс. Я увидел белое, как снег, объятое ужасом лицо и еще кое-что.

— Господи, Пуаро! — воскликнул я.— Посмотрите на ее правую руку. Она вся красная!

Ее взгляд тоже упал на руку, она почти без сознания опустилась на пол.

— Кровь! — закричала она.— Да, это кровь! Я его убила, я! Он показывал мне, как это можно сделать, а я положила палец на курок и нажала. Спасите меня от него... спасите! Он вернулся!

Она забилась в истерике.

— Свет! — сказал Пуаро сухо.

Светильники, как по мановению волшебной палочки, зажглись снова.

— Ну как, вы все хорошо слышали, Гастингс? А вы, мистер Эверетт? Да, кстати, это — мистер Эверетт, актер столичного театра. Я вызвал его сегодня после полудня. Его маска неплоха, не правда ли? Вылитый мистер Мальтраверс! А фонарик и флюоресцентные краски дают безупречный эффект. На вашем месте я бы не задевал правой руки дамы, Гастингс, красная краска плохо отстирывается. Когда погасли лампы, я взял ее за руку. Впрочем, мы должны успеть на поезд. Инспектор Джепп — там, на улице, за окном. Ужасная погода — но он, надо думать, немного развлекся, когда стучал в окна.

— Видите ли,— продолжал Пуаро, когда мы пробирались по грязи на станцию.— Тут было несколько противоречий. Почему к доктору мистер Мальтраверс не обращался, а его жена утверждает, что мужа все время мучило предчувствие смерти? Почему ее так потрясло возвращение юного Блэйка? И, наконец,— я знаю, конечно, что женщина, муж которой умер, должна носить траур, но должна ли она подкрашивать себе веки румянами? Вы этого не заметили, Гастингс? Нет? Я всегда говорил, что вы ничего не видите!

Существовало две возможности. Либо рассказ Блэйка навел мистера Мальтраверса на мысль покончить с собой, либо жена его, тоже слышавшая рассказ, задумала совершить утонченное убийство. Я склонился ко второй версии. Если бы мистер Мальтраверс захотел застрелиться таким образом, ему пришлось бы спускать курок большим пальцем ноги. Но тогда его ботинок был бы снят с ноги, и об этом бы непременно сказали свидетели — такое бросается в глаза.

Итак, повторю, меня больше привлекла гипотеза, что это было убийство, а не самоубийство. Но в то же время я сознавал, что у меня нет ни малейшего доказательства. И потому я устроил небольшое представление, на котором вы присутствовали сегодня.

— Даже сейчас не могу представить себе всех деталей преступления,— сказал я.

— Мой друг, начнем с самого начала. Живет на свете неглупая, даже хитрая женщина, которая выходит замуж ради денег, выбрав мужа гораздо старше себя. Она узнает о предстоящем финансовом крахе и наводит его на мысль заключить договор страхования жизни на очень большую сумму. Затем начинает искать путь, как избавиться от мужа. И находит — услышав историю, рассказанную молодым офицером. В среду, когда она полагает, что капитан уже бороздит просторы океана, она отправляется с мужем на прогулку. «Что за странную историю рассказал вчера юный Блэйк? Все это выдумки. По-моему, человек так застрелиться не может. Покажи мне, как он это сделал?» И бедный глупый муж показывает ей. Он вставляет ствол себе в рот. Она наклоняется и кладет палец на курок. Она улыбается ему: «А что, милый мой, если я вдруг сейчас случайно нажму на курок?»

И затем — затем, Гастингс, она нажимает на него!

Перевод Д. Миронова, А. Перцева

„СМЕРТЬ И К°"

Дешиэлл ХЕММЕТ

Рис. Николая Мооса

Советская литературная энциклопедия называет Дешиэлла Хеммета в числе наиболее крупных представителей детективной литературы США.

Хеммет родился в 1894 году в округе Сент-Мери на востоке США. Уже в 14-летнем возрасте вынужден был оставить школу. Был продавцом газет, упаковщиком, служил на железной дороге, в рекламном агентстве и наконец — детективом в частном сыскном агентстве Пинкертона в Балтиморе.

Начиная с 1923 года все чаще публиковались его рассказы, которые, как считают английские литературоведы, оказались «первым и наиболее реалистичным описанием американского преступного мира». Затем выходят один за другим несколько остросюжетных романов, в числе которых «Кровавая жатва», «Мальтийский сокол», «Стеклянный ключ» и другие.

В наши дни романы и рассказы Хеммета издаются в переводах на французский, немецкий, итальянский и другие языки. Несколько книг Хеммета вышло за последние годы в ГДР, а в журнале «Дас магацин» опубликован ряд его детективных рассказов.

В эпоху Маккарти Хеммет подвергался преследованиям как коммунист и даже оказался в тюрьме.

Умер в Нью-Йорке 10 января 1961 года.

Старик пригласил меня в свою контору, представил человеку по имени Чеппл и предложил сесть. Я сел.

Чепплу было лет сорок пять, он был темнокож и плотно сложен. Выглядел несчастным, словно чем-то обеспокоен или обуян страхом. Веки покраснели, под глазами набухли мешки, уголки рта отвисли. Рукопожатие было вялым и безвольным.

Старик взял со стола листок бумаги и подал мне. Это было письмо, написанное корявыми печатными буквами.

«Мартин Чеппл!

Если вы хотите увидеть свою жену в живых, то выполните то, что здесь сказано. Ровно в полночь подойдите к углу Турк-стрит и Ларкин-стрит и положите 500 долларов стодолларовыми купюрами под кучу кирпичей у входа на стройку. Если вы этого не сделаете или если обратитесь в полицию, или попытаетесь пометить купюры, то завтра утром получите письмо с сообщением, где найти труп вашей жены.

Это не пустая угроза.

Смерть и К°».

Я положил письмо обратно на стол.

— Миссис Чеппл отправилась вчера в театр и не вернулась,— сказал старик.— Это письмо поступило к мистеру Чепплу с утренней почтой.

— Скажите, она отправилась в театр одна? — обратился я к Чепплу.

— Не знаю,— усталым голосом ответил он.— Когда я собирался после обеда в свою контору, она сказала, что пойдет в театр. Но не сказала, с кем и на какой спектакль.

— А с кем она обычно ходила?

Он недоуменно пожал плечами.

— Я мог бы назвать вам ее ближайших подруг, хотя это вряд ли поможет. Когда она не вернулась, я обзвонил всех, но безуспешно.

— Есть у вас какие-нибудь предположения?

Он опять недоуменно пожал плечами.

— Есть у вас враги? Может быть, вы или она кого-то обидели? Припомните хорошенько, даже если это было давно или вы считаете обиду пустяковой. Это обычно служит причиной похищения.

— Нет, насколько мне известно,— устало ответил он.— Я уже думал об этом.

— В какой области вы работаете? Чем занимаетесь?

Он был ошеломлен этим вопросом. Но все же ответил:

— У меня рекламное бюро.

— Как насчет людей, которых вы уволили?

— Единственный, кого я уволил, это Джон Хеккер, но он нашел куда лучшее место у моего конкурента. И мы всегда ладили с ним.

Я бросил взгляд на старика. Он внимательно следил за нашей беседой, хотя и делал вид, что его, руководителя конторы, все это не касается. Я откашлялся и снова обратился к Чепплу:

— Прошу прощения, мне придется задать вам несколько... ну, скажем, нескромных вопросов. Вы позволите?

Он вздрогнул, понимая, о чем пойдет речь, затем кивнул.

— Олл райт.

— Скажите, бывало ли, что ваша жена проводила ночь вне дома?

— Нет. Во всяком случае, я всегда знал, где она была.— Он беззвучно пошевелил губами.— Я догадываюсь, о чем вы хотите спросить. Лучше не задавайте вопросов, я постараюсь рассказать сам.

— Да, так будет лучше,— подтвердил я.— Вы, конечно, понимаете, что эти вопросы не доставили бы мне удовольствия.

— Да, понимаю,— согласился Чеппл. Он глубоко вздохнул и заговорил быстрее.— Я никогда не имел повода думать, что она ходит куда-либо тайком от меня. Или что у нее есть поклонники, о которых мне не известно. Именно это вы хотели бы знать, не так ли? — спросил он жалобным тоном.

— Да, благодарю вас.— Затем я обернулся к старику, который, очевидно, предпочитал молчать, если ему не задавали вопросов.— А что вы думаете обо всем этом?

Мой шеф вежливо улыбнулся, словно бы все это его не касалось, и проговорил:

— Вы сами знаете теперь все обстоятельства этой истории. Что вы посоветовали бы мистеру Чепплу?

— Разумеется, он должен прежде всего уплатить выкуп,— ответил я.— Это неприятно, но таков единственно возможный способ обращения с похитителями, если хотят спасти жертву. Господа из фирмы «Смерть и К°» не слишком разумно выбрали пустующий участок. Их можно запросто схватить там.— Затем я изменил тон и обратился к Чепплу: — Вы сможете достать деньги?

— Да.

— А как насчет полиции? — спросил я шефа.

— Нет-нет, никакой полиции,— вмешался Чеппл.— Не хотите же вы смерти моей жены...

Я перебил его:

— Мы обязаны поставить полицию в известность, чтобы она могла вмешаться, как только ваша жена вернется. В лучшем случае, мы можем просить полицию подождать до поры до времени. Вы не согласны? — снова обратился я к старику.

Он кивнул и потянулся к телефону.

— Это возможно. Сейчас я приглашу сюда инспектора уголовной полиции Филдинга и кого-нибудь из прокуратуры.

Вскоре появились Филдинг и сотрудник прокуратуры Мак Фи. Вначале они хотели было

сосредоточить к полуночи половину полицейских Сан-Франциско вокруг кучи кирпичей на углу Турк-стрит и Ларкин-стрит. Но постепенно нам удалось образумить чиновников: мы доказали с помощью статистики похищений, что если уплатить выкуп, а затем попытаться схватить преступников, то оказывается куда больше шансов спасти жертву.

...В половине двенадцатого Чеппл вышел из своего дома с пятью тысячами долларов, обернутыми в серую бумагу. В двадцать минут первого он вернулся. Его тело била дрожь, рубашка насквозь пропотела, в лице не было ни кровинки.

— Деньги положил,— сообщил он.— Но никого не видел.

Я налил ему бокал виски из его собственных запасов.

Почти всю ночь он ходил из угла в угол. Я прикорнул на диване и раз десять слышал сквозь дрему, как он подходил к входной двери, открывал ее и выглядывал на улицу. Сотрудники уголовной полиции Мур и Каллаген улеглись тут же спать. Все мы расположились на ночь в доме Чеппла, чтобы как можно быстрее получить от миссис Чеппл сведения о ее похитителях.

Однако она так и не появилась.

В девять утра заверещал телефон. Звонили Каллагену. Он выслушал, положил трубку и состроил кислую мину:

— За деньгами до сих пор не приходили.

Чеппл вытаращил глаза.

— Значит, за этим местом следили?

— Разумеется,— ответил Каллаген,— но очень осторожно. Мы поставили наблюдателей с полевыми биноклями в зданиях по соседству. Их невозможно обнаружить.

Чеппл обернулся ко мне. Его лицо было охвачено ужасом. В этот момент позвонили в дверь. Чеппл бросился в прихожую и тотчас вернулся, разрывая нетерпеливыми руками конверт срочного письма. Нашим взорам предстал еще один листок, испещренный корявыми печатными буквами:

«Мартин Чеппл!

Мы получили деньги, но нынче в ночь должны получить от вас еще столько же, в то же время и там же, где вчера. На этот раз мы твердо обещаем отпустить вашу жену живой. Если вы сообщите хоть одно слово полиции, то знаете, чем это грозит.

Смерть и К°».

— Черт подери! — прорычал Каллаген.

— Эти наблюдатели совсем ослепли! — заметил Мур.

Я взглянул на почтовый штемпель. Письмо было отправлено рано утром.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я Чеппла.

— Я готов отдать все до последнего цента, лишь бы жена вернулась целой и невредимой.

...За полчаса до полуночи Чеппл опять понес пять тысяч. Вернувшись, он сообщил:

— Вчерашние деньги исчезли.

Эта ночь прошла так же, как предыдущая. С единственной разницей: надежда Чеппла на возвращение жены стала куда слабее. А хотя никто не говорил об этом, все были уверены, что наутро придет письмо с требованием очередных пяти тысяч.

И письмо действительно пришло:

«Мартин Чеппл!

Мы предупреждали: полицию не впутывать. Вы не послушались. Теперь направьте полицию в 303-й номер отеля на Пост-стрит, 895. Там вы найдете обещанный нами труп.

Смерть и К°».

Каллаген бросился к телефону. Я положил руку на плечо Чеппла, ибо он шатался и, казалось, вот-вот упадет. Однако он взял себя в руки и со злостью повернулся ко мне:

— Вы убили ее!

— Заткнитесь! — оборвал его Мур.— Нужно идти.

Мур, Чеппл и я сели в машину Чеппла, которая обе эти ночи стояла возле дома. В последний момент к нам присоединился и Каллаген.

Путь до Пост-стрит занял не более десяти минут. Еще две минуты ушли на поиски хозяйки и получение ключей. Затем мы поднялись в 303-й номер.

На полу в гостиной лежала на спине стройная женщина с рыжими кудрями. Она была мертва уже давно, это было видно даже по цвету лица. Коричневый купальный халат явно мужского типа был задран, из-под него виднелось розовое белье.

Вскоре появились чины уголовной полиции и полицейские в форме. Мы приступили к обычному расследованию.

Хозяйка показала, что этот номер снимал мужчина по имени Гаррисон М. Рокфилд. Она описала его: лет тридцати пяти, ростом метр восемьдесят, худощав, по виду килограммов на семьдесят, блондин с голубыми, не то серыми глазами. Весьма любезен, хорошо одевался. Месяца три жил здесь в одиночестве. Утверждала, что не знала его друзей; ни разу не видела и миссис Чеппл. Последние три дня не встречала также мистера Рокфилда, но в этом не было ничего необычного: порой она не видела некоторых своих постояльцев неделями.

В комнатах мы обнаружили много одежды, и хозяйка заверила нас, что вся она принадлежала Рокфилду. Эксперты обнаружили немало отпечатков пальцев; мы надеялись, что их оставил Рокфилд.

В соседних номерах не нашлось никого, кто слышал что-либо. В конце концов мы пришли к убеждению, что миссис Чеппл убита в ту же ночь, когда впервые не вернулась домой.

— Но почему же? — спрашивал Чеппл, совершенно подавленный всем происшедшим.

— Из соображений безопасности,— отвечали криминалисты.— Чтобы ее не обнаружили, пока не оберут вас до нитки. Она ведь не слабая и не хрупкая женщина; было бы затруднительно насильно удерживать ее в этом номере взаперти.

Один из детективов обнаружил пачку стодолларовых купюр, которые Чеппл минувшей ночью запрятал между кирпичами. Затем я направился вместе с Каллагеном в полицейское управление, чтобы порасспросить людей, наблюдавших той ночью в бинокли. Они клялись и божились, что там никто не появлялся, кого бы они не заметили, что ни одна собака даже не подходила близко.

— Вы уверены в этом? — подозрительно переспросил Каллаген.— Но тем не менее кто-то там побывал. Унес же кто-то деньги!

Меня позвали к телефону. Это был Чеппл.

— Они звонили,— прохрипел он в трубку.— Когда я входил в дом, телефон уже надрывался.

— Кто «они»?

— «Смерть и компания»,— ответил он.— И они сказали, что теперь доберутся до меня. Они сказали: «Это говорит «Смерть и компания». Теперь твоя очередь».

— Сейчас приду,— ответил я.— Сидите и ждите меня.

Я передал содержание разговора Каллагену. Тот поморщился:

— Мы опять имеем дело с одним из проклятых сумасшедших убийц,— проворчал он.

Когда я пришел, Чеппл был в жалком состоянии. Он дрожал, словно бы замерзая. От страха у него перехватило дыхание.

— Дело в том... дело не в том, что я боюсь,— пытался он объяснить.— Дело в том... Я не такой уж трус, но... Но это, с Луизой... И еще шок... и я...

— Понимаю,— успокоил я его.— И вы, конечно, не могли уснуть в последние дни. Кто ваш врач? Я позвоню ему.

Он нехотя возражал, но все же назвал своего врача. Когда я направился к телефону, раздался звонок. Это был Каллаген.

— Мы установили отпечатки пальцев,— торжественно объявил он.— Они принадлежат Дику Молли. Знаете такого?

— Еще бы! — ответил я.— Не хуже вас.

Молли был игроком, отъявленным бузотером и был замешан в разных скандальных историях. К закону он относился с презрением. Но улик против него обычно не было.

— Итак, если мы его возьмем, предстоит борьба,— продолжал по телефону Каллаген.— Вы ведь знаете, какой это крепкий орешек. А если опять выйдет сухим, то еще посмеется над нами.

— Это мне понятно,— согласился я. И пересказал наш разговор Чепплу. Его лицо потемнело от ярости, голос задрожал, словно он услышал имя человека, совершившего убийство его жены.

— Вы когда-нибудь слышали о Молли?

Он отрицательно покачал головой и продолжал глухим хриплым голосом изрыгать проклятия.

— Хватит! — прикрикнул я.— Ругань не поможет. Я знаю, где можно найти Молли.

Он вытаращил глаза:

— Где?

— Хотите пойти со мной?

— Еще бы не хотеть! — заорал он. Вялости и слабости как не бывало.

— Возьмите шляпу,— посоветовал я.— Пойдемте.

Он помчался наверх за шляпой. Потом, по пути к машине, задавал множество вопросов, на которые я отвечал одно и то же: «Потерпите». Однако едва мы оказались в машине, он поник.

— Что случилось? — спросил я.

— Не могу,— прошептал он.— Помогите мне вернуться домой... Врача...

— Олл райт.— Мне пришлось почти втащить его в дом. Я уложил его на диван и попросил служанку принести воды. Затем позвонил врачу, но того не оказалось на месте. Спросил Чеппла, не вызвать ли другого врача. Он возразил слабым голосом:

— Не нужно. Обойдется... Поторопитесь... Этот дьявол...

Я вышел на улицу, взял такси и поехал. Завернул за ближайший угол и остановился.

...Двадцать минут спустя некто в сером поднялся по лестнице дома Чеппла и позвонил. Это был Дик Молли — он же Гаррисон М. Рокфилд, который нагрянул совершенно неожиданно. Я предполагал увидеть, как Чеппл куда-то отправится, но не думал, что придут к нему домой. Прежде чем я успел подняться, Молли захлопнул за собой дверь. Я стал трезвонить, как сумасшедший.

В ответ за дверью прогремел выстрел, потом еще один. Я разбил рукояткой пистолета дверное стекло, протянул левую руку и стал нащупывать замок.

Раздался еще один выстрел, пуля ударилась в остатки дверного стекла, и осколки полетели в разные стороны. Но замок я уже открыл. Затем толкнул дверь и сделал несколько выстрелов наудачу. В темноте произошло какое-то движение. Что-то грузно упало. Я снова выстрелил, ориентируясь по звуку.

— Довольно! — раздался голос из глубины дома.— Перестаньте стрелять! Я потерял свой пистолет.

Я удивился: этот голос не принадлежал Чепплу.

Под лестницей я нашел выключатель. Загорелся свет. Дик Молли сидел в конце зала на полу и зажимал рукой рану на ноге.

— Паршивая служанка испугалась и заперла дверь,— проворчал он, как бы оправдываясь.— Не то я удрал бы через черный ход.

Я подошел к нему, держа пистолет наготове.

— Я ранил вас в ногу или еще куда-нибудь?

— Больше никуда,— ответил он.— Но я бы все же справился с вами, если бы не потерял в темноте пистолет.

— Если бы да кабы,— съязвил я.— Ну ладно. Рана на ноге — это пустяк. Об остальном можете не беспокоиться, если, конечно, вы не убили Чеппла.

Он засмеялся:

— Боюсь, что убил. Вряд ли он остался жив с двумя пулями сорок пятого калибра в голове.

— Довольно глупая выходка с вашей стороны,— заметил я.

— Это лучшая работа, которую я когда-либо выполнил,— похвалился он.

— Вы так думаете? — возразил я.— А если я расскажу, что только и ждал очередного хода Чеппла, чтобы арестовать его за убийство собственной жены?

Он вытаращил глаза.

— ...И вы своим появлением здесь все испортили,— продолжал я.— Надеюсь, вас за это вздернут.— Я наклонился над ним и перочинным ножом разрезал штанину.— Что вы, собственно, сделали? Вы смылись, когда обнаружили в своем номере труп Луизы Чеппл, ибо думали, что с вашим прошлым не вывернуться из этой истории. А когда услышали по радио, в чем вас обвиняют, то совсем потеряли рассудок и наломали дров.

— Пожалуй,— согласился он. Потом продолжал: — Но я все же не уверен, что чересчур ошибся. У меня такое чувство, как если бы я... воздал ему по заслугам.

— Вы — и ваши чувства! — сыронизировал я.— Он так и так был бы арестован. Он поступил бессмысленно, если не сказать неразумно. В первую ночь никто не забрал денег, но к следующей они все же исчезли. Так, по крайней мере, он утверждал. У нас ведь было только его утверждение, что он положил деньги и не обнаружил их в следующую ночь. Когда же он узнал, что за участком велось наблюдение, то на вторую ночь положил деньги и написал письмо, согласно которому «Смерть и компания» узнала, что он обращался в полицию. А ведь мы и это

хранили в тайне. А потом — способ, которым он попытался свалить вину на вас, когда запахло жареным. Нет, вы поступили глупо, Молли. Мы ведь тоже не столь наивны; оставь вы его в покое, он был бы арестован. Мы передали в газеты и на радио сообщение, а потом ждали, что вы объявитесь и дадите показания, освобождающие вас от каких бы то ни было подозрений. Кроме, конечно, соблазнения его жены — но ведь за это не наказывают. А его мы бы повесили.— Я наложил на его рану повязку из моего кашне.— Но вы просто не смогли оказаться столь разумным.

Появились полицейские, вызванные перепуганной служанкой.

— Вы полагаете, он с самого начала действовал по этому плану? — спросил Молли.

— Вряд ли. Я думаю, что он убил жену в порыве ревности, а уж потом придумал всю эту историю со «Смертью и К°».

УДАЧНЫЙ

Вор-домушник, высокий стройный мужчина лет тридцати, стал рыться в ящиках письменного стола, когда Арчер Требсон вошел в комнату, вошел неслышно, как кошка, словно он-то и был взломщиком. Вор настолько был поглощен изучением содержимого ящиков, что не услышал, как появился хозяин; лишь через несколько минут он каким-то шестым чувством ощутил присутствие постороннего; как хищный зверь ощущает присутствие другого зверя у него за спиной.

Сердцебиение взломщика участилось; в следующий момент оно участилось еще более: блестящий револьвер в руке вошедшего был направлен ему в грудь.

— Черт побери,— проворчал взломщик,— а ведь я был уверен, что дом пуст. Сначала я звонил по телефону, потом трезвонил в дверь...

— Я только что вернулся,— заметил хозяин, не опуская револьвера.

— Вот оно, мое счастье! И так всю неделю. Во вторник я разбил бампер на моей машине; позавчера налетел дома на аквариум и разбил его; все содержимое вылилось на ковер, и при этом погибла парочка африканских рыбок, таких редких, что у них до сих пор нет английского названия... Я уж не буду рассказывать вам, во сколько мне это обошлось...

— Не повезло,— согласился Требсон.

— А вчера, разжевывая пищу, я прокусил себе губу,— продолжал взломщик.— С вами такого не случалось? Ужасно, как мне не везет. А теперь еще эта история с вами, этот неудачный вечер...

— Этот вечер может для вас кончиться куда хуже, чем история с рыбками или бампером,— заметил Требсон.

— Если бы я знал! Как вы думаете, что мне оставалось делать? Не валяться же всю неделю в постели! Я знаю одного медвежатника, специалиста по взламыванию сейфов, так он перед каждым взломом консультировался у астролога. Если Юпитер виден правее Луны, или Марс противостоит Сатурну, или что-нибудь в этом роде — он просто отказывался от взлома. Звучит дико. Но вот уже восемь лет, как он ни разу не попался. Может, вы знаете еще кого-нибудь, кого за восемь лет ни разу не сажали?

— Меня вообще никогда не сажали в тюрьму.

— Ну конечно, ведь вы же не из блатных.

— Я коммерсант, бизнесмен.

У взломщика вдруг мелькнула идея:

— Я разыщу этого астролога. И буду с ним консультироваться. Если, конечно, выберусь отсюда.

— Если выберетесь живым,— уточнил хозяин.

Подбородок взломщика задрожал. Черная дыра в стволе револьвера, все еще направленного в его грудь, словно бы стала шире.

— Нельзя ли попросить вас направить эту штуку

---

* «Советская Россия», 1986.

ВЕЧЕР БИЗНЕСМЕНА

куда-нибудь в другое место? — проговорил взломщик, все более нервничая.

— Другого места, куда бы я мог стрелять, пока не видно,— возразил хозяин.

— Не собираетесь же вы застрелить меня?

— Что?

— Не собираетесь же вы поднимать шум,— продолжал взломщик, постепенно успокаиваясь.— Да в этом и нет необходимости. Я полагаю, что мы, как два цивилизованных человека, уладим это дело полюбовно. У меня есть при себе немного денег, и я с удовольствием сделаю через вас небольшой вклад на благотворительные цели, которым вы потом распорядитесь, как сочтете нужным. Я надеюсь, нам не понадобится полиция, которая любит совать свой нос в личные дела джентльменов...

Взломщик внимательно следил за выражением лица хозяина. Такое предложение неоднократно приносило успех — особенно у людей с положением, не желающих привлекать к себе излишнего внимания. Но в данном случае он почему-то не был уверен, что хозяин согласится с этим предложением.

— Во всяком случае я надеюсь, что вы не захотите меня застрелить? — полувопросительно добавил он.

— Почему же не захочу?

— Фи, кровь на ковре, такая неопрятность в хорошем доме... Ваша жена придет в ярость... Попробуйте спросить ее, и я уверен, идею застрелить меня она сочтет диким бредом...

— К сожалению, я не могу спросить жену: ее нет дома. Полагаю, что ее не будет еще около часа.

— И все же вы могли бы учесть ее мнение. И потом, стрелять в меня — это противопоказано: ведь я же не угрожаю вам. Не говоря уже о том, что убийство ближнего — аморально.

— Ну, положим, все было бы законно.

— Почему это?

— Ведь вы — взломщик,— напомнил хозяин.— И совершили незаконное вторжение в мое владение. Вы вломились, воспользовавшись отмычкой. Вы вторглись в святая святых — в мой дом. Я могу застрелить вас на месте и не понесу никакого наказания. Даже не придется платить штраф, как, например, за парковку автомобиля в неуказанном месте.

— Конечно, вы могли бы застрелить меня при необходимой обороне...

— Ладно, оставим этот разговор. Что это у вас торчит в заднем кармане?

— Небольшой ломик. Фомка.

— Дайте-ка сюда...— Ломик оказался сделанным из массивной стали, весил больше двух килограммов и имел удобную рукоятку.— Да, довольно опасное оружие,— констатировал хозяин.— Я могу заявить, что вы грозили мне фомкой, и я стрелял в порядке обороны. Конечно, мои показания будут противоречить вашим. Впрочем, ваших показаний вообще не будет, ибо мертвые молчат. Как вы думаете, полиция мне поверит?

Взломщик не ответил. Требсон улыбнулся и с довольным видом сунул ломик себе в карман.

— Зачем же вам нужно... Вы хотите... Застрелить меня?

— Может, я еще никогда никого не убивал... Может, я хочу испытать удовольствие или удовлетворить любопытство... Или, может, я охотно убивал врагов на войне, а теперь ищу подходящую возможность убить кого-нибудь... Да мало ли может быть причин...

— Но...

— Вообще-то вы могли бы быть мне полезным,— перебил его Требсон.— Но в таком виде я не вижу от вас никакой пользы. И не соблазняйте меня благотворительным взносом — это наивно. Мне не нужны ваши деньги. Осмотритесь; вы увидите, что мой дом — полная чаша; денег у меня вполне достаточно. Если бы я был беден, вы не вломились бы ко мне. Да и какие деньги вы имеете в виду? Пару сотен долларов?

— Скажем, пять сотен.

— Мизер!

— Я тоже так думаю. Впрочем, дома у меня есть еще, но боюсь, что и это вы сочтете мизерной суммой.

— Конечно.— Требсон переложил револьвер в другую руку.— Вам сказано, что я — бизнесмен. Если бы живым вы оказались для меня полезнее, чем мертвым, я не стал бы...

— Вы — бизнесмен, а я — вор,— перебил вдруг взломщик, и лицо его озарилось надеждой.

— Верно,— подтвердил хозяин.— Ну и что же?

— Так я могу украсть для вас что-нибудь. Скажем, картину. Или производственные секреты конкурентов. Я действительно мастер своего дела. Я не берусь украсть портрет Моны Лизы из Лувра, но все остальное... Поручите — и я покажу, на что я способен!

— Да?..

— Автомобиль, меховое манто... бриллиантовое колье, инкунабулы, ценные бумаги, компрометирующие документы...

— Что еще?

— Коллекцию монет или почтовых марок, полицейские донесения...

— Я понимаю.

— Видите ли, когда я нервничаю, то становлюсь разговорчивым.

— Это я уже заметил.

— Если вы назовете любые предметы, я постараюсь...

— Нет. Боюсь, что так мы не договоримся.

— Но почему же?

— Во-первых, не существует ничего, в чем бы я так уж нуждался. Можете вы украсть для меня

сердце женщины? Едва ли. А во-вторых: как я могу вам верить?

— Можете верить! — воскликнул взломщик.— Честное слово!

— Именно это я и имел в виду. Я должен поверить вам на слово, что ваше слово чего-то стоит... И мы попадем в порочный круг. А как только я выпущу вас из дома, вы сможете обмануть меня. Даже сейчас, когда я держу вас под прицелом, вы почему-то уверены, что я не могу безнаказанно застрелить вас. И поэтому как мне ни жаль...

— Нет!!

Требсон пожал плечами:

— Ну в самом деле, какую пользу вы можете принести мне? На что вы еще годитесь, кроме как в качестве трупа? Что вы еще умеете, кроме воровства?

— Изготовлять номерные знаки для автомашин.

— Тоже не очень-то ценный талант.

— Знаю,— кивнул взломщик.— Я часто думаю: почему наше государство не обучило меня более полезному ремеслу? На фальшивые номера почти нет спроса, а настоящие — монополия государства. Что я еще умею? Могу чистить вам ботинки, мыть вашу машину...

— Чем же вы занимаетесь, когда не воруете?

— О, тогда у меня много возможностей провести время с пользой: ухаживаю за женщинами, кормлю своих золотых рыбок, если они не задыхаются, выброшенные из аквариума на ковер... Езжу на автомобиле, если не гну бампер, выпиваю кружку-другую пива, делаю себе бутерброды, играю в шахматы...

— Хорошо играете?

— В шахматы? Неплохо.

— Я спрашиваю серьезно.

— Понимаю. Нет, я не просто передвигаю фигуры по правилам, если хотите знать. Мне знакомы все дебюты, и я разбираюсь в шахматной стратегии. Правда, чтобы стать мастером, мне не хватает терпения, но в городском клубе я чаще выигрываю, чем наоборот.

— Вы даже играете в городском шахматном клубе?

— Конечно. Не могу же я семь дней в неделю заниматься воровством. Ни один человек не выдержит такого стресса.

— Тогда вы могли бы быть мне полезны,— заметил хозяин.

— Вы хотите учиться играть в шахматы?

— Я умею играть. А теперь я хотел бы, чтобы вы поиграли со мной в течение часа. Или пока не придет жена. Мне скучно. Читать в доме нечего, телевизор меня не прельщает, а партнера моего уровня найти не легко.

— Значит, вы сохраните мне жизнь, чтобы поиграть со мной в шахматы?

— Именно так.

— Тогда позвольте внести ясность: нет ли здесь подвоха? — забеспокоился взломщик.— Могу ли я надеяться, что вы меня не застрелите, если я проиграю или даже если я выиграю?

— Шахматы — это игра, которая выше всяких трюков.

— Я тоже такого мнения,— облегченно вздохнул взломщик.— А если бы я не умел играть, вы бы меня все же не застрелили?

— Этот вопрос вас очень занимает, не так ли? — уклонился от прямого ответа хозяин.

Они уселись в первой комнате, напротив прихожей. Гостю достались белые; он начал ходом королевской пешки и разыграл какой-то немыслимый вариант итальянской партии. Но на 16-м ходу Требсон пожертвовал качество, получил сильную атаку, и вскоре белым пришлось сдаться.

Черными гость разыграл незнакомый хозяину вариант сицилианской и получил преимущество. Потом он сумел создать проходную пешку, а когда она начала неудержимо двигаться в ферзи, Требсон положил своего короля на бок, признавая поражение.

— Вы неплохо играете,— сказал Требсон.

— Благодарю.

— Жаль только, что...— Требсон не договорил. Партнер вопросительно взглянул на него:

— ...что я растрачиваю свое время как обыкновенный преступник, так вы хотели сказать?

— Неважно,— поморщился Требсон.— Оставим это.

Когда они снова расставили шахматы, послышалось вращение ключа в дверном замке. Дверь отворилась. Миссис Требсон пересекла прихожую и вошла в комнату. Мужчины поднялись. Распространяя запах французских духов, элегантная молодая женщина приблизилась, и по ее миловидному лицу пробежала усмешка:

— Ага, ты нашел себе нового партнера. Рада за тебя.

Требсон сжал зубы и вытащил отобранную у взломщика фомку. Рукоятка оказалась еще удобнее, чем ему показалось.

— Мелисса,— обратился он к жене,— я не стану тратить слов на перечисление твоих измен. Ты сама знаешь, чего заслуживаешь.

Ничего не понимая, она уставилась на мужа. Тот взмахнул фомкой и с силой опустил ее на голову жены. Затем ударил еще дважды и обернулся к оцепеневшему свидетелю.

— Вы ее убили,— растерянно проговорил взломщик.

— Ничего подобного,— возразил Требсон, вновь вынимая свой блестящий револьвер.

— Разве она не мертва?

— Я очень надеюсь, что мертва,— ответил Требсон.— Но это не я ее убил, а вы.

— Ничего не понимаю...

— Надеюсь, полиция поймет все, как нужно,— проговорил Требсон и выстрелил, ранив взломщика в плечо. Затем выстрелил более точно, и взломщик упал с простреленным сердцем.

Требсон тщательно протер шахматные фигуры и доску, убрал их и с трудом подавил в себе желание запеть. Он был доволен собой.

Для практичного бизнесмена не может быть ничего бесполезного. Если судьба посылает лимон — можно хотя бы сделать себе стаканчик лимонного сока.

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ТАРЗАН ПРИЕМЫШ ОБЕЗЬЯН

ПРОЗА

Рисунки
Елены Пьянковой
и Николая Мооса

«Его книги расходились тиражами большими, чем Библия...»

К кому из американских писателей XX века относится такое свидетельство современника автора: к Хемингуэю, Фолкнеру, Стейнбеку? Едва ли широкий читатель может дать ответ на такой вопрос — ведь Эдгар Райс Берроуз (а речь пойдет именно о нем), один из популярнейших прозаиков США первой половины нашего столетия, на русский язык переводился мало — лишь несколько книг вышли до революции и в середине 20-х годов.

Однако нельзя сказать, что это имя совершенно неизвестно у нас — в середине 50-х годов в СССР с большим успехом прошли фильмы о Тарзане, снятые по романам Берроуза. Фильмы были трофейные, вывезенные из Германии, с немецкими субтитрами, к тому же копии весьма низкого качества. Но мы, мальчишки военных лет рождения, смотрели, затаив дыхание, на отважного мускулистого парня, побеждающего всех!.. И сколько потом было порвано рубашек и брюк, насажено синяков во время упоенной игры в Тарзана — повелителя джунглей...

Эдгар Райс Берроуз родился в 1875 году. Особым прилежанием будущий писатель в школе не отличался, но был крепким подростком, отлично ездил верхом, а потому, быть может, стал курсантом военного училища. Однако армейская лямка мало привлекала Берроуза — окончив училище и прослужив два года в кавалерии, он добивается увольнения. В течение последующих почти пятнадцати лет Берроуз перепробовал множество профессий — был ковбоем, золотоискателем, полицейским, бакалейщиком, клерком, даже пробовал продавать точилки для карандашей, пока усложнившееся материальное положение семьи не побудило его попытаться поискать удачи на ниве сочинительства.

В 1912 году в журнале «All Story» была напечатана под псевдонимом первая повесть Берроуза «Под лунами Марса» (в книжном варианте — «Принцесса Марса»). Успех был мгновенным, за короткое время Берроуз приобрел широкую известность. Вторая мировая война застала писателя на Гавайях. Наотрез отказавшись вернуться домой, в Штаты, Берроуз почти всю войну проработал корреспондентом Юнайтед Пресс на Тихом океане. Умер Берроуз в 1950 году, немного не дожив до 75-летия.

При жизни у Берроуза вышло около семидесяти книг. В жанровом отношении они весьма разнообразны: детективы, фантастика, фэнтези, вестерны, триллеры. Наиболее художественно значимы его фантастические книги, основное количество которых составляют четыре цикла повестей и романов — объединены они образом главного героя и единым местом действия: Марс, Венера, полая Земля и Африка.

Создание фантастических миров — одна из самых сильных сторон Берроуза-художника. Создания фантазии писателя не потеряли своей притягательности и сегодня, когда мы уже совершили путешествие по мирам Херберта, Ле Гуин, Толкина. Таков мир Пеллюсидара — полой Земли, география которого зеркальна земной: под земными континентами располагаются моря, а под морями — континенты. Мир, освещенный никогда не заходящим своим солнцем, где царит вечный день и нет ни «вчера», ни «завтра»...

Но Берроуз был, по сути дела, спринтером в литературе: он быстро выдыхался, и во всех сериях продолжения ощутимо слабее начáл. Вообще, все, кто когда-либо писал о Берроузе, отмечали, что лучшие его книги — две первых: «Принцесса Марса» и «Тарзан — приёмыш обезьяны».

Бесспорно, популярнейший герой Берроуза — Тарзан, главное действующее лицо самого длинного цикла, «длиной» в двадцать пять книг (журнальный вариант первого романа вышел в 1912 году, а последний — при жизни писателя — в 1947-м).

Тарзан — сын английского лорда и его жены, погибших в Африке, где они очутились после бунта на корабле. Младенец был выкраден из колыбели обезьяной Калой, положившей на место наследника лорда своего детеныша, недавно умершего. Тарзан вырос среди обезьян, которым обязан именем: «Тар-зан» на языке человекообразных приматов значит «белая кожа».

Берроуз полностью использовал сюжетные возможности, которые предоставила эта драматическая история (по словам писателя, он не читал Киплинга, когда задумал книгу о Тарзане,— источником вдохновения послужила легенда о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей). Неисчислимы подвиги Тарзана: он побеждает — в неизменно честном открытом бою! — не только зверей, наводящих страх на все живое в джунглях, но и тех людей, кто прибывает в Африку за сокровищами древних царей, слоновьими бивнями, драгоценными перьями. Тарзан добр, бескорыстен и отважен, неизменно берет сторону слабых и обиженных, борется за справедливость.

Влияние Тарзана на читателей принимало самые удивительные формы — например, один из сыновей писателя долгое время отказывается есть вареное мясо, требуя только сырое, которым питался его любимый герой. Во многом популярностью Тарзан обязан кинематографу. Первый фильм о Тарзане вышел в 1917 году, и вплоть до 80-х годов режиссеры обращались к этому образу. Наибольшей известностью пользуются — до сих пор — ленты 30-х годов, в которых роль Тарзана исполнял олимпийский чемпион по плаванию Джонни Вайсмюллер. Однако, как правило, в фильмах образ Тарзана искажен — огрублен, примитивизирован, ему приданы несвойственные первоисточнику агрессивность и жестокость.

Если в 20-е и 30-е годы Берроуз пользовался исключительной популярностью (к тому времени относится и характеристика писателя, вынесенная в заголовок статьи), то в 40—50-е его почти забыли. 60-е принесли подъем интереса к Берроузу — именно в это время образуется общество поклонников его творчества (что-то типа КЛФ Берроуза), начинает выходить посвященный ему журнал.

Велико влияние Берроуза на мировую и американскую НФ. Виднейшие мастера жанра испытали это влияние. Исследователи считают, что Берроуз стал основоположником целого направления в современной фантастике — «литературы шпаги и колдовства». Особую роль сыграл Берроуз в творческой судьбе Р. Брэдбери, который пронес через всю жизнь любовь к создателю Джона Картера и Тарзана, ставя своего кумира выше Жюля Верна и Киплинга.

Публикуемая в журнале повесть Берроуза — первое произведение писателя за шестьдесят с лишним лет на русском языке. Впереди, хочется надеяться, полное знакомство нашего читателя с этим автором. И когда советские любители фантастики получат возможность прочесть лучшие книги Берроуза (и оценят сами его достоинства и недостатки), то смогут понять, почему почти восемьдесят лет этого писателя читают и перечитывают десятки тысяч людей всех возрастов в разных странах. И почему один из членов экипажа американского космического корабля «Аполлон» накануне первого в истории человечества старта к Луне читал книгу именно Эдгара Райса Берроуза.

В. ГОПМАН

В море

Я был в гостях у одного приятеля и услышал от него эту историю. Начал он ее под влиянием винных паров, а потом, когда я сказал, что не верю ни одному его слову, он, уязвленный и подстрекаемый моим недоверием, рассказал все до конца.

Человек он радушный, но гордый и обидчивый до нелепости. Задетый моим скептицизмом, он для подкрепления своих слов представил мне какую-то засаленную рукопись и кипу старых сухих отчетов Британского Министерства Колоний.

Однако я и теперь не решусь утверждать, что все в этом рассказе достоверно. Ведь событий, изображаемых здесь, я не видел своими глазами. А может быть, это и правда, кто знает! Я, по крайней мере, счел благоразумным дать главным героям рассказа вымышленные имена и фамилии.

Засаленная рукопись, с заплесневелыми и пожелтевшими страницами, оказалась дневником человека, которого давно уже нет в живых. Когда я прочитал этот дневник и познакомился с отчетами Министерства Колоний, то увидел, что эти документы вполне подтверждают рассказ моего гостеприимного хозяина.

Таким образом, все, что вы прочтете сейчас, тщательно проверено мною в разных источниках.

Если же этот рассказ не внушит вам большого доверия, вы все же согласитесь со мною, что он — изумительный, интересный, диковинный.

Из записок человека, которого давно нет в живых, а также из отчетов Министерства Колоний мы узнаем, что один молодой английский офицер (назовем его Джоном Клейтоном, лордом Грэйстоком) был послан в Западную Африку, в одну из британских прибрежных колоний, произвести там расследование весьма деликатного свойства.

Дело в том, что жители этой колонии — народ простодушный. Поэтому одна из европейских держав, пользуясь такой наивностью, стала вербовать их в солдаты для своей колониальной армии, причем эта армия только и делала, что отнимала каучук-сырец и слоновую кость у дикарей, живущих по берегам Арувими и Конго.

Несчастные жители британской колонии жаловались, что вербовщики, соблазняя тамошнюю молодежь идти в солдаты, сулили ей золотые горы, а между тем немногие из этих доверчивых рекрутов вернулись домой.

Англичане, жившие в этой колонии, подтвердили жалобы туземцев и прибавили со своей стороны, что чернокожие солдаты, навербованные иностранной державой, в действительности стали рабами: пользуясь невежеством местных жителей, белые офицеры не отпускают их на родину по истечении срока службы, принуждая служить еще несколько лет.

Министерство Колоний послало Джона Клейтона в Африку, предоставив ему новый пост, причем конфиденциально ему было поручено сосредоточить особое внимание на жестоком обращении офицеров дружественной европейской державы с чернокожими британскими подданными.

Клейтон был из тех англичан, которые издревле прославили Англию своими геройскими подвигами в морских боях и на поле сражения,— мужественный человек, сильный и душою, и телом.

Роста он был выше среднего. Глаза серые. Лицо правильное, резко очерченное. В каждом движении чувствовался властный характер, закаленный многолетней военной службой.

Он был честолюбив. Ему хотелось иметь влияние в политике. Оттого он и перевелся из офицеров в чиновники Министерства Колоний, и взялся исполнить это нелегкое поручение.

Джону Клейтону было приятно, что его многолетняя служба в армии оценена по заслугам и за свои труды он получает такую большую награду. Перед ним открывалось широкое поприще для дальнейшей карьеры; но ехать теперь в Африку ему мешало одно немаловажное обстоятельство: ведь не прошло и трех месяцев с тех пор, как он женился на красавице Элис Рутерфорд, и ему казалось безумием везти свою молодую жену в тропическую глушь, где неведомые опасности подстерегают человека на каждом шагу.

Ради любимой женщины он мог бы отказаться от возложенной на него миссии, но леди Элис и слышать об этом не хотела. Напротив, она требовала, чтобы он отправился в Африку и взял ее с собою.

Конечно, у юной четы были матери, братья, сестры, тетки, кузены, кузины, и все они выражали свои мнения по этому поводу; но каковы были эти мнения, история умалчивает. Да это и не существенно.

Нам известно лишь одно: что в одно прекрасное майское утро 18** года лорд Грэйсток и его супруга, леди Элис, выехали из Дувра в Африку.

Через месяц они прибыли в Фритаун, где зафрахтовали небольшое суденышко «Фувальду», которое должно было доставить их к месту назначения.

Ничего больше неизвестно о лорде Джоне Грэйстоке и его супруге, леди Элис. Они сгинули, исчезли, пропали!

Через два месяца после того, как «Фувальда» подняла якорь и покинула гавань Фритауна, около полдюжины британских военных судов появились в водах Южного Атлантического океана, тщетно пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след погибших именитых путешественников. Не прошло и нескольких дней, как у берегов острова св. Елены этой эскадре удалось найти обломки какого-то судна, и все тотчас уверовали, что это — остатки «Фувальды», утонувшей со всем своим экипажем. Поэтому дальнейшие поиски прекратили.

«Фувальда», парусное трехмачтовое судно, водоизмещением около ста тонн, было самым заурядным кораблем в тех местах: тысячи таких суденышек обслуживают местную торговлю и шныряют вдоль всего побережья. Их команды обычно состоят из отчаянных головорезов и беглых каторжников — всех народов и всех племен.

«Фувальда» не была исключением из общего правила: на судне процветало насилие. Матросы ненавидели начальство, а начальство ненавидело матросов. Капитан был опытным моряком, но со своими подданными обращался как зверь. Разговаривая с ними, он признавал только два аргумента: плеть и револьвер. Да и то сказать, этот

разноплеменный сброд вряд ли смог уразуметь какие-либо другие аргументы.

На следующий же день после отъезда из Фритауна лорд Грэйсток и леди Элис стали свидетелями отвратительных сцен, разыгравшихся на борту их судна, которые они издавна привыкли считать выдумкой досужих беллетристов.

То, что произошло рано утром на палубе «Фувальды», стало первым звеном в той цепи удивительных событий, которые завершились самым неожиданным образом.

Началось это так.

Два матроса мыли палубу «Фувальды»; капитан стоял тут же на палубе и разговаривал о чем-то с лордом Клейтоном и его юной супругой.

Уборщики палубы постепенно приближались к ним. Наконец один из матросов очутился за спиной у капитана. В этот момент капитан, окончив разговор с лордом и леди, сделал шаг назад, чтобы уйти. Но, наткнувшись на матроса, он упал и растянулся на мокрой палубе, причем зацепил ногой за ведро: ведро опрокинулось и окатило капитана грязной водой.

На минуту вся сцена показалась забавной, но только на минуту.

Капитан рассвирепел. Он чувствовал себя опозоренным. Весь красный от унижения и ярости, с градом бешеных ругательств, накинулся он на несчастного матроса и нанес ему страшный удар кулаком. Тот так и рухнул на палубу.

Матрос был худой, маленького роста, уже немолодой; тем постыднее казалась расправа, которую учинил капитан. Но другой матрос был широкоплечий детина, здоровенный медведь, усы черные, шея воловья.

Увидев, что его товарищ упал, он пригнулся, зарычал, как собака, и одним ударом свалил капитана.

Мгновенно лицо капитана из пунцового сделалось белым. Бунт! Это был бунт! Усмирять бунты зверю-капитану приходилось не раз. Ни секунды не медля, он выхватил из кармана револьвер и выстрелил в упор в своего могучего врага. Но Джон Клейтон оказался проворнее: увидев, что оружие сверкнуло на солнце, он ударил капитана по руке, вследствие чего пуля угодила матросу не в сердце, а в колено.

В очень резких выражениях Клейтон тотчас же высказал капитану, что он не допустит такого зверского обращения с командой и считает его возмутительным.

Капитан уже открыл было рот, чтобы ответить ругательством на замечание Клейтона, но вдруг круто повернулся и, бормоча невнятные проклятья, ушел на корму.

Он понимал, что не слишком выгодно раздражать британского чиновника, ибо могучая рука королевы может направить на него грозное и страшное орудие кары — вездесущий британский флот.

Пожилой матрос помог своему раненому товарищу встать. Широкоплечий великан, который среди моряков был известен под кличкой Черный Майкл, попытался двинуть простреленной ногой; когда оказалось, что это возможно, он повернулся к Клейтону и довольно неуклюже выразил ему

свою благодарность. Слова его были грубы, но в них звучало искреннее чувство.

После этого ни Клейтон, ни его жена не видели его несколько дней. Капитан старался не разговаривать с ними, а когда ему приходилось по службе сказать несколько слов, он сердито и отрывисто буркал.

Они завтракали и обедали в капитанской каюте, как повелось еще до этого несчастного случая, но теперь капитан не появлялся к столу, всякий раз ссылаясь на какое-нибудь неотложное дело.

Помощники капитана, все как на подбор неграмотные, бесшабашные, были едва ли почище своих подчиненных, над которыми они так злодейски тиранствовали. Эти люди, по весьма понятным причинам, при встречах с прекрасно воспитанным лордом чувствовали себя не в своей тарелке и поэтому избегали общения с ним.

Таким образом, Клейтоны — муж и жена — очутились в полном одиночестве.

В сущности, это одиночество им было только приятно, но, к сожалению, они оказались как бы отстраненными от экипажа корабля и оказались неподготовленными к страшной кровавой трагедии, разыгравшейся через несколько дней.

А между тем уже тогда можно было предвидеть, что близка катастрофа. Внешне жизнь на корабле шла по-прежнему, но внутри что-то разладилось и грозило великой бедой. Это инстинктивно ощущали и лорд Клейтон, и его жена, избегали об этом говорить, оберегая друг друга.

Однажды Клейтон, выйдя на палубу, увидел, что четыре матроса с угрюмыми лицами несут чье-то бездыханное тело, а сзади шествует старший помощник, держа в руке тяжелую плеть.

Клейтон предпочел пока не вникать в это грязное дело, но на следующий день, увидев на горизонте очертания британского военного судна, потребовал, чтобы капитан немедленно шел на сближение. Лорду Клейтону было ясно, что при мрачных порядках, установившихся на «Фувальде», вся его экспедиция может окончиться только несчастьем.

Около полудня они так близко подошли к военному судну, что могли бы вступить в переговоры с ним, но как раз в ту минуту, когда Клейтон, намереваясь покинуть «Фувальду», хотел обратиться к капитану, ему пришло в голову, что все его страхи вздор и что капитан только посмеется над ним.

В самом деле, какие были у него основания просить офицера, командующего военным кораблем британского флота, изменить свой рейс и вернуться в Фритаун?

Конечно, Клейтон может сказать, что он не пожелал остаться на борту своего корабля, так как его капитан сурово наказал двух нарушивших дисциплину матросов. Но такое объяснение покажется офицерам военного судна смешным, и они втихомолку позабавятся над чувствительным лордом и, пожалуй, сочтут его трусом.

Только поэтому Джон Клейтон не стал требовать, чтобы его доставили на военный корабль; но позже, когда трубы броненосца скрылись за горизонтом, он стал раскаиваться в своей боязни показаться смешным, так как на «Фувальде» разыгрались драматические события.

Около двух часов пополудни пожилой матрос, которого несколько дней тому назад капитан ударил по лицу кулаком, драил на палубе медные части. Приблизившись к Клейтону, он пробормотал еле слышно:

— Будет ему нахлобучка... Помяните мое слово: будет... Это ему даром не пройдет...

— Кого вы имеете в виду? — спросил Клейтон.

— А разве вы сами не видите, какая тут у нас заварилась каша? Этот сатана-капитан и его мерзавцы-подручные чуть не всю команду искалечили до смерти... Вчера двоих, да сегодня троих. Но Черный Майкл опять на ногах; погодите, он покажет им, как измываться над нами. Уж он отомстит, помяните мое слово.

— Вы хотите сказать,— спросил Клейтон,— что команда корабля затевает мятеж?

— Мятеж! — воскликнул старый матрос.— Какой там мятеж! Мы его просто укокошим!

— Когда?

— Скоро! А когда, не скажу, я и так наболтал слишком много. Но вы хороший господин, вы вступились за меня и за Черного Майкла, и потому я сказал вам словечко. Только держите язык за зубами, и когда услышите выстрелы, бегите в трюм и оставайтесь там, а не то и вы попадете в переплет.

И старик, закончив работу, ушел.

Леди Элис стояла рядом и слышала каждое слово матроса.

— Недурные развлечения у нас впереди! — усмехнулся Клейтон, скрывая перед женой свою тревогу.

— Нужно сейчас же предупредить капитана,— воскликнула леди Клейтон.— Может быть, ему удастся предотвратить бунт.

— Пожалуй, это будет самое лучшее,— отозвался лорд,— хотя, чтобы сохранить свою шкуру, я должен бы держать язык за зубами. Тогда, что бы ни случилось на судне, матросы не тронут ни тебя, ни меня, потому что они видели, как я заступился за этого старика и за Черного Майкла. Но если они узнают, что я предатель и разболтал обо всем капитану, нам обоим несдобровать.

— Но, милый Джон,— возразила жена,— если ты не предупредишь капитана о готовящемся на него покушении, ты тем самым окажешься виновным в убийстве, ты будешь соучастником этих злодеев.

— Ты не понимаешь, что говоришь, моя милая,— ответил Клейтон.— Ведь я забочусь только о тебе. Капитан сам виноват, он заслужил эту кару; зачем же я стану подвергать опасности свою жену ради спасения такого мерзавца?

— Долг есть долг,— заявила жена,— никакие соображения не помогут тебе уклониться от его выполнения. Я была бы недостойна супруга, который из любви и жалости ко мне изменяет своему долгу. Конечно, я знаю, что последствия могут быть ужасны, но я достойно встречу их рядом с тобой. Лучше смерть, чем позор. И ты подумай, как нас будет мучить совесть, если с капитаном действительно случится несчастье!

— Ну, будь по-твоему, Элис! — ответил, улыбаясь, Джон Клейтон.— Может быть, мы напрасно тревожимся... Конечно, дела на корабле идут неважно, но мы, кажется, сгущаем краски.

Весьма возможно, что этот старый матрос сообщил нам не реальные факты о положении вещей, а только свои мечты и желания! Ему хочется отомстить обидчику, вот он и сочиняет, будто эта месть неизбежна... Вообще мятежи на кораблях сейчас редки. Лет сто тому назад они были заурядным явлением, а теперь о них что-то не слыхать... Но вот капитан идет в свою каюту. Я пойду к нему сейчас и объяснюсь, так как хочу кончить это гнусное дело скорее. Не очень-то мне приятно разговаривать с этим животным.

Сказав это, он с беззаботным видом направился к каюте капитана и постучал к нему в дверь.

— Войдите! — раздался недовольный голос.

Когда Клейтон вошел в каюту и закрыл за собой дверь, капитан рявкнул отрывисто:

— Ну?

— Я пришел сообщить вам, что сегодня случайно подслушал один разговор, из которого мне стало ясно, что ваши люди затевают мятеж и замышляют убийство.

— Ложь! — Лицо капитана побагровело.— Если еще раз у вас хватит нахальства лезть не в свое дело и подрывать дисциплину на моем корабле, я не поручусь за последствия! Черт вас возьми! Вы думаете, я очень боюсь, если вы лорд? Наплевать мне на лорда! Я — капитан корабля и никому не позволю совать нос в мои распоряжения.

К концу этой яростной речи взбешенный капитан потерял всякий контроль над собою, и последние слова он выкрикнул громким фальцетом, стуча одним кулаком по столу, а другим потрясая перед самым носом Клейтона.

Кулаки у него были огромные.

Клейтон не шелохнулся. Он спокойно стоял и смотрел разъяренному капитану в глаза, как будто ничего не случилось.

— Капитан Биллинг,— сказал он наконец,— простите, пожалуйста, мою откровенность, но позвольте вам сказать: вы — осел!

И медленно повернувшись, он вышел спокойно из каюты. Это хладнокровие несомненно должно было вызвать в таком вспыльчивом человеке, каким был капитан, новые приступы ярости...

Если бы Клейтон не оскорбил капитана, весьма возможно, что тот через минуту раскаялся бы в своей излишней горячности, но своим поведением Клейтон раз и навсегда уничтожил всякую возможность примирения.

Теперь уже нельзя было надеяться, что в случае каких-нибудь несчастий капитан окажется союзником Клейтона и вместе с ним примет меры для самозащиты от взбунтовавшихся матросов.

— Ну, Элис,— сказал Клейтон, вернувшись к жене,— ничего хорошего не вышло. Этот молодец оказался неблагодарной свиньей. Накинулся на меня, как бешеный пес... И пускай матросы делают с ним, что хотят, мы должны позаботиться о себе сами. Идем в каюту, дорогая. Я приготовлю револьверы. Жаль, что наши ружья и заряды к ним находятся в трюме, в багаже.

Вернувшись в каюту, они застали там страшный беспорядок. Кто-то рылся в чемоданах и разбросал по каюте их платье. Даже койки и те были сломаны, а постельное белье валялось на полу.

Клейтон перебрал все вещи. Все оказалось в целости. Ничего не пропало. Исчезли только два револьвера да пули.

— Жаль,— сказал Клейтон.— Они взяли наиболее нужное. Теперь уже нельзя сомневаться, что нам угрожает бунт.

— Что же теперь делать, Джон? — воскликнула жена.— Теперь я не стану настаивать, чтобы ты пошел к капитану, потому что не хочу, чтобы ты снова подвергся оскорблению. Может быть, лучше всего держать нейтралитет? Предположим, что победит капитан. Тогда все пойдет по-прежнему, и бояться нам нечего. А если победят матросы, будем надеяться (хотя, кажется, надежда плоха), что они не тронут нас, так как увидят, что мы не мешали им действовать.

— Хорошо, Элис! Будем держаться середины!

Они стали приводить свою каюту в порядок и только тогда заметили, что из-под двери торчит клочок какой-то бумажки. Клейтон нагнулся и поднял ее.

Малограмотные каракули, выведенные рукой, явно непривычной к перу, предупреждали Клейтона, чтобы он не смел сообщать капитану о пропаже револьвера и не говорил никому о своем разговоре с матросом. Иначе и ему, и его жене — смерть.

— Ну что ж, будем паиньки,— сказал Клейтон с горькой усмешкой.— Нам ничего другого не осталось, как сидеть смирно и ждать своей участи.

Дикое убежище

Ждать пришлось недолго. На следующее утро Клейтон вышел из каюты, чтобы прогуляться по палубе перед завтраком. Вдруг раздался выстрел. За ним еще несколько.

У капитанского мостика сгрудились все командиры. Матросы обступили их пестрой толпой; Черный Майкл впереди всех.

Стреляли офицеры. После первого же выстрела матросы разбежались и попрятались кто за мачту, кто за надстройки. Из-под прикрытий они стали отстреливаться.

Капитан уже убил двоих матросов из револьвера.

Старший помощник капитана зашатался и упал ничком. Черный Майкл скомандовал: «Вперед!» — и бунтовщики кинулись на оставшихся вчетвером офицеров. Ружей и револьверов у них было мало, поэтому в ход пошли багры, топоры и кирки.

Капитан снова выстрелил и промахнулся. Ружье второго помощника дало осечку.

С той и другой стороны сыпались страшные проклятья. Ругательства, треск выстрелов, стоны и вопли раненых превратили палубу «Фувальды» в подобие сумасшедшего дома.

Едва офицеры успели отступить на несколько шагов, как матросы бросились на них. Дюжий негр одним взмахом топора раскроил капитану голову от лба до подбородка; минуту спустя и остальные офицеры пали мертвые или раненые под градом ударов и пуль.

Мятежники действовали быстро и решительно. Во время свалки Джон Клейтон стоял, небрежно

облокотясь у прохода, и задумчиво курил трубку, как будто присутствуя на состязании в крикет.

Когда упал последний офицер, Клейтон решил, что ему пора спуститься вниз, к жене, он боялся, что мятежники ворвутся в каюту и застанут ее там одну.

Хотя внешне Клейтон казался совершенно спокойным и безразличным, в душе он сильно тревожился. Он повернулся, чтобы спуститься в каюту, и, к своему изумлению, увидел свою жену.

— Ты здесь давно, Элис?

— С самого начала,— ответила она.— Как страшно, Джон! О, как страшно! Что с нами будет в руках таких людей, и на что мы можем рассчитывать?

— Мы можем, надеюсь, рассчитывать получить от них завтрак,— сказал он шутливо, чтобы ободрить ее, и добавил: — Во всяком случае, я сейчас все выясню. Пойдем со мной, Элис. Мы должны им показать, что не боимся и что заранее уверены в их корректном обращении с нами.

Матросы столпились вокруг мертвых и раненых офицеров. Безо всякой жалости выкидывали они трупы и даже еще живых своих начальников за борт. Впрочем, они обошлись так же бессердечно и со своими ранеными и убитыми.

Один из бунтовщиков, заметив приближавшихся Клейтонов, закричал:

— К рыбам и этих тоже! — и бросился на них, подняв топор.

Но Черный Майкл не зевал. Его пуля уложила матроса на месте. Затем, указывая на лорда и леди Грэйсток, он громко крикнул, привлекая внимание остальных матросов:

— Эй, вы! Эти оба — мои друзья. Их не трогать! Поняли? Я теперь здесь капитан, и мое слово — закон.— И, обращаясь к Клейтону, добавил: — Держитесь в стороне, и никто вас не тронет.— С этими словами он сердито взглянул на своих товарищей.

Клейтоны постарались в точности исполнить совет Черного Майкла, поэтому ничего не знали о дальнейших планах бунтовщиков.

По временам к ним доносились слабые отзвуки ссор и споров, а два раза слышали злобное щелканье взведенных курков. Но Черный Майкл был подходящим вождем для этого разношерстного сброда головорезов, он умел держать их в строгом повиновении.

Шел пятый день после убийства офицеров, когда вахтенный крикнул: «Земля». Остров это или материк — Черный Майкл не знал. Но он объявил Клейтону, что если эта местность окажется обитаемой, лорд и леди Грэйсток будут высажены на берег со всем своим имуществом.

— Вы тут недурно проживете несколько месяцев,— объяснил он.— А за это время мы сумеем отыскать где-нибудь пустынный берег и разбредемся в разные стороны. Я обещаю осведомить правительство о том, где вы находитесь, и оно тотчас вышлет за вами военный корабль. Думаю, что вы нас не выдадите. Но высадить вас в цивилизованную местность для нас совсем неподходящее дело. К нам сразу же привяжутся с кучей

вопросов, ответить на которые нам будет не слишком удобно.

Клейтон, понятно, протестовал против бесчеловечной высадки их на пустынный берег, где они либо станут добычей диких зверей, либо, может быть, еще более диких людей. Но протест его не имел успеха и только рассердил Черного Майкла. Волей-неволей Клейтон был вынужден покориться и постарался примириться со своим горестным положением.

В три часа пополудни они бросили якорь у красивого лесистого берега против входа в закрытую бухту. Черный Майкл приказал спустить небольшую шлюпку с матросами, чтобы исследовать глубину.

Час спустя люди вернулись и доложили, что глубина позволяет «Фувальде» войти в бухту.

Берег утопал в прекрасной полутропической зелени. Вдали рисовались холмы и плоскогорья, почти сплошь покрытые первобытным лесом. Не было и признака жилья. Но человеческое существование, наверное, было здесь возможным. Обилие птиц и животных, которые были видны даже с палубы «Фувальды», могло обеспечить пропитание, а сверкающая маленькая речка, впадавшая в бухту, обещала в изобилии пресную воду.

Спустилась темная ночь. Клейтон и леди Элис все еще стояли у борта в молчаливом созерцании местности, где им суждено было жить. Из мрака девственного леса доносился страшный вой диких зверей: глухое рыканье льва и по временам пронзительный визг пантеры.

Женщина боязливо прижалась к мужчине. Она предвидела те ужасы, которые стерегли их во мгле грядущих ночей, когда они окажутся одни на этом диком и пустынном побережье.

Черный Майкл подошел к ним и заявил, чтобы они готовились сойти утром на берег. Они пытались упросить его, чтобы он высадил их ближе к цивилизованной местности, откуда со временем можно было надеяться попасть на родину. Но ни мольбы, ни угрозы, ни обещания вознаграждения не смогли поколебать Черного Майкла. Он ответил им:

— Кроме меня, на судне нет ни одного человека, который не предпочел бы видеть вас обоих мертвыми ради своей безопасности. Хоть я и сам знаю, что это единственный разумный способ застраховать наши шеи, не такой человек Черный Майкл, чтобы забыть одолжение. Вы спасли мне жизнь, я отплачу тем же. Я выгружу ваш багаж и дам в придачу кухонные принадлежности и несколько старых парусов на палатки. Кроме того, я снабжу вас провизией на первое время, пока вы не найдете себе дичи и плодов. Вы, значит, сможете здесь недурно устроиться, пока не придет помощь. Когда я буду в безопасности, то извещу британское правительство о том, где вы находитесь. Хотя — клянусь жизнью — я и сам не знаю в точности, что это за место! Но они сумеют вас отыскать.

Он ушел, и Клейтоны молча спустились в свою каюту, оба погруженные в мрачные предчувствия.

Клейтон не верил, что Черный Майкл имеет хотя бы малейшее намерение известить британское правительство об их местопребывании. Он не был даже особенно уверен и в том, не злоумышляют ли мятежники какого-нибудь предательства по отношению к ним на следующее утро, когда они должны были очутиться одни с матросами на берегу.

Без присмотра Черного Майкла любой матрос мог их убить. Совесть же Черного Майкла этим не отягощалась.

Но, положим, они избегнут этой опасности. Разве им не придется тогда стоять лицом к лицу с опасностями еще более страшными? Если бы еще Клейтон был один, он мог бы надеяться прожить долгие годы, потому что он сильный, атлетического сложения человек. Но что будет с Элис и тем другим крохотным существом, которому предстояло уже скоро появиться на свет среди лишений и страшных опасностей первобытного мира?

Клейтон вздрогнул, представляя себе несказанные трудности и полную безысходность своего положения.

Рано поутру на следующий день их многочисленные сундуки и ящики были подняты на палубу в ожидании шлюпок для перевозки их на берег.

У них было очень много багажа и притом самого разнообразного. Клейтоны рассчитывали пробыть на новом месте службы семь-восемь лет, и, кроме всяких необходимых вещей, они везли много предметов роскоши.

Черный Майкл твердо решил, что ни одна вещь, принадлежащая Клейтонам, не должна оставаться на борту. Делал ли он это из сострадания к ним, или просто из собственных интересов — трудно решить. Но несомненно, что присутствие на борту вещей, принадлежащих пропавшему британскому чиновнику, вызвало бы нежелательные толки в любом цивилизованном портовом городе.

Черный Майкл с таким рвением приводил в исполнение свое решение, что даже заставил матросов вернуть Клейтону похищенные у него револьверы.

В шлюпки были погружены солонина и сухари. Кроме того, их снабдили небольшим запасом картофеля, бобов, спичек, кухонными принадлежностями, ящиками, инструментами и обещанными Черным Майклом старыми парусами.

По-видимому, глава мятежников опасался того же самого, чего боялся и Клейтон. Поэтому он сам проводил их на берег и сел в последнюю шлюпку только после того, как остальные, набрав в бочонки свежей воды, отчалили к «Фувальде».

Клейтон и его жена молча стояли на берегу и смотрели вслед. В груди обоих теснилось предчувствие неминуемого несчастья и ощущение горькой безнадежности.

А в это время из-за небольшого пригорка следили за ними другие близко посаженные глаза, злобно сверкавшие под густыми бровями.

Когда «Фувальда» прошла узкий пролив и скрылась из вида за мысом, леди Элис обвила руками шею мужа и разразилась неудержимыми рыданиями.

Она храбро вынесла опасность бунта, с героической твердостью смотрела на грозное будущее, но сейчас, когда они очутились в полном одиночестве, ее измученные нервы не выдержали страшного напряжения.

Он не пытался остановить ее слезы. Слезы

могли облегчить и успокоить ее. Прошло много времени, прежде чем молодая женщина снова стала владеть собой.

— О, Джон,— простонала она,— какой ужас! Что нам делать? Что нам делать?

— Нам остается одно, Элис,— он говорил так же спокойно, как если бы они сидели в своей уютной гостиной,— нам остается только одно: работать. Работа станет нашим спасением. Не надо давать себе времени думать, потому что это приведет к безумию! Мы будем трудиться и ждать. Даже если Черный Майкл не сдержит своего обещания, я уверен, что помощь придет и придет скоро, как только станет известным, что «Фувальда» пропала.

— Милый мой Джон, если б дело шло только о тебе и обо мне,— зарыдала она,— мы бы вынесли все, я знаю, но...

— Да, дорогая,— ответил он нежно,— я тоже думал о будущем. Но мы должны и его встретить мужественно, веря в наше умение справиться со всеми трудностями. Подумай! Сотни тысяч лет тому назад наши предки стояли перед теми же задачами, может быть, даже в этих самых первобытных лесах. Неужели мы — их потомки — не сделаем того, что сделали они, и даже лучше их? Ведь мы вооружены высшим знанием! У нас есть способы защиты, которые дала нам наука и о которых они не имели понятия. Элис, мы можем добиться того, чего добились они, вооруженные жалкими орудиями из костей и камня!

— Ах, Джон, как я хотела бы быть мужчиной! Но я женщина, и мною движет скорее чувство, чем разум. А все, что я чувствую, слишком ужасно, слишком немыслимо, чтобы выразить словами. Хочу надеяться, что ты прав, Джон. Я сделаю все, чтобы быть храброй первобытной женщиной, достойной подругой первобытного мужчины!

Первым делом Клейтон решил соорудить временное убежище для защиты от зверей во время сна, которые, вероятно, уже высматривали легкую добычу.

Он открыл ящик, в котором лежали его ружья и патроны, взял одно из них на случай неожиданного нападения, и они отправились на поиски места для первого ночлега.

В ста ярдах от берега они нашли маленькую ровную поляну, почти свободную от деревьев. Именно здесь и решили они выстроить свое будущее постоянное жилье. Но пока оно не готово, лучше сначала соорудить небольшую площадку на деревьях — повыше, так, чтобы до них не могли добраться крупные хищные звери, в царстве которых они находились.

Клейтон выбрал для этой цели четыре дерева, составлявшие приблизительно четырехугольник в восемь квадратных футов, и, срубив несколько тонких деревьев, устроил в десяти футах над землею раму из жердей. Он крепко привязал их концы к деревьям веревками, которыми в числе других запасов снабдил их Черный Майкл. Поперек этого остова Клейтон уложил более мелкие ветки. Затем он устлал образовавшуюся платформу исполинскими листьями лопуха, в изобилии росшего вокруг, а поверх листьев положил большой парус, сложенный в несколько раз.

Семью футами выше Клейтон построил такую же, хотя и более легкую платформу, которая должна была служить им крышей, а по сторонам вместо стен повесил остатки парусов.

В конце концов у них оказалось довольно уютное маленькое гнездышко. Он перенес туда одеяла и часть ручного багажа.

День клонился уже к вечеру, но пока еще было светло; Клейтон соорудил грубую лестницу, по которой леди Элис могла взобраться в свое новое жилище.

Весь день вокруг них летали и щебетали птицы в ярком оперении и прыгали болтливые мартышки, с изумлением и сильнейшим интересом следившие за появившимися среди них новыми существами и за постройкой их странного гнезда.

Несмотря на то, что оба они, и Клейтон и его жена, все время держались настороже, они не видели крупных животных. Но два раза маленькие соседки их — мартышки — с криком и визгом убегали с близлежащего холмика, бросая назад испуганные взгляды. Было ясно,— как если бы они говорили это словами,— что они спасаются от чего-то ужасного, притаившегося за деревьями.

Наступили сумерки, и, наполнив большую чашу водой из кристального ручья, оба, муж и жена, поднялись в свою, сравнительно безопасную, подвесную комнату.

Было очень тепло, и Клейтон откинул полог; они уселись по-турецки на своих одеялах, и леди Элис стала пристально всматриваться в сгущающиеся тени леса. Вдруг она вздрогнула и схватила Клейтона за руку.

— Джон,— шепнула она,— смотри, что это такое? Человек?

Клейтон взглянул в указанном ею направлении и увидел смутно обрисовывающийся силуэт... Какая-то темная фигура переминалась на холме.

На мгновение она замерла, как бы прислушиваясь, а затем медленно повернулась и исчезла во мраке джунглей.

— Что это, Джон?

— Не знаю, Элис,— ответил он серьезно.— Слишком темно, чтобы разглядеть. Быть может, просто тень, брошенная луной.

— Нет, Джон! Если это не человек, то какая-то огромная и отвратительная пародия на человека. Мне страшно!

Он крепко обнял Элис и стал шептать ей слова любви и мужества. Для Клейтона самым большим горем в их несчастье была душевная тревога молодой жены. Сам он был храбр и бесстрашен, но прекрасно понимал, какие ужасные мучения может причинить страх более слабой натуре. Это редкое свойство было одним из многих прекрасных сторон характера, которые завоевывали молодому лорду Грэйстоку любовь и уважение всех, знавших его.

Вскоре Клейтон опустил полог, крепко привязав его к деревьям, оставив маленькое смотровое отверстие. Они улеглись на одеяла и постарались найти во сне хоть короткий отдых и забвение. Клейтон лег головой к отверстию с ружьем и парой револьверов наготове.

Не успели они закрыть глаза, как из джунглей донесся ужасающий рык пантеры. Он повторялся все ближе, наконец они услышали его как раз

под собой. В продолжение часа, а то и больше, пантера обнюхивала и царапала деревья, поддерживавшие их жилье, потом удалилась вдоль берега, и Клейтон ясно разглядел ее под яркой луной; это было огромное красивое животное, самое большое из виденных им до сих пор.

В долгие часы темноты они только урывками засыпали. Непривычные ночные звуки держали их истерзанные нервы все время настороже. Не раз вскакивали они от пронзительных визгов или крадущихся движений каких-то таинственных ночных существ.

Жизнь и смерть

Всю ночь они не смыкали глаз и с большим облегчением встретили рассвет.

После скудного завтрака, состоявшего из солонины, кофе и сухарей, Клейтон начал сооружать постоянное жилище: он ясно понимал, что они не могут надеяться на безопасность и спокойствие, пока не огородят себя от джунглей четырьмя крепкими стенами.

Работа оказалась нелегкой. На постройку маленькой хижины в одну небольшую комнату ушел почти целый месяц. Клейтон строил ее из бревен около шести дюймов в диаметре, а промежутки замазывал глиной, которую нашел на глубине нескольких футов возле ручья. В комнате он сложил печь из небольших валунов, собранных на взморье. Когда дом был готов, он обмазал его со всех сторон четырехдюймовым слоем глины.

Оконный переплет Клейтон устроил из веток около дюйма в диаметре, тесно переплетенных крест-на-крест в виде крепкой решетки, способной противостоять натиску могучих зверей. Такая решетка не препятствовала доступу свежего воздуха в хижину и в то же время являлась надежной защитой.

Двускатная крыша была крыта мелкими ветками, плотно пригнанными друг к другу, а сверху была устлана толстым слоем длинных трав и пальмовых листьев. Затем крыша была также густо обмазана глиной.

Дверь Клейтон сколотил из досок тех ящиков, в которых были упакованы их вещи. Он укреплял дверь до тех пор, пока не получилось такое массивное сооружение, что, взглянув на него, они оба расхохотались.

Но тут Клейтон встретил большое затруднение: у него не было петель, чтобы навесить массивную дверь у входа. Однако после двухдневного упорного труда ему удалось соорудить две огромные и неуклюжие деревянные петли, на которые он и навесил дверь так, что она свободно закрывалась и открывалась.

Штукатурные и другие работы были завершены уже после того, как Клейтоны перебрались в хижину. А это они сделали тотчас же, как только была закончена крыша. Дверь они заставляли на ночь сундуками и ящиками, и, таким образом, получилось сравнительно безопасное и довольно уютное жилище.

Изготовление кровати, стульев, стола и полок было делом сравнительно легким, и в конце второго месяца лорд и леди Грэйсток были довольно недурно обставлены. Если бы не постоянная боязнь нападения диких зверей и все растущая тоска одиночества, они примирились бы со своим положением.

Ночью большие звери рычали, ревели и визжали вокруг их маленькой хижины, но к часто повторяющимся звукам и шуму можно до такой степени привыкнуть, что вскоре перестаешь обращать на них внимание. В конце концов Клейтоны привыкли к ночным крикам и крепко спали всю ночь.

Трижды случалось им видеть большие человекоподобные фигуры, похожие на ту, которую они видели в первую ночь, но никогда они не подходили к ним настолько близко, чтобы они могли сказать наверное: люди ли это или звери?

Блестящие птицы и маленькие обезьяны привыкли к своим новым знакомым. Они, по-видимому, до тех пор никогда не встречали людей и теперь, когда первый их страх рассеялся, стали подходить к ним все ближе и ближе. Их влекло к человеку то странное любопытство, которое управляет дикими существами лесов, джунглей и степей. Спустя месяц многие из птиц прониклись таким доверием, что брали пищу из рук Клейтона.

Однажды к вечеру, когда Клейтон работал над рубкой деревьев (он собирался прибавить еще несколько комнат к своей хижине), его маленькие друзья-мартышки с визгом бросились прочь от холма и попрятались в джунглях. Они кидали назад испуганные взгляды и, пробегая мимо Клейтона, возбужденно тараторили, как бы предупреждая его о приближающейся опасности.

И он увидел то, чего так боялись маленькие обезьяны: человека-зверя, загадочное существо, чья фигура уже не раз мелькала перед ними в мимолетных полуфантастических образах. Зверь шел через джунгли полувыпрямившись, время от времени касаясь земли своими сжатыми кулаками. Это была большая обезьяна-антропоид, приближаясь, она яростно рычала и иногда глухо лаяла.

Клейтон находился довольно далеко от хижины и ревностно рубил выбранное им для постройки дерево. Месяцы, в продолжение которых ни одно страшное животное при дневном свете не осмеливалось приблизиться к хижине, приучили его к беззаботности. Он оставил все свои ружья и револьверы в хижине. И теперь, когда он увидел большую обезьяну, направлявшуюся прямо к нему через кустарник, он понял, что путь к отступлению отрезан, и почувствовал, как по его спине пробежала легкая дрожь. Он был вооружен одним топором и прекрасно сознавал, что его шансы на успех в борьбе с этим жестоким чудовищем были совершенно ничтожны. «А Элис, о боже! — подумал он.— Что будет с Элис?»

Мелькнуло в сознании, что, может быть, еще удастся добежать до хижины. На бегу он крикнул жене, чтобы она вошла в дом и закрыла за собою дверь.

Леди Грэйсток сидела неподалеку от хижины. Услыхав крик мужа, она подняла голову и увидела, что обезьяна с поразительной для такого большого и неуклюжего животного скоростью прыгнула наперерез Клейтону.

Элис с криком побежала к хижине. Вбежав

в нее, она оглянулась, и у нее захолонуло сердце от ужаса: страшный зверь уже пересек путь ее мужу. Теперь Клейтон стоял перед обезьяной, схватив обеими руками топор, и готовый ударить им разъяренного зверя, когда тот на него накинется.

— Запри дверь на засов, Элис! — закричал Клейтон.— Я могу топором справиться с этой обезьяной.

Но он знал, что его ждет верная смерть, и она тоже это знала.

Напавшая на него обезьяна была большим самцом, она весила, вероятно, не менее трехсот фунтов. Из-под косматых бровей злобно сверкали маленькие, близко посаженные глаза, а острые волчьи клыки свирепо оскалились, когда зверь на мгновение остановился перед своей жертвой. За спиной обезьяны в двадцати шагах зияла открытая дверь хижины, и волна ужаса нахлынула на Клейтона, когда он увидел, что Элис снова выбежала из нее, вооруженная винтовкой.

Она, которая всегда так боялась огнестрельного оружия, что не решалась даже дотронуться до него, бросилась теперь к обезьяне с бесстрашием львицы, защищающей своих детенышей.

— Элис! Назад! — крикнул Клейтон.— Бога ради, назад!

Но она не слушала, и в ту же минуту обезьяна накинулась на Клейтона, и ему уже было не до разговоров.

Человек взмахнул топором изо всей своей силы, но могучее животное ловко увернулось, своими страшными лапами вырвало топор из рук Клейтона и отшвырнуло далеко в сторону. С свирепым рычанием кинулся зверь на беззащитную жертву, но прежде, чем его клыки коснулись горла человека, раздался громкий выстрел, и пуля попала обезьяне в спину между лопатками.

Отшвырнув Клейтона, зверь обратился против нового врага. Теперь перед ним стояла до смерти перепуганная молодая женщина и тщетно пыталась выстрелить еще раз. Она не знала механизма ружья, и ударник беспомощно бил по пустой гильзе. С ревом бешенства и боли обезьяна бросилась на хрупкую фигуру — и Элис упала в обморок.

Почти одновременно Клейтон вскочил на ноги и, ни минуты не думая о том, что его помощь совершенно бесполезна, бросился вперед, чтобы отвлечь обезьяну от неподвижного тела жены. Но этого не потребовалось. Громадная обезьяна безжизненно рухнула на траву перед ним — она была мертва. Пуля сделала свое дело.

Быстро осмотрев жену, Клейтон убедился — она жива и невредима, и решил, что огромный зверь умер во время прыжка.

Осторожно поднял он все еще бесчувственное тело жены и снес его в хижину, но прошло добрых два часа, пока, наконец, Элис пришла в себя.

Первые же слова ее наполнили смутной тревогой душу Клейтона. Она говорила:

— О, Джон, как уютно нам дома! Мне снился страшный сон! Мне казалось, мой милый, будто мы вовсе не в Лондоне, а в какой-то ужасной, дикой местности и что на нас нападают страшные звери.

— Да, да, хорошо, Элис! — сказал он, гладя

ее лоб.— А все-таки попробуй-ка снова заснуть и не думать ни о чем плохом!

Этой ночью в крошечной комнате на опушке первобытного леса под завывания леопарда у дверей и далекий глухой рев льва у четы Клейтон родился маленький сын.

Леди Грэйсток так и не оправилась от потрясения, вызванного нападением большой обезьяны. Она жила еще год после того, как родился ребенок, но уже ни разу не выходила из хижины и не сознавала, что она не в Англии.

Клейтон хорошо понимал, что если бы она владела вполне своими умственными способностями, то этот период стал бы для нее непрестанным мучительным чередованием тревог и волнений. Поэтому, хотя он и горько страдал, видя жену в таком состоянии, временами был почти рад тому, что она не может сознавать настоящего положения вещей.

Он давно уже отказался от всякой надежды на спасение. Спасти их могла лишь какая-нибудь случайность. Все с тем же рвением трудился он над усовершенствованием внутренности хижины. Шкуры львов и пантер устилали пол, стены были украшены полками и шкафчиками. Прекрасные цветы тропиков распускались в причудливых вазах, сделанных его руками из глины. Занавеси из трав и бамбука закрывали окна, и — что было труднее всего при том скудном подборе инструментов, которыми он располагал,— ему удалось гладко обстругать доски для обшивки стен, потолка и пола.

То, что он оказался способен своими руками выполнять такую непривычную работу для него, служило ему постоянным источником радостного удивления. Он любил свою работу, ибо исполнял ее для жены и для крошки, который был отрадой им обоим, хотя и увеличивал в сотни раз ответственность и ужас его положения.

В этом году на Клейтона несколько раз нападали большие обезьяны. Эти страшные человекоподобные бродили теперь, по-видимому, в большом числе по окрестностям. Но так как Клейтон никогда уже не выходил без ружья и револьверов, он не очень боялся этих огромных зверей.

Он укрепил решетки окон и приделал к двери деревянный замок и, уходя на охоту за дичью или сбора плодов для пополнения съестных запасов, уже не боялся вторжения зверей в маленькую хижину.

Первое время Клейтон убивал дичь прямо из окон хижины, не выходя из дома, но вскоре животные стали бояться и избегать странное логовище, из которого вылетал ужасающий гром его ружья.

В свободное время Клейтон часто читал вслух жене книги, взятые им с собой из Англии. В их числе было много детских книг с картинками и азбуки. Они рассчитывали при отъезде, что, прежде чем они смогут вернуться в Англию, их ребенок успеет достаточно подрасти для такого чтения.

В такие часы Клейтон иногда писал свой дневник — по своей привычке — всегда по-французски. Он заносил в дневник все подробности их странной жизни, эту тетрадь держал он запертой в маленькой металлической шкатулке.

Ровно через год после рождения сына Элис тихо скончалась. Ее смерть была до того спокойной, что прошло несколько часов, прежде чем Клейтон понял, что жена его действительно умерла.

Весь ужас положения не сразу дошел до сознания Клейтона. Но вскоре он в полной мере оценил значение этой утраты и страшную ответственность, связанную с заботами о маленьком грудном ребенке, выпавшую на его долю.

Последняя запись в его дневнике была сделана утром сразу после смерти жены, в ней он сообщает печальные подробности случившегося... Сообщает деловым тоном, в нем сквозит страшная усталость, апатия и безнадежность, которые еще усиливают трагический смысл написанного.

«Мой маленький сын плачет, требуя пищи. О, Элис, Элис, что мне делать?»

Когда Джон Клейтон написал эти слова — последние, которые ему было суждено написать,— он устало опустил голову на руки и склонился над столом. Элис — неподвижная и холодная — лежала в постели около него.

Мертвую тишину джунглей прорезал жалобный плач ребенка.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРОЗА

Эдгар БЕРРОУЗ

Рисунки
Елены Пьянковой,
Николая Мооса

Обезьяны

В лесу на плоскогорье, в одной миле от океана, старый Керчак, глава обезьяньего племени, рычал и метался в припадке бешенства.

Более молодые и проворные обезьяны взобрались на самые высокие и тонкие ветви гигантских деревьев, готовые в любую минуту обломиться под их тяжестью. Они предпочитали рисковать жизнью, но держаться подальше от старого Керчака во время его припадка неукротимой ярости.

Другие самцы разбежались по всем направлениям. Взбешенное животное успело переломить позвонки одному из них своими громадными, забрызганными пеной клыками.

Несчастная молодая самка сорвалась с высокой ветки и свалилась на землю к ногам Керчака.

Он бросился к ней с диким воплем, схватил сломанный сук и принялся злобно бить ее по голове и плечам, пока не размозжил череп.

Продолжение. Начало в № 4

И тогда он увидел Калу. Возвращаясь со своим детенышем после поисков пищи, она не знала о настроении могучего самца. Внезапно раздавшиеся пронзительные предостерегающие крики ее соплеменников заставили Калу искать спасения в безоглядном бегстве. Керчак бросился за ней и едва не схватил за ногу. Кала совершила единственное, что ей оставалось — опасный отчаянный прыжок, который обезьяны делают, не видя другого выхода.

Перелетев через бездну, она ухватилась за ветку соседнего дерева, но внезапный толчок сорвал висевшего на ее шее детеныша, и бедное существо, вертясь и извиваясь, полетело на землю с высоты тридцати футов. С тихим стоном, забыв о страшном Керчаке, бросилась Кала к нему. Но когда она прижала к груди крохотное изуродованное тельце, жизнь уже оставила его.

Она сидела печально, качая маленькую обезьяну, и Керчак уже не пытался ее схватить. Со смертью детеныша припадок демонического бешенства прошел у него так же внезапно, как и начался.

Керчак — огромный обезьяний царь, весом, примерно, в триста пятьдесят фунтов. Лоб у него был низкий и покатый, глаза налиты кровью, очень маленькие и близко посаженные у широкого плоского носа; уши широкие и тонкие. Свирепый нрав и могучая сила двадцатилетнего самца сделали его властелином маленького племени. Теперь, когда он достиг полного расцвета сил, на огромной территории джунглей не было обезьяны, которая осмелилась бы оспаривать у него право на власть. Другие крупные звери тоже не тревожили его. Один только старый слон Тантор не боялся его — и его одного лишь боялся Керчак. Когда Тантор трубил, большая обезьяна забиралась со своими соплеменниками на вторую террасу деревьев.

Племя антропоидов, в котором, благодаря своим железным лапам и оскаленным клыкам, владычествовал Керчак, насчитывало около восьми семейств. Каждое из них состояло из взрослого самца с женами и детенышами. Всего в племени было от шестидесяти до семидесяти обезьян.

Кала была младшей женой самца Тублата, и детеныш, который насмерть разбился у нее на глазах, был их первенцем. Ей самой было всего девять или десять лет. Несмотря на молодость, это было крупное, сильное, хорошо сложенное животное с высоким, круглым лбом, который указывал на большую смышленость. Она обладала поэтому также и большой способностью к материнской любви и материнскому горю. И все же она была обезьяной — громадным, свирепым, страшным животным из породы, близкой к породе горилл,— правда, несколько более развитой, чем сами гориллы, что в соединении с силой Керчака делало ее племя самым страшным изо всех племен человекообразных обезьян.

Когда стало очевидным, что бешенство Керчака улеглось, все медленно спустились со своих убежищ на землю и снова принялись за прерванные занятия. Детеныши играли и резвились между деревьями и кустами. Взрослые обезьяны лежали на мягком травяном ковре. Некоторые переворачивали упавшие ветки и гнилые пни в поис-

ках насекомых и пресмыкающихся, которых они тут же поедали. Другие обследовали деревья и кусты, разыскивая плоды, орехи, птенцов и яйца. Так прошло около часа, затем Керчак созвал всех и приказал следовать за ним.

В местах с низкой растительностью обезьяны шли большей частью по земле, пробираясь по следам слонов — этим единственным проходам в густо переплетенной массе кустов, лиан, стволов деревьев. Их походка была неуклюжа, медленна, они переваливались с ноги на ногу, ставя суставы сжатых рук на землю и бросая вперед свое неловкое тело. Но когда дорога вела через молодой лес, они передвигались гораздо быстрее, перепрыгивали с ветки на ветку с ловкостью своих маленьких сородичей-мартышек. Кала все время несла крохотное мертвое тело детеныша, крепко прижимая его к груди.

Вскоре после полудня стая достигла холма, господствовавшего над взморьем, откуда просматривалась маленькая хижина. К ней и направился Керчак.

Он видел, как многие из его племени погибали от грома, исходящего из маленькой черной палки в руках белой обезьяны, обитающей в странном логовище. Керчак решил во что бы то ни стало добыть эту палку, несущую смерть, и исследовать снаружи и внутри таинственную берлогу. Уже много раз ходил он со своим племенем на разведку, выжидая момента, надеясь застать белую обезьяну врасплох.

В этот раз они не увидели человека. Дверь хижины была открыта. Медленно, осторожно и безмолвно крались обезьяны сквозь джунгли к маленькой хижине. Не слышно было ни рычания, ни криков бешенства — маленькая черная палка научила их приближаться тихо, чтобы не разбудить ее. Ближе и ближе подходили они. Наконец Керчак подобрался к самой двери и заглянул в хижину. Позади него стояли два самца и Кала, крепко прижимавшая к груди мертвого детеныша.

Внутри они увидели белую обезьяну. Она сидела у стола, склонив голову на руки. На постели вырисовывалась другая фигура, прикрытая парусом. Из крошечной деревянной колыбели доносился жалобный плач малютки.

Керчак неслышно вошел и приготовился к прыжку. Но в это время Джон Клейтон, почувствовав опасность, поднял голову и оцепенел от страха. В дверях стояли три самца-обезьяны, а за ними столпились другие — сколько их там было, он так никогда и не узнал. Револьверы и ружье висели далеко на стене. Керчак кинулся на него.

Когда царь обезьян отпустил безжизненное тело того, кто еще минуту назад был Джоном Клейтоном, лордом Грэйстоком, он обратил внимание на маленькую колыбель и потянулся к ней. Но Кала предупредила его намерения. Прежде чем успели ее остановить, она схватила живого младенца, шмыгнула в дверь и забралась на дерево. Она оставила в пустой колыбели своего погибшего детеныша. Плач ребенка разбудил в ней материнскую нежность, которая была уже не нужна мертвому. Усевшись высоко среди могучих ветвей, Кала прижала плачущего ребенка к груди, он инстинктивно почувствовал мать и затих. Сын английского лорда и английской леди стал кормиться грудью большой обезьяны Калы.

Убедившись, что Клейтон умер, Керчак первым делом обследовал постель. Он осторожно приподнял край парусины, увидел под ней тело женщины, грубо сорвал покров и сжал огромными волосатыми руками ненавистное белое горло. Однако поняв, что женщина мертва, отвернулся, заинтересованный обстановкой комнаты,— и больше не тревожил ни леди Элис, ни лорда Джона.

Ружье, висевшее на стене, более всего привлекало его внимание. Он много месяцев мечтал об этой странной палке. Теперь она была в его власти, а он не смел до нее дотронуться. Осторожно подошел он к ружью, готовый удрать, как только палка заговорит оглушительным рокочущим голосом, поражая насмерть тех из его племени, кто по незнанию или по необдуманности нападал на ее белого хозяина. В его зверином мозгу таилась смутная догадка, что громоносная палка опасна только в руках того, кто умел с нею обращаться. Прошло несколько минут, пока, наконец, он решился до нее дотронуться.

Он ходил взад и вперед, поворачивая голову так, чтобы не спускать глаз с интересовавшего его предмета. Могучий царь обезьян бродил по комнате, качаясь на каждом шагу, и издавал глухое рычанье, прерываемое пронзительным воем, страшнее которого нет в джунглях.

Наконец он остановился перед ружьем, медленно поднял волосатую лапу и прикоснулся к блестящему стволу, но сразу же отдернул ее и снова заходил по комнате. Казалось, будто огромное животное диким рычанием старалось возбудить свою смелость для того, чтобы взять ружье. Он остановился, неуверенно дотронулся до холодной стали, и почти тотчас же снова отдернул руку, и возобновил свою возбужденную прогулку. Это повторялось много раз. Движения животного становились все увереннее, наконец, ружье было сорвано с крюка. Убедившись, что палка не причиняет ему вреда, Керчак занялся подробным осмотром. Он ощупал ружье со всех сторон, заглянул в черную глубину дула, потрогал мушку, ремень и, наконец, курок.

Забравшиеся в хижину обезьяны сидели в это время у двери, наблюдая за своим вожаком. Остальные толпились снаружи у входа, вытягивая шеи и стараясь заглянуть внутрь. Случайно Керчак нажал курок. Оглушительный грохот раздался в маленькой комнате, и звери, бывшие в хижине и за дверями, повалились, давя друг друга в безумной панике.

Керчак был так испуган, что забыл даже выпустить из рук виновника этого ужасного шума и бросился к двери, крепко сжимая ружье в руке. Он выскочил наружу, но ружье зацепилось за дверь, и она плотно захлопнулась за улепетывавшими обезьянами.

Отбежав от хижины, Керчак остановился, осмотрелся — и вдруг заметил, что все еще держит в руке ружье. Он торопливо отбросил его, как будто железо было раскалено докрасна.

Прошел целый час, прежде чем обезьяны набрались храбрости и снова приблизились к хижине. Но когда они, наконец, решились войти, то, к своему огорчению, убедились, что дверь закрыта

прочно. Попытки открыть ее не привели ни к чему. Хитроумно сооруженный Клейтоном замок запер дверь за спиной Керчака, а все намерения обезьян проникнуть сквозь решетчатые окна тоже не увенчались успехом.

Побродив некоторое время в окрестностях, они пустились в обратный путь сквозь чащу леса, к знакомому плоскогорью.

Кала так и сидела на дереве со своим маленьким приемышем; но когда Керчак приказал ей слезть, она, убедившись, что в его голосе нет гнева, легко спустилась, перебираясь с ветки на ветку, и присоединилась к другим обезьянам. Соплеменников, которые пытались осмотреть ее странного детеныша, Кала встречала оскаленными клыками и глухим угрожающим рычанием. Когда ее стали уверять, что никто не хочет нанести вред детенышу, она позволила подойти поближе, но не дала никому прикоснуться к своей ноше. Она чувствовала, что детеныш слаб и хрупок, и опасалась, что грубые лапы любопытных могут причинить вред малютке.

Пробираться сквозь джунгли Кале было особенно трудно, так как ей приходилось цепляться за ветки одной рукой. Другой она бережно прижимала к себе нового сына. Детеныши других обезьян сидели на спинах матерей, крепко держась руками за их волосатые шеи и просунув ноги под мышки, что нисколько не мешало их носильщицам. Кала держала крошечного лорда Грэйстока у своей груди, и нежные ручонки ребенка цеплялись за длинные черные волосы, покрывавшие эту часть ее тела. Кале было трудно, неудобно, тяжело. Но она помнила, как один ее детеныш, сорвавшись со спины, встретил ужасную смерть, и не хотела рисковать другим.

Белая обезьяна

Нежно вскармливала Кала своего найденыша, про себя удивляясь лишь тому, что он не делается сильным и ловким, как остальные маленькие обезьянки. Прошел год с того дня, как ребенок попал к ней, а только сейчас начинал ходить. Лазать же по деревьям он и не пытался.

Иногда Кала говорила со старшими самками о своем милом ребенке. Ни одна из них не могла понять, почему он такой отсталый и непонятливый, хотя бы, например, в таком простом деле, как добывание себе пищи. Он не умел находить себе еду, а ведь уже больше двадцати лун детеныш находился в стае. Знай Кала, что ребенок уже прожил на свете целых тринадцать лун до того, как попал к ней, она сочла бы его совершенно безнадежным. Ведь маленькие обезьяны ее племени были более развиты после двух или трех лун, чем этот маленький чужак после двадцати пяти.

Муж Калы, Тублат, испытывал величайшую ненависть к этому детенышу, и если бы самка не охраняла его самым ревностным и заботливым образом, он давно бы нашел случай убрать малютку со своей дороги.

— Он никогда не будет большой обезьяной,— рассуждал Тублат.— И тебе, Кала, вечно придется таскать его на себе и заботиться о нем. Какая польза от него для нас и для нашего племени?

Лучше всего бросить его, когда он уснет, в траве, а ты выносишь сильных обезьян, которые сумеют оберегать нашу старость.

— Нет, Сломанный Нос, ни за что,— возражала Кала,— пусть даже мне придется всю жизнь носить его!

Выведенный из себя, Тублат обратился к самому Керчаку и потребовал, чтобы царь своею властью заставил Калу отказаться от Тарзана. Так назван был маленький лорд Грэйсток. Имя это означало «белая кожа». Но когда Керчак заговорил с Калой о ребенке, она заявила, что убежит из племени, если ее с детенышем не оставят в покое. А так как каждый из обитателей джунглей имеет право уйти из племени, если оно ему не по душе, то Керчак ее больше не беспокоил, боясь потерять Калу — красивую, хорошо сложенную молодую самку.

И все же Тарзан подрастал. Он все быстрее и быстрее развивался и успешно догонял своих сверстников-обезьян. В десять лет он уже превосходно лазил по деревьям, а на земле мог проделывать такие фокусы, которые были не по силам его братьям и сестрам.

Он во многом отличался от них. Часто они дивились его изумительной хитрости. Но Тарзан был ниже их ростом и слабее. В десять лет человекообразные обезьяны уже совсем взрослые звери, и некоторые из них достигали шести футов. Тарзан же все еще был подростком-мальчиком. Но зато каким мальчиком! Подрастая, он ежедневно целыми часами гонялся по верхушкам деревьев за своими братьями и сестрами.

Он выучился делать прыжки в двадцать футов на головокружительной высоте и мог с безошибочной точностью и без видимого напряжения ухватиться за ветку, бешено раскачивающуюся от ветра. Он мог на высоте двадцати футов перебрасываться с ветки на ветку, молниеносно спускаясь на землю, и был в состоянии с легкостью и быстротой белки взбираться на самую вершину тропического гиганта. Ему было всего десять лет, а он уже был силен, как здоровый тридцатилетний мужчина, и обладал несравненно большей подвижностью, чем тренированный атлет. И день ото дня силы его прибывали.

Жизнь Тарзана среди этих свирепых обезьян текла счастливо, потому что он не помнил иной жизни и не знал, что во вселенной есть что-нибудь, кроме необозримых джунглей и зверей в них.

Он начал понимать, что между ним и его товарищами существует большое различие. Маленькое его тело, коричневое от загара, стало вдруг вызывать в нем острое чувство стыда, потому что он заметил, что оно совершенно безволосое и голое, как тело презренной змеи или другого пресмыкающегося.

Он пытался поправить дело, обмазав себя с ног до головы грязью. Но грязь высохла и облупилась. Вдобавок это причинило ему такое неприятное ощущение, что он решил лучше переносить стыд, чем подобное неудобство.

На равнине, которую часто посещало его племя, было маленькое озеро, и в нем впервые увидел Тарзан свое лицо, отраженное в зеркале светлых прозрачных вод. Однажды в знойный день, в период засухи, он и один из его сверстников отправились к озеру, чтобы утолить жажду. Когда они нагнулись, в тихой воде отразились оба лица: свирепые и страшные черты обезьяны рядом с тонкими чертами аристократического отпрыска старинного английского рода. Тарзан был ошеломлен. Мало того, что он безволосый! У него, оказывается, такое безобразное лицо! Он удивился, как другие обезьяны могут терпеть его в стае.

Какой противный маленький рот и крохотные белые зубы! На что они похожи рядом с могучими губами и клыками его счастливых братьев? А этот тонкий нос — такой жалкий и убогий, словно он исхудал от голода! Тарзан покраснел, когда сравнил свой нос с великолепными широкими ноздрями своего спутника. Вот у того действительно красивый нос! Он занимает почти половину лица! «Хорошо быть таким красавцем!» — с горечью подумал бедный маленький Тарзан.

Но когда он рассмотрел свои глаза, то окончательно пал духом. Темное пятно, серый зрачок, а кругом одна белизна! Отвратительно! Даже у змеи нет таких гадких глаз, как у него!

Он был так углублен осмотром своей внешности, что не услышал шороха высоких трав, раздвинутых за ним огромным зверем, который пробирался сквозь джунгли. Не слышал ничего и его товарищ-обезьяна: он в это время жадно пил, и чмоканье сосущих губ заглушало шум шагов тихо подкрадывающегося врага.

Шагах в тридцати от них притаилась Сабор, свирепая львица. Нервно подергивая хвостом, она осторожно выставила вперед мягкую лапу и бесшумно опустила ее на землю. Почти касаясь брюхом земли, ползла эта хищная огромная кошка, готовясь прыгнуть на свою добычу.

Уже всего около десяти футов отделяло ее от ничего не подозревавших подростков. Львица медленно подобрала под себя задние ноги, и рельефные мускулы красиво напряглись под золотистой шкурой.

Львица так плотно прижалась к земле, что казалось, будто вся растеклась, только изгиб спины возвышался над травой. Хвост, напряженный и прямой, как палка, замер.

Одно мгновение она выжидала, словно окаменев. А затем с ужасающим ревом прыгнула. Львица Сабор была мудрым охотником. Свирепый рев ее, сопровождавший прыжок, мог бы показаться совсем лишним. Разве не вернее напасть на жертву безмолвно? Но Сабор знала быструю реакцию обитателей джунглей и почти невероятную остроту их слуха. Для них внезапный шорох травяного стебля был таким же ясным предостережением, как самый громкий рев. Сабор понимала, что ей все равно не удастся бесшумно прыгнуть из-за кустов. Не предостережением был ее дикий рык. Она испустила его, чтобы бедные жертвы оцепенели от ужаса на тот краткий миг, пока она не запустит своих когтей в их мягкое тело.

Поскольку дело касалось обезьяны, Сабор рассудила правильно. Звереныш оцепенел на мгновение, но этого мгновения оказалось достаточно для его гибели.

Не то Тарзан, дитя человека. Жизнь в джунглях, среди постоянных опасностей приучила его отважно встречать всякие случайности, а более

высокий ум действовал с быстротой, недоступной обезьянам. Вой львицы Сабор наэлектризовал мозг и мускулы маленького Тарзана, и он приготовился к моментальному отпору.

Перед ним были глубокие воды озера, за спиной неизбежная жестокая смерть от когтей и клыков. Тарзан всегда ненавидел воду и признавал ее только как средство для утоления жажды. Он ненавидел ее, потому что связывал с ней представление о холоде, о проливных дождях, сопровождаемых молнией и громом, которых он боялся. Его дикая мать научила избегать глубоких вод озера. Разве он не видел сам несколько недель до того, как маленькая Нита погрузилась под спокойную поверхность воды и больше не вернулась к племени? Но из двух зол быстрый его ум избрал меньшее. Не успел замереть крик Сабор, нарушивший тишину джунглей, как Тарзан почувствовал, что холодная вода сомкнулась над его головой.

Тарзан не умел плавать, а озеро было глубокое, но он не потерял своей обычной самоуверенности и находчивости. Он стал энергично работать руками и ногами, пытаясь выбраться наверх, инстинктивно делая движения, присущие плывущим собакам. Через несколько секунд нос его оказался над поверхностью воды, и он понял, что, продолжая такого рода движения, он сможет держаться на воде и даже двигаться в ней.

Тарзан был изумлен и обрадован этим новым умением, так неожиданно приобретенным, но у него не было времени долго об этом думать. Он плыл теперь параллельно берегу и видел жестокого зверя, который, притаившись над безжизненным телом его маленького приятеля, схватил бы, конечно, и его. Львица напряженно следила за Тарзаном, очевидно предполагая, что он вернется на берег, но мальчик и не думал это делать. Вместо того он испустил громкий предостерегающий крик своего племени. Почти немедленно издали донесся ответ, и тотчас же сорок или пятьдесят обезьян помчались по деревьям к месту трагедии.

Впереди всех неслась Кала, потому что она узнала голос своего любимца, а с нею была и мать той маленькой обезьянки, которая уже лежала мертвой у ног Сабор. Огромная львица, вооруженная для сражения лучше, чем человекоподобные, все же не желала встретить их бешеных взрослых самцов. Яростно рыча, она быстро прыгнула в кусты и скрылась.

Тарзан подплыл к берегу и поспешно вылез на сушу. Чувство свежести и удовольствия, доставленное ему невольным купанием, наполнило его маленькое существо радостным изумлением. Впоследствии он никогда не упускал случая окунуться в озеро, реку или океан, как только представлялась возможность. Долгое время Кала не могла привыкнуть к таким проказам.

Приключение с львицей стало одним из острых воспоминаний Тарзана: такого рода происшествия нарушали однообразие повседневной жизни. Без подобных случаев его жизнь была бы лишь скучной чередою поисков пищи, еды и сна.

Племя Тарзана кочевало по территории, занимающей двадцать пять миль морского берега и приблизительно пятьдесят миль материковых джунглей. Изо дня в день бродили здесь обезьяны.

Длительность переходов и стоянок зависела от обилия или недостатка пищи, от природных условий местности и от наличия опасных зверей. Однако Керчак зачастую заставлял обезьян делать длинные переходы только по той причине, что ему было скучно долго оставаться на одном и том же месте.

Ночью они спали там, где их застигала темнота, укладываясь на землю и прикрывая головы, а изредка и все тело листьями гигантского лопуха. Чаще, если ночи были холодные, чтобы согреться, они лежали, прижавшись друг к другу, по двое или по трое. Таким образом и Тарзан все эти годы по ночам спал в объятиях Калы.

Не было никаких сомнений, что огромное свирепое животное горячо любило своего белого детеныша. Он, со своей стороны, отдавал большому волосатому зверю всю ту нежность, которая была бы обращена к его прекрасной, безвременно умершей молодой матери. Правда, когда Тарзан не слушался Калы, она слегка его шлепала, но гораздо чаще ласкала, чем наказывала.

Однако Тублат, ее муж, продолжал ненавидеть Тарзана и искал случая покончить с белой обезьяной. Тарзан, в свою очередь, пользовался любой удобной возможностью чтобы показать, что и он отвечает полной взаимностью на чувства своего приемного отца. Если он мог безопасно досадить ему, состроить рожу или послать бранное слово, находясь в надежных объятиях матери, он это делал непременно. Изобретательный ум и хитрость помогали Тарзану измышлять сотни дьявольских проделок, чтобы насолить Тублату и отравить его и без того тяжелое обезьянье существование.

Еще в раннем детстве Тарзан научился вить веревки, скручивая и связывая длинные травы. Этими веревками он при всяком удобном случае стегал Тублата или пытался схватить его под мышки и подвесить на низких ветвях дерева.

Играя постоянно с веревками, Тарзан научился вязать грубые узлы и делать затяжные петли, чем забавлялись вместе с ним и маленькие обезьяны. Они пытались подражать Тарзану, но он один изобретал и доводил выдумки до совершенства.

Однажды Тарзан накинул петлю на одного из бежавших с ним товарищей, придерживая другой конец веревки в своей руке. Петля случайно обвилась вокруг шеи обезьяны, принудив ее самым неожиданным образом резко остановиться.

«Ага, вот новая игра, и хорошая игра!» — подумал Тарзан и тотчас же попытался повторить эту шутку. Постоянной практикой и старательными упражнениями он отлично научился искусству закидывать на шею жертвы петли аркана.

И вот тогда жизнь Тублата превратилась в постоянный кошмар. Спал ли он, шел ли — ночью и днем, он никогда не мог быть уверен, что невидимая беззвучная петля не схватит его шеи и не задушит его.

Кала наказывала Тарзана, Тублат клялся жестоко отомстить ему, даже старый Керчак обратил внимание на его шалости, предостерегал его, грозил, но все было напрасно. Тарзан никого не слушался, и тоненькая крепкая петля охватывала шею Тублата, когда тот меньше всего ожидал нападения.

Другим обезьянам эти вечные проделки Тарзана с Тублатом казались забавными, так как Сломанный Нос был вредным стариком, которого никто не любил.

Беспокойный молодой ум Тарзана постоянно будоражили новые замыслы. Если он мог ловить своих соплеменников-обезьян длинным арканом из трав, почему бы не попытаться ему поймать им и львицу Сабор? Это был лишь зародыш мысли, и ей суждено было медленно созревать и таиться в его подсознании, пока, наконец, эта идея не осуществилась самым блистательным образом.

Бой в джунглях

Постоянные скитания часто приводили обезьян на берег маленькой бухты, к запертой и безмолвной хижине. Ее таинственность была для Тарзана постоянным источником интереса. Он заглядывал в занавешенные окна или взбирался на крышу и смотрел в черное отверстие трубы, тщетно ломая голову над неведомыми чудесами, заключенными среди этих крепких стен. Его детское воображение создавало фантастические образы удивительных существ, находящихся внутри хижины. Он часами исследовал крышу и окна, пытаясь найти вход, но почти не обращал внимания на дверь, потому что она мало отличалась от массивных и неприступных стен.

Вскоре после своего приключения со старой Сабор, Тарзан снова посетил хижину и, подходя к ней, заметил, что дверь выделяется на общем фоне стены. Впервые он подумал, что, быть может, здесь-то и кроется так долго ускользавший от него способ вторжения в хижину.

Он был один, что случалось часто, когда он бродил около хижины, потому что обезьяны ее избегали. История о палке, извергающей громы, еще жила в их памяти, и пустынное обиталище неведомого белого человека оставалось окутанным атмосферой ужаса и тайны. О том, что он сам был найден здесь, Тарзан не знал. А рассказать ему об этом никто не смог. В обезьяньем языке так мало слов, что их хватало самое большее на то, чтобы поведать о палке с громом. Но для описания неведомых странных существ, их обстановки и вещей язык обезьян был бессилен. И поэтому задолго перед тем, как Тарзан вырос настолько, чтобы понять эту историю, она была попросту забыта племенем. Кала туманно и смутно объяснила Тарзану, что отец его был странной белой обезьяной, но мальчик не знал, что Кала не была ему родной матерью.

Итак, в тот день он направился прямо к двери и провел много часов, исследуя ее. Он долго возился с петлями, с ручкой, с засовом. Наконец он нечаянно нажал на запор, и дверь к его удивлению с треском раскрылась. Несколько минут он не решался войти, но когда его глаза свыклись с тусклым светом комнаты, медленно и осторожно пробрался туда.

Посреди комнаты лежал скелет без малейших следов плоти; кости едва прикрывали истлевшие, покрытые плесенью остатки того, что когда-то было одеждой. На постели Тарзан заметил дру-

гой такой же страшный предмет, но уже меньшего размера, а в крошечной колыбели около кровати лежал третий крохотный скелет. Мальчик только мимоходом обратил внимание на эти свидетельства давней трагедии. Джунгли приучили его к зрелищу мертвых и умирающих животных.

Внимание его привлекли находившиеся в комнате предметы. Он стал подробно и внимательно рассматривать все подряд: странные инструменты, оружие, книги, бумаги, одежду — то немногое, что уцелело от разрушительного действия времени в сырой атмосфере прибрежных джунглей. Затем он открыл те ящики и шкафы, с которыми смог справиться благодаря только что приобретенному опыту. Вещи здесь сохранились гораздо лучше. Среди них был охотничий нож, об острое лезвие которого Тарзан немедленно порезал палец. Нимало не смущаясь, он продолжал свои опыты и убедился, что этой штукой можно откалывать щепки от столов и стульев.

Некоторое время это занятие забавляло его, но, наконец, наскучило, и он продолжил свои поиски. В одном из наполненных книгами шкафов ему попалась книга с ярко раскрашенными картинками. Это была детская иллюстрированная азбука.

С А начинается Аист,
Гнездо свое вьет он на крыше.
С Б начинается Башня,
Домов всех вокруг она выше.

Картинки его увлекли необычайно. Он увидел много белых обезьян, похожих на него. В книге он нашел изображения маленьких мартышек, которых он видел в родных джунглях. Но нигде он не встретил обезьян своего племени, во всей книге не было ни Керчака, ни Тублата, ни Калы.

Сначала Тарзан пытался снять пальцем знакомые маленькие фигуры со страниц, но быстро понял, что они не настоящие. А вот пароходы, поезда, коровы и лошади не имели для него никакого смысла, они скользили мимо внимания и не беспокоили его. Почему-то особенно заинтересовали Тарзана и даже сбили с толку многочисленные черные фигурки внизу и между раскрашенными картинками — что-то вроде букашек, подумалось ему,— потому что у многих из них были ноги, но ни у одной не было ни рук, ни глаз. Это было его первое знакомство с буквами алфавита. Он, десятилетний мальчишка, никогда не видавший ничего печатного, никогда не говоривший с кем-либо, кто имел хотя бы отдаленное представление о существовании письменности, никак не мог угадать значение этих странных фигурок.

В середине книги он нашел своего старого врага — львицу Сабор, а затем и змею Хисту, свернувшуюся клубком. О, как это было замечательно! Никогда он не испытал такого огромного удовольствия. Он так увлекся, что даже не обратил внимания на приближающиеся сумерки, пока они не надвинулись и не смешали все рисунки.

Тарзан положил книгу в шкаф и притворил дверь, потому что не хотел, чтобы кто-нибудь другой нашел и уничтожил его сокровище. Уходя, он заметил охотничий нож, лежавший на полу, поднял его и взял с собой, чтобы показать своим товарищам. Уже стемнело, когда он закрыл за собой большую дверь хижины так, как она была закрыта прежде.

Едва Тарзан углубился в джунгли, как из-за низкого куста выступил перед ним огромный силуэт. Сначала он принял его за обезьяну своего племени, но через мгновение сообразил, что это Болгани, громадная горилла. Мальчик стоял так близко к ней, что бежать уже было невозможно. Тарзан понял, что единственный выход — остаться на месте и биться, биться насмерть, потому что эти свирепые звери были смертельными врагами его соплеменников и, встретившись с ними, никогда не просили и не давали пощады. Если б Тарзан был взрослым самцом обезьяньего племени Керчака, он был бы серьезным противником для гориллы, но он был лишь маленьким мальчиком, правда, необычайно крепким и мускулистым для своего возраста, и, конечно, не мог сравняться со своим страшным противником. Но в его жилах текла кровь англичан, среди которых много могучих бойцов и знаменитых спортсменов, у него было ловкое и тренированное тело и опыт, приобретенный в повседневной борьбе за выживание в джунглях.

Тарзану было чуждо понятие страха в нашем понимании, его маленькое сердце билось учащенно, но только от нервного возбуждения. Если бы представилась возможность бежать, он, конечно, воспользовался бы этой возможностью, но лишь потому, что рассудок подсказывал, что он неровня громадному зверю. Но бегство было немыслимо, и Тарзан храбро встретил гориллу. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он схватился со зверем, едва тот прыгнул на него, и бил его громадное тело своими кулаками, разумеется, столь же безрезультатно, как если бы муха ударяла слона. Но в одной руке Тарзан все еще держал нож, подобранный им в хижине отца, и когда зверь, кусаясь, опять бросился на него, мальчик случайно ударил острием ножа волосатую грудь гориллы. Нож глубоко вонзился в тело, и зверь завыл от боли и бешенства.

В один миг мальчик познал назначение своей острой блестящей игрушки. Он немедленно воспользовался новым знанием, и когда терзающий, кусающий зверь повалил его на землю, он несколько раз погрузил ему нож в грудь по самую рукоять.

Горилла наносила мальчику ужасающие удары и терзала его тело своими могучими клыками. Некоторое время они катались по земле в диком бешенстве сражения. Истерзанный и залитый кровью ребенок все слабее и слабее наносил удары длинным лезвием ножа, наконец маленькая фигурка судорожно вытянулась, и Тарзан, молодой лорд Грэйсток, упал без признаков жизни на траву...

Племя Керчака услышало издалека свирепый вызов гориллы. И, как всегда, в случаях опасности, Керчак сейчас же собрал свое племя для защиты от общего врага, так как горилла могла быть не одна. Вскоре выяснилось, что нет Тарзана. Тублат, страшно обрадовавшись случаю, изо всех сил противился посылке помощи. Сам Керчак, тоже недолюбливавший странного маленького найденыша, охотно послушал Тублата и, пожав пле-

чами, вернулся к груде листьев, на которых приготовил себе постель.

Иначе думала Кала. Едва она узнала, что Тарзан исчез, как уже мчалась по спутанным ветвям к месту, откуда еще доносились крики гориллы.

Взошедшая луна струила свой неверный свет, порождая уродливые тени от сплетенных ветвей. Редкие матовые лучи ее проникали до земли, но этот свет только сгущал кромешную тьму джунглей.

Неслышно, подобно огромному призраку, перебрасывалась Кала с ветки на ветвь. Она то быстро скользила по большим сучьям, то перелетала пространство между деревьями и быстро приближалась к месту происшествия. Ее опыт и знание джунглей подсказывали, что место боя близко. Крики гориллы означали, что страшный зверь находится в смертельном бою с каким-то другим обитателем дикого леса. Внезапно они смолкли, и воцарилась гробовая тишина.

Кала ничего не могла понять: крик гориллы был несомненно криком страданий и предсмертной агонии, но она не могла определить, кто был ее противником. Совершенно невероятно, чтобы ее маленький Тарзан смог уничтожить большую обезьяну-самца. И потому, когда Кала приблизилась к месту поединка, она стала продвигаться осторожнее, а под конец совсем медленно и опасливо пробиралась по нижним ветвям, тревожно вглядываясь в обрызганную лунным светом темноту и отыскивая хоть какой-нибудь признак бойцов. Вдруг на открытой полянке она видела маленькое истерзанное тело Тарзана и рядом с ним большого самца-гориллу, уже мертвого и окоченевшего.

С глухим криком бросилась Кала к Тарзану, прижала белое окровавленное тело к своей груди, прислушиваясь, не бьется ли в нем еще жизнь, и с трудом расслышала слабое биение маленького сердца. Осторожно и любовно понесла его Кала через чернильную тьму джунглей к своему племени.

Долгие дни и ночи пришлось ей выхаживать Тарзана. Бедняжка не имела понятия о медицине, она могла только вылизывать раны и таким способом держала их в относительной чистоте, пока целительные силы природы делали свое дело.

Первое время Тарзан ничего не ел, метался в бреду и лихорадке. Но он поминутно просил пить, и она носила ему воду тем единственным способом, который был в ее распоряжении — в собственном рту. Ни одна женщина не сумела бы проявить большей самоотверженной преданности к маленькому найденышу, чем это дикое животное.

Наконец лихорадка прошла, и мальчик начал поправляться. Ни одной жалобы не вырвалось из его крепко сжатых губ, хотя его раны мучительно болели. Часть его груди оказалась разодранной до костей, и три ребра были переломлены могучими ударами гориллы. Одна рука была почти перегрызена огромными клыками, на шее вырван клок кожи, и обнажена главная артерия, которую свирепые челюсти не перекусили лишь чудом. Со стоицизмом, перенятым от воспитавших его зве-

рей, Тарзан молча переносил боль, предпочитая уползти в заросли высоких трав и безмолвно лежать там, свернувшись в клубок, чем выставлять напоказ свои страдания. Одну лишь Калу Тарзан был всегда рад видеть рядом. Но теперь, когда дело пошло на поправку, она уходила на более продолжительное время для поисков пищи. Пока Тарзану было плохо, преданное животное питалось кое-как, чтобы только поддержать свое существование. И теперь Кала от худобы стала тенью самой себя.

Свет познания

Прошло много времени, и оно показалось целой вечностью маленькому страдальцу, пока, наконец, он встал на ноги и мог снова ходить. Но с этих пор выздоровление его пошло уже так быстро, что через месяц Тарзан был таким же сильным и подвижным, как прежде.

Во время своей болезни он много раз восстанавливал в памяти бой с гориллой. Тарзан мечтал снова отыскать то чудесное оружие, которое превратило его из безнадежно слабого и хилого существа в победителя могучего зверя, наводившего страх на джунгли. Кроме того, его тянуло снова побывать в хижине и продолжить осмотр диковинных вещей.

И пришло то время, когда он отправился на розыски. Тарзан быстро нашел начисто обглоданные кости своего противника. Тут же, прикрытый опавшими листьями, валялся нож, весь заржавевший от запекшейся крови гориллы и от долгого лежания на влажной почве. Ему не понравилось, что прежняя блестящая поверхность ножа так изменилась, но все-таки в его руках это было достаточно грозное оружие, которым он решил воспользоваться при первой опасности. У него мелькнула даже мысль, что отныне он уже не должен спасаться бегством от наглых нападений старого Тублата.

Через несколько минут Тарзан был около хижины, открыл дверь и вошел. Его первой заботой было изучить механизм замка, и он внимательно осмотрел его устройство. Ему хотелось точно узнать, что собственно держит дверь и каким образом она открывается, как только прикоснешься к запору. Тарзан увидел, что изнутри тоже можно закрыть дверь на замок. Он так и сделал, чтобы никто не беспокоил его во время занятий.

Лишь тогда Тарзан приступил к систематическому осмотру хижины. Его внимание было опять главным образом приковано к книгам. Казалось, от них исходила какая-то колдовская сила. Он не мог сейчас заняться ничем иным — до такой степени захватила его увлекательная, изумительная тайна книг.

Здесь был букварь, несколько детских книжек, какие-то многочисленные книги с картинками и большой словарь. Тарзан рассмотрел их все. Больше всего ему понравились картинки, но и маленькие странные букашки, покрывавшие страницы, где не было рисунков, вызывали в нем удивление и будили его мысль.

Сидя с поджатыми ногами на столе в хижине, построенной его отцом, склонившись своим стройным и нагим телом над книгой, этот маленький первобытный человек с густой гривой волос и блестящими умными глазами являл собой трогательную и прекрасную живую аллегорию первобытного стремления к знанию сквозь черную ночь умственного небытия. Лицо его поражало выражением напряженной работы мысли. Каким-то не поддающимся анализу путем он уже нащупал ключ к столь смущавшей его загадке о таинственных маленьких букашках.

Перед ним лежал букварь, а в букваре был рисунок, изображавший маленькую обезьяну. Эта обезьяна походила на него самого, но, за исключением рук и лица, была покрыта каким-то забавным цветным мехом. Тарзан принимал за мех костюм человека! Над картинкой виднелись семь маленьких букашек:

М—а—л—ь—ч—и—к

И он заметил, что в тексте на той же странице эти семь букашек много раз повторялись в том же порядке.

Затем он постиг, что отдельных букашек было сравнительно немного, но что они повторялись много раз — иногда в одиночку, а чаще в сопровождении других. Он медленно переворачивал страницу, вглядываясь в картинки и текст и отыскивая повторение знакомого сочетания — м—а—л—ь—ч—и—к. Вот он снова нашел его под другим рисунком: там опять была маленькая обезьяна и с нею какое-то неведомое животное, стоявшее на всех четырех лапах и походившее на шакала. Под рисунком букашки слагались в такое сочетание:

М а л ь ч и к и с о б а к а.

Итак, эти семь маленьких букашек всегда сопровождали маленькую обезьяну!

Таким образом шло вперед учение Тарзана. Правда, оно шло очень, очень медленно, потому что, сам того не ведая, он задал себе трудную и кропотливую работу, которая вам или мне показалась бы невозможной: он хотел научиться читать, не имея ни малейшего понятия о буквах или письме.

Как-то раз (ему было тогда около двенадцати лет) в одном из ящиков стола он нашел несколько карандашей. Случайно проведя концом одного из них по столу, он с восхищением увидел, что карандаш оставляет за собой черный след. Тарзан так усердно занялся этой новой игрушкой, что поверхность стола очень скоро покрылась линиями, зигзагами и кривыми петлями, а кончик карандаша стерся до дерева. Тогда Тарзан принялся за новый карандаш. Но на этот раз уже имел определенную цель. Ему пришло в голову самому изобразить некоторые из маленьких букашек, которые ползали на страницах его книг. Это было трудное дело прежде всего уже потому, что он держал карандаш так, как привык держать рукоять кинжала, что далеко не способствовало облегчению письма или разборчивости написанного. Однако Тарзан не бросил своей затеи. Он занимался письмом всякий раз, когда приходил в хижину, и в конце концов практический опыт указал ему такое положение карандаша, при котором ему легче было направлять и водить его. И тогда он получил возможность воспроизвести некоторые из маленьких букашек.

После того, как он открыл расположение букв в алфавитном порядке, он с наслаждением искал и находил знакомые ему комбинации. Слова, сопровождавшие их, и их определения увлекли его все дальше и дальше в громадную область знания.

К семнадцати годам Тарзан научился читать детский букварь и вполне понял удивительное значение маленьких букашек. Он уже не презирал свое голое тело, не приходил в отчаяние при виде своего лица, он знал теперь, что принадлежит к совсем иной породе, чем его дикие и волосатые сотоварищи. Он был ч-е-л-о-в-е-к, а они о-б-е-з-ь-я-н-ы. Маленькие же обезьяны, скачущие по верхушкам деревьев, были м-а-р-т-ы-ш-к-и. Тарзан узнал также, что старая Сабор — л-ь-в-и-ц-а, Хиста — з-м-е-я, а Тантор — с-л-о-н.

В его учении случались большие перерывы, так как племя иногда далеко уходило от хижины, но даже вдали от книг его живой ум продолжал работать над этими таинственными и увлекательными вопросами. Куски коры, плоские листья и даже гладкие участки земли служили Тарзану тетрадями, в которых острием охотничьего ножа он выцарапывал уроки.

Но в то же время он не пренебрегал и суровыми жизненными знаниями, постоянно упражняясь с веревкой и охотничьим ножом, который научился точить о плоские камни.

Племя за эти годы значительно окрепло и увеличилось. Под предводительством Керчака ему удалось изгнать другие племена из своей части джунглей, так что пищи хватало на всех и почти не приходилось терпеть от дерзких набегов соседей. И потому, вырастая, молодые самцы считали более удобным для себя брать жен из собственного племени, а если и захватывали чужеродных самок, то приводили их к Керчаку, предпочитая подчиниться ему и жить с ним в дружбе, чем уходить из стаи.

Тарзан находился в племени на особом положении. Хотя обезьяны и считали его своим, Тарзан слишком от них отличался, чтобы не быть одиноким в их обществе. Старшие самцы уклонялись от общения с ним и либо не обращали на него внимания, либо относились к нему с такой непримиримой ненавистью, что, если бы не изумительная ловкость мальчика и не защита могучей Калы, которая оберегала его со всем пылом материнской любви, он был бы убит еще в раннем возрасте.

Самым свирепым и постоянным врагом был Тублат. Но когда Тарзану минуло около тринадцати лет, преследования внезапно прекратились, его оставили в покое и даже стали питать к нему уважение. Тарзан мог, наконец, рассчитывать на спокойную совместную жизнь с племенем Керчака, за исключением тех случаев, когда на кого-нибудь из самцов находил припадок безумного неистовства, которыми страдают в джунглях самцы диких зверей. Виновником этого счастливого для Тарзана поворота был тот же Тублат.

Однажды племя Керчака собралось в маленьком естественном амфитеатре, лежащем среди невысоких холмов, на широкой и чистой поляне, свободной от колючих трав и ползучих растений. Площадка была почти круглой. Со всех сторон поляну замыкали мощные гиганты девственного леса, их огромные стволы были оплетены такой сплошной стеной кустарника, что доступ на маленькую гладкую арену был возможен лишь по ветвям деревьев. Здесь, в безопасности от какого-либо вторжения, устраивало свои собрания племя Керчака. В середине амфитеатра возвышался один из тех странных земляных барабанов, из которых антропоиды извлекают адскую музыку при совершении своих обрядов. Из глубины джунглей глухие удары иногда доносятся до человеческого слуха, но никто из людей никогда не присутствовал на этих ужасных празднествах. Многим путешественникам удалось увидеть эти диковинные барабаны обезьян. Иные из них слышали даже грохот свирепого, буйного разгула громадных человекообразных, этих первых властителей джунглей. Но Тарзан, лорд Грэйсток, был, несомненно, первым человеком, который когда-либо сам участвовал в опьяняющем разгуле Дум-Дум.

Этот первобытный обряд послужил, вероятно, прототипом всех служб, церемоний и торжеств, которые устраивались и устраиваются церковью и государством. На заре человеческого сознания, в седой глубине веков, за далекой гранью зарождающегося человечества, наши свирепые волосатые предки при ярком свете луны выплясывали обряды Дум-Дум под звуки своих земляных барабанов в глубине величавых джунглей. Такими остались они и поныне.

Празднества Дум-Дум устраивались обычно по случаю того или иного важного события в жизни обезьян, например, победы над враждебным племенем, захвата пленника, умерщвления или поимки какого-нибудь крупного хищника джунглей и, наконец, по случаю смерти или воцарения владыки — главы племени.

В этот день праздновалась победа над гигантской обезьяной из стана врагов. Два могучих самца принесли труп побежденного. Они положили свою ношу перед земляным барабаном и уселись на корточках возле него, охраняя. Остальные участники торжества разлеглись в густой траве, чтобы подремать, пока не взойдет луна. При ее свете должна была начаться дикая оргия.

Когда над джунглями спустилась ночь, обезьяны зашевелились, поднялись и расположились вокруг земляного барабана. Самки и детеныши длинной вереницей уселись на корточках с внешней стороны амфитеатра, взрослые самцы расположились внутри полянки, прямо против них. У барабана заняли место три старые самки. Каждая из них держала в руках толстую суковатую палку длиной около пятнадцати дюймов. Чем выше поднималась луна и чем ярче освещался ее сиянием лес, тем сильнее и чаще били в барабан обезьяны. Дикий ритмический грохот наполнил всю окрестность на много миль вокруг. Хищные звери джунглей приостановили свою охоту и, насторожив уши и приподняв головы, с любопытством прислушивались к далеким глухим ударам, указывавшим на то, что у больших обезьян начался праздник Дум-Дум. По временам какой-нибудь зверь испускал пронзительный визг или рев в ответ на дикие звуки праздника антропоидов, но никто из них не решался пойти на разведку или подкрасться для нападения.

Когда грохот барабана достиг кульминации, Керчак выскочил на середину круга, в открытое

пространство между сидящими на корточках самцами и барабанщицами. Выпрямившись во весь рост, он откинул голову назад и, устремив взгляд к восходящей луне, ударил в грудь своими большими волосатыми лапами, испуская страшный, рычащий крик. Еще и еще пронесся этот наводящий ужас крик над притихшими в безмолвии ночи, словно вымершими джунглями. Затем Керчак, крадучись, бесшумно проскочил мимо тела мертвой обезьяны, лежавшей перед барабаном, не сводя с трупа своих красных маленьких, сверкающих злобою глаз, и, переваливаясь, побежал вдоль круга.

Следом за ним на арену выпрыгнул другой самец, закричал и повторил движения вождя. За ним вошли в круг и другие, и джунгли теперь уже почти беспрерывно оглашались их кровожадным криком. Эта пантомима изображала вызов врагу. Когда все взрослые самцы присоединились к хороводу неиствующих плясунов, началось нападение.

Выхватив огромную дубину из груды загодя заготовленных для этой цели, Керчак с боевым рычанием бешено кинулся на мертвую обезьяну и нанес первый ужасающий удар. Барабанный грохот усилился, и на поверженного врага посыпались удар за ударом. Каждый из самцов, приблизившись к жертве обряда, старался поразить ее дубиной, а затем уносился в бешеном вихре Пляски Смерти.

Тарзан тоже участвовал в этом безумном танце. Его смуглое, испещренное полосами пота, мускулистое тело блестело в свете луны и выделялось гибкостью и изяществом среди неуклюжих, грубых, волосатых зверей.

Дикая пляска продолжалась около получаса. Но вот по знаку Керчака прекратился бой барабана. Самки-барабанщицы торопливо пробрались сквозь цепь плясунов и присоединились к толпе зрителей. Самцы, все как один, ринулись на тело врага. Им не часто удавалось есть в достаточном количестве свежее мясо. Поэтому дикий разгул их ночного празднества всегда кончался пожиранием окровавленного трупа. Огромные клыки вонзались в тушу, разрывая кровавое битое тело. Более сильные хватали отборные куски, а слабые вертелись около дерущейся и рычащей толпы, выжидая удобный момент, чтобы втереться туда хитростью и подцепить лакомый кусочек или стащить какую-нибудь оставшуюся кость прежде, чем все исчезнет.

Тарзан еще больше, чем обезьяны, любил мясо и испытывал в нем потребность. Плотоядный по природе, он еще ни разу в жизни, как ему казалось, не поел мяса досыта. И вот теперь, ловкий и гибкий, он пробрался глубоко в массу борющихся и раздирающих мясо обезьян. Он стремился хитростью добыть себе хороший кусок, который ему трудно было бы добыть силой. С боку у него висел охотничий нож его неведомого отца, он видел образчик их на рисунке в одной из своих драгоценных книг. Проталкиваясь в толпе, он наконец добрался до быстро исчезающего угощения и своим острым ножом отрезал изрядный кусок, он и не надеялся, что ему достанется такая богатая добыча — целое предплечье, просовывающееся из-под ног могучего Керчака, который был так занят своим царственным обжорством, что даже не заметил содеянного Тарзаном оскорбления величества... И Тарзан благополучно выбрался из столпотворения со своей добычей.

Среди обезьян, которые тщетно вертелись за пределами круга пирующих, был и старый Тублат. Он одним из первых на пиру захватил уже отличный кусок, который спокойно съел в сторонке. Но этого ему показалось мало, и теперь он снова пробивал себе дорогу, желая еще раз раздобыть хорошую порцию мяса.

Вдруг от заметил Тарзана. Мальчик выскочил из царапающейся и кусающейся кучи переплетенных тел с трофеем, который он крепко прижимал к груди. Маленькие, тесно посаженные, налитые кровью свиные глазки Тублата злобно засверкали, когда он увидел ненавистного приемыша. В них загорелась также и жадность при виде лакомого куска мяса.

Но и Тарзан заметил своего злейшего врага. Угадав его намерение, он быстро прыгнул к самкам и детенышам, надеясь скрыться среди них. Тублат быстро гнался по пятам. Убедившись, что ему не удастся найти место, где он мог бы спрятаться, Тарзан понял, что остается одно — бежать.

Со всех ног помчался он к ближайшим деревьям, ловко прыгнул, ухватился рукой за ветку и с добычей в зубах стремительно полез вверх, преследуемый Тублатом. Тарзан поднимался все выше и выше на раскачивающуюся вершину величавого гиганта. Тяжеловесный преследователь не решился подниматься за ним по хлипким веткам. Усевшись на вершине, мальчик кидал оскорбления и насмешки разъяренному, покрытому пеной животному, которое остановилось на пятьдесят футов ниже его.

И Тублат впал в бешенство. С ужасающими воплями и рычанием низвергнулся он наземь в толпу самок и детенышей и накинулся на них. Он перегрызал огромными клыками маленькие слабые детские шеи и вырывал целые куски шкуры из спин и живота самок, не успевших убежать.

Луна ярко озаряла эту кровавую оргию бешенства. Тарзан видел, как самки и детеныши бежали что было сил в безопасные места на деревьях. А затем и большие самцы, что сидели посредине арены, почувствовали могучие клыки своего обезумевшего товарища. И тогда все обезьяны поспешно скрылись среди черных теней окрестного леса.

В амфитеатре, кроме Тублата, оставалось только одно живое существо — запоздавшая самка. Теперь она быстро бежала к дереву, на котором сидел Тарзан. Это была Кала. За ней по пятам гнался страшный Тублат. Как только Тарзан увидел, что Тублат ее настигает, он с быстротою падающего камня бросился на помощь своей приемной матери.

Она подбежала к дереву. Как раз над нею сидел Тарзан, затаив дыхание, выжидая исхода этого бега взапуски. Кала подпрыгнула и зацепилась за низко висевшую ветку. Казалось, что она уже в безопасности. Но раздался сухой громкий треск, ветка обломилась,— Кала свалилась прямо на голову Тублата, сбив его с ног.

Оба вскочили мгновенно, но Тарзан еще быстрее спрыгнул с дерева, и громадный разъяренный обезьяний самец внезапно очутился лицом к лицу с человеком-ребенком. Ничто не могло быть более на руку злобному зверю. С ревом торжества обрушился он на маленького лорда Грэйстока. Но клыкам его не было суждено вонзиться в это коричневатое тело цвета ореха.

Мускулистая рука решительно схватила Тублата за волосатое горло. Другая рука вонзила несколько раз острый охотничий нож в широкую мохнатую грудь. Удары падали, словно молнии, и прекратились только тогда, когда Тарзан почувствовал, что ослабевшее тело вяло рушится на землю.

Когда Тублат упал, Тарзан, обезьяний приемыш, поставил ногу на шею своего злейшего врага, поднял глаза к полной луне и, откинув назад голову, испустил дикий и страшный победный крик своего народа. Друг за другом со своих убежищ спустилось все племя. Они окружили стеной Тарзана и его побежденного врага, и когда собрались все, Тарзан обратился к ним.

— Я Тарзан,— громко сказал он.— Я великий боец. Все должны почитать Тарзана и Калу, его мать. Среди вас нет никого, кто может сравниться с ним в силе! Пусть берегутся его враги! — Устремив пристальный взгляд в злобно-красные глаза Керчака, молодой лорд Грэйсток ударил себя в грудь, и снова джунгли потряс пронзительный крик победителя.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

ПРОЗА

Эдгар БЕРРОУЗ

Рисунки Елены Пьянковой и Николая Мооса

Охота на вершинах деревьев

На следующее утро после Дум-Дум обезьяны медленно двинулись через лес к побережью. Мертвый Тублат остался на месте, потому что племя Керчака не ест сородичей. Кочуя, антропоиды занимались поисками пищи. Капустные пальмы, серые сливы, низанг и сентамии встречались в изобилии; попадались также дикие ананасы, иногда обезьянам удавалось найти мелких млекопитающих, птенцов, яйца, гадов и насекомых. Орехи обезьяны раскалывали своими могучими челюстями, и только когда те оказывались слишком твердыми, разбивали их камнями.

Однажды они увидели старую Сабор. Встреча с львицей заставила обезьян поспешно искать убежища на высоких ветвях. Правда, Сабор относилась с уважением к их численности и острым клыкам, но и обезьяны со своей стороны проявляли почтительность к ее силе и свирепости.

Тарзан сидел на низко склонившейся ветке. Львица, пробираясь через густые заросли, оказалась под ним. Он швырнул в исконного врага бывший у него под рукою ананас. Величественное животное остановилось и, обернувшись, окинуло взглядом дразнившего ее человека. Сердито вильнув хвостом, Сабор обнажила свои желтые клыки и сморщила, огрызаясь, щетинистую морду. Злобные глаза ее превратились в две узкие щелки, в которых горели бешенство и ненависть. Прижав уши, львица посмотрела прямо в глаза Тарзану и грозно зарычала. Человек-обезьяна ответил ей страшным криком своего племени. Несколько мгновений они смотрели друг на друга. А затем, не выдержав взгляда человека, громадная кошка прыгнула в сторону, и лесная чаща скрыла ее, как океан поглощает брошенный камень.

У Тарзана зародился серьезный план... Он убил свирепого Тублата, значит, он стал могучим бойцом? Теперь он выследит хитрую Сабор и убьет ее тоже. Тогда он станет великим охотником.

С некоторых пор в нем таилось сильное желание прикрыть свою наготу. Из книжек с картинками он узнал, что все люди носят одежду, тогда как мартышки и человекообразные обезьяны ходят голые. Одежда — знак силы, отличительный признак превосходства человека над всеми созданиями. Не могло, конечно, быть другой причины для того, чтобы носить такие отвратительные вещи.

Много лун тому назад, будучи гораздо моложе, Тарзан очень хотел добыть шкуру львицы Сабор, льва Нумы или пантеры Шиты для прикрытия своего безволосого тела. Тогда, по крайней мере, он перестал бы походить на отвратительную змею Хисту. Но нынче Тарзан гордился своею гладкой кожей, ибо она была признаком его происхождения от могучего племени. В нем боролись два противоположных желания — ходить, не стесняя себя, голым по примеру племени Керчака или же, сообразуясь с обычаями своей породы, носить неудобную одежду. И оба эти желания попеременно одерживали в нем верх.

После бегства Сабор племя продолжало свой медленный переход через джунгли. Голова Тарзана была полна широкими планами выслеживания и убийства львицы. Много дней прошло, а он только об этом и думал. От этих постоянных мыслей его отвлекло страшное событие. Внезапно среди белого дня темнота спустилась на джунгли, все звуки стихли. Деревья стояли неподвижно, словно парализованные ожиданием надвигающейся катастрофы. Но вот издалека донеслось какое-то тихое, печальное стенание. Ближе и ближе звучало оно, перерастая в оглушительный рев. Большие деревья разом погнулись, словно их прижала к земле чья-то могучая рука. Они склонялись все ниже и ниже, готовые сломаться от напора. И вдруг великаны джунглей выпрямились и закачали могучими вершинами, как бы выражая этим свой гневный протест. Из несущихся вихрем черных туч сверкнул яркий, ослепительный огонь. Раскаты грома потрясли воздух, как канонада. Тотчас хлынул поток, и джунгли превратились в настоящий ад.

Продолжение. Начало в № 4—5.

Обезьяны, дрожа от холодного ливня, сбились в кучу и жались к стволам деревьев. При свете молний, пронизывающих тьму, видны были дико качавшиеся ветви в сплошной завесе льющихся потоков воды.

Время от времени один из древних лесных патриархов, пораженный ударом молнии, с треском ломался на тысячи кусков и рушился, повергая за собой бесчисленные ветки окружавших его деревьев и множество мелких тварей. Большие и малые сучья, оторванные свирепым вихрем, кружились и летели в неистовой пляске на землю, неся гибель несчастным тварям подлесья.

Долго бесновался ураган, и обезьяны в смятении жались друг к другу, подвергаясь постоянной опасности от падающих стволов и ветвей, парализованные яркими вспышками молний и раскатами грома.

Ураган кончился так же внезапно, как и начался. Ветер утих мгновенно, выглянуло солнце, и природа снова улыбнулась. Мокрые листья и влажные лепестки чудесных цветов засияли в лучах солнца. Стихия смилостивилась, и все живое простило ей причиненное зло и занялось своими обычными делами. Хлопотливая жизнь опять потекла своей чередой.

Но для Тарзана забрезжил свет неожиданного откровения: он постиг тайну одежды. Как ему было бы тепло и уютно во время дождя под тяжелой шкурой Сабор! И эта мысль была еще одной убедительной причиной выполнить затеянное.

В продолжении нескольких месяцев племя бродило близ отлогого берега, где находилась хижина Тарзана, и он посвящал большую часть времени учению. Но когда он скитался по джунглям, то постоянно держал наготове веревку, и немало мелких животных попалось ему в петлю.

Однажды аркан обвил короткую шею кабана Хорта. Вепрь бешено прыгнул в попытке сбросить его и стащил Тарзана с ветки, с которой тот охотился. Зверь услышал шум, обернулся и, увидев легкую добычу — молодую обезьяну, пригнул голову и кинулся на захваченного врасплох юношу. Но Тарзан, к счастью, не пострадал, он по-кошачьи упал на четвереньки, широко расставив ноги. Он мгновенно вскочил и прыгнул с обезьяньей ловкостью на дерево. И вовремя, ибо разъяренный Хорт тяжело промчался под ним.

Так Тарзан приобретал необходимый опыт. Он лишился своей длинной веревки, но зато понял, что если бы с ветки стащила его Сабор, то он несомненно был бы убит.

Ему потребовалось довольно много времени, чтобы сплести новый аркан. Когда он был, наконец, готов, Тарзан отправился на задуманную охоту и залег среди густой листвы над звериной тропой к водопою. Много мелких зверей прошло под ним, но такая добыча не интересовала Тарзана.

И вот появилась та, которую он ждал. Переливая мышцы под бархатно-блестящей шкурой, шла львица Сабор. Ее большие лапы неслышно ступали по узкой тропе. Она шла с высоко поднятой головой, чутко следя за каждым движением и шорохом, медлительными и красивыми движениями извивался ее длинный хвост. Ближе и ближе подходила львица к месту, где Тарзан подстере-

гал ее, уже держа наготове сложенный кольцами длинный аркан. Тарзан был неподвижен, как бронзовый идол, и непреклонен, как смерть. Сабор прошла под ним. Она сделала шаг, другой, третий — и длинная веревка взвилась над ней. Широкая петля со свистом охватила ее голову. И когда Сабор, встревоженная шумом, подняла голову, петля уже обвилась вокруг ее горла! Тарзан крепко затянул аркан на глянцевитой шее, захлестнул веревку за крепкий сук и отпустил ее. Сабор была пойман.

Испуганный зверь бешено метнулся в джунгли. Но тут же почувствовал, что веревка затягивает ему шею. Сабор перевернулась в воздухе и тяжело рухнула на землю. Но когда Тарзан схватился за веревку, упираясь в разветвление двух могучих суков, то понял, как трудно будет подтащить к дереву и подвесить тело мощного зверя, оказывающего яростное сопротивление. Пожалуй, только слон Тантор мог бы стащить Сабор с места.

Львица, пытаясь избавиться от аркана, все же разглядела виновника нанесенной ей обиды. Воя от бешенства, она внезапно высоко подпрыгнула, надеясь достать Тарзана. Но ее обидчик не зевал. Он успел перебраться на более тонкую ветку, футов на двадцать выше, и разъяренная пленница опять оказалась ни с чем. Одно мгновение Сабор висела, вцепившись когтями в дерево, а Тарзан издевался над ней и бросал сучья и ветки в ее ничем не защищенную морду.

Затем животное снова соскочило на землю, и Тарзан быстро натянул веревку, но Сабор догадалась уже, что ее держало, и перегрызла аркан, прежде чем он успел снова затянуть петлю. Тарзан был очень огорчен: так хорошо задуманный план пропал. Он сидел на ветке, бранился и визжал на рычавшее животное и, издеваясь над львицей, строил ей гримасы. Сабор целых три часа расхаживала взад и вперед под деревом. Четыре раза приседала она и прыгала на кривлявшегося оскорбителя. Но это было столь же бесцельно, как гоняться за ветром, который шелестел в верхушках деревьев.

Наконец мальчику приелась эта забава. Он ловко запустил в львицу спелым плодом, который густо и клейко размазался на ее огрызающейся морде. Затем Тарзан быстро помчался по деревьям на высоте ста футов и вскоре оказался среди своих соплеменников. Он рассказал им о своем приключении. Грудь его вздымалась от гордости, и он так фанфаронил и хвастался, что произвел впечатление даже на своих самых заядлых врагов, а Кала простодушно плясала от гордости за сына.

Человек и человек

Жизнь Тарзана в джунглях, как ему казалось, еще несколько лет текла почти без перемен. Но он становился сильнее и умнее и многое узнал из своих книг о диковинных краях, находящихся где-то за пределами его страны. Жизнь ему никогда не казалась ни однообразной, ни бесцветной. У него всегда находилось занятие. Можно было вволю охотиться, искать плоды, ловить в многочисленных ручейках и озерах рыбу Низу. Кроме того,

приходилось постоянно остерегаться Сабор и ее свирепых сородичей. Постоянная опасность придавала остроту и вкус каждой прожитой минуте.

Часто звери охотились за ним, а еще чаще он охотился за зверями. И хотя их острые когти еще ни разу не коснулись его, однако бывали жуткие мгновения, когда расстояние было так мало, что вряд ли лист картона прошел между их когтями и его гладкой кожей.

Быстра была львица Сабор, быстры Нума и Шита, но Тарзан был настоящей молнией.

Он сдружился со слоном Тантором. Как? Об этом никто не знал. Но обитатели джунглей видели, что в лунные ночи Тарзан и слон Тантор подолгу гуляли вместе. И там, где позволяли заросли, Тарзан ехал, сидя высоко на могучей спине Тантора.

За эти годы Тарзан много дней провел в хижине своего отца, где все еще лежали кости его родителей и маленький скелет детеныша Калы. Восемнадцатилетний Тарзан уже свободно читал и понимал почти все в разнообразных книгах, хранившихся на полках в хижине. Он научился писать, и писал отчетливо и быстро, но печатными буквами. Рукописных букв он почти не усвоил, потому что, хотя среди его сокровищ и было много тетрадей, он считал лишним затруднять себя этой формой письма. Позже, впрочем, он с большим трудом научился разбирать рукописный текст.

Итак, восемнадцатилетний молодой английский лорд не мог говорить по-английски, но, тем не менее, умел читать и писать на родном языке. Никогда не видел он другого человеческого существа, потому что на сравнительно небольшой территории, по которой кочевало его племя, не протекало ни одной глубокой реки и сюда не могли спуститься даже дикие туземцы из глубины страны. Высокие горы защищали ее с трех сторон, и океан — с четвертой. Она была населена лишь львами, леопардами, ядовитыми змеями. Девственные леса джунглей еще не видели ни одного существа из породы тех зверей, которые зовутся людьми.

Но однажды, когда Тарзан-обезьяна сидел в хижине отца, погруженный в тайны книг, произошло событие, навсегда нарушившее прежнее безлюдие джунглей.

Случайно глянув в окно, он увидел вдали странное шествие. Оно двигалось гуськом по гребню невысокого холма. Впереди шли пятьдесят черных воинов, вооруженных длинными копьями с железными остриями. Каждый нес большой лук с отравленными стрелами. На спинах висели овальные щиты, в носах были продеты большие кольца, а на сбитых, как шерсть, волосах красовались пучки ярких перьев. Лбы их были татуированы тремя параллельными цветными полосами, а грудь — тремя концентрическими кругами. Их желтые зубы были отточены, как клыки хищников, а большие и отвислые губы придавали им еще более зверский вид.

Следом плелось несколько сотен детей и женщин. Женщины несли на головах всевозможный груз: кухонную посуду, домашнюю утварь и связки слоновой кости. В арьергарде шла сотня воинов, вооруженных так и передовой отряд. Они, по-видимому, больше опасались погони, чем встречных врагов. Об этом свидетельствовало построение колонны. Так оно и было. Чернокожие спасались бегством от солдат белого человека, который так грабил и притеснял их, отнимая слоновую кость и каучук, что в один прекрасный день они восстали против насильников, перебили белого офицера и весь его маленький отряд чернокожих. После победы они несколько дней поедали их трупы, но однажды в сумерках другой, более сильный, отряд солдат напал на их поселок, чтобы отомстить за смерть своих товарищей.

В ту зловещую ночь черные солдаты белого человека в свой черед устроили пир, а жалкий остаток когда-то могущественного племени скрылся в мрачных джунглях.

Три дня отряд медленно продирался сквозь непроходимые дебри. На четвертый — рано утром — туземцы добрались до небольшого участка близ речки, который оказался менее густо заросшим и подходил для стойбища.

Чернокожие пришельцы занялись постройкой жилищ. Через месяц они расчистили большую площадку, выстроили хижины, вокруг поселка вырос крепкий частокол; было посеяно просо, ямс и маис, и дикари зажили прежней жизнью на новом месте. Здесь не было ни белых людей, ни черных войск; никто не отнимал слоновую кость, каучук для жестоких и корыстных хозяев.

Прошло много месяцев, прежде чем черные отважились заходить подальше в леса, окружавшие их новый поселок. Многие из них уже пали жертвами старой Сабор. Джунгли были полны свирепыми и кровожадными кошками, львами и леопардами, и черные воины опасались уходить далеко от своих надежных палисадов.

Но однажды Кулонга, сын старого вождя Мбонги, зашел далеко к западу. Он осторожно крался в густых зарослях, держа копье наготове и крепко прижимая левой рукой к стройному черному телу длинный овальный щит. За спиной у него висел лук, а колчан был наполнен прямыми стрелами, старательно смазанными темным смолистым веществом, благодаря которому даже легкий укол становится смертельным.

Ночь застала Кулонгу далеко от поселка. Он влез на развилину большого дерева и устроил площадку, на которой и улегся спать.

В трех милях к западу от него кочевало племя Керчака.

На заре обезьяны проснулись и разбрелись по джунглям в поисках пищи. Тарзан по своему обыкновению пошел к хижине. Он хотел по дороге найти какую-нибудь дичь и насытиться раньше, чем доберется до берега.

Обезьяны разошлись в одиночку, по двое и по трое по всем направлениям, но старались держаться поближе друг к другу, чтобы в случае опасности можно было крикнуть и быть услышанным.

Кала медленно брела по слоновой тропе и была поглощена переворачиванием гнилых веток в поисках грибов и съедобных насекомых. Вдруг какой-то странный шум привлек ее внимание. Впереди в лиственном туннеле она увидела подкрадывающуюся фигуру страшного, невиданного существа.

Это был Кулонга.

Кала не стала терять времени на его разглядывание, она повернулась и помчалась назад по тропе. С ее стороны это вовсе не было бегством. По обыкновению своих соплеменников, которые благоразумно уклоняются от нежелательных столкновений, пока в них не заговорит страсть, она стремилась не убежать от опасности, а избежать ее.

Но Кулонга не отставал... Он почуял добычу... Он мог убить ее и отлично поесть в этот день. И он бежал за Калой с копьем, уже занесенным для удара.

На повороте тропы Кале удалось было скрыться, но Кулонга опять заметил ее на прямом участке. Рука, державшая копье, откинулась далеко назад, и мускулы в одно мгновение напряглись под гладкой кожей. Затем рука выпрямилась, и копье полетело в Калу. Но бросок был плохо рассчитан. Копье только оцарапало ей бок.

С криком ярости и боли бросилась обезьяна на своего врага. И в то же время деревья затрещали под тяжестью ее товарищей. Племя уже спешило, прыгая с ветки на ветку, на помощь Кале.

Кулонга с невероятной быстротой выхватил лук из-за плеч и вложил в него стрелу. Далеко оттянув тетиву, он послал отравленный снаряд прямо в сердце огромного человекоподобного зверя. И Кала с ужасающим воплем упала ничком на глазах всех изумленных членов своего племени.

С ревом и воем кинулись обезьяны на Кулонгу, но осторожный дикарь помчался вниз по тропе, словно испуганная антилопа. Он хорошо знал свирепость этих диких волосатых людей, и его единственным желанием было как можно дальше убежать. Обезьяны преследовали его довольно долго, стремительно прыгая по деревьям, но вскоре одна за другой бросили погоню и вернулись к месту трагедии. Никто до сих пор из них не видел чернокожего человека, и поэтому все смутно удивлялись, что это за странное существо появилось в их джунглях.

Издалека Тарзан услышал слабые отзвуки стычки. И догадавшись, что случилось нечто серьезное, поспешил туда. Когда он добежал до места происшествия, то застал здесь все племя. Обезьяны в большом волнении кричали и суетились вокруг тела его убитой матери.

Горе и злоба Тарзана были безграничны. Он несколько раз проревел свой страшный боевой клич и стал бить себя в грудь сжатыми кулаками, а потом бросился на труп Калы и горько рыдал над ней, изливая скорбь своего одинокого сердца.

Утрата единственного близкого существа, питавшего к нему дружбу и нежность, была действительно великим несчастьем для него. Что из того, что Кала была свирепым и страшным зверем! Для Тарзана она была матерью — нежной, близкой, а потому и прекрасной. Не сознавая того сам, он отдавал ей все уважение и любовь, которые человек питает к своей родной матери. Тарзан никогда не знал иной и безмолвно отдал Кале все, что принадлежало бы прекрасной леди Элис, будь она жива.

После первого взрыва отчаяния Тарзан опомнился и взял себя в руки. Расспросив соплеменников, ставших свидетелями убийства Калы, он узнал все, что их бедный лексикон позволял пере-

дать ему. Однако и этого было вполне достаточно. Он узнал, что странная безволосая черная обезьяна с перьями, растущими из головы, бросила в Калу смерть из гибкой палки и затем бежала с быстротой оленя Бары по направлению к восходу.

Тарзан вскочил и, забравшись на ветви, быстро понесся по джунглям. Он хорошо знал изгибы слоновой тропы, по которой бежал убийца, и шел напрямик, чтобы пересечь дорогу черному воину, который мог идти только по тропе. На бедре Тарзана висел нож, унаследованный им от отца, а на плече — длинная веревка, свитая в круги. Через час человек-обезьяна снова спустился на тропу и стал внимательно осматривать землю.

В тонкой грязи на берегу крошечного ручейка он нашел следы ног, похожие на собственные, но они были гораздо крупнее его следов. Сердце Тарзана сильно забилось. Неужели он преследует человека, представителя своей породы?

Две одинаковых дорожки следов шли в противоположных направлениях. Жертва, которую он преследовал, прошла здесь и вернулась той же тропой. Вглядевшись в более свежий след, Тарзан заметил, что песчинки еще осыпаются с края в оставленный отпечаток. Это означало, что след был совсем свежий и что таинственное существо, за которым гнался Тарзан, прошло здесь только что.

Тарзан снова забрался на дерево и быстро, но почти бесшумно продолжал преследование. Вскоре он действительно увидел черного воина. Тот стоял на открытой поляне. В руках у него был его гибкий лук с натянутой тетивой. Против воина стоял готовый к нападению вепрь Хорта, с опущенной головой и с покрытыми пеной клыками.

Тарзан с удивлением смотрел на странное чернокожее существо. Оно так было похоже на него и все же отличалось чертами лица и цветом кожи. Правда, в книжках своих он встречал рисунки, изображавшие негра, дикаря, но как сильно отличались те мертвенные отпечатки от этого лоснящегося, черного, ужасного существа, дышавшего жизнью! К тому же этот человек с туго натянутым луком напомнил Тарзану не столько «негра», сколько «стрелка» из его иллюстрированного букваря.

С «С» начинается стрелок

Как все это было удивительно! Тарзан пришел в такое возбуждение, что чуть было не выдал своего присутствия. Но на поляне перед его глазами происходило нечто совсем новое и невиданное.

Вепрь бросился вперед, и тогда черный человек спустил маленькую отравленную стрелу. И Тарзан увидел, как она полетела с быстротой молнии и вонзилась в щетинистую шею вепря. Едва стрела была спущена с тетивы, как Кулонга положил на нее вторую, но выстрелить не успел, ибо вепрь стремительно бросился на него. Тогда чернокожий перескочил через зверя одним прыжком, с неимоверной быстротой всадил в спину Хорте вторую стрелу и почти мгновенно забрался на дерево.

Хорта повернулся, чтобы вновь обрушиться на врага, сделал несколько неуверенных шагов, словно удивившись чему-то, покачнулся и упал на бок. Несколько мгновений мышцы его еще судорожно сокращались, но вскоре он затих.

Кулонга слез с дерева. Ножом, висевшим у него на боку, он вырезал из тела вепря несколько больших кусков. Он ловко и быстро развел огонь посреди тропы и стал жарить и есть это мясо. Остальную часть вепря он оставил там, где она лежала.

Тарзан очень заинтересовался всем виденным. Желание убить яростно пылало в его груди, но желание научиться кое-чему новому было еще сильнее. Он решил выследить это дикое существо и узнать, откуда оно явилось. Убить же его он решил когда-нибудь потом, когда лук и смертоносные стрелы будут отложены в сторону.

Закончив свою еду, Кулонга исчез за ближайшим поворотом тропы, а Тарзан спокойно спустился на землю. Своим ножом он тоже отрезал несколько кусков мяса от туши Хорта, но не стал их жарить. Тарзан видал огонь и прежде, когда Ара, т. е. молния, сжигала какое-нибудь большое дерево. И все же для него было непостижимо, чтобы житель джунглей мог сам добывать красно-желтые острые клыки, пожирающие деревья и ничего не оставляющие после себя, кроме тонкой пыли. А для чего черный воин испортил свое восхитительное кушанье, отдав его в зубы огню,— было уже совершенно непонятно Тарзану. Быть может, Ара была союзницей стрелка, и он делил с нею пищу? Уж конечно он, Тарзан, никогда не испортит так глупо хорошее мясо. Поэтому он поел попросту и без затей сырого кабана. Оставшуюся же часть туши зарыл близ тропы так, чтобы можно было ее найти после своего возвращения.

Вдоволь наевшись, лорд Грэйсток вытер жирные пальцы о бедра и снова отправился по следам Кулонги, сына вождя Мбонги. В это же самое время в далеком Лондоне другой лорд Грэйсток, младший брат Тарзана, отослал обратно клубному повару поданные ему котлеты, заявив, что они недожарены. А потом, окончив обед, окунул пальцы в серебряный сосуд, наполненный душистой водой, и вытер их куском белоснежного камчатного полотна.

Весь день выслеживал Тарзан Кулонгу, летая над ним по веткам, словно злой дух лесов. Еще два раза видел он, как Кулонга метал стрелы: один раз в Данго, гиену, а другой раз в мартышку Ману. В обоих случаях животное умирало почти мгновенно. Яд Кулонги, очевидно, был свеж и очень силен. Тарзан много думал об этом изумительном способе убийства и был очень осторожен, следуя за чернокожим воином в безопасном расстоянии. Он понимал, что маленький укол стрелы не мог сам по себе так быстро убивать. Лесные звери выходили из сражений со своими врагами истерзанными, изгрызенными в кровь самым страшным образом — и, тем не менее, часто выживали. Нет, в этих маленьких деревянных щепочках крылось что-то таинственное. Недаром же одной царапиной они могли причинить смерть. Тарзан должен узнать, в чем тут дело.

В ту ночь Кулонга опять спал в разветвлении

большого дерева. А высоко над ним притаился Тарзан.

Когда Кулонга проснулся, то увидел, что его лук и стрелы исчезли. Черный воин был взбешен и испуган. Пожалуй, все-таки больше испуган. Он обыскал землю под деревом, осмотрел все ветки, но нигде не нашел и следа ни лука, ни стрел, ни таинственного ночного грабителя.

Панический страх охватил Кулонгу. Он был безоружен! Ведь он оставил свое копье в теле Калы. А теперь, когда лук и стрелы пропали, он был совсем беззащитен. У него оставался лишь нож. Его единственная надежда на спасение — как можно скорее добраться до селения Мбонги. Он был уверен, что поселок недалеко, и побежал по дороге.

Из густой непроницаемой листвы на расстоянии нескольких ярдов от него показался Тарзан и спокойно понесся по ветвям следом.

Лук и стрелы Кулонги были надежно привязаны им к вершине гигантского дерева. У его подножия Тарзан срезал острым ножом полосу коры, а повыше надломил ветку. Это были отметки, которыми он обозначал те места, где у него хранились какие-либо запасы.

Кулонга продолжал свое путешествие, а Тарзан все ближе и ближе подбирался к нему, пока не оказался почти над головой чернокожего. Он держал наготове в правой руке сложенную кольцом веревку. Тарзан только потому откладывал этот момент, что ему очень хотелось выследить, куда направляется черный воин, и вскоре он был вознагражден за терпение: перед ним внезапно открылась большая поляна, на которой виднелось множество странных логовищ. Лес кончился, и между джунглями и поселком тянулись около двухсот ярдов обработанного поля. Теперь пришла пора действовать быстро, иначе добыча могла ускользнуть.

И когда Кулонга вышел на простор из лесной чащи к самой кромке полей Мбонги, тонкие извилистые круги веревки полетели на него с нижней ветки могучего дерева. И прежде, чем сын вождя успел сделать несколько шагов, петля стянула ему шею. Тарзан так сильно дернул аркан, что крики испуга были мгновенно задушены в горле Кулонги. Быстро перебирая руками веревку, Тарзан подтащил отчаянно упиравшегося чернокожего и подвесил на сук. Затем он взобрался повыше и втащил все еще бившуюся жертву в густой шатер листвы. Он крепко привязал веревку, спустился и всадил свой охотничий нож в сердце Кулонги. Кала была отомщена.

Тарзан тщательно осмотрел чернокожего. Никогда еще не видел он человеческого существа. Нож с ножнами и поясом немедленно привлекли его внимание, и Тарзан забрал их себе. Медный обруч тоже понравился ему, и он надел его себе на ногу. Затем он пришел в восхищение от татуировки на груди и на лбу дикаря, полюбовался на остро отточенные зубы, осмотрел и присвоил себе головной убор из перьев. Затем Тарзан решил пообедать, так как он был голоден, а здесь имелось мясо — мясо убитой им жертвы. Этика джунглей позволила ему есть это мясо.

Можем ли мы судить его? И какое мерило могли бы мы приложить к этому человеку-обезьяне с наружностью и мозгом английского джентльмена и с воспитанием дикого зверя?

У него даже не мелькнула мысль — съесть Тублата, которого он ненавидел и убил в честном бою. Это было для него так же возмутительно, как людоедство для нас. Но кто был ему Кулонга? Почему его нельзя было съесть так же спокойно, как вепря Хорту или оленя Бару? В глазах Тарзана он был просто одним из тех бесчисленных диких существ, которые нападали друг на друга для удовлетворения голода.

Но какое-то странное сомнение внезапно остановило Тарзана. Может быть, благодаря своим книгам он понял, что перед ним человек? Может быть, он догадался, что «стрелок» тоже человек? Едят ли люди людей? Этого он не знал. Чем же объяснялось его колебание? Он сделал усилие над собой, желая отрезать мясо Кулонги, но им овладел внезапный приступ тошноты. Тарзан не понимал, что с ним. Он знал только, что он не в состоянии попробовать мяса черного человека. Наследственный инстинкт, воспитанный веками, овладел его нетронутым умом и уберег Тарзана от нарушения того всемирного закона, о самом существовании которого он не знал ничего.

Он быстро спустил тело Кулонги на землю, снял с него петлю и вновь взобрался на дерево.

Тени страха

Усевшись на высокой ветке, Тарзан рассматривал селение, состоявшее из тростниковых хижин. За ними тянулись возделанные поля. В одном месте джунгли подступали к самому поселку. Заметив это, Тарзан направился туда, захваченный каким-то лихорадочным любопытством. Ему так хотелось посмотреть животных своей породы, узнать, как они живут, и взглянуть поближе на странные логовища, в которых они обитают. Жизнь среди свирепых тварей леса невольно заставляла его видеть врагов в этих чернокожих существах. Хотя они и походили на него своим внешним видом, Тарзан нисколько не заблуждался относительно того, как встретят его эти первые виденные им люди, если откроют его.

Приемыш обезьяны отнюдь не страдал сентиментальностью. Он ничего не знал о братстве людей. Все, не принадлежащие к его племени, были его исконными врагами за исключением, быть может, слона Тантора. Он сознавал все это без злобы и ненависти. Умерщвление — закон дикого мира, в котором он жил. Удовольствий в его первобытной жизни было мало, и самыми большими из них были охота и убийство. Но Тарзан и за другими признавал право иметь такие же удовольствия и желания, даже в том случае, если сам становился предметом их посягательств.

Странная жизнь не сделала его ни угрюмым, ни кровожадным. То обстоятельство, что он убивал с радостным смехом, вовсе не доказывало его прирожденной жестокости. Чаще всего он убивал, чтобы добыть пищу. Правда, будучи человеком, он убивал иногда и для своего удовольствия, чего не делает никакое другое животное. Ведь из всех созданий в мире одному лишь человеку дано

убивать бессмысленно, с наслаждением, только ради удовольствия причинять страдания и смерть. Когда Тарзану приходилось убивать из мести или для самозащиты, он это делал спокойно, без угрызений совести. Это был простой деловой акт, отнюдь не допускавший легкомыслия.

И потому теперь, когда он осторожно приближался к поселку Мбонги, он просто и естественно приготовился к тому, чтобы убивать или быть убитым, если его заметят. Он крался очень осторожно, так как Кулонга внушил ему глубокое уважение к маленьким острым деревянным палочкам, так верно и быстро приносившим смерть. Тарзан добрался до большого, необычайно густолиственного дерева, с ветвей которого свисали тяжелые гирлянды гигантских ползущих растений. Он притаился в этом непроницаемом убежище, подходившем почти к самой деревне, и стал созерцать все происходившее внизу, изумляясь каждой подробности этой новой для него и диковинной жизни.

Голые ребятишки резвились на деревенской улице. Женщины толкли сушеное просо в грубых каменных ступах или пекли из муки лепешки. Вдали на полях другие женщины копали землю мотыгами, пололи и жали. Какие-то странные, торчащие подушки из сушеной травы закрывали их бедра, и у многих были медные и латунные браслеты на запястьях. На черных шеях висели забавно свитые круги проволоки. Вдобавок у многих в носы были вдеты громадные кольца.

Приемыш обезьяны смотрел с возрастающим изумлением на эти странные создания. Он увидел также и мужчин, которые дремали в тени. А на самом краю открытой поляны Тарзан заметил вооруженных воинов. Они, очевидно, охраняли поселок от неожиданного нападения врага. Ему бросилось в глаза, что трудились одни женщины. Никто из мужчин не работал ни в поселке, ни на полях.

Наконец глаза Тарзана остановились на старухе, сидевшей внизу под ним. Перед нею на маленьком костре был прилажен небольшой котелок, и в нем кипела густая, красноватая смолистая масса. Рядом лежала груда отточенных деревянных стрел. Женщина брала их одну за другой, обмакивала в дымящуюся массу их острия и складывала на узкие козлы из веток, стоявшие по другую сторону костра.

Тарзан пришел в большое волнение. Перед ним раскрывалась тайна разрушительной силы маленьких метательных снарядов Стрелка. Он заметил, что женщина очень старается не коснуться руками кипящего в котле вещества, и один раз, когда крошечная капля брызнула ей на палец, она немедленно окунула его в сосуд с водой и быстро стерла маленькое пятнышко пучком листьев. Тарзан не имел никакого понятия о ядах, но его острое соображение подсказало ему, что убивает именно это смертельное вещество, а не маленькая стрела, которая только несет страшный состав в тело жертвы.

Ему страстно захотелось получить побольше этих маленьких смертоносных лучинок. Если бы женщина хоть на минуту оставила свою работу, он бы сейчас же спустился на землю и сумел захватить пучок стрел и снова вернуться на дерево прежде, чем она успела бы вздохнуть. Он уже обдумывал, как отвлечь ее внимание, как вдруг дикий крик донесся с конца открытой поляны. Тарзан взглянул туда. Под деревом, на том самом месте, где час тому назад был умерщвлен убийца Калы, стоял черный воин. Он кричал и размахивал над головой копьем, по временам указывая на что-то, лежащее у его ног.

Поднялся переполох. Вооруженные люди выбегали из хижин и мчались сломя голову через поля к возбужденному воину. За ними побрели старики, побежали женщины и дети, и в мгновение селение опустело.

Тарзан понял, что найден труп его жертвы, но это не интересовало его сейчас. В деревне не осталось никого, кто мог бы помешать ему забрать запас стрел. Быстро и бесшумно спустился он к котлу с ядом. С минуту он стоял неподвижно, с интересом рассматривая селение живыми, блестящими глазами. Не было видно никого. Взгляд его остановился на открытой двери ближайшей хижины. Тарзану захотелось заглянуть в нее, и он осторожно подошел к строению с низкой крышей.

Сперва он постоял у входа, чутко прислушиваясь. Ни звука! Тогда он скользнул в полумрак хижины. По стенам висело оружие — длинные копья, странного вида ножи и два узких щита. В середине хижины стоял котел, а у дальней стены — подстилка из сухих трав, покрытая плетеными циновками, очевидно, служившая владельцам постелью и одеялом. На полу лежало несколько человеческих черепов.

Тарзан не только ощупал каждый предмет, но и перенюхал их, потому что он «видел» главным образом своими высокоразвитыми ноздрями. Он решил было взять одно из длинных острых копий, но не мог захватить его из-за стрел, которые непременно хотел унести. Он снимал со стены одну вещь за другой и складывал в груду посредине комнаты. Поверх всего он поставил перевернутый котелок, а на котелке водрузил один из ухмыляющихся черепов и надел на него головной убор убитого им Кулонги. Затем он отошел в сторону, чтобы полюбоваться на свое произведение, и усмехнулся. Приемыш обезьян любил шутить.

В это мгновение он услышал снаружи множество голосов, раздавался долгий жалобный вой и громкие причитания. Тарзан встревожился. Но слишком ли долго пробыл он здесь? Быстро выскочив из дверей, он взглянул вдоль улицы по направлению к воротам. Туземцев еще не было видно, хотя он ясно слышал, что они приближаются. Голоса раздавались совсем близко.

Как молния, прыгнул он к груде стрел. Ухватив все, что можно было унести одной рукой, он опрокинул ногой кипящий котел и исчез в листве дерева как раз в тот момент, когда первый дикарь уже входил в ворота на другом конце поселка. Качаясь на ветке, как дикая птица, готовая слететь при первой опасности, Тарзан стал наблюдать за тем, что теперь происходит в деревне.

Улица была запружена народом. Четверо туземцев несло тело Кулонги. За ними шли женщины, испускавшие страшные вопли и громко рыдавшие. Шествие остановилось у дверей хижины Кулонги — той самой, на которую Тарзан произвел набег. Носильщики вошли в хижину, но почти тотчас же

в диком смятении выскочили наружу, возбужденно тараторя. Все яростно жестикулировали и голосили, указывая на хижину, пока несколько воинов не подошли и не заглянули туда. Один из них вошел в хижину. Это был старик, обвешанный металлическими украшениями, с ожерельем из сухих человеческих рук, ниспадавшим на грудь — сам Мбонга, король, отец убитого Кулонги. В течение нескольких минут все молчали. Вскоре Мбонга вышел из хижины с выражением гнева и суеверного страха, сквозившим на его страшном лице. Он что-то сказал воинам, и те в одно мгновение бросились обыскивать каждую хижину и каждый уголок поселка.

Сразу же был замечен опрокинутый котелок, а заодно и обнаружена пропажа отравленных стрел.

Мбонга никак не мог объяснить этот ряд страшных и таинственных происшествий. Находка на самой границе их полей еще теплого трупа его сына, зарезанного и обобранного чуть ли не на пороге отцовского дома, была сама по себе достаточно загадочна, но страшные открытия в самом поселке и в хижине мертвого Кулонги наполняли сердца дикарей невыразимым смятением и поставили их в тупик. Столпившись кучками, они говорили вполголоса, испуганно вращали по сторонам белками своих вытаращенных глаз.

Тарзан все время наблюдал за ними со своего убежища. Многое в их поведении было для него непонятно, так как он не знал суеверий, а о страхе имел лишь очень смутное представление.

Солнце высоко стояло в небе. Тарзан сильно проголодался, а до того места, где была им зарыта початая поутру туша вепря, было еще много миль. И потому он прекратил наблюдение и углубился в густолиственную чащу джунглей.

Обезьяний царь

Тарзан еще засветло добрался до своего племени, хотя и останавливался по дороге, чтобы съесть остатки закопанного дикого вепря и снять лук и стрелы Кулонги с вершины, на которой он их запрятал. Тяжело нагруженный, спрыгнул он с дерева посреди племени Керчака. Гордо выпятив грудь, принялся он за рассказ о славных своих приключениях и долго хвастался своею добычей.

Керчак, ворча, отвернулся: он завидовал этому странному члену племени. Его маленький злой мозг давно искал какой-нибудь предлог, чтобы излить на Тарзане свою ненависть.

На следующее утро при первых лучах зари Тарзан принялся упражняться в стрельбе из лука. Сначала он давал почти сплошные промахи, но постепенно научился направлять маленькие стрелы как следует. Не прошло и месяца, как он уже метко стрелял. Но успехи обошлись ему дорого: он извел почти весь запас стрел.

Племя Керчака продолжало кочевать вдоль берега моря, так как охота здесь была хороша, и Тарзан чередовал свои упражнения в стрельбе с чтением имевшихся в отцовской хижине книг.

Однажды молодой английский лорд нашел в хижине запрятанную в глубине одного из ящиков металлическую шкатулку. Ключ был в замке, и после недолгого обследования Тарзану удалось успешно раскрыть это хранилище. В нем он нашел поблекшую фотографию гладко выбритого молодого человека, осыпанный бриллиантами золотой медальон на короткой золотой цепочке, несколько писем и маленькую книжку. Тарзан рассмотрел все это очень внимательно.

Ему больше всего понравилась фотография, потому что глаза молодого человека улыбались, а лицо было открытое и приятное. Ему, конечно, и в голову не приходило, что это его отец.

Медальон тоже понравился ему. Тарзан немедленно повесил его себе на шею, в подражание украшениям, которые он видел у черных людей. Сверкающие камни странно блестели на его гладкой смуглой коже.

Содержания писем он так и не смог разобрать, потому что почти не знал рукописных букв. Он положил их назад в шкатулку вместе с фотографией и обратил свое внимание на книжку.

Она была сплошь исписана тонким почерком, и хотя маленькие букашки были ему знакомы, их сочетания казались ему странными и совершенно непонятными. Тарзан давно уже научился пользоваться словарем и хотел применить его, но, к его огорчению, словарь оказался тут бесполезным. Во всей книге он не нашел ни одного понятного ему слова и спрятал ее обратно в металлический ларец, отложив разгадку тайны.

Бедный обезьяний приемыш! Если бы только он знал, что маленькая книжечка заключала в своем крепком переплете из тюленьей кожи ключ к его происхождению и ответ на всю загадку его странной жизни! Это был дневник Джона Клейтона, лорда Грэйстока, написанный по-французски.

Тарзан поставил шкатулку в шкаф, но с той поры уже не забывал милого и мужественного лица своего отца и затаил в памяти твердое решение разгадать тайну странных слов, начертанных в маленькой черной книжке.

Сейчас же перед ним стояла важная и неотложная задача. Весь запас стрел кончился, и предстояло возобновить его, сделав набег на поселок черных людей.

На следующий день рано утром он отправился в путь и еще до полудня очутился у деревни чернокожих. Как в прошлый раз, он влез на то же большое дерево и увидел женщин, работавших на полях и перед хижинами; и опять, как тогда, прямо под ним на костре бурлил котелок с ядом.

Несколько часов пролежал на ветке Тарзан, выжидая удобный момент, чтобы захватить стрелы. Улица была все время полна народу. День уже угасал, а Тарзан все еще лежал, притаившись над головою ничего не подозревавшей женщины, которая хлопотала у котла.

С полей вернулись работницы. Охотники потянулись из леса, и, когда все вошли в палисад, ворота были накрепко заперты. По всей деревне зажглись костры и забурлили котелки. Перед каждой хижиной женщины варили похлебку, и у всех в руках были видны лепешки из маниоки и проса.

Неожиданно с лесной опушки послышался окрик, Тарзан вгляделся. Возвращался отряд запоздавших охотников. Они тащили за собой какое-

то сопротивлявшееся животное. Ворота распахнулись, чтобы впустить их. Рассмотрев жертву охоты, чернокожий народ Мбонги испустил неистовый крик радости: это был человек.

Когда пленника, все еще сопротивляющегося, потащили по улице, женщины и дети набросились на него с палками и камнями. И Тарзан, молодой дикий зверь джунглей, удивился жестокости животных своей породы. Из всех обитателей джунглей один только леопард Шита мучил свою добычу. Этика всех других тварей предписывала быструю и милосердную смерть.

Тарзан из своих книг извлек лишь отрывочные и скудные сведения об образе жизни человеческих существ. Когда он гнался в лесу за Кулонгой, то думал, что его след приведет или к городу странных домов на колесах — домов, пускавших клубы черного дыма из большого дерева, воткнутого в крышу одного из них, или к морю, покрытому большими плавучими зданиями, которые, как он знал, назывались различно: судами, парусниками, пароходами и барками. Поэтому он был очень разочарован жалким тростниковым поселком, ютящимся в его родных джунглях, в котором не видно было ни одного дома даже такой величины, как его собственная хижина на далеком берегу. Тарзан убедился, что народ этот еще более злой, чем его обезьяны, и жестокий, как сама Сабор, и он перестал относиться с прежним уважением к своей породе.

Между тем чернокожие привязали пойманную жертву к большому столбу, напротив хижины Мбонги, и воины, потрясая копьями и ножами, образовали вокруг пляшущий и поющий хоровод. Вокруг танцующих воинов уселись женщины, они били в барабаны и выли. Это сразу напомнило Тарзану Дум-Дум, и теперь он уже знал, что последует дальше. Но все же сомнение закралось в него: не кинутся ли чернокожие на мясо еще живой жертвы? Обезьяны никогда не делали этого.

Кольцо вокруг пленника все сужалось и сужалось, умопомрачительный грохот барабанов становился все громче. Вдруг мелькнуло копье и укололо жертву. Это послужило сигналом для пятидесяти других копий. Глаза, уши, ноги и руки пленника были проколоты, каждый дюйм его трепещущего тела стал мишенью жестоких ударов. Дети и женщины визжали от восторга. Воины облизывали толстые губы в предвкушении ожидавшего их угощения и соперничали друг перед другом в гнусности омерзительных жестокостей, которые они изобретали, пытая несчастного, все еще не потерявшего сознания.

Тогда Тарзан решил, что удобное время настало. Внимание всех было поглощено жутким зрелищем у столба. Дневной свет сменился тьмою безлунной ночи, и только горящие костры бросали тревожные блики на дикую сцену.

Человек-обезьяна пружинно спрыгнул на мягкую землю. Он быстро собрал стрелы — на этот раз все, так как принес с собой длинные тонкие лианы, чтобы связать их в пучок. Тарзан связал их накрепко, не спеша, и уже собирался уйти, как вдруг словно какой-то озорной бесенок заставил его остановиться. Ему захотелось сыграть какую-нибудь ловкую шутку над этими уродливыми со-

зданиями, чтобы они снова почувствовали его присутствие в деревне.

Положив связку стрел у подножья дерева, Тарзан стал пробираться по затененной стороне улицы, пока не дошел до самой хижины, в которой он уже побывал однажды. Внутри была полная тьма, но, пошарив, он нашел предмет, который искал, и немедля повернулся к дверям. Но выйти он не успел. Его чуткие уши уловили где-то совсем близко звук приближающихся шагов. Еще минута — и фигура женщины заслонила вход в хижину.

Тарзан бесшумно прокрался к дальней стене, и рука его нащупала длинный острый охотничий нож. Женщина быстро прошла на середину хижины и на мгновение остановилась, нащупывая вещь, за которой пришла. Очевидно, ее не было на обычном месте, и женщина в поисках все ближе и ближе подвигалась к стене, у которой притаился Тарзан. Она подошла теперь так близко, что обезьяна-человек чувствовал животную теплоту ее голого тела. Он замахнулся охотничьим ножом, но женщина в это мгновение отодвинулась в сторону, и ее спокойное гортанное восклицание показало, что поиски, наконец, увенчались успехом. Когда женщина выходила, Тарзан разглядел, что она несет горшок для варки пищи.

Выглянув в дверь, увидел, что многие женщины торопливо наполняли горшки водой и ставили на костры близ столба, где висел неподвижный, окровавленный, истерзанный труп.

Выбрав минуту, когда никого поблизости не оказалось, Тарзан поспешил в конец улицы к своей связке стрел под деревом. Как и в прошлый раз, он опрокинул котел, а затем гибким кошачьим прыжком взобрался на нижние ветви лесного гиганта. Тарзан поднимался выше, пока не нашел места, откуда сквозь просвет в листве мог свободно видеть все, что происходило внизу. Женщины рубили истерзанное тело пленника на куски и раскладывали их по горшкам. Мужчины стояли кругом, отдыхая от воинственного танца. В деревне воцарилось спокойствие.

Тогда Тарзан высоко поднял находку, взятую из хижины, и с меткостью, достигнутой годами упражнений в швырянии плодов и кокосовых орехов, бросил его в группу дикарей. Предмет, ударив одного из воинов по голове и сбив его с ног, упал среди них. Покатившись, он остановился у полуистерзанного тела, приготовленного для пиршества. Оцепенев, в ужасе смотрели на него чернокожие.

Это был человеческий череп, который скалил на них зубы. Падение его с ясного неба казалось чудом. Чернокожих охватил суеверный страх. Они разбежались по своим хижинам. Своею хорошо рассчитанной проказой Тарзан внушил дикарям вечный ужас пред какой-то невидимой и неземной силой, подстерегающей их в лесу вокруг поселка.

Позже, когда они нашли перевернутый котел и увидели, что стрелы снова украдены, в бедном мозгу людоедов зародилась мысль, что они оскорбили какого-то могущественного бога, правящего этой частью джунглей. Он мстит им за то, что, выстроив здесь поселок, они не подумали умилостивить его предварительно богатыми дарами. С той поры народ Мбонги стал ежедневно остав-

лять пищу под большим деревом, откуда исчезли стрелы. Это была попытка задобрить таинственного Могучего.

Семя страха было глубоко посеяно в дикарях, и Тарзан, сам не ведая того, заложил основу многих будущих несчастий для себя и для своего племени.

В ту ночь он спал в лесу, неподалеку от поселка, и следующим утром на заре медленно двинулся в обратный путь. Он был страшно голоден, а ему как назло попадались только ягоды и лиственничные гусеницы... Увлеченный поисками еды, он случайно поднял голову над пнем, под которым он рылся, и вдруг на тропе, менее чем в двадцати шагах от себя, увидел львицу Сабор. Большие желтые глаза ее горели злобой, красный язык жадно облизывал губы. Сабор тихо кралась, почти касаясь земли животом.

Тарзан и не думал бежать. Он был рад случаю, которого ждал давно. Ведь теперь он был вооружен не одной лишь травяной веревкой. Быстро снял он лук со спины и вложил в него стрелу, тщательно смазанную ядом. Когда Сабор прыгнула, маленькая острая палочка встретила ее на полпути, а Тарзан мгновенно отскочил в сторону. Громадная кошка промахнулась, и другая ядовитая стрела глубоко вонзилась ей в бедро.

С ревом зверь извернулся и прыгнул еще раз — и опять неудачно, третья меткая стрела попала ей прямо в глаз. Но на этот раз львица оказалась слишком близко к обезьяне-человеку, чтоб тот мог увильнуть. Тарзан рухнул под тяжестью огромной туши врага, успев нанести львице несколько ножевых ран. Тело Сабор отяжелело и замерло. Тарзан понял, что львица, упавшая на него, никогда больше не сможет вредить ни человеку, ни обезьяне.

Сабор была не лучшей едой даже для неприхотливого Тарзана, но голод — хорошая приправа для жесткого и горького мяса, и вскоре обезьяна-человек исправно набил себе желудок. Прежде чем заснуть, он решил снять шкуру с львицы: это была ведь одна из причин, ради которых он добивался смерти Сабор. Тарзан проворно снял большую шкуру, потому что хорошо уже набил руку на маленьких животных, и повесил трофей на разветвление высокого дерева. Затем, свернувшись поудобнее, погрузился в глубокий сон без сновидений.

Недосыпавший в прежние дни, утомленный и плотно поевший, Тарзан проспал полный солнечный круг и проснулся лишь около полудня следующего дня. Он тотчас же спустился вниз к освежеванной туше Сабор, но к досаде своей нашел одни кости, чисто обглоданные другими голодными обитателями джунглей.

Через полчаса неторопливого шествия по лесу он увидел молодого оленя, и, прежде чем тот почувствовал врага, острая стрела вонзилась ему в шею. Яд подействовал так быстро, что, сделав несколько прыжков, олень пал мертвым в кустарнике. Тарзан опять хорошо поел, но на этот раз не лег спать. Он спешил туда, где кочевало его племя, и, встретив обезьян, с гордостью показал им шкуру Сабор.

— Обезьяны Керчака,— кричал он,— смотрите! Смотрите, что совершил Тарзан, могучий боец! Кто из вас когда-либо убил зверя из племени Нумы? Тарзан сильнее вас всех, так как Тарзан не обезьяна...— но тут он был принужден прервать свою речь, потому что на языке антропоидов не существовало слова для обозначения человека, и сам Тарзан мог только писать это слово, да и то по-английски, а произнести его не умел.

Все племя собралось вокруг. Обезьяны слушали его речь, созерцая доказательство его удивительного подвига. Только Керчак остался в стороне, кипя от ненависти и бешенства. Внезапно что-то сорвалось в тупом мозгу антропоида. С бешеным ревом бросился он на толпу. Кусаясь и колотя своими огромными руками, он убил и искалечил с дюжину обезьян, прежде чем остальные успели убежать на верхние ветки деревьев. В безумии Керчак с визгом осматривался кругом, ища глазами Тарзана, и вдруг заметил его сидящим поблизости на ветке.

— Спустись-ка теперь, великий убийца,— вопил Керчак,— спустись и почувствуй клыки более великого! Разве могучие бойцы забираются на деревья и трясутся при виде опасности? — И Керчак вызывающе испустил боевой клич племени.

Тарзан спокойно сошел на землю. Еле дыша, смотрело племя со своих высоких насестов, как Керчак, продолжая реветь, бросился на легкую фигуру противника. Несмотря на свои короткие ноги, Керчак достигал почти семи футов в вышину. Его огромные плечи были оплетены громадными мускулами.

Выжидая его, стоял Тарзан — тоже крупное и мускулистое животное. Но его рост и стальные мышцы казались жалкими рядом с исполинской фигурой Керчака. Лук и стрелы лежали в стороне — там, где он их оставил, показывая шкуру Сабор соплеменникам. Он стоял лицом к лицу с Керчаком, вооруженный одним охотничьим ножом и человеческим разумом.

Когда его противник с яростным ревом бросился на него, лорд Грэйсток вынул из ножен длинный нож и с таким же неистовым вызовом быстро бросился вперед навстречу противнику. Он был достаточно ловок, чтобы не позволить длинным волосатым рукам охватить себя. В то мгновение, когда тела их должны были столкнуться, Тарзан сжал кисть одной из рук противника и, легко отскочив в сторону, вонзил по самую рукоятку нож в тело обезьяны, пониже сердца. Но прежде, чем он успел выдернуть нож, быстрое движение Керчака, пытавшегося схватить его в свои ужасные объятия, вырвало оружие из рук Тарзана.

Так боролись они: один — стараясь перекусить шею своего соперника страшными зубами, другой силясь сжать горло своей рукой, в то же время отстраняя от себя оскаленную пасть зверя. Более мощная обезьяна начинала, казалось, медленно брать верх, и зубы зверя были уже в дюйме от горла Тарзана. Но вдруг Керчак содрогнулся всем своим грузным телом — на одно мгновение как бы замер, а затем безжизненно свалился на землю.

Он был мертв.

Таким образом молодой лорд Грэйсток сделался царем обезьян.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРОЗА

Эдгар БЕРРОУЗ

Рис. Николая Мооса и Елены Пьянковой

Ум человека

Среди подданных Тарзана лишь один самец дерзал оспаривать его власть. Это был сын Тублата, Теркоз. Но он так боялся острого ножа и смертоносных стрел нового властелина, что осмеливался проявлять свое недовольство только в мелочном непослушании и в постоянных коварных проделках. Тарзан знал, однако, что Теркоз только выжидает подходящего случая, чтобы внезапной уловкой вырвать власть из его рук, и потому всегда держался настороже.

Снова жизнь обезьяньего племени потекла по-прежнему. В новинку было только то, что, благодаря выдающемуся уму Тарзана и его охотничьей ловкости, снабжение продовольствием шло теперь гораздо успешнее, и еды было больше, чем когда-либо прежде. И потому большинство обезьян было очень довольно сменой правителя.

Тарзан по ночам водил племя на поля черных людей. Здесь по указаниям своего мудрого вождя обезьяны досыта ели, но никогда не уничтожали того, что не могли съесть, как это делает мартышка Ману и большинство других обезьян. Поэтому, хотя чернокожие и досадовали на постоянный грабеж их полей, но набеги обезьян не отбивали у них охоты обрабатывать землю, что несомненно случилось бы, позволь Тарзан своему народу разорять плантации.

Тарзан много раз пробирался по ночам в поселок. Время от времени он возобновлял там запас стрел. Скоро заметил он и пищу, которую негры теперь постоянно ставили под деревом, и стал съедать все, что чернокожие оставляли для неведомого божества.

Когда дикари убедились, что пища исчезает за ночь, они пришли в еще больший ужас, так как ставить ее для снискания благосклонности бога или черта — это одно, но уже совершенно другое, когда дух действительно является в поселок и поедает жертвоприношение! Это было неслыханно и наполняло их суеверные умы всякого рода смутными страхами. Периодическое исчезновение стрел и странные проделки, творимые невидимым существом, довели чернокожих до такого состояния, что жизнь их в новом поселке сделалась невыносимой. Мбонга и его старейшины стали усиленно поговаривать о том, чтобы навсегда оставить деревню и искать новую, более спокойную, местность поглубже в джунглях.

Черные воины в поисках места забирались все дальше и дальше на юг, в самую глубь лесов. Появление этих разведчиков стало серьезно беспокоить племя Тарзана. Тихое уединение первобытного леса было нарушено новыми странными криками. Не было больше покоя ни для зверей, ни для птиц. Пришел человек...

Другие животные приходили и ночью и днем, скитаясь по джунглям — свирепые, жестокие звери, но более слабые их соседи только на время убегали от них, чтобы тотчас же вернуться, когда минует опасность.

Не то — человек! Когда он приходит, многие более крупные животные инстинктивно покидают местность и чаще всего уже никогда не возвращаются. Так поступали и большие антропоиды. Они бежали от человека, как человек бежит от чумы.

Некоторое время племя Тарзана еще держалось вблизи бухты, потому что их новый царь и думать не хотел о том, чтобы навсегда бросить сокровища маленькой хижины.

Однажды несколько человекоподобных встретили многочисленных чернокожих на берегу ручья, в течение многих поколений служившего привычным местом водопоя, и увидели, что черные люди расчищают джунгли и сооружают множество хижин. После этого обезьяны не захотели больше оставаться у бухты, и Тарзан увел их в глубь страны, на много переходов дальше, в место, еще не осквернение ногой человека.

Но раз в месяц Тарзан, быстро перепрыгивая с ветки на ветку, мчался в свою хижину, чтобы провести там день с книгами, а также, чтобы пополнить запас стрел. Последняя задача становилась все более трудной, так как чернокожие стали прятать на ночь свои стрелы в житницы и жилые хижины.

Тарзан днем должен был усиленно наблюдать,

Продолжение. Начало в № 4-6

куда будут спрятаны стрелы. Дважды входил он в хижины, пока их обитатели спали на своих циновках, и похищал стрелы из-под самого носа воинов. Но этот способ показался Тарзану слишком опасным, и потому он предпочитал ловить одиноких охотников своими длинными смертоносными петлями. Обобрав с них оружие и украшения, он бросал ночью трупы с высокого дерева на середину улицы поселка. Эти случаи опять до того напугали чернокожих, что если бы не месячная передышка между посещениями Тарзана, внушавшая им каждый раз надежду, что больше набегов не будет, они вскоре опять покинули бы свой новый поселок.

Чернокожие пока не заметили хижины Тарзана на далеком берегу, но обезьяна-человек жил в постоянном страхе, что во время его отсутствия они найдут ее и разграбят его сокровища. Поэтому он стал проводить все больше времени близ жилища своего отца и реже бывал среди обезьян. Наступил момент, когда члены его общины стали страдать от его частого отсутствия; то и дело возникали ссоры и распри, которые только верховный вождь мог мирно уладить. Некоторые из старейших обезьян завели разговор с Тарзаном по этому поводу, и он после того целый месяц не отлучался из племени.

Обязанности верховного вождя у антропоидов не трудны и не многочисленны. После полудня придет, например, Така и пожалуется на то, что старый Мунго увел у него его новую жену. Тогда дело Тарзана созвать всех обезьян, и если окажется, что жена предпочитает своего нового супруга прежнему мужу, он приказывает, чтобы так и было, или же велит Мунго дать Таке в обмен одну из своих дочерей. Обезьяны считают окончательным всякое решение вождя, каково бы оно ни было, и удовлетворенные возвращаются к своим занятиям.

А то прибежит с криком Тана, прижав руку к боку, из которого хлещет кровь. Она жалуется, что Гунто, муж ее, зверски ее укусил. А вызванный Гунто говорит, что Тана ленива, не хочет носить ему жуков и орехов или отказывается чесать ему спину. И Тарзан бранит их обоих, грозя Гунто смертоносными стрелами, если он будет продолжать истязать Тану, а Тана со своей стороны должна дать обещание исправиться и лучше исполнять свои женские обязанности.

Так все и идет. По большей части это маленькие семейные распри, которые, если их не уладить, могут, однако, привести к значительным ссорам и даже иногда к расчленению племени.

В конце концов Тарзану это стало надоедать. Он понял, что верховная власть значительно ограничивает его свободу. Его страстно тянуло к морю, озаренному ласковым солнцем, к прохладной комнате уютно построенного дома и к нескончаемым чудесам многочисленных книг.

Когда Тарзан возмужал, он понял, что становится чужим в своем племени. Их интересы все больше расходились с его интересами. Обезьянам были чужды странные и чудные грезы, которые мелькали в деятельном мозгу их человека-вождя. Их язык был так беден, что Тарзан даже не мог говорить с ними о многих новых истинах, которые раскрыло перед его жадными взорами чте-

ние. Он не мог сообщить им и о честолюбии, тревожившем его душу.

У него уже не было друзей и товарищей. Ребенок может водить знакомство со многими странными и простыми существами, но для взрослого человека необходимо некоторое, хотя бы внешнее, равенство ума, как основа для дружбы. Будь жива Кала, Тарзан всем бы пожертвовал, чтобы остаться с ней. Но теперь, когда ее не было, а резвые друзья детства превратились в свирепых и грубых животных, он чувствовал, что ему гораздо более по душе спокойное одиночество хижины, чем докучливые обязанности вождя стаи диких зверей.

Однако желание Тарзана отказаться от верховенства над племенем сильно задерживалось ненавистью и завистью Теркоза, сына Тублата. Тарзан не мог заставить себя отступить перед лицом злорадствующего врага. Он понимал, что на его место будет избран вождем Теркоз, так как свирепое животное уже давно установило право своего физического превосходства над немногими самцами-обезьянами, которые осмелились восстать против его жестоких задираний.

Тарзану хотелось сломить волю этого злобного зверя, не прибегая к ножу или стрелам. Его сила и ловкость настолько возросли вместе с его возмужалостью, что он стал подумывать: не сможет ли он победить грозного Теркоза в рукопашной схватке? Если бы только не огромные боевые клыки, дававшие такое превосходство антропоиду перед плохо вооруженным в этом отношении Тарзаном!..

Но однажды обстоятельства сложились так, что Тарзан смог спокойно сделать выбор: либо остаться в племени, либо уйти из него, не запятнав своего авторитета.

Случилось это так.

Племя разбрелось в поисках пищи. Пронзительный крик раздался в то время, когда Тарзан, лежа около прозрачного ручья, пытался поймать руками увертывающуюся рыбу.

Обезьяны быстро помчались в сторону сигнала тревоги и застали Теркоза, державшего за волосы старую самку. Он с остервенением избивал ее. Тарзан подошел к нему и поднял руку, требуя прекратить драку. Самка принадлежала не Теркозу, а старому самцу, лучшие дни которого уже давно миновали, и он не мог защищать свои права. Теркоз знал, что поступает против закона своего племени, избивая чужую жену. Но, обуянный жадностью, он воспользовался слабостью мужа самки, чтобы отобрать нежного молодого грызуна, пойманного ею.

Когда Теркоз увидел Тарзана, приближающегося к нему без лука в руках, он принялся еще сильнее колотить бедную самку, надеясь этим вызвать раздражение ненавистного властителя. Тарзан не повторил своего предупреждения, он просто кинулся на Теркоза.

С тех пор, когда Болгани, вождь горилл, так страшно истерзал его, не приходилось Тарзану выдерживать такого боя. На этот раз нож Тарзана едва ли мог противостоять сверкающим клыкам Теркоза; зато небольшое силовое превосходство обезьяны было почти уравновешено изумительной ловкостью и быстротой человека.

Но в конечном счете, антропоид имел на своей стороне некоторое преимущество, и если бы не оказалось другой силы, которая повлияла на исход битвы, Тарзан, приемыш племени обезьян, молодой лорд Грэйсток, так и умер бы неведомым диким зверем в экваториальной Африке. Но было то, что возвышало Тарзана над всеми его товарищами в джунглях — человеческий разум. Он уберег Тарзана от железных мускулов и жадных клыков Теркоза.

Их схватка продолжалась всего несколько секунд, а они уже катались по земле, колотя, терзая и разрывая друг друга — два больших свирепых зверя, бьющихся насмерть. Теркоз имел дюжину ножевых ран на голове и груди, а Тарзан обливался кровью. Его скальп был в одном месте сорван с головы и висел над глазом, заслоняя ему обзор. Но молодому человеку удавалось пока удержать ужасные клыки противника вдали от своего горла. Во время борьбы у Тарзана созрел хитрый план: он обойдет Теркоза и, вцепившись ему в спину зубами и ногтями, будет до тех пор наносить ему раны ножом, пока враг не умрет.

Маневр был удачно осуществлен, потому что глупое животное не поняло его намерения и не пыталось предупредить его. Но когда Теркоз понял, что противник схватил его так, что ни зубами, ни кулаками его не достать, он стремительно опрокинулся на спину. Тарзану оставалось только отчаянно цепляться за скачущее, вертящееся, изгибающееся тело. Нож был выбит у него из рук тяжелым толчком о землю, и Тарзан остался беззащитным. Совершенно случайно рука его оказалась пропущенной под руку Теркоза, а предплечье и кисть легли вокруг шеи. Это был полунельсон, современный прием борьбы, на который случайно натолкнулся несведущий обезьяна-человек. Но разум мгновенно подсказал, насколько ценно сделанное им открытие. От этого приема зависели жизнь или смерть.

Он постарался добиться подобного же положения для левой руки, и через несколько минут бычья шея Теркоза затрещала под двойным нельсоном, Теркоз замер. Круглая голова обезьяны была вынуждена медленно пригибаться к груди все ниже и ниже. Тарзан понимал, чем все это кончится. Еще минута — и сломается шея. И вот тогда на счастье Теркоза в Тарзане заговорила та самая способность, которая помогла ему одолеть обезьяну — способность рассуждения.

«Если я его убью,— подумал Тарзан,— какая мне будет от этого польза? Лишу племя могучего бойца, вот и все. Если Теркоз будет мертв, он ничего не будет знать о моем превосходстве, а живой — он всегда будет примером для других обезьян».

— Ка-го-да? — зашипел Тарзан в ухо Теркозу, что означало: «сдаешься?» Не получив ответа, Тарзан усилил давление, вызвав ужасающий крик боли у зверя.

— Ка-го-да? — повторил Тарзан.

— Ка-го-да! — закричал Теркоз.

— Слушай,— сказал Тарзан, слегка ослабив хватку.— Я, Тарзан, верховный вождь обезьян, могучий охотник, могучий боец. Ты сказал мне: «Ка-го-да». Это слышали все. Не ссорься больше ни со своим вождем, ни со своими соплеменниками, или в следующий раз я убью тебя. Понял?

— Ху,— подтвердил Теркоз.

— Ну, теперь довольно с тебя?

— Ху,— сказала обезьяна.

Тарзан выпустил его, и через несколько минут все снова занялись своими делами, будто не случилось ничего, нарушившего спокойствие в их первобытном лесном пристанище. Но в сознании обезьян глубоко укоренилось убеждение, что Тарзан — могучий боец и странное создание. Странное потому, что в его руках была жизнь врага, и вместо того, чтобы его убить, он сохранил ему жизнь.

На закате, когда все племя собралось вместе, Тарзан сказал старым самцам.

— Вы опять убедились сегодня, что Тарзан, вождь обезьян — самый великий среди вас,— сказал он.

— Ху,— ответили они в один голос.— Тарзан великий.

— Тарзан,— продолжал он,— не обезьяна. Он не похож на вас. Его пути — не ваши пути, и потому Тарзан уходит в логовище своего рода близ вод большого озера. Вы должны избрать себе нового вождя. Тарзан больше не вернется.

Его собственный род

Утром Тарзан, сильно страдавший от нанесенных Теркозом ран, направился на запад к морскому берегу. Он двигался очень медленно, провел ночь в джунглях и добрался до своей хижины лишь через сутки.

Несколько дней он набирался сил, выходя наружу только для того, чтобы утолить голод плодами и орехами.

Вскоре Тарзан совершенно выздоровел. Только на лице остался ужасный полузаживший шрам. Начинаясь под левым глазом, он шел поперек всей головы и кончался над правым ухом. Это был след, оставленный Теркозом, сорвавшим с него скальп.

Времени было много, и Тарзан попытался смастерить плащ из шкуры Сабор, пролежавшей все время в хижине. Но кожа затвердела как дерево. А так как он ничего не знал о дублении, ему пришлось отказаться от давней мечты.

Тогда он решил отобрать одежду у кого-нибудь из чернокожих в поселке Мбонги, потому что решил всеми возможными способами отличаться от существ низшего порядка. По его мнению, не было более верного признака принадлежности к человеческой породе, чем украшения и одежда. С этой целью он собрал различные побрякушки, снятые им когда-то с убитых черных воинов. Кроме них, он повесил золотую цепочку с осыпанным бриллиантами медальоном его матери, леди Элис, а за спиной, на ремне, приладил колчан со стрелами, снятый им с какого-то из побежденных им чернокожих. Талию Тарзан украсил поясом из небольших полосок необделанной кожи. Он сам смастерил его, так же, как и самодельные ножны, в которые вкладывал отцовский нож. Длинный лук, принадлежавший Кулонге, висел за его левым плечом.

Теперь молодой лорд Грэйсток выглядел весь-

ма оригинально и воинственно. Его густые черные волосы падали сзади на плечи, спереди они были неровно подрезаны охотничьим ножом, чтобы не лезли в глаза. Его прямая и прекрасная фигура, мускулистая, как у отборных римских гладиаторов, гармонично сочетаясь с мягкими и нежными очертаниями эллинского бога, говорила с первого же взгляда об удивительном соединении огромной силы с гибкостью и ловкостью.

Тарзан, приемыш обезьян, являлся олицетворением первобытного человека, охотника, воина. С благородной посадкой красивой головы на широких плечах, с огнем ума в прекрасных и ясных глазах, цивилизованному человеку он легко мог показаться полубогом древнего первобытного леса.

Но Тарзан и не думал об этом. Он досадовал, что у него не было одежды и что он не может показать всем обитателям джунглей, что он человек, а не обезьяна. Часто в его ум закрадывалось серьезное сомнение, не превращается ли он в обезьяну?

Разве волосы не начали пробиваться у него на лице? У всех обезьян волосатые лица, а единственные люди, которых он видел — чернокожие — совершенно безбородые, за немногими исключениями.

Правда, в книжках ему приходилось видеть рисунки людей с зарослями волос вокруг губ, на щеках и подбородке, но тем не менее Тарзан боялся. Почти ежедневно точил он свой острый нож, соскабливая и выскребая свою молодую бороду, чтобы с корнем уничтожить этот унизительный признак обезьяны. Таким образом он научился бриться, правда грубо и мучительно, но, тем не менее, удачно.

Почувствовав, что совершенно поправился после кровавого боя с Теркозом, Тарзан ранним утром направился к поселку Мбонги. Он небрежно шел по извилистой тропе в джунглях, вместо того, чтобы передвигаться по деревьям, и неожиданно столкнулся лицом к лицу с черным воином. Взгляд выпученных от изумления глаз дикаря был почти комичен. Прежде чем Тарзан успел снять свой лук, воин повернулся и с криком тревоги побежал по тропе. Тарзан бросился в погоню по деревьям и через несколько минут увидел впереди отчаянно бегущих людей.

Тарзан их легко обогнал, и они не заметили ни того, как он бесшумно несся над их головами, ни того, как он притаился на низкой ветке, под которой пролегала тропа. Тарзан дал пройти двум первым воинам, но когда третий приблизился, тихая петля охватила черное горло и была затянута ловким движением.

Негр испустил душераздирающий крик, и его товарищи, обернувшись, увидели, что содрогающееся тело точно по волшебству медленно поднимается в густую листву над ними. С криками ужаса они бросились бежать еще быстрее, надеясь спастись.

Тарзан молчаливо и быстро покончил со своим пленником, снял с него оружие, украшения и — о, счастье! — прекрасную повязку с бедер. Он тотчас же надел ее на себя.

Вот теперь он, наконец, одет так, как подобает человеку. Никто не сможет больше сомневаться в его высоком происхождении. Как приятно было бы вернуться сейчас к своему племени, выставив напоказ перед их завистливыми глазами этот удивительный наряд!

Взвалив тело чернокожего на плечо, он неторопливо двинулся по деревьям к маленькому, обнесенному частоколом поселку, потому что опять нуждался в стрелах.

Подобравшись к палисаду, Тарзан увидел возбужденную толпу, окружавшую обоих беглецов, которые, дрожа от страха и усталости, рассказывали неслыханные подробности своего приключения.

— Мирандо,— говорили они,— шел вперед неподалеку от них, внезапно он побежал, крича, что страшный человек, белый и голый, преследует его. Они тоже побежали.

Затем снова раздался пронзительный крик ужаса Мирандо, и когда они обернулись, то увидели потрясающее зрелище — тело их товарища летело вверх, в деревья, руки и ноги его судорожно бились в воздухе, а язык высовывался из открытого рта. Ни одного звука не произнес он больше, и около него не было видно решительно никого.

В поселке началась паника. Но мудрый старый Мбонга сделал вид, что не верит их рассказу.

— Вы поведали нам длинную сказку потому, что не посмели сказать правды. Вам стыдно признаться, что когда лев прыгнул на Мирандо, вы удрали, бросив его. Вы трусы!

Едва Мбонга кончил говорить, как над ним в ветвях дерева раздался громкий треск. Все со страхом взглянули вверх. Зрелище, представившееся их глазам, заставило содрогнуться даже мудрого старого Мбонгу: переворачиваясь и извиваясь, с вершин пролетело тело Мирандо и с глухим стуком распласталось у их ног. Туземцы, как один, бросились врассыпную и исчезли в окружающих зарослях.

Тарзан смело вошел в поселок, возобновил запас стрел и съел пищу, заготовленную дикарями для усмирения гнева таинственного злого духа.

Прежде чем уйти, он перенес тело Мирандо к воротам поселка и поставил его у изгороди так, что казалось, будто его мертвые глаза смотрят из-за ограды на тропу, ведущую в джунгли.

Много раз пытались безумно испуганные аборигены войти в поселок мимо страшного, скалившего зубы мертвого их товарища, пока все же осмелились. Когда они увидели, что пища и стрелы исчезли, то поняли, что Мирандо погиб потому, что видел страшного духа джунглей. Это объяснение показалось им самым разумным. Все, кто встречал этого ужасного бога лесов, умирали.

Они решили также, что пока они будут снабжать божество стрелами и пищей, оно не причинит им вреда, нужно только не встречаться с ним. И потому Мбонга постановил, чтобы рядом с пищей клали и приношение стрелами этому Мунанго Ксевати. С тех пор так и повелось.

Если вам когда-либо случится побывать в этом поселке, затерянном в африканских джунглях, то и вы, несомненно, увидите перед крошечной тростниковой хижиной, построенной у ограды поселка, небольшой горшок с пищей, а рядом

колчан с хорошо смазанными отравой стрелами.

Тем временем Гарзан неторопливо шел домой. Подходя к отлогому берегу, где стояла его хижина, он увидел необычайное зрелище.

В зеркальной воде бухты стояло большое судно, а на берег была вытащена небольшая шлюпка. Но самым удивительным было то, что между берегом и его хижиной сновало несколько похожих на него белых людей. Тарзан подкрался к ним по деревьям почти вплотную.

Их было десять человек. Смуглые, загорелые от солнца их лица были грубы и неприятны. Они столпились вокруг лодки, громко и сердито споря и сильно жестикулируя. Один из них, низкорослый чернобородый человек со скверным, подлым лицом, напоминал Тарзану крысу-Памба. Он положил руку на плечо гиганту, стоявшему рядом, которому все остальные горячо возражали, и отвлек его внимание, тыча пальцем в глубину джунглей. Гигант повернулся, чтобы взглянуть в указанном направлении, и в этот же миг чернобородый с подлым лицом выхватил из-за пояса револьвер и выстрелил ему в спину.

Великан всплеснул руками над головой, колени его подогнулись, и без единого звука он замертво свалился на землю.

Выстрел, первый, когда-либо слышанный Тарзаном, вызвал в нем удивление, но и этот непривычный звук не мог заставить его вздрогнуть.

Поведение белых чужеземцев — вот что более всего смутило его. Он сдвинул брови и нахмурился, глубоко задумавшись. «Хорошо сделал я,— подумал Тарзан,— что сдержал свой первый порыв броситься навстречу и приветствовать этих белых людей, как братьев!»

Очевидно, они ничем не отличались от черных людей и были не более цивилизованы, чем обезьяны, и не менее жестоки, чем Сабор.

Одно мгновение все стояли и молча смотрели на маленького человека с отталкивающим лицом и мертвого великана. Затем один из них засмеялся и хлопнул чернобородого по спине. Опять пошли длинные разговоры и жестикуляции, но ссоры прекратились.

Что-то решив, они столкнули лодку, прыгнули в нее и стали грести к большому кораблю, на палубе которого Тарзан разглядел множество других фигур.

Когда люди с лодки поднялись на борт, Тарзан спрыгнул на землю и пополз к хижине.

Проскользнув в дверь, он увидел полный погром. Книги и карандаши валялись на полу, оружие и другие вещи тоже были повсюду раскиданы. От захлестнувшего его гнева свежий шрам на лбу Тарзана внезапно выступил ярко-малиновой полосой на смуглой коже.

Быстро подбежал Тарзан к шкафу и стал там шарить в углублении на нижней полке. «А!..» — облегченно вздохнул он, когда вынул оттуда металлический ларчик, и, открыв его, нашел нетронутыми свои величайшие сокровища — фотографию улыбающегося молодого человека с энергичным лицом и загадочную черную книжечку.

Вдруг его четкое ухо уловило слабый, но незнакомый звук.

Подбежав к окну, Тарзан увидел, что с большого корабля спущена на воду рядом с первой

еще одна шлюпка. Много людей, перелезая через борт большого судна, садились в лодки. Несколько минут Тарзан наблюдал, как в шлюпки спускали разные ящики и тюки. Когда они отчалили от корабля и направились к берегу, обезьяна-человек схватил кусок бумаги и написал на нем карандашом несколько строк прекрасно выведенными печатными буквами. Эту записку он прикрепил к двери острым сучком, затем, взяв драгоценный жестяной ларчик, стрелы и столько копий и луков, сколько смог унести, поспешил к двери и исчез в лесу.

Лодки врезались в серебристый песок, и на берег высадилась разношерстная публика. Их было около двадцати, и по правде говоря, большинство состояло из позорного сброда отъявленных негодяев. Но некоторые резко отличались от них. Например, пожилой человек с седыми волосами и с большими очками в широкой оправе. Его слегка сутулые плечи были облачены в дурно сидящее на нем, но безукоризненно чистое пальто. Блестящий шелковый цилиндр на голове еще больше подчеркивал нелепость его одеяния в глуши африканских джунглей. Вторым высадился высокий молодой человек в парусиновом костюме, а после него — пожилой человек с очень высоким лбом и суетливыми манерами. Затем на берег вышла громадного роста негритянка, необычайно пестро и крикливо одетая. Она испуганно таращила глаза на джунгли и на толпу ссорившихся матросов, выгружавших из лодок тюки и ящики. Последней на берегу оказалась девушка лет двадцати. Молодой человек, стоявший у носа лодки, высоко поднял ее над волною и перенес на сушу. Она молча поблагодарила его славной улыбкой.

Вся группа безмолвно направилась прямо к хижине. Было очевидно, что участь этих людей была решена прежде, чем они оставили корабль. Впереди шли матросы с ящиками и тюками. Они опустили свои ноши на землю, и один из них заметил записку, приколотую Тарзаном к двери.

— Стой, товарищи! — крикнул он.— Что это такое? Этой бумаги здесь не было час тому назад.

Остальные матросы столпились вокруг, вытягивая шеи над плечами передних. Но так как почти все они были неграмотны, один из матросов обратился к низенькому старику в пальто и цилиндре.

— Эй вы, профессор! — подозвал он его насмешливо,— шагните вперед и разберите-ка эту дурацкую записку.

Старик медленно подошел к матросам в сопровождении своих спутников. Поправив очки, он взглянул на прибитое к дверям объявление и затем пробормотал себе под нос, уходя: «Весьма замечательно, весьма замечательно».

— Стойте, старое ископаемое! — крикнул матрос, обратившийся к нему за помощью,— разве мы вас позвали, чтобы вы про себя читали, что ли? Вернитесь назад, дохлая развалина, и прочтите нам записку громко!

Пожилой господин остановился и, повернувшись, сказал:

— Ах, и то правда! Милостивый государь, тысячу раз прошу извинения. Это была рассеянность с моей стороны, да, сильная рассеянность.

Записка в высшей степени замечательна, в высшей степени замечательна!

Он опять взглянул на записку, перечел ее про себя и, по всей вероятности, повернулся бы и снова пошел, размышляя над ее содержанием, если бы матрос не схватил его грубо за ворот и не проревел ему в самое ухо:

— Читайте громко, старый идиот! Громко!

— Ах да, в самом деле, в самом деле! — вежливо ответил профессор и, еще раз поправив очки, прочел вслух:

«Это дом Тарзана, убийцы зверей и многих черных людей. Не портите вещи, принадлежащие Тарзану. Тарзан следит.

Тарзан из племени обезьян.»

— Что за черт, какой Тарзан? — крикнул матрос.

— Он, очевидно, знает по-английски,— ответил молодой человек.

— Но что значит: «Тарзан из племени обезьян?» — воскликнула молодая девушка.

— Не знаю, мисс Портер,— сказал он.— Может быть, мы открыли обезьяну, сбежавшую из лондонского зоологического сада, которая привезла в свои родные джунгли европейское образование. Каково ваше мнение об этом, профессор Портер? — добавил он, обращаясь к старику.

Профессор Портер поправил очки:

— Да, в самом деле, это в высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — сказал он.— И мне нечего добавить.— С этими словами профессор медленно направился к джунглям.

— Но, папа,— воскликнула девушка,— вы еще ничего не объяснили нам!

— Тише, тише, дитя,— ответил профессор Портер ласковым и снисходительным тоном.— Не затрудняйте вашу хорошенькую головку такими тяжеловесными и отвлеченными проблемами.— И он опять медленно стал прохаживаться взад-вперед, устремив глаза под ноги и заложив руки под развевающиеся фалды пальто.

— Думаю, что выживший из ума старый чудак столько же знает, сколько и мы,— проворчал матрос с крысиным лицом.

— Извольте быть вежливым,— воскликнул молодой человек, побледнев от гнева.— Вы убили своих офицеров и ограбили нас. Мы в вашей власти, но я заставлю вас относиться с должным почтением к профессору Портеру и к мисс Портер или голыми руками сверну вашу подлую шею.

И он так решительно подошел к матросу, что тот, хотя у него было два револьвера и достаточно внушительного вида нож за поясом, отступил в смущении.

— Проклятый трус! — полетело ему вдогонку.— Вы никогда не посмеете убить человека, пока он не повернется к вам спиной. Да и тогда даже вы не осмелитесь в меня выстрелить.— И, сказав эти слова, молодой человек демонстративно повернулся спиной к матросу и беспечно пошел, как бы испытывая его.

Рука матроса медленно потянулась к рукоятке одного из его револьверов, и глаза зло блеснули. Его товарищи смотрели на него, но он все колебался. В душе он был еще большим трусом, чем предполагал Уильям Сесиль Клейтон.

Из густой листвы находящегося вблизи дерева два зорких глаза внимательно следили за каждым движением пришельцев.

Тарзан видел, какое изумление вызвала его записка, и хотя он и не мог понять ни одного слова из разговора этих странных людей, но жесты и выражение лиц сказали ему многое.

Поступок чернобородого с крысиным лицом, убившего одного из своих товарищей, уже тогда вызвал в Тарзане сильное отвращение. А теперь, когда он увидел, что матрос ссорится с красивым молодым человеком, враждебность его к нему усилилась. Тарзан никогда до того дня не видел действия огнестрельного оружия, хотя знал об этом кое-что из книг. Но когда он заметил, что «крысья морда» хватается за рукоять револьвера, он вспомнил ссору у лодки и, конечно, счел, что молодой человек будет тоже убит.

И Тарзан положил отравленную стрелу на лук, нацелился в негодяя. Но зелень была так густа, что он тотчас же понял, что стрела непременно будет отклонена листьями. И тогда вместо стрелы он пустил со своего воздушного насеста тяжелое копье.

Клейтон отошел на какие-нибудь десять шагов. Матрос с крысиным лицом уже вытащил наполовину револьвер, остальные матросы с напряженным вниманием следили за происходившим.

Профессор Портер скрылся в зарослях, за ним последовал и суетливый Самюэль Т. Филандер, его секретарь и ассистент.

Негритянка Эсмеральда выбирала багаж своей госпожи из груды тюков и ящиков у дверей хижины, а мисс Портер, повернувшись, пошла за Клейтоном, но вдруг что-то заставило ее обернуться к матросу.

В это мгновение почти одновременно произошло три события: матрос выхватил револьвер и прицелился в спину Клейтона, мисс Портер вскрикнула, а длинное, с металлическим острием, копье сверкнуло сверху, как молния, и пронзило насквозь правое плечо человека с крысиным лицом. Револьвер бесцельно разрядился в воздух, а матрос съежился и вскрикнул от боли и ужаса.

Клейтон обернулся и побежал к месту происшествия. Перепуганные матросы с револьверами в руках вглядывались в джунгли. Раненый стонал и корчился на земле.

Клейтон незаметно поднял упавший револьвер и спрятал его у себя на груди, затем подошел к группе матросов.

— Кто это мог быть? — шепнула Джен Портер, и молодой человек, обернувшись, увидел, что она стоит почти рядом, с широко раскрытыми от изумления глазами.

— Думаю, что этот Тарзан, из племени обезьян, хорошо следит за нами,— ответил он неуверенным тоном.— Не знаю, для кого было предназначено это копье. Если для Снайпса, то в этом случае ваш обезьяний друг — друг на самом деле. Но, клянусь Юпитером, где ваш отец и мистер Филандер? Здесь есть кто-то или что-то в этих джунглях, и это что-то, кем бы оно ни было, вооружено. Мистер Филандер! Профессор! Мистер Филандер! Сюда! — крикнул юный Клейтон.

Ответа не было.

— Что же нам делать, мисс Портер? — лицо

молодого человека выражало недоумение и нерешительность.— Я не могу оставить вас здесь одну с этими разбойниками, и вы, конечно, не можете рисковать и идти со мной в джунгли. Но кто-то же должен отправиться на поиски вашего отца. Он способен бесцельно бродить, не обращая внимания на опасность и на выбор дороги. А мистер Филандер лишь чуточку менее непрактичен, чем он. Вы простите меня за откровенность, но жизнь всех нас в такой опасности, что, когда мы разыщем вашего отца, ему надо будет внушить, что он подвергает риску и вас и самого себя своею рассеянностью.

— Вполне согласна с вами,— ответила девушка,— и нимало не обижаюсь. Бедный милый папа отдал бы жизнь за меня, не колеблясь ни минуты, если б только ему удалось на мгновение задержать свое внимание на таком легкомысленном предмете. Но удержать его от опасности можно только приковав на цепь к дереву. Бедный, милый папа, он такой непрактичный!

— Эврика! — вдруг воскликнул Клейтон.— Умеете ли вы обращаться с револьвером?

— Умею. Почему вы спрашиваете?

— У меня есть револьвер. С ним вы и Эсмеральда будете в сравнительной безопасности в хижине, а я же пойду разыскивать вашего отца и мистера Филандера. Итак, зовите Эсмеральду, а я поспешу на розыски. Они еще не могли уйти далеко.

Джен Портер последовала совету, и когда Клейтон увидел, что дверь плотно закрылась за женщинами, он направился в джунгли.

Матросы пытались вытащить копье из раны товарища. И наконец справились с этой задачей. Клейтон подошел и попросил одолжить ему на время револьвер, пока он будет разыскивать в джунглях профессора.

Матрос с крысиным лицом убедился, что он еще жив и к нему вернулось все его былое нахальство. Сквернословя через каждое слово, он отказал Клейтону в каком бы то ни было огнестрельном оружии. Со времени убийства прежнего предводителя Снайпс взял на себя роль вождя, и никто из товарищей не оспаривал его авторитет.

Клейтон только пожал плечами, подобрал копье, пронзившее Снайпса, и, вооруженный этим первобытным оружием, углубился в джунгли. Каждые несколько минут он громко звал профессора и его ассистента. Из хижины женщины слышали, как звук его голоса становился все слабее и слабее, пока его совсем не поглотил шум леса...

Когда профессор Портер и его ассистент Самюэль Филандер, после долгих настойчивых уговоров последнего, решили вернуться к лагерю, они уже, хотя этого и не сознавали, безнадежно заблудились в диком и запутанном лабиринте джунглей. Еще чудо, что они направились к побережью Африки, а не к Занзибару — в глубь Черного континента.

Когда они добрались до берега и не нашли лагеря, Филандер стал уверять, что они находятся севернее места своей высадки, в то время как на самом деле они были в двухстах ярдах южнее нее. В голову этих непрактичных теоретиков ни разу не пришло громко крикнуть, чтобы привлечь внимание друзей. Вместо того, с непоколебимой уверенностью, созданной дедуктивными рассуждениями, основанными на ложной предпосылке, мистер Самюэль Т. Филандер крепко ухватил за руку профессора Архимеда Кв. Портера и, несмотря на слабый протест старого джентльмена, повлек его по направлению Кейптауна, находящегося в тысяче пятистах милях к югу.

Едва Джен Портер и Эсмеральда почувствовали себя в безопасности за дверью хижины, первой мыслью негритянки было забаррикадировать ее изнутри. Она обернулась, чтобы поискать что-нибудь для этой цели. Но взгляд, брошенный на окружающую обстановку, вызвал у нее крик ужаса, и, подобно испуганному ребенку, черная великанша подбежала к своей госпоже, чтобы спрятать лицо на ее плече.

Джен Портер, обернувшись на этот крик, увидела причину его — лежащий на полу скелет мужчины. Другой взгляд — и она увидела второй скелет на постели.

— В каком мы страшном месте! — прошептала пораженная девушка. Но в голосе ее не было паники.

Освободившись от цепких объятий все еще орущей Эсмеральды, Джен Портер перешла через всю комнату, чтобы заглянуть в маленькую колыбель, предполагая наперед, что она увидит, прежде, чем крошечный скелетик открылся перед нею во всей своей жалостной и трогательной хрупкости. О какой страшной трагедии говорили эти бедные кости? Девушка вздохнула при мысли о том, какие случайности могут ожидать ее и друзей в этом роковом месте, какие призраки таинственных и, быть может, враждебных существ реют над нею. Но она пересилила себя и, нетерпеливо топнув маленькой ножкой, постаралась отогнать мрачные предчувствия. Затем, обратясь к Эсмеральде, велела ей прекратить вопли.

— Замолчите, Эсмеральда, замолчите сию же минуту! — крикнула она.— От вашего крика только хуже. Господи, я никогда не видела такого большого младенца!

Она докончила эти слова с грехом пополам с дрожью в голосе, вспомнив о трех мужчинах, пропавших в глубине мрачных джунглей, на покровительство которых она так рассчитывала.

Вскоре девушка увидела, что дверь была оборудована внутри тяжелой деревянной перекладиной, и после нескольких попыток соединенные силы обеих женщин помогли наконец вдвинуть ее на место в первый раз за последние двадцать лет.

Крепко обнявшись, они сели на скамейку и стали ждать.

Во власти джунглей

Клейтон исчез в зарослях, а бунтовщики принялись спорить о своих дальнейших намерениях. В одном они были согласны, что им следует быстрее вернуться на стоящий в бухте «Арроу», чтобы обезопасить себя, по крайней мере, от копий незримого врага. Когда Джен Портер с Эсмеральдой баррикадировались в хижине, трусливая шайка уже поспешно гребла к своему кораблю в двух лодках, доставивших их на берег.

В этот день Тарзан увидел столько всего, что его голова шла кругом. Но самым удивительным зрелищем было для него — лицо прекрасной белой девушки. Она из его собственной породы — в этом он не сомневался! Да и молодой человек, и оба старика были именно такими, какими рисовало его воображение. Наверно, и они так свирепы и жестоки, подобно другим людям, которых он встретил. Тот факт, что они было безоружны, служил, вероятно, объяснением, почему они еще никого не убили. Быть может, они повели бы себя точно так же, будь у них в руках оружие.

Тарзан видел, как молодой человек поднял упавший револьвер раненого Снайпса и спрятал его, он подсмотрел также, как он осторожно передал его девушке, когда та входила в хижину.

Тарзан не понимал мотивов их поступков, но, так или иначе, молодой человек и оба старика ему интуитивно понравились, а к молодой девушке он почувствовал странное непонятное влечение. Что же касается черной толстухи, то она, очевидно, каким-то образом имела отношение к молодой девушке, и потому тоже ему нравилась.

К матросам, в особенности к Снайпсу, Тарзан определенно чувствовал ненависть. Он понял по их угрожающим жестам и по выражению скверных лиц, что они были врагами симпатичных ему людей, и потому решил тайно за ними присматривать.

Тарзан дивился, почему мужчины пошли в джунгли, но ему и в голову не могло прийти, что можно заблудиться в спутанной чаще низколесья, которая для него была так же ясна, как для нас главная улица в родном городе. Тарзан быстро помчался по направлению, избранному Клейтоном, чтобы узнать, какое у того могло быть дело в джунглях. Вскоре он настиг белого человека, доведенного почти до изнеможения. Тот прислонился к дереву, вытирая со лба пот. Обезьяна-человек, надежно скрытый за ширмой листвы, сидел и внимательно изучал этот новый экземпляр своего собственного рода. По временам Клейтон громко кричал, и Тарзан понял, что он ищет стариков.

Тарзан собрался было сам идти на поиски пропавших, как вдруг заметил желтый блеск гладкой лоснящейся шкуры леопарда Шиты, осторожно пробиравшегося сквозь заросли к Клейтону. Тарзан отчетливо слышал шуршание трав и удивлялся, почему белый человек не насторожился. Могло ли быть, чтобы он не слышал громких шорохов? Никогда раньше Тарзан не видел Шиту таким неуклюжим. Но белый человек по-прежнему ничего не чуял. Шита приготовился к прыжку, и вдруг с высоты раздался пронзительный и леденящий кровь боевой крик человека-обезьяны. Шита повернулся и, с треском ломая ветви, исчез в кустах.

Клейтон вскочил, содрогаясь. Кровь застыла у него в жилах. Никогда еще такой ужасающий крик не раздирал ему уши. Будучи далеко не трусом, Уильям Сесиль Клейтон, старший сын лорда Грэйстока из Англии, почувствовал в этот миг в душной жаре африканских лесов ледяные пальцы страха на своем сердце. Треск кустов под прыжком громадного тела, кравшегося так близко от него, и звук ужасного крика сверху испы-

тали до последних пределов мужество Клейтона. Он не мог знать, что этому крику он был обязан жизнью и что издавший его — двоюродный брат, настоящий лорд Грэйсток.

День склонялся к закату, а Клейтон, растерянный и упавший духом, был в страшном затруднении. Он не знал, как ему лучше поступить: продолжать ли поиски профессора Портера, подвергая себя почти верной гибели в джунглях ночью, или же вернуться в хижину, где, по крайней мере, он мог быть полезен, защищая Джен Портер от опасностей, угрожавших ей со всех сторон. Ему не хотелось возвращаться в лагерь без ее отца, а еще более не хотелось оставлять ее одну беззащитной среди бунтовщиков с «Арроу» и сотни других неведомых опасностей джунглей. «Возможно,— думал он,— профессор и Филандер уже вернулись. Да, это более чем вероятно». Он решил в любом случае идти к лагерю и убедиться в этом прежде, чем продолжать дальнейшие поиски. И, спотыкаясь в густом колючем стланнике, он двинулся по направлению, где, как ему казалось, находилась хижина.

К своему удивлению, Тарзан увидел, что молодой человек идет все дальше — прямо к поселку Мбонги, и понял, что пришелец заблудился. Это казалось почти невероятным, но разум подсказывал ему, что ни один человек не отважится сознательно идти в поселок жестоких чернокожих, вооружившись одним лишь копьем, которое, по-видимому, было непривычным оружием для белого человека. Он отходил к тому же и от следа стариков. Этот след он почему-то не заметил, хотя он был ясный и свежий.

Тарзан недоумевал. В свирепых джунглях незащищенный чужеземец явится легкой добычей, если быстро не вернется к побережью. Вот уже и лев Нума выслеживает белого человека, крадясь в двенадцати шагах справа от него.

Клейтон слышал, что какое-то большое животное идет параллельно с ним. Внезапно в вечернем воздухе раздался громовой рев зверя. Человек остановился, подняв копье и вглядываясь в заросли, из которых раздался ужасный звук. Тени сгущались, темнота опускалась на землю. Боже! Умереть здесь одному, под клыками диких зверей, быть истерзанным и израненным, чувствовать горячее дыхание зверя на своем лице и когти, раздирающие грудь!

Одно мгновение все было тихо. Клейтон стоял, напряженно пригнувшись. Слабый шорох в кусте известил его, что кто-то крадется к нему. Он увидел его всего в двадцати шагах от себя — извилистое, длинное, мускулистое тело и бурую голову громадного льва с черной гривой. Животное ползло на брюхе, двигаясь вперед очень медленно. Когда глаза его встретились с глазами Клейтона, лев остановился и осторожно подобрал под себя задние лапы. В порыве мучительного отчаяния человек ждал, боясь бросить копье, не имея сил бежать. В ветвях над его головой раздался шум. «Новая опасность»,— мелькнуло у него в голове, но он не решился отвести глаз от горевших перед ним желто-зеленых зрачков. Раздался резкий звук, словно порвалась струна мандолины, и стрела вонзилась в желтую шкуру льва.

С ревом боли и гнева животное прыгнуло, но Клейтон успел отскочить в сторону, и когда снова обернулся к обезумевшему царю зверей, то был ошеломлен представившемуся его взорам зрелищем. В тот момент, когда зверь повернулся, чтобы возобновить нападение, голый гигант спрыгнул с дерева прямо ему на спину. Как молния, рука, свитая из железных мускулов, окружила громадную шею, и большое животное, рычащее и рвущее когтями воздух, было поднято так легко, как Клейтон поднял бы комнатную собанку.

Зрелище, свидетелем которого он стал в сумеречной глуши африканских джунглей, навсегда врезалось в память англичанина. Стоящий перед ним человек являлся олицетворением физического совершенства и титанической силы. Он схватил правой рукой шею льва, в то время как левая рука несколько раз кряду всаживала нож в незащищенный бок зверя. Разъяренное животное, поднятое на дыбы, беспомощно барахталось в этом неестественном положении. Все произошло так быстро, что, прежде чем лев оправился от столь неожиданного нападения, он свалился мертвым на землю.

Тогда странная фигура победителя выпрямилась во весь рост над трупом льва и, откинув назад дикую и прекрасную голову, издала тот самый страшный крик, который несколько минут назад так испугал Клейтона.

Он видел перед собой молодого человека, совершенно голого, за исключением повязки на бедрах и нескольких варварских украшений на руках и ногах. На груди, ярко выделяясь на гладкой коричневой коже, сверкал драгоценный бриллиантовый медальон. Охотничий нож был уже вложен в самодельные ножны, и человек поднимал с земли свой лук и стрелы, брошенные перед прыжком на льва.

Клейтон заговорил с незнакомцем по-английски, благодаря его за смелое спасение и приветствуя изумительную силу и ловкость, выказанные им. Но единственным ответом был уверенный взгляд и легкое пожимание могучими плечами, которое могло означать либо пренебрежение оказанной услуги, либо незнание языка Клейтона.

Закинув за плечи лук и колчан, дикий человек — таким Клейтон считал его теперь — снова вытащил нож и ловко вырезал дюжину широких полосок из туши льва, усевшись на корточках, он принялся поедать мясо, сделав знак Клейтону, чтобы он присоединился к нему.

Крепкие белые зубы с явным удовольствием вонзились в сырое мясо, с которого еще капала кровь. Но Клейтон не мог заставить себя разделить это пиршество со своим странным хозяином. Он наблюдал за ним и все более убеждался, что это и есть Тарзан, записку которого утром он видел прибитой к двери хижины.

Если это так, то он должен говорить по-английски.

Снова Клейтон пытался завести разговор с обезьяной-человеком, но в ответ услышал странные слова, похожие на бормотание мартышки, смешанное с рычанием хищного зверя.

Нет, это не мог быть Тарзан: было очевидно, что он английского языка совершенно не знает.

Когда Тарзан кончил есть, он встал и, указывая на совершенно другое направление, чем то,

по которому шел Клейтон, пошел вперед сквозь джунгли.

Ошеломленный, Клейтон колебался, следовать ли за ним, потому что он боялся, не ведет ли его дикарь еще глубже в чащу лесов. Но обезьяна-человек, видя, что он не двигается с места, вернулся и, схватив за платье, тащил за собой до тех пор, пока Клейтон понял, что от него требуется. Тогда ему позволили идти добровольно.

Придя к заключению, что он в плену, англичанин, не видя иного исхода, последовал за Тарзаном. Пока они медленно пробирались по джунглям, мягкая мантия непроницаемой лесной ночи легла окрест. Кругом раздавались крадущиеся шаги мягких лап, смешанные с хрустением ломающихся веток и с дикими зовами лесных тварей, которые, как казалось Клейтону, окружали его со всех сторон.

Внезапно Клейтон услышал слабый звук огнестрельного оружия. Последовал только один выстрел, а затем наступила тишина...

В хижине на берегу две смертельно испуганные женщины прижимались друг к другу на низенькой скамейке в сгущающейся темноте.

Негритянка истерично рыдала, оплакивая несчастный день своего отъезда из дорогого родного Мэриленда, а белая девушка, с сухими глазами и внешне спокойная, мучилась внутренними страхами и предчувствиями. Она боялась и за себя, и за своих друзей, скитающихся в бездонной глубине диких джунглей, из которых теперь доносились почти непрерывно крики и рев, лай и рычание страшных обитателей, искавших добычу.

И вдруг послышался шум тяжелого тела, которое терлось о стены хижины. Девушка различала крадущиеся, мягкие шаги. На мгновение наступила тишина. Даже дикие крики в лесу стихли до слабого шепота. А затем она ясно услышала фырканье животного у двери, не дальше двух футов от того места, где она притаилась.

Инстинктивно девушка содрогнулась и прижалась ближе к черной женщине.

— Тс... тише! — шепнула она,— тише, Эсмеральда,— так как стоны и рыдания женщины, казалось, привлекали зверя за тонкой стеной.

В дверь стали царапаться. Зверь пытался насильно ворваться в хижину, но безуспешно, и опять девушка услышала, как огромные лапы мягко крадутся вокруг хижины. Снова шаги остановились — на этот раз под окном, и туда теперь устремился испуганный взгляд девушки.

— Боже! — шепнула она в ужасе. В маленьком квадратном окне, силуэтом на освещенном луной небе, вырисовывалась голова громадной львицы. Горящие глаза ее были с сосредоточенной яростью устремлены на девушку.

— Эсмеральда, смотрите,— шепнула она.— Боже мой! Что нам делать? Смотрите! Скорей! Окно!

Эсмеральда, еще теснее прижимаясь к своей госпоже, бросила испуганный взгляд на маленький квадрат лунного света. Львица издала глухое свирепое рычание. Зрелище, представившееся глазам бедной негритянки, было чересчур потрясающим для ее натянутых нервов.

— О, Габерелле,— простонала она и соскользнула на пол.

Долго, бесконечно долго стояла львица у окна, положив на решетку лапы, и смотрела во все глаза в комнату. Наконец она решила испытать своими большими когтями крепость решетки.

Девушка почти перестала дышать, но, к ее облегчению, голова зверя исчезла, и она услышала его удаляющиеся шаги. Но львица снова приблизилась к двери, снова началось царапанье, на этот раз с нарастающей силой, пока наконец зверь не стал рвать массивные доски в полном бешенстве от желания схватить беззащитную жертву.

Если бы Джен Портер знала о неимоверной крепости двери, сколоченной часть за частью, она бы меньше опасалась за нападение львицы с этой стороны.

Могло ли прийти в голову Джону Клейтону, когда он сколачивал эту грубую, но могучую дверь, что двадцать лет спустя она защитит от клыков и когтей львицы прекрасную американскую девушку, тогда еще не родившуюся?

Целые двадцать минут зверь фыркал и бился около двери, по временам издавая дикий, свирепый рев, полный бешенства. Джен Портер услышала, что львица возвращается к окну. Остановившись на мгновенье, она обрушилась всей своей огромной тяжестью на ослабевшую от времени решетку.

Словно в исступлении девушка встала, держа руку на груди, с широко раскрытыми от ужаса глазами, устремленными на оскаленную морду зверя, находившегося не дальше десяти футов от нее. У ног Джен лежала в обмороке негритянка.

Девушка стояла бледная и неподвижная у глухой стены и искала какую-либо лазейку для спасения. Внезапно рука ее, крепко прижатая к груди, нащупала твердые очертания револьвера, который Клейтон, уходя, оставил ей. Быстро выхватив его из-за корсажа, она, целясь прямо в морду львицы, спустила курок.

Блеснуло пламя, послышался грохот выстрела и рев боли и гнева зверя.

Джен Портер увидела, что большая туша исчезла из окна, и потеряла сознание, уронив револьвер.

Но Сабор не была убита. Пуля лишь нанесла ей болезненную рану в плечо. Только неожиданность ослепительной вспышки огня и оглушающий грохот были причиной ее поспешного, но временного отступления. Еще мгновение, и она с удвоенной яростью вернулась к решетке и принялась рвать ее когтями, но с меньшим успехом, чем прежде, так как раненая лапа почти бездействовала.

Она видела перед собой свою добычу — двух женщин, распростертых на полу, и чувствовала, что сопротивления не встретит. Мясо лежало перед ней, и Сабор оставалось только пробраться через решетку, чтобы схватить его.

Дюйм за дюймом, с трудом протискивала она через отверстие свое большое туловище. Вот прошла голова, вот пролезло здоровое предплечье, затем она осторожно подняла раненую лапу, чтобы втиснуть ее между узкими брусьями. Еще минута — и длинное гибкое тело проскользнет в хижину.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРОЗА

Эдгар БЕРРОУЗ

Рис. Николая Мооса и Елены Пьянковой

Лесной бог

Когда Клейтон услышал выстрел, им овладело мучительное предчувствие. Какие мысли мелькнули у странного похитителя или спутника его, Клейтон мог только предполагать, но то, что он слышал выстрел и почему-то сильно встревожен, было вполне очевидно: он так ускорил шаг, что Клейтон, спотыкаясь в темноте, ежеминутно падал в тщетном усилии не отстать и вскоре остался безнадежно позади.

Боясь снова заблудиться, он громко крикнул дикому человеку и через минуту с радостью убедился, что тот вернулся.

С минуту Тарзан пристально глядел на него, точно не зная, как лучше поступить. Затем, согнувшись перед Клейтоном, он показал ему жестом, чтобы тот обхватил его шею, и с белым человеком на спине Тарзан понесся по деревьям.

Эту бешеную гонку молодой англичанин не мог забыть никогда. Высоко среди гнущихся и раскачивающихся веток он несся с быстротой, казавшейся ему неимоверной, в то время как Тарзан был недоволен медленностью своего передвижения.

Таинственное существо, неся его на спине, легко перебрасывалось по головокружительной дуге с одной высокой ветки на другую, затем на протяжении, быть может, ста ярдов шло верными шагами через лабиринт переплетенных деревьев, балансируя, как канатоходец, высоко над черными глубинами зарослей внизу.

От первого ощущения холодящего страха Клейтон перешел к чувству пылкого восхищения и зависти к гигантским мускулам и изумительному инстинкту, или знанию, которое вело лесного бога сквозь чернильную темноту ночи так легко и верно, как сам Клейтон мог прогуливаться по лондонским улицам в яркий полдень.

Наконец они добрались до поляны у берега. Чуткий слух Тарзана уловил звуки, производимые усилиями Сабор, протискивающейся через решетку, и Клейтону показалось, что они мигом слетели с высоты ста футов,— так быстро спускался Тарзан. Однако, когда они коснулись земли, Клейтон едва почувствовал толчок. Спрыгнув со спины обезьяны-человека, он заметил, как тот с быстротою белки метнулся к противоположной стене хижины. Англичанин кинулся за ним как раз вовремя, чтобы увидеть задние лапы какого-то громадного зверя, готовящиеся исчезнуть в окне хижины.

Когда Джен Портер открыла глаза и снова увидела угрожавшую ей гибель, ее смелое молодое сердце отказалось от последнего призрака надежды, и она наклонилась, чтобы подобрать упавший револьвер, решив прибегнуть к милосердной смерти от пули, прежде чем жестокие клыки разорвут ее тело. Одно мгновение девушка колебалась. В эту минуту взгляд ее остановился на бедной Эсмеральде, которая лежала неподвижно.

Может ли Джен оставить бедное, преданное ей существо на растерзание беспощадным желтым клыкам? Нет, она должна сперва выпустить одну пулю в лежавшую в обмороке женщину, а уже потом обратить дуло револьвера на себя. Какая ужасная обязанность! Но было бы в тысячу раз менее простительной жестокостью дать негритянке, воспитавшей ее с детских лет со всей заботливостью и нежностью матери, прийти в сознание под терзающими когтями большой кошки.

Джен Портер решительно встала и подбежала к Эсмеральде. Она плотно прижала дуло револьвера к преданному ей сердцу, закрыла глаза и...

Девушка, ошеломленная, спустила курок и, обернувшись к зверю, тем же движением подняла револьвер и приложила его к своему виску.

Она не выстрелила второй раз потому, что с изумлением увидела, что кто-то медленно вытаскивает огромное животное обратно через окно, за которым в лунном свете она рассмотрела головы и плечи двух мужчин.

Когда, обежав вокруг хижины, Клейтон увидел исчезающее в окне животное, он увидел также, что обезьяна-человек, ухватив обеими руками длинный хвост и упираясь ногами в стену хижины, напряг всю свою богатырскую силу в попытке вытащить зверя из комнаты.

Клейтон быстро подбежал на помощь. Соединенными усилиями огромное тело стало все боль-

Продолжение. Начало в № 4—7

ше и больше выходить из окна, и тогда Клейтон понял, насколько смел его спутник.

Поступок голого человека, тащущего за хвост упирающееся и ревущее чудовище для спасения чужой ему белой девушки, был действительно последним словом героизма.

Что же касалось Клейтона, тут дело обстояло иначе. Ведь девушка не только принадлежала к его расе, но была единственной женщиной во всем мире, которую он любил. И хотя он знал, что львица быстро покончит с ними обоими, он тащил ее за хвост, желая спасти Джен Портер. Затем он вспомнил бой между этим человеком и огромным львом с черной гривой и стал чувствовать бо́льшую уверенность.

Тарзан пытался растолковать глупому человеку, чтобы тот вонзил его смертоносные стрелы в спину и бока Сабор и всадил в сердце длинный острый нож, висевший у его бедра. Но человек не понимал, а Тарзан не смел отпустить могучую Сабор, чтобы сделать это самому, потому что он видел: тщедушному белому человеку ни за что не удержать львицу.

И тогда Клейтон увидел нечто, чего вечные небеса никогда не видели до сих пор. Тарзан мгновенно оседлал спину Сабор. Он вспомнил прием, которому был обязан победой над свирепым Теркозом, и руки его протянулись под мышками зверя, охватив шею.

Терзая землю лапами, Сабор каталась и бросалась туда и сюда в попытке сбросить с себя странного противника. Но все крепче и крепче напрягались стальные мышцы и все больше и больше пригибали вниз голову зверя.

Наконец Клейтон увидел под серебристым светом луны, как огромные мускулы Тарзана вздулись узлами на предплечьях. Еще одно долгое нечеловеческое усилие — и позвонки шеи Сабор переломились с резким хрустом.

Тарзан мгновенно вскочил на ноги, и Клейтон опять услышал дикий победный рев самца-обезьяны. Затем раздался мучительный стон Джен Портер:

— Сесиль, мистер Клейтон! О, что это такое, что это такое?

Клейтон подбежал к двери хижины, крикнул, что все хорошо. Джен торопливо подняла тяжелый брус и почти втащила Клейтона в комнату.

— Что это был за страшный крик? — шепнула она, близко прижимаясь к нему.

— Победный крик человека, который только что спас нам жизнь, мисс Портер. Подождите, я позову его, чтобы вы могли его поблагодарить.

Испуганная девушка не хотела оставаться одна и пошла вместе с Клейтоном к стене хижины, где лежала мертвая львица.

Тарзан скрылся.

Клейтон позвал его несколько раз, но ответа не было, и они оба вернулись в хижину.

— Что за крик! — сказала Джен Портер.— Я содрогаюсь при одной мысли о нем. Не говорите мне, что этот отвратительный крик был издан человеческим горлом.

— Но это так, мисс Портер,— ответил Клейтон,— или во всяком случае, если не человеческим горлом, то горлом лесного бога.

И затем он рассказал ей о своих приключениях с этим странным существом: как дикий человек дважды спас ему жизнь, о его изумительной силе, быстроте и храбрости, о его смуглой коже и прекрасном лице.

— Я ничего не могу понять во всем этом,— объявил он в заключение.— Сначала я думал, что это, быть может, Тарзан из обезьяньего племени. Но он не говорит и не понимает по-английски, так что это предположение не подходит.

— Что ж, кто бы он ни был,— воскликнула девушка,— мы обязаны ему спасением, да благословит его бог и хранит в безопасности в диких и свирепых джунглях!

— Аминь! — горячо сказал Клейтон.

— Господи боже, жива ли я еще? — раздался подле них голос.

Оба обернулись и увидели, что Эсмеральда сидит на полу, вращая своими большими глазами.

Рев львицы спас жизнь негритянке, потому что, вздрогнув, девушка отвернула дуло револьвера в сторону, и пуля попала в пол.

У Джен Портер наступила реакция на потрясение, и она упала на скамейку с истерическим хохотом.

«В высшей степени замечательно»

В нескольких милях к югу от хижины, на песчаной косе пустынного берега, стояли два старых джентльмена и рассуждали.

Перед ними расстилался безбрежный Атлантический океан, за их спиной — Черный Континент, от которого надвигалась непроницаемая мгла джунглей.

Дикие звери ревели и рычали, шумы отвратительные и жуткие осаждали их слух. Они прошли уже несколько миль в поисках лагеря, но в ложном направлении. Они заблудились безнадежно, будто их внезапно перенесли на другую планету.

Самюэль Филандер меж тем ораторствовал:

— Но, дорогой мой профессор, я продолжаю отстаивать свою точку зрения. Если бы не победа Фердинанда и Изабеллы над маврами пятнадцатого века в Испании, то мир в настоящий момент стоял бы на неизмеримо более высокой ступени культуры. Мавры по существу были терпимыми и либеральнейшими земледельцами, ремесленниками и торговцами, то есть тем типом народа, который создал цивилизацию, подобную той, что мы видим теперь в Европе и Америке, в то время, как испанцы...

— Ой, ой, дорогой мистер Филандер,— прервал его профессор Портер,— сама религия их уже безусловно исключала ту возможность, на которую вы намекаете. Ислам был, есть и всегда будет могилой научного прогресса, который, как я отметил...

— Господи боже, профессор,— прервал мистер Филандер, обративший случайно свои взоры на джунгли,— к нам точно кто-то подкрадывается.

Профессор Портер рассеянно обернулся в направлении, указанном близоруким мистером Филандером.

— Ну что вы, мистер Филандер! — пожурил он.— Как часто должен я побуждать вас добиваться той полной сосредоточенности ваших умственных способностей, которая позволяет направлять всю силу нашего интеллекта на многозначительные проблемы, выпадающие на долю высоких умов! Я снова ловлю вас на прямом нарушении вежливости. Вы прерываете мою ученую речь и только для того, чтобы обратить мое внимание на простое четвероногое genus Felis. Как я уже говорил...

— Господи боже, профессор, да ведь это — лев! — крикнул мистер Филандер, близоруко прищурившись и пытаясь разглядеть смутные очертания зверя на фоне темных тропических кустарников.

— Ну да, мистер Филандер, лев, если вы настаиваете на употреблении просторечия в вашем разговоре. Но, как я говорил...

— Ради бога, профессор! — снова прервал его спутник.— Позвольте мне вам заметить, что мавры, разбитые в пятнадцатом веке, вряд ли потерпят особый ущерб, если мы отложим вопрос о них до того времени, пока этот великолепный экземпляр уйдет от нас подальше.

В это время лев с величавым спокойствием остановился в десяти шагах от людей, с любопытством следя за ними.

Лунный свет обливал берег, и странная группа рельефно выделялась на желтом песке.

— Крайне предосудительно, крайне предосудительно! — воскликнул профессор Портер с легкой нотой раздражения в голосе.— Никогда, мистер Филандер, никогда в жизни не случалось мне видеть, чтобы этим зверям позволяли выходить из клетки и бродить на свободе. Обязательно доложу о возмутительной небрежности директорам ближайшего зоологического сада.

— Вполне справедливо,— согласился его оппонент,— и чем скорее вы это сделаете, тем лучше. Пойдемте сейчас же!

Схватив профессора за руку, он потащил его от зверя.

Они прошли несколько шагов, но оглянувшись, мистер Филандер открыл, что лев следует за ними. Он крепче прижал к себе руку протестующего профессора и ускорил шаг.

— Как я уже говорил...— снова начал профессор Портер.

Филандер бросил назад еще один быстрый взгляд. Лев также припустил и упрямо поддерживал то же расстояние.

— Он идет за нами! — крикнул мистер Филандер, бросаясь бежать.

— Ах, дорогой мой,— увещевал профессор.— Эта неприличная поспешность совсем не к лицу ученым. Что будут думать о нас друзья, если случайно встретят здесь и станут свидетелями наших легкомысленных прыжков? Прошу вас, давайте идти с бóльшим достоинством.

Мистер Филандер бросил тайком еще один тревожный взгляд назад.

Ужас! Лев мчался легкими прыжками в пяти шагах от них.

Тогда, бросив профессора, мистер Филандер понесся вперед с такой лихорадочной быстротой, которая бы сделала ему честь на состязании в беге.

— Как я говорил, дорогой Филандер...— повторил профессор Портер, и вдруг тоже пустился со всех ног, ибо увидел в угрожающей близости к своей особе сверкание желтых глаз и огромную разинутую пасть.

С развевающимися фалдами пальто и освещенный луною, мчался профессор Архимед Кв. Портер в своем блестящем цилиндре по следам улепетывающего мистера Самюэля Т. Филандера.

Впереди выдавался узкий мысок, заросший деревьями. К этому-то убежищу и неслись во всю мочь отчаянные спорщики, в то время как оттуда два зорких глаза с интересом наблюдали за паническим бегом стариков.

Тарзан, улыбаясь, забавлялся этой странной игрой в перебежку. Он знал, что оба джентльмена были вне опасности. Тот факт, что Нума воздержался от такой легкой добычи, говорил лесной мудрости Тарзана, что брюхо льва уже полно. Лев может выслеживать их, пока не проголодается вновь, но была надежда на то, что, если его не рассердят, он скоро утомится забавой и скроется в джунглях.

Единственной действительной опасностью являлось то, что один из стариков мог споткнуться и упасть, тогда для желтого дьявола радость убийства окажется слишком большим искушением, чтобы от нее воздержаться.

Тарзан быстро спустился на более низкую ветку. И когда мистер Самюэль Филандер, запыхавшись и отдуваясь, очутился под ним уже слишком усталый, чтобы сделать еще одно усилие и искать безопасности на ветвях дерева, Тарзан перегнулся, схватил его за ворот и посадил рядом с собой.

Еще минута — и профессор в свою очередь тоже был подтянут вверх, как раз в тот момент, когда Нума, обманутый в своих ожиданиях, с ревом прыгнул, чтобы вернуть себе исчезающую добычу.

Несколько минут двое беглецов, порывисто дыша, цеплялись за большую ветку, в то время как Тарзан, усевшись спиной к стволу дерева, наблюдал их со смесью любопытства и веселости.

Первым прервал молчание профессор:

— Я глубоко огорчен, мистер Филандер, что вы проявили такое отсутствие мужества и смелости в присутствии одного из низших существ и заставили меня догонять вас, чтобы принять такое несоответствующее моему достоинству положение. Но возвращаюсь к нашей теме... Как я говорил, мистер Филандер, когда вы прервали меня, мавры...

— Профессор! — перебил мистер Филандер ледяным тоном.— Наступает момент, когда терпение уже становится преступлением, а желание оскорбить облекается в мантию добродетели. Вы обвиняете меня в трусости. Вы намекаете, будто вы бежали только для того, чтобы догнать меня, а не для того, чтобы спастись от когтей льва. Берегитесь, профессор! Я человек, впавший в отчаяние. Даже червяк и тот, раздраженный долгим терпеливым страданием, поднимает свою голову.

— Тише, тише, мистер Филандер,— успокаивал его профессор,— вы забываетесь.

Они молчали в продолжении нескольких минут.

Лев под ними нервно шагал взад и вперед. Третье существо на дереве было скрыто густой тенью ствола. Оно тоже молчало, неподвижное, как изваяние.

— Вы подняли меня на дерево как раз вовремя,— сказал наконец профессор.— Мне надо поблагодарить вас. Вы спасли мне жизнь.

— Но я не поднимал вас на дерево, профессор! — возразил мистер Филандер.— О, господи! Возбуждение той минуты почти заставило меня забыть, что и меня самого подняла сюда какая-то посторонняя сила. Кто-нибудь или что-нибудь находится с нами вместе здесь, на этом дереве!

— Э...— протянул профессор.— Вполне ли достоверно ваше утверждение?

— Как нельзя более достоверно, профессор,— ответил мистер Филандер.— И,— добавил он,— я думаю, нам следует поблагодарить это третье лицо. Оно, быть может, сидит сейчас рядом с вами, профессор.

— Э! Что это такое? Боже мой, дорогой Филандер, ой, ой! — воскликнул профессор Портер, осторожно подвигаясь ближе к своему другу, ибо обезьяний приемыш решил, что Нума достаточно долго рыскает под деревом, и потому поднял голову к небу, и в ушах перепуганных стариков раздался страшный предупреждающий крик антропоидов.

Оба приятеля, дрожа, прижимались друг к другу на своем ненадежном месте. Они увидели, что лев в беспокойстве замер, когда крик, замораживающий кровь, поразил его слух, затем быстро скользнул в джунгли и мгновенно пропал из виду.

— Даже лев и тот дрожит,— шепнул мистер Филандер.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — пробормотал профессор, отчаянно хватаясь за соседа, чтобы восстановить равновесие, которое потерял от страха. К несчастью для обоих, центр равновесия был нарушен, так что понадобился лишь незначительный толчок профессора Портера, чтобы столкнуть с ветки преданного секретаря.

Одно мгновение они еще пытались удержаться, и вдруг с общим жалобным криком полетели головами вниз, крепко сцепившись в отчаянном объятии.

Прошло несколько минут. Они боялись пошевелиться, так как оба были уверены, что любая попытка обнаружит у них множество переломов и вывихов и всякое передвижение окажется невозможным.

Наконец профессор Портер попытался двинуть одной ногой. К его удивлению, нога повиновалась, как и прежде. Тогда он согнул другую ногу и снова вытянул ее.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — пробормотал он.

— Слава богу, профессор,— горячо шепнул его секретарь,— вы, значит, живы?

— Тише, мистер Филандер, тише,— предостерег его профессор,— я еще доподлинно этого не знаю.

С бесконечными предосторожностями профессор Портер рискнул согнуть правую руку: о счастье,— она была невредима! Еле дыша, он махнул левой рукой над своим распростертым телом — и рука махала!

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — повторил он.

— Кому вы сигнализируете, профессор? — спросил мистер Филандер возбужденным тоном.

Профессор Портер не снизошел до ответа на такой ребяческий вопрос. Он осторожно приподнял с земли голову и закачал ею взад и вперед.

— В высшей степени замечательно,— чуть слышно шепнул он.— И она осталась цела!

Мистер Филандер лежал неподвижно, он не осмеливался сделать такую попытку. Как можно, в самом деле, двигаться, когда руки и ноги и спина — все сломано?

Один глаз у него был залеплен мягкой глиной, другой, скосившись, устремился на странные вращательные движения профессора Портера.

— Какая жалость,— промолвил вполголоса мистер Филандер,— сотрясение мозга вызвало в нем полную умственную аберрацию! Действительно, очень, очень грустно! Особенно для такого еще молодого человека!

Профессор Портер лег на живот и осторожно выгнул спину, пока не стал похож на огромного кота, стоящего перед лающей собакой. Затем он сел и начал себя со всех сторон ощупывать.

— Все на месте! — воскликнул он.— В высшей степени замечательно!

Он встал и, бросив неодобрительный взгляд на все еще распростертую фигуру мистера Самюэля Т. Филандера, сказал: — Я думаю, мой друг, сейчас совсем не время валяться! Нужно вставать и действовать.

Мистер Филандер стер глину с глаза и уставился на профессора Портера с безмолвным бешенством. Затем он попытался встать, и вряд ли человек мог быть более изумлен, чем он, потому что его усилия немедленно увенчались полнейшим успехом.

Он все еще был преисполнен бешенства, вызванного жестоким и несправедливым замечанием профессора Портера, и готовился едко возразить ему, но взгляд его упал на странную фигуру, стоявшую в нескольких шагах и внимательно их рассматривавшую. Профессор Портер поднял свой блестящий шелковистый цилиндр, заботливо почистил его рукавом пальто и надел на голову, и вдруг заметил, что мистер Филандер указывает на что-то позади него. Он обернулся и увидел неподвижно стоявшего перед ним гиганта, почти нагого, не будь на нем набедренной повязки и нескольких металлических украшений на руках и ногах.

— Добрый вечер, милостивый государь! — сказал профессор и поднял шляпу.

В ответ гигант сделал приглашающий жест и направился в сторону берега, откуда они только что пришли.

— Думаю, что было бы разумно следовать за ним,— сказал мистер Филандер.

— Постойте! — возразил профессор,— вы же сами недавно представили мне весьма логические аргументы для подтверждения вашей теории о том, что лагерь лежит к югу от нас. Я сперва относился скептически, но, в конце концов, вы меня убедили, и потому теперь я положительно утверждаю, что мы должны идти на юг, чтобы добраться до наших друзей. И потому я буду продолжать идти на юг.

— Но, профессор Портер, возможно, что этот человек знает местность лучше, чем вы или я. Он, видимо, туземец, уроженец этого края. Попробуем, по крайней мере, последовать за ним.

— Нет, мистер Филандер,— повторил профессор,— я человек, которого трудно убедить, но если я уже убедился в чем-либо, то мое решение остается неизменным. Я пойду в прежнем направлении, хотя бы мне пришлось обойти кругом весь Черный Континент, чтобы достигнуть цели.

Но дальнейшая аргументация ученого была прервана Тарзаном, который, увидев, что эти странные люди стоят на месте, вернулся к ним.

Он снова знаками пригласил их идти за собою, но они продолжали стоять и препираться.

Глупость поведения этих упрямцев взорвала Тарзана. Он схватил испуганного ассистента за плечо и прежде, чем этот достойный джентльмен мог понять, убит ли он или только искалечен на всю жизнь, Тарзан крепко привязал один конец веревки к его шее.

— Мистер Филандер,— внушал ему профессор Портер,— с вашей стороны крайне неприлично подчиняться такому унижению.

Но едва эти слова вылетели из его уст, как он тоже был схвачен и та же веревка крепко обмоталась вокруг его шеи. И Тарзан пошел на север, ведя за собой совершенно перепуганного профессора и его секретаря.

Усталым старикам казалось, что они идут уже много часов. Они молчали, полные отчаяния. Но поднявшись на небольшой холм, они увидели не дальше чем в ста ярдах хижину, покинутую ими утром, и сердца их забились от радости.

Здесь Тарзан освободил их и, указав на маленькое строение, исчез в ближайших кустах.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — с трудом произнес профессор.— Но вы видите теперь, мистер Филандер, что, как всегда, я был совершенно прав. Если бы не ваше упорное своеволие, мы избежали бы целого ряда крайне унизительных, чтобы не сказать — опасных, приключений. Прошу вас в следующий раз, когда вы будете нуждаться в мудром совете, подчиняться руководству более зрелого и практического ума.

Мистер Самюэль Т. Филандер был слишком обрадован счастливым исходом их приключений, чтобы чувствовать себя задетым язвительной шуткой профессора. Вместо этого он схватил за руку своего приятеля и быстро повел его к хижине.

Трудно выразить счастье этих растерявших друг друга людей, когда, наконец, они оказались вместе. Заря застала их за пересказом различных приключений и за рассуждениями о странном защитнике и покровителе, встреченном ими на этом диком берегу.

Эсмеральда не сомневалась, что это был никто иной, как ангел господень, посланный со специальной миссией оберегать их.

— Если бы вы видели, Эсмеральда, как он пожирал сырое львиное мясо,— смеялся Клейтон,— вы бы убедились, что этот небесный дух достаточно материален.

— Я ничего об этом не знаю, масса Клей-

тон! — возразила служанка.— Но я предполагаю, что господь мог просто забыть дать ему с собой спички. Ведь его послали на землю так наспех, чтобы оберегать нас! И он, наверно, не мог ничего зажарить, не имея спичек, просто не мог.

— В его голосе тоже ничего небесного не было,— сказала Джен Портер, слегка вздрогнув при напоминании об ужасающем реве, раздавшемся вслед за убийством львицы.

— Моим незыблемым понятиям о достоинстве небесных посланцев,— заметил профессор Портер,— совершенно не соответствует его манера действовать. Этот джентльмен связал двух почтенных просвещенных ученых за шеи и погнал их сквозь джунгли, как коров!

Похороны

Между тем уже совсем рассвело, и после бессонной ночи проголодавшиеся люди, которые ничего не ели с предыдущего утра, принялись за приготовление завтрака.

Бунтовщики с «Арроу» выгрузили небольшой запас сушеного мяса, консервированных супов и овощей, галет, муки, чая и кофе для пяти человек, высаженных на необитаемый берег.

После трапезы было решено привести хижину в жилой вид, и прежде всего убрать мрачные остатки трагедии, разыгравшейся здесь в давно минувшие дни.

Профессор Портер и мистер Филандер занялись осмотром скелетов. Оба больших скелета, по их мнению, принадлежали мужчине и женщине одного из высокоразвитых племен белой расы. Маленький скелет был исследован весьма поверхностно, так как само присутствие его в колыбели не оставляло сомнений в том, что это младенец, рожденный от несчастной четы.

Возле большого скелета Клейтон нашел массивное золотое кольцо. Он поднял его, чтобы рассмотреть, и вскрикнул от изумления, на перстне был вырезан герб Клейтонов!

В это время Джен Портер обнаружила в шкафу книги и, открыв заглавный лист одной из них, увидела надпись: «Джон Клейтон. Лондон». Во второй книге, которую она поспешно осмотрела, было одно только имя «Грэйсток».

— Слушайте, мистер Клейтон,— крикнула она,— что это значит? На этих книгах имена ваших родственников!

— А у меня в руках,— ответил он с серьезным видом,— большой родовой перстень Грэйстоков, который был утерян с тех пор, как дядя мой Джон Клейтон, лорд Грэйсток, исчез, погибнув, как предполагали, в море.

— Но как вы объясняете себе нахождение этих вещей здесь, в африканских джунглях?

— Только одним можно объяснить это, мисс Портер,— сказал Клейтон.— Покойный лорд Грэйсток не утонул. Он умер здесь, в этой хижине, и эти кости на полу — все, что осталось от него.

— В таком случае, это должно быть останки леди Грэйсток,— сказала Джен Портер, с благоговением указывая на белую груду костей на кровати.

— Прекрасной леди Элис,— ответил Клейтон,— о качествах и об изумительном личном обаянии которой я не раз слышал от родителей. Несчастная,— грустно добавил он.

С большой торжественностью останки покойных лорда и леди Грейсток были погребены у стен маленькой хижины, а между ними был уложен скелетик детеныша Калы.

Когда мистер Филандер завертывал хрупкие кости младенца в кусок парусины, он внимательно осмотрел его череп. Затем подозвал профессора Портера, и они вполголоса говорили вдвоем несколько минут.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — сказал профессор Портер.

— Господи боже мой! — воскликнул мистер Филандер,— мы должны сообщить Клейтону о нашем открытии.

— Потише, мистер Филандер, потише,— остановил его профессор.— Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов!

И седовласый старик прочел над этой странной могилой заупокойную молитву.

Тарзан с дерева наблюдал торжественный и непонятный обряд, но дольше всего не отводил он глаз с милого лица и изящной фигуры Джен Портер. В его наивной душе просыпались новые чувства. Он удивлялся, почему его так интересуют эти люди, почему он взял на себя столько труда, чтобы спасти от гибели в джунглях мужчин? Но он не удивлялся, почему он схватился с Сабор из-за чужой девушки.

Несомненно, мужчины были и глупы, и смешны, и трусливы. Даже мартышка Ману сообразительней их. Если таковы все представители его породы, ему, пожалуй, нечего гордиться своим происхождением. Но девушка — ах, это совсем иное дело! Здесь он не рассуждал. Он знал, что она создана, чтобы быть под защитой, а он, чтобы защищать ее.

Его удивляло, что они вырыли в земле большую яму только для того, чтобы спрятать там кости. Это было бессмысленным: кому нужны сухие кости? Другое дело, если б на них было мясо.— Тарзан понял бы это, ведь только так можно уберечь мясо от гиены Данго и других воров джунглей.

Когда могила была засыпана землей, маленькое общество направилось к хижине. Эсмеральда, все еще горько плакавшая по покойным, о которых она ничего не слышала до сегодняшнего дня, случайно взглянула на бухту. Ее слезы вдруг прекратились.

— Взгляните-ка на этот белый сброд,— воскликнула она отчаянно, указывая по направлению к «Арроу».— Они уходят, оставив нас в этом ужасном месте!

И действительно, корабль медленно направлялся из бухты в открытое море.

— Они обещали оставить нам огнестрельное оружие и запасы патронов,— сказал Клейтон.— Безжалостные скоты!

— Все это — дело матроса, которого они зовут Снайпсом, я в этом уверена,— заявила Джен Портер.— Кинг был негодяем, но он обладал хоть крошечной долей человечности. Если бы они не убили его, я уверена, он позаботился бы о том, чтобы снабдить нас всем необходимым.

— Жаль, что они не посетили нас перед своим отплытием,— сказал профессор Портер.— Я намеревался просить их оставить наш клад, потому что, если он пропадет, я буду совершенно разорен.

Джен Портер с грустью посмотрела на отца.

— Не жалейте об этом, дорогой,— сказала она.— Это не привело бы ни к чему хорошему. Ведь только из-за этого клада убили они своих офицеров и высадили нас на этот ужасный берег.

— Потише, дитя, потише,— возразил профессор Портер.— Вы добрая дочь, но в практических делах неопытны.— И профессор Портер повернулся, медленно направился к джунглям, заложив руки за спину под длинные фалды пальто и опустив глаза к земле.

Дочь его следила за ним с трогательной улыбкой на устах и затем, обращаясь к Филандеру, шепнула:

— Пожалуйста, не пускайте его в джунгли опять. Вы знаете, мы рассчитываем, что вы его убережете от необдуманных поступков.

— Каждый день становится труднее смотреть за ним,— ответил мистер Филандер, со вздохом покачивая головой.— Думается мне, он теперь направляется к директорам зоологического сада с докладом, что один из львов был на свободе прошлой ночью. О, мисс Джен, вы не знаете, как мне тяжело с ним!

— Нет, я знаю, мистер Филандер, но, хотя мы все любим его, один вы умеете справиться с ним. Несмотря на все, что он может наговорить вам, он искренне уважает вас за вашу большую ученость и имеет безграничное доверие к вашему суждению. Бедный папа не делает различия между эрудицией и здравым смыслом.

Мистер Филандер, с несколько озадаченным выражением на лице, пошел вслед за профессором Портером, стараясь разрешить вопрос: чувствовать ли ему себя польщенным или обиженным двусмысленным комплиментом Джен Портер.

Тарзан заметил выражение отчаяния на лицах людей, следивших за «Арроу». И так как корабль сам по себе был для него интересной новинкой, он решил отправиться к выходу из бухты, осмотреть его вблизи и, если возможно, узнать, куда оно направляется. Переносясь по деревьям с величайшей быстротой, он добрался до узкого пролива. Корабль выходил из бухты, так что ему были прекрасно видны все подробности происходящего на палубе.

Около двадцати человек бегали взад и вперед и возились с канатами. Дул легкий береговой ветер, и судно шло по проливу почти без парусов. Но как только оно миновало мысок, были подняты все паруса, чтобы ускорить ход.

Тарзан следил за плавными движениями корабля с глубоким восхищением, и ему страшно хотелось побывать на его борту. Вдруг он заметил на далеком северном горизонте легкий намек на дым и очень удивился. Почти одновременно с ним, должно быть, и вахтенный на «Арроу» тоже заметил дымок. Судно повернуло, и Тарзан понял, что оно возвращается к берегу.

Человек на носу все время опускал в море веревку, к концу которой был привязан какой-то небольшой предмет. Тарзан не понимал цели этого странного действия. Наконец судно встало против

ветра, якорь был брошен, и паруса убраны. На палубе началась суматоха. Была спущена лодка, и в нее поставлен большой сундук. Дюжина матросов взмахнула веслами, и лодка быстро понеслась к тому месту, где Тарзан прятался в ветвях дерева.

У руля сидел человек с лицом крысы.

Лодка причалила к берегу. Матросы выскочили из нее и вытащили на песок большой сундук. Они сердито спорили между собой несколько минут. Затем человек с крысьим лицом в сопровождении товарищей поднялся на высокий пригорок, под дерево, где сидел, притаившись, Тарзан. Несколько минут матросы смотрели по сторонам.

— Здесь подходящее место,— сказал чернобородый.

— Такое же, как и всякое другое,— ответил один из его спутников.— Если они застанут нас с кладом на борту, его тотчас же конфискуют. Мы закопаем его здесь. Быть может, кто-нибудь из нас избежит виселицы и, вернувшись сюда, воспользуется кладом.

Человек с крысьим лицом позвал остальных, и они нехотя подошли, неся лопаты и кирки.

— Поторапливайтесь! — закричал Снайпс.

— Молчать! — возразил один из матросов сердитым тоном.— Каждая мразь корчит из себя командира.

— Я — капитан и заставлю вас признать это, швабра вы половая,— кричал Снайпс, извергая поток ужасных проклятий.

— Спокойней, товарищи,— вступился один из матросов, молчавший до тех пор.— Какой прок из того, если мы тут перегрыземся между собой?

— Правильно,— согласился матрос, рассердившийся на повелительный тон Снайпса.— Но по той же причине не годится, чтобы кто бы то ни было строил из себя начальство в нашей честной компании!

— Копайте здесь,— сказал Снайпс, указывая под дерево.— А пока вы будете копать, Питер набросает план местности, чтобы мы не ошиблись потом. Вы, Том и Билл, возьмите еще троих и тащите сюда сундук.

— А вы что будете делать? — спросил спорщик.— Хозяина разыгрывать?

— Делайте свое дело,— ворчал Снайпс.

Все сердито посмотрели на Снайпса. Никто не любил его, и его постоянное выпячивание напоказ своей власти с тех пор, как он убил Кинга, действительного главаря и предводителя бунтовщиков, только подливало масло в огонь.

— Значит, вы не желаете взять лопату в руки и помочь работе? Ваше плечо не так уж сильно болит.

— И не подумаю,— ответил Снайпс, нервно трогая рукоять револьвера.

— Тогда клянусь богом,— крикнул Тарант,— если вы не хотите взять лопату, то попробуйте кирку!

С этими словами он высоко поднял кирку и могучим ударом всадил ее в Снайпса.

На минуту все замерли, затем один из матросов сказал:

— Так ему, мерзавцу, и надо!

Другой спокойно принялся рыть землю киркой. Земля была мягкая, и он, отбросив кирку в сторону, взялся за лопату. Остальные последовали его примеру. Яма уже стала достаточной, чтобы зарыть в нее сундук, но Тарант посоветовал увеличить ее еще и положить поверх сундука тело Снайпса.

— Это может одурачить тех, кто вздумает рыть в этом месте,— объяснил он.

Остальные согласились, что это хитро выдумано, и яма была вырыта по длине тела, а в середине ее сделано углубление для сундука, предварительно обернутого брезентом. Когда его спустили в яму, крышка оказалась на один фут ниже дна могилы. Сундук засыпали и хорошо утрамбовали землю, дно стало ровным и гладким. Двое матросов весьма бесцеремонно скатили в яму труп, сняв с него оружие и обшарив карманы, после чего забросали могилу землей и старательно утоптали ее. Сделав свое дело, матросы уселись в шлюпке и стали быстро грести к кораблю.

Тарзан, страшно заинтересованный непонятной сценой, очевидцем которой он стал, сидел, раздумывая о странных поступках этих существ. Люди оказались действительно более глупыми и жестокими, чем звери. Как он счастлив, живя один в тишине и безопасности джунглей! Тарзан старался догадаться, что же лежит в сундуке, зарытом матросами? Ведь если сундук им не нужен, то почему они не бросили его в воду? Это было бы гораздо легче сделать. «Нет,— подумал он,— видно они дорожат сундуком. Они спрятали его потому, что хотят за ним вернуться».

Тарзан спустился с дерева и вытащил лопату, спрятанную в груде валежника, наваленного на могилу. Он попытался работать ею так, как работали матросы. С непривычки он сразу же повредил себе голую ногу, но не бросил копать, пока не отрыл труп. Он вытащил его, положил в сторону и продолжал рыть, пока не откопал сундук. И его он вытащил и поставил рядом с трупом. Затем он снова уложил тело в могилу, засыпал землей и, прикрыв ветками кустарника, занялся сундуком. Четверо матросов изнемогали под его тяжестью. Тарзан поднял его, как будто это был пустой упаковочный ящик, и, подвесив лопату за спину, понес его в самые непролазные заросли.

Зачем взял он на себя всю эту работу, не зная ценности содержимого сундука?

Обезьяний приемыш Тарзан был человеком по складу ума и тела и обезьяной по воспитанию. Его разум подсказывал, что в сундуке нечто ценное, иначе люди не стали бы его так старательно прятать. Воспитание научило его, не задумываясь, подражать всему новому и необычайному. Теперь естественное любопытство, присущее и людям, и обезьянам, побуждало его открыть сундук и рассмотреть содержимое. Но массивный замок и кованая железная обивка не поддавались ни хитрости, ни огромной физической силе, и он был вынужден зарыть сундук, так и не узнав его содержания.

Когда Тарзан, на ходу отыскивая пищу, вернулся к хижине, уже почти совсем стемнело.

В маленьком домике горел свет — Клейтон отыскал непочатую жестянку керосина, простоявшую нетронутой двадцать лет. То была часть припасов, оставленных Клейтону Черным Майклом. Лампы тоже сохранились, и потому изумленному Тар-

зану внутренность хижины казалась светлой, как днем!

Когда он подошел к ближайшему окну, то увидел, что хижина разделена надвое грубой перегородкой из жердей и парусов.

В переднем помещении находилось трое мужчин: двое старших были углублены в горячие споры, в то время как младший, сидевший на импровизированном стуле, был совершенно поглощен чтением одной из книг Тарзана.

Тарзан, однако, не особенно интересовался мужчинами и потому перешел ко второму окну. Тут была девушка. Какие у нее прекрасные черты! Как нежна белоснежная кожа. Она писала у окна за столом Тарзана. В дальнем конце комнаты на ворохе травы спала негритянка.

Целый час, пока писала девушка, Тарзан наслаждался ее видом. Ему так хотелось заговорить с нею, но он не стал и пытаться, так как был уверен, что и она, подобно молодому человеку, не поймет его. К тому же он опасался, что может ее испугать.

Наконец она поднялась, оставив рукопись на столе. Подойдя к постели, покрытой толстым слоем мягких трав, она поправила ложе. Затем распустила шелковистую копну золотистых волос, венчавших ее голову. Словно волны сверкающего водопада, превращенного в полированный металл лучами заходящего солнца, обрамляли они ее овальное лицо и скатывались волнистыми линиями ниже пояса.

Тарзан стоял, как зачарованный. Она потушила лампу, и комнату окутала первобытная тьма.

Тарзан все еще стоял у окна. Прижавшись к нему вплотную, он ждал, прислушиваясь, около получаса. Наконец он расслышал звуки ровного дыхания, означавшего сон. Осторожно просунув руку сквозь перекладины решетки до самого плеча, он дотянулся до стола. Нащупав рукопись Джен Портер, он так же осторожно вытащил руку, зажав в ней драгоценное сокровище.

Тарзан скрутил листы в маленький свиток, который засунул в колчан со стрелами. Затем он исчез в джунглях тихо и безмолвно, как тень.

Жертва джунглей

Рано утром Тарзан проснулся с мыслью об удивительной рукописи, спрятанной в его колчане. Торопливо достал он ее, надеясь, что сможет прочесть то, что написала прекрасная белая девушка.

При первом взгляде, брошенном на рукопись, он испытал величайшее разочарование. Никогда раньше не желал он чего-нибудь так страстно, как желал теперь прочесть послание золотоволосой богини, которая так внезапно вторглась в его жизнь. Что из того, что это послание не предназначается ему? В любом случае, оно было выражением ее мыслей, и этого вполне достаточно для Тарзана. И вдруг быть обманутым странными неуклюжими знаками! Ведь они даже наклон имели противоположный тому, что он наблюдал в печат-

ных книгах и в самых трудных рукописях! Самые маленькие букашки непонятной черной книжки были ему более дружественны, хотя сочетания их ничего не говорили ему; эти же были и новы, и неведомы.

Минут двадцать пристально изучал он их. И вдруг они стали принимать знакомые, хотя и искаженные образы. Ах, это были его старые друзья, но жестоко искалеченные! И вот он начал разбирать одно слово здесь, одно слово там. Сердце у него прыгало от радости. Он может читать! Он прочтет!

Еще полчаса — и он быстро подвинулся вперед, хотя то в одном, то в другом месте встречались совсем непонятные слова. Тарзан увидел, что сможет разобрать письмо.

Вот то, что он прочел:

*«Западный берег Африки, около 10° южной широты (так говорит мистер Клейтон). 3-го (?) февраля 18** г.*

Дорогая моя Элоиза! Быть может, и напрасно пишу вам, так как письмо мое, по всей вероятности, не попадет в ваши руки, но я просто должна рассказать кому-нибудь о наших ужасных испытаниях с тех самых пор, как мы отплыли из Европы на злосчастном «Арроу».

Если мы никогда не вернемся в цивилизованный мир, что теперь кажется более чем вероятным, это письмо явится, по крайней мере, кратким протоколом тех событий, который поведает о нашей судьбе, какова бы она ни оказалась.

Вам известно, что мы предполагали отправиться в научную экспедицию в Конго. Мы полагали, что папа намеревается доказать существование какой-то неслыханно древней цивилизации, остатки которой затеряны где-то в долине Конго. Но когда мы вышли в море, истина раскрылась.

Оказывается, что какая-то старая книжная крыса, владеющая в Балтиморе магазином книг и редкостей, нашла между страницами старинной испанской рукописи письмо 1550 года. В нем подробно рассказывалось о приключениях взбунтовавшегося экипажа испанского галеона, шедшего в Южную Америку с большим грузом «дублонов» и «монет в восемь»,— я, может быть, ошибаюсь, потому что эти названия действительно звучат както по-пиратски и немного волшебно.

Автор письма был один из матросов галеона, и адресовал он его своему родному сыну. А тот был хозяином торгового судна.

Много лет прошло со времени изложенных в письме событий, старик стал уважаемым гражданином маленького испанского городка. Но любовь к золоту была в нем еще так сильна, что он рискнул всем, чтобы ознакомить сына со способами достижения баснословного богатства.

Письмо повествует о том, как неделю спустя после отплытия из Испании, экипаж взбунтовался и перебил офицеров и всех тех, кто сопротивлялся им. Этой бессмысленной жестокостью они расстроили и свои собственные планы: у них не осталось никого, кто бы мог вести судно в открытом море.

Их носило, как щепку, в продолжении двух месяцев, пока, наконец, больные, умирающие от цинги, жажды и голода, они не были выброшены на маленький островок. Галеон разбился вдребезги, но выжившим — их было всего десять — удалось спасти один из сундуков с золотом.

Они зарыли его на острове и три года жили там в постоянной надежде на спасение.

Из обломков галеона ими была сколочена лодка, но, не имея представления о местоположении острова, они не решались пуститься в открытое море.

Один за другим они болели и умирали, пока, наконец, в живых остался только автор письма.

Страшное одиночество стало до того угнетать его душу, что он предпочел опасность смерти в открытом море сумасшествию на пустынном острове. После почти года полного одиночества он поднял парус на своей маленькой лодке.

К счастью, он поплыл на север и через неделю попал в район рейсов испанских торговых судов, плававших между Вест-Индией и Испанией. Его подобрал корабль, возвращавшийся на родину.

Он рассказал обычную историю о кораблекрушении, в котором все, за немногими исключениями, погибли, а оставшиеся в живых добрались до острова и умерли. Он не упомянул ни о мятеже, ни о зарытом сундуке с кладом.

Хозяин торгового судна уверил его, что, судя по месту, где его подобрали, и дувшим за последнюю неделю ветрам, место их кораблекрушения могло быть лишь на одном из островов группы Зеленого Мыса, расположенных у западного берега Африки около 16 или 17° северной широты.

Это письмо подробнейшим образом описывает и сам остров, и место, где зарыт клад. К письму он прилагает маленькую старую карту, самую грубую и забавную, какую я когда-либо видела, все деревья и скалы помечены на ней нацарапанными Х-ми для указания точного места, где зарыто сокровище.

Когда папа объяснил мне истинную цель нашей экспедиции, сердце мое так и упало, потому что я хорошо знала, каким непрактичным мечтателем был всегда мой милый отец. Я боялась, что его опять обманули, в особенности, когда узнала, что он заплатил тысячу долларов за письмо и карту.

А тут еще выяснилось, что он, кроме того, занял целых десять тысяч долларов у Роберта Канлера и дал ему вексель на эту сумму.

Канлер не потребовал обеспечения, и вы знаете, дорогая, что грозит мне в том случае, если папа не заплатит по векселю. О, как я ненавижу этого человека!

Мы все же старались смотреть бодро на вещи и не впадать в отчаяние, но мистер Филандер и мистер Клейтон,— последний присоединился к нам в Лондоне просто из жажды приключений,— так же скептически отнеслись к делу, как и я.

Но мы нашли остров и нашли клад: большой обитый железом дубовый сундук, завернутый в несколько слоев промасленной парусины, такой же крепкий и плотный, каким его зарыли почти четыреста лет тому назад.

Он был доверху набит золотыми монетами и такой тяжелый, что четыре матроса еле несли его.

Злосчастный клад этот, по-видимому, не приносит ничего, кроме несчастий тем, кто имеет с ним дело, потому что три дня спустя, у островов Зеленого Мыса, наш экипаж тоже взбунтовался и перебил своих офицеров.

О, это было самое тяжелое испытание, которое можно себе вообразить,— я даже не в силах писать об этом.

Они собирались убить и нас, но их главарь, по имени Кинг, не допустил этого. Они поплыли на юг вдоль берега до пустынного места, где нашли хорошую бухту, и здесь сошли на берег и высадили нас.

Сегодня они отплыли, увезя с собой клад, но мистер Клейтон говорит, что их тоже ждет участь, постигшая бунтовщиков старого галеона, потому что Кинг, единственный человек на корабле, имевший понятие о навигации, был убит на берегу одним из матросов в тот день, когда нас высадили.

Хотелось бы мне, чтобы вы познакомились с мистером Клейтоном, он — милейший человек и, если я не ошибаюсь, очень сильно влюбился в вашу несчастную подругу.

Мистер Клейтон — единственный сын лорда Грэйстока и в будущем наследует титул и поместья. К тому же он и лично обладает большим состоянием. Но тот факт, что он будет английским лордом, меня очень печалит — вы знаете мое отношение к американским девушкам, выходящим замуж за титулованных иностранцев. Ах, если б он был простым американским джентльменом!

Правда, бедняга в этом не виноват! И во всем остальном, кроме происхождения, он может лишь делать честь моей милой дорогой родине — а это самый лестный отзыв, какой я могу дать о ком бы то ни было.

Мы испытали множество изумительных приключений с тех пор, как высадились здесь. Папа и мистер Филандер заблудились в джунглях, и за ними охотился настоящий лев.

Мистер Клейтон тоже заблудился, и дважды на него нападали дикие звери. Эсмеральда и я — мы были осаждены в старой хижине очень страшной людоедкой-львицей. О, это было просто «одна ужасть», как сказала Эсмеральда.

Но самое странное из всех происшествий — это изумительное существо, которое нас всегда спасало. Я его не видела, но папа и мистер Филандер видели и говорят, что он — богоподобный белый человек, загоревший до темно-коричневого цвета. Обладает он силой дикого слона, подвижностью обезьяны и храбростью льва.

Он не говорит по-английски и исчезает так быстро и таинственно после того, как совершит какой-нибудь доблестный поступок, словно он бесплотный дух.

У нас есть еще один таинственный сосед. Он прекрасно написал печатными буквами записку по-английски и прибил ее к двери своей хижины, которую мы заняли, предостерегая нас, чтобы мы не портили его вещей, и подписался: «Тарзан, из племени обезьян».

Его мы еще не видели, хотя думаем, что он где-нибудь поблизости, так как, когда один из матросов собрался выстрелить мистеру Клейтону в спину, то получил копье в плечо от чьей-то незримой руки в джунглях.

Матросы оставили нам очень мало провианта, и мы, имея лишь всего один револьвер с тремя патронами к нему, не знаем, как будем добывать себе пищу, хотя мистер Филандер и говорит, что мы сможем просуществовать до бесконечности на дивных плодах и орехах, которыми изобилуют джунгли.

А теперь я очень устала, и потому пойду спать в свою забавную постель из трав, собранных для меня мистером Клейтоном. Время от времени я буду приписывать к этому письму, что с нами случится.

Любящая Вас Джен Портер.

Элоизе Стронг, Балтимора, М. Мэриленд.

Тарзан долго сидел, погруженный в мрачную задумчивость. В письме было столько новых и удивительных вещей, что голова шла кругом, когда он пытался во все вникнуть.

Итак, они не знают, что он-то и есть Тарзан, из племени обезьян! Он им скажет.

На своем дереве он соорудил для защиты от дождя грубый навес из листьев и сучьев, под которым спрятал немногие сокровища, унесенные им из хижины. Между ними было несколько карандашей. Тарзан взял один из них и под подписью Джен Портер написал:

«Я Тарзан, из племени обезьян».

Он подумал, что этого будет вполне достаточно. Немного погодя, он отнесет письмо в хижину.

«Что касается пищи,— подумал Тарзан,— им нечего беспокоиться, об этом я позабочусь». Так он и сделал.

На следующее утро Джен Портер нашла пропавшее письмо на том самом месте, откуда оно исчезло две ночи тому назад. Она была изумлена, но когда увидела печатные буквы под своей подписью, холодная влажная дрожь пробежала по ее спине. Джен показала письмо или, вернее, приписку к нему Клейтону.

— Подумать только,— сказала она,— что это странное существо, по-видимому, следило за мной, когда я писала. О! Я содрогаюсь при одной лишь мысли об этом!

— Но, должно быть, существо это дружественно относится к нам,— стал ее успокаивать Клейтон,— оно вернуло ваше письмо, не причиняет вам никакого вреда и, если я не ошибаюсь, оставило этой ночью у нашей двери весьма ощутимый знак своего благоволения: я только что нашел там тушу дикого кабана.

С тех пор редкий день проходил без того, чтобы они не получали приношения дичью или другой провизией. Иногда то был молодой олень или большое количество странной готовой пищи — лепешки из маниоки, похищенные из поселка Мбонги, иногда вепрь или леопард, а один раз лев.

Тарзану доставляло величайшее удовольствие охотиться за дичью для чужестранцев. Он чувствовал, что ни одна земная радость не может сравниться с заботой о благополучии и безопасности прекрасной белой девушки. Как-нибудь он отважится пойти в лагерь днем и поговорить с этими людьми с помощью маленьких букашек, знакомых и им, и ему. Но ему было страшно трудно преодолеть свою робость дикого лесного существа. День шел за днем, а Тарзан все не осуществлял своего намерения.

Обитатели лагеря, осмелевшие благодаря привычке, забирались все глубже в джунгли в поисках орехов и плодов. Не проходило дня без того, чтобы профессор Портер с озабоченно-безучастным видом не шел прямо в пасть смерти. А Са-

мюэль Филандер, который никогда не был крепким, теперь превратился в тень от постоянного беспокойства и душевной тревоги, вызванных его сверхчеловеческими усилиями по охране профессора.

Прошел месяц. Тарзан, наконец, решился посетить лагерь днем.

Полдень уже миновал. Клейтон ушел на северный мыс бухты, чтобы сторожить проходящие суда. У него была собрана там огромная груда сухих веток, которые он мог зажечь, как сигнал, в то мгновение, когда на дальнем горизонте появится пароход или парусник.

Профессор Портер бродил вдоль берега к югу от лагеря с Филандером, который уговаривал его повернуть обратно, прежде чем они оба сделаются снова потехой какого-нибудь дикого зверя.

Джен Портер и Эсмеральда тоже отправились на поиски плодов, все дальше и дальше углубляясь в джунгли.

Тарзан ждал их возвращения у дверей хижины. Мысли его были устремлены к прекрасной белой девушке. Он теперь постоянно думал о ней. Тарзан ежился, не испугается ли она его, и это опасение чуть не заставило его оставить свое намерение. Им овладело нетерпение. Тарзану так хотелось насладиться ее присутствием, ее близостью! Быть может, ему удастся коснуться ее. Этот обезьяна-человек ничего не знал о боге, но он был так полон поклонения своему божеству, как едва ли кто-либо из смертных.

В ожидании он стал писать печатными буквами послание к ней. Намеревался ли он сам отдать его Джен — он не знал, но ему доставило бесконечное удовольствие видеть свои мысли выраженными на бумаге, а в этом деле, в конце концов, он совсем не был таким уж дикарем!

Он писал:

«Я — Тарзан, из племени обезьян. Я хочу вас. Я ваш. Вы моя. Мы будем здесь всегда жить вместе в моем доме. Я буду носить вам самые лучшие плоды, самых нежных оленей, самую вкусную дичь, которая скитается в джунглях. Я буду охотиться для вас. Я — величайший из охотников джунглей. Я буду сражаться за вас. Я — самый могучий из бойцов джунглей. Вы Джен Портер — я это узнал из вашего письма. Когда вы увидите меня, вы будете знать, что это для вас и что Тарзан, из племени обезьян, любит вас».

В это время его чуткие уши уловили знакомый шум. В лесу по нижним ветвям передвигались обезьяны. Одно мгновение он напряженно прислушивался. Внезапно из джунглей донесся леденящий душу крик женщины, и Тарзан, уронив на землю свое первое любовное послание, кинулся в чащу.

Клейтон, профессор Портер и Филандер тоже услышали крик. Через несколько минут они, запыхавшись, собрались у хижины, забрасывая друг друга на бегу градом вопросов. Взгляд, брошенный в хижину, подтвердил их худшие опасения. Джен Портер и Эсмеральды в ней не было.

Немедленно Клейтон бросился в джунгли в сопровождении обоих стариков, громко окликая девушку по имени. Около получаса носились они по лесу, пока Клейтон не наткнулся на распростертое тело служанки.

Он нагнулся к ней, нащупал пульс и прослушал биение сердца. Она была жива. Он стал трясти ее.

— Эсмеральда! — кричал он ей в ухо.— Эсмеральда! Бога ради, скажите, где мисс Портер? Что случилось? Эсмеральда!

Негритянка медленно открыла глаза. Она увидела Клейтона.

— О, Габерелле! — простонала она и снова упала в обморок.

К этому времени подошли профессор Портер и мистер Филандер.

— Что нам делать, мистер Клейтон? — спросил старый профессор.— Где нам искать ее? Бог не может быть настолько жестоким, чтобы отнять у меня мою дочь.

— Мы должны прежде всего привести в чувство Эсмеральду,— ответил Клейтон.— Она расскажет нам, что случилось.— Эсмеральда! — крикнул он снова, грубо тряся негритянку за плечи.

— О, Габрелле! Хоть бы умереть! — вопила бедная женщина, крепко зажмурив глаза.— Дай мне умереть, господи, но не дай мне видеть эту ужасную обезьяну. Зачем послал ты дьявола за бедной старой Эсмеральдой? Она никому не сделала зла, никому, господи, никому. Она совершенно неповинна ни в чем, господи, да, неповинна ни в чем!

— Ну, ну, Эсмеральда,— прикрикнул Клейтон,— перед вами не бог, а мистер Клейтон. Откройте глаза.

Эсмеральда, наконец, опомнилась.

— О, Габерелле! Слава господу богу! — проговорила она.

— Где мисс Портер? Что случилось? — спрашивал Клейтон.

— Разве мисс Джен нету здесь?..— воскликнула Эсмеральда, поднимаясь с изумительной быстротой для своей комплекции.— О, господи, теперь я вспомнила. Должно быть, оно унесло ее.— И негритянка принялась рыдать и причитать.

— Кто унес? — крикнул профессор Портер.

— Большое толстое животное, покрытое волосами.

— Горилла, Эсмеральда? — спросил мистер Филандер, и трое мужчин затаили дыхание, когда он высказал ужасающую мысль.

— Я думала, это был дьявол, но, должно быть, это был один из тех, кого вы зовете горильмантами. О, моя бедная крошка, моя маленькая птичка, бедная...— И снова Эсмеральда разразилась несдерживаемыми рыданиями.

Клейтон немедленно стал искать следы, но не мог найти ничего, кроме помятой травы, ибо его знания были слишком ничтожны для истолкования того, что он видел.

Весь остаток дня трое мужчин искали Джен. Но когда стемнело, они волей-неволей вынуждены были с отчаянием в сердце прекратить эти поиски.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРОЗА

Эдгар БЕРРОУЗ

Рисунки
Елены Пьянковой
и Николая Мооса

В полной темноте они добрались до хижины. Убитые горем люди долго сидели молча.

Профессор Портер прервал молчание.

— Я прилягу,— сказал старик,— и постараюсь заснуть. Завтра рано утром, как только рассветет, возьму с собой столько еды, сколько могу унести, и буду искать Джен, пока не найду ее. Без нее не вернусь!

Его спутники ответили не сразу. Каждый из них был поглощен в свои печальные мысли, и каждый знал, как знал это и старик профессор, что означали его последние слова: профессор Портер никогда не вернется из джунглей.

Клейтон встал и, мягко положив руку на сгорбленное плечо старого профессора, сказал:

— Я, конечно, пойду с вами. И не говорите мне, что я не должен этого делать.

— Я знал, что вы это предложите, что вы захотите идти, мистер Клейтон, но право — не делайте этого. Джен теперь никто не поможет. Я иду просто потому, чтобы вместе с нею погибнуть, чтобы знать, что та, которая была так недавно моей дорогой маленькой дочуркой, не лежит одиноко, покинутая всеми в страшных джунглях. Одни и те же стебли и листья покроют нас, и одни и те же дожди будут поливать. Нет, я должен идти один, потому что она была моею дочерью, единственным, что оставалось у меня на свете и что я любил!

— Я пойду с вами,— просто сказал Клейтон.

Старик поднял голову и внимательно посмотрел на энергичное красивое лицо Уильяма Сесиля Клейтона. Быть может, впервые он прочел на этом лице любовь, таившуюся в сердце молодого человека,— любовь к его дочери.

Обычно профессор Портер был слишком занят своими собственными учеными мыслями, чтобы замечать мелкие факты, случайные слова, которые бы давно подсказали всякому другому, что молодые люди тяготеют друг к другу. Теперь он припомнил все.

— Как хотите,— согласился он наконец.

— Вы можете рассчитывать и на меня,— заявил мистер Филандер.

— Нет, мой дорогой старый друг,— возразил профессор Портер,— всем нам идти не следует. Было бы большой жестокостью оставить бедную Эсмеральду здесь одну, да и всем троим не достигнуть большего результата, чем одному. Без того уже мертвых достаточно. Ложитесь, господа, попытаемся немного заснуть.

Зов первобытности

С того времени, как Тарзан ушел из племени больших антропоидов, спокойствие и мир в нем были нарушены. Теркоз оказался жестоким и капризным царем. Многие из более старых и слабых обезьян, на которых он чаще всего привык обрушивать свой зверский нрав, ушли из общины вместе с семьями в поисках тишины и безопасности.

Но и оставшиеся были доведены до отчаяния постоянными придирками Теркоза. И тут кто-то вспомнил прощальный совет Тарзана.

— Если у вас будет жестокий повелитель,— сказал он, покидая их,— пусть никто не пытается восстать против него в одиночку. Вместо того, пусть двое, а лучше — четверо соберутся вместе и разом нападут на него. Тогда ни один властитель не осмелится нарушать законов, потому что четверо всегда справятся с любым вождем.

Вспомнив этот мудрый совет, обезьяна сговорилась со своими товарищами, когда Теркоз вернулся домой, его ждал «теплый» и дружный прием.

Особых формальностей не было. Как только Теркоз приблизился к сборищу, пять огромных волосатых зверей бросились на него.

В душе Теркоз был отъявленным трусом, какими обыкновенно бывают нахалы и среди обезьян, и среди людей. Поэтому Теркоз не принял боя, исход которого был для него ясен. Он просто убежал.

Теркоз сделал еще две попытки вернуться в племя, но всякий раз на него нападали и прогоняли его. Поняв, что его никогда не примут обратно, он ушел в джунгли, затаив ненависть и бешенство.

Продолжение. Начало в № 4—8

Несколько дней он без цели бродяжничал. Гнев его все разрастался, и он искал какое-нибудь слабое существо, на которое он мог бы излить всю душившую его злобу.

В таком состоянии духа это человекоподобное чудовище неожиданно встретило в джунглях обеих женщин. Джен Портер услышала звук прыжка большого волосатого тела и увидела страшную образину, его оскалившийся отвратительный рот не дальше фута от себя.

Пронзительный крик вырвался у Джен, когда рука зверя схватила ее за плечо. Потом она увидела ужасные клыки, которые разверзлись над ее горлом. Но прежде чем они сомкнулись, антропоид передумал.

Его жены остались в племени. Он должен найти других. Эта белая безволосая обезьяна станет первой в его новой семье. Он грубо вскинул ее на волосатые плечи и вспрыгнул на ветку, готовя Джен Портер участь, которая в тысячу раз хуже смерти.

Крик ужаса негритянки раздался вместе с криком Джен, а потом,— как это всегда случалось у Эсмеральды в критические моменты, требовавшие полного присутствия духа,— она упала в обморок.

Но Джен ни разу не потеряла сознания. Правда, страшная образина прижалась так близко к ее лицу, что зловонное дыхание парализовало ее. Но сознание было ясно, и она помнила все, что происходило, пока зверь нес ее. Она не кричала и не боролась. Внезапное появление обезьяны до такой степени сбило ее с толку, что ей стало теперь казаться, что ее несут к берегу. Она решила сохранить энергию и силу голоса до той поры, пока не увидит лагеря, чтобы привлечь оттуда столь необходимую помощь.

Бедное дитя! Если бы она знала, что ее несут все дальше и дальше в непроходимую глушь джунглей!

Крик, который встревожил Клейтона и обоих стариков, привел Тарзана на место разыгравшихся событий. Но не на Эсмеральде сосредоточился его интерес, хотя он и удостоверился, что она невредима. Мгновенно Тарзан исследовал землю и ближайшие деревья. Инстинкт обезьяны, соединенный с разумом человека, рассказали ему, изумительно знавшему жизнь лесов, о происшествии так ясно, будто он видел его своими глазами.

Тотчас помчался он по свежему следу, который обычный человеческий глаз не мог бы заметить и, тем более, объяснить. Больше всего следов на концах ветвей, где антропоид перебрасывается с ветки на ветку, но по ним трудно установить направление, потому что под тяжестью тела ветвь склоняется вниз, и неизвестно, подымалась или спускалась по ней обезьяна, зато ближе к стволу, где следы слабее, направление ясно обозначено. Вот тут лапой беглеца была раздавлена гусеница, и Тарзан инстинктивно чувствует, куда ступит теперь та же большая лапа — и действительно он находит там микроскопическую частичку уничтоженного червя, иногда просто влажный след.

Дальше, маленький кусочек коры отодран когтем, а направление излома указывает на направление беглеца. Там и сям на какой-нибудь большой ветке или на стволе дерева, которых коснул

лось волосатое тело, оставался крошечный клочок волос. По тому, как он втиснут под корой, Тарзан определял направление.

Он не замедлял бега, чтобы подмечать все эти, на вид столь слабые, признаки зверя. Для Тарзана они ярко выделялись среди мириад других повреждений, шрамов и знаков на воздушном пути. Но больше всего помогал ему запах, потому что Тарзан преследовал против ветра, и его развитые ноздри чувствовали не хуже ноздрей собаки.

Есть мнение, что существа низшего порядка одарены природой лучшим обонянием, чем человек, но это только дело развития. Жизнь цивилизованных людей не так сильно зависит от совершенства их чувств. Способность к рассуждению освободила человека от многих обязанностей, чувства до известной степени атрофировались, так же как мышцы, двигающие уши, и волосяной покров тела.

Не то с обезьяньим приемышем. С первых дней детства его существование неизмеримо больше зависело от остроты зрения, слуха, обоняния, осязания и вкуса, чем от медленно развивающегося разума.

Менее всего у Тарзана было развиты вкусовые ощущения. Он мог с почти одинаковым удовольствием есть роскошные плоды и сырое мясо, долго пролежавшее в земле, в этом, впрочем, он мало чем отличался от наших утонченных гурманов.

Почти бесшумно мчался Тарзан по следу Теркоза и его добычи, но звуки преследования все же достигали до убегающего зверя и заставляли его бежать еще быстрее. Три мили остались позади, прежде чем обезьяна-человек настиг их. Теркоз, видя, что ему не уйти, соскочил на открытую небольшую поляну, чтобы сразиться здесь за свою добычу или же, бросив ее, спастись бегством.

Он все еще прижимал к себе огромной лапой Джен Портер, когда Тарзан, точно леопард, спрыгнул на арену, которую природа как бы специально создала для этого первобытного боя.

Едва Теркоз увидел, кто его преследовал, он сразу подумал, что похищенная им самка — жена Тарзана. Они, очевидно, были одной породы — оба белые и безволосые. И Теркоз был в восторге от возможности больно отомстить ненавистному врагу.

Внезапное появление таинственного богоподобного человека подействовало на измученные нервы Джен, как бодрящее вино. По описаниям Клейтона, своего отца и мистера Филандера она догадалась, что это и есть то изумительное существо, которое спасло их. Она угадала в нем друга и защитника. Теркоз грубо толкнул ее в сторону, чтобы броситься навстречу Тарзану. Джен Портер смогла оценить огромные размеры обезьяны, ее могучие мускулы и огромные клыки, и сердце ее упало. Разве мог человек, каков бы он ни был, победить такого мощного противника?

Они сшиблись, как два разъяренных быка, и, как два волка, старались добраться до горла друг друга. Длинным клыкам обезьяны человек противопоставил узкое лезвие ножа.

Джен Портер всем своим гибким молодым телом прильнула к стволу большого дерева, крепко прижав руки к нервно дышащей груди, и широко раскрытыми глазами, в которых отражалась смесь ужаса и восхищения, смотрела на бой первобытной обезьяны с первобытным человеком за обладание женщиной — за обладание ею.

Когда большие мускулы спины и плеч человека вздулись от напряжения и громный бицепс и предплечье остановили страшные клыки, завеса веков цивилизации и культуры разверзлась перед отуманенным взором девушки из Балтиморы. А когда длинный нож раз десять упился горячей кровью Теркоза и громадная туша его безжизненно пала на землю, первобытная женщина с распростертыми объятиями бросилась к первобытному мужчине, который завоевал ее.

А Тарзан?

Он сделал то, что сделал бы на его месте всякий мужчина, у которого течет в жилах красная кровь. Он взял женщину в свои объятия и стал осыпать поцелуями ее трепещущие губы.

Одно мгновение Джен Портер лежала в его объятиях с полузакрытыми глазами. В одно мгновение — первое в ее молодой жизни — она узнала, что такое любовь.

Но наваждение кончилось так же внезапно, как началось. Лицо Джен Портер ярко вспыхнуло румянцем. Женщина оттолкнула от себя Тарзана, человека-обезьяну, и закрыла лицо руками.

Тарзан был изумлен, когда девушка, которую он безотчетно любил какой-то отвлеченной любовью, вдруг очутилась добровольной пленницей в его объятиях. Теперь он был не менее изумлен тем, что она отталкивает его. Он приблизился к ней еще раз и взял за руку. Она бросилась на него, как тигрица, нанося своими крошечными руками удары в его большую грудь.

Тарзан не мог ничего понять.

Еще за минуту до того он был намерен как можно скорее вернуть Джен Портер ее родственникам, но эта минута уже канула в смутном и невозвратном прошлом, а вместе с нею кануло и его доброе намерение.

Тарзан, обезьяний приемыш, преобразился в тот миг, когда почувствовал теплое гибкое тело, крепко прижавшееся к нему. Прекрасные губы слились с его губами в жгучих поцелуях и выжгли глубокое клеймо в его душе — клеймо, отметившее нового Тарзана.

Он снова положил руку на ее плечо. Она оттолкнула его. И тогда Тарзан, обезьяний приемыш, поступил как раз так, как это сделал бы его отдаленный предок. Он поднял свою женщину и понес ее в джунгли.

Рано утром на следующий день четверо людей, оставшиеся в хижине у моря, были разбужены пушечным выстрелом. Клейтон выбежал первым и увидел, что за входом в маленькую бухту стоят на якоре два судна.

Одно из них — «Арроу», а другое — небольшой французский крейсер. На его борту толпилось много людей, смотревших на берег. Клейтон, как и остальные, ясно понимал, что пушечным выстрелом хотели привлечь внимание оставшихся в хижине.

Эсмеральда сняла свой красный передник и бешено размахивала им над головой, но Клейтон, опасаясь, что даже и это может остаться незамеченным, бегом бросился к северному мысу бухты, где был приготовлен сигнальный костер. Ему, также как и тем, кто, затаив дыхание, остались ждать у хижины, показалось, что прошла целая вечность, пока он добрался до огромного вороха сухих ветвей и кустарника.

Выйдя из густого леса на открытое место, с которого можно было различить суда, Клейтон был неприятно поражен, увидев, что на «Арроу» подымают паруса, а крейсер уже двинулся вперед. Быстро зажег он костер со всех сторон и помчался на самую крайнюю точку мыса, где, сняв с себя рубашку и привязав ее к сухой ветке, долго стоял, размахивая ею над головой.

Но суда все удалялись, и он уже потерял всякую надежду. Но огромный столб дыма, поднявшийся над лесом, привлек внимание дозорного на крейсере, и тотчас же дюжина биноклей была направлена на берег.

Оба судна повернули обратно: «Арроу» лег в дрейф, покачиваясь на волнах океана, а крейсер медленно направился к берегу. На некотором расстоянии он остановился, и шлюпка была послана к берегу. Когда она подошла, из нее выпрыгнул молодой офицер.

— Мосье Клейтон, я полагаю? — спросил он.

— Слава богу, вы пришли! — возбужденно воскликнул Клейтон,— может быть, и теперь еще не поздно!

— Что вы этим хотите сказать, мосье? — спросил офицер.

Клейтон торопливо рассказал о последних печальных событиях и попросил помощи.

— Боже мой! — печально воскликнул офицер.— Вчера — еще не было, наверное, поздно, а сегодня... Это ужасно. О! Это просто ужасно!

От крейсера отплыло еще несколько шлюпок. Вскоре все высадились у того места, где стояли профессор Портер, мистер Филандер и плачущая Эсмеральда.

Среди офицеров был и сам командир корабля. Когда он услышал историю о похищении Джен Портер, он великодушно вызвал добровольцев, согласных помочь профессору Портеру и Клейтону в их поисках. Не было ни одного офицера или матроса среди этих храбрых и симпатичных французов, кто бы отказался.

Командир выбрал двадцать матросов и двух офицеров — лейтенанта д'Арно и лейтенанта Шарпантье. Шлюпка пошла на крейсер за продовольствием, патронами и ружьями.

На вопросы Клейтона, как случилось, что они бросили якорь в открытом море и дали пушечный сигнал, командир, капитан Дюфрен, объяснил, что с месяц тому назад они впервые увидели «Арроу», быстро шедшего на юго-запад. Когда они дали сигнал остановиться, он поднял все паруса и ушел. Они гнались за ним до захода солнца, стреляли из пушек, но на следующее утро судно исчезло. Несколько недель кряду они крейсировали вдоль берега и уже забыли о беглецах, как вдруг два дня назад дозорный заметил судно, бросаемое из стороны в сторону среди сильной зыби, руль его бездействовал, и никто не управлял парусами.

Подойдя ближе к брошенному судну, они с удивлением узнали в нем «Арроу». Его фок-шток и контр-бизань были подняты, но шторм разодрал в клочья полотнища парусов. При сильном волнении высадка на судно, потерявшее управление, чрезвычайно опасна, и так как на палубе его не было видно никаких признаков жизни, капитан решил переждать, пока ветер уляжется. Но в это время заметил человеческую фигуру, цеплявшуюся за перила и слабо махавшую им в отчаянном призыве.

Тотчас же была снаряжена шлюпка, и первая же попытка причалить к «Арроу» удалась. Зрелище, встретившее французов, когда они вскарабкались через борт судна, было потрясающим.

Около дюжины людей катались при килевой качке по палубе, живые вперемешку с мертвыми. Среди них были два уже обглоданных трупа.

Призовая команда быстро поставила необходимые паруса, живые члены злосчастного экипажа были снесены вниз на койки.

Мертвых завернули в брезент и привязали на палубе, чтобы товарищи могли опознать их прежде, чем они будут похоронены в море.

Когда французы поднялись на палубу «Арроу», все живые были в беспамятстве. Даже бедняга, давший отчаянный сигнал о бедствии, потерял сознание, прежде чем узнал, помог ли его призыв.

Французскому офицеру не пришлось долго гадать о причинах ужасного положения на судне, потому что, когда стали искать воду или водку, чтобы восстановить силы матросов, оказалось, что ни того, ни другого не было, не было и крохи какой-либо пищи.

Офицер тотчас дал сигнал крейсеру прислать воду, медикаменты, провизию, и другая шлюпка совершила опасный переход к «Арроу».

Когда применили подкрепляющие средства, некоторые из матросов пришли в сознание, и вся история была рассказана. Так как на борту не было никого, кто бы мог управлять судном, то скоро начались споры о том, где они находятся и какой курс следует держать. Три дня плыли они на восток, но земли все не было видно, тогда они повернули на север, боясь, что дувшие все время сильнейшие северные ветры отнесли их от материка. Два дня держали они курс на северо-восток и попали в штиль, продолжавшийся почти неделю. Вода иссякла, а через день кончились и запасы пищи.

Положение быстро менялось к худшему. Один матрос сошел с ума и прыгнул за борт. Вскоре другой матрос вскрыл себе вены и стал пить собственную кровь. Начался шторм.

И вот появился крейсер.

Вся история бунта была рассказана французскому командиру, но оставшиеся в живых матросы «Арроу» оказались слишком невежественными, чтобы указать, в каком именно месте были высажены профессор и его спутники. Поэтому крейсер медленно плыл вдоль побережья, изредка давая пушечные сигналы и исследуя каждый дюйм берега в подзорные трубы...

Пока обе стороны рассказывали друг другу свои приключения, вернулась шлюпка с продовольствием и оружием для отряда. Через несколько минут группа матросов и два француз-

ских офицера вместе с профессором Портером и Клейтоном отправились на безнадежные и зловещие поиски.

Наследственность

Когда Джен Портер поняла, что странное лесное существо, спасшее ее от когтей обезьяны, несет ее куда-то, она сделала отчаянную попытку вырваться. Но сильные руки только немного крепче прижали ее к себе. Она отказалась от бесплодных попыток и замерла, разглядывая из-под полуопущенных век лицо человека, который, несмотря на ношу, так легко шагал через запутанные заросли кустарников.

Лицо его было необычайно красиво. Оно являлось идеалом мужественности и силы, не искаженным ни беспутной жизнью, ни зверскими и низменными страстями. Хотя Тарзан и убивал людей и животных, он делал это беззлобно, как профессиональный охотник, за исключением тех редких случаев, когда он убивал из ненависти.

В тот миг, когда Тарзан напал на Теркоза, девушку поразила ярко-красная полоса на его лбу, идущая от левого глаза до начала волос. Теперь, когда она внимательно рассматривала его черты, она увидела, что полоса исчезла, и только узкий белый шрам отмечал место, где она выступала.

Джен Портер не вырывалась, и Тарзан слегка ослабил железное кольцо своих рук. Он взглянул ей в глаза и улыбнулся — и девушке пришлось прикрыть веки, чтобы победить чары этого прекрасного лица.

Тарзан поднялся на деревья, и у Джен Портер, не чувствовавшей никакого страха от этого необычайного путешествия, мелькнула мысль, что она никогда до сих пор не была в такой безопасности, как теперь, в объятиях этого сильного дикого существа, которое несло ее неизвестно куда и неизвестно для чего через все более глухие заросли первобытного леса.

Иногда она закрывала глаза и со страхом думала о том, что ее ждет. Живое воображение подсказывало ей всевозможные ужасы, но стоило поднять веки и взглянуть на прекрасное лицо, низко склоненное над нею, и все опасения рассеивались. Нет, ей не следует его бояться! И в этом она все более и более убеждалась, пытливо разглядывая тонкие черты и честный взгляд, свидетельствовавшие о рыцарстве и благородстве натуры.

Они все глубже и глубже забирались в лес, смыкавшийся вокруг них неприступной, как ей казалось, стеной, но перед лесным богом, словно по волшебству, всякий раз открывался проход, который тотчас же смыкался за ними. Редкая ветка слегка касалась ее, а между тем и сверху, и снизу, и спереди, и сзади глазам представлялась одна сплошная масса тесно сплетенных ветвей и ползучих растений.

Во время этой дороги Тарзан, идя упрямо вперед, был переполнен новыми мыслями. Перед ним встала задача, какой он еще никогда не встречал, и он скорее чувствовал, чем понимал, что должен разрешить ее как человек, а не как обезьяна. Теперь он стал размышлять об участи, которая выпала бы на долю девушки, если бы он не спас ее от Теркоза. Он знал, почему тот не убил ее, и стал сравнивать свои намерения с намерениями обезьяны. Правда, по обычаю джунглей, самец брал себе самку силой. Но может ли Тарзан в этом случае руководствоваться законом зверей? Разве Тарзан не человек? А как поступают в таких случаях люди? Он был в большом затруднении, потому что не знал. Очень хотелось ему спросить об этом девушку, потом ему пришло в голову, что она уже ответила, сопротивляясь и пытаясь оттолкнуть его...

Наконец Тарзан, бережно держа Джен в своих сильных объятиях, легко спрыгнул на дерн знакомой арены, где собирались большие обезьяны для совета и диких оргий Дум-Дум. Амфитеатр был облит полусветом, проникавшим сквозь чащу листвы. Зеленый дерн казался мягким, прохладным и звал отдохнуть. Мириады шумов джунглей доносились издали и казались далеким звуком прибоя.

Чувство мечтательного спокойствия овладело Джен Портер. Она опустилась на дерн и взглянула на Тарзана. Джен испытывала непонятное ощущение полнейшей безопасности. Она следила из-под полуопущенных век, как Тарзан переходил через круглую полянку, направляясь к деревьям у дальнего края. Она отметила изящную величавость его походки, совершенную симметрию великолепной фигуры и гордую посадку прекрасной головы на широких плечах. Что за изумительное создание! Ни жестокость, ни низость не могут таиться под этой богоподобной внешностью. Никогда еще, думала она, подобное совершенство не попирало ногами землю.

Тарзан мгновенно взлетел на дерево и исчез. Джен Портер недоумевала: зачем он ушел? Неужели он оставил ее здесь, в диких джунглях? Она нервно оглянулась. Каждый стебель, каждый куст казались засадой неведомого огромного и ужасного зверя, подстерегающего ее и только ждущего мгновения, чтобы вонзить блестящие клыки в ее нежное тело. Каждый звук превращала она в своем воображении в скрытое, незаметное приближение гибкого и злобного существа. Как изменилось все с тех пор, как он ее оставил!

Пять минут, показавшихся ей часами, она сидела напряженно, ожидая прыжка притаившегося животного, означавшего конец ее мукам. Она почти молила о жестоких клыках, которые принесли бы ей смерть и прекратили бы эту агонию страха.

Услыхав внезапный легкий шорох позади себя, она с криком вскочила и обернулась лицом к опасности. Перед ней стоял Тарзан, в руках у него была целая груда роскошных спелых плодов.

Джен Портер пошатнулась и упала бы, но Тарзан, бросив свою ношу, принял ее в свои объятия. Она не потеряла сознания и крепко прижалась к нему, дрожа, как испуганная лань. Тарзан тихо гладил шелковистые волосы и старался успокоить и утешить ее, как это делала Кала, когда еще маленький, он пугался змеи Хисты или львицы Сабор. Его щека прикоснулась к ее головке, и она не шелохнулась, только вздохнула и закрыла глаза.

Джен никак не могла понять, что с ней делается. Она чувствовала себя в безопасности в этих сильных объятиях, и ей этого было достаточно. О будущем не хотелось думать, и она покорилась судьбе. За несколько истекших часов она вдруг стала доверять этому загадочному властителю джунглей, как доверяла бы лишь очень немногим знакомым ей мужчинам. Ей подумалось, что все это очень странно, но в душе у нее зрела догадка, что это необыкновенное состояние можно назвать настоящей любовью... Ее первой любовью! Она вспыхнула и улыбнулась. Джен Портер слегка отстранилась от Тарзана и, глядя на него с полуулыбающимся и полунасмешливым выражением, придававшим ее лицу полнейшую обворожительность, указала на оброненные плоды и села на край земляного барабана антропоидов, так как почувствовала сильный голод.

Тарзан быстро собрал плоды и положил к ее ногам, затем уселся рядом и стал чистить их ножом, освобождая их от кожуры и семян.

Они ели молча, временами украдкой бросая друг на друга лукавые взгляды, пока, наконец, Джен не разразилась веселым смехом, к которому присоединился и Тарзан.

— Как жаль, что вы не говорите по-английски,— сказала девушка.

Тарзан покачал головой, и выражение трогательной и жадной пытливости омрачило его смеющиеся глаза.

Тогда Джен Портер попыталась заговорить с ним по-французски, а потом по-немецки, но сама рассмеялась над своими ошибками.

— Во всяком случае,— сказала она ему по-английски,— вы понимаете мой немецкий так же хорошо, как меня понимали в Берлине!

Тарзан давно уже пришел к решению, что делать дальше. Он имел время вспомнить все прочитанное им в книгах о взаимоотношениях мужчин и женщин. И он поступит так, как поступил бы любой мужчина, будь он на его месте.

Он снова встал и пошел к деревьям, попытавшись объяснить знаками, что скоро вернется, и, видимо, Джен Портер все поняла и не испугалась, когда он ушел. С нетерпением она ждала его возвращения. Как и прежде, она узнала о его присутствии по легкому шороху за спиной и, обернувшись, увидела его с огромной ношей веток в охапке.

Затем он принес много мягких трав и папоротников. Он разостлал папоротники и траву подобием мягкой ровной постели, а над нею соорудил шалаш из веток. На них он навалил толстый слой огромных листьев слонового уха.

Они снова уселись на край барабана и попытались разговаривать знаками. Великолепный бриллиантовый медальон, висевший на шее Тарзана, очень заинтересовал Джен Портер. Она указала на него, и Тарзан, сняв хорошенькую безделушку, передал ей.

Джен поняла по изысканной оправе и бриллиантам прекрасной игры, что работа старинная. Она заметила также, что медальон открывается, и нажала скрытую пружину. В каждой створке оказалось по миниатюре из слоновой кости. На одной было изображение молодой красавицы, на другой — почти точный портрет сидевшего рядом с ней Тарзана, если не считать едва уловимой разницы в выражении.

Она посмотрела на Тарзана и увидела, что, склонившись к ней, он с удивлением рассматривает миниатюры. Протянув руку за медальоном, он отнял его и принялся рассматривать миниатюры с очевидными признаками изумления и интереса. Было ясно, что он никогда до того не видел их и не предполагал, что медальон открывается.

Воображение стало рисовать Джен, как это прекрасное украшение попало в руки дикого и непросвещенного существа неисследованных джунглей Африки. Но еще более удивительным было то обстоятельство, что в медальоне оказалось изображение человека, который мог бы быть братом или, вернее, отцом этого лесного полубога.

Тарзан все еще пристально рассматривал оба изображения. Вдруг он снял с плеча колчан и, высыпав стрелы на землю, достал с его дна плоский предмет, завернутый в несколько слоев мягких листьев и перевязанный длинными травами. Осторожно развернул он листья слой за слоем, и в его руках очутилась фотография. Указывая на миниатюру мужчины в медальоне, он передал фотографию Джен Портер.

Фотография привела девушку в еще большее удивление, так как она, очевидно, была лишь другим изображением мужчины, миниатюра которого находилась в медальоне рядом с миниатюрой красивой молодой женщины.

Тарзан смотрел на нее с недоумением и растерянностью. Казалось, с губ его сейчас слетит какой-то вопрос. Девушка указала на фотографию, потом на миниатюру и потом на него, как бы желая сообщить, что это его изображение. Но он только покачал головой и, пожав могучими плечами, взял у нее фотографию и, заботливо завернув ее, опять спрятал на дно колчана.

Несколько минут он сидел молча, устремив глаза в землю, в то время как Джен Портер, держа маленький медальон в руке, рассматривала его со всех сторон, стараясь отыскать какое-нибудь указание, которое могло бы привести к установлению первоначального его собственника. Наконец ей в голову пришло простое объяснение.

Медальон принадлежал лорду Грэйстоку, и миниатюры были его самого и леди Элис. Это дикое существо просто нашло медальон в хижине на берегу. Как глупо было с ее стороны сразу не подумать об этом! Но объяснить странное сходство лорда Грэйстока с лесным богом — это было выше ее сил. Она не могла и представить себе, что этот голый дикарь в действительности — сын лорда.

Тарзан взглянул на девушку, рассматривавшую медальон. Он не мог проникнуть в значение миниатюр, но мог прочесть интерес и восхищение на лице Джен. Она, заметив его взгляд, подумала, что он хочет получить обратно свое украшение, и отдала его. Он взял медальон и надел ей на шею, радуясь ее изумлению от неожиданного подарка.

Джен Портер быстро замотала головой в знак отказа и попыталась снять золотую цепочку с шеи, но Тарзан не позволил. Он взял ее руки

в свои и крепко держал их, пока она с легким смехом не согласилась, поднесла медальон к губам и, встав, сделала Тарзану шуточный реверанс. Тарзан не знал точно, что она хочет этим выразить, но догадался — это ее способ отблагодарить за подарок. Он тоже встал и, взяв медальон в руки, склонился с важностью старинного придворного и прижал свои губы к месту, которого коснулись ее губы. Величавый и любезный поклон его был исполнен с грацией и достоинством бессознательно. Это была печать его происхождения, естественное проявление утонченного воспитания многих поколений и наследственный инстинкт приветливости. Их так и не смогли искоренить грубое воспитание и дикая среда.

Становилось уже темно, и она снова принялась за плоды, которые стали для них одновременно и пищей, и питьем. Потом Тарзан встал и повел Джен Портер к маленькому убежищу, сооруженному им, попросив ее знаком войти в него. После нескольких часов беззаботности страх вновь охватил Джен, и Тарзан почувствовал, что она пятится назад, будто опасаясь его.

Часы, проведенные с этой девушкой, как будто преобразили Тарзана. Теперь его наследственность говорила громче, чем воспитание. Он, конечно, не переродился в одно мгновение из дикой обезьяны в утонченного джентльмена, но инстинкт последнего стал преобладать, он весь горел желанием понравиться женщине, которую он любил, и не уронить себя в ее глазах. И Тарзан сделал единственную вещь, которая могла уверить Джен Портер в ее безопасности. Он вынул из ножен нож и передал ей рукояткой вперед, снова указывая на убежище.

Девушка поняла и, взяв нож, вошла в шалаш, и улеглась на мягкие травы, а Тарзан растянулся на земле поперек входа...

Когда Джен проснулась, она не сразу припомнила удивительные происшествия минувшего дня и потому изумилась, увидев лиственные стены, мягкие травы постели и незнакомый вид из отверстия в шалаше. Медленно восстанавливала она все недавние события. И огромная радость родилась в ней, ее охватила теплая волна благодарности за то, что, хотя она и подвергалась ужасной опасности, но осталась невредимой. Она вышла из шалаша, чтобы узнать, где Тарзан. Его не было, но на этот раз страх не напал на девушку, она была уверена, что где-то рядом.

На траве, у входа в беседку, она увидела отпечаток тела, где Тарзан лежал всю ночь, охраняя ее. Она понимала, что только его присутствие здесь позволило ей спать мирно и безмятежно. Чего бояться, имея такого защитника? Даже львы и пантеры ей теперь не страшны.

Она посмотрела вверх и увидела, как гибкая фигура мягко спрыгнула с ближнего дерева. Когда Тарзан поймал ее взгляд, лицо его озарилось той открытой, сияющей улыбкой, которая накануне завоевала ее доверие. Он подошел — и сердце Джен Портер забилось сильнее, и глаза ее заблестели.

Тарзан опять насобирал плодов и сложил их у входа в шалаш, жестом приглашая ее к совместной трапезе.

Джен Портер пыталась разгадать, какие же

у него планы? Доставит ли он ее на берег или будет держать здесь? И вдруг она осознала, что это обстоятельство, по-видимому, не очень ее тревожит. Неужели возможно, что ей это безразлично?

Она начала также понимать, что, сидя здесь рядом с улыбающимся гигантом и вкушая восхитительные плоды в раю, затерянном в глубинах африканских джунглей, она была и довольна, и очень счастлива. Но почему? Она натерпелась столько страха, что должна впасть в уныние от мрачных предчувствий, а вместо всего этого сердце в груди ее пело, и она улыбалась человеку, сидевшему рядом и отвечающему ей улыбкой.

Когда они покончили с завтраком, Тарзан вошел в шалаш и взял свой нож. Девушка совсем и забыла о нем. Сделав знак следовать за ним, Тарзан направился к деревьям на краю поляны и, охватив Джен сильной рукой, поднялся на верхние ветки. Девушка знала, что он несет ее к родным, и не могла понять внезапного чувства одиночества и печали, нахлынувшего на нее.

Несколько часов они медленно двигались вперед. Тарзан не спешил. Он пытался как можно дольше продлить сладостное удовольствие путешествия, в котором дорогие ему руки обвивали его шею, и потому уклонился далеко к югу от прямого пути к берегу.

Много раз они останавливались для короткого отдыха, в котором Тарзан совсем не нуждался, а в полдень они задержались на целый час у небольшого ручья, где поели и утолили жажду.

Солнце уже клонилось к закату, когда они подошли к поляне, и Тарзан, спрыгнув на землю у большого дерева, раздвинул высокую траву и указал ей на маленькую хижину.

Она взяла его за руку, чтобы отвести туда и рассказать отцу, что этот человек спас ее от смерти и ужаса худшего, чем смерть, и что он охранял ее нежно и бережно. Но на Тарзана опять нахлынула робость дикого существа. Он покачал головой и отступил.

Девушка подошла к нему вплотную и посмотрела ему в лицо просящими глазами. Ей почему-то была невыносима мысль, что Тарзан вернется один в ужасные джунгли. Но он продолжал качать головой, потом нежно привлек ее к себе и наклонился, чтобы поцеловать ее, и спрашивая взглядом, будет ли ей это угодно или она оттолкнет его. Одно лишь мгновение колебалась девушка, затем порывисто обвила его шею руками, привлекла его лицо к своему и смело поцеловала его.

— Я люблю вас, люблю вас,— шепнула она.

Издали донесся слабый звук ружейных выстрелов. Тарзан и Джен Портер подняли головы. Из хижины вышли мистер Филандер и Эсмеральда. С того места, где находились Тарзан и девушка, они не могли видеть кораблей, стоящих в бухте на якоре. Тарзан указал в сторону пальбы, коснулся рукой своей груди и снова указал в том же направлении. Она поняла. Он уходил, и почему-то ей стало ясно, что он это делает, думая, что ее спутники в опасности.

Он опять поцеловал ее.

— Возвращайтесь ко мне,— шепнула она.— Я буду ждать вас всегда.

Тарзан исчез, а Джен Портер пошла через поляну к хижине.

Мистер Филандер первым увидел нечто. Уже стемнело, а ученый был очень близорук.

— Скорей, Эсмеральда! — крикнул он.— Бегите в хижину. Это львица! Господи! Господи!

Эсмеральда не стала ломать себе голову над проверкой сказанного. Одного тона было достаточно. Она мигом очутилась в хижине и заперла за собою дверь раньше, чем он кончил произносить ее имя. Его «Господи! Господи!» было вызвано тем, что Эсмеральда в излишней торопливости заперлась, оставив снаружи как его, так и быстро приближающуюся львицу.

Он яростно забарабанил по тяжелой двери.

— Эсмеральда! — вопил он,— Эсмеральда! Впустите! Лев уже почти съел меня!

Эсмеральда думала, что шум в дверях производит львица, и по своему обыкновению упала в обморок.

Мистер Филандер бросил назад испуганный взгляд. Ужас! Зверь был совсем близко. Он попытался вскарабкаться по стене хижины, и ему удалось ухватиться за легкий выступ тростниковой крыши. С минуту он висел, раскачиваясь, как белье на веревке. Но вдруг кусок тростниковой крыши рухнул вместе с незадачливым ученым.

Падая, он мгновенно вспомнил замечательное сведение из естественной истории. Если верить изменчивой памяти мистера Филандера, львы и львицы никогда не тронут человека, притворившегося мертвым. И потому он продолжал лежать там, где упал, леденея от страха. Но так как его руки в момент падения были подняты к небу, эта поза смерти была не слишком убедительной.

Джен Портер следила за всеми его выходками с кротким удивлением. Она засмеялась легким, приглушенным смехом, но этого было достаточно. Мистер Филандер перевернулся на бок и осмотрелся. Наконец он разглядел ее.

— Джен! — крикнул он.— Джен Портер! Господи, помилуй!

Он вскочил на ноги и бросился к ней. Ему не верилось, что это она и что она жива.

— Помилуй, господи! Откуда вы? Где же вы были? Как?..

— Смилуйтесь, мистер Филандер,— прервала его девушка.— Мне не разобраться в такой куче вопросов!

— Хорошо, хорошо. Господи, помилуй! Я так исполнен удивления и безграничного восторга видеть вас невредимой и здравой, что, верите ли, едва сам понимаю, что говорю. Но идите скорее, расскажите все, что с вами случилось!

Деревня пыток

По мере того, как маленький отряд матросов с трудом пробирался сквозь густые заросли джунглей, бесполезность поисков становилась все яснее. Но горе старика и отчаянный взгляд молодого англичанина удерживали д'Арно от отказа продолжать поиски. Он думал, что все же есть некоторая возможность найти тело девушки или, вернее, его останки, так как не сомневался, что хищные звери ее растерзали. Он развернул своих

людей длиной цепью с того места, где была найдена Эсмеральда, и в таком построении они, обливаясь потом и задыхаясь, продвигались вперед сквозь спутанные, вьющиеся лианы и крепкие ползучие растения. Это было тяжелой работой. Полдень застал их отошедшими всего лишь на несколько миль в глубь материка. Через несколько часов, после краткого отдыха, один из матросов открыл хорошо протоптанную тропу. Это была старая слоновая дорога, и д'Арно, посоветовавшись с профессором Портером и Клейтоном, решил пойти по ней. Тропа извивалась в северо-восточном направлении, и отряд двигался по ней гуськом.

Лейтенант д'Арно был впереди и шел быстро, потому что дорога была сравнительно легкой. Позади шел профессор, но д'Арно опередил его на сотню ярдов. Внезапно с полдюжины черных воинов окружили его. Д'Арно криком предостерег свой отряд, но, прежде чем он смог выхватить револьвер, его связали и поволокли в кустарник.

Крик встревожил матросов, и около двенадцати человек кинулись, обогнав профессора Портера, на помощь своему офицеру. Они не знали причины, но понимали, что это несомненно предостережение об опасности впереди.

Они уже пробежали то место, где д'Арно был схвачен, как вдруг брошенное из джунглей копье пронзило одного из них, а остальных осыпал град стрел.

Матросы подняли ружья и выстрелили в кустарник, откуда летели метательные снаряды. Подоспели остальные, и залп за залпом были пущены в невидимого врага. Эти-то выстрелы и слышали Тарзан и Джен Портер.

Лейтенант Шарпантье, находившийся в тылу, бросился к месту происшествия, и выяснив все подробности засады, приказал матросам следовать за ним в спутанные заросли. Стрелы и пули посыпались густо и часто, и через миг матросы бились врукопашную с полусотней черных воинов из поселка Мбонги. Причудливые африканские ножи и приклады французов смешались в яростной схватке, но вскоре туземцы бежали в джунгли, оставив французов считать свои потери.

Четверо из двадцати матросов были убиты, с дюжину ранены, а лейтенант д'Арно пропал. Ночь быстро спускалась, и их положение ухудшалось еще тем, что они не могли вновь отыскать слоновую тропу. Оставалось одно: разбить лагерь и ждать рассвета. Лейтенант Шарпантье приказал расчистить небольшую поляну и возвести вокруг лагеря ограду из срубленных деревьев.

Работа эта была окончена поздней ночью, матросы развели большой костер в середине поляны, чтобы работать при его свете. Когда они оказались, насколько возможно, защищенными от нападения негров и хищных зверей, лейтенант Шарпантье расставил часовых, и голодные, усталые люди бросились на землю, надеясь заснуть. Стоны раненых, вой и рычанье хищных зверей, привлеченных шумом и огнем костров, отгоняли сон. С чувством тоски и голода пролежали люди всю эту долгую ночь, молясь о рассвете и лишь моментами забываясь в тяжелом кошмаре.

Чернокожие, захватившие д'Арно, не участвовали в схватке, они волокли своего пленника не-

которое время сквозь джунгли, а затем вышли на тропу далеко от места боя.

Они быстро подгоняли пленника, и звуки сражения становились все слабее и слабее по мере того, как они от него удалялись. Неожиданно перед глазами д'Арно открылась большая поляна и обнесенный частоколом тростниковый поселок. За палисадом раздался крик. Толпа женщин и детей выбежала навстречу идущим.

Для французского офицера наступил момент самого ужасающего испытания, которому может подвергнуться человек: прием белого пленника в поселке африканских каннибалов. Дьявольскую злобу вдобавок разжигало горькое воспоминание о варварских жестокостях, примененных к их племени белыми офицерами Леопольда II Бельгийского, этого низкого лицемера, из-за зверств которого они покинули свободное государство Конго, превратившись в жалкий остаток некогда сильного племени.

Пустив в ход зубы и ногти, женщины и дети накинулись на д'Арно, его били палками и камнями и терзали руками. Вся одежда была сорвана с него, беспощадные удары падали на его голое дрожащее тело. Но ни разу француз не крикнул от боли. Он воссылал лишь безмолвную молитву, чтобы скорей быть избавленным от этой пытки. Но смерть, о которой он молил, не могла ему достаться легко. Вскоре воины отогнали женщин от пленника. Его нужно было сохранить для более благородной забавы, чем эта. И когда первая вспышка их ненависти утихла, они ограничились тем, что выкрикивали насмешки и оскорбления и плевали на него.

В центре поселка д'Арно был крепко привязан к большому столбу, с которого еще ни один человек не сходил живым.

Женщины сходили за горшками и водой, зажгли ряд костров, чтобы сварить часть мяса для пира, остальное предполагалось высушить впрок длинными ломтями. Ожидали, что и другие воины вернутся и приведут много пленных. Пиршество было отложено до их возвращения. Уже совсем стемнело, когда все собрались и закружились в пляске смерти вокруг обреченного.

В полуобмороке от боли и потери крови д'Арно смотрел из-под полуопущенных век на то, что казалось ему причудливым бредом или же страшным ночным кошмаром, от которого он должен проснуться. Размалеванные скотские физиономии, громадные рты и вялые, обвисшие губы, остро отточенные желтые зубы, вытаращенные дьявольские глаза, лоснящиеся гладкие тела, жестокие копья — несомненно, такие создания не могут существовать на земле, все это должно быть сном!

Дикий вертящийся круг все более сужался. Вот сверкнуло копье и оцарапало ему руку. Острая боль и ощущение горячей капающей крови убедили д'Арно в ужасающей реальности его безнадежного положения.

Копья одно за другим вонзились в него. Он закрыл глаза и крепко стиснул зубы! Он не крикнет, нет! Он — солдат Франции и покажет этим скотам, как умирает офицер и дворянин...

Тарзан не нуждался в толкователе, который объяснил бы ему смысл далеких выстрелов. С поцелуями Джен Портер, еще горящими на устах, он мчался, как вихрь, по деревьям прямо к поселку Мбонги. Сама схватка его мало интересовала, он решил, что она скоро кончится. Тем, которые были убиты, он все равно не может помочь, а тем, которые успели спастись, тоже не нужна его помощь. Он торопился спасти пленников. И он знал, что найдет их у большого столба в середине поселка Мбонги.

Много раз Тарзан видел, как черные отряды возвращались с набега на север, ведя пленников, и каждый раз те же сцены разыгрывались у зловещего столба в ослепительном блеске зажженных костров. Он знал также, что каннибалы редко теряют много времени в приготовлениях, и потому опасался, что на этот раз опоздает и сможет лишь отомстить.

Тарзан смотрел сквозь пальцы на их прежние оргии и только по временам вмешивался ради удовольствия дразнить чернокожих, жертвами их всегда были аборигены.

А этой ночью дело обстояло иначе: белые люди — люди одного рода с Тарзаном — быть может, терпят предсмертные муки пыток в этом страшном застенке джунглей.

Тарзан мчался по верхней террасе, роскошная тропическая луна освещала его головокружительный путь по волнистым веткам верхушек деревьев. Он видел отблески пламени справа от его пути. Тарзан был так уверен в своем знании джунглей, что не отклонился от своего пути, а промчался мимо яркого света на расстоянии полумили. Это был сторожевой огонь французов.

Через несколько минут Тарзан парил над самым поселком Мбонги. Ага! Значит, он не очень опоздал! Или все-таки?.. Он не мог решить: фигура у столба была совершенно безмолвна, а между тем черные воины еще только слегка покалывали ее. Тарзан хорошо знал их обычай. Смертельный удар пока не был нанесен, и он мог с точностью до минуты предсказать, как долго продолжается танец. Еще мгновение — и нож Мбонги отсечет ухо жертвы, и это отметит начало конца, так как вскоре от пленника останется лишь судорожно корчащаяся оболочка изувеченного тела. В нем еще будет тлеть искра жизни, но спасение уже бессмысленно — смерть являлась бы единственным желанным благодеянием.

Столб стоял на расстоянии сорока футов от ближайшего дерева. Тарзан приготовил свой аркан. И дьявольские крики пляшущих демонов вдруг заглушил боевой вызов обезьяны-человека.

Танцующие замерли, словно окаменев.

Веревка взвилась с певучим жужжанием высоко над головами чернокожих. Ее совсем не было видно при ослепительном огне костров.

Д'Арно открыл глаза. Огромный чернокожий, стоявший прямо перед ним, упал навзничь, словно сбитый с ног незримой рукой. Он барахтался и кричал, а его тело, перекатывающееся из стороны в сторону, быстро двигалось в тень под деревьями.

Каннибалы с глазами, выскакивающими из орбит от ужаса, казались околдованными.

Очутившись под деревом, тело взвилось ввысь, и когда оно исчезло в листве, негры с криками ужаса в панике понеслись к воротам.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРОЗА

Эдгар БЕРРОУЗ

Рисунки
Елены Пьянковой
и Николая Мооса

Д'Арно остался один. Он был храбр, но почувствовал, как зашевелились волосы на его голове, когда зловещий клич раздался с небес.

В том месте, где скрылось тело, послышался шорох. Ветки закачались, и исчезнувший чернокожий грохнулся на землю и застыл, не подавая признаков жизни.

Следом из тени листвы вынырнул молодой гигант, озаренный багровым светом костров. Что это могло значить? Кто это мог быть? Нет сомнения, что это существо несет ему новые пытки и новую гибель!

Д'Арно ждал. Он ни на секунду не отводил глаз от приближавшегося человека. Он увидел открытые, ясные глаза, которые не дрогнули под его пристальным взглядом. Д'Арно успокоился: хотя он не имел никакой надежды, но смутно чувствовал, что такое лицо не таит никакой опасности.

Не говоря ни слова, Тарзан перерезал веревки. Француз, ослабев от страданий и потери крови, упал бы, но сильные руки поддержали его. Он почувствовал, что его поднимают с земли. Потом появилось ощущение полета, и он потерял сознание.

Продолжение. Начало в № 4—9

Разведчики

Рассвет застал маленький французский лагерь, затерянный в джунглях, в печали и унынии. Как только стало достаточно светло, чтобы различить окружающую местность, лейтенант Шарпантье разослал по три разведчика в разных направлениях, чтобы отыскать тропу. Через десять минут она была найдена, и вся экспедиция поспешила назад, к берегу. Они шли очень медленно, потому что несли тела шестерых погибших,— еще двое раненых умерли за ночь, а многие нуждались в поддержке. Шарпантье решил вернуться в лагерь за подкреплением и сделать попытку выследить туземцев и спасти д'Арно.

Когда изнеможденные люди добрались до поляны у берега, то первой, кого увидели профессор Портер и Сесиль Клейтон, была Джен, стоявшая у двери хижины. Она бросилась им навстречу с криком радости и облегчения, обвила руками шею отца и впервые с тех пор, как они были высажены на этот ужасный берег, залилась слезами.

Профессор Портер старался мужественно подавить свое волнение, но нервное напряжение и упадок сил были слишком велики. Он долго крепился, но наконец, уткнув свое старое лицо в плечо дочери, тихо заплакал, как усталый ребенок.

Клейтон, желая оставить наедине отца с дочерью, присоединился к морякам и разговаривал с ними, пока шлюпка не отплыла к крейсеру. Лейтенант Шарпантье должен был доложить о неудачном исходе предприятия.

Клейтон медленно пошел к хижине. Его сердце было преисполнено счастья. Женщина, которую он любил, была спасена! Он дивился, каким чудом удалось ей спастись. Видеть ее в живых казалось почти невероятным. Возле хижины он увидел Джен Портер. Она поспешила к нему навстречу.

— Джен! — крикнул он.— Бог был поистине милосерд к нам. Скажите, как спаслись вы? Какой облик приняло провидение, чтобы сохранить вас?

Никогда прежде не называл он ее по имени, и сорок восемь часов тому назад Джен Портер залилась бы нежным румянцем удовольствия, услыхав это обращение из уст Клейтона, теперь оно испугало ее.

— Мистер Клейтон! — сказала она, спокойно протягивая ему руку,— прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за вашу рыцарскую преданность моему дорогому отцу. Он рассказал мне, какой вы были самоотверженный и смелый. Как сможем мы отплатить вам за это!

Клейтон заметил, что она не ответила на его дружеский привет, но не почувствовал никаких опасений. Она столько вынесла... Он сразу понял, что не время навязывать ей свою любовь.

— Я уже вознагражден,— ответил он,— тем, что вижу в безопасности и вас, и профессора Портера, и тем, что мы вместе. Я думаю, что не мог бы вынести дольше вида сдержанного и молчали-

вого горя вашего отца. Это было самое печальное испытание во всей моей жизни, мисс Портер. А к этому добавьте и мое личное горе — самое большое горе, которое я когда-либо знал. Скорбь отца вашего была так безнадежна, что я понял — никакая любовь, даже любовь мужа к жене, не может быть такой глубокой, полной и самоотверженной.

Девушка потупила взор. Ей хотелось задать один вопрос, но он казался почти святотатственным перед чувством этих двух людей и ужасных страданий, перенесенных ими в то время, как она счастливая сидела, смеясь, рядом с богоподобным лесным существом, ела дивные плоды и смотрела с любовью в отвечающие ей такой же взаимностью глаза. Но любовь странный властелин, а природа человека еще более странная вещь. И Джен все же спросила, хотя и не попыталась оправдать себя перед своей собственной совестью. Она себя ненавидела и презирала в тот момент, но тем не менее продолжала:

— Где же лесной человек, который пошел вас спасать? Почему он не здесь?

— Я не понимаю,— ответил Клейтон.— О ком вы говорите?

— О том, кто спас каждого из нас, кто спас и меня от гориллы.

— О! — изумился Клейтон.— Это он спас вас? Вы ничего не рассказали о вашем приключении.

— Но,— допытывалась она,— разве вы его не видели? Когда мы услышали выстрелы в джунглях, очень слабые, очень отдаленные, он оставил меня. Мы как раз добрались до открытой поляны, и он поспешил к вам на помощь.

Тон ее был почти молящий, выражение — напряженное от сдерживаемого волнения. Клейтон не мог не заметить этого и смутно удивлялся, почему она так сильно взволнована, так озабочена тем, где находится это странное существо. Он не догадывался об истине, и как мог он о ней догадаться? Однако его охватило предчувствие какого-то грозящего ему горя, и в его душу бессознательно проник зародыш ревности и подозрения к обезьяне-человеку, которому он был обязан своим спасением.

— Мы его не видели,— ответил он спокойно.— Он не присоединился к нам.— И после минуты задумчивого недоумения добавил: — Возможно, что он ушел к своему племени — к людям, которые напали на нас.

Клейтон сам не знал, почему он так сказал: ведь он не верил этому, но любовь — такой странный властелин!

Девушка посмотрела на него удивленно.

— Нет! — воскликнула она пылко, слишком уж пылко, подумалось ему.— Это невозможно. Они — негры, а он ведь белый и джентльмен!

Но Клейтон стоял на своем.

— Он — странное, полудикое существо джунглей, мисс Портер. Мы ничего не знаем о нем. Он не говорит и не понимает ни одного европейского языка, и его украшения и оружие — украшение и оружие дикарей западного побережья.

Клейтон говорил возбужденно.

— На сотни миль вокруг нас нет цивилизованных людей, мисс Портер, одни дикари! Он, наверное, принадлежит к племени, напавшему на нас, или к какому-нибудь другому, но столь же дикому. Он, может быть, даже каннибал.

Джен Портер побледнела.

— Я этому не верю,— прошептала она еле слышно.— Это неправда. Вы увидите,— сказала она, обращаясь к Клейтону,— что он вернется и докажет, что вы неправы. Вы его не знаете так, как знаю я. Говорю вам — он джентльмен.

Клейтон всегда был великодушен, но ее яростная защита лесного человека подстрекала его к безрассудной ревности. Он вдруг забыл все, чем они были обязаны этому дикому полубогу, и ответил Джен с легкой усмешкой:

— Возможно, вы правы, мисс Портер, но я не думаю, чтобы кому-нибудь из нас стоило особенно беспокоиться об этом молодце, поедающем падаль. Конечно, может быть, он полупомешанный, потерпевший когда-то крушение, но он забудет нас так же скоро, как и мы забудем его. В конце концов, это только зверь джунглей, мисс Портер!

Девушка не ответила, но почувствовала, как больно сжалось ее сердце. Гнев и злоба, направленные на того, кого мы любим, ожесточают наши сердца, но презрительная жалость заставляет нас пристыженно молчать.

Джен знала, что Клейтон говорил только то, что думает, и в первый раз попыталась подробно разобраться в своей новой любви и подвергнуть объект ее критике.

Она отвернулась от молодого человека и медленно пошла в хижину, напряженно раздумывая. Джен попыталась представить себе своего лесного бога рядом с собою в салоне океанского парохода. Она вспомнила, как он ест руками, разрывая пищу, словно хищный зверь, и вытирает затем свои пальцы о бедра,— и содрогнулась. Она пыталась вообразить, как представляет его своим светским друзьям — неуклюжего, неграмотного, грубого человека.

Джен задумчиво вошла в свою комнату, села на край постели из трав, прижав руку к тревожно дышащей груди, и вдруг почувствовала под блузкой твердые очертания медальона. Вынув медальон, она с минуту смотрела на него затуманенными от слез глазами, потом прижала к губам, зарыла лицо в папоротники и зарыдала.

— Зверь? — прошептала она.— Пусть тогда бог тоже обратит меня в зверя, потому что человек ли он или зверь — я его!

В тот день она больше не видела Клейтона. Эсмеральда принесла ужин, и она велела передать отцу, что ей нездоровится.

Следующим утром Клейтон рано ушел со спасательной экспедицией на поиски лейтенанта д'Арно. На этот раз отряд состоял из двухсот человек при десяти офицерах и двух врачах. Провианта было заготовлено на неделю. Были взяты с собой постельное белье и койки — для переноса больных и раненых.

Это был решительный и свирепый отряд — карательная, а вместе с тем и спасательная экспедиция. Они добрались до места схватки после полудня, потому что шли по знакомой уже дороге и не теряли времени на разведку. Оттуда слоновая тропа вела прямо в поселок Мбонги. Было всего два часа, когда голова экспедиции остановилась на опушке.

Лейтенант Шарпантье, командовавший отрядом, тотчас же послал часть его через джунгли, к противоположной стороне поселка. Другой отряд занял позицию перед воротами, в то время как сам лейтенант со своей командой остался на южной стороне поляны. Было условлено, что начнет атаку отряд, занимающий северную, наиболее отдаленную позицию. Их первый залп должен послужить сигналом для одновременной атаки со всех сторон.

Около получаса отряд с лейтенантом Шарпантье ждал сигнала, притаившись в густой листве джунглей. Эти полчаса показались матросам долгими часами. Они наблюдали, как туземцы работают на полях и снуют у ворот поселка.

Наконец раздался сигнал — резкий ружейный выстрел, и ответные залпы дружно ударили из джунглей на западе и юге.

Туземцы в панике побросали орудия труда и кинулись к палисаду. Французские пули косили их, и матросы, перепрыгивая через распростертые тела, бросились прямо к воротам.

Нападение было так внезапно и неожиданно, что белые добежали до ворот прежде, чем испуганные туземцы успели забаррикадироваться, и мгновенно поселок заполнился вооруженными людьми, схватившимися врукопашную. Несколько минут черные стойко сражались, но револьверы, ружья и кортики французов смяли туземных копейщиков и перебили черных стрелков с их полунатянутыми тетивами.

Скоро бой перешел в преследование и затем в страшную резню: французские матросы нашли обрывки мундира д'Арно на некоторых из черных противников.

Они щадили детей и тех женщин, которых они не были вынуждены убивать для самозащиты. И когда они, наконец, остановились, задыхаясь, покрытые кровью и потом, в поселке Мбонги не осталось ни одного воина, способного оказывать сопротивление.

Тщательно обыскали каждую хижину, каждый уголок, но не могли найти ни малейшего следа д'Арно. Знаками они допросили пленных. Один из матросов, служивший во французском Конго, заметил, что они понимают ломаное наречие, бывшее в ходу между белыми и наиболее низко стоящими племенами побережья. Но даже и тогда они не смогли узнать ничего положительного о судьбе д'Арно. На все вопросы о нем им отвечали возбужденной жестикуляцией или гримасами ужаса. Они решили, что все это лишь доказательство виновности этих демонов, которые две ночи тому назад умертвили и съели их товарища.

Потеряв всякую надежду, французы стали готовиться к ночевке в деревне. Пленных собрали в трех хижинах, где их сторожил усиленный караул. У запертых ворот были поставлены часовые, и весь поселок погрузился в сонную тишину, нарушаемую лишь плачем туземных женщин о своих погибших.

На следующее утро экспедиция двинулась в обратный путь. Моряки хотели сжечь поселок дотла, но потом отказались от этой мысли и не взяли с собой пленных. Имея крышу над головой и палисады для защиты от диких зверей, они получили шанс выжить.

Было очень поздно, когда отряд дошел до хижины на берегу. Его встретили печально-торжественно, мертвые и раненые, заботливо размещен-

ные на шлюпках, были осторожно отвезены на крейсер.

Клейтон, изнуренный пятидневной трудной ходьбой по джунглям и двумя схватками с черными, вошел в хижину, чтобы поесть и отдохнуть на сравнительно удобной постели из трав.

У дверей стояла Джен Портер.

— Бедный лейтенант! — сказала она.— Нашли ли вы хоть след его?

— Мы опоздали, мисс Портер,— ответил он печально.

— Говорите мне все! Что с ним случилось?

— Не могу, мисс Портер! Это слишком ужасно.

— Неужели они пытали его? — прошептала она.

— Мы не знаем, что они делали с ним перед тем, как убили,— ответил Клейтон с выражением жалости на измученном лице, делая ударение на «перед тем».

— «Перед тем», как они убили его? Что вы хотите сказать? Они не?.. Они не?..— Она подумала о том, что Клейтон сказал о вероятных отношениях лесного человека с этим племенем, и не могла произнести ужасного слова.

— Да, мисс Портер, они — каннибалы,— сказал он почти с горечью, потому что и ему пришла в голову мысль о лесном человеке, и странная беспричинная ревность, испытанная им два дня тому назад, снова охватила его. И с внезапной грубостью, столь же чуждой Клейтону, как вежливая предупредительность чужда обезьяне, он сгоряча сказал: — Когда ваш лесной бог ушел от вас, он, наверное, торопился на пир.

Об этих словах Клейтон пожалел еще раньше, чем договорил их, хотя и не знал, как жестоко они уязвили девушку. Его раскаяние относилось к тому безосновательному вероломству, которое он проявил по отношению к человеку, спасшему жизнь каждому из них и ни разу не причинившему никому из них вреда.

Девушка гордо вскинула голову.

— На ваше утверждение мог бы быть один подходящий ответ, мистер Клейтон,— сказала она ледяным тоном,— и я жалею, что я не мужчина, чтобы дать вам такой ответ.— Она быстро повернулась и ушла в хижину.

Клейтон был медлителен, как истый англичанин, так что девушка успела скрыться прежде, чем он успел сообразить, какой ответ дал бы мужчина.

— Честное слово,— сказал он грустно,— она назвала меня лгуном! И мне сдается, что я заслужил это,— добавил он задумчиво.— Клейтон, мой милый, я знаю, что вы утомлены и издерганы, но это не причина быть ослом. Идите-ка лучше спать!

Но прежде чем лечь, он тихонько окликнул Джен из-за парусиновой перегородки, желая извиниться. Однако с таким же успехом он мог бы обратиться к сфинксу! Тогда он написал записочку на клочке бумаги и просунул ее под перегородку.

Джен Портер, увидев бумажку, притворилась, что не заметила ее, потому что была очень рассержена, обижена и оскорблена, но она была женщиной и потому вскоре, как бы случайно, подняла ее и прочла:

«Дорогая мисс Портер, у меня не было никакого основания сказать то, что я сказал. Единственное мое извинение — что, должно быть, нервы мои расшатались окончательно, впрочем, это вовсе не извинение! Пожалуйста, постарайтесь думать, что я этого не говорил совсем. Мне очень стыдно. Я никак не хотел обидеть вас, вас менее, чем кого бы то ни было на свете! Скажите, что вы прощаете меня.

Ваш Сесиль Клейтон».

«Нет, он думал так, иначе никогда бы этого не сказал,— рассудила девушка.— Но это не может быть правдой, я, я знаю, что это неправда!»

Одно выражение в записке испугало ее: «Я никак не хотел обидеть вас, вас менее, чем кого бы то ни было на свете». Еще неделю назад это выражение наполнило бы ее радостью, теперь оно угнетало ее. Она жалела, что познакомилась с Клейтоном. Она не жалела, что встретилась с лесным богом,— нет, этому она была рада. А тут еще та, другая записка, которую она нашла в траве перед хижиной после своего возвращения из джунглей, любовная записка, подписанная Тарзаном из племени обезьян.

Кто бы мог быть этот новый поклонник? Что, если это еще один из диких обитателей страшного леса, который может сделать все, что угодно для обладания ею?

— Эсмеральда! Проснитесь! — крикнула она.— Как вы раздражаете меня тем, что можете спокойно спать, зная, какое кругом горе!

— Габарелле! — спросонок завопила Эсмеральда.— Что тут опять? Гипносорог? Где он, мисс Джен?

— Вздор, Эсмеральда, никого тут нет. Ложитесь опять! Вы достаточно противны, когда спите, но еще несносней, когда проснетесь!

— Деточка вы моя сладкая, да что с вами, мое сокровище? Вы сегодня будто не в себе,— заворковала служанка.

— Ах, Эсмеральда, я сегодня совсем гадкая. Не обращайте на меня внимания — это будет самое лучшее с вашей стороны.

— Хорошо, сахарная моя, ложитесь-ка вы лучше всего спать. Ваши нервы в лоск издерганы. Со всеми этими рассказами массы Филандера о рипотамах да каких-то людоедских гениях оно и не удивительно!

Джен Портер засмеялась, подошла к кровати Эсмеральды и, поцеловав в щеку преданную негритянку, пожелала ей спокойной ночи.

Братство

Лейтенант д'Арно очнулся на постели из мягких лопухов и трав в тесном шалаше. Из его выхода открывался вид на луг, покрытый зеленым дерном, за лугом сразу же поднималась плотная стена кустарников и деревьев.

Он был весь разбит и очень слаб. Когда сознание полностью вернулось к нему, он почувствовал острую боль в многочисленных жестоких ранах и тупую — в каждой кости, в каждом мускуле тела — последствия ужасных побоев. Француз приподнял голову — и это вызывало такую безумную боль, что он долго пролежал неподвижно, закрыв глаза.

Он пытался по частям воссоздать подробности того, что с ним случилось, до той минуты, когда он потерял сознание, чтобы найти объяснение своего теперешнего положения, стараясь понять, среди друзей ли он или среди врагов. Наконец ему вспомнилась вся ужасающая сцена у столба и странная белая фигура, в объятиях которой он впал в забытье.

Д'Арно не знал, какая участь ожидает его. Беспрестанный гул джунглей — шорох листьев, жужжание насекомых, голоса птиц и обезьянок смешались в баюкающее ласковое мурлыканье. Казалось, будто он лежит отгороженный от мириад жизней, звуки которых долетают до него смутным отголоском. Он впал в спокойный сон и проснулся уже после полудня.

Опять испытал он странное чувство полнейшей растерянности, которое отметил и в первое пробуждение, но теперь быстро припомнил недавние события и, взглянув через отверстие шалаша, увидел человека, сидящего на корточках. Видна была только широкая мускулистая спина, и хотя она была сильно загорелой, д'Арно понял, что это спина белого человека, и возблагодарил судьбу.

Француз тихо окликнул Тарзана. Он обернулся и, встав, направился к шалашу. Его лицо было прекрасно — самое прекрасное из всех увиденных д'Арно в жизни. Нагнувшись, он вполз в шалаш к раненому офицеру и дотронулся холодной рукой до его лба. Д'Арно заговорил с ним по-французски, но человек только покачал головой с некоторой грустью, как показалось французу.

Тогда д'Арно попробовал говорить по-английски, но человек снова покачал головой. Итальянский, испанский и немецкий языки привели к тому же результату. Д'Арно знал несколько слов по-норвежски, по-русски и по-гречески и имел поверхностное представление о наречии одного из негритянских племен западного побережья — человек отверг их все.

Осмотрев раны д'Арно, незнакомец вышел из шалаша и исчез. Через полчаса он вернулся с каким-то плодом вроде тыквы, наполненным водой. Д'Арно жадно напился, но ел немного. Его удивляло, что у него не было лихорадки. Опять попытался он говорить со своей странной сиделкой, но и эта попытка оказалась безрезультатной.

Внезапно человек вылез из шалаша и через несколько минут вернулся с куском коры и — о чудо из чудес! — с графитным карандашом. Усевшись на корточки рядом с д'Арно, он несколько минут писал на гладкой внутренней поверхности коры, затем передал ее французу. Д'Арно был изумлен, увидев написанную четкими печатными буквами записку по-английски:

«Я Тарзан из племени обезьян. Кто вы? Можете вы читать на этом языке?»

Д'Арно схватил карандаш и приостановился. Этот странный человек писал по-английски. Очевидно, он англичанин!

— Да,— сказал д'Арно,— я читаю по-английски. Я и говорю на этом языке. Значит, мы можем говорить с вами! Прежде всего позвольте мне поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали.

Человек только покачал головой и снова указал на карандаш и кору.

— О! — воскликнул д'Арно.— Если вы англичанин, почему же вы не можете говорить по-английски?

И у него блеснула мысль: человек, вероятно, немой, возможно даже — глухонемой.

Д'Арно написал на коре по-английски:

«Я Поль д'Арно, лейтенант французского флота. Благодарю вас за все, что вы для меня сделали. Вы мне спасли жизнь, и все, что мне принадлежит,— ваше! Не разрешите ли спросить: почему вы пишите по-английски, не говорите на этом языке?»

Ответ Тарзана привел д'Арно в полное изумление:

«Я говорю только на языке моего племени — больших обезьян, которыми правил Керчак. Говорю немножко на языке слона Тантора и льва Пумы и понимаю также языки прочих народов джунглей. С человеческим существом я никогда не говорил, за исключением одного раза с Джен Портер и то знаками. В первый раз я говорю с другим из моей породы путем переписки».

Д'Арно был поражен. Казалось невероятным, чтобы на земле существовал взрослый человек, который никогда не говорил с другим человеком, и казалось еще более нелепым, чтобы такой человек мог писать и читать! Он снова взглянул на послание Тарзана: «за исключением одного раза с Джен Портер». Это была американская девушка, унесенная в джунгли гориллой. Внезапная догадка начала брезжить в голове д'Арно: — так вот она — «горилла!» Он схватил карандаш и написал:

«Где Джен Портер?»

И Тарзан подписал внизу:

«Она вернулась к родным, в хижину Тарзана из племени обезьян».

«Значит, она жива? Где же она была? Что случилось с ней?»

«Она жива. Теркоз взял ее себе в жены, но Тарзан отнял ее у Теркоза и убил его раньше, чем он успел навредить ей. Никто в джунглях не может вступить в бой с Тарзаном и остаться живым. Я, Тарзан, из племени обезьян, могучий боец!»

Д'Арно написал:

«Я рад, что она в безопасности. Мне больно писать. Я отдохну немного».

И Тарзан ответил:

«Отдохните! Когда поправитесь, я отнесу вас к остальным».

Много дней пролежал д'Арно на своей постели из мягких папоротников. На второй день началась лихорадка, и д'Арно думал, что это означает заражение, и был уверен, что он умрет.

Ему пришла одна мысль в голову. Он удивился, как раньше не подумал об этом? Он позвал Тарзана и знаками показал, что хочет писать. А когда Тарзан принес кору и карандаш, д'Арно написал следующее:

«Не можете ли вы сходить к моим товарищам и привести их сюда? Я напишу записку, и они пойдут за вами».

«Я подумал об этом в первый же день, но не смел. Большие обезьяны часто приходят сюда, и если они найдут вас здесь одного и раненого, они вас убьют».

Д'Арно повернулся на бок и закрыл глаза. Он

не хотел умереть, но чувствовал, что наступает конец, потому что жар все повышался и повышался. В ту ночь он потерял сознание.

Три дня он бредил, а Тарзан сидел около него, смачивал ему голову и руки и омывал раны.

На четвертый день лихорадка прошла так же внезапно, как и началась, но от д'Арно осталась одна тень. Он страшно исхудал и ослабел. Тарзан должен был поднимать его, чтобы напоить из тыквы.

Лихорадка не была вызвана заражением, как думал лейтенант, а была одной из тех разновидностей, которую обыкновенно схватывают европейцы в джунглях — она или убивает их, или же внезапно покидает, что и случилось с д'Арно.

Два дня спустя француз, шатаясь, бродил по амфитеатру, и сильная рука Тарзана поддерживала его, не давая упасть. Они уселись в тени большого дерева, и Тарзан добыл несколько кусков гладкой коры, чтобы они могли разговаривать.

Д'Арно написал первую записку:

«Чем могу отплатить вам за все, что вы для меня сделали?»

Тарзан ответил:

«Научите меня говорить на языке людей».

Д'Арно начал тотчас же, показывая на обычные предметы и повторяя их названия по-французски, потому что он думал, что ему легче всего будет научить этого человека своему родному языку.

Для Тарзана это было, конечно, безразлично, потому что он не мог отличать один язык от другого. Тарзан был очень ревностным учеником и через два дня настолько освоился с французским языком, что мог произносить маленькие предложения, вроде «это дерево», «это трава», «я голоден» и тому подобное, но д'Арно нашел, что трудно учить французской речи на основе английского письма. Лейтенант писал маленькие уроки по-английски, а Тарзан должен был произносить их по-французски, но так как буквальный перевод оказывался из рук вон плох, то Тарзан часто становился в тупик. Д'Арно понял, что он сделал большую ошибку, но ему казалось уже слишком поздно начинать все сызнова и переучивать Тарзана, особенно потому, что они уже быстро подходили к возможности разговаривать друг с другом.

На третий день после прекращения лихорадки д'Арно Тарзан написал записку, спрашивая его, чувствует ли он себя достаточно окрепшим, чтобы его можно было отнести в хижину. Тарзан так же сильно стремился туда, как и д'Арно: ему так хотелось снова увидеть Джен Портер! Ему было нелегко оставаться с французом все эти дни, когда все его существо рвалось к маленькому домику у моря. Д'Арно, только и желавший этого, написал:

«Но вы не сможете нести меня все это расстояние через дремучий лес!»

Тарзан засмеялся.

— Чепуха,— сказал он, и д'Арно тоже громко засмеялся, услыхав от Тарзана это слово, которое сам так часто употреблял.

Они отправились в путь, и д'Арно так же, как и Клейтон, и Джен Портер, изумился поразительной силе и ловкости обезьяны-человека.

Далеко за полдень добрались они до открытой поляны, и когда Тарзан спустился на землю с ветвей последнего дерева, сердце его громко стучало в груди в ожидании встречи с Джен Портер. Но возле хижины не было заметно никого, и д'Арно недоумевал, увидев, что ни крейсера, ни «Арроу» нет в бухте.

Вокруг не было ни души, и чувство одиночества передалось обоим мужчинам, направлявшимся к хижине. Оба молчали, но еще до того, как открыть дверь, знали уже, что они найдут за нею. Тарзан поднял щеколду, и тяжелая дверь повернулась на деревянных петлях. Хижина была пуста!

Мужчины посмотрели друг на друга. Д'Арно понял, что товарищи считают его мертвым, Тарзан же подумал только о женщине, которая с любовью целовала его, а потом бежала, пока он оказывал услугу одному из ее спутников!

Великая горечь затопила его сердце. Он скроется в джунгли и вернется к своему племени. Никогда не захочет он вновь увидеть кого-либо из своей породы и не зайдет больше в хижину. Он навсегда оставит ее вместе с безумной надеждой, которую он здесь вскормил, надеясь найти собственный род и сделаться человеком среди людей.

А француз? А д'Арно? Что ж! Пусть идет он своей дорогой, как и Тарзан. Видеть его Тарзан больше не желает. Он хочет одного — бежать, бежать от всего, что может напомнить ему Джен Портер!

Пока Тарзан стоял на пороге, погруженный в свои мысли, д'Арно вошел в хижину. Он увидел, что в ней значительно прибавилось вещей. Немало предметов оказалось тут с крейсера — походная кухня, посуда, ружье и значительное количество патронов, консервы, одеяло, два стула, койка, несколько книг и журналов, большей частью американских. «Они намерены вернуться»,— подумал д'Арно.

Он подошел к столу, который столько лет тому назад смастерил Джон Клейтон в виде пюпитра, и увидел на нем две записки, адресованные Тарзану из племени обезьян. Одна была подписана твердым мужским почерком, другая, запечатанная,— женской рукой,

— Здесь есть два послания вам, Тарзан! — крикнул д'Арно, обернувшись к двери, но его спутник исчез.

Д'Арно подошел к двери и выглянул. Тарзана нигде не было видно. Д'Арно громко позвал его, но не получил ответа.

— Проклятье,— воскликнул д'Арно,— он бросил меня! Я это чувствую. Он вернулся в джунгли и оставил меня одного.

И вдруг он вспомнил взгляд Тарзана, вошедшего в пустую хижину,— такой взгляд бывает у раненого оленя. Тарзану был нанесен жестокий удар. Д'Арно это было совершенно ясно. Но почему? Он не мог понять.

Француз огляделся. Одиночество начинало действовать на его нервы, уже ослабленные страданиями и болезнью. Остаться один на один со страшными джунглями, никогда не слышать человеческого голоса, не видеть человеческого лица — в беспрерывном страхе перед дикими зверями и еще более страшными дикими людьми — и погиб-

нуть от одиночества и безнадежности! Это было ужасно...

А Тарзан мчался по средним террасам ветвей к своему племени. Он никогда не путешествовал с такой безрассудной поспешностью. Тарзан чувствовал, что бежит от самого себя, что, несясь по лесу, как испуганная белка, он спасается от собственных мыслей. Но как быстро он ни мчался, мысли не отставали от него.

Тарзан пролетел над гибким телом львицы, шедшей в обратном направлении,— к хижине, покинутой им.

Что мог предпринять д'Арно против Сабор? Что сделает он, если горилла Болгани нападет на него? Или лев Нума, или жестокая Шита?

Тарзан остановился.

— Кто вы такой, Тарзан? — спросил он громко.— Обезьяна или человек? Если — обезьяна, то поступайте, как поступают обезьяны, бросая слабых умирать в джунглях. Если же вы человек, то вернитесь, чтобы защитить своего соплеменника. Вы не должны убегать от одного из своих, потому что другой сбежал от вас.

Д'Арно крепко запер дверь. Он очень нервничал. Даже храбрые люди,— а д'Арно был храбр,— иногда боятся одиночества. Он зарядил одно из ружей и положил его поблизости, затем вновь подошел к пюпитру и взял незапечатанное письмо, адресованное Тарзану. Быть может, в нем было сообщение, что корабли только временно покинули бухту. Он чувствовал, что не нарушит этики, если прочтет письмо, и потому вынул его из конверта и стал читать.

«Тарзану из племени обезьян. Благодарим вас за то, что мы пользовались вашей хижиной, и огорчены тем, что вы нас лишили удовольствия видеть вас и поблагодарить лично. Мы ничего не испортили у вас и оставили много вещей для удобства и безопасности вашей в вашем одиноком доме.

Если вы знаете странного белого человека, который столько раз спасал нам жизнь и приносил пищу, и если вы общаетесь с ним, поблагодарите и его от нашего имени за доброжелательность.

Мы отплываем через час, чтобы никогда больше не вернуться, но хотелось бы нам, чтобы вы и другой наш друг в джунглях знали, что мы всегда будем вам благодарны за все, что вы сделали для чужестранцев на вашем берегу, а также, что и мы сумели бы гораздо лучше отблагодарить вас обоих, если бы вы только доставили нам для этого благоприятный случай.

С уважением Уильям Сесиль Клейтон».

— «Чтобы никогда больше не вернуться»,— повторил д'Арно и бросился ничком на койку.

Час спустя он вскочил и прислушался. За дверью был кто-то, пытавшийся войти.

Д'Арно достал заряженное ружье и изготовился к стрельбе.

Уже смеркалось, и в хижине было очень темно, но он видел, что щеколда поднимается. Он почувствовал, как волосы стали подниматься дыбом у него на голове.

Дверь осторожно приотворилась, и сквозь тонкую щель можно было видеть что-то стоящее за дверью. Д'Арно навел в щель вороненое дуло и спустил курок.

Пропавшее сокровище

Когда экспедиция вернулась после бесполезных попыток спасти д'Арно, капитан Дюфрен выразил желание отплыть как можно скорее, и все были с этим согласны, кроме Джен Портер.

— Нет,— решительно заявила она капитану Дюфрену,— я не поеду, и вам не следовало бы ехать. В джунглях осталось два наших друга, которые придут сюда, надеясь на то, что их будут ждать. Один из них ваш офицер, а другой — лесной человек, который спас жизнь каждому из членов экспедиции моего отца. Он простился со мной на краю джунглей два дня тому назад, чтобы поспешить, как он думал, на помощь моему отцу и мистеру Клейтону, и остался, чтобы спасти лейтенанта д'Арно, в этом вы можете быть уверены! Если бы его помощь лейтенанту оказалась запоздалой, он давно уже был бы здесь. Тот факт, что он этого не сделал, служит для меня вернейшим доказательством того, что или лейтенант д'Арно ранен и он задержался с ним, или же, что он должен был разыскивать его похитителей вне поселка, который атаковали ваши матросы.

— Но ведь мундир бедного д'Арно и все принадлежащее ему было найдено в этом поселке, мисс Портер,— возразил капитан,— и туземцы выказали большое возбуждение, когда их расспрашивали о судьбе белого человека.

— Да, капитан, но они не признали, что он убит! А что касается его одежды и вещей — что же? И более цивилизованные народы, чем эти бедные негры, отбирают у своих пленников все ценное, собираются ли они их убивать или нет. Даже солдаты моего родного Юга грабили не только живых, но и мертвых. Я готова согласиться с вами, что это очень важная улика, но ведь это еще не достоверное доказательство!

— Возможно, что и ваш лесной человек попал в плен к дикарям или был ими убит,— намекнул капитан.

Девушка засмеялась.

— Вы его не знаете! — возразила она, чувствуя, как легкая дрожь гордости пробегает по всем ее нервам при мысли, что она говорит о том, кто принадлежит ей.

— Пожалуй, что этого вашего сверхчеловека и правда стоило бы подождать,— сказал капитан, смеясь,— я очень бы желал видеть его.

— В таком случае подождите его, дорогой мой капитан,— настаивала девушка.— Я во всяком случае останусь!

Француз был до крайности удивлен, если бы мог вникнуть в истинное значение слов девушки. Они подошли к хижине и присоединились к маленькой группе, расположившейся на походных стульях в тени развесистого дерева.

Тут собрались профессор Портер, мистер Филандер, Клейтон с лейтенантом Шарпантье и двумя его товарищами-офицерами. Эсмеральда крутилась рядом, вставляя время от времени свои замечания. Офицеры встали и отдали честь начальнику, а Клейтон уступил Джен Портер свой походный стул.

— Мы только что обсудили судьбу бедного Поля,— сказал капитан Дюфрен.— Мисс Портер настаивает на том, что у нас нет положительных доказательств его смерти, и действительно, их у нас нет. С другой стороны, мисс Портер уверяет, что продолжительное отсутствие вашего всемогущего друга в джунглях указывает на то, что д'Арно еще нуждается в его помощи или потому, что он ранен, или потому, что он все еще в плену в более отдаленном поселке туземцев.

— А тут предполагали,— заявил лейтенант Шарпантье,— что дикий человек, быть может, член племени чернокожих, напавших на наш отряд, и спешил помочь им.

Джен Портер бросила быстрый взгляд на Клейтона.

— Это кажется правдоподобным,— сказал профессор Портер.

— Я не согласен с вами,— возразил мистер Филандер.— Он имел полнейшую возможность навредить нам самостоятельно или же повести против нас свое племя. Вместо того в продолжении долгого нашего пребывания здесь он никогда не изменял своей роли нашего защитника и поставщика.

— Это правда,— вмешался Клейтон,— однако мы не должны пренебречь тем фактом, что за исключением его, на сотни миль кругом единственные человеческие существа — дикие каннибалы. Он вооружен совершенно так же, как они, а это предполагает постоянную связь с ними. Сам факт, что он — единственный белый среди, возможно, тысячи чернокожих, указывает на то, что связь эта могла быть только дружеской!

— Да, это вероятнее всего,— заметил капитан,— возможно даже, что он сам — член этого племени!

— Или,— добавил один из офицеров,— он достаточно времени прожил среди диких обитателей джунглей — зверей и людей, чтобы стать искусным в стрельбе и охоте и в употреблении африканского оружия.

— Не подходите к нему с собственной меркой,— сказала Джен Портер.— Обыкновенный белый человек вроде любого из вас,— простите, я неловко выразилась,— вернее, белый человек, стоящий выше заурядного в физическом и умственном отношении, никогда бы не смог, уверяю вас, прожить целый год один без одежды в этих тропических джунглях! Но этот человек не только превосходит обыкновенных людей в силе и ловкости, он настолько выше даже самых тренированных атлетов, насколько они превосходят новорожденного младенца, а его смелость и свирепость в бою равняют его с диким зверем.

— Он несомненно приобрел себе верного сторонника, мисс Портер,— промолвил, смеясь, капитан Дюфрен.— Я уверен, что каждый из нас охотно согласился бы сто раз идти навстречу смерти, чтобы заслужить хоть половину похвалы столь преданного и столь прекрасного защитника...

— Вы не удивились бы, что я его защищаю,— сказала девушка,— если бы видели его сражающимся за меня с огромным волосатым зверем. Он бросился на это чудовище без малейшего признака колебаний или страха. Если бы вы видели его могучие мускулы под коричневой кожей, если б вы видели, как он отражал страшные клыки,— вы бы тоже сочли его сверхчеловеком. А будь вы

свидетелями его рыцарского обращения со мною, незнакомой девушкой, вы бы чувствовали к нему то же безграничное доверие, которое к нему чувствую я.

— Вы выиграли ваше дело, прекрасный адвокат,— воскликнул капитан.— Суд признает подсудимого невиновным, и крейсер задержится еще на несколько дней, чтобы дать ему возможность вернуться и благодарить прекрасную Порцию.

— Ради господа бога! — запричитала Эсмеральда,— неужели вы, мое сокровище, хотите остаться в этой стране зверей-людоедов, когда у нас есть удобный случай вырваться отсюда! Не говорите вы мне этого, цветочек!

— Эсмеральда! — воскликнула Джен,— как вам не стыдно? Так-то вы высказываете благодарность этому человеку? Ведь он вам два раза спасал жизнь!

— Правда, мисс Джен, все, что вы говорите,— правда, но уж поверьте мне, что этот лесной джентльмен вовсе не спасал нас для того, чтобы мы здесь оставались! Он спас нас, чтобы мы могли уехать отсюда. Мне думается, он был бы страх как сердит, если б узнал, что мы до того одурели, что остались здесь после того, как он помог нам уехать. А я-то надеялась, что уже не придется больше ночевать в этом зоологическом саду и слушать все эти скверные звуки, которые подымаются в джунглях, когда становится темно.

— Я нисколько не осуждаю вас, Эсмеральда,— сказал Клейтон.— И вы действительно попали в точку, сказав «скверные». Я никогда не мог подобрать настоящего слова для них, а это, знаете ли, очень меткое определение: именно «скверные» звуки.

— Тогда вам с Эсмеральдой лучше всего перебраться на крейсер и жить там,— заявила Джен Портер насмешливо.— Что бы вы сказали, если бы пришлось прожить всю жизнь в джунглях, как жил наш лесной человек?

— Боюсь, что я оказался бы далеко не блестящим образчиком дикого человека,— с горечью рассмеялся Клейтон.— От этой ночной какофонии у меня волосы на голове поднимаются дыбом. Понимаю, что мне следовало бы стыдиться такого признания, но это правда.

— Не знаю,— сказал лейтенант Шарпантье.— Я никогда не думал о страхе и подобного рода вещах, никогда не пытался выяснить, трус я или храбрый человек. Но в ту ночь, когда бедный д'Арно был взят в плен и звуки джунглей окружили нас, я стал думать, что я в самом деле трус! Меня не столько пугал рев хищных зверей, сколько эти крадущиеся шорохи, которые вы неожиданно слышите рядом с собой и затем ждете повторения их,— необъяснимые звуки почти неслышно движущегося огромного тела, и сознание, что вы не знаете, как близко оно было и не подползло ли оно еще ближе за то время, когда вы перестали слышать его. Вот эти шумы и глаза... Я никогда не перестану видеть эти глаза в темноте, глаза, которые видишь, а если не видишь, то чувствуешь... Ах, это самое ужасное!

Все с минуту молчали, и вновь заговорила Джен Портер:

— И он там! — она сказала это сдавленным от ужаса голосом.— Эти сверкающие глаза будут ночью глядеть на него и на вашего товарища, лейтенанта д'Арно. Неужели вы можете бросить их, джентльмены, не оказав им, по крайней мере, пассивную помощь, задержавшись еще несколько дней?

— Погоди, дитя, погоди,— сказал профессор Портер.— Капитан Дюфрен согласен остаться, а я со своей стороны тоже согласен, вполне согласен, как всегда, когда дело идет о подчинении твоим детским причудам.

— Мы могли бы использовать завтрашний день для перевозки сундука с кладом,— сказал мистер Филандер.

— Совершенно верно, совершенно верно, дорогой Филандер, я почти забыл о кладе! — воскликнул профессор Портер.— Быть может, капитан Дюфрен даст нам в помощь несколько матросов и очевидца с «Арроу», который укажет, где зарыт сундук.

— Конечно, дорогой профессор, мы все к вашим услугам,— заверил капитан.

Было условлено, что на следующее утро лейтенант Шарпантье возьмет взвод из десяти человек и одного из бунтовщиков с «Арроу» в качестве проводника. Они откопают клад, а крейсер простоит еще целую неделю в маленькой бухте. По окончании этого срока можно будет считать, что д'Арно действительно мертв, а лесной человек не хочет вернуться, и тогда оба судна покинут бухту.

Профессор Портер не сопровождал кладоискателей на следующее утро, но, увидев, что они возвращаются около полудня с пустыми руками, поспешил настречу. Его обычная рассеянная озабоченность сменилась нервностью и возбуждением.

— Где клад? — крикнул он Клейтону еще издалека.

Клейтон покачал головой.

— Пропал,— сказал он, подойдя ближе.

— Пропал? Этого быть не может. Кто мог взять его?

— Одному богу известно, профессор. Мы могли бы подумать, что проводник солгал, но его изумление и ужас, когда он увидел, что сундук исчез из-под тела убитого Снайпса, были слишком неподдельны, чтобы быть притворными. И кроме того, под телом действительно было что-то зарыто раньше, потому что под ним обнаружили яму, закиданную рыхлой землей.

— Но кто же мог взять клад? — повторил профессор.

— Подозрение могло бы, конечно, пасть на матросов с крейсера,— сказал лейтенант Шарпантье.— Но младший лейтенант Жавье уверяет, что никого из команды не отпускали на берег без сопровождения офицера. Я не думаю, что вы станете подозревать наших матросов, но очень рад, что фактически доказана полная несостоятельность такого подозрения.

— Мне никогда и в голову не приходила мысль подозревать людей, которым мы стольким обязаны,— любезно возразил профессор Портер.— Я скорее готов был бы подозревать дорогого моего Клейтона или мистера Филандера.

Французы улыбнулись — как офицеры, так и матросы. Было ясно, что эти слова облегчили им душу.

— Сокровище пропало некоторое время тому назад,— продолжал Клейтон.— Когда мы вынули покойника, то он развалился, следовательно, тот, кто взял клад, сделал это, когда труп был свежий, потому что мы нашли его не поврежденным.

— Похитителей должно быть несколько,— сказала подошедшая к ним Джен Портер.— Вы помните, что потребовалось четыре человека для переноски сундука.

— Клянусь Юпитером,— крикнул Клейтон,— это верно! Сделали это, должно быть, чернокожие. Вероятно, кто-нибудь из них видел, как матросы зарывали сундук, а потом быстро вернулся с помощниками, и они унесли сундук.

— Такие догадки ни к чему не ведут,— печально сказал профессор Портер.— Сундук пропал. Мы его никогда больше не увидим, как не увидим и клада, бывшего в нем.

Одна только Джен Портер понимала, что эта утрата означает для ее отца, но никто не знал, что она означала для нее.

Шесть дней спустя капитан Дюфрен объявил, что выход в море назначен на следующее утро.

Джен Портер стала бы просить о дальнейшей отсрочке, если бы сама не начала думать, что ее лесной возлюбленный не вернется. Вопреки самой себе, ее стали мучить сомнения и страхи. Разумность доводов беспристрастных французских офицеров помимо воли действовала на ее убеждение. Что он — каннибал,— этому она никак не могла поверить, но, в конце концов, ей стало казаться возможным, что он — приемный член какого-нибудь племени дикарей. Мысли, что он мог умереть, она не допускала, было невозможно представить себе, чтобы это совершенное тело, полное торжествующей жизни, могло перестать существовать.

Допустив такое в мыслях, Джен невольно стала предполагать и худшее. Если он принадлежит к племени дикарей, то, должно быть, имеет жену-дикарку, быть может, целую дюжину жен и диких полукровных детей. Девушка содрогнулась, и когда ей сообщили, что крейсер утром уходит, она была почти рада. Тем не менее именно она подала мысль, чтобы в хижине были оставлены оружие, патроны, припасы и много различных предметов, якобы для неуловимой личности, которая подписалась Тарзаном — из племени обезьян, и для д'Арно, если он еще жив и доберется до хижины. В действительности же она надеялась, что эти вещи достанутся ее лесному богу, даже если бы он оказался простым смертным.

И в последнюю минуту она оставила ему весточку, передать которую поручила Тарзану.

Джен последней побывала в хижине, вернувшись туда под каким-то пустым предлогом, когда все направились к шлюпке. Она стала на колени у постели, в которой провела столько ночей, вознесла к небу молитву за благополучие своего первобытного человека и, крепко прижав к губам его медальон, шепнула:

— Я люблю тебя, я верю в тебя! Но если бы даже и не верила, я все равно любила бы. Пусть бог сжалится над моей душой за это признание! Если бы ты вернулся ко мне, не было бы другого исхода, я ушла бы за тобой, навсегда ушла в джунгли.

На краю света

Когда д'Арно выстрелил, дверь распахнулась настежь, и какая-то человеческая фигура грохнулась ничком, растянувшись во весь рост, у порога.

Француз, охваченный паникой, собрался еще раз нажать курок, но вдруг увидел, что это белый. Еще одно мгновение — и д'Арно понял: он застрелил своего друга, своего защитника Тарзана из племени обезьян!

С криком отчаяния бросился д'Арно к обезьяне-человеку. Став на колени, он поднял черноволосую голову и прижал ее к своей груди, громко называя Тарзана по имени. Ответа не было. Тогда д'Арно приложил ухо к его сердцу. С радостью услышал он, что сердце бьется размеренно и спокойно. Он с трудом поднял Тарзана и уложил его на койку, а затем, торопливо заперев дверь, зажег лампу и осмотрел рану. Пуля лишь слегка задела голову Тарзана. Рана была поверхностная, хотя и безобразная на вид, но без признаков перелома черепа. Д'Арно облегченно вздохнул и стал смывать кровь с лица своего друга. Вскоре холодная вода привела его в чувство, и, открыв глаза, он с изумлением взглянул на д'Арно.

Он перевязывал рану полосками полотна и, увидев, что Тарзан пришел в себя, написал записку и передал обезьяне-человеку. Д'Арно объяснил ужасную ошибку, которую он сделал, и сообщил, как он счастлив, что рана оказалась не столь серьезной.

Тарзан, прочитав написанное, сел на край койки и рассмеялся.

— Это ничего,— сказал он по-французски. Потом, так как запас его слов истощился, он написал:

«Вы бы видели, что Болгани сделал со мной, а также Керчак и Теркоз, прежде чем я убил их, тогда бы вы смеялись над такой маленькой царапиной».

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРОЗА

Эдгар БЕРРОУЗ

Рис. Елены Пьянковой и Николая Мооса

Д'Арно передал Тарзану оба письма оставленные на его имя.

Тарзан прочел первое с выражением печали на лице. Второе он долго переворачивал, не зная, как его открыть. Тарзан никогда не видел до этого заклеенного письма.

Д'Арно наблюдал за ним и понял: его привел в замешательство конверт. Казалось странным, что для взрослого белого человека конверт был загадкой! Д'Арно вскрыл его и передал письмо Тарзану.

Усевшись на походный стул, обезьяна-человек разложил перед собой исписанные листы и прочел:

«Тарзану, из племени обезьян. Прежде чем я уеду, позвольте мне присоединить мою благодарность к благодарности мистера Клейтона за данное вами любезное разрешение пользоваться вашей хижиной.

Мы очень сожалеем, что вы так и не пришли познакомиться с нами. Мы были бы так рады повидать и поблагодарить нашего хозяина!

Есть еще другой, которого я тоже хотела бы поблагодарить, но он не вернулся, хотя я не могу поверить, что он умер.

Его имени я не знаю. Он — большой белый гигант, носивший бриллиантовый медальон на груди. Если вы знаете его и можете говорить на его языке, передайте ему мою благодарность и скажите, что я семь дней ждала его возвращения. Скажите ему также, что я живу в Америке, в городе Балтимора. Там он всегда будет для меня желанным гостем, если пожелает навестить меня.

Я нашла записку, которую вы мне написали. Она лежала между листьями под деревом около хижины. Не знаю, как вы, никогда не говоривший со мною, сумели полюбить меня? И я очень огорчена, если это правда, потому что я свое сердце отдала другому.

Но знайте, что я всегда останусь вашим другом.

Джен Портер».

Тарзан почти целый час сидел, потупившись. Из писем ему стало понятно: они не знали, что он и Тарзан — один и тот же человек: «Я отдала мое сердце другому»,— повторял он снова и снова про себя.

Значит, она не любит его! Как могла она притворяться, что любит, и вознести его на такую высоту надежды только для того, чтобы потом сбросить в бездну отчаяния? Быть может, ее поцелуи были только знаком дружбы? Что может знать он о человеческих обычаях?

Неожиданно Тарзан встал и, пожелав д'Арно доброй ночи, как тот научил его, бросился на постель из папоротников, на которой прежде спала Джен Портер.

Д'Арно потушил лампу и тоже лег.

Целую неделю они только и делали, что отдыхали, и д'Арно учил Тарзана французскому языку. К концу недели они уже могли кое-как объясняться.

Однажды поздно вечером, когда они сидели в хижине, собираясь ложиться спать, Тарзан обратился к д'Арно.

— Где Америка? — спросил он.

Д'Арно показал на северо-запад.

— На многие тысячи миль за океаном. Для чего вам это?

— Я собираюсь туда.

Д'Арно покачал головой.

— Это невозможно, друг мой,— сказал он.

Тарзан встал и, подойдя к одному из шкафов, вернулся с основательно зачитанной географией в руках. Раскрыв карту мира, он сказал:

— Я никогда не мог хорошенько понять всего этого, объясните, пожалуйста.

Д'Арно исполнил его просьбу, сказав, что синяя краска означает воду на земле, а пятна других цветов — континенты и острова. Тарзан попросил указать место, где они теперь находятся.

Д'Арно это сделал.

— Теперь укажите, где Америка,— сказал Тарзан.

И когда д'Арно дотронулся пальцем до Северной Америки, Тарзан улыбнулся и, положив на страницу ладонь, измерил ею Атлантический океан, лежащий между материками.

Продолжение. Начало в № 4—10

— Как видите, это недалеко, моя рука шире!

Д'Арно рассмеялся. Как же заставить понять этого человека?

Он взял карандаш и сделал крошечную точку на берегу Африки.

— Этот маленький знак на карте,— сказал он,— во много раз больше, чем ваша хижина на земле. Видите вы теперь, как это далеко?

Тарзан задумался.

— Живут ли белые люди в Африке? — спросил он.

— Живут.

— Где живут самые близкие?

Д'Арно указал на карте точку к северу от них.

— Так близко? — с удивлением спросил Тарзан.

— Да,— ответил д'Арно,— но это совсем не близко.

— А у них есть большие суда для переезда через океан?

— Есть.

— Мы пойдем туда завтра,— заявил Тарзан.

Д'Арно улыбнулся и покачал головой.

— Это слишком далеко! Мы умрем много раньше, чем доберемся туда.

— Вы хотите остаться здесь навсегда? — спросил Тарзан.

— О, нет,— ответил д'Арно.

— Ну, тогда мы завтра двинемся с места. Здесь мне больше не нравится. Я готов скорее умереть, чем оставаться здесь.

— Хорошо,— ответил д'Арно, пожав плечами.— Не знаю, друг мой, но и я тоже скажу, что предпочел бы умереть, чем жить здесь. Если вы уйдете, и я уйду с вами.

— Значит, решено,— сказал Тарзан.— Завтра я отправляюсь в Америку.

— Как же вы поедете в Америку без денег? — спросил д'Арно.

— Что такое деньги? — удивился Тарзан.

Потребовалось немало времени, чтобы он хоть смутно понял.

— Как люди добывают деньги? — спросил он.

— Они их зарабатывают.

— Отлично. Я заработаю.

— Нет, друг мой,— возразил д'Арно.— О деньгах вы не должны беспокоиться и вам не нужно будет зарабатывать. У меня их достаточно для двоих, даже для двадцати,— денег у меня гораздо больше, чем это нужно для одного человека. И вы будете иметь все, что пожелаете, если мы когда-нибудь доберемся до цивилизации.

Утром они двинулись в путь вдоль берега. Каждый нес ружье и патроны, а также постель и немного провизии и кухонных принадлежностей. Последние показались Тарзану совершенно бесполезными бременем, и он выбросил свои.

— Но вы должны научиться есть вареную пищу, мой друг,— усовещал его д'Арно.— Ни один цивилизованный человек не ест мясо сырым.

— Хватит у меня времени научиться, когда я доберусь до цивилизации. Мне эти вещи не нравятся, они только портят вкус хорошего мяса.

Целый месяц шли они к северу, иногда находя себе пищу в изобилии, а иногда голодая по нескольку дней.

Они не встречали и признаков туземцев, а дикие звери их не беспокоили. В общем, их путешествие было необыкновенно удачно.

Тарзан забрасывал товарища вопросами, и его познания быстро увеличивались. Д'Арно учил его тонкостям цивилизации, умению пользоваться ножом и вилкой. Но иногда Тарзан с отвращением бросал их и, схватив пищу сильными загорелыми руками, рвал ее крепкими зубами, как дикий зверь.

Тогда д'Арно сердился и говорил:

— Вы не должны есть, как скот, Тарзан. Я так стараюсь сделать из вас джентльмена. Джентльмены не делают так — это просто ужасно!

Тарзан улыбался смущенно и снова брался за вилку и нож, но в душе он их ненавидел.

По дороге он рассказал д'Арно историю о большом сундуке, о том, как матросы зарыли его, как он его отрыл, перенес на сборное место обезьян и там зарыл снова.

— Должно быть, это сундук с кладом профессора Портера,— сообразил д'Арно.— Это очень, очень нехорошо, но, конечно, вы не знали!

Тарзан тут только вспомнил и понял письмо, написанное Джен Портер ее приятельнице, украденное им у нее в первый же день устройства пришельцев в его хижине. Теперь он знал, что было в сундуке и что он значил для Джен Портер.

— Завтра же вернемся назад за сундуком,— объявил он, обращаясь к д'Арно.

— Назад?! — воскликнул д'Арно.— Но, дорогой мой, мы уже три недели в пути, нам придется употребить еще три недели для обратного путешествия за кладом. И затем, при огромном весе сундука, для переноски которого потребовались четыре матроса, пройдут месяцы, пока мы опять дойдем до этого места.

— Но это нужно, друг мой,— настаивал Тарзан.— Идите дальше к цивилизации, а я вернусь за кладом. Один я смогу идти куда скорее.

— У меня есть план получше, Тарзан! — воскликнул д'Арно.— Мы вместе дойдем до ближайшего поселения. Там мы найдем гребное судно и вернемся за сокровищем морем вдоль берега, таким образом доставка его будет гораздо легче. Это и быстрее, и безопаснее, и не заставит нас разлучаться. Что вы думаете о моем плане, Тарзан?

— Идет! — сказал Тарзан.— Сокровище окажется на месте, когда бы мы не явились за ним, и хотя я мог бы сходить туда теперь и нагнать вас через месяц или два, но буду спокоен за вас, пока мы вместе. Когда я вижу, до чего вы беспомощны, д'Арно, я просто удивляюсь, как человеческий род мог избежать уничтожения за долгие века, о которых вы мне говорили. Одна Сабор могла бы истребить тысячи таких, как вы.

Д'Арно засмеялся:

— Вы будете более высокого мнения о своем роде, когда увидите его армии и флоты, огромные города и могучие механические приспособления. Тогда вы поймете, что ум, а не мускулы, ставит человеческое существо выше могучих зверей ваших джунглей. Одинокий и безоружный человек, конечно, не равен по силе крупному зверю, но если десять человек соберутся, они соединят свой ум и свои мускулы против диких врагов, в то время как звери, не способные рассуждать, никогда не

задумаются о союзе против людей. Если бы было иначе, Тарзан, сколько прожили бы вы в диком лесу?

— Вы правы, д'Арно,— ответил Тарзан.— Если бы Керчак пришел на помощь Тублату в ночь Дум-Дума, мне был бы конец. Но Керчак не сумел воспользоваться таким подходящим для него случаем. Даже Кала, моя мать, не могла строить планов вперед. Она просто ела, сколько ей было нужно и когда она хотела есть. Находя много пищи в такие времена, когда мы голодали, она и не думала запасать ее впрок. Помню, она считала большой глупостью с моей стороны обременять себя излишней ношей во время переходов, хотя была очень рада есть вместе со мной, когда мы ничего не находили.

— Значит, вы знали свою мать, Тарзан? — спросил с удивлением д'Арно.

— Знал. Это была красивая обезьяна, больше меня ростом и тяжелее меня в два раза.

— А ваш отец? — спросил д'Арно.

— Его я не знал. Кала говорила, что он был белой обезьяной и безволосым, как я. Теперь знаю, что, должно быть, он был белым человеком.

Д'Арно долго и пристально рассматривал своего спутника.

— Тарзан,— сказал он наконец,— невозможно, чтобы обезьяна Кала была вашей матерью. Если это так, вы унаследовали бы хоть какие-нибудь особенности обезьяны. А у вас их совсем нет. Вы — чистокровный человек и, вероятно, сын высококультурных родителей. Неужели у вас нет хотя бы слабых указаний на ваше прошлое?

— Нет никаких,— ответил Тарзан.

— Никаких записок в хижине, которые могли бы пролить какой-нибудь свет на жизнь ее прежних обитателей?

— Я прочел все, что было в хижине, за исключением одной книжки, которая, как я знаю теперь, была написана не по-английски, а на каком-то другом языке. Может быть, вы сумеете прочесть ее.

Тарзан вытащил со дна своего колчана маленькую черную книжку и подал ее своему спутнику.

Д'Арно взглянул на заглавный лист.

— Это дневник Джона Клейтона, лорда Грэйстока, английского дворянина, и он написан по-французски,— сказал он и тут же принялся читать написанный более двадцати лет назад дневник, в котором передавались подробности истории, уже нам известной,— истории приключений, лишений и горестей Джона Клейтона и его жены Элис со дня их отъезда из Англии. Оканчивался дневник за час до того, как Клейтон был сражен насмерть Керчаком.

Д'Арно читал громко. По временам его голос срывался, и он был вынужден останавливаться. Какая страшная безнадежность сквозила между строками!

По временам он оглядывался на Тарзана. Но обезьяна-человек сидел на корточках неподвижный, как каменный идол.

Только когда начались упоминания о малютке, тон в дневнике изменился, исчезла нота отчаяния, вкравшаяся в дневник после первых двух месяцев пребывания на берегу. Теперь он был окрашен

каким-то тихим счастьем, производившем еще более грустное впечатление, чем все остальное.

Одна из записей звучала почти бодро:

«Сегодня моему мальчику исполнилось шесть месяцев. Он сидит на коленях Элис у стола, за которым пишу я, это счастливый, здоровый, прекрасный ребенок.

Так или иначе, даже против здравого смысла, мне представляется, что я вижу его взрослым, занявшим в свете положение отца, и этот второй Джон Клейтон покрывает новою славой род Грэйстоков.

И вот, как будто для того, чтобы придать моему пророчеству вес своей подписью, он схватил мое перо в пухленький кулачок и поставил на странице печать своих крошечных пальчиков, перепачканных в чернилах».

И тут же на полях страницы были видны слабые и наполовину замазанные оттиски четырех крошечных пальчиков и внешняя часть большого пальца.

Когда д'Арно кончил читать, оба человека просидели некоторое время молча.

— Скажите, Тарзан, о чем вы думаете? — спросил д'Арно.— Разве эта маленькая книжечка не раскрыла перед вами тайну вашего происхождения? Да ведь вы же лорд Грэйсток!

Голова Тарзана поникла.

— В книжке все время говорят только об одном ребенке,— ответил он.— Маленький скелетик его лежал в колыбели, где он умер от голода. Он лежал там с первого дня, как я вошел в хижину, и до того дня, когда экспедиция профессора Портера похоронила его рядом с отцом и матерью у стены хижины. Это и был ребенок, упоминаемый в дневнике, и тайна моего происхождения стала еще темнее, чем прежде, потому что последнее время я сам много думал о возможности, что эта хижина была местом моего рождения. Я думаю, Кала говорила правду,— грустно заключил Тарзан.

Д'Арно покачал головой. Он не был убежден, и в уме его зародилось решение доказать правильность своей теории, потому что он нашел ключ, который мог открыть тайну.

Неделю спустя путники неожиданно вышли из джунглей на поляну.

В глубине высилось несколько зданий, обнесенных крепким частоколом. Между ними и оградой расстилалось возделанное поле, на котором работало множество негров.

Оба остановились на опушке джунглей. Тарзан уже готов был спустить отравленную стрелу со своего лука, но д'Арно ухватил его за руку.

— Что вы делаете, Тарзан? — крикнул он.

— Они будут пытаться убить нас, если увидят,— ответил Тарзан.— Я предпочитаю сам быть убийцей.

— Но, может быть, они наши друзья,— возразил д'Арно.

— Это черные люди,— было единственным ответом Тарзана. И он снова натянул тетиву.

— Вы не должны этого делать, Тарзан! — крикнул д'Арно.— Белые люди не убивают зря. Господи, сколько вам еще нужно учиться! Я жалею того буяна, который рассердит вас, мой дикий друг, когда я привезу вас в Париж. У меня будет хлопот полон рот, чтобы уберечь вас от гильотины.

Тарзан улыбнулся и опустил лук.

— Я не понимаю, почему я должен убивать чернокожих в джунглях и не могу убивать их здесь? Ну, а если лев Нума прыгнул бы здесь на нас, я, видимо, должен был сказать ему: «С добрым утром, мосье Нума, как поживает мадам Нума?»

— Подождите, пока чернокожие на нас бросятся,— возразил д'Арно,— тогда стреляйте. Но пока люди не докажут, что они наши враги, не следует предполагать этого.

— Пойдемте,— сказал Тарзан,— пойдемте и представимся им, чтобы они сами убили нас! — И он пошел прямо поперек поля, высоко подняв голову. Тропическое солнце обливало своими лучами его гладкую смуглую кожу.

Позади него шел д'Арно, одетый в платье, брошенное Клейтоном в хижине после того, как французские офицеры с крейсера снабдили его более приличной одеждой.

Но вот один из чернокожих поднял глаза, увидел Тарзана и с криком бросился к частоколу.

В один миг воздух наполнился возгласами ужаса убегавших работников, но прежде, чем они добежали до палисада, белый человек появился из-за ограды с ружьем в руках, желая узнать причину волнения.

То, что он увидел перед собой, заставило его взять ружье на изготовку, и Тарзан вторично попробовал бы свинца, если бы д'Арно не крикнул громко человеку с наведенным ружьем:

— Не стреляйте! Мы друзья!

— Ни с места, в таком случае! — послышался ответ.

— Стойте, Тарзан! — крикнул д'Арно.— Они думают, что мы враги.

Тарзан остановился, а затем он и д'Арно стали медленно подходить к белому человеку у ворот... Последний рассматривал их с изумлением, граничащим с растерянностью.

— Кто вы? — спросил он по-французски.

— Белые люди,— ответил д'Арно.— Мы долго скитались по джунглям.

Тогда человек опустил ружье и подошел к ним с протянутой рукой.

— Я отец Константин из здешней французской миссии,— сказал он,— и рад приветствовать вас.

— Это мосье Тарзан, отец Константин,— ответил д'Арно, указывая на обезьяну-человека, и когда священник протянул руку Тарзану, д'Арно добавил: — А я — Поль д'Арно, офицер французского флота.

Отец Константин пожал руку, которую Тарзан протянул ему в подражание его жесту, и окинул быстрым и проницательным взглядом его великолепное сложение и прекрасное лицо.

Тарзан, обезьяний приемыш, пришел на передовой пост цивилизации в Африке.

Они пробыли здесь неделю, и обезьяна-человек, до крайности наблюдательный, многому научился. А в это время черные женщины шили для него и для д'Арно белые парусиновые костюмы, чтобы они могли продолжать свое путешествие в более пристойном виде.

На высоте цивилизации

Месяц спустя они добрались до небольшого поселка в устье широкой реки. Здесь Тарзан увидел целую флотилию судов, и снова в присутствии множества людей стал испытывать робость дикого лесного существа. Но мало-помалу он привык к непонятным шумам и странным обычаям цивилизованного поселка, и никто не мог и подумать, что этот красивый француз в безупречном белом костюме, смеявшийся и болтавший с самыми веселыми из них, еще два месяца назад мчался нагишом через листву первобытных деревьев, нападая на неосмотрительную жертву и пожирая ее сырой!

Ножом и вилкой, которые он так презрительно отбросил месяц тому назад, Тарзан управлялся теперь столь же изысканно, как и сам д'Арно.

Он был необычайно способным учеником, и молодой француз упорно работал над быстрым превращением Тарзана, приемыша обезьян, в совершенного джентльмена, шлифуя его манеры и речь.

— Бог создал вас джентльменом в душе, мой друг,— говорил д'Арно,— но нужно, чтобы это проявилось и во внешности вашей.

Как только они добрались до маленького порта, д'Арно известил по телеграфу свое правительство о том, что он невредим, и просил о трехмесячном отпуске, который и был ему дан.

Он протелеграфировал также и своим банкирам о высылке денег. Обоих друзей томило вынужденное бездействие. Целый месяц, ожидая денег, они не имели возможности зафрахтовать судно, чтобы забрать клад.

Во время их пребывания в прибрежном городе личность мосье Тарзана сделалась предметом удивления и белых, и черных из-за нескольких происшествий, казавшихся ему самому вздорными пустяками.

Однажды огромный негр, допившийся до белой горячки, терроризировал весь город, пока не забрел на свое горе на веранду гостиницы, где, небрежно облокотившись, сидел черноволосый французский гигант. Негр поднялся, размахивая ножом, по широким ступеням и набрел на компанию из четырех мужчин, которые, сидя за столиком, прихлебывали неизбежный абсент. Все четверо убежали со всех ног с испуганными криками, и тогда негр заметил Тарзана. Он с ревом набросился на обезьяну-человека, и множество глаз устремилось на Тарзана. Все были уверены, что гигантский негр зарежет бедного француза.

Тарзан встретил нападение с вызывающей улыбкой, словно стальной обруч охватил черную кисть руки с занесенным ножом. Одно мгновенное усилие — и рука повисла с переломанными костями. От боли и изумления чернокожий сразу же отрезвел, и когда Тарзан спокойно опустился в свое кресло, негр с пронзительным воплем кинулся со всех ног к своему родному поселку.

В другой раз Тарзан и д'Арно сидели за обедом с несколькими другими белыми. Речь зашла о львах и об охоте за львами. Насчет храбрости царя зверей мнения разделились. Некоторые утверждали, что лев — отъявленный трус, но все соглашались, что когда ночью около лагеря раздается рев монарха джунглей, то они испытывают чувство безопасности, только держась за скорострельные ружья.

Д'Арно и Тарзан заранее условились, что прошлое Тарзана должно сохраняться в тайне, и, кроме французского офицера, никто не знал о близком знакомстве Тарзана с лесными зверями.

— Мосье Тарзан еще не высказал своего мнения,— промолвил один из собеседников.— Человек с такими данными, как у него, и который провел, как я слышал, некоторое время в Африке, непременно должен был так или иначе столкнуться со львами, не так ли?

— Да,— сухо ответил Тарзан.— Столкнулся настолько, чтобы знать, что каждый из вас прав в своих суждениях о львах, которые вам повстречались, но с таким же успехом можно судить и о чернокожих по тому негру, который взбесился здесь на прошлой неделе, или решить сплеча, что все белые — трусы, встретив одного трусливого европейца. Среди низших пород, джентльмены, столько же индивидуальностей, сколько и среди нас самих. Сегодня вы можете натолкнуться на льва с более чем робким нравом — он убежит от вас. Завтра вы нарветесь на его дядю или даже на его братца-близнеца, и друзья ваши будут удивляться, почему вы не возвращаетесь из джунглей. Лично же я всегда заранее предполагаю, что лев свиреп, и всегда держусь настороже.

— Охота представляла бы немного удовольствия,— возразил первый говоривший,— если бы охотник боялся дичи, за которой охотится!

Д'Арно улыбнулся: Тарзан боится!

— Я не вполне понимаю, что вы хотите сказать словом страх,— заявил Тарзан.— Как и львы, страх тоже различен у различных людей. Но для меня единственное удовольствие охоты заключается в сознании, что дичь моя настолько же опасна для меня, насколько я сам опасен для нее. Если бы я отправился на охоту за львами с двумя скорострельными ружьями, с носильщиком и двадцатью загонщиками, мне думалось бы, что у льва слишком мало шансов, и мое удовольствие в охоте уменьшилось бы пропорционально увеличению моей безопасности.

— В таком случае остается предположить, что мосье Тарзан предпочел бы отправиться на охоту за львами нагишом и вооруженный одним лишь ножом? — рассмеялся говоривший раньше, добродушно, но с легким оттенком сарказма в тоне.

— И с веревкой,— добавил Тарзан.

Как раз в эту минуту глухое рычание льва донеслось из далеких джунглей, словно бросая вызов смельчаку, который решился бы выйти с ним на бой.

— Вот вам удобный случай, мосье Тарзан,— посмеялся француз.

— Я не голоден,— просто ответил Тарзан.

Все рассмеялись, за исключением д'Арно. Он один знал, насколько логична и серьезна эта причина в устах обезьяны-человека.

— Признайтесь, вы боялись бы, как побоялся бы каждый из нас, пойти сейчас в джунгли нагишом, вооруженный только ножом и веревкой,— сказал шутник.

— Нет,— ответил ему Тарзан.— Но глупец тот, кто совершает поступок без всякого основания.

— Пять тысяч франков — вот вам и основание,— сказал другой француз.— Бьюсь об заклад на эту сумму, что вы не сможете принести из джунглей льва при соблюдении упомянутых вами условий: нагишом и вооруженный ножом и веревкой.

Тарзан взглянул на д'Арно и утвердительно кивнул головой.

— Ставьте десять тысяч,— предложил д'Арно.

— Хорошо,— ответил тот.

Тарзан встал.

— Мне придется оставить свою одежду на краю селения, чтобы не идти нагишом по улицам, если я не вернусь до рассвета.

— Неужели вы пойдете сейчас? — воскликнул бившийся об заклад.— Ведь темно?

— Почему же нет? — спросил Тарзан.— Нума бродит по ночам, будет легче найти его.

— Нет,— заявил тот.— Я не хочу, чтобы ваша кровь была на моей совести. Достаточно риска, если вы пойдете днем.

— Я пойду сейчас! — возразил Тарзан и отправился в свою комнату за ножом и веревкой.

Все остальные проводили его до опушки джунглей, где он оставил одежду в маленьком амбаре.

Но когда он собрался вступить в темноту низких зарослей, они попытались отговорить его, и тот, кто бился об заклад, больше всех настаивал, чтобы Тарзан отказался от безумной затеи.

— Я буду считать, что вы выиграли,— сказал он,— и десять тысяч франков ваши, если вы откажетесь от этого сумасшедшего предприятия, оно обязательно кончится вашей гибелью.

Тарзан только засмеялся, и через мгновение джунгли поглотили его.

Сопровождавшие постояли молча несколько минут и затем медленно пошли назад, на веранду отеля.

Не успел Тарзан войти в джунгли, как взобрался на деревья и с чувством ликующей свободы помчался по лесным ветвям.

Вот это — жизнь! Ах, как он ее любит! Цивилизация не имеет ничего подобного в своем узком и ограниченном кругу, сдавленном со всех сторон всевозможными условностями и границами. Даже одежда была помехой и неудобством. Наконец он свободен! Он не понимал до этого, каким пленником был целый месяц! Как хорошо было бы вернуться назад к берегу и двинуться на юг к своим джунглям, к хижине у бухты!

Он издали почуял запах Нумы, потому что шел против ветра. Его острый слух уловил знакомый звук мягких лап и трение огромного, покрытого мехом тела о низкий кустарник.

Тарзан спокойно перепрыгнул по веткам над ничего не подозревавшим зверем и выслеживал его, пока не добрался до небольшой поляны, освещенной лунным светом. Когда быстрая петля обвила и сдавила бурое горло, как в былые времена, Тарзан затянул конец веревки за крепкий сук, и пока зверь боролся за свободу и рвал когтями воздух, Тарзан спрыгнул на землю позади него. Вскочив на его большую спину, он вонзил раз десять длинное узкое лезвие в свирепое сердце льва. Поставив ногу на труп Нумы, он громко издал ужасный победный клич своего дикого племени.

С минуту Тарзан стоял в нерешительности под наплывом противоречивых чувств: верность к д'Арно боролась в нем с порывом к свободе родных джунглей. Но воспоминание о прекрасном лице и горячих губах, крепко прижатых к его губам, победило обворожительную картину прошлого, которую он нарисовал себе. Обезьяна-человек забросил на плечи еще теплую тушу и опять прыгнул на деревья.

Люди на веранде сидели молча уже целый час. Они безуспешно пытались говорить на разные темы, но неотвязная мысль, которая мучила каждого из них, заставляла уклоняться от разговора.

— Боже мой! — произнес бившийся об заклад.— Я больше не могу терпеть. Пойду в джунгли с моим скорострельным ружьем и приведу назад этого сумасброда.

— Я тоже пойду с вами,— сказал один.

— И я, и я, и я,— вразнобой воскликнули остальные.

Эти слова как будто нарушили чары какого-то злого ночного кошмара. Все бодро поспешили по своим комнатам и затем, основательно вооруженные, направились в джунгли.

— Господи! Что это такое? — внезапно крикнул один англичанин, когда дикий вызов Тарзана еле слышно долетел до их слуха.

— Я слышал однажды нечто подобное,— сказал бельгиец,— когда был в стране горилл. Мои носильщики сказали, что это крик большого самца-обезьяны, убившего в бою противника.

Д'Арно вспомнил слова Клейтона об ужасном реве, которым Тарзан возвещал о своей победе, и украдкой улыбнулся, несмотря на свой ужас, при мысли, что этот раздирающий душу крик вырвался из человеческого горла,— из уст его друга!

В то время, когда все общество остановилось на краю джунглей и стало обсуждать, как лучше распределить свои силы, все вдруг вздрогнули, услыхав рядом негромкий смех, и, обернувшись, увидели возникшую из зарослей гигантскую фигуру с львиной тушей за плечами.

Даже д'Арно был как громом поражен, ему казалось невозможным, чтобы с тем жалким оружием, которое взял Тарзан, он мог так быстро покончить со львом, мало того, в одиночку пронести огромную тушу сквозь непроходимые джунгли.

Все окружили Тарзана, засыпая вопросами, но он только пренебрежительно усмехался, когда ему говорили о его подвиге. Он так часто убивал ради пищи или при самозащите, что этот поступок нисколько не казался ему замечательным. Но в глазах людей, привыкших охотиться за крупной дичью, он был настоящим героем, кроме того, он неожиданно приобрел десять тысяч франков, ибо д'Арно настоял на том, чтобы долг был принят.

Это было очень существенно для Тарзана, он уже начал понимать, какая сила кроется в маленьких кружочках металла или бумажках, постоянно переходящих из рук в руки, когда человеческие существа ездят, едят, спят, одеваются, пьют, работают, играют или снимают приют для защиты от холода, дождя и солнца. Для Тарзана стало очевидным, что без денег среди людей прожить нельзя. Д'Арно говорил ему, чтобы он не беспокоился, так как у него денег больше, чем нужно.

для обоих. Но обезьяна-человек многому научился и, между прочим, тому, что люди смотрят сверху вниз на человека, который берет деньги от других, не давая ничего равноценного.

Вскоре после случая с охотой за львом д'Арно удалось зафрахтовать старый парусник для каботажного рейса в бухту Тарзана. Они были счастливы, когда маленькое судно подняло парус и вышло в море.

Плавание вдоль берегов прошло благополучно, и на утро после того, как они бросили якорь перед хижиной, Тарзан, прихватив лопату, отправился в амфитеатр обезьян, где был зарыт клад. На следующий день к вечеру он вернулся, неся на плечах большой сундук. При восходе солнца маленькое судно вышло из бухты и пустилось в обратный путь на север.

Три недели спустя Тарзан и д'Арно уже были пассажирами на борту французского парохода, шедшего в Лион. А через несколько дней д'Арно повез Тарзана в Париж.

Приемыш обезьян страстно стремился скорей попасть в Америку, но д'Арно настоял, чтобы он сперва съездил с ним в Париж, хотя отказался объяснить, на какой безотлагательной надобности основана его просьба.

Одним из первых дел д'Арно в Париже стал визит старому приятелю, крупному чиновнику департамента полиции, куда он взял с собой и Тарзана.

Д'Арно ловко переводил разговор с одного вопроса на другой, пока чиновник не объяснил заинтересовавшемуся Тарзану многие из современных методов для захвата и опознавания преступников.

Тарзана особенно поразило изучение отпечатков пальцев, применяемое этой интересной наукой.

— Но какую же ценность могут иметь эти отпечатки,— спросил Тарзан,— если через несколько лет линии на пальцах будут совершенно изменены отмиранием старой ткани и нарастанием новой?

— Линии не меняются никогда,— ответил чиновник.— С детства и до старости отпечатки пальцев каждого индивида меняются только в величине, ну разве что порезы изменяют петли и изгибы. Но если были сняты отпечатки большого пальца и всех четырех пальцев обеих рук, индивид должен потерять их все, чтобы избегнуть опознания.

— Изумительно! — воскликнул д'Арно.— Хотел бы я знать, на что похожи линии на моих пальцах?

— Это мы можем сейчас увидеть,— объявил полицейский чиновник, и на его звонок явился помощник, которому он отдал несколько распоряжений. Чиновник вышел из комнаты, но тотчас вернулся с деревянной шкатулкой, которую он и поставил на пюпитр своего начальника.

— Теперь,— сказал чиновник,— вы получите отпечаток ваших пальцев в одну секунду.

Он вынул из шкатулки квадратную стеклянную пластинку, тонкую трубочку густых чернил, резиновый валик и несколько белоснежных карточек. Выжав каплю чернил на стекло, он раскатывал ее резиновым валиком до тех пор, пока вся по-

верхность стекла не покрылась очень тонким и равномерным слоем чернил.

— Положите четыре пальца вашей правой руки на стекло, вот так,— сказал чиновник д'Арно.— Теперь большой палец... Хорошо. А теперь в таком же положении опустите их на эту карточку, сюда, нет, немножко правее. Мы должны оставить место для большого пальца и для четырех пальцев левой руки. Так!

— Теперь ваша очередь, Тарзан! — сказал д'Арно.— Посмотрим, на что похожи ваши петли.

Тарзан тотчас же согласился, и во время операции забросал чиновника вопросами:

— Можно ли отличить отпечатки обезьяны от отпечатков человека?

— Вероятно, да, потому что отпечатки обезьяны куда проще отпечатков более высокого организма.

— Но помесь обезьяны с человеком может ли выказать отличительные признаки каждого из двух родителей?

— Думаю, что да,— ответил чиновник,— но наука эта еще не достаточно разработана, чтобы дать точный ответ на подобные вопросы. Лично я не могу довериться ее открытиям дальше распознавания между отдельными индивидами. Тут она абсолютна. Вероятно, во всем мире не найдется двух людей с тождественными линиями на всех пальцах. Весьма сомнительно, чтобы хоть один отпечаток конкретного человеческого пальца мог сойтись с отпечатком другого человека.

— Требует ли сравнение много времени и труда? — спросил д'Арно.

— Обыкновенно лишь несколько минут, если отпечатки отчетливы.

Д'Арно достал из своего кармана маленькую черную книжку и стал перелистывать страницы.

Тарзан с удивлением взглянул на книжечку. Каким образом она оказалась у д'Арно?

Д'Арно остановился на странице, на которой было пять крошечных пятнышек.

Он передал открытую книжку полицейскому чиновнику.

— Похожи ли эти отпечатки на мои или мосье Тарзана? Не тождественны ли они с отпечатками одного из нас?

Чиновник вынул из конторки очень сильную лупу и стал внимательно рассматривать все три образца отпечатков, делая в то же время отметки на листочке бумаги.

Тарзан, наконец, понял смысл посещения ими полицейского чиновника. В этих крошечных пятнах лежала разгадка его жизни. Он сидел, напряженно наклонившись вперед, но внезапно откинулся, печально улыбаясь, на спинку стула.

Д'Арно взглянул на него с удивлением.

— Вы забываете,— сказал Тарзан с горечью,— что тело ребенка, сделавшего эти отпечатки пальцев, лежало мертвым в хижине его отца и что всю мою жизнь я видел его лежащим там.

Полицейский чиновник взглянул на них с недоумением.

— Продолжайте, продолжайте, мосье, мы расскажем вам всю эту историю потом, если только мосье Тарзан согласится.

Тарзан утвердительно кивнул головой и продолжал настаивать.

— Вы сошли с ума, дорогой мой д'Арно! Эти маленькие пальцы давно похоронены на западном берегу Африки.

— Я этого не знаю, Тарзан,— возразил д'Арно.— Возможно, что так. Но если вы не сын Джона Клейтона, тогда скажите мне именем неба, как вы попали в эти богом забытые джунгли, куда не ступала нога ни одного белого, исключая его?

— Вы забываете Калу,— сказал Тарзан.

— Я ее совсем не принимаю в соображение! — возразил д'Арно.

Разговаривая, друзья отошли к широкому окну, выходившему на бульвар. Некоторое время они простояли здесь, вглядываясь в кишащую толпу, каждый из них был погружен в свои мысли.

Однако сравнение отпечатков пальцев требует времени,— подумал д'Арно и обернулся, чтобы посмотреть на полицейского чиновника.

К своему изумлению он увидел, что тот откинулся на спинку стула и тщательно исследует содержание маленького черного дневника. Д'Арно кашлянул. Полицейский взглянул и, встретив его взгляд, поднял палец.

— Очевидно, от точности этого сравнения зависит многое. Поэтому прошу вас оставить все дело в моих руках, пока не вернется мосье Дескер, наш эксперт. Это займет несколько дней.

— Я надеялся узнать немедленно,— сказал д'Арно.— Мосье Тарзан уезжает завтра в Америку.

— Обещаю вам, что вы сможете протелеграфировать ему отчет не позже, чем через две недели,— заявил чиновник.— Но сказать, какой будет результат, я сейчас не решусь. Сходство есть несомненно, но пока лучше оставить решение на усмотрение мосье Дескера.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ПРОЗА

Эдгар БЕРРОУЗ

Рис. Елены Пьянковой и Николая Мооса

Опять великан

Перед старомодным домом одного из предместий Балтиморы остановился таксомотор. Мужчина лет сорока, хорошо сложенный, с энергичными и правильными чертами лица, вышел из автомобиля и, заплатив шоферу, отпустил его.

Минуту спустя он входил в библиотеку старинного дома.

— А! Мистер Канлер! — воскликнул старик, поднимаясь навстречу.

— Добрый вечер, мой дорогой профессор! — сказал гость, радушно протягивая ему руку.

— Кто вам открыл дверь? — спросил профессор.

— Эсмеральда.

— В таком случае она сообщит Джен о вашем приезде,— заявил старик.

— Нет, профессор,— ответил Канлер,— потому что я первоначально хотел повидаться именно с вами.

Продолжение. Начало в № 4—11

— А, очень польщен,— сказал профессор Портер.

— Профессор,— начал Канлер с большой осторожностью, старательно взвешивая слова.— Я пришел сегодня, чтобы поговорить с вами относительно Джен. Вам известны мои стремления, и вы были достаточно великодушны, чтобы одобрить мое ухаживание.

Профессор Портер завертелся на своем кресле. Этот предмет разговора был ему всегда неприятен. Он не мог понять — почему. Ведь Канлер — блестящая партия!

— Но,— продолжал Канлер,— я не могу понять Джен. Она откладывает свадьбу под разными предлогами. У меня всякий раз возникает чувство, что она с облегчением вздыхает, когда я с ней прощаюсь.

— Не волнуйтесь,— сказал профессор Портер,— не волнуйтесь, мистер Канлер! Джен в высшей степени послушная дочь. Она исполнит то, что я ей скажу.

— Значит, я все еще могу рассчитывать на вашу поддержку? — спросил Канлер с тоном облегчения в голосе.

— Несомненно, милостивый государь, несомненно! — воскликнул профессор Портер.— Как могли вы сомневаться в этом?

— А вот этот юный Клейтон, знаете,— заметил Канлер,— он болтается здесь целые месяцы. Я не говорю, что Джен им интересуется, но, помимо его титула, он, говорят, унаследовал от отца очень значительные поместья, и не было бы странным, если бы он в конце концов не добился своего, разве только...— и Канлер остановился.

— Ой, ой, мистер Канлер, разве только — что?

— Разве только вы нашли бы удобным потребовать, чтобы Джен и я, мы повенчались тотчас же,— медленно и твердо договорил Канлер.

— Я уже напоминал Джен, что это было бы желательно! — печально проговорил профессор Портер.— Мы не в состоянии больше содержать этот дом и жить сообразно с требованиями ее положения.

— И что же она вам ответила? — спросил Канлер.

— Она ответила, что еще ни за кого не собирается выходить замуж,— сказал профессор,— и что мы можем перебраться жить на ферму в северном Висконсине, которую ей завещала мать. Ферма эта приносит немножко больше того, что нужно на жизнь. Арендаторы жили на этот доход и могли еще посылать Джен какую-то безделицу ежегодно. Она решила ехать туда в начале будущей недели. Филандер и мистер Клейтон уже там, чтобы все приготовить к нашему приезду.

— Клейтон поехал туда? — воскликнул Канлер, видимо, огорченный.— Отчего мне не сказали? Я тоже с радостью поехал бы и принял все меры, чтобы все устроить удобно.

— Джен считает, что мы и так уже в большом долгу у вас, мистер Канлер.

Канлер собрался возразить, но из приемной раздались шаги, и Джен Портер вошла в комнату.

— О, прошу извинить меня! — воскликнула она, останавливаясь на пороге.— Я думала, что вы один, папа!

— Это только я, Джен,— заявил Канлер, вставая.— Не хотите ли вы войти и присоединиться к нашей беседе? Как раз речь идет о вас.

— Благодарю вас,— сказала Джен Портер, входя, и села на стул, придвинутый для нее Канлером.— Я только хотела сказать папе, что Тобей придет завтра из колледжа и упакует книги. Очень бы я желала, папа, чтобы вы определенно указали, без чего вы можете обойтись до осени! Пожалуйста, не тащите за собою всю библиотеку в Висконсин, как вы бы потащили ее в Африку, если б я не вмешалась.

— Тобей здесь? — спросил профессор Портер.

— Да, я только что говорила с ним. Он и Эсмеральда заняты теперь своими религиозными диспутами у черной лестницы.

— Ну, ну,— я должен повидать его,— пробормотал профессор.— Извините меня, дети, я на минуту.— И старик поспешно вышел из комнаты.

Как только он ушел настолько, что ничего не мог слышать, Канлер обратился к Джен Портер.

— Вот что, Джен,— сказал он грубо.— Долго будете вы еще оттягивать? Вы не отказались выйти за меня замуж, но и не обещали определенно. Я хочу завтра получить ваше согласие, и тогда, не дожидаясь оглашения, мы могли бы спокойно обвенчаться до вашего отъезда в Висконсин. Обвенчаемся без треска и шума, я уверен, что и вы это предпочтете.

Девушка вся похолодела, но храбро подняла голову.

— Ваш отец желает этого,— добавил Канлер.

— Понимаете ли вы, мистер Канлер, что вы меня покупаете? — сказала она ровным холодным голосом.— Покупаете за несколько жалких долларов? Конечно, вы это знаете, Роберт Канлер! Надежда на такое стечение обстоятельств несомненно была у вас в уме, когда вы дали папе денег взаймы на ту сумасбродную экспедицию, которая чуть было не кончилась так неожиданно блестяще. Но если бы нам повезло, то вы, мистер Канлер, были бы поражены больше всех! Вам и в голову не приходило, что эта затея может оказаться удачной. Для этого вы слишком хороший делец. И не в вашем духе давать деньги на поиски зарытых в землю кладов или давать деньги взаймы без обеспечения, если вы не имеете каких-нибудь особых видов! Но вы знали, что без обеспечения честь Портеров вернее у вас в руках, чем с обеспечением. Вы знали, что это лучший способ, не подавая и виду, принудить меня выйти за вас замуж. Вы никогда не упоминали о долге. Во всяком другом человеке я сочла бы это за великодушие и благородство. Но вы себе на уме, мистер Роберт Канлер! Я вас лучше знала, чем вы думаете. Мне, конечно, придется выйти за вас замуж, если не будет другого выхода, но нам надо раз и навсегда понять друг друга.

Пока она говорила, Роберт Канлер то краснел, то бледнел, а когда закончила, встал и с наглой улыбкой на энергичном лице сказал:

— Вы меня удивляете, Джен. Я думал, что у вас больше самообладания, больше гордости. Конечно, вы правы: я вас покупаю и я знал, что вы это знаете, но я думал, что вы предпочтете делать вид, что это не так. Я хотел думать, что самоуважение и гордость Портеров не допустят вас до признания даже себе самой, что вы продажная женщина. Но пусть будет по-вашему, деточка,— добавил он весело.— Вы будете моей, и это все, что мне надо!

Не говоря ни слова, Джен повернулась и вышла из комнаты.

Джен Портер не вышла замуж перед своим отъездом с отцом и Эсмеральдой на маленькую висконсинскую ферму, и когда она из вагона отходящего поезда холодно попрощалась с Робертом Канлером, он крикнул, что присоединится к ним через неделю или две.

На станции их встретили Клейтон и мистер Филандер. В огромном автомобиле, принадлежавшем Клейтону, они быстро помчались через густые северные леса к небольшой ферме, которую девушка не посещала с раннего детства.

Домик мызы, стоявший на пригорке, на расстоянии каких-нибудь ста ярдов от дома арендатора, испытал полное превращение за три недели, проведенные там Клейтоном и мистером Филандером. Клейтон выписал из отдаленного города целый отряд плотников, штукатуров, паяльщиков и маляров. И то, что представляло собой лишь развалившийся остов до их приезда, явилось теперь уютным маленьким двухэтажным домиком со всеми современными удобствами, которые можно было создать в такое короткое время.

— Что ж это такое, мистер Клейтон? — крикнула Джен Портер. Сердце у нее упало, когда она прикинула в уме вероятный размер сделанных затрат.

— Т-с...— предупредил Клейтон,— не говорите ничего вашему отцу. Если вы не скажете ему, он никогда не заметит, а я просто не мог допустить мысли, чтобы он жил в той ужасной грязи и запустении, которые мистер Филандер и я застали здесь. Я сделал так мало, когда бы мне хотелось сделать так много, Джен. Ради него, прошу вас, никогда не упоминайте об этом.

— Но вы знаете, что мы не сможем отплатить вам! — воскликнула девушка.— Зачем вы хотите так ужасно меня обязать?

— Не надо, Джен,— сказал Клейтон печально.— Если бы это было только для вас, поверьте, я не стал бы этого делать, потому что с самого начала знал, как это повредит мне в ваших глазах. Но я просто не мог представить себе дорогого старика живущим в дыре, которую мы здесь нашли. Неужели вы мне не верите, что я это сделал именно для него, и не доставите мне, по крайней мере, это маленькое удовольствие?

— Я вам верю, мистер Клейтон,— ответила девушка,— потому что знаю, что вы достаточно щедры и великодушны, чтобы сделать всё именно ради него. И, о Сесиль, я бы хотела отплатить вам, как вы того заслуживаете и как вы сами желали бы!

— Почему вы этого не можете, Джен?

— Я люблю другого.

— Канлера?

— Нет.

— Но вы выходите за него замуж! Он сказал мне это перед моим отъездом из Балтиморы.

Девушка вздрогнула.

— Я не люблю его,— объявила она почти гордо.

— В таком случае из-за денег, Джен?

Она кивнула.

— Значит, я менее желателен, чем Канлер? У меня денег довольно, более чем достаточно для всяких нужд,— промолвил он с горечью.

— Я не люблю вас, Сесиль,— возразила она,— но я уважаю вас. Если я должна унизить себя торговой сделкой с каким-нибудь мужчиной, я предпочитаю, чтобы это был человек, которого я и без того презираю. Я чувствовала бы отвращение к тому, которому продалась без любви, кто бы он ни был. Вы будете счастливее без меня, сохранив уважение и дружбу, чем со мною, если бы я стала вас презирать.

Он не стал больше настаивать, но если кто-либо жаждал убийства, то это был Уильям Сесиль Клейтон, лорд Грэйсток, когда неделю спустя Роберт Канлер подъехал к домику мызы в своем шестицилиндровом автомобиле.

Прошла неделя без всяких приключений, но напряженная и неприятная для всех обитателей маленького дома висконсинской мызы.

Канлер не переставал настаивать на немедленном венчании. И она уступила просто из отвращения к его беспрерывной и ненавистной докучливости. Было условлено, что следующим утром Канлер поедет в город и привезет разрешение и священника.

Клейтон хотел уехать, как только узнал о принятом решении, но усталый, безнадежный взгляд девушки удержал его. Он не в силах был ее бросить.

«Что-нибудь, может, еще случится»,— старался он мысленно утешить себя. А душой он чувствовал, что достаточно пустяка, чтобы его ненависть к Канлеру перешла в действие.

Рано утром на следующий день Канлер уехал в город.

На востоке низко над лесом стлался дым, лес горел уже целую неделю недалеко от них, но ветер все время дул с запада, и опасность им не угрожала.

Около полудня Джен Портер вышла на прогулку. Она не позволила Клейтону сопровождать ее.

— Мне хочется побыть одной,— сказала она, и он подчинился ее желанию.

Дома профессор Портер и мистер Филандер были заняты обсуждением какой-то серьезной научной проблемы. Эсмеральда дремала на кухне, а Клейтон, уставший после проведенной без сна ночи, бросился на кушетку в столовой и вскоре погрузился в беспокойный сон.

На востоке черные клубы дыма поднялись выше, неожиданно повернули и стали быстро нестись к западу. Все ближе подступали они. Семьи арендатора не было, так как был базарный день, и никто не заметил приближения огненного демона. Вскоре пламя перебросилось через дорогу и отрезало путь для возвращения Канлеру. Легкий ветер направил огонь к северу, затем повернул назад, и пламя стояло почти неподвижно, будто какая-то властная рука держала его на привязи.

Неожиданно с северо-востока показался бешено мчавшийся большой черный автомобиль. Он остановился перед коттеджем. Черноволосый гигант выскочил из него и бросился к двери. Не

останавливаясь, вбежал он в дом. На кушетке лежал спящий Клейтон. Человек содрогнулся от изумления, но одним прыжком очутился около спавшего. Он его резко потряс за плечо и крикнул:

— Боже мой, Клейтон, вы здесь все с ума сошли? Разве вы не знаете, что вы почти окружены огнем? Где мисс Портер?

В одну минуту сбежались Эсмеральда, профессор Портер и мистер Филандер.

— Где мисс Джен? — закричал Клейтон, схватив Эсмеральду за плечи и грубо тряся ее.

— О Габерелле! Масса Клейтон, мисс Джен пошла прогуляться.

— Она еще не вернулась? — И, не ожидая ответа, Клейтон помчался во двор, сопровождаемый другими.

— В какую сторону пошла она? — спросил черноволосый гигант Эсмеральду.

— Вот по этой дороге! — крикнула испуганная негритянка, указывая на юг, где взор встречал сплошную высокую стену ревущего пламени.

— Сажайте всех в ваш автомобиль, что стоит под навесом,— закричал незнакомец Клейтону,— и везите по северной дороге. Мой автомобиль оставьте здесь. Если я найду мисс Портер, он нам понадобится. А не найду,— никому он не будет нужен. Делайте, как я сказал,— добавил он, заметив, что Клейтон колеблется. И тотчас они увидели, как гибкая фигура метнулась через поляну к северо-востоку, где лес еще стоял, не тронутый огнем.

Каждый из присутствующих почувствовал облегчение, будто большая ответственность была снята с их плеч. Они испытывали нечто вроде безотчетной веры в незнакомца: он спасет Джен Портер, если ее еще можно спасти.

— Кто это? — спросил профессор.

— Не знаю,— ответил Клейтон.— Он назвал меня по имени, и он знает Джен, потому что назвал ее. И Эсмеральду он назвал по имени.

— В нем что-то поразительно знакомое,— воскликнул мистер Филандер,— а между тем я знаю, что никогда раньше не видел его.

— Да! — крикнул профессор Портер.— В высшей степени замечательно! Кто бы это мог быть, и почему я чувствую, что Джен спасена теперь, когда он отправился за нею в поиски?

— Не могу сказать вам, профессор,— ответил Клейтон задумчиво,— но я испытываю такое же странное чувство.

— Однако пойдемте! — воскликнул он,— мы сами должны выбираться отсюда или будем отрезаны.— И все присутствующие поспешили к автомобилю Клейтона.

Когда Джен Портер повернулась, чтобы идти домой, она испугалась, заметив, как близко поднимался теперь дым лесного пожара. Она торопливо пошла вперед, и вскоре испуг ее перешел почти в панику. На глазах у нее громадные языки пламени быстро прокладывали себе дорогу между ней и коттеджем. Путь был отрезан!

Джен свернула в густой кустарник, пытаясь пробить себе дорогу на запад, обойдя огонь, и таким образом добраться до дому. Но бесплодность ее попыток стала почти очевидной, она поняла, что ее единственная надежда — повернуть назад на дорогу и бежать к югу по направлению к городу. Ей понадобилось не менее двадцати минут, чтобы выбраться на дорогу, но за эти двадцать минут огонь успел снова отрезать отступление.

Пробежав немного вниз по дороге, Джен остановилась в полнейшем ужасе: перед нею поднималась сплошная стена огня. Полоса пламени перекинулась на полмили к югу от главного очага пожара, захватив и этот небольшой участок дороги в свои неумолимые объятия.

Джен Портер поняла, что пробраться через кустарник немыслимо. Она попыталась это сделать, но без успеха. Теперь она видела ясно, что через несколько минут протянутые с севера и юга горящие щупальца сольются в сплошную массу волнующегося пламени.

Девушка обреченно стала на колени в дорожную пыль и стала просить небо, чтобы оно дало ей силу мужественно встретить свою судьбу и чтобы оно спасло отца и друзей от смерти.

Она и не подумала молиться о собственном спасении — так очевидно было, что никакой надежды нет и что даже сам бог не сможет спасти ее.

Внезапно она услышала, что кто-то громко зовет ее.

— Джен! Джен Портер! — прозвучало сильно и громко, но голос был незнакомым.

— Здесь! Здесь! — крикнула она в ответ.— Здесь! На дороге!

И вдруг она увидела, что по ветвям деревьев к ней мчится с быстротой белки какая-то исполинская фигура.

Порыв ветра обволок все облаком дыма, и она потеряла из вида человека, который спешил к ней. Но внезапно ее подхватила большая рука и подняла куда-то вверх. Она почувствовала напор ветра и изредка легкое прикосновение ветки в быстром полете вперед.

Джен открыла глаза. Далеко под ней расстилались мелколесье и земля.

Гигантская фигура, которая несла Джен Портер, перепрыгивала с дерева на дерево, и ей казалось, что она в каком-то сне, снова переживает приключение, выпавшее на ее долю в далеких африканских джунглях.

О, если бы это был тот самый человек, который тогда нес ее сквозь запутанную зелень листвы! Но это невозможно. И однако кто же другой во всем мире достаточно силен и ловок, чтобы делать то, что делает сейчас этот человек?

Она украдкой бросила взгляд на лицо, близко склонившееся к ее лицу, и у нее вырвался слабый испуганный вздох,— это был он.

— Мой любимый! — шепнула она.— Нет, это предсмертный бред!

Должно быть, она сказала это громко, потому что глаза, по временам скользившие по ней, засветились нежностью.

— Да, ваш любимый, Джен, ваш дикий, первобытный возлюбленный, явившийся из джунглей потребовать свою подругу — потребовать женщину, которая от него убежала,— добавил он почти свирепо.

— Я не убежала,— прошептала она.— Я согласилась уехать только после того, как целую неделю прождали вашего возвращения.

Они уже выбрались из полосы огня, и он повернул обратно к поляне. Теперь они шли рядом к коттеджу. Ветер опять повернул, и огонь гнало обратно, еще час — и все должно было погаснуть.

— Отчего вы тогда не вернулись? — спросила она.

— Я ухаживал за д'Арно. Он был тяжело ранен.

— Ах, я знала это! — воскликнула она.— Они уверили, будто вы присоединились к неграм, что вы были из их племени.

Он засмеялся.

— Но вы им не верили, Джен?

— Нет! Как мне звать вас? — спросила она.— Я не знаю, как вас зовут.

— Я Тарзан, из племени обезьян.

— Тарзан из племени обезьян? — крикнула она.— Так это была ваша записка, на которую я, уезжая, ответила?

— Да! Чья же еще она могла быть?

— Я не знала, только она не могла быть вашей: ведь Тарзан, из племени обезьян, писал по-английски, а вы не понимали ни слова ни на каком языке!

Он опять засмеялся.

— Это длинная история: я написал то, чего не мог сказать, а теперь д'Арно еще ухудшил дело, выучив меня говорить на французском языке вместо английского.

— Идем! — добавил он.— Садитесь в мой автомобиль, мы должны догнать вашего отца, они не могли уехать далеко.

Когда они отъехали, он снова обратился к ней:

— Значит, когда вы написали в записке к Тарзану, что любите другого, вы подразумевали меня?

— Да,— ответила она просто.

— Но в Балтиморе,— о как я искал вас там! — мне сказали, что вы, быть может, теперь уже замужем! Что человек по имени Канлер приехал сюда, чтобы повенчаться с вами! Правда ли это?

— Правда.

— Вы его любите?

— Нет.

— Любите ли вы меня, Джен?

Она закрыла лицо руками.

— Я дала слово другому. Я не могу ответить вам, Тарзан! — крикнула она.

— Вы мне ответили. Теперь скажите, как вы решаетесь выйти замуж за человека, которого вы не любите?

— Мой отец ему должен много денег.

В памяти Тарзана неожиданно всплыло письмо, которое он прочел, и имя Роберта Канлера, и то горе, на которое она намекала в письме.

— Если бы ваш отец не потерял своего клада, вы были бы все же вынуждены сдержать ваше обещание этому Канлеру?

— Я могла бы просить его вернуть мне мое слово.

— А если бы он отказал?

— Я дала свое слово.

С минуту они молчали. Автомобиль бешено мчался по изрытой неровной дороге, потому что

огонь стал угрожать им справа и новая перемена ветра могла мгновенно перебросить его через единственный путь к спасению.

Наконец они миновали опасное место, и Тарзан замедлил ход.

— Предположим, что я его попрошу? — предложил Тарзан.

— Едва ли он согласится исполнить просьбу незнакомца,— ответила девушка,— особенно такого, который сам желает меня получить.

— Теркоз согласился,— мрачно промолвил Тарзан.

Джен Портер вздрогнула и с испугом взглянула на него.

— Здесь не джунгли,— сказала она,— и вы уже больше не дикий зверь. Вы джентльмен, а джентльмены не убивают хладнокровно и зря.

— Я все еще дикий зверь в душе,— проговорил он тихо, как бы про себя.

Они снова помолчали некоторое время.

— Джен Портер! — сказал наконец Тарзан,— если б вы были свободны, вышли бы вы за меня?

Она не ответила сразу, но он ждал терпеливо.

Девушка старалась собраться с мыслями. Что знала она о странном существе, сидящем рядом с нею? Что знал он сам о себе? Кто он? Кем были его родители? Даже имя его было отзвуком его таинственного происхождения и дикой жизни. У него не было человеческого имени. Могла ли она быть счастлива с мужем, который всю жизнь провел на вершинах деревьев в африканских джунглях, который с детства играл и сражался с антропоидами, вырывал куски из трепещущего бока свежеубитой добычи и вонзал крепкие зубы в сырое мясо, в то время как товарищи его рычали и дрались вокруг него за свою часть? Мог ли он когда-нибудь подняться до ее общественного круга? Могла ли она вынести мысль о том, чтобы спуститься до его уровня? Будет ли кто-нибудь из них счастлив в таком ужасном неравном браке?

— Вы не ответили,— сказал он.— Вы боитесь причинить мне боль?

— Я не знаю, что ответить,— печально проговорила Джен Портер.— Я не могу разобраться в своих мыслях.

— Значит, вы меня не любите? — спросил он ровным голосом.

— Не спрашивайте меня. Вы будете счастливее без меня. Вы не созданы для мелочных ограничений и условностей общества. Цивилизация скоро станет вам невыносима, и вы будете рваться к свободе вашей прежней жизни — жизни, к которой я так же не приспособлена, как и вы к моей.

— Я думаю, что понял вас,— спокойно ответил он.— Я не буду больше настаивать. Для меня важнее видеть вас счастливой, чем быть счастливым самому. Я сам понимаю теперь, что вы не смогли бы быть счастливой — с обезьяной!

В его голосе прозвучала едва уловимая нотка горечи.

— Не надо,— умоляюще проговорила она.— Не говорите так! Вы не поняли!

Но прежде чем она успела сказать что-либо дальше, неожиданный поворот дороги привел их к маленькому лагерю.

Перед ними стоял автомобиль Клейтона, окруженный всем обществом, которое он вывез из коттеджа.

Заключение

При виде Джен Портер крики облегчения и восторга сорвались со всех уст, и когда автомобиль Тарзана остановился рядом, профессор Портер заключил дочь в свои объятия.

В первую минуту никто не обратил внимания на Тарзана, который продолжал молча сидеть на своем месте. Потом о нем вспомнил Клейтон и, обернувшись, протянул ему руку.

— Как сумеем мы отблагодарить вас? — воскликнул он.— Вы наш спаситель. В коттедже вы назвали меня по имени, но я никак не могу припомнить, где мы встречались и как вас зовут, хотя в вас есть что-то очень знакомое. Мне кажется, что я вас знал при совершенно других обстоятельствах и с тех пор прошло много времени.

Тарзан улыбнулся и пожал протянутую руку.

— Вы правы, мосье Клейтон,— ответил он по-французски.— Простите, что не говорю с вами по-английски. Как раз учусь этому языку, и хотя понимаю его очень хорошо, но говорю на нем еще неважно.

— Но кто же вы? — спросил Клейтон, на этот раз по-французски.

— Тарзан, из племени обезьян.

Клейтон отшатнулся от удивления.

— Клянусь Юпитером,— воскликнул он,— верно!

И профессор Портер и мистер Филандер приблизились, чтобы присоединить свою благодарность к благодарностям Клейтона и высказать Тарзану свое изумление и удовольствие встретить своего друга из джунглей так далеко от его дикой родины. Все вошли в бедную деревенскую гостиницу, где Клейтон тотчас же сделал распоряжение, чтобы их устроили и накормили.

Они располагались в убогой маленькой гостинице, когда их внимание привлекло отдаленное пыхтенье приближающегося автомобиля.

— Господи боже мой,— сказал мистер Филандер с тенью неудовольствия в голосе.— Это, конечно, Канлер. А я-то надеялся... Я думал... Э... Впрочем, мы все очень рады, что он не попал в полосу пожара,— докончил он с грехом пополам.

— Ну, ну, мистер Филандер,— сказал профессор Портер.— Я часто увещевал моих учеников считать до десяти, прежде чем начинать говорить. Будь я на вашем месте, я считал бы, по крайней мере, до тысячи, и все же даже и после этого хранил бы скромное молчание!

— Спаси, господи! Вы правы,— сконфуженно согласился Самуэль Филандер.— Но что это с ним за джентльмен клерикального вида?

Джен побледнела.

Клейтон беспокойно задвигался на стуле.

Профессор Портер нервно снял очки, подышал на них и надел их снова на нос, забыв протереть стекла.

Вездесущая Эсмеральда заворчала. Только один Тарзан не понимал ничего. Роберт Канлер влетел в комнату.

— Слава богу,— крикнул он.— Я боялся наи-

худшего, пока не увидел вашего автомобиля, Клейтон! Пожар отрезал меня на южной дороге, и мне пришлось вернуться в город, а оттуда направиться по западной. Я уже думал, что никогда не доберусь до коттеджа.

Никто не высказал большого восторга. Тарзан наблюдал за Робертом Канлером, как Сабор наблюдает за своей добычей. Джен Портер взглянула на него и нервно кашлянула.

— Мистер Канлер,— сказала она,— это мосье Тарзан, старый друг.

Канлер обернулся и протянул руку. Тарзан встал и поклонился так, как только один д'Арно мог научить джентльмена кланяться, но, казалось, не заметил протянутой руки Канлера.

Канлер, по-видимому, не обратил на это внимания.

— Вот пастор, почтенный мистер Туслей, Джен,— объяснил Канлер, повернувшись к священнику, стоявшему позади него.— Мистер Туслей, мисс Портер!

Пастор поклонился и засиял.

Канлер представил его и остальному обществу.

— Джен, обряд венчания может быть совершен немедленно,— сказал Канлер.— Тогда мы сможем поспеть на ночной поезд в город.

Наконец Тарзан все понял. Он посмотрел из-под полуопущенных век на Джен Портер, но не шевельнулся.

Девушка колебалась. Комната наполнилась напряженным молчанием.

Все глаза обернулись к Джен Портер, ожидая ее ответа.

— Нельзя ли подождать еще несколько дней? — промолвила она.— Я так потрясена! Столько пришлось мне пережить сегодня.

Канлер почувствовал враждебность, исходящую от остальных. Это его разозлило.

— Мы ждали до тех пор, покуда я соглашался ждать,— резко ответил он.— Вы обещали выйти за меня замуж. Я не позволю больше играть собой. У меня в руках разрешение, а вот священник. Идемте, мистер Туслей! Идем, Джен! Свидетелей здесь довольно. Даже больше, чем надо,— добавил он неприятным тоном. И, взяв Джен Портер за руку, он повел ее к уже ожидавшему священнику.

Но едва успел он сделать шаг, как тяжелая рука опустилась ему на плечо, плотно сжав его стальными пальцами. Другая рука схватила Канлера за горло и мгновение спустя так легко подбросила в воздух, как кошка подбрасывает мышь.

Джен Портер в ужасе и изумлении обернулась к Тарзану. И когда она взглянула в его лицо, то увидела на лбу красную полосу, которую уже видела в далекой Африке во время смертельного поединка Тарзана с большим антропоидом — Теркозом. Она знала, что в этом диком сердце таится убийство, и с криком ужаса бросилась вперед, чтобы упросить обезьяну-человека отказаться от своего намерения. Но она боялась больше за Тарзана, чем за Канлера. Живо представила она себе суровое возмездие правосудия цивилизованных стран.

Но прежде чем она успела что-то произнести, Клейтон подскочил к Тарзану и попытался выр-

вать Канлера из его тисков. Одним взмахом руки англичанин был отброшен в дальний угол комнаты. И тогда Джен Портер твердо положила белую ручку на кисть руки Тарзана и взглянула ему в глаза.

— Ради меня,— сказала она только.

Рука немного отпустила горло Канлера.

— И вы хотите, чтобы вот это жило? — спросил он с удивлением.

— Я не желаю, чтобы он умер от ваших рук, мой друг,— возразила она.— Не желаю, чтобы вы стали убийцей.

Тарзан снял руку с горла Канлера.

— Освобождаете ли вы ее от обещания? — спросил он.— Это — цена вашей жизни.

Канлер, с трудом дыша, утвердительно кивнул головой.

— Вы обещаете уйти и никогда больше ее не тревожить?

Канлер опять кивнул головой. Лицо его было все еще искажено страхом смерти, близость которой он только что испытал.

Тогда Тарзан отпустил его совсем. Канлер, шатаясь, направился к двери. Еще мгновение — и он ушел, а за ним — пораженный ужасом пастор.

Тарзан обернулся к Джен Портер.

— Могу я минуту поговорить с вами наедине? — спросил он.

Девушка кивнула головой и направилась к двери, которая вела на узкую веранду гостиницы. Она ушла туда, чтобы там объясниться с Тарзаном, и потому не слышала последовавшего разговора.

— Стойте! — крикнул профессор Портер, когда Тарзан направился вслед за Джен.

Профессор совершенно растерялся от неимоверного темпа событий, сменившихся за несколько последних минут.

— Прежде чем входить в дальнейшие разговоры, милостивый государь, я желал бы получить объяснение того, что случилось. По какому праву вы, милостивый государь, решились вмешиваться в отношения между моей дочерью и мистером Канлером? Я обещал ему ее руку, милостивый государь, и, не взирая на то, нравится ли он нам или не нравится, обещание необходимо сдержать.

— Я вмешался, профессор Портер,— ответил Тарзан,— потому, что ваша дочь не любит мистера Канлера, она не желает выйти замуж за него. Для меня этого вполне достаточно.

— Вы не знаете, что вы сделали,— сказал профессор Портер.— Теперь он без сомнения откажется жениться на ней.

— Непременно откажется,— заявил Тарзан выразительно и энергично и добавил: — Вам не следует бояться, что гордость ваша может пострадать, профессор Портер! Вы будете иметь возможность уплатить этому Канлеру все, что вы ему должны, в ту же минуту, как вернетесь домой.

— Ну, ну, милостивый государь! — воскликнул профессор Портер.— Что вы хотите этим сказать?

— Ваш клад найден,— заявил Тарзан.

— Что, что вы сказали? — крикнул, задыхаясь, профессор.— Вы с ума сошли! Это невозможно.

— Однако это так. Сокровища ваши украл я, не зная ни ценности клада, ни кому он принадлежит. Я видел, как матросы зарывали его. Я вытащил его и снова закопал, но уже в другом месте. Когда д'Арно сказал мне, что сундук принадлежит вам, я вернулся в джунгли и достал его. Этот клад вызвал так много преступлений, страданий и горя, что д'Арно отговорил меня везти его сюда, что я намеревался сделать. Вот почему я привез только аккредитив. Возьмите его, профессор Портер,— и Тарзан, вынув из кармана конверт, передал его изумленному профессору.— Тут двести сорок одна тысяча долларов. Клад был тщательно оценен экспертами, но на случай, если у вас могут появиться какие-либо сомнения, д'Арно сам купил его и хранит для вас.

— К без того уже огромной тяжести нашего долга перед вами,— сказал профессор Портер дрожащим голосом,— вы добавили еще одну величайшую услугу. Вы даете мне возможность спасти мою честь.

Клейтон, вышедший из комнаты минуту спустя после Канлера, вернулся.

— Извините,— сказал он,— я думаю, что лучше попытаться добраться в город еще засветло и выехать с первым поездом из этого леса. Туземец, приехавший верхом с севера, сообщил, что пожар медленно движется уже в этом направлении.

Заявление Клейтона прервало дальнейшие разговоры, и все общество направилось к автомобилям. Клейтон с Джен Портер, профессором и Эсмеральдой заняли автомобиль Клейтона, а Тарзан взял с собою ассистента.

— Спаси, господи! — воскликнул мистер Филандер, когда они двинулись за автомобилем Клейтона,— кто мог это предположить. Последний раз, когда я видел вас, вы были настоящим диким человеком, прыгавшим среди ветвей тропического африканского леса, а теперь вы везете меня по висконсинской дороге во французском автомобиле. Господи боже мой! Но ведь это в высшей степени замечательно!

— Да,— согласился Тарзан и после некоторого молчания добавил: — Филандер, можете ли вы припомнить подробности относительно нахождения и погребения трех скелетов, лежавших в моей хижине на краю африканских джунглей?

— Могу и очень точно, милостивый государь, очень точно! — ответил мистер Филандер.

— Не было ли чего-нибудь особенного в одном из скелетов?

Мистер Филандер пристально взглянул на Тарзана.

— Зачем вы спрашиваете?

— Для меня это имеет очень большое значение,— признался Тарзан.— Ваш ответ разъяснит тайну. Во всяком случае, он не может сделать что-либо хуже, чем оставить тайну тайной. В последние два месяца я создал свою теорию относительно этих скелетов и прошу вас ответить мне открыто и начистоту: были ли все скелеты, которые вы похоронили, человеческими?

— Нет,— ответил мистер Филандер,— самый маленький, найденный в колыбели, был скелетом обезьяны-антропоида.

— Благодарю вас,— сказал Тарзан.

В автомобиле, ехавшем впереди, Джен Портер лихорадочно обдумывала свое положение. Она по-

няла намерения Тарзана, когда он попросил позволения сказать ей несколько слов, и знала, что должна быть готова дать ему ответ. Он не такой человек, от которого можно было отделаться кое-как. И вдруг эта мысль вызвала в ней удивление, и она засомневалась, не боится ли она его на самом деле?

А могла ли она любить того, кого боялась?

Она понимала очарование, овладевшее ею в глубине далеких джунглей, но здесь, в прозаичном Висконсине, не могло быть такой сказочной любви. И безупречно одетый молодой француз не будил в ней первобытную женщину, как тот лесной бог.

Любила ли она его? Этого она сама теперь не знала.

Она украдкой взглянула на Клейтона. Вот человек, воспитанный в той же среде и обстановке, в которых была воспитана она, человек с таким общественным положением и культурой, которые она была приучена считать главной основой для подходящего брака. Неужели ее чутье не указывало на этого английского джентльмена? Ведь его любовь была такой, какую ищет всякая цивилизованная женщина, думая о своем будущем муже...

Могла ли она полюбить Клейтона? Она не видела причины, по которой не могла бы. Джен Портер не была по природе существом холодно-рассудочным, но воспитание, обстановка и наследственность — все совместно научили ее рассчитывать наперед даже в сердечных делах.

То, что она была так безумно увлечена силой молодого гиганта, когда его большие руки обнимали ее в далеких африканских джунглях и сегодня в лесу Висконсина, могло, как ей начинало казаться, быть приписано только временному возврату к прототипу, к психологическому отклику первобытной женщины, таившейся в ней, на зов первобытного мужчины.

Если он никогда больше не коснется ее, рассуждала она, она не почувствует к нему влечения. А в таком случае она, значит, не любит его. Это было не более, как временная галлюцинация, вызванная возбуждением и физическим контактом, но, если бы она вышла за Тарзана замуж, то все очарование притупилось бы в совместной жизни.

Она опять взглянула на Клейтона. Он был красив и был джентльменом с головы до ног. Таким мужем она могла бы очень гордиться!

И в это время он заговорил. Минутой раньше или минутой позже — и три жизни пошли бы совершенно иначе, но судьба вмешалась и подсказала Клейтону психологический момент.

— Теперь вы свободны, Джен,— заявил он.— Скажите «да», и я посвящу всю свою жизнь, чтобы сделать вас счастливой.

— Да,— шепнула она.

В тот же вечер в зале для ожидающих на станции Тарзану удалось застать Джен Портер одну.

— Теперь вы свободны, Джен,— заявил он.— и я прошел сквозь века, из далекого и туманного прошлого, из логовища первобытного человека, чтобы требовать вас себе по праву: ради вас я сделался цивилизованным человеком, ради вас я переправился через океан и материки, ради вас

я сделаюсь таким, каким вы захотите! Я могу дать вам счастье, Джен, в той жизни, которую вы знаете и которую любите. Выйдете вы за меня замуж?

Что она наделала! Оттого что испугалась возможности уступить зову этого гиганта, она сожгла за собой все мосты и от страха совершить жизненную ошибку допустила ошибку еще более ужасающую!

И тогда она сказала ему все, сказала ему всю правду, слово в слово, не пытаясь обелить себя или оправдать свой поступок.

— Что же нам делать? — спросил он.— Вы признались, что любите меня. Вы знаете, что я люблю вас, но я не знаю этики общества, которою вы руководствуетесь. Оставляю решение вопроса в ваших руках, потому что вы лучше понимаете, что может устроить ваше благополучие.

— Я не могу отказать ему, Тарзан! — заявила она.— Он тоже любит меня, и он хороший человек. Я никогда не смогу взглянуть в лицо ни вам, ни другому честному человеку, если я откажу Клейтону.

В это время вошли в комнату остальные, и Тарзан отошел к окошку. Но он ничего не замечал. Перед его глазами неотступно стояла залитая солнцем лужайка, окаймленная спутанной массой роскошных тропических растений, над ней колебалась листва могучих деревьев, а над всем этим сверкала лазурь экваториального неба.

Мысли его прервал приход станционного служащего, который спросил, нет ли тут джентльмена по имени Тарзан.

— Я — мосье Тарзан,— сказал обезьяна-человек.

— Вам депеша из Парижа, пересланная из Балтиморы.

Тарзан взял конверт и вскрыл его. Депеша была от д'Арно. В ней значилось:

«Отпечатки пальцев доказывают, что вы Грэйсток. Поздравляю. Д'Арно».

Когда Тарзан прочел телеграмму, вошел Клейтон и направился к нему с протянутой рукой. Тарзан смотрел на него.

Вот человек, который носит титул Тарзана, владеет его поместьями! Он женится на женщине, которую любит Тарзан и которая любит Тарзана. Одно лишь слово его перевернет жизнь этого человека. Оно отнимет у него титул, отнимет поместья и замки, оно отнимет их также и у Джен Портер.

— Знаете ли, старина? — взволнованно сказал Клейтон.— Я все еще не имел случая поблагодарить вас за то, что вы для нас сделали. Вы только тем и занимались, что спасали нам жизнь и в Африке и здесь. Страшно рад, что вы сюда приехали. Мы должны поближе познакомиться. Знаете ли, я часто думал о вас и о замечальных обстоятельствах нашего знакомства. Хотелось бы мне спросить вас, если позволите, каким образом, черт возьми, попали вы в те далекие страшные джунгли?

— Я там родился,— спокойно ответил Тарзан.— Моя мать была обезьяна и, само собой разумеется, не могла мне многого объяснить. Отца своего я никогда не знал.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

И вновь о «Тарзане»

Неосторожная наша обмолвка в «Анонсе» о том, что некоторые подписчики выражают сомнение в необходимости продолжения «Тарзана» в будущем году, вызвала бурю протеста. В сентябре редакцию захлестнул поток писем. Несмотря на разницу их стиля — от вежливых просьб: «...нам бы очень хотелось увидеть на страницах журнала продолжение серии романов о Тарзане», до «непарламентских» выражений: «Кто вам сказал, что ему не нужен «Тарзан», плюньте ему в лицо и за меня тоже, даже два раза» и угроз не подписываться на журнал в случае прекращения публикации,— наши читатели с нетерпением ждут новых встреч с повелителем джунглей.

Пришло всего два письма, авторы которых не то чтобы совсем против «Тарзана»,— они опасаются, что он может значительно потеснить другие интересные произведения. И в этом, конечно, есть свой резон, учитывая объем нашего журнала.

Руководствуясь таким редким в эпоху развитого плюрализма почти единодушным мнением читателей, редколлегия решила С 4-ГО НОМЕРА ГРЯДУЩЕГО ГОДА НАЧАТЬ ПУБЛИКАЦИЮ НОВОГО РОМАНА ЭДГАРА БЕРРОУЗА «ВОЗВРАЩЕНИЕ ТАРЗАНА В ДЖУНГЛИ».

Почему мы не начинаем печатать роман с первых номеров? Для нас, работников журнала, немаловажно, что в условиях, когда к началу подписной кампании подготовлен каталог только на всесоюзные издания, республиканские вряд ли быстро при нынешней «оперативности» ответственных товарищей дойдут до подписчиков. Кто им разъяснит при нынешней бестолковщине и разобщенности, что каталоги каждая республика в этом году готовит и распространяет самостоятельно? И когда они еще дойдут до «глубинки», где у нас масса читателей?

Поэтому тех, кто не сумел в сентябре — октябре подписаться на «УС», приглашаем сделать это в начале 1991 года. Тогда, по крайней мере, вы сможете прочитать ВСЮ вторую книгу о приключениях Тарзана.

Кстати, многие наши читатели, отправив письма в редакцию, надеются получить ответ уже в следующем номере журнала. Сделать это мы не в состоянии, ибо очередной номер готовится к печати за 3—4 месяца до его выхода в свет. Вот и это обращение мы сделали в начале сентября, а прочтете вы его лишь в декабре. Поэтому упреки, прозвучавшие в некоторых письмах: «Почему в «Анонсе» не объявлена новая стоимость подписки — так было бы честнее» — мы принять не можем, т. к. сами до последнего времени были в совершенном неведении.

Редакция от всего сердца благодарит всех, кто откликнулся на наше предложение обсудить план публикаций на будущий год. Мы получили массу полезных советов и замечаний как по содержанию, так и по художественному и техническому оформлению журнала. Эти предложения мы проанализируем, обобщим и постараемся сделать соответствующие выводы.

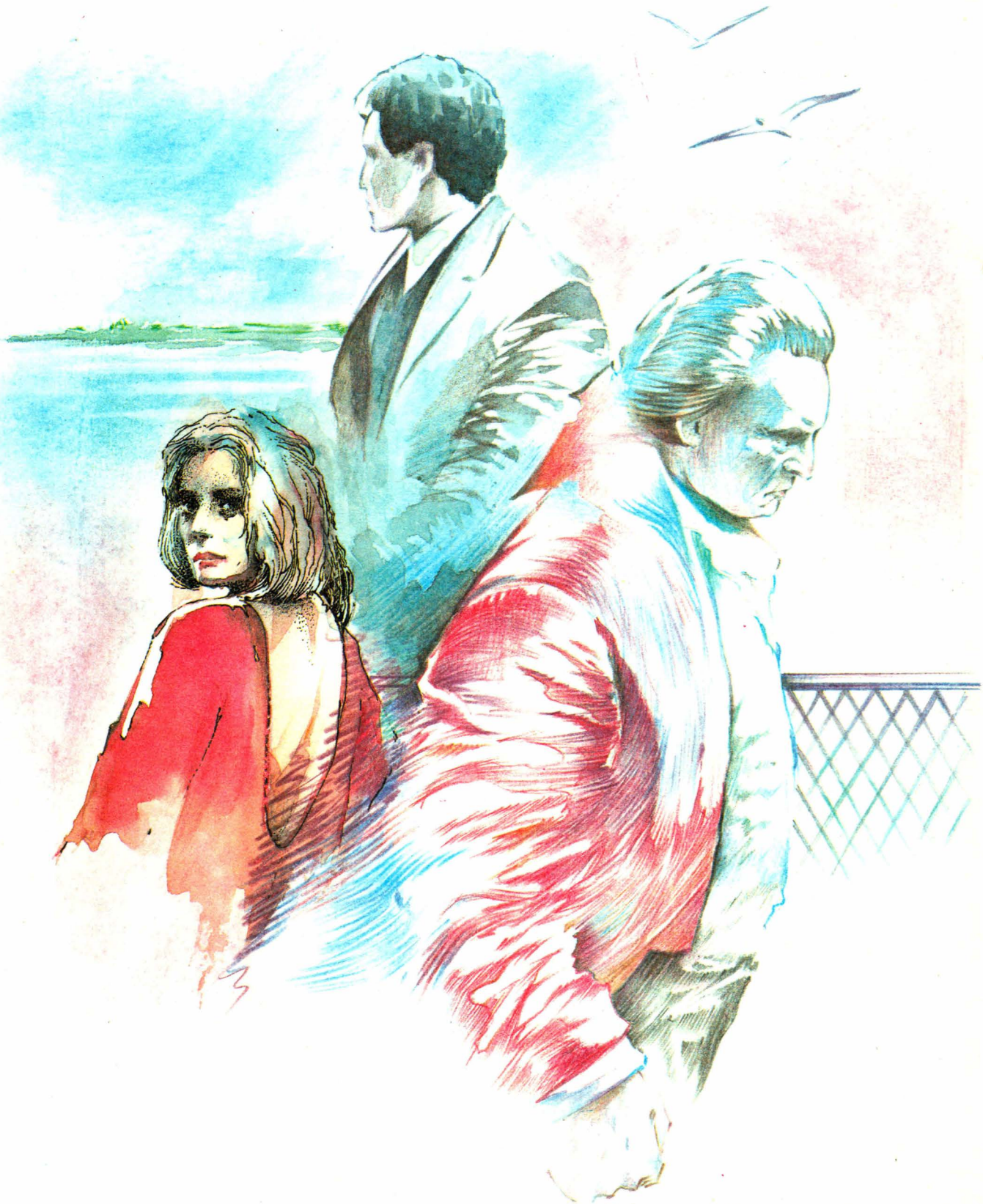
Еще раз напоминаем наш индекс: 73413. Стоимость одного номера журнала (не по нашей вине и желанию) — 80 копеек. Годовая подписка — 9-60.

До новых встреч!

Возвращение Тарзана в джунгли

Эдгар
БЕРРОУЗ

Рисунки
Дмитрия ЛИТВИНОВА



I

На корабле

— Какая необыкновенная красота! — произнесла вполголоса графиня де Куд.

— Что такое? — спросил граф, повернув голову к своей молодой жене.— Чем ты восхищаешься?

И он стал искать глазами предмет ее восхищения.

— Ничем особенным, мой друг,— ответила графиня, и легкая краска смущения залила ее и без того розовые щеки.— Я думала о грандиозных небоскребах, которые мы видели в Нью-Йорке.

Сказав это, хорошенькая графиня уселась поудобнее в своем кресле на палубе парохода и снова принялась за чтение журнала, который она незадолго перед тем уронила к себе на колени.

Муж ее тоже погрузился в свою книгу, слегка недоумевая, почему графиня так восхищается небоскребами, которые три дня тому назад в Нью-Йорке казались ей отвратительными. После нескольких минут молчания граф отложил книгу.

— Какая скука, Ольга,— сказал он.— Пойти разве посмотреть, нет ли на пароходе других скучающих людей, которые согласились бы составить мне партию в карты?

— Ты не очень любезен, мой друг,— заметила жена, улыбаясь.— Но мне и самой очень скучно, а потому прощаю тебя. Иди, играй в свои противные карты, если тебе это доставляет удовольствие.

Когда муж ушел, графиня кинула беглый взгляд на высокого молодого человека, лениво расположившегося в кресле в нескольких шагах от нее.

— Какая красота! — прошептала она снова.

Графине Ольге де Куд было двадцать лет, ее мужу — сорок. Она была верной и преданной женой, но вряд ли могла чувствовать пламенную и страстную любовь к графу, за которого вышла замуж не по своей воле, а по желанию отца, богатого русского аристократа. И все же, восторженное восклицание, сорвавшееся с уст графини при виде прекрасного незнакомца, не было вызвано дурными помыслами, противоречащими супружеской верности. Она просто любовалась им, как можно любоваться совершенным образцом природы.

В тот момент, когда она украдкой взглянула на привлекательного молодого человека, тот поднялся и ушел с палубы.

— Кто этот господин? — спросила графиня лакея.

— У нас, сударыня, он записан: «Мосье Тарзан, из Африки».

Интерес молодой женщины к незнакомцу усилился.

Направляясь в курительную комнату, Тарзан заметил у дверей двух смуглых субъектов, о чем-то возбужденно шептавшихся. Он не удостоил бы их и мимолетным вниманием, если бы не робкий, виноватый взгляд, брошенный на него одним из собеседников. Субъекты напомнили Тарзану мелодраматических злодеев, которых он немало повидал на сценах парижских театров.

Тарзан спустился в курительную комнату и нашел укромное местечко. Сидя в одиночестве над рюмкой абсента, снова и снова задумывался он: благоразумно ли поступил, отказавшись от наследственных прав в пользу человека, которому ничем не обязан.

Да, ему нравился Клейтон, но не в этом было дело. Не ради Уильяма Сесиля Клейтона лорда Грэйстока отрекся Тарзан от своего законного имени. Он сделал это ради той, которую они оба любили, ради той, кого странная прихоть судьбы отдала не ему, а Клейтону. Тарзан знал, что Джен его любит, но ее любовь только увеличивала тяжесть испытания, выпавшего на его долю, ибо то решение, которое человек-обезьяна принял когда-то ночью на маленькой железнодорожной станции, в далеких Висконсинских лесах, было необходимо для ее благополучия.

Счастье любимой девушки было для него важнее всего, а недолговременное знакомство с культурными людьми убедило, что жизнь без денег и высокого положения в обществе невыносима для большинства из них. Джен Портер была рождена для того и другого, и, если бы Тарзан расстроил брак с Клейтоном, он несомненно обрекал ее на бедность и лишения.

От прошлого мысли Тарзана обратились к будущему. Он старался предвосхитить ощущения, с которыми вернется в родные джунгли, в те суровые, дикие джунгли, где провел двадцать из своих двадцати двух лет жизни. Но кто будет там рад его возвращению? Никто! Только слона Тантора может он назвать своим другом. Даже обезьяны не встретят его как родного.

Хотя цивилизация и не дала Тарзану почти ничего ценного, тем не менее научила его стремиться к обществу ему подобных, научила дорожить теплотой товарищеских отношений. В иных условиях жизнь потеряла бы теперь свое очарование. Ему уже трудно представить себя на свете без друга, без живого существа, говорящего на том новом языке, который Тарзан научился любить за два года. Вот почему мысли о будущем не возбуждали радостных надежд.

Раскуривая новую папиросу, Тарзан бросил взгляд на висевшее перед ним зеркало, в котором отражался соседний стол и четыре человека, занятых игрой в карты. Как раз в этот момент один из игроков встал со своего места, и тотчас же к столу приблизился человек, стоявший до того в стороне. Он вежливо попросил позволения занять свободное место, чтобы дать играющим возможность не прерывать своей партии.

Это был один из тех двух субъектов, которые шептались у входа в курительную комнату. Интерес Тарзана к игре несколько усилился, и, размышляя о своем будущем, он не переставал наблюдать за фигурами, сидевшими за его спиною.

Тарзан знал по имени лишь одного из игроков. Это был сидевший как раз напротив нового партнера граф Рауль де Куд, на которого более чем внимательный лакей уже успел указать как на одну из достопримечательностей корабля в этом рейсе.

Тем временем в комнату вошел и стал за креслом графа второй из смуглых заговорщиков, лица которых он успел запомнить. От Тарзана не ускользнул его взгляд, украдкой брошенный по сторонам. Странно было, однако, что субъект не заметил при этом внимательных глаз Тарзана, прикованных к отражению в зеркале.

Заговорщик вытащил что-то из своего кармана, что именно, Тарзан не мог разглядеть, осторожно протянул руку к карману графа и ловко опустил туда вынутый предмет. После этого он не двинулся с места, продолжая следить за игрой. Тарзан недоумевал, но весь превратился во внимание, стараясь не упустить ни малейшей детали.

Игра продолжалась до тех пор, пока граф не выиграл довольно значительную сумму у нового партнера. Тарзан заметил, как субъект, стоявший за креслом графа, кивнул головой своему приятелю. Сейчас же тот встал и, указывая на графа, произнес в негодовании:

— Если бы я знал, что этот господин — профессиональный шулер, я не принял бы так опрометчиво участия в игре.

Граф и двое остальных игроков поднялись. Де Куд побледнел.

— Что вы хотите сказать, сударь! — воскликнул он.— Знаете ли вы, с кем говорите?

— Я знаю, с кем говорю,— и, надеюсь, в последний раз — с человеком, мошенничающим в карточной игре...

Граф через стол ударил говорившего по лицу.

— Тут какая-то ошибка, сударь! — воскликнул один из игроков.— Перед вами — граф де Куд.

— Если я ошибся,— ответил обличитель,— то с радостью возьму свои слова обратно: пусть только граф объяснит нам, откуда у него взялись те карты, которые он только что на моих глазах спрятал в карман.

Его приятель, который проделал то, что теперь приписывалось графу и что не ускользнуло от глаз Тарзана,

попытался в этот момент улизнуть из комнаты. К своей досаде он увидел, что путь отступления отрезан высоким сероглазым незнакомцем.

— Простите! — буркнул он, стараясь проскочить в дверь.

— Погодите! — процедил в свою очередь Тарзан.

— В чем дело? — воскликнул тот с возмущением.— Позвольте мне пройти, сударь.

— Подождите! — стоял на своем Тарзан.— Я уверен, что вы могли бы кое-что объяснить нам...

Субъект потерял терпение и с ругательством попытался отбросить незнакомца в сторону. Тарзан только улыбнулся; схватив своего дюжего противника за воротник, он препроводил его обратно к столу, не обращая внимания на сопротивление и брань. Николаю Рокову впервые пришлось испытать на себе мускулистые руки победителя льва Нумы и исполинской обезьяны Теркоза

Негодующий обличитель де Куда и два остальных игрока вопросительно смотрели на графа. К месту неожиданно вспыхнувшего скандала поспешили пассажиры, с любопытством ожидая развязки конфликта.

— Этот субъект бредит,— сказал граф.— Господа, я попрошу кого-нибудь из вас обыскать меня.

— Обвинение нелепо,— подтвердил один из игроков.

— Вам стоит только опустить руку в карман графа, и вы убедитесь в том, что оно вполне серьезно,— настаивал обличитель и, заметив, что остальные еще колебались, добавил.— Хорошо! Если никто другой не хочет, я сделаю это сам,— и он шагнул по направлению к графу.

— Нет, сударь.— резко ответил де Куд.— Я позволю сбыскать себя только человеку порядочного круга.

— Нет необходимости обыскивать графа: карты действительно находятся у него в кармане. Я сам видел, как они были туда опущены...

Все с удивлением обернулись в сторону, откуда были произнесены эти слова, и увидели статного молодого человека, который вел к столу своего упиравшегося пленника.

— Это — заговор! — воскликнул в ярости де Куд.— У меня нет никаких карт.— С этими словами он опустил руку в карман. Все застыли в молчании. Граф смертельно побледнел и медленно вытащил руку. В ней он держал три карты.

Граф смотрел на всех в немом и страшном изумлении. Краска стыда залила его лицо. Лица окружающих красноречиво выражали жалость и презрение.

— Да, это — заговор, сударь! — произнес сероглазый незнакомец.— Господа! — продолжал он.— Граф не знал о том, что эти карты находились в его кармане. Они были опущены туда тайком в то время, когда он был занят игрою. Сидя вон там, я видел отражение всей сцены в зеркале. Этот субъект, которому я вовремя помешал покинуть комнату, положил карты в карман графа.

Де Куд перевел взор с Тарзана на его пленника.

— Николай! — воскликнул он,— это вы? — Затем он повернулся к другому заговорщику и, пристально вглядевшись в него, продолжал.— А вас я не узнал без бороды, Павлович. Теперь мне все понятно, господа!

— Как поступить с ними, сударь? — спросил Тарзан.— Передать капитану?

— Нет, мой друг,— поспешил ответить де Куд.— Это — личное дело, и я хотел бы покончить с ним мирным путем. Чем меньше мы будем возиться с этими субъектами, тем лучше. Но как мне отблагодарить вас за вашу неоценимую услугу? Позвольте передать вам мою карточку. Если вам понадобится когда-нибудь моя помощь, я буду счастлив оказать ее.

Тарзан отпустил Рокова, который вместе с товарищем поспешил покинуть курительную. Уходя, Роков успел шепнуть Тарзану:

— Не сомневаюсь, что вы, сударь, будете иметь случай пожалеть о своем вмешательстве в чужие дела.

Тарзан улыбнулся и, поклонившись графу, вручил свою карточку. Граф прочел: Жан К. Тарзан.

— Мне жаль, мосье Тарзан,— сказал де Куд,— что вы приобрели сегодня не только нового друга в моем лице, но и двух новых врагов — отъявленнейших негодяев во всей Европе. Постарайтесь избегать дальнейших встреч с ними, сударь!

— Я имел в свое время более страшных врагов,— спокойно улыбнулся в ответ на предостережение Тарзан,— и все же до сих пор цел и невредим. Я не представлю им случая чем-нибудь повредить мне.

— Будем надеяться,— сказал де Куд.— Но все же вам следует быть начеку, зная, что сегодня вы приобрели себе по крайней мере одного настоящего врага, который ничего не забывает и не прощает и в чьем злобном уме всегда зреют планы мщения.

В тот же вечер Тарзан, войдя в свою каюту, нашел на полу свернутый листок бумаги, очевидно просунутый в щель под дверью. Он развернул его:

«Г. Тарзан!

Несомненно, Вы не отдаете себе отчета о тяжести нанесенного мне оскорбления. Я склонен думать, что Вы действовали по незнанию, не желая оскорбить незнакомого Вам человека. Поэтому я готов разрешить Вам извиниться передо мною. Если Вы дадите мне обещание никогда больше не вмешиваться в дела, которые Вас никоим образом не касаются, я забуду о происшедшем. В противном случае... Но я уверен, что Вы поймете необходимость поступить именно так, как я Вам указываю. Примите и проч.

Николай Роков».

Тарзан улыбнулся, выбросил записку в иллюминатор и улегся спать, тотчас забыв о ней.

В соседней каюте Ольга де Куд говорила своему мужу:

— Почему ты так мрачен, Рауль? Что тревожит тебя?

— Ольга, с нами на пароходе находится Николай. Знала ли ты об этом?

— Николай? — воскликнула она.— Но это невозможно, Рауль! Он ведь задержан в Германии!

— Так думал и я, пока не столкнулся сегодня лицом к лицу с ним и его приятелем, Павловичем. Ольга, я не могу допустить преследований с его сторочы! Рано или поздно я предам его в руки властей!

— О, нет, нет, Рауль! — воскликнула Ольга, опускаясь перед мужем на колени.— Не делай этого! Вспомни о своем обещании Скажи мне, Рауль, что ты этого не сделаешь!

Де Куд взял руки жены и пристально посмотрел на ее бледное, растерянное лицо; казалось, в ее глазах он ищет выражение тех мыслей и чувств, которые побуждают ее защищать этого человека.

— Пусть будет так, как хочешь ты, Ольга! — сказал он наконец,— хотя я не могу понять тебя. Он — живая угроза нашему благополучию и чести, а между тем ты всегда выступаешь в роли защитника.

— О, нет, Рауль,— в волнении прервала его жена.— Я ненавижу его не меньше, чем ты... Но узы крови...

— Я был бы рад сегодня иметь возможность сделать ему маленькое кровопускание,— сквозь зубы процедил де Куд.— Эти два негодяя, он и Павлович, пытались сегодня опозорить меня, Ольга!

Граф рассказал жене все, что случилось с ним в курительной комнате.

— Если бы не этот так вовремя появившийся незнакомец, негодяи блестяще осуществили бы свой дьявольский замысел. Кто бы поверил моим оправданиям, когда я достал из своего кармана карты? Сомнение в моей честности готово было охватить меня самого, и вдруг Тарзан подтащил к столу твоего милого Николая и объяснил, как все произошло.

— Тарзан? — спросила изумленная графиня.

— Да. Ты знаешь его, Ольга?

— Я видела его. Лакей указал мне на него сегодня.

— Вот как? А я и не знал, что он так знаменит! — заметил граф.

Ольга де Куд поспешила переменить тему разговора. Ей было бы трудно объяснить, почему лакей называл ей имя красивого Тарзана.

II

Ненависть и...?

На другой день после обеда Тарзан увидел тех двух человек, с которыми столкнула его накануне судьба и любовь к сильным ощущениям. Субъекты, иначе их не назовешь, находились в безлюдной части палубы и горячо спорили с какой-то женщиной. Тарзан заметил ее богатый наряд, тонкую, девическую фигуру. Густая вуаль, закрывавшая лицо, мешала разглядеть ее черты. Говорили все трое на каком-то странном, непонятном языке — и только по внешнему виду женщины он мог догадаться, что та чем-то напугана.

У Рокова был такой угрожающий вид, что Тарзан не мог не остановиться, почувствовав висящую в воздухе опасность. Он подошел в тот момент, когда Роков схватил свою собеседницу за руку, как бы пытаясь вырвать у нее какое-то признание. Неизвестно, что сделал бы он в следующее мгновение, если бы чьи-то стальные пальцы не впились ему в плечо. Он повернул голову и встретил пристальный взгляд знакомых серых глаз.

— Проклятье! — взвизгнул разъяренный Роков.— Что вам здесь нужно? Вы, должно быть, сумасшедший, если осмеливаетесь вторично становиться мне на дороге.

— Вот мой ответ, сударь! — спокойно сказал Тарзан и оттолкнул от себя Рокова с такой силой, что тот чуть не свалился за борт.

— Черт возьми! — вскричал Роков.— Негодяй, я вас убью тут же на месте!

Вскочив на ноги, он схватился за револьвер.

Женщина в ужасе закрыла лицо руками.

— Николай,— закричала она,— не делай этого! Сударь, бегите скорей, или он на самом деле убьет вас!

Вместо того, чтобы последовать ее совету, Тарзан лицом к лицу встретил своего врага.

— Не делайте глупостей, сударь! — сказал он.

Роков, еще более раздраженный спокойным и пренебрежительном тоном Тарзана, прицелился, но револьвер дал осечку. В тот же момент Тарзан выбил оружие из его руки. Пистолет исчез в волнах океана.

Несколько мгновений противники неподвижно стояли друг против друга. Самообладание вернулось к Рокову.

— Вы, сударь, дважды вмешались в дела, которые вас ни в коей мере не касаются. Дважды вы оскорбили Николая Рокова. На первый все сошло для вас благополучно, так как я предполагал, что всему виной неведение. Но вторичного оскорбления я не оставлю без ответа. Если вы, сударь, до сих пор не знали, кто такой Николай Роков, то теперь вы поближе познакомитесь с ним!

— Вы — трус и негодяй,— ответил Тарзан.— Больше мне ничего не нужно знать о вас! — и он повернулся к незнакомке, чтобы осведомиться, как она себя чувствует, но ее уже не было. Тогда, не удостаивая Рокова и его приятеля взглядом, Тарзан продолжил прерванную прогулку.

Поведение двух негодяев казалось ему загадочным. Он никак не мог понять смысла и цели той очевидной интриги, которую они все время вели. В наружности молодой женщины было что-то знакомое Тарзану. Однако, не разглядев ее скрытого под вуалью лица, он не мог быть уверен в том, что встречал ее раньше. Единственное, что запомнилось,— кольцо очень тонкой работы, украшавшее палец руки, за которую схватил ее Роков.

Тарзан начал присматриваться к рукам всех дам, которые встречались ему, надеясь таким путем узнать таинственную незнакомку.

Он опустился в плетеное кресло и занялся разглядыванием проходивших мимо него пассажиров. В каждом из них он видел то жестокость, то себялюбие, то хитрость, с которыми познакомился еще в джунглях, когда первый из людей, с которыми ему пришлось столкнуться — черный, лоснистый Кулонга,— своим метким копьем убил Калу, большую обезьяну-самку, заменившую Тарзану мать с его раннего детства.

Он вспомнил об убийстве Кинга, о том, как мятежники с «Арроу» бросили профессора Портера и его спутников на произвол судьбы, о зверской расправе с пленниками черных воинов племени Мбонга, о том завистливом недоброжелательстве, с которым встретили его на границе цивилизованного мира офицеры и чиновники западно-африканской колонии.

— Увы,— думал Тарзан,— все они одинаковы. Обман, насилие, предательство,— и все это только ради денег, которые открывают доступ к изнеженным наслаждениям. Будучи связанными по рукам и ногам своими глупыми обычаями, которые превращают их в рабов удачи или неудачи, они в то же время твердо верят в свое высшее назначение, в свое превосходство над миром, в то, что они, и только они, наслаждаются жизнью во всей ее красоте.

Этот мир, населенный идиотами и больными, был ненавистен Тарзану. Он не прощал себе того, что свободу и радость жизни в джунглях променял — хотя бы и на короткое время — на ложь цивилизации.

Размышляя таким образом, Тарзан неожиданно почувствовал, что кто-то внимательно наблюдает за ним. Усвоенная в джунглях бдительность позволила ему обернуться так быстро, что молодая женщина, сидевшая неподалеку, не успела отвести глаз. Краска залила ее щеки, она поспешила отвернуться, а Тарзан, довольный результатом своего не совсем галантного поступка, улыбнулся и устроился поудобнее в кресло. Женщина, смотревшая на него, была молода и очень привлекательна. Кроме того, в ней было что-то знакомое. Что именно, Тарзан не мог сказать.

В этот момент молодая женщина встала. Когда она проходила мимо Тарзана, он насторожился, как бы почуяв, что близок к разгадке. Ему не пришлось разочароваться. Женщина подняла руку, чтобы поправить шарф, накинутый на плечи, и Тарзан увидел знакомое кольцо.

Значит, это была она,— та самая женщина, которую преследовал Роков. Но кто она? Что общего между ней и наглым авантюристом?

Вечером, после обеда Тарзан до наступления темноты прогуливался по палубе, беседуя с помощником капитана. Когда служебные обязанности заставили его собеседника подняться на капитанский мостик, Тарзан лениво оперся грудью на перила и стал наблюдать игру лунных лучей на медленно катившихся волнах.

Он был скрыт боканцами*, и потому два человека, которые в это время проходили вдоль палубы, его не заметили. До Тарзана донеслись отрывки разговора, они и заставили его последовать за ними. Он узнал голос Рокова и заметил, что собеседником его был все тот же неизменный Павлович.

Тарзан услышал лишь несколько слов: «Если она закричит, ты души ее, пока она не...»

Этого было достаточно: Тарзан приложил все свое старание, чтобы не упустить из виду заговорщиков, которые направлялись быстрыми шагами к другому концу палубы.

Они дошли до курительной комнаты, но лишь заглянули туда, чтобы убедиться, видимо, там ли находится человек, местопребыванием которого интересовались.

---

* Стойка для подвешивания шлюпки.

После этого парочка направилась к каютам первого класса. Здесь Тарзану было труднее наблюдать, оставаясь незамеченным. Все же ему удалось спрятаться поблизости, в тени коридора. На их стук голос изнутри спросил по-французски:

— Кто там?

— Это я, Николай,— был ответ Рокова.— Могу ли я войти?

— Почему ты продолжаешь преследовать меня, Николай? — спросила женщина, находившаяся за тонкой дверью.— Разве я в чем-нибудь виновата перед тобой?

— Да ну же, отвори, Ольга,— продолжал Роков деланно-добродушным тоном.— Мне нужно сказать всего два слова. Я ничего тебе не сделаю, даже не переступлю порога каюты. Того, что я хочу сказать тебе, нельзя говорить через дверь.

Тарзан услышал щелканье ключа.

Затаив дыхание, ожидал он дальнейшего развития событий. Из головы не выходили последние слова Рокова: «Если она закричит, души ее...» Роков стоял у двери; Павлович, немного отступив в сторону, прижался к стене. Дверь открылась. Роков сделал шаг вперед и остановился на пороге. Женщину, разговаривавшую с ним, Тарзан не мог видеть, так как ее заслоняла фигура Рокова.

Он услыхал ее голос, достаточно громкий, чтобы различать слова.

— Нет, Николай,— говорила она,— это бесполезно. Несмотря на все твои угрозы, я не уступлю твоим требованиям. Оставь, пожалуйста, каюту, тебе здесь не место. Ты обещал не входить в нее.

— Хорошо, Ольга, я не войду, но ты тысячу раз пожалеешь, что не исполнила моей просьбы. В конце концов я все равно добьюсь своего, так зачем эти лишние хлопоты и потеря времени. Зачем тебе ставить на карту свою честь и честь своего...

— Я никогда не соглашусь, Николай! — прервала его женщина.

Тарзан заметил, как при этих словах Роков кивнул головой Павловичу, который стремительно проскочил в открытую дверь вслед за ним. Через мгновение Роков снова появился в коридоре. Дверь захлопнулась. Он прильнул ухом к двери, стараясь не пропустить ни единого слова из разговора, происходящего в каюте. Коварная улыбка змеилась на его губах.

Тарзан слышал женский голос, приказывающий Павловичу оставить каюту.

— Я пошлю за моим мужем! — воскликнула она.— Он беспощадно расправится с вами.

Из-за двери донесся смех Павловича.

— Пошлите лакея за вашим мужем, сударыня! — ответил тот.— Но лакею уже известно, что с вами наедине в запертой каюте в настоящее время посторонний мужчина.

— Ну что же! — воскликнула женщина.— Мой муж поймет, в чем дело!

— Вполне вероятно, что ваш муж поймет; но лакей этого не поймет, как и те газетные писаки, которые каким-нибудь таинственным путем проведают об этом по вашем прибытии в Париж. Они сочтут это за прелестную новость, и все ваши друзья, читая газеты, завтра же будут осведомлены о забавном приключении. Их интерес не уменьшится, если они узнают, что ваши ласки достались приятелю вашего брата.

— Алексей,— донесся женский голос, спокойный и бесстрашный.— Вы — трус, и когда я скажу вам на ухо одно известное вам имя, вы задумаетесь над своими угрозами и в дальнейшем, думаю, не будете больше беспокоить меня.

Наступила пауза, во время которой Тарзан представил себе, что женщина наклонилась к уху негодяя и прошептала то, чем надеялась сразить его.

Пауза продолжалась несколько мгновений. Затем послышалось сдержанное проклятие, неясный шум, женский крик. Он еще не успел стихнуть, как Тарзан выскочил из засады. Роков пытался бежать, но был схвачен за ворот и водворен на место уже знакомой ему стальной рукою.

Ни один из них не произнес ни слова.

Оба инстинктивно поняли, что там, за дверью каюты, совершается убийство. Тарзан был уверен в том, что в расчеты Рокова не входил такой неожиданный оборот дела. Он чувствовал, что цель авантюриста серьезна и что шел он к ней более сложными путями, чем убийство.

Не колеблясь ни секунды, Тарзан налег своим мощным плечом на хрупкую дверцу и, переступив через ее обломки, очутился в каюте, не отпуская пойманного Рокова. На кровати лежала женщина, над которой склонился Павлович, сжимающий ее шею цепкими пальцами. Напрасно жертва отбивалась, пытаясь освободиться — пальцы Павловича с неумолимой жестокостью лишали ее жизни.

Шум заставил Павловича оглянуться и выпустить жертву. Он смерил Тарзана угрожающим взглядом. Женщина с трудом приподнялась. Она держала руку у горла, дыхание ее было прерывистым.

— Что значит все это? — спросил Тарзан Рокова, в котором невольно угадал зачинщика всего происходящего. Тот угрюмо молчал.

— Будьте добры нажать кнопку,— продолжал Тарзан,— мы вызовем кого-нибудь. Шутка зашла слишком далеко!

— Нет, нет! — воскликнула женщина, проворно вскочив с постели.— Пожалуйста, не делайте этого. Я уверена, что здесь не было настоящего намерения сделать мне зло. Я рассердила этого человека, он потерял самообладание,— вот и все. Мне не хотелось бы, чтобы все это стало известным всем пассажирам.

В ее голосе было столько мольбы, что Тарзан не мог не уступить, хотя ясно сознавал, что во всем происшедшем много такого, что было бы весьма полезно довести до сведения администрации парохода.

— Итак, вы хотите, чтобы я ничего не предпринимал?— спросил он.

— Да!

— Вы согласны на то, чтобы эти два негодяя и в дальнейшем преследовали вас?

Казалось, дама не знала, что ответить. Тарзан заметил лукавую улыбку торжества на губах Рокова. Несомненно, женщина боялась этих двух субъектов и не осмеливалась признаться в этом в их присутствии.

— В таком случае,— ответил Тарзан,— в дальнейшем я буду действовать на свой страх и риск. Вам,— он обратился к Рокову,— вместе с вашим соучастником я могу сообщить, что с этого момента и до конца нашего путешествия беру на себя труд следить за вами, и если случайно до меня дойдет известие о том, что кто-либо из вас чем-нибудь досадил этой даме, вы дадите ответ в этом непосредственно мне, и, предупреждаю, этот ответ будет мало приятен для вас. Теперь же убирайтесь отсюда вон!

Взяв Рокова и Павловича за ворот, Тарзан вытолкнул их из каюты и облегчил им быстрое путешествие по коридору сильным пинком ноги. После этого обернулся к женщине. Та смотрела на него широко раскрытыми от удивления глазами.

— А вы, сударыня, окажете мне большую честь, если обратитесь к моему содействию при первой же необходимости.

— Ах, сударь,— ответила она.— Я хотела бы надеяться, что вам не придется пострадать из-за вашего благородного поступка. Вы нажили себе очень злого и хитрого врага, который не остановится ни перед чем, чтобы утолить свою ненависть. Вы должны быть очень осторожны, мосье...

— Меня зовут Тарзан, сударыня!

— ...Мосье Тарзан. Из того, что мне не хочется давать огласку этому делу, не заключайте, что я сколько-нибудь умаляю значение вашего благородного, рыцарского поступка. Спокойной ночи, мосье Тарзан, я никогда

не забуду моего неоплатного долга,— с прелестной улыбкой, обнаружившей жемчужный ряд зубов, произнесла молодая женщина.

Тарзан, простившись с ней, направился на палубу. Он никак не мог понять, почему эти два человека,— молодая женщина и граф де Куд,— оба одинаково пострадавшие от наглости Рокова и его товарища, не позволили предать оскорбителей достойному суду. То и дело мысли Тарзана возвращались к прекрасной молодой женщине и ее странной судьбе. Он вспомнил, что не осведомился о ее имени.

Однажды он встретился лицом к лицу с молодой женщиной на палубе. Она приветствовала его милой улыбкой и тотчас же заговорила о сцене, свидетелем и участником которой он был два дня назад.

— Я просила бы вас не судить обо мне на основании этого печального случая. Я так страдала, сегодня первый раз выхожу из своей каюты. Мне просто стыдно! — закончила она свою короткую речь.

— Что общего между газелью и львами, которые нападают на нее? — ответил Тарзан.— Я видел этих двух субъектов и прежде — в курительной комнате и убедился, что их вражда является лучшей рекомендацией для тех, кого они преследуют. Люди, подобные им, ненавидят все лучшее и благородное.

— Это очень любезно с вашей стороны,— ответила женщина, улыбаясь.— Я уже слышала о том, что произошло за карточной игрой. Мой муж рассказал мне все.

— Ваш муж? — повторил с недоумением Тарзан.

— Да. Я — графиня де Куд.

— В таком случае, мадам, я вполне вознагражден, узнав, что мне удалось оказать услугу жене графа де Куд.

— Увы, я так многим обязана вам, что у меня нет никакой надежды заплатить свой долг. Не увеличивайте его, по крайней мере! — и она так ласково улыбнулась ему, что Тарзан почувствовал способность совершить еще большие подвиги только ради того, чтобы получить в благодарность ее улыбку. Больше он с ней не виделся, ибо на следующее утро пароход причалил к пристани.

III

Происшествие на улице Моль

По приезде в Париж Тарзан направился к своему старому другу, лейтенанту д'Арно. Моряк откровенно выбранил его за решение отказаться от титула и состояния, которые принадлежали ему по праву, как единственному наследнику его отца, Джона Клейтона, лорда Грэйстока.

— Вы поступаете безумно, мой друг,— сказал д'Арно,— так легко отказываясь не только от титула и положения в свете, но и от возможности доказать всем с полной достоверностью, что в ваших жилах течет кровь двух лучших семейств Англии, а не кровь дикой обезьяны. Невероятно, чтобы они поверили вам,— Джен Портер, по крайней мере. Еще тогда, в диких джунглях, когда вы, как зверь, разрывали зубами добычу, довольствуясь сырой пищей, когда никому не было ведомо ваше истинное происхождение,— я знал, что вы ошибаетесь, считая обезьяну своей матерью. А теперь, после того, как найден дневник с описанием тех ужасов, которые пережили ваши отец и мать, оставленные на произвол судьбы на диком африканском берегу, после того, как мы прочли строки о вашем рождении и, наконец,— а это самое неопровержимое доказательство,— открыли отпечаток ваших детских пальцев на страницах дневника,— мне кажется невероятным, что вы хотите остаться на всю жизнь все тем же безродным бродягой без имени и каких-либо средств к существованию.

— Мне не нужно лучшего имени, чем Тарзан,— ответил тот,— а вот средства к существованию, конечно, нужны. В первый и последний раз я использую вашу бескорыстную дружбу — подыщите мне работу.

— Ну вот,— усмехнулся д'Арно.— Разве об этом речь? Я говорил вам много раз, что моего состояния хватит на двадцать человек — и половина всего, что я имею, принадлежит вам. И если я отдам вам эту половину, разве она составит хотя бы десятую часть того, во что я оцениваю вашу дружбу, мой дорогой Тарзан! Разве ее будет достаточно, чтобы оплатить услуги, какие вы оказали мне когда-то в Африке? Я не забыл, мой друг, что только вы и ваша храбрость спасли меня от людоедов племени Мбонга. Вашему самопожертвованию обязан я исцелением от ран, которые нанесли мне дикари. Только впоследствии я узнал, что значило для вас оставаться со мною в логове обезьян в то время, как сердце влекло вас к берегу, где находилась любимая девушка. Когда мы, наконец, попали туда и узнали, что мисс Портер и ее спутники уехали — тогда только я начал понимать, чем пожертвовали вы ради меня. Разве все это можно оценить деньгами, дорогой Тарзан?

— Хорошо,— засмеялся Тарзан.— Не будем ссориться из-за денег. Я должен жить, а поэтому должен иметь их, но и независимо от денег человеку надобно иметь какое-нибудь занятие. Иначе я скоро умру от безделья. Что же касается наследственных прав, они — в достойных руках. Клейтон не похитил их у меня. Он уверен в том, что он — действительно лорд Грэйсток, к тому же больше соответствует этой роли, чем человек, родившийся в африканских джунглях. Знайте, мой друг, я до сих пор остался таким же дикарем, каким был раньше. Временами дикие инстинкты, таящиеся во мне, просыпаются и берут верх над всем тем, что дала культура и цивилизация. А затем — разве я мог лишить любимую женщину состояния и положения в свете? Ведь брак с Клейтоном обеспечил ей и то и другое, чего не в силах был сделать я — не правда ли, Поль?

— Вопрос о моем происхождении не столь важен для меня,— продолжал он, не ожидая ответа.— Я убежден, что для человека ценно только заработанное им самим — его руками и его умом. А потому для меня так же дорога обезьяна Кала, воспитавшая меня, как и та женщина, которая дала мне жизнь. Кала была всегда так нежна ко мне: она прижимала меня в детстве к своей волосатой груди, защищала от диких обитателей леса, она любила меня настоящей материнской любовью... И я любил ее, Поль, не отдавая себе отчета в этом, до тех пор, пока отравленная стрела черного воина из племени Мбонга не отняла ее у меня... Я был тогда еще ребенком. Я упал на ее труп и плакал так, как может плакать ребенок по своей матери. Вам, мой друг, она показалась бы диким, безобразным животным, но я находил ее прекрасной. Любовь преображает все в наших глазах. Вот почему я рад считать себя сыном обезьяны.

— Я восхищен вашей верностью,— сказал д'Арно,— но, поверьте мне, придет время, когда вы пожелаете воспользоваться вашими законными правами. Но будет ли это так же легко, как теперь,— неизвестно. Имейте в виду, что только профессор Портер и мистер Филандер,— одни на всем свете,— могут засвидетельствовать, что маленький скелет, найденный в хижине вместе с останками вашего отца и вашей матери, принадлежал детенышу человекообразной обезьяны, а не последнему отпрыску рода Грэйстоков... Это показание чрезвычайно важно. Оба они уже старики. И вряд ли проживут еще много лет... Не кажется ли вам, что мисс Портер, узнав всю правду, расторгнет свой брак с Клейтоном? Вы легко можете вернуть себе титул, состояние, наконец, ту женщину, которую вы любите, Тарзан! Задумывались ли вы над этим?

Тарзан покачал головой.

— Вы ее не знаете,— сказал он.— Ничто не привяжет ее к Клейтону сильнее, чем несчастье, которое обрушит-

ся на него. Она — южанка, а южане гордятся своей верностью.

Две следующие недели Тарзан посвятил изучению Парижа. В дневные часы он бродил по библиотекам и музеям, зарывался в книги и с жадностью их пожирал. Его потрясла глубина и бесконечность открывшегося перед ним мира науки, для овладения которым человеческая жизнь слишком коротка. Он посвящал занятиям свой день, отдыху и развлечениям — ночь.

Его увлекла новизна существования. Затаив в глубине своего сердца горечь утраты, Тарзан предался науке и развлечению,— двум крайностям, которые могли заставить его позабыть прошлое и перестать думать о будущем. Сидя однажды в мюзик-холле над рюмкой абсента и любуясь искусством танцовщицы, Тарзан почувствовал чей-то недружелюбный взгляд, устремленный на него из толпы.

Выходя из мюзик-холла, он уже успел забыть об этом и не заметил человека, который при его появлении скрылся в тени ближайшего подъезда. Тарзан на сей раз возвращался без своего неизменного спутника д'Арно. Следивший за ним человек поспешно перебрался на другую сторону улицы, обогнал его и скрылся в темноте. Тарзан свернул на улицу Моль, своей пустынностью и тишиной привлекавшую его после шумных и суетливых кварталов Парижа.

Вам, должно быть, знакомы темные углы и мрачные дома этой улицы, а если не знакомы, то от полицейских агентов можно узнать, что нет другого места в Париже, по которому было бы столь опасно ходить ночью. Тарзан уже углубился в нее, и вдруг внимание его привлекли стоны и крики о помощи, раздавшиеся из окон третьего его этажа. Голос принадлежал женщине. Прежде чем крики затихли, Тарзан успел взбежать по лестнице.

В конце коридора была настежь раскрыта дверь. Оттуда-то и раздавались крики. В следующее мгновение Тарзан оказался в тускло освещенной комнате. Керосиновая лампа стояла на камине, бросая слабый луч света на скудную обстановку.

В комнате находилось несколько мужчин и только одна женщина. Ей было лет под тридцать, на лице следы страстей и пороков. Она стояла, прислонившись к стене, положив руку на грудь.

— Помогите! — воскликнула она, увидя Тарзана.— Они хотят убить меня!

Тарзан повернулся к мужчинам и увидел злобные лица профессиональных преступников. Они были совершенно спокойны и не думали о бегстве. Один из них выскользнул из комнаты. Тарзан узнал в нем, к своему удивлению, Николая Рокоза.

В ту же минуту он заметил, как рослый мужчина подкрадывается сзади с тяжелой палкой в руке. По его примеру и остальные набросились на Тарзана с разных сторон. Одни вытащили ножи, другие схватили стулья. Дубина поднялась над головой Тарзана и, конечно, раскроила бы череп, если бы удар не был предотвращен. Что могли противопоставить парижские апаши сноровке, ловкости и силе обитателя джунглей, состязавшегося когда-то со львами и исполинскими обезьянами!

Наметив себе первую жертву — того, кто замахнулся дубиной, Тарзан ударил его в подбородок. Дубина выпала из рук апаша, а сам он очутился в беспамятстве в другом конце комнаты. Тарзана охватил азарт состязания, азарт бойца, чувствовавшего всю опасность минуты. Налет цивилизации, к которой он приобщился за последнее время, сразу сошел с него, обнажив дикого, неукротимого зверя.

За дверью, в конце коридора стоял, ожидая результатов схватки, Рокоз. Ему очень хотелось узнать перед уходом, прикончили ли Тарзана, но присутствовать при убийстве не входило в его расчеты.

Женщина все еще стояла там, где ее увидел Тарзан при входе в комнату, но лицо ее постоянно менялось. Отчаяние, которое было на нем при появлении Тарзана, сменилось коварной улыбкой, когда сзади к Тарзану подкрался сообщник мнимой пострадавшей. Этой улыбки Тарзан уже не видел. Коварная улыбка сменилась изумлением, затем — ужасом. Да и кто бы не ужаснулся?

Безобидный на вид человек, завлеченный в комнату притворными криками о помощи, превратился в демона.

— Что он делает! — воскликнула она.— Это же зверь!

В эту минуту зубы Тарзана впились в горло одного из нападавших. Он сражался так, как научил его опыт борьбы с исполинскими обезьянами — самцами из племени Керчака. Он обрушивал удары сразу во все стороны, носясь, как метеор, по комнате из одного угла в другой. То его мощный кулак разбивал чей-то подбородок, то его цепкие руки душили кого-то за горло, то ногами он отбрасывал в сторону тех, у кого еще хватало смелости нападать.

С криками ужаса и боли апаши один за другим обратились в бегство. Но еще до того, как первый из них, окровавленный и разбитый, показался на лестнице, Рокоз понял, что Тарзан не отдаст дешево свою жизнь. Поэтому он поспешил к телефону, известив полицию о том, что какой-то злодей совершает убийство на улице Моль, в третьем этаже дома № 27.

Когда полицейские агенты прибыли к месту происшествия, они нашли валявшихся в беспамятстве трех мужчин, испуганную женщину, забравшуюся на грязную кровать, в ужасе закрывшую лицо руками, и, наконец, приличного на вид молодого человека, стоявшего посреди комнаты в ожидании новых врагов на смену уничтоженным. Несмотря на приличное платье, это был разъяренный дикий зверь, смеривший полицейских жестоким взглядом стальных серых глаз. При запахе крови Тарзан расстался с последними признаками цивилизации. Теперь он готов был дать отпор любому врагу, как лев, окруженный охотниками.

— Что здесь случилось? — спросил один из полицейских.

Тарзан дал короткий ответ. Он обратился за подтверждением своих слов к женщине, лежавшей на кровати. Ее ответ заставил его содрогнуться.

— Он лжет,— пронзительно крикнула та, обращаясь к агентам.— Он ворвался в мою комнату, когда я была одна. Когда я оттолкнула его, он хотел убить меня, и убил бы, если бы не подоспели на помощь прохожие. Это — дьявол! Он один голыми руками и зубами чуть-чуть не убил десятерых.

Тарзан был так поражен вопиющей неблагодарностью, что не мог сказать ни слова.

Кажется, полицейские отнеслись несколько недоверчиво к только что услышанному заявлению. Они уже имели дело с этой дамой и с ее милой компанией, представители которой валялись здесь же на полу. Но они были полицейскими, а не судьями, и потому решили задержать всех застигнутых на месте происшествия, предоставив кому следовало разобраться в том, кто прав, кто виноват.

Но оказалось, что объявить этому прилично одетому молодому человеку известие об аресте гораздо легче, чем арестовать его на самом деле.

— Я ни в чем не повинен,— спокойно заявил он,— я думал только о самозащите. Не понимаю, с какой целью эта женщина клевещет на меня. У нее нет оснований питать ко мне вражду.

— Ладно,— сказал один из полицейских, положив руку на плечо Тарзана.— Вы расскажете все это судье.

Через мгновенье полицейский лежал, скорчившись от боли, в противоположном углу комнаты. Его товарищей, бросившихся на помощь, постигла та же участь, которая незадолго перед тем выпала на долю нанятых Рокозом апашей.

Тарзан так быстро и с такой силой обрушился на агентов, что те даже не успели пустить в ход свои ре-

вольверы. Во время короткой схватки Тарзан заметил, что окно на улицу открыто и что за ним виднеется не то дерево, не то телеграфный столб.

Один из лежавших на полу агентов, наконец, выхватил револьвер и выстрелил в Тарзана. Пуля пролетела мимо и застряла в оконной раме. В тот же момент Тарзан сбросил лампу с камина. Свет погас. Комната погрузилась в темноту.

Полицейские увидали на фоне окна гибкую фигуру, прыгнувшую на телеграфный столб. Те из них, кто еще способен был передвигаться, выбежали на улицу, но она была пуста. Преступник исчез.

Озлобленные полицейские выместили досаду на женщине и оставшихся в комнате апашах. Всю компанию доставили в управление. Бедные исполнители закона чувствовали себя униженными происшедшим эпизодом. Им было в высшей степени неприятно отметить в рапорте, что один невооруженный человек расправился с целым отрядом, а затем улизнул так ловко, как будто и не существовал.

Полицейский, оставшийся на улице, клялся и божился, что никто не прыгал из окна и вообще не покидал здания с того момента, как его товарищи вошли туда. Все думали, что он лжет, хотя все сказанное им являлось чистейшей правдой.

Когда Тарзан очутился на телеграфном столбе, он взглянул вниз, желая по привычке, усвоенной в джунглях, увериться в безопасности предстоящего пути. Это было кстати. Внизу он заметил полицейского. Наверху же Тарзан не видел ничего подозрительного, а потому и полез туда. Верхушка столба находилась на одном уровне с крышей дома. Понадобилось небольшое усилие мускулов, натренированных в прыжках с одного дерева на другое, чтобы перелететь со столба на крышу. По крышам, переходя с одного дома на другой, Тарзан продолжал свой путь, пока на перекрестке улиц не нашел новый телеграфный столб, по которому и спустился на землю. Быстро миновав два-три бульвара, он завернул в ближайшее ночное кафе, где, умывшись и почистив костюм, скрыл все следы своего путешествия по крышам. После этого спокойно и медленно пошел домой. По дороге, пересекая ярко освещенный бульвар и задержавшись на углу, чтобы пропустить проезжающий мимо автомобиль, он услышал женский голос, назвавший его по имени. В окошке автомобиля Тарзан увидел блестящие глаза Ольги де Куд. Он поклонился в ответ на ее приветствие. Автомобиль исчез за углом.

— Роков и графиня де Куд, оба в один и тот же вечер,— подумал он.— Нет, Париж не так уж велик, в конце концов.

IV

Исповедь графини

— Ваш Париж опаснее моих диких джунглей, Поль,— заметил Тарзан, рассказывая своему другу на следующее утро обо всем происшедшем между ним, апашами и полицией.— Почему они заманили меня туда? Они были голодны?

Д'Арно улыбнулся в ответ на наивный вопрос.

— Не правда ли, мой друг, обитателю джунглей трудно понять обычаи цивилизованного мира? — спросил он с усмешкой.

— Цивилизованного мира! — иронически повторил Тарзан, а затем добавил.— Законы джунглей не одобряют неоправданной жестокости. Там убивают ради пищи или самосохранения. Всегда, как видите,— в согласии с великими законами природы. Ваш же цивилизованный человек кровожаднее любого зверя в джунглях. Он убивает ради убийства, и хуже того, пользуется благородным чувством как приманкой для завлечения доверчивой жертвы в губительную западню. Кинувшись на крик о помощи, я попал в руки убийц. Разве может женщина пасть столь низко, чтобы желать гибели своему спасителю. Всей этой историей я обязан Рокову. Именно он устроил засаду, разработал план до малейших деталей, вплоть до последнего заявления женщины в случае неудачи предприятия. Ловушка устроена именно для меня.

— Хорошо,— сказал д'Арно.— Между прочим, это доказывает то, о чем я не раз говорил вам, а именно: по улице Моль не следует гулять ночью.

— Наоборот,— улыбнулся Тарзан,— я убедился в том, что это — единственная достойная внимания улица во всем Париже. Я никогда не позволю себе в другой раз миновать ее. С тех пор, как я покинул Африку, только здесь я испытал в первый раз сильные ощущения.

— Боюсь, что это приключение может обойтись вам дороже, чем вы думаете,— сказал д'Арно.— Вы еще не знаете парижской полиции. Я же достаточно знаком с нею и могу вас уверить, что она не скоро забудет неприятность, которую вы ей причинили. Рано или поздно они вас поймают и посадят за решетку, как настоящего зверя из джунглей. Понравится ли вам это?

— Они никогда не посадят Тарзана за решетку,— ответил тот мрачно.

В его голосе было что-то такое, что заставило д'Арно пристально посмотреть на своего друга. Стиснутые челюсти и решительное выражение холодных серых глаз внушили лейтенанту мысль о том, что этот большой ребенок не может признавать иного закона для себя, чем закон своей мощной физической силы. Он понял, что нужно предпринять что-нибудь, чтобы помирить Тарзана с полицией прежде, чем между ними начнется настоящая война.

— Вам нужно многому научиться, Тарзан,— сказал он строго.— Человеческий закон должен быть уважаем независимо от того, приходится он вам по вкусу или нет. Ничего, кроме неприятностей для вас и ваших друзей, не принесет спор с полицией. На этот раз я заступлюсь за вас, но впредь вы должны повиноваться закону. Если его представители говорят «иди», вы должны идти, если они говорят «стой» вы должны остановиться. А теперь пойдемте к моему приятелю, в управление полиции, и покончим с этим делом на улице Моль.

Через полчаса оба друга вошли в кабинет одного из видных чиновников полиции. Тот принял их чрезвычайно любезно. Он помнил Тарзана еще по первому посещению, два месяца назад, в связи с вопросом об исследовании отпечатков его пальцев.

Когда д'Арно закончил рассказ о событиях прошедшей ночи, чиновник нажал кнопку звонка и до прихода дежурного успел найти в куче бумаг, лежавших перед ним, нужный документ.

— Жюбон,— сказал он вошедшему дежурному,— вызовите ко мне, пожалуйста, всех перечисленных в этой докладной.

— Вы совершили большое преступление, сударь,— продолжил он любезно, обращаясь к Тарзану,— и если бы не объяснения нашего общего друга, закон наказал бы вас весьма сурово. Вместо этого я склонен сделать не совсем обычную вещь. Я вызвал к себе тех, кого вы побили прошедшей ночью. Они выслушают рассказ лейтенанта д'Арно, а затем я предоставлю им самим решить вопрос,— подлежите ли вы наказанию или нет. Вам следует поглубже разобраться в обычаях цивилизованного общества. Многое из того, что кажется вам странным или ненужным, вы должны принять как закон, прежде чем окажетесь в состоянии судить об основаниях и причинах, вызвавших к жизни тот или иной порядок. Полицейские, на которых вы напали, исполняли свой долг. Они ведь ничего не знали о происшедшем. Каждый день они рискуют своей жизнью, охраняя неприкосновенность других людей, вашу в том числе. Они

храбрые люди, и очень удручены сейчас сознанием, что один невооруженный человек справился с целым патрулем. Постарайтесь сделать так, чтобы они забыли об этом.

Дальнейший разговор был прерван появлением четырех полицейских. Увидя Тарзана, они застыли в изумлении.

— Ребята,— сказал начальник,— это тот самый человек, с которым вам довелось встретиться вчера ночью на улице Моль. Он пришел сюда, и добровольно предался нам в руки. Мне хочется, чтобы вы внимательно послушали рассказ лейтенанта д'Арно, который сообщит вам кое-что из жизни этого человека. Вы поймете тогда причины его вчерашнего поведения. Расскажите, дорогой лейтенант!

Д'Арно говорил с полицейскими около получаса. Он рассказал о жизни Тарзана в диких африканских джунглях, о том, как борьба за существование заставила его превратиться в свирепого зверя. Им стало ясно, что этот человек, нападая на них, руководствовался велениями слепого инстинкта, а не голосом рассудка. Он не понял их намерений: ему они казались врагами.

— Ваше самолюбие задето тем,— продолжал д'Арно,— что этот человек победил вас. Но вы не должны стыдиться. Разве постыдно уступить ярости африканского льва или исполинской гориллы? Вам же довелось меряться силами с тем, чьи мускулы не раз одерживали победу над этими чудовищами черного материка.

Полицейские стояли, глядя на Тарзана и не зная, что им делать дальше. Неожиданно Тарзан подошел к ним и протянул руку.

— Мне очень жаль, что я допустил такую ошибку,— сказал он.— Будем друзьями!

Так было ликвидировано недоразумение. Тарзан стал темой бесконечных разговоров в полицейских казармах, где приобрел четырех преданнейших друзей.

Дома лейтенант д'Арно нашел у себя на столе письмо из Англии от своего друга Уильяма Сесиля Клейтона, лорда Грэйстока. Они переписывались с тех пор, как завязалась между ними дружба, а подружились они во время злополучной экспедиции в поисках Джен Портер, похищенной Теркозом — исполинской обезьяной.

— Они обвенчаются в Лондоне, через два месяца,— сказал, прочитав письмо, д'Арно. Тарзану не надо было говорить, кто подразумевался под словом «они». Он ничего не ответил и остался внешне спокойным.

Вечером друзья отправились в оперу. Тарзан был погружен в свои думы. Он почти не обращал внимания на спектакль, видя всюду перед собой лицо прелестной американки, и слышал только голос, шептавший ему, что его любовь не останется без взаимности... И эта девушка должна выйти замуж за другого! Он попытался отогнать эти мысли, как вдруг ясно почувствовал устремленный на него пристальный взгляд. Инстинктивно он оглянулся и увидел лицо графини Ольги де Куд, которая сидела неподалеку в ложе и с улыбкой смотрела на него. В ее приветствии Тарзан уловил желание увидеться и в антракте зашел в ложу графини.

— Я так хотела вас видеть,— обратилась она к нему.— Мне очень неприятно, что после того, что вы сделали для меня и моего мужа, я не объяснила вам, почему мы не предпринимаем ничего против наших преследователей. Я боюсь, что вы считаете нас неблагодарными.

— Вы ошибаетесь,— ответил Тарзан,— у меня осталось о вас самое приятное воспоминание. Не думайте, что я требую от вас объяснений. Беспокоили ли они вас с тех пор?

— Они никогда не перестанут беспокоить нас,— ответила графиня печально.— Я расскажу вам обо всем. Это может оказаться полезным для вас, так как я знаю Николая Рокова достаточно хорошо, а он будет пытаться мстить вам. То, что я расскажу, надеюсь, поможет вам предотвратить его преступные замыслы. Я не могу об этом говорить здесь, но завтра в пять часов я буду ждать вас у себя дома.

— Часы ожидания покажутся мне вечностью,— ответил Тарзан, прощаясь.

Из глубины партера Роков и Павлович заметили Тарзана, сидевшего в ложе у графини. Оба ухмыльнулись.

На следующий день, в половине пятого, смуглый бородатый человек постучал в дверь особняка графа де Куд. Швейцар впустил его. Они обменялись шепотом несколькими словами. Сначала швейцар задумался над предложением, которое ему, видимо, сделал пришедший, но затем, получив что-то из его рук, провел посетителя по боковому коридору до занавески, скрывавшей маленькую нишу рядом с комнатой, где графиня разливала после обеда чай.

Через полчаса в эту комнату вошел Тарзан.

— Я так рада, что вы пришли,— улыбнулась графиня.

— Ничто не могло бы помешать мне,— ответил он.

Они поговорили об опере, о тех мелочах, которые занимали Париж, об удовольствии возобновления их короткого знакомства, завязавшегося при столь странных обстоятельствах. Это навело их на тему, о которой оба намеревались поговорить.

— Вы удивитесь,— сказала, наконец, графиня,— когда узнаете цель всех преследований Рокова. Она проста. Дело в том, что граф посвящен во многие тайны военного министерства. У него на руках часто бывают бумаги, за которые иностранные державы готовы заплатить баснословные суммы. Ему известны государственные тайны, ради овладения которыми шпионы готовы пойти на насилие, на убийство, на все что угодно. Сейчас у моего мужа хранится документ, обладание которым доставит каждому иностранцу славу и деньги, если он похитит его для своего правительства. Роков и Павлович — русские шпионы. Они не остановятся ни перед чем, лишь бы завладеть этим документом. Тот случай на пароходе — я говорю о карточной игре — был шантажом, чтобы выманить у мужа документы. Удайся проделка с картами,— карьера графа была бы кончена. Вы помешали им. Тогда они решили опозорить меня. Когда Павлович ворвался ко мне в каюту, он предъявил ультиматум: если я раздобуду документ, меня оставят в покое, если нет, то Роков, стоящий за дверьми, пустит слух о том, что я заперлась в каюте с посторонним мужчиной, и сообщит об этом журналистам. Вы подумайте, как это было бы ужасно! Но, к счастью, я знала кое-какие проделки Павловича, за которые его отправят на каторгу, знай о них петербургская полиция. Я шепнула на ухо только одно имя. Он схватил меня за горло и задушил бы, если бы не вы.

— Какие звери! — стиснув зубы, произнес Тарзан.

— Они хуже этого, мой друг,— сказала она,— это дьяволы! Я боюсь за вас, потому что они ненавидят вас. Остерегайтесь их постоянно. Обещайте мне это, потому что мне страшно думать, что вы можете пострадать из-за меня.

— Я не боюсь их,— ответил человек-обезьяна.— Я выходил победителем из схваток с более страшными врагами, чем Роков и Павлович.

Он понял, что графиня ничего не знает про случай на улице Моль, и не упомянул об этом, боясь ее расстроить.

— Я уверена, что вы поймете меня и не осудите слишком сурово.

— Боюсь, что буду очень плохим судьей,— ответил ей Тарзан,— потому что, если бы вы даже совершили убийство, то ваша жертва должна быть благодарна своей завидной участи.

— О, нет,— возразила она,— у меня на совести нет таких преступлений. Но позвольте открыть вам причину того, почему граф и я отказываемся преследовать этих двух людей. Во-первых Николай Роков — мой брат. Николай был плохим человеком, сколько я его помню. Раз-

жалован в армии, причиной чему был грязный поступок по отношению к товарищам, а когда скандал немного утих, отец устроил его на службу в тайной полиции. Много преступлений лежит на совести Николая, но он всегда умел избегнуть наказания. Недавно он совершил провокацию, предав в руки властей несколько человек, обвиняемых в покушении на царя. Наша полиция всегда рада найти преступников такого рода. Когда же истина обнаружилась, полиция кое-как выгородила брата.

— Неужели всего того, что он предпринял против вас и вашего мужа, недостаточно, чтобы порвать всякие кровные узы между вами? — спросил Тарзан.— Какое же это родство, если он готов опозорить вас?

— Да, но есть еще и другая причина. Я боюсь Николая, потому что он посвящен в один случай из моей жизни... Но лучше расскажу все по порядку, потому что чувствую необходимость рассказать вам это рано или поздно.

— Я воспитывалась в монастыре. Там встретила человека, который внушал мне доверие. Я не знала тогда еще ни людей, ни любви. Мне пришло в голову, что я люблю этого человека, и я, повинуясь ему, бежала из монастыря. Мы должны были обручиться. Я пробыла с ним ровно три часа на глазах у всех — на станции железной дороги и в вагоне. Когда мы прибыли к месту нашей свадьбы,— жениха, представьте мой ужас, арестовали. Он оказался дезертиром и преступником, скрывавшимся от суда, за которым следила полиция почти всех стран Европы. Происшедшее удалось скрыть от моих родителей, но Николай узнал все от «жениха», который оказался его приятелем. Теперь он грозит рассказать об этом графу, если я не исполню его требования.

Тарзан рассмеялся.

— Вы — дитя,— сказал он.— То, что вы рассказали сейчас, никоим образом не порочит вашей чести, и, не будь вы в душе таким ребенком, вы поняли бы это. Сегодня же вечером расскажите вашему мужу эту историю так, как рассказали мне. Я убежден, что она его только рассмешит, и он со спокойным сердцем отправит вашего милого братца в тюрьму.

— Я бы хотела иметь мужество сделать это,— сказала она,— но я так боюсь. Я так привыкла бояться людей.

— Это нехорошо,— сказал Тарзан, несколько смущенный последними словами графини.— Я не могу понять, почему женщина в цивилизованном мире должна бояться мужчины,— существа, созданного для ее защиты. Мне было бы неприятно думать, что хоть одна женщина боится меня.

— Мне кажется, что вас вряд ли можно бояться,— сказала ласково Ольга де Куд.— Я знаю вас очень короткое время, но успела убедиться в том, что вы единственный человек, которого я не боялась бы ни в каком случае. Это странно, потому что вы — такой сильный и грозный. Я удивлялась, с какой легкостью справились вы с Николаем и Павловичем тогда в каюте. Это было непостижимо!

Когда Тарзан вскоре уходил от нее, его поразило крепкое пожатие руки при прощании и та настойчивость, с которой графиня обязала его прийти на другой день. Весь вечер он вспоминал о ее полузакрытых глазах и прекрасных губах, так ласково улыбавшихся при прощании.

Ольга де Куд была милой и красивой женщиной, а Тарзан так одинок и нуждался в женской дружбе, которая одна способна залечить сердечные раны.

Когда графиня вернулась в комнату, проводив своего гостя, она лицом к лицу столкнулась с Николаем Роковым.

— Когда ты вошел сюда? — воскликнула она, отшатываясь.

— Незадолго до твоего свидания с любовником,— ответил он с отвратительной усмешкой.

— Как смеешь ты говорить это мне, твоей сестре?

— Хорошо, Ольга. Если это не так, готов взять свои слова обратно. В том, что он не овладел тобой, нет твоей вины. Если бы он имел хоть одну десятую часть моего знания женщин, ты была бы давно в его объятиях. Он — дурак, Ольга! Каждое твое слово, каждый твой жест призывал его, а он не замечал ничего.

Графиня закрыла уши руками.

— Я не хочу слушать тебя! Как смеешь ты говорить мне все это! Завтра же расскажу все Раулю. Он поймет меня, и тогда — берегись, Николай!

— Ты ему ничего не расскажешь,— ответил Роков.

Графиня и в самом деле ничего не сказала своему мужу. Ее положение стало еще мучительнее. Смутная тревога с каждым днем росла, благодаря укорам совести, непомерно преувеличивавшей ее грехи.

V

Неудавшийся заговор

Тарзан стал частым и желанным гостем в доме прекрасной графини де Куд. Иногда он встречал там маленький избранный круг, собиравшийся за вечерним чаем. Но чаще Ольге удавалось под тем или иным предлогом видеться с ним наедине. Раньше она не думала, что ее отношения с Тарзаном выходят за пределы дружбы, но подсказанная Николаем дурная мысль стала все чаще и чаще наводить ее на размышления о той страшной силе, которая влекла ее к сероглазому молодому человеку. Но она не хотела любить его и не ждала его любви.

Правда, графиня была значительно моложе своего мужа и, сама того не подозревая, жаждала дружбы с человеком более молодым. В двадцать лет мы не решаемся открывать свою душу сорокалетним друзьям. Тарзан был старше ее всего на два года. Она чувствовала, что он способен понять ее. А при этом он был так безукоризненно чист, благороден и предупредителен. Ольга нисколько не боялась его, с первой минуты знакомства интуитивно почувствовав, что может довериться Тарзану без страха.

Роков, злорадствуя, наблюдал издали за их быстрым сближением. С тех пор, как ему стало известно, что Тарзан знает о его шпионской деятельности, он стал еще больше ненавидеть человека-обезьяну, боясь, что Тарзан его выдаст. Роков с нетерпением ждал подходящей минуты, чтобы нанести врагу решительный удар, отплатить ему сторицей за унижение и неудачу, виновником которых был молодой человек.

Между тем душевное состояние Тарзана постепенно возвращалось к тому равновесию, из которого было выведено очень давно — с тех пор, как безмятежный покой его родных джунглей нарушила высадка Портера и его спутников. Тарзану было приятно постоянное общение с людьми, окружающими Ольгу, а ее дружба служила источником доброго расположения духа, разгоняла мрачные мысли и действовала как целительный бальзам на его израненное сердце.

Иногда он являлся в дом графа де Куд в сопровождении своего друга д'Арно, который был давно знаком с Ольгой и ее мужем. Граф редко бывал дома во время приемов у жены, так как бесконечные дела, связанные с высоким служебным положением, задерживали его обычно до глубокой ночи.

Роков следил за Тарзаном почти непрестанно. Для осуществления его замыслов нужно было, чтобы Тарзан заявился в особняк графа поздно вечером, но ожидание было напрасным. Случалось, правда, что Тарзан провожал графиню домой из оперы, но неизменно прощался с нею у дверей,— к чрезвычайному неудовольствию ее «преданного» братца.

Когда стало ясно, что поведение Тарзана не дает повода к изобличению его в компрометирующих поступках, Роков и Павлович решили устроить ловушку при помощи искусственной подтасовки обстоятельств. Шаг за шагом они внимательно изучили распорядок дня графа

де Куд и Тарзана. Их труды, наконец, были щедро вознаграждены. Утренние газеты принесли известие о том, что назавтра назначен вечер у германского посла, причем приглашаются исключительно мужчины. В списке приглашенных стояло имя графа де Куд. Если граф примет приглашение, он, очевидно, вернется домой не ранее полуночи.

На следующий вечер Павлович стал на страже у дома германского посла, выбрав место, откуда видны лица подъезжающих. Ждать пришлось недолго. К дому подкатил автомобиль, из которого вышел граф де Куд.

Павлович только этого и ждал. Он поспешил к себе домой, где находился Роков. Заговорщики дождались одиннадцати часов вечера. Павлович снял с телефонного аппарата трубку и назвал номер.

— Квартира лейтенанта д'Арно? У меня есть поручение к господину Тарзану. Не будет ли он любезен подойти к телефону?

Последовало минутное молчание.

— Господин Тарзан?.. С вами говорит Франсуа, слуга графини де Куд. Осмеливаюсь думать, что господин Тарзан помнит Франсуа, не правда ли?.. У меня, сударь, срочное поручение от графини. Она просит вас приехать немедленно, у нее большая неприятность... Нет, сударь, Франсуа ничего не знает... Позволите доложить графине, что скоро будете? Благодарю вас, сударь.

Павлович повесил трубку и, оскалив зубы, посмотрел на Рокова.

— Он явится к графине через полчаса,— сказал его товарищ.— Если ты будешь у германского посла через четверть часа, то граф придет домой через сорок пять минут. Вопрос только в том, пробудет ли этот дурак у Ольги хотя бы пятнадцать минут после того, как узнает, что его обманули. Мне кажется, что Ольга не отпустит его от себя так скоро. Вот тебе письмо к графу де Куд. Торопись!

Павлович, не теряя времени, помчался к дому германского посла. У подъезда он передал письмо лакею.

— Графу де Куд. Письмо очень важное. Постарайтесь передать его графу лично и притом немедленно.

Павлович опустил в руку лакея серебряную монету.

Минуту спустя де Куд попросил извинения у хозяина дома и вскрыл конверт. Читая, он чувствовал, что лицо его бледнеет, а рука дрожит.

«Г. графу де Куд

Некто, желающий спасти честь Вашего имени, считает необходимым сообщить Вам об опасности, угрожающей Вашему семейному очагу. Известный Вам молодой человек, который уже несколько месяцев навещает графиню в часы Вашего отсутствия, находится у нее в настоящую минуту. Если по получении сего Вы немедленно вернетесь домой, то успеете застать их вместе в будуаре Вашей жены.

Ваш доброжелатель».

Через двадцать минут после разговора Павловича с Тарзаном Роков снова снял телефонную трубку и назвал номер аппарата, находившегося в будуаре Ольги.

На звонок отозвалась горничная.

— Я не могу позвать к телефону графиню! Она уже легла.

— Но мне необходимо переговорить с графиней лично,— сказал Роков.— Пусть она наскоро набросит на себя что-нибудь и подойдет к телефону. Передайте, что я позвоню снова через пять минут.

Он повесил трубку. Минуту спустя вошел Павлович.

— Ну, что, передано графу письмо? — спросил Роков.

— Должно быть, он находится уже в пути,— ответил Павлович.

— Прекрасно. Наша дама, вероятно, сидит сейчас у себя в будуаре полуголая. Через минуту верный Жак введет к ней без доклада господина Тарзана. Несколько минут уйдет на выяснение странных обстоятельств их встречи. Ольга будет очень соблазнительна в своей паутинной ночной сорочке и наброшенном сверху пеньюаре. Она изумится, но вряд ли будет раздосадована тем, что случилось. Если только в жилах ее друга течет не вода, а кровь, то граф, который ворвется в будуар через пятнадцать минут, будет свидетелем очаровательной любовной сцены. Мы с тобой все ловко рассчитали, дорогой Алексей! Пойдем, выпьем на радостях по бокалу абсента за здоровье и благополучие мосье Тарзана. Ведь мы с тобой отлично знаем, что граф де Куд — самый искусный фехтовальщик в Париже и лучший стрелок во всей Франции.

У дверей особняка графа де Куд Тарзана впустил слуга Жак.

— Пожалуйста сюда, сударь,— сказал он, взбегая по широким ступеням мраморной лестницы. Услужливо раздвинув тяжелые портьеры, он с низким поклоном пригласил гостя войти в тускло освещенную комнату. Затем Жак исчез.

В глубине комнаты Тарзан увидел Ольгу, сидевшую перед маленьким столиком, на котором стоял телефон. Она нетерпеливо постукивала пальцами по полированной поверхности столика и не слышала, что кто-то вошел.

— Ольга,— спросил Тарзан.— Что случилось?

Она повернула голову с легким криком испуга.

— Жан,— воскликнула она.— Зачем вы сюда пришли? Кто вас впустил? Что это значит?

Тарзан был ошеломлен, но сразу понял, что он и графиня являются жертвами интриги.

— Так вы не вызывали меня, Ольга?

— С какой стати я стала бы вызывать вас ночью, Жан? Неужели вы считаете меня сумасшедшей?

— Но Франсуа по телефону просил меня прийти сюда немедленно. Он сказал, что я вам нужен, так как вам грозит какая-то опасность.

— Франсуа? Я не знаю никакого Франсуа.

— Он назвал себя вашим слугой. Он даже спросил, помню ли я его.

— Среди наших слуг нет человека по имени Франсуа. Вероятно, кто-нибудь подшутил над вами, Жан,— сказала она со смехом.

— Боюсь, Ольга, что это — очень опасная шутка,— ответил молодой человек.— Шутник не только хотел позабавиться, но и преследовал более серьезные цели.

— Что вы хотите этим сказать?.. Неужели вы думаете?..

— Где граф? — прервал ее Тарзан.

— У германского посла.

— Значит, это новая выходка вашего уважаемого братца. Завтра же об этом узнает граф... Он допросит слуг... Налицо все улики...

— Какой негодяй! — воскликнула Ольга.

Она встала и подошла к Тарзану. В ее глазах было то выражение жуткого недоумения и вопроса, которое охотник видит в глазах несчастной, загнанной лани. Она зашаталась и, чтобы удержаться на ногах, коснулась руками его широких плеч.

— Что нам делать, Жан? — прошептала она.

В ее взгляде, движении, словах было что-то простое и непосредственное, напоминавшее мольбу о помощи, с которой беззащитная женщина первобытных племен обращалась к своему естественному покровителю — мужчине. Тарзан взял одну из теплых маленьких ручек, которые касались его плеч, и сжал ее в своей мощной руке. Это произошло помимо его сознания. Почти так же бессознательно, повинуясь инстинктивному желанию защитить ее от опасности, охватил он другою рукой плечи молодой женщины.

У обоих пробежал по телу электрический ток. Никогда прежде они не допускали себя до такой близости.

Взволнованные, испуганные сознанием своей вины, они встретились глазами. Но вместо того, чтобы противиться своему порыву, Ольга еще теснее прижалась к груди друга, еще крепче сжала руками его плечи. А Тарзан принял маленькую трепещущую женщину в свои могучие объятия и покрыл ее горячими поцелуями.

Между тем Рауль де Куд, прочитав переданное ему лакеем письмо, попросил хозяина извинить его вынужденный и преждевременный уход и тотчас же уехал. Впоследствии он никак не мог припомнить, какой предлог придумал второпях, прощаясь с германским послом... Все его впечатления с минуты получения письма слились в одно пятно. Только на пороге своего дома он очнулся от забытья и, овладев собой, стал спокойно и осторожно подыматься по лестнице. Почему-то на этот раз Жак распахнул перед ним дверь прежде, чем он добрался до середины лестницы. Граф не обратил на это обстоятельство особого внимания, хотя впоследствии припомнил его. На цыпочках прокрался он по галерее к двери будуара Ольги. В руке граф сжимал тяжелую трость.

Ольга увидела его первая. С криком ужаса вырвалась она из рук Тарзана.

Тарзан едва успел отвести от своей головы страшный удар тростью, которой замахнулся на него де Куд. Раз, другой, третий — обрушилась на него тяжелая палка, и с каждым ударом человек-обезьяна все больше впадал в свое первобытное состояние. С глухим гортанным рычанием разъяренного зверя бросился он на француза.

Вырвав тяжелую, толстую палку из руки графа, Тарзан сломал ее пополам, как камыш, и схватил за горло своего противника.

Сначала Ольга, свидетель чудовищной сцены, не могла шевельнуться от ужаса. Но потом она бросилась на помощь мужу. Человек-обезьяна медленно отнимал у своей жертвы жизнь, тряся ее, как терьер трясет пойманную крысу.

Обезумев, Ольга тщетно пыталась оторвать руки Тарзана от шеи мужа.

— Пресвятая дева! — кричала она.— Вы убиваете его! О, Жан, вы убиваете моего мужа!

Тарзан был глух к ее мольбам. Но вот он швырнул тело графа на землю и, поставив ногу на его грудь, поднял, наконец, голову. По дворцу графа де Куд прогремел ужасный, торжествующий рев обезьяны, которая прикончила свою жертву. Этот ужасный крик разбудил всех слуг и поверг их в трепет.

Ольга опустилась на колени подле тела своего мужа и стала молиться.

Красный туман, застилавший глаза Тарзану, понемногу рассеялся. Окружающие его предметы приняли прежний вид. К нему возвращалось сознание цивилизованного человека. Взор его упал на коленопреклоненную фигуру женщины.

— Ольга! — прошептал он.

Она подняла глаза, ожидая увидеть в его глазах выражение кровожадного безумия. Но теперь в них читалась скорбь и раскаяние.

— О, Жан! — воскликнула она.— Что вы сделали? Ведь он был моим мужем. Я любила его... Зачем вы его убили?

Бережно поднял Тарзан легкое, гибкое тело Рауля де Куд и перенес на кушетку. Затем он приложил ухо к его груди.

— Немного водки, Ольга!

Вдвоем они кое-как раскрыли графу рот и влили несколько капель. Из бледных губ вырвался слабый вздох. Затем де Куд слегка пошевелил головой и еле слышно простонал.

— Он не умрет,— сказал Тарзан,— слава богу!

— Зачем вы это сделали, Жан? — спросила она.

— Я не знаю. Он ударил меня, и я обезумел. Я видел, как это случалось с обезьянами моего племени. Мне не пришлось рассказать вам до сих пор своей истории, Ольга! Было бы лучше, если бы вы знали ее. Может, тогда не произошло бы того, что случилось сегодня... Я никогда не видел своего отца. Матерью я считал дикую обезьяну... До пятнадцати лет я не видел ни одного человеческого существа. Мне было двадцать, когда я впервые увидел белого человека. Немногим больше года тому назад я был голым, хищным животным в непроходимых джунглях Африки. Не судите меня чересчур строго. Два года — слишком короткий срок для того, чтобы дать дикому человеку то воспитание, которое получила белая раса за много веков.

— Я вас не осуждаю, Жан! — сказала Ольга.— Во всем виновата я одна. А теперь уходите: он не должен увидеть вас здесь, когда придет в сознание. Прощайте.

Печальный, опустив голову на грудь, уходил Тарзан из дома графа де Куд.

Когда он очутился на улице, его рассеянные мысли приняли определенное решение, которое сказалось в том, что двадцать минут спустя Тарзан вошел в здание полицейского управления. На его счастье, он встретил агента, знакомого по стычке на улице Моль, который искренне обрадовался человеку-обезьяне и готов был помочь. Тарзан спросил агента, слыхал ли он когда-нибудь про Николая Рокова и Алексея Павловича.

— Как же, как же... Оба они зарегистрированы у нас, и, хотя против них нет в настоящее время никакого обвинения, мы все же стараемся не упускать их из виду. Это — обычная мера предосторожности, применяемая ко всем известным нам уголовным преступникам. Но зачем вы спрашиваете о них?

— Мне нужно видеть господина Рокова по маленькому делу. Если вы сообщите его адрес, буду вам премного благодарен.

Через несколько минут Тарзан вышел из полицейского управления с клочком бумаги, на котором была указана улица в одном из сомнительных кварталов Парижа. Молодой человек быстро направился к ближайшей стоянке таксомоторов.

Роков и Павлович были дома и обсуждали возможные варианты событий, происшедших в этот вечер. По телефону они вызвали на квартиру представителей утренних газет, чтобы им первым сообщить сведения о скандале, который на следующий день взбудоражит весь Париж.

Тяжелые шаги послышались на лестнице.

— Однако эти журналисты — проворный народ! Не заставляют себя долго ждать,— сказал Роков.

Улыбка приветствия мгновенно слетела с его лица, когда он увидел суровые серые глаза непрошеного гостя.

— Тысяча дьяволов! — воскликнул он, быстро вскакивая.— Что вам здесь нужно?..

— Сядьте,— сказал Тарзан шепотом.

Приятели не расслышали, но тем не менее, испугавшись его тона, опустились на свои места.

— Вы знаете, зачем я сюда пришел,— продолжал Тарзан тем же зловещим голосом.— Я должен был бы убить вас, но не сделаю этого только потому, что вы — брат Ольги де Куд. Павлович не стоит того, чтобы о нем говорили. Это — глупое и ничтожное существо. Оставляя на этот раз вас, Роков, в живых, до поры до времени пощажу вашего сообщника. Но прежде чем я уйду отсюда, вы исполните два моих требования. Первое — написать полное и откровенное признание в учиненном вами заговоре и подтвердить его своими подписями. Второе — под страхом смерти воздержаться от оглашения событий сегодняшнего вечера в газетах. Если не исполните хотя бы одного из этих требований, будете лежать мертвыми прежде, чем я уйду из этой комнаты. Поняли меня?

Не ожидая ответа, он добавил:

— Торопитесь. Вот вам чернила, перо и бумага.

Роков принял воинственную позу, пытаясь показать своей бравадой, что не боится угроз Тарзана. Через мгновение он почувствовал у себя на горле стальные пальцы человека-обезьяны. Улучив момент, Павлович попытался пробраться к двери, но Тарзан, не выпуская Рокова, поймал беглеца одной рукой и швырнул его в

угол комнаты. Когда лицо Рокова посинело, Тарзан разжал пальцы и бросил жертву в кресло.

Насилу откашлявшись и восстановив дыхание, Роков застыл в кресле, исподлобья глядя на человека, стоявшего перед ним. Павлович тоже пришел в себя и проковылял, по приказанию Тарзана, к своему стулу.

— Теперь пишите! — сказал человек-обезьяна.— Если вы снова выведете меня из себя, я не буду так мягок, как до сих пор.

Роков взял перо и начал писать.

— Помните, что вы не должны упустить ни одной подробности, ни одного имени,— предостерег его Тарзан.

Вскоре послышался стук в дверь.

— Войдите! — сказал Тарзан.

Вошел бойкий молодой человек.

— Я слышал, что мосье Роков желает сообщить мне любопытный материал для газеты,— сказал он.

— Вы ошибаетесь, сударь! — ответил Тарзан.— Неправда ли, дорогой Николай, ведь у вас нет никакого материала для газеты?

Роков, склоненный над бумагой, на мгновение поднял лицо, искривленное мрачной гримасой, и проворчал:

— Да, у меня нет никакого материала для газеты — пока...

— И никогда не будет, мой дорогой Николай? — резко оборвал его Тарзан.

Репортер не заметил зловещего блеска, вспыхнувшего в глазах Тарзана, но Роков мгновенно смирился.

— И никогда не будет,— покорно повторил он.

— Мне очень жаль, что вы понапрасну беспокоились, сударь. Спокойной ночи!

Сказав это, Тарзан выпроводил бойкого молодого человека за порог и закрыл перед его носом дверь.

Час спустя Тарзан вышел из комнаты Рокова, унося в кармане объемистую рукопись.

— Если бы я был на вашем месте,— сказал он на прощание Рокову,— то немедленно покинул бы Францию. Рано или поздно, как только мне представится возможность покончить с вами, не компрометируя при этом вашу сестру, я непременно воспользуюсь случаем.

VI

Дуэль

Вернувшись домой, Тарзан нашел своего друга д'Арно спящим. Тарзан не захотел его тревожить и только на следующее утро передал во всех подробностях происшествия минувшего вечера.

— Как глупо я себя вел! — заключил он рассказ.— Де Куд и его жена были моими лучшими друзьями. Чем я заплатил им за сердечное отношение ко мне? Я едва не задушил графа, опорочил доброе имя его жены. Боюсь, что я навсегда расстроил их семейное счастье.

— Вы любите Ольгу де Куд? — спросил д'Арно.

— Если бы я имел малейшее основание предполагать, что она меня любит, я не ответил бы вам на этот вопрос. Но, не боясь оскорбить ее чувство, могу решительно сказать, что не люблю ее и она меня не любит. Мы оба были жертвами минутного безумия, которое прошло бы так же внезапно, как появилось, если бы де Куд не вернулся в это время домой. Как вам известно, я мало знал женщин. А Ольга де Куд так прекрасна! Ее красота, беззащитность, обращение ко мне за помощью,— и при этом слабое освещение комнаты и другие соблазняющие обстоятельства вечера оказались сильнее меня. Может быть, другой, более культурный человек, преодолел бы свой порыв в такую минуту, но ведь ты знаешь, что культура коснулась только моего платья...

— Нет, Париж — не для меня,— продолжал он.— Я знаю, что буду то и дело оступаться и попадать в ловушку. Придуманные людьми правила поведения утомляют меня. Мне кажется, я нахожусь в тюрьме. Я не выношу этого ощущения, мой друг, и поэтому хочу вернуться в родную чащу, к той жизни, для которой рожден.

— Не принимайте все слишком близко к сердцу,— ответил д'Арно.— Вы сделали все возможное для того, чтобы исправить свою ошибку. Немногие из так называемых цивилизованных людей поступили бы при таких обстоятельствах столь благородно, как вы. Что же касается отъезда из Парижа, то, мне кажется, следовало бы подождать, пока вы не узнаете ближайших намерений Рауля де Куда.

Д'Арно не ошибся в предположении, что Рауль де Куд вскоре даст о себе знать.

Неделю спустя, около 11 часов утра, когда Тарзан и д'Арно сидели за завтраком, им доложили о приходе господина Флобера, который в изысканно учтивых выражениях передал господину Тарзану от господина графа де Куд вызов на дуэль.

— Не поручит ли господин Тарзан кому-либо из своих друзей обсудить со мной в кратчайший срок детали предстоящей дуэли к полному удовлетворению обеих заинтересованных сторон?

— Разумеется, господин Тарзан будет рад передать защиту своих интересов лейтенанту д'Арно. Что же касается срока, то господин д'Арно навестит господина Флобера после обеда.

После долгих поклонов учтивый гость ретировался.

Когда друзья остались одни, д'Арно посмотрел на Тарзана испытующим взглядом.

— Ну что? — спросил он.

— Теперь мне предстоит прибавить к своим грехам либо убийство, либо самому быть убитым. Как видите, я быстро усваиваю обычаи моих цивилизованных братьев.

— Какое оружие вы изберете? Говорят, что де Куд с одинаковым совершенством владеет шпагой и пистолетом.

— Мне следовало бы, в таком случае, выбрать отравленные стрелы на расстоянии двадцати шагов или копья на том же расстоянии,— ответил Тарзан со смехом.— Впрочем, пускай будут пистолеты!

— Он убьет вас, Жан!

— Я в этом не сомневаюсь. Надо же когда-нибудь умереть.

— Остановимся лучше на шпагах. Может быть, он удовольствуется тем, что только ранит вас, да и раны, нанесенные холодным оружием, реже бывают смертельны, чем огнестрельные.

— Пистолеты! — в голосе Тарзана звучала решительность.

Д'Арно попытался было уговорить его, но тщетно.

Д'Арно вернулся после встречи с господином Флобером около четырех часов дня.

— Все обдумано,— сказал он.— Завтра на рассвете, на пустынной дороге близ Этан. Господин Флобер настаивал на этом из каких-то одному ему известных соображений. Я не возражал.

— Прекрасно! — таким было краткое заключение Тарзана.

В течение вечера он ни разу, даже косвенно, не упомянул о предстоящей дуэли. Ночью написал несколько писем и, запечатав их, вложил в один конверт, адресованный на имя д'Арно. Затем стал раздеваться, причем д'Арно слышал, как он напевал игривую песенку, которой научился в мюзик-холле. Д'Арно сердито ворчал про себя. Он был сильно сокрушен, так как не сомневался в том, что солнце, которое встанет на следующий день, увидит труп его друга. Беззаботность Тарзана раздражала его.

— Это — самый подходящий час для убийства,— заметил человек-обезьяна, когда его подняли с удобной постели в черные предрассветные часы. Тарзан крепко

спал в эту ночь, и поэтому ему казалось, что едва только он успел положить голову на подушку, как почтительный слуга пришел его будить.

Он сказал об этом лейтенанту д'Арно, который стоял совершенно одетый в дверях его комнаты. Д'Арно почти не спал в эту ночь. Он был нервен и склонен к раздражению.

— Вы, конечно, спали как младенец? — спросил он.

Тарзан засмеялся.

— По вашему тону, Поль, можно подумать, что вы считаете это проступком. Простите, я ничего не мог поделать с собой!

— Нет, Жан, я не считаю сон проступком,— сказал д'Арно, улыбаясь.— Но меня выводит из себя равнодушие, с которым вы относитесь к дуэли. Можно подумать, что вы отправляетесь позабавиться в тир, а не на поединок с одним из лучших стрелков Франции.

Тарзан пожал плечами.

— Я готовлюсь искупить свою вину, Поль. Если бы мой противник был плохим стрелком, это не было бы искуплением. Почему же я должен быть недоволен? Разве вы не сказали, что Рауль де Куд — отличный стрелок?

— Вы хотите сказать, что надеетесь быть убитым? — воскликнул д'Арно в ужасе.

— Нет, я не могу сказать, что надеюсь на это. Но вы сами понимаете, что вряд ли мне суждено остаться в живых.

В глубоком молчании сели они в автомобиль д'Арно и помчались по дороге, ведущей в Этан. Каждый из них был занят своими мыслями. Д'Арно одолевала глубокая грусть, так как он искренне любил Тарзана.

Дружба, связывавшая этих двух людей, столь различных по характеру и воспитанию, становилась с каждым днем все теснее благодаря общности убеждений и вкусов. Обоих привлекали высокие идеалы доблести и чести.

Человек-обезьяна погрузился в воспоминания. Перед ним вновь вставали картины его счастливой жизни в джунглях. Он припоминал бесконечные часы, которые проводил в детстве в покинутой хижине своего покойного отца. Он сидел там на столе, поджав ноги и наклонив свое коричневое тельце над книжкой с чудесными картинками, по которым без всякой посторонней помощи разгадал тайну печатных слов задолго до того времени, когда ушей его коснулись звуки живой человеческой речи.

Улыбка блаженства озарила мужественное лицо Тарзана, когда в его памяти встал лучший день его жизни, который он провел наедине с юной Джен Портер в девственных лесах его родины.

Воспоминание прервала неожиданная остановка автомобиля. Они прибыли к условному месту. Мысли Тарзана вернулись к настоящему. Он знал, что ему грозит смерть, но страха не испытывал. Обитателя лесной чащи смерть подстерегает на каждом шагу. Главный закон природы велит ему всеми силами стремиться к сохранению жизни, бороться за нее. Но природа учит и не бояться смерти.

Д'Арно и Тарзан прибыли первыми к месту дуэли. Минуту спустя приехали де Куд, господин Флобер и третий незнакомец. Его представили Тарзану и д'Арно как доктора.

Д'Арно и Флобер обменялись несколькими словами, произнесенными шепотом. Граф де Куд и Тарзан стояли в это время на противоположных концах поляны. Секунданты проверили пистолеты.

Затем господин Флобер сообщил соперникам правила дуэли. Они должны стать один подле другого, повернувшись друг к другу спиной, а по сигналу господина Флобера разойтись в противоположные стороны. Пройдя десять шагов, они обязаны остановиться, повернуться лицом друг к другу и, по сигналу лейтенанта д'Арно, одновременно начать стрельбу. Стрелять они могут три раза, либо до тех пор, пока один из противников не упадет.

Пока господин Флобер говорил, Тарзан вынул из портсигара папиросу и закурил. Де Куд был олицетворением спокойствия,— разве не он первый стрелок Франции?

Наконец господин Флобер кивнул д'Арно. Они поставили противников на позиции.

— Готовы ли вы, господа? — спросил Флобер.

— Вполне,— ответил де Куд.

Тарзан кивнул головой. Флобер дал сигнал. Он и д'Арно отошли немного назад, чтобы не оказаться на линии огня. Противники разошлись.

Шесть шагов, семь, восемь...

У д'Арно на глазах показались слезы. Он очень любил Тарзана... Девять шагов, десять...

Бедный лейтенант вынужден был дать, наконец, сигнал, прозвучавший для него самого как смертный приговор другу

Де Куд быстро повернулся на месте и выстрелил. Тарзан слегка вздрогнул. Его пистолет все еще болтался на боку, на привязи. Де Куд помедлил немного, как бы ожидая, что противник свалится на землю. Он был слишком опытен, чтобы не видеть, что попал в цель. И все-таки Тарзан не протянул руки к своему пистолету.

Де Куд выстрелил во второй раз, но поведение противника, равнодушие, которым веяло от его исполинской фигуры, застывшей в бездеятельной позе, спокойно попыхивавшей папиросой — все это обескуражило лучшего стрелка Франции. После второго выстрела Тарзан даже не вздрогнул, но де Куд знал, что и на этот раз не промахнулся.

Внезапно француза осенила мысль: его противник решил спокойно ждать трех его выстрелов в надежде, что ни одна из полученных ран не свалит на землю. А потом он спокойно, хладнокровно, не опасаясь больше за себя, использует три законных выстрела. Легкий холодок пробежал по спине графа. Это был адский, дьявольский план. Разве не дьявол стоял перед ним в образе человека, который, несмотря на вонзившиеся в его тело две пули, спокойно и равнодушно ждал третьей...

В третий раз де Куд прицелился еще тщательнее. Но его нервы были расшатаны. Он промахнулся. Между тем Тарзан так и не дотронулся до пистолета.

Несколько мгновений противники молча стояли друг против друга. Лицо Тарзана выражало разочарование, на лице графа читалось выражение ужаса, да, ужаса!

Он больше не в силах был сдерживать себя.

— Пресвятая дева!.. Стреляйте же! — крикнул граф Тарзану.

Но Тарзан не поднял своего пистолета. Вместо этого он сделал несколько шагов по направлению к графу де Куд и, когда д'Арно и Флобер, не поняв его намерений, хотели броситься на защиту графа,— он поднял левую руку, чтобы успокоить их.

— Не бойтесь,— сказал он,— я не причиню ему вреда.

Поведение Тарзана противоречило всем правилам, но все же они остановились. Тарзан подошел вплотную к графу де Куд.

— Вероятно, у вас пистолет не в порядке,— сказал он.— Возьмите мой и попробуйте выстрелить еще раз.

Тарзан взял свой пистолет и, повернув его прикладом вперед, протянул изумленному противнику.

— Ради бога, что вы делаете? — воскликнул граф.— Вы с ума сошли!

— Нет, мой друг,— ответил человек-обезьяна,— просто я заслуживаю смерти. Только смертью я могу искупить свою вину перед очень хорошей женщиной. Возьмите мой пистолет...

— Но ведь это было бы убийством беззащитного! —

сказал де Куд.— И в чем заключается ваша вина по отношению к моей жене?.. Ведь она поклялась мне, что...

— Я не об этом говорю,— поспешно ответил Тарзан.— Вы видели все, что произошло между нами. Но и этого достаточно, чтобы бросить тень на ее имя и разрушить счастье человека, к которому я не питал никакой вражды. Во всем виноват я один, и поэтому я хотел умереть сегодня. Я разочарован в вас, так как все говорят о вас как прекрасном стрелке.

— Вы говорите, что виноваты вы один,— жадно переспросил де Куд.

— Да, только я. Ваша жена — благородная женщина. Она любит только вас. То, что вы видели, произошло по моей вине. Но в нашей встрече в ту ночь неповинны ни я, ни она. Вот документ, который подтвердит мои слова.

Тарзан вынул из кармана показание, написанное Роковым, и протянул графу. Де Куд взял листок. Д'Арно и Флобер подошли ближе. Они были крайне изумлены окончанием странной дуэли, но никто из них не вымолвил слова, пока граф не кончил читать.

Прочитав до конца, де Куд взглянул на Тарзана.

— Вы — доблестный и благородный человек,— сказал он.— Я счастлив, что не убил вас.

Де Куд был французом. Французы — народ экспансивный. Он протянул руку Тарзану и заключил его в свои объятия. Флобер обнял лейтенанта д'Арно. Только доктору некого было обнять. Может быть, чувство обиды заставило его вмешаться и попросить позволения осмотреть раны Тарзана.

— Вы были ранены, по крайней мере, один раз, а, может быть, и три...

— Два,— поправил его Тарзан,— сначала в левое плечо, а затем — в левый бок, но, кажется, ни одна из ран не серьезна.

Все же доктор настоял на том, чтобы Тарзан лег на траву и позволил промыть и перевязать раны. После дуэли все вернулись в Париж в автомобиле д'Арно. С души Рауля де Куд точно свалилось тяжелое бремя, когда он получил двойное подтверждение верности своей жены. Правда, Тарзан взял на себя больше вины, чем этого требовала справедливость. Но если он и лгал немного, то только потому, что защищал честь женщины. А это благородная ложь.

Человек-обезьяна пролежал в постели несколько дней. Он считал это лишним и нелепым, но доктор и д'Арно так настаивали, что он подчинился их воле, не переставая смеяться над своим положением.

— Это так смешно — лежать в постели из-за булавочного укола,— говорил он д'Арно.— Была ли у меня такая мягкая и удобная постель во время детства, когда Болгани, величайшая горилла, почти разорвала меня на куски? Я лежал тогда несколько недель под сенью дружественного куста, и только Кала, бедная, преданная мне Кала, ухаживала за мною. Она не давала насекомым тревожить мои раны и стерегла от нападения хищных зверей... Когда я просил воды, она приносила мне ее во рту — другого способа у нее не было. Ни стерилизованной марли, ни антисептического бинта! Наш доктор сошел бы с ума, увидь он, в каких условиях я лежал. И выкарабкался. А теперь лежу в постели из-за таких ничтожных царапин, на которые дикие жители нашей чащи не обращают никакого внимания, если только эта царапина не на носу.

Как только Тарзан встал с постели, он совершенно неожиданно для него самого должен был уехать из Парижа. Произошло это так. Несколько раз во время болезни его навестил де Куд. Узнав, что Тарзана тревожит вопрос о приискании каких-нибудь занятий, граф предложил свои услуги. В тот день, когда молодому человеку впервые позволили покинуть постель, он получил от Рауля де Куд приглашение явиться пополудни в служебный кабинет графа. Граф от души поздравил недавнего соперника со скорым выздоровлением. С того утра, когда они встретились у барьера, граф ни разу не упомянул в разговоре с ним ни о дуэли, ни об обстоятельствах, послуживших причиной столкновения.

— Мне кажется, я нашел занятие, как нельзя более вам подходящее,— сказал Рауль де Куд.— Служба, которую я хочу вам предложить, очень ответственна и требует смелости и физической силы. Я не могу назвать ни одного человека, который бы больше вас соответствовал этим требованиям. Эта служба связана с отъездом из Парижа. В будущем она откроет вам дорогу к значительно более видному положению, вероятно, по министерству иностранных дел.

Вначале же вы будете специальным агентом при военном министерстве. Я сейчас представлю вас вашему будущему начальнику, который лучше меня объяснит предстоящие обязанности. А потом решайте: приемлема для вас эта должность или нет.

Де Куд лично проводил Тарзана в кабинет генерала Рошера, начальника отделения военного министерства. Представив его генералу и дав блестящую характеристику личных качеств Тарзана как право на ответственную должность, он удалился.

Через полчаса из кабинета вышел и Тарзан, зачисленный в штат министерства. Это была первая служба за всю его жизнь. Радостно возбужденный, спешил он домой, чтобы поделиться со своим другом приятной вестью. Наконец-то он будет представлять собою какую-то определенную величину в мире. Будет зарабатывать деньги и, что важнее всего, получит возможность путешествовать и видеть свет.

Едва переступив порог гостиной д'Арно, Тарзан начал взволнованно рассказывать лейтенанту о своих успехах. Его друг отнесся к новостям менее радостно.

— Вы как будто радуетесь своему отъезду из Парижа и тому, что расстаетесь со мной на долгое время. Вы — самое неблагодарное животное, Тарзан, вот что я вам скажу.

Д'Арно шутливо надулся.

— Нет, Поль,— ответил Тарзан,— я, в сущности, большой ребенок. Сейчас мне подарили новую игрушку, и я вне себя от радости.

На следующий день Тарзан покинул Париж. Маршрут поездки — Марсель — Оран.

VII

Танцовщица из Сиди-Аиссы

Первую миссию, порученную Тарзану, не назовешь особенно интересной и важной. Правительство имело основание подозревать одного из лейтенантов спаги (алжирской туземной кавалерии) в неблаговидных связях с представителями, точнее шпионами, одной из европейских великих держав.

В распоряжении лейтенанта Жернуа, находившегося в данное время в Сиди-бель-Абессе, имелась важная военная информация, полученная им в служебном порядке во время его прежней службы при генеральном штабе. Офицера подозревали в том, что он ведет переговоры с одной из великих держав относительно продажи этой информации. Основанием для подозрения явился туманный намек, брошенный некой знатной парижанкой в пылу ревности. Но генеральные штабы так заботливо охраняют свои тайны, а измена является столь серьезным преступлением, что одного намека бывает достаточно, чтобы навлечь на человека тяжкое подозрение.

Вот почему Тарзан очутился в Алжире под видом американца — охотника и туриста, чтобы удобнее следить за лейтенантом Жернуа. Он предвкушал удовольствие увидеть снова родную Африку, но пейзаж северной ее части был так не похож на тропические леса! В Оране он провел день, бродя по узким, извилистым улицам

арабского квартала, любуясь странной, не знакомой ему жизнью. На следующий день он был уже в Сиди-бель-Аббесе, где передал свои верительные письма гражданским и военным властям, от которых, тем не менее, скрыл истинные цели командировки.

Тарзан обладал достаточным знанием английского языка, чтобы сойти между арабами и французами за американца. Впрочем, когда он встречал англичан, то говорил по-французски, чтобы не выдать себя. Со всеми другими беседовал по-английски, рассчитывая, что даже те из них, кто знает язык, не заметят легких неправильностей его произношения. Он познакомился со многими французскими офицерами и вскоре стал общим любимцем.

Лейтенант Жернуа оказался мрачным, молчаливым субъектом тридцати с лишним лет, державшимся в стороне от своих сослуживцев.

В течение месяца жизнь текла спокойно. Жернуа не встречался ни с одним человеком, которого, даже обладая большой фантазией, можно было принять за агента иностранной державы.

Тарзан начал уже думать, что весь шум, поднятый вокруг имени лейтенанта Жернуа, безоснователен. В это время тот был отправлен в Бу-Сааду, в Малую Сахару, довольно далеко на юг...

Отряд спаги должен был сменить отряд, уже находившийся там. Один из офицеров — капитан Жерар — оказался хорошим знакомым Тарзана, а потому желание Тарзана присоединиться к отряду с целью поохотиться не возбудило ни в ком ни малейшего подозрения.

В Буире отряд сошел с поезда и в дальнейший путь отправился уже верхом.

Проезжая по одной из улиц в Буире, Тарзан заметил, что какой-то европеец бросил на него пристальный взгляд из дверей туземной кофейни. Тарзану не удалось рассмотреть, кто это был, хотя лицо и фигура показались знакомыми. Поездка в Омал утомила Тарзана, не привыкшего долго ездить верхом. Поэтому он, прибыв на место, предпочел мягкую кровать отеля Гросса, в то время как офицеры и солдаты отправились в казармы и на казенные квартиры. И хотя на следующее утро Тарзан встал рано, отряд спаги уже тронулся в путь, прежде чем он успел позавтракать. Тарзан торопился покончить с едой, чтобы успеть догнать спутников, как вдруг его взгляд упал на дверь, которая вела из столовой в примыкавший к ней бар.

К своему удивлению, он увидел там Жернуа, занятого разговором с тем самым неизвестным, которого он заметил в кофейне в Буире. Тарзан не мог ошибиться; было что-то такое в фигуре неизвестного, что отличало его от всех других, хотя он и стоял спиной.

Жернуа оглянулся и поймал пристальный взгляд Тарзана. Неизвестный начал что-то говорить шепотом, но Жернуа прервал его, и оба тотчас же скрылись. Это показалось подозрительным Тарзану. Конечно же, Жернуа и его собеседник покинули бар именно потому, что лейтенант заметил его испытующий взгляд. Кроме того, что-то до неприязни знакомое в спутнике лейтенанта подсказывало Тарзану, что во всем этом таится загадка, раскрыть которую было очень важно в связи с данным ему поручением.

Через секунду Тарзан вошел в бар, но тех, кто интересовал его, там уже не было. Не оказалось их и нигде поблизости на улице.

Свой отряд Тарзан догнал только в Сиди-Аиссе, где солдаты остановились на отдых. Здесь он нашел Жернуа, но уже одного, его собеседник исчез. В Сиди-Аиссе шумел базарный день. Бесчисленные караваны верблюдов, пришедших через пустыню, зрелище живописной восточной толпы побудили Тарзана остаться в Сиди-Аиссе еще на день, чтобы вдоволь налюбоваться ее причудливой жизнью. Тарзан бродил по базару в сопровождении юного араба Абдула, который был рекомендован ему хозяином гостиницы как хороший слуга и переводчик.

Тарзан выбрал себе коня и, разговорившись с владельцем благородного животного, узнал, что его собеседник — никто иной как Кадур бен Саден, шейх племени бедуинов, обитающих к югу от Джельфы. При посредстве Абдула Тарзан пригласил нового знакомого пообедать вместе с ним в то время как они втроем пробирались по базару между толпами продавцов и покупателей, среди верблюдов, ослов и лошадей, Абдул дернул Тарзана за рукав.

— Оглянись, господин,— он указал на чью-то фигуру, прячущуюся за навесом.— Он следит за нами почти с утра.

— Я заметил араба в темно-синем бурнусе и белом тюрбане,— ответил Тарзан,— это он?

— Да. Он мне кажется подозрительным. Следит за нами, чего не подобает делать честному арабу. Нижняя часть лица скрыта повязкой, видны одни глаза. Он — нехороший человек, иначе оставил бы нас в покое.

— Он, должно быть, принимает меня за другого, Абдул,— ответил Тарзан.— Здесь нет никого, кто мог бы питать ко мне вражду. Я впервые в этом городе. Он скоро поймет свою ошибку.

— А может быть, он хочет нас ограбить! — возразил Абдул.

— Тогда все, что мы можем сделать,— ждать, пока он не накинется на нас,— засмеялся Тарзан.— Я ручаюсь, что ему не поздоровится в таком случае,— и он постарался забыть об этом, хотя спустя немного времени пришлось об этом вспомнить при весьма неблагоприятных обстоятельствах.

Кадур бен Саден, плотно пообедав, собрался покинуть своего гостеприимного покупателя. В выражениях почтительнейшей дружбы шейх пригласил посетить его дикие владения, где можно найти и антилоп, и оленей, и кабанов, и пантер, и львов — заманчивую добычу для любого охотника.

После обеда Тарзан в сопровождении Абдула снова пошел бродить по улицам Сиди-Аиссы. Его внимание привлекло одно из многочисленных восточных кафе. Опускался вечер, и танцы в кафе были в полном разгаре. Комната полна арабами. Все курили и пили густой горячий кофе.

Тарзан и Абдул заняли места в центре комнаты, хотя ужасающий треск местного туземного оркестра был неприятен такому любителю тишины, как Тарзан. Хорошенькая плясунья, заметив европейское платье Тарзана и почуяв возможность получить награду за танец, бросила ему на колени свой платок, давая этим понять, что ей следует подарить блестящий, звонкий франк.

Когда ее сменила другая плясунья, быстроглазый Абдул заметил, что первая вступила в разговор со стоящими поодаль двумя арабами. За ее спиной находилась дверь, открывавшаяся во внутренний дворик, окруженный галереей, которая вела в комнаты танцовщиц. Один из арабов, объясняя что-то девушке, кивнул головою в их сторону, а та бросила беглый, испытующий взгляд на Тарзана. Вслед за этим арабы исчезли в темноте двора.

Когда снова наступила очередь танцевать этой девушке, она старалась держаться все время как можно ближе к Тарзану, посылая только ему одному свои сладострастные улыбки. Не один злобный взгляд был брошен смуглыми сынами пустыни на степенного европейца, но ни улыбки, ни гневные взгляды не производили на того никакого впечатления.

Снова девушка бросила свой платок ему на колени, и снова в награду ей зазвенел и покатился, подпрыгивая по полу, блестящий франк. Кончив свой танец, она приблизилась к Тарзану и, наклонившись к нему, быстро прошептала, как бы благодаря его за монету:

— Двое ожидают тебя во дворе. Они хотят убить тебя. Сначала я обещала им заманить тебя, но теперь

вижу, что ты — хороший человек. Уходи скорей, прежде чем они догадаются, что я выдала их.

Тарзан поблагодарил девушку, обещая, что будет начеку, но совету не последовал. В следующие полчаса не случилось ничего особенного, как вдруг какой-то угрюмый на вид араб вошел в кафе с улицы. Он стал неподалеку от Тарзана и громко, вызывающим тоном сказал несколько дерзких слов по адресу европейцев, но Тарзан не понял их, так как не знал арабского языка. Абдул добросовестно перевел оскорбления.

— Этот человек хочет вызвать ссору,— предупредил Абдул,— и он не один, на его сторону встанут все. Было бы лучше уйти, пока ничего не случилось, господин.

— Скажи ему, что я не трогаю его плясунью, и мне нет дела ни до одной плясуньи в кафе! Хочу только, чтобы меня оставили в покое. Я не желаю ссориться с ним,— пусть и он воздержится от ссоры.

— Он говорит,— ответил Абдул, передав слова своего хозяина арабу,— что кроме того, что вы сам — собака, ваша мать была тоже собакой, а бабушка — гиеной, и что вы, к тому же,— и лжец.

Насмешки по адресу Тарзана, которыми сопровождались ругательства араба, ясно показывали, на чьей стороне были симпатии. Тарзан не любил шуток над собою, его живо задели слова араба, но он не выказал ни тени раздражения, только встал из-за стола. Легкая улыбка играла на его лице, как вдруг могучий кулак обрушился на голову обидчика. Когда араб свалился на пол, в кафе ворвалось с улицы несколько человек, ожидавших, видимо, сигнала к драке. С криками: «Смерть неверному! Долой христианскую собаку!» они набросились на Тарзана. Тарзан и Абдул были отброшены в противоположный угол комнаты. Юный араб остался верен своему хозяину и, обнажив нож, стоял рядом с ним, готовый к защите.

Сокрушительными ударами своих страшных кулаков Тарзан повергал наземь всех, кто осмеливался приблизиться к нему. Он бился спокойно и молча, все с той же улыбкой на губах. Казалось невероятным, чтобы он или Абдул остались живы среди этой разъяренной толпы, которая окружила их с саблями, ножами, дубинами в руках. Количество нападающих, как ни странно, гарантировало известную безопасность Тарзану и его спутнику. Толпе было так тесно в небольшой комнате, что никто не мог пустить в ход оружие из боязни поранить своего соседа.

Тарзану удалось схватить одного из самых яростных своих противников. Он обезоружил его, а затем, прикрываясь им как щитом, в сопровождении Абдула начал потихоньку отступать к двери, открывавшей путь на темный двор. На пороге он задержался и, подняв своего пленника над головой, бросил его с силой прямо в гущу врагов.

Поднялась невообразимая суматоха, воспользовавшись которой, Тарзан и Абдул выскочили во двор. Дворик освещался только свечами, которые были прилеплены к дверям каждой комнаты.

Едва Тарзан и Абдул выскочили из кафе, за их спиной раздался револьверный выстрел. Две закутанные в плащ фигуры, притаившиеся до того времени в тени лестницы, выскочили из своей засады, продолжая стрельбу.

Тарзан бросился навстречу новым врагам. Через несколько мгновений один из них был обезоружен и брошен со сломанной рукой на землю. Нож Абдула вонзился в другого, когда тот готов был выстрелить в Тарзана почти в упор.

Разъяренная толпа в кафе пустилась в погоню за ускользнувшей от нее добычей. Танцовщицы в страхе погасили свечи, и теперь весь двор освещался только через открытые двери кафе.

Тарзан взял саблю араба, который упал под ударом ножа Абдула, и спокойно ожидал натиска толпы. Внезапно он почувствовал на своем плече легкое прикосновение и услышал женский голос.

— Скорее, скорее. Иди за мной, сюда...

— Идем, Абдул,— сказал Тарзан тоже шепотом,— вряд ли нам будет где-нибудь хуже, чем здесь.

Женщина повела их по узенькой лестнице, находившейся в конце двора. Тарзан заметил золотые и серебряные браслеты на ее обнаженных руках, цепочки из золотых монет, украшавшие волосы. Он узнал в ней ту самую плясунью, которая предупредила его об опасности.

Снизу, со двора, доносились угрожающие крики.

— Сейчас они придут сюда,— прошептала девушка,— хотя ты и дерешься как лев, в конце концов смерть настигнет тебя, но есть выход. Из окна моей комнаты можно выпрыгнуть прямо на улицу.

Совет оказался запоздалым. Преследователи обнаружили их и бросились вверх по лестнице. Передний из нападавших встретил, однако, у цели неожиданное препятствие — острие сабли. С криком боли араб упал вниз, прямо на головы соплеменникам. Поднялась паника. Лестница, не выдержав тяжести и тряски, рухнула вместе с людьми. Тарзан, Абдул и их спасительница оказались одни на верхней площадке.

— Поспешим! — воскликнула плясунья.— Они поднимутся по другой лестнице, близкой к моей комнате. Нельзя терять ни минуты!

Едва только они вошли в ее комнату, Абдул услыхал, как агрессивная толпа решила разделиться на две части, из которых одной поручалось сторожить улицу, чтобы не упустить неверных.

— Теперь мы пропали! — прошептала девушка.

— Мы? — переспросил Тарзан.

— Да,— ответила она.— Они убьют и меня. Разве я не помогла вам?

Это придавало делу иной оборот. До сих пор Тарзан наслаждался возбуждением битвы и опасности, не думая о судьбе девушки. Он старался обезопасить лишь себя, отступая потихоньку и не желая обращаться в бегство, пока не вынудят обстоятельства. Один он мог бы броситься в самую гущу толпы и, поражая противников ударами направо и налево, как это делает лев, проложить себе путь к спасению. Но теперь это стало невозможным, он обязан позаботиться не только о себе, но и о своих друзьях.

Тарзан подошел к окну. Высунувшись на улицу, он взглянул не вниз, а вверх. Впереди выдавалась низкая крыша. Тарзан подозвал девушку. Крепко охватив ее тонкий стан рукою, человек-обезьяна поднял ее на плечи.

— Подожди здесь, я сейчас спущусь к тебе,— сказал он Абдулу,— а пока загороди дверь всем, что есть в комнате. Задержи их.

Затем Тарзан поднялся на подоконник с девушкой на плечах.

— Держись крепче,— предупредил он ее и через секунду с легкостью и проворством настоящей обезьяны очутился на крыше. Спустив девушку с плеч, он нагнулся над краем крыши и тихонько позвал Абдула.

Тот показался в окне.

— Давай руку,— прошептал Тарзан. Дверь уже поддавалась под ударами преследователей. Она развалилась с треском, и в тот же момент Абдул почувствовал, что сверхчеловеческая сила подняла его в воздух и, как перышко, перенесла на крышу.

План Тарзана удался.

Люди, ворвавшиеся в комнату плясуньи, остановились в изумлении перед волшебным исчезновением беглецов.

VIII

Битва в пустыне

Наши беглецы притаились на крыше. Абдул, прислушивавшийся к гортанным крикам и фразам арабов, переводил их Тарзану.

— Они бранятся с людьми, которые были на улице, обвиняют, что не доглядели. А те, в свою очередь, кричат, что надо обыскать весь дом, а не трусить.

Вскоре шум утих. Тарзан поблагодарил девушку за услугу, которую она оказала иностранцу, чужому для нее человеку.

— Ты мне сразу понравился,— ответила она.— Ты не похож на других, которые приходят в кафе, не оскорблял и был щедр.

— Что же ты будешь делать завтра? — спросил он.— Тебе нельзя возвращаться в кафе, да и в городе вряд ли будешь в безопасности.

— Завтра все будет забыто,— ответила плясунья,— но я бы с радостью не вернулась ни в это, ни в другое кафе. Поэтому и бежала с вами. Ведь я пленница.

— Пленница? — недоверчиво переспросил Тарзан.

— Сказать точнее, рабыня. Меня украли ночью из дуара моего отца, привезли сюда и продали арабу, хозяину кофейни. Около двух лет я не видела родных. Все они далеко на юге и не бывают в Сиди-Аиссе.

— Ты хотела бы вернуться к своим? — спросил Тарзан.— Я могу доставить тебя до Бу-Саады в полной безопасности, а там договорюсь с комендантом, чтобы дал тебе охрану для дальнейшего пути.

— О, господи! — воскликнула девушка,— чем я отплачу тебе за это? Неужели ты сделаешь так много для бедной плясуньи? Но мой отец может вознаградить тебя — и он сделает это. Недаром же он великий шейх, Кадур бен Саден!

— Кадур бен Саден! — воскликнул Тарзан.— Да ведь Кадур бен Саден находится здесь, в Сиди-Аиссе! Он обедал со мною сегодня.

— Мой отец в Сиди-Аиссе? — воскликнула удивленная девушка.— Хвала Аллаху! Я спасена!

— Тише,— прервал ее Абдул.— Слушайте.

Снизу донеслись едва слышимые в ночной тишине голоса.

Тарзан не разобрал отдельных слов, но Абдул и девушка перевели:

— Теперь они ушли,— заметила последняя.— Им почему-то необходимо убить тебя. Чужеземец, который предложил деньги за твою смерть, лежит в доме Ахмед дии Сулефа с поломанной рукой, и он назначил еще большую награду тому, кто убьет тебя по дороге в Бу-Сааду.

— Это тот самый, кто следил за нами на базаре,— воскликнул Абдул.— Я видел его вчера снова в кофейне, его и другого; оба вышли во дворик, поговорив вот с этой девушкой. Это они стреляли, когда мы выбежали из кофейни. За что они хотят убить тебя, мой господин?

— Не знаю,— ответил Тарзан, а затем, после паузы, добавил: — Разве только...— Но он не окончил фразы, потому что мысль, пришедшая в голову, несмотря на то, что только она одна могла объяснить все происшедшее, показалась ему совершенно невероятной.

Улица, дворик и кофейня опустели. Тарзан осторожно спустился на подоконник комнаты танцовщицы, спустил на окно Абдула, а затем и плясунью.

Абдул быстрым взглядом окинул улицу и прыгнул вниз; Тарзан с девушкой на руках последовал за ним. Девушка слегка вскрикнула в испуге, но Тарзан бережно поставил ее на твердую землю.

— Как ты силен, господин! — прошептала она в восхищении.— Ты сильнее, чем лев.

— Мне хотелось бы встретить этого молодца в пустыне,— сказал Тарзан.— Я много слышал о нем.

— Во владениях моего отца ты его увидишь,— пообещала девушка.— Он живет в горах, к северу от нас, и спускается по ночам к дуару моего отца в поисках добычи. Одним ударом лапы лев валит на землю большого быка. Горе тому путнику, который встретит его ночью в пустыне!

Благополучно достигли все трое отеля. Заспанный слуга не соглашался исполнить их просьбу — поискать Кадур бен Садена, откладывая это на утро, но золотой, вложенный в его руку, все изменил. Тарзан боялся промедлить, полагая, что шейх рано утром отправится в обратный путь.

Вскоре слуга вернулся, ведя с собой величавого Кадур бен Садена, видимо, озадаченного столь поздним приглашением.

— Господин оказал мне честь...— начал он, и вдруг взгляд его упал на стоявшую перед ним девушку. С распростертыми руками кинулся он к ней.— О, моя дочь! Благодарение Аллаху! — слезы потекли по суровому, мужественному лицу шейха.

Когда вождь племени услышал историю бегства, он протянул руку Тарзану.

— Все мое — твое, мой друг, и даже моя жизнь,— лаконично сказал он, и Тарзан понял, что это — не пустые слова.

Решили отправиться в дорогу ранним утром, чтобы достичь Бу-Саады к вечеру. Для мужчин сравнительно не трудный путь, но для девушки он мог быть утомителен. Тем не менее, она первая настояла на скорейшем отправлении. Несколько часов короткого сна, и небольшой караван выступил в поход.

Вначале хорошая дорога позволяла быстро продвигаться вперед, но затем начались нескончаемые пески пустыни. Лошади вязли на каждом шагу. Кроме Тарзана, Абдула и шейха с его дочерью с ними ехало четыре бедуина из племени шейха, сопровождавших его во время поездки в Сиди-Аиссу... Вооруженные ружьями, они не боялись дневного нападения, надеясь достигнуть Бу-Саады до наступления сумерек.

Дул ветер. Песок поднимался над землею, попадая в глаза людям и лошадям. Вокруг нескончаемые цепи песчаных холмов, а далеко на юге — туманные очертания Атласа. Как непохожа была эта Африка на великолепную, лесистую Африку, в которой Тарзан провел свое детство и юность!

Абдул, который ехал впереди каравана, все время оглядывался назад. Он поднимался на вершину каждого придорожного холма и внимательно вглядывался вдаль. Его бдительность оказалась ненапрасной.

— Смотрите! — воскликнул он.— За нами шесть всадников.

— Твои вчерашние друзья, господин! — заметил спокойно Кадур бен Саден Тарзану.

— Вероятно,— ответил тот.— Я жалею, что мое присутствие может поставить вас лицом к лицу с большою опасностью. Я остановлюсь в ближайшей деревне и узнаю, куда и зачем направляются эти господа. Вы же продолжайте свой путь.

— Если ты остановишься, мы — тоже,— сказал Кадур бен Саден.— До тех пор, пока ты не избавишься от этих людей, мы будем с тобой. Вот и все.

Тарзан только кивнул головой. Он не любил многословия, и Кадур бен Саден сразу проникся к нему искренним уважением, ибо никого так не презирает истый араб, как болтуна.

Абдул весь день следил за таинственными всадниками. Они держались на почтительном расстоянии и во время остановок не пробовали приближаться.

— Они ожидают темноты,— сказал Кадур бен Саден.

Темнота наступила прежде, чем они достигли Бу-Саады.

Абдул сумел разглядеть в сгустившихся сумерках, что преследователи начали быстро приближаться, ста-

раясь как можно скорее покрыть расстояние, отделявшее их от каравана великого шейха.

Абдул шепнул об этом Тарзану — он не хотел пугать девушку.

Тарзан придержал лошадь.

— Ты поедешь вперед со всеми, Абдул,— сказал он,— я разделаюсь с ними один!

— Абдул будет с тобою,— ответил молодой араб с решимостью, которая не могла быть побеждена ни уговорами, ни приказаниями.

— Хорошо,— ответил Тарзан.— Вот удобное местечко для засады — камни на верхушке холма. Спрячемся здесь и встретим их как следует.

Они соскочили с лошадей. Передние уже успели уйти довольно далеко и скрылись в вечерней мгле. Вдали уже виднелись огни Бу-Саады. Тарзан осмотрел ружье и вынул револьвер из кобуры. Он приказал Абдулу увести лошадей в сторону, чтобы, в случае перестрелки, животные находились в безопасности.

Тарзан стоял прямо посреди дороги. Ему не пришлось долго ждать. Вскоре до его слуха донесся галоп скачущих во весь опор лошадей, и в темноте проявились смутные контуры двигавшихся белых фигур.

— Стойте! — воскликнул Тарзан.— Или я буду стрелять!

Всадники остановились. Несколько мгновений ничто не нарушало тишины ночи. Затем послышался шепот, и они рассеялись в разные стороны. Снова пустыня затихла, но тишина эта не предвещала ничего хорошего.

Абдул поднялся на одно колено.

Тарзан напряг все свое внимание. До его слуха донеслась тихая поступь приближавшихся лошадей. Со всех сторон — с севера и с юга, с востока и с запада — они были окружены. Раздался выстрел. Пуля прожужжала над головой Тарзана. Разом отовсюду защелкали затворы и посыпались пули, со зловещим треском взрывавшие песок вокруг Тарзана и молодого араба. Те, в свою очередь, не медлили с ответом. Они целились по вспышке выстрелов, так как самих стрелявших нельзя было различить в темноте.

Стало очевидно, что нападающие окружили их и теперь суживали кольцо, догадываясь, видимо, что противник их малочислен. Один подъехал слишком близко. Глаза Тарзана, привыкшего видеть в темноте, различили фигуру. Раздался выстрел, и испуганная лошадь шарахнулась в сторону уже без всадника в седле.

— Темнота в нашу пользу! — заметил, усмехнувшись, Тарзан.

В это время нападающие словно по сигналу помчались на них. Казалось, схватке наступил конец. Тарзан и Абдул укрылись за камнями.

Началась отчаянная перестрелка. Арабы отступили, готовясь снова повторить свой неудавшийся маневр. Теперь их было только четверо против двоих.

Передышка длилась несколько минут. Тарзан не мог понять — то ли арабы отступили, то ли устроили засаду на дороге. Ему не пришлось долго раздумывать. Раздался залп из четырех ружей. Внезапно ему ответил другой залп, дюжина выстрелов из-за спины арабов. Раздались крики, топот лошадей по дороге в Бу-Сааду.

Нападающие обратились в бегство. Не ожидая приближения своих новых противников, они предпочли умчаться в сторону Сиди-Аиссы. Перед Тарзаном выросли фигуры Кадур бен Садена и его воинов. Старый шейх был чрезвычайно рад, видя Тарзана и Абдула невредимыми.

— Почему ты не сказал, что хочешь устроить засаду? — укоризненно спросил шейх.— Мы бы уничтожили их всех — семеро не двое.

— Засады не получилось бы,— ответил Тарзан,— если бы остановился весь караван. Я не хотел также доставлять вам беспокойства по моему личному делу. Вот почему я и Абдул приняли бой. Кроме того, с тобой была твоя дочь, не хотелось подвергать ее жизнь опасности.

Кадур бен Саден пожал плечами. Вряд ли его удовлетворило это объяснение.

Перестрелка вблизи стен Бу-Саады привлекла внимание сторожевого патруля. Офицер попросил объяснить причину стрельбы.

— Несколько разбойников,— ответил Кадур бен Саден,— напали на нас, но были обращены в бегство. Двое из них убиты. Из наших никто не пострадал.

Офицер удовлетворился этим и приказал отряду подобрать убитых.

Двумя днями позже Кадур бен Саден со своей дочерью и спутниками двинулся дальше на юг. Шейх пригласил Тарзана к себе, дочь со своей стороны активно поддержала просьбу. Тарзан не мог, естественно, объяснить истинную причину отказа, поездка в гости отвлекла бы его от ответственного поручения. Он лишь пообещал при первой же возможности воспользоваться приглашением.

Два дня отдыха Тарзан провел в обществе старого шейха и его дочери. Он был очень заинтересован этой расой суровых и величественных воинов, а потому пользовался случаем присмотреться к их жизни и обычаям. Он начал даже приобретать кое-какие познания в языке, учась у черноглазой девушки. С подлинным сожалением распростился он с ними и долго еще смотрел караван вслед, мечтая о свободной и дикой жизни.

Это были люди в его вкусе. Их суровое существование, полное опасностей и тягот, нравилось Тарзану, которому не могла быть приятна изнеженная жизнь в городах Европы. Эта жизнь привлекала к себе даже сильнее, чем джунгли — потому что здесь были люди, настоящие люди, которых он мог уважать и ценить, и притом оставаться близким к дикой природе, которую так любил. У него мелькнула мысль — исполнив поручение, вернуться сюда и жить рядом с Кадур бен Саденом полудикой жизнью пустыни.

Тарзан повернул лошадь и медленно поехал по направлению к городу. Там он зашел в бар. Было еще утро, время завтрака. В почти пустом офицерском обеденном зале сидел лейтенант Жернуа. К нему подошел одетый во все белое араб и, наклонившись, прошептал что-то на ухо. Во всем этом не было чичего особенного, но когда араб нагнулся к уху лейтенанта, Тарзан заметил, что его распахнувшийся бурнус прикрывал перевязанную и, видимо, сломанную левую руку.

IX

Лев пустыни

В тот день, когда Кадур бен Саден отправился на юг, почта принесла Тарзану письмо от д'Арно. Оно вновь растравило старую рану, о которой Тарзан хотел забыть.

«Дорогой друг!

С тех пор, как я в последний раз писал Вам, я успел побывать по делам в Лондоне, где пробыл три дня. В первый же день я посетил Вашего старого друга, совсем неожиданно для него, на улице Генриетты. Вы никогда не угадаете — кого. Никого иного, как г. Самюэля Филандера! Да, это так. Я вижу Ваш недоверчивый взгляд. Но это еще не все! Он настоял на том, чтобы я пошел с ним в отель, где я попал в общество профессора Архимеда Портера, мисс Портер и огромной негритянки, служанки мисс Портер, Эсмеральды. Пришел и Клейтон. Они поженятся очень скоро, так что следует ждать приглашения на свадьбу каждый день.

Когда я остался один на один с Филандером, он сообщил мне по секрету, что мисс Портер уже три раза под разными предлогами откладывала день свадьбы. Он

признался, что, ему кажется, она совсем не склонна выходить замуж за Клейтона, но ее принуждают к тому какие-то посторонние обстоятельства.

Конечно, все они расспрашивали о Вас, но я, помня Ваши инструкции, старался возможно меньше говорить о Вашем прошлом, удовлетворяя их любопытство рассказами о настоящем.

Мисс Портер была особенно заинтересована и задала целый ряд вопросов. Боюсь, что я немножко хватил через край, объясняя мотивы Вашего решения вернуться в джунгли. Я пожалел об этом потом, когда заметил, что это огорчило и опечалило ее.

— Не знаю,— сказала она,— я все же думаю, что бывает более тяжелая участь, чем участь Тарзана, вынужденного вернуться в джунгли. По крайней мере, его совесть будет спокойна. Там бывают минуты безмятежности, дни, полные невиданной красоты. Вам покажется странным, что я, испытавшая столько ужасов в этих страшных лесах, иногда страстно хочу вернуться к ним: я не могу не чувствовать, что лучшие минуты своей жизни я провела там.

На ее лице, когда она это говорила, была невыразимая тоска. Я понял ее хитрость. Понял, что в этих словах она хотела передать Вам привет от своего сердца, которое, принадлежа другому, будет всегда учащенно биться при воспоминании о Тарзане.

Клейтон заметно нервничал, когда Вы становились темой разговора. Не знаю, известна ли ему вся правда. Вместе с Клейтоном пришел и Теннингтон. Они — большие друзья. Теннингтон увлечен своей яхтой и намеревается отправиться на ней в плаванье, приглашая с собой всю компанию. Звал и меня, но я ответил, что он и его друзья окажутся когда-нибудь на морском дне, если не поймут, что хрупкая яхта не океанский пароход и не военный крейсер.

Третьего дня вернулся в Париж. Вчера встретил графа и графиню де Куд на скачках. Они осведомились о Вас. Де Куд прямо-таки влюблен в Вас. Ольга прекрасна, как и прежде. Мне кажется, благодаря Вам, она получила урок, который принесет ей много хорошего в жизни.

Ольга просила сообщить Вам, что Николай покинул Францию, получив от нее двадцать тысяч франков отступного. Она довольна, что убрала его раньше, чем он привел в исполнение свою клятву убить Вас при первом удобном случае. Она добавила, что ей также было бы тяжело знать, что у Вас на руках кровь ее брата. Граф заметил при этом, что понадобился бы целый полк Роковых, чтобы убить Вас. Он самого высокого мнения о Вашей силе и храбрости.

Мне приказано вернуться на корабль. Он уходит из Гавра через два дня. Я напишу Вам при первом же удобном случае.

Искренне Ваш Поль д'Арно».

— Боюсь,— подумал Тарзан,— что Ольга совершенно напрасно истратила свои двадцать тысяч франков.

Он снова перечитал ту часть письма, где д'Арно передавал разговор с Джен Портер. Тарзан испытывал при чтении скорбную радость, и это было лучше, чем не испытывать никакой радости.

Следующие три недели прошли незаметно. Несколько раз Тарзан встречал таинственного араба, однажды вместе с лейтенантом Жернуа. Жернуа старался держаться как можно дальше от Тарзана. Он был явно враждебно настроен к нему.

Стараясь не выдать себя и быть тем, кем он значился в своем паспорте, то есть американцем-охотником и туристом, Тарзан провел несколько дней на охоте, поблизости от Бу-Саады. Ему нравилось выслеживать легких, как ветер, газелей, но он никогда не стрелял в них. Какой смысл истреблять самых безвредных и беззащитных созданий? Просто из удовольствия?

Тарзан никогда не убивал ради удовольствия. Он любил радость равной схватки, опьянение победой, осторожное выслеживание добычи, а приходить из города в пустыню, с запасами провизии и всеми орудиями убийства только для того, чтобы лишить жизни изящных, ясноглазых газелей — это казалось ему более жестоким, чем расчетливое, хладнокровное убийство человека.

Тарзан уходил на охоту всегда один — для того, чтобы никто не видел, что он охотится только для виду. Однажды, может быть, именно потому, что не было спутников, он чуть-чуть не лишился жизни.

Медленно ехал он по дну небольшого оврага, как вдруг раздался выстрел. Пуля пробила пробковый шлем. Он тотчас же повернул и быстро поднялся наверх,— холмы были пустынны.

— Да,— заключил Тарзан свои размышления.— Ольга, действительно, напрасно истратила свои двадцать тысяч франков.

В тот же вечер он побывал в гостях у капитана Жерара.

— Ваша охота, по-видимому, была не особенно удачна? — спросил тот.

— Да,— ответил Тарзан,— здесь охота скучна и бедна. Я думаю отправиться на юг, где надеюсь набрести хоть на одного из ваших алжирских львов.

— Прекрасно! — воскликнул капитан.— Завтра мы выступаем в Джельфу. Лейтенант Жернуа и я, с сотней людей, получили приказ отправиться на юг и очистить страну от разбойников. Может быть, мы будем иметь удовольствие вместе поохотиться на льва?

Тарзан был более чем рад. Он не колебался ни секунды в своем ответе, но капитан, наверно, удивился бы, если бы узнал истинную причину его решения.

Но не все, видимо, были так рады предложению капитана. Рядом с Тарзаном сидел Жернуа.

— Вы убедитесь, конечно, что охота на львов во много раз опаснее расстреливания газелей,— заметил капитан Жерар.

— Но и расстреливание газелей, как вы выразились, по-моему, тоже имеет опасную сторону, в особенности, когда едешь один. По крайней мере, я убедился в этом сегодня. А также убедился в том, что, оказывается, не газель самое трусливое животное...

Он как бы случайно взглянул на Жернуа, желая проверить, в какой мере тот причастен к выстрелу в пустыне. Краска залила шею офицера. Тарзан был удовлетворен и быстро сменил тему разговора.

Когда колонна на следующее утро выступила на юг от Бу-Саады, с полдюжины арабов сопровождали ее, образуя арьергард.

— Они не принадлежат нашему отряду,— ответил Жерар на вопрос Тарзана,— а едут с нами за компанию.

Тарзан в достаточной мере изучил характер арабов за время пребывания в Алжире, чтобы догадаться, что не это было истинной причиной. Арабы не любят водить дружбу с европейцами, особенно с французскими солдатами. Затаив в душе подозрение, он не спускал глаз с маленькой кучки людей, двигавшейся в четверти мили позади отряда. Они не подъезжали ближе даже во время остановок, поэтому он не мог хорошенько разглядеть их.

Тарзан был убежден, что среди этой кучки людей находились его враги, как не сомневался и в том, что все это дело рук Рокова. Но была ли это месть за прошлое, или что-то новое в связи с делом Жернуа, этого он не мог уяснить. Если справедливо последнее предположение, что было весьма вероятно, недаром Жернуа относится к нему с подозрительностью — то он приобрел двух очень сильных противников.

На второй день пути колонна повернула на юго-запад, откуда пришли известия о бесчинствах шайки разбойников. Группа арабов, сопровождавшая отряд от самых ворот Бу-Саады, внезапно исчезла, и никто не мог сказать причину поспешного бегства, равно как и куда они направились.

Все это не нравилось Тарзану, тем более, что Жернуа переговаривался с арабами за полчаса до того, как капитан Жерар отдал приказ об изменении маршрута. Только Тарзан и Жернуа заранее знали о приказе. Тарзан не сомневался в том, что Жернуа сообщил арабам направление дальнейшего пути.

После полудня отряд достиг небольшого оазиса, где был расположен даур шейха, у которого стада были похищены разбойниками, а пастухи убиты. Арабы покинули палатки из козьих шкур и окружили солдат, засыпая их вопросами. Тарзан, который с помощью Абдула делал кое-какие успехи в арабском языке, стал расспрашивать юношу, который состоял при шейхе.

Нет, он не видал шести всадников. В этой местности немало оазисов, возможно, они укрылись в одном из них. Кроме того, многие разбойники обитают в горах, откуда небольшими партиями делают набеги на окрестности, доходя до Омала и Буиры.

На следующий день капитан Жерар разделил отряд на две части. Лейтенанту Жернуа была вверена одна половина отряда, сам капитан возглавил другую. Они должны были очистить от разбойников целую область по ту сторону горного хребта.

— К какому же отряду причислите себя вы, мосье Тарзан? — спросил капитан.— Или, может быть, вас не интересуют дела подобного рода?

— О, напротив, я восхищен! — постарался уверить его Тарзан.

Он затруднился найти подходящий предлог для того, чтобы отправиться с отрядом Жернуа. Но тот сам вывел его из затруднения.

— Если вы, господин капитан, уступите мне удовольствие быть в обществе мосье Тарзана, я сочту за честь пробыть с ним хотя бы один час.

Его тон был необычайно любезен и предупредителен. Тарзан поспешил выразить свое одобрение.

Лейтенант Жернуа и Тарзан конь-о-конь двинулись в путь во главе отряда спагов. Предупредительность и любезность Жернуа оказались, однако, весьма непрочными. Едва они покинули город, как лейтенантом овладела его постоянная молчаливость. Отряд все время двигался вдоль узкого каньона, пока перед глазами не показалась маленькая долина, окруженная обрывистыми утесами. Жернуа приказал остановиться и занялся осмотром местности в бинокль.

— А сейчас мы разделимся на два разъезда,— сказал он.

Лейтенант стал излагать детали своего плана, давать инструкции, а затем повернулся к Тарзану:

— А вы, сударь, будьте добры подождать здесь нашего возвращения.

Тарзан попытался возразить, но тот сразу осадил его.

— Может произойти бой,— сказал он,— а присутствие мирных граждан затрудняет действия войск.

— Но, дорогой лейтенант,— прервал его Тарзан,— я готов и рад быть под вашей командой или под командой одного из ваших сержантов или капралов и сражаться в их рядах. Ради этого я и нахожусь здесь.

— Я был бы очень рад, если бы это было так,— возразил ему Жернуа с усмешкой, которую даже не старался скрыть, а затем кратко добавил.— Вы повинуетесь моим приказаниям, а я предлагаю вам оставаться здесь до нашего возвращения. Покончим на этом! — И, повернувшись, отъехал. Тарзан остался один среди пустынных гор.

Солнце пекло вовсю. Человек-обезьяна укрылся в тени ближайшего чахлого дерева и, сидя на земле, развлекался курением. Внутренне он проклинал Жернуа за его проделку. Просто маленькая месть с его стороны, так думал он. Вдруг он подумал, что его враг не настолько глуп, чтобы причинить ему неприятность столь безобидного сорта. Нет, за этим скрывалось что-то другое, посерьезней! Тарзан поднялся и осмотрел ружье. Обойма была на месте. Затем вынул свой револьвер. Приняв эти меры предосторожности, осмотрел окружающие возвышенности и овраги, чтобы убедиться, что застать его врасплох нельзя.

Солнце опускалось все ниже и ниже, а спаги и не думали возвращаться. Наконец сумерки окутали долину. Тарзан был слишком горд, чтобы поехать обратно в лагерь. Он хотел дать время отряду Жернуа вернуться в долину, где, как он думал, и была назначена общая встреча.

С наступлением ночи человек-обезьяна почувствовал себя в безопасности. Он привык к темноте. Он знал, что никто не сможет приблизиться к нему с такой осторожностью, чтобы обмануть его чуткий слух. Кроме того, его глаза умели различать в темноте, а тонкое обоняние предупредило бы о приближении врага с подветренной стороны. Поэтому он спокойно уснул, прислонившись к дереву.

Тарзан спал несколько часов. Когда проснулся, разбуженный испуганным храпением лошади, луна стояла высоко на небе. В десяти шагах от него стоял тот, кто был причиной тревоги коня.

Громадный, величественный, со сверкающими глазами стоял перед ним лев Нума. Тарзан почувствовал прилив какой-то радости, как при виде старого друга после многих лет разлуки. Несколько мгновений он не шевелился, наслаждаясь могучим видом царя пустыни.

Но вот Нума приготовился к прыжку. Медленно, очень медленно Тарзан прицелился. Он еще никогда не убивал большого зверя из ружья, а всегда защищался копьем, отравленными стрелами, ножом, веревкой или, наконец, просто руками. Теперь он пожалел, что у него нет при себе ножа и стрел,— с ними он чувствовал бы себя уверенней.

Нума низко пригнулся к земле. Стрелять было неудобно, а Тарзан знал, что может произойти в случае промаха. Поэтому он предпочел выстрелить сбоку, а для этого сделал шаг в сторону. Нума, не двигаясь, следил за человеком. Тарзан сделал еще шаг, еще... Теперь он мог целиться между ухом и глазом. Его палец нажал собачку... В этот самый момент Нума сделал прыжок. Испуганная лошадь с такой силой шарахнулась в сторону, что порвала уздечку, и, почувствовав себя свободной, во весь опор умчалась в пустыню.

Никто не избег бы страшного прыжка Нумы. Но Тарзан был необыкновенный человек. С раннего детства его мускулы были приучены действовать с быстротой молнии. Он оказался проворнее, чем лев. Тот, в своем прыжке, налетел на ствол дерева, хотя рассчитывал встретить в этом месте живого человека, а Тарзан сбоку выпустил в него еще один заряд. Лев с ревом упал на песок. Еще два раза выстрелил Тарзан. Лев лежал неподвижно. Над ним стоял уже не мосье Тарзан, а Тарзан-дикарь, поставивший ногу на труп своего врага и потрясающий воздух мощным криком торжества.

Все живое задрожало в диких скалах, услышав этот крик, а внизу, в пустыне, дикие кочевники-бедуины выбежали из своих шатров, встревоженные появлением нового врага, нового похитителя их стад.

Тарзан теперь вполне убедился, что Жернуа и не собирался возвращаться сюда. Однако оставалось непонятным, почему лейтенант покинул его здесь, дав возможность свободно возвращаться в лагерь.

Так как лошадь убежала, он решил тронуться в обратный путь пешком. Едва он добрался до долины, как с другой стороны в нее спустились закутанные в белые бурнусы фигуры... Несколько мгновений они таились за камнями, осматриваясь вокруг, а затем двинулись дальше. Под деревом, где сидел Тарзан, они наткнулись на убитого льва, а потом продолжили свой путь по пустыне вслед за ушедшим Тарзаном, оглядываясь на каждом шагу и прячась за естественные прикрытия, как делают люди, которые охотятся на человека.

X

В долине мрака

Пересекая каньон, освещенный яркой африканской луной, Тарзан думал о джунглях, и только о них. Одиночество и дикая свобода наполняли его сердце жизнью и энергией. Снова он был диким Тарзаном, гордым своей силой, готовым встретить любого врага. Ночные голоса гор были новы для него, и все-таки ухо прислушивалось к ним, как к нежному зову полузабытой любви. Многие из них он узнавал. Вот знакомый кашель леопарда-Шиты. Но нет! Странные ноты слышались в последних протяжных звуках. Это была пантера.

Но вот новый звук — тихий, вкрадчивый — раздался среди других. Человеческое ухо не различило бы его. Вначале Тарзан не мог сообразить, что это такое, но затем понял, что это — шуршание песка под босыми ногами людей. Они шли за ним, шли молча и тихо, как бы подкрадываясь.

Только теперь он понял, почему Жерноа оставил его одного в пустыне. Очевидно, нанятые им арабы несколько опоздали к указанному месту, и им пришлось пуститься в погоню по следам ускользавшей жертвы.

Все ближе и ближе шуршал песок под ногами преследователей. Тарзан остановился и повернулся к ним лицом, с ружьем наготове. Мелькнули в темноте белые бурнусы. Он громко спросил по-французски, что им нужно от него. В ответ раздался выстрел. Тарзан упал на землю ничком.

Арабы не сразу бросились на него. Они подождали некоторое время, чтобы убедиться, что их жертва действительно не может встать. Тогда только они наклонились над телом лежавшего Тарзана. Он не был мертв. Один из напавших замахнулся прикладом своего ружья, чтобы размозжить Тарзану череп, но другой остановил его.

— Если доставим его живым, награда будет вдвое больше,— объяснил он товарищу.

Потом арабы связали ему руки и ноги, взвалили на плечи и тронулись в путь с драгоценной ношей. Спустившись с холма, они повернули на юг и к утру достигли места, где были спрятаны их лошади. Отсюда их путешествие продолжалось с большей скоростью. Тарзан, уже пришедший в себя, был привязан к седлу. Он был только слегка ранен и контужен. Кровотечение прекратилось, но лицо и платье были запачканы кровью. Он не промолвил ни слова с тех пор, как попал в руки арабов, да и они обращались к нему лишь с короткими, отрывистыми фразами.

Шесть часов мчались они по желтым пескам знойной пустыни, избегая всяких встреч, объезжая оазисы, и к полудню достигли дуара в двадцать шатров. Тарзана освободили от веревок. Пленник был окружен толпой мужчин, женщин и детей. Многие из них находили особое удовольствие в издевательствах над ним, в особенности женщины. Одни бросали в него камни, другие били палками. Появился шейх и унял разбушевавшуюся толпу.

— Али бен Ахмет сказал мне,— начал он свою речь,— что этот человек один в горах справился со львом. С какой целью послал нас чужеземец захватить этого человека, я не знаю, так же как не знаю, что он сделает с ним. Все это не мои заботы, но наш пленник герой, и пока он находится в наших руках, мы должны обращаться с ним с величайшим уважением, как с человеком, который один охотится на льва ночью и убивает его.

Тарзан давно слышал о том уважении, которым пользуются среди арабов люди, победившие льва в схватке один на один. Он был счастлив, что судьба так неожиданно избавила его от неизбежных в подобном случае мучений и потехи толпы. Вскоре его привели в шатер, крытый козьим мехом, напоили, накормили и связанным положили на ковер. Он мог видеть стражу, которая сидела у входа в шатер. Пытаясь освободиться, он убедился, что связали его знатоки своего дела: ни одна веревка не поддавалась усилиям.

Уже в сумерки в шатер вошло несколько человек в арабских одеждах. Один из них выступил вперед и, подойдя к Тарзану, откинул скрывавшее его лицо покрывало. Тарзан узнал злобные черты Николая Рокова.

Наглая улыбка играла на его губах.

— Ах, мосье Тарзан! Очень рад вас видеть. Но почему не поднимаетесь и не приветствуете вашего гостя? — Затем с отвратительной усмешкой Роков прибавил: — Вставай же, собака! — и ударил Тарзана в бок носком сапога.— А вот тебе еще и еще! — кричал он, продолжая наносить удары куда попало.— Вот моя месть за все прошлое!

Тарзан не отвечал. Он даже не удостоил Рокова взглядом. Наконец стоявший до того в стороне шейх, немой свидетель подлой расправы, вмешался.

— Прекрати! — приказал он.— Убей его, если тебе это нужно, но я не позволю так издеваться над героем в моем присутствии.

— Хорошо,— сказал Роков,— я убью его сейчас же.

— Делай это не в моем дуаре,— ответил шейх.— Что бы ты ни совершил с ним в пустыне — это не мое дело, но я не хочу, чтобы кровь француза пала на голову моего племени. Тогда пришлют карательный отряд, убьют нас, сожгут палатки, угонят стада — и все из-за того, что тебе ненавистен этот человек.

— Ну что ж,— проворчал Роков,— я уведу его в пустыню и там застрелю его.

— Ты уедешь с ним на день пути от моих шатров,— твердо сказал шейх.— Я пошлю своих сыновей проводить тебя, и если ты ослушаешься моего приказания, в пустыне останутся два трупа, а не один!

— В таком случае мне придется ждать рассвета. Уже темно.

— Как хочешь,— сказал шейх.— Но с восходом солнца ты должен покинуть мой дуар. Я не люблю неверных и ненавижу трусов.

Роков еле сдержал себя и с безразличным видом вышел из шатра.

На пороге его он поддался искушению еще раз взглянуть на Тарзана.

— Спокойной ночи, сударь,— сказал он.— Не забудьте помолиться, потому что завтра будет поздно!

Никто не позаботился принести Тарзану пищи и воды после полудня. Он страдал от жажды. Он не знал, стоит ли просить сторожа принести воду. Несколько вопросов, оставленных без всякого ответа, убедили Тарзана в бесполезности каких бы то ни было просьб.

Далеко в горах он слышал рев льва. Он подумал о том, что гораздо безопаснее чувствовать себя между дикими зверями, чем между людьми. Никогда, за всю свою жизнь в джунглях, его не мучили так безжалостно, как среди цивилизованных людей. Никогда он не был так близок к смерти.

Снова заревел лев. Казалось, он подошел немного ближе. Тарзан почувствовал старое, знакомое ему желание ответить на рев криком своих сородичей. Он совсем забыл о том, что он человек, а не обезьяна.

Тарзан осмотрел свои путы. Как бы он хотел приблизить их к своим зубам! Он был в бешенстве, увидав, что все усилия его освободиться — тщетны.

Лев ревел непрестанно. Было очевидно, что он спустился в пустыню в поисках добычи. Это был рев голодного зверя. Тарзан завидовал его свободе. Никто не связал его веревками и не бросил в угол шатра, как овцу, предназначенную на убой.

Тарзан не боялся смерти, но его ужасало унижение — невозможность биться за свою жизнь, на удар ответить ударом. Возможно, ему удастся найти способ взять с собою в предстоящий далекий путь и Рокова.

Было около полуночи. Тарзан услышал, что дикий властелин пустыни приблизился к дуару. Долгое время царило ничем не нарушаемое молчание, наконец Тарзан услышал шорох осторожно двигавшегося существа. Оно кралось вдоль стены шатра, с задней стороны его, обращенной к горам. Все ближе и ближе... Он ожидал, внимательно вслушиваясь. Наступила тишина; не слышно было дыхания зверя, притаившегося у шатра. Вот снова легкое движение. Медленно приподнимается задняя завеса шатра, и чье-то тело проскальзывает в образовавшуюся щель...

Зловещая улыбка играет на губах Тарзана. Все-таки Роков будет обманут! Как он будет взбешен этим! Смерть от когтей льва неизмеримо лучше, чем смерть от рук Рокова!

Задняя стена палатки опускается на свое место. Снова — темнота. То, что пролезло в щель между приподнятой завесой шатра и землей, находится уже рядом с ним... Он слышит, как оно подбирается к нему, становится рядом с ним... Тарзан закрывает глаза и ждет удара могучей лапы. На его лицо опускается чья-то нежная рука, и тихий девичий голос шепотом называет его по имени.

— Да, это я,— отвечает он.— Но, ради бога, кто ты?

— Плясунья из Сиди-Аиссы,— слышится в ответ. С этими словами девушка начинает разрезать его путы. Лезвие ножа холодит руку. Еще секунда — и он свободен.

— Идем! — прошептала девушка.

На четвереньках последовал Тарзан за своей избавительницей тем же путем, каким она попала туда. Она ползла, пригнувшись к земле, и наконец остановилась.

— Я не могу понять,— начал Тарзан,— каким образом ты очутилась здесь? Как узнала, что я взят в плен? Почему ты пришла спасать меня?

Плясунья из Сиди-Аиссы улыбнулась.

— Я пришла издалека, и нам придется долго идти, прежде чем минет опасность. Иди за мной, я расскажу все по пути.

Она направилась через пустыню к скалам, возвышающимся вдалеке.

— Я не была уверена в том, что доберусь до тебя,— сказала она наконец.— Лев ходит сегодня поблизости. Мне все время казалось, что он следит за мною.

«Что за храбрая девушка!» — подумал Тарзан и спросил:

— И ты подвергла себя такой опасности ради чужеземца — незнакомого, неверного?

Она гордо глянула на него.

— Я дочь шейха Кадур бен Садена. Я была бы недостойна быть его дочерью, если бы не спасла человека, который спас мне жизнь тогда, когда считал меня простой плясуньей.

— Несмотря на это,— настаивал он,— ты — храбрая девушка. Но как все-таки ты узнала, что я схвачен и приведен сюда?

— Ахмед дин Таиб, мой двоюродный брат, встретился со знакомым из здешнего племени. Он был в их дуаре, когда тебя привели туда. Приехав домой, он рассказал нам о высоком французе, захваченном Али бен Ахмедом по уговору с другим французом, который хочет убить его. По описанию я узнала, что это — ты. Моего отца не было дома. Я пробовала убедить людей помочь тебе, но все они отказались. Пусть неверные ссорятся и истребляют друг друга, говорили они. Это нас не касается, и если мы впутаемся в дела Али бен Ахмеда, то только навредим себе.

— Поэтому, с наступлением темноты, я пустилась в путь, взяв с собою лишнюю лошадь для тебя. Лошади — здесь, неподалеку. К утру мы уже будем в дуаре отца. Он, наверное, вернулся. Пусть тогда кто-либо попробует отнять у Кадур бен Садена его друга.

Далее они шли молча.

— Странно, что я не вижу лошадей. Они должны быть поблизости.

Девушка остановилась с испуганным криком:

— Они ушли! Я оставила их здесь!

Тарзан наклонился к земле.

— Здесь был лев. По следам видно, что добыча ушла от него. Лошади спаслись, но мы-то их потеряли.

Не оставалось ничего другого, как продолжить путь пешком. К счастью, девушка хорошо знала дорогу. Они шли, разговаривая, не переставая прислушиваться, нет ли за ними погони.

Была прекрасная лунная ночь. Воздух сух и прозрачен. За их спиной лежала безграничная пустыня, с редко разбросанными оазисами. Группа пальм и шатры, покинутые ими, как видение, вырисовывались позади них. Перед ними поднимались суровые, молчаливые горы. Кровь быстрее закипела у Тарзана в жилах.

Вот это — жизнь! Он посмотрел вниз, посмотрел на девушку, шедшую за ним,— на дочь пустыни, следовавшую по стопам сына джунглей,— и улыбнулся. Ему захотелось иметь сестру, похожую на нее. Каким смелым товарищем она была бы ему! Они уже вошли в горы, медленно подвигаясь по крутым склонам.

Каждый погрузился в свои думы. Девушка — о том, успеют ли они достигнуть дуара ее отца прежде, чем их настигнет погоня. Тарзан думал о друге, который бы так же любил дикую жизнь, как он сам. Там, во Франции, у него было много друзей, но они ни за что не променяли бы своих крахмальных воротничков и мягких кресел на привольную жизнь в диких джунглях.

Беглецы внезапно остановились. Прямо перед ними, посреди тропинки, стоял лев-Нума. Его глаза горели, зубы оскалены, он ударял себя хвостом по бедрам. Слышался короткий, страшный рев голодного зверя.

— Нож! — быстро сказал Тарзан. И приказал девушке:

— Беги назад, в пустыню, как можно скорее! Когда услышишь мой голос, возвращайся: значит, все благополучно.

— Зачем бежать? — ответила она.— Нам пришел конец!

— Делай так, как я говорю! Скорее! Лев готов уже броситься.

Девушка отошла на некоторое расстояние и остановилась, будучи не в силах оторвать глаз от ужасной сцены.

Лев медленно подвигался к Тарзану, пригнувшись к земле, дрожа и готовясь к прыжку. Тарзан стоял, сжимая рукоять ножа, лезвие которого блестело при свете луны. За ним — фигура девушки, застывшей и недвижной, как статуя. Она слегка подалась вперед, тяжело дышала, широко раскрыв глаза. Она была в ужасе и, вместе с тем,— в восторге перед храбростью человека, не побоявшегося встретиться лицом к лицу с царем зверей. Человек ее племени пал бы ниц перед этим чудовищем, отдавая себя в его власть, а здесь — ни одного тревожного движения, ни одного боязливого крика! Спокойствия, выдержки и силы — больше, чем у самого льва.

Зверь был уже совсем близко. Он сжался, как пружина, присел на задние ноги и с ревом взвился вверх, в страшном прыжке.

XI

Джон Колдуэлл из Лондона

Лев бросился на Тарзана, рассчитывал найти в нем легкую добычу, к какой привык во время своих прежних ночных охот. Для него человек был неуклюжим, тяжелым на подъем, беззащитным созданием. Он не питал к нему никакого уважения.

На этот раз, однако, ему пришлось разочароваться. Лев столкнулся с человеком таким же ловким и сильным,

как он сам. Когда мощная лапа зверя опустилась на место, где мгновение назад стояла его жертва,— ее там уже не было. Тарзан ловко увернулся от грозивших ему когтей и прежде, чем лев успел обернуться, сам напал на него сзади и схватил за гриву. Зверь поднялся на задние лапы, как лошадь.

Тарзан ожидал этого: своей стальной рукой он обвил его шею и один, два, десять раз погрузил свой нож в грудь, под левую лопатку. Безумен был рев Нумы. Его усилия освободиться были напрасны. Человек крепко держал его в страшных объятиях и опустил уже мертвым. Царь зверей лежал перед ним на земле.

И тут дочь пустыни стала свидетельницей того, что напугало ее еще больше, чем появление льва. Человек поставил ногу на труп зверя и, подняв свое прекрасное лицо, залитое лунным светом, к небу, испустил самый страшный крик, который когда-либо слыхали ее уши.

В испуге она отбежала в сторону. Она решила, что в борьбе со зверем ее спутник потерял рассудок. Крик замер в воздухе, и только тогда Тарзан опустил глаза и увидел девушку. Тотчас же на его лице появилась ласковая улыбка — свидетельство его здравого ума — и девушка, улыбнувшись ему в ответ, вздохнула свободно.

— Что ты за существо? — спросила она.— Ты совершил неслыханный подвиг! Я не могу поверить, что человек с одним ножом в руках может преградить путь льву и победить его в борьбе один на один. А этот крик — он не может принадлежать человеку!

Тарзан покраснел.

— Я забываю иногда, что я — цивилизованный человек. Когда я вижу кровь, кажется, что во мне просыпается какое-то другое существо.

Он не мог объяснить ничего больше, так как ему всегда казалось, что женщина должна с отвращением смотреть на того, кто так похож на зверя, как он. Солнце уже взошло, когда они миновали горы, снова спустились в пустыню и среди кустов, у источника, нашли заблудившихся ночью лошадей. Тарзан и его спутница тотчас же вскочили на них и во весь опор помчались к дуару шейха Кадур бен Садена.

Погони не было, и к девяти часам они благополучно достигли цели. Шейх только что вернулся домой и был встревожен исчезновением дочери, считая, что ее снова похитили разбойники. С пятьюдесятью своими подданными он готов был уже отправиться на поиски в тот момент, когда она сама, в сопровождении Тарзана, прискакала в дуар.

Радость шейха по случаю возвращения его дочери была не меньше, чем чувство благодарности к Тарзану, который провел ее через все опасности пустыни.

Старый шейх принял своего белого друга с почетом. Когда девушка рассказала о схватке со львом, удивлению и расспросам не было конца. Арабы готовы были боготворить победителя в этом страшном поединке. Шейх настаивал на том, чтобы Тарзан непременно оставался его гостем. Он хотел даже принять его в свое племя, и на минуту эта перспектива увлекла Тарзана, мечтавшего навсегда остаться среди полудикого народа, с которым у него установилось взаимное понимание.

Его дружба с девушкой была одной из причин, заставивших серьезно задуматься над предложением шейха. Будь она мужчиной, он бы нисколько не колебался, потому что знал, что, вступая в племя, приобретает вместе с тем и друга, с которым может вдоволь охотиться и рыскать по пустыне. Но в данном случае между ним и ею встанет непроходимая стена условностей, которые у диких народов пустыни еще более обязательны, чем у цивилизованного человечества. Она выйдет замуж за какого-нибудь воина своего племени, и это будет концом их дружбы.

Поэтому он решил отказаться от первоначального решения и сообщил шейху, что будет его гостем в течение недели.

Дни пролетели быстро, шейх и его пятьдесят воинов проводили Тарзана до самых ворот Бу-Саады. Еще в дуаре, когда отряд готовился сесть на лошадей,— девушка подошла попрощаться с Тарзаном.

— Я молилась, чтобы ты остался у нас,— сказала она ему,— а теперь буду молиться, чтобы ты возвратился к нам!

В ее прекрасных глазах была печаль, а уголки рта дрожали. Тарзан был тронут.

— Кто знает? — ответил он ей вопросом и, повернув коня, поскакал вслед за отрядом.

У Бу-Саады он распрощался с шейхом и его воинами. У него были основания пробраться в город как можно более незаметно. Он поделился своими соображениями с шейхом, и тот вполне одобрил их. Отряд арабов должен был первым вступить в город, не обмолвившись о нем ни словом. Вслед за ними он тоже проберется туда и остановится в каком-нибудь уединенном постоялом дворе.

Под покровом темноты, не замеченный никем, Тарзан прочик в город. На другой день, пообедав вместе с Кадур бен Саденом, он отправился в тот отель, где останавливался раньше. Достигнув его окольными путями, Тарзан встретил у входа его владельца. Тот, казалось, был удивлен, увидя своего постояльца живым.

— Да, на имя господина пришла почта. Он может получить ее. Нет, нет, он никому не скажет, что господин возвратился из путешествия.

Несколько писем было передано Тарзану. Одно — от его начальника с приказанием прервать работу в Алжире и с ближайшим же пароходом поспешить в Кейптаун, где он и получит дальнейшие инструкции у лица, имя и адрес которого прилагались при этом. Тарзан решил покинуть Бу-Сааду ранним утром следующего дня.

Затем Тарзан отправился к капитану Жерару, который, по словам хозяина отеля, накануне вернулся во главе своего отряда. Он застал капитана дома. Тот был приятно изумлен и обрадован, увидя Тарзана здоровым и невредимым.

Тарзан объяснил капитану, что заблудился в пустыне и долго бродил по пескам, пока не набрел на шатры Кадур бен Садена, который и доставил его в город.

После этого Тарзан распрощался с Жераром и поспешил обратно к шейху, от которого узнал интересную новость. Какой-то чернобородый европеец поселился с недавнего времени в Бу-Сааде. Он носит арабское одеяние, не так давно его рука была на перевязи. Последние дни его не было в Бу-Сааде, а теперь он снова появился на улицах города. Местопребывание его известно. Тарзан решил навестить европейца.

В глубине узкой, извилистой и грязной улицы он нашел указанный дом. Ветхая лесенка вела ко входной двери, рядом с которой было маленькое окошечко. Тарзан подкрался к нему и заглянул внутрь.

Комната была освещена. У стола сидели Роков и Жерну. Жерну говорил:

— Роков — вы дьявол! Вы заставили меня расстаться с последними остатками моей совести. Вы довели меня до убийства, так как кровь Тарзана на моих руках. Если бы Павлович не знал моей тайны, я бы убил вас тут же на месте.

Роков засмеялся.

— Вы никогда не сделаете этого, дорогой мой,— сказал он.— В тот момент, как я паду мертвым, Алексей тотчас же поставит военное министерство в известность о ваших делишках. Будьте благоразумны! Я — ваш лучший друг. Разве я не защищал вашу честь так же, как свою собственную?

Жерну усмехнулся.

— Вы должны уплатить еще некоторую сумму денег,— продолжал Роков,— и отдать мне документы. После этого, даю вам слово, я не буду больше беспокоить вас.

— Еще бы,— ответил Жерну,— вы отбираете у меня

последние деньги и единственно важную военную тайну, которой я обладаю. Вы должны были бы платить мне за сообщение. Вместо этого мне еще приходится откупаться от вас деньгами.

Роков, казалось, не обратил внимания на последние слова лейтенанта.

— Да или нет? — спросил он.— Я даю вам три минуты на размышление. Если вы не согласитесь, то сегодня же вам будет предъявлено властями то же самое обвинение, которое было предъявлено Дрейфусу, с той, правда, существенной разницей, что тот не был виновен.

Несколько мгновений Жернуа сидел с опущенной головой. Наконец он поднялся и вынул из кармана какие-то бумаги.

— Вот,— сказал он глухим голосом,— я приготовил их, так как знал, что этим все кончится.— Он протянул их Рокову. Тот с улыбкой злобного торжества схватил драгоценные документы:

— Хорошо, Жернуа, больше я вас не буду беспокоить — по крайней мере до тех пор, пока у вас не накопится еще денег и секретных бумаг.

— Никогда! — прошептал Жернуа.— В другой раз я убью вас! Я хотел это сделать сегодня. Целый час перед тем, как прийти сюда, я сидел за своим столом, положив рядом бумаги и заряженный револьвер. Я долго думал и не мог решить, что захватить с собой. Но в другой раз выбор будет не так труден, потому что я уже приготовился к нему. Вы рисковали сегодня своею жизнью, Роков, не дразните же судьбу в другой раз!

С этими словами он направился к выходу. Тарзан прижался к стене, рассчитывая, что открываемая дверь скроет его. На пороге показался Жернуа, за ним — Роков. Никто не говорил ни слова. Жернуа быстро спустился с лестницы. Тарзан услыхал вздох облегчения, вырвавшийся из груди Рокова, который вошел в комнату и прикрыл за собою дверь.

Тарзан подождал, пока Жернуа скроется из виду, затем толкнул дверь и очутился в комнате. Он приблизился к Рокову прежде, чем тот успел подняться со стула. Узнав Тарзана, он побледнел.

— Это... вы?

— Я,— ответил Тарзан.

— Что вам нужно?..— испуганно прошептал Роков, увидя недобрый блеск глаз Тарзана.— Вы пришли убить меня? Вы не смеете!

— Нет, я смею сделать это,— в голосе Тарзана звучали гневные нотки.— Никто не знает, что вы находитесь здесь и что я пришел сюда. Павлович согласно вашей же инструкции известит всех, кого надо, что это сделал Жернуа. Вы должны быть убиты, Роков, и я убью вас.

Стальные пальцы сжали горло авантюристу. Роков сопротивлялся понапрасну. В руках Тарзана он был похож на мышь, попавшую кошке в лапы.

Тарзан усадил его в кресло и ослабил мертвую хватку:

— Я дал вам возможность почувствовать, ощутить смерть. Но на этот раз не убью вас. Щажу только ради той женщины, несчастьем которой является родство с вами. Но помните, щажу в последний раз. Если и впредь вы будете беспокоить ее, или ее мужа, или меня — если я услышу, что вы вернулись во Францию или во французские колонии,— я доконч-у то, что начал сегодня.

Затем Тарзан повернулся к столу и взял лежащие на нем бумаги. Роков тяжело дышал.

Тарзан просмотрел оба документа. Роков успел только наскоро пробежать их глазами. Вряд ли он мог зрительно запомнить то количество цифровых данных, которые делали их неоценимыми для врагов Франции.

— Это понравится начальнику штаба,— Тарзан сунул бумаги в карман.

Роков застонал. Он не осмелился ничего сказать.

На следующее утро Тарзан выехал из Бу-Саады на север. Проезжая мимо отеля, он увидел на веранде лейтенанта Жернуа. Заметив Тарзана, тот побледнел, как полотно. Тарзан хотел бы избежать этой встречи, но раз она состоялась, ему не оставалось ничего иного, как издали поздороваться с лейтенантом. Жернуа невольно ответил на его приветствие, провожая его полными ужаса глазами. Казалось, живой мертвец смотрел на появившееся перед ним привидение.

В Сиди-Аиссе Тарзан встретил знакомого офицера.

— Вы из Бу-Саады? — спросил тот.— Вы ведь выехали рано утром и, наверное, ничего не слыхали о бедняге Жернуа?

— Я попрощался с ним при отъезде,— ответил Тарзан.— В чем дело?

— Он застрелился сегодня, в восемь часов утра.

На второй день пути Тарзан достиг Алжира. До отхода корабля в Кейптаун оставалось два дня. Это время он посвятил составлению подробного отчета о своей командировке. Отправляя пакет в военное министерство, Тарзан не положил туда добытых документов, решив либо передать их доверенному агенту, либо отвезти в Париж лично.

Когда он вступил на корабль, два человека следили за ним. Оба были великолепно одеты и начисто выбриты. Более высокий из них имел рыжие волосы и, вместе с тем, густые черные брови.

Повинуясь указаниям своего начальства, Тарзан путешествовал теперь инкогнито, под именем Джона Колдуэлла, из Лондона. Он не понимал, зачем это нужно, и ломал голову над тем, что ему придется делать в Кейптауне.

— Хорошо,— подумал он.— что я отделался от Рокова. Он уже начал надоедать мне.

За обедом Тарзан оказался рядом с молодой дамой, сидевшей по левую руку от капитана. Тот представил ее:

— Мисс Стронг.

Где он слыхал это имя? Оно было хорошо знакомо ему. Вдруг мать девушки дала ему в руки ключ к разгадке, назвав дочь Элоизой. Элоиза Стронг!.. Сколько воспоминаний связано у него с этим именем!

Ей было адресовано письмо Джен Портер, из которого он узнал о любви к нему прекрасной девушки. Он живо помнит ту ночь, когда украл это письмо со стола, в хижине своего покойного отца, где Джен Портер писала его поздно ночью, не подозревая, что пристальные глаза лесного зверя следят за нею из темноты...

Теперь он воочию увидел Элоизу Стронг — лучшую подругу Джен Портер.

XII

Встреча двух кораблей

Оглянемся на несколько месяцев назад и перенесемся на маленькую железнодорожную станцию в северном Висконсине. Шесть человек на перроне ожидают поезд, который должен увезти их на юг.

Профессор Архимед Портер, заложив руки за спину, прохаживается вдоль платформы под бдительным надзором своего верного секретаря Самюэля Филандера. Увлеченный своими мыслями профессор дважды уже порывался спуститься с платформы и скрыться в лесной чаще, и оба раза его выручали неусыпные заботы мистера Филандера, возвращающего ученого мужа на место.

Джен Портер, дочь профессора, вяло и принужденно разговаривала с Уильямом Сесилем Клейтоном и Тарзаном. Внутри станции, в зале для ожидания, за несколько минут до этого произошло объяснение, разбившее счастье двух человек. Уильяма Сесиля Клейтона не было в числе этих двух.

За спиной Джен Портер стояла верная Эсмеральда. Она была счастлива. Разве она не возвращалась в родной Мерилэнд?

В вечернем тумане она уже заметила мелькнувшие вдали огоньки приближающегося поезда. Мужчины начали собирать вещи. Вдруг Клейтон воскликнул:

— Черт возьми! Я забыл свое пальто в зале!

— Прощай, Джен,— сказал Тарзан, протягивая ей руку.— Будь счастлива.

— Прощай,— тихо ответила девушка.— Постарайся забыть меня... Нет, нет! Мне будет тяжело думать, что ты позабыл меня...

— Не бойся этого,— ответил он.— Мне следовало бы забыть тебя. Это было бы легче, чем жить с постоянной мыслью о том счастье, которое ушло от меня. Ты будешь счастлива. Скажи всем, что я возвращаюсь в Нью-Йорк. С Клейтоном мне не хочется прощаться. Я не должен сердиться на него, но я не могу оставаться спокойным, когда передо мною находится человек, разлучивший меня с любимой.

Пока Клейтон искал свое пальто, ему попалась на глаза телеграмма, валявшаяся на полу. Он поднял ее и стал читать. И вдруг сразу позабыл о своем пальто, о приближающемся поезде, обо всем окружающем, кроме этого маленького листка желтой бумаги. Он перечитал ее дважды, пока уяснил ужасное значение того, что было там написано.

До этого момента он был английским аристократом, гордым владельцем громадных богатств; как только он прочел телеграмму — он превратился в человека без титула и состояния.

Это была депеша д'Арно, адресованная Тарзану:

«Отпечатки пальцев доказывают Вы Грэйсток. Поздравляю.

Д'Арно».

Он пошатнулся, будто получил смертельную рану. В этот момент до него донесся зов его спутников. Поезд уже подошел к платформе. Машинально он взял свое пальто. Он расскажет им все в поезде, решил он.

Уже в купе заметил Клейтон, что Тарзана нет с ними.

— Где Тарзан? — спросил он Джен Портер.— В другом вагоне?

— Нет,— ответила она.— В последний момент он решил вернуться в Нью-Йорк. Оттуда он уезжает во Францию.

Клейтон задумался. Он старался найти подходящие слова для объяснения с Джен Портер по поводу постигшего его несчастья. Согласится ли она теперь выйти за него замуж,— и быть просто госпожой Клейтон? Предъявит ли Тарзан свои права на титул и состояние лорда Грэйстока? Он ведь знал содержание телеграммы, когда спокойно заявил, что ему неизвестны его родители, и признал, что обезьяна Кала могла быть его матерью. Быть может, он сделал это из любви к Джен Портер?

Он не находил другого, более вероятного объяснения. Если Тарзан не обратил внимания на содержание этой телеграммы, можно было ожидать, что он никогда не предъявит прав на титул и состояние Грэйстока.

Какое имеет право он, Уильям Сесиль Клейтон, поступать наперекор желанию этого странного человека, противиться его самопожертвованию? Если Тарзан сделал это ради благополучия Джен, то почему он, чьим заботам она вверена, будет подвергать опасности ее счастье?

Его первый благородный порыв — открыть истину и уступить права их законному владельцу — стушевался за множеством всяких софистических доводов, выдвинутых чувством самосохранения. Все это время он был мрачен и задумчив. Он не мог отогнать от себя мысли, что в один прекрасный день Тарзан пожалеет о своем великодушии и потребует все, принадлежащее ему по закону.

Когда они прибыли в Балтимору, Клейтон решил выяснить мнение Джен Портер насчет возможности ускорения их свадьбы.

— Что вы понимаете под скорой свадьбой? — спросила она.

— То, чтобы она состоялась в ближайшие дни. Я должен возвратиться в Англию; мне хотелось бы, чтобы к этому времени вы были моей женой.

— Я не могу приготовить все к этому сроку,— отвечала Джен.— Мне нужен, по крайней мере, месяц.

Ее ответ разочаровал его.

— Хорошо, Джен,— сказал он,— вы разбиваете мои надежды, но я покоряюсь: я отложу свое возвращение в Англию на один месяц, тогда мы поедем вместе, хорошо?

Когда назначенный срок пришел к концу, она сумела найти другие отговорки и препятствия, так что Клейтон, в конце концов, был принужден вернуться в Англию один.

Несколько писем, которыми они обменялись между собой, нисколько не приблизили его надежд. Тогда он задумал пригласить профессора Портера со всем его семейством, включая Филандера и Эсмеральду, к себе в Англию, надеясь, что здесь Джен не будет так бояться шага, который она не решалась сделать.

Получив приглашение Клейтона, профессор Портер тотчас же объявил, что на следующей неделе он и все его домочадцы едут в Лондон.

Но и в Лондоне Джен Портер не стала сговорчивее. Она находила один предлог за другим, и когда, наконец, лорд Теннингтон пригласил их всех объехать вокруг Африки на его яхте, она с радостью приняла предложение, решительно отказавшись венчаться до возвращения в Лондон. Между тем, путешествие должно было продлиться около года, так как, по плану Теннингтона, они должны были по Средиземному и Красному морю добраться до Индийского океана, а затем плыть вдоль восточного берега черного материка, заходя в каждый заслуживающий и не заслуживающий особого внимания порт.

Случилось так, что в один прекрасный день два судна прошли через Гибралтар. Меньшее из них — нарядная белая яхта — взяла курс на восток, унося на своей палубе молодую девушку, печально смотревшую вдаль. Мысли и сердце девушки были далеко отсюда, в тенистой чаще тропических джунглей.

А на палубе большого судна, взявшего курс на запад, сидел мужчина рядом с другой девушкой. Они любовались игрой волн и белыми барашками на горизонте. Шедшая навстречу яхта поравнялась с ними и, продолжая свой путь, вскоре скрылась вдали. Разговор, прерванный появлением яхты, возобновился.

— Да,— сказал мужчина,— мне нравится Америка и американцы. Я знал там прекраснейших людей. Я вспоминаю одну семью из вашего города, мисс Стронг, к которой я чувствовал особенную симпатию — профессора Портера и его дочь.

— Джен Портер? — воскликнула девушка.— Вы знали Джен Портер? Ведь это — мой лучший друг! Мы росли вместе и знаем друг друга чуть ли не со дня рождения.

— В самом деле! — ответил он, улыбаясь.

— И вот теперь, когда мне кажется, что я теряю ее, у меня на душе особенно тяжело.

— Теряете? — воскликнул Тарзан.— Что это значит? Ах, да, я понимаю. Ведь она выходит замуж и будет жить, как будто, в Англии?

— Да,— ответила она,— и самое печальное во всем этом, что она выходит не за того, кого любит. О, это так ужасно! Выходить замуж из чувства долга! Я считаю это недопустимым и часто говорю ей об этом. Но она решила окончательно. Она убедила себя в том, что обязана выйти замуж за лорда Грэйстока.

— Мне жаль ее,— сказал Тарзан.

— А мне жаль того, кого она любит,— ответила девушка,— потому что он по-настоящему любит ее... Я никогда не встречала его, но, судя по рассказам Джен,— это удивительный человек. Говорят, он родился в африканских дебрях и был воспитан дикими человекообразными обезьянами. Он никогда не видел белых людей до тех пор, пока профессор Портер и его спутники не на-

шли его во время экспедиции. Они привезли его в цивилизованный мир, он стал человеком,— и в довершение всего влюбился в Джен, а она — в него, хотя она и не знала об этом до того, как обещала свою руку лорду Грэйстоку.

— Удивительно,— пробормотал Тарзан, стараясь незаметно перевести разговор на другую тему.

Ему было бесконечно приятно слышать от Элоизы Стронг о ее подруге, но когда темой разговора становился он сам, смущался. Он вздохнул свободнее при появлении матери Элоизы. Разговор перешел на обыденные темы.

Ближайшие дни не принесли ничего нового. Небо было ясно. Корабль шел к югу с прежней скоростью. Тарзан не расставался с мисс Стронг и ее матерью. Почти все время проводили они на палубе, читая, беседуя, фотографируя. С наступлением сумерек они прогуливались вдоль борта.

Однажды Тарзан застал мисс Стронг разговаривавшей с каким-то не известным ему господином. Тот, заметив приближение Тарзана, поспешил раскланяться.

— Подождите, мосье Тюран,— сказала мисс Стронг,— вы должны познакомиться с мистером Колдуэллом.

Они поклонились друг другу. Когда Тарзан взглянул в лицо мосье Тюрана, он был поражен страшным сходством его с одним, очень хорошо ему знакомым человеком.

— Кажется, я имел удовольствие встречаться с вами раньше,— сказал он,— хотя и не могу вспомнить, при каких обстоятельствах.

Тюран как будто почувствовал себя несколько смущенным.

— Не знаю, сударь,— ответил он.— Может быть. Нечто подобное кажется и мне.

— Мосье Тюран посвящает меня в тайны мореплавания,— объяснила девушка.

Тарзан не принял участия в возобновившемся разговоре. Он был занят мыслью о том, где приходилось ему встречать этого субъекта. Внезапно солнце показалось из-за облаков, и девушка попросила Тюрана отодвинуть ее кресло в тень. Тарзан заметил на руке, которою он взялся за спинку кресла, шрам. Этого было достаточно: цепь ассоциаций довершила догадку.

Тюран все старался подыскать предлог для того, чтобы покинуть девушку и своего нового знакомого.

Низко поклонившись мисс Стронг и кивнув головой Тарзану, он направился к спуску в каюты.

— Одну минуту,— остановил его Тарзан.— Если мисс Стронг позволит мне, я немного провожу вас. Я сейчас вернусь, мисс Стронг.

Тюран угрюмо посмотрел на него. Когда они завернули за угол, Тарзан остановился, опустив тяжелую руку на плечо своего спутника.

— Что вы замышляете теперь, Роков? — спросил он.

— Я покидаю Францию, как обещал вам,— ответил тот.

— Я это вижу,— сказал Тарзан,— но слишком хорошо знаю вас, чтобы поверить, что ваше пребывание на одном судне со мной можно объяснить случайным совпадением. Если бы я мог поверить в это, то уже один факт, что вы изменили свою внешность, убедил бы меня в обратном.

— Ну, что же,— огрызнулся Роков,— судно идет под английским флагом, и я имею полное право находиться на его борту,— так же, как и вы. Ведь и вы едете под чужим именем!

— Не будем спорить об этом, Роков. Вот что я хочу вам сказать: оставьте в покое мисс Стронг, она — порядочная девушка!

Роков покраснел от злости.

— Если же вы забудете это, я брошу вас за борт,— продолжал Тарзан. Затем он повернулся и оставил Рокова, дрожавшего от еле сдерживаемой ярости.

Он не видел его в течение двух-трех дней. Но Роков не бездействовал: он сидел у себя в каюте вместе с Павловичем обдумывая планы.

— Я бы сбросил его в море сегодня же,— воскликнул он, ударяя кулаком по столу,— если бы знал точно, что бумаги не находятся в каком-нибудь из его карманов. Нет смысла выбрасывать их в океан. Если бы ты не был таким трусом, Алексей, то сумел бы пробраться в его каюту и найти документы.

Павлович улыбнулся.

— Почему же ты сам не возьмешься за это?

И снова начался долгий разговор шепотом. Роков в чем-то убеждал и наконец убедил своего товарища.

Два часа спустя Павлович, дождавшись, когда Тарзан ушел из каюты, прокрался туда. Роков остался снаружи, чтобы предупредить своего товарища в случае опасности. Тот в это время обшаривал вещи Тарзана. Его поиски были напрасны. Он уже побледнел от досады, как вдруг на глаза попалась куртка, которую перед уходом снял Тарзан. Через секунду он держал в руках казенный конверт. После беглого осмотра угрюмое лицо Павловича осветилось улыбкой.

Он покинул комнату, и сам Тарзан не сказал бы, что в его отсутствие кто-либо прикасался к его вещам: Павлович был большим мастером своего дела.

Когда он передал пакет Рокову, тот вызвал лакея и заказал бутылку шампанского.

— Нам нужно поздравить друг друга, дорогой Алексей,— сказал он.

— Нам повезло, Николай,— ответил Павлович,— очевидно, он всегда держал эти бумаги при себе и только в этот раз, переменив костюм, позабыл переложить их из кармана в карман. Воображаю, что будет, когда он откроет пропажу. Я боюсь что он сразу возьмется за тебя. Зная, что ты — на борту, он первым заподозрит тебя.

— Это не важно, кого он будет подозревать в краже завтра,— со злой усмешкой сказал Роков.

Вечером, попрощавшись с мисс Стронг, Тарзан стоял, облокотившись на борт, и любовался морем. Он выходил на палубу каждую ночь, простаивая иногда больше часу. И те, кто наблюдал за ним со дня отплытия из Алжира, знали его привычку.

И в эту ночь, так же, как и всегда, чьи-то внимательные глаза не переставали следить за ним. Вот последний пассажир покинул палубу. Поблизости не было ни души. Ночь выдалась темная, безлунная. Все предметы на палубе едва различались в темноте. Всплески волн, шум винта, пыхтение машины,— все это заглушало осторожные шаги двух человек, подкрадывавшихся к Тарзану.

Они подошли совсем близко к нему. Один из них дал знак. Разом набросились они на свою жертву, схватили ее за ноги и прежде, чем Тарзан успел опомниться,— он очутился за бортом и с плеском погрузился в волны океана.

Элоиза Стронг через иллюминатор своей каюты смотрела на темное море. Внезапно перед ее глазами мелькнуло и упало в воду что-то, чего она не успела рассмотреть. Был ли то человек? Она прислушалась, не слышно ли тревожного крика «человек за бортом!» Все было спокойно и тихо на корабле. Все было спокойно и тихо на поверхности моря...

XIII

Крушение «Алисы»

На следующий день место Тарзана за завтраком пустовало. Любопытство мисс Стронг было возбуждено, так как ее новый знакомый, мистер Колдуэлл, никогда не

пропускал случая позавтракать вместе с ней и ее матерью.

Когда она отдыхала после завтрака, сидя на палубе, проходивший мимо Тюран не преминул обменяться с ней несколькими словами. Он, казалось, был в прекрасном настроении, держал себя чрезвычайно любезно, и мисс Стронг подумала: «Как мил этот Тюран!»

Время тянулось очень медленно. Девушка скучала без мистера Колдуэлла, который понравился ей с первого взгляда. Он так интересно рассказывал о своих странствиях. У него была привычка проводить остроумные параллели между дикими животными и цивилизованными людьми, что обличало в нем глубокое знание первых и скептическое, почти циничное отношение ко вторым.

Она начала серьезно интересоваться причиной столь долгого отсутствия мистера Колдуэлла и как-то невольно совместила в мыслях этот факт с таинственным падением в воду неведомого ей предмета. Она спросила Тюрана, не видел ли он мистера Колдуэлла сегодня. Он ответил, что нет.

— Его не было за завтраком, да и вообще он не появлялся сегодня на палубе,— объяснила девушка.

Тюран сделал вид, что чрезвычайно озабочен этим.

— Я не имел удовольствия быть близко знакомым с господином Колдуэллом, кажется, он — весьма достойный человек. Возможно, он плохо себя чувствует, а потому решил остаться в каюте. В этом нет ничего странного.

— Нет,— ответила девушка,— это не было бы странным, конечно, но, к несчастью, по женской привычке я встревожена каким-то глупым предчувствием, что с ним случилось что-то недоброе. Это очень странное ощущение — будто его нет больше на борту корабля...

Тюран рассмеялся.

— Простите, мисс Стронг,— шутливо спросил он,— где же он может быть? Мы уже много дней не видели ни полоски земли на горизонте.

— Конечно, это странно,— согласилась она,— но не стоит ломать голову над этим. Лучше я попробую найти мистера Колдуэлла,— и она подозвала проходившего мимо слугу.

«Это будет немножко труднее сделать, чем ты думаешь»,— сказал про себя Тюран, но вслух он мог только одобрить решение девушки.

— Будьте добры разыскать мистера Колдуэлла,— сказала Элоиза слуге,— и передать, что его друзья очень обеспокоены его долгим отсутствием.

— Вам, кажется, очень нравится мистер Колдуэлл? — осведомился Тюран.

— Он прелестен,— ответила девушка,— мама влюблена в него.

Через несколько минут слуга вернулся с сообщением, что господина Колдуэлла нет в каюте.

— Я не могу разыскать его, мисс Стронг, и,— он запнулся,— понял, что кровать пустовала всю ночь. Я думаю, об этом следует доложить капитану.

— Конечно! — воскликнула Элоиза.— Я сама пойду с вами к нему. Это ужасно! Я так и знала, что произошло что-то недоброе... Предчувствие не обмануло меня.

Капитан принял встревоженную девушку и смущенного слугу. Он выслушал их очень внимательно и спросил:

— Уверены ли вы, мисс Стронг, что видели сегодня ночью падение какого-то тела в воду?

— Я не могу сомневаться в этом, но вместе с тем не могу утверждать, что упал человек, так как не слышала крика. Но если мистера Колдуэлла нет на борту корабля, то я готова допустить, что это именно он упал в воду.

Капитан тотчас же приказал тщательно осмотреть весь корабль сверху донизу. Мисс Стронг заперлась в своей каюте, ожидая результатов поисков. Капитан задал ей много вопросов о господине Колдуэлле, но она почти ничего не могла сказать. Только теперь сообразила она, как мало мистер Колдуэлл рассказывал о себе и о своем прошлом. Он родился в Африке, а воспитывался в Париже,— вот и все, что она знала о нем, да и то потому, что он сообщил это, желая рассеять ее недоумение — почему он, англичанин, говорит по-английски с таким сильным французским акцентом.

— Рассказывал ли он вам о каких-нибудь врагах? — спросил капитан.

— Никогда.

— Простите, не был ли он, по вашему мнению, мисс Стронг, пристрастен к спиртным напиткам?

— Не знаю, пил ли он вообще, но, во всяком случае, за полчаса до того, как я видела падение предмета, он был вполне трезв.

— Все это очень странно,— сказал капитан.— Если его нет на корабле, мисс Стронг, то остается только предположить, что он выброшен за борт, а тот факт, что вы не слышали крика, наводит меня на мысль, что он уже был это время мертв, то есть убит.

Девушка вздрогнула.

Через час помощник капитана пришел с известием, что осмотр корабля окончен.

— Мистера Колдуэлла нет на борту,— сообщил он.

— Я думаю, мистер Брентли,— сказал капитан,— что здесь нечто более серьезное, чем просто несчастный случай. Я бы хотел, чтобы вы лично внимательно осмотрели все вещи мистера Колдуэлла. Может быть, это поможет в наших розысках.

— Хорошо,— ответил мистер Брентли и ушел исполнять поручение.

Элоиза Стронг пала духом. Два дня она не выходила из каюты, и, когда, наконец, снова появилась на палубе, лицо ее было смертельно бледно, с большими темными кругами под глазами.

К ней подошел Тюран.

— Как это ужасно, мисс Стронг,— сказал он,— я не могу опомниться до сих пор!

— Я тоже,— слабым голосом ответила ему девушка.— Мне кажется, что его бы спасли, если бы я подняла тревогу сразу.

— Вам не в чем упрекать себя, мисс Стронг,— заметил Тюран,— ни в коем случае это не было вашей ошибкой. Всякий поступил бы так же на вашем месте. Кто мог бы подумать, что предмет, падающий в воду с борта корабля, должен быть непременно человеком. Нет, вы не должны себя винить ни в чем! Вы и так сделали много, сообщив обо всем капитану и дав необходимые разъяснения.

Девушка не могла не поблагодарить своего утешителя. Она как-то привыкла к нему и почти не расставалась с ним в последние дни.

Главным желанием Тюрана было сойти с парохода в первом же порту. Он завладел нужными документами,— ему больше нечего делать на пароходе. Он хотел вернуться назад в Петербург.

Но тут новая идея мелькнула у него в голове. Он успел узнать стороною, что мисс Стронг — уроженка Балтиморы и богатая наследница. Овладеть ее наследством — это ли не заманчивая перспектива? Поэтому Тюран решил продолжить путешествие.

Мисс Стронс сообщила ему, что собирается с матерью посетить своего дядю в Кейптауне и погостить у него. Она была в восторге, узнав, что и Тюран будет там.

— Я надеюсь, что мы продолжим наше знакомство и на суше,— сказала она.— Вы навестите нас с мамой в Кейптауне?

Тюран сделал вид, что не знает о неприязни к нему матери Элоизы Стронг, которая была не в большом восторге от него и вряд ли желала видеть в числе близких знакомых дочери.

— Я не знаю, почему он мне не нравится,— сказала она как-то своей дочери.— Он с виду вполне порядочный

человек во всех отношениях, но иногда в его глазах блеснет что-то такое, что производит на меня очень неприятное впечатление.

Девушка рассмеялась.

— Ты подозрительна, мама,— сказала она.

— Может быть. Все же мне хотелось бы видеть сейчас вместо него бедного мистера Колдуэлла.

— Мне тоже,— ответила дочь.

Тюран стал частым гостем в доме дяди Элоизы Стронг в Кейптауне. Постепенно девушка все больше и больше подпадала под его влияние. Он нравился ей своим умением держаться, своей готовностью быть полезным каждому. Тюран стал у них своим человеком. Наконец, выбрав удобный момент, он сделал предложение. Мисс Стронг была смущена. Она не знала, что ответить.

— Я никогда не думала, что вы на это решитесь,— сказала она ему.— Я всегда смотрела на вас как на друга. Я не дам сейчас ответа. Забудьте, что вы просили меня стать вашей женой. Будем друзьями, как мы были до сих пор, а я буду стараться узнать вас с иной стороны, чем знала до сих пор. Может быть, я открою, что мое чувство к вам — больше, нежели простая дружба. До сих пор у меня не было мысли, что я люблю вас.

Это вполне удовлетворило мосье Тюрана. Он пожалел только, что несколько поторопился с предложением.

— С первой нашей встречи, Элоиза,— сказал он,— я полюбил вас. Я готов ждать, так как убежден, что моя большая и чистая любовь будет вознаграждена, в конце концов. Мне только хочется знать, любили ли вы когонибудь?

— Я никогда не была влюблена,— ответила она, и Тюран совсем успокоился. Придя домой, ночью он мысленно приобретал себе паровую яхту и строил мраморную виллу на Принцевых Островах.

На следующий день Элоизу Стронг ждал необыкновенный сюрприз. Она столкнулась лицом к лицу с Джен Портер, выходившей из ювелирного магазина.

— Джен! — воскликнула она.— Откуда ты взялась! Я не верю своим глазам!

— Боже мой! — воскликнула не менее изумленная Джен.

Подруги обнялись и звонко расцеловались.

Вскоре все разъяснилось. Элоиза узнала, что яхта лорда Теннингтона простоит у Кейптауна целую неделю, а потом тронется дальше, на этот раз вдоль западного берега черного материка, к берегам Англии.

— Вернувшись туда,— закончила свой рассказ Джен,— я должна выйти замуж.

— Значит, ты еще не замужем? — спросила Элоиза.

— Нет еще,— ответила Джен, добавив совсем некстати.— Я хотела бы, чтобы Англия была отсюда на расстоянии миллиона миль!

Начались взаимные визиты обитателей яхты и родственников Элоизы. Устраивались обеды, пикники, прогулки по окрестностям для развлечения приезжих гостей. Тюран везде был желанным гостем. Он сам устроил обед для мужской компании, очаровав лорда Теннингтона своим гостеприимством.

Однажды миссис Стронг, Элоиза и Тюран гостили у лорда Теннингтона на яхте. Мисс Стронг объявила, что несмотря на удовольствие, которое доставляет ей жизнь в Кейптауне, видимо, придется покинуть его. Она получила известие из Балтиморы, вынуждающее ее возвратиться домой как можно скорее.

— Когда вы уезжаете? — спросил Теннингтон.

— В начале недели.

— В самом деле? — воскликнул Тюран.— Вот счастливое совпадение! Я тоже решил вернуться как можно скорее на родину. Могу ли надеяться иметь честь сопровождать вас?

— Это очень любезно с вашей стороны, мосье Тюран,— ответила мисс Стронг.— Я очень рада быть под вашим покровительством.— В глубине души она, однако, очень хотела отделаться от него.

— Клянусь небом! — воскликнул лорд Теннингтон.— Мне пришла в голову прекрасная идея!

— Не сомневаюсь в этом,— прервал его Клейтон,— она и не может быть иной, если зародилась в вашей голове. Уж не собираетесь ли вы плыть в Китай через Северный полюс?

— Великолепная острота, Клейтон! — отпарировал Теннингтон.— Нет, дорогой мой! Идея действительно прекрасна. Вы подтвердите это, познакомившись с нею. Мы отплываем в начале недели вместе с миссис Стронг, мисс Стронг и Тюраном.

— Лорд Теннингтон! Вы не даете нам времени даже поблагодарить вас, тем более — решить, можем ли мы принять ваше любезное приглашение,— сказала миссис Стронг.

— Но ведь вы согласны? — убежденно ответил ей Теннингтон.

Таким образом, было решено, что они отправятся в путь в следующий понедельник.

Два ближайших дня девушки провели в каюте Элоизы, рассматривая фотографии, которые она успела проявить и напечатать в Кейптауне. Карточек было бесчисленное множество, но Элоиза не уставала давать объяснения своей подруге. Джен с интересом слушала.

— Посмотри,— заметила Элоиза,— вот человек, которого ты должна знать. Несчастный... Я столько раз хотела спросить тебя о нем.— Она держала в руках маленькую фотографию.

— Его звали Джон Колдуэлл,— продолжала Элоиза,— помнишь ли ты его? Он говорил, что встречался с тобой в Америке. Он — англичанин.

— Я не помню такого имени,— ответила Джен.— Дай-ка мне взглянуть.

— Бедняга упал за борт во время плавания,— сказала Элоиза, передавая карточку своей подруге.

— Упал за... Как, Элоиза. Элоиза... Не говори мне, что он погиб, утонул, Элоиза!.. Ты... ведь шутишь...

И прежде, чем удивленная мисс Стронг успела сообразить, в чем дело, ее подруга лишилась чувств.

После того, как Элоиза привела ее в себя, она долго сидела неподвижно, молча глядя на подругу.

— Я не думала, Джен,— сказала Элоиза,— что известие о смерти этого человека так потрясет тебя. Очевидно, он был тебе близок.

— Колдуэлл? — спросила тихо мисс Портер.— Неужели ты хочешь уверить меня, что ты не знаешь настоящего имени этого человека, Элоиза.

— Зачем же, Джен. Я прекрасно знаю, кто он такой: его имя — Джон Колдуэлл, он из Лондона.

— О, Элоиза, мне хотелось бы поверить этому,— со стоном произнесла девушка,— но черты его лица так глубоко запечатлены в моем сердце, что я узнаю и отличу их среди многих тысяч совершенно похожих на него людей.

— Что это значит, Джен,— воскликнула встревоженная Элоиза.— Кто же это?

— Это — Тарзан.

— Джен...

— Я не сомневаюсь, что это был он. О, Элоиза, ты уверена в его гибели? Разве не может быть ошибки?

— Боюсь... что нет...— печально ответила Элоиза.— Мне бы хотелось думать, что ошиблась ты. Между прочим, он говорил мне, что родился в Африке и воспитывался в Париже.

— Да, это он,— прошептала Джен Портер.

— Помощник капитана, осматривавший его багаж, не нашел ничего, что доказало бы, что он — Джон Колдуэлл, из Лондона. На его белье была одна буква «Т» или три буквы «Ж. К. Т.». Мы решили, что он путешествовал инкогнито, под вымышленным именем Джона Колдуэлла.

— Тарзана звали Жаном,— ответила Джен слабым, упавшим голосом.— Он погиб в океане... Невероятно, чтобы такое сердце перестало биться, чтобы его могучие мускулы омертвели навеки. Он — олицетворение жизни и силы — погиб в холодных волнах, стал добычей рыб,— нет, это...

Она не могла продолжать. Рыдания прервали ее на полуслове.

Несколько дней мисс Портер чувствовала себя совсем больной и разбитой. Она никого не хотела видеть, кроме Элоизы и Эсмеральды. Когда, наконец, она снова появилась на палубе, все были поражены происшедшей в ней переменой. Она уже не была прежней живой, подвижной американкой, очаровывавшей всех. Джен превратилась в тихую, грустную девушку, с застывшим на лице выражением безнадежного страдания, которое было понятно только Элоизе.

Друзья старались как-нибудь рассеять и развлечь ее, но все было напрасно. Иногда лорду Теннингтону своими шутками удавалось вызвать улыбку на ее бледных губах, но ненадолго. Большей частью она старалась уединиться на корме яхты, устремив безнадежный взгляд в морскую даль.

Вслед за болезнью мисс Джен несчастия одно за другим обрушились на яхту. Сначала сломалась машина, и целых два дня волны играли судном, как им хотелось, пока снова не завертелся винт и судно опять стало повиноваться штурвалу. Затем, неожиданно для всех, налетел шквал, поломавший и снесший с палубы все закрепленные предметы. Потом два матроса поздорили и подрались, пустив в ход ножи и жестоко поранив друг друга. Наконец, в довершение всех бед, третий матрос упал за борт и утонул, прежде чем ему успели оказать помощь.

Пассажиры и экипаж были мрачны и подавлены этими несчастьями. Все ждали худшего. Бывалые моряки изощрялись, вспоминая страшные морские штормы, предвестниками которых являлись и драки на корабле, и падение за борт и внезапный шквал. Долго ждать не пришлось.

Уже следующей ночью яхта на полном ходу налетела на подводный камень. Раздался ужасный треск. Толчок сбил с ног людей и на палубе, и в каютах. Машины остановились. Яхта накренилась. Чувствовалось, что через несколько минут она пойдет ко дну.

Все бросились на палубу; механик выскочил из машинного отделения и доложил капитану, что вода проникает через большую дыру в нижней части судна и уже затопила трюмы.

Появились матросы, поднятые водою со своих коек.

— Стойте,— крикнул Теннингтон,— пусть дамы спускаются в каюты и соберут свои вещи. Может быть, дело не так уж и плохо, но нам следует сесть в лодки. Лучше быть готовыми ко всему. Ну же, ступайте скорее! А вы, капитан, пошлите какого-нибудь знающего человека вниз. Пусть он установит истинные размеры повреждения. Пока же дайте команду спустить лодки!

Властный, уверенный голос лорда Теннингтона прекратил панику. Через минуту все были заняты исполнением его приказаний. Дамы поднялись на палубу с вещами, лодки были спущены на воду; помощник капитана, сходивший в трюм, явился с докладом.

Вряд ли, однако, нужно было его свидетельство, что «Алиса» пойдет ко дну с минуты на минуту.

— Да, сударь,— произнес капитан, заметив смущение своего помощника.

— Мне не хочется волновать женщин, сударь, по-моему, судно не продержится на воде и десяти минут. В трюме — дыра, через которую свободно может пройти лошадь.

«Алиса» накренилась еще больше и начала погружаться в воду. Ее корма поднялась высоко над поверхностью моря. Четыре лодки были благополучно заполнены пассажирами и спущены на воду. Джен Портер в последний раз взглянула на злополучную яхту. Раздался ужасный треск. Судовая машина сорвалась с места и перекатилась в носовую часть. Это ускорило гибель судна. Корма встала почти вертикально над поверхностью моря. На секунду тонущий корабль остановился, а затем начал плавно, все быстрей и быстрей погружаться в воду, пока не исчез совсем.

Наступил рассвет. Солнце поднялось над горизонтом, отражаясь в бирюзовой глади моря. Джен Портер спала — солнечный зной разбудил ее. Она оглянулась: в лодке были три матроса, Клейтон, Гюран и она. Остальные лодки исчезли, и ничто не нарушало однообразия беспредельной морской равнины.

Они были одни в маленькой лодке, среди волн Атлантического океана.

XIV

Возвращение в первобытное состояние

Как только Тарзан очутился в воде, он постарался отплыть как можно дальше от корабля, чтобы не попасть под лопасти винта. Он знал, кого ему следовало благодарить за происшедшее. Удерживаясь на поверхности легкими движениями рук, он с некоторой досадой думал о том, что так легко дал себя одурачить Рокову.

Он лежал так некоторое время, следя за удалившимися огнями парохода и вовсе не думая звать на помощь. Этого Тарзан никогда бы себе не позволил, как не позволял всю жизнь: он всегда полагался только на свою силу и выдержку.

Один шанс из ста тысяч, что кто-нибудь подберет его здесь, в океане, или что он сумеет достигнуть земли. И все же, считая необходимым использовать все возможности, Тарзан решил тихонько плыть к предполагаемому берегу, надеясь на своем пути встретить какое-нибудь судно.

Движения его рук были сильны и размашисты; много часов напряженной работы понадобилось бы для того, чтобы утомить стальные мускулы.

Плывя к востоку, руководствуясь расположением звезд, он вскоре почувствовал, что башмаки начинают отягощать его. Скинуть их — было делом одной минуты. Вслед за ними в волнах океана очутились брюки. Он был готов освободиться и от пиджака. Однако, вспомнив о драгоценных бумагах, спрятанных в боковом кармане, Тарзан решил удостовериться в их целости и сохранности. Поэтому, вместо того чтобы скинуть пиджак, он засунул руку в карман, стараясь нащупать содержимое. Карман был пуст.

Теперь он понял, что нечто большее, чем простая месть, заставило Рокова столкнуть его за борт. Рокову нужно было завладеть бумагами, которые отнял у него Тарзан в Бу-Сааде.

Он выругался и бросил свой пиджак и рубашку на потеху волнам. Обнаженный и облегченный, он свободно поплыл прямо на восток.

В первых проблесках зари стали заметны смутные очертания какого-то предмета, поднимавшегося над поверхностью океана. Несколько взмахов — и он добрался до остова разбитого судна.

Тарзан взобрался на него и решил дождаться здесь полного рассвета.

Море было спокойно, разбитое судно слегка покачивалось на волнах, убаюкивая пловца, не смыкавшего глаз в течение двадцати часов. Тарзан устроился на мокрых, скользких досках и вскоре забылся во сне.

Солнечный зной рано разбудил его. Он почувство-

вал мучительную жажду, забытую в следующий момент, ибо ее заглушила радость сразу двух открытий. Первое — перевернутая и плавающая вблизи спасательная шлюпка, второе — узкая полоска земли, протянувшаяся далеко-далеко, вдоль горизонта.

Тарзан прыгнул в воду и поплыл к шлюпке. Холодные волны океана освежили его. С некоторыми усилиями ему удалось подвести шлюпку к судну и втащить на борт.

Здесь он внимательно осмотрел шлюпку и не обнаружил больших повреждений. Тарзан сделал из обломков подобие весел и направил шлюпку к берегу.

Только после полудня подплыл он к земле настолько, что мог ясно различать очертания ее берегов. Перед ним находился вход в маленькую бухту. Леса и расположенная к северу возвышенность были странно знакомы ему.

Уж не привела ли его судьба снова к родным джунглям?

Когда шлюпка вошла в бухту, последние его сомнения рассеялись. Прямо перед ним, на берегу, в тени девственного леса, стояла знакомая хижина, выстроенная еще до его рождения покойным Джоном Клейтоном, лордом Грэйстоком.

Едва только нос шлюпки мягко врезался в песок, Тарзан спрыгнул на берег. Сердце готово было от радости выскочить из груди. Перед его глазами были снова хижина, берег, ручей, густые джунгли, темная непроходимая чаща.

Мириады птиц с причудливым оперением наполняли окрестности щебетаньем и криками.

Снова Тарзан пришел в родной ему край! Все, что он успел усвоить в цивилизованном мире, сразу отошло на задний план. Громкий, дикий крик раздался над джунглями,— это кричал Тарзан, Тарзан-обезьяна, большой и могучий зверь!

Последовало минутное молчание, а затем прозвучали в ответ: с одной стороны — глухой рев льва Нумы, с другой — испуганный вой исполинской обезьяны.

Тарзан направился к ручью и утолил жажду. Затем он приблизился к хижине. Дверь была закрыта. Он отодвинул засов и вошел внутрь. Там все было по-прежнему: тот же стол, та же кровать, та же колыбель, полки, шкафчики, которые стояли здесь двадцать три года.

Желудок начинал напоминать о себе. Голод заставил Тарзана искать еду. В хижине не было никаких запасов пищи, не было и оружия. Только на стене висела его старая веревка, еще пригодная для охоты. Он перебросил ее через плечо и направился в джунгли.

Тарзан шел тихим, осторожным шагом, как ходит дикий зверь в поисках добычи. Он вглядывался в землю, но, не найдя свежих следов, обратил свое внимание на верхушки деревьев. Вскоре он забрался туда — и уже первый прыжок с ветки на ветку наполнил его сердце радостью. Все сожаления и боль сердца были забыты. Теперь он жил полной жизнью. Теперь он был поистине свободен! Кто бы после этого вернулся в смрадные, грязные города цивилизованного человечества, кто бы предпочел их великому миру и великой свободе джунглей? Только не он!

Еще засветло добрался Тарзан до водопада. Он служил местом постоянного паломничества лесных зверей, утолявших свою жажду студеной и чистой водой.

Здесь же по ночам, в густых зарослях, прятались, поджидая антилопу, громадные кошки Сабор или Нума. Сюда приходил кабан Хорта — и сюда же пришел искать добычи Тарзан, человек-обезьяна.

Устроившись на длинной и низкой ветви, он ждал около часа. Наступили сумерки. Вдруг в густой чаще он услыхал слабый шум, хрустение веток и шуршание раздвигаемой листвы. Это был Нума, лев, вышедший на охоту.

Кто-то приближался по тропинке к водопою. Секундой позже на повороте показался кабан Хорта.

Заросли, в которых прятался Нума, были спокойны, зловеще спокойны. Хорта миновал Тарзана. Еще немного — и Нума бросится на кабана одним прыжком. Тарзан представлял себе, как сверкают глаза Нумы, как он, затаив дыхание, готовится к прыжку и к яростному реву, от которого его жертва застынет на месте, не имея сил бежать от страшных когтей.

Но в тот момент, как Нума уже приготовился к прыжку, проворная веревка упала с верхушки дерева. Петля затянулась на шее Хорты. Нума заметил, что какая-то сила потащила кабана вверх. Лев прыгнул на несчастного кабана, но тот перед самым его носом поднялся в воздух и исчез в густой листве ветвистого дерева. Среди зелени показалось смеющееся лицо Тарзана, сумевшего выхватить у старого льва его добычу прямо из-под носа.

Нума взревел. Злой и голодный, он начал ходить взад и вперед под деревом, не спуская глаз с дерзкого существа. Время от времени он поднимался на задние лапы, опираясь на ствол и точа об него когти. Тарзан же, втащив наверх полузадохшегося кабана, окончательно придушил его. У него не было ножа, и он освежевал тушу при помощи зубов и цепких пальцев,— на глазах у льва, принужденного следить за тем, как кто-то другой ест обед, собственно говоря, предназначавшийся ему.

Наступила ночь, прекрасная африканская ночь.

Тарзан насытился. Цивилизованный стол и французская кухня не уничтожили в нем жажды свежего мяса, свежей горячей крови.

Он вытер руки листьями, перекинул через плечо остатки ужина и, перелетая с ветви на ветвь, пустился в обратный путь.

Нума шел вслед за Тарзаном, не спуская с него горевших в ночной темноте злых глаз. Теперь уже Нума не ревел. Наоборот, он двигался почти бесшумно, как тень большой, чудовищной кошки,— но все же шаги его легко различались Тарзаном.

Тарзан не хотел, чтобы зверь сопровождал его до поляны, на которой стояла хижина. Это значило, что ему бы пришлось ночевать в дупле дерева, а он предпочитал постель из листьев, под крышей, в закрытой хижине. На всякий случай он постарался вспомнить лучшее убежище поблизости. В случае нужды он скроется там. Сотни раз в прошлом приходилось ему на деревьях спасаться от диких зверей и прятаться на ночь в этом дупле.

Терпение Нумы, очевидно, лопнуло. С ревом досады и разочарования лев ушел, надеясь найти себе более доступную пищу. Поэтому Тарзану удалось пробраться в свою хижину и расположиться на ночь на удобной постели.

Так просто и легко Тарзан сбросил с себя тонкий искусственный покров цивилизации — и погрузился, счастливый и довольный, в глубокий сон хищника, наевшегося досыта.

Но и теперь одно только слово любимой женщины способно было вернуть его к чуждой, далекой отсюда жизни и заставить навсегда забыть родные джунгли.

Тарзан спал долго. Он очень устал за предыдущий день, потребовавший большого расхода энергии.

Проснувшись, он прежде всего поспешил к ручью и напился воды. Потом, окунувшись в море, поплавал с четверть часа, вернулся в хижину и позавтракал мясом Хорты. Покончив с трапезой, он припрятал остатки на ужин и, взяв веревку, снова углубился в джунгли. На этот раз он шел на поиски более благородного животного — человека; впрочем, если бы его спросили о правильности этого определения, он назвал бы десятки лесных обитателей, значительно более благородных, по его мнению, чем человек.

Тарзан искал оружие. Вряд ли что-нибудь могло остаться от деревни Мбонга после французской карательной экспедиции, отправленной туда при известии о мни-

мой гибели д'Арно. Тем не менее это нужно было проверить.

Около полудня он достиг цели, но к своему разочарованию увидел только одни развалины. Поля вокруг деревни исчезли — на их месте уже успел вырасти молодой лес. Не было признака присутствия человека.

Около получаса бродил он среди развалин деревни, надеясь найти брошенное или забытое где-нибудь оружие, но поиски были бесплодны. Он решил идти вверх по ручью, зная, что у воды легче найти человеческое поселение. По пути он подымал полусгнившие бревна в поисках грызунов, влезал на деревья за птичьими яйцами, гонялся по земле за каким-нибудь зверьком,— все больше и больше напоминая повадками обезьяну, какой он был в первые двадцать лет своей жизни.

Тарзан улыбнулся при мысли, что, может быть, в это самое время его друзья сидят в лучшем парижском клубе, куда он захаживал несколько месяцев тому назад. Но он мгновенно останавливал поток воспоминаний, почуяв запах живого существа, которое могло служить ему добычей или угрожать опасностью.

В эту ночь он спал далеко от своего убежища, спрятавшись среди ветвей гигантского дерева, возвышавшегося на сотню футов над землей. Он снова наелся вдоволь, полакомившись мясом оленя Бара, очередной жертвы его петли.

Рано утром Тарзан пустился в дальнейший путь вдоль реки. Так шел он три дня, все вперед и вперед, пока не вступил в совсем не знакомую область джунглей. За деревьями виднелись горы, переходящие в равнины. Здесь на больших пространствах паслись стада антилоп и зебр.

На четвертый день его ноздри уловили новый запах. Это был запах человека. Тарзан обрадовался. Он быстро и бесшумно пробирался между деревьями против ветра, руководствуясь чутьем. Вдруг он заметил в зарослях фигуру черного воина.

Тарзан стал красться за ним, поджидая удобного момента, чтобы пустить в ход веревку. Однако он медлил. Он помнил, что по законам цивилизованного общества нельзя убивать ближнего без причины. Тарзану нужно было оружие; значило ли это, что он имел право убить человека — его владельца?

Чем больше думал Тарзан об этом, тем отвратительнее казалось ему бесцельное убийство. Так дошел он, преследуя воина, до поляны, на которой была расположена большая, окруженная частоколом деревня с домами, похожими на пчелиные ульи.

Воин вышел из лесу,— и тут Тарзан заметил еще одно существо, жадно следившее за черным человеком. Это был лев Нума. Тарзан сообразил сразу, в чем дело. Теперь он почувствовал себя человеком, обязанным защищать подобного себе от нападения дикого зверя — их общего непримиримого врага.

Лев уже приготовился к прыжку. Не было времени долго размышлять. Лев бросился из своей засады на удалявшегося человека. Тарзан вскрикнул, предостерегая жертву. Но когда черный воин обернулся, Нума уже был остановлен на полдороге: петля ловко охватила его шею.

Тарзан действовал так быстро, что не успел рассчитать своих действий. Лев был пойман, но бешено рванулся из петли. Тарзан потерял равновесие и упал на землю в шести шагах от рассвирепевшего зверя. С быстротой молнии лев набросился на нового врага, и беззащитный Тарзан очутился на краю гибели. Черный воин спас его. Он сообразил в одно мгновение, что обязан жизнью этому белому и что только чудо могло бы избавить теперь его спасителя от ударов страшных лап самого грозного из обитателей джунглей.

Он замахнулся своим копьем и что было силы метнул его. Копье попало в цель, угодив льву между лопаток. С ревом бешенства и боли лев обернулся к черному воину. Едва зверь успел сделать несколько шагов, как веревка Тарзана снова остановила его. Тогда он опять бросился на белого, но в ту же минуту в его тело впилась зубчатая тонкая стрела. Снова он остановился. Тарзан успел тем временем привязать веревку к дереву, как можно туже закрепив ее конец.

Воин заметил это. Он понял, в чем дело, и улыбнулся. Тарзан знал, что со львом надо покончить прежде, чем он догадается перегрызть душившую его веревку. В одно мгновение он подбежал к воину и взял у него длинный охотничий нож. Затем он дал знак, чтобы тот не переставал стрелять из лука, а сам попытался приблизиться к зверю с ножом в руке. Лев был разъярен. Он ревел до хрипоты, стараясь достать то одного, то другого из своих врагов, и все туже и туже затягивал петлю на шее. Наконец Тарзан выбрал удобный момент и, подкравшись, нанес ему удар ножом в то место, где шея переходит в спинной хребет. Еще удар и еще. Лев упал.

Тарзан выпрямился во весь рост. Два человека — черный и белый — встретились взглядами над трупом общего врага. Черный приветствовал белого знаком дружбы и мира. Белый понял это приветствие и ответил ему.

XV

У дикарей

Шум борьбы привлек возбужденную толпу черных дикарей из деревни. Убитый лев, Тарзан и спасенный им воин были окружены оживленно жестикулировавшими и кричавшими мужчинами, женщинами, детьми. Посыпались вопросы. Новый друг Тарзана возвысил голос над неумолчным гулом толпы и рассказал обо всем, предлагая оказать почести тому, кто сразился со страшным зверем и победил его.

Тарзана отвели в деревню. Ему преподнесли в подарок птицу, коз и плоды. Когда он знаком указал на оружие, они поспешили подарить ему лучшее копье, щит, стрелы и лук. Его новый друг отдал ему нож, которым был убит лев. Тарзану не было ни в чем отказа. Он убедился, что мирным путем иногда можно добиться большего, чем грабежом. Он едва не убил не знакомого ему человека, который теперь каждым своим движением и словом старается доказать свою любовь и преданность.

В эту ночь дикари устроили буйный пир в честь Тарзана. Охотники принесли свои трофеи — антилопу и зебру. Было выпито бесчисленное количество слабого туземного пива. Глядя на воинов, танцевавших при свете костров, Тарзан был поражен их прекрасным сложением и правильными чертами лица. Плоских носов и толстых губ, типичных для обитателей западного берега Африки, здесь не было и в помине.

Тарзан заметил также, что многие из мужчин и женщин носят золотые кольца и браслеты на руках и ногах. Когда он выразил желание рассмотреть одно из этих массивных украшений, оно было тотчас же отдано ему. Владелец драгоценности объяснил знаками, что белый человек должен считать ее отныне своей. Браслет был сделан из чистого золота. Это удивило Тарзана, потому что до тех пор он не встречал у дикарей золотых украшений. Он попробовал узнать, откуда они достали драгоценный металл, но старания не увенчались успехом. Дикари не понимали его расспросов.

Когда танец закончился, Тарзан выразил желание покинуть селение. Однако дикари не отпустили его. Вождь предложил Тарзану поселиться в приготовленной для него хижине. Тарзан попробовал объяснить, что вернется на следующее утро, но дикари не поняли его.

Рисунки Д. Литвинова

Тогда, без лишних слов, Тарзан направился к краю деревни. Все последовали за ним. Он подошел к высокому ветвистому дереву, которое свешивалось над частоколом, и, уцепившись за нижнюю ветку, мигом скрылся наверху в густой листве. Раздались громкие крики удивления. Человек лазил по дереву не хуже обезьяны. Около получаса звали его туземцы, предлагая спуститься, но он не откликался. Толпа понемногу разошлась.

Тарзан по ветвям пробрался в самую чащу и, найдя подходящее дупло, тотчас же погрузился в глубокий сон.

На следующее утро Тарзан появился в деревне так же неожиданно, как исчез накануне. Сначала все перепугались, но, узнав его, смехом и криками выражали радость. В этот же день он отправился с воинами на охоту. Его ловкость в обращении с копьем и меткая стрельба из лука внушили аборигенам беспредельное уважение. Несколько недель Тарзан жил у своих новых друзей, охотясь на буйволов, зебр и слонов. Очень скоро перенял он у дикарей их простой язык, обычаи, уклад дикой, первобытной жизни. Он узнал, что они не каннибалы и с презрением относятся к людям, которые едят себе подобных. Бусули, воин, спасенный от когтей льва, рассказал ему целый ряд легенд о своем племени. Много-много лет назад его предки пришли в местные леса издалека, с севера. Некогда они были частью великого, могущественного народа, но безжалостные охотники на людей, вооруженные огнестрельным оружием, истребили бо́льшую часть его соплеменников.

— Они охотились на нас так, как охотятся на диких зверей, — сказал Бусули. — Они были беспощадны. Им нужны были невольники и слоновая кость, и они искали то и другое в наших лесах. Они убивали нас, пленников уводили с собою. Много лет мы отбивались, но что могли сделать наши копья и стрелы против их труб, извергавших пламя и дым и убивающих наших воинов издали? Охотники на людей вступили в наши леса, когда мой отец был еще юношей. К счастью, наш вождь заранее узнал об их приближении и, приказав следовать за ним, увел племя далеко на юг, куда не могли проникнуть жестокие пришельцы. Долгие месяцы скиталось наше племя, перенося ужасные страдания в диких джунглях и в горах, пока, наконец, не достигло этой местности.

— С тех пор охотники больше не беспокоили вас? — спросил Тарзан.

— Год назад небольшой их отряд заблудился в наших лесах, и мы уничтожили его. Спаслось только несколько человек.

Во время беседы Тарзан обратил внимание на золотой браслет, украшавший левую руку Бусули. Браслет вновь разбудил в нем цивилизованного человека, для которого золото означает силу, власть, могущество, славу и радость.

— Откуда достали вы желтый металл, Бусули? — спросил он.

Воин указал на юго-восток.

— Из той страны, куда надо идти целый месяц, а может быть, и больше.

— Ты там был? — спросил Тарзан.

— Нет, но кое-кто из нашего племени ходил туда, когда мой отец был еще совсем молод. Там живет народ, у которого много таких украшений. Наконечники их копий и стрел — желтого цвета. Их деревня окружена высоким каменным забором. Они очень сильны и свирепы. Они напали на наших, которые вовсе не хотели войны. Наших было мало, но, укрепившись на холме, они отбили их и заставили вернуться в город. Тогда наши сняли желтые украшения с убитых врагов и пустились в обратный путь. Больше никто и никогда не видел каменной деревни.

— А нет ли среди вас кого-нибудь, кто участвовал в этом походе? — спросил Тарзан.

— Там был наш вождь, Вазири, — ответил воин. — Еще мальчиком, он наравне со всеми участвовал в битве.

В этот же вечер Тарзан расспросил старика Вазири о странном народе и об его каменной деревне. Он узнал, что путь туда был долог, но не труден. Вазири помнил дорогу очень хорошо.

— Десять дней мы шли вверх по течению реки, которая протекает мимо нашей деревни, пока, наконец, она не превратилась в маленький ручеек, спускавшийся с высоких и крутых гор. На следующий день мы перешли через горы и двинулись по течению неведомой нам реки, скрывавшейся в густом, диком лесу. Много дней шли мы вдоль нее, пока не достигли широкой долины. Перейдя ее, мы снова подошли к скалам, выше и круче прежних. Преодолев их, мы вновь спустились в какую-то долину и, поднявшись на вершины третьей цепи гор, увидели внизу, в неглубокой лощине, крыши неведомой каменной деревни.

Дальше Вазири рассказал Тарзану все, что было ему уже известно из слов Бусули.

— Я хотел бы отправиться туда, — сказал Тарзан, — чтобы достать желтый металл, который мне очень нравится.

— Путь далек, — ответил Вазири, — я стар, но если ты подождешь до конца дождей, когда земля будет суха и реки спадут, я возьму своих воинов и пойду вместе с тобой.

На следующее утро в деревню примчались охотники с известием, что в ближайшей долине, на юге, они обнаружили стадо слонов.

Конец дня и вечер были использованы для приготовлений к большой охоте. Чистили копья, чинили луки, точились ножи, шел бойкий обмен амулетами и целебными травами на случай несчастья. Этим особенно усердно занимался туземный знахарь, не упустивший подходящего момента.

На рассвете отряд охотников выступил в поход. Среди них, легкий и мощный, как лесной бог, шел Тарзан. Светло-коричневым цветом кожи он резко выделялся из толпы своих черных спутников. Ничем другим он от них не отличался: говорил на их языке, шутил с ними, участвовал в общем воинственном танце, который был устроен накануне выступления. Одним словом, он был настоящим дикарем среди дикарей. Этот народ и его жизнь были ему гораздо ближе, чем парижские друзья, обычаям и привычкам которых он так удачно подражал последние два года.

Он подумал о д'Арно и не мог не улыбнуться при мысли о том, как изумился бы его друг, увидев его в эту минуту. Бедный Поль, как он гордился тем, что вытравил из своего друга последние остатки дикаря!

«Вот как быстро я пал!» — подумал Тарзан. В глубине души он не считал, однако, свое преображение падением; наоборот, он питал жалость к несчастным парижанам, запертым в клетках своих маленьких квартир, одетым в стеснительные, неудобные костюмы, лишенным простоты, естественности, прямодушия.

Через два часа охотники приблизились к месту, где были замечены слоны. Дальше они двигались очень осторожно, рассыпавшись цепью, пока, наконец, не натолкнулись на свежевытоптанную тропу, по которой несколько часов назад прошло стадо слонов.

Двигались гуськом черные воины примерно полчаса. Тарзан остановился первым и в знак предосторожности поднял руку. Чутье подсказало ему, что слоны находятся неподалеку.

С проворством белки он забрался на дерево. За ним гораздо медленнее последовал один из воинов. Тарзан указал ему на юг: там, неподалеку от них, паслось стадо слонов, скрытое высокими зарослями. Тотчас же все бросились туда. Воин, сидевший на дереве рядом с Тарзаном, поспешил спуститься вниз, а сам Тарзан стал пробираться по ветвям к цели.

Охота на слонов с примитивным оружием: ножами, копьями и стрелами, — не ребяческая забава. Тарзан

знал, что не всякое племя решится на это. Тем больше гордился он товарищами, своей общиной, настоящим членом которой он уже привык считать себя.

Сверху Тарзану было видно, как воины пробирались в густой траве, стараясь окружить еще ничего не подозревавших животных. Охотники наметили себе в жертву двух слонов. По сигналу пятьдесят человек, подкравшись очень близко к этим целям, поднялись и одновременно бросили в них свои пятьдесят копий. Промахов не было.

Один из слонов так и не успел двинуться с места. Два копья попали ему в сердце, и он упал на передние колени уже мертвый, без борьбы, даже без стона.

Другой не получил таких серьезных ран, и хотя все двадцать пять копий попали в него, ни одно не задело сердца. Несколько мгновений громадное животное стояло на месте, яростно трубя от боли. Слон искал глазами виновников своих мучений, но охотники уже спрятались в лесной чаще. Слон услыхал только легкий шум — и сразу же ринулся в ту сторону, решив стереть своих врагов с лица земли.

Случилось так, что он прежде всего наскочил на Бусули. Тот обратился в бегство. Сверху Тарзан наблюдал за всем происходившим. Его громкие крики не помешали слепому от бешенства слону броситься вслед за воином. Тарзан понял, что только чудо может спасти Бусули.

С невероятной быстротой спустился он с дерева и подбежал к слону в тот момент, когда тот уже протягивал хобот к своей жертве. Железный наконечник копья Тарзана вонзился в грудь гиганту. Он упал, сраженный насмерть, к ногам человека-обезьяны.

Все наблюдали за этим поединком, — и теперь в восторге окружили Тарзана, а он, вскочив на труп убитого чудовища, странным звериным криком огласил лесную чащу. Дикари в ужасе отпрянули. В голосе Тарзана им послышалось что-то сверхчеловеческое, что заставило их упасть на колени и закрыть лица руками.

Но едва Тарзан улыбнулся им, они успокоились, хотя и не понимали, что произошло. До сих пор они не могли освоиться с этим странным существом, которое бегало по ветвям деревьев с легкостью и проворством обезьяны, но чувствовало себя вполне свободно и на земле, существом, которое отличалось от них только цветом кожи, но было в десять раз сильнее самого могучего их воина и было способно на единоборство со страшными чудовищами джунглей.

Все собрались, чтобы разделать туши слонов. Вдруг в самом разгаре работы издалека донеслись ружейные выстрелы. Охотники замерли. Тарзан воскликнул:

— Ружья! На деревню кто-то напал!

— Вперед! — раздался голос вождя Вазири.— Арабы охотники вернулись к нам со своими рабами-людоедами. Они пришли за нашей слоновой костью, за нашими женами и детьми!

XVI

Охотники за слоновой костью

Воины Вазири мчались через джунгли к своей деревне. Ружейная стрельба побуждала их торопиться. Залпы выстрелов, гулко разносившиеся по чаще, наконец, начали затихать и постепенно прекратились. Оставалось предположить только одно, — слабо защищенная деревня была захвачена и теперь подвергалась разграблению.

Воины Вазири не пробежали и трех миль из тех пяти, которые отделяли их от деревни, как вдруг повстречали первых беглецов, спасшихся от пуль врагов. Это были, по большей части, женщины и дети. От волнения они не могли толком рассказать о происшедшем.

— Их больше, чем листьев в лесу! — воскликнула одна из женщин, стараясь дать понятие о силах врага. — Там много арабов, и с ними еще больше Мануема. Все они вооружены ружьями. Они подкрались к деревне, прежде чем мы заметили их, а потом открыли стрельбу и с криками бросились на нас. Они убили очень многих. Все, кто мог, разбежались, но большинство погибло. Кажется, они не берут пленных. Они мстят нам за прошлое!

Воины тронулись дальше. Теперь они двигались осторожно, послав вперед разведчиков. Вождь Вазири знал, что уже поздно думать о спасении соплеменников. Оставалась только месть.

Вскоре показалась вторая партия беглецов. Среди них было много мужчин, тотчас же примкнувших к отряду Вазири.

Двенадцать воинов были высланы вперед. Вождь Вазири остался с главными силами отряда, которой длинной узкой цепью растянулся по лесной тропинке. Тарзан шел рядом с вождем. Один из разведчиков вернулся.

— Все они находятся за частоколом! — прошептал он.

— Хорошо! — сказал вождь. — Мы застигнем их врасплох и перебьем всех!

Он уже хотел дать приказ своим воинам приготовиться и броситься вперед по его сигналу, но Тарзан остановил его.

— Подожди, — сказал он. — Если бы там, за частоколом, оказалось только пятьдесят ружей, — то и в этом случае наше нападение было бы отбито, и никто из твоих воинов не вернулся бы назад. Позволь мне сначала добраться до них по ветвям, чтобы узнать, каковы их силы и можем ли мы справиться с ними. Было бы очень глупо потерять сейчас без пользы хотя бы одного человека. Я придумал способ победить их не столько силой, сколько хитростью. Ты подождешь, Вазири?

— Да, — ответил старый вождь. — Иди!

Тарзан мигом взобрался на дерево и скрылся в листве. Он перебирался с ветви на ветвь с большой осторожностью, так как знал, что пуля может настичь его на деревьях с таким же успехом, как и на земле. Но он умел двигаться так бесшумно, что никто в джунглях не слышал и не видел его.

Очень скоро Тарзан добрался до большого дерева, ветви которого свешивались над частоколом. Отсюда ему была видна вся деревня. Он насчитал до пятидесяти арабов и увидал, что людей из племени Мануема было еще в пять раз больше. Тарзан понял, что нападение на эту толпу, вооруженную ружьями и скрытую за частоколом, было бы неразумно. Он вернулся к вождю Вазири и посоветовал ему поджидать осуществления его хитрого плана.

Но на беду, перед этим, от одного из бежавших, вождь узнал о гибели своей жены. Он был так разъярен, что его покинуло всякое благоразумие. Созвав воинов, он велел им напасть на деревню. Издавая дикие крики и потрясая копьями, воины под предводительством своего вождя ринулись в бой. Как только они вышли из чащи, арабы открыли частый оружейный огонь. Первые же выстрелы уложили на месте вождя и ближайших к нему воинов. В рядах нападавших началось смятение. Арабы продолжали расстреливать их. Некоторые, без всякой надежды на успех, бросились снова вперед, чтобы погибнуть под пулями, остальные предпочли отступить и скрыться в лесу. Арабы и Мануема бросились за ними в погоню. Тарзан отступал последним. Время от времени он оборачивался для того, чтобы пустить не знающую промаха стрелу в ближайшего из преследователей.

В чаще джунглей он разыскал остатки отряда Вазири, — небольшую группу воинов, чудом спасшихся от беспощадного расстрела. Он посоветовал им рассеяться по лесу и к ночи сойтись там, где они охотились на слонов.

— Когда вы рассеетесь по лесу, — заметил на прощание Тарзан, — следите хорошенько, не появится ли где

воин Мануема. Прячьтесь за деревьями и кустами. Так вы можете уничтожить многих из них.

Тарзан снова взобрался на дерево и, прячась в зеленой листве, пробрался к деревне. Все арабы и их наемники Мануема отправились в погоню за остатками отряда Вазири. Деревня была пуста.

У ворот сидел только один часовой, которому было поручено стеречь скованных пленников. Он не заметил, как в другом конце деревни Тарзан спрыгнул с ветвей высокого дерева на землю. Держа лук наготове, человек-обезьяна приблизился к не ожидавшей нападения жертве. Пленники узнали его. С волнением следили они за каждым его шагом, ожидая избавления. Тарзан остановился в десяти шагах от часового, натянул лук и, прицелившись, спустил стрелу. Стрела прошла насквозь между лопатками часового. Без крика, без стона он упал на землю бездыханным.

Тарзан завладел его ружьем и попытался освободить женщин и детей от цепи, которой они были прикованы друг к другу. Но это ему не удалось. Тогда он приказал всем следовать за собою. Выйдя из ворот, он углубился в лес, стараясь, по возможности, избежать встречи с врагом.

Путь был долог и труден. Цепь была тяжела, и женщины с трудом передвигали ноги. Многие падали и задерживали остальных. Изредка в лесу раздавались одиночные выстрелы. Видимо, арабы еще продолжали свое преследование. Но Тарзан был спокоен: черные воины не попадут под пули врагов. С наступлением сумерек стрельба прекратилась. Тарзан понял, что все арабы вернулись в деревню. Он не мог не улыбнуться при мысли о том, в какую ярость придут они, обнаружив бегство пленных и убитого часового.

Покидая деревню, Тарзан хотел было захватить с собой немного слоновой кости из того запаса, который был в деревне, — только для того, чтобы еще больше разозлить своих врагов. Но отказался от этого, так как задуманный им план сводился к тому, чтобы не дать возможности арабам уйти хотя бы с одним бивнем слона.

Уже после полуночи Тарзан с вереницей своих спутников достиг места охоты на слонов. Еще издали заметили они пламя громадного костра, разведенного воинами посреди поляны, отчасти для того, чтобы согреться, отчасти — чтобы оградить себя от диких зверей.

Приблизившись к костру, Тарзана громко крикнул, давая знать о приближении друзей. Встреча была радостной. Пленники тотчас же были освобождены от своей тяжелой цепи. Началось угощение мясом убитых слонов, которое затянулось далеко за полночь, пока Тарзан не приказал воинам лечь спать, чтоб отдохнуть перед трудами следующего дня.

Утром он объяснил свой план действий воинам, и они — все до одного — признали, что он нашел самый безопасный и верный способ избавиться от незваных гостей и отомстить за убийство своих собратьев.

Все женщины и дети, под охраной двадцати старых воинов и юношей, были отправлены, для безопасности, на юг. Им был дан приказ построить небольшое временное укрытие в расчете на то, что план Тарзана будет осуществляться много дней, и даже недель. Через два часа после рассвета цепь черных воинов окружила деревню. Некоторые взобрались на деревья, чтобы наблюдать, что происходило за частоколом. Вдруг воин из племени Мануема упал, пронзенный неизвестно откуда взявшейся стрелой. Не видно и не слышно было никаких признаков нападения, — ни крика, ни воя, ни топота. Смертоносная стрела прилетела из молчаливой рощи.

Деревня взволновалась. Все сбежались к телу убитого, не зная, где искать виновника его смерти. Снова что-то прожужжало в воздухе, — и один из арабов, со стрелой в груди, замертво упал на землю.

Тарзан разместил на деревьях вокруг частокола лучших стрелков, дав им приказ стрелять только в случае, когда никто не смотрит в их сторону.

Три раза арабы устремлялись в направлении, откуда, как им казалось, прилетели меткие стрелы, и три раза новая стрела появлялась совсем с другой стороны, вырывая кого-нибудь из их рядов.

Поиски не увенчались успехом: стрелки оставались невидимыми.

А сверху на арабов смотрел Тарзан, похожий сейчас на торжествующего бога мести. Один из его врагов отстал от своих. Мгновенно неизвестно откуда появившаяся стрела уложила его на месте.

В рядах Мануема и арабов поднялась паника. Стоило кому-нибудь из них отойти в сторону, как его поражала нежданная стрела. А между тем все было тихо и спокойно, как будто поблизости не было никого. Можно было подумать, что смертоносные стрелы посылаются самим богом мести.

Спасения от стрел не было ни за частоколом деревни, ни на поляне. Мануема умоляли своих белых господ покинуть деревню, но арабы боялись идти по темному девственному лесу с большим грузом слоновой кости.

С каждым часом становилось все труднее и опаснее выходить из деревни. Никто не был уверен, что его минует роковая стрела. Приходилось прятаться в хижинах от невидимого, страшного врага.

Тарзан с верхушки дерева, свешивавшегося над частоколом, заметил хижину, в которую вошел арабский вождь. Он выпрямился во весь рост, поднял копье, прицелился и изо всех сил бросил его. Острие тяжелого копья пробило соломенную крышу. Крик, раздавшийся вслед за этим, убедил Тарзана в том, что он попал в цель. Напомнив таким образом своим врагам, что они не избавлены от опасности под кровлями чужих хижин, Тарзан собрал своих воинов и удалился с ними в глубь леса, чтобы отдохнуть и приготовиться к дальнейшей борьбе. Всюду были расставлены часовые, но все было спокойно. За этот день никто из воинов Тарзана не получил не только раны, но даже и царапины, в то время как около двадцати врагов были уничтожены их стрелами.

Обрадованные успехом воины уже рисовали себе картины решительной ночной атаки деревни, жаркой схватки и победы.

— Вы сошли с ума! — воскликнул Тарзан. — Я указал вам единственный способ борьбы с врагом. Мы перебили сегодня множество врагов, не потеряв ни одного воина. А между тем вчера, при вашей попытке броситься на арабов, вы потеряли десятки людей, не уничтожив ни одного захватчика. Вы будете сражаться только так, как я вам указываю. В противном случае, я покидаю вас и возвращаюсь на свою родину...

Они испугались, когда он пригрозил им уходом, и обещали в точности исполнять его приказания.

— Хорошо, — согласился Тарзан. — Мы переночуем на поляне, где нашли стадо слонов. Мне хочется дать арабам передышку, чтобы затем задать им еще более жестокий урок.

Они отправились в обратный путь и, придя на место, развели громадные костры. Долго сидели они у огня, угощаясь и обмениваясь впечатлениями прожитого дня. Тарзан спал до полуночи. Затем он поднялся и исчез в темной чаще девственного леса. Через час он был у частокола деревни. Внутри горел большой костер, подле которого стоял часовой. Тарзан взобрался на свое излюбленное место и натянул лук. Но дерево качалось от ветра, что не позволяло ему точно прицелиться. Между тем от этого выстрела зависело многое.

Кроме лука и стрел, Тарзан захватил с собою веревку, нож и ружье, отнятое накануне у часового. Почти все он спрятал в дупле дерева, а сам, вооруженный одним ножом, спустился в деревню.

Как кошка Тарзан подкрался к жертве и пригото-

вился к решительному прыжку, по обычаю всех хищников джунглей. Но часовой, уловив шум, стремительно обернулся и встретился с ним лицом к лицу.

XVII

Белый вождь племени Вазири

Увидав перед собою выросшую как из-под земли страшную фигуру Тарзана с ножом в руке, черный часовой задрожал от ужаса. Забыв о своем ружье, он не догадался даже закричать, чтобы поднять тревогу. Его единственной мыслью было скрыться от этого чудовища, от исполина, полуосвещенного дрожащими отблесками костра.

Но прежде чем он успел пошевелиться, Тарзан бросился на него. Звать на помощь было уже поздно. Часовой напрасно барахтался и отбивался, — стальные руки сжали его горло. У него захватило дыхание, глаза готовы были выскочить из орбит, он вздрогнул в последний раз — и замер.

Тарзан положил тело на плечо, прихватил ружье и снова направился к своему наблюдательному пункту. Он спрятал мертвого часового в густой листве, а затем прицелился в ту хижину, где, по его расчетам, должен был находиться предводитель арабов, и нажал собачку. Раздался гулкий выстрел,— и из хижины донесся громкий стон. Тарзан улыбнулся.

Встревоженные выстрелом из хижин выбежали арабы и Мануема.

Когда они заметили исчезновение часового, поднялась паника. Началась беспорядочная стрельба по воротам деревни, хотя там никого не было. Тарзан воспользовался суматохой и выстрелил в самую гущу толпы.

Из-за шума никто не услышал выстрела. Один из арабов закачался и, сраженный неизвестно откуда взявшейся пулей, упал. Мануема бросились врассыпную. Арабам с трудом удалось успокоить их, но ненадолго. Тарзан, спрятавшись в густой листве, внезапно издал страшный крик, от которого холод прошел по коже захватчиков. В ужасе они оглянулись и увидели вылетевшее из чащи леса, как бы брошенное чьей-то могучей рукой, тело их часового.

Вновь началась паника. Всем казалось, что какое-то ужасное чудовище спрыгнуло с дерева с намерением вырвать новую жертву из их рядов. Одни спрятались в хижинах, другие, перескочив через частокол, устремились в джунгли.

Некоторое время стояла настороженная тишина, но Тарзан знал, что рано или поздно беглецы возвратятся в деревню, — и тогда его проделка будет, наверно, открыта. Поэтому он с ветви на ветвь, кружным путем, отправился к месту стоянки.

В это время один из арабов, крадучись, пробрался к деревню. Он увидал, что страшное существо, выскочившее из лесной листвы, лежит неподвижно среди улицы. Приблизившись, он узнал в нем своего часового.

На зов араба прибежали остальные и после нескольких секунд короткого, возбужденного совещания, как и предполагал Тарзан, — открыли ожесточенный огонь по деревьям, с которых упало тело убитого часового. Если бы Тарзан остался там, он был бы неминуемо расстрелян десятками пуль. Когда арабы и Мануема увидали, что единственные знаки насилия на теле их товарища — отпечатки пальцев на его горле, их снова охватил страх и отчаянье Каждый почувствовал угрозу страшной, неожиданной смерти. Какой же смелостью и силой должен обладать враг, решившийся проникнуть в самую середину деревни и голыми руками задушить вооруженного человека! Суеверные Мануема приписывали это убийство злому лесному духу. Арабы тоже не находили другого объяснения. Мануема решили покинуть проклятое место, отступить перед натиском невидимых, таинственных врагов. Арабы не могли с ними ничего поделать.

Когда утром Тарзан, во главе отряда черных воинов, подкрался к деревне, он увидал, что все были заняты сборами в путь. Мануема укладывали в связки слоновую кость. Тарзан только усмехнулся, ибо знал, что этот груз им не придется далеко нести на своих плечах.

Вдруг он увидел нечто, что серьезно обеспокоило его. Несколько человек хлопотали над факелами, стараясь раздуть их пламя. Было ясно, что они, уходя, собирались поджечь деревню.

Мигом Тарзан взобрался на дерево у частокола и, приставив ладони рук ко рту, громко прокричал по-арабски:

— Не поджигайте деревни — или мы перебьем вас всех! Не поджигайте деревни — или мы перебьем вас всех!

Он повторил это раз двенадцать. Мануема остановились. Кое-кто из них в страхе опустил факел к земле; огонь погас. Араб, наблюдавший за чернокожими, бросился к ним, угрожая палкой. Видно было, что он принуждает их снова раздуть огонь и поджечь соломенные крыши хижин. Тарзан поднял ружье, прицелился и выстрелил. Араб рухнул как подкошенный, а Мануема, в ужасе побросав свои факелы, разбежались. Арабы открыли по ним стрельбу.

Но как ни были ожесточены попавшие в ловушку охотники на людей, — они благоразумно решили оставить мысль о поджоге деревни, надеясь вскоре вернуться сюда, но уже с такими силами, которые были бы способны стереть с лица земли дерзкое племя Вазири и уничтожить все живое на много миль вокруг.

Напрасно старались они найти того, кто своим криком расстроил их план поджога и обратил в бегство малодушных Мануема. Даже самый зоркий глаз не смог бы заметить Тарзана в густой листве его лесного убежища. Не успело замереть эхо выстрелов, как с ветви на ветку перебежал он уже на другое место, и, решив лишний раз потешиться над своими врагами, крикнул, снова приложив ладони ко рту:

— Бросьте слоновую кость! Бросьте слоновую кость! Она не нужна обреченным на смерть!

Мануема, нагруженные драгоценной ношей, поспешили опустить ее на землю. Это взорвало жадных арабов. Под угрозой расстрела они принудили своих рабов снова взвалить на плечи груз. Они смогли отказаться от поджога деревни, но потерять слоновую кость — это было для них хуже смерти. Грабители направились к северу, в свои края, к реке Конго, в самую отдаленную часть Великих Лесов. Прячась в густых джунглях, за ними следовали воины Вазири, не теряя их из виду ни на минуту.

В пути меткие стрелы время от времени продолжали поражать то одного, то другого чернокожего или араба. Вазири с двух сторон поочередно бросали копья или спускали стрелу, неизменно находившую свою жертву. Они стреляли только тогда, когда были уверены в точности прицела и в невозможности быть открытыми. И каждый раз смерть настигала кого-нибудь.

В рядах отступавших снова началась паника. С большим трудом арабы удерживали своих черных рабов в повиновении. Так прошел день — день, страшный для охотников, покинувших деревню, день утомительной, но благодарной работы для воинов Вазири. На ночь арабы построили временное укрепление на берегу реки и расположились на отдых. Время от времени раздавались одиночные ружейные выстрелы, и каждая выпущенная пуля находила себе жертву среди тех двенадцати часовых, которые стояли на страже у разведенных костров.

Положение становилось безвыходным. Мануема поняли, что рано или поздно все они будут перебиты невидимым врагом. И все же на рассвете арабам удалось

заставить их снова двинуться в путь с тяжелой драгоценной ношей.

Три дня продолжался ужасный переход. Каждый час приносил с собою новую смерть от стрелы или копья, посылаемых неведомой рукой. Ночи превратились в сплошную пытку. Быть часовым — значило осудить себя на неизбежную смерть.

На четвертый день арабам уже самим пришлось застрелить двух рабов, чтобы заставить остальных продолжать путь. Вдруг из лесной чащи раздался голос:

— Сегодня вы все умрете, о Мануема, если не бросите слоновую кость. Обратитесь против ваших жестоких хозяев и убейте их. У вас есть ружья, почему же вы ими не пользуетесь? Убейте арабов — и мы не тронем вас. Мы приведем вас обратно в нашу деревню, накормим и напоим вас. Бросьте слоновую кость и восстаньте против ваших хозяев! Мы поможем вам. Иначе вы погибли!

Когда голос затих, Мануема застыли как каменные изваяния. Арабы смотрели на них. Те переглядывались между собой, не решаясь начать нападение.

Арабы сомкнулись, готовые отразить первый удар. Их предводитель приказал Мануема продолжать путь. С угрожающим видом он поднял ружье, прицелившись в угрюмо стоявших негров, но вдруг из их рядов раздался выстрел. Это послужило сигналом к восстанию. Закипел ожесточенный бой. Арабы отчаянно отстреливались, но град пуль, сыпавшихся со всех сторон, и копья, летевшие на них из чащи леса, вскоре решили исход сражения. Через десять минут после начала схватки ни одного араба не осталось в живых. Когда стрельба прекратилась, Тарзан воскликнул:

— Берите слоновую кость и возвращайтесь в нашу деревню. Мы не причиним вам никакого вреда!

Некоторое время негры, видимо, колебались, затем один из них выступил, наконец, вперед и крикнул:

— Откуда мы знаем, что, вернувшись в вашу деревню, мы не будем перебиты все до одного?

— Мы обещаем не трогать вас, если вы вернете нашу слоновую кость. Если же вы этого не сделаете, никто из вас не уйдет из этих лесов.

— Кто ты, говорящий на языке наших господ? — снова спросил тот же Мануема. — Дай нам увидеть тебя, и тогда мы ответим.

Тарзан выступил из лесной чащи и очутился в двадцати шагах от них.

— Смотрите! — воскликнул он.

Негры были поражены его гигантской фигурой, светлым цветом кожи, его первобытной красотою.

— Вы можете верить мне! — сказал он.— Если вы исполните наше приказание, мы не тронем вас. Выбирайте: или вы вернете нашу слоновую кость, или пойдете дальше, под угрозой наших стрел и копий, которые рано или поздно уничтожат вас всех.

Воспоминание о прошедших ужасных днях заставило Мануема взвалить на плечи груз и тронуться в обратный путь.

На третий день они достигли цели. Их встретили уже успевшие вернуться в деревню женщины, дети и старики. Потребовалась вся сила убеждений Тарзана, чтобы помешать озлобленным остаткам племени Вазири разорвать в клочья своих врагов. Он объяснил всем, что дал слово отпустить Мануема, если они вернут похищенную слоновую кость.

Вазири поняли, что им надлежит подчиниться решению того, кто был виновником их торжества над врагами.

В эту ночь был устроен большой пир по случаю победы. Предстояло выбрать нового вождя.

После гибели Вазири Тарзан вступил во временное командование его воинами. Кроме него, никто не мог бы справиться с задачей, выпавшей на их долю в последние дни. Вот почему общее мнение склонялось к тому, чтобы избрать Тарзана вождем племени.

Старейшие воины уселись вокруг костра, чтобы обсудить достоинства тех, кто мог быть назван кандидатом в вожди.

Бусули первый взял слово:

— С тех пор как погиб Вазири, не оставив себе наследника, среди нас нашелся только один, кого мы можем признать вождем. Он принес нам победу над сильнейшим, вооруженным огненными стрелами, врагом. Только он, только этот белый человек, может быть нашим вождем.

Потрясая копьем над головою, полупригнувшись, Бусули начал медленно танцевать вокруг Тарзана, выкрикивая время от времени:

— Вазири, вождь Вазири! Вазири, победитель арабов! Вазири — вождь Вазири!

Один за другим остальные воины присоединились к нему, выражая этим свое согласие подчиниться новому вождю. Поднялся неимоверный шум, затрещали барабаны, раздалось прихлопывание в ладоши и мерное, торжественное пение. В середине круга танцующих сидел Тарзан, человек-обезьяна, теперь — Вазири — вождь черного племени, принявший его родовое имя.

Все быстрее и быстрее становилась дикая пляска, все громче и громче били барабаны, стучали трещотки. Воины бросали вверх свои копья и ловили их на лету... Громадные костры освещали фантастическую картину странной пляски размалеванных, украшенных шкурами дикарей. Тарзан принял участие в их пляске. Он прыгал и бесновался не хуже своих новых подданных, громко крича и в экстазе подбрасывая свое копье вверх.

Он совсем забыл о цивилизации. Он стал прежним первобытным человеком, вождем древнего племени. Если бы Ольга де Куд увидала его теперь, — узнала ли бы она в нем скромного молодого человека, очаровавшего ее всего лишь несколько месяцев назад? А Джен Портер? Любила ли бы она по-прежнему Тарзана, — полунагого, вихрем кружившегося среди своих исступленных воинов? Поверил бы д'Арно, что это — тот самый Тарзан, которого он ввел в лучшие салоны Парижа, сделал посетителем лучших клубов, театров, лучших домов в столице мира?

Так Тарзан стал вождем черного племени. Английский лорд — по происхождению и первобытный дикарь — по облику, он мог теперь только испугать своих друзей из цивилизованного мира.

XVIII

Лотерея смерти

Джен Портер проснулась раньше всех. Ее спутники еще крепко спали, прикорнув на банках и на дне спасательной шлюпки. Тревога охватила девушку, когда, оглядевшись, она не увидала остальных лодок. С жутким сознанием одиночества и беспомощности всматриваясь в бесконечную равнину океана, теряя всякую надежду на спасение. Гибель, верная гибель грозила ей и ее спутникам, — откуда могли они ждать помощи?

Наконец проснулся и Клейтон. В первые минуты он ничего не соображал: не помнил событий, минувшей ночи, не понимал, где находится. Но вот его растерянный взгляд упал на девушку.

— Джен! — воскликнул он. — Какое счастье, что мы вместе!

— Посмотрите, — ответила девушка, указывая безнадежным жестом на расстилавшуюся перед ними водную гладь. — Все лодки исчезли, мы остались одни.

Клейтон посмотрел вокруг.

— Где же они? — воскликнул он. — Они не могли утонуть. Море было спокойно, и я видел их после гибели яхты.

Он разбудил остальных и объяснил им, что случилось.

— Ну что же! — спокойно ответил один из моряков. — Шлюпки рассеялись за ночь. Это, пожалуй, к лучшему. В случае бури мы все равно не могли бы помочь друг другу, а провизии в каждой лодке достаточно. Зато теперь больше надежды на то, что по крайней мере одна из шлюпок будет замечена, и тогда немедленно примутся за поиски остальных. Если бы мы держались вместе, у нас был бы один шанс на спасение, а теперь — целых четыре.

Все признали справедливость этих соображений и воспрянули духом, но, увы, ненадолго. Едва путники решили взяться за весла, чтобы плыть к востоку, по направлению к материку, как обнаружилось их исчезновение. Гребцы заснули за работой и уронили весла в воду.

Виновников осыпали градом упреков, дело едва не дошло до драки, но Клейтон кое-как успокоил рассвирепевших матросов. Спустя несколько минут вспыхнула новая ссора из-за ядовитого замечания Тюрана по поводу глупости всех англичан, а в особенности — моряков.

— Стойте, стойте, братцы, — сказал один из матросов, не принимавший участия в ссоре. — Из того, что мы разобьем друг у друга горшки на плечах, проку не будет. Давайте лучше закусим.

— Это, пожалуй, верно, — согласился Тюран и, обращаясь к одному из моряков, Вильсону, добавил. — Нука, любезный, достаньте с кормы жестянку.

— Доставайте ее сами, — угрюмо ответил Вильсон. — Я не обязан исполнять приказы всякого иностранца. Вас еще никто не назначал здесь капитаном!

В конце концов пойти за жестянкой пришлось Клейтону, но и это вызвало нарекания. Вильсон начал обвинять Клейтона и Тюрана в том, что они взяли на себя хранение и выдачу припасов, чтобы пользоваться львиной долей.

— Надо поручить кому-нибудь управление нашей командой, — сказала Джен Портер, с чувством брезгливости наблюдавшая сцены, которые начались с первого дня совместного пребывания этих людей в ограниченном пространстве и могли продолжаться до бесконечности.

— Разве мало нам того, что мы беспомощно носимся по океану на этом жалком суденышке! Зачем же еще отравлять наше существование и подвергать жизнь опасности бессмысленными ссорами? Вы, мужчины, выберите из своей среды начальника, которому все остальные должны беспрекословно повиноваться. В такой обстановке дисциплина нужнее, чем в обычное время на корабле.

Слова девушки на время успокоили матросов. Они решили разделить провизию, четыре жестянки с пищей и два бочонка воды, на две равные части. Одна осталась в полном распоряжении трех матросов, другую получили Джен, Клейтон и Тюран.

Первую банку открыли матросы. Раздались возгласы разочарования и ярости.

— В чем дело? — спросил Клейтон.

— Беда! — закричал один из матросов, Спайдер. — Каюк нам! В банке — машинное масло!

Клейтон и Тюран поспешно открыли одну из своих банок, но и там оказалось машинное масло. С криками ярости несчастные люди стали вскрывать банку за банкой. Последняя надежда исчезла, в лодке не было ни крошки пищи.

— Слава богу, у нас есть вода,— сказал Томкинс.— Без еды протянуть немного еще можно. На худой конец, будем есть собственные подметки, а вот без воды мы долго не протянем.

Проделав дырку в одном из бочонков, Вильсон наклонил его, чтобы нацедить драгоценной влаги в жестяную кружку, которую поднес Спайдер. Из отверстия посыпалась тоненькая струйка темно-серых крупинок. С тяжелым стоном Вильсон уронил бочонок и уставился глазами в чашку, безмолвный от ужаса.

— Порох! — произнес он упавшим голосом, обращаясь к людям на корме. — В бочонке — порох.

В других бочонках оказалось то же самое.

— Машинное масло и порох! — воскликнул Тюран. — Хорошая, нечего сказать, пища для потерпевших крушение мореплавателей.

Сознание полного отсутствия пищи и воды ускорило и обострило муки жажды и голода. В первый же день люди по-настоящему испытали все ужасы, переживаемые жертвами кораблекрушения.

В следующие дни их положение стало еще безнадежнее.

Воспаленными от напряжения глазами смотрели они на линию горизонта в продолжение дня и ночи, и только когда тяжелая усталость овладевала ими, опускались на дно шлюпок и погружались в минутную, полную тревожных видений дремоту, отрываясь на одно мгновение от ужасной действительности.

Матросы, сходя с ума от голода, пробовали жевать свои пояса, башмаки, кожаную подкладку фуражек. Напрасно Клейтон и Тюран пытались доказать им, что этим они только увеличивают свои мучения.

Обессиленные и беспомощные, лежали люди под жестоким тропическим солнцем. Губы у них растрескались, языки распухли. Они ждали смерти, которая с каждым днем становилась для них все желанней.

Джен, Клейтон и Тюран, которые ничего не ели все эти дни, почти перестали ощущать голод. А несчастные матросы испытывали в это время невыносимые муки. Ослабевшие от голода желудки не могли переварить кусков кожи, которыми их набивали матросы. Ровно через неделю после гибели «Алисы» один из матросов умер в страшных мучениях.

В продолжение нескольких часов его сведенное судорогой лицо с оскаленными зубами смотрело, как бы улыбаясь, на людей, сидевших на корме. Наконец, Джен Портер стало уже невмоготу переносить это зрелище.

— Разве вы не можете столкнуть тело за борт, Уильям? — спросила она.

Клейтон встал и, шатаясь, пошел к трупу. Оставшиеся в живых матросы следили за его движениями со странным, зловещим блеском ввалившихся глаз.

Англичанин попытался было поднять тело на уровень борта, но усилия его были напрасны. Он оказался слишком слаб для этого.

— Помогите мне, пожалуйста, Вильсон, — сказал он матросу, лежавшему рядом.

— Зачем вы хотите выбросить его? — спросил тот ворчливо.

— Мы должны это сделать, пока не совсем ослабли: он будет ужасен завтра, если пролежит целый день под знойным солнцем.

— Оставьте лучше его на месте, — проворчал Вильсон. — Он нам может понадобиться еще сегодня!

Не сразу понял Клейтон значение его слов. Наконец, он догадался, почему Вильсон противится его намерению выбросить труп в море.

— Боже! — прошептал Клейтон в ужасе. — Не собираетесь же вы...

— Отчего же нет? — прохрипел Вальсон. — Надо же чем-нибудь питаться. А он помер, и ему все равно.

— Идите сюда, Тюран, — позвал Клейтон. — Если мы не избавимся от трупа до наступления темноты, у нас в лодке произойдет нечто более жуткое, чем смерть.

Вильсон, пошатываясь, привстал, чтобы помешать попытке Клейтона и Тюрана, но, видя, что и его товарищ Спайдер оказался на стороне Клейтона, уступил и только следил гневным взором за действиями трех человек, возившихся с мертвецом. Наконец, им удалось выбросить труп в море.

Весь день Вильсон не сводил с Клейтона глаз, в которых светилось безумие. К вечеру, когда солнце погружалось в море, он начал что-то бормотать про себя, не переставая смотреть на Клейтона.

Стало совсем темно, но Клейтон все еще чувствовал

на себе этот ужасный взгляд. Он не решался заснуть, а между тем был так утомлен, что ему стоило больших усилий преодолевать дремоту.

После короткого промежутка бодрствования, который показался вечностью, голова его, помимо воли, опустилась на плечо, и он заснул. Долго ли длилось бессознательное состояние, он не знал; разбудил его подозрительный шорох. Клейтон в испуге открыл глаза и при свете поднявшейся над морем луны увидел Вильсона, который пробирался к нему. Рот у моряка был открыт, распухший язык высунут.

Проснулась и Джен Портер. Заметив зловещую фигуру Вильсона, она громко и пронзительно закричала, и в ту же минуту матрос бросился на Клейтона. Оскалив зубы, как хищный зверь, он искал горло своей жертвы, но Клейтон, несмотря на крайнюю слабость, нашел в себе достаточно силы, чтобы удержать эту оскаленную пасть на расстоянии.

Крик Джен Портер разбудил Тюрана и Спайдера. Увидев в чем дело, они подползли к Вильсону и, с помощью Клейтона, с трудом одолели безумца и бросили его на дно лодки. Минуту он лежал, что-то болтая и смеясь, но вдруг издал дикий вопль, вскочил на борт и прыгнул в воду.

После нескольких минут напряжения все почувствовали страшную слабость и опустились на дно шлюпки, охваченные нервной дрожью. Спайдер впал в истерику и начал плакать навзрыд. Джен Портер молилась. Клейтон бормотал про себя проклятия. Тюран сидел, опустив голову на руки, и напряженно думал. О чем он думал — выяснилось уже утром.

— Господа! — сказал он Клейтону и Спайдеру, — вы сами понимаете, какая судьба ожидает нас, если никто не придет на помощь в течение дня или двух. Надежды на спасение мало. За все это время мы не заметили на горизонте ни паруса, ни струйки дыма. Мы еще могли бы надеяться, будь у нас запасы пищи, но их нет. Остается выбор: либо всем ждать смерти в ближайшие дни, либо пожертвовать одним из нас для спасения остальных. Понимаете ли вы, что я хочу сказать?

Джен Портер, которая слышала этот разговор, была потрясена. Если бы такое предложение сделал несчастный, невежественный матрос, оно бы ее не поразило. Но ей не верилось, что такая мысль может прийти в голову воспитанному, культурному человеку.

— В таком случае, давайте умрем все вместе, — сказал Клейтон.

— Пусть будет так, как решит большинство, — ответил Тюран. — Мы должны выбрать одного из мужчин: мисс Портер — не в счет.

— Как же решить, кому умереть первым? — спросил Спайдер.

— Можно бросить жребий,— ответил Тюран. — У меня в кармане есть несколько франков. Давайте заметим год на одном из них. Тот, кто вытянет эту монету, должен умереть первым.

— Я не могу участвовать в этой дьявольской затее, — пробормотал Клейтон. — Ведь мы еще можем добраться до суши или встретиться с каким-нибудь судном.

— Вы должны подчиниться большинству или быть первым, — ответил Тюран, и в голосе его послышалась угроза. — Давайте проголосуем. Я — за, как вы, Спайдер?

— Я — тоже, — ответил моряк.

— Значит, это — воля большинства,— заявил Тюран.— А теперь, не теряя времени, бросим жребий. Для того, чтобы спасти других, одному из нас придется умереть всего на несколько часов раньше, чем это случилось бы, если бы мы не приняли нашего решения.

Джен Портер с ужасом следила за приготовлениями к «лотерее смерти» Тюран разостлал свой пиджак и, вынув из кармана горсть монет, отделил шесть франков. Он передал их Клейтону.

— Осмотрите их внимательно, — сказал Тюран.

— Самая старая из монет — 1875 года, и только одна помечена этой датой.

Клейтон и матрос внимательно осмотрели каждую монету. Они убедились, что монеты отличаются одна от другой только датой. Осмотр их вполне удовлетворил.

Если бы они знали, что Тюран, старый картежный шулер, настолько развил свое чувство осязания, что на ощупь определял карты, они вряд ли поверили бы в чистоту его намерений. Монета 1875 года была на волосок тоньше других, но ни Клейтон, ни Спайдер не могли этого заметить без помощи микрометра.

— В каком порядке будем мы тянуть жребий? — спросил Тюран, зная, что большинство людей предпочитают быть последними в лотерее, в которой жребий влечет за собой какие-либо неприятности. В таких случаях всегда есть надежда, что кто-нибудь вытянет роковой жребий прежде, чем до них дойдет очередь.

Что же касается самого Тюрана, то он, по вполне понятным соображениям, предпочитал тянуть жребий первым.

Поэтому, когда Спайдер выразил желание быть последним, он великодушно предложил себя в качестве первого. Его рука находилась под пиджаком всего одно мгновение, однако ловкие, проворные пальцы успели ощупать все монеты, чтобы найти ту из них, которая грозила смертью, и, отодвинув ее, взять другую. Когда он извлек из-под пиджака свою руку, в ней была монета 1888 года.

Следующим должен был тянуть жребий Клейтон, Джен Портер вся устремилась вперед и застыла в напряженном и мучительном ожидании, пока рука ее жениха находилась под пиджаком. Наконец, он вытянул жребий. На ладони лежала франковая монета. В первую минуту Клейтон не решался взглянуть на нее, но Тюран, рассмотрев дату, объявил, что он может быть спокоен.

Джен Портер, дрожа всем телом, припала к борту лодки. Она была очень слаба и чувствовала головокружение. Но мучительное испытание еще не кончилось для нее. Если и матрос не вытащит монеты 1875 года, ей предстоит еще раз пережить ту же пытку.

Матрос уже протянул руку к монетам. Крупные капли пота выступили у него на лбу. Он дрожал, как в лихорадке, и бранил себя за то, что вызвался тянуть жребий последним. У него было всего три шанса на спасение из шести, в то время, как у Клейтона было четыре, а у Тюрана — пять.

Тюран был спокоен и не торопил матроса, ибо чувствовал себя вне опасности, независимо от того, какую монету вытянет матрос.

Спайдер, наконец, раскрыл ладонь и, взглянув на нее, упал без чувств на дно лодки. Клейтон и Тюран одновременно наклонились, чтобы поднять монету, которая выпала из его руки! Нет, это не была монета 1875 года! Изнеможение, в которое впал после пережитого им ужаса матрос, повлияло на него так же, как повлиял бы роковой исход.

Вновь нужно было еще раз проделать ту же процедуру. И опять Тюран вытянул благоприятный жребий. Джен Портер открыла глаза в тот момент, когда Клейтон протянул руку к пиджаку. Спайдер с жадным любопытством следил за попыткой, которая должна была решить его участь: если на этот раз счастье окажется на стороне Клейтона, у матроса не останется никакой надежды на спасение.

Но вот Сесиль Клейтон, лорд Грэйсток, вытянул из-под пиджака руку. Он посмотрел на Джен, не решаясь взглянуть на монету.

— Скорее, — прошипел Спайдер. — О, Господи! Дайте мне посмотреть.

Клейтон разжал пальцы.

Спайдер первый разобрал год и, не отдавая отчета в своих действиях, вскочил и, перепрыгнув через борт,

исчез в зеленой глубине. Это была монета 1877 года.

Пережитые волнения так измучили тех, кто остался в шлюпке, что остаток дня они провели, как в бреду. Два дня они избегали упоминания о происходящем. С каждым часом силы их таяли. Наконец, Тюран решил действовать.

— Нужно еще раз кинуть жребий, — прежде, чем мы настолько ослабеем, что у нас не хватит сил даже для того, чтобы есть, — прошептал он.

Клейтон от слабости впал в совершенное безразличие. Джен в последние дни не промолвила ни одного слова. Он знал, что она умирает. Ему пришла в голову чудовищная мысль, — путем принесения в жертву Тюрана или его самого можно восстановить ее силы. Он сразу согласился на предложение Тюрана.

Вновь была проделана уже знакомая процедура, с той только разницей, что теперь возможен был только один исход: Клейтон должен был вынуть монету 1875 года. Так и случилось.

— Когда? — спросил Тюран.

Он уже вытащил из кармана брюк складной нож и напрягал усилия, чтобы раскрыть его.

— Нужно сейчас, — прибавил он, не ожидая ответа. Его жадные глаза были устремлены на англичанина.

— Нельзя ли подождать, когда стемнеет? Мисс Портер не должна этого видеть. Она ведь моя невеста, вы знаете.

Разочарование появилось на лице Тюрана.

— Хорошо, — ответил он нерешительно. — Ночи ждать недолго. Я ждал столько дней, — могу потерпеть еще несколько часов.

— Спасибо, мой друг, — пробормотал Клейтон.— А пока я побуду с ней, — час или два перед смертью.

Джен лежала без сознания, когда Клейтон добрался до нее. Он понимал, что любимая умирает, и радовался тому, что она не увидит ужасной трагедии, которая произойдет ночью. Он взял ее руку и поднес к своим растрескавшимся и распухшим губам. Долго ласкал он эту руку, когда-то изящную и белую, а теперь похожую на сухую птичью лапку.

Он не заметил, как наступила ночь. Голос из темноты вывел его из забытья. Это Тюран звал его на казнь.

— Иду, — ответил он без промедления.

Стоя на четвереньках, Клейтон попытался повернуться, чтобы ползти к Тюрану, но не мог. За несколько часов, проведенных рядом с Джен, он настолько ослабел, что был не в силах двигаться.

— Вам придется подойти ко мне, — сказал он тихим голосом. — Мои руки и колени не слушаются меня.

— Проклятие! — пробормотал Тюрман. — Вы хотите увильнуть от расплаты!

Клейтон вскоре услышал медленный шорох. Потом послышался вздох отчаяния.

— Я не могу ползти дальше. Вы обманули меня, грязная английская собака!

— Нет, я не обманул вас. Я тоже не в состоянии двигаться, но попытаюсь еще раз. Если нам обоим удастся проползти немного, мы можем встретиться на полдороге, и тогда вы воспользуетесь своим «выигрышем».

Снова Клейтон напряг последние силы и услышал, что Тюран тоже пытается ползти навстречу ему. Прошел час, прежде чем Клейтону удалось повернуться, но, при первом же движении вперед, он упал лицом вниз. Минуту спустя, он услышал вздох облегчения, вырвавшийся из груди Тюрана.

— Я иду, — шептал Тюран.

Клейтон еще раз попытался двинуться по направлению к Тюрану, но не мог. Он упал навзничь и остался лежать без движения, глядя на звезды и слушая энергичный шорох и хриплое дыхание Тюрана.

Не меньше часа ждал Клейтон своего палача-каннибала, который должен был появиться из мрака и прервать его мучения. Тюран был уже совсем близко, но промежутки, во время которых он отдыхал от своих неимоверных усилий, становились все длительнее, казалось, что он почти не движется вперед.

Но вот Клейтон почувствовал, что Тюран подполз к нему вплотную. Раздался придушенный смех, что-то коснулось лица Клейтона, и в тот же миг он потерял сознание.

XIX

Город Золота

В ту ночь, когда человек-обезьяна Тарзан сделался вождем Вазири, женщина, которую он любил, умирала в хрупкой шлюпке, среди волн Атлантического океана. В ту ночь, когда он плясал среди собратьев-дикарей при свете костров, озарявших его статное, могучее тело — совершенный образец красоты и силы, — женщина, которая его любила, лежала, изнеможенная и вспухшая, в той длительной дремоте, которая обычно предшествует смерти от голода и жажды.

После провозглашения Тарзана вождем племени целая неделя ушла на то, чтобы выпроводить отряд кровожадных Мануема за северную границу Вазири, согласно данному Тарзаном обещанию. Прежде чем расстаться с ними, Тарзан потребовал от них клятвы, что они никогда больше не будут вторгаться в пределы Вазири. Вырвать у них эту клятву было нетрудно. Военные приемы вождя Вазири отбили у них всякую охоту посягать на границы его владений.

Вернувшись в деревню, Тарзан стал готовиться в путь — на поиски загадочного Города Золота, о котором рассказывал ему старый вождь. Он составил отряд из лучших воинов своего племени, выбрав только тех, которые горели желанием отправиться в трудный поход и разделить с вождем все опасности, ожидавшие их в незнакомой и враждебной стране.

Сказочные богатства волшебного города не выходили у Тарзана из головы с той поры, как старый вождь рассказал о странных приключениях своего отряда, который случайно набрел на развалины города. Приключения были не менее соблазнительной приманкой для Тарзана, чем золото. Но и золото привлекало его. Оно приобрело в его глазах ценность, когда он узнал, пожив среди цивилизованных людей, какие чудеса могут творить обладатели желтого металла. Что будет он делать с такими сокровищами в глуши дикой Африки, он не задумывался.

В ослепительное тропическое утро вождь Вазири отправился во главе отряда, состоявшего из пятидесяти стройных воинов цвета черного дерева, на поиски приключений и сокровищ. Долго были они в пути: сначала шли вверх по течению одной реки, потом пересекли горы, служившие водоразделом, спустились вниз по течению другой реки, поднялись к верховьям третьей и, наконец, на исходе двадцать пятого дня расположились лагерем на склоне горы, с вершины которой они надеялись бросить первый взгляд на Город Сокровищ.

Рано утром они начали взбираться по отвесной скале, которая была для них последней и серьезной преградой на пути к цели. Около полудня Тарзан, который шел всегда впереди отряда, преодолел, наконец, последнее препятствие и остановился на небольшой площадке.

По обе стороны от него возвышались горные пики, они были на несколько тысяч футов выше той горы, на которую взобрались воины по пути к заповедной долине. Позади расстилались леса, а вдали, за лесами — невысокий горный хребет, составлявший границу их страны. Взгляд Тарзана был устремлен вперед. Там открывалась мертвая узкая долина, усеянная малорослыми деревьями и каменными глыбами. А в глубине долины виднелся боль-

шой город, сверкавший на солнце желтыми и красными крышами, башнями, минаретами и куполами. Тарзан издали не мог заметить следов разрушения. Он видел перед собой волшебный город и мысленно представлял себе его счастливых и деятельных жителей, которые должны толпиться на этих широких улицах и в огромных храмах.

Около часа отдыхал отряд на вершине, а потом Тарзан повел его к долине. Тропинок не было, но склон горы был не так отвесен, как противоположный. Очутившись в долине, они ускорили шаг и еще засветло подошли к высоким стенам древнего города.

Высота наружной стены, в своей уцелевшей части, достигала пятидесяти футов, но даже там, где верхние ряды камней обрушились, она была ниже всего на десять-двадцать футов. Несколько раз Тарзану почудилось, что он видит сквозь расселины верхних полуразрушенных частей стены мелькающие фигуры. Казалось, какие-то существа наблюдают с вышек древнего укрепления. Он даже как будто чувствовал устремленные на него невидимые взоры, но это могло быть игрой воображения.

Отряд расположился на ночлег у подножия стены. В полночь путники были разбужены долгим пронзительным криком, который раздался за стеной. Это был тонкий визг, постепенно превратившийся в зловещий вой. На черных воинов этот звук произвел потрясающее впечатление. Скованные ужасом, они не могли пошевелиться и, только час спустя, успокоились настолько, что снова улеглись спать.

Утром они боязливо поглядывали на высившуюся перед ними твердыню, из-за которой ночью раздался этот страшный крик. Тарзану стоило больших усилий удержать на месте своих чернокожих воинов, уже готовых бежать назад. В конце концов, повелительный тон его приказаний и заявление, что в случае их бегства он войдет в город один, возымели свое действие, и они согласились следовать за ним.

Минут пятнадцать шли они вдоль стены, пока, наконец, не отыскали доступа в город — трещину в стене шириной около двадцати дюймов. Ряд ступеней, естественно образовавшихся вследствие многовекового употребления, исчезал там, где трещина круто поворачивала в сторону.

По этому узкому проходу пробирался Тарзан. Его широкие плечи не умещались в нем, и он вынужден был двигаться боком. Следом шли его воины. На повороте крутая лестница кончилась и открылась щель, ведущая в горизонтальном направлении. Она извивалась змеей и, наконец, круто повернув, неожиданно закончилась выходом на узкий двор, за которым возвышалась другая стена такой же высоты, как и наружная.

Внутренняя стена была увенчана маленькими круглыми башенками, чередовавшимися с каменными зубцами. Кое-где камни обрушились, но в общем эта стена сохранилась гораздо лучше наружной.

И здесь они отыскали узкий проход, в конце которого им открылся широкий двор. На противоположной стороне возвышались мрачные и неприступные здания из обтесанного гранита. На полуразрушенных громадах росли деревья. Дикий виноград заглядывал в зияющие окна. Одно из зданий меньше обросло зеленью и его больше пощадило время. Это была массивная громада, увенчанная величественным куполом. По обе стороны входа выстроились ряды колонн, с капителями в форме гигантских причудливых птиц, вытесанных из камня.

Путники, каждый по-своему, восхищались волшебным видом древнего города, открывавшегося им в центре дикой Африки. Вдруг некоторым почудилось, что внутри здания что-то происходит. Среди полутьмы померещились им движущиеся призрачные тени. Глаз не мог уловить никаких определенных образов; были только смутные впечатления признаков жизни в этом давно мертвом городе, где, казалось, не должно сохраниться ничего живого.

Тарзан припомнил, что однажды в парижской библиотеке он читал статью о племени белой расы, затерявшемся в глубине Африки. Не были ли эти постройки памятником цивилизации, который создал исчезнувший народ среди дикой природы? И не может ли быть, что последние остатки загадочного племени продолжают существовать среди развалин величавых построек?

Тарзан вновь уловил смутный шорох внутри огромного храма.

— Идем! — сказал он своим воинам. — Мы должны узнать, что скрывается за разрушенными стенами.

Чернокожим воинам не хотелось следовать за Тарзаном, но, когда тот смело вошел в мрачный портал, двинулись за ним, отставая на несколько шагов и прижимаясь друг к другу в непреодолимом страхе. Если бы в эту минуту снова раздался крик, который они слышали ночью, они немедленно бросились бы назад к трещине, ведущей сквозь массивную стену во внешний мир.

Очутившись в здании, Тарзан инстинктивно уловил множество взглядов, устремленных на него; в ближайшем коридоре послышался шорох, и Тарзан мог поклясться, что увидел человеческую руку в амбразуре верхней части зала.

Стены вокруг были из гранита, с вырезанными причудливыми изображениями людей и животных. Кое-где в них были вмурованы доски из желтого металла. Подойдя к одной из досок, Тарзан понял, что она из золота и на ней начертаны причудливые иероглифы. За этой залой открывался ряд других, а затем здание расходилось на два огромных корпуса. Все говорило о сказочном богатстве строителей величественного сооружения. В одной из комнат было семь столбов из золота, в другой пол был сделан из того же благородного металла. Пока Тарзан осматривал здание, его черные спутники в страхе жались друг к другу. Со всех сторон мелькали призрачные фигуры, но появлялись они так далеко и смутно, что нельзя было с подлинностью установить присутствие каких-либо живых существ.

Нервное напряжение, в котором находились Вазири, достигло, наконец, крайнего предела. Они стали умолять Тарзана покинуть мрачное здание, утверждая, что его затея не может кончиться добром, так как среди развалин бродят призраки людей, когда-то живших под этими сводами.

— Они следят за нами, вождь, — шептал Бусули. — Они ждут, когда мы проникнем в самую дальнюю часть храма, чтобы напасть на нас и разорвать на куски своими зубами. Духи всегда так поступают. Дядя моей матери, знающий все тайны колдовства, рассказывал мне об этом много раз.

Тарзан засмеялся.

— Идите назад, мои дети. Я вернусь к вам после того, как исследую здание сверху донизу и узнаю, есть ли здесь золото, которое можно унести. В крайнем случае, мы можем вынуть из стены доски. Столбы, кажется, будут нам не под силу. Но я уверен, что в здании есть кладовые, наполненные золотом, и мы сможем легко унести его на плечах. Ну, что же вы стоите? Бегите на свежий воздух, где вам будет легче дышать.

Большинство воинов поспешило исполнить приказание, но Бусули и некоторые другие остановились в нерешительности, колеблясь между любовью к своему вождю и суеверным страхом. Но тут из глубины полуразрушенного здания раздался ужасный пронзительный крик, подобный уже слышанному ночью. На этот раз он прозвучал так близко, что оглушенные и перепуганные Вазири опрометью бросились из темных покоев. Тарзан не двинулся с места и с улыбкой ждал нападения неведомого врага. Но вдруг снова воцарилась тишина, изредка прерываемая еле слышным, осторожным звуком, похожим на шлепанье босых ног по каменному полу. Тарзан круто

повернулся и направился в глубину храма. Он переходил из помещения в помещение, пока не дошел до одной из комнат, в которой уцелела грубо сделанная заколоченная дверь.

Когда он уперся в дверь плечом, чтобы толкнуть ее, раздался снова тот же устрашающий крик, совсем близко от него. Стало ясно, что этим криком его предостерегали от кощунственного вторжения. Была ли комната особенно священна, или, быть может, в ней таились сокровища?

Как бы то ни было, очевидное нежелание невидимых стражей допустить его туда, еще сильнее разжигало любопытство Тарзана. Не обращая внимания на пронзительный крик, который раздавался все чаще и чаще, — почти без перерыва, — Тарзан продолжал нажимать плечом на дверь, и она уступила могучей силе, повиснув на ржавых петлях.

Внутри не было ни одного окна, ни одной щели, способных пропустить хоть слабый луч света. Дверь выходила в полутемный коридор и поэтому, даже открытая настежь, не могла рассеять тьму.

Нащупывая путь концом копья, Тарзан вступил в таинственный мрак. Внезапно дверь захлопнулась, и его обхватило множество рук.

Человек-обезьяна стал бороться за жизнь, пустив в ход свою могучую силу. Он чувствовал, что кулаки его наносят смертельные удары, зубы вгрызаются в живое тело, но все новые и новые руки приходили на смену тем, которые переставали с ним бороться.

Наконец, многочисленные и невидимые враги стали валить его на пол, медленно увлекая вниз своею тяжестью. Достигнув своего, они скрутили ему руки и притянули их к ступням ног.

За все время борьбы Тарзан не слышал ничего, кроме тяжелого дыхания своих противников и шума от их падения и ударов. Он не знал, с кем он борется, но был уверен, что имеет дело с людьми. Это было ясно из того, что они связали его.

Вскоре они подняли его и потащили по полу из темной комнаты во внутренний двор храма. Здесь Тарзан впервые разглядел своих врагов — около сотни коренастых, небольшого роста людей с длинными бородами, прикрывавшими волосатую грудь. Густые, заплетенные волосы на головах свисали во все стороны — на лоб, на плечи и спину. Ноги были короткие и кривые, руки — длинные и мускулистые. Вокруг бедер повязаны шкуры леопардов и львов, а на шее у многих висели ожерелья из когтей тех же зверей.

Массивные браслеты из золота украшали их руки и ноги. Оружием служили тяжелые, суковатые дубины, а на поясах, которые стягивали одежду, висели длинные, страшные ножи.

Но больше всего поразила пленника их белая кожа. В жителях города совершенно не чувствовалось примеси негритянской крови, но покатые лбы, маленькие злые глаза, сидевшие очень близко друг к другу, и желтые зубы, похожие на клыки, лишали их всякой привлекательности...

Во время борьбы они хранили полное молчание. Теперь же они обменивались гортанными, односложными звуками, совершенно незнакомыми Тарзану. Наконец, они оставили его на каменном полу, удалившись в другую часть храма.

Лежа на спине, Тарзан увидел, что двор окружен со всех сторон высокими стенами. Вверху голубел маленький клочок неба, а сквозь отверстие амбразуры виднелись зеленые листья, но Тарзан никак не мог решить, находятся ли деревья в храме или вне его.

Вокруг всего внутреннего двора, от земли до самого купола храма, несколькими ярусами шли открытые галереи. Оттуда из-под густых волос смотрели на пленника чьи-то блестящие темные глаза.

Тарзан осторожно попробовал прочность пут, но пока не мог понять, достаточно ли они крепки, чтобы выдержать могучий напор его мускулов. Он не решался подвергнуть их последнему испытанию до тех пор, пока не наступит ночь и не прекратится наблюдение зорких глаз, которые, как он чувствовал, беспрерывно следили за ним украдкой.

Он пролежал неподвижно несколько часов. Только отвесные лучи солнца могли проникнуть во внутренний двор храма, напоминавший глубокий колодец. Когда, наконец, полуденное солнце осветило Тарзана, он услышал топот бесчисленных босых ног в коридорах, а через минуту галерея наверху наполнилась народом. Человек двадцать спустилось во внутренний двор.

Глаза всех были обращены к солнцу. И вдруг толпа и на галереях, и внизу запела какие-то странные, однообразные заклинания. Под их ритм люди, окружавшие Тарзана, стали медленно танцевать. Они кружились, волоча ноги и напоминая своими движениями медведей. При этом они не глядели на Тарзана: глаза их были попрежнему устремлены на солнце.

Минут десять продолжалась их пляска. А потом они разом подняли дубины и с диким воем бросились к своей жертве. Лица их были искажены неистовой яростью. Но внезапно в середину кровожадной толпы устремилась какая-то женщина. Держа в руке золотой жезл, она отогнала разъяренных людей, обступивших со всех сторон беззащитного Тарзана.

XX

Ла

В первую минуту Тарзану казалось, что его спасло чудо. Его изумила необыкновенная легкость, с которой девушка прервала нападение двадцати мужчин, похожих на горилл. Мужчины возобновили свой танец вокруг Тарзана, внимая монотонным и ритмическим заклинаниям его защитницы. Тарзан пришел к заключению, что он присутствует на религиозной церемонии, главный участник которой он сам.

Наконец девушка вытащила нож из-за пояса и, наклонившись к Тарзану, перерезала веревку, которая опутывала его ноги. Мужчины, прекратив танец, приблизились к Тарзану, и она знаком приказала ему встать. Набросив на его шею веревку, она повела Тарзана куда-то через внутренний двор. Мужчины, выстроившись попарно, следовали за ними.

Они пришли в большую комнату, в центре которой стоял жертвенник. Это была, очевидно, «святая святых» храма. Тут только понял Тарзан значение этой религиозной церемонии.

Он попал в руки потомков древних солнцепоклонников. Спасение его одною из жриц солнца было только частью пантомимы, составляющей религиозный обряд. Солнце над внутренним двором храма смотрело прямо на Тарзана, как бы требуя жертвы. Жрица явилась из внутренних покоев для того, чтобы оградить жертву, предназначенную божеству Солнца, от кощунственных прикосновений непосвященных.

Достаточно было взглянуть на запекшиеся коричневокрасные пятна, покрывшие каменный жертвенник и пол, и человеческие черепа, нагроможденные в многочисленных нишах, чтобы убедиться в правильности этих догадок.

Жрица и Тарзан поднялись по ступеням алтаря.

Верхние галереи опять наполнились зрителями, из арки к восточной стене медленно вышла процессия женщин. Они, как и мужчины, были одеты в шкуры диких зверей, стянутые у бедер ремнями из сырой кожи или поясами, сверкавшими золотом. Их густые волосы были прикрыты золотыми уборами тонкой работы, из круглых и овальных пластинок. От головных уборов спускались во все стороны, почти до талии, золотые подвески.

Женщины были сложены лучше, чем мужчины. Черты лица у них были тоньше. По строению головы и по выражению больших, черных, мягких глаз можно было предположить, что они значительно превосходят своих повелителей-мужчин умственным развитием и человечностью.

Каждая из жриц держала в руках две золотые чаши. Женщины выстроились в ряд по одну сторону жертвенника, мужчины — по другую. Наконец мужчины приблизились к женщинам и каждый взял у жрицы по чаше. Вновь началось пение. Но вот из-за жертвенника, из темного проема, который вел в глубину дворца, показалась еще одна женская фигура.

— Верховная жрица, — подумал Тарзан.

Это была молодая женщина с благообразным и умным лицом. Ее украшения отличались еще более искусной отделкой и обилием бриллиантов, обнаженные руки и ноги были почти сплошь покрыты тяжелыми золотыми украшениями, усыпанными драгоценными камнями. Обрамляющая ее тело шкура леопарда была стянута поясом из золотых колец, украшенных узором из бесчисленных маленьких бриллиантов. На поясе висел длинный, усыпанный драгоценными камнями нож, а в руках она держала тонкий жезл.

Едва женщина приблизилась к жертвеннику, пение прекратилось. Жрецы и жрицы преклонили перед ней колени, и она, протянув вперед жезл, стала нараспев читать над ними долгую, утомительную молитву. Голос ее был нежен и певуч. Тарзану казалось невероятным, что обладательница такого голоса может превратиться, под влиянием фанатического исступления, в жестокого и кровожадного палача. С ужасом представил он себе красавицу, которая, держа в руке окровавленный нож, пьет красную, теплую кровь своей жертвы из маленькой золотой чаши, стоящей на алтаре.

Кончив молитву, жрица впервые взглянула на Тарзана. С нескрываемым любопытством оглядела она его с головы до ног. Потом обратилась к нему с какими-то словами. Тарзан понял, что она ждет от него ответа.

— Я не понимаю вас,— сказал он. — Может быть, нам удалось бы сговориться на каком-нибудь другом языке.

Он попробовал говорить с ней по-французски, по-английски, по-арабски, на языке Вазири и, наконец, на том смешанном наречии, которое распространено по западному берегу Африки.

Она только отрицательно качала головой. Тарзану показалось, что в ее голосе слышалось нетерпение, когда она обратилась к жрецам, очевидно, приказывая продолжать церемонию. Жрецы вновь закружились в бессмысленной пляске. Наконец, она дала знак к ее прекращению и указала жрецам на Тарзана. Они бросились к нему, подняли на руки и положили поперек жертвенника на спину. Голова Тарзана свешивалась с одного края жертвенника, ноги — с другого. Участники церемонии выстроились двумя рядами перед жертвенником, держа наготове свои маленькие золотые чаши, чтобы получить свою долю крови жертвы после того, как нож в руке верховной жрицы сделает свое дело.

Среди них возник спор о том, кто должен стоять впереди.

Рослый, дородный жрец с лицом гориллы пытался занять место, уже занятое другим, меньшего роста. Тот обратился с жалобой к верховной жрице. Властным голосом она призвала нарушителя к порядку. Тарзан слышал, как тот ворчал, медленно направляясь к месту, указанному верховной жрицей.

Между тем жрица медленно заносила над Тарзаном тонкий и острый нож, читая нараспев заклинания. Тарзану показалось, что рука с ножом поднималась целую вечность, пока, наконец, не остановилась в воздухе, готовясь нанести смертельный удар в его незащищенную грудь. Сначала медленно, почти незаметно, а потом, по мере учащения заклинаний, все быстрее стала опускаться рука жрицы. До Тарзана доносилось сердитое ворчание обиженного жреца. Голос его становился все громче и громче. Одна из жриц, стоявшая против него, что-то резко сказала, очевидно, упрекая его за бесчинство.

Нож, уже почти касавшийся груди Тарзана, замер. Верховная жрица подняла голову и бросила гневный взгляд на виновника неслыханного нарушения обряда.

Началось какое-то смятение. Тарзан, повернув голову в сторону споривших, увидел, как рассвирепевший жрец бросился на стоявшую перед ним женщину и ударом дубины раскроил ей череп. Дальше последовала сцена, которую Тарзан много раз наблюдал среди диких обитателей джунглей. Слепая ярость, охватившая жреца, была ему знакома. Он помнил точно такие же взрывы ярости Керчака, Тублата, Теркоза и других могучих самцов-обезьян. Безумие находило и на слона Тантора. Пожалуй, в джунглях не было ни одного самца любой породы, который не был бы подвержен таким припадкам.

Жрец впал в совершенное бешенство и, бросившись на своих собратьев, стал избивать их. С яростным ревом он кидался то на одного, то на другого, поражая их ударами своего тяжелого оружия или впиваясь в тело жертвы острыми желтыми клыками. Между тем верховная жрица стояла неподвижно на своем месте, держа над Тарзаном нож и не сводя испуганного взора с безумца, наносившего смертельные удары направо и налево.

Вскоре комната опустела. На полу лежали тела убитых и умирающих. Невредимы остались только Тарзан, простертый на жертвеннике, верховная жрица и безумец.

Разъяренный жрец окинул женщину взглядом, и в маленьких глазах внезапно вспыхнула новая страсть. Медленно подполз он к ней и стал что-то бормотать. На этот раз Тарзан, к своему изумлению, понял язык, на котором тот говорил. Тарзану никогда бы не пришла в голову мысль заговорить на нем с кем-либо из людей. Это были лающие гортанные звуки, которые издают человекообразные обезьяны.

Верховная жрица ответила на том же языке. Он грозил ей, она же пыталась его образумить. Приказывать она не могла, — он не признавал больше ее власти.

Безумец подполз совсем близко к жертвеннику, простирая к ней свои клещевидные руки. Тарзан напряг все силы, чтобы порвать веревки, которыми были связаны за спиной его руки. Женщина этого не видела. Она забыла о жертве под влиянием страшной опасности, которая ей угрожала. Когда гориллоподобный пронесся мимо жертвенника за убегающей женщиной, Тарзан сделал нечеловеческое усилие и высвободил руки. Он так рванулся при этом, что скатился со своего опасного ложа на каменный пол. И тут он понял, что остался один во внутренней части храма, — верховная жрица и обезумевший жрец скрылись.

Заглушенный крик донесся из темного отверстия, похожего на вход в пещеру, позади жертвенника. Ни минуты не думая о собственной безопасности и представлявшейся ему, благодаря стечению обстоятельств, возможности бегства, Тарзан ответил на призыв о помощи. Одним прыжком он очутился у темного входа в подземелье, а минуту спустя бежал вниз по древним алебастровым ступеням, которые вели в неизвестность.

Слабый свет, струившийся сверху, позволил ему разглядеть подвал с низкими сводчатыми потолками. Несколько дверей вели из него куда-то во мрак. Но у Тарзана не было надобности продолжать поиски. Перед ним на полу лежала девушка. Ее преследователь в неистовой ярости сжимал ей горло длинными пальцами гориллы.

Едва тяжелая рука Терзана опустилась ему на плечо, он оставил жертву и бросился на защитника. Оскалив клыки, с пеной на губах, он дрался с удесятеренной силой, как дерутся безумцы. Гнев и жажда крови вернули его в первобытное состояние дикого зверя. Он забыл о ноже, который торчал у него за поясом, а пользовался

в борьбе только оружием, данным ему природой, уподобляясь своим отдаленным предкам, не знавшим другого оружия.

Но как ни искусно пользовался он зубами и руками, противник оказался еще опытнее в первобытных приемах борьбы. Они сцепились, как две огромные обезьяны, и упали на пол, терзая и кусая друг друга. Жрица стояла, прижавшись к стене, и смотрела широко раскрытыми, остановившимися от ужаса глазами на схватку разъяренных зверей, которые барахтались у нее ног, рыча и скрежеща зубами. Наконец, она увидела, что ее защитник, схватив одной рукой противника за горло и прижав его голову к полу, наносит удар за ударом в лицо. Минуту спустя он отшвырнул затихшую жертву в сторону и, поднявшись, отряхнулся, как могучий лев. Тарзан поставил ногу на труп, лежавший перед ним, и под-

нял голову, чтобы издать победный крик своего племени, но, увидев наверху отверстие, ведущее в комнату храма, где совершались человеческие жертвоприношения, отказался от своего намерения.

Между тем женщина, выйдя из состояния оцепенения, в котором она находилась во время страшной борьбы двух мужчин, с тревогой думала об ожидавшей ее участи. Она избавилась от страшных объятий безумного жреца, но зато попала в руки человека, которого несколько минут назад собиралась лишить жизни. Она обвела взглядом подземелье в поисках спасения. Отверстие, служившее выходом, находилось рядом, но едва она сделала движение, чтобы бежать, как человек-обезьяна одним прыжком преградил путь и властно взял ее за руку.

— Подожди! — сказал Тарзан на обезьяньем языке.

Девушка посмотрела на него с изумлением.

— Кто ты? — прошептала она. — Откуда ты знаешь язык первого человека?

— Я — Тарзан из страны обезьян, — ответил он.

— Чего ты хочешь от меня? Для чего ты спас меня от бешеного Та?

— Разве я мог спокойно смотреть, как убивают женщину? — ответил он вопросом.

— Что же ты теперь сделаешь со мной?

— Ничего, но ты можешь сделать для меня кое-что. Ты можешь вывести меня на свободу.

Он сказал это, не думая, что она согласится, ибо был глубоко уверен, что верховная жрица немедленно возобновила бы прерванный обряд жертвоприношения, получив свободу действий. Но Тарзан, разорвавший путы и вдобавок вооруженный длинным кинжалом, уже не был безропотной и покорной жертвой.

Жрица долго смотрела ему в лицо прежде, чем ответить.

— Ты — удивительный человек, — сказала она. — Ты — такой человек, какого я видела во сне в раннем детстве. Ты похож на предков моего племени, построивших этот огромный город в дикой стране для того, чтобы добывать сокровища из здешней земли. И я не могу понять, почему ты спас меня и не мстишь мне за то, что я приговорила тебя к смерти и готова была убить...

— Я думаю, — ответил Тарзан, — ты поступила так, как велит твой закон. Я не виню тебя, хотя и не одобряю вашей веры. Но скажи мне, кто ты и среди какого народа я нахожусь.

— Меня зовут Ла; я — верховная жрица солнца в городе Опар. Мы — потомки людей, которые пришли в эту дикую страну в поисках золота десять тысяч лет тому назад. Их владения простирались от великого моря, откуда восходит солнце, до другого моря, куда оно заходит по ночам, чтобы освежить свое пылающее лицо.

Они были очень богаты и могущественны, но жили здесь, в своих великолепных дворцах, только несколько месяцев в году; остальное же время проводили в своей родной стране, — где-то далеко-далеко на Севере. Много кораблей приходило сюда из старого мира и уходило обратно. В дождливое время года лишь немногие оставались здесь, наблюдая за работой черных невольников, копавших золото, да еще купцы, снабжавшие их припасами, да солдаты, охранявшие золотые прииски.

В эту пору произошло великое несчастье. Когда настало время прибытия тысяч колонистов из старого света, никто из них не вернулся. Народ ждал их несколько недель. Наконец, была послана большая лодка, чтобы узнать, отчего никто не возвращается из далекой страны. Много месяцев разведчики странствовали по морю, но никак не могли найти удивительную прародину, которая произвела на свет великий и умный народ. Страна эта погрузилась в море...

— С того времени началось одичание моего рода. Несчастный и беспомощный, он вскоре стал добычей диких черных племен с севера и юга. Город за городом были разрушены и покинуты жителями. Остатки моего племени нашли убежище в этой неприступной крепости, среди гор. Постепенно народ стал вымирать, одичал и, наконец, превратился в маленькое племя полуобезьян. Мы и в самом деле живем с обезьянами, вот уже много веков. Мы называем их первыми людьми и говорим на их наречии так же свободно, как на собственном. Только в храме стараемся мы сохранить родной язык. Со временем он забывается, и мы скоро будем говорить только на языке обезьян. Мы перестали изгонять из своей среды людей, вступающих в брак с обезьянами, и, в конце концов, сами превращаемся в породу животных, от которой произошли наши предки...

— Но отчего ты сохранила человеческий облик? — спросил Тарзан.

— Женщины нашего племени почему-то одичали меньше, чем мужчины. Может быть, потому, что во время великого бедствия в стране находились только мужчины низшей расы, между тем в наших храмах оставалось много женщин, принадлежавших к более развитой части нашего народа. Мой род сохранился, потому что все мои прабабушки с незапамятных времен были верховными жрицами в храме. Обязанности верховной жрицы переходят у нас от матери к дочери. В мужья нам выбирают лучших людей племени. Самый прекрасный и самый умный из мужчин удостаивается чести быть мужем верховной жрицы.

— Я видел ваших мужчин — там наверху, — сказал Тарзан с улыбкой, — и думаю, выбор представляет некоторые затруднения.

Девушка испытующе посмотрела на него.

— Не надо кощунствовать, — сказала она. — Они — святые люди, они — жрецы!

— Но неужели у вас нет людей красивее, чем они?

— Другие еще безобразнее жрецов.

Тарзан с сожалением подумал об ожидающей ее участи. Несмотря на то, что в подземелье почти не проникал свет, он все же поддался обаянию ее красоты.

— Ну, что ж, — спросил он, — выведешь ли ты меня на свободу?

— Ты принадлежишь огненному божеству, — ответила она торжественно. — Даже я не смогу помочь, если они найдут тебя снова. Но я не хочу твоей смерти. Ты подвергал жизнь опасности, спасая меня. Я отплачу тебе тем же. Это — нелегкая задача. Ты должен потерпеть несколько дней. Я надеюсь, что в конце концов мне удастся вывести тебя за стены города. А пока пойдем. Если нас застанут наедине, мы оба погибнем. Они убьют меня, если подумают, что я изменила обычаю.

— Ты не должна подвергать свою жизнь опасности, — поспешно ответил Тарзан. — Я возвращусь в храм и, если мне удастся добыть свободу силой, никто не заподозрит тебя в измене.

Но жрица ни за что не соглашалась отпустить Тарзана.

— Если даже вернуться в храм — все равно не избегнуть подозрения. Слишком долго были мы в подземелье. Будет гораздо лучше, если я спрячу тебя, а сама возвращусь в храм. Я скажу, что долго лежала в беспамятстве и не видела, куда ты скрылся после того, как убил Та.

Слова девушки наконец убедили Тарзана. Она долго вела его во мраке по извивающимся коридорам, пока они не вошли в маленькую комнату. Сквозь решетку в потолке проникал слабый луч света.

— Это — покои Мертвых, — сказала она. — Никто не придет сюда искать тебя. Они не посмеют. Я вернусь к тебе ночью. И к тому времени обдумаю план бегства.

Она ушла, и Тарзан остался в покоях Мертвых, в подземельях загадочного города Опар.

XXI

Жертвы кораблекрушения

Клейтону снилось, что он пьет большими глотками воду — чистую, свежую воду. Вздрогнув, он проснулся и ощутил, что насквозь промок от потоков проливного дождя. Клейтон открыл рот и стал жадно глотать влагу. Это настолько освежило его, что он оказался в состоянии немного приподняться, уперевшись руками в борт шлюпки. Ноги были прижаты Тюраном. За ним — свернувшись жалким комочком, лежала Джен Портер. Клейтон почти не сомневался, что она уже мертва.

После долгой возни ему, наконец, удалось высвободить свои ноги из-под лежавшего на них Тюрана. Собрав силы, он пополз к девушке и приподнял ее голову, которая беспомощно лежала на одной из грубо обтесанных досок, составлявших дно лодки. Быть может, в этом жалком, изможденном теле еще теплится жизнь? Клейтон не мог отказаться от последней, слабой надежды. Он взял тряпку, набухшую от дождя, и выжал из нее несколько капель драгоценной влаги на распухшие губы несчастного и безжизненного существа, которое еще так недавно пленяло всех блеском юности и красоты.

Несмотря на все усилия Клейтона, девушка долго не проявляла никаких признаков жизни, но, наконец, старания его увенчались успехом: он заметил, что полузакрытые веки Джен слегка вздрогнули. Он начал растирать ее бледные тонкие руки, продолжая смачивать запекшиеся губы. Девушка открыла глаза, но не сразу пришла в себя.

— Вода? — спросила она. — Мы — на берегу?

— Идет дождь, — объяснил он. — У нас есть, по крайней мере, вода. Мы оба ожили от нескольких капель воды.

— Где мосье Тюран? — спросила она. — Он не убил вас? Что с ним? Он умер?

— Не знаю, — ответил Клейтон. — Если только он жив, вода подкрепит его силы...

Клейтон остановился, слишком поздно сообразив, что не следует тревожить девушку после всего, что она испытала.

Но она поняла, чего он не договорил.

— Где он? — спросила она.

Клейтон кивком указал в ту сторону, где лежал Тюран.

Некоторое время они молчали.

— Я постараюсь привести его в чувство, — сказал Клейтон.

— Нет, — прошептала она. — Не делайте этого. Он убьет вас, как только дождь хоть немного восстановит

его силы. Если он находится при смерти, пусть себе умирает. Не оставляйте меня одну в лодке с этим зверем.

Клейтон колебался. Долг чести требовал, чтобы он попытался оживить Тюрана, но, возможно, Тюран уже не нуждался в помощи... Надеяться на такой исход не возбранялось никакими законами чести.

Клейтон медлил, борясь с самим собой. Но вдруг, отведя взор от тела Тюрана, он взглянул поверх борта и переменился в лице. Шатаясь, он встал на колени, и из груди его вырвался крик радости.

— Джен, земля! Мы спасены! Земля!

Девушка посмотрела в направлении, куда он указывал, и увидела на расстоянии, не превышающем ста ярдов, желтый низменный берег, а немного дальше — роскошную листву тропического леса.

— Теперь вы можете привести его в чувство, — сказала Джен Портер, которая тоже испытывала угрызения совести с тех пор, как воспротивилась желанию Клейтона оказать помощь их спутнику.

Добрые полчаса пришлось возиться с Тюраном, пока, наконец, он не начал проявлять признаки жизни. Но и после того, как он открыл глаза, понадобилось много времени и усилий, чтобы довести до его сознания радостную весть. К тому времени лодка уже слегка поскрипывала, задевая песчаное дно.

Несколько глотков дождевой воды и радостные надежды настолько подняли дух Клейтона, что он оказался в состоянии добраться вброд до берега и привязать шлюпку к небольшому дереву. Он сделал это из предосторожности, опасаясь, как бы с наступлением отлива ее не отнесло обратно в море, так как в шлюпке должна была остаться Джен Портер, которую он, при всем своем желании, был не в силах доставить на берег в ближайшие несколько часов.

Затем он отправился, то ковыляя, то ползком, в лес, где, по некоторым признакам, рассчитывал найти в изобилии тропические плоды. Не так давно, бродя по джунглям в обществе Тарзана, он научился распознавать съедобные плоды. Его прежний опыт пригодился теперь: после часового отсутствия он вернулся на берег, неся большой запас пищи.

Дождь прекратился, и тропическое солнце стало так безжалостно припекать бедную Джен, что она решила во что бы то ни стало добраться до берега. Подкрепившись пищей, принесенной Клейтоном, все трое кое-как дотащились до дерева, к которому была привязана их лодка. Там, в тени, они уснули и проспали до наступления темноты...

Около месяца прожили они на берегу более или менее благополучно. Восстановив силы, мужчины соорудили первобытную хижину на ветвях дерева, чтобы оградиться от нападения хищных зверей. Днем они собирали плоды или ставили ловушки на мелких грызунов. Ночью ежились от страха в своем шатком убежище, прислушиваясь к зловещему вою диких обитателей джунглей.

Спали они на подстилках из травы. По ночам Джен укрывалась старым пальто Клейтона. Это было то самое памятное пальто, которое он носил во время поездки в Висконсинские леса. Клейтон соорудил из ветвей нечто вроде перегородки, делившей их жилище на две «комнаты». В одной спала девушка, в другой — Клейтон с Тюраном.

С первых же дней Тюран обнаружил все подлинные черты своего характера — эгоизм, грубость, трусость и чувственность. Дважды дело дошло у него с Клейтоном до кулаков, и оба раза поводом к столкновению служило его отношение к девушке. Клейтон не решался оставить их наедине ни на минуту. Совместная жизнь с Тюраном была для Клейтона и его невесты непрестанной пыткой, но они продолжали жить рядом в надежде на то, что когда-нибудь избавятся от него.

Джен Портер часто возвращалась мыслью ко времени своего первого пребывания на пустынном берегу Африки.

О, если бы могучий лесной бог был среди них теперь! Он защитил бы ее не только от лесных хищников, но и от зверя в человеческом образе, с которым она вынуждена жить рядом.

Девушка невольно думала о том, что сделал бы на месте ее жениха Тарзан, если бы стал свидетелем наглого и угрожающего поведения Тюрана. Не вызывало сомнения, что под его опекой она чувствовала бы себя в несравненно бóльшей безопасности, чем под ненадежной защитой Клейтона.

Однажды, во время отсутствия Клейтона, который ушел к ручью по воду, она высказала эти мысли Тюрану.

— Ваше счастье, мосье Тюран, — сказала она, — что с нами нет сейчас бедного Тарзана, который исчез с парохода в то время, когда вы и мисс Стронг плыли в Кейптаун.

— А, вы знали эту свинью? — спросил Тюран с усмешкой.

— Я знала этого человека, единственного человека — в настоящем смысле этого слова — из всех, кого я встречала на своем веку!

По ее тону Тюран сразу предположил, что она питает к его врагу чувство более нежное, чем дружба. Он воспользовался этим для того, чтобы лишний раз отомстить человеку, которого он считал погибшим, и опорочить его образ в глазах девушки.

— Он был хуже свиньи, — сказал Тюран. — Это жалкий трус. Спасаясь от справедливого гнева человека, у которого он соблазнил жену, он пытался свалить всю вину на опозоренную женщину. Когда ему это не удалось, он покинул Францию, чтобы избежать дуэли с оскорбленным мужем. Вот почему он и очутился на пароходе, на котором я и мисс Стронг направлялись в Кейптаун. Я хорошо знаю всю эту историю, так как женщина, о которой я говорю, — моя родная сестра. Мне известно одно обстоятельство, и я никому до сих пор о нем не рассказывал. Дело в том, что господин Тарзан бросился с парохода в море из страха передо мной. Я узнал его в то самое утро и потребовал удовлетворения. Я предложил ему драться со мной на ножах в моей каюте.

Джен Портер рассмеялась.

— Неужели вы даже на минуту можете себе представить, что хотя бы один человек, знавший Тарзана и знающий вас, поверит вашему совершенно невероятному рассказу?

— Но, в таком случае, почему он путешествовал под вымышленным именем?

— Что бы вы ни говорили, я не верю вам! — воскликнула Джен Портер, но семя подозрения упало в ее душу, так как ей было известно, что мисс Стронг знала Тарзана под именем Джона Колдуэлла из Лондона.

Джен не могла и предположить, что в каких-нибудь пяти милях к северу от них, в маленькой уютной хижине лежал в это время человек, о котором они говорили, — Тарзан.

А еще дальше, в нескольких милях от его хижины, расположились незатейливые, но надежно построенные жилища, в которых обитало восемнадцать человек.

Это были пассажиры трех лодок с «Алисы», потерянных из виду Клейтоном и его спутниками.

По невозмутимой поверхности моря они добрались до берега меньше чем в три дня, не испытав никаких ужасных последствий кораблекрушения, кроме потрясения, вызванного катастрофой, и тех суровых условий, в которых протекала теперь их жизнь.

Они утешали себя надеждой, что четвертая лодка подобрана каким-нибудь судном, и потому вскоре будут приняты меры к розыску остальных пассажиров.

Все огнестрельное оружие с «Алисы» было помещено в лодку лорда Теннингтона, он и его спутники были

снабжены всем необходимым для защиты и для охоты.

Профессор Архимед Портер был единственным виновником их тревоги. Не сомневаясь в том, что его дочь спасена каким-нибудь пароходом, он совершенно перестал беспокоиться о ней и посвятил все силы своего могучего интеллекта изучению важных и еще неразрешенных научных вопросов. Ничто другое не доходило до его сознания.

— Никогда еще,— сказал лорду Теннингтону Самюэль Филандер, — наш профессор не доставлял окружающим столько забот. За ним надо все время присматривать. Сегодня утром я отлучился от него всего лишь на полчаса, — и, представьте себе, — он исчез. Как вы думаете, где я его обнаружил? В полумиле от берега, в одной из наших лодок. Непонятно, каким образом ему удалось отплыть даже на такое расстояние при наличии всего одного весла, которым он усиленно греб, кружась все время на месте. Когда один из моряков довез меня до него в другой лодке, профессор был до глубины души возмущен моим предложением вернуться на берег.

— Я удивляюсь, господин Филандер, — заявил он, — что у вас, человека весьма образованного, хватает дерзости мешать научным изысканиям. Из некоторых моих астрономических наблюдений, сделанных здесь в тропические ночи, я вывел совершенно новую гипотезу о происхождении туманностей. Она потрясет весь ученый мир. Мне нужна для справки одна превосходная монография о гипотезе Лапласа. Книга находится в одной из частных библиотек в Нью-Йорке. Своим вмешательством вы заставляете меня терять драгоценное время. Я торопился в Нью-Йорк за книгой.

— Мне стоило очень больших усилий заставить его, исключительно путем убеждения, без применения физической силы, вернуться, наконец, на берег, — заключил свой рассказ мистер Филандер.

Мисс Стронг и ее мать вели себя очень мужественно, несмотря на постоянную опасность нападения хищных зверей.

Ни мать, ни дочь, в отличие от всех других, совершенно не верили предположению, что Джен Портер, Клейтон и Тюран подобраны на море пароходом.

Эсмеральда день и ночь обливалась слезами по поводу того, что жестокая судьба разлучила ее с «бедной маленькой крошкой», как она называла Джен Портер.

Великодушие и доброта лорда Теннингтона не изменили ему и в этой обстановке. Он и здесь остался все тем же веселым и милым хозяином, который непрестанно заботится об удобствах и развлечениях для своих гостей. По отношению к матросам он был неизменно строгим и справедливым начальником. В джунглях, как и на борту «Алисы», все они твердо знали, кому принадлежит последнее слово в наиболее важных случаях жизни и в тревожных обстоятельствах, требующих спокойного и разумного решения.

Если бы эта прекрасно организованная и более или менее благополучно существовавшая группа людей могла увидеть своих прежних спутников, находившихся на расстоянии нескольких миль от них, — они вряд ли узнали бы в жалких, напуганных и исхудалых оборванцах веселую маленькую компанию, так радостно и беззаботно смеявшуюся на борту «Алисы».

Клейтон и Тюран ходили почти голые,— до того изорвали они свое платье о колючие кустарники джунглей, бродя в поисках скудной пищи.

Джен Портер, конечно, освободили от этой обязанности, — но и ее наряд был, тем не менее, в очень плачевном состоянии.

Клейтон от нечего делать стал подбирать шкурки убитых животных. Натянув их на пни, он усердно скоблил и таким образом предохранял от порчи. Поскольку сквозь его отрепья начинала все сильнее проступать нагота, Клейтон решил сделать себе одежду из шкур. Шип терновника служил ему иголкой, сухая трава и жилы животных — нитками.

Одежда получилась без рукавов, почти до колен. Так как она была сшита из множества шкурок различных пород грызунов, то вид имела чрезвычайно пестрый. А вдобавок издавала такой ужасный запах, что надевать ее было крайне неприятно. Все же настало время, когда ради соблюдения приличий Клейтон был вынужден надеть свой пестрый наряд. Джен, несмотря на тяжелое душевное состояние, в котором все время находилась, не могла удержаться от улыбки.

Несколько позже и Тюрану пришлось позаботиться о своем гардеробе. Бородатые, в одеждах из шкур, с обнаженными до колен ногами, оба они казались представителями доисторического человечества.

Спустя два месяца после поселения, люди подверглись первой большой опасности.

Тюран, одержимый припадками африканской лихорадки, лежал в хижине. Клейтон отправился в этот день на поиски пищи, в джунгли. Джен вышла встретить его.

За Клейтоном осторожно крался старый, с шелудивой шерстью лев. Его одряхлевшие мышцы были бессильны снабжать пищей огромный желудок: в течение трех дней зверь ничего не ел. В продолжение нескольких месяцев количество добываемой им пищи все уменьшалось, и он был вынужден предпринимать все более и более далекие прогулки в поисках легкой добычи. И вот, наконец, ему удалось найти самое слабое и беззащитное из всех созданий. Еще минута — и старый лев будет обедать!

Клейтон, не подозревая о том, что смерть следует за ним по пятам, вышел из джунглей, спеша навстречу Джен. Он отошел от кромки леса шагов на сто и успел приблизится к Джен почти вплотную, как вдруг она заметила за его спиной бурую голову зверя и злые желтые глаза. Морда льва была опущена до земли, лапы ступали бесшумно.

Молодая женщина оцепенела от страха, как от мороза, и не могла издать ни одного звука, но ее застывший, полный ужаса взор сказал Клейтону об опасности яснее слов. Бросив беглый взгляд назад, Клейтон сразу понял всю безнадежность их положения. Лев был в тридцати шагах от них, такое же расстояние отделяло людей от жилища. В руках у Клейтона была только толстая палка — оружие столь же пригодное для защиты от льва, как игрушечная пушка, заряженная пробкой.

Старый лев давно понял, что, преследуя добычу, рычать бесполезно, более того, можно спугнуть ее, но на этот раз, уже осязая у себя под когтями живое тело, он дал волю своей давно затаенной ярости и потряс воздух оглушительным ревом.

— Бегите, Джен, — крикнул Клейтон. — Скорей! Бегите домой!

Парализованные мускулы отказывались повиноваться женщине: она продолжала стоять, безмолвная и неподвижная, с ужасом глядя на воплощенную в звере смерть, которая осторожно подкрадывалась к ним.

Тюран, услышав рычание льва, подполз к выходу. Когда он увидел ужасную картину, то стал кричать:

— Бегите! Бегите! Бегите скорей! Если вы погибнете, я останусь один в этом ужасном месте!..

Голос его оборвался. Он заплакал.

На мгновение лев остановился, привлеченный звуком нового голоса, и бросил испытывающий взгляд на дерево. Клейтон не мог совладеть со своим волнением. Повернувшись спиной к хищнику, он закрыл лицо руками и стал ждать, что будет.

Девушка с ужасом посмотрела на своего защитника. Почему он ничего не делает? Если смерти не миновать, отчего не встретиться с ней мужественно, лицом к лицу, — броситься на зверя и колотить его по свирепой морде хотя бы этой несчастной палкой, если нет другого оружия. Пусть это бесполезно, но нельзя же сдаваться без

бя! Разве так вел бы себя Тарзан? Он бы погиб, борясь до последней капли крови!

Лев присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Сейчас его страшные, желтые клыки вопьются в тело одного из них. Джен опустилась на колени, закрыв лицо руками, чтобы не видеть того, что должно неминуемо произойти. Тюран, ослабленный болезнью, упал в обморок.

Секунды медленно ползли, образуя минуты, минуты тянулись бесконечно... Лев медлил. Клейтон, почти потеряв сознание, едва стоял. Колени его дрожали. Вот-вот он упадет...

Джен не могла дальше выдержать и открыла глаза. Что это? Неужели она видит сон?

Клейтон, немного овладев собою, поднял голову и повернулся в ту сторону, где стоял лев. Крик изумления вырвался из его горла. Почти у ног его и Джен лежал зверь, пронзенный копьем. Оно вонзилось ему в спину, выше правой лопатки, и прошло через все тело, задев сердце.

Джен встала на ноги. Когда Клейтон снова повернулся к ней, она зашаталась от слабости. Мужчина протянул к ней руки, чтобы поддержать, затем привлек девушку к себе и хотел поцеловать, чтобы выразить охватившее его чувство благодарности, но та мягко отстранила его.

— Не надо, Уильям. Я как будто пережила за несколько мгновений тысячу лет. Перед лицом смерти я поняла, как надо жить. Я не хочу причинять вам боль, но поймите: я не могу больше мириться с тем невыносимым положением, в которое я поставила себя, дав вам неосторожное обещание. Эти трагические минуты показали, что с моей стороны было бы преступно продолжать обманывать себя и вас мыслью о том, что я когда-либо стану вашей женой.

— Я не понимаю вас, Джен! — вскричал Клейтон. — Каким образом наше чудесное избавление могло изменить ваши чувства ко мне? Вы сейчас слишком взвинчены. Давайте отложим разговор до завтра.

— Сейчас я разбираюсь в своих чувствах гораздо лучше, чем год назад. Событие, которое только что произошло, напомнило мне, что я когда-то пользовалась любовью самого доблестного человека в мире. Я не понимала тогда своей любви к нему, и мы расстались. Слишком поздно узнала я о своем чувстве. Он погиб, и я никогда ни с кем не пойду под венец. Если бы я вышла за человека, уступающего ему в храбрости, я бы невольно презирала своего мужа, постоянно сравнивая его с погибшим. Понимаете ли вы меня, Клейтон?

— Да, — ответил он, краснея, и опустил голову.

На следующий день случилось большое несчастье. Еще одно...

XXII

Сокровища города Опара

Было совсем темно, когда Ла, верховная жрица, вернулась в покои Мертвых с пищей и водой для Тарзана. Она шла без света, ощупывая по пути потрескавшиеся стены, пока, наконец, не вошла в комнату. Тарзан сразу узнал ее шаги.

— Они все в страшной ярости, — сказала Ла. — До сих пор у нас не было случая, чтобы человек, назначенный в жертву божеству, уходил живым. Пятьдесят жрецов ищут тебя. Они успели обыскать все помещения храма, кроме этой комнаты.

— Почему они не решаются войти сюда?

— Это — покои Мертвых. Умершие возвращаются сюда для молитвы. Ты видишь этот жертвенник? На нем мертвые приносят в жертву живых, если встречают их на своем пути. Вот почему народ боится заходить сюда. Если кто-нибудь заглянет — мертвые схватят его.

— А ты? — спросил Тарзан.

— Я — верховная жрица и не боюсь мертвецов. Время от времени я доставляю им живого человека для жертвоприношения.

— А почему они не набросились на меня? — спросил Тарзан, слегка издеваясь над странным суеверием.

Жрица посмотрела на него испытующим взглядом. Потом ответила:

— Обязанности верховной жрицы — учить правилам, которые до нее установили другие, превосходящие ее мудростью. Но нет правила, которое обязывало бы ее безоговорочно верить им. Чем больше человек узнает, тем меньше он верит. А я знаю больше всех.

— Значит, помогая моему бегству, ты боишься только своих смертных собратьев?

— Только их. Мертвые — мертвы. Они не могут ни вредить, ни помогать. Поэтому мы должны надеяться исключительно на себя и, чем скорее будем действовать, тем лучше. Мне было трудно доставить тебе еду, избежав зорких взглядов жрецов. Было бы безумием повторить эту смелую попытку. Иди за мной.

Она повела Тарзана по одному из коридоров. Минут десять шли они извивающимися проходами, пока не наткнулись на запертую дверь. Спутница Тарзана повернула ключ, раздался стук железного засова. Дверь качнулась на скрипучих петлях.

— Ты можешь пробыть здесь в полной безопасности до завтрашнего вечера, — сказала жрица и заперла дверь за собой на ключ.

Тарзана окружил непроглядный мрак. Даже его глаза, привыкшие различать предметы в ночной темноте, сейчас не видели ничего. Осторожно пошел он вперед, пока не коснулся протянутой рукой одной из стен, потом медленно обошел все помещение.

Площадь комнаты была по его расчетам около двадцати квадратных футов. Стены сложены, очевидно, из небольших гранитных камней различной величины, искусно притесанных один к другому без применения цемента.

При первом обходе Тарзану показалось, что он обнаружил странное явление, которого не могло быть в комнате без окон и только с одной дверью. Он снова обошел комнату, двигаясь вдоль стен. Нет, он не ошибся! Тарзан остановился у середины стены, прямо против двери. Не могло быть никакого сомнения: в этом месте — и только здесь — чувствовался приток свежего воздуха, проникавшего через незаметные трещины в каменной кладке.

Тарзан попробовал вытащить несколько камней. Попытки увенчались успехом: один из камней легко поддался. Он был около десяти дюймов толщины, а поверхность, обращенная внутрь комнаты, — около шести дюймов длины и трех ширины. Тарзан извлек другой, третий, четвертый камень — все они оказались одинаковыми.

Стена состояла, очевидно, исключительно из таких камней почти правильной геометрической формы. В короткое время Тарзан вытащил их около дюжины, а затем хотел обследовать второй ряд кладки. Но, к его великому изумлению, рука полностью и свободно прошла в образовавшееся отверстие, не встречая на своем пути никакой преграды. Тарзану в несколько минут удалось проделать отверстие, достаточное, чтобы пролезть самому. Ему показалось, что прямо перед собой он видит слабый, едва различимый свет. Осторожно, на четвереньках продвинулся он чуть вперед, как тотчас обнаружил, что пол внезапно обрывается. Тарзан протянул руку, но ничего не мог нащупать. Тогда он спустил ноги и, повиснув на руках, вытянулся во весь рост, и все же не мог достичь дна. Случайно Тарзан посмотрел вверх и там, сквозь круглое отверстие, увидел небольшой клочок звездного неба.

Ощупав стены, насколько могла достать его рука, Тарзан обнаружил, что расстояние между ними постепенно суживается книзу. Размышляя об устройстве и назначении этого странного колодца, невольный узник увидел,

что луна поднялась над верхним отверстием, проливая вниз потоки бледного серебристого света.

Тарзан сразу понял, что находится над водой. Глубоко внизу она светилась, отражая лунные блики. Это был древний водоем. Но для чего он соединен с подземельем? Когда луна, поднявшись высоко над колодцем, осветила все вокруг, Тарзан увидел отверстие в противоположной стене. Не ведет ли оно в новый коридор, по которому можно выбраться на свободу? Он решил исследовать его. Однако прежде он вернулся к разобранной стенке и заложил отверстие камнями в прежнем порядке. Тарзану не составило труда совершить прыжок через колодец. В одно мгновение он оказался в узком туннеле. Дальше пришлось двигаться с осторожностью из опасения свалиться в скрытый колодец, подобный тому, который удалось благополучно миновать.

Пройдя около ста футов, беглец достиг небольшой лестницы, которая исчезла в непроглядном мраке. Двадцатью футами ниже туннель начинался снова. Некоторое время Тарзан шел свободно, пока не натолкнулся на массивную деревянную дверь, запертую тяжелыми деревянными засовами. Он подумал, что засовы с этой стороны означают, что дверь может вести либо на свободу, либо в темницу. На засовах лежал толстый слой пыли — доказательство того, что дверью давно не пользовались. Он отодвинул засовы, тяжелая дверь заскрипела на петлях, как бы негодуя на то, что нарушили ее покой.

Тарзан очутился в просторной комнате, вдоль стен которой громоздились слитки металла причудливой, но однообразной формы... Они были очень тяжелы. Можно было подумать, что это — золото, если бы не такое огромное количество слитков. Вряд ли где-нибудь — да еще в одном месте — могли быть собраны колоссальные запасы благородного металла! В противоположном конце комнаты Тарзан обнаружил вторую дверь, точно так же запертую изнутри. Опять проснулась надежда, что он нашел выход на свободу. За дверью, однако, снова начинался туннель, прямой, как полет стрелы.

Тарзан решил, что, пройдя значительное расстояние по подземелью, он миновал уже стены храма. Если — на запад, то он уже вышел за черту города. Окрыленный надеждами, Тарзан бежал по коридору так быстро, как позволяла осторожность, пока, наконец, не наткнулся на ступени, ведущие вверх. Внизу ступени были из алебастра, выше — из гранита. Видимо, верхние ступени были высечены в скале: на это указывало отсутствие щелей в промежутках между ними. Лестница несколькими крутыми поворотами привела его к узкой расселине между двумя скалистыми склонами.

Прямо над ним сияли звезды, а впереди открывался крутой спуск. Тарзан поспешил спуститься и добрался до уступа огромной скалы. На расстоянии мили от него был расположен Опар, освещенный мягким светом луны. Несколько мгновений он стоял в задумчивости, затем, подняв голову, оглядел величавые руины древнего города.

«Опар, думал он, Опар — зачарованный город мертвого и забытого прошлого, город красоты и жестокости, город ужаса и смерти, город сказочного богатства». Беглец посмотрел на слиток, взятый им из подземелья.

Слиток был чистого золота!

Скала, на которой очутился Тарзан, находилась между городом и горой, по которой он взбирался со своими черными воинами накануне утром. Спуск по ее гладкому и крутому склону требовал больших усилий и был труден даже для него.

Наконец беглец почувствовал под ногами рыхлую почву долины и, не оглянувшись на город, пустился стрелой к горам, видневшимся вдали. Солнце только встало, когда он достиг плоской вершины горы, на западе от долины. Далеко внизу был заметен дымок, который вился над верхушками деревьев в лесу, у подножья гор.

— Люди! — пробормотал он. — Не те ли пятьдесят человек, которые отправились меня выслеживать?

Быстро спустился человек-обезьяна со скалы в узкий овраг, который привел его в лес. Осторожно продвигаясь вперед, Тарзан увидел между деревьями несколько больших костров, вокруг которых сидели на корточках его черные воины.

— Вставайте, дети мои, и приветствуйте своего вождя!

С криками удивления и испуга воины вскочили на ноги, не зная, обратиться ли им в бегство или оставаться на месте.

Ловко спрыгнув с ближней ветви, Тарзан очутился среди воинов. Когда те убедились, что это был их вождь, а не его воплотившийся призрак, то обезумели от радости.

— Мы оказались трусами, о Вазири! — воскликнул Бусули. — Мы убежали, оставив своего вождя на произвол судьбы! Но когда опомнились, то поклялись пойти назад и спасти тебя или отомстить твоим убийцам. Мы только что решили вернуться в ужасный город.

— Видели ли вы пятьдесят страшных людей, которые спустились со скал по направлению к лесу? — спросил Тарзан.

— Да, Вазири, — ответил Бусули. — Они прошли мимо нас вчера ночью. Мы издали услышали их голоса, свернули в лес и подождали, пока они пройдут. Преследователи быстро ковыляли на своих коротких ногах, а некоторые даже становились на четвереньки, как горилла Болгани. Да, это страшные люди, о Вазири!

Когда Тарзан рассказал о своих приключениях и сообщил о находке желтого металла, ни один из них не поколебался принять его предложение — проникнуть ночью в город и унести оттуда драгоценные слитки.

Сумерки уже легли на пустынную долину, когда отряд черных воинов направился быстрым шагом к мрачной скале, высившейся перед городом. Если спуск с нее был затруднителен даже для Тарзана, то о подъеме туда черным воинам, казалось, нельзя было и думать. Но Тарзан путем героических усилий помог им взобраться. Десять копий было привязано одно к другому, последнее — к поясу Тарзана. Взобравшись сам, Тарзан при помощи этой связки из копий втащил наверх сначала одного, а потом и остальные сорок девять воинов благополучно добрались до вершины. Тотчас же Тарзан повел их в комнату драгоценностей, где каждый взял по два слитка, общим весом в восемьдесят фунтов.

Только около полуночи отряд очутился у подножия скалы. Тяжелая ноша затрудняла подъем, путники добрались до вершины горы в середине следующего дня. Гордые воины не привыкли к обязанностям носильщиков и весь дальнейший путь проделали крайне медленно. Но никто из них не жаловался на тяжесть ноши. Наконец, на третий день утром он велел им возвратиться домой, оставив золото там, где они сложили его накануне вечером.

— А ты, Вазири? — спросили воины.

— Я останусь здесь на несколько дней. Спешите же к своим женам и детям!

Когда спутники скрылись, Тарзан подобрал два слитка и, вскарабкавшись на дерево, легко пробежал около двухсот шагов по верхушкам спутанного, непроходимого низколесья, пока не добрался до небольшой поляны, которую окружали, как стражи, деревья-великаны. Посередине ее была плоская земляная насыпь.

Сотни раз бывал в этом неприступном месте Тарзан в далекие времена. Огромные колючие кустарники и вьющиеся растения переплетались так тесно, что даже пантера Шита не могла, как ни извивалась, пролезть сквозь эту ограду. Слон Тантор был также бессилен преодолеть ее своим весом и силой. Только самые безвредные обитатели джунглей проникали в уединенное убежище больших обезьян.

Пятьдесят ходок в разных направлениях предпринял Тарзан, прежде чем сложил на землю свои золотые

слитки. Потом из дупла дерева он вынул ту самую лопату, при помощи которой откопал когда-то сундук профессора Архимеда Портера.

Этой лопатой он выкопал яму, в которую положил золотые слитки.

Ночь Тарзан провел на поляне, а на другой день утром поспешил к своей старой хижине. Жилище оказалось в том же виде, в каком он оставил его, Тарзан решил отправиться на охоту, а потом, вернувшись с добычей в хижину, устроить себе пир.

Человек-обезьяна прошел верст пять к югу, направляясь к берегам большой реки, которая впадала в океан верстах в шести от его хижины. Неожиданно его чуткие ноздри почуяли запах, который приводит в дрожь обитателей джунглей — запах человека.

Ветер дул с океана. Тарзан сообразил, что те, чей запах до него донесся, были к западу от него. К запаху человека примешивался и запах льва. Человек и лев!..

— Надо спешить, — подумал Тарзан. — Лев, должно быть, охотится.

Когда он достиг опушки, то увидел женщину, опустившуюся на колени, а перед нею — мужчину, закрывшего лицо руками. У мужчины был странный вид, напоминавший первобытного человека. Старый лев медленно приближался к своей легкой добыче. Лицо мужчины было обращено в сторону, лицо женщины опущено; Тарзан не мог видеть их черт.

Лев приготовился к прыжку. Нельзя было медлить ни одного мгновения! У Тарзана не было времени даже для того, чтобы изготовить к стрельбе лук и пустить в хищника ядовитую стрелу. И расстояние слишком велико, чтобы броситься с ножом. Оставалась одна возможность, один выход. В мгновение ока Тарзан перешел от мысли к действию.

Загорелая рука откинулась назад, одну сотую долю секунды над плечом великана трепетало копье, а потом могучая рука метнула древко сквозь листву деревьев и поразила прямо в сердце страшного хищника, поднявшегося для прыжка. Не издав ни звука, зверь повалился мертвый к ногам тех, кто за минуту перед тем был обречен ему в жертву.

Мужчина и женщина не шевелились. Наконец, женщина открыла глаза и с изумлением посмотрела на неподвижного хищника, который лежал за спиной ее спутника.

При взгляде на это прекрасное лицо Тарзан затаил дыхание от неожиданности и неправдоподобия того, что увидел. Вероятно, он бредит... Неужели это она, женщина, которую он любит? Да, это она, она!..

Но вот женщина поднялась, и мужчина привлек ее к себе для поцелуя. Красный туман ярости заволок в глазах Тарзана все происходившее, старый шрам на его коричневом от загара лице налился кровью. Он вынул стрелу и приложил ее к тетиве, чтобы поразить человека, который стоял, повернувшись к нему спиной.

Но Тарзан не послал вестницы смерти. Острый конец стрелы медленно опустился. Шрам на загорелом лице побледнел. Печально склонив голову, Тарзан вернулся в джунгли, к своим черным воинам.

XXIII

Пятьдесят похитителей

Джен Портер и Уильям Сесиль Клейтон по-прежнему смотрели на труп хищника. После молчания, которое последовало за откровенным признанием Джен, она заговорила первая.

— Кто бы это мог быть? — прошептала она.

— Не знаю, — коротко ответил Клейтон.

— Конечно, это доброжелатель, но который почему-то не хочет открываться нам. Давайте окликнем его и, по крайней мере, поблагодарим.

Клейтон громко крикнул, но ответа не последовало. Джен вздрогнула.

— Таинственные джунгли... Страшные джунгли! — пробормотала она. — Даже жест дружбы и тот выражен столь неприветливо и страшно...

— Давайте вернемся в шалаш, — предложил Клейтон. И добавил с горечью: — Я ведь плохой вам защитник.

— Не продолжайте, Уильям, — поспешила возразить девушка, глубоко сожалея о том, что причинила своему спутнику острую боль. — Вы сделали все, что могли. Вы вели себя благородно, самоотверженно и храбро. Вы не виноваты в том, что вы — не сверхчеловек. Я знала только одного человека, который сделал бы на вашем месте больше, чем вы... Под влиянием волнения я выразила свою мысль не теми словами, какие были нужны, поверьте, я не хотела причинить вам боль. Я хотела только одного, — чтобы мы оба поняли раз и навсегда, что я не могу быть вашей женой, что наш брак был бы преступлением.

На следующий день Тюрану стало еще хуже. Он бредил почти непрерывно, и ему ничем нельзя было помочь. К тому же Клейтон особенно и не старался облегчить его положение, надеясь в глубине души на смертельный исход. Если бы с Клейтоном что-нибудь случилось, Джен осталась бы наедине с Тюраном, в полной зависимости от него. Кто оградил бы тогда молодую девушку от его посягательств? Эта мысль гораздо больше беспокоила молодого англичанина, чем возможный роковой исход болезни Тюрана.

Клейтон извлек из тела льва тяжелое копье. Вооружившись таким образом, он отправился на охоту с ощущением некоторой безопасности. На этот раз можно отойти от жилья дальше обычного.

Не желая слышать безумный бред Тюрана, Джен спустилась с ветвей на землю, присела около примитивной лестницы, которую сделал для нее Клейтон, и стала смотреть на море. Она все еще лелеяла надежду увидеть на горизонте проходящее судно.

Девушка сидела к джунглям спиной и не заметила, как из зарослей выглянуло страшное лицо дикаря. Маленькие, налитые кровью глаза, расположенные близко один от другого, сначала уставились на девушку, а потом быстро оглядели местность, чтобы убедиться в отсутствии других людей.

Человек, лежавший в хижине на ветвях, опять начал бредить. Высунувшаяся голова скрылась так же быстро, как показалась. Но, заметив, что девушка не обернулась, когда раздались стоны больного, одна за другой из джунглей выползли причудливые фигуры людей.

Джен все так же неотрывно смотрела на море, не подозревая об опасности. Легкий шорох в траве привлек, наконец, ее внимание. Она повернулась и с криком ужаса вскочила на ноги. Поздно! Охватив девушку длинной рукой, похожей на лапу гориллы, один из дикарей потащил ее в джунгли. Грязная лапа легла на рот, чтобы заглушить крики. После нескольких недель тревог и мучений Джен не в силах была выдержать новое потрясение и лишилась чувств.

Придя в себя, девушка увидела, что находится в чаще девственного леса. Была ночь. Ярко пылал костер, разложенный среди небольшой поляны. Вокруг него сидело на корточках человек пятьдесят. И головы, и лица покрыты спутанными волосами, длинные руки покоились на согнутых коленях коротких и кривых ног. Странные существа что-то грызли. На костре грелся небольшой котел, в который дикари по очереди опускали заостренную палочку в поисках куска мяса. Страшные существа заметили, что девушка пришла в себя. Один из них поднес к ее рту грязную руку с куском вареного мяса.

Кусок упал на землю, а она закрыла глаза, чувствуя непреодолимую тошноту.

Много дней пробирался отряд сквозь дремучую чащу. Изнуренная девушка еле ступала израненными ногами. Дикари то толкали, то волочили ее. Когда она спотыкалась и падала, ее принуждали подниматься пинками и ударами. Обувь износилась, платье превратилось в жалкие отрепья, сквозь которые виднелось ее тело, когда-то белое и нежное, а теперь сплошь исцарапанное колючим кустарником.

В последние дни она до того устала, что даже пинки и угрозы не помогали. Силы настолько истощились, что при всем своем желании она не могла встать даже на колени. Похитители бормотали какие-то проклятия, били девушку кулаками, а Джен, закрыв глаза, продолжала лежать на земле, призывая к себе избавительницу всех мучений — смерть. Но смерть не приходила. Убедившись, что их жертва не в силах передвигаться сама, дикари понесли ее на руках.

Однажды, под вечер, Джен открыла глаза и увидела полуразрушенные стены большого города. Но она была так слаба и измучена, что неожиданное и волшебное зрелище не возбудило никакого любопытства. Куда бы ее ни принесли, она могла ожидать только одного исхода, находясь среди этих звероподобных существ.

Пленницу отнесли в темную комнату, находившуюся в подземелье, положили прямо на голый пол и поставили перед ней металлический кувшин с водой. В течение недели она видела только несколько женщин, приносивших ей пищу и воду. Понемногу здоровье девушки восстанавливалось. Можно было надеяться на то, что скоро она совсем оправится и будет вполне пригодна для заклания на жертвеннике в честь огненного божества. К счастью, Джен не догадывалась, какая роль предназначалась ей в ближайшем будущем.

Тарзан медленно пробирался сквозь джунгли. С того дня как он спас Клейтона и Джен своим метким копьем,— он был переполнен мыслями о прошлом, которые вызывали мучительную боль, как прикосновение к незажившей ране. Он радовался только тому, что вовремя удержал свою руку от непоправимого поступка, на который был способен в минуту безумной ревности.

В нем проснулся тогда дикарь. Он видел женщину, которую желал, — самку, которую он избрал для себя, — в объятиях другого мужчины. Жестокие законы джунглей диктовали ему только один выбор — убийство соперника. Но в самую последнюю минуту врожденное благородство и человечность взяли верх над пылавшей в его сердце яростью и спасли от безумного поступка — блестящая отравленная стрела не пронзила сердце беззащитного соперника.

Мысль о предстоящей встрече с Бусули была противна: Тарзан больше не хотел видеть людей. Он останется один среди джунглей и подобно своим собратьям — диким зверям — предпочтет страдать в одиночестве.

Днем Тарзан охотился в джунглях, а ночевать возвращался всегда на круглую поляну — жилище обезьян. На третий день, после полудня, он рано вернулся на отдых. Лежа на траве, Тарзан услышал с южной стороны знакомые звуки. Несколько минут он чутко прислушивался: звуки становились все ближе. Тарзан медленно поднялся, перешел на другую сторону поляны и спрятался среди ветвей, чтобы получше разглядеть зверей, не привлекая к себе внимание. Ему не пришлось долго ждать.

Среди нижних ветвей деревьев, прямо против Тарзана, показалось свирепое косматое лицо. Маленькие глазки оглядели поляну. Вслед за тем послышалось бормотание. Тарзан понял его смысл: разведчик говорил своим спутникам, что все спокойно и они могут благополучно отдохнуть на поляне. Он первый и опустился на мягкий ковер травы. Затем, один за другим, появились его спутники — человекообразные обезьяны, числом около сотни. Среди них были огромные старые самцы и совсем юные особи. Несколько грудных младенцев прижимались к мохнатым шеям своих матерей.

Тарзан узнал многих представителей этого племени. Некоторые из взрослых обезьян были маленькими детьми в то время, когда он и сам был ребенком. Помнят ли они его? Память у большинства обезьян очень короткая, и два года для них — целая вечность.

Из подслушанного разговора Тарзан понял, что обезьяны пришли сюда, чтобы выбрать себе нового вожака: прежний безвременно погиб, упав с верхушки дерева.

Тарзан вышел из своего убежища и предстал перед обезьяньим племенем. Быстрые, живые глаза резвой самочки заметили его раньше других. Лающими гортанными звуками она сообщила сотоварищам о появлении пришельца.

Несколько рослых самцов поднялись с земли, чтобы лучше разглядеть новичка. Взъерошив шерсть на затылке и показывая клыки, они медленно подошли к человеку, издавая глухое, зловещее рычание.

— Карнак! Я — Тарзан из племени обезьян, — сказал человек-обезьяна на языке племени. — Помнишь ли ты меня? Когда мы с тобой были маленькими, мы вместе дразнили льва, бросая в него палки и орехи с верхушек деревьев...

Самец, к которому он обратился с речью, уставился на него удивленными глазами.

— А ты, Магор,— продолжал Тарзан, обращаясь к другому зверю, — разве ты не помнишь вашего прежнего вождя, который убил огромного, могучего Керчака? Посмотри на меня! Разве я не тот самый Тарзан, который жил когда-то среди вас — самый ловкий на охоте, самый храбрый в борьбе?

Обезьяны столпились перед Тарзаном, побуждаемые не яростью, а любопытством. Они что-то бормотали в течение нескольких минут.

— Что тебе надо от нас теперь? — спросил Карнак.

— Я хочу мира,—ответил человек-обезьяна.

Снова обезьяны стали совещаться между собой. Наконец, Карнак опять обратился к человеку:

— Иди к нам с миром, Тарзан!

Тарзан ловко соскочил с ветки дерева на траву, в самую середину свирепого и безобразного стада.

В своем развитии он проделал полный круг и теперь снова вернулся, в облике зверя, к своим прежним собратьям — зверям.

Его не встретили здесь приветствиями, как люди встречают близкого им человека после двухлетней разлуки. Обезьяны занялись обычными делами, которые были прерваны появлением Тарзана. Они больше не обращали на него никакого внимания, как будто он никогда не покидал стадо. Только один из молодых самцов, который еще не знал Тарзана, решил поставить новичка на надлежащее, как ему казалось, место. Если бы Тарзан в этот момент отступил, он уронил бы себя в глазах племени. Тарзан напряг всю силу своих могучих мускулов и бросил нападавшего на землю. Тот вскочил на ноги и снова кинулся на Тарзана. Человек и обезьяна, обхватив друг друга руками, катались по земле. Вдруг пальцы Тарзана впились в горло противника. Через несколько мгновений молодой самец прекратил борьбу и затих. Тарзан перестал душить его. Он вовсе не желал убивать своего врага, ему нужно было только показать всем, что он силен. Пример возымел действие. С этих пор молодежь да и старики считались с Тарзаном. Самки дольше всех сторонились человека, боясь за своих малышей, но со временем и они привыкли. Тарзан охотился с обезьянами так же, как и в былые годы. Видя, что он благодаря своему более развитому уму находит лучшие способы добывания пищи, обезьяны стали смотреть на него с уважением и снова начали считать его своим вожаком.

Тарзан был доволен своим положением. Он не был и не мог быть счастлив, но зато чувствовал себя далеким от всего того, что могло напоминать ему о пережитых страданиях. Он не будет встречаться больше не только с белыми людьми, ему не хочется видеть ни одного человеческого существа вообще. Он начал жизнь обезьяной — обезьяной и умрет. От всего человеческого он должен отречься.

И все-таки, как ни убеждал себя Тарзан, он не мог забыть того, что любимая им женщина где-то поблизости. В том, что она находилась под ненадежной защитой, он убедился, увидав пассивность Клейтона. Чем больше он думал об этом, тем сильнее мучила его совесть. В конце концов он сделался противен самому себе — да, из-за своего себялюбия и ревности он бросил любимую девушку на произвол судьбы. Он уже был готов вернуться на берег, как вдруг неожиданное известие изменило его планы и побудило устремиться на восток, навстречу новым опасностям, а может быть, даже смерти.

Еще до возвращения Тарзана в стадо обезьян один из молодых самцов, отчаявшись в возможности подыскать себе самку из среды родного племени, отправился в джунгли, как странствующий рыцарь старинных времен на поиски дамы сердца.

Возвратившись в стадо с похищенной самкой, он поспешил рассказать сородичам о своих приключениях. И в числе других рассказал о встрече с огромным стадом странных обезьян.

— Лица у них всех, за исключением одной, — сказал он, — покрыты волосами. Обезьяна, непохожая на других, самка. Цвет кожи у нее даже бледнее, чем у него.

Рассказчик указал при этом на Тарзана. Тарзан насторожился. Он засыпал молодого самца вопросами, на которые тот еле успевал отвечать.

— Скажи,— спросил Тарзан,— эти обезьяны были низкого роста, на коротких ногах?

— Да,— ответил самец.

— Были ли на них надеты шкуры львов и леопардов? Держали ли они в руках палки и ножи?

— Да.

— А были ли у них желтые кольца на руках и ногах?

— Да.

— А белая обезьяна была небольшого роста, очень тонкая и белая?

— Да.

— Была ли эта обезьяна своей или чужой в стаде?

— Они волочили ее по земле то за руку, то за длинные волосы и все время били и толкали ее. Это было очень весело!..

— Боже мой! — воскликнул Тарзан.— А где ты встретил их, и куда они направились?

— Они были там, за второй водой отсюда,— молодой самец указал на юг.— А шли туда, откуда восходит солнце.

— Когда, когда это было? — нетерпеливо спросил Тарзан.

— Когда луна была видна наполовину.

Не сказав ни слова, Тарзан вскарабкался на деревья и, подобно бестелесному духу, понесся на восток, по направлению к развалинам города Опара.

XXIV

Возвращение Тарзана в Опар

Когда Клейтон, вернувшись в хижину, не нашел там Джен Портер, он обезумел от ужаса и горя. Тюран к этому времени пришел в себя; лихорадка прошла у него внезапно, как это часто бывает. Он лежал слабый и изнуренный на своем ложе из травы. Когда Клейтон спросил его о девушке, Тюран не мог вразумительно ответить:

— Я ничего не видел и не слышал. Большую часть времени я пролежал без сознания.

Если бы Тюран не производил впечатления человека, совершенно обессиленного болезнью, Клейтон, пожалуй, заподозрил бы, что он умышленно скрывает какую-то роковую тайну. Но он видел, что у Тюрана не хватало сил даже на то, чтобы спуститься с дерева без посторонней помощи.

До наступления сумерек Клейтон блуждал по окрестной чаще в поисках следов Джен и ее похитителя.

Пятьдесят страшных человек были новичками в джунглях. По своей неопытности они оставили в лесу такие ясные следы своего пребывания, что любой из обитателей джунглей мог бы легко проследить их путь. Но Клейтон не обращал внимания на эти очевидные признаки. Он не переставал громко звать девушку, но этим только привлек внимание льва. К счастью, Клейтон вовремя заметил хищника и успел забраться на дерево. Лев до наступления сумерек бродил вокруг дерева, но и после ухода зверя Клейтон не решился спуститься в страшный лесной мрак. Он провел ночь в лесу и только на следующее утро вернулся на берег, потеряв всякую надежду на спасение Джен Портер.

В течение следующей недели силы Тюрана быстро восстанавливались. Он лежал в хижине, а Клейтон рыскал по лесу в поисках пищи для них обоих. Они никогда не разговаривали друг с другом без крайней необходимости. Клейтон занимал теперь тот угол хижины, который был предназначен для Джен Портер.

Судьба преподнесла горькую шутку. Когда Тюран настолько окреп, что мог отправиться на поиски пищи, Клейтон в свою очередь заболел лихорадкой. Целые дни метался он в бреду, но Тюран ни разу не подошел к больному. Особенно мучила жажда. Между перемежающимися приступами бреда Клейтон раз в день ухитрялся несмотря на крайнюю слабость зачерпнуть в кружку немного свежей воды из ближайшего ручья. Тюран наблюдал за ним издали: ему доставляло злобную радость видеть страдания человека, который так долго ухаживал за ним, преодолевая в себе отвращение к недавнему врагу.

Наконец, Клейтон ослабел настолько, что уже не мог спуститься с дерева. Он попросил Тюрана принести ему пить. Тот с наглой усмешкой протянул ему кружку.

— Вот вода, — сказал он. — Но прежде чем дать ее вам, я должен напомнить, что вы опорочили меня в глазах женщины, которую не хотели разделить со мною, а берегли только для себя!

Клейтон оборвал его:

— Замолчите! Как смеете вы, негодяй, бесчестить имя женщины, которая, вероятнее всего, уже умерла! Я был глуп, что оставил вас в живых. Вы недостойны жить даже в этой стране дикарей!

— Вот вода,— повторил Тюран.— Смотрите...

Он поднес кружку к своим губам и, отпив, вылил остатки на землю. После этого повернулся и ушел. Клейтон закрыл лицо руками.

На следующий день Тюран решил отправиться вдоль берега на север, надеясь рано или поздно набрести на поселение цивилизованных людей. Перед уходом он готов был убить больного, если бы не считал убийство при таких обстоятельствах проявлением милосердия.

В тот же день Тюран дошел до маленькой хижины на берегу моря. В сердце его вспыхнула надежда при виде признаков цивилизации. Если бы он знал, кому принадлежит эта хижина, то бежал бы от нее, как от чумы. Но он не ведал этого и потому прожил там несколько дней, наслаждаясь безопасностью и сравнительным комфортом чужого жилища.

В лагере лорда Теннингтона по мере того, как шли дни за днями, не принося никаких утешительных известий, надежда на то, что Джен Портер, Клейтон и Тюран будут спасены, начинала угасать. Никто не заговаривал об этом с профессором Портером, а сам он был настолько погружен в свои ученые размышления, что не чувствовал, как шло время.

— Если бы я не знал старика так близко,— сказал Теннингтон, обращаясь к мисс Стронг,— то подумал бы, что он... немножко того...

— Если бы это не было так печально, это было бы смешно. Я знала его всю жизнь и поэтому уверена в его горячей любви к Джен. Но другим может показаться, что он совершенно безучастен к судьбе дочери. Это объясняется только тем, что он настолько непрактичен, что не представляет себе такой простой, реальной вещи, как смерть, пока не увидит ее воочию.

— Вы никогда не догадаетесь, что он вытворил вчера,— продолжал Теннингтон.— Я возвращался с охоты, когда профессор попался мне навстречу. Он быстро шел по лесной тропинке, по которой я возвращался в лагерь. Руки заложены за фалды сюртука, шляпа надвинута на лоб, глаза устремлены в землю. Он попал бы прямо в объятья смерти, если бы я не задержал его в пути. «Профессор»,— удивился я,— «чего ради вы здесь и куда идете?» «Я иду в город, лорд Теннингтон»,— ответил он вполне серьезно.— «Я собираюсь пожаловаться почтмейстеру, что до нас не доходит корреспонденция. Вы подумайте, несколько недель я не получаю ни журналов, ни писем! Я должен был получить уже несколько писем от Джен. О таком безобразии необходимо сообщить в Вашингтон».

— И поверите ли, мисс Стронг,— продолжал Теннингтон,— мне стоило большого труда убедить его в том, что здесь нет не только почты, но и города, что Вашингтон находится на другом полушарии. Только когда он понял это, вот тогда начал беспокоиться о судьбе дочери. Мне кажется, что теперь он представляет себе весь ужас нашего положения.

— Мне страшно даже думать об этом,— сказала мисс Стронг.— А между тем мои мысли все время возвращаются к отсутствующим друзьям.

— Будем надеяться на лучший исход,— ответил Теннингтон.— Ведь вы до сих пор были для нас блестящим примером стойкости, хотя ваша потеря, действительно, очень тяжела.

— Да,—ответила она,—я не могла бы любить Джен Портер сильнее, чем если бы она была моей родной сестрой.

Теннингтон не проявил своего удивления по поводу ее слов, хотя она ответила ему, по его мнению, несколько уклончиво. Он провел много времени в обществе этой прелестной девушки из Мериленда со дня гибели «Алисы», но только недавно почувствовал, что относится к ней настолько неравнодушно, что начинает терять присущее ему спокойствие. В последнее время он все чаще вспоминал откровенное признание Тюрана о том, что он и мисс Стронг обручены. Сейчас Теннингтон впервые усомнился в правдивости слов Тюрана.

— А если бы погиб мосье Тюран,— осторожно спросил он,— это было бы для вас тяжелой потерей?

Девушка с удивлением посмотрела на своего собеседника.

— Мосье Тюран был моим другом. Он мне очень нравился, хотя мы познакомились с ним совсем недавно.

— Значит, вы не были с ним обручены? — выпалил Теннингтон.

— Что вы! — воскликнула она.— Мне и в голову не могла прийти такая мысль!

Теннингтон хотел было что-то сказать Элоизе, хотя бы намекнуть, что ему необходимо сообщить нечто очень важное... но слова застряли у него в горле. Он закашлялся, покраснел и в конце концов свел разговор к тому, что... хижины, пожалуй, будут построены до наступления дождей.

Разговор был прерван появлением в высшей степени странной и зловещей фигуры, которая вынырнула из джунглей. Теннингтон уже выхватил было револьвер, но в это время жалкое и полунагое существо окликнуло его по имени и бросилось к нему с восторженными восклицаниями. Никто не узнал бы в этом грязном, исхудалом субъекте всегда безукоризненно одетого мосье Тюрана, с которым они расстались во время крушения «Алисы». На вопрос о том, что случилось с его спутниками, Тюран в отчаянии заломил руки:

— Все они погибли. Мисс Портер унесена в лес каким-то хищником. Клейтон умер от лихорадки... Ах, если бы мы знали, что вы находитесь так близко от нас!

Джен Портер не знала, сколько времени пробыла она во мраке подземелья. Каждый раз женщина, приносившая пищу, знаками предлагала ей подняться, но Джен в продолжении многих дней лишь отрицательно качала головой. Понемногу силы восстанавливались, она могла уже кое-как передвигаться с места на место, держась за стену. Ее похитители были рады — жертва выздоравливала, и, значит, день жертвоприношения приближался.

Наконец, этот день наступил. В темницу пришла женщина, началась какая-то странная церемония. Джен не сомневалась в том, что присутствует при религиозном обряде. Не подозревая ничего ужасного, молодая женщина охотно покинула темницу. Но, увидев каменный жертвенник в центре храма, обагренный пятнами запекшейся крови, она содрогнулась от ужаса.

В одно мгновение ее связали и положили на жертвенник. Во время причудливого танца жрецов Джен, похолодев от ужаса, следила за тем, как тонкое лезвие в поднятой руке верховной жрицы начало медленно приближаться к ее груди...

Джен закрыла глаза и лишилась чувств.

День и ночь бежал Тарзан через девственный лес к городу, где томилась любимая женщина. За сутки он преодолел тот путь, который пятьдесят воинов Опара проделали в течение недели. Поспеет ли он вовремя? Надежда сменялась отчаянием... Если она погибла, он, по крайней мере, отомстит за нее! Ему казалось, что у него хватит сил стереть с лица земли все население страшного города!

Около полудня Тарзан достиг той скалы, где начинался тайный ход в подземелье. Как кошка, взобрался он по отвесной скале и через несколько минут уже мчался по темным подземным переходам. Наконец, он добрался до колодца, на противоположной стороне которого находилась комната с отверстием в стене. Задержавшись на краю колодца, человек-обезьяна услышал смутный шум, доносившийся к нему сверху. Его чуткий слух разобрал, что это за шум. Это был танец жрецов, предшествовавший жертвоприношению... Тарзан даже узнал знакомый ему женский голос. Неужели началось то, чему он так хотел помешать? Не опоздает ли он всего на какую-нибудь минуту?

Как испуганный олень, перелетел Тарзан через пропасть, отделявшую его от продолжения туннеля. Одержимый единственным желанием — успеть, бросился он разбирать стену, и как только отверстие позволило просунуть плечи, юркнул в темную комнату. Одним прыжком очутился он у двери. Но здесь ему пришлось остановиться: дверь была заперта снаружи...

В один миг несчастный понял, что усилия открыть дверь ни к чему не приведут. Оставался только один выход — назад, через длинные туннели, проникнуть тем путем, каким он шел когда-то со своим отрядом. Но было очевидно, что, идя кружным путем, он неминуемо опо-

здает — ведь девушка, судя по всему, лежит в эту минуту на жертвенном камне.

Монотонный голос жрицы, несущий смерть, подсказал безумный план: добраться до верхнего отверстия колодца и оттуда проникнуть в храм. Ах, если бы он мог забросить конец своей веревки наверх! А почему не попробовать? Схватив один из больших камней, Тарзан привязал к нему конец веревки и, взяв камень в обе руки, бросил изо всей силы вверх.

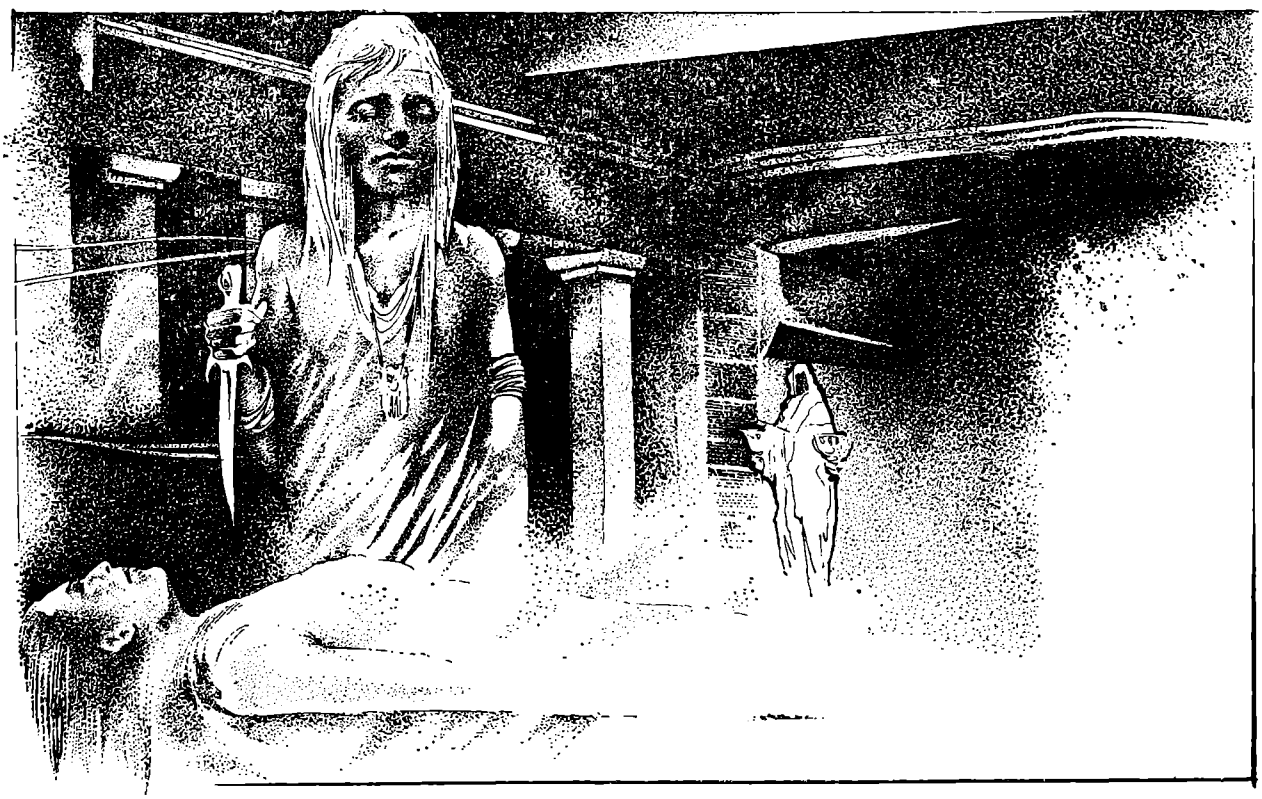
Камень не упал обратно в колодец, а остался где-то снаружи. Тарзан попробовал, крепко ли держится веревка, и через секунду уже повис над пропастью.

Тяжесть тела начала перевешивать камень. Тарзан почувствовал, что веревка опускается дюйм за дюймом. Успеет ли он достигнуть цели или упадет в неведомую глубину?

расположились жрецы и жрицы, которые, держа в руках золотые чаши, ожидали первых капель крови своей жертвы.

Рука Ла медленно опускалась над грудью тонкой, неподвижной фигуры, лежавшей на каменном алтаре. Тарзан с ужасом узнал бледные черты своей любимой. Кровавая пелена заволокла его глаза. С диким ревом, подобно льву, он бросился в самую гущу молившихся. Выхватив дубину у ближайшего жреца, человек-обезьяна расчистил себе дорогу к алтарю.

Рука Ла остановилась еще в тот момент, когда Тарзан показался в дверях. Узнав его, она побледнела: жрица никак не могла понять, каким образом ее белый пленник выбрался из тюрьмы, в которую она его бросила. Она не хотела отпускать Тарзана на свободу, потому что смотрела на его прекрасное лицо и мощную фигуру



XXV

В девственном лесу

Несколько мгновений Тарзан чувствовал, что веревка, на которой он висит, предательски скользит все ниже и ниже. Слышался даже звук трения камня о наружную поверхность стены. Наконец, благодарение богу, камень прочно застрял в какой-то расщелине. Тотчас же человек-обезьяна вскарабкался наверх и высунул голову над краем колодца. Двор был пуст. Все обитатели Опара пошли смотреть на жертвоприношение. Слышен был голос Ла, доносившийся из ближайшей части храма. Танец уже окончился. Наступило время появления на сцене ножа...

Счастливый случай привел Тарзана к самым дверям большого, открытого сверху зала. Между ним и алтарем глазами женщины, а не жрицы. Она успела тогда придумать для своих соплеменников историю о том, что бог пламени сам приказал ей принять этого чужеземца как его посланца. Это удовлетворило бы всех, в том числе, конечно, и Тарзана. Он охотнее согласился бы стать ее мужем, чем лечь на жертвенный алтарь.

И вот, когда она собиралась в тот раз объяснить пленнику свой план, он исчез. Теперь чужеземец снова вернулся и ожесточенно напал на ее слуг, убивая их, как овец. Жрица забыла о своей жертве. Прежде чем она успела опомниться, пришелец уже стоял рядом с нею, держа на руках женщину, которую он поднял с алтаря.

— Берегись,— воскликнул он.— Ты спасла мне жизнь, поэтому я не причиню тебе никакого вреда: но не вмешивайся, не пробуй преследовать меня, не то я убью тебя!

Произнося эти слова, он направился ко входу в подземный коридор.

— Кто она? — спросила верховная жрица, указывая на лежавшую в беспамятстве женщину.

— Она — моя,— сказал Тарзан.

Несколько мгновений жрица смотрела на него широко открытым взором. Вдруг на ее глазах показались слезы, она протянула руки вперед и с криком упала на пол как раз в тот самый момент, когда оправившиеся от первого испуга жрецы бросились в погоню за Тарзаном.

Но Тарзана уже не было там, где они думали настигнуть его. Он исчез в коридоре, который вел к колодцу. Сообразив это, преследователи злобно рассмеялись. Они полагали, что нет иного выхода из подземелья, чем тот, у которого они стояли. Значит, беглецу не избежать их копий. Между тем Тарзан, неся на руках бесчувственную Джен, благополучно прошел по подземным ходам Опара, под храмом огненного бога, не слыша за спиной погони.

Преследователи поздно вспомнили о том, что чужеземец один раз каким-то образом уже выбрался из подземелья. Они выслали отряд, человек пятьдесят, в долину.

После того, как Тарзан достиг отверстия в разобранной стене, он настолько уверился в благополучном исходе своего бегства, что перестал торопиться и даже позаботился поставить на место камни. Он боялся, что найденный им проход может быть обнаружен, и тогда ему не удастся еще раз вернуться в Опар за сокровищами.

Тарзан пробежал по подземному ходу, миновал дверь в сокровищницу и, наконец, очутился в длинном, узком туннеле, который вел на поверхность земли. Девушка все еще не приходила в себя. На гребне скалы человек-обезьяна остановился, чтобы в последний раз взглянуть на город. Внизу, в долине, он увидел отряд воинов. Несколько мгновений он колебался: попытаться уйти от погони или переждать ночь в укрытии. Мертво-бледное лицо девушки заставило его принять первое решение. Он не мог оставаться здесь с нею. Их могли окружить каждую минуту, а сопротивляться с хрупкой ношей на руках немыслимо.

Спуститься по отвесной скале с бесчувственной мисс Портер было делом нелегким. Тарзану пришлось привязать ее к своей спине.

Тарзан успел пробежать около мили, когда появившиеся на вершине горы воины увидели его. С криком торжества они поспешили спуститься, надеясь быстро настичь беглецов. Но преследователи недооценили силы человека-обезьяны и переоценили свои.

Не особенно торопясь, Тарзан продолжал бежать, сохраняя устойчивую и безопасную дистанцию. Время от времени он с тревогой вглядывался в бледное лицо девушки. Если бы не слабое дыхание и тихое биение сердца,— можно было бы подумать, что она мертва.

Так Тарзан добежал до второй цепи гор. Ему было необходимо выиграть время, чтобы, взобравшись на вершину, сбросить на своих преследователей камни. План удался: он успел добраться до половины подъема на гору, когда воины Опара достигли ее подошвы.

С криками ярости воины устремились наверх, потрясая своими копьями и дрожа от бешенства. Тарзану удалось отбиться — позиция была выгодная для обороны. Затем Тарзан спустился по другой стороне утеса и скрылся в ближайшем лесу.

Он положил Джен на берег ручья и освежил водою лицо и руки, но и это не привело ее в чувство. Тогда несмотря на страшную усталость Тарзан снова взял ее на руки и где бегом, где скорым шагом устремился на запад.

Только к вечеру мисс Портер очнулась от глубокого обморока. Она не сразу открыла глаза, боясь увидеть снова страшную картину жертвенного обряда. Не вместо

храма и мрачного подземелья вокруг нее возвышалась сплошная стена зелени. Она почувствовала, что кто-то несет ее на руках, и услышала знакомый голос.

— Ты очнулась, Джен? — нежно спросил Тарзан.

— Да,— ответила она, и в первый раз за последний месяц улыбка осветила бледное лицо.

— Слава богу! — воскликнул он.— Кажется, я подоспел вовремя.

— Вовремя? Что ты хочешь сказать?

— Вовремя, чтобы спасти тебя от смерти под жертвенным ножом, дорогая,— ответил он.— Разве ты не помнишь?

— Спасти меня от смерти? — растерянно спросила она.— Разве мы живы, Тарзан? Разве мы не умерли?

Он посадил ее на траву, прислонив спиною к дереву. Услышав ее странный вопрос, Тарзан пристально, с испугом посмотрел ей в лицо.

— Умерли? — повторил он и рассмеялся.— Нет, Джен. Мы живы, и, если ты пойдешь и спросишь об этом жрецов Опара, они подтвердят тебе мои слова.

— Но Элоиза и мосье Тюран сказали мне, что ты упал за борт в открытом море, далеко от земли,— сказала Джен, как бы стараясь уверить Тарзана в том, что он умер.— Они говорили, что это был несомненно ты и что вряд ли ты мог спастись.

— Как же мне убедить тебя в том, что я не призрак? — спросил Тарзан с улыбкой.— Да, милейший Тюран бросил меня за борт, но я не утонул. Я расскажу тебе все это когда-нибудь, только не сейчас. Я жив и снова стал тем же диким человеком, каким был когда-то.

Девушка медленно подошла к нему.

— Мне трудно поверить этому,— сказала она.— Трудно, после всех тех ужасов, которые я пережила со дня гибели «Алисы».

Джен положила свою нежную руку на его плечо.

— Мне кажется, что я вижу сон, но скоро проснусь и снова увижу нож в руках жестокой жрицы. Поцелуй меня, прежде чем чудная греза исчезнет!

Ей не пришлось долго упрашивать Тарзана. Он обнял ее своими сильными руками и поцеловал не один, а сотню раз.

Несколько мгновений влюбленные молча смотрели друг другу в глаза, как бы еще не веря своему счастью. Прошлое, со всеми его ужасами, забыто, будущее скрыто от них, но настоящее всецело принадлежало им. Девушка первая прервала молчание.

— Куда же мы пойдем? — спросила она.— Что мы будем делать?

— А куда бы ты хотела идти? — спросил он, в свою очередь.— Что бы ты хотела делать?

— Идти туда, куда пойдешь ты, делать то, что ты будешь делать,— нежно прошептала она.

— А Клейтон? — смущенно спросил он. Только теперь он вспомнил, что, кроме них, на земле существовал еще третий.— Мы забыли о твоем муже...

— Я не замужем, Тарзан,— тихо сказала Джен.— Я даже еще не помолвлена. Накануне того дня, когда эти отвратительные существа похитили меня, я рассказала Клейтону о моей любви к тебе — и он понял, что мне невозможно стать его женою. Это было сразу после того, как мы чудесным образом спаслись от нападения льва.

Она внезапно умолкла и вопросительно взглянула на него.

— Тарзан, это ты спас нас? Никто другой не мог бы этого сделать.

Он опустил глаза. Ему стало стыдно.

— Как мог ты уйти и покинуть меня? — сказала Джен укоризненно.

— Нет, Джен, нет, не говори так... Ты не знаешь, какие мучения я испытывал... Я ушел к обезьянам и в от-

чаянии решил никогда больше не видать людей...

Он рассказал ей все: как он вернулся в джунгли, как стал вождем племени Вазири, как попал в город сокровищ.

Джен задавала ему множество вопросов и, наконец, робко спросила о том, что сообщил ей Тюран, — о женщине, оставленной им в Париже. Тарзан рассказал ей о происшедшем, ничего не пропуская, так как ему нечего было скрывать. Его сердце никогда не забывало Джен. Кончив рассказ, он посмотрел на нее, как бы в ожидании приговора.

— Я так и знала, что Тюран лгал, — сказала мисс Портер. — О, что это за ужасный человек!

— Ты не сердишься на меня? — спросил Тарзан.

Ее ответ был истинно женским:

— Ольга де Куд красивая женщина?

Тарзан рассмеялся и снова поцеловал ее:

— Ты в десять раз прекраснее!

Джен положила голову ему на плечо, и Тарзан понял, что он прощен.

К ночи Тарзан соорудил на ветвях большого дерева шалаш, где и устроилась девушка. Сам он поместился в ближайшем дупле, готовый в любую минуту прийти на помощь.

Им понадобилось много дней, чтобы достичь морского берега. Там, где дорога была легка, они шли рядом; в труднопроходимых местах Тарзан брал любимую на руки. Дни казались им слишком короткими. Они были счастливы.

Уже находясь в одном переходе от берега, Тарзан почуял поблизости присутствие людей. Он сказал об этом девушке и попросил ее хранить молчание.

— В джунглях очень редко встречаешь друзей, — объяснил он ей свою осторожность.

Через полчаса показалось несколько черных воинов. Тарзан радостно вскрикнул. Это были его воины во главе с Бусули. Уже несколько недель они искали своего вождя и теперь были бесконечно рады неожиданной встрече. В сопровождении их Тарзан достиг берега моря.

Окрестности были пустынны, лишь невдалеке, на дереве, виднелся маленький шалаш. Тарзан подошел к нему, заглянул внутрь и, подозвав воинов, приказал одному из них принести свежей воды. Джен поднялась наверх и вошла внутрь шалаша. Оба они склонились над изнеможденным лицом Клейтона. Слезы показались на глазах девушки при виде впалых щек, потухших глаз и сухих, мертвенно-бледных губ.

— Он жив, — сказал Тарзан. — Мы сделаем все, что возможно, но боюсь, что мы опоздали.

Когда Бусули принес воды, Тарзан освежил лицо Клейтона и влил ему в рот несколько капель.

Клейтон поднял глаза. Слабый отблеск улыбки осветил его черты, когда он увидел склонившуюся над ним девушку.

— Ну вот и отлично, — сказал Тарзан. — Мы подоспели как раз вовремя. Все устроится как нельзя лучше, и вы выздоровеете так быстро, что сами не заметите этого.

Англичанин слабо покачал головой.

— Слишком поздно,— прошептал он.— Я скоро умру.

— Где Тюран? — спросила Джен.

— Он покинул меня, когда я заболел. Это дьявол! Когда я просил у него воды, он выпивал ее у меня на глазах и смеялся прямо в лицо.

Вспомнив об этом, Клейтон словно ожил:

— Да, я буду жить для того, чтобы найти и уничтожить эту гадину.

— Не беспокойтесь, — сказал Тарзан, в негодовании сжимая кулаки. — Я не забыл Тюрана и отомщу ему за все!

Долгое время Клейтон лежал спокойно. Несколько раз Тарзан прислушивался к биению его сердца. К вечеру больной снова заговорил.

— Джен, — сказал он шепотом. — Я обидел вас и его, — кивок в сторону Тарзана. — Я не прошу прощения. Мне только хочется сделать то, что я должен был сделать еще год назад.

Он вытащил из своего кармана смятый листок бумаги желтого цвета и передал его девушке. Руки Клейтона опустились, он поник головой, и последний вздох вырвался из его груди.

Джен тихо шептала молитву. Слезы навернулись на глаза Тарзана. Он понимал, что значит страдание, и всегда болел душою при виде страданий других.

Сквозь слезы девушка дважды прочла послание на листе желтой бумаги, прежде чем поняла его странный смысл:

«Отпечатки пальцев доказывают вы Грэйсток. Привет. Д'Арно».

Она передала бумагу Тарзану.

— Он знал об этом и ничего не сказал тебе? — спросила она.

— Я знал это раньше него, Джен, — ответил Тарзан. — Я получил депешу еще в Висконсине.

— И после этого ты уверял нас, что твоя мать — обезьяна и что ты никогда не знал своего отца? — спросила она недоверчиво.

— Титул и богатство ничего не значили для меня без тебя, дорогая, — ответил он, — и если бы я отнял их у Клейтона, то ограбил бы тебя, Джен.

Казалось, он пытается оправдаться. Она протянула руки и обняла его со словами:

— Как я могла пройти мимо такой любви!

XXVI

Прощание с джунглями

Утром они отправились в путь к хижине Тарзана. Четыре Вазири несли тело умершего англичанина. Тарзан решил похоронить Клейтона рядом с последним лордом Грэйстоком.

Джен Портер одобрила решение Тарзана. Они прошли уже большую часть пути, и вдруг Вазири внезапно остановился, указывая на странную фигуру, бредущую навстречу им вдоль берега. Это был человек в блестящем цилиндре: он шел как сомнамбула, не замечая ничего, заложив руки за спину. Вглядевшись, Джен Портер радостно вскрикнула и бросилась навстречу. При звуке ее голоса старик поднял голову и вскрикнул облегченно и радостно.

Профессор Портер заключил дочь в объятия, на его глазах блестели слезы, и он в течение нескольких минут не мог сказать ни слова.

Когда он узнал Тарзана, Джен пришлось потратить немало усилий, чтобы убедить в том, что радость не помутила его рассудка. Как и все, он был настолько убежден в смерти человека-обезьяны, что поколебать эту уверенность удалось только тогда, когда он хорошенько рассмотрел и ощупал «лесного бога».

Профессор был потрясен смертью Клейтона.

— Я никак не могу понять, в чем дело, — говорил он. — Мосье Тюран уверил нас в том, что Клейтон умер на его руках и им похоронен.

— Тюран — с вами? — спросил Тарзан.

— Да, он не так давно разыскал нас и указал дорогу к вашей хижине. Воображаю, как он будет рад видеть вас обоих!

— Рад и удивлен! — добавил Тарзан угрюмо.

Вскоре путники вышли на поляну, к хижине человека-обезьяны. Вокруг нее было много народу. Тарзан прежде всего увидел д'Арно.

— Поль! — воскликнул он. — Как вы здесь очутились? Неужели все это не сон, не галлюцинация?

Вскоре все объяснилось. Корабль под командованием д'Арно крейсировал вдоль берега, неся патрульную службу. По его приказанию судно стало на якорь у входа в бухту. Д'Арно высадился на берег, чтобы взглянуть на хижину, где два года назад было им пережито так много удивительных приключений. На берегу они нашли лорда Теннингтона с его спутниками. Д'Арно обещал взять их на борт корабля и доставить в цивилизованный мир.

Элоиза Стронг, ее мать, Эсмеральда и Самюэль Филандер были страшно обрадованы, увидев Джен Портер. Ее спасение казалось чудом. Все сошлись на том, что виновником его мог быть только Тарзан. Его осыпали таким множеством похвал и поздравлений, что гиганту захотелось бежать от людей обратно к обезьянам.

Все окружили носильщиков Вазири. Черные воины получили много подарков от друзей своего вождя. Они были искренне огорчены известием, что Тарзан собирается отплыть на большой лодке и не скоро вернется обратно.

Среди встречавших не было лорда Теннингтона и Тюрана. Рано утром они ушли на охоту и еще не вернулись.

— Как удивится этот Роков, как ты его называешь, увидев тебя, — сказала Джен Тарзану.

— Его удивление будет недолгим, — ответил человек-обезьяна, сжимая кулаки. На губах его мелькнула зловещая улыбка. Джен с тревогой посмотрела на него. Это лишь подтвердило ее опасения. Она взяла его за руку.

— В джунглях, — сказала она, — где нет другого права, кроме права сильного, — ты мог бы поступить с этим человеком так, как он того заслуживает, но всякая расправа с ним сейчас, когда у тебя есть возможность передать его в руки французских властей, была бы преступлением, которое повлекло бы за собою твой арест. Обещай мне, что передашь его капитану и предоставишь правосудию решить его судьбу. Он не стоит того, чтобы из-за него рисковать своим благополучием.

Тарзан понял все благоразумие ее слов и дал требуемое обещание.

Через полчаса Роков и Теннингтон вышли из джунглей. Теннингтон первый заметил незнакомцев. Он увидел черных воинов, матросов, наконец, высокого, загорелого молодого человека, беседовавшего с д'Арно.

— Кто это такой? — спросил он Рокова. Тот вгляделся, и когда его глаза встретились с глазами Тарзана, задрожал и побледнел, как полотно.

— Проклятие! — воскликнул Роков, и прежде чем Теннингтон успел сообразить, в чем дело, вскинул ружье и, прицелившись в Тарзана, нажал собачку. Но англичанин стоял так близко, что успел вовремя ударить его по руке. Пуля, предназначавшаяся Тарзану, прожужжала над его головой. Прежде чем Роков успел выстрелить еще раз, Тарзан метнулся к нему и выбил оружие из рук. Капитан Дюфрен, лейтенант д'Арно и несколько матросов окружили их. Тарзан в двух словах объяснил им суть дела. Капитан приказал связать Рокова и отправить его на корабль.

Тарзан попросил позволения обыскать Рокова и, к своей радости, нашел в подкладке его костюма украденные документы. Проводив Рокова до лодки, которая должна была доставить его на корабль, Тарзан подошел к Теннингтону. Джен Портер представила его.

— Джон Клейтон, лорд Грэйсток.

Англичанину не удалось скрыть своего изумления под маской светской невозмутимости. Пришлось много раз повторять и объяснять ему все происшедшее, прежде чем он убедился в том, что его не дурачат.

С заходом солнца они похоронили Уильяма Сесиля Клейтона рядом с могилами его дяди и тетушки, лорда и леди Грэйсток.

Профессор Портер произнес краткое надгробное слово и совершил все требуемые обрядом церемонии. У могилы, с обнаженными головами, стояла чрезвычайно странная компания: французские офицеры и матросы, два английских лорда, американцы и отряд черных воинов.

После погребения Тарзан попросил капитана отсрочить отплытие корабля на пару дней, так как хотел пробраться в глубь страны, чтобы найти там свои «пожитки». Капитан согласился на задержку.

К вечеру следующего дня Тарзан в сопровождении своих воинов вернулся с первым грузом. Когда глазам присутствующих явились слитки чистого золота, всеобщему удивлению не было границ.

— Я оставил там еще тысячи и тысячи таких слитков. Когда я истрачу эти, то вернусь за новыми.

После того как золото было погружено на корабль, капитан Дюфрен сказал, что теперь он чувствует себя командиром испанского галеона, возвращающегося из золотоносной страны ацтеков.

— Я боюсь, — добавил он шутливо, — что команда в один прекрасный день выбросит меня за борт и завладеет кораблем со всеми его богатствами.

Когда все было готово к отплытию, Тарзан сказал Джен Портер:

— Говорят, диким зверям не свойственна сентиментальность, но я, тем не менее, хотел бы венчаться в хижине, где увидел свет и провел детство и юность.

— А разве это осуществимо? — спросила Джен. — В таком случае, я не знаю лучшего места для нашего венчания, чем дикая чаща, в которой явился мне мой лесной бог.

Спутники нашли, что такое венчание вполне законно и явится достойным завершением необычайного романа.

Все собрались в хижине. Д'Арно был шафером, Элоиза Стронг — прелестной шаферицей. Профессору Портеру предложили совершить обряд венчания.

Теннингтон и на этот раз остался верен себе: ему пришла в голову одна из его обычных «блестящих идей».

— Если мисс Стронг ничего не имеет против, — сказал он, взяв за руку стоявшую рядом с ним Элоизу, — мы просим заодно обвенчать и нас.

На следующий день корабль покинул берега Африки.

Тарзан и его жена посылали прощальный взгляд диким, девственным джунглям, постепенно исчезавшим вдали. На берегу черные воины, потрясая копьями, отдавали последние почести покидавшему их вождю.

— Мне было бы больно, — сказал Тарзан, — расстаться с родными джунглями, если бы я не знал, что вступаю в новый, счастливый мир, где ничто не разлучит меня с тобою, моя дорогая Джен!

Сказав это, он наклонился к молодой жене и нежно поцеловал ее.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

РИСУНКИ ДМИТРИЯ ЛИТВИНОВА

Агата
КРИСТИ

Кража в „Гранд-Метрополе"

Рисунки
Елены Крутских

Пуаро,— сказал я,— нам, наверное, не мешает встряхнуться и подышать свежим воздухом.

— Вы так полагаете, mon ami *?

— Даже уверен!

— Вот как? — усмехнулся мой друг, любовно разглаживая свои великолепные усы.— Похоже, вы уже все обдумали.

— Так мы едем или нет?

— А куда, собственно, вы предлагаете направиться?

— В Брайтон. Дело в том, что один знакомый из Сити помог мне заключить весьма выгодную сделку, и вот у меня завелись лишние деньги. Думаю, мы сможем неплохо провести уик-энд в «Гранд-Метрополе».

— Гастингс, друг мой, все это очень заманчиво. Я очень признателен вам и принимаю приглашение с благодарностью. То, что вы вспомнили о старом бездельнике, говорит о вашем добром сердце. А доброе сердце стоит больше, чем все эти серые клеточки.— Пуаро выразительно постучал себя по лысине указательным пальцем.— Да, да, Гастингс, это истина, о которой мы часто забываем.

Многолетняя дружба научила меня не слишком доверять его комплиментам — в них часто таится какой-нибудь подвох. Вот и на этот раз мне не очень польстила туманная риторика Пуаро. Я давно подозревал, что мой старый приятель в какой-то мере недооценивает мои умственные способности. Но я был так занят мыслями о предстоящей поездке, что пропустил мимо ушей эти сомнительные комплименты.

В субботу вечером мы уже сидели в переполненном расфранченной публикой ресторане отеля «Гранд-Метрополь». Могло показаться, что все лондонские тузы в этот день съехались со своими женами именно в Брайтон. Наряды дам были кричащими, а драгоценности — которые свидетельствовали скорее о желании похвастаться, нежели о хорошем вкусе,— просто ослепляли.

— Внушительное зрелище,— пробурчал Пуаро.— У меня такое впечатление, что этот отель стал родным домом всех спекулянтов.

— Наверное, в какой-то мере это так и есть,— признал я.

Маленький бельгиец не спеша осматривал зал.

— Эта картина будит во мне сожаление, что я обратил свои великолепные способности не на обделывание разных темных, но прибыльных делишек, а на их раскрытие.

Он негодующе пробурчал еще что-то себе под нос, а потом вдруг сказал:

— Посмотрите, Гастингс, на ту расплывшуюся от тучности даму у колонны. Она буквально увешана драгоценностями.

— О, да это ведь миссис Опэлсен.

— Вы знакомы с ней?

— Немного. Ее муж — богатый маклер. В последнее время он нажил целое состояние, играя на повышение акций нефтяных компаний.

Мы посидели еще минут десять, болтая о разных разностях, а потом вышли в салон, где сразу же

* Мой друг (франц.).

столкнулись с супругами Опэлсен. После обмена несколькими ничего не значащими фразами, мы решили вместе выпить кофе. Мой друг, со всей присущей ему учтивостью, не преминул высказать похвалу драгоценностям пожилой дамы. Та мгновенно преобразилась:

— Ах, это мое единственное страстное увлечение, месье Пуаро! — живо воскликнула она.— Обожаю эти безделушки. Эдвард знает мою слабость, и каждый раз при выгодной сделке я получаю что-нибудь новенькое. Вы интересуетесь драгоценными камнями?

— Мне приходилось иметь с ними дело, мадам. И даже очень часто. Моя профессия сталкивала меня время от времени с самыми знаменитыми драгоценностями.

Не раскрывая подлинных имен, мой друг рассказал несколько историй о всемирно известных ювелирных изделиях, принадлежащих некоторым монархам и другим высокопоставленным особам.

— А вы знаете, месье Пуаро,— воскликнула жена маклера, когда мой друг закончил повествование,— у меня есть жемчуг, которому буквально цены нет! Это одно из прекраснейших ожерелий в мире: прелестная форма жемчужин, удивительно редкая окраска. Нет, словами не описать эту красоту, я сейчас же принесу ожерелье сюда!

— Ну что вы, мадам Опэлсен,— запротестовал Пуаро.— Бога ради, не утруждайте себя!

— Нет, нет, я с огромным удовольствием покажу этот жемчуг именно вам.

С этими словами полная дама торопливо засеменила к выходу. Ее супруг, беседовавший со мной, вопросительно посмотрел на Пуаро.

— Ваша жена так любезна, что хочет показать мне свое жемчужное ожерелье,— пояснил детектив.

— Ах, жемчуг,— самодовольно усмехнулся Опэлсен.— Его следует посмотреть. Он достался мне нелегко! Но это, между прочим, прекрасный способ вложения капитала. В любой момент можно получить его действительную стоимость и даже больше. Совсем недурно, если учесть эти проклятые налоги...

Маклер принялся сетовать на какие-то трудности и проблемы, в которых я плохо разбираюсь. Этот пространный монолог прервал посыльный, который подошел к нашему столику на цыпочках и что-то шепнул Опэлсену на ухо.

— Что? Что такое?! — вскричал маклер.— Сейчас иду! Прошу меня извинить, джентльмены...

Наш грузный собеседник поспешно удалился. Пуаро поудобнее уселся в кресле и закурил. Потом принялся старательно выстраивать в ряд пустые кофейные чашки...

Прошло несколько минут. Супруги не возвращались.

— Интересная история,— нарушил я затянувшееся молчание.— Когда же они вернутся и вернутся ли вообще?

Мой друг залюбовался облаком табачного дыма и ответил не сразу.

— Они не придут,— сказал он важно.

— Почему?

— Потому, мой дорогой, что у них что-то стряслось.

— Но что могло случиться? И как вы узнали?

Пуаро снисходительно усмехнулся.

— Вы просто не хотите быть наблюдательным, капитан Гастингс! Посудите сами. Только что управляющий отелем буквально вылетел из своего кабинета, при этом у него был весьма растерянный вид. Лифтер оживленно разговаривает с посыльными и не обращает внимания на звонок, который прозвонил уже третий раз. Наконец, взволнованы даже официанты, а вы, конечно, понимаете, как трудно нарушить невозмутимость официантов. Дело, видно, необычное... А вот и подтверждение! Появилась полиция.

Я уже и сам видел: в холл вошли двое — один в мундире, другой в штатском. Перебросившись несколькими словами с посыльными, они быстро вышли во внутренний коридор. Через пару минут тот же самый посыльный подошел к нам:

— Мистер Опэлсен просит, чтобы вы, сэр, прошли в его номер.

Пуаро быстро поднялся. Можно было подумать, что он ожидал этого приглашения. Я, разумеется, поспешил за моим другом.

Апартаменты Опэлсенов находились на втором этаже. Посыльный постучал в дверь и отошел в сторону. Послышалось: «Войдите!», мы вошли и увидели такую сцену. В самом центре комнаты полулежала в кресле и плакала навзрыд миссис Опэлсен. Ее супруг нервно вышагивал по ковру. Два полицейских стояли у кресла пожилой дамы. Молодая белокурая особа (судя по униформе, гостиничная горничная) с испуганным лицом жалась к стене у камина, а в противоположном конце комнаты плакала и заламывала руки другая девица. «Кто эта обворожительная леди?» — спросил я шепотом у полицейского и показал глазами на плачущую синеглазую девицу с пышными каштановыми волосами. «Камеристка миссис Опэлсен, француженка Целестина»,— также шепотом ответил мне простоватый сыщик в штатском. Было похоже, что француженка количеством извергаемых слез старается превзойти свою госпожу.

И в этот бедлам вступил элегантный, хладнокровный и улыбающийся Эркюль Пуаро, всемирно известный и непревзойденный детектив. При виде его миссис Опэлсен сорвалась с кресла с живостью, столь удивительной для особы ее комплекции.

— Пускай Эдвард говорит что хочет, но я верю в свою счастливую звезду,— вскричала она.— Ведь это поистине предначертание судьбы, что именно вас, месье Пуаро, я встретила сегодня вечером. Если уж вы не сможете найти мой жемчуг, то этого никто не сможет сделать!

— Очень прошу вас успокоиться, мадам! — с галантным поклоном ответил мой друг.— Все будет хорошо. Эркюль Пуаро — знаток своего дела, и он поможет вам.

Мистер Опэлсен обратился к инспектору полиции:

— Вы ничего не будете иметь против того, чтобы... э-э... я попросил о помощи этого джентльмена?

— Абсолютно ничего,— ответил полисмен вежливым, но весьма равнодушным тоном.— Может быть, теперь миссис будет настолько добра, что сможет рассказать нам о том, что произошло здесь?

Дама с размытой слезами обильной косметикой на лице жалобно взглянула на Пуаро, и тот препроводил ее к креслу.

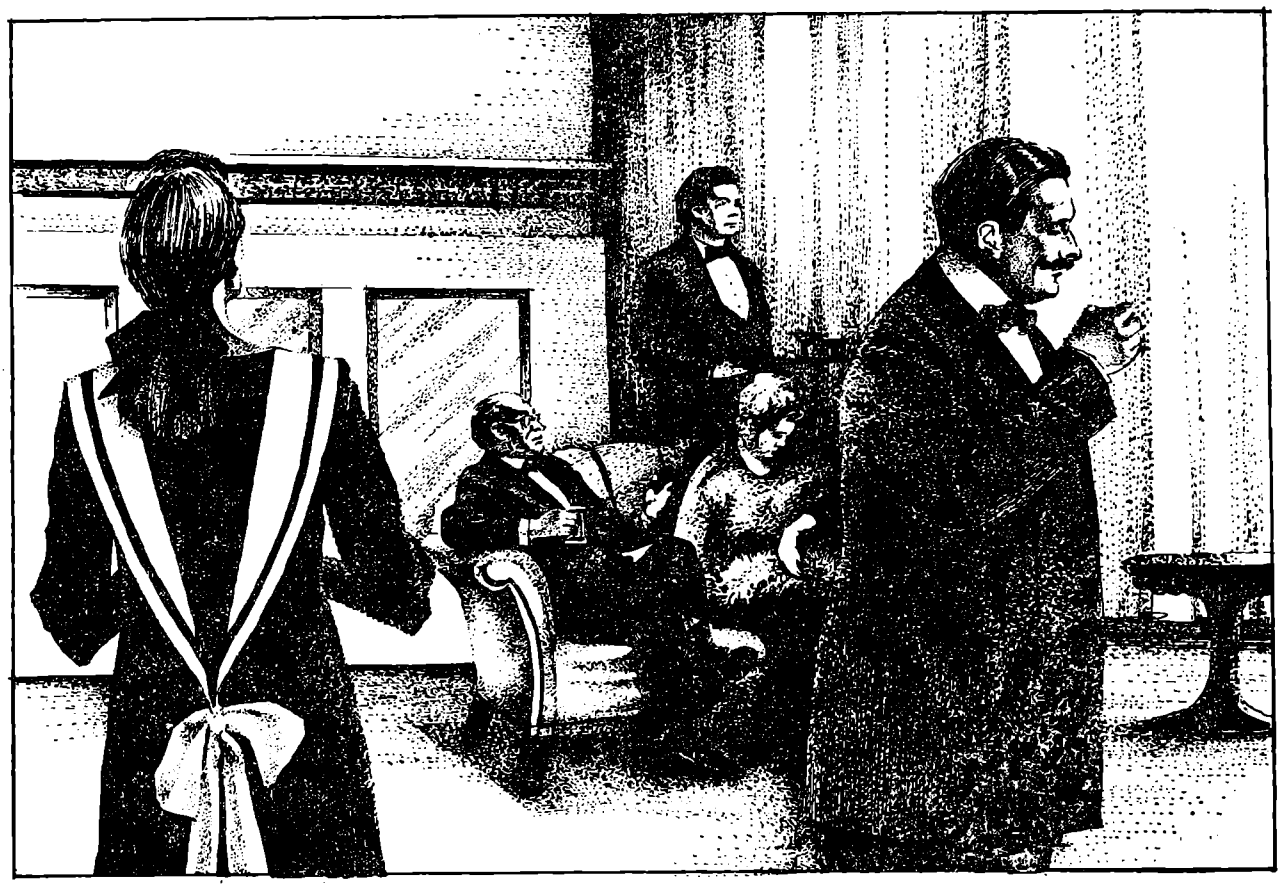
— Прошу вас сесть, мадам, и рассказать нам все. Спокойно и по порядку.

Миссис Опэлсен осушила слезы и начала говорить:

— После ужина я пришла сюда, в свою комнату, чтобы взять жемчуг и показать его месье Пуаро. Как всегда в это время, горничная и Целестина были в моей спальне...

— Простите, мадам, что значит «как всегда»?

— Я строго предупредила прислугу, чтобы никто



не входил без Целестины в мою комнату. Горничная убирает утром в присутствии Целестины, и при ней же она приходит перед ужином стелить постель. В другое время никто не входит в мою комнату. Когда я полчаса назад пришла сюда, горничная еще не закончила свои дела. Я выдвинула ящик туалетного столика, достала оттуда свою шкатулку и открыла ее ключом. Не заметила ничего подозрительного, но ожерелья в шкатулке не было...

Инспектор, который быстро писал в своем блокноте, спросил:

— Когда в последний раз вы видели ожерелье?

— Мельком я взглянула на него за несколько минут, как пойти на ужин. Ожерелье было на месте.

— Вы в этом совершенно уверены?

— Совершенно! Я еще подумала, не надеть ли мне его. Но решила отдать предпочтение изумрудам. Вы знаете, в этом ресторанном зале такое странное освещение по вечерам...

— Кто закрывал шкатулку на ключ? — инспектор был нетерпелив.

— Я. Ключ всегда ношу с собой.

Полицейский осмотрел ключик и пожал плечами:

— Замок довольно прост... Заперев шкатулку, что вы сделали с ней?

— Положила в ящик туалетного столика, как всегда.

— Ящик заперли?

— Нет. Моя камеристка находится здесь до тех пор, пока я не возвращаюсь. Поэтому не было нужды запирать ящик.

— Разумнее было бы хранить такие драгоценности в сейфе отеля,— пробормотал сыщик.

Должно быть, у миссис Опэлсен был острый слух, потому что она тут же отреагировала на эту реплику:

— Какая глупость! В любой момент у меня может появиться желание сменить то или иное украшение, и что же? Каждый раз отправляться к сейфу?

Возможно, полная дама высказала бы еще что-нибудь по этому поводу, но инспектор с серьезной миной заявил:

— Итак, я констатирую, что ожерелье было на месте, когда вы отправлялись на ужин, и что с этой минуты до момента вашего возвращения камеристка не выходила из комнаты. Я не ошибаюсь?

Вдруг, как бы только сейчас осознав серьезность ситуации, француженка издала душераздирающий вопль, а затем подскочила к Пуаро и заговорила скороговоркой по-французски:

— Что за гнусные и подлые подозрения? Она могла ограбить мадам? Эти «бобби» просто тупицы! Но вы, месье Пуаро, француз...

— Бельгиец,— поправил мой друг, но Целестина не обратила на это внимания.

— Месье Пуаро, вы благоразумный и рассудительный француз, вы не позволите, чтобы меня безвинно обвинили. Подумать только! Эта подлая горничная собирается ловко выкрутиться и выйти сухой из воды!

Она мне сразу не понравилась,— продолжала неистовствовать Целестина.— Заносчивая зазнайка! Она способна на все! Убирает тут уже несколько дней, и я поняла, что это за штучка! Очень бы я удивилась, если бы сейчас не нашли у нее ожерелье!

Хотя это представление шло на французском, Целестина иллюстрировала свою речь такой живой жестикуляцией, что горничная безусловно поняла основной смысл сказанного. Она сильно покраснела, и глаза ее метнули молнию.

— Если иностранка утверждает, что я украла жемчуг, то это самая наглая ложь! — заявила разгневанная блондинка.— Я его и в глаза не видела!

— Надо ее обыскать! — выкрикнула Целестина.— Тогда станет ясно, кто лжет.

— Сама стянула ожерелье, дрянь эдакая, и хочет обвинить меня! — разъяренная горничная сделала несколько шагов к своей противнице.— Ведь все время, пока я убирала, она сидела здесь и пялила на меня глаза.

— Это правда? — спросил инспектор, проницательно посмотрев на француженку.— Вы ни на минуту не выходили из комнаты?

— Я и в самом деле не оставляла эту... особу одну,— проговорила она с сильным акцентом по-английски.— Правда, два раза я выходила к себе, в соседнюю комнату. Вот в эти двери... Первый раз, чтобы принести моток пряжи, второй раз — за ножницами. Наверное, она этим и воспользовалась!..

— Выходила на несколько секунд! — фыркнула горничная.— Очень прошу, пускай полиция меня обыщет. Я ведь и шага не сделала отсюда, мне нечего бояться.

В этот момент кто-то постучал в дверь. Инспектор пошел открывать.

— Вот и отлично,— сказал он, возвращаясь.— Я посылал за сотрудницей полиции, которая проводит у нас обыск женщин. Она пришла. Попрошу пройти в соседнюю комнату.

Говоря это, он повернулся к горничной. Та с гордо поднятой головой прошествовала мимо француженки. Супруги Опэлсен молча смотрели ей вслед. Было похоже, они еще не решили, кого стоит подозревать в большей степени: служащую отеля или свою камеристку. Признаться, я и сам был в растерянности. «Интересно, что думает по этому поводу Пуаро?» — подумал я, взглянув на маленького бельгийца. Но он пока хранил молчание и внимательно осматривал комнату.

— Куда ведет эта дверь? — спросил он вдруг, показывая на дверь у окна.

— Видимо, в соседний номер,— ответил инспектор.— Во всяком случае, она заперта с той стороны.

Мой друг подошел к двери, попробовал, закрыта ли она, отодвинул засов и попробовал еще раз.

— Да, с той стороны тоже на запоре,— пробормотал он.— Хм, это меняет дело...

Его прервала вернувшаяся сотрудница полиции, за которой следовала невозмутимая горничная.

— Ничего нет,— прозвучал короткий доклад.

— Разумеется, ничего! — бросила с благородным негодованием горничная.— Я думаю, что этой иностранке должно быть совестно!

— Ладно, успокойтесь,— сказал инспектор.— Никто вас не подозревает. Вы свободны, можете идти заниматься своими делами.

Горничная с гордым видом направилась к двери.

— Вы ее тоже обыщите! — не преминула она сказать уже с порога.

— Непременно,— усмехнулся инспектор и закрыл дверь в коридор на ключ.

Теперь Целестина последовала за сотрудницей полиции в соседнюю комнату. Через пару минут они вернулись — результат обыска был тот же самый.

— Несмотря на это, мисс придется уехать с нами,— объяснил инспектор. После паузы он обратился к миссис Опэлсен: — Мне очень неприятно, но факты свидетельствуют против этой молодой особы. Правда, ожерелья при ней не оказалось, но не исключено, что она могла спрятать его где-то в комнате.

Супруга маклера скривила губы и махнула рукой. Этот жест мог означать только одно, делайте, мол, что считаете нужным.

Целестина разрыдалась и повисла на руке детектива, продолжая что-то говорить ему. «Пардон!» — перебил тот и что-то шепнул ей на ухо. Девушка ответила недоуменным взглядом.

— Да, да, моя дорогая. В любом случае вам надо подчиниться полиции,— объяснил он и повернулся к инспектору: — Не позволите ли вы мне провести небольшой эксперимент? Только для моего личного удовлетворения.

— Что ж, говорите, что вам нужно,— с неохотой согласился инспектор.

— Мадемуазель сказала,— Пуаро взглянул на Целестину,— что она дважды выходила из комнаты. Первый раз за мотком пряжи. Где лежал моток?

— На комоде.

— А ножницы?

— Там же.

— Я прошу, чтобы мадемуазель повторила эти действия. Во-первых, где вы сидели? Здесь? И держали в руках работу?

Целестина села в кресло, а затем по знаку Пуаро встала, прошла в соседнюю комнату и, взяв с комода моток пряжи, вернулась. Пуаро наблюдал за ее движениями и одновременно поглядывал на свои огромные карманные часы, которые цепко держал в руке.

— Еще раз, пожалуйста!

Пуаро что-то записал в блокнот и спрятал часы в кармашек.

— Спасибо, мадемуазель. Благодарю и вас, месье, за вашу любезность.

Заливаясь слезами, Целестина вышла из номера в сопровождении сотрудницы полиции и одетого в штатское сыщика. Инспектор же принялся обшаривать и перетряхивать всю комнату. Вынул ящик из туалетного столика, переворошил все вещи в шкафу, раскидал постель и принялся простукивать пол. Маклер скептически наблюдал за его действиями и наконец спросил:

— Вы надеетесь найти ожерелье?

— Безусловно! Моя уверенность основывается на элементарной логике. Преступница не имела возможности вынести жемчуг из комнаты. Ее план был сорван быстрым и неожиданным обнаружением кражи вашей супругой, сэр. Бесспорно, жемчуг должен быть где-то здесь. Одна из этих женщин была вынуждена спрятать его. Но чтобы это проделала горничная, мне представляется маловероятным.

— Не только маловероятным, а просто невозможным! — потерял терпение Пуаро.

— Невозможным? — взглянул на него инспектор.

— Сейчас вы в этом убедитесь,— ответил мой друг.— Гастингс, дорогой, будьте любезны взять мои часы. Осторожнее, это семейная реликвия! Сейчас точно подсчитаем время передвижения мадемуазель Целестины. Ее первое отсутствие длилось 12 секунд, второе — 15. Теперь прошу обратить внимание на мои действия. Мадам, прошу у вас ключик от шкатулки. Дорогой Гастингс, засеките время и командуйте.

— Марш!

С невообразимой быстротой Пуаро выдвинул ящик туалетного столика, достал шкатулку, вложил ключик в замок, открыл его, взял какую-то вещицу, запер шкатулку, поставил ее на место и задвинул ящик. Движения его были и впрямь молниеносны.

— Сколько? — спросил он.

— Сорок шесть секунд,— ответил я.

— Как видите,— Пуаро осмотрелся вокруг,— горничная не имела возможности достать ожерелье из шкатулки, не говоря уже о том, чтобы укрыть его где-нибудь. Как вы, наверное, заметили, больше всего времени уходит на манипуляцию с замком, несмотря на его простоту.

— Что ж, следовательно, дело предрешено, виновна ваша камеристка, миссис Опэлсен,— заявил инспектор и принялся за дальнейшие поиски, на этот раз в комнате Целестины.

Пуаро что-то обдумывал, наморщив лоб, а затем обратился к мистеру Опэлсену с неожиданным вопросом:

— Ожерелье, надеюсь, застраховано?

— Разумеется,— ответил маклер, удивленно приподняв брови.— Разумеется, застраховано.

— Но не о том же речь! — опять разразилась слезами миссис Опэлсен.— Мне нужно ожерелье! Ожерелье, а не деньги. Это же уникальная вещь, ей цены нет!

— Понимаю,— заверил ее мой друг.— Все отлично понимаю. Женщины руководствуются прежде всего чувством привязанности. Но ваш супруг, наверное, менее сентиментален, и страховка станет для него верным утешением.

— Да, конечно...— как-то невразумительно проговорил маклер.— Но в любом случае...

Его прервало торжествующее восклицание инспектора, который вошел в комнату, размахивая повешанным на палец ожерельем. С радостным криком пожилая дама сорвалась с кресла.

— Ах, мой жемчуг! Мой жемчуг!

С этими словами она прижала ожерелье к груди.

— Где вы его нашли? — воскликнул мистер Опэлсен.

— В постели вашей камеристки. Между пружинами матраца. Видимо, похитила и спрятала его еще до появления горничной.

— Позвольте, пожалуйста,— тихо проговорил Пуаро.

Он взял ожерелье из рук владелицы, внимательно осмотрел и вернул с поклоном.

— На некоторое время вам придется доверить свое сокровище полиции,— заявил инспектор.— Оно необходимо как вещественное доказательство.

— Это обязательно? — недовольно спросил маклер.

— Да,— подтвердил полицейский.— Но эта чистая формальность.

— Ах, Эд! — воскликнула пожилая дама.— Пускай полиция возьмет жемчуг. Я, право, буду чувствовать себя спокойнее. Наверное, не сомкнула бы глаз сегодня, опасаясь, что снова кто-нибудь захочет украсть ожерелье. Паршивая девка! Я ведь относилась к ней, как к родной. И уж ее могла заподозрить в самую последнюю очередь.

— Не огорчайся, дорогая. Дело закончено! — успокоил ее муж.

В этот миг я почувствовал легкое прикосновение руки Пуаро.

— Деликатно исчезнем,— шепнул он.— Наши услуги уже не нужны.

Однако, когда мы вышли в коридор, он задержал меня, а затем — к немалому моему удивлению — сказал:

— Хотелось бы осмотреть этот соседний номер.

— Зачем?

— Есть у меня одна идейка...

Дверь была не заперта, и мы вошли в номер без труда. Он, видимо, пустовал уже давно. Мебель покрылась изрядным слоем пыли, потускнели от грязи стекла в окнах. Мой чистюля с брезгливостью скривился, когда заметил на пыльной поверхности столика у окна прямоугольный след. Потом перевел взгляд на пыльный ковер под ногами.

— Порядок в этом отеле оставляет желать много лучшего,— пробормотал он вполголоса.

Затем выглянул в окно, покачал головой и задумался.

— Ну и что? — спросил я нетерпеливо.— Что вы узрели?

— Тысяча извинений, mon ami. Мне хотелось убедиться, что двери действительно заперты с этой стороны. И окна тоже.

— По-моему, это не имеет ни малейшего значения,— решил я высказаться до конца.— Следствие закончено. Не так ли? Плохо, конечно, что мы не

смогли блеснуть, но дело настолько простое, что даже такая никчемность, как этот инспектор, разобрался в нем без труда.

Пуаро покрутил головой, все еще находясь в плену своих мыслей.

— Следствие еще не закончено, мой несравненный Гастингс,— наконец изрек он.— Закончится оно тогда, когда обнаружим, кто же все-таки украл жемчуг.

— Как кто?! Вы еще сомневаетесь в виновности Целестины?

— А на чем, собственно, основывается ее обвинение?

— На чем? — переспросил я, пытаясь понять, куда клонит этот хитрец Пуаро.— Ведь ожерелье найдено в ее постели?

— Чепуха! — нетерпеливо отмахнулся мой друг.

— То есть!

— Подделка, mon ami!

Эти слова ошеломили меня, а Пуаро продолжал, усмехаясь:

— Несомненно, почтенный инспектор не имеет ни малейшего представления о драгоценностях. Да и эту полную леди тоже знатоком не назовешь. Но подождем немного. Не сегодня, так завтра утром разразится шумный скандал.

— Так идем же! — воскликнул я, хватая его под локоть.

— Куда?

— Необходимо сейчас же сказать об этом Опэлсенам.

— М-м... Мне думается, не нужно.

— Но эта бедная женщина...

— Бедная женщина, как вы изволили ее назвать, дорогой Гастингс, спокойно проведет ночь, уверенная, что ее сокровище находится в безопасности в полиции.

— Вы, пожалуй, правы, Пуаро... Но преступники — я имею в виду настоящих преступников — тем временем могут исчезнуть вместе с ожерельем!

— Как обычно, вы слишком поспешны в решениях, любезный Гастингс. Откуда знать, например, что жемчуг мадам Опэлсен не был подменен в ее шкатулке раньше, днем или утром?

— Вот как...— протянул я, пораженный логикой рассуждений знаменитого детектива. И все-таки...— Но это не больше чем догадка!

— Вот именно,— самодовольно кивнул Пуаро.— Все нужно начинать сначала.

Мы вышли из номера. Пуаро остановился, а потом решительно направился в конец коридора, где находилась небольшая комната для горничных. Там знакомая нам девица рассказывала со всеми подробностями происшедшую с ней историю. Многочисленная аудитория из горничных, лифтеров, посыльных и других служащих отеля слушали ее, затаив дыхание. Увидев нас, она замолчала на полуслове.

— Прошу прощения, мадемуазель,— поклонился ей Пуаро,— я буду очень вам признателен, если вы будете столь любезны открыть нам комнату месье Опэлсена. Он сейчас всецело занят своей супругой, и мне не хотелось бы его тревожить.

Горничная охотно проводила нас в комнату клиента, расположенную напротив спальни миссис Опэлсен. Отворив дверь своим ключом и впустив нас, она хотела выйти, но мой друг задержал ее.

— Минутку, мадемуазель! Видели ли в когда-нибудь такую карточку среди вещей месье Опэлсена?

С этими словами он подал девушке карточку из белого глянцевого картона. Горничная взяла карточку в руки и внимательно осмотрела ее.

— Нет,— твердо ответила она,— ничего подобного не видела. Кстати, в комнатах мужчин, проживающих в отеле, уборку проводят коридорные. Такой здесь порядок.

— Ага! Благодарю вас, мадемуазель.

Горничная вышла. Пуаро спрятал картонку, подумал и сказал:

— Сделайте одолжение, Гастингс, позвоните коридорному. Три раза.

Меня разбирало любопытство, но я не задал ни одного вопроса и молча выполнил поручение. Тем временем бельгиец высыпал на пол содержимое корзинки для бумаг; осмотрев учиненный беспорядок, он остался доволен. Через минуту явился коридорный. Пуаро задал ему тот же самый вопрос и так же вручил картонку. Ответ был отрицательный: смуглый усатый коридорный не видел что-либо подобное среди вещей маклера. Детектив поблагодарил служащего, и тот вышел, с подозрением взглянув на разбросанные по полу бумаги. Несомненно, он должен был услышать обращенные ко мне слова:

— Да, да... Это ожерелье было хорошо застраховано.

— Пуаро! — не вытерпел я.— Я, конечно, понимаю...

— Нет, милый друг, простите, но вы ничего не понимаете,— прервал он меня несколько грубовато.— Вы, Гастингс, пока ничего не понимаете. Увы, это так, и не сердитесь на меня.

Когда мы вернулись в нашу гостиную, к огромному моему удивлению, Пуаро направился в свою комнату и стал поспешно собирать вещи.

— Что случилось?

— Первым же поездом еду в Лондон,— объявил он.— Дело не терпит отлагательства.

— Но...

— Могу вас заверить, дорогой друг, что мои серые клетки уже проделали основную часть работы. Теперь требуются лишь некоторые подтверждения. Я их должен найти. Эркюля Пуаро обмануть невозможно!

— Думаю, что факты вскоре собьют вашу спесь! — бросил я ему, возмущенный такой самоуверенностью.

— Не сердитесь, мой милый Гастингс, прошу вас... Кстати, я очень рассчитываю, что вы окажете мне небольшую дружескую услугу.

— Хорошо,— согласился я.— Что нужно сделать?

— Будьте добры, взгляните на рукав пиджака, который я только что снял. Поскольку я очень спешу, не откажите мне в любезности почистить его? Обшлаг слегка испачкан белым порошком. Вы, наверное, обратили внимание на то, как я проводил пальцами по стенкам ящика, где хранится шкатулка с драгоценностями?

— Нет, не заметил.

— Уму непостижимо, бедный мой Гастингс! Куда же вы смотрели? Итак, немного этого белого порош-

ка осталось у меня на пальце, а так как я был взволнован, то чисто машинально вытер его о рукав пиджака. Мне очень неприятно, что я поступил таким образом и, главное, вопреки своим принципам.

— Но что это за порошок? — спросил я, более удивленный этим открытием, чем принципами знаменитого детектива.

— Ну, это, конечно, не отрава,— ответил он, плутовато сощурив глаза.— Это просто тальк.

— Тальк?!

— Именно. Наверное, столяр использовал тальк, чтобы ящик выдвигался легко и без скрипа.

Я взорвался смехом.

— Ах вы, старый чертяка! А я решил, что и впрямь вы открыли что-то гениальное!

— До свидания, mon ami. Удираю. Улетучиваюсь.

Дверь закрылась за ним. А я, давно уже привыкший к чудачествам моего несколько заносчивого и эксцентричного друга, взял пиджак и несколько раз провел щеткой по рукаву.

Утром от Пуаро не поступило никаких известий. Я вышел на прогулку, встретил знакомых и вместе с ними пообедал в отеле. После полудня мы отправились на автомобиле осматривать окрестности и из-за неисправности мотора вернулись в «Гранд-Метрополь» только в седьмом часу вечера.

Первым, кого я увидел, войдя в холл, был Пуаро. Он казался совершенным коротышкой, наверное, потому, что сидел на диване, втиснувшись между двумя массивными фигурами супругов Опэлсен.

— Дорогой Гастингс, томящийся в неведении, бедный Гастингс! — воскликнул он и, сорвавшись с места, поспешил мне навстречу.— Расцелуйте меня, мой друг! Все прошло чудесно.

К счастью, поцелуй был чисто символический, а могло быть хуже, потому что от этого экспансивного бельгийца можно ожидать чего угодно.

— Хотите рассказать...— начал я.

— Все закончилось самым чудесным образом! — вмешалась миссис Опэлсен, и радостная улыбка расползлась по ее толстощекой физиономии.— А не говорила ли я тебе, Эдвард, что если месье Пуаро не разыщет мой жемчуг, то его никто не найдет!

— Говорила, дорогая, говорила. И была, разумеется, права.

Просящим взглядом посмотрел я на приятеля, и он смилостивился:

— Будьте добры, мой несравненный Гастингс, садитесь рядом, и я расскажу вам конец нашей истории.

— Конец?

— Да, поскольку преступники уже арестованы.

— Преступники? У Целестины были сообщники?

— Говоря о преступниках, я имею в виду только двоих: горничную и коридорного. Вы их не подозревали, не так ли? Странно, Гастингс, странно. После стольких лет нашей совместной деятельности вы могли бы кое о чем догадаться и без моей помощи. А я ведь дал вам намек, сказав о тальке.

Игривый тон моего приятеля несомненно действовал мне на нервы, но я решил быть терпеливым, чтобы поскорее добраться до сути дела.

— Вы говорите о тальке, которым столяр посыпал стенки ящика?

— Непременно столяр и непременно для того, чтобы ящик входил и выходил легко и без скрипа. Не знаю, как для столяра, но для кого-то это было очень важно. Но для кого? Представьте себе, Гастингс, для горничной! Этот план был так хитро обдуман, что его нелегко было раскусить даже Эркюлю Пуаро! Да, так вот, события происходили следующим образом. Коридорный, сообщник и скорее всего вдохновитель этой кражи, ждал в соседнем номере. Камеристка выходит первый раз из спальни своей хозяйки. Что делает горничная? Мгновенно выдвигает ящик, хватает шкатулку с драгоценностями и, открыв засов на двери, передает ее своему дружку. Тот, находясь один в пустом номере, не торопясь, открывает шкатулку отмычкой, вынимает ожерелье и ждет следующего подходящего момента. Целестина вторично выходит из спальни. И что же? Шкатулка молниеносно возвращается на свое место. Представьте, что для этого вполне хватило тех немногих секунд! Я знаю, Гастингс, что вы готовы обрушить на меня лавину вопросов. Например, как могли преступники строить свои расчеты на том, что француженка выйдет на короткое время из спальни? Или откуда взялась подделка? И еще, и еще... Не так ли?

Мне оставалось только утвердительно кивнуть головой.

— Конечно, не все детали похищения уже выявлены. Во всяком случае, несомненно, что кража готовилась весьма тщательно — ведь супруги Опэлсен живут в отеле почти месяц. За это время были изучены повадки Целестины, которая хоть на несколько секунд, но выходила из комнаты во время уборки. Хватило времени и для того, чтобы подготовить подделку. Но вернемся к ходу событий.

Пуаро самодовольно огляделся и продолжал:

— Мадам Опэлсен неожиданно возвращается и обнаруживает пропажу. Надежда на то, что исчезновение ожерелья будет установлено не сразу, рухнула. Тут и вступил в действие запасной вариант, заранее подготовленный преступниками,— подделка из стекла, которую белокурая девица запрятала во время уборки в постель камеристки. Эта выдумка преследовала цель: хотя бы на время отвести подозрения и позволить им незаметно скрыться.

— Но, Пуаро, зачем вы ездили в Лондон? — не вытерпел я.

— Помните картонную карточку?

— Разумеется. Может быть, я временами бываю просто туп, но я все-таки не могу взять в толк, зачем вам понадобились эти манипуляции! Для отвода глаз?

— О, это был маленький трюк,— рассмеялся детектив.— Вы, должно быть, обратили внимание, как был удивлен коридорный — он тоже ни о чем не догадался. А между тем, милейший Гастингс, карточек было две, и были это не просто куски картона — они послужили мне для получения отпечатков пальцев. А дальше все элементарно просто: я еду в Лондон, обращаюсь к нашему старому приятелю инспектору Джеппу из Скотланд Ярда с просьбой сверить отпечатки с дактилоскопической картотекой. И вот результат: отпечатки принадлежат двум разыскивае-

мым преступникам, специализирующимся на хищении драгоценностей. Джепп сегодня утром приехал вместе со мной в Брайтон и арестовал эту парочку, уже готовую улепетнуть. Подлинное ожерелье оказалось у коридорного. Несмотря на то, что эти двое еще сравнительно молоды, в ловкости и хитроумности им не откажешь. Хотя и они допустили ряд оплошностей.

— В чем же?

— Мой дорогой, это была неплохая мысль — по поддельным рекомендациям устроиться в первоклассный отель, где в разгар сезона так много богатых постояльцев. Однако им следовало не лениться и более усердно выполнять свои обязанности. Ведь они совершенно не убирали в соседнем номере. Кстати, это номер был заказан неким джентльменом, который так и не прибыл... Я надеюсь, что Джепп выяснит, кто этот джентльмен. Но! Леность коридорного привела к тому, что я смог обнаружить след шкатулки на покрытом пылью маленьком столике. Помните, Гастингс?

— Конечно! — вскричал я, мысленно отметив, что все же не лишен наблюдательности.

— И все-таки, заметив этот прямоугольник, я еще не был уверен в правоте своей гипотезы. Я все еще сомневался...

Наступила пауза.

— А как же Целестина? Она уже вернулась?

Миссис Опэлсен поджала губы и стала смотреть куда-то в сторону. Ее супруг тоже надулся и хранил молчание. А Пуаро лишь пожал плечами и слегка качнул головой. Может быть, я совершил какую-то бестактность?..

— И все же мой жемчуг нашелся! — вдруг проговорила миссис Опэлсен и снова заулыбалась. Разговор о камеристке больше не возобновлялся.

— Я дьявольски голоден,— вспомнил я.— Пожалуй, стоит пойти поужинать.

Пуаро присоединился ко мне.

— Вы снова снискали лавры,— сказал я по дороге в ресторан.

— Ничего подобного,— ответил он бесшабашно.— Я ведь здесь не более, чем иностранец. Поэтому славу поделят Джепп и местный инспектор.

— А...— открыл я было рот, но Пуаро жестом руки остановил меня.

— А что касается меня, то я тоже не в накладе,— он показал на карман.— Чек на солидную сумму от страховой компании, которой бы во много раз больше пришлось заплатить в случае исчезновения ожерелья!

— Эти деньги я честно заработал,— продолжал великий детектив.— Так что, mon ami, наш нынешний уик-энд мы провели не так, как планировали. Но не беда! Как вы посмотрите, мой милый Гастингс, если мы приедем сюда еще раз, в следующую субботу? За мой счет.

Перевод с английского В. Рощаховского

Тарзан и его звери

ЭДГАР
БЕРРОУЗ

уральский следопыт
1991
9

Эдгар Берроуз

ТАРЗАН И ЕГО ЗВЕРИ

Художник Е. Ю. КРУТСКИХ

Свердловск
1991

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

I

Ловушка

— Все это дело покрыто какой-то тайной,— сказал д'Арно.— Я знаю из достоверных источников, что ни полиция, ни агенты генерального штаба не имеют ни малейшего представления о том, как ему удалось это сделать. Они знают только одно — то же самое, что и мы: Николай Роков бежал...

Джон Клейтон, лорд Грэйсток — тот, который был прежде известен под именем «Тарзана из обезьяньего племени», сидел молча в гостях у своего друга, лейтенанта Поля д'Арно, в Париже и созерцал носок своего безукоризненно вычищенного ботинка.

Лорд был погружен в размышления: Николай Роков, его злейший враг, был приговорен к пожизненному заключению на основании свидетельских показаний Тарзана-обезьяны. И вот, оказывается, он бежал из французской военной тюрьмы.

Тарзан вспомнил о бесчисленных покушениях Рокова на его жизнь. Ну, теперь Роков покажет себя! Теперь он ни перед чем не остановится, лишь бы отомстить Тарзану за свое заточение.

Тарзан недавно привез жену и маленького сына в Лондон, так как в Африке, где они до этого жили, начинался дождливый период, чрезвычайно вредный для здоровья.

После этого он поспешил в Париж — навестить своего старого друга д'Арно. Известие о побеге Рокова отравило радость встречи, и он уже подумывал о немедленном возвращении в Лондон.

— Я не за себя боюсь, Поль!— сказал он после долгого молчания.— Из всех столкновений с Роковым я всегда выходил победителем. Теперь мне прихо-

дится думать о других. Я знаю этого человека; я уверен, что он захочет нанести удар не мне лично, а моей жене или маленькому Джеку. Он прекрасно знает, что для меня этот удар будет больнее всего. Нет, Поль, я должен немедленно вернуться в Лондон.

В то время, когда в Париже происходил этот разговор, два субъекта подозрительного вида беседовали в невзрачном домишке на глухой окраине Лондона. Их мрачные, жестокие лица обличали в них иностранцев. Один из них смуглый, бородатый мужчина; у другого бледное, изможденное лицо, какое бывает после долгого заключения в тюрьме. Говорил последний:

— Ты должен тоже непременно, как я, остричь бороду, Алексей, иначе он тебя сразу узнает. Мы расстанемся здесь, а когда встретимся на палубе «Кинкэда», надо надеяться, с нами будут еще два почетных гостя. Они, конечно, и не подозревают о том приятном путешествии, которое мы для них придумали.

Через два часа я буду с одним из них в Дувре, а завтра вечером, если ты будешь следовать моим указаниям, ты приведешь с собой второго, при условии, конечно, если он вернется в Лондон так скоро, как я предполагаю. Я уверен, что наши усилия увенчаются успехом и мы из этого извлечем большую выгоду. Благодаря глупости французских властей, скрывших на несколько дней факт моего побега, я имел возможность разработать каждую деталь нашего плана так тщательно, что ничто не может помешать его выполнению. Ну, а теперь до свидания, Алексей, желаю успеха.

Три часа спустя почтальон поднимался по лестнице, ведущей в квартиру Поля д'Арно.

— Телеграмма для лорда Грэйстока,— сказал он лакею, вышедшему на звонок.— Он здесь?

Лакей ответил утвердительно и, расписавшись в получении телеграммы, отнес ее Тарзану, который был занят приготовлением к отъезду в Лондон.

Тарзан вскрыл телеграмму. Лицо мгновенно покрылось смертельной бледностью.

— Прочтите, Поль!— сказал он, протягивая телеграмму д'Арно.— Уже началось!

Д'Арно прочел следующее:

«Джек украден при участии нового лакея. Возвращайся немедленно.

Джен».

...Когда Тарзан взбежал на ступеньки своего Лондонского дома, он был встречен в дверях женой. Джен Клейтон мужественно переносила несчастье: ни одна слеза не показалась на ее глазах, и только маленькие руки сжимались от негодования.

Она торопливо рассказала все, что знала о похищении мальчика.

Няня вывезла ребенка в коляске на утреннюю прогулку и катала его перед домом, по солнечной стороне. Закрытый таксомотор подъехал к углу дома. Няня не обратила на это особого внимания; она заметила только, что из автомобиля никто не вышел и что мотор продолжал работать, как будто шофер поджидал седока из дома, перед которым остановился.

Почти немедленно вслед за этим новый лакей Грэйстоков, Карл, выбежал к няне, крича, что барыня требует ее немедленно к себе и что маленького Джека она может оставить на его попечение. Это не возбудило в няне никакого подозрения; она направилась к дому и уже дошла до крыльца, как ей пришло в голову предупредить лакея, чтобы он не поворачивал коляски, иначе солнце будет бить ребенку в глаза. Она обернулась, чтобы крикнуть ему об этом, и с изумлением увидела, что Карл быстро катит коляску к углу дома. В ту же минуту открылась дверца таксомотора и в ней на мгновение мелькнуло чье-то смуглое лицо. Почувствовав, что Джеку угрожает опасность, няня с криком бросилась к автомобилю, но Карл успел вскочить в него с ребенком и захлопнуть за собой дверцу. Шофер двинул рычаг, чтобы дать ход. Мотор что-то забарахлил; шоферу пришлось дать машине задний ход. Благодаря этому замешательству няня успела добежать до автомобиля и вскочить на подножку.

С громкими криками о помощи няня всеми силами старалась выхватить ребенка из рук похитителей, но напрасно. Автомобиль помчался вперед, увозя с собой и ее. Вися на подножке, она цеплялась за дверцу и с отчаянием продолжала звать на помощь, все еще не теряя надежды спасти маленького Джека. Карл сильным ударом кулака сбросил ее на мостовую.

Вот все, что леди Грэйсток могла рассказать мужу. Она не понимала, кому понадобилось похитить ее маленького Джека, пока Тарзан не сообщил ей о том, что Роков бежал из тюрьмы.

В то время, как Тарзан с женой обсуждали, что им предпринять для спасения сына, раздался звонок телефона. Тарзан быстро подошел к аппарату.

— Лорд Грэйсток?— спросил мужской голос.

— Да.

— Вашего сына похитили,— говорил торопливо незнакомый голос,— и только я могу помочь вам вернуть его. Я хорошо осведомлен о планах похитителей, так как, должен признаться, сам принимал участие в деле. Я должен был получить свою долю награды, но вижу, что меня собираются оставить в дураках. Но я не дам себя провести, я покажу им свои когти! Послушайте, лорд, я хочу помочь вернуть вам вашего сына, но с условием, что вы не будете преследовать меня за соучастие в похищении. Идет?

— Если вы в самом деле укажете мне, где находится мой сын,— отвечал Тарзан,— вам нечего опасаться. Больше того, я вас щедро награжу, если при вашей помощи верну мальчика.

— Хорошо,— ответил голос,— я назначу вам место встречи, но имейте в виду, что вы должны прийти один. Достаточно того, что я доверяюсь вашему слову; доверять другим я не буду.

— Когда и где мы встретимся?— спросил нетерпеливо Тарзан.

Таинственный голос назвал харчевню в Дуврском порту, представлявшую излюбленное место моряков.

— Вы должны прийти туда около десяти часов вечера. Не стоит приходить раньше: ваш сын будет до тех пор в безопасности. Когда мы встретимся, я провожу тайком к тому месту, где он спрятан. Но предупреждаю еще раз: вы должны явиться один и не пытаться вмешивать полицию; я хорошо знаю вас в лицо и буду следить за каждым вашим шагом. Если кто-либо будет сопровождать вас или я замечу поблизости переодетых агентов полиции, ваша единственная надежда вернуть сына будет потеряна.

Не дожидаясь ответа, незнакомец повесил трубку.

Тарзан передал содержание разговора своей жене. Джен просила позволить ей сопровождать его, но тот наотрез отказался, боясь, что незнакомец, увидав лишнего человека, приведет свою угрозу в исполнение.

Нежно простившись с женой, Тарзан поспешил в Дувр. Джен осталась дома. Никто из них не знал и

не предчувствовал того, что им предстояло пережить, прежде чем они снова увидят друг друга...

* * *

Прошло минут десять после отъезда Тарзана. Джен Клейтон не могла найти себе места: тревожно шагала она взад и вперед по мягким коврам кабинета. Ее материнское сердце разрывалось на части от волнения. Она старалась себя уверить, что все окончится благополучно, но ее угнетало какое-то тяжелое предчувствие...

Чем больше думала она обо всем случившемся, тем с большим ужасом убеждалась, что разговор по телефону был ловким маневром со стороны похитителей,— быть может, для того, чтобы подольше удержать родителей в бездеятельности, пока преступники успеют увезти мальчика из Англии. А может быть, это была ловушка, задуманная коварным Роковым для пленения Тарзана?

— Да, это несомненно так!— воскликнула она в ужасе.— Боже праведный, как мы были слепы!— Джен бросила взгляд на большие часы, стоявшие в углу кабинета.

Часы бесстрастно свидетельствовали, что поезд, на котором должен был уехать Тарзан, уже отошел. Но через час отправлялся другой, которым она могла добраться до Дувра. Вызвав прислугу и шофера, Джен отдала необходимые распоряжения. Десять минут спустя автомобиль уносил ее по шумным и людным улицам Лондона к вокзалу.

* * *

В три четверти десятого Тарзан подходил к грязной харчевне на Дуврской набережной. Когда он вошел в эту зловонную трущобу, какая-то фигура, закутанная в плащ, проскользнула мимо него к выходу.

— Следуйте за мной, лорд!— шепнул ему властно незнакомец. Тарзан молча повернулся и пошел за ним. Выйдя из харчевни, незнакомец повел Тарзана по мрачным, неосвещенным улицам по направлению к пристани, утопавшей во мгле среди высоко нагроможденных тюков, ящиков и бочек. Здесь он внезапно остановился.

— Где мой мальчик?— спросил Тарзан, не понимая, куда ведет его незнакомец.

— Вон там на пароходе. Его огни видны отсюда!— отвечал тот мрачно.

Тарзан напрасно силился различить в темноте черты своего спутника. Если бы лорд Грэйсток знал, что его проводником был не кто иной, как Алексей Павло́вич, он догадался бы сразу, что грозная опасность нависла над его жизнью.

— Вашего сына сейчас никто не стережет!— продолжал Павлович.— Похитители уверены, что они в безопасности. На борту «Кинкэда» нет никого, если не считать двух человек команды, которых я снабдил достаточным количеством джина, чтобы мы могли считать их неопасными на несколько часов. Мы можем без всякого риска пробраться на пароход, взять ребенка и вернуться с ним на берег.

Тарзан кивнул головой в знак согласия.

Спутник его направился к небольшой шлюпке, стоявшей у пристани. Они вошли в нее, и Павлович торопливыми взмахами весел направил лодку к пароходу. Казалось бы, густой черный дым, вырывавшийся из трубы парохода, должен был навести Тарзана на подозрения, на мысль о ловушке, но он ничего не замечал... Он был весь поглощен мыслью об опасности, угрожавшей его маленькому Джеку.

С борта парохода свешивалась веревочная лестница, оба быстро взобрались по ней на палубу. Спутник Тарзана увлек его к люку.

— Мальчик здесь,— таинственно сказал он, оглядываясь по сторонам.— Знаете что? Лучше вам одному спуститься вниз, а то, пожалуй, он испугается, закричит и разбудит матросов. Тогда все пропало. Я же останусь здесь, постерегу на всякий случай.

Тарзан был так угнетен, что не обратил внимания на странную тишину, царившую на палубе «Кинкэда»: кругом не видно было ни души, несмотря на то, что пароход стоял под парами. По густым клубам дыма, с искрами вылетавшими из трубы, можно было заключить, что пароход готов к отплытию. Но все это совершенно ускользнуло от внимания Тарзана...

Думая лишь о том, что через минуту он прижмет своего любимого сына к груди, Тарзан начал спускаться по крутой лестнице в трюм...

Но едва он очутился внизу, как тяжелая крышка люка предательски захлопнулась. И только тогда, в это роковое мгновение, лорд Грэйсток понял, что сделался жертвой злодейского умысла! Он не только не освободил сына, но и сам попал в западню своего заклятого врага. Но было уже поздно.

Тарзан бросился к крышке люка, стараясь приподнять ее своими могучими плечами, но все усилия были тщетны... Он зажег спичку и начал исследовать помещение. Маленькая каморка, куда он попал, была отделена перегородкой от главной части трюма; крышка над головой — единственный выход из этой тюрьмы. Стало очевидно, что помещение приготовлено специально для него. Если Джек и находился на борту этого парохода, то, во всяком случае, где-то в другом месте...

* * *

Все свое детство и юность, со дня рождения до двадцатилетнего возраста, Тарзан провел в диких африканских джунглях, не подозревая даже, что он человек, так как ему ни разу не пришлось встретить человеческого существа. Он получил воспитание среди человекообразных обезьян. От них он усвоил нравы и привычки. Жизнь в диких первобытных лесах, среди тысячи опасностей, развила в нем сверхчеловеческую силу и ловкость, за что прозвали его впоследствии «человеком-обезьяной».

В самый впечатлительный период жизни он научился переживать радости и печали один, не делясь ни с кем — так же, как поступают свободные звери джунглей.

Поэтому и теперь он не выражал своего отчаяния ни слезами, ни безрассудным буйством, а терпеливо ждал дальнейших событий. В то же время он не оставался бездеятельным, голова его непрерывно работала над изысканием способов выбраться из темницы. Он тщательно осмотрел помещение, ощупал толстые доски, из которых были сколочены стены, измерил расстояние от пола до крышки.

Внезапно до его слуха донеслись перебои вращающегося винта парохода; все задрожало от пущенной в ход машины. Пароход отчаливает. Куда его увозят и какая судьба ожидает?

Едва Тарзан задал себе этот вопрос, как услышал звук, покрывший собою грохот машины. От этого звука кровь застыла в жилах. С палубы ясно донесся пронзительный женский крик, крик отчаяния и ужаса...

II

Брошен на необитаемый остров!

Когда Тарзан и его спутник скрылись в вечерней мгле, в темном узком переулке появилась фигура стройной женщины. Лицо ее было покрыто густой вуалью. Она шла очень быстро, почти бежала. У входа в харчевню женщина на минуту остановилась, огляделась по сторонам, а затем решительно вошла в грязный притон.

Десятка два подвыпивших и подозрительных субъектов удивленно взглянули на нее — слишком необычно было видеть в этой забегаловке прилично одетую даму.

Торопливыми шагами дама подошла к стоявшей за прилавком буфетчице, которая оглядела странную гостью с ног до головы — не то с завистью, не то с неприязнью.

— Скажите, пожалуйста, не заходил ли сюда высокий господин?— спросила дама.— Он должен был встретиться здесь с одним человеком.

Буфетчица ответила утвердительно, но не могла указать направления, по которому ушли эти двое. Один из матросов, стоявших неподалеку, вмешался в разговор: он вспомнил, что у входа в харчевню только что столкнулся с двумя мужчинами, направлявшимися к гавани.

— Проведите меня туда, я хорошо заплачу,— воскликнула женщина, сунув моряку в руку золотую монету.

Тот не заставил себя долго упрашивать и, выйдя из харчевни, повел женщину в гавань.

Добравшись до набережной, они увидели на некотором расстоянии от берега небольшую шлюпку, которая быстро удалялась по направлению к ближайшему пароходу.

— Вот они!— воскликнул матрос.

— Десять фунтов стерлингов, если вы сейчас же найдете лодку и доставите меня на пароход!— ска-

зала женщина, вглядываясь в две мужские фигуры на шлюпке.

— В таком случае надо поторопиться,— отвечал расторопный моряк.— Пароход уже три часа под парами и каждую минуту может отчалить.

Он поспешно направился к пристани. Женщина не отставала от него. У причала была привязана шлюпка, тихо колыхавшаяся на волнах. Сесть в нее и отчалить было делом одной минуты. Моряк взялся за весла, и они бесшумно поплыли к пароходу.

Через несколько минут моряк подтянул лодку к борту парохода и потребовал обещанной платы; женщина, не считая, сунула ему в руку пачку кредитных билетов, и беглый взгляд, брошенный матросом на деньги, убедил его, что труд щедро вознагражден. Он вежливо помог женщине взобраться по веревочной лестнице на палубу, а сам остался около парохода, надеясь, что щедрая дама пожелает вернуться на берег.

Но в этот момент раздался шум машины, пущенной в ход, и грохот цепей; на «Кинкэде» подымали якорь. Минуту спустя вода забурлила под ударами винта, и матрос увидел, что пароход медленно поворачивается к выходу из гавани.

Едва он взялся за весла, чтобы плыть к берегу, как с палубы парохода донесся отчаянный женский крик, затем неясный шум борьбы.

— Черт возьми!— проворчал матрос с негодованием.— Работу перебили! Не дали воспользоваться случаем!

...Взобравшись на пароход, Джен Клейтон нашла палубу совершенно пустой. С минуту она стояла озадаченная. Где искать сына и мужа? Джен заметила большую каюту, наполовину возвышавшуюся над палубой, и смело бросилась туда. Сердце ее тревожно билось, когда она спускалась по узкой крутой лестнице. Она очутилась в длинном узком коридоре, по обе стороны которого находились каюты, по-видимому, принадлежащие команде парохода. Она пробежала по всему коридору, останавливаясь у каждой двери и стараясь уловить какой-нибудь звук.

Зловещее молчание царило повсюду... У Джен стала кружиться голова, и ее испуганному воображению казалось, что биение ее сердца наполняет громовым грохотом все судно.

Она принялась осторожно приоткрывать одну дверь за другой; каюты были пусты. Мысли начинали путаться в голове бедной Джен. Где ей еще искать? Охваченная все возрастающей тревогой за сына и мужа, она даже не почувствовала, как начал подрагивать корпус судна от машины, пущенной в ход.

Еще одна каюта оставалась необследованной. Она приоткрыла дверь, навстречу ей выскочил смуглый мужчина. Грубо схватив за руку, он втащил ее в комнату. Перепуганная неожиданным насилием, Джен Клейтон закричала, в ту же минуту человек крепко зажал ей рот.

— Когда отойдем от берега, дорогая моя,— сказал он,— можете кричать, сколько вашей душе будет угодно, а пока...

Леди Грэйсток обернулась, чтобы взглянуть на мужчину, и с ужасом отпрянула; она узнала ненавистные черты человека, подлость которого ей не раз пришлось испытывать на себе.

— Николай Роков!— прошептала она, содрогаясь.

— Ваш покорный слуга и поклонник!— отвечал Роков, отвешивая низкий поклон.

— Мой сын? Где мой сын?— застонала она, не замечая его насмешливого тона.— Умоляю вас, отдайте мне сына, Роков, ведь в вас должна оставаться хоть капля жалости. Скажите, ради бога, где он? Если в вашей груди бьется сердце, не мучьте меня больше, отведите к моему ребенку.

— Вы должны беспрекословно повиноваться моим приказаниям, и тогда с ним ничего дурного не случится,— желчно проговорил Роков.— Вам не мешало бы помнить, сударыня, что вас никто не приглашал на судно, и, что бы ни случилось, извольте пенять на себя.

Он повернулся к ней спиной и быстро вышел из каюты, заперев за собою дверь на ключ.

После этого Джен не пришлось его видеть в течение нескольких дней.

Дело в том, что Роков был плохим мореплавателем и не выносил морской качки, и когда в первый же день поднялась большая волна, он свалился на койку в сильнейшем приступе морской болезни.

Единственным посетителем леди Грэйсток был грязный швед, повар с «Кинкэда», который приносил ей пищу. Звали его Свен Андерсен. Это был тощий

верзила, с длинными рыжими усами, с желтым, болезненным цветом лица, с черными ногтями на грязных заскорузлых пальцах. Один его вид отбивал всякий аппетит у несчастной женщины, когда ей приносили в каюту пищу.

Маленькие бесцветные глаза повара как-то странно бегали в узких щелках; во всей его наружности, в жестах, кошачьей походке сквозили скрытность и смутное коварство. Засаленная веревка служила ему поясом; на поясе висел отвратительно грязный передник, а за поясом торчала рукоятка длинного ножа, и это усиливало то отталкивающее впечатление, которое внушал сей субъект. Хотя нож являлся несомненной принадлежностью его профессии, Джен не могла, тем не менее, отделаться от мысли, что это оружие при малейшем поводе с ее стороны могло быть пущено в ход совсем не для кулинарных целей.

Повар обращался с леди Грэйсток с угрюмой молчаливостью; она же, напротив того, встречала его приветливой улыбкой и не забывала благодарить за принесенную пищу; хотя большею частью выплескивала содержимое котелка в иллюминатор каюты.

В первые дни своего заточения,— ужасные дни тревоги и одиночества,— два вопроса неотступно сверлили ей мозг: жив ли муж и где ее ребенок? Что-то подсказывало ей в глубине души, что сын находится тут же, на пароходе. Но сохранили ли злодеи жизнь Тарзана? Самые мрачные предчувствия терзали ее...

Леди Грэйсток знала, какую непримиримую, животную ненависть питал Роков к ее мужу и с каким вожделением он думал о мести. Яснее всего, что злодей заманил Тарзана на пароход только затем, чтобы навсегда покончить со своим врагом.

Тарзан в это время лежал в грязном трюме, не подозревая, что его жена находится так близко от него. Тот же долговязый швед, который навещал Джен, приносил ему пищу. Тарзан несколько раз пытался втянуть его в разговор, но все усилия оставались бесплодными. Бестолковый верзила на все вопросы отвечал, варварски коверкая английский язык, неизменной фразой: «Я тумай, ветер скоро туть сильно». Тарзану волей-неволей пришлось отказаться от дальнейших попыток завязать с ним беседу.

Так прошло несколько недель. Несчастным плен-

никам они показались месяцами. В каком направлении шел пароход, куда их везли и что впереди ожидало? Вопросы оставались без ответа...

За все время плавания «Кинкэд» остановился только однажды, очевидно, затем, чтобы погрузить уголь; затем пароход продолжил путь, и несчастным, тоскующим заключенным казалось, что этому плаванию не будет конца.

Однажды к Джен Клейтон явился Роков. Это был первый его визит с тех пор, как он запер ее в маленькой каюте,— весь желтый, осунувшийся после долгой морской болезни.

Войдя в каюту, Роков запер за собою дверь и немедленно приступил к делу: без лишних околичностей он предложил леди Грэйсток выписать на его имя чек на довольно крупную сумму, заявив при этом, что она не откажет ему в такой пустяковой просьбе, взамен чего изъявил согласие гарантировать неприкосновенность и свободу.

Джен серьезно выслушала его.

— Я согласна, мосье Роков,— сказала она.— Я выплачу вам сумму вдвое больше этой, но при единственном условии: вы высадите меня с мужем и сыном в какой-нибудь цивилизованной стране.

— Вы мне дадите чек сейчас же!— сказал Роков угрожающим тоном.— Иначе ни вам, ни вашему мужу, ни ребенку больше не придется увидеть землю.

— Поступайте как вам угодно, я чека не подпишу!— твердо сказала леди Грэйсток.— Какая у меня гарантия, что вы, получив чек, не поступите с нами так, как вам заблагорассудится?

— Итак, вы отказываетесь исполнить мое требование?— желчно проговорил Роков, поворачиваясь к двери.— Ладно, пусть будет по-вашему; но помните, что жизнь вашего сына в моих руках, и если вы услышите его предсмертные стоны, знайте, что ваше упрямство и скупость — причина его смерти.

— Нет, нет, только не это!— воскликнула несчастная мать.— Вы не будете, вы не можете быть до такой степени жестоким!

— Не я жесток, а вы, сударыня!— возразил Роков спокойно.— Пустячной суммой денег вы можете спасти своему ребенку жизнь.

Разговор, как и следовало ожидать, окончился тем,

что Джен Клейтон выписала чек. Роков покинул каюту с торжествующей улыбкой.

На другой день после этого разговора Тарзан услыхал над своей головой шаги, а затем скрип открываемой крышки.

Он взглянул вверх и увидел просунувшуюся в светлое отверстие люка гнусную физиономию Павловича.

— Ну, вылезайте!— скомандовал тот.— Имейте в виду, что при малейшей попытке напасть на меня или на кого другого вы будете пристрелены, как бешеная собака.

Человек-обезьяна, не говоря ни слова, по-звериному легко выпрыгнул на палубу. Он быстро оглянулся вокруг, щуря глаза от яркого дневного света. На почтительном расстоянии от него толпилось около десятка матросов, вооруженных винтовками и револьверами. Перед ним стоял Павлович.

Тарзан продолжал оглядываться, ища глазами Рокова, он не сомневался, что его враг должен быть на пароходе. Но, к его удивлению, Рокова не было видно.

— Лорд Грэйсток!— торжественно обратился к нему Павлович.— В течение последних двух лет вы изволили беспрерывно совать нос в дела мистера Рокова, которые вас совершенно не касались. Вполне естественно поэтому, что моему другу пришлось принять меры для ограждения себя от вашего непрошеного вмешательства, и вам остается обвинять себя в тех несчастьях, которые обрушились на вашу семью. С другой стороны, вы не можете не понять, что такая экспедиция обошлась Рокову в немалую сумму денег, а так как вы являетесь единственным ее виновником, то он, естественно, ожидает от вас покрытия всех расходов. Я заявляю вам, лорд Грэйсток, что, только удовлетворив справедливые требования мистера Рокова, вы можете оградить свою жену и ребенка от весьма неприятных последствий, а также сохранить свою жизнь и даже получить свободу.

— Сколько?— деловым тоном спросил Тарзан и добавил.— А каковы гарантии? У меня очень мало оснований доверять таким подлецам, как вы и мистер Роков.

Павловича передернуло при этих словах.

— Вы не в таких условиях, чтобы позволить себе бросать людям оскорбления,— сказал он, повышая го-

лос.— Доверьтесь моему слову, либо даю вам полную гарантию, что мы сумеем быстро расправиться с вами, если не подпишете чека. Мне доставило бы большое удовольствие отдать приказание этим молодцам пристрелить вас. И если мы сохраняем вам жизнь, то только потому, что ваша смерть не входит в наши планы.

— Ответьте только на один вопрос,— сказал Тарзан угрюмо.— Находится ли мой сын на этом пароходе или нет?

— Его здесь нет!— ответил Павлович.— Ваш сын в полной безопасности, но в другом месте. Если требования будут выполнены, его не тронут. Заупрямитесь — прикончим и вас, и ребенка. Подпись на чеке — гарантия жизни для вашего сына.

— Хорошо, я соглашаюсь,— сказал Тарзан после минуты раздумья.

Он хорошо понимал, что негодяи не остановятся перед исполнением своей угрозы. Было ясно, что, согласившись на их требования, он, быть может, сохранит жизнь ребенку. Но в то же время Тарзан ни минуты не сомневался, что, как только подпишет чек, его ждет смерть.

Сознание его было ясно, мысли уверенны и спокойны. Он твердо решил умереть с достоинством и бороться до последней минуты. Он постарается задать им перед смертью такой урок, какого они никогда не забудут, и уже наметил первой жертвой стоявшего перед ним Павловича. Он сожалел лишь, что не было на палубе Рокова.

Тарзан медленно вынул из кармана чековую книжку и автоматическое перо.

— Сколько?— спросил он спокойно.

Павлович назвал цифру со многими нулями. Тарзан еле удержался от улыбки: алчность субъектов переходила всякие границы. Сумма была значительно больше той, что значилась на его текущем счету, и, конечно же, такой чек не будет оплачен банком. Он сделал вид, что колеблется, и начал торговаться, но Павлович неумолимо стоял на своем. Тарзан сделал вид, что уступает нажиму, и подписал чек на требуемую сумму.

Когда он повернулся, чтобы передать Павловичу бумажку, не имевшую ровно никакой цены, он взглянул за борт «Кинкэда» и к величайшему изумлению увидел, что пароход находился вблизи какого-то бе-

рега. Почти к самой воде подходили густые тропические джунгли, а позади виднелись гористые склоны, покрытые лесом.

Павлович заметил, с каким напряженным интересом вглядывался Тарзан в расстилавшуюся перед ним местность.

— Здесь вам придется высадиться!— сказал он.

Тарзан с недоверием посмотрел на Павловича. Он не мог себе представить, что враги оставляют ему жизнь. Но, с другой стороны, зачем им его обманывать? Его мускулы, напрягшиеся для последней борьбы, постепенно разжимались.

Павлович взял написанный чек.

— А теперь извольте скинуть одежду,— сказал он лорду Грэйстоку.— Она вам здесь не понадобится.

Тарзан медлил. Павлович молча кивнул в сторону вооруженных матросов, тогда Тарзан начал медленно раздеваться.

Вслед за тем была спущена на воду шлюпка, Тарзана под сильной охраной отвезли на берег. Полчаса спустя матросы вернулись на палубу, и пароход тотчас двинулся в путь.

Тарзан стоял на узкой полосе отмели, собираясь прочесть записку, переданную ему на берегу матросом. Вдруг до него донеслись крики с удалявшегося парохода, он невольно поднял голову и увидел на палубе человека, старавшегося обратить на себя его внимание.

То был Роков. С отвратительным хохотом он поднимал над головой ребенка...

У Тарзана помутилось в глазах; он инстинктивно бросился вперед, чтобы догнать пароход, но бессильно остановился у самой воды. Он стоял долго, не сводя глаз с «Кинкэда», пока очертания судна не скрылись за мысом.

Позади него на высоких ветвях деревьев пищали и ссорились мартышки; из глубины девственного леса доносился зловещий вой пантеры. Но Джон Клейтон, лорд Грэйсток, погруженный в свое горе, ничего не слышал, ничего не замечал вокруг себя.

Из чащи джунглей за его спиной высунулась отвратительная косматая морда; злые, налитые кровью глаза наблюдали из-под нависших бровей за новым пришельцем.

Тарзан продолжал стоять в оцепенении.

— Единственное утешение,— горестно думал он,— что Джен в безопасности, в Лондоне. Какое счастье, что она не попала в лапы мерзавцев.

Косматое чудовище между тем бесшумно подкрадывалось к нему.

Тарзан медленно разворачивал бумажку.

Куда же подевалось развитое чутье дикого человека-обезьяны? Где было его тонкое обоняние? Где был его острый слух, которому мог некогда позавидовать любой из обитателей джунглей?

III

Гроза джунглей

Тарзан развернул записку. Вначале он механически воспринимал написанное: его разум и чувства были притуплены горем. Но по мере чтения сознание возвращалось, и вся гнусность плана мести встала перед глазами.

Текст записки гласил:

«Вы найдете здесь подробное изложение моих намерений относительно Вас и Вашего сына.

Вы родились обезьяной, и Вам, по-видимому, всегда нравилось бродить голым по джунглям; мы Вас и возвращаем к той жизни, для которой Вы созданы и которая Вам по вкусу. Что же касается Вашего наследника, то мы, считаясь со всемирным законом эволюции, полагаем, что он должен по культурности стоять несколько выше своего отца.

Отец был человекообразным животным; сын займет следующую ступень в развитии. Он не будет голым зверем, живущим на деревьях в чаще джунглей; он будет ходить по земле на задних конечностях, носить передник и бронзовые браслеты, а может быть, и кольцо, продетое в нос. Мы сделаем из него почти человека, отдав на воспитание племени людоедов... Нам думается, что, способствуя такой естественной эволюции, мы вполне угодим сиятельному лорду-обезьяне...

Я мог бы Вас убить, лорд Грэйсток, но считаю такое наказание слишком мягким для своего злейшего врага. Будучи мертвым, Вы не чувствовали бы никаких мучений, никакой тревоги за участь своего ребенка. Нет, я оставлю Вам жизнь вместе с приятным созна-

нием, что судьба Вашего сына в моих руках; я надеюсь, что это сознание так украсит Вашу одинокую жизнь, что смерть покажется приятнее всего на свете...

В этом мое мщение, лорд Грэйсток, за то, что Вы осмелились поднять руку против нижеподписавшегося

Н. Р.

В программу моей мести входят также и некоторые сюрпризы, ожидающие Вашу уважаемую супругу, но догадываться о них я предоставлю Вашему воображению».

Едва он закончил чтение записки, как легкий шорох за спиной заставил быстро обернуться. Перед ним стояла во весь рост громадная обезьяна-самец, готовая к схватке. Чувство самосохранения мгновенно пробудило в Тарзане все его прежние инстинкты, воспитанные джунглями.

Два года, протекшие с тех пор, как Тарзан покинул африканский берег, не ослабили в нем той необычайной физической силы, которая сделала его некогда непобедимым властелином джунглей. Напротив, ему часто приходилось упражнять и развивать свою силу и ловкость,— правда, в более мирной обстановке, в его обширных владениях в области Вазири.

Мышцы Тарзана мгновенно напряглись: он бесстрастно готовился встретить зверя, голый и безоружный, хотя рассудок подсказывал всю нелепость борьбы с косматым гигантом. Но другого выхода не было — нужно принимать неравный бой, пользуясь теми орудиями защиты, которыми наделила его природа, и постараться возможно дороже отдать свою жизнь.

Взглянув на опушку леса, Тарзан заметил за спиной обезьяны еще целую дюжину таких же страшных человекоподобных; это его, однако, нисколько не устрашило: он хорошо знал нравы антропоидов, никогда не нападавших стаями; их слабо развитые умственные способности, к счастью, не умеют оценить преимущества общего нападения на врага; иначе, благодаря своей необычайной силе и могучим клыкам, они давно бы сделались господствующими животными в джунглях.

С глухим гортанным рычанием зверь бросился на Тарзана, но человек не растерялся: за время своего пребывания среди цивилизованных людей он научился многим приемам борьбы, не знакомым обитателям джунглей.

В прежнее время он ответил бы на грубое нападение грубой силой; теперь же он сделал легкий шаг в сторону и, когда зверь со всего размаху пролетел мимо, Тарзан, с ловкостью лучшего боксера Англии, нанес ему сильный удар в область живота.

Обезьяна взвыла от ужасной боли и, скрючившись, упала наземь, но тотчас же готова была подняться. Однако человек предупредил ее: повернувшись быстрее молнии, он с диким криком бросился на антропоида. Его крепкие зубы яростно впились в горло зверя, чтобы перекусить сонную артерию. Мускулистыми руками Тарзан наносил страшные удары по голове обезьяны. Могучий самец потрясал воздух криками боли и ярости, и морда его покрылась кровавой пеной.

Племя обезьян, расположившееся вокруг, с видимым удовольствием следило за борьбой. Животные что-то бормотали и издавали глухие звуки одобрения, когда боровшиеся вырывали друг у друга куски мяса и клочья шерсти. Вдруг они застыли от удивления: белая обезьяна вскочила их царю на спину и, продев свои могучие лапы под мышки противника, с огромной силой нажала сплетенными кистями на шейные позвонки. Царь обезьян взвыл от боли и как сноп повалился в густую траву джунглей.

В годы своей дикой жизни, несколько лет тому назад, Тарзан во время борьбы с исполинской обезьяной, Теркозом, случайно применил этот прием борьбы цивилизованных людей — «двойной нельсон». Как и тогда, этот прием решил исход борьбы.

Небольшая кучка зрителей — свирепых антропоидов — услыхала звук хрустнувших позвонков, страшный вой их вождя и его предсмертное хрипенье.

Маленькие быстрые глазки зрителей перебегали с неподвижного тела их предводителя на белую обезьяну, которая теперь поднялась во весь рост, поставила ногу на шею сраженного противника и, откинув голову назад, испустила дикий пронзительный вой — победный крик обезьяны-самца. Тогда только они сообразили, что царь их убит.

Мартышки на верхушках деревьев внезапно оборвали свою болтовню, замолкли звонкие голоса ярко-свекающих птиц, и только издали доносилось глухое рычание льва.

Это был прежний Тарзан: он окинул испытующим

взором кучу обезьян, стоявших вокруг него, и потряс головой, чтобы откинуть густую копну волос, спадающую ему на лицо,— старая привычка, оставшаяся с того времени, когда черные волосы свешивались на плечи и часто спадали на глаза.

Человек-обезьяна знал, что теперь он может ежеминутно ожидать нападения со стороны сильнейшего самца племени, чувствующего себя способным занять место царя. В то же время ему был отлично известен закон обезьян, согласно которому кто угодно, хотя бы и совершенно чужой, мог взять на себя предводительство над племенем, если он победил вожака. Ему оставалось только пожелать, и он стал бы царем этого племени, как был им некогда, в годы раннеи юности.

Но Тарзан знал по опыту, какие неприятные обязанности налагает положение предводителя и как оно стесняет свободу; он готов был поэтому отказаться от своих привилегий, полагая, что в этом случае вопрос о первенстве будет решаться единоборством сильнейших представителей племени.

Эти мысли промелькнули в голове Тарзана в течение одной минуты. Он не успел опомниться после своей победы над врагом, как к нему медленно приблизился крупный молодой самец. Сквозь его обнаженные боевые клыки раздавалось глухое ворчание.

Тарзан следил за каждым движением нового противника, стоя неподвижно, как истукан. Сделай он шаг назад или вперед, он только ускорил бы этим нападение.

Когда внимание обезьяны бывает привлечено каким-нибудь неизвестным ей животным, она обычно подходит совсем близко к предмету своего любопытства, грозно при этом ворчит и скалит клыки, покрытые пеной, а затем медленно обходит его кругом. Так поступила и эта обезьяна.

Самец с налитыми кровью глазами начал ходить вокруг Тарзана. Тарзан поворачивался также медленно, оставаясь лицом к лицу со зверем, не сводя глаз с противника.

Он заметил, что зверь ростом выше сажени и удивительно хорошо сложен, хотя ноги короткие, слегка согнутые. Длинные волосатые руки почти достигали земли, когда самец стоял, выпрямившись во весь рост, а боевые клыки необычайно длинны и остры.

Этот экземпляр был совершенно не похож на тех обезьян, среди которых вырос Тарзан.

Тарзан увидел, что имеет дело совершенно с другой породой. В нем проснулось любопытство: не сходно ли их наречие с языком племени Керчака. Он обратился к зверю на языке своего детства.

— Кто ты такой?— глухо спросил он.— Как ты смеешь угрожать Тарзану из обезьяньего племени?

Косматый противник посмотрел на него с удивлением и любопытством:

— Я — Акут!— ответ прозвучал на первобытном языке, совершенно схожем с родным наречием Тарзана.

Тарзан молчал.

— Я — Акут!— говорил самец с ворчанием:— Молак убит. Акут теперь — царь. Ступай прочь, или я убью тебя!

— Ты видел, как Тарзан убил Молака,— отвечал человек-обезьяна,— он мог бы так же легко убить и тебя, если бы захотел стать царем. Но Тарзану не нужна власть. Он хочеть жить в мире в этой стране. Тарзан из обезьяньего племени может быть полезным для вас, а вы — полезным Тарзану.

— Ты не можешь убить Акута. Если бы ты не убил Молака, Акут сделал бы это сам. Акут будем царем!

Вместо ответа человек-обезьяна одним прыжком бросился на громадного зверя, ослабившего во время разговора свою бдительность. В мгновение ока он схватил кисть Акута и, не дав ему времени опомниться, вспрыгнул на его широкую спину.

Оба повалились на землю, но Тарзан хорошо рассчитал свое падение: прежде чем они коснулись земли, человек успел добиться такого же положения рук, какое сломило шею Молака.

Медленно и неумолимо усиливал он нажим на шею противника... Еще минута — и захрустят позвонки под его могучими руками. Но тут человек-обезьяна вспомнил. как некогда дал возможность Теркозу сдаться; вот и на этот раз он решил предложить Акуту выбор между жизнью и смертью.

— Ка-года?— прошептал он на ухо зверю, бессильно бившемуся под ним. Это был тот же вопрос, который он задал некогда Теркозу, и на языке обезьян это означало: «Сдаешься?»

Акут вспомнил хрустящий звук, раздавшийся перед тем, как переломилась могучая шея Молака, и содрогнулся. Сильнейшему в племени все же не хотелось лишиться прав вождя; он сделал еще одну отчаянную попытку вырваться из цепких объятий противника, но новый сильный нажим на его позвоночник вырвал едва слышный ответ: «Ка-года».

Тарзан ослабил немного свою хватку, но все еще не выпускал противника из своих могучих рук.

— Ты станешь царем, Акут!— проговорил он.— Если кто-то будет оспаривать это право, Тарзан из обезьяньего племени поможет Акуту.

Тарзан выпустил самца, и тот медленно поднялся на ноги. Потряхивая огромной головой и сердито ворча, он пошел вперевалку к своему племени. Акут испытующе посмотрел на одного, потом на другого из самых крупных самцов, чтобы убедиться: не оспаривает ли кто-нибудь его первенство.

Самцы боязливо отошли в сторону, когда он приблизился — Акут был признан царем.

Через несколько минут племя двинулось в джунгли, оставив Тарзана в одиночестве на берегу моря.

Раны, нанесенные Молаком, причиняли лорду-обезьяне сильную боль, но он привык к физическим страданиям и переносил их с терпеливостью диких зверей джунглей.

Тарзан подумал о том, что прежде всего ему необходимо обзавестись оружием для защиты и нападения. Первая встреча с обезьянами и доносившийся дикий рев Нумы и пантеры Шиты были достаточным предупреждением, что ему предостояло не самое безмятежное существование.

Предстояло возвращение к прежней жизни, полной опасностей и кровавых столкновений, возвращение к жестокой борьбе за выживание: отныне опять либо он будет охотиться за кем-нибудь, либо кто-нибудь будет охотиться за ним. Он знал, что каждую минуту, днем и ночью, человек может оказаться лакомой приманкой для хищника и что рано или поздно попадет кому-нибудь на обед. Это почти неизбежно случится, если он не раздобудет оружие, которое можно противопоставить клыкам и когтям своих врагов. И Тарзан не медля ни минуты отправился на поиски.

На берегу моря ему удалось найти каменную глы-

бу вулканического происхождения. После долгих усилий он сумел отколоть продолговатый кусок длиной дюймов в двенадцать и в четверть дюйма толщиной, один край которого был слегка заострен. Для начала этот осколок мог заменить ему нож.

С этим примитивным оружием Тарзан отправился в джунгли на поиски особой, знакомой ему породы крепкого дерева. Он скоро нашел одно такое упавшее дерево, срезал с него небольшой прямой сучок и заострил палочку с одного конца с помощью только что сделанного ножа.

После этого он выдолбил в стволе лежавшего дерева небольшое чашеобразное углубление, в которое насыпал мелко накрошенную сухую кору. Сев затем верхом на ствол, он, вставив заостренный конец палочки в углубление, принялся быстро вращать прут между ладонями.

Через несколько минут показался дымок, а затем и пламя. Собрав сухих веток и положив их на огонь, Тарзан развел большой костер, в пламя которого положил свой каменный нож, а сам отправился к морю, чтобы зачерпнуть немного воды.

Когда он вернулся, камень был накален докрасна. Тарзан вынул его и брызнул на него водой неподалеку от края. Несколько крупинок откололись от песчаной поверхности камня. Тарзан снова сунул камень в огонь и снова капнул на него водою. Он повторял эту кропотливую операцию множество раз, и в конце концов его примитивный охотничий нож стал довольно острым.

Тарзан испытал большое удовлетворение, когда ему удалось заострить каменный клинок на протяжении нескольких дюймов. Он тут же срезал длинный гибкий прут для лука, рукоятку для своего ножа, крепкую дубину и несколько стрел.

Все это имущество он спрятал в дупле высокого дерева, близ небольшого ручейка. На верхних ветвях устроил небольшую горизонтальную площадку для сна, а несколько выше — крышу из пальмовых листьев.

Занятый своей работой, Тарзан не заметил, что наступили сумерки и что он сильно проголодался.

Еще раньше он обратил внимание на протоптанную неподалеку от его нового жилища тропу, которая вела к ручью. По многочисленным следам видно было, что

ее проторили животные, спускаясь к водопою. К этому-то месту и направился, перебираясь с дерева на дерево, голодный Тарзан.

Он лазил по верхним ветвям деревьев с ловкостью обезьяны и, если бы его не угнетало тяжелое чувство при воспоминании о недавних событиях, он был бы вполне счастлив. Его грудь наполнилась диким ощущением свободы, его память невольно обращалась к радостным картинам детства.

К нему вновь возвращались инстинкты прежней жизни, которая в действительности была ему ближе, чем культурная жизнь с ее привычками, приобретенными им за последние два года общения с людьми. О, если бы его приятели — чопорные сэры палаты лордов — могли видеть, как он прыгает по деревьям!

Тарзан лег на нижнюю ветку высокого дерева, свешивавшуюся над тропой, и стал вглядываться в сторону джунглей, откуда должно появиться животное, обреченное ему на ужин.

Человеку не пришлось долго ждать. Едва он удобно устроился, поджав ноги под себя, как заметил грациозную лань Бару, медленно направлявшуюся к водопою.

Тонкое чутье сразу подсказало Тарзану, что Бара была не одна: какой-то хищник преследовал стройное животное, не подозревавшее об опасности. Тарзан не мог определить, кто именно подкрадывался к лани из глубины джунглей, но было ясно, что это крупный хищник, выслеживающий Бару с той же целью, что и он сам; вероятнее всего, лев Нума или пантера Шита.

Очевидно, какой-то звук или шорох предупредили лань об опасности; она на мгновение остановилась, а затем быстрыми прыжками понеслась прямо к ручью, чтобы, перебежав через него, спастись на противоположном берегу.

Из чащи джунглей на расстоянии сотни шагов от мчавшейся лани вдруг вынырнула темная фигура льва Нумы. Тарзан ясно видел своего соперника. Бара должна была пробежать под деревом, на котором сидел человек-обезьяна. Сможет ли он вырвать у льва его добычу? Но раньше, чем голодный человек ответил сам себе на этот вопрос, он спрыгнул с ветки на спину перепуганной лани.

Еще минута — и Нума мог получить сразу две

добычи, и если Тарзан хотел сегодня поужинать, он должен был действовать с быстротой молнии.

Тарзан схватил лань за рога и молниеносным движением скрутил ей шею так, что позвоночник хрустнул. Затем перебросил добычу через плечо и вскочил на ближайшую ветку.

Лев приближался гигантскими прыжками, рыча от ярости при виде ускользнувшей от него добычи. Тарзан схватился обеими руками за ветку повыше, и в ту минуту, когда Нума прыгнула кверху за ним, человек со своей добычей был вне досягаемости.

Ошеломленный этой неслыханной дерзостью, лев упал на землю, а Тарзан, устроившись поудобнее на безопасном месте, стал гримасами и криками дразнить разъяренного зверя. Лев яростно бил себя по бедрам своим жестким хвостом и втягивал ноздрями запах перехваченной у него добычи.

Своим новым ножом Тарзан отрезал сочный кусок от задней части лани, и в то время, как лев с рычаньем ходил под деревом взад и вперед, лорд Грэйсток с жадностью рвал зубами теплое мясо с дымящейся кровью. Ни одно изысканное блюдо в самом шикарном лондонском ресторане не казалось ему таким вкусным.

Кровь перепачкала ему лицо. От мяса шел острый запах, столь привлекательный для хищных зверей.

Насытившись вдоволь, Тарзан наткнул остатки мяса на острые сучья дерева, а затем отправился по верхним ветвям к своей площадке. Нума, горевший жаждой мести, продолжал следить за ним снизу.

Добравшись до площадки на верхушке дерева, Тарзан лег и заснул глубоким сном. Проснулся он лишь на следующее утро, когда солнце стояло уже высоко.

IV
Шита

Все последующие дни Тарзан был занят совершенствованием своего оружия и исследованием джунглей. Он сделал тетиву для лука из сухожилий лани, которая послужила ему ужином в первый день пребывания на необитаемом острове. Он предпочел бы для тетивы жилу Шиты, но это приходилось отложить до более удобного случая.

Он свил также длинную веревку из сухой травы, наподобие той, которой много лет тому назад дразнил злого Тублата и которая впоследствии сделалась в ловких руках мальчика-обезьяны замечательным арканом. Он смастерил также ножны и рукоятку для своего охотничьего ножа и колчан для стрел, а из кожи Бару вырезал кушак и передник для бедер.

Затем Тарзан отправился на исследование незнакомой местности. Он сразу определил, что это не был родной ему западный берег Африки, так как в этой местности солнце вставало со стороны моря. Но это не мог быть и восточный берег Африки, так как он был убежден, что «Кинкэд» не проходил через Средиземное море, Суэцкий канал и Красное море, а для того, чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды, потребовалось бы значительно больше времени. Человек-обезьяна терялся в догадках: куда его закинула судьба?

Ему было пришло в голову, что пароход пересек Атлантический океан и высадил его на диком берегу Южной Америки, но присутствие льва с несомненностью доказывало, что это не так.

Одиноко бродя по джунглям вдоль побережья, Тарзан чувствовал сильное желание иметь около себя какое-нибудь живое существо и начинал жалеть, что не остался в стаде обезьян. Ему не пришлось их больше видеть после той первой встречи, когда он победил Молака. Теперь он почти совершенно обратился в прежнего Тарзана и, хотя сознавал, как мало общего между ним и большими антропоидами, все же предпочел бы их общество полному одиночеству.

Во время своих скитаний он питался попадавшимися ему плодами и крупными насекомыми, которых находил в трухлявых, гниющих деревьях. Насекомые казались ему таким же лакомым блюдом, как и в счастливое время детства.

Когда он прошел милю или две, ноздри уловили отчетливый запах пантеры Шиты, доносившийся к нему поверху. Тарзан был рад предстоящей встрече. Он надеялся получить не только крепкую жилу для тетивы своего лука, но и красивую шкуру, чтобы смастерить новый колчан и передник.

Перед этим Тарзан шел спокойно и беззаботно, теперь он пригнулся к земле и стал красться ползком, чутко прислушиваясь к малейшему шороху. Легко и не-

слышно скользил человек-обезьяна сквозь чащу леса, выслеживая дикую кошку. Теперь он был, несмотря на человеческое происхождение, такой же дикий и свирепый зверь, как и тот, за которым охотился.

Приблизившись к Шите, Тарзан сразу заметил, что пантера, со своей стороны, тоже кого-то выслеживает, и в тот же момент порыв ветра донес запах больших обезьян.

Подкравшись совсем близко к обезьянам, пантера вспрыгнула на дерево; Тарзан подошел еще ближе и увидел племя Акута, расположившееся на небольшой лужайке. Иные обезьяны дремали, прислонившись к пням, другие бродили около поваленных деревьев, обдирая кожу и лакомясь вкусными гусеницами и жуками.

Сам Акут был всего в нескольких шагах от Шиты.

Большая кошка лежала, пригнувшись, на толстом суке, скрытая от глаз обезьяны густой листвой. Она терпеливо выжидала, когда антропоид приблизится к ней на расстояние прыжка.

Тарзан бесшумно занял позицию на том же дереве, немного выше пантеры. В левой руке он сжимал новый охотничий нож. Он предпочел бы применить аркан, но листва, окружавшая зверя, мешала пустить его в ход.

Акут тем временем подошел совсем близко к дереву, где его подстерегала смерть. Шита медленно подтянула под себя задние лапы и со страшным ревом бросилась на обезьяну. Но одним мгновением ранее другой хищный зверь прыгнул сверху, и его боевой клич смешался с ревом пантеры.

При этом ужасном звуке Акут поднял голову и увидел падавшую прямо на него пантеру, а на ее спине белую обезьяну, ту самую, которая победила его несколько дней назад.

Зубы человека-обезьяна вонзились Шите в горло, его правая рука обвила могучую шею зверя, а левая наносила каменным ножом сильные удары в бок, под левое плечо.

Акут с быстротой молнии отскочил в сторону, чтобы не очутиться под боровшимися, и в ту же секунду они шумно упали на землю у его ног. Шита оглашала лес диким ревом и визгом, но белая обезьяна неутомимо добивала свою жертву.

Глубоко в тело пантеры вонзился безжалостный

каменный нож, и с воем смертельной боли большая кошка упала на бок; после нескольких судорожных подергиваний пантера недвижно поникла на траве.

Тогда человек-обезьяна вскочил на тело убитого врага и поднял голову; снова пронесся по джунглям дикий победный крик.

Акут и другие обезьяны стояли пораженные, глядя то на мертвое тело Шиты, то на гибкую фигуру человека, который победил в смертельном поединке.

Тарзан заговорил первый. Он спас жизнь Акута с определенной целью и, зная, как ограничены умственные способности у обезьян, счел нужным объяснить им свою мысль.

— Я — Тарзан из обезьяньего племени,— начал он,— я великий охотник, могучий борец. В бою с Акутом я подарил ему жизнь, хотя мог ее отнять и сделаться царем. Теперь я спас Акута от смерти, от когтей кровожадной Шиты. Тарзан — друг племени Акута; если Акут или кто-либо другой из его племени будет в опасности, пусть позовет Тарзана вот таким криком!

И Тарзан издал пронзительный звук, которым племя Керчака при приближении опасности созывало своих членов.

— И если вы услышите, что так же кричит где-либо Тарзан,— продолжил он,— вспомните, что он для вас сделал, и поспешите ему на помощь. Сделаете ли вы так, как говорит Тарзан?

— Хух!— ответил Акут. Остальные самцы его племени подтвердили обещание единодушным «хух!».

Затем, как будто ничего не случилось, они спокойно вернулись к своим ленивым занятиям на лужайке и к ним присоединился Джон Клейтон, лорд Грэйсток.

Он скоро заметил, что Акут все время старался держаться около него и какое-то новое странное выражение появлялось в маленьких глазках самца, когда он кидал взор на Тарзана. Один раз Акут сделал то, чего Тарзану не приходилось ни разу наблюдать за всю свою жизнь среди обезьян: Акут нашел особенно вкусное насекомое и передал его человеку.

Позднее, в часы, когда стадо охотилось, в гуще коричневых волосатых тел всегда выделялось светлым пятном гладкое и чистое тело Тарзана. Он шел с ними бок о бок и прикасался атласным телом к грубой щетине своих новых друзей; мало-помалу его присутствие

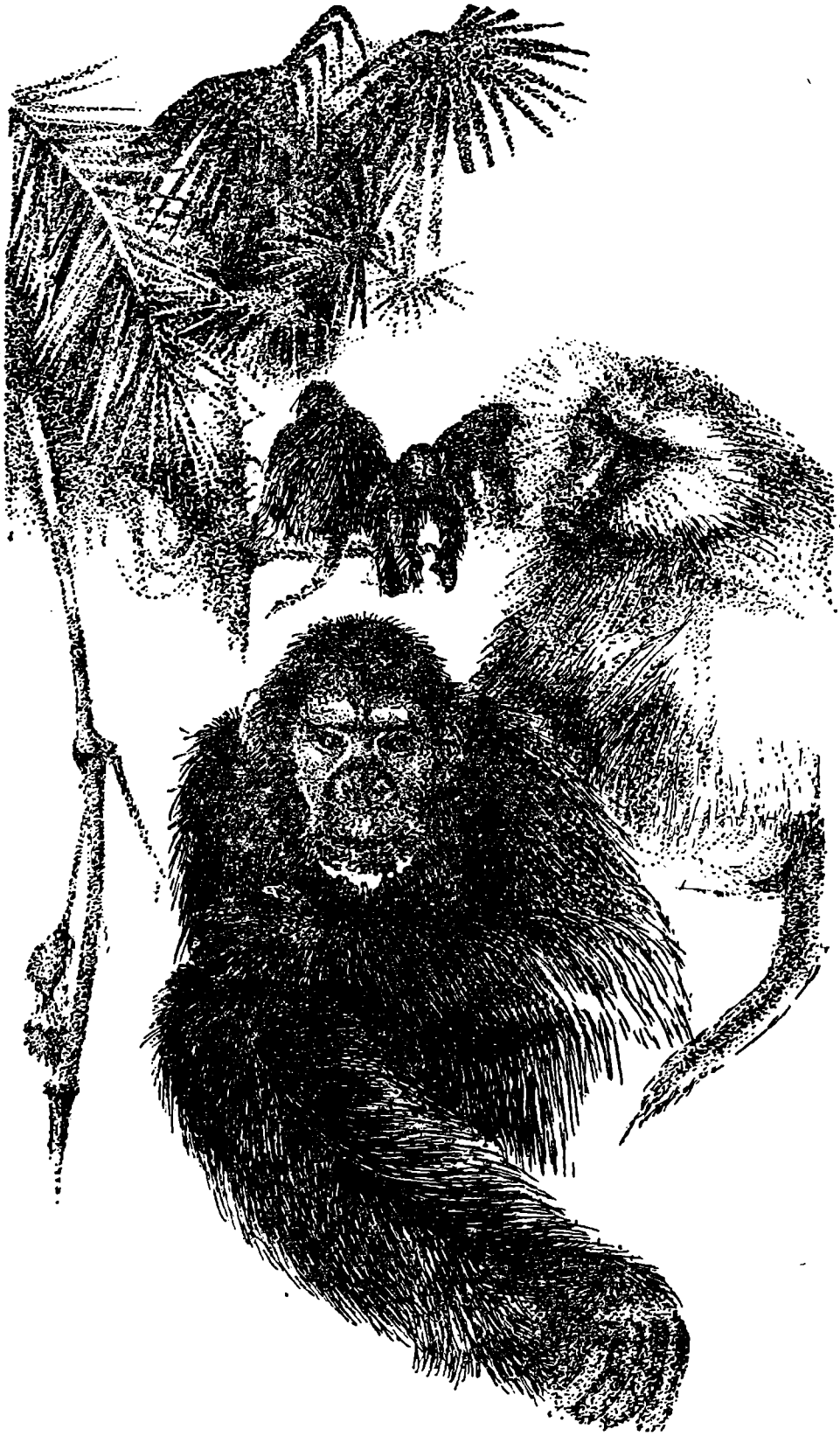
сделалось для них обычным, и антропоиды приняли Тарзана в свое племя как равного себе.

Если он случайно слишком близко подходил к самке, державшей детеныша, она оскаливала клыки и рычала на него. Рычал также, выражая неудовольствие, и молодой забияка-самец, в особенности если Тарзан приближался к нему, когда тот был занят едой. Но так же они рычали в подобных случаях и на других обезьян, и Тарзана это нисколько не обижало. Он быстро отскакивал в сторону от самки-матери, встревоженной за своего малыша, и сам рычал на ретивых молодых обезьян, оскаливая зубы не хуже их. Тарзан чувствовал себя в полной безопасности среди этих могучих и свирепых предков первобытного человека.

Пять или шесть дней он бродил по джунглям с новыми друзьями, отчасти чтобы не чувствовать так остро своего одиночества, но главным образом для того, чтобы обезьяны окончательно свыклись с его обществом и хорошенько запомнили. Это требовало немало времени, так как у обезьяны память в большинстве случаев очень короткая.

Из опыта прежней жизни Тарзан хорошо знал, какую пользу сумеет ему принести племя могучих зверей в минуту опасности. Убедившись, что его образ достаточно запечатлелся в их памяти, человек-обезьяна решил на время отделиться от стада, чтобы продолжить исследования местности. Однажды рано утром он отправился в путь, держась недалеко от берега по направлению к северу. Целый день он подвигался вперед высоко над землею, перепрыгивая с дерева на дерево, и только с наступлением сумерек отыскал удобное дупло, где и устроился на ночь.

На следующее утро, когда взошло солнце, человек-обезьяна с удивлением увидел, что оно встает из-за моря не прямо перед ним, как это было во все предыдущие дни, а с правой стороны. Из этого он заключил, что береговая линия сильно свернула к западу. Весь следующий день Тарзан продолжал путешествие вдоль побережья и к вечеру заметил, что солнце закатилось как раз против берега. Результаты исследования были теперь для него ясны,— он находился не на африканском материке, а на острове. Он выяснил также и то, что на острове нет никаких признаков присутствия человека.



Обо всем этом он мог бы догадаться уже в первый день из записки Рокова; ведь в том и заключалось ужасная месть его жестокого врага, чтобы оставить Тарзана на всю жизнь на необитаемом острове...

Тарзан продолжал припоминать детали этого дьявольского плана мести: сам Роков, без сомнения, отправился к африканскому берегу, чтобы отдать маленького Джека на воспитание диким кровожадным людоедам...

Тарзан содрогнулся при мысли о тех ужасных мучениях, которые ожидали его нежного мальчика. Даже в самом лучшем случае, если бы он попал к дикарям, наделенным чувством человечности, и если бы они привязались к маленькому беспомощному существу,— даже и тогда его жизнь была бы далеко не сладкой. Тарзан достаточно хорошо знал жизнь африканских дикарей: это была сплошная цепь жестоких лишений и опасностей, постоянной угрозы смерти и бесконечных страданий. В этих суровых условиях борьбы за существование те из дикарей, которые отличались и человечностью, обладали чувством жалости при виде чужого горя,— именно они, как наименее приспособленные, терпели больше всего невзгод.

А какая ужасная судьба ожидает ребенка, когда он станет взрослым? Ведь те инстинкты и склонности, которые воспитает в нем племя каннибалов, навсегда вырвут у него возможность общения с культурными людьми.

Людоед! Его маленький сын превратится в людоеда! Эта страшная мысль стальным буравом сверлила мозг лорда Грэйстока.

Подпиленные зубы, изуродованный, сплющенный нос, лицо, изрезанное безобразной татуировкой! Несчастный отец переходил от глубокого отчаяния к взрывам бессильной ярости. О, если бы он мог почувствовать шею Рокова в своих цепких пальцах!

А Джен? Как она должна терзаться, бедняжка, от неизвестности и тревоги. Тарзану казалось, что она была даже в худшем положении, чем он; ведь он может быть спокоен, зная, по крайней мере, что одно из любимых им существ находится в безопасности у себя дома, а она томится в полном одиночестве, не имея ни малейшего представления, где ее сын и муж.

Это было поистине счастьем для лорда Грэйстока, что он не знал ничего о судьбе своей жены. Знай это,

он впал бы в такую глубину безысходного отчаяния, что нравственные мучения парализовали бы его энергию и он недолго мог бороться за свое безотрадное существование.

Углубленный в мрачные мысли, Тарзан медленно продвигался по джунглям. Внезапно его ухо уловило странный звук, похожий на царапанье когтей о дерево. Что бы это могло быть?

Осторожно ступая, он двинулся в направлении звука и вскоре открыл его причину: огромная пантера великолепного золотистого цвета как-то странно билась у упавшего дерева. При приближении Тарзана кошка обернулась и, оскалив зубы, грозно заворчала. Тарзан увидел, что она не могла выбраться из-под дерева: большой сук придавил ей обе лапы.

Человек-обезьяна стоял перед беззащитным животным. Попавшая в капкан пантера была обречена на смерть от голода или безжалостных зубов другого хищника; Тарзан высунул стрелу из колчана и уже натянул свой лук, чтобы ускорить ее смерть, но внезапная мысль остановила его.

Это так легко — оборвать жизнь несчастного животного в расцвете сил и красоты... Но это холодная, бездушная жестокость к отважному хищнику, попавшему в беду.

У Тарзана возникло острое желание поступить так, как он поступил, если бы стоял перед человеком, а именно: вернуть пантере жизнь и свободу. Он обошел вокруг дерева на почтительном расстоянии от хищника, держа свой лук наготове. Позвоночник был, несомненно, цел, передние лапы крепко ущемлены, но, возможно, они не сломаны.

Тарзан положил стрелу обратно в колчан, перекинул лук через плечо и подошел ближе; он начал мурлыкать, как мурлыкают кошки, когда они чем-то довольны. Это было самое приветливое обращение, которое Тарзан мог произнести на языке Шиты.

Пантера тотчас же перестала ворчать и с каким-то странным выражением глубоких зеленых глаз посмотрела на человека-обезьяну, как бы прося помочь ей. Чтобы приподнять громадное дерево, нужно было подойти вплотную к пантере, сильно рискуя попасть в ее опасные объятия. Но Тарзану из племени обезьян чувство страха было незнакомо.

Без колебания подошел он к груде переплетенных сучьев, продолжая дружески мурлыкать. Шита повернула голову к Тарзану, продолжая смотреть в глаза умоляющим взором. Время от времени она, впрочем, оскаливала беззвучно свои страшные клыки, но скорее для предостережения, чем для угрозы.

Тарзан уперся плечом под ствол дерева; он касался ногой мягкой шелковистой шерсти пантеры, и ему было приятно это ласкающее прикосновение.

Медленно напрягал Тарзан свои могучие мышцы, и громадное дерево с переплетающимися ветвями постепенно приподнималось над землей. Почувствовав, что тяжесть, давившая на лапы, ослабевает, пантера отползла в сторону. Тарзан опустил дерево на землю и, освободившись от сети ветвей, встал во весь рост, сжимая рукоятку ножа.

Человек и пантера стояли друг против друга, и каждый ожидал, что сделает сейчас другой.

Тарзан хорошо знал, что, освобождая хищника джунглей, он не на шутку рисковал жизнью,— его нисколько не удивило бы, если огромная кошка, получив свободу, бросилась бы на него. Ведь она, наверное, была голодна.

Но этого не случилось. Пантера остановилась в нескольких шагах от дерева и спокойно следила за движениями человека.

Тарзан, стоя неподвижно в трех шагах от Шиты, решил, что в случае опасности прыгнет на ветви ближайшего дерева. Это будет спасением, так как пантеры не умеют лазить на деревьях так высоко, как человек-обезьяна. Но какой-то дух удальства заставил его подойти ближе к пантере; Тарзан словно желал убедиться, способен ли зверь на проявление черной неблагодарности к своему спасителю.

Когда человек приблизился, Шита осторожно и молчаливо отошла в сторону. Тарзан не остановился, он прошел мимо пантеры, едва не коснувшись ее влажной морды, а затем, не оборачиваясь, зашагал дальше. Пантера с минуту смотрела ему вслед, как будто о чем-то раздумывая, а затем медленно поплелась за ним, как собака, идущая по следам своего хозяина.

Шагая по лесу, Тарзан слышал, что пантера ступает за ним, но не мог решить, с дружескими ли намерениями или враждебными. Он представлял себя, что

пантера не хочет упустить лакомого куска и выслеживает добычу, чтобы наброситься на нее, как только почувствует в себе силы. Но вскоре он убедился, что это предположение неверно.

Уже смеркалось. Тарзан почувствовал голод. Он спрятался в густых ветвях дерева, держа наготове аркан. Шиты он не видел, по-видимому, пантера спряталась в зарослях, когда человек остановился.

Тарзану не пришлось долго ждать; через полчаса петля затянулась на шее бежавшей под деревом лани. Он быстро принялся сдирать шкуру с помощью ножа, а затем, вспомнив о своем четвероногом спутнике, решил разделить с ним трапезу. Он принялся мурлыкать так же, как утром, когда хотел успокоить опасения зверя, но немного громче и внушительнее.

Он не раз слышал, что именно подобное мурлыканье издают пантеры, охотящиеся парами, когда одна из них поймает добычу и хочет подозвать свою подругу. В ответ на призыв Тарзана раздался треск в кустах и из зарослей показалось гибкое золотистое туловище. Заметив убитую лань, пантера на минуту остановилась, раздувая ноздри и втягивая аппетитный запах свежей крови; затем, издав пронзительный визг, побежала на зов человека, и оба, расположившись рядом на траве, принялись насыщаться свежим мясом.

Несколько дней бродила эта странная пара в джунглях. Когда одному из них удавалось поймать добычу, он подзывал другого, чтобы разделить ее с ним; охотясь таким образом, они доставали себе обильную пищу.

Однажды после удачной охоты новые друзья расположились под деревом и закусывали мясом вепря; острый запах крови привлек внимание льва Нумы. Неслышно подкравшись, он внезапно выскочил из чащи переплетающихся лиан и с яростным ревом бросился вперед, чтобы, пользуясь правом царя зверей, отогнать своих слабых подданных от вкусной добычи. Увидев раздраженного льва, Шита прыгнула в кусты, а Тарзан проворно вскарабкался на дерево. Нума медленно принялся раздирать когтями добычу и проглатывать ее огромными кусками, а в это время человек-обезьяна устроился на ветке, свесившейся над пирующим львом, и спокойно разворачивал свой аркан.

Выбрав момент, он ловко накинул петлю на шею Нумы. Затем, затянув ее резким движением, поднял

барахтавшегося льва кверху так, что только задние лапы животного касались земли. В то же время он не переставал звать Шиту.

Быстро прикрутив веревку к крепкому суку, он спрыгнул на землю и набросился с ножом на пойманного льва с одной стороны, в то время как прибежавшая на зов пантера кинулась на него с другой.

Пантера рвала и терзала Нуму, а человек-обезьяна несколько раз всаживал ему в бок каменный нож, и раньше чем владыка зверей мог своими могучими клыками перегрызть веревку, тело его повисло беспомощно и неподвижно на суку.

И тогда победный клич человека-обезьяны слился с торжествующим ревом пантеры в один могучий крик, громовыми раскатами пронесшийся по джунглям.

Когда последнее эхо этого крика замерло в воздухе, к берегам необитаемого острова причаливали на длинной пироге два десятка чернокожих.

V
Мугамби

Исследовав береговую полосу острова и обойдя его вдоль и поперек во время своих многочисленных экскурсий в глубь девственного леса, Тарзан окончательно убедился в том, что является единственным человеческим существом на острове.

Нигде не нашел он ни малейшего признака хотя бы временного пребывания человека; впрочем, нельзя было с уверенностью сказать, что человеческая нога никогда здесь не ступала, так как Тарзан знал, как быстро роскошная тропическая растительность сглаживает всякие следы. В одном он был совершенно уверен — на острове никогда не существовало постоянных человеческих поселений.

На следующий день после столкновения с Нумой Тарзан, сопутствуемый по-прежнему Шитой, повстречался с племенем Акута. При виде пантеры обезьяны обратились в паническое бегство, и Тарзану стоило больших трудов успокоить и созвать их обратно.

Ему пришло в голову произвести опыт: примирить наследственных врагов. Уговорить антропоидов за-

ключить мир с Шитой оказалось, к его радости, делом нетрудным, несмотря на недостаток слов на обезьяньем языке. Но утвердить в мозгу злобной и ограниченной Шиты, что она должна охотиться вместе с обезьянами, а не на обезьян,— было задачей почти непосильной даже для человека-обезьяны.

Среди прочего оружия у Тарзана была длинная толстая дубина. Обвив аркан вокруг шеи пантеры, он с помощью этой дубины старался вдолбить в сознание ворчливой громадной кошки, что она не должна нападать на громадных косматых обезьян. Обезьяны, видя аркан на шее у своего врага, расхрабрились, подошли поближе и с удивлением смотрели на невиданное зрелище.

Обезьянам показалось необъяснимым, почему пантера Шита не набрасывалась на белую обезьяну. Но все объяснялось просто: когда пантера огрызалась и рычала, Тарзан ударял ее по носу, внушая таким образом страх и уважение к дубинке.

Труднее было объяснить привязанность, которую пантера питала к человеку-обезьяне. Вероятно, что-то подсознательное в этом примитивном разуме, подкрепленное к тому же еще вновь возникшей привычкой, заставляло ее подчиняться своему спасителю. К этому, конечно, присоединилась сила человеческого духа, имеющего всегда такое сильное влияние на существа низшего порядка. В результате все это складывалось в могущественный фактор, который доставил Тарзану господство над Шитой.

Настойчиво продолжая свой эксперимент, Тарзан добился в конце концов того, что человек, пантера и обезьяны бродили бок о бок по диким джунглям, охотясь сообща за добычей и деля ее между собой; эта разношерстная компания представляла собой как бы первобытную коммуну. И кто бы мог узнать в главном члене этой свирепой коммуны светского джентльмена, который всего несколько месяцев назад был желанным гостем модных лондонских салонов?

Иногда члены коммуны отделялись на некоторое время друг от друга, чтобы следовать свойственным каждому из них желаниям. Так, однажды Тарзан отправился бродить по берегу моря и прилег на песке погреться на солнышке. Он уже задремал, убаюканный мелодичными звуками прибоя, как вдруг из-за

невысокой горки ближнего леса показалась чья-то черная голова.

Пара глаз с удивлением смотрела на гигантскую фигуру белого человека, раскинувшегося на песке в лучах жаркого тропического солнца. Затем туземец обернулся назад, делая знаки кому-то стоящему позади. Через минуту уже две пары глаз наблюдали за человеком-обезьяной, затем еще и еще... Наконец, на фоне неба вырисовалось около двадцати фигур, которые начали красться к спящему, пригнувшись к земле. Это были чернокожие огромного роста, тела ярко разрисованы, а лица изрезаны татуировкой, что придавало им чрезвычайно свирепый вид. Странные головные уборы, металлические украшения на руках и ногах, длинные копья дополнили воинственный вид негров.

Лица черных воинов были обращены к ветру, так что запах не доносился до Тарзана. Лежа к ним спиной, он не мог видеть, как они перебрались через гребень мыса и затем бесшумно поползли по густой траве к песчаному берегу.

Душевные муки, постоянно терзающие человека-обезьяну, ослабили его обычную бдительность; дикари были уже совсем близко от него, когда Тарзан инстинктивно почувствовал опасность и проснулся.

Увидев, что белый их заметил, негры разом поднялись во весь рост и с поднятыми копьями бросились на свою добычу, издавая пронзительные боевые крики.

Тарзан мгновенно вышел из оцепенения; он вскочил на ноги и, схватив дубинку, принялся отражать неожиданное нападение. Первые ловкие удары сразили ближайших врагов. Окруженный со всех сторон, Тарзан продолжал отбиваться, нанося удары направо и налево с такой яростью и силой, что сразу выбил из строя человек семь и внес панику в ряды остальных.

Дикари немного отступили и стали о чем-то совещаться; человек-обезьяна стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и, улыбаясь, смотрел на них. Через минуту нападавшие выстроились полукругом и начали новую атаку. Тарзан почувствовал, что положение делается серьезным: теперь дикари были раздражены и мало-помалу приводили себя в исступление; они все быстрее и быстрее кружились вокруг человека-обезьяны в фантастической боевой пляске, потрясая тяже-

лыми копьями, издавая дикий протяжный вой и высоко подпрыгивая вверх.

Внезапная мысль осенила Тарзана; до сих пор он молчаливо и спокойно стоял в центре дикой пляски, непрерывно поворачиваясь, чтобы оставаться лицом к лицу с нападавшими. Вдруг он испустил пронзительный крик, который разом покрыл оглушительный боевой шум чернокожих; как пригвожденные к месту, дикари остановились и с недоумением посмотрели друг на друга. Этот звериный крик, до такой степени страшный, что кровь невольно холодела в жилах, не мог исходить из человеческого горла!

Немного оправившись от испуга, дикари принялись снова за боевую пляску и уже занесли было копья, чтобы броситься на врага, как внезапный шум в джунглях остановил их. Оглянувшись, они увидели картину, от одного вида которой застыла бы кровь и у более храбрых воинов, чем воины племени Вагамби.

Из чащи джунглей выпорхнула громадная пантера с оскаленной мордой и горящими глазами, за ней следовало десятка два больших косматых обезьян. Пантера бесшумно скользила, пригнувшись к траве, обезьяны бежали вприпрыжку на согнутых ногах, размахивая длинными руками и ударяя себя в грудь с глухим, злобным ворчанием.

Друзья Тарзана явились на его зов.

Раньше, чем чернокожие успели оправиться от испуга, странная орда набросилась на них с одной стороны, а Тарзан — с другой. Дикари с отчаянием защищались, и их копья поразили немало обезьян, но никакая человеческая сила не могла противостоять свирепому натиску зверей, опьяненных запахом свежей крови.

Страшные зубы и цепкие когти Шиты рвали и терзали черные тела; могучие клыки обезьян впивались в шейные артерии, а Тарзан из обезьяньего племени носился в гуще сражения, как бог войны, подбодряя и поощряя свое звериное воинство и поражая врагов длинным каменным ножом.

Схватка длилась недолго; чернокожие в паническом ужасе бросились в бегство, но и это не спасло им жизни, из двадцати человек лишь одному удалось избегнуть зубов разъяренных зверей. Это был рослый дикарь в ярком головном уборе и с причудливой татуи-

ровкой. Оставив свою банду насыщаться мясом убитых, Тарзан бросился по следам единственного чернокожего, оставшегося в живых. За холмами он увидел фигуру воина, который несся во весь опор по направлению к длинной пироге, лежавшей на песке у воды.

Бесшумно, как тень, бежал человек-обезьяна за чернокожим. При виде пироги он едва не вскрикнул от радости. Ведь на этой лодке он сумеет добраться до той земли, откуда явились воины. Если даже они приехали не с материка, а с острова, то ведь этот остров населен человеческими существами и, вероятнее всего, имеет сообщение с материком; а может быть,— кто знает?— это туземцы африканского побережья?

Тяжелая рука опустилась на плечо убегающего воина, даже и не подозревавшего, что его преследуют. Гот обернулся, чтобы броситься на преследователя, но железные пальцы сжали ему кисти. Белый человек повалил его на землю и уселся верхом.

Тарзан обратился к лежавшему под ним человеку на языке западного берега.

— Кто ты?

— Я — Мугамби, вождь племени Вагамби!

— Я оставлю тебе жизнь,— сказал Тарзан,— если ты обещаешь помочь мне выбраться с этого острова. Каков твой ответ?

— Я не могу помочь тебе,— ответил Мугамби.— Ты убил всех моих воинов, и мне самому теперь не выбраться с твоего проклятого острова. Нет в живых ни одного гребца, а без гребцов пирога мертва.

Тарзан встал и позволил пленнику подняться. Это был рослый и сильный человек, великолепного телосложения — черный двойник белого гиганта, стоявшего перед ним.

— Идем!— сказал человек-обезьяна и двинулся туда, откуда доносилось рычание и визг пирующей своры зверей. Но Мугамби стоял как вкопанный, и на лице его читался суеверный ужас.

— Они... набросятся на нас,— сказал он, запинаясь.

— Нет,— ответил Тарзан,— они мои.

Когда люди вышли из джунглей, глазам представилась ужасная картина кровавого пира, от которой волосы встали дыбом у черного вождя. При виде лю-

дей звери подняли головы с угрожающим ворчанием, но Тарзан бесстрашно приблизился к ним, таща за собой Мугамби, дрожавшего всем телом.

Антропоиды, впрочем, быстро успокоились, а вот пантера долго не могла понять, почему не имеет права обойтись с Мугамби так же, как она поступила с его воинами. Но кошка была сыта и только кружилась около чернокожего, издавая глухое рычание и не сводя с него сверкающих глаз.

Мугамби, полумертвый от страха, цеплялся за Тарзана, еле удерживавшегося от смеха при виде плачевного положения предводителя черного племени. Наконец Тарзан схватил пантеру за загривок, подтащил ее вплотную к Мугамби и принялся щелкать ее сильно по носу каждый раз, когда она начинала рычать на чернокожего.

При виде человека, справляющегося голыми руками с самым свирепым и кровожадным хищником джунглей, глаза Мугамби чуть не выскочили из орбит. Он готов был пасть ниц перед белым гигантом, который казался ему богом джунглей.

Дрессировка Шиты так быстро продвигалась вперед, что вскоре Мугамби перестал быть предметом ее внимания, и к вечеру он уже чувствовал себя в некоторой безопасности в ее обществе.

Несмотря на это, новая компания не пришлась, видимо, ему по душе, и чернокожий воин боязливо вращал белками каждый раз, когда тот или другой из звериной банды слишком близко подходил к нему.

Когда солнце уже закатилось, Тарзан, Мугамби, Шита и Акут легли в засаду у водопоя и скоро заметили приближавшуюся лань; когда по знаку, данному человеком-обезьяной, четверка разом бросилась на животное, Мугамби не без основания подумал, что бедная лань умерла от испуга раньше, чем ее коснулись охотники.

Добыча была тотчас же поделена примерно на равные доли, и дикарь развел костер, чтобы поджарить свою часть добычи; Тарзан же, Шита и Акут принялись поедать мясо в сыром виде, разрывая его острыми зубами и ворча друг на друга, если кто-либо завладевал чужим куском.

Едва ли нужно удивляться тому, что белый человек оказывался ближе к зверям, чем чернокожий дикарь.

Мы все рабы привычек, усвоенных воспитанием с детского возраста, и, когда отпадают внешние обстоятельства, заставляющие преодолевать их, мы легко возвращаемся вновь к тому, с чем сроднились и связаны неразрывными узами.

Мугамби от роду не ел сырого мяса, в то время как Тарзан до двадцати лет не пробовал жареной или вареной пищи и только последние три или четыре года приобщился к столу цивилизованных людей. Но не только привычка детства заставляла его предпочитать сырое мясо; нет, он находил, что вкус дичи в значительной мере портился от жарения и гораздо более любил сочное мясо свежеубитой, еще теплой добычи.

Представителям культурного человечества, конечно, внушило бы ужас и отвращение то, что Тарзан находил тонкий вкус в сыром мясе и считал лакомством каких-то гусениц. Но мне думается, если бы мы и с детства питались подобной пищей и привыкли бы видеть, что все окружающие едят то же, то чувствовали бы к лакомствам Тарзана не больше отвращения, чем чувствует к изысканным гастрономическим деликатесам африканский каннибал. Все дело здесь исключительно в привычке: близ озера Рудольфа, например, живет племя, которое не ест ни баранины, ни мяса крупного рогатого скота, в то время как у соседних племен это — обычная пища. Недалеко от них другое племя любит ослиное мясо, от одного вида которого ближайшие их соседи чувствуют тошноту.

Можно ли после этого принять как абсолютную истину, что устрицы и лягушачьи ножки вкусны, а гусеницы и жуки совершенно несъедобны, или что сырая устрица, проглоченная живьем, вызывает меньше отвращения, чем чистое нежное мясо свежеубитой лани?

* * *

В течение следующих дней Тарзан был занят одной мыслью: найти способ использовать пирогу, чтобы добраться до материка. Он делал попытки научить обезьян управлять веслами: несколько раз он сажал некоторых из них в легкую лодку и давал им уроки гребного искусства в бухте, защищенной каменной грядой, где море всегда относительно спокойно.

Дав обезьянам в руки весла, Тарзан объяснил им,

что они должны подражать его движениям. После двух-трех неудачных опытов стало ясно, что потребуются долгие недели терпеливой дрессировки, чтобы сделать из антропоидов первоклассных гребцов — так трудно обезьянам сосредоточиться на определенном деле и так быстро им надоедает однообразное занятие.

Впрочем, из всех антропоидов один составлял счастливое исключение — это был Акут. С самого начала он выказывал интерес к новому спорту. Казалось, он сразу понял назначение весел, что доказывало у нем более развитые умственные способности, чем у сородичей, и Тарзан старался на скудном языке обезьян дать понять ему, каким образом нужно управлять веслами.

Отчаявшись в возможности выучить обезьян грести, Тарзан решил приспособить пирогу под парус и принялся плести большое полотнище из древесного лыка.

Расспрашивая Мугамби, Тарзан узнал, что материк лежит сравнительно недалеко от острова. Чернокожий вождь рассказал, что страна племени Вагамби расположена в глубине материка, на верховьях реки Угамби, и никто из них не рискует бороздить на пирогах океан; на этот же раз его воины добрались до устья реки и отъехали слишком далеко от берега на своем суденышке. Захваченные отливом и сильным береговым ветром, они вскоре потеряли из виду землю. Дикари пробыли в открытом море целую ночь и не переставали грести, как им казалось, по направлению к родному берегу. Увидев при восходе солнца землю, они очень обрадовались, считая, что перед ними — материк. Только от Тарзана Мугамби узнал, что попал на остров.

Чернокожий вождь с опаской и недоверием смотрел на парус, который Тарзан смастерил из столь ненадежного материала; он находил, что плетение рассыплется при первом сильном порыве ветра.

Однако Тарзан надеялся, что если ветер будет ему благоприятствовать, он сумеет добраться до континента даже при малой затрате сил. Во всяком случае, полагал он, лучше погибнуть в открытом море, чем оставаться на этом пустынном островке без малейшей надежды когда-либо выбраться отсюда, так как ясно было, что остров не нанесен на морские карты.

В течение нескольких дней пирога была оснащена, на ней поставлен парус — и при первом же попутном

ветре она приняла на свой борт странный экипаж, какого никогда не бывало ни на одном судне в мире.

Экипаж составляли, не считая самого Тарзана, Мугамби, Акут, пантера Шита и дюжина громадных обезьян-самцов из племени Акута.

VI

Страшная команда

По узкому проливу между рифами медленно двигалась пирога. Тарзан, Мугамби и Акут сидели на веслах; воспользоваться парусом мешал высокий берег.

Шита лежала, свернувшись у ног Тарзана. Он решил держать дикого зверя подальше от других путешественников: малейшего повода было достаточно, чтобы Шита набросилась на кого-нибудь из них. Только на белого человека она смотрела с покорностью, как на своего господина.

Мугамби сидел на корме судна, напротив него скорчился на дне пироги Акут, а между Акутом и Тарзаном помещалось двенадцать волосатых антропоидов, подозрительно озиравшихся по сторонам и с вожделением смотревших на родной берег.

Все шло хорошо, пока лодка не вышла в открытое море. Но вот берег остался позади, ветер вырвался на простор, натянул с силою парус, и легкое судно понеслось по волнам, колыхаясь, как маленькая щепка. И чем дальше неслось оно в море, тем выше и выше вздымались волны.

В лодке началась паника. Волны и качка привели обезьян в ужас. Вначале они беспокойно оглядывались и вертелись, а потом начали визжать и реветь. С большим трудом Акут удерживал их в повиновении, но когда одна особенно сильная волна приподняла судно, обезьянами овладело такое отчаяние, что, вскочив на ноги, они чуть не опрокинули пирогу. Тарзану и Акуту еле-еле удалось успокоить их. С трудом, но обезьяны постепенно стали привыкать к качке.

Путешествие прошло без приключений, ветер был благоприятный, и после часового плавания Тарзан заметил темную полосу берега. Из-за ночной темноты нельзя было определить, где именно устье Угамби.

На всякий случай Тарзан решил причалить к ближайшему месту и там ждать рассвета.

Лодка толкнулась носом о песок, повернулась бортом к берегу и опрокинулась, вывалив всю команду. Волны прибоя окатывали людей и зверей, и лишь с большим трудом удалось добраться до берега.

Всю ночь обезьяны сидели в кучке, тесно прижавшись друг к другу, и старались согреться. Мугамби развел костер и лег около огня. Тарзан и Шита, мучимые голодом, отправились в ближайший лес за добычей.

Они не боялись ночной темноты и шли рядом друг с другом, когда тропа была достаточно широкой, или гуськом, когда она сужалась. Вскоре Тарзан почувствовал запах какого-то животного. Крадучись, подобрался он с Шитой к густой заросли камыша близ реки и увидел там крупную неподвижную темную фигуру. Это был огромный буйвол. Он спокойно дремал в самой чаще тростника.

Все ближе и ближе подползали человек и кошка к ничего не подозревавшему быку: Шита с правой стороны, Тарзан с левой. Они часто так охотились вместе, подбадривая изредка друг друга тихим мурлыканьем.

На мгновение охотники притаились, а затем, по сигналу Тарзана, Шита прыгнула буйволу на спину и вонзила острые зубы в шею. Животное с ревом вскочило, но Тарзан в ту же минуту несколько раз всадил буйволу под левое плечо свой каменный нож, цепляясь другой рукой за густую гриву. Бык бешено помчался в камыши, потащив его за собой. Шита мертвой хваткой вцепилась в горло животного, стараясь перегрызть шейную артерию.

Бык с ревом протащил обоих нападавших на него врагов на несколько саженей, но скоро в сердце ему вонзился нож, и буйвол с шумом упал на землю.

Тарзан и Шита освежевали быка, наелись до полного насыщения свежего мяса, а затем улеглись на отдых в чаще леса: голова человека покоилась мирным сном на золотистой шерсти пантеры.

Когда наступил рассвет, отважные охотники вернулись к берегу и повели остальных членов отряда к убитой вчера добыче.

Насытившись, звери заснули, а Тарзан и Мугамби отправились искать реку Угамби. Пройдя не более

пятидесяти саженей, они достигли широкого потока, и негр сразу признал в ней ту реку, по которой он со своими злополучными товарищами спустился к океану.

Тарзан остался доволен этим открытием. Он был уверен, что, следуя по большой реке, они встретят туземцев, а от них можно узнать что-либо о Рокове и о своем сыне. Он был убежден, что Роков не решится забраться далеко в глубь материка, а постарается как можно скорее избавиться от ребенка.

Тарзан и Мугамби сдвинули пирогу с берега и долго возились с ней, стараясь спустить ее в море,— мешал сильный прибой. После долгих усилий, наконец, удалось протащить пирогу через бурун на глубокое место и поплыть вдоль берега к устью Угамби. Сильное течение реки и наступивший отлив препятствовали войти в реку. Только после долгих усилий, держась самого берега, где течение было намного слабее, они смогли подняться вверх. Крепко привязав лодку к толстому суку, путники через джунгли дошли до своей стоянки. Все двенадцать обезьян были налицо, а вот Шиты нигде не было видно. Не вернулась она и к ночи. Тарзан решил, что пантера, повинуясь голосу инстинкта, бросила хозяина и отправилась на поиски себе подобных.

На следующий день рано утром Тарзан повел свою команду к реке. По дороге он несколько раз останавливался и пронзительно кричал. И вот издалека послышался ответный крик, и гибкая фигура Шиты выпрыгнула из кустов на берег как раз в ту минуту, когда Тарзан, Мугамби и звери осторожно влезли в лодку.

Мурлыкая, как котенок, большая пантера подошла к Тарзану и потерлась о него своими боками; затем по одному слову человека-обезьяны Шита легко прыгнула в пирогу и заняла свое прежнее место на носу судна.

Когда стали рассаживаться в лодке, оказалось, что исчезли две большие обезьяны. Акут и Тарзан кричали и звали их целый час. Но ответа не было, и лодка отплыла без них. Это были как раз те обезьяны, которые проявляли особый страх перед морским путешествием и наиболее беспокойно переносили качку. Поэтому Тарзан не без оснований решил, что они намеренно скрылись и умышленно не откликались на призывы.

Около полудня лодка пристала к берегу, и путники отправились искать пищу. В это время какой-то стройный голый дикарь выследил их из-за густой бере-

говой растительности и исчез раньше, чем кто-либо из зверей и людей его заметил.

Как быстроногий олень, понесся он по узкой тропинке вверх по реке и в страшном возбуждении примчался в туземный поселок. Завидев предводителя, который лежал у входа в свою круглую хижину, дикарь закричал:

— Другой белый человек пришел! Другой белый человек и с ним много воинов. Они приехали в большой военной пироге! Они убьют нас и ограбят, как это сделал чернобородый!

Кавири, предводитель чернокожих, вскочил на ноги. Он только недавно испытал много несчастий от белого человека, и его сердце было полно ненависти и злобы. В одну минуту загремел грохот боевых барабанов, созывая охотников из леса и пахарей с поля. Быстро были спущены семь боевых лодок. В них уселись воины с раскрашенными лицами и перьями на головах. Неуклюжие боевые суда, управляемые сильными мускулами лоснящихся черных рук, ощетинились длинными копьями и бесшумно заскользили по поверхности воды.

Кавири обладал даром полководца. Он не приказал бить в тамтам или трубить в рог. Бесшумно хотел он напасть со своими семью боевыми судами на лодку белого человека и победить врага численностью, раньше чем ружья последнего могли принести смерть его воинам.

Судно Кавири шло впереди других и, обогнув крутую извилину реки, почти лоб в лоб столкнулось с плывущей навстречу лодкой. Вождь успел только заметить белое лицо человека, сидящего на носу лодки. В следующее же мгновение суденышки столкнулись, чернокожие вскочили со своих мест, издавая угрожающие крики, потрясая длинными копьями.

Но минуту спустя, когда Кавири был уже в состоянии рассмотреть, какой командой управляется лодка белого человека, он отдал бы все свои бусы и украшения за возможность оставаться у себя в поселке или как можно дальше отсюда!

Едва, повторим, лодки столкнулись, как со дна пироги белого человека поднялись во весь рост страшные обезьяны Акута. С диким рычанием и лаем они в несколько мгновений своими длинными волосатыми руками выхватили копья из рук чернокожих. Воины Кави-

ри были объяты ужасом, но им не оставалось ничего другого, как защищаться.

В это время подоспели на помощь другие боевые суда. Они окружили лодку Тарзана, но, увидев, какой неприятель находится перед ними, все, кроме одной, повернули обратно и быстро поплыли вверх по реке. Тарзан кивнул Шите и Акуту, и те, не давая вновь прибывшим возможности отплыть, набросились на них с леденящими душу криками. На одном конце судна громадная пантера рвала людей на куски, брызжа кровью, на другой Акут впивался могучими клыками в горло воинов и выбрасывал одного за другим за борт.

Кавири был так поглощен отчаянной борьбой с «демонами», что не мог прийти на помощь воинам другой лодки. Гигантский «белый демон» выхватил из его руки копье с такой легкостью, будто он, могучий Кавири, был ребенком. Волосатые чудовища убивали его воинов, а чернокожий великан, подобный самому Кавири, будто сам был зверем.

Кавири храбро боролся со своим противником. Он знал, что смерть неизбежна, но хотел как можно дороже продать свою жизнь. Вскоре, однако, он убедился, что его сила ничтожна в сравнении со сверхчеловеческими мышцами и проворством противника.

Голова закружилась, все предметы завертелись перед глазами, он почувствовал сильную боль в груди и потерял сознание.

Когда вновь открыл глаза, то увидел, что лежит на дне собственной лодки. Руки и ноги были связаны. Большая пантера сидела рядом и пристально на него смотрела. Кавири содрогнулся и закрыл глаза, ожидая, что свирепый зверь вот-вот положит конец его существованию.

Но все было тихо. Спустя некоторое время Кавири снова решился открыть глаза. Рядом с пантерой теперь сидел белый человек — тот самый, что победил его. Он орудовал веслом. Далее Кавири увидел своих воинов, которые тоже гребли, а позади них сидели, скорчившись, волосатые обезьяны.

Заметив, что предводитель пришел в себя, Тарзан обратился к нему:

— Твои воины сказали, что ты вождь многочисленного племени и что твое имя Кавири.

— Да,— ответил чернокожий.

— Почему ты напал на меня? Я пришел с мирными намерениями...

— Другой белый человек тоже пришел «с мирными намерениями» три месяца назад,— ответил Кавири.— Мы принесли ему в подарок козу и молоко, а он стал стрелять из ружей и убил многих из моего племени, а затем ушел, забрав всех наших коз, а также много молодых мужчин и женщин.

— Я не такой, как тот белый человек,— сказал Тарзан.— Я не сделал бы вам никакого зла, если бы ты не напал на меня. Скажи мне, что это за человек? Я тоже ищу одного белого, который причинил мне много зла. Может быть, этот же самый?

— У него было нехорошее лицо с большой черной бородой, и он был очень, очень злой. Да, очень злой!

— Не было ли с ним маленького белого мальчика? — спросил Тарзан, и сердце у него замерло в ожидании ответа.

— Нет, бвана *,— ответил Кавири,— белого мальчика с ним не было. Белый мальчик был с другим!

— С другим! — воскликнул Тарзан.— С каким другим?

— Их было трое: белый человек, женщина и ребенок, а кроме того, шестеро носильщиков. Они прошли вверх по реке за три дня до злого белого человека. Они, должно быть, бежали от него.

Белый человек, женщина и ребенок!

Тарзана ошеломило известие. Ребенок — это, несомненно, его маленький Джек; но кто была женщина? Кто мужчина? Может быть, кто-то из сообщников Рокова вошел в соглашение с какой-нибудь женщиной из этой же компании и украл у него ребенка?

В таком случае они, вероятно, решили вернуть ребенка в Англию и требовать там награды или же держать его у себя до получения выкупа.

Теперь, когда Рокову удалось загнать их далеко внутрь страны, Тарзан, быть может, сумеет настичь их, если только они не попадут в плен и не будут убиты людоедами, живущими вверх по Угамби. Тарзан был убежден, что именно этим людоедам Роков и хотел отдать ребенка.

Во время разговора с Кавири все три судна продол-

---

* Бвана — по-туземному господин.

жали свой путь по реке по направлению к поселку. Воины Кавири гребли, бросая искоса взгляды, полные ужаса, на страшных спутников. Три обезьяны из племени Акута были убиты во время сражения, и, не считая Акута, оставалось шесть страшных зверей, а кроме того, была еще пантера Шита и, наконец, Тарзан и Мугамби, которые казались дикарям страшнее зверей.

Воины Кавири за всю свою жизнь не видали такой странной команды. Они все время боялись, что кто-либо из зверей набросится на них. Действительно, Тарзану с трудом удавалось успокаивать животных.

Добравшись до селения Кавири, Тарзан сделал небольшую остановку. Он хотел поесть и сговориться с предводителем, чтобы тот дал дюжину гребцов. Кавири охотно согласился на все требования обезьяны-человека, так как это ускоряло отъезд страшной банды. Но предводителю скоро пришлось убедиться, что легче обещать гребцов, чем доставить их. Услышав о намерениях Тарзана, те чернокожие, которые еще не успели исчезнуть в джунглях, поспешили убежать сейчас же. И когда Кавири хотел указать, кто именно из людей назначен сопровождать Тарзана, то оказалось, что только он один, Кавири, и остался в селении.

Тарзан не мог скрыть улыбки.

— Они не очень жаждут сопровождать нас! — сказал он.— Но ты оставайся дома, Кавири, очень скоро твое племя явится к тебе.

Человек-обезьяна встал и, приказав Мугамби оставаться с Кавири, скрылся в джунглях с Шитой и обезьянами.

С полчаса молчание громадного леса прерывалось только обычными звуками джунглей. Кавири и Мугамби сидели одни в селении, за высоким частоколом. Вдруг издалека раздался зловещий крик обезьяны-человека. И немедленно с разных концов раздались такие же крики, в которые вторгался вой голодной пантеры...

VII

Предательство

Оба дикаря, Кавири и Мугамби, лежали у входа в хижину. Когда в джунглях послышались неистовые крики, они посмотрели друг на друга, и Кавири с плохо

скрываемым страхом спросил:

— Что это такое?

— Это бвана Тарзан и его команда,— ответил Мугамби.— Но я не знаю, что они делают, может быть, пожирают твоих беглецов.

Кавири содрогнулся и с тревогой посмотрел по направлению к джунглям. Все ближе и ближе ужасные шум и крики. Кавири встал и хотел бежать, но Мугамби крепко схватил его за руку — таково было приказание Тарзана.

Еще минуту спустя из джунглей выскочили насмерть перепуганные дикари и бросились спасаться в своих хижинах. Они бежали, словно испуганные овцы, а позади них шли Тарзан, Шита и страшные обезьяны Акута, погоняя беглецов.

Тарзан встал перед Кавири со своей привычной спокойной улыбкой и сказал:

— Твой народ вернулся, и теперь ты можешь выбирать гребцов.

Дрожа и шатаясь, Кавири пошел сзывать свой народ из хижин, но никто не отозвался на его приказ.

— Скажи им,— приказал Тарзан, что, если они не выйдут, я пошлю за ними свою команду.

Кавири исполнил приказание. Спустя короткое время все обитатели селения вышли на улицу. Они дрожали и вращали широко раскрытыми испуганными глазами.

Военачальник торопливо указал на двенадцать воинов. Несчастные почти побелели от ужаса при одной мысли, что им предстоит сидеть рядом со страшными обезьянами и пантерой в узкой пироге. Но Кавири заявил, что другого выхода все равно нет и что бвана Тарзан будет преследовать их со своей страшной командой при первой же попытке бежать. Тогда они послушно и угрюмо направились к реке и заняли места в лодке.

С чувством большого облегчения Кавири следил, как лодка удалялась вверх по реке от его селения и, наконец, исчезла.

* * *

Прошло три дня. Странное общество плыло все дальше и дальше в глубь дикой страны, лежащей по обе стороны Угамби — этой почти не исследованной еще реки.

По дороге троим из двенадцати воинов удалось бежать, но так как некоторые из обезьян научились кое-как управлять веслами, то Тарзана не очень смущала эта потеря.

Они, конечно, продвинулись бы быстрее, идя пешком по берегу, но Тарзан думал, что на лодке ему легче будет держать свою дикую команду в повиновении. Два раза в день они высаживались на берег для охоты, а ночь проводили на берегу или на одном из многочисленных островков, которыми была усеяна река.

Всюду при их приближении туземцы бежали в паническом страхе, и Тарзан находил на своем пути лишь покинутые селенья. Его это тревожило и приводило в смущение. Человеку-обезьяне крайне необходимо было навести справки у какого-нибудь дикаря, живущего на берегу реки.

Видя, что ничего другого не остается, он решил высадиться и идти в одиночестве по берегу с тем, чтобы его команда следовала за ним в лодке. Он объяснил Мугамби свое намерение и приказал Акуту следовать указаниям чернокожего.

Первые селения, встреченные им на пути, были также покинуты обитателями — так быстро распространилась весть о лодке со страшной командой. Но к вечеру он подошел к поселку, состоящему из многочисленных тростниковых хижин и обнесенному грубым частоколом, за которым было около двухсот туземцев.

Расположившись в ветвях гигантского дерева, которые свешивались над частоколом, Тарзан увидел женщин, приготовлявших ужин.

Человек-обезьяна терялся в догадках, каким образом войти в сношения с туземцами, не пугая их и не пробуждая дикой наклонности сейчас же вступить с ними в бой. Теперь, когда ему был дорог каждый день, у Тарзана не было ни малейшей охоты вступать в борьбу с каждым племенем, встретившимся ему на пути.

Наконец, его осенила оригинальная мысль. Убедившись, что он хорошо скрыт листвой от взглядов туземцев, Тарзан закричал так, как кричит разъяренная пантера. Намерение его было достигнуто: все жители поселка с тревогой уставились на дерево. Тарзан бесшумно спрыгнул на землю и быстро подбежал к воротам деревни. Ударив что было силы в ворота, Тарзан

крикнул на туземном языке, что пришел как друг и просит пищи и ночлега.

Тарзан хорошо знал характер чернокожих. Крики пантеры напрягли их нервы до крайности, а неожиданный стук и вовсе поверг в замешательство. Его нисколько не удивило, что никто не отозвался на зов: туземцы боятся всяких звуков, исходящих из темноты, приписывая их злым демонам.

— Впустите меня, друзья мои! - продолжал он.— Я преследую того злого белого человека, который проходил здесь несколько дней тому назад. Я хочу наказать его за все зло, которое он сделал мне, а может быть, и вам. Если хотите, я докажу вам свою дружбу тем, что прогоню с дерева пантеру, раньше чем она успеет напасть на вас. Если же не впустите меня как друга, я оставлю пантеру на дереве и пусть она сожрет вас.

Минуту длилось молчание. Затем послышался голос старого человека.

— Если ты действительно белый человек и друг нам, мы тебя впустим, но сначала прогони пантеру!

— Хорошо,— ответил Тарзан,— слушайте: через несколько минут ее не будет!

Человек-обезьяна на этот раз с большим шумом влез на дерево. Он зловеще рычал, прекрасно подражая пантере, и туземцы были уверены, что зверь все еще находится там.

Добравшись до ветвей, нависавших над частоколом деревни, Тарзан разыграл целое представление: он кричал на пантеру, пантера отвечала ему злобным ворчанием и ревом. Когда воображаемая пантера покинула поле боя, Тарзан, спрыгнув с дерева, побежал в сторону джунглей, громко стуча о стволы, подражая удаляющемуся рычанию пантеры.

Несколько минут спустя, задыхаясь, он вернулся к воротам деревни:

— Я прогнал пантеру, теперь впустите меня!

Внутри послышались возбужденные голоса спорящих между собою туземцев, но, наконец, подошли несколько воинов. Приоткрыв ворота, они с трепетом заглянули в темноту. Вид белого, почти обнаженного человека не особенно успокоил их, но Тарзан уверил их спокойным голосом в своей дружбе, и они, наконец, впустили его. Толпа любопытных проводила Тарзана к хижине предводителя. Тарзан убедился из бесед, что

он идет по следу Рокова. Предводитель сообщил ему, что на лбу у чернобородого белого были большие рога и что его сопровождали тысяча чертей. Дикарь добавил также, что злой белый человек оставался целый месяц в деревне.

Тарзана нисколько не удивило полное несоответствие этого рассказа с утверждениями Кавири, который говорил, что Роков проходил через его поселок только три дня тому назад и что отряд его был гораздо меньше. Он привык уже к странной особенности дикарей уснащать действительные факты всякими небылицами, путать числа и количества.

Ему было важно лишь проверить, находится ли он на верной дороге. Теперь он был уверен, что Рокову не избежать встречи. Путем перекрестных вопросов Тарзан узнал, что несколькими днями раньше Рокова здесь проходила другая партия: в ней было трое белых — мужчина, женщина с ребенком и несколько туземцев.

Тарзан объяснил предводителю, что его отряд следует за ним в лодке и прибудет, вероятно, на следующий день. Он просил принять отряд ласково, без опасений и уверил собеседника, что сам будет следить, чтобы его команда не причиняла никакого зла здешним людям.

— А теперь,— сказал Тарзан,— я улягусь под дерево спать. Я очень устал. Скажи, чтобы мне не мешали.

Предводитель предложил ему переночевать в хижине, но Тарзан, зная, какой тяжелый воздух в жилищах туземцев, предпочел улечься под открытым небом. К тому же у него возник некий план; этот план легче можно было привести в исполнение, если оставаться вне хижины. Вождю же он объяснил, что хочет быть наготове в случае возвращения пантеры, и тот с удовольствием разрешил ему спать под деревом.

Тарзан всегда находил самым выгодным производить на туземцев впечатление существа, обладающего чудесной сверхъестественной силой. Он считал, что внезапное и необъяснимое исчезновение всегда производит самое сильное впечатление на их наивный ум. Поэтому, как только деревня погрузилась в сон, он тихо встал, вскочил на дерево и бесшумно исчез в таинственном мраке джунглей.

Весь остаток ночи человек-обезьяна быстро двигался вперед, в глубь страны. Его путь пролегал по верх-

ней трассе леса. Он предпочитал верхние ветви гигантских деревьев, так как там его путь освещала луна.

На рассвете он остановился, чтобы отдохнуть и с новыми силами продолжать свои поиски. Дважды он встретил враждебно настроенных туземцев. С большим трудом ему удалось склонить их к мирной беседе и убедиться, что он действительно идет по следам Рокова — «чернобородого белого».

* * *

Два дня спустя, все еще пробираясь вверх по Угамби, Тарзан подошел к большой деревне. Предводитель местного племени, свирепого вида человек с остро подпиленными зубами, что часто встречается у людоедов, принял его с показной любезностью.

Человек-обезьяна чувствовал большую усталость и решил остаться здесь на некоторое время на отдых, чтобы быть свежим и сильным при встрече с Роковым. Эта встреча должна была, по его расчетам, произойти не сегодня-завтра.

Предводитель подтвердил ему, что бородатый белый человек покинул деревню сегодня утром и что бвана Тарзан, без сомнения, настигнет его через самое короткое время. Другой же партии белых предводитель не видел и не слышал о ней. Так, по крайней мере, он говорил.

Тарзан не чувствовал особого доверия к этому острозубому человеку, но так нуждался в отдыхе, что решил все-таки остаться. Не испытывая ни малейшего страха, он доверчиво расположился в тени хижины и спокойно заснул.

Как только предводитель удостоверился в том, что Тарзан спит, он позвал двух своих воинов, показал пальцем на белого человека и шепотом передал им какое-то приказание. Минуту спустя стройные черные силуэты уже бежали по береговой тропинке, вверх по реке.

Затем предводитель дал приказ соблюдать полную тишину в поселке: он запретил песни, громкие разговоры и никому не позволил приближаться к спящему. Он проявлял особые попечения и заботу о своем госте.

Три часа спустя на Угамби появилось несколько лодок. Они быстро подвигались вниз по течению, управ-

ляемые ловкими и сильными чернокожими. На берегу стоял предводитель: когда лодки подъехали, он поднял свое копье горизонтально над головой. Это был знак, что белый незнакомец все еще спит спокойно в поселке.

В лодках находились его гонцы. Предводитель послал их к отряду белых людей, находившемуся вблизи поселка. Лодки были вытащены на берег, туземцы и белые выпрыгнули из них. Белых было около шести — угрюмые личности с отталкивающими лицами. Особенно отвратителен был среди них чернобородый мужчина с властными манерами.

— Где белый человек, о котором говорили твои гонцы? — спросил он у предводителя.

— Здесь, бвана,— ответил дикарь.— Я поддерживал тишину в деревне, чтобы он не проснулся до твоего прихода. Я не знаю, для чего он ищет тебя. Но он подробно расспрашивал меня о тебе. Кроме того, он очень похож по твоему описанию на того человека, которого ты высадил на пустой берег. Если бы ты мне ничего о нем не говорил, я не узнал бы его, и тогда он пошел бы вслед за тобой и, может быть, убил бы тебя. Если даже он тебе и не враг, то все-таки, мне кажется, я хорошо сделал, что послал за тобою, бвана. А если окажется, что он и вправду твой враг, то я хочу получить от тебя за услугу ружье и патроны.

— Ты во всяком случае сделал хорошо, что позвал меня,— ответил белый человек.— Все равно, друг он мне или враг — ты получишь за это ружье, если обещаешь и дальше держать мою сторону.

— Да, я буду стоять за тебя! — сказал предводитель.— А теперь пойдем смотреть на чужого человека.

С этими словами он повернулся и пошел к хижине, в которой мирно спал ничего не подозревавший Тарзан.

За двумя вожаками шли молча белые и два десятка черных. Когда они подошли к хижине, на губах у белого при виде спящего Тарзана появилась противная улыбка.

Предводитель дикарей посмотрел вопросительно на своего спутника. Тот кивнул головой в знак того, что вождь не ошибся в своих подозрениях. Затем, повернувшись к воинам, он указал на спящего и знаками приказал схватить и связать его.

Немедленно двенадцать воинов накинулись на Тар-

зана и крепко связали его. Все это произошло в один миг — раньше чем Тарзан мог сделать хоть малейшую попытку к своему спасению. Бросив взгляд на окружавшую толпу, он сразу увидел злобное лицо Рокова.

Ехидная улыбка искривила лицо Рокова. Он подошел к Тарзану и сказал:

— Ну и дурак! Опять попался мне в руки!

Этого ему показалось мало, и он ударил лежащего человека по лицу ногой:

— Вот тебе мое приветствие. Сегодня вечером, перед тем как мои черномазые друзья скушают тебя, я, так и быть, расскажу, что случилось с твоею супругою и милым наследником и что их ожидает впереди.

VIII
Пляска смерти

Сквозь пышную растительность джунглей в глубоком мраке ночи пробирался большой гибкий зверь, бесшумно ступая своими бархатными лапами. Две горящие при свете экваториальной луны желто-зеленые точки пронизывали густую листву, чуть-чуть шелестевшую от ночного ветра.

По временам зверь останавливался, приподнимал голову и обнюхивал воздух. Иногда быстрый, короткий скачок на верхние ветки замедлял его путь к востоку. Его чувствительные ноздри различали легкий запах многочисленных четвероногих; запах этот вызывал слюну голода у свирепого зверя. Но он упорно продолжал свой одинокий путь, не обращая внимания на сильные позывы голода, которые в другое время заставили бы его немедля впиться клыками в чье-то горло.

Всю ночь бежал зверь, сделав лишь утром небольшую остановку, чтобы утолить голод. Он разорвал на куски случайную добычу и сожрал ее с угрюмым ворчанием...

Уже наступили сумерки, когда зверь подошел к частоколу, окружающему большую туземную деревню. Быстро и молчаливо обошел вокруг поселения, бросая зловещую тень на деревянный частокол. Он усиленно втягивал в ноздри воздух и, насторожив уши, прислушивался к малейшему шороху.

Человеческое ухо не расслышало бы никакого зву-

ка, но тончайшие звериные органы слуха и обоняния восприняли нечто такое, что заставило его остановиться, вся фигура его внезапно преобразилась.

Как на стальных пружинах зверь быстро и бесшумно вспрыгнул на частокол и исчез в темном пространстве между оградой и стеной хижины.

* * *

В деревне на главной улице женщины разводили костры и наполняли котлы водой. Они кипятили воду для большого пиршества, которое ожидалось ближайшей ночью. Около высокого столба, что возвышался среди костров, шумела толпа чернокожих воинов. Их тела были размалеваны широкими полосами белого, синего и желтого цвета, глаза, губы, груди и живот обведены цветными кругами. На волосах, обмазанных глиной, торчали яркие перья и куски проволоки.

Деревня готовилась к празднеству. А в это время в одной из хижин лежала связанная жертва. Она была предназначена для предстоящей оргии, и ее ожидала смерть. И какая смерть!

Тарзан напрягал свои могучие мускулы, стараясь разорвать опутавшие его веревки, но они были так крепко стянуты, что даже гигантские мышцы обезьяны-человека не могли с ними справиться.

Смерть!

Тарзану часто приходилось в своей жизни смотреть в глаза ужасной маске-смерти, и всегда он улыбался при этом. Он бы и сейчас отнесся спокойно к предстоящей гибели, если бы не был озабочен судьбою близких ему существ: ведь им предстояло так много испытаний в случае его гибели.

Джен никогда не узнает, какой смертью он умер; за то Тарзан благодарил небо. Его утешала мысль, что жена в безопасности у себя дома, среди любящих друзей; они помогут ей перенести горе.

Но мальчик! Бедный мальчик! Что будет с ним?

Тарзан весь сжимался от душевных мук при этой мысли. Он, могучий властелин джунглей, единственный, кто мог бы спасти ребенка от ужасов, которые готовил ему проклятый Роков, беспомощен, как попавшее в силки животное.

Роков в течение дня не [illegible]лько раз заходил к нему

и осыпал ругательствами и побоями, но ни одно слово, ни один стон жалобы и муки не вырвались из уст гордого пленника.

Наконец Роков оставил его в покое. Палач решил приберечь к концу самую сильную душевную пытку, придуманную им для своего врага: перед тем как копья людоедов нанесут последний удар Тарзану, он откроет ему страшную тайну о его жене...

Сумерки окутали деревню. До слуха человека-обезьяны доносился шум приготовлений к пиршеству. Он ясно представлял себе картину пытки этой «пляски смерти»: ему приходилось неоднократно присутствовать на подобных празднествах в бытность свою в Африке. И вот теперь ему самому предстояло быть главным лицом в этой ужасающей забаве, центральной фигурой, привязанной к столбу!

Его не пугала сама по себе пытка медленной смертью, когда пляшущие в хороводе воины отрезают куски мяса от живого тела жертвы. Он привык переносить всякие физические боли и страдания. Но в нем жила неукротимая любовь к жизни и до последнего мгновения теплилась надежда на избавление от смерти.

* * *

Лежа на земле в тяжком раздумье, Тарзан внезапно почувствовал знакомый запах. Он насторожился, и до его напряженного слуха донесся легкий, почти неслышный шум. Он сразу догадался, от кого исходил этот шум...

Тарзан зашевелил губами, издавая слабые, человеческим слухом даже не воспринимаемые звуки... Но он знал, что тот, кто крадется, услышит его. И, действительно, минуту спустя за стеной послышался легкий шорох бархатных лап: зверь перелезал через забор, затем стал отыскивать удобное место, чтобы пробраться в хижину.

Это была Шита, его верный друг. Она подошла к Тарзану, терлась шкурой и тыкала своим холодным носом в лицо, шею. Она внимательно обнюхала и его самого, и веревки, которыми он был связан. Она как будто старалась понять, что ожидает ее господина.

Появление Шиты обрадовало Тарзана. Это было доброе предзнаменование. Но сможет ли пантера по-

мочь ему? Как внушить ей, чтобы он освободила его от пут? Тарзан в упор глядел на зверя и властно твердил: «Перегрызи веревки! Перегрызи веревки!» Но Шита только покорно и ласково лизала ему руки.

Послышались приближающиеся шаги. Шита глухо зарычала и забилась в темный угол. В хижину вошел высокий обнаженный дикарь и, подойдя к Тарзану, кольнул его копьем. Тарзан испустил неистовый крик, и как бы по сигналу в ту же секунду из темного угла кинулась пантера, вонзив в дикаря свои стальные когти и страшные клыки...

Дикий крик ужаса смешался с алчным визгом пантеры, а затем наступила жуткая зловещая тишина, прерываемая хрустом костей и звуком раздираемого мяса.

Крики Тарзана и дикаря всполошили деревню, вызвали всеобщее смятение. Послышались испуганные голоса и шаги: к хижине приближалась толпа. Почуяв опасность, пантера бросила свою окровавленную и растерзанную добычу и бесшумно ускользнула в отверстие, откуда пришла.

Туземцы подошли ко входу в хижину. Двое из них, вооруженные копьями, с зажженными связками прутьев в руках, испуганно заглядывали внутрь. Они боязливо жались к задним рядам, а те подталкивали их.

Визг пантеры и вопли ее жертвы смутили и обескуражили празднично настроенную толпу. Люди робко молчали — жуткая тишина погруженной во мрак хижины казались еще более зловещей. Никто не знал, какая опасность таится в безмолвной глубине хижины. Быстрым движением руки один из воинов бросил горящий факел в открытую дверь. На несколько секунд пламя осветило внутренность хижины и погасло. Те, кто стоял впереди, на мгновение узрели лежащего на земле крепко связанного белого человека. Поодаль от него посреди хижины виднелась неподвижная фигура с перегрызенным горлом и разодранной грудью.

Это зрелище навело на суеверных дикарей гораздо больший ужас, чем если бы они увидели самую пантеру. Кто-то напал на их товарища, но кто именно, этого они не могли постичь, и их испуганная мысль готова была приписать это страшное дело сверхъестественной силе.

Они в ужасе бросились бежать, толкая и опрокидывая друг друга,

В течение целого часа Тарзан слышал отдаленные голоса, доносившиеся с противоположного конца деревни. Очевидно, дикари совещались и возбуждали в себе смелость для вторичного обследования хижины. Оно не заставило себя ждать.

Опять за дверями послышались шаги и шум толпы. Первыми вошли двое белых с горящими факелами и ружьями в руках. Рокова среди них не было. Тарзан нисколько не был этим удивлен. Он был готов держать пари, что никакая земная сила не заставит его, подлого труса, пойти на разведку, угрожающую опасностью.

Увидя, что на вошедших в хижину белых людей никто не нападает, толпа туземцев приободрилась. Они вошли в хижину и невольно застыли от ужаса при виде искалеченного тела. Молча, с тупым страхом туземцы созерцали страшную окровавленную фигуру воина и связанного белого человека. Двое белых людей допрашивали Тарзана о том, что здесь случилось, но все их старания выведать что-либо оказались бесплодными. Тарзан не проронил ни слова.

Наконец вошел, раздвинув толпу, и Роков.

Взгляд его упал на окровавленный труп чернокожего, и он побледнел, как полотно.

— Пойдем! — сказал он предводителю.— Пойдем, покончим с этим дьяволом! Иначе он погубит и других людей...

Предводитель приказал поднять Тарзана и отнести к столбу. Однако, несмотря на суровый тон приказания, чернокожие долго не решались исполнить его и робко мялись на месте: так пугал их связанный таинственный пленник. Наконец четыре молодых воина набрались храбрости и грубо схватили Тарзана.

Выйдя наружу из пугавшего их жилья, туземцы, казалось, освободились от одурманивавшего их ужаса. Десятка два чернокожих с диким воем окружили узника, подталкивали, наносили удары. Тарзана крепко привязали к столбу, что стоял среди разложенных костров с кипящими котлами.

Роков видел это, и к нему вернулось самообладание, обычная наглость. Прочно привязанный к смертному столбу, беспомощный, лишенный всякой надежды на спасение, Тарзан теперь был, конечно, не опасен. Он приблизился к обезьяне-человеку и, выхватив копье из рук ближайшего дикаря, нанес первый удар без-

защитной жертве. Струйка багряной крови потекла по белой коже гиганта, но ни один звук страдания не вырвался из его уст. Роков взглянул в лицо своей жертвы и невольно содрогнулся: Тарзан улыбался!

Эта презрительная улыбка привела Рокова в совершенное бешенство. Сыпля проклятия, он бросился на беззащитного пленника и стал наносить кулаками удар за ударом в лицо, пинать ногами в живот и грудь, лягаясь, словно взбесившаяся лошадь.

Задыхаясь от ярости, Роков поднял тяжелое копье и прицелился в могучее сердце Тарзана, но к нему подскочил предводитель и оттащил от жертвы.

— Стой, белый человек! — вскричал он.— Если ты лишишь нас «пляски смерти», то сам попадешь на место пленника.

Эта угроза подействовала на Рокова. Он встал в стороне и принялся осыпать своего врага ругательствами и насмешками. Он говорил Тарзану, что на предстоящем пиру съест его сердце. Он подробно, со зловещими ужимками рисовал картину той жизни, которая ожидает сына Тарзана, и намекнул, что месть коснется и жены его, Джен Клейтон.

— Вы думаете, она живет у себя в Англии? — насмешливо спросил он.— Как вы глупы! Она находится в руках у одной темной личности за тридевять земель от Лондона!

«Пляска смерти» между тем началась. Людоеды закружились с диким воем в хороводе вокруг костров, и их вопли помешали Рокову продолжать нравственную пытку.

Пляшущие дикари, мерцающие огни костров, отблеск багрового пламени на раскрашенных телах — все закружилось в вихре вокруг несчастной жертвы у столба, и у Тарзана потемнело в глазах.

В его памяти воскресла такая же сцена, когда он спас д'Арно из подобного же ужасного положения в самый последний момент перед смертельным ударом. Кто теперь освободит его? На всем свете нет силы, что спасла бы его от мучений и смерти!

Но мысль, что он будет съеден этими дьяволами, не вызывала у Тарзана чувства ужаса или отвращения. Всю свою жизнь он видел зверей джунглей, пожирающих мясо своей добычи, а потому и думы о предстоящем отвратительном надругательстве над его телом не

увеличивали страданий, как это случилось бы с обыкновенными белыми людьми. Разве он сам не дрался из-за куска мяса в те давно минувшие дни, когда победил злобного Тублата и приобрел уважение обезьян племени Керчака?

Танцующие приближались прыжками к Тарзану. Копья уже касались его тела, уже наносились первые мучительные уколы, предшествующие более серьезным. Пляшущие разгорячились, кровь возбуждала их... Приближался конец «пляски смерти» и вместе с тем конец Тарзана.

И человек-обезьяна ждал и жаждал последнего удара, который прекратил бы его мучения...

Вдруг из таинственной тиши джунглей донесся пронзительный крик, так хорошо ему знакомый...

На минуту дикари остановились: в наступившем молчании с губ крепко привязанного белого человека сорвался ответный крик, еще более зловещий и ужасный.

Прошло несколько минут. Чернокожие колебались, но, побуждаемые Роковым и предводителем, вновь завыли и закричали, торопясь закончить пляску и заколоть жертву.

Но копья еще не успели коснуться Тарзана, как из хижины, в которой Тарзан был перед тем заключен, молниеносным прыжком выскочила темно-бурая пантера с зелеными горящими глазами. Еще мгновение — и Шита, верный друг Тарзана, стояла около своего господина и грозно, с неутомимой свирепостью рычала на окружающих.

И чернокожие, и белокожие окаменели на месте, объятые ужасом. Глаза их были устремлены на дикого зверя; его белые клыки сверкали в блеске костра и гипнотизировали туземцев.

И только один Тарзан-обезьяна видел, как из темной внутренности хижины появились и другие фигуры.

IX

Благородство и подлость

Джен Клейтон видела из своей маленькой каюты на «Кинкэде», как ее мужа отвезли на зеленый берег острова джунглей. А вслед затем пароход вновь поплыл дальше.

Несколько дней никто не входил в ее каюту, кроме Свена Андерсена, угрюмого и несловоохотливого повара. Она спросила его, как называется местность, где высадили ее мужа.

Швед, как всегда, ответил идиотской фразой:

— Я тумаю, ветер скоро туть сильно!

Ничего больше она не смогла от него добиться.

Джен решила, что это единственная английская фраза, которую знает повар, а потому больше его не расспрашивала. Это не мешало ей, однако, всегда любезно встречать и ласково благодарить за отвратительное кушанье, которое ей ежедневно приносилось в определенный час.

Вскоре после того, как Тарзан был высажен на необитаемый остров, «Кинкэд» бросил якорь в устье большой реки. В каюту Джен вошел Роков.

— Ну-с, дорогая, мы приехали! — сказал он, бросая на женщину гадкий взгляд.— Вам сейчас будет предоставлена свобода и полная безопасность! Мне стало жаль вас, и я постараюсь улучшить ваше положение, как только могу. Ваш муж — грубое животное, вам это лучше знать, чем кому-либо другому, потому что вы сами нашли его голым, таскающимся по джунглям со своими товарищами-зверями! А я джентльмен не только по рождению, но и по воспитанию. Я предлагаю вам, дорогая Джен, любовь настоящего культурного человека. В ваших отношениях к несчастной обезьяне, за которую вы вышли замуж только из странной прихоти, не хватало общения с утонченным человеком культуры. Я люблю вас, Джен! Достаточно одного слова, и ни одна печаль не коснется вас. Еще одно слово — и ребенок в ваших руках.

У дверей каюты, снаружи, остановился Свен Андерсен с обедом для леди Грэйсток. Его голова на длинной жилистой шее была наклонена вбок, близко сидящие друг к другу глаза полузакрыты; его уши, казалось, приподнялись от напряженного внимания, а длинные рыжие усы повисли — он весь превратился в слух.

Выражение удивления на лице Джен сменилось гримасой отвращения. Она невольно вздрогнула.

— Я не удивилась бы, мистер Роков,— ответила она,— если вы даже силой постарались принудить меня подчиниться вашим желаниям, но я никогда не могла представить, что вы можете подумать, что я, же-

на лорда Грэйстока, добровольно соглашусь на ваше предложение, хотя бы даже ради спасения своей жизни. Я вас всегда считала подлецом, мистер Роков, но до настоящего времени не знала, что вы, кроме того, и идиот!

Краска гнева залила бледное лицо Рокова.

— Мы увидим, кто из нас идиот! — прошептал он.— Вот когда я подчиню вас своей воле и когда ваше американское упрямство будет вам стоить всего, что вам дорого — даже жизни вашего ребенка, тогда вы заговорите иначе! Клянусь мощами святого Петра, я вырежу сердце мальчишки перед вашими глазами — и тогда вы узнаете, что значит оскорблять Николая Рокова!

Джен Клейтон гадливо отвернулась от него.

— Замолчите! — сказала она.— Зачем мне знать, до каких низостей может дойти ваша мстительная натура! Все равно вы не можете подействовать на меня ни угрозами, ни низкими поступками! Мой сын еще ничего не может сам решать, но я, его мать, могу сказать наперед, что, если ему было бы суждено дожить до зрелого возраста, он добровольно пожертвовал своей жизнью ради чести матери. Поэтому, как сильно ни люблю я его, я не могу купить его жизнь такой ценой.

Роков был взбешен. Он никак не ожидал, что женщина устоит перед страшными угрозами.

По правде говоря, он ее ненавидел, ни о какой «любви» и речи быть не могло! Но в его планы входило показаться в Лондоне и других столицах Европы с женой лорда Грэйстока как со своей любовницей. Тогда чаша мщения была бы полна.

С минуту Роков колебался. Но потом оглянулся и вдруг решился...

Его злобное лицо передергивалось от бешенства. Как дикий зверь, прыгнул он на нее и, сжимая горло своими пальцами, повалил на койку.

В эту минуту дверь в каюту с шумом отворилась. Роков вскочил и, обернувшись, увидел повара. Маленькие глазки шведа выражали полнейшее бессмыслие, и он как ни в чем не бывало стал сервировать обед для леди Грэйсток на маленьком столике.

Роков с яростью накинулся на шведа.

— Что это такое?! — закричал он.— Как ты смел войти без предупреждения? Убирайся вон!

Повар обратил на Рокова свои водянистые глаза, бессмысленно улыбнулся и сказал:

— Я тумаю, ветер скоро туть сильно.

И опять начал флегматично переставлять блюда и тарелки.

— Убирайся прочь, говорят тебе, или я выброшу тебя отсюда, болван! — закричал Роков, угрожающе придвигаясь к шведу.

Андерсен продолжал глядеть на него с ничего не выражающей идиотской улыбкой, но вдруг как бы невзначай схватился за рукоятку длинного острого ножа, висевшего сбоку. Роков внезапно остановился и замолчал.

Затем он повернулся к Джен Клейтон:

— Я даю вам время до завтрашнего дня обдумать ответ на мое предложение. Если будете продолжать упрямиться, то завтра днем вся команда будет отправлена на берег. На пароходе останутся только я, Павлович, ваш сын и вы... И тогда вы станете свидетельницей смерти вашего сына.

Он сказал это по-французски, чтобы повар не мог понять ни слова, и быстро вышел из каюты.

Едва Роков скрылся, Свен Андерсен повернулся к леди Грэйсток и, хитро улыбаясь, сказал:

— Он тумать, я турак! Он сама турак! Я понимать французски.

Джен Клейтон посмотрела на него с удивлением. Обычное бессмысленное выражение исчезло с лица повара — он весь преобразился.

— Значит, вы поняли, что он сказал?

Андерсен осклабился:

— Та, я поняла!

— И вам известно все, что здесь происходило? Вы пришли меня защитить?

— Вы быть хороший ко мне,— пояснил швед,— а он обращался со мной как с собак. Я хочу помогать вам, леди. Я был западный берег много раз.

— Но как вы можете помочь, Свен,— спросила она,— когда все эти люди против меня?

Свен Андерсен опять принял прежний вид.

— Я тумаю, ветер скоро туть сильно!

С этими словами он повернулся и вышел из каюты.

Джен Клейтон сомневалась в способности повара оказать ей помощь; тем не менее она была ему глубоко

благодарна за одно то, что он уже сделал для нее. Сознание, что среди всех этих негодяев она имела одного несомненного доброжелателя, было для Джен первым лучом надежды на избавление.

Весь этот день никто не являлся к ней, и только вечером Свен принес ужин. Она пыталась втянуть его в разговор, хотела узнать что-нибудь о его планах, но повар ограничился своим стереотипным бессмысленным пророчеством о погоде. Казалось, им овладела его обычная тупая бестолковость.

Однако немного погодя, когда швед уходил из каюты с пустыми блюдами, он еле слышно шепнул:

— Не раздевайтесь и свернить ваша одеяло. Я скоро приду!

Он хотел выскользнуть из каюты, но Джен удержала за рукав.

— Мой ребенок? — спросила она.— Где он? Я не могу уйти без него.

— Вы телайте, что я сказаль! — возразил Андерсен, нахмурив брови.— Я вам хочу помогайт; не надо телайт глюпо!

Джен Клейтон опустилась на койку в полном отчаянии. Что ей делать? В уме возникли смутные подозрения относительно намерений шведа. Не будет ли еще хуже, если она последует за ним?

Нет, даже в обществе самого дьявола не могло быть хуже, чем с Николаем Роковым! Ведь даже сам черт, по крайней мере, в английском представлении имеет репутацию джентльмена.

Она осталась одетой, как ей советовал швед. Одеяло было свернуто и перевязано крепким ремнем.

Около полуночи послышался легкий стук в дверь. Джен открыла задвижку, на пороге показалась закутанная фигура шведа, который держал в руках сверток. Он тихо прошептал:

— Несить это, но не телайт шум — это ваша ребенка!

Быстрые руки выхватили сверток у повара, и мать крепко прижала спящего ребенка к своей груди. Горячие слезы радости текли по ее щекам.

— Идем! — сказал Андерсен.— Мало времени!

Захватив в коридоре у двери свой узел, швед осторожно повел Джен к борту парохода. Здесь он взял ребенка к себе на руки и помог женщине спуститься по

веревочной лестнице в стоявшую внизу шлюпку. Затем быстро и бесшумно перерезал веревку, которой шлюпка была привязана, и, взявшись за весла, беззвучно поплыл к берегам Угамби.

Андерсен греб сильно и уверенно. Лодка быстро скользила по воде. Из-за туч показалась луна, и путники увидели устье притока, впадающего в Угамби. К этой речке швед и направил шлюпку.

Джен Клейтон мучил вопрос: куда он ее везет? Знакомо ли ему это место? Она не знала, что, по своим обязанностям повара, швед уже был сегодня на этой реке, в маленькой деревушке; он покупал там у туземцев провизию и, воспользовавшись случаем, столковался с ними насчет бегства Джен.

Несмотря на то, что луна ярко светила, поверхность реки казалась совершенно темной. Гигантские деревья местами сплетались над серединой реки, образуя густой и темный свод. Огромные ползучие растения вились причудливыми сплетениями вокруг толстых стволов до самого верха деревьев и ниспадали оттуда длинными прядями до самой поверхности реки.

Река была спокойна, тишина нарушалась лишь плеском весел да возней купающихся гиппопотамов: фыркая и пыхтя, неповоротливые животные ныряли с песчаной отмели в прохладную и темную глубину реки и плескались, словно купающиеся люди.

Из густых джунглей с обоих берегов реки доносились жуткие ночные крики хищников: можно было различить бешеный вой гиены, рев пантеры и глухое рычание льва. Кроме них слышались странные непередаваемые звуки, которые Джен не могла приписать определенному ночному хищнику и которые казались ей сверхъестественными и необычайно жуткими.

Она сидела на самой кромке лодки, крепко прижав к груди своего ребенка. Близость и теплота маленького нежного беспомощного тельца пробуждали в ее сердце такую радость, какой она давно уже не знала все эти печальные дни. Кто скажет, какая судьба ее ожидает. Новое, еще неведомое тяжкое горе могло разразиться над ней, но сейчас она была счастлива и благодарила небо за этот, может быть, короткий миг счастья. Молодая мать с лихорадочным нетерпением ожидала рассвета, чтобы увидеть милое личико своего маленького черноглазого Джека.

Было около трех часов утра... Лодка внезапно зашелестела днищем по песку. Показался еле различаемый берег, Андерсен причалил к отмели.

Наверху при бледном лунном свете неясно обрисовывались очертания туземных хижин, окруженных колючей изгородью — бома. Андерсен громко позвал кого-то. Потом еще раз крикнул. Но лишь через некоторое время из деревни послышался ответный человеческий крик. Появление Андерсена, конечно, не было неожиданным, напротив, его ждали. Но негры страшно боятся всяких звуков в ночной темноте.

У ворот деревни их встретила жена предводителя, с которым Андерсен сговаривался днем. Она повела было гостей к своей хижине, но Андерсен заявил, что они намерены устроиться на ночлег прямо под открытым небом. Швед пояснил Джен, что хижины туземцев не отличаются чистотой и кишат разными насекомыми.

С непривычки и от пережитого волнения Джен долго не могла заснуть на твердой земле, но сильное утомление взяло верх, и, обняв ребенка, она, наконец, крепко сомкнула веки.

Когда леди Клейтон проснулась, уже светало. Около нее столпилась куча любопытных туземцев, большею частью мужчин. У негритянских племен сильный пол наделен любопытством в гораздо большей степени, чем женщины. Джен Клейтон инстинктивно прижала покрепче ребенка, но вскоре убедилась, что чернокожие не намерены сделать зла ни ей, ни ребенку. Один даже предложил молока, налитого в грязный закопченный сосуд. Доброе намерение глубоко тронуло женщину, и она приветливо улыбнулась туземцу. Джен взяла кувшин и, чтобы не обидеть чернокожего, поднесла молоко к губам, с трудом удерживая тошноту от противного запаха. Заметив это, Андерсен выручил ее из неловкой ситуации: он взял кувшин, хладнокровно выпил молоко и подарил туземцу несколько голубых бус, что привело дикаря в совершенное восхищение.

Солнце ярко светило. Ребенок все еще спал, прикрытый от лучей одеялом, и Джен с нетерпением ждала возможности взглянуть на любимое личико сына. Поодаль от нее Андерсен разговаривал с предводителем племени.

Джен невольно поразилась тому, что повар разговаривал с предводителем на туземном языке. Какой уди-

вительный человек! Еще вчера она считала его круглым невеждой и идиотом. Сегодня она узнает, что неотесанный мужлан говорит не только по-английски и по-французски, но знаком даже с языком дикарей западного берега Африки.

До этого времени он казался ей хитрым, жестоким, не заслуживающим доверия человека. Сегодня он проявил себя совсем другим. Она даже не верила, что он служит ей из чисто благородных побуждений. Весьма возможно, что у повара другие планы и намерения, которых он пока еще не раскрывал.

Раздумывая над этим, Джен взглянула на него, на его хитрые глаза, на его отталкивающее лицо и невольно вздрогнула. Что-то смутно шепнуло ей, что под такой отвратительной внешностью не могут скрываться высокие бескорыстные побуждения.

Из свертка, лежащего на ее коленях, раздался слабый писк. Сердце радостно затрепетало. Это был голос ее сына! Ребенок проснулся!

Быстро отдернула она покрывало с личика ребенка; Андерсен стоял рядом. Он увидел, как она пошатнулась и, держа ребенка на вытянутых вперед руках, с глазами, полными ужаса, пристально смотрела на маленькое лицо.

А затем с жалобным стоном упала без сознания на землю...

X

Швед

Когда воины, сбившиеся в беспорядочную толпу около Тарзана и Шиты, увидели, что «пляску смерти» прервала обыкновенная живая пантера, а не сверхъестественное чудовище, они ободрились. Перед их многочисленными копьями даже и свирепая Шита была неизбежно осуждена на смерть.

Роков подстрекал предводителя поскорее закончить метание копий и хороводную пляску. Чернокожий властитель хотел уже приказать это своим воинам, но в это мгновение его взгляд случайно упал на необычную группу, которая виднелась вдали.

С криком ужаса он повернулся и пустился что было силы бежать. Удивленные воины оглянулись, завизжа-

ли и тоже пустились вслед за ним, толкая и давя друг друга. А за ними, тяжело переваливаясь, бежали чудовищные косматые фигуры обезьян, ярко озаряемые луной и колеблющимся светом догорающих костров.

Дикий крик обезьяны-человека покрыл собою вопли чернокожих, и в ответ на этот боевой клич Шита и обезьяны бросились с ревом за беглецами. Некоторые из воинов остановились и повернулись к разъяренным животным, угрожая им копьями, но нашли кровавую смерть в объятиях страшных обезьян.

«Пляска смерти» превратилась в другое, не менее страшное зрелище, в котором тоже царила и свирепствовала смерть. Но у нее теперь были другие жертвы — и многочисленные, а не одна, как раньше!

Когда вся деревня опустела и последний чернокожий скрылся в кустах, Тарзан созвал к себе свою дикую команду. Он с огорчением убедился, что никому, даже сравнительно понятливому Акуту, невозможно внушить мысль освободить его от веревок. Потребуется, очевидно, много времени, пока эта догадка осенит их неразвитый мозг, и все эти часы он вынужден томиться, привязанный к столбу. И кто знает, что может теперь случиться? Разве не могут вернуться сюда и дикари, и белые — и разве у белых нет такой надежной защиты против животных, как ружья? Но даже если люди и не явятся сюда — он может умереть с голода раньше, чем тупоумные обезьяны сообразят, что нужно перегрызть веревки.

Шита, конечно, еще меньше понимала это, чем обезьяны. Тем не менее Тарзан не мог не удивляться тем качествам, которые она нынче проявила. Нельзя было сомневаться в ее действительной привязанности к Тарзану. После того, как чернокожие были прогнаны, она бродила с удовлетворенным видом взад и вперед у столба, терлась своими боками о ноги обезьяны-человека и мурлыкала, как довольный котенок. Тарзан был уверен, что она по собственному побуждению привела обезьян для его спасения. Он с любовной гордостью убеждался, что Шита оказалась воистину настоящим сокровищем.

Отсутствие Мугамби немало беспокоило Тарзана. Он старался разузнать от Акута, что сталось с чернокожим. Были некоторые основания опасаться, что звери в его отсутствие напали на Мугамби и растерзали его.

Но на все расспросы Акут неизменно указывал молча назад, в направлении, откуда они вышли из джунглей. И Тарзан терялся в догадках...

Всю ночь он провел крепко привязанным к столбу. С рассветом человек-обезьяна к своей досаде убедился, что опасения оправдались — из джунглей показались голые черные фигуры, которые осторожно подкрадывались к дереву.

Чернокожие возвращались! Наступил день. Им теперь казалось уж не так страшно, как ночью, схватиться со стаей зверей, выгнавших их так позорно из деревни. Борьба могла кончиться для чернокожих успешно: их было много, у них длинные копья и отравленные стрелы. Нужно только постараться победить суеверный страх. Туземцы собрались на полянке, как и вчера, раскрашенные, в перьях и украшениях, и начали дикий военный танец, потрясая копьями и испуская громкие боевые крики.

Тарзан знал, что эти предварительные маневры обычно продолжаются до тех пор, пока чернокожие не доведут себя до исступления; тогда, раздраженные, бешеные, они уже не боятся ничего и кидаются прямо на врага.

Жизненный опыт подсказывал человеку-обезьяне, что при первом натиске туземцы еще не прорвутся в деревню: их храбрость выдохнется, пока они добегут до ворот. Но вторая, а скорее, третья попытка могут кончиться печально для Тарзана и его зверей. Действительно, так и случилось. Взвинченные дикой пляской воины со страшным воем бросились, очертя голову, к деревне, но пробежали только до половины: пронзительный, зловещий боевой клич обезьяны-человека привел их в такой ужас, что храбрость сразу выдохлась. Тогда они вернулись на прежнее место набираться нового запаса мужества. С полчаса они вновь завывали и скакали, чтобы поднять дух, а затем бросились дикой ордой на деревню.

На этот раз они подошли уже к воротам деревни, но потерпели полный афронт. Шита и чудовищные обезьяны вторично отогнали нападавших в джунгли.

Снова начались пляски и дикие взвизгивания. Тарзан не сомневался, что третья попытка негров будет успешной. Его приводила в отчаяние мысль, что спасение было так близко и в то же время так недоступно —

и только потому, что его бедные дикие друзья не могли догадаться освободить его от пут! Но он не осуждал их — они сделали все, что могли. Он знал также, что звери умрут с ним в бесплодной попытке защитить своего друга и повелителя.

Чернокожие готовились к последнему натиску. Несколько воинов вышли вперед и побуждали товарищей следовать их примеру. Еще минута — и вся орда хлынет через ворота в деревню.

Тарзан думал в эти минуты о своем маленьком сыне. Он знал, что ребенок находится где-то здесь же, в этой дикой стране. Сердце отца разрывалось на части от тоски по любимом мальчике: он не может уже ни спасти его, ни облегчить мучения Джен. О себе Тарзан не думал. Он считал себя уже погибшим. Эти минуты — последние в его жизни. Помощь пришла слишком поздно и слишком неудачно. Никакой надежды на спасение не было.

Чернокожие в третий раз бросились в атаку. Тарзан мысленно прощался с жизнью. Отвернувшись от бегущей орды дикарей, он стал смотреть на своих обезьян и заметил, что взгляд одной из них неподвижно устремлен в одну и ту же точку. Тарзан посмотрел в том же направлении, и вдруг все в нем просияло и расцвело: с облегченным сердцем он увидел дюжую фигуру Мугамби — черный гигант во весь дух бежал к столбу.

Огромный чернокожий тяжело дышал от сильного утомления и нервного возбуждения. Собрав последние силы, он бросился к Тарзану, и, когда первый из дикарей достиг ворот, Мугамби перерезал веревки.

На главной улице вокруг костров лежали тела дикарей, убитых зверями в ночной схватке. Тарзан взял у мертвого воина копье, толстую дубину и, разминая быстрыми движениями затекшие члены, приготовился к бою. И во главе рычащей команды он и Мугамби встретили хлынувших в деревню дикарей.

Долго и жестоко дрались противники, но в конце концов негры потерпели поражение и бежали из деревни. На их стороне было явное превосходство сил, но при виде двух великанов, чернокожего и белого, сражающихся в обществе пантеры и чудовищных обезьян, туземцев опять охватил панический суеверный ужас...

В руки Тарзана попал единственный пленник. Его оставили в живых, и от него обезьяна-человек пытался

узнать, что сталось с Роковым и его компанией, куда они исчезли. Тарзан обещал пленнику свободу за точные сведения, и перепуганный чернокожий рассказал все, что знал относительно Рокова.

Сегодня рано поутру предводитель людоедов уговаривал белых вернуться в деревню, перебить ружейным огнем страшную звериную команду, но Роков выказал еще больше испуга перед белым гигантом и его диковинными товарищами, чем сами чернокожие. Собрав своих людей, он поспешил к реке, там они утащили несколько спрятанных туземных челноков, спустили их на воду и быстро уплыли вверх по реке.

Тарзану теперь приходилось снова пускаться на поиски своего сына, в погоню за похитителем.

* * *

День за днем шли они по почти необитаемой стране, и в конце концов Тарзан узнал, к крайнему своему огорчению, что идут по ложному пути. Судьба нанесла большой удар. Ему вообще не везло: его немногочисленная команда еще уменьшилась — три обезьяны из племени Акута погибли в последней схватке с чернокожими, и теперь, считая самого Акута, оставалось всего пять больших обезьян.

Сбившись с пути, Тарзан, конечно, не мог получить верных сведений о тех трех белых, которые шли впереди Рокова. Никто не знал, кто были мужчина и женщина, но что-то говорило ему, что ребенок его сын, и мысль об этом заставляла продолжить поиск. Он был уверен, что Роков гонится за этими тремя белыми, а потому, идя по следам Рокова, он доберется и до той, второй партии, спасет сына от опасности.

Убедившись в том, что след Рокова потерян, Тарзан решил, что ничего другого не остается, как вернуться назад, к тому месту, откуда начались поиски. Он так и сделал, вернувшись к прежней стоянке на берегу реки.

Однако нигде не мог он добыть точных сведений о трех белых людях. Ни один туземец, которого ему приходилось расспрашивать, не видел и не слышал ничего, хотя почти все они так или иначе встречались с Роковым. Тарзану это казалось странным. Ему вообще нелегко было добиваться общения с туземцами: уже один вид его спутников обращал негров в бегство. Поне-

ле приходилось идти впереди одному и подстерегать в джунглях какого-нибудь случайного туземца.

Однажды, выследив одного такого бродячего негра, он застиг его в момент, когда дикарь целился копьем в раненого белого человека, лежащего в кустах у тропинки. Тарзан всмотрелся и пришел в крайнее изумление: он узнал этого человека. Повар с «Кинкэда».

Да, это был он. Его отталкивающие черты глубоко врезались в память Тарзана: близко сидящие водянистые глаза, хитрое выражение и свешивающиеся рыжие усы...

Тарзану мгновенно пришло в голову, что повара не было в числе тех белых, что пришли в деревню вместе с Роковым. Значит, это именно о нем, «одной темной личности», упоминал Роков, когда мучил Тарзана моральной пыткой. И, значит, в руках этого повара находились жена и ребенок Тарзана!

От сильного гнева у Тарзана ярко выступила на лбу широкая багровая полоса — там, где был шрам от удара, нанесенного Теркозом много лет назад.

Убить этого негодяя! Отомстить за жену!

Но где оружие? Тарзан бросился на чернокожего и выбил у него из рук копье. Взбешенный дикарь выхватил нож и повернулся к Тарзану. Лежащий в кустах раненый швед стал свидетелем страшного поединка: голый чернокожий сражался врукопашную с полуобнаженным белым человеком, единственным оружием которого были зубы и кулаки.

Андерсен стал присматриваться, и его глаза широко раскрылись от удивления. Этот рычащий и кусающийся зверь был не кто иной, как тот хорошо одетый и благовоспитанный английский джентльмен, которого пленили на борту «Кинкэда».

Вооруженный дикарь уступил страшной силе невооруженного белого человека. Тарзан убил своего противника, не пожелавшего сдаться. И швед увидел, как белый человек вскочил на ноги и, положив одну ногу на шею убитого врага, издал ужасающий клич обезьяны-человека.

Андерсен содрогнулся от ужаса. Тарзан же, оставив поверженного дикаря, повернулся к шведу и крикнул:

— Где моя жена? Где ребенок?

Андерсен хотел ответить, но помешал внезапный припадок кашля. Из груди его торчала стрела, и, когда

он закашлялся, из пронзенного легкого хлынула горлом кровь.

Тарзан молча ждал, когда раненый снова сможет говорить. Как величавый истукан, стоял он перед беспомощным человеком. Он вырвет у него нужные сведения и затем убьет его!

Кашель прекратился. Тарзан, наклонившись над шведом, повторил:

— Жена и ребенок? Где они?

Андерсен еле слышно прошептал:

— Мистер Роков браль их...

— Как вы сюда попали? — продолжал Тарзан.— Почему вы не с Роковым?

— Я бежаль с вашим жена и сын от Роков. Они поймаль нас...

— Что вы хотели сделать с ними и куда вы их дели? — спросил Тарзан, глядя на него глазами, полными ненависти.— Какое зло вы причинили моей жене и ребенку?

Лицо Андерсена выразило полнейшее изумление:

— Я ничего им не делаль худо! Я хотел спасайт их от Роков! — прошептал он.

Что-то такое прозвучало в голосе шведа, что убедило Тарзана в правдивости его слов. Еще большее значение имело то, что раненый не казался испуганным.

Тарзан опустился перед ним на колени и сказал:

— Мне очень жаль вас. Я встречал в обществе Рокова одних только негодяев. Теперь вижу, что был не прав. Я хотел бы перенести вас в удобное место и промыть рану. Я хочу, чтобы вы поправились как можно скорее!

Швед безнадежно покачал головой и тихо простонал:

— Идит искать ваш жена и ребенок. Я уже умираль...

После некоторого колебания он прибавил:

— Я боюсь гиена. Прошу вас убить меня!

Тарзан содрогнулся. Несколько минут тому назад он хотел убить этого человека как злоумышленника, теперь же не в состоянии был поднять руку против него.

Он приподнял голову шведа, чтобы переменить положение и облегчить ему страдание. Но у раненого вновь случился припадок удушья, и кровь хлынула

горлом. Когда припадок прошел, Андерсен лежал с закрытыми глазами.

Тарзан подумал, что он уже умер, но Андерсен внезапно открыл глаза, посмотрел на человека-обезьяну и еле слышно прохрипел:

— Я тумаю, ветер скоро туть сильно!

И это были последние слова злополучного шведа.

XI
Тамбуджа

Тарзан вырыл в лесу неглубокую могилу и похоронил Андерсена. Это было все, что он мог сделать в джунглях для человека, который, вероятно, многое сделал для его жены и сына.

Теперь, когда он наверняка знал, что белая женщина — это Джен и что она вместе с сыном попала в руки Рокова, Тарзан решил с удвоенной энергией преследовать негодяя. Прежде всего следовало напасть на верный след. В этом месте через джунгли проходило много тропинок, перекрещивающихся в разных направлениях, и везде обозначены бесчисленные следы проходивших здесь туземцев, бе́лых людей и диких зверей.

Тарзан внимательно изучал все следы не только своим прекрасным зрением, но и сильно развитым чувством обоняния. Однако, несмотря на все предосторожности, к вечеру он убедился, что находится на ложном пути. Тарзан знал, что его звери пойдут по его стопам, и потому старался как можно отчетливее оставлять различные приметы. На перекрестках он терся по обеим сторонам тропы о лианы и ползучие растения, глубоко вдавливал ноги в вязкую почву, словно отпечатывая таким образом свой путь. Он знал, что его звери легко освоят эту печать в огромной книге джунглей.

К ночи пошел проливной дождь, и обезьяне-человеку не оставалось ничего другого, как обождать до утра под защитой огромного дерева. Но и с рассветом ливень не прекратился. Это была настоящая незадача для Тарзана. Начался период дождей. Целую неделю солнце пряталось под тяжелыми тучами, и дождь лил, как из ведра. Ливни смыли последние остатки следов, которые Тарзан продолжал упорно, но тщетно разыскивать.

Он шел по совершенно незнакомой местности и из-за непогоды не мог сверить курс ни по солнцу, ни по луне, ни по звездам. Первый раз в жизни Тарзан заблудился в джунглях. И это случилось как раз в то время, когда его жена и сын находились в руках его злейшего врага!

Дождь прошел. Солнце опять светило по-прежнему. Но человек-обезьяна все еще был в неведении, какого направления ему держаться. Он знал, что Роков оставил Угамби, но весь вопрос был в том, продолжит ли его враг путешествие в глубь страны или вернется (а может, уже вернулся) к берегам Угамби?

В том месте, где он покинул реку, Угамби становилась узкой и пороги препятствовали судоходству. Рокову не имело смысла плыть далее по реке. Следовать направлению, которое взял Андерсен, Роков вряд ли счел бы возможным, так как пересечь материк по направлению к Занзибару было весьма затруднительно, в особенности имея на руках женщину и ребенка.

После долгих размышлений человек-обезьяна остановил свой выбор на северо-восточном направлении, на пути к восточным германским колониям. Прекрасным солнечным утром он подошел к туземной деревне. Ее обитатели при виде Тарзана обратились по обыкновению в бегство. Тарзану удалось схватить одного молодого воина. Негр был до такой степени перепуган, что бросил оружие и, упав на колени, смотрел на обезьяну-человека как на самую судьбу или всемогущего демона.

С большим трудом удалось Тарзану успокоить молодого человека. В конце концов он узнал, что несколько дней назад через деревню проходила компания белых. Эти белые говорили, что их преследует страшный белый дьявол, и советовали туземцам держаться настороже, потому что «белый дьявол» шел в сопровождении ужасной шайки демонов. Чернокожий юноша, напуганный этими рассказами, счел Тарзана именно за «белого дьявола».

Во всей этой истории Тарзан усмотрел военную хитрость Рокова; последний, очевидно, всеми средствами старался затруднить погоню и возбудить против него туземцев. Молодой воин проговорился, что белый человек с черной бородой обещал неграм большую награду, если они убьют «белого дьявола».

Видя, что человек-обезьяна не замышляет ничего дурного, туземец повел Тарзана в деревню, сзывая по дороге своих товарищей.

Предводитель вернулся в деревню одним из первых, и его-то больше всего и хотел расспросить Тарзан. Это был маленький толстый мужчина с длинными обезьяноподобными руками. Лицо его не обещало ничего доброго: на нем лежал отпечаток лживости и низости. Только суеверный страх, вызванный сказками о белом дьяволе и демонах, удерживал его от желания немедленно кинуться на Тарзана с самыми кровожадными намерениями. Это был закостенелый отъявленный людоед, равно как и все его племя.

Тарзан подробно расспросил предводителя и, сравнив его пояснения с показаниями молодого воина, убедился, что Роков и сафари * скрылись в паническом страхе по направлению к далекому восточному берегу.

Предводитель, М'ганвазам, правда, отрицал присутствие белой женщины и ребенка в этой партии, но Тарзан был убежден, что он лжет.

Тарзан попросил поесть, но получил еду лишь после весьма длительных переговоров и колебаний. Во время завтрака он старался выведать что-либо еще у других находящихся здесь дикарей, но присутствие М'ганвазама парализовало им язык. Подозревая, что жители поселка знают о намерениях Рокова и судьбе Джен гораздо больше, чем говорят об этом, Тарзан решил переночевать в деревне, надеясь получить какие-либо важные подробности.

Когда он сказал предводителю о своем желании, то был удивлен резкой переменой, происшедшей в обращении с ним чернокожего вождя. Вместо прежнего подозрения и недоброжелательства М'ганвазам стал проявлять льстивую предупредительность и любезность.

Обезьяне-человеку предложили лучшую хижину в деревне, откуда прогнали главную жену М'ганвазама, а сам предводитель перебрался временно в хижину младшей жены.

Если бы Тарзан вовремя вспомнил о награде, которая была обещана за его убийство, он понял бы роковое значение этой перемены в обращении М'ганвазама.

Человек-обезьяна обыкновенно избегал ночевать в

---

* Сафари — носильщики.

туземных хижинах из-за присущего им зловония, дыма и чада, но на этот раз решил сделать исключение в надежде поговорить с каким-нибудь молодым негром, чтобы узнать от него всю правду. Поэтому Тарзан довольно любезно принял приглашение старого М'ганвазама, заявив, однако, что ему больше нравится ночевать в хижине молодых воинов да и жаль выгонять на холод жену предводителя.

Беззубая старуха супруга предводителя была очень довольна. Поэтому ее повелитель не настаивал на своем предложении, тем более что желание Тарзана только помогало привести зловещий план в исполнение.

Тарзана поместили в хижину близ деревенских ворот. В эту ночь устраивались пляски в честь вернувшихся охотников, и все молодые воины, по словам М'ганвазама, горят стремлением отличиться на празднике.

Как только человек-обезьяна был приведен в хижину, М'ганвазама созвал к себе молодых воинов и приказал им провести ночь в обществе белого дьявола. Те особой радости не изъявили, но слово М'ганвазама являлось законом, и тут уж противиться, конечно, не приходилось.

М'ганвазам собрал опытных воинов у костра и шепотом сообщил им план убийства. Старая женщина, которая благодаря Тарзану осталась на ночь в своей хижине, подошла к костру, якобы для того, чтобы подбросить дров, на самом же деле — подслушать речи заговорщиков. Старуха не вызвала никаких подозрений.

Несмотря на оглушительный шум и гвалт праздника, Тарзан заснул крепким сном. Проспав около двух часов, он почувствовал, что в хижину кто-то вошел. Огонь в очаге потух, кругом царил глубокий мрак. Однако человек-обезьяна был уверен, что кто-то крадется к нему впотьмах. Это не мог быть воин, возвращающийся с празднества, потому что праздник еще продолжался: дикие крики и шум тамтама по-прежнему доносились с улицы. Кто же бы мог это быть?

Тарзан-обезьяна вскочил и бесшумно и легко отпрыгнул в противоположную сторону хижины, держа наготове копье.

— Кто подкрадывается ко мне? Кто ползет, как голодный зверь? — спросил он.

— Тише, бвана! — прозвучал старческий голос.—

Это старая Тамбуджа, которую ты не захотел выгнать на холод из ее хижины.

— Что хочет Тамбуджа от меня?

— Ты был ко мне добр,— ответила старуха,— потому и я хочу сделать тебе добро. Я пришла предупредить тебя.

— Предупредить? О чем?

— М'ганвазам приказал нескольким молодым воинам лечь спать в твоей хижине. Они придут поутру, когда пляски кончатся. Если ты будешь спать, М'ганвазама приказал тотчас убить тебя. Если застанут бодрствующим — будут ждать, пока не заснешь, и тогда набросятся на тебя. М'ганвазам хочет получить награду, которую обещал за тебя белый человек.

— Я совсем забыл про награду,— промолвил Тарзан про себя. И добавил:

— Но как же М'ганвазам надеется получить награду, если белые ушли, и он даже не знает, где они теперь находятся?

Тамбуджа возразила:

— Они недалеко отсюда и идут медленно. Наши гонцы могут легко догнать их.

— А где они теперь?

— Я не могу объяснить тебе, где их лагерь, но могу отвести тебя туда.

Занятые разговором, собеседники не заметили, как в хижину прокрался какой-то мальчуган и так же бесшумно и незаметно выскользнул. Это был маленький Булао, сын предводителя от одной из его младших жен — мстительный, скверный мальчишка, всегда шпионивший за Тамбуджей и наушничающий отцу.

— Так пойдем же скорее! — воскликнул Тарзан.

Этих последних слов Булао не слышал, так как уже бежал со всех ног по деревенской улице на площадь, где его свирепый родитель пил туземное пиво и восхищался танцами. Воины дико орали, кружились и высоко прыгали, размахивая копьями. Тамтам и три барабана аккомпанировали пляске.

Когда Тарзан и Тамбуджа осторожно вышли из деревни и скрылись во мраке джунглей, почти одновременно с ними два стройных и легких черных гонца отправились в том же направлении, хотя и по другой дороге.

Через некоторое время, отойдя достаточно далеко

от деревни, Тарзан спросил старуху, видела ли она сама белую женщину и ребенка?

— Да, бвана,— ответила Тамбуджа.— Я видела их: белую женщину и маленького ребенка. Ребенок умер от лихорадки, и его похоронили в деревне...

XII
Черный негодяй

Когда Джен Клейтон пришла в себя после продолжительного обморока, ее снова охватило отчаяние. Она с ужасом и тоской смотрела на Андерсена, который держал на руках ребенка.

— Что с вами? — спросил он.— Вы больная?

— Где мой сын? — закричала несчастная женщина.

Андерсен протянул ребенка, но Джен покачала головой:

— Это не мой сын, вы это прекрасно знаете! Вы такой же негодяй, как и Роков.

Маленькие глазки Андерсена расширились от удивления.

— Не ваша сын? — спросил он.— Вы сам сказаль, что ваша ребенок на «Кинкэде».

— Это не мой ребенок! — печально возразила Джен.— Где же мой?

— Там не будь другая ребенка. Я тумаль, этот ваша. Я ошень жаль.

Андерсен беспокойно переступал с ноги на ногу. Было очевидно, он действительно не знал, что ребенок подменен.

Младенец на руках Андерсена запищал и потянулся ручонками к молодой женщине. Никакая мать в мире не может противостоять этому призыву! И, схватив чужого ребенка, Джен прижала младенца к груди и, спрятав свое лицо в детском платьице, тихо заплакала.

Слезы немного облегчили ее. После первого сильного потрясения, вызванного разочарованием, в ней пробудилась надежда: может быть, в последнюю минуту перед отходом «Кинкэда» из Англии каким-то чудом Джек вырван из рук Рокова и подменен этим ребенком?

— Вы не знаете, чье это дитя? — спросила Джен.

Швед покачал головой:

— Если ета не ваша сын, я не знаю, чей ета ребен-

ка. Мистер Роков говорила, ета ваша сын! Я не могу ходить на «Кинкэд»: Роков меня убиваль! Но вы может туда ходить: я вас буду проводиль до моря, а там чернокожий возиль вас до «Кинкэд»!

— Нет, нет! — закричала Джен.— Ни за что на свете! Лучше умереть, чем опять попасть в руки этих негодяев. Нет, пойдемте дальше и возьмем с собою этого ребенка. С божьей помощью мы отыщем моего Джека!

* * *

И они пустились в дальнейший поход через дикую страну!

С ними шло шесть туземцев. Сафари несли провизию и палатки, захваченные предусмотрительно Андерсеном с «Кинкэда». Дни и ночи беспрерывных мучений, которые переживала молодая женщина, слились для нее в один непрерываемый кошмар. Она потеряла всякий счет времени. Единственным утешением в этой жизни, полной непрерывных страхов и страданий, был ребенок, к которому Джен успела привязаться. Он до некоторой степени заполнил пустоту в ее сердце. Джен нашла существо, на которое могла изливать свою материнскую любовь. Иногда она закрывала глаза и мечтала в сладком и печальном самообмане, что ребенок у ее груди — ее собственный.

Первое время они продвигались внутрь страны чрезвычайно медленно. Из бесед с туземцами можно было предполагать, что Роков еще не напал на их след. Это последнее обстоятельство, а равно желание Андерсена облегчить молодой и нежной женщине тяготы путешествия заставляли их идти медленнее, чем следовало, и часто останавливаться на отдых.

Швед проявлял заботливость к Джен, как только мог. Он был очень огорчен и страдал от своей невольной ошибки. Джен же убедилась в его благородных побуждениях. На остановках Андерсен тщательно следил за тем, чтобы палатка для Джен и ребенка была разбита на самом удобном месте; колючая изгородь — бома, вокруг нее изготовлялась как можно прочнее и непроницаемее. Все лучшее из скромных продовольственных запасов Андерсен предоставлял ребенку. Но всего более успокаивало и трогало Джен его почтительное и вежливое с ней обращение.

Она часто удивлялась, как могло такое врожденное благородство характера скрываться под такой отталкивающей внешностью? В конце концов Джен перестала замечать его уродливость. Швед казался ей почти красавцем.

* * *

Спокойное путешествие нарушили неприятные известия.

Однажды дикари сообщили, что Роков напал на их след и находится в нескольких переходах от них. Беглецы изменили направление и повернули к реке Угамби.

Купив в деревне, лежавшей на притоке, лодку, они двинулись по притоку к Угамби, а затем поплыли вверх по реке. Достигнув места, где река перестала быть судоходной, беглецы опять вошли в джунгли.

На второй день после того, как они покинули Угамби, случилась новая беда: ребенок захворал лихорадкой. Андерсен хорошо знал, что печальный исход неизбежен, но не решался сказать это Джен, видя, что молодая женщина всем сердцем привязалась к ребенку.

Вскоре малышке стало так плохо, что пришлось сделать остановку. Андерсен разбил лагерь на лужайке, на берегу небольшой речки.

Джен ухаживала за маленьким больным, и вся была поглощена заботами. А между тем ее ожидало новое испытание. Один из черных носильщиков прибежал с известием: «белый дьявол» Роков со своим караваном находится здесь, совсем близко!

Беглецам пришлось немедленно сняться с места и спешно уходить в джунгли, несмотря на то, что ребенку становилось все хуже и хуже. Джен Клейтон достаточно хорошо знала Рокова. Она была уверена, что прежде всего он постарается разлучить ее с ребенком, а это означало бы для младенца верную смерть.

Они двинулись вперед через густые заросли по старой, почти заросшей тропе. Туземные носильщики один за другим куда-то таинственно исчезли. Они служили верно и преданно только до тех пор, пока не было опасности попасть в руки Рокову. Они так много слышали о его жестокости и чувствовали к нему такой непреодолимый страх, что без малейшего угрызения совести бросили своих хозяев, как только узнали, что «белый дьявол» устремился в погоню.

Тем не менее Андерсен и молодая женщина упорно продолжали свой путь. Швед шел впереди, чтобы прорубать дорогу в тех местах, где тропа совершенно заросла, молодая женщина с ребенком держалась сзади.

Так шли они весь день, а к вечеру поняли, что усилия спастись напрасны. Ветер донес голос приближавшегося каравана. Скорбные, изнемогшие от усталости и волнения, беглецы остановились. Андерсен посоветовал Джен приютиться позади большого дерева и тщательно укрыл ее и ребенка сухим валежником и травой.

Оставив ей на всякий случай ружье и сумку с патронами и немного пищи, швед посоветовал леди Клейтон после прохода каравана Рокова искать убежища в деревушке на расстоянии одной мили отсюда, а затем пройти обратно к устью Угамби и ждать попутного парохода, на котором можно вернуться на родину.

— А теперь прощайте, леди! — сказал Андерсен.— Желаю вам счастья!

И он протянул руку.

— Но куда же вы идете, Свен? — спросила удивленная Джен.— Почему вы не хотите тоже спрятаться здесь?

— Я хочу сказаль Рокову, что вы умираль, и он больше вас не искаль! — ответил швед.

Джен воскликнула:

— Но вы идете на верную смерть! Остановитесь! Мы найдем какой-нибудь способ к побегу!

— Это не помогайт! — возразил Андерсен.— Они нас оба будут поймаль, и тогда я не могу вам ничего сделайт, леди.

Указав на тропинку, по которой они только что пришли, швед посоветовал хранить полное молчание и тишину.

Через мгновение он уже шел спокойно и уверенно по этой тропинке навстречу приближающемуся каравану Рокова. Она следила за ним, пока поворот тропы не скрыл его силуэт...

Первым побуждением Джен было бежать за ним, возвратить ружье или уговорить вернуться. Ей было до отчаяния жаль шведа, да и мысль остаться одной, без друга, в страшных африканских джунглях ужасала ее.

Джен тихонько приподнялась, чтобы вылезти из своего убежища. Прижав ближе ребенка, она взгляну-

ла на личико. Оно было багрово-красного цвета. Ребенок горел, как в огне.

С криком ужаса Джен Клейтон вскочила на ноги. Ружье и сумка с патронами остались лежать забытыми под валежником. Джен забыла все: и Андерсена, и Рокова, и страшную опасность, которая ей угрожала. Ее мозг сверлила одна мысль: ребенок захворал страшной тропической лихорадкой. Нельзя терять ни минуты! Скорее в деревню, к жилью, к людям, где может найтись хоть какое-нибудь целебное средство! Взяв на руки ребенка, леди Клейтон побежала по тропинке, которую указал Андерсен.

Далеко позади раздались крики и выстрелы, а затем наступила тишина. Новая тоска сжала сердце: выстрел означал, что Андерсен встретился с Роковым.

Полчаса спустя, еле держась на ногах от усталости, Джен добежала до маленькой деревушки. Навстречу высыпала целая толпа: мужчины, женщины, дети. Любопытные туземцы засыпали вопросами: кто она, что ей надо, что с ней случилось? Увы, Джен не знала языка. Она только с ужасом указывала на жалобно стонавшего ребенка и повторяла: «Лихорадка, лихорадка!»

Чернокожие не поняли ее слов, но одна молодая негритянка догадалась, что ее ребенок болен. Она схватила Джен за руку и потащила к себе в хижину. Женщины окружили Джен и всячески старались успокоить ее.

Позвали знахаря, который развел в хижине огонь, повесил над ним глиняный небольшой горшок и начал варить странное зелье, делая магические жесты и бормоча монотонные заклинания. Затем он опустил в горшок хвост зебры и обрызгал им лицо ребенка.

После ухода лекаря негритянки уселись в круг и начали вопить-причитать. Джен думала, что сойдет с ума, но, зная, что все это проделывалось женщинами из добрых побуждений, молча и терпеливо переносила ночной кошмар.

Около полуночи в деревне началось внезапное оживление, доносились голоса спорящих туземцев. Вскоре послышались приближающиеся к хижине шаги. Джен сидела, скорчившись, на полу около огня, держа ребенка на коленях. Младенец лежал тихо, с полуоткрытыми закатившимися глазами. Дыхания почти не слышалось.

Леди Клейтон с тоскою смотрела на маленькое личико. Это не был ее ребенок, это не была ее плоть и кровь, и все же как дорог и близок стал ей бедный безвестный мальчик.

Смерть приближалась. Несмотря на свое горе, Джен считала ее приход благодетельным, потому что смерть прекращала мучения маленького страдальца!

Шаги остановились у дверей. Минуту спустя вошел М'ганвазам, предводитель племени. Джен мельком видела его накануне вечером. К ней наклонилось зверское раскрашенное лицо дикаря, в котором не было ничего человеческого. Джен показалось даже, что он больше походит на гориллу, чем на человека.

Дикарь попробовал объясниться с ней, но, видя безуспешность попыток, обернулся к двери и кого-то позвал. В хижину вошел негр, судя по внешности, принадлежавший к другому племени. Он понимал по-английски и мог служить переводчиком.

С первого же вопроса Джен почувствовала, что дикарь допрашивает ее с какой-то определенной, покуда еще не понятной целью. Он выказывал особый интерес к ее намерениям, расспрашивал, с какой целью и куда она путешествовала и как оказалась в его деревне?

Не видя причин скрывать правду, леди Клейтон рассказала все как есть. На вопрос, не условливалась ли она встретиться с мужем именно в этой деревне, покачала отрицательно головой.

Тогда предводитель изложил при помощи переводчика главную цель своего визита.

— Я только что узнал,— сказал он,— от людей, живущих на берегу Угамби, что ваш муж шел вдогонку за вами вверх по реке, но негры недавно напали на него и убили. Я это говорю затем, чтобы вы не теряли времени на розыски мужа; лучше возвращайтесь назад к реке. Вам больше нечего делать в этой стране!

Джен шепотом поблагодарила М'ганвазама. У ней не хватало голоса. Ее сердце окаменело от нового удара. С опущенной головой сидела она, глядя отсутствующим взглядом на ребенка. М'ганвазам беззвучно, как кошка, покинул хижину. Немного погодя снова послышался шум у входа.

Женщины-негритянки по-прежнему сидели у огня, одна из них подбросила сухих веток на догорающие уголья. Бурно вспыхнуло пламя и осветило, как по вол-

шебству, внутренность хижины. Джен Клейтон онемела от ужаса: ребенок был мертв! Когда он умер, она даже не заметила. Беззвучные рыдания подступили к горлу, голова упала на маленький сверток у ее груди.

С минуту в хижине царила полная тишина. Затем туземные женщины разразились ужасным воплем.

Мужчина, стоявший некоторое время безмолвно, кашлянул и произнес:

— Леди Клейтон!

Джен испуганно подняла глаза и увидела перед собой насмешливое лицо Николая Рокова.

XIII
Бегство

Прошло несколько минут...

Роков стоял молча, с наглой усмешкой на губах, его взор упал на небольшой сверток на коленях молодой женщины. Джен прикрыла углом одеяла лицо ребенка, было похоже, что он просто спит.

— Вы, сударыня, напрасно причинили себе столько хлопот! — иронически промолвил Роков.— К чему вам было лично везти сына к людоедам? Я сам охотно доставил бы его сюда и этим избавил бы вас от опасностей и трудностей путешествия. Впрочем, я вам очень благодарен. По крайней мере, мне не пришлось возиться с вашим ребенком во время трудных и опасных переходов.

Он помолчал и после небольшой паузы продолжал с той же гаденькой улыбкой:

— С самого начала я предназначал вашего сына именно для этой деревни, надеясь, что М'ганвазам сделает из него бравого людоеда. Если леди Грэйсток удастся вернуться в Англию, ей, без сомнения, будет приятно знать, что ее сын в полной сохранности живет здесь, в избранном людоедском обществе. Еще раз от всей души благодарю вас, леди Грэйсток, за любезную доставку вашего сына к каннибалам. А теперь должен просить вас вручить его мне, чтобы передать приемным родителям.

Роков цинически усмехнулся и протянул руки к ребенку.

К его удивлению, Джен Клейтон встала и без еди-

ного слова протеста протянула маленький сверток.

— Возьмите его! — сказала она.— Слава богу, теперь он уже не в вашей власти!

Сразу поняв значение этих слов, Роков скинул одеяло с лица мертвого ребенка.

Все эти дни Джен ломала себе голову над вопросом, знал ли Роков о том, что ребенок подменен? Теперь ее сомнение рассеялось при виде злобы, перекосившей лицо негодяя, который не мог скрыть своей досады.

Он бросил трупик ребенка обратно на руки Джен, топнул ногой и стал расхаживать взад и вперед по хижине. Не желая и не умея сдерживаться, Роков ругался и размахивал кулаками. Наконец, он остановился перед молодой женщиной

— Вы смеетесь надо мной! — закричал он.— Думаете, вы меня победили? Вздор! Я покажу вам, что значит иметь дело с Николаем Роковым. Я лишился ребенка, которого предназначал в сыновья к каннибалу, но...— Он сделал паузу для того, чтобы придать весу дальнейшим словам: — Но я могу вместо этого сделать мать ребенка женой каннибала и, клянусь мощами святого Петра, я это сделаю! Но только после того, как получу от вас то, что мне хочется!

Если он думал возбудить в Джен ужас, то жестоко ошибся. Она была выше угроз: ее рассудок и нервы до того притупились, что уже не воспринимали больше страданий и горя. К крайнему его удивлению, он заметил на лице молодой женщины довольную улыбку. Она в душе торжествовала: этот бедный маленький мертвец был совершенно чужим ей, а Роков даже не подозревал! Она, конечно, с радостью бросила бы ему правду в лицо, но пусть будет так! — лучше, так безопаснее Джеку, где бы он сейчас ни был.

Нет, Роков никогда не узнает, что это чужой ребенок!

Джен прекрасно сознавала, что ее положение со смертью Андерсена стало не просто плохим, а, пожалуй, безнадежным. Роков угрожал ей не попусту! Он, конечно, постарается исполнить свою угрозу. Ей оставалось одно: найти способ покончить с собою раньше, чем Роков осуществит постыдный план.

Но для этого требовалось время, нужно было все обдумать и приготовиться к смерти. Она также знала, что не сможет сделать этого последнего и решительно-

го шага, не испробовав всех способов и возможностей побега. Она не дорожила жизнью, но в ней теплилась надежда, что каким-нибудь образом она сможет вернуться к сыну, к своим материнским обязанностям. В то же время леди Грэйсток твердо решила, что не задумается при выборе двух вариантов — Николай Роков или самоубийство!

— Ступайте прочь! — гневно крикнула она.— Оставьте меня с умершим ребенком. Разве вы еще недостаточно причинили страданий и горя? Что я вам сделала? За что вы продолжаете преследовать меня?

— Вы страдаете за человека-обезьяну, любовь которого вы предпочли любви джентльмена! — ответил он.— Но не будем об этом говорить. Мы сначала похороним вашего ребенка, затем вы пойдете в мой лагерь, а завтра утром я передам вас очаровательному М'ганвазаму.

Позвав несколько чернокожих, Роков проводил Джен за деревню. Там под большим деревом негры вырыли маленькую могилу. Завернув трупик в одеяло, Джен бережно положила его в приготовленную яму и, встав на колени, произнесла тихую молитву над безвестным младенцем.

Спокойная, с сухими глазами, она встала и последовала за своим мучителем в глубокий мрак джунглей по узкой тропе, которая соединяла деревню Ваганвазама с лагерем международного проходимца и мошенника Николая Рокова...

Тропа представляла собою как бы узкий коридор, стены которого составляют густые заросли, переплетающиеся сверху и не пропускающие лунного света. Молодая женщина слышала, как трещит валежник под ногами крупных зверей, до ее слуха доносилось глухое рычание охотившегося льва, похожее на гром, от которого дрожала земля.

Носильщики зажгли связки тростника и размахивали ими, чтобы напугать хищников и держать их на почтительном расстоянии. Роков торопил людей, и по его дрожащему голосу Джен поняла, что он трусит.

Ночные звуки джунглей вызвали у ней воспоминание о тех днях и ночах, которые она проводила в подобных лесных зарослях со своим лесным богом — бесстрашным и непобедимым Тарзаном из племени обезьян. Как чудесно все изменилось бы, если бы только

Джен знала, что он тоже здесь, в этой дикой стране, и ищет ее! Тогда было бы ради чего жить и была бы надежда на помощь! Мысль, что он умер, не могла уместиться в ее сознании.

Она не могла себе представить, что это могучее тело, эти мощные мышцы навсегда оцепенели в мертвом покое. Неужели он в самом деле умер? Верить или нет? Но для неверия нет оснований. Если бы известие о смерти Тарзана принес Роков, она, конечно, сочла бы это ложью без малейшего колебания. А зачем М'ганвазаму обманывать ее?

Маленькая группка путников достигла колючей изгороди, которая окружала лагерь Рокова. Там царило непонятное смятение. Очевидно, случилось что-то особенное и притом крайне неприятное для Рокова: лицо его исказилось от злобы. Немного погодя по обрывкам разговоров Джен догадалась, что за время его отсутствия несколько человек из отряда бежали, захватив большую часть припасов и снаряжения.

Излив свою ярость на оставшихся, Роков вернулся к Джен, которую охраняли два белых матроса. Он грубо схватил ее за руку, потащил к своей палатке. Джен изо всех сил отбивалась, стараясь вырваться, а матросы стояли в сторонке, потешаясь занятным зрелищем. Взбешенный сопротивлением, Роков ударил Джен по лицу и в полусознательном состоянии втащил в палатку.

Слуга зажег лампы, а затем по знаку своего господина вышел. Джен упала на пол. Немного придя в себя, она обвела глазами внутренность помещения, не упуская из вида ни малейшей подробности.

Роков приподнял женщину с пола и потащил к походной кровати. На поясе у него висел большой револьвер. Джен ждала удобного случая овладеть оружием. Она сделала вид, что лишилась сознания, но через полузакрытые веки продолжала следить за Роковым.

Воспользовавшись ее «обморочным состоянием», Роков приподнял Джен на кровать, но вдруг какой-то шум снаружи заставил его оглянуться. Удобный случай представился: ловким и быстрым движением Джен выхватила револьвер и ударила насильника меж глаз.

Роков как сноп повалился на землю и потерял сознание. Молодая женщина легко вздохнула — она была спасена от мерзких объятий.

Шум, привлекший внимание Рокова, продолжался. Джен боялась, что сию минуту войдет слуга и увидит, что случилось. Она быстро подошла к столику и потушила чадившую лампу.

Очутившись в полном мраке, леди Клейтон стала обдумывать дальнейший план действия. Она — во вражеском лагере. За его пределами лежали дикие джунгли, населенные страшными хищниками и еще более страшными людьми. Мало шансов, что ей удастся остаться в живых, но мысль, что она уже прошла невредимой через столько опасностей и что где-то там далеко ожидает сын, придала ей решимость. Что бы ни случилось, что бы ей ни грозило, она постарается пересечь страну ужасов и выйти к свободному океану...

Палатка Рокова стояла почти в центре лагеря, кругом нее палатки его белых спутников и туземцев. Пройти мимо них и пробраться сквозь колючую изгородь казалось задачей почти невыполнимой, но другого выхода не было.

Крадущимися шагами Джен подошла к стене палатки, ощупью поискала дверь, но не нашла. Тогда она вернулась к лежащему Рокову, отыскала за поясом нож и прорезала им полотно.

Джен с облегчением увидела, что в лагере все спали, только один часовой сидел на противоположной стороне изгороди. Стараясь идти таким образом, чтобы палатки скрывали ее от глаз часового, она подошла к колючей изгороди.

Из мрака джунглей доносились таинственные и жуткие ночные звуки, грозное рычание львов. С минуту она колебалась. Мысль о хищниках приводила ее в ужас. Здесь в темноте их голоса казались особенно страшными. Но минута колебания прошла — Джен энергично потрясла головой и начала раздирать колючую стену нежными руками. Она не обращала внимания на раны и кровь. Часовой на другом конце лагеря ничего не видел и не слышал, и она продолжала работать, пока не проделала достаточно большое отверстие, через которое могла пролезть.

И вот она уже по ту сторону изгороди. То, что осталось позади, было хуже, чем смерть. Впереди ее ожидала почти тоже верная смерть, но, во всяком случае, это была быстрая, милосердная и чистая смерть.

Без сожаления и колебания Джен отошла от лаге-

ря, и минуту спустя ее скрыла таинственная темнота джунглей.

XIV

Одна в джунглях

Тамбуджа повела Тарзана по извилистой тропе к лагерю Рокова. Шла она очень медленно, старые ноги плохо служили ей. Поэтому гонцы, посланные М'ганвазамом, чтобы предупредить Рокова о прибытии Тарзана, пришли в лагерь значительно раньше. Они застали лагерь белого человека в полном смятении. Рокова нашли раненым, в бессознательном состоянии в своей палатке. Когда авантюрист пришел в себя и увидел, что леди Клейтон скрылась, то пришел в полную ярость. Вне себя от бешенства он бегал по лагерю с винтовкой и грозил пристрелить туземных часовых, по оплошности которых молодой женщине удалось бежать. В конце концов матросы обезоружили его из опасения, что и последние туземцы разбегутся от страха.

Едва посланцы М'ганвазама успели передать Рокову свое сообщение, как прибежали два других гонца. Они еле дышали от быстрого бега и, волнуясь, сообщили о страшном событии: белый великан убежал ночью от М'ганвазама и теперь идет к лагерю белых, чтобы отомстить своим врагам.

В лагере поднялась страшная тревога. Чернокожих охватил панический страх при одной мысли о близости «белого дьявола» с его бандой свирепых зверей. Этот мистический страх был так велик, что дикари попрятались где попало: в лесу, на прибрежье, в кустах, на деревьях. В лагере вскоре не осталось никого из негров. Несмотря на всю поспешность, чернокожие, однако, не забыли захватить из лагеря Рокова наиболее ценное.

Таким образом Роков и семь матросов были ограблены и покинуты туземными работниками. Видя безвыходное положение, Роков, как всегда, со злобой накидулся на своих спутников, обвиняя их одних во всем происшедшем. Но на этот раз матросы вовсе не были расположены сносить оскорбления и ругательства. Тиранические выходки и бешеный характер Рокова довели подчиненных до того, что они стали открыто возмущаться. Более того, один из матросов в пылу

гневных пререканий вытащил револьвер и выстрелил в Рокова. Хотя он промахнулся, но выстрел произвел на Рокова столь сильное впечатление, что он, попросту говоря, перетрусил и побежал к палатке.

Но его ждало еще одно сильное ощущение. Не успел он дойти до своего убежища, как буквально оцепенел от ужаса: на опушке леса из густых зарослей появилась гагантская фигура почти обнаженного белого человека.

Роков со всех ног бросился в палатку; там в задней стене все еще оставался незашитым длинный разрез. Он выскочил наружу и исчез в джунглях, не заметив, что бежит по следам Джен Клейтон.

При виде обезьяны-человека матросы обратились в такое же паническое бегство. Тарзан, увидев, что Рокова нет среди них, не пустился за ними в погоню. Ему нужен был только Роков. Что касается матросов, то он был уверен, что в джунглях они все равно понесут справедливое наказание за свои жестокие деяния, джунгли воздадут им должное... И Тарзан не ошибся — он был последним белым человеком, который видел их на этом свете.

Тарзан вошел в палатку Рокова, но там никого не было, и человек-обезьяна, рассерженный неудачей, хотел немедленно пуститься в погоню. Помешала Тамбуджа, советуя вернуться в их деревню.

— Он, наверное, там! — сказала старуха.— Пойдем туда поскорее!

Предложение старухи показалось Тарзану правдоподобным, и, место того, чтобы отыскивать здесь следы Рокова, он отправился с нею обратно к деревне Ваганвазам. Как сожалел человек-обезьяна, что с ним не было Мугамби, Шиты, Акуты — его команды. Вот когда пригодилась бы их помощь!

Конечно же, в деревне он не нашел и признаков пребывания ни Джен, ни Рокова. Зная лживость предводителя, он не стал терять времени на бесплодные расспросы и поспешил обратно к покинутому лагерю, чтобы отыскать там хоть какие-нибудь следы. Тщательно обойдя вокруг колючей изгороди, он нашел кое-что такое, что привлекло его внимание.

Изгородь в одном месте была разломана и разорвана, и по некоторым признакам можно было предположить, что кто-то пролез через это отверстие. Превосходно развитое чувство обоняния подсказало Тар-

зану, что те двое, кого он ищет, бежали из лагеря и притом в одном направлении. Минуту спустя он пошел по той же дороге, отыскивая следы на земле.

* * *

В это время вдали от лагеря, в глухих зарослях девственного леса, пробиралась по узкой тропе объятая ужасом молодая женщина. Каждую минуту она боялась очутиться лицом к лицу с диким зверем или с таким же диким человеком. Она шла по узкой тропе наугад, надеясь, что тропинка приведет ее к большой реке. И вдруг остановилась в недоумении: окружающая местность показалась странно знакомою. Что это значит?

По одну сторону тропы, под гигантским деревом, лежала куча валежника. Джен с минуту подумала, и внезапно в ней проснулось воспоминание: да ведь здесь ее спрятал Андерсен! Здесь швед отдал свою жизнь после бесплодной попытки спасти ее от посягательств негодяя! Да! Этого места в джунглях ей никогда не забыть — на всю жизнь оно врезалось в память.

При виде валежника Джен вспомнила о винтовке и патронах, которые ей оставил в последнюю минуту преданный швед. Ее рука все еще сжимала револьвер, выхваченный у Рокова. Револьвер, конечно, хорошая защита, но в нем только шесть зарядов. А это слишком мало для ее длинного пути к океану.

С замиранием сердца просунула Джен руку под валежник. Там ли клад, оставленный ею? К великой своей радости, она нащупала ствол ружья и сумочку с патронами. Джен повесила сумку через плечо и взяла наперевес тяжелую винтовку. Вооруженная таким образом, женщина почувствовала себя увереннее и с новой надеждой на успех продолжала свой путь.

Ночь беглянка провела на деревьях, а рано утром отправилась дальше. Пересекая небольшую поляну, Джен чуть было не наткнулась на громадную обезьяну, которая вышла из джунглей. Молодая женщина догадалась встать так, чтобы очутиться против ветра. Она успела спрятаться в густом кустарнике и держала наготове свою винтовку.

Чудовище медленно двигалось по полянке, время от времени обнюхивая землю — как бы отыскивая

чьи-то следы. И еще не успел этот гигантский антропоид сделать несколько шагов, как из чащи показался второй такой же, а затем еще и еще, и вскоре перед испуганной молодой женщиной предстали целых пять свирепых зверей.

К ее удивлению, обезьяны, словно в нерешительности, остановились посреди поляны. Они собрались в кучу и оглядывались назад, как бы ожидая еще кого-то.

Джен страстно молила богов, чтобы звери ушли как можно скорее. Каждую минуту случайный ветерок мог донести ее запах до обезьян, и тогда никакое ружье не помогло бы. Ей показалось, что она поняла, почему обезьяны толпятся здесь на лужайке, они словно прятались от кого-то. Очевидно, их выслеживал хищник... И, действительно, через несколько минут Джен увидела гибкую пантеру: громадная кошка бесшумно выскользнула из джунглей. Но каково же было удивление Джен, когда пантера, вместо того чтобы кинуться на обезьян, близко подошла к ним и, усевшись рядом, стала со спокойно-заботливым видом облизываться! Еще через несколько минут удивление Джен сменилось уже страхом: из джунглей появился высокий чернокожий. Она была уверена, что через секунду от человека останутся одни клочья. Но черный человек спокойно подошел к странной компании и, что еще страннее, заговорил с ними...

Вскоре все это диковинное общество двинулось дальше и скрылось в противоположной стороне джунглей. Со вздохом облегчения вскочила Джен на ноги и постаралась как можно дальше убежать от страшной банды; она ничего не понимала, и вскоре ей стало казаться, что она просто видела странный сон...

* * *

На той же дороге, за полмили отсюда, другой человек лежал на земле полумертвый от страха. Он прятался за огромным муравейником все от той же банды. Это был Роков. Для него звериное сообщество не было ни новостью, ни загадкой. Он узнал страшных союзников Тарзана. И как только звери прошли мимо него, Роков со всех ног бросился бежать, держа направление к берегам Угамби.

Туда же шла и Джен. Когда она добралась, на-

конец, до реки, Роков был так близок к ней, что они могли встретиться каждую минуту.

На берегу молодая женщина увидела большой челн, наполовину вытащенный на берег и привязанный к дереву.

Такая желанная находка! Если бы только удалось спустить челн в воду! Появится реальный шанс добраться до океана. Отвязав веревку, Джен схватилась за нос челна; толкая и раскачивая ладью, она старалась столкнуть ее в воду, но все усилия были напрасны.

Тогда ей пришло в голову утяжелить корму и раскачивать челн до тех пор, пока он не соскользнет в воду.

Она нашла несколько тяжелых обрубков, с большим трудом подкатила их к челноку и уложила на корме. И с радостью заметила, что челн стал действительно опускаться в воду.

Леди Клейтон была так занята тяжелой работой, что не заметила, как неподалеку от нее появился какой-то мужчина. Он следил за молодой женщиной, и на его смуглом лице играла хитрая, недобрая усмешка.

Челн был уже в воде. Джен вскочила в него, положила туда же ружье и сумку и уже хотела оттолкнуться веслом от берега. Вдруг в глаза ей бросилась неизвестно откуда появившаяся фигура. Легкий крик ужаса вырвался у молодой женщины: перед ней стоял Роков.

Леди Клейтон ничего не знала о неудачах, постигших Рокова. Она была убеждена, что при нем есть оружие и он не один. Лучше смерть, чем то, что ее ожидает. Еще минута, и челн понесется по волнам! Только бы попасть на середину реки, а там она уже вне власти Рокова. На берегу нет другой лодки, и ни один человек, тем более такой трус, как Роков, не решится броситься вплавь в реку, кишащую крокодилами.

Роков был, в сущности, всего более поглощен своим бегством. Он охотно отказался бы от всех своих честолюбивых притязаний и даже наобещал бы Джен что угодно, только бы она позволила ему воспользоваться драгоценной лодкой. Он подбежал к самой воде и протянул руку, чтобы схватить нос судна. Но в эту минуту Джен напрягла все силы и оттолкнула челн от берега. Слава богу, она спасена!

Но не успела Джен опомниться, как увидела торжествующую улыбку на хитром лице Рокова. Тот быстро

нагнулся и с ликующим видом поднял оставшийся на берегу конец веревки, которой челн был привязан к дереву.

Джен с широко раскрытыми от ужаса глазами смотрела на Рокова. В последнюю минуту, когда казалось, все шло благополучно, ее опять постигла неудача и она оказалась во власти негодяя.

XV
ВНИЗ ПО УГАМБИ

На полдороге между Угамби и деревней Ваганвазам Тарзан встретился со своей дикой командой, которая неотступно шла по его старым следам. Мугамби едва мог поверить, что Роков и жена его господина прошли так близко от звериной команды. Ему казалось совершенно невероятным, чтобы два человеческих существа могли пройти мимо них, не будучи замеченными чуткими зверями. А между тем следы неопровержимо доказывали это.

Тарзан, однако, сразу определил, что Джен и Роков шли порознь. След ясно указывал, что молодая женщина шла сначала впереди на большом расстоянии от Рокова, но тот быстро настигал свою жертву.

Он был убежден, что беглецы здесь, совсем неподалеку. Тарзан, опережая свою команду, несся по деревьям, перебрасываясь с ветки на ветку, и вышел к берегу как раз в том месте, где Роков догнал Джен. На песке виднелись ясные отпечатки следов тех двух людей, которых он искал, но ни лодки, ни людей не было.

Тарзан не сомневался, что они уплыли по реке в туземном челноке. Зоркий глаз обезьяны-человека быстро сориентировался на местности. Вдали, где река делала изгиб, Тарзан увидел челн, плывущий у берега под тенью густо нависших деревьев. На корме виднелась фигура мужчины.

Вышедшая на берег звериная команда увидела, как ее предводитель проворно помчался по болотистому грунту, перепрыгивая с кочки на кочку, к небольшому мысу на повороте реки.

Тяжелые неповоротливые обезьяны не могли идти по вязкому берегу; Шита тоже не любила такой ходь-

бы. Поэтому они пошли в обход по лесу. Мугамби последовал за ними.

После получасового быстрого бега Тарзан достиг мыса. Отсюда открывался далекий вид на извилистую реку. И на ее светлой поверхности Тарзан сразу увидел челн и в нем Николая Рокова. Роков был один.

При виде своего заклятого врага широкая полоса на лбу человека-обезьяны побагровела от гнева, и он испустил страшный звериный крик обезьяны-самца. Роков содрогнулся при этом зловещем крике. Прижавшись ко дну лодки, стуча от ужаса зубами, он, не отрываясь, смотрел на человека, которого боялся больше всего на свете.

Находясь в челне, на середине реки, Роков считал себя в безопасности, но уже один вид Тарзана приводил его в трепет. Трудно описать, что сталось с ним, когда он увидел, что белый гигант бесстрашно нырнул в жуткие волны тропической реки и поплыл к лодке...

Рассекая волны быстрыми движениями рук, человек-обезьяна приближался к плывущему по течению челноку. Роков схватил лежащее на дне весло и, дико глядя на своего преследователя, гнал что было сил неповоротливый челн.

А с противоположного берега на обнаженного пловца уже надвигалась зловещая рябь.

Тарзан достиг кормы судна. Вытянув руку, он схватился за борт. Роков сидел не шевелясь, словно парализованный ужасом...

Что-то плеснуло за спиной у Тарзана. Он недоуменно обернулся и увидел предательскую рябь. И мгновенно понял, что это значит. В ту же минуту могучие челюсти обхватили его правую ногу. Человек-обезьяна рванулся, стараясь освободиться от смертельной хватки и влезть в челн. Страшная боль мутила сознание. Роков вскочил и тяжелым веслом изо всех сил ударил своего врага по голове... Руки человека-обезьяны соскользнули с лодки, и он погрузился в воду.

На поверхности реки закипела и угасла недолгая борьба... Запенилась в круговороте вода, всплыли пузыри, разошлись сглаживаемые течением круги. И этот водоворот, и эти пузыри отметили место, где Тарзан из племени обезьян скрылся в зловещих водах Угамби...

* * *

Подкошенный пережитыми волнениями и смертельной усталостью, Роков в изнеможении повалился на дно лодки. В первый момент он не мог дать себе даже отчета о случившемся. Потом, поняв все значение выпавшей на его долю удачи, торжествующе улыбнулся. Но радость его была непродолжительной. Едва у него мелькнула мысль о том, что теперь можно считать вполне безопасным дальнейшее путешествие до океана, как с берега донесся дикий рев.

Роков оглянулся: на берегу, в густой листве, сверкали устремленные на него злые глаза пантеры, позади выглядывали страшные обезьяны, а впереди этого кошмарного звериного воинства чернела мощная фигура чернокожего гиганта, который выразительно грозил Рокову кулаком...

* * *

Это было какое-то сумасшедшее бегство вниз по Угамби... Фантастическая орда гналась за лодкою Рокова днем и ночью. Иногда преследователи шли почти наравне с ним, иногда на время пропадали в лабиринте джунглей, чтобы вновь появиться с воплями гнева, угрозами, с щелканьем клыков и диким воем. Это путешествие превратило крепкого, здорового Рокова в изнуренного, седого, полубезумного старика...

Он плыл мимо населенных поселков. Неоднократно туземные воины пытались в своих челнах перехватить его. Но всякий раз из джунглей появлялась страшная команда и отгоняла испуганных чернокожих обратно на берег.

Нигде на своем пути Роков не встречал следов леди Клейтон. Он не видел ее с того момента, когда схватил конец веревки, привязанной к лодке, и смеялся от радости, что она опять находится в его власти. Но это был лишь один момент. В следующую же секунду молодая женщина схватила со дна челна ружье и прицелилась ему в грудь...

Быстро выпустил он тогда веревку, и челн с Джен уплыл вниз по течению. Он же побежал по берегу вверх по реке к устью маленького притока: там была спрятана лодка, в которой он и его люди плыли во время преследования Андерсена и Джен.

Что сталось с молодой женщиной? Роков не сомневался, что она попала в руки дикарей в какой-нибудь из деревень, мимо которых плыла к океану.

Добравшись, наконец, до устья Угамби, Роков воспрял духом: там на желтых водах бухты стоял на якоре «Кинкэд». Перед своей поездкой вверх по реке Роков отослал пароход грузиться углем, оставив его на попечение Павловича. И вот везение — корабль уже вернулся и, груженый, стоял на рейде.

Усиленно начал он грести к пароходу, время от времени громко крича, чтобы привлечь внимание экипажа. Тщетно: палуба оставалась молчаливой. Что сталось с теми, кого он оставил на «Кинкэде»? Где Павлович? Неужели судно брошено экипажем? Неужели ему, пережившему все эти кошмарные дни и ночи, предстоят новые испытания? Роков вздрогнул; ему вдруг почувствовалось дыхание смерти.

Однако он продолжал грести, и, спустя короткое время, нос челна стукнулся о борт парохода. На одной стороне свешивалась веревочная лестница. Когда Роков обеими руками схватился за нее, то услышал с палубы грозный предостерегающий окрик и, подняв голову, увидел холодное, безжалостное дуло ружья.

* * *

После того, как Джен насмерть перепугала на берегу Угамби своей винтовкой Рокова и ей удалось благодаря этому «жесту» ускользнуть в челноке от его преследования, она все время держалась самой быстрины течения.

Все эти длинные дни и тяжелые ночи она держала неустанную вахту. Только в самые жаркие часы ложилась на дно лодки, прикрыв лицо большим пальмовым листом, и отдавалась течению. Это были ее единственные часы отдыха, в другое же время она гребла, стараясь увеличить быстроту движения. Напротив, Роков, плывя следом за ней по той же реке, держался все время в струе более слабого течения, так как он старался уклоняться как можно дальше от того берега, по которому шли его страшные преследователи, и часто попадал в тихие заводи. Таким образом, хотя Роков и отплыл вниз по Угамби почти одновременно с Джен, она достигла бухты двумя часами раньше. Увидя сто-

явший на якоре пароход, леди Клейтон невольно прослезилась от радости и надежды. Но радость сменилась тяжелым раздумьем, когда она увидела, что это «Кинкэд», тот самый «Кинкэд», на котором она уже перенесла столько испытаний!

В душе, однако, теплилась надежда, что теперь, когда Рокова там нет, ей удастся уговорить экипаж отвезти ее за большое вознаграждение в ближайший цивилизованный портовой город. Во всяком случае, стоило пойти на риск — только бы добраться до парохода!

Течение быстро несло лодку вниз по реке, и она почувствовала, что только при напряжении всех сил ей удастся подгрести к «Кинкэду». Она рассчитывала, что с парохода помогут ей, но, к ее удивлению, на борту не было даже признака жизни.

Челн несся все ближе и ближе к носу парохода, а между тем никто не окликал ее. Еще минута, и ее отнесет за пароход и, если не спустят шлюпки, течение унесет в океан.

Джен громко позвала на помощь, но в ответ послышался только пронзительный рев зверей из окрестных джунглей. Молодая женщина изо всех сил налегла на весла, но челн упрямо относило в сторону. Однако в самую последнюю минуту ладья попала в струю водоворота — в одну из тех крутящихся пучин, которых так много в устье быстрой реки, и та стремительно откинула ее к пароходу. Джен успела ухватиться за якорную цепь. Прикрепив конец лодочной веревки к цепи, она пустила челн вдоль борта, пока он не очутился под спускавшейся с борта веревочной лестницей.

С перекинутым через плечо ружьем леди Клейтон ловко вскарабкалась на палубу парохода. Первым ее делом было осмотреть корабль. Она держала ружье наготове, не без основания опасаясь ловушки. Вскоре Джен поняла, почему пароход казался покинутым: в кубрике она наткнулась на двух мертвецки пьяных матросов, которым, очевидно, была поручена охрана судна.

Содрагаясь от отвращения, Джен поспешила взобраться наверх и плотно прикрыла люк над спящими матросами.

Затем леди Клейтон отправилась на поиски еды: нашла на кухне провизию и, утолив голод, заняла на палубе караульный пост с ружьем в руках. Она реши-

ла, что никто против ее воли не причалит к борту «Кинкэда».

Прошло около часа. Ничто не показывалось на реке, что могло бы вызвать у ней тревогу, но вот в излучине реки появился челн. На нем виднелась фигура мужчины. Челн приблизился к пароходу, Джен узнала Рокова и направила на него дуло ружья...

* * *

Увидя, кто целит в него из винтовки, Роков пришел в неописуемую ярость. Он всячески грозил Джен, осыпая ее ругательствами. Видя, что угрозы не действуют, переменил тон, начал умолять ее и соблазнять разными обещаниями. На все уговоры Джен отвечала одно: никогда Рокову не быть на том же пароходе, где она, а при первой же попытке взобраться по лестнице его ждет смерть.

Не видя другого выхода из положения, Роков решил было, рискуя каждую минуту быть отнесенным в открытое море, высадиться на берег, но вовремя вспомнил, что там сторожит его страшная команда.

К вечеру молодая женщина была сильно встревожена доносившимися с моря криками. Кричал Роков. Джен выглянула за борт и с ужасом увидела приближающуюся к «Кинкэду» пароходную шлюпку, в которой сидело несколько мужчин.

XVI
Во мраке ночи

Когда Тарзан понял, что его схватили могучие челюсти крокодила, он не покорился судьбе и не оставил надежды на спасение. Так поступил бы обыкновенный человек, но не Тарзан-обезьяна! Раньше, чем чудовище утащило его в воду, он набрал в легкие как можно больше воздуха, а затем напряг все свои жизненные силы, чтобы высвободиться из пасти чудовища. Нащупав каменный нож, Тарзан стал что было мочи долбить им толстую кожу пресмыкающегося.

Боль и страх заставили крокодила еще быстрее поплыть в свою берлогу. И в ту минуту, когда человек-обезьяна почувствовал, что задыхается, он был выбро-

шен на илистый грунт, а голова оказалась над поверхностью воды.

Несколько мгновений Тарзан жадно вдыхал спертый воздух берлоги, лежа на вязком иле. Вокруг него был мрак и безмолвие могилы.

Сцепившись с крокодилом, Тарзан некоторое время лежал с ним рядом, чувствуя кожей прикосновение холодного тела чудовища. Не теряя надежды на спасение, он продолжал вонзать свой каменный нож в брюхо животного, пока не почувствовал, что огромное туловище крокодила конвульсивно затрепетало и замерло в неподвижности.

Высвободив ногу из пасти чудовища, человек-обезьяна начал ногами исследовать берлогу. Без сомнения, единственным ее входом и выходом было то отверстие, через которое крокодил протащил его. Выбраться отсюда оказалось не так-то просто. Он ежеминутно рисковал попасть в зубастую пасть другого такого же страшилища.

Мало того: если бы даже он благополучно выбрался на свободное течение, то и там человека каждую минуту ждала бы опасность нападения.

Но другого выбора все равно не было и, наполнив легкие спертым и зловонным воздухом берлоги, Тарзан нырнул в темное отверстие, которого он не мог видеть, а только нащупал ногами.

Нога, побывавшая в крокодильей пасти, была сильно разорвана, но кости остались целы. Мышцы и сухожилия тоже не настолько повреждены, чтобы нельзя было пользоваться раненой ногой. Тарзан ощущал мучительную боль, но человек из племени обезьян умел стоически переносить страдания.

Вынырнув на поверхность реки, Тарзан увидел недалеко от себя двух крокодилов. Они быстро плыли к нему. С нечеловеческими усилиями Тарзану удалось уйти от погони и, приплыв к берегу, схватиться за свешивающийся сук большого дерева. Он успел сделать это вовремя! Две огромные пасти защелкали под ним зубами.

Отдохнув и перевязав раненую ногу большим пальмовым листом, Тарзан снова пустился преследовать своего врага. Он оказался теперь на противоположном берегу.

Вскоре Тарзан с огорчением заметил, что нога по-

вреждена гораздо сильнее, чем показалось сгоряча в первые минуты. По земле он еще мог двигаться довольно быстро, хотя и с большим трудом. А вот прыгать с дерева на дерево на «втором этаже» джунглей оказалось явно не под силу. А между тем этот способ передвижения был у Тарзана излюбленным и самым быстрым.

От старой негритянки Тамбуджи Тарзан узнал, что белая женщина хотя и была опечалена смертью ребенка, но будто бы говорила, что этот ребенок не ее, а чужой. Тарзан не ведал причины, почему Джен стала отрекаться от своего ребенка. Единственным объяснением могло быть, что женщина, сопровождавшая вместе со шведом его сына, была вовсе не Джен. Чем больше он думал об этом, тем больше приходил к убеждению, что его сын умер, а жена находится в Лондоне и ничего не знает о судьбе ребенка. В таком случае он неверно понял намек Рокова и напрасно все это время так беспокоился за жену.

Но мысль о смерти сына повергла его в уныние. Несмотря на свою привычку к жестокостям и страданиям, Тарзан содрогался при мысли о страшной судьбе, постигшей ни в чем не повинного ребенка. Во время всего путешествия к океану Тарзан думал о том, сколько зла и горя принес ему и его семье Роков, и широкая багровая полоса, обозначавшая всегда моменты его наивысшей животной ярости, не сходила с его лба. Время от времени человек из племени обезьян издавал невольный рев или такое свирепое рычание, что мелкие животные джунглей прятались от испуга в свои норы. О, если бы ему суждено было схватить этого негодяя!

В пути воинственные туземцы дважды пытались напасть на белого человека, но, услышав страшный обезьяний крик и увидев перед собой грозного великана, обращались в бегство.

Тарзан привык передвигаться с быстротой самых проворных обезьян; ему казалось поэтому, что он чуть ли не топчется на одном и том же месте, на самом же деле он двигался почти с той же скоростью, как Роков. Он увидел океан в один день с Джен и Роковым, но только поздним вечером, когда уже наступила густая темнота. Над черной рекой и прибрежными джунглями навис такой мрак, что даже Тарзан, кото-

рый обычно свободно ориентировался ночью, едва мог видеть на несколько шагов перед собой.

Он собирался исследовать морской берег в надежде найти следы Рокова и женщины, которая, по его мнению, шла впереди. Он, конечно, и представить не мог, что «Кинкэд» или вообще какой-либо пароход стоит на якоре в нескольких саженях от него. Ни единый огонек не выдавал присутствия судна.

Внезапно внимание его было привлечено шумом весел: кто-то ехал в лодке на недалеком расстоянии от берега. Вскоре этот шум прекратился, послышались шаги, шарканье ног по какому-то деревянному настилу. Что бы это могло значить? Тарзан стоял на самом берегу, напряженно всматриваясь в густой мрак.

Вдруг грянули выстрелы и зазвенел отчаянный женский крик. Тарзан сразу забыл всю свою усталость. Не колеблясь ни секунды, он бросился в воду и поплыл в непроницаемой тьме туда, где стреляла и кричала женщина.

* * *

Шлюпка, привлекшая внимание Джен, была замечена Роковым с одного берега, а Мугамби с другого. Роков подозвал шлюпку и в ней направился к «Кинкэду». Но не прошла она и половины расстояния, как выстрел из ружья, грянувший в темноте, уложил одного из матросов. Шлюпка сбавила ход, а когда Джен попала еще и в другого матроса, нападающие повернули к берегу и там остановились. Они ничего не могли различить в быстро наступившей темноте.

* * *

Дикая команда Тарзана находилась на противоположном берегу под предводительством Мугамби.

Этот преданный человек знал все обстоятельства, приведшие Тарзана на остров джунглей. Он знал, что его господин искал жену и ребенка, знал, что их украл злой белый человек, которого они преследовали вверх по Угамби, далеко внутрь страны, а теперь обратно до океана. Он полагал, что этот же самый человек убил и белого великана, которого Мугамби почитал и любил преданнее и горячее, чем кого-либо из величай-

ших предводителей своего племени. И Мугамби твердо решил настигнуть злодея и достойно отомстить ему за убийство своего господина.

Мугамби сообразил, что, имея в своем распоряжении небольшое судно, он мог бы быстро расправиться со всеми врагами Тарзана, которые, как он знал, находились на «Кинкэде». Но как добыть это судно?

* * *

Роков и его спутники отступили перед выстрелами Джен, темнота укрывала их. Леди Клейтон решила использовать мрак и эту временную передышку для последней и решительной попытки к своему спасению. С этой целью она вступила в переговоры с двумя матросами, которых заперла в каюте. Под угрозой смерти те согласились повиноваться ей.

Становилось уже темно, когда Джен выпустила затворников. С револьвером в руке она выводила их по очереди, заставляя поднять руки вверх и тщательно обыскивая их. Удостоверившись, что матросы безоружны, она приказала им поднять якорь и пустить пароход свободно по волнам океана. Да, безопаснее довериться стихии, чем мстительному и жестокому Рокову. Можно было надеяться, что «Кинкэд» будет замечен каким-либо встречным кораблем. Притом на пароходе имелось достаточное количество съестных припасов и воды — так, по крайней мере, ее уверили матросы — потому Джен имела некоторые основания надеяться на успех.

Надвигалась ночь... Тяжелые тучи нависли над джунглями и морем — только на западе, на горизонте безбрежного океана, еще виднелась светлая полоса.

Густая ночь благоприятствовала исполнению замысла. В темноте враги не заметят, что на пароходе что-то происходит, и не смогут определить направление, по которому быстрое течение унесет «Кинкэд» в океан. К рассвету отлив увлечет «Кинкэда» в Бенгуэльское течение, которое направляется вдоль берегов Африки к северу. Так как дул сильный южный ветер, то Джен надеялась скрыться из бухты Угамби раньше, чем Роков заметит исчезновение парохода.

Джен с револьвером в руках стояла около матросов и торопила их. У нее вырвался вздох облегчения,

когда якорь был, наконец, поднят к бушприту... Она знала, что теперь скоро выберется из дикой Угамби. Джен приказала было матросам идти в каюту, намереваясь закрыть ее на ключ. Но те стали так горячо клясться честно и верно служить ей, что леди Клейтон разрешила им остаться на палубе.

Между тем «Кинкэд» незаметно, но быстро несся по течению. На минуту пароход застрял было на мели, но затем, повернувшись носом к берегу, медленно тронулся вновь. Леди Клейтон уже поздравляла себя с удачей. Все шло хорошо. Вдруг она услышала трескотню ружей и крик женщины — громкий, пронзительный, перепуганный... Стреляли и кричали в том месте, где перед тем стоял на якоре «Кинкэд». Джен вся превратилась в слух.

Матросы на «Кинкэде» были убеждены, что выстрелы обозначают появление их командира. Им совершенно не улыбался план Джен носиться по океану по воле ветра и волн. Тихонько — за ее спиной — они сговорились пленить молодую женщину и позвать Рокова на помощь. Судьба им благоприятствовала — звук выстрелов отвлек внимание Джен от матросов. Они, крадучись, подошли к ней сзади, схватили и связали. Когда матросы вели ее по палубе, Джен увидела силуэт мужчины, который перелезал через борт «Кинкэда».

XVII
На палубе «Кинкэда»

Мугамби повернул со своей командой обратно в джунгли не зря: у него была определенная цель. Он хотел раздобыть челн, чтобы переправить зверей Тарзана на борт «Кинкэда».

К вечеру чернокожий действительно нашел лодку, оставленную кем-то на берегу. Не теряя времени, он согнал в ладью всю звериную команду и отчалил от берега, не заметив впотьмах, что на дне лодки спала какая-то женщина.

Лодка только-только отплыла от берега, как одна из обезьян дико и злобно зарычала. Мугамби наклонился, чтобы узнать, на кого беснуется зверь, и увидел лежавшую женщину. С трудом удалось ему удержать обезьяну и успокоить женщину. К удивлению Мугам-

би, это была негритянка. Оказалось, что она бежала из своей деревни, не желая быть выданной замуж за ненавистного ей старого человека, и спряталась на ночь в челне, найденном ею на берегу руки. Со всей скоростью, на которую они были только способны, страшные спутники Мугамби мчали лодку ударами весел к устью реки и к «Кинкэду». Мугамби с большим трудом различал в темноте неясные силуэты парохода.

Чернокожий вождь был крайне удивлен, когда заметил, что пароход движется вниз по течению. Он стал уговаривать свою команду приналечь на весла, чтобы нагнать пароход. В этот момент на расстоянии сажени от его лодки неожиданно вынырнула из темноты другая шлюпка.

Экипаж этой шлюпки тоже заметил ладью Мугамби, но не успел рассмотреть ее страшных пассажиров. Человек, сидящий на носу чужой шлюпки, крикнул им, желая предупредить столкновение. В ответ послышалось угрожающее ворчание пантеры, и кричавший увидел перед собой горящие глаза Шиты. Пантера, положив передние лапы на борт, готовилась к прыжку. Роков (это был он) понял, какая опасность угрожает его спутникам, и приказал стрелять по встречной лодке.

Эти-то ружейные залпы и крик перепуганной негритянки и слышали в темноте Джен и Тарзан.

Раньше, чем неповоротливые и неискусные гребцы Мугамби сумели использовать свое преимущество, чужая шлюпка быстро повернулась, и матросы что было силы налегли на весла, направляясь к «Кинкэду».

Пароход, толкнувшись об отмель, попал в полосу медленного течения, и его относило к южному берегу Угамби. Таким образом «Кинкэд» предавал леди Клейтон прямо в руки ее врагов.

В это время Тарзан бросился в воду и поплыл наудачу к невидимой цели. Он не видел в темноте парохода, и ему в голову не могло прийти, что совсем близко от него находится большое судно. Плывя во мраке, он руководился только звуками, доносившимися к нему с обеих лодок.

В его памяти живо встала последняя встреча с крокодилом в водах Угамби, и он невольно содрогнулся. Два раза он чувствовал чье-то прикосновение к своим ногам, но, к счастью, все обошлось. В темноте перед

ним неожиданно выросла бесформенная высокая масса и, к его удивлению, он нащупал просмоленный борт корабля.

С ловкостью обезьяны Тарзан ухватился за якорную цепь, перелез через бортовую сетку и выскочил на палубу. На противоположной стороне палубы — он это слышал ясно — происходила какая-то борьба. Тарзан бесшумно побежал туда, спотыкаясь о канаты.

Теперь уже не было так темно, как прежде. Взошла луна. И хотя во многих местах небо все еще было обложено тучами, но мрак не был уже так непроницаем. Зоркие глаза Тарзана увидели на корме фигуры двух мужчин, боровшихся с женщиной.

...На пароходе появилась новая неведомая сила. Матросы, тащившие молодую женщину, первые узнали об этом. Эта сила прежде всего обрушилась на них: чьи-то могучие руки схватили их за плечи. Еще мгновение — и оба матроса были отброшены в сторону с такой легкостью, с какой могучее маховое колесо швыряет в воду мелкие щепки.

— Джен!

Молодая женщина сразу узнала своего мужа и с радостным криком бросилась к нему. Развязать ей руки, поднять ее, как ребенка, прижать к груди, расцеловать — было для Тарзана делом одной минуты. Громадное, ослепительное счастье засияло в его сердце...

— Джен! Джен! Дорогая, любимая жена!

Но радость свидания была слишком коротка. Не успели супруги опомниться, как увидели, что через борт «Кинкэда» лезут какие-то люди.

Тучи разошлись, и луна ярко осветила палубу. Перед Тарзаном стояли Роков и его товарищи.

Тарзан быстро втолкнул Джен в каюту, около которой они стояли, а сам, не тратя ни секунды, бросился на Рокова. Двое матросов, стоявших позади Рокова, прицелились в Тарзана и выстрелили.

...А в полутьме позади них по веревочной лестнице на борт парохода поднимались еще какие-то фигуры. Это была страшная звериная команда Тарзана!

Сначала появились и грозно зарычали пять громадных обезьян с оскаленными клыками и покрытыми пеной мордами, за ними перепрыгнул через борт чернокожий гигант — его длинное копье сверкало при лунном свете, а позади карабкался еще один зверь, и из

всей этой команды он был самый страшный. Это была Шита — пантера с разинутой пастью и свирепыми глазами, горящими ненавистью и кровожадностью.

Матросы промахнулись, целя в Тарзана, у них дрожали руки при виде приближавшихся свирепых обезьян.

Объятый паническим страхом, весь экипаж «Кинкэда» попрятался по разным углам. Четыре матроса кинулись в кубрик и пытались там забаррикадироваться. Там, в темной каюте, сидел, скорчившись, и Роков.

Возмущенные тем, что предводитель первым убежал и покинул их в минуту опасности, матросы набросились на него с руганью и вышвырнули обратно на палубу.

Тарзан и его заклятый враг встретились лицом к лицу...

Еще минута — Тарзан бросился бы на Рокова... Но Шита, следившая за Роковым, предупредила своего хозяина. С оскаленными зубами могучий зверь бесшумно подкрался к объятому ужасом человеку. Отчаянные крики о помощи огласили воздух, когда Роков увидел, что к нему крадется свирепая пантера.

Тарзан подскочил к врагу. Его сердце горело яростным огнем мести. Наконец-то убийца его сына в его руках!

Однажды Джен позволила авантюристу уйти от справедливого возмездия. Теперь никто не остановит его — он приговорил преступника к давно заслуженной смерти и сам казнит его!

Тарзан громко прикрикнул на Шиту, готовившуюся отнять у него законную жертву его мщения.

Роков воспользовался заминкой и бросился бежать. Шита, не обращая внимания на голос своего господина,— за ним. Тарзан, в свою очередь, кинулся за ними, но вдруг почувствовал легкое прикосновение к руке. Обернувшись, он увидел испуганную Джен.

— Не оставляй меня одну,— прошептала она.— Я боюсь твоих зверей.

Тарзан оглянулся. Две обезьяны с оскаленными клыками и угрожающим рычанием подкрадывались к молодой женщине. Человек-обезьяна отогнал их. Он совершенно упустил из виду, что они не знают Джен и вообще не умеют различать врагов от друзей.

Роков между тем забрался на капитанский мостик. Стоя у штурвала, дрожа всем телом, он широко раскрытыми глазами глядел на зверя, медленно подкрадывавшегося к нему. Пантера ползла, глухо ворча. Роков стоял как окаменелый — его глаза готовы были выскочить из орбит, холодный пот осыпал лоб. Внизу на палубе стояли огромные антропоиды и, словно выжидая момента, высматривали его внизу.

Пантера прыгнула на Рокова и повалила его на спину. Леди Клейтон невольно отвернулась в ужасе; громадные клыки Шиты разрывали несчастному грудь и шею. Но Тарзан из племени обезьян не отвел взгляда. Торжествующая улыбка трепетала на его губах. Багровая полоса на лбу бледнела и, наконец, совсем исчезла.

Роков отбивался как мог от рычащей, яростной пантеры, но все было тщетно! Пантера мучила свою жертву, как кот мышонка.

Все свои злодеяния он искупил этой страшной смертью.

Когда борьба кончилась, Тарзан по просьбе Джен хотел вырвать тело Рокова из когтей пантеры для погребения, но раздраженная, опьяненная кровью и борьбой Шита, рыча, встала лапами на свою добычу и готова была кинуться на своего господина. Тарзан вынужден был признать ее законное право.

При свете луны зверь предавался кровавому пиршеству до утра, и, когда солнце встало, от злейшего врага Тарзана остались лишь обглоданные кости...

* * *

Из партии Рокова лишь четверо остались пленниками на «Кинкэде», остальные погибли. Неясной была и судьба Павловича.

С помощью четырех уцелевших матросов Тарзан развел пары на «Кинкэде» и решило отправиться на поиски острова Джунглей. Случайно остался в живых помощник капитана, который мог оказать Тарзану большую помощь в плавании.

На рассвете поднялся сильный западный ветер, и помощник не решился выйти в море. Весь день пароход стоял на якоре в устье реки под прикрытием берега. Хотя к вечеру ветер стих, решено было ждать следующего утра для отплытия.

Звериная команда Тарзана днем беспрепятственно расхаживала по палубе парохода — Тарзан и Мугамби внушили ей, что они не смеют никого трогать на «Кинкэде», но на ночь, из предосторожности, их запирали в трюм.

Радость Тарзана была безгранична, когда Джен сказала ему, что ребенок, умерший в деревне Ваганвазам, не был его сыном. Очевидно, маленького Джека вовсе не привозили на борт «Кинкэда», иначе Андерсен это знал бы. Он не переставал уверять Джен перед своей смертью, что ребенок, переданый им Джен, был единственным на борту «Кинкэда».

XVIII

Замысел мщения

Джен и Тарзан, сидя на палубе, рассказывали друг другу свои приключения, пережитые каждым из них с того времени, когда они расстались в Лондоне. В это время с берега следила за ними пара злобных глаз.

Пока билось сердце Алексея Павловича, ни один человек, возбудивший его неприязнь, не мог считать себя в безопасности. В мозгу авантюриста уже рождались планы, каким образом помешать отъезду Тарзана и его жены на родину! Ни один пока не удовлетворял его: то он считал его невыполнимым, то слишком мягким для своей мести. Так или иначе, но Павлович приходил к непреложному заключению: он ничего не сможет сделать, пока сам не попадет на пароход.

Но как добраться до корабля? Он мог достать лодку только в негритянской деревушке, а Павлович не был уверен, насколько долго «Кинкэд» будет стоять на якоре. Однако другого выхода не было и, погрозив на прощание Джен и Тарзану кулаком, Павлович скрылся в густых джунглях. По дороге в деревушку решение созрело окончательно. Он заберется ночью на борт «Кинкэда», отыщет сообщников из числа команды и уговорит их вырвать пароход из рук Тарзана. В его прежней каюте находилось оружие и патроны, а в потайном отделении спрятана адская машина, которую Павлович смастерил еще в те времена, когда был анархистом. Если бы только добрался до нее! В этом маленьком деревянном ящике столько разрушительной

силы, что можно в одну секунду превратить в прах всех врагов.

Павлович решительно остановился на этом плане и, предвкушая сладость мести, ускорил шаги. Конечно, все зависело от того, когда «Кинкэд» отплывет. Дневной свет — помеха. Только ночью можно рискнуть попасть на судно.

Поздно вечером Павлович добрался до деревушки на берегу притока Угамби. Чернокожий предводитель встретил его подозрительно. У него было мало оснований симпатизировать этому белому человеку: он, как и все, кто так или иначе приходил в соприкосновение с Роковым или Павловичем, пострадал от их алчности и жестокости.

Предводитель отклонил просьбу Павловича дать ему челн. В ответ на дальнейшие мольбы попросту предложил покинуть деревню. Вождь был окружен свирепыми воинами, которые, казалось, только и ждали повода, чтобы проткнуть незваного гостя копьями. Павловичу не оставалось ничего другого, как уйти...

Подавив свою злобу, он скрылся в джунглях и направился к реке, решив во что бы то ни стало добыть нужный ему до зарезу челн. Для него это было вопросом жизни. Оставаться здесь, среди опасностей африканских джунглей, где он успел возбудить против себя всех туземцев, было равносильно смертному приговору. А к этому присоединялась еще неутолимая жажда мести.

Авантюристу не пришлось долго ждать. Вскоре на поверхности речки показался один из тех небольших неуклюжих челнов, которые мастерят туземцы. Чернокожий, гребя одним веслом, неторопливо направил его на середину реки. Там он пустил челн плыть по течению, а сам беспечно улегся на дне лодки. По берегу шел, не отставая от него, Павлович. Чернокожий юноша, проехав еще немного, направил лодку к берегу, где таился Павлович, к большой радости последнего.

В этом месте течение было медленное. Парень, не торопясь, правил веслом к небольшому, свешивающемуся над водой дереву.

Павлович, уподобившись пресмыкающемуся, лежал на траве. Он оценивал взглядом фигуру юноши, взвешивал свои шансы на успех.

У него оставалось мало времени, чтобы попасть на

«Кинкэд» до рассвета. Выберется ли когда-нибудь этот чернокожий болван из лодки? Павлович выходил из себя. А юноша, не торопясь, с ленивой медлительностью осмотрел стрелы в колчане, попробовал лук, вынул охотничий нож...

Затем он потянулся и зевнул. Посмотрел на берег, передернул плечами и опять улегся на дно, чтобы вздремнуть до заката солнца.

Желанная минута наступила. Павлович подкрался поближе. Ветка захрустела под тяжестью его ног, и юноша беспокойно повернулся во сне. Павлович застыл в ожидании, но тот уже опять крепко спал.

Павлович знал, что необходимо выстрелить без промаха. Близко наклонившись над спящим, Павлович приставил дуло револьвера к его груди. Молодой негр продолжал безмятежно спать, нежный пушок лежал на темных щеках, он улыбался во сне.

Рука Павловича не дрогнула при виде картины счастливой безмятежной молодости. С усмешкой на губах он надавил на курок. Послышался негромкий сухой треск, слабо прозвучавший в сыром воздухе. Улыбавшиеся губы конвульсивно передернулись, и безвестный чернокожий юноша погрузился в глубокий, вечный сон.

Убийца быстро вскочил в челн, схватил мертвого и без зазрения совести перебросил его за борт в темную, кишевшую крокодилами реку...

Отвязать веревку было делом одной минуты. Схватив весло, Павлович стал лихорадочно грести. Уже наступала ночь. Павлович напряг зрение, стараясь пронизать взором быстро сгустившуюся темноту.

Стоял ли еще пароход в водах Угамби, или же Тарзан отважился выйти в море? Это было весьма возможно, так как ветер улегся. Павлович нервничал. Но вот перед ним показалась светящаяся точка — это был мигающий свет корабельного фонаря. Павлович перестал грести, предоставив челну плыть по течению, изредка бесшумно погружая весло в воду, чтобы направить свое примитивное судно к борту парохода.

Темная масса корабля как-то сразу выросла перед ним в темноте. Ни единого звука не доносилось с палубы. Никем не замеченный, Павлович подплыл вплотную. Легкий стук его лодки, ударившейся о борт «Кинкэда», почти не нарушил молчания ночи.

Дрожа от нервного возбуждения, Павлович не-

сколько минут сидел неподвижно в лодке, затем осторожно направил ее вдоль борта, пока веревочная лестница не оказалась как раз над ним. Привязав лодку, авантюрист поднялся, никем не замеченный, на палубу.

Сердце отчаянно билось. Невольно подумал он о страшной команде, которая сейчас находилась на пароходе, и мурашки забегали у него по спине. Но кругом было пусто и тихо, даже вахтенного не видно.

Павлович бесшумно подкрался к матросской каюте. Там тоже тихо, люк поднят. Заглянув вниз, Павлович увидел матроса, который читал книгу при свете фонаря.

Павлович хорошо знал этого матроса — отъявленного мошенника. На него-то он, главным образом, и рассчитывал!

Павлович осторожно спустился по узкой и крутой лестнице в каюту. Матрос был так углублен в чтение, что не заметил вошедшего. Только когда тот назвал матроса по имени, поднял голову. Его глаза широко раскрылись от удивления при виде знакомого лица, но в следующую же минуту он нахмурился и воскликнул:

— Черт возьми! Откуда вы явились? Мы думали, что вы уже давно подохли. Лорд Грэйсток будет очень рад вас видеть. Прикажете доложить?

Павлович подошел к матросу с дружеской улыбкой и протянутой рукой с таким видом, как будто встретился с дорогим приятелем. Матрос не обратил внимания на протянутую руку и не улыбнулся в ответ.

— Я пришел вам помочь! — объясил Павлович.— Я хочу помочь вам отделаться от этой английской обезьяны и его страшной команды. Тогда нам нечего будет бояться правосудия, если вернемся на родину. Мы можем напасть на них ночью, когда они спят, а затем нетрудно будет справиться и со зверями. Кстати, где они?

— Они внизу,— ответил матрос.— Только знаете что, Павлович? Если вы думаете восстановить нас против нашего нового капитана, то это ровно ни к чему не приведет. Мы уже достаточно натерпелись от вас и от скотины Рокова. Он съеден пантерой, и я готов биться об заклад, что и вас постигнет та же участь. Вы оба обращались с нами, как с собаками, и, если рассчитываете на нашу привязанность, то очень ошибаетесь.

— Неужели вы меня выдадите?

Матрос утвердительно кивнул головой, но после небольшой паузы добавил:

— Если сумеете кой-чем меня заинтересовать, то я, пожалуй, так и быть, позволю вам поживу-поздорову выбраться отсюда...

— Надеюсь, вы не подумаете выбросить меня на произвол судьбы в африканские джунгли? — сказал Павлович.— Я через неделю там погибну!

Матрос возразил.

— И все-таки у вас больше шансов спастись там, чем здесь. Стоит только мне разбудить товарищей, как они перережут вам глотку раньше, чем вас увидит наш новый капитан. Вам необыкновенно повезло, что сегодня дежурный я, а не кто-нибудь другой.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул Павлович.— Разве вы не понимаете, что при первой возможности англичанин нас выдаст правосудию и вы все будете повешены!

Матрос улыбнулся:

— Ничего подобного! Он нам при всех объявил, что Роков и вы во всем виноваты, а мы были только слепым орудием в ваших руках! Поняли?

Павлович бесконечно долго упрашивал матроса: то обещал ему сказочные награды, то стращал ужасными карами. Матрос оставался неумолим.

Он заявил Павловичу, что перед ним только два решения: или остаться на пароходе, и тогда он будет немедленно выдан лорду Грэйстоку, или заплатить матросу за позволение покинуть незамеченным «Кинкэд» и убраться долой. Матрос требовал за это все деньги и ценности, которые находились у Павловича при себе и в его каюте.

— Решайте поскорее! — прибавил матрос.— Я хочу спать!

— Вы поплатитесь за вашу глупость! — сердито промолвил Павлович.

— Замолчите! — крикнул матрос.— Если вы будете много разговаривать, я могу передумать и не выпущу вас совсем!

У Павловича не было ни малейшего желания попасть в руки Тарзана. Даже ужасы джунглей казались ему легче, чем смерть, которая ждала его от руки человека-обезьяны.

— Кто-нибудь спит в моей каюте? — спросил Павлович.

Матрос отрицательно покачал головой:

— Нет! Лорд и леди спят в каюте капитана, помощник — у себя.

— Прекрасно! — промолвил Павлович.— Я спущусь к себе и принесу деньги и драгоценности.

— Я пойду с вами...

У дверей каюты моряк остался сторожить, а Павлович вошел один в свою каюту. Он собрал вещи, за которые хотел выкупить свою сомнительную свободу, а затем приступил к выполнению дьявольского плана. Лицо осветилось злорадной усмешкой...

Убедившись в том, что его никто не видит, Павлович открыл потайное отделение бюро и вынул из него небольшой черный ящик. Ящик имел два отделения: в одном — часовой механизм, в другом — небольшая батарея. Соединив провода, он стал ключом заводить механизм, прикрыв ящик пледом, чтобы заглушить шум. Затем установил стрелку на циферблате и, закрыв ящик крышкой, поставил машину на прежнее место.

Все с той же злорадной улыбкой Павлович задул лампу и вышел из каюты.

— Вот все мои драгоценности! Теперь выпускай меня...

— Хорошо! Но сначала нужно осмотреть ваши карманы.

Павлович поморщился:

— Это еще зачем?

Матрос усмехнулся.

— А может быть, там имеется что-то такое, что в джунглях вам не потребуется, а в Лондоне мне пригодится? Ага! Так и есть!

Матрос вытащил из кармана Павловича пачку денег.

Павлович пробормотал ругательство. Он утешался только тем, что матрос никогда не достигнет Лондона и не насладится плодами грабежа.

Вскоре он уже греб к берегу. Там его ожидала ночь в джунглях. Если бы Павлович мог предвидеть, что его ожидает в последующие долгие годы, он бы предпочел броситься в море.

Убедившись в том, что Павлович отчалил, матрос

вернулся в каюту и, спрятав свою неожиданную добычу, улегся мирно спать.

В бывшей каюте Павловича в тишине ночи равномерно тикал небольшой механизм в черном маленьком ящике: там таилась адская машина. Она должна была сработать в известное время и мгновенно уничтожить «Кинкэд» со всем его экипажем.

XIX

Гибель «Кинкэда»

Вскоре после рассвета Тарзан вышел на палубу. Ветер стих. Небо безоблачно. Условия для путешествия самые благоприятные. И Тарзан решил немедленно отплыть на остров Джунглей, чтобы высадить зверей. А затем — в Англию!

Человек-обезьяна разбудил своего помощника и приказал поторопиться с отплытием. Матросы, которых лорд Грэйсток уверил, что они не будут отвечать за поступки Рокова и Павловича, взялись с радостью за свое привычное дело.

Звери, выпущенные из заключения, прогуливались по палубе, к немалой тревоге экипажа. Матросы все еще хорошо помнили жуткую картину ночной борьбы, когда их товарищи нашли смерть от клыков и когтей. Им казалось, что звери и сейчас высматривают себе добычу. Однако под бдительным взором Тарзана и Мугамби обезьяны и Шита смиряли свои инстинкты.

Наконец «Кинкэд» развел пары, поднял якорь, вышел их бухты Угамби и поплыл по водам Атлантического океана: Тарзан и Джен внимательно следили за зеленой береговой линией, удалявшейся от них, и в первый раз человек-обезьяна покидал родную землю без малейшего сожаления.

Ему казалось, что даже самый быстроходный пароход в мире не мог бы с достаточной быстротой увезти его из родной Африки — с таким нетерпением рвался Тарзан в Лондон, чтобы возобновить там поиски сына. «Кинкэд» со своим медленным ходом представлялся нетерпеливому Тарзану настоящей черепахой. По мнению Тарзана, он совсем не двигался...

Однако «Кинкэд» все-таки шел вперед, и вскоре на

западном горизонте показались низкие холмы острова Джунглей.

Между тем в бывшей каюте Павловича механизм в черном ящике продолжал тикать, и с каждой минутой стрелка приближалась все ближе к роковому моменту, когда провода должны были соединиться...

Джен и Тарзан стояли на мостике парохода и беззаботно смотрели на приближающийся берег. Матросы собрались на палубе, следя за выплывающей из-за океана землей. Звери забрались в тень и, свернувшись, спали. Все было тихо и спокойно, как на корабле, так и на воде...

Внезапно грянул оглушительный треск... Часть палубы взлетела на воздух, высоко вверх взвился столб густого дыма. Затем последовал страшный взрыв, от которого пароход содрогнулся от носа до кормы.

На палубе произошла паника. Обезьяны, перепуганные взрывом, бегали взад и вперед, рыча и ревя. Шита бросалась в разные стороны, издавая отчаянный вой... Мугамби трясся всем телом... Только Тарзан и его жена сохранили присутствие духа. Тарзан немедленно очутился среди зверей, успокаивал их, разговаривал с ними спокойным тоном, гладя их мохнатые тела и уверяя, что ничего страшного нет.

Через несколько минут стало ясно, что главная опасность заключается теперь в пожаре. Пламя лизало расщепленные доски каюты и оттуда перебросилось на палубу.

Каким-то чудом ни один человек на пароходе не пострадал от взрыва; причины же его никто не знал... Никто, кроме одного матроса. Последний сразу догадался, что авария — дело рук Павловича, однако благоразумно решил умолчать.

Между тем пожар усиливался. Тарзану стало ясно, что им не справиться с огнем. Чем бóльше они заливали пламя водой, тем оно становилось сильнее, словно в горевшей каюте был какой-то секрет, превращавший воду в огонь...

Прошло с полчаса. Над обреченным пароходом вздымались черные клубы дыма. Пламя достигло уже машинного отделения, и пароход остановился. Судьба «Кинкэда» была решена.

Тарзан сказал своему помощнику:

— Оставаться на пароходе бессмысленно! Нужно

спустить шлюпки и, не теряя времени, высадиться на берег!

Другого выхода не было. Почти весь пароход уже охватило огнем. Матросы едва успели вынести свои пожитки.

Немедленно были спущены на воду две лодки. Море не штормило, и поэтому переправа на берег произошла без затруднений. Встревоженные звери при приближении к берегу жадно втягивали в себя родной воздух; как только шлюпки пристали, Шита и обезьяны перепрыгнули через борт и помчались в джунгли.

С грустью смотрел Тарзан им вслед.

— Прощайте, друзья мои! — промолвил он.— Вы были хорошими верными товарищами, и мне без вас будет скучно!

— Они еще вернутся, дорогой мой, не правда ли! — утешала его Джен.

— Это неизвестно! — ответил Тарзан.— Им было очень не по себе с тех пор, как они попали в такое многочисленное людское общество. Мугамби и я — мы их меньше стесняли, но ведь мы только наполовину люди. А ты, мой друг, и матросы, вы слишком культурны для моих зверей — они убежали именно от вас! Вероятно, они боялись как-нибудь ненароком соблазниться, видя пред собой такую чудесную пищу...

Джен засмеялась:

— А я думаю, они убегают от тебя. Ты так часто не позволял им делать того, что им казалось вполне естественным. Им, как детям, захотелось дать стрекача от родительской опеки!

Помедлив, она добавила:

— Во всяком случае, я надеюсь, что они не вернутся к нам ночью!

— Особенно, если они проголодались? — поддержал шутливый разговор Тарзан.

Небольшая группа людей целых два часа стояла на берегу и смотрела на горевший пароход. Затем донесся слабый звук нового взрыва, и почти немедленно вслед за этим «Кинкэд» погрузился в воду.

Причина второго взрыва не заключала в себе ничего таинственного. Помощник объяснил, что огонь достиг паровых котлов и их разорвало. Но отчего случился первый? Потерпевшие кораблекрушение долго и бесплодно рассуждали о причинах аварии.

XX
Снова на острове Джунглей

Маленькое общество прежде всего позаботилось о том, чтобы найти пресную воду для питья и разбить лагерь. Все понимали, что пребывание их на острове Джунглей может затянуться на месяцы и даже годы.

Тарзан знал расположение ближайшей речки и повел к ней немедленно всю партию. Мужчины тотчас же принялись за постройку жилья и за изготовление грубой мебели. Тарзан пошел в джунгли за пищей, оставив Джен на попечение верного Мугамби и негритянки.

Леди Грэйсток страдала нравственно больше всех. Ей казалось, что поиски ее сына не приведут к успеху и его положение, рисовавшееся всегда в самых мрачных красках, не будет улучшено. Более того, ей думалось, что она никогда не узнает ничего о судьбе маленького Джека.

Немного освоившись на суше, потерпевшие первым делом учредили постоянное дежурство на высоком холме, откуда на далекое расстояние виднелось море. Собрали огромную кучу сухого валежника, чтобы в любой момент развести сигнальный костер. На высоком шесте, вбитом в землю, развевался сигнальный флаг. Его смастерили из красной рубахи помощника с «Кинкэда». Шли дни, но на горизонте не показывались ни паруса, ни дым, и напряженные глаза часовых безнадежно смотрели на пустое, безбрежное пространство океана.

Тарзану пришло на мысль построить судно, на котором они могли бы отплыть обратно на материк. Он показал матросам, как смастерить грубые инструменты, и все поначалу горячо принялись за работу. Однако чем дальше, тем очевиднее становилось, что громоздская работа не под силу такой горсточке людей. Матросы стали раздражаться, и к прежним невзгодам присоединились еще раздоры и подозрительность.

Более чем когда-либо Тарзан боялся теперь оставлять Джен с грубыми матросами. Но ему волей-неволей приходилось покидать ее, уходя в джунгли на охоту — никто не приносил так много дичи, как он. Иногда его заменял Мугамби, но копье и стрелы чернокожего не давали тех результатов, как аркан и нож человека-обезьяны.

В конце концов матросы побросали свою работу и тоже стали уходить в джунгли для охоты. Все это время в лагере не показывались ни Шита, ни Акут, ни другие обезьяны. Но Тарзан иногда встречал их во время охоты в джунглях.

* * *

В лагере злополучных пассажиров «Кинкэда» дела с каждым днем шли все хуже и хуже.

Их лагерь находился на восточном берегу острова Джунглей. А к северу от них в это время расположился другой лагерь.

Здесь, в небольшой бухте, стояла на якоре парусная шхуна «Каури». Несколько дней тому назад на ней произошел бунт матросов, окончившийся убийством офицеров и капитана.

Тяжелые дни пришлось пережить «Каури» с тех пор, как на ее борт в числе матросской команды попали швед Густ, араб Момулла и самый главный негодяй во всей этой компании — китаец Кай-Шанг.

Матросов было десять человек: настоящие отбросы южных гаваней. Густ, Момулла Маори и Кай-Шанг стали заправилами и душою мятежа. Они подстрекали матросов перебить начальство, захватить шхуну и разделить между собою улов жемчуга, составляющий богатство «Каури».

Кай-Шанг убил спящего капитана, а Маори напал на офицеров и часовых. Густ всегда находил предлог отказаться от активного выступления, но зато, умело воспользовавшись обстоятельствами, произвел себя в начальника над мятежниками. Он присвоил себе вещи убитого капитана «Каури» и даже стал носить его мундир, чтобы показать, что он теперь глава команды.

Кай-Шангу это было совсем не по душе. Он вообще не признавал никакого начальства, а тем более не хотел подчиняться простому шведскому матросу. Таким образом, семена для распрей уже были посеяны в лагере мятежников.

Кай-Шанг понимал, что должен действовать осмотрительно. Из всей банды один только Густ имел достаточно познаний по навигации, чтобы вывести их из Атлантического океана и обогнуть мыс Доброй Надежды. Там они могли найти подходящий рынок для

сбыта награбленного имущества и устроить дележку.

За день до того, как они увидели остров Джунглей и нашли там маленькую защищенную от ветра бухту, вахтенный заметил на южном горизонте дым и трубы военного корабля. Никому не улыбалась перспектива встретиться с военными моряками и подвергнуться риску быть допрошенными. Поэтому они решили укрыться здесь на несколько дней и переждать опасность.

Теперь Густ уж совсем не желал выходить в море. Он был уверен, что замеченный корабль послан специально на поиски шхуны. Кай-Шанг указывал на нелепость подобного предложения: ведь никто, кроме них самих, не мог знать, что произошло на борту «Каури».

Но Густ стоял на своем, и у него были для этого причины. Этот алчный по натуре человек лелеял мечту увеличить свою долю добычи. У него созревал такой план: только он один мог управлять «Каури», и поэтому остальные не могли без него покинуть остров Джунглей. Вот Густ и собирается в один прекрасный день взять с собою двух-трех помощников и бежать с ними на шхуне от Кай-Шанга, Момуллы Маори и остальных.

Густ выжидал удобного случая. Когда Кай-Шанг, Момулла и другие уйдут из лагеря на охоту, он воспользуется их отсутствием для внезапного отплытия. С этой целью Густ устраивал одну охоту за другой, но подозрительный и хитрый китаец никогда не соглашался уйти в лес без Густа.

Однажды Кай-Шанг по секрету поделился с Момулла Маори своими подозрениями относительно шведа. Момулла посоветовал теперь же расправиться без лишних церемоний с изменником. Но убивать Густа не имело смысла, так как все они зависели от него. Однако китаец решил припугнуть шведа и заставить согласиться на их условия.

После этого разговора Момулла стал настойчиво требовать немедленно отплыть в море. Густ приводил в ответ свои прежние возражения: военный корабль, вероятно, еще крейсирует в южных водах и поймает их прежде, чем они обогнут мыс.

Момулла вышучивал его страхи: он уверял, что никто ни на одном военном корабле не знает о мятеже. Каким же образом и у кого их шхуна может вызвать подозрение?

— Нет, извините! В этом-то вы и ошибаетесь,— воскликнул Густ.— Ваше счастье, что среди вас находится такой образованный человек, как я. Иначе вы по незнанию попали бы в хорошую переделку! Негры — дикари и ничего не знают о радио.

Маори вскочил и схватился за рукоятку ножа.

— Я не негр! — закричал он.

— Я только пошутил,— поспешил объяснить швед.— Мы с тобою старые друзья, Момулла, и не должны ссориться. В особенности теперь, когда Кай-Шанг замышляет украсть весь жемчуг. Если бы только он нашел человека, умеющего управлять шхуной, он в ту же минуту бросил бы нас на произвол судьбы. Он потому и говорит так много об отъезде, что хочет как-нибудь отделаться от нас.

Момулла, помолчав, сказал:

— Ты говоришь о радио... При чему тут радио?

— При чем радио?

Густ почесал у себя в затылке. Он соображал, действительно ли Маори настолько невежествен, что поверит очевидной нелепости.

— Видишь ли,— начал он,— каждый военный корабль имеет радиостанцию. На такой станции имеется аппарат, с помощью которого можно разговаривать с другими судами на расстоянии тысячи миль и слышать все, что говорится на тех судах. Ну, а когда мы стреляли на «Каури» и кричали, шуму, я думаю, было немало. Мне думается, этот военный корабль находился не очень далеко от нас и все слышал. Конечно, они не могли знать названия шхуны, но они безусловно знают, что экипаж какого-то судна взбунтовался и убил своих офицеров. И теперь, понимаешь, военные будут обыскивать каждое судно.

Швед старался придать своему лицу самый серьезный вид, чтобы не вызвать в слушателе подозрений относительно правдивости версии.

Момулла сидел некоторое время молча, исподлобья глядя на Густа; затем, встав с места, заявил:

— Ты бессовестный лжец! Если завтра же не выведешь нас отсюда, тебе уже никогда не придется больше врать. Знаешь, что я тебе скажу? Я слышал, как два человека сговаривались всадить тебе нож, если ты будешь еще держать нас на этом проклятом острове!

— А ты пойди и спроси Кай-Шанга, существуют ли

на военных судах радио! — сказал Густ, обидевшись.— Он тебе тоже скажет, что корабли могут говорить друг с другом на расстоянии тысячи миль. А потом скажи тем двум дуракам, которые собираются меня убить, что им никогда не придется получить своей доли добычи, потому что только я один могу вывести их отсюда!

Момулла действительно отправился к Кай-Шангу и спросил, существует ли такой аппарат, посредством которого корабли могут переговариваться на большом расстоянии. Кай-Шанг подтвердил ему это.

Момулла был поражен, однако он все равно хотел покинуть остров. Он предпочитал встретиться с какими угодно опасностями в открытом море, чем жить томительно и однообразно на необитаемом острове.

Кай-Шанг советовал:

— Если бы у нас был кто-нибудь другой, кто мог бы управлять шхуной!

Однажды Маори отправился на охоту с двумя товарищами. Они еще не успели отойти далеко от лагеря, как вдруг услышали в джунглях человеческие голоса.

Они знали, что никто из их компании не пошел в эту сторону. А так как моряки были убеждены, что остров необитаем, то у них мелькнула мысль: не духи ли это? Может быть, духи убитых офицеров и матросов с «Каури»?

Со страху троица хотела бежать, но у Момуллы любопытство пересилило суеверный ужас. Показав жестом своим спутникам, чтобы они следовали за ним, он пополз осторожно на четвереньках в сторону невидимых людей. Вскоре он остановился на опушке небольшой полянки и облегченно вздохнул. Это были вовсе не духи! Прямо перед собою он увидел двух белых людей, которые сидели на дереве и вели серьезный разговор.

Одним из них был Шнейдер, помощник с «Кинкэда», другой — матрос по имени Шмидт.

Шнейдер говорил:

— Мы это сможем легко сделать, Шмидт! Вовсе не так уж трудно построить хороший челн, а трое гребцов смогут в один день доставить его на материк, если море спокойно и ветер попутный. Зачем нам ждать, пока этот упрямый англичанин построит большое судно, чтобы забрать всю компанию? Матросы уже устали, ведь им приходится работать весь день не покладая

рук. Совсем не наше дело спасать англичанина. Пусть он сам заботится о себе и устраивается, как хочет!

Шнейдер остановился на минуту, а затем, пристально посмотрев на собеседника, чтобы заметить, какой эффект произведут его слова, продолжал:

— Ну, а женщину заберем с собой. Было бы глупо оставлять хорошенькую бабенку на необитаемом острове, не правда ли?

Шмидт взглянул на него и усмехнулся:

— Вот откуда ветер-то дует! — сказал он.— Зачем вы это сразу не сказали? Ну, хорошо! А что вы мне дадите за мою помощь?

— Она должна нам отвалить хороший куш, если ее доставят обратно в цивилизованные места,— пояснил Шнейдер,— и я по-товарищески поделюсь с теми двумя матросами, которые мне помогут. Я возьму половину, а они разделят другую половину — ты и тот второй, которого мы выберем. Мне до чертиков надоел этот остров, и чем скорее мы выберемся, тем лучше. Как ты думаешь?

— Идет! — ответил Шмидт.— Одному мне не добраться до материка. Да и остальные не смогут. Только вы знаете толк в этом деле. Значит, можете рассчитывать на меня.

Момула насторожил уши. Ему не раз приходилось плавать на английских судах, и он уловил суть разговора между Шнейдером и Шмидтом.

Маори встал и направился к парочке. Шнейдер и его собеседник испуганно вздрогнули, словно перед ними предстало привидение. Шнейдер схватился за револьвер. Момулла поднял правую руку, ладонью вперед, в знак мирных намерений.

— Я друг! — сказал он.— Я слышал, что вы говорили, но не бойтесь, я вас не выдам. Я даже могу вам помочь, а вы за это поможете мне!

Он обратился к Шнейдеру:

— Вы умеете управлять кораблем, но у вас нет корабля. А у нас есть корабль, да управлять некому. Если вы хотите поехать вместе с нами и не будете нас ни о чем расспрашивать, мы вас охотно примем к себе. А когда доплывем до нужного нам места, которое мы вам укажем, и высадите нас там, мы вам отдадим шхуну. Поезжайте на ней куда хотите.

Он помолчал и прибавил:

— Вы можете взять с собой и женщину, о которой говорили. И мы тоже не будем вас ни о чем спрашивать. Идет?

Шнейдер заинтересовался, он хотел иметь более подробные сведения. Момулла заявил, что в таком случае им следует поговорить с Кай-Шангом. Шнейдер и Шмидт последовали за Момуллой и его спутниками. На подходе к лагерю Маори оставил их под присмотром товарищей, а сам отправился на поиски Кай-Шанга.

Вскоре он вернулся с Кай-Шангом, которому уже успел вкратце сообщить о выпавшей на их долю удаче. Китаец вступил в продолжительную беседу со Шнейдером и убедился, что тот такой же мошенник, как он сам, и так же страстно желает покинуть остров.

Кай-Шанг не сомневался в том, что Шнейдер примет командование над «Каури». В то же время он был уверен, что впоследствии всегда найдет способ подчинить себе помощника корабля.

Шнейдер и Шмидт возвращались в свой лагерь окрыленными. Наконец-то появился реальный шанс выбраться с острова на настоящем корабле. Не надо больше мучиться над постройкой судна, у которого больше шансов пойти ко дну, чем достичь материка.

Кай-Шанг и Момулла со своей стороны также остались довольны беседой. Они не нуждались больше в Густе и могли от него избавиться. Вернувшись в лагерь, заговорщики медленно пошли к палатке шведа. Нужно заметить, что хотя всем гораздо удобнее было бы оставаться на шхуне, но по взаимному уговору матросы решили расположиться лагерем на берегу. Дело в том, что никто из команды не доверял друг другу и никто не решился бы сойти на берег, оставляя других на шхуне.

Направляясь к палатке Густа, Момулла ощупал лезвие своего ножа. Швед почувствовал бы себя очень нехорошо, доведись ему увидеть этот многообещающий жест.

Густ случайно находился в палатке повара, отстоящей на несколько футов от его собственной, и поэтому слышал, как идут Кай-Шанг и Момулла, хотя не подозревал, с какой именно целью.

На свое счастье, он в этот момент выглянул из палатки и обратил внимание на странные, крадущиеся шаги обоих матросов: такую походку отнюдь нельзя

было объяснить дружескими намерениями. А когда они проскользнули в его палатку, Густ заметил длинный нож, который Момулла держал за спиной.

Глаза шведа расширились, волосы зашевелились на голове. Его загорелое лицо побледнело от страха. Он поспешно вышел из палатки повара. Намерения его сотоварищей были слишком очевидны.

То обстоятельство, что он один умел управлять шхуной, было до сих пор достаточной гарантией безопасности. Очевидно, случилось что-то такое, что дало им решимость избавиться от полезного человека.

Не теряя ни минуты, Густ опрометью пустился через береговую полосу в джунгли. Он всегда чувствовал непреодолимый страх к густым зарослям леса, из глубины которых доносились страшные таинственные звуки. Но еще более он боялся Кай-Шанга и Момуллы. Опасность, таившаяся в джунглях, была более или менее вероятной, между тем как опасность, грозившая от его товарищей, очень реальна. Густ однажды видел, как Кай-Шанг задушил человека в темной аллее. Он одинаково боялся как веревки китайца, так и ножа Момуллы. Поэтому выбор пал на джунгли.

XXI
Закон джунглей

Тарзану удалось, наконец, путем угроз и обещаний значительно подвинуть постройку лодки. Уже был готов весь ее остов. Большая часть работы была сделана самим человеком-обезьяной и Мугамби, несмотря на то, что они же снабжали весь лагерь пищей.

Помощник с «Кинкэда» Шнейдер был едва ли не главным саботажником. Однажды он даже бросил работу и ушел со Шмидтом на охоту в джунгли, громогласно заявив, что нуждается в отдыхе.

Однако на следующий день Шнейдер выказал как бы некоторое угрызение совести и сам добровольно принялся за работу. Шмидт тоже работал довольно охотно. Тарзан был очень этому рад. Он решил, что оба, наконец, осознали необходимость совместной работы и поняли свои обязательства по отношению к остальным членам их маленького общества.

Поэтому с легким чувством, какого он уже давно не

испытывал за последние дни, Тарзан отправился в полдень на охоту подальше в джунгли. Он хотел выследить стадо молодых ланей, которых будто бы видели накануне Шнейдер и Шмидт. Шнейдер говорил, что стадо пасется на юго-западе. Туда и отправился человек-обезьяна.

В это время с севера крались по лесу шесть подозрительных субъектов. Они думали, что идут никем не замеченные. Но почти с самого того момента, как они оставили свой лагерь, за ними неотступно полз высокий человек, в глазах которого светилась ненависть, боязнь и любопытство: зачем крадутся к югу Кай-Шанг, Момулла и остальные? Это неспроста!

Густ в недоумении покачал головой. Надо выследить их, узнать, что они затевают!

Ему пришло было в голову, не ищут ли они его? Здравый смысл, однако, подсказал, что этого не может быть, раз они достигли того, чего желали, то есть прогнали его из лагеря. Такие люди, как Момулла и Кай-Шанг, идут на убийство только ради денег, а так как у Густа их нет, то, очевидно, и цель другая.

Вскоре шестеро остановились на отдых и спрятались в листве, окаймлявшей звериную тропу, по которой они шли. Чтобы удобнее было наблюдать, Густ вскарабкался на дерево, спрятавшись так, чтобы его прежние товарищи не могли заметить.

Ему недолго пришлось ждать. Вскоре с южной стороны показался незнакомый белый человек. Увидев его, Момулла и Кай-Шанг вылезли из своего убежища, поздоровались и стали оживленно беседовать. О чем они говорили, Густ не мог расслышать. Затем белый человек вернулся в том же направлении, откуда пришел.

Это был, как легко догадаться, Шнейдер. Приблизившись к своему лагерю, он обогнул его и вбежал с противоположной стороны. В сильном возбуждении, задыхаясь, словно только что летел сломя голову, помощник капитана подбежал к Мугамби.

— Эй, ты! — закричал он.— Ваши обезьяны схватили Шмидта! Они убьют его! Беги скорее на помощь! Ты один можешь их отозвать... Возьми с собой в помощь Джонса и Сулливана. Шмидт там, на звериной тропе, около мили к югу. Я останусь здесь! Я слишком устал!

И помощник с «Кинкэда» бросился на землю, делая вид, что еле дышит от изнеможения.

Мугамби колебался. Ему поручили охранять обеих женщин. Он не знал, что делать, Но Джен, слышавшая вопли Шнейдера, присоединилась к просьбе.

— Не теряйте времени,— торопила она негра.— С нами ничего не сделается. К тому же здесь мистер Шнейдер. Идите, Мугамби. Бедняге в самом деле нужно поскорее помочь!

Шмидт, который в это время лежал за кустом близ лагеря, от души смеялся, наслаждаясь комедией.

Мугамби чувствовал себя обязанным повиноваться своей госпоже. Он послушно отправился на юг с Джонсом и Сулливаном. Но, уходя из лагеря, он все-таки очень сомневался, умно ли поступает и к добру ли все это?

Как только Мугамби и его спутники скрылись из вида, Шнейдер вскочил и помчался на север в джунгли. Спустя несколько минут на опушке леса показался Кай-Шанг. Шнейдер увидел китайца и жестом дал ему понять, что дело сделано...

Леди Клейтон и негритянка сидели у входа в палатку, спиной к приближающимся негодяям. Они узнали о присутствии чужих в лагере только тогда, когда перед ними появились шесть оборванцев.

— Пойдем! — сказал Кай-Шанг, жестом приказывая женщинам встать и следовать за ним.

Джен оглянулась, ища глазами Шнейдера. Тот стоял с усмешкой на лице позади незнакомцев, рядом с ним — Шмидт.

— Что это значит? — спросила Джен, обращаясь к помощнику «Кинкэда».

— Это значит, что мы нашли корабль и можем уехать с острова Джунглей,— ответил Шнейдер.

— Почему вы отослали Мугамби и двух других в джунгли?

— Потому что они с нами не поедут. Поедете только вы и негритянка.

— Идем, идем скорей! — повторил Кай-Шанг и схватил Джен за руку.

Момулла, со своей стороны, потащил негритянку, а когда она начала кричать, закрыл ей рот ладонью.

* * *

Мугамби между тем бежал по лесной тропе на юг. За ним Джонс и Сулливан. Около мили пробежали они ради спасения Шмидта, но нигде и следа не было — ни человека, ни обезьян.

Наконец, негр остановился и испустил громкий призывный клич, которым Тарзан и он сзывали антропоидов. Ответа не последовало. Тогда Мугамби прошел еще с полмили, временами издавая призывный крик.

Вдруг он остановился, пораженный. Он понял, что его обманули. Как испуганный олень, помчался гигант обратно к лагерю. Худшие опасения подтвердились: леди Грэйсток и негритянки в лагере не было, исчез куда-то и Шнейдер.

Мугамби пришел в такую ярость, что хотел убить Джонса и Сулливана, считая их тоже участниками заговора. Им едва удалось убедить чернокожего в своей полной невиновности.

Они стояли и обсуждали: с какой целью Шнейдер увел женщин из лагеря? Они были так поглощены разговором, что не заметили, как Тарзан спрыгнул с ветки дерева и подошел к ним.

С первого же взгляда он увидел, что случилось неладное. Услышав от Мугамби об исчезновении Джен, человек-обезьяна сжал кулаки и нахмурил брови. На что рассчитывал Шнейдер, похищая Джейн? Куда он мог деваться с ней на этом маленьком островке, где не уйти от мщения Тарзана? Нет! Тут было что-то не так! Человек-обезьяна не считал помощника таким наивным.

Шнейдер не совершил бы такого поступка, если бы не был вполне уверен, что имеет возможность покинуть со своими пленницами остров Джунглей. Но к чему он взял с собой негритянку? Очевидно, с ним был еще какой-то чернокожий, которые пожелал иметь туземку.

— В путь! — сказал Тарзан.— Нам остается только одно — идти по их следам!

В это время с северной стороны лагеря из джунглей показался высокий неуклюжий человек и направился к разговаривавшим. Он был им совершенно незнаком; никто из них не предполагал, что, кроме них, на этом острове есть еще человеческие существа.

Это был Густ.

— Ваши женщины украдены,— сказал он без обиняков.— Если вы хотите их спасти, следуйте, не теряя ни минуты, за мной. Если замешкаемся, то не застанем «Каури» в бухте, она выйдет в море.

— Кто вы? — спросил Тарзан.— Что вы знаете о похищении моей жены и чернокожей женщины?

Густ промолвил:

— Я слышал, как китаец Кай-Шанг и Момулла сговаривались с двумя людьми из вашего лагеря. У меня есть с ними кое-какие счеты. Они замышляли убить меня, и я хочу с ними посчитаться! Идемте!

Густ повел всех четверых через джунгли к северу. Они шли, и у всех была одна и та же мысль: не опоздать.

Когда, наконец, преследовавшие пробрались через последний ряд густой листвы и перед ними показалась бухта и океан, оказалось, что судьба нанесла жестокий удар. «Каури» с распущенными парусами медленно отплывала в открытое море.

Что они могли сделать?

Широкая грудь Тарзана тяжело вздымалась. Этот последний удар был самый жестокий. В жизни Тарзана бывали моменты, когда он терял всякую надежду, но никогда еще они не имели такой остроты и боли, как сейчас, при виде корабля, отвозящего его жену неведомо куда. Джен была еще так близко от него и вместе с тем так страшно далеко!

Молча следил он за шхуной. Он видел, как она повернула к востоку и скрылась за мысом. Тарзан упал на землю и закрыл лицо руками.

Уже совсем стемнело, когда пятеро мужчин вернулись в свой лагерь на восточном берегу. Ночь стояла жаркая и душная. Ни малейшего ветерка.

Никогда не видел Тарзан Атлантического океана таким спокойным. Он стоял на берегу у самой воды, и сердце его было полно отчаяния. Неожиданно из джунглей позади лагеря раздался вой пантеры.

Была какая-то знакомая нотка в этом зловещем крике, и Тарзан почти машинально повернулся и ответил таким же зовом. Минуту спустя черно-бурая фигура Шиты скользнула в полумрак берега. Луны не было, но все небо горело звездами. Дикий зверь безмолвно подошел к человеку-обезьяне.

Прошло много времени с тех пор, как Тарзан рас-

— Ваши женщины украдены,— сказал он без обиняков.— Если вы хотите их спасти, следуйте, не теряя ни минуты, за мной. Если замешкаемся, то не застанем «Каури» в бухте, она выйдет в море.

— Кто вы? — спросил Тарзан.— Что вы знаете о похищении моей жены и чернокожей женщины?

Густ промолвил:

— Я слышал, как китаец Кай-Шанг и Момулла сговаривались с двумя людьми из вашего лагеря. У меня есть с ними кое-какие счеты. Они замышляли убить меня, и я хочу с ними посчитаться! Идемте!

Густ повел всех четверых через джунгли к северу. Они шли, и у всех была одна и та же мысль: не опоздать.

Когда, наконец, преследовавшие пробрались через последний ряд густой листвы и перед ними показалась бухта и океан, оказалось, что судьба нанесла жестокий удар. «Каури» с распущенными парусами медленно отплывала в открытое море.

Что они могли сделать?

Широкая грудь Тарзана тяжело вздымалась. Этот последний удар был самый жестокий. В жизни Тарзана бывали моменты, когда он терял всякую надежду, но никогда еще они не имели такой остроты и боли, как сейчас, при виде корабля, отвозящего его жену неведомо куда. Джен была еще так близко от него и вместе с тем так страшно далеко!

Молча следил он за шхуной. Он видел, как она повернула к востоку и скрылась за мысом. Тарзан упал на землю и закрыл лицо руками.

Уже совсем стемнело, когда пятеро мужчин вернулись в свой лагерь на восточном берегу. Ночь стояла жаркая и душная. Ни малейшего ветерка.

Никогда не видел Тарзан Атлантического океана таким спокойным. Он стоял на берегу у самой воды, и сердце его было полно отчаяния. Неожиданно из джунглей позади лагеря раздался вой пантеры.

Была какая-то знакомая нотка в этом зловещем крике, и Тарзан почти машинально повернулся и ответил таким же зовом. Минуту спустя черно-бурая фигура Шиты скользнула в полумрак берега. Луны не было, но все небо горело звездами. Дикий зверь безмолвно подошел к человеку-обезьяне.

Прошло много времени с тех пор, как Тарзан рас-

стался со своим боевым товарищем. Однако нежное мурлыканье убедило его, что зверь помнит узы, связывавшие их прежде.

Тарзан положил свою руку на спину Шиты; она прижалась к нему, и он ласкал и гладил дикого зверя.

Вдруг он вздрогнул. Что там такое? Человек-обезьяна всматривался в морскую даль, а затем позвал людей, сидевших на земле и куривших. Они подбежали к нему, только Густ благоразумно остался в стороне, увидя странного спутника Тарзана.

— Смотрите! — закричал Тарзан.— Огни! Огни корабля! Это, должно быть, «Каури». Они попали в штиль!

И, весь охваченный возродившейся надеждой, воскликнул:

— Мы можем их настигнуть! Мы доплывем к ним в нашем челне!

Густа взяло сомнение.

— Они хорошо вооружены,— заметил он,— мы не можем захватить шхуну — нас только пятеро.

— Нас теперь уже шестеро,— ответил Тарзан, указывая на Шиту,— а через полчаса будет еще больше. Шита стоит двадцати человек, а те остальные, которых я сейчас позову, целой сотни.

Человек-обезьяна повернулся к джунглям, закинув голову, и прокричал несколько раз призывной клич обезьяны-самца.

Вскоре из джунглей послышался ответный крик, затем еще и еще. Густ содрогнулся: в какую же он попал компанию! Не лучше ли было остаться с Кай-Шангом и Момуллой, чем связываться с этим гигантом, который гладил пантеру и звал зверей из джунглей?

Через несколько минут обезьяны Акута появились из кустарников и вышли на берег.

В это время пятеро мужчин старались спихнуть с берега неуклюжий челн. Понадобились большие усилия, чтобы спустить его в воду. Весла с обеих маленьких шлюпок, бывших на «Кинкэде», служили бывшей команде шхуны подпорками для палаток, так как сами шлюпки были унесены волнами в следующую же ночь после высадки на берег. Их взяли сейчас с собой, и, когда Акут и его обезьяны вышли на берег, все было готово к отплытию.

Страшная команда снова поступила на службу

к своему господину и послушно разместилась в лодке. Густа никакими силами не удалось уговорить присоединиться к экипажу. Четыре человека взялись за весла, кое-то из обезьян последовал их примеру, и вскоре неповоротливая ладья медленно вошла в море и направилась к колеблющимся огням.

На палубе «Каури» сонный матрос стоял на вахте... Внизу в каюте Шнейдер расхаживал взад и вперед, гневно споря с леди Клейтон. Молодая женщина случайно нашла револьвер в ящике стола в каюте, куда ее заперли, и теперь держала под прицелом помощника с «Кинкэда».

Негритянка сидела тут же, на полу, а Шнейдер ходил взад и вперед перед дверью, то угрожая, то обещая, то уговаривая, но все безуспешно.

Вдруг с палубы донесся предостерегающий крик и выстрел.

На минуту Джен ослабила свою бдительность и взглянула на окошечко в потолке. В то же мгновение Шнейдер набросился на нее.

Вахтенный заметил, что к «Каури» приблизилось небольшое судно, и почти в тот же момент из-за борта шхуны высунулась голова и плечи какого-то человека. Матрос с криком вскочил на ноги и прицелился в непрошеного гостя. Этот-то крик и последовавший за ним выстрел были услышаны в каюте.

Прежняя тишина на палубе сменилась всеобщей тревогой. Экипаж «Каури», вооруженный револьверами, саблями и длинными ножами, бросился на палубу, но тревогу вахтенный поднял слишком поздно. Звери Тарзана уже были на палубе, а с ними Тарзан и два матроса с «Кинкэда».

При виде небывало страшных неприятелей мужество покинуло матросов шхуны. Некоторые было выстрелили не целясь, но сию же минуту бросились искать убежища. Иные полезли на мачты, но обезьяны лазили гораздо лучше и быстро стащили их с высоты. Тарзан поспешил найти Джен. Никто не удерживал зверей, и они излили всю ярость своей дикой натуры на злополучный экипаж «Каури».

Шита выследила Кай-Шанга, пробиравшегося тайком в свою каюту. С пронзительным воем пантера бросилась за ним, с воем, вызвавшим почти такой же нечеловеческий крик и у объятого ужасом китайца.

Кай-Шанг добежал до своей каюты на секунду раньше пантеры и, прыгнув к каюту, прихлопнул было дверь, но все-таки уже запоздало. Крупное туловище Шиты скользнуло в дверь раньше, чем ее защелкнули на замок. Дрожащий Кай-Шанг забился в угол верхней койки и вопил от ужаса. Шита без малейшего усилия прыгнула за своей жертвой и перегрызла ей горло, словно маленькой мыши.

* * *

Шнейдер успел вырвать у Джен револьвер, но в ту же секунду дверь каюты открылась и высокий полуобнаженный белый человек показался на пороге. Он молча и бесшумно прыгнул. Шнейдер почувствовал только, как сильные пальцы сжали его горло. Помощник обернулся, и глаза расширились от ужаса.

Пальцы сжимали все крепче и крепче хрустящее горло моряка. Он старался кричать, просить, но ни один звук не выходил из сдавленного горла. Джен Клейтон схватила мужа за руки, стараясь оттащить, но Тарзан потряс головой.

— На этот раз нет! — промолвил он.— Я уже однажды даровал жизнь негодяю, и из-за этого нам обоим пришлось столько страдать. Мы должны освободиться от него навсегда...

С этими словами быстрым движением он свернул шею матросу. Послышался треск позвоночника, и Тарзан с отвращением отбросил тело в сторону.

Закончилась схватка и на палубе. Только Шмидт, Момулла и еще двое матросов остались в живых, спрятавшись в матросской каюте. Все другие умерли страшной смертью от клыков и когтей зверей Тарзана. Восходящее солнце осветило на палубе «Каури» страшную картину: но на этот раз пролитая кровь была кровью негодяев, а не невинных людей.

Тарзан вытащил из каюты четырех спрятавшихся там матросов. Не обещая им ни освобождения, ни помилования, он заставил их работать на шхуне, угрожая в случае неповиновения немедленной смертью.

С восходом солнца поднялся сильный ветер. «Каури», распустив все паруса, направилась к острову Джунглей. Здесь Тарзан взял на борт Густа и попрощался с Шитой и обезьянами Акута. Он высадил их на

берег, дав им возможность продолжать дикую привольную жизнь. И, не теряя ни минуты, звери скрылись в прохладной глубине своих любимых джунглей.

Без сомнения, они так и не поняли, что Тарзан навсегда покидает их. Может быть, лишь Акут, как более развитый, подозревал это. Он единственный остался на берегу, когда маленькая шлюпка направилась обратно к шхуне, отвозя его господина.

Тарзан и Джен стояли на палубе и, пока берег не скрылся из виду, видели одинокую фигуру волосатого антропоида, стоящего неподвижно на песчаном берегу острова Джунглей.

* * *

Три дня спустя «Каури» встретился с кораблем английского флота «Шорватер». Благодаря ему лорд Грэйсток мог снестись по радио с Лондоном. Они получили известие, переполнившее их сердца радостью: маленький Джек — живой и здоровый — находился в лондонском доме Грэйстоков!

По приезде в Лондон Тарзан и Джен узнали то необычное сплетение обстоятельств, которое сохранило им ребенка.

Оказалось, что Роков, опасаясь перевезти Джека днем на борт «Кинкэда», отдал его в убежище для случайно подобранных на улице детей, намереваясь взять малыша вечером.

Его соучастник и главный помощник Павлович превзошел своего патрона в хитрости. Надеясь сам получить громадный выкуп, если возвратит ребенка невредимым, Павлович открыл тайну его происхождения начальнице убежища. С ее помощью он заменил Джека другим ребенком. Павлович был убежден, что Роков никогда и ни за что не догадается о подлоге.

Заведующая убежищем обещала сохранить ребенка до возвращения Павловича в Англию; но и она, со своей стороны, тоже соблазнилась возможностью получить большую награду и вошла в переговоры с доверенными лорда Грэйстока.

Эсмеральда, старая негритянка, няня Джен, уезжавшая в Америку на побывку, вернулась и удостоверила личность Джека.

Выкуп был уплачен, и спустя десять дней после по-

хищения будущий лорд Грэйсток был благополучно водворен в отчий дом.

Таким образом, последнее и самое крупное злодеяние Рокова окончилось неудачей благодаря измене его «единственного» друга.

Хотя судьба Павловича была неизвестна, но имелись все основания думать, что он погиб в джунглях, и теперь лорд и леди Грэйсток с полным правом могли предполагать, что навсегда освободились от этих двух людей — единственных врагов, которых Тарзан опасался.

* * *

Счастливая семья собралась в полном составе в доме Грэйстоков. Это было в день прибытия лорда Грэйстока и его жены в Англию. С ними вместе приехали Мугамби и негритянка, которую Мугамби нашел в лодке на маленьком притоке Угамби.

Негритянка заявила, что ей гораздо больше по душе остаться у своего нового господина, нежели вернуться к старому мужу, от которого она бежала. Тарзан предложил им поселиться в его доме в обширных африканских поместьях в стране Вазари. В скором времени чернокожая чета туда и отправилась.

Весьма возможно, что мы еще встретимся с ними в диких страшных джунглях и в бесконечных равнинах, столь любимых Тарзаном из племени обезьян. Кто знает?

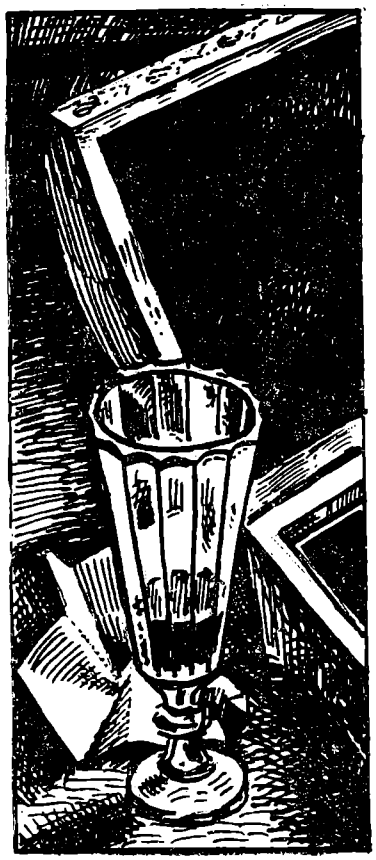
ПРОЗА

ФУФЕЛЬ

Роман

Анатолий
РОМОВ

Рисунки
Арсения Сергеева



Глава первая

В этот весенний день 1918 года на полустанке в Эмишлы, небольшом поселке недалеко от ирано-азербайджанской границы, было оживленно. Минут за двадцать до прихода бакинского поезда тихую привокзальную жизнь нарушило событие, не очень привычное для Эмишлы: к вокзалу подъехал щегольский дорожный фаэтон. Перед самым перроном одетый в черкеску возница-курд слегка натянул вожжи. Красавцы-рысаки застыли, изредка встряхивая головами.

Наконец поезд подошел. Группа, вышедшая из единственного вагона первого класса, привлекла всеобщее внимание. Первым, пока состав еще двигался, на перрон спрыгнул высокий человек лет тридцати пяти в черном кителе без знаков отличия и черных брюках, заправленных в черные же сапоги. Подождав, пока вышедшие вслед за ним камердинер и горничная помогут сойти госпоже и господину, одетым по-европейски, и их дочке-подростку в матросском костюмчике, человек в черном быстро пошел к фаэтону. Подойдя к вознице, бравому парню с лихо закрученными усами, тихо сказал по-курдски:

— Фаэтон для господ Ларионовых?

Услышав родную речь и встретив взгляд, не предвещавший ничего хорошего, возница поклонился:

— Да, господин, фаэтон подан для господ Ларионовых.

Усадив высокого господина средних лет, его жену, которая явно была намного моложе, и их дочку — точнее, пронаблюдав, как их усаживают горничная и камердинер — человек в черном сел рядом с возницей. Подождав, пока тот, чмокнув, тронет лошадей, сказал бесстрастно:

— Знаешь, куда везти?

— Мне было сказано: к границе. На пропускной пункт в Араксу-базар.

— Как повезешь?

— Здесь только один путь: по Муганскому тракту, а там перевал Болгар-Даг и все, граница.

— Сразу по выезде из Эшмилы свернешь направо. Поедем через Акер-Даг.

— Через Акер-Даг? — Возница недоуменно посмотрел на соседа.— Но это же на двенадцать верст дальше? Зачем нам крюк?

— Делай, что говорят.

Когда они выехали на Акердагский перевал, возница наконец проник в ход мыслей человека в черном. В связи с революцией и продолжавшимися до сих пор стычками враждующих группировок там, в накатанном ближнем пути через горы, можно было ожидать чего угодно. Вплоть до вооруженного нападения на фаэтон и ограбления. Здесь же, на заброшенном объездном маршруте, они могли чувствовать себя сравнительно спокойно.

После того, как ахалтекинцы встали перед шлагбаумом погранзаставы, человек в черном, спрыгнув с облучка, прошел в домик начальника погранотряда, официально называвшегося усташи-баши. Войдя в комнату, сказал уже по-азербайджански:

— Салям алейкум, Рустам-бек. Я сопровождаю господ Ларионовых, мужа и жену. С дочерью. Вот бумаги. Мы едем в Тегеран.

Услышав имена родственников самого шаха Ирана, усташи-баши покачал головой. Появление Сардара Мохаммеда Мусави, военного атташе посольства Ирана в Азербайджане[1], в качестве сопровождающего, говорило обо всем лучше всяких документов. Усташи-баши улыбнулся:

— Уважаемый Сардар-бек, никаких бумаг не нужно. Проезжайте.

— Спасибо, Рустам-бек.— Сардар Мохаммед Мусави спрятал один конверт и достал другой.— На всякий случай я все же оставлю вам копии. Мало ли, вдруг нужно будет отчитаться.

Положив конверт на стол и прижав левую руку к сердцу, Мусави вышел. В окно усташи-баши было хорошо видно, как фаэтон, проехав на иранскую сторону под поднятыми шлагбаумами, остановился возле давно ожидавшего знатных путешественников авто. Ларионовы и сопровождавшие их люди пересели в авто, и, чихнув бензином, лимузин уехал. Дождавшись, пока стихнет шум мотора, офицер заглянул в конверт. Увидел он там то, что и ожидал: несколько крупных купюр конвертируемой иранской валюты.

После того, как фаэтон пересек границу, Петр Николаевич Ларионов, пересев вместе с женой и дочерью в сверкающий медью «Даймлер-Бенц», погрузился в весьма непростые раздумья. Он думал о том, что в эти дни, когда в России идет смертельная борьба, судьба окончательно развела его с братом, Николаем Ларионовым, некогда близким ему и горячо любимым. Брат по-прежнему решительно стоит на стороне монархии, он же, как убежденный социалист-утопист, всем сердцем поддерживает борьбу, которую ведет с белогвардейцами Ленин. Да, он, Петр Ларионов, на стороне большевиков, левых эсеров, левых меньшевиков и анархо-синдикалистов. Конечно, со всеми этими партиями у него есть несколько принципиальных расхождений. И все же в главном, а именно во взглядах на будущее устройство общества, они сходятся. Но несмотря на все это, он, Петр Ларионов, вынужден эмигрировать. Он не может рисковать жизнями тех, кто ему дорог — жены и горячо обожаемой дочери.

Сейчас, пока машина катила по хорошо знакомой дороге в Тегеран, Петру Николаевичу фактически пришлось заново подытожить всю свою жизнь. Его идеалом давно уже стало учение о справедливом обществе, разработанное еще в 1516 году Томасом Мором и много позже поддержанное в России Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым — равенство всех граждан, коллективная собственность на все ценности, произведенные человеком, и обязательность труда для всех. Увы, брат Ларионова, Николай Николаевич, держался мнений прямо противоположных — последовательно поддерживал Добровольческую армию, Деникина и Врангеля. А[1] поддерживать белое движение Николаю Николаевичу было чем: ему принадлежали многочисленные нефтепромыслы в Азербайджане и Иране.

Петр Николаевич был богат ничуть не меньше брата. Он владел рыбными промыслами на всем побережье Каспия, в России, Азербайджане и Иране. Кроме того, поскольку сестра его жены, урожденная Новицкая, официально числилась женой Верховного Иранского правителя, Петр Ларионов приходился довольно близким родственником Его величеству Шах-ин-Шаху. Именно поэтому никаких проблем с эмиграцией у семьи Петра Ларионова не возникло. И именно поэтому их на всем пути от Баку до Тегерана сопровождал высокопоставленный контрразведчик, военный атташе Ирана в Азербайджане Сардар Мусави.

В Тегеране семье Петра Ларионова пришлось задержаться на несколько дней, главным образом для улаживания имущественных дел и нанесения визитов. Сейчас, на девятом году отречения, высочайший родственник Ларионова Мамед Али Каджар Шах давно уже вел сугубо частную жизнь в Лондоне. Однако правительство Ирана по-прежнему высоко ценило хозяйственную деятельность русского промышленника-миллионера. В день отъезда Петр Николаевич был принят самим премьер-министром Ирана[2]. Премьер в конце аудиенции вручил Петру Николаевичу инкрустированную шкатулку, в которой лежало семнадцать крупных необработанных алмазов. Этот дар шах пожаловал

---

[1] С 1918 по 1920 гг. Азербайджан был самостоятельным государством, не входящим в состав Союза Советских Республик.

[2] Т. е. Мохамедом Резой Пехлеви, будущим шахом Ирана.

свояку еще в годы своего правления. Шкатулка с алмазами дожидалась своего хозяина в государственной сокровищнице.

В первые месяцы в Париже Ларионовы снимали особняк в аристократическом районе недалеко от Булонского леса. Дела на рыбных промыслах в России из-за продолжавшейся революции пока шли неважно, но переводы от прибыли на предприятиях в Иране поступали на банковские счета Ларионовых бесперебойно. К тому же вскоре из России пришло известие о смерти Николая Ларионова. Как один из наследников Петр Николаевич получил четвертую часть состояния брата, упрочив свое и без того крепкое материальное положение.

И все же, несмотря на кажущееся благополучие, в 1921 году, на третьем году жизни в Париже, Петр Николаевич Ларионов чувствовал себя глубоко несчастным. Безусловно, этому его состоянию в немалой степени способствовала тоска по родине. И все же главным было другое. В России наконец-то победила революция! Революция, поражение которой давно уже считалось в Европе, да и во всем мире, делом абсолютно решенным! Та самая революция, которая, как тут ни крути, поставила своей целью осуществление идеалов, провозглашенных когда-то Томасом Мором! Чудо, в которое он, Петр Ларионов, отказывался верить даже в самых смелых своих мечтах, свершилось... А он, Петр Ларионов, тратит жизнь на бессмысленное существование здесь, в Париже...

Осенью 1921 года решение созрело окончательно. Петр Ларионов написал письмо на имя Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина, в котором сообщал главе советского правительства, что, как истинный патриот и убежденный социалист-утопист, готов отказаться в пользу Советского государства от всей своей недвижимости. За это он просит разрешения вернуться в Россию и работать по специальности, а именно инженером-строителем. Никаких особых льгот для себя он не требует. Единственное — поскольку он хотел бы вернуться на родину вместе с дочерью, он просит позволить ему взять с собой некоторые фамильные драгоценности.

Довольно скоро Ларионов получил ответное послание, подписанное лично Предсовнаркома; в письме сообщалось, что Советское правительство высоко ценит патриотический поступок известного промышленника и в ответ на этот жест готово в любой момент предоставить ему советское гражданство, работу по специальности, а также выполнить его остальные условия.

Жена, не разделявшая в последнее время ни идеалов, ни тем более патриотического порыва мужа, решила остаться в Париже и охотно дала развод. Не возражала она и против отъезда дочери. Повзрослевшая за это время на три года, Надя выразила твердое желание уехать с отцом на родину. Чтобы обеспечить Ольге Павловне безбедное существование, бывший муж перевел на ее имя все свои банковские счета. Остальное же имущество фирмы «Ларионов и компания», а именно нефтяные и рыбные промыслы в России и Иране, было безвозмездно передано в концессию Советскому правительству.

Ларионов с дочерью вернулся в Россию, в Москву. Им была предоставлена прекрасная многокомнатная квартира в новом доме на Бережковской набережной, недалеко от Воробьевых гор. В полной мере был обеспечен Петр Николаевич и работой, став ведущим инженером Московского Главного архитектурно-планировочного управления. В память о нем во многих московских домах, сохранившихся с тридцатых годов двадцатого столетия, до сих пор поражают воображение огромные многокомнатные квартиры, специально спроектированные как коммунальные. Наверняка никто уже не знает имени их автора, отдавшего таким своеобразным способом дань своим социально-утопическим идеалам...

Перед самой войной Петр Николаевич женился вторично — на известной в то время оперной певице Любови О-кой. Своих детей у них не было, но брак в целом был удачным. Во всяком случае, дочь своего мужа, Надежду Петровну Ларионову, ставшую к тому времени интересной и умной женщиной, Любовь Алексеевна всегда воспринимала как родную. Дочку же Надежды Петровны, Веронику, родившуюся в конце шестидесятых годов, Любовь Алексеевна в буквальном смысле этого слова вырастила, став для девочки единственным близким ей человеком.

Окончив институт, Вероника вышла вскоре замуж за своего бывшего сокурсника, инженера-строителя Владимира Ч-ева. У них родилась девочка, но года через два отношения молодых супругов разладились, и они, как принято говорить, разошлись полюбовно. После того, как Владимир, забрав нужные ему вещи, переехал к родителям, его комната была просто заперта на ключ — и больше в нее никто уже не входил.

Итак, к началу нашего повествования, а именно на рубеже последнего десятилетия двадцатого века, из собственно рода Ларионовых в живых остались лишь два человека: Вероника и ее малолетняя дочь, названная в честь бабушки Надеждой. Само собой, с полным правом считала себя родственницей и наследницей Ларионова и вдова Петра Николаевича Любовь Алексеевна.

Глава вторая

Пригубив коньяк из бокала, Миша Каменский со странным для себя чувством оглядел зал. Вечер в «Красном»[3] был в разгаре. В зале стоял шум, все столики были заняты. Только что кончился танец, кавалеры усаживали дам, мимо протискивались халдеи с подносами. Но он ничего этого не замечал. Все его существо пело, каждая жилка дрожала от возбуждения. Еще раз посмотрев на сидящего с ним за одним столиком Сашку Фортушняка, Миша сказал глухо:

— Значит, это они и есть? «Алмазы шаха»?

— Они и есть. Причем, как Ленка расписала, камни крупные.

[3] «Красный» — ресторан в Одессе.

— Что значит крупные?

— Самый мелкий карат на пять. А есть и по двадцать.

Конечно, Сашка Фарт мог иногда и приврать. И все же в таком деле обманывать его, Каменского, Фарту не имело смысла. Сашку Фортушняка он знает наизусть. В школе учились в одном классе, вместе поступили в Кораблестроительный. Схожими оказались их пути и после института. Еще до защиты диплома и он, и Фарт решили, что ишачить по специальности не будут никогда. Оба были убеждены, что копейки, выдаваемые в заводских кассах, нормального человека могут только унизить. Естественно, свои дела они решили делать сами, не связываясь ни с жучьем[4], ни с одесскими крупняками[5]. Фарт, всегда тяготевший к искусству, зарабатывал перепродажей картин и фармазоном с антикварными цацками. Миша, которого отец, директор одесского автопредприятия, устроил к себе водителем, мог при желании выбивать до двух сотен в день одним лишь извозом — но в последнее время все чаще стал переключаться на скок[6]. Четыре колеса и стекло, снятые за ночь, сразу давали ему две штуки. Но с какого-то времени Миша понял: даже эти две штуки для него не деньги. Так, случайный заработок, утекающий сквозь пальцы в течение нескольких дней. Если хочешь считать себя по-настоящему обеспеченным человеком, а он этого хочет, он должен взяться за что-то серьезное.

Миша усмехнулся. Сейчас, кажется, сама судьба вместе с Сашкой Фортушняком преподносит ему настоящее дело.

— Где же они у них лежат, эти камни? — спросил Мишка. — В сейфе? В тайнике?

— Не знаю, не спрашивал. Ты же сам сказал: Ленка ни о чем не должна догадываться.

— Все правильно, — отцедив в бокал все, что осталось в бутылке, Миша подумал: липы здесь быть не должно. Впервые услышав о камнях три месяца назад, зимой, он попросил Фарта уточнить, верно ли, что «алмазы шаха» существуют. Уточняла Ленка, жена Фарта. Дружит же Ленка с этой самой крутой москвичкой, Вероникой Ларионовой, давно — они вместе учились в московском институте.

Но если все так, и камни существуют... Шутка ли, несколько алмазов по двадцать карат. Да будь у него хотя бы один такой, Фима Лернер, его ближайший друг и лучший ювелир Одессы, пойдет на все, свяжется со своими людьми т а м — но отсчитает ему не меньше ста штук. Причем не в рублях, а в валюте.

Не в силах усидеть на месте, Миша встал со стула:

— Фарт, пойду пройдусь.

По-хозяйски оглядев зал, Миша двинулся по ресторану. Здесь, в «Красном», он знал всех и вся.

Остановившись у колонны, Миша вдруг застыл — увидев, кто сидит через столик от него. Ну и деваха, подумал он. Та самая москвичка, которую он утром случайно подбросил от вокзала до центра. Он ее еле узнал. Брюнетка с голубыми глазами, фигура без единого изъяна. Впрочем, при чем тут фигура... Дело в ней самой. Интересно, кто она. Прикинута по фирме, и вообще, все при ней. На путану непохожа. Черт, девка в самом деле высший класс. Хорошо хоть допер не брать у нее пятерку, которую она ему совала. Поколебавшись лишь секунду, Миша подошел к столику. Убедившись, что москвичка его видит, чуть пригнулся:

— Добрый вечер. Вы меня помните?

Москвичка ничего не ответила, лишь поставила бокал и, полуобернувшись в его сторону, чуть заметно улыбнулась. Миша, всегда действовавший в таких случаях решительно, посмотрел на сидящего рядом с москвичкой парня лет тридцати:

— Извините, вы не против, если я приглашу вашу даму?

Москвичка не очень дружелюбно повела плечом:

— Молодой человек, если честно — я сегодня не настроена танцевать.

— Я вас очень прошу. Это будет всего один танец. Пожалуйста.

Миша отлично знал, что со своим ростом, светлыми кудрями и голубыми глазами пользуется у женщин успехом — но сейчас совсем не был в себе уверен.

Неизвестно, что подействовало на девушку, Мишин взгляд или что-то еще, но она наконец улыбнулась:

— Хорошо, что с вами сделаешь...

В центре зала, взяв недотрогу за талию и сделав несколько шагов в такт музыке, Миша сказал:

— Меня зовут Михаил.

— Очень приятно... Галя.

Танцевала Галя прекрасно. Ощутив легкое сердцебиение и усмехнувшись самому себе: «Что это со мной?», Миша пригнулся к ее уху:

— Простите, Галочка, рядом с вами за столиком муж? Или просто партнер?

Сделав несколько па, Галя насмешливо улыбнулась.

— Вам это так важно?

— Представьте, важно.

— Это мои друзья. Я приехала к ним в гости, ну и... Они решили показать мне Одессу. Мало того, что вы приглашаете незнакомую девушку, вы к тому же тут же начинаете вмешиваться в ее личную жизнь. Нехорошо. — Она произнесла это, глядя ему прямо в глаза, с явной издевкой. Насмешница, подумал Миша. Но, кажется, ради этой насмешницы он будет готов на все.

— Галочка, я понимаю, что лезу не в свое дело. И все же клянусь: лучше меня Одессу вам никто не покажет. Как у нас говорят, чтоб я пропал. Вы мне позволите показать вам Одессу?

Несколько секунд Галя танцевала молча. Наконец сказала, все так же насмешливо взглянув ему в глаза:

— Но мы ведь договорились станцевать всего один танец? Разве не так?

---

[4] «Жучье» — жуками в преступном мире называют воров в законе.
[5] «Крупняки» — в данном контексте — главари мафии.
[6] «Скок» — воровство.

— Все так. Но если бы я знал, что действительно буду танцевать с вами только один танец, я бы тут же застрелился. Честное слово.

— Ого. Так можно и испугать. — Галя снова улыбнулась.

— Что вы, Галочка. Если вы испугаетесь, да еще по моей вине, я опять-таки застрелюсь. Прошу только одного: позволения пригласить вас еще на один танец. Потому что... — Он замолчал, вспомнив о семнадцати алмазах. — Потому что вы даже не знаете, в какой момент мы с вами встретились.

— Интересно. И в какой же момент мы с вами встретились?

— В очень важный. Во всяком случае, в моей жизни.

После танца, усадив Галю, Миша тут же послал к ее столику двадцать пять роз, без звука выложив за них официанту сто пятьдесят рублей. Во время следующего подаренного ему танца Галя сообщила, что остановилась у своих друзей, известных одесских художников. Что сама она учится в Москве на художественном факультете театрального училища. И наконец, уступив Мишиным просьбам, назвала номер телефона, по которому он мог бы с ней связаться.

Через две недели, в начале июня, Миша подвел Галю к вагону «СВ» фирменного поезда Одесса — Москва «Черное море». За это время у них, как принято говорить, все состоялось — но тем не менее на душе у Миши было сейчас пусто и хмуро. И причина тому была одна: он отлично понимал, что безнадежно втюрился. Он, Миша Каменский, о любовных похождениях которого в Одессе ходили легенды, вдруг в свои двадцать шесть лет влюбился, как последний школьник. Да, две недели, которые он провел вместе с Галей, были похожи на сказку: они целыми днями катались то на катере, то на яхте, жили вдвоем в бунгало на пустынном берегу, каждый вечер заказывали кабинеты в ресторанах, а случалось им зайти к кому-нибудь из одесских ювелиров, Миша покупал Гале все, что она хотела. Все было так — но то, что в эти дни у него с ней, насмешливой москвичкой с потрясающей фигурой, все происходило как в сказке, Мишу сейчас ничуть не утешало. Во-первых, эта сказка стоила ему около десяти тысяч, из-за которых он по уши влез в долги. А что в итоге? Да ничего. Он всего лишь безнадежно влюбился. Без расчета на взаимность.

У входа в вагон Галя остановилась. Миша смотрел на нее, как зачарованный. На ней был голубой сарафан-мини, подчеркивающий красоту загорелой фигуры. Светлые глаза улыбались. Помедлив, Галя склонила голову набок:

— Вот и все, Мишенька. Будешь писать?

Миша мрачно усмехнулся:

— Хорошие шутки.

— Нельзя пошутить?

Миша не ответил. Хотя их отношения доходили до предельной близости, он сейчас понимал, что почти ничего о ней не знает. Все, что он смог выяснить: ей двадцать лет, она дочь каких-то крутых родителей, окончила английскую школу, сейчас учится в театральном. Ясно, такая девочка всегда будет на первом плане. И с будущим при такой внешности у нее все будет в полном порядке. Выскочит замуж за какого-нибудь фирмача, и все. Он же в лучшем случае останется для нее неким Мишей из Одессы, с которым хорошо было проводить время.

— Ты что молчишь? — сказала Галя. — Что-нибудь не так?

— Все так. Учти, я скоро приеду в Москву. Уже без шуток.

— Ну и приезжай. Сразу звони, буду рада. И... — Холодная рука дотронулась до его шеи. — Запомни, Мишенька: мне с тобой было чудесно.

Светлые Галины глаза говорили совершенно точно: она не обманывает. Но при этом они говорили и другое: она ничуть не огорчена, что уезжает. Что ж, подумал Миша, так и есть.

Когда поезд скрылся вдали, Миша решительно пошел к вокзалу. И, разыскав ближайший телефон-автомат, набрал номер Фарта.

Наконец-то Москва, подумал Миша. Мимо проскочила Триумфальная арка. «Москвич» шел нормально, мотор работал без перебоев. И вообще, все пока было как будто в порядке. После полусуточного перегона он не чувствовал никакой усталости — хотя от самой Одессы они с Фартом гнали почти без остановок. Причем большую часть пути Миша, не очень доверявший Фарту, вел машину сам. Конечно, им повезло, что вчера ночью вместо того, чтобы плутать по Москве в поисках снятой Дегтярем квартиры, они неожиданно достали места в мотеле. Именно поэтому сейчас, после нормального сна и утреннего кофе, он чувствует себя как огурчик. Судя по виду Фарта, у того тоже настроение неплохое. Отлично. Лучшим выходом будет, если им удастся сделать дело уже сегодня. Не светясь у Дегтяря и вообще где бы то ни было. Одессит Костя Дегтярь, Мишин приятель, тусующийся сейчас в Москве, был как будто бы человеком проверенным. Но Миша твердо решил: в этом деле он не будет доверять никому. И встречаться не будет ни с кем — пока они не возьмут камни. Даже с Галей, хотя сегодня утром он с трудом удержался, чтобы ей не позвонить.

— Едем к Дегтярю? — спросил сидящий рядом Фарт.

— Зачем к Дегтярю? Поедем сразу на место.

Фарт недоверчиво посмотрел на Мишу:

— Ты решил сразу?

— А что ждать? Если увидим, что старуха одна, сразу и пойдем. Возьмем камни, и с концами. — Миша посмотрел на Фарта: — Очко работает?

— Да нет, при чем тут очко. Мы же решили.

Некоторое время оба молчали, разглядывая летящий навстречу Кутузовский проспект. В том, что предстоящая операция им удастся, Миша был абсолютно уверен. Процесс он разработал до тонкостей. Конечно, он чувствовал сейчас легкое волнение, но не больше. А вот состояние Фарта внушало ему некоторые опасения.

После довольно долгого молчания Фарт сказал:

— Ну а если она будет не одна?

— Подождем, пока останется одна. Ты же сказал, Вероники сейчас нет в Москве? Они где-то вместе с Ленкой?

— Да, они в пансионате в Рузе.

В сердце Фарта слова «они где-то вместе с Ленкой» отозвались болью. Именно сейчас, когда он вдруг понял, что влюблен в собственную жену по уши, в их отношениях наметились нелады. Но поскольку Фарт считал, что Миша пока не должен знать об их неладах, он решил своих переживаний не выдавать. Лишь добавил, изображая невозмутимость:

— Все же кто их знает, этих баб. Мало ли.

Кажется, Фарт действительно мандражит, подумал Миша. Что ж, придется терпеть. Ведь если бы не Фарт, он бы вообще не узнал о существовании камней. Покосившись, Миша выдавил:

— Мало, не мало, все равно едем сразу на место.

Перед Киевским вокзалом Фарт сказал:

— Сейчас направо, вдоль реки. Это и есть Бережковская набережная.

Свернув на набережную, Миша чуть сбавил ход и посмотрел на Фарта. Тот кивнул:

— Вон он, этот дом. Впереди справа, длинный девятиэтажный.

— Какой у них этаж?

— Третий.

— Окна выходят сюда?

— Часть сюда, часть во двор.

— Покажешь?

— От второго подъезда первые два окна. По ходу. Видишь?

— Вижу. — Мельком взглянув на указанные окна, одно из которых было открыто — значит, хозяева дома — Миша поинтересовался: — Не помнишь, какие комнаты выходят сюда? Спальня, кухня?

— Сюда, кажется, выходит кухня. И еще одна комната, я в ней не был.

— А во двор?

— Во двор гостиная и спальня.

— Что у них за двор? Там что, другие дома?

— Нет, других домов там нет. Забор, потом котельная. И железнодорожные пути. Тут же рядом вокзал.

Некоторое время оба молчали, разглядывая давно проснувшуюся июньскую набережную, речные трамваи на Москве-реке, надвигающийся железнодорожный мост. Наконец Фарт сказал:

— Только, Камень, смотри: делаем, как договорились.

— Что значит как договорились?

— Без мокрухи.

Миша знал, рано или поздно Фарт скажет что-нибудь подобное. Фарт всегда был трусоват, еще со школы. Что ж, с партнером ему не очень повезло. Конечно, убивать в его планы не входит, но если он поймет, что старуха сможет их заложить — он кокнет ее, не раздумывая. Когда дело касается семнадцати алмазов, надо быть готовым на все. Но Фарта нужно успокоить.

Помедлив, Миша сказал:

— Не дрейфь ты, не сделаем мы ничего твоей старухе. Я сам на мокрое не пойду, я же себе не враг. — Посмотрел направо: — По-моему, там есть где встать?

— Есть. Просто я предупредил: все, что хочешь, но без мокрухи. Запомнил?

— Запомнил.

Повернув сразу после моста направо, Миша въехал на насыпь. Довольно скоро он увидел удобное для наблюдения место: два дома старой постройки, один из которых, судя по выбитым стеклам, предназначался на снос. Поставив машину между ними и убедившись, что нужный им на той стороне реки дом виден отлично, Миша кивнул:

— Ну что, Фарт, бери бинокль. Наверняка она уже встала.

Вглядываясь сквозь окуляры в двигавшуюся по кухне сухонькую фигурку хозяйки квартиры, Саша Фортушняк думал сейчас лишь о том, как бы ему исхитриться, чтобы в этот свой приезд попасть в Рузу и объясниться наконец с Леной.

В свое время Фарт женился на Лене не столько по любви, сколько потому, что в те же сроки решил жениться и его друг Миша Каменский. Правда, через год после свадьбы Миша и его жена, известная одесская красавица и дочь академика Жанна Пустовойт, безболезненно разошлись. Миша, к которому женщины всю жизнь буквально липли, в результате развода ничего не потерял. Ему не помешало даже наличие годовалого сына, все заботы о котором взяла на себя семья академика. Он же, Фортушняк, лишь теперь, на третьем году женитьбы, понял, как легкомысленно отнесся когда-то к будущим отношениям с Леной — одной из красивейших девушек Одессы. Тогда он видел в ней лишь «престижную невесту», дочь заместителя начальника пароходства — и только. Идиот. Для того, чтобы привлечь Лену, он в ту пору не нашел ничего лучше, чем наврать ей — назвавшись молодым художником. Для убедительности он даже несколько раз показал Лене чужие картины, выдав их за свои. Молодой художник... Да он и кисти как следует держать не умеет. Ясно, что Лена скоро поняла, что он никакой не художник. И все же, Фортушняк был убежден, Лена бы ему все это простила. Да, простила — если бы не ее лучшая подруга Вероника Ларионова. Он мог поклясться, их отношения с Леной Вероника испортила умышленно. Собственно, об «алмазах шаха» Фортушняк сообщил Мише именно потому, что хотел отомстить Веронике — делающей, как он считал, все, чтобы разлучить его с Леной. Конечно, он рисковал: ведь если бы Лена узнала о его предательстве, она никогда бы ему этого не простила. Но Фарт был уверен: если им с Мишей повезет и они возьмут

«алмазы шаха», доказать, что ограбление хоть как-то связано с ним, не сможет никто. Он же после дележа добычи получит возможность разговаривать с Леной совсем с других позиций.

Подумав об этом, Фарт продолжал терпеливое наблюдение за кухней.

Часа через полтора, в очередной раз передав бинокль Фарту, Миша подумал: можно начинать. Пока в кухне, кроме старухи, никого не возникало. И вообще, судя по поведению хозяйки, она в квартире одна и в ближайшие несколько часов никого не ждет.

— Никого нет,— Фарт опустил бинокль.— Она одна.

— Тогда все. Кончаем наблюдение, наклеиваем «декор» и подъезжаем. Где «декор»?

— У меня в сумке...

Около двадцати минут оба прилаживали «декор»: иссиня-черный парик и очки, приготовленные для Миши, и пышные усы и короткую бородку клинышком — для Фарта. Оба понимали, что изменить внешность до полной неузнаваемости они не смогут при любом «декоре». И все же, готовясь к ограблению, оба пришли к выводу: чужая растительность должна затруднять опознание. Особенно Миши, который, по их плану, должен будет пойти первым.

Оглядев себя и Фарта и убедившись, что фальшивые борода и усы, а также парик выглядят вполне пристойно, Миша сказал:

— Значит, Фарт, повторяю еще раз. Сейчас подъезжаем туда. Машину ставим чуть не доходя. Пока я выхожу и звоню, ты следишь за окном. По телефону я ей говорю, что я от Володи, бывшего Вероникиного мужа. Он просил передать кое-какие вещи, чтобы она положила их в его комнату. Сам он, мол, сейчас в отпуске, в Прибалтике, и вещи ему мешают. Я ничего не напутал?

— Ничего, все правильно. Володя сейчас в самом деле в Прибалтике.

— Отлично. После этого, если старуха скажет, чтобы я приходил, я поднимаюсь к ней и действую по обстоятельствам. Но, как условились, без мокроты. Привязываю ее к стулу, завязываю глаза, оглушаю. В общем, делаю что-нибудь, чтобы она не увидела тебя, когда ты войдешь. После этого даю тебе знак, то есть закрываю окно. Увидев, что окно закрыто, ты быстро поднимаешься. Мы ищем камни и сваливаем. Все понятно?

— Что тут не понять...— Фарт приложил к глазам бинокль. Миша, заметив, как Фарт застыл, закусив губу, понял: в квартире что-то изменилось. Причем изменилось не в лучшую сторону.

В квартире, кроме хозяйки, появился кто-то еще. Фарт сразу же это заметил. И в одной из женских фигур, мелькнувших несколько раз в дверном проеме, он узнал свою Лену. То, что это именно Лена, Фарт, несмотря на расстояние, понял сразу. Смешно было бы это не понять, ведь ее тоненькую фигурку и светлые волосы, забранные в «конский хвост», он не спутает ни с кем, как бы далеко от него она ни находилась...

Заметив Лену, Фарт продолжал держать бинокль у глаз, делая вид, что вглядывается в кухню. Одновременно он лихорадочно соображал: говорить ли Мише, кого именно он увидел на кухне, или не говорить. Конечно, сказать об этом он был просто обязан. Но ведь ясно, раз здесь Лена, значит, с ней в Москву приехала и Вероника. И Миша очень даже запросто может отменить всю операцию. И вместе с ним, Фартом, сегодня же уехать в Одессу. Ему же возвращаться сейчас в Одессу никак не с руки, он должен поговорить с Леной именно сейчас, пока еще не все потеряно.

Ладно, подумал Фарт, не буду ничего говорить. Если Миша спросит, скажу, что увидел всего лишь женские фигуры. А там — пусть разбирается сам.

Увидев, как Фарт изменился в лице, Миша спросил:

— Что там? Кто-нибудь есть?

— Д-да...— Фарт продолжал держать бинокль у глаз.— По-моему, к ней кто-то пришел. Какая-то женская фигура...

— Дай посмотрю.— Миша поднес окуляры к глазам. Линзы приблизили кухонный шкаф, плиту, дверной проем. Примерно через полминуты в проеме в самом деле мелькнула женская фигура. Нет, на хозяйку квартиры она была непохожа. Тут же мелькнул и исчез еще один силуэт, в майке и джинсах.

— Ну что? — спросил Фарт.— Видишь кого-нибудь?

Не отрываясь от бинокля, Миша процедил:

— Вижу... Какие-то бабы, а кто, не пойму...

— Молодые, старые? — В голосе Фарта прозвучала плохо скрываемая заинтересованность. Ясно, подумал Миша, Фарт имеет в виду Ленку. Он сам предположил сначала то же самое, но фигуры прошли слишком быстро, и понять, кто это, он так и не смог.

Еще с полчаса Миша продолжал напряженно вглядываться в кухню, но никто больше не появился. Наконец, опустив бинокль, он от души выругался. Конечно, начиная охоту за алмазами, он заранее подготовил себя к любым неожиданностям. И все же сейчас, когда он уже настроился и знал, что будет говорить старухе по телефону и как поведет себя потом, в квартире,— отменять операцию было обидно. Но другого выхода не было, рисковать нельзя.

— Ну что? — спросил Фарт.— Отменяем операцию?

— Конечно. Идти к ней нужно днем, а уже скоро вечер.

— Что ж, отменяем, так отменяем.— Фарт помолчал.— А когда снова подъедем?

— Завтра, с утра пораньше. Если кто и останется в квартире, мы сразу это увидим. Так ведь?

— Так,— согласился Фарт.— Что, снимаем «декор»?

После того, как «декор» был снят и спрятан в сумку, Миша направил «москвич» туда, где, по последним данным, снимал квартиру Костя Дег-

тярь — в Отрадное. Им повезло, Костя оказался дома. Квартира отличная, двухкомнатная, с телевизором и видеомагнитофоном. После короткого отдыха хозяин предложил пообедать в городе. Предложение было охотно принято, и все трое на Мишином «москвиче» поехали в центр. Дегтярь обещал, что проблем с обедом быть не должно — в Москве у него множество полезных знакомств, в том числе в кооперативных ресторанах.

Дегтярь не обманул, в кооперативном ресторане на Арбате их действительно приняли, как

родных. Они были посажены в отдельный кабинет и накормлены по высшему классу.

После обеда разомлевший Дегтярь предложил Мише и Фарту «расслабиться», то есть, как он тут же пояснил, провести вечер с девушками. Миша без раздумий отказался, он твердо решил выполнить данное себе обещание и не встречаться ни с кем, пока не сделает «дело». О своем отказе он не пожалел даже тогда, когда знакомые Дегтяря, в самом деле милые девушки, появились прямо в их кабинете. Девушки без особых церемоний заявили, что знакомство им нравится, и для начала они не прочь пойти куда-нибудь потанцевать. Фарт охотно согласился. Миша же, взяв с Фарта обещание особенно не разгуливаться и, главное, не напиваться до бесчувствия, сел в свой «москвич» и поехал в Отрадное.

В квартире стояла духота, и Миша сразу же распахнул все окна. После этого разделся и принял душ. Затем, включив телевизор, уселся в кресло. Шла развлекательная передача, но он ее почти не видел. Некоторое время он сидел, упершись невидящими глазами в экран и размышлял о досадном утреннем срыве. Наконец, решив, что алмазы они возьмут в любом случае, перешел к более приятным раздумьям, а именно к мыслям о Гале. Полузакрыв глаза, он будто заново ощущал Галины объятия, вспоминал все до одной бес-

сонные ночи в бунгало, слышал слова, которые она ему говорила... Вдруг он понял: он сейчас еле удерживается, чтобы не набрать Галин номер. Усмехнулся. Кажется, он в самом деле запал наглухо, при одной только мысли о Гале у него начинает судорожно биться сердце. В чем же ее секрет? Непонятно. Она действительно прекрасна. Прекрасна, но вместе с тем как будто неуловима. У нее всегда оставалось что-то свое, скрытое от него. Наверное, именно поэтому его с такой силой к ней тянет.

Все же, вздохнув, Миша сказал сам себе: нельзя вести себя подобно влюбленному юноше. Если Галя в Москве, она в любом случае никуда не денется. Если же нет, значит не судьба.

Сидя рядом с таксистом, согласившимся отвезти его в Отрадное за пятнадцать рублей, Фарт разглядывал летящие навстречу улицы. Он был пьян, бездарно пьян, отлично осознавал это, но ничего не мог с собой поделать. Главное, опьянение не спасало его от бесконечной черной тоски. С Леной все кончено, подумал он, все до конца. Да, теперь он знает это совершенно точно. Черт, зачем только он пошел сегодня к ней... Зачем... Зачем... Достаточно было всего лишь телефонного звонка. Одного телефонного звонка, и все... Ведь он помнит, когда они говорили по телефону, ее голос звучал вполне миролюбиво...

Фарт восстановил в памяти все, что произошло сегодня вечером. Пойти с Дегтярем и его девицами потанцевать в ресторан он согласился лишь для отвода глаз, ему нужно было прежде всего усыпить бдительность Миши. Он знал точно: если Миша догадается, что он решил позвонить Лене, он просто не даст ему это сделать. Значит, ему нужно было остаться с кем угодно, с Дегтярем, с его приятельницами, но только без Миши. Сначала все именно так и получилось: они легко заполучили столик в «Арбате». Здесь, чуть выпив для храбрости, Фарт сразу же вышел в холл. Разыскав телефон-автомат, набрал номер Ларионовых. Черт, подумал Фарт, может, если бы трубку снял кто-то из женщин, все вышло бы по-другому... Но ему с той стороны провода ответил мужской голос. Именно с этого момента все пошло вкривь и вкось. Да, именно с этого момента...

Ответивший Фарту мужской баритон был уверенным в себе, даже высокомерным. Конечно, у снявшего трубку просто-напросто могла быть такая манера говорить. Но ведь мужской голос звучал в конкретной обстановке. А именно в огромной шестикомнатной квартире, куда приехали две красивые и в общем-то свободные девушки, до этого отдыхавшие в Рузе... Дураков нет. Ясно, ему в голову сразу же пришло только одно: в квартире на Бережковской сейчас, в этот момент, идет вечеринка. И очень похоже, что один из участников этой вечеринки, обладатель сочного мужского баритона — любовник Лены. Впрочем, даже если он лишь рассчитывал стать Лениным любовником, это в принципе ничего не меняло... От одного этого можно было сойти с ума...

Да, он помнит: при звуках уверенного голоса у него буквально потемнело в глазах от ревности. Кое-как сдержавшись, он попросил позвать к телефону Веронику. На вопрос баритона, кто её спрашивает, сказал небрежно: «Хороший знакомый». Когда же подошла Вероника, назвал себя и попросил подозвать Лену.

Он помнит: Вероника несколько секунд колебалась. Сообразив это, он добавил: «Позови, по-

зови». Он как бы дал ей понять, что знает — Лена в квартире.

Ну, а потом... Потом, когда к трубке подошла Лена, его понесло. Лучше бы он молчал... Конечно, он все испортил именно бесконечным потоком слов, безудержным словесным поносом... Чего только он не говорил. Сначала долго убеждал в своей любви. Потом начал допытываться, почему она избегает с ним встречаться. Потом... Потом он просто-напросто устроил ей по телефону сцену ревности.

Что было дальше, он не помнит. Сейчас в его голове все смешалось. Помнит только, что, повесив трубку, поехал на Бережковскую набережную. Дурак! Он сам не понимает, как и почему он это сделал. Ведь он поехал туда, даже не предупредив Лену.

Кажется, в тот момент он был уже прилично набравшись.

Фарт застонал. Черт возьми, ведь он же знает Лену. И знает, что она терпеть не может этого. Она терпеть не может, когда люди ведут себя именно так... Приезжают в чужую квартиру не предупредив. Без всякого приглашения... Да еще вдрызг пьяным... Вдрызг...

Ему долго не открывали. Ясно, все по очереди смотрели на него в глазок. Наконец дверь открылась, но что он им говорил, он опять не помнит. Кажется, он требовал Лену для решительного разговора. Потом... Потом порывался вытащить ее, чтобы этой же ночью увезти в Одессу. Ну, а потом — потом перед ним просто-напросто закрыли дверь. И сколько он ни звонил, уже не открыли.

Ясно, что ему не оставалось ничего другого, как снова вернуться в «Арбат». К Дегтярю и его девушкам. И напиться там уже окончательно.

Более-менее в себя он пришел уже глухой ночью, на Калининском проспекте. Он стоял один на пустынном тротуаре. Как он здесь оказался, уже не имело значения. Единственное, что смутно возникало в памяти: до этого Дегтярь и девушки пытались его куда-то повезти. Но он вырвался и убежал. Дальше снова провал... Потом он поймал такси. Вот это такси, на котором он сейчас едет.

От раздумий его оторвал голос водителя:

— Командир. Отрадное. Где здесь?

Фарт вгляделся: мимо плыли незнакомые ему скопления высотных домов.

— Не знаю... Помню только по памяти.

Дом Дегтяря они отыскали с превеликим трудом. Расплатившись, Фарт вышел из машины, поднялся на лифте на нужный этаж. Всовывая в замочную скважину ключ, который ему дал Дегтярь, подумал: хорошо бы Миша уже спал. Сейчас он не хочет никого видеть. Особенно Мишу, который наверняка начнет допытываться, что с ним произошло. Он хочет сейчас только одного: забыться. Забыться, провалиться в сон. Это единственное, о чем он сейчас мечтает. А там — будь, что будет.

Захлопнув за собой дверь, Фарт понял: ему повезло. В дверном проеме в свете луны виднелся безмятежно спавший на тахте Миша. Фарт хотел было раздеться, но потом, махнув на все рукой, упал на стоящий рядом с тахтой диван. И тут же заснул.

Проснувшись, Миша понял: чувствует он себя, если не считать легкого раздражения от вчерашней неудачи, отлично. Да и вообще, пока все в норме, так что если он чего-то и желает, то лишь одного: чтобы старуха с самого утра осталась в квартире одна. И тем самым помогла бы ему сделать все именно сегодня.

Обведя глазами комнату, Миша увидел Фарта. Тот лежал на диване одетый, с измятым лицом и спутанными волосами. Наверняка вчера прилично поддал. Ладно, подумал Миша, черт с ним, с Фартом. Зная своего приятеля наизусть, Миша ничего другого от него и не ждал. Лишь бы он сегодня был в норме. Прислушался: в квартире абсолютная тишина. Значит, Дегтярь еще не вернулся. Или уже ушел.

Часы, на которые Миша перевел взгляд, показывали без четверти семь. Если они хотят проверить, остались ли вчерашние гости у старухи и вообще, какая обстановка в квартире — они должны встать на точку наблюдения как минимум до восьми. До момента, когда в квартире начнут завтракать. Так что времени у них в обрез.

Усевшись на тахте. Миша несколько раз тряхнул Фарта за плечо. Увидев, что тот открыл глаза, сказал:

— Фарт, учти, у нас в запасе всего полчаса. Надо ехать. Слышишь?

Дождавшись, пока Фарт сядет, Миша пошел на кухню. Поставил чайник на газ и, войдя в ванную, сразу же встал под душ.

Через полчаса с небольшим они уже ехали по Москве в сторону Киевского вокзала. На все Мишины вопросы Фарт или отмалчивался, или отвечал односложно. Это лишь подтверждало, что вчера он пренебрег просьбой и набрался сверх всякой меры.

К вчерашней точке наблюдения они подъехали ровно без десяти восемь. Выключив мотор, Миша взял бинокль. Привычно повел окулярами по длинной стене дома. Вот оно, нужное окно. Раскрыто, как и вчера. Кухня пуста, никаких видимых изменений нет.

Терпеливо изучая дверной проем, Миша вдруг услышал под самым ухом голос Фарта:

— Миша... Слышишь, Миша... Камень...

В интонации Фарта было что-то, что Мише не понравилось. Опустив бинокль, он покосился:

— Д-да? Что случилось?

— Ничего... Просто... Просто я вчера там был. На этой хате.

— Был? — То, что Миша сейчас услышал от Фарта, никак не укладывалось в голове. Фарт же вчера был с Дегтярем. И с его телками. Несколько секунд Миша изучал Фарта, пытаясь понять, что стоит за его словами. Наконец Миша понял: Фарт не врет. Он действительно был вчера там, в квартире Ларионовых. Иными словами, Фарт просто-напросто его наколол. Причем наколол дешево, дешевле не придумаешь. Ну и сука, подумал Миша. Ну и козел. Интересно только, зачем Фарт туда ходил... Зачем... Зачем... Вспомнилось: Фарт смотрит в бинокль. Стоп. Похоже, Фарт увидел вчера в квартире кого-то из знакомых. Точно. Увидел, но ему не сказал.

Вглядевшись в подобострастно-округлые глаза Фарта, Миша все же спросил на всякий случай, чтобы развеять сомнения:

— Зачем же тебя туда понесло, на эту хату? А, Фарт?

— Там была Ленка.

— Ленка?

— Да, Ленка... — В глазах Фарта стояло сейчас все то же умоляющее выражение. — Камень, клянусь, я хотел с ней разобраться...

— Разобраться?

— Ну да... Я же ее люблю... Я просто сам не знаю, что со мной происходит... Из-за Ленки... Клянусь, Камень...

Ясно, подумал Миша. Вчера Фарт увидел в бинокль Ленку, но ни слова ему об этом не сказал. Иуда. Сука. Любит он ее... Да класть он хотел на его любовь. Ведь Фарт вчера не только засветился сам, он засветил и его. Засветил со всеми потрохами. Сломал ему игру, всю до конца. Иуда. Вот тебе и «алмазы шаха». Подумав о них, Миша недобро усмехнулся:

— Значит, продал ты меня вчера, Фарт? Так следует понимать?

— Миша, ты что? Я никого не продал... Я только из-за Ленки...

Говорить дальше было бессмысленно. Взяв Фарта за ворот, Миша выволок его за собой из машины. Убедившись, что Фарт стоит на земле, коротко врезал в живот. Фарт нагнулся, и Миша добавил снизу в челюсть. Кажется, с этим ударом он переборщил. Охнув, Фарт медленно пополз вниз, повалился набок.

Некоторое время Миша разглядывал безжизненно лежащее на земле тело. Подступившая к горлу ненависть постепенно улетучилась. Ясно, Фарт в глубоком нокауте, он отключил его как минимум минут на двадцать. Слабак. Нет, никакой жалости Миша к лежащему на земле приятелю не испытывал. Он лишь холодно подумал: какая же ты подлюка. За такие вещи мало один раз в челюсть. Надо просто убивать.

Постояв, Миша оглянулся. В этот утренний час вокруг было пустынно. Лишь внизу, на набережной, изредка проезжали машины. Еще раз посмотрев на неподвижное тело, сел в «москвич». Подумал: ладно, черт с ним, пусть лежит. Ясно, втаскивать эту мокрицу в свою машину он не будет. И назад, в Одессу, его не повезет. Пусть добирается как хочет. А так — они квиты.

Развернувшись, Миша не спеша выехал на набережную. Здесь, проехав с километр и увидев пустой переулок, свернул в него и остановился.

Около минуты он сидел, пытаясь обдумать свое положение. С тем, что в этот приезд с «алмазами шаха» у него ничего не вышло, придется смириться. Он засвечен, засвечен вчистую. Еще раз выругав про себя Фарта, Миша усмехнулся. Он засвечен, это так. Но кто сказал, что попытку взять камни нельзя будет повторить? Скажем, через несколько месяцев? Следующей весной? А что... Вполне реальный вариант... Надо только все обдумать.

Если «алмазы шаха» лежат сейчас в квартире на Бережковской, они там и останутся. Без сомнения... Конечно, за это время их может попытаться взять кто-то другой. Из деловых. И все же вряд ли... Об «алмазах шаха» нужно просто-напросто знать, это во-первых. Во-вторых — чисто технически взять алмазы крайне трудно. Квартира на жучке[7], это ясно. Так что когда хата пуста, туда лучше не соваться. Если все дома, тоже лучше не лезть. Единственный вариант — попробовать туда сунуться, когда старуха одна. Но кроме своих она никому никогда не откроет. Не тот случай. Значит, тому, кто захочет взять камни, придется разрабатывать сложную и убедительную систему покупки[8]. Вроде той, которую он разработал сейчас, используя информацию о бывшем муже Вероники. Обидно, что все это сорвалось, но теперь он убежден: разработать столь сложную систему покупки сможет лишь тот, кто знает все, что в тот или иной момент происходит в семье Ларионовых. Кроме того, решиться на такой гоп-стоп[9] — если, конечно, это будет не простой бык[10] — сможет лишь тот, у кого будут гарантии, что после поставки[11] он будет наглухо закрыт. Пока всем этим условиям в Союзе отвечает, насколько ему известно, только один человек: он сам, Миша Каменский. Конечно, многое будет зависеть от Фарта. Точнее, от того, как долго он будет держать язык за зубами. Ладно, с Фартом как-нибудь он разберется.

Некоторое время Миша бесцельно разглядывал пустой переулок. Наконец, решив, что надо вернуться и взять с собой Фарта, который наверняка уже пришел в себя, тронул машину с места. Фарт сволочь, и все же, по существу, он становится главным для него человеком. К тому же формально после его удара в челюсть они квиты. Конечно, Фарт будет дуться, но своего приятеля он знает как облупленного.

Увы, вернувшись на прежнее место, Миша Фарта уже не нашел. Особо расстраиваться не стал, в конце концов Фарт в любом случае не пропадет. Ключи от дегтяревской квартиры у него есть, деньги тоже. Если же он, Миша, захочет увидеть Фарта, то всегда найдет его на хате в Отрадном.

Какое-то время Миша сидел, постукивая пальцами по баранке. Кажется, теперь, после того как все отменилось, он с полным правом может позвонить Гале. Сегодня суббота. День впереди совершенно пуст, в кармане у него что-то около пятисот рублей, он свободен, на машине... В самом деле, почему бы не попробовать? Он всего лишь наберет Галин номер и объяснит, что находится сейчас в Москве, скажем, проездом... Да, других причин можно не приводить. Ну и если Галя будет говорить нормально, предложит встретиться. Конечно, может, Галя давно уже в кого-нибудь влюбилась и сейчас не захочет с ним даже разговаривать. Ведь такие девушки надолго без мужчин не остаются. Впрочем, зачем загадывать. Попытка не пытка...

---

[7] «На жучке» — на сигнализаторе вневедомственной охраны.
[8] «Покупка» — обман.
[9] «Гоп-стоп» — разбойное нападение.
[10] «Бык» — человек, не относящийся к воровскому миру.
[11] «Поставка» — ограбление, разбойное нападение.

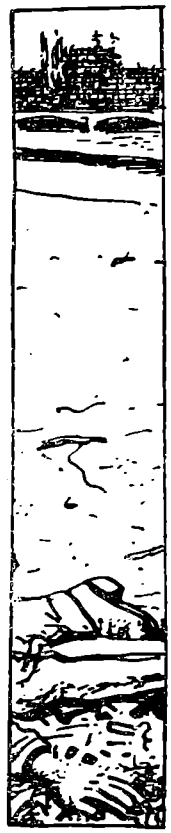
Включив мотор, Миша выехал на Садовое кольцо. Остановившись у ближайшего телефона-автомата, набрал Галин номер.

Трубку долго не поднимали, наконец мембрана щелкнула. Развязно-сочный мужской голос сказал:

— Ал-ло? Вас внимательно слушают.

Судя по голосу, говорившему было никак не больше тридцати. В лучшем случае это ее брат, подумал Миша. В худшем — любовник. В самом худшем — муж. Совладав с собой, Миша нашел в себе силы сказать сухо:

— Можно попросить Галю?



— Галю?

Наступила пауза, в течение которой в трубку изредка прорывалось чье-то тяжелое дыхание и слова: «Дай... Пусти... Это же... меня». Наконец говоривший сказал спокойно:

— Простите, кто ее спрашивает?

— Хороший знакомый. — Сказав это, Миша подумал: все же вряд ли это муж.

— Хороший знакомый... — Трубку опять закрыли рукой, послышался женский смех, приглушенные голоса. Сквозь этот шум Миша услышал наконец приговор сочного мужского баритона: — Извините, молодой человек, Галя занята. Подозвать ее я никак не могу. Никак.

Обругав про себя говорившего последними словами, Миша хотел было повесить трубку. Но вдруг услышал Галин голос:

— Алло! Алло, кто это?

— Галя? — быстро сказал Миша. — Галя, извини, решил тебе позвонить. Это я, Миша.

Некоторое время в трубке раздавалось лишь легкое шуршание. Наконец Галя сказала — так ему показалось, несколько потерянно:

— Миша?

— Да, Миша Каменский. Из Одессы. Не ждала?

— Нет, почему же... Ты в Москве?

— В Москве.

— Надолго?

— Н-ну... — Миша усмехнулся. — Все будет зависеть от тебя.

Наступила долгая пауза, закончившаяся неопределенным вздохом:

— Понятно...

— Ты что, сейчас занята? — спросил Миша. — Может, перезвонить?

— Да нет... — После этого Галя сказала в сторону: «Ребята, отойдите, дайте поговорить...» — Миша, извини, у меня сейчас друзья.

— Ты хочешь сказать, я позвонил не вовремя?

— Нет, просто... Мы только что сдали сессию.

— А-а... — Миша помолчал. — И что?

— Ничего. Между прочим, мы как раз решаем, чем нам сегодня заняться.

— А что решать? Я на машине. Сейчас я за тобой заезжаю и едем за город. А вечером... Вечером куда-нибудь пойдем.

— Например, куда?

— Ну... в какой-нибудь приличный кабак. У вас ведь есть хорошие кабаки?

— Есть... — В Галином голосе явно сквозила неуверенность. — Только...

— Да, только?

— Понимаешь, Миша... Только пойми меня правильно... Друзья, которые сейчас у меня... Две девочки и два мальчика... Они с нашего курса... Живут в общежитии... Ну и... как бы тебе объяснить. Я не могу их оставить.

— Понимаю, — Миша усмехнулся: — Один из мальчиков — твой мальчик?

— Какая чушь. Просто... мы на самом деле договорились этот день провести вместе.

— Ну так давай и проведем его все вместе. Вас пятеро, в машину как-нибудь поместимся. А? Не возражаешь?

— Подожди, я спрошу у ребят.

Довольно долго Миша стоял, прислушиваясь к шороху в мембране. Наконец Галин голос возник снова:

— Миша? Я поговорила с ребятами. В принципе вечером они свободны.

— Тогда идем все вместе в кабак?

— В кабак?

— Конечно. Я вас всех приглашаю. Хорошо?

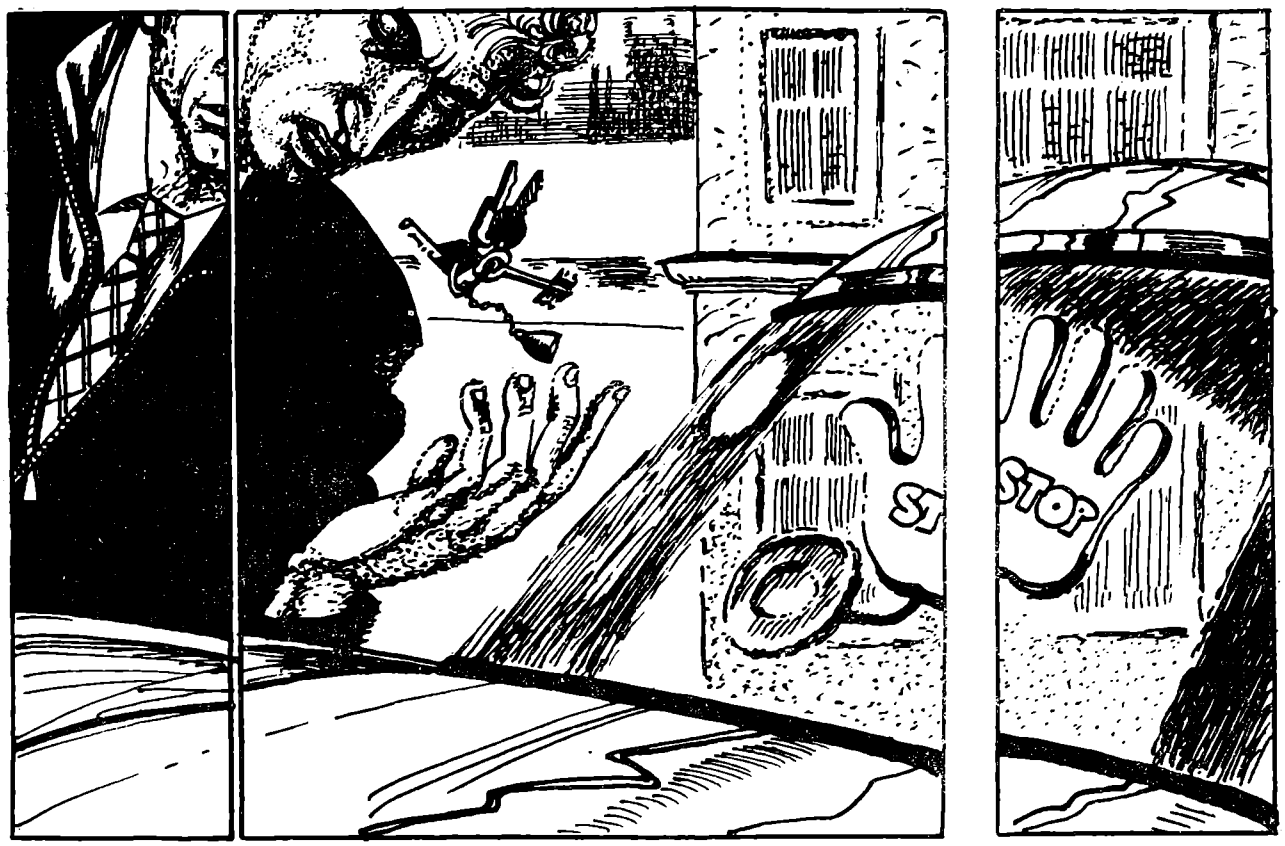
— Вообще-то... — Все же в голове Гали жило некое колебание. — Ты так решил?

— Да, я так решил. Ты ведь меня знаешь.

— Хорошо...

Записав адрес и договорившись позвонить в семь часов, Миша повесил трубку. Постоял, сосредоточенно разглядывая собственную машину. Что ж, в некотором роде он своего добился. Галя согласилась с ним встретиться. С оговорками, но все же согласилась. В остальном — все пока в тумане. Постояв, Миша усмехнулся. Еще в каком тумане... Например, вполне возможно, Галя как-то повязана с одним из этих «двух мальчиков». Ладно, решил в конце концов Миша, пусть. Вечером все прояснится. Сейчас же ему нужно всего лишь найти хороший кабак. И заказать там столик на шестерых. И все.

Именно в этот момент Миша вдруг вспомнил: у него всего пятьсот рублей. Ясно, сейчас, когда ему помимо воли пришлось пригласить в ресторан целую ораву, он этой жалкой пятихаткой никак не обойдется. Никак. Значит, надо где-то срочно доставать деньги.



Перебрав несколько вариантов, Миша, наконец, вспомнил: дядя. Здесь, в Москве, у него есть родной дядя, мамин брат. Так называемый «дядя Володя». Этот дядя вместе с женой довольно часто гостит у них в Одессе. Работает дядя Володя, по последним Мишиным сведениям, оценщиком в антикварном магазине. То есть, практически спит на деньгах. Правда, с просьбами о займе Миша к дяде Володе никогда еще не обращался. Что ж, тем лучше. Наверняка родной дядя не откажет в помощи ему, единственному племяннику. Решено, он звонит дяде.

Трубку подняла жена дяди Володи, тетя Лера. Раздались обычные в таких случаях ахи, охи и приветствия. Естественно, тетя Лера не преминула сообщить, что осенью она очень хотела бы погостить в Одессе у родственников. Заверив тетку, что папа и мама будут очень рады принять дорогих родственников у себя, Миша попросил к телефону дядю Володю.

Довольно скоро он услышал знакомый скрипучий голос. Признаться, этот голос Миша недолюбливал — впрочем, как и самого дядю. Сколько он помнил дядю Володю, тот всегда обожал читать ему нравоучения. Особенно грешил этим дядя раньше, когда Миша был подростком и не мог постоять за себя. Идиотские дядины нравоучения, касающиеся его поведения, прилежания и всего остального, до сих пор стоят у него, как кость в горле.

Ладно, подумал Миша, плевать на нравоучения. Лишь бы дал денег.

— Здравствуй, Миша, — сказал дядя. — Как дела?

— Ничего, дядя Володя. Все в порядке.

— Надолго в Москве?

— Проездом. Сегодня приехал, вечером уеду. Дела надо кое-какие сделать.

— Дела, это хорошо. Билеты-то есть? Знаешь, как у нас с билетами?

— Дядя Володь, я на машине.

— На своей? Я и не знал, что у тебя машина. Давно купил?

— Да... вообще-то это машина с папиного предприятия. Но практически она моя.

— А-а... — Дядя помолчал. — Что ж, и то дело. Ты все там работаешь? У отца?

— У отца. Дядя Володя, я хотел бы обратиться к вам с одной просьбой. Вы не займете мне денег?

— Денег? — Интонация, с которой это было сказано, Мише не очень понравилась. Все же он сказал:

— Да, дядя Володя. Мне тут нужно сделать кое-какие дела. Как только приеду в Одессу, тут же вам вышлю. Займете?

Дядя долго молчал. Наконец сказал:

— Сколько тебе нужно?

— Нужно... — Миша помедлил. — Если можно, тысячу.

— Тысячу? — Сказано это было таким тоном, что Миша обругал про себя дядю последними словами. Вслух же сказал:

— Да, дядя Володя, тысячу. Повторяю: как только я приеду в Одессу, я вам эти деньги вышлю.

— Понятно. — Дядя погрузился в долгие размышления. — Ладно, приезжай.

— Займете?

— Я же сказал: приезжай. Адрес помнишь?

— Помню. Спасибо, дядя Володь. Через полчаса буду.

Нажав на рычаг, Миша увидел: у телефона-автомата собралась небольшая очередь. Все же, несмотря на нахмуренные глаза стоявшего впереди старичка, он набрал еще один номер — на этот раз Дегтяря.

— Костя, Фарт не приходил?

— Он здесь. Позвать?

— Не надо. Мы с ним немного поцапались.

— Я так и понял.

— Костюнь, будь другом, потом ему скажи: если он хочет, я могу взять его с собой в Одессу. Скажешь?

— Скажу. Вообще-то он иначе и не уедет. Билетов нигде нет напрочь.

— Вот и лады. И еще одно, Костюнь...

— Да?

— Мне нужно заказать на сегодня на вечер столик в кабаке. Желательно в хорошем. Какие у них здесь считаются хорошие кабаки?

— Хорошие? — Костя помолчал. — Да много. Ты с кем пойдешь-то? С телкой?

— С телкой. И с ней еще четверо. Все молодняк. Мне это нужно, понял?

— Понял. Значит, всего вас будет шесть человек?.. Сейчас подумаю... Вообще-то лучше куда-нибудь на окраину. Скажем, в «Казахстан». Или в «Русь». Конечно, если есть бабки.

— Бабки есть.

— Тогда туда. «Казахстан» или «Русь». Там самая крутизна.

— Зацепок у тебя там нет?

— Зацепок? — Костя помолчал. — Есть у меня один халдей. В «Руси». Но сегодня суббота. Так что это будет дорого стоить.

— Вот и хорошо. Мне чем круче, тем лучше. Закажешь?

— Попробую. Но ему нужно сразу катю[12] в задаток.

— Катю, так катю. Договаривайся, я отвезу.

Условившись с Дегтярем, что позвонит ему через час-полтора, Миша повесил трубку и, усевшись в «москвич», поехал к дяде.

Квартира дяди, большая и просторная, располагалась в добротном, постройки сороковых-пятидесятых годов доме, стоящем недалеко от парка Горького. Дверь открыла тетя Лера. Оглядев отделанную деревом прихожую, Миша подумал: с каждым его приездом квартира выглядит все лучше и лучше. Ясно, ведь детей у них нет. Так что все деньги дядя и его жена тратят только на себя.

Тетя Лера, не лишенная еще в свои сорок лет некоторой женской привлекательности, привстав

[12] «Катя» — сто рублей.

на цыпочки, обняла Мишу, дотронувшись щекой до его щеки. Сказала, улыбнувшись:

— Мишенька, тебя не узнать. Ты прямо с картинки.

Почти тут же Миша увидел дядю — невысокого, с брюшком и обширной лысиной. Выглянув из своей комнаты, дядя, облаченный в майку и пижамные брюки, сказал преувеличенно бодро:

— Привет, Миша, привет. Лера права, ты прямо герой. Добрый молодец. Лерочка, быстренько налей-ка Мише чаю. И покорми.

— Дядя Володь, честное слово, я не хочу! — взмолился Миша. — Не нужно никакого чая! Я только что завтракал! Пожалуйста!

Мише сейчас в самом деле до смерти не хотелось сидеть на кухне и выслушивать теткину болтовню.

— Миша, никаких разговоров! — Дядя, взглянув на него, нахмурил брови. — Не хватало еще, чтобы ты ушел от нас голодным! Лера, не слушай его! Поешь, попьешь чаю и ко мне в комнату. Там поговорим. Все.

Дверь за дядей Володей закрылась. Посмотрев на нее и решив, что в конце концов ради тысячи рублей можно и пострадать, Миша поплелся вместе с теткой на кухню. Здесь ему пришлось, пережевывая бутерброды и запивая их чаем, выслушивать теткины соображения по различным проблемам современной жизни.

Наконец, поблагодарив тетку и объяснив, что у него в самом деле времени в обрез, Миша подошел к двери дядиной комнаты и легонько постучал.

Дядя стоял у окна и спросил, не оборачиваясь:

— Миша, напомни, пожалуйста: сколько тебе лет?

Началось, подумал Миша. Дядю и его манеру объясняться он знал наизусть. Сейчас опять пойдут наставления.

Все же он ответил, стараясь говорить как можно спокойней: — Двадцать шесть.

— Двадцать шесть... Насколько я знаю, ты окончил высшее учебное заведение. Кораблестроительный институт. Так, кажется?

Стараясь сдержать закипающую внутри ярость, Миша посмотрел на лысый дядин затылок. Гнида... За свою тысячу он решил вволю на нем поплясать... Ладно, черт с ним. Надо терпеть.

— Так, — сказал он.

— И работаешь по специальности? — Дядя наконец обернулся. — В соответствии с полученным дипломом?

С ненавистью глядя на исполненное собственного достоинства лицо дяди, Миша подумал: может, сразу послать его подальше? Так, чтобы он хорошо это запомнил? Нет, не стоит. Во-первых, тысяча ему в самом деле нужна позарез. Во-вторых, дядя запросто может поднять невыносимую вонь. Со звонками в Одессу, с жалобами матери и отцу. Лучше стерпеть.

Изобразив самую что ни на есть лучезарную улыбку, Миша сказал:

— Дядя Володь, зачем вы все это спрашиваете? В конце концов, я взрослый человек. И сам могу решить, что мне делать с дипломом. И с моей специальностью. Так ведь? А, дядя Володь?

Понаблюдав за ним, дядя сокрушенно мотнул головой:

— Мишенька... Конечно, ты можешь делать все, что тебе угодно. Но дело в том, что я ведь не чужой тебе человек. Знаю тебя с детства. Знаю, что родители старались дать тебе хорошее воспитание. Помню, ты проявлял способности к языку, к математике... Занимался спортом, играл в теннис, плавал... И вот я смотрю на тебя — чем все это кончилось? Кто ты? Водитель на предприятии отца? И все?

Миша молчал. Видимо, уловив в его взгляде нечто большее, чем просто недовольство, дядя добавил:

— Прости, но кроме меня, тебе это никто не скажет.

Никто не скажет, подумал Миша. Ах ты, гнида... Его, видите ли, волнует, что я работаю не по специальности. А ты кем работаешь? Оценщиком в антикварном магазине? Хороша специальность. Судя по тому, что я вижу, ты воруешь гораздо больше, чем я. По-черному. Так, как не будут воровать даже перед страшным судом. А туда же — лезешь читать мне мораль...

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец Миша сказал:

— Хорошо, дядя Володя. Будем считать, я признаю все, что вы сказали. Но давайте отложим пока этот разговор. У меня в самом деле все сейчас расписано по минутам. Честное слово.

— Расписано по минутам, и что? — Дядя усмехнулся.

— Ну... вы ведь обещали занять мне денег.

Дядя потер подбородок:

— Подожди, Мишенька. Подожди, не спеши. Давай все расставим по своим местам. Во-первых, я тебе ничего не обещал.

— Как ничего?

— Так ничего.

От дядиного нахальства у Миши перехватило дыхание. Изучив спокойный взгляд родственника, он сказал тихо:

— Но вы же сказали, чтобы я приезжал?

— Да, сказал, но не более того. Собственно, почему я должен занимать тебе тысячу рублей? За что?

— Дядя Володя... Я же сказал, я вышлю вам эти деньги, как только приеду в Одессу. Если хотите, напишу расписку. Написать?

— Не нужно. Дело не в расписке. Начнем с того, что свободных денег в таком количестве у меня просто нет. Но даже если бы они у меня были, тебе, лично тебе я бы никогда их не дал. Твоим родителям — пожалуйста. Но тебе — ни за что. Уж извини.

— Почему?

— Потому что не уверен, что ты употребишь их себе на пользу. Да, да, Мишенька, именно поэтому.

Бросив быстрый взгляд на дядю, Миша подумал: все ясно. Дядя решил наколоть его с самого начала, в этом нет сомнения. Напольные часы у противоположной стены показывают де-

сять минут первого. К дяде он приехал около одиннадцати. Выходит, почти полтора часа он потратил впустую. Причем не просто впустую, а претерпев всевозможные унижения.

Дядя, будто ничего не замечая, покойно и удобно уселся в соседнее кресло. Достал из стоящей на столе палехской шкатулки сигарету. По ободку Миша без труда узнал «Мальборо». Поймав Мишин взгляд, дядя придвинул шкатулку к нему:

— Закуришь?

— Спасибо, я не курю.

— Ну да, я забыл, ты же не куришь... — Щелкнув «Ронсоном» и сделав несколько затяжек, дядя сказал примирительно: — Мишенька, только пойми меня правильно. Я ведь совсем не желаю тебе зла. Наоборот, всегда готов помочь. Ну, если хочешь, могу тебе кое-что подкинуть. — Выждав паузу, дядя стряхнул пепел. — Естественно, без всякой отдачи. Скажем, рублей пятьдесят. Даже сто. Так сказать, на мелкие расходы. Идет?

Поделом дураку, подумал Миша, изучая полный внутреннего благородства взгляд дяди. Этот ублюдок решил отделаться от него, отстегнув ему стольник «с барского плеча». Так сказать, за унижение.

— Спасибо, дядя Володя. — Миша встал. — Спасибо. Но все же я постараюсь обойтись своими силами.

— Не понял. — Дядя положил сигарету в пепельницу. — Ты что, отказываешься от ста рублей?

— Угадали, дядя Володь. Отказываюсь.

— Подожди, подожди. — Дядя встал. Подойдя к Мише, покачал головой: — Во-первых, не обижайся. А? Мы же все-таки родственники.

— Да я не обижаюсь. Все нормально.

— Обижаешься. Ладно, ладно. Я ведь от чистого сердца. Слушай, ты куда сейчас едешь?

— Так, в одно место. А что? — Он в самом деле не знал, куда ехать.

— Подбросишь нас с Лерой к гаражу? Это недалеко.

— Пожалуйста. Почему не подбросить.

Перед тем как выйти, дядя снял телефонную трубку, набрал номер:

— Четвертый? Это восемнадцать-бис. Мы выходим.

Спускаясь на лифте вместе с дядей и тетей, Миша подумал: ничего. Этому лысому ублюдку он еще все припомнит.

Высадив родственников около гаража, Миша отъехал немного и остановил машину у тротуара. Место здесь было тихое. Откинувшись на спинку, Миша довольно долго сидел, обдумывая ситуацию. Своим отказом дядя спутал ему все планы. Спутал, но делать что-то все равно надо. Не может же он идти в кабак с такой девушкой, как Галя, и потом подсчитывать, не выйдет ли счет за пятьсот рублей. Ему обязательно нужен какой-то запас. Пусть не тысяча. У него должно быть хотя бы лишних рублей пятьсот, чтобы он чувствовал себя спокойно. Конечно, в принципе, смирив гордыню, такие деньги можно занять у Фарта. Бабки сейчас у Фарта есть, он знает.

Миша покачал головой. Нет, Фарт должен знать свое место. Сейчас, когда от его отношений с Фартом зависит, сможет ли он через какое-то время завладеть «алмазами шаха», занимать у Фарта деньги нельзя.

Но если не у Фарта, то у кого?

Миша посмотрел на собственные часы — болтающийся на левом запястье золотой швейцарский «Роллекс». Вспомнилось: вчера Дегтярь с вожделением рассматривал этот «Роллекс». Дегтярь... А что, почему бы не попробовать... Конечно, сдавать Дегтярю «Роллекс» не стоит. Но можно рискнуть и поставить «Роллекс» под залог. На просрочку, на месяц. Точно, Дегтярь по натуре прижимист и по жадности вполне может клюнуть. Даст ему штуку в долг против «Роллекса» — в расчете, что он просрочит отдачу, а «Роллекс» вроде этого стоит сейчас как минимум три штуки.

Тронув «москвич», Миша остановил его у ближайшего телефона-автомата. Набрав номер и услышав голос Дегтяря, сказал:

— Костя, это я, Камень. Как насчет кабака? Выяснилось?

— Выяснилось. Все в порядке. Значит, так: ты сейчас едешь в «Русь». Разыскиваешь моего халдея, его зовут Коля. Скажешь, от меня. Ну и даешь ему стольник...

— Спасибо, Костюнь. Слушай, не хочешь занять мне бабок на просрочку?

— На просрочку?

— Да, под мой «Роллекс».

— Под «Роллекс»?

По голосу Дегтяря Миша понял: клюнуло:

— Ну вот. Мне нужна штука. Отдаю через месяц. Навар сто [13]. Если не отдам в срок, «Роллекс» твой. Делаем все по чину, я пишу капусту [14]. Идет?

После недолгой паузы Дегтярь произнес:

— Так, может, ты сразу сдашь мне свой «Роллекс»? Я без звука ссыплю тебе три штуки. И кранты. Все довольны. А?

— Не пойдет. Костюнь, как ты думаешь, если бы я решил сдавать вещь, неужели я сразу бы тебе не сказал? Не хочешь, дело твое. Решай.

Несколько секунд Дегтярь молчал. Наконец сказал:

— Когда тебе нужны бабки?

— Сегодня. Желательно до вечера.

— Просек. Помнишь, где мы вчера обедали?

— Помню.

— Подъезжай туда к трем. Там получишь.

Москву Миша знал не очень хорошо. Но все же к семи, то есть к моменту, когда он должен был позвонить Гале, он довольно спокойно управился со всеми делами. Разыскал ресторан «Русь», где без особых хлопот заказал столик на шестерых. После этого, вернувшись в центр, получил от Дегтяря обещанную тысячу рублей. Заодно пообедал вместе с ним и Фартом. Встреча с Фартом оказалась кстати: во время обеда Фарт под давлением железных аргументов безоговорочно при-

[13] «Навар сто» — т. е. данная в долг сумма плюс сто рублей.
[14] «Капуста» — долговая расписка.

знал свою вину. Миша же, в свою очередь, сказал, что с утренним нокаутирующим ударом погорячился. Фарт принял объяснение.

Гале Миша позвонил ровно в семь вечера. После щелчка услышал знакомый голос. От беспечной легкомысленности этого голоса у него, как и всегда, все зашлось внутри.

— Миша... — Трубка помолчала. — А, Мишенька... Извини, я совсем забыла. Ты все-таки решил позвонить?

— Ну... а как же иначе? Мы ведь идем?

— Идем? В смысле?

Черт, подумал Миша, вот будет номер, если встреча отменится.

— Так мы же договорились все вместе пойти в кабак?

— В кабак? А, да, да. — Трубка зашуршала. — Помню. Правильно, все вместе. Просто... — Галя помолчала. — Не знаю. Охота тебе тащить в ресторан целую ораву?

Миша тотчас отреагировал:

— Насчет оравы я не настаиваю. Если хочешь, пойдем вдвоем. Как?

— Вдвоем... — Ему показалось, Галя усмехнулась. — Нет, Миша, вдвоем не получится. Исключено. Ребята ведь до сих пор у меня. Я же предупредила, мы договорились весь день провести вместе.

Плохо дело, подумал Миша. Так говорят, когда решают тебе отказать. Все же, стараясь не выдавать себя голосом, бросил небрежно:

— Ладно, пойдем с оравой. Как решили.

— Д-да?... Подожди секундочку, я переговорю. — Выматывающее душу шуршание возобновилось. — Ладно, Мишенька, подъезжай. Через сколько примерно ты будешь?

— ...Минут через двадцать.

— Тогда встань у дома и жди. Хорошо? Мы выйдем.

— Хорошо. Буду стоять.

Галю и ее друзей Миша прождал около сорока минут. Времени было достаточно, чтобы понять: Галя живет в доме высшей категории. Восьмиэтажная кирпичная коробка с отделанными деревом лоджиями стояла в тихом переулке недалеко от центра. Тротуар перед домом был без трещин и чисто выметен, трава в палисаднике недавно подстрижена.

Шел уже девятый час, когда из единственного подъезда наконец-то вышла Галя. Вместе с ней четыре человека, два парня и две девушки. Девушки, шатенка и блондинка, были хорошенькими и стройными, больше Миша ничего о них сказать не мог. Один из парней, в очках, был угловат, шел нескладной походкой и, как заключил в конце концов Миша, особой опасности не представлял. Зато второй, бугай с гривой русых волос и с большим крестом, болтающимся поверх стильной майки, вполне мог быть Галиным любовником. Тем более, что шел этот бугай рядом с Галей, изредка незаметно касаясь ее руки.

Подойдя к машине, Галя, одетая в желтую майку и синюю мини-юбку, пригнулась:

— Миша, привет. Извини, мы задержались.

— Ничего. — Сказав это, Миша постарался сделать все, чтобы не утонуть в ее глазах. Кажется, ему это удалось, хотя и с большим трудом.

— Думаешь, мы здесь поместимся? — Галя скептически оглядела салон.

— Конечно. Ты сядешь впереди, остальные сзади. Машина вмещала и больше. — Застыв, Миша подумал: сейчас решается его участь. Во всяком случае, участь на сегодняшний вечер. Если Галя посадит рядом с ним кого-то другого, а сама сядет сзади, рядом с бугаем, ему уже точно сегодня ничего не светит.

— Д-да? — В глазах Гали отразилось колебание. — Ну хорошо, — она обернулась: — Девчонки, кому-то из вас придется сесть на колени. Влезайте.

Сев рядом с ним и хлопнув дверцей, покосилась:

— Едем?

— Я думал, ты скажешь что-нибудь еще. — Повернув ключ, Миша вдруг понял: сейчас он испытывает что-то вроде приступа ревности.

— Например?

— Например, что ты рада меня видеть. Или ты не рада?

В этот момент машина тронулась, и Галя, дернувшись вместе с сиденьем, усмехнулась:

— Почему же, Мишенька, я очень даже рада.

Выруливая из переулков, Миша подумал: похоже, сегодня ему действительно ничего не светит.

В пути выяснилось, что девушек зовут Катя и Лиза, очкарика — Виктор, бугая — Андрей. Компания оказалась веселой, все время шел легкий разговор с приколами и подначками, в который Миша включился с легкостью. Но каждый раз, когда Галя оборачивалась к сидящему за ней Андрею, он ощущал мучительные приступы ревности.

Примерно та же история продолжалась и в ресторане. Особенно невыносимо было смотреть, как Галя и Андрей танцуют. Она позволяла ему лапать себя за все места и едва ли не целовать взасос. Когда же танцевала с ним, была холодна, как ледышка. Во всяком случае, так ему казалось.

К ночи компания разгулялась. За столиком, если не считать Миши, царило всеобщее веселье. Уходить никто не хотел, поэтому, когда уже во втором часу ночи к ним, единственным, оставшимся в ресторане, подошел метрдотель и попросил освободить столик, Миша вздохнул с облегчением: наконец-то мучительный для него вечер кончился.

Рассчитавшись с официантом и не дожидаясь остальных, он вышел из ресторана. Разыскал свой «москвич», сел за руль. Прислушиваясь, как остальные, переговариваясь, идут к его машине, снова подумал: будь оно все проклято. Кажется, сейчас ему все равно, куда сядет Галя. Да, точно. И вообще, единственное желание, которое он испытывает — это включить мотор, нажать на газ и уехать. В ночь, одному.

Открылась дверца, рядом села Галя. Мише по-

казалось, она все еще улыбалась чему-то, сказанному там, вне машины. Посмотрела на него:

— У тебя плохое настроение?

— Да нет.

— Ты знаешь, где наша общага?

— Не знаю. Откуда я могу знать?

— На Трифоновке. Это около Рижского вокзала. Если можно, отвези туда ребят? Хорошо?

— Хорошо.— Он по-прежнему ощущал ее холодность. Вздохнув, Галя выглянула из машины:

— Ребята, сколько можно ждать? Садитесь. Или мы уедем без вас.

Помедлив, Андрей выдавил неопределенно:

— Д-да?

— Да.— Миша увидел, как Андрей взглянул на Галю. И как она усмехнулась, означая отказ.

— Ладно, Андрюха, выходи.— Сидящая рядом с Андреем Лиза почти силой вытолкнула его из машины.— Чао, Галек. Мы позвоним.

— Чао-какао. Нежный поцелуй всем...— Подождав, пока все выйдут из «москвича», Галя выглянула в открытое окно. Помахала рукой. Все еще отказываясь верить своим глазам, Миша увидел в зеркале: все, в том числе и Андрей, исчез-

Компания с шумом и прибаутками стала размещаться на заднем сиденье.

До Рижского вокзала по ночной Москве они доехали быстро. Свернув по знаку Гали и покрутившись по лабиринту незнакомых улиц, Миша, наконец, по ее сигналу остановил машину. Галя обернулась:

— Ну что, братцы кролики? Счастливо. До встречи на полустанке.

— А ты? — спросил Андрей. Миша видел, как много говорит его взгляд. Этот взгляд просто умолял Галю выйти сейчас вместе со всеми. Галя улыбнулась:

— А что я? Я поеду домой. Миша меня отвезет.

ли в дверях общежития. Черт, подумал он, ну и дела. Выходит, он счастливчик. Нет, он все еще отказывался этому верить.

Галя сидела рядом молча, чуть закинув голову.

— Куда теперь? — спросил Миша.

— Куда... Куда, куда, куда...— Помолчала.— Знаешь, Миш, сегодня ты себя очень хорошо вел.

— Я? — Миша посмотрел на нее.— Не понял. По-моему, сегодня я себя вообще никак не вел.

— Да нет, вел. То есть ты даже себя просто потрясно вел. Честное слово.— Помолчав, вздох-

нула: — Слушай, ты мог бы сейчас проехать еще километров восемьдесят?

— Восемьдесят? Конечно. А куда?

— За город. Это здесь, по Ярославке. Я покажу.

— Ладно. — Раскрутив «москвич» в обратную сторону, он по подсказке Гали свернул у Рижского налево. Проехав минут десять по пустынному ночному шоссе, прибавил скорость. Подумал: интересно, куда это они едут. Впрочем, ему ведь все равно, сейчас он готов ехать куда угодно.

С полчаса они неслись по загородной трассе со скоростью за сто десять, изредка обгоняя попадавшиеся по пути машины. Наконец Галя сказала:

— Скоро будет пост ГАИ.

— Понял. — Миша чуть сбавил скорость. — Что дальше?

— Дальше сразу за этим постом повернешь направо.

— Ясно. — Проехав пост ГАИ, Миша свернул направо. Галя покосилась:

— Миш, ты вообще как, умеешь лазить через заборы?

— Через заборы? Что, серьезно?

— Серьезно. — Галя улыбнулась. — Серьезно, серьезно.

— Вообще-то... когда-то получалось. Ты, может, все же объяснишь, куда мы едем?

— Ко мне на дачу. Видишь впереди голубой забор? Это моя дача. Там сейчас никого нет. Но у ворот вахта.

Интересно, подумал Миша, выходит, это госдача. Что ж, примерно так он и думал. Чуть не доезжая ворот, нажал тормоз. Сказал, помолчав:

— Значит, я должен перелезть через забор?

— Ну... в принципе мы могли бы пройти и через вахту. Но если тебя увидит сторож, он обязательно стукнет родителям. Тогда может подняться вонь. Страшная. А мне бы этого очень не хотелось. — Усмехнувшись, Галя дотронулась рукой до его колена: — Понимаешь?

— Понимаю.

— Машину можно поставить чуть дальше. Ты увидишь. Я тебя жду?

— Я хоть найду там твою дачу? За забором?

— Найдешь. Там кроме дачи ничего нет. Пошла. — Выйдя из машины, Галя двинулась к воротам. Подождав, пока она исчезнет за дверью, Миша проехал немного и, увидев небольшой пустырь, свернул туда. Заглушил мотор. Выйдя, огляделся. Забор, освещенный сейчас только светом луны, был совсем рядом, метрах в двадцати. Подойдя и взявшись за верхний край, подумал: высота здесь примерно два тридцать. Легко под-

тянувшись, перекинул ноги и через секунду уже стоял на земле с той стороны. Освоившись, пошел к видневшейся в темноте даче. Вскоре увидел: это большой двухэтажный коттедж с балконами, террасами и солярием.

Галя стояла у входа, освещенная тусклым наружным бра. Обняв плечи руками, посмотрела на него:

— Все в порядке?

— Да. А у тебя?

— У меня тоже.

Он понял, что ей холодно, и обнял ее. Тут же ощутил, как доверчиво отдалось его рукам ее тело. Сказал хрипло:

— Входим?

— Конечно... Дверь открыта...

За дверью он снова обнял ее и, отвечая на поцелуи, услышал:

— Мишенька, меня так тянет к тебе... Как магнитом...

Проснулся он от легкого прикосновения руки. Открыв глаза, увидел: Галя сидит рядом с ним на кровати. Короткий халат запахнут, волосы мокрые. Заметив, что он проснулся, улыбнулась:

— Привет, как спалось?

— Ничего.— Приподнявшись на локтях, огляделся. Комната с зашторенными окнами. За шторами день, в щелку пробивается яркий солнечный свет. Они у нее на даче. Да, точно. Вспомнился весь вчерашний вечер. И не только вечер, но ночь и утро. Именно утро, потому что они совершенно точно заснули уже после рассвета.

— Ты еще не проснулся? — спросила Галя.

— Да нет, вроде проснулся. Как ты?

— Прекрасно.— Пригнувшись, она поцеловала его.— Знаешь, который сейчас час?

— Нет.

— Двенадцать. Как насчет позавтракать?

— Позавтракать? — Встряхнувшись, он сел на кровати.— Отличная идея. А где?

— Внизу. Завтрак уже готов. Давай одевайся, приводи себя в порядок. А я пойду сварю кофе. Учти, завтракать будем на веранде.

После завтрака на затененной веранде Галя налила ему и себе кофе. Сделав несколько осторожных глотков, сказала будто между прочим:

— Когда ты должен быть в Одессе?

— В понедельник. А что?

— В понедельник, то есть завтра? — тронув языком кофе, она подняла глаза.

— Да, завтра. Я ведь на работе. Ты хочешь, чтобы я скорей уехал?

— Наоборот, я хочу, чтобы ты задержался как можно дольше.

Помедлив, он поцеловал ее, перегнувшись через стол. Усмехнулся:

— Серьезно?

— Серьезно.

— «Как можно дольше» — это на сколько примерно?

— Н-ну... скажем, до четверга.

— Почему именно до четверга?

— Потому что в четверг я уезжаю вместе с театром на практику. И... буду рада, если это время мы проведем вместе.

— Надо же.— Миша поставил чашку.— Что творится. Просто не верится.

— Вот именно, просто не верится.— Она протянула руку. Помедлив, он протянул свою, и их пальцы слились.

В тот же день ближе к вечеру они с Галей решили съездить в город. К «москвичу» Мише пришлось пробираться тем же способом, что и вчера — через забор. Выведя машину на проезжую часть, Миша в ожидании Гали наблюдал за пустой улицей. Сейчас здесь не было ни души, лишь чуть впереди старичок в холщовых брюках и заляпанной краской белой майке, стоя на обочине, лениво орудовал метлой. После некоторого раздумья Миша подвел машину к нему. Спросил через открытое окно:

— Отец, не подскажешь: чья это дача, сзади?

— Сзади-то? — Сделав несколько взмахов, дворник покосился: — А вам зачем?

— Надо, отец. Или это секрет?

— Зачем секрет... Сзади — это которая?

— Да вот, за голубым забором?

Поколебавшись, старик отставил метлу. Достав из кармана пачку «Дымка», протянул Мише; после того, как Миша отказался, закурил сам. Сладко затянувшись и выпустив дым, сказал:

— Дача эта, мил друг, Логунова Ивана Трофимовича. Так-то.

— Логунова? А кто это?

— Чудак-человек... Логунов — зампредседателя Моссовета. Неужели не знаешь?

— В общем-то знаю.— Миша помолчал.— Ладно, бать, спасибо.

— Не за что. Я думал, он тебе нужен.— Старик снова взялся за метлу. Дав задний ход, Миша вернулся к пустырю. И сделал это вовремя: почти тут же из ворот вышла Галя.

Через четыре дня Миша, сидя в своем «москвиче», следил, как на обочине появляются и тут же улетают назад дорожные указатели. Москва осталась далеко позади. Впереди его и дремавшего рядом на сиденье Фарта ждала Одесса.

Наблюдая за потоком машин, идущим по перегруженной южной трассе, Миша ощущал прилив сил. Он понимал: сейчас ему намного легче, чем прежде. Ведь раньше у него не было ничего, кроме безнадежной влюбленности в Галю. Сейчас же многое переменилось — главным образом, конечно, в их отношениях. И благодарить за эти перемены он должен «алмазы шаха». «Алмазы шаха» и свою уверенность в том, что он их возьмет.

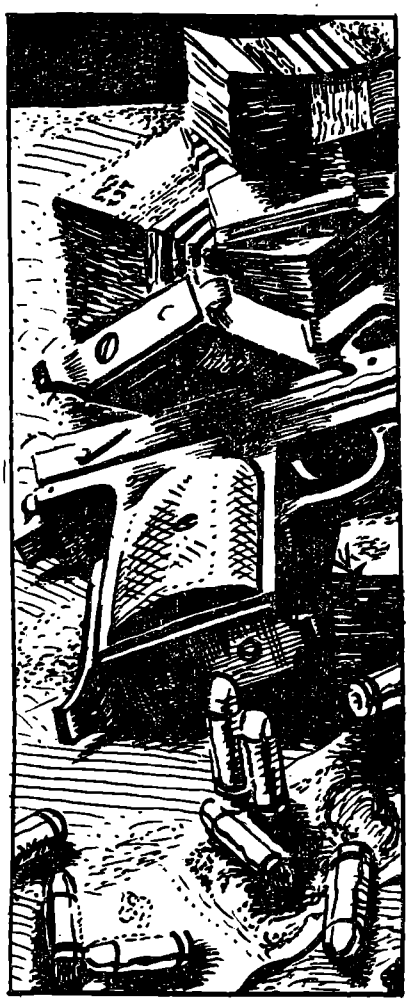
Конечно, Гале об «алмазах шаха» он ничего не сказал. И никогда не скажет. Но она наверняка почувствовала, что-то незримое стоит сейчас за их отношениями. Наверное, именно поэтому ему сейчас легко думать о Гале. Ведь теперь каждый раз при мысли о ней он ощущает то, чего раньше не было и в помине: уверенность.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ФУФЕЛЬ

Анатолий РОМОВ

Рисунки **Арсения Сергеева**



Глава третья

На автобусной остановке все произошло быстро. Настолько быстро, что Миша сначала даже сам не сообразил, как это ему удалось.

Моросил мелкий октябрьский дождь. Шел седьмой час, уже начинало смеркаться. Автобус, идущий на Молдаванку, вот-вот должен был отойти от остановки. Передние двери уже закрывались, так что было ясно: лезть сейчас в автобус, который через мгновение начнет двигаться, бессмысленно. Но именно в этот момент в передние двери попытались протиснуться подбежавшие к остановке мужчина лет тридцати пяти и мальчик лет семи. Ясно, мальчика, которого мужчина сунул в автобус первым, тут же зажали. К этому времени автобус уже двинулся и успел проехать несколько метров. Неудивительно, что сжатый дверями мальчик отчаянно закричал. Крик подхватил мужчина, успевший на бегу воткнуть в образовавшуюся между двумя створками щель свой портфель. Автобус тут же тормознул, передние двери открылись, и под общие облегченные возгласы мужчина подхватил мальчика.

Миша, в этот момент оказавшийся рядом с передней дверью, автоматически взял освободившийся таким образом портфель.

Постояв несколько мгновений, он вдруг понял: то, что у него сейчас в руках чужой портфель, никто не видит. Осознав это, оглянулся. Рядом поблескивал обсаженный высокими акациями типовой застекленный павильончик для автобусных остановок. Базар у остановки продолжался, и Миша чуть отступил. Теперь все стояли к нему спиной. Еще не понимая, зачем он это делает, Миша почти инстинктивным движением забросил портфель на крышу павильончика.

Портфель надежно скрыли ветки росшего над павильончиком дерева. Убедившись в этом, Миша вернулся к передней двери автобуса. Поскольку перебранка водителя с отцом ребенка еще не закончилась, незаметно встал за спиной пострадавшего, ожидая дальнейшего развития событий.

Наконец, высказав водителю все, что он о нем думает, отец ребенка достал платок. Вытер лоб. Сказал, оглянувшись:

— Стоп, братцы. А где мой портфель?

— Какой портфель? —не сразу отозвался кто-то.

— Как какой? — Мужчина оглядел всех, кто стоял на остановке.— У меня же был портфель. Я его еще засунул между дверьми. Чтобы пацана не зажало. А? Где портфель-то? У меня ж там документы, деньги? А?

— Может, он в автобусе? — сказал кто-то.

— Нет его здесь.— ответил с подножки парень в спортивном костюме.— Его вообще здесь не было, этого портфеля.

— А может, его уже утащили? — предположила стоящая на остановке старушка с зонтиком.— Сколько народу вокруг вертелось.

Еще раз осмотрев всех, кто стоял у павильончика, мужчина крикнул:

— Эй, там, в автобусе! Посмотрите, нет там моего портфеля?

— Какого еще портфеля? — донеслось из салона.

— Моего! Коричневого, с медными пряжками!

— Не было здесь никакого портфеля...— раздались голоса.— Вообще, ехать надо... И так уже сколько стоим...

Мужчина вскочил на подножку:

Продолжение. Начало в № 1, 1992.

— Братцы, товарищи, да вы что! Очень вас всех прошу, помогите, пожалуйста!

— В чем помочь-то? — спросили из глубины.

— Да портфель пропал, он же деться просто никуда не мог! Посмотрите там, в салоне, а? Такой коричневый портфель, кожаный, с медными застежками... Может, он где под сиденьем? Помогите, братцы, я же без этого портфеля из Одессы не уеду... Там паспорта, мой и жены...

В салоне начались поиски, которые, естественно, ни к чему не привели. В конце концов на остановке появился милиционер. Выслушав потерпевшего, милиционер вошел в автобус. Не найдя там ничего, вышел, дав знак водителю двигаться по маршруту. Повернулся к потерпевшему:

— Что у вас там было, говорите?

— Да в общем-то ничего ценного, главное — паспорта... Мой и жены...— Посмотрев вслед уходящему автобусу, мужчина покачал головой: — Ч-черт... может, его действительно кто-то утащил... Я же пацана в это время вынимал. Ничего больше не видел...

Чуть отойдя, Миша присел на скамейку. Подумал: бирки[1]... Если в портфеле действительно паспорта, ему крупно повезло.. Для того, чтобы спокойно подготовить операцию с «алмазами шаха», ему не хватало именно подставных документов. Главное, на чем он всегда спотыкался, обдумывая детали налета,— были липовые бирки. С ними все сразу становилось на свои места. Наверное, сама судьба подсказала ему вчера не медлить и из-за неизбежного техосмотра поставить «Москвич» на профилактический ремонт.

На скамейке Миша просидел еще с полчаса. Уходить не хотелось, но в конце концов он решил: сидеть здесь глупо. Ведь от его присутствия все равно ничего не изменится. Сейчас нужно уйти и вернуться попозже, ближе к ночи. Когда на остановке уже точно никого не будет.

Миша так и сделал. Он нарочно не спешил и, выполнив все, что было намечено на этот вечер, после десяти заглянул даже по обычаю в «Красный» — поужинать.

К остановке Миша подошел уже глубокой ночью. Около павильончика не было ни души. Все же Миша, зайдя в заросли акации, постоял для верности минуты три. Наконец, убедившись, что все вокруг спокойно, подошел к задней стенке павильончика. Подтянувшись на руках, облегченно вздохнул: портфель лежал на крыше под большой веткой.

Открыв портфель дома, Миша нашел там около семидесяти рублей, несколько детских игрушек и два паспорта. Один паспорт был выписан на имя Сухих Николая Александровича, второй — на имя Сухих Анны Викторовны. Оба были прописаны в городе Васильевске Приморского края. Внимательно изучив документы, Миша понял: ему повезло вдвойне. Ведь навести справки о людях, живущих где-то на краю Союза, на Дальнем Востоке, довольно трудно. Да и заявления об утере по правилам должны подаваться там, где паспорта прописаны, то есть в Приморье. Значит, и сведения милиции, что утерянные паспорта нужно считать недействительными, будут распространяться там же. И сюда, а тем более в Москву, дойдут не скоро, если вообще дойдут.

Спрятав наконец документы в секретер, Миша подумал: теперь, когда у него есть подставные корочки[2], ему нужны всего лишь две вещи: надежный напарник и деньги. Фарт в напарники не годится, он понял это после последней поездки в Москву. Да и, по замыслу Миши, Фарт во время дела должен обязательно сидеть в Одессе, поскольку милиция может довольно легко на него выйти через Ленку. Нет, Фарт не годится. Напарник должен быть совсем другим. Надежным, ни в чем не уступающим ему самому. И, конечно, кроме напарника ему еще нужны деньги. Причем не просто деньги, а деньги более или менее большие, чтобы спокойно подготовить всю операцию уже к весне.

Вскоре после происшествия с портфелем, зайдя как-то пообедать к родителям, Миша услышал междугородный звонок. Сняв трубку, сразу узнал знакомый скрипучий голос:

— Алло! Кто это? Миша?

— Миша. А это...— Миша помолчал.— Это вы, дядя Володь?

— Я, кто же еще... Ты как, все дуешься на меня?

— Я? — Над ответом Миша думал лишь секунду.— Да нет, дядя Володь, вы что. Почему это я должен на вас дуться?

— Ну, мало ли... Летом я тебе в займе отказал. Помнишь?

Миша все отлично помнил, тем не менее сказал спокойно:

— Дядя Володь, о чем вы. Я давно уже все забыл. Да и ведь ничего и не было.

— Вот и умник. Мы же с тобой в конце концов родственники. Мама дома?

— Дома, сейчас позову.

По доносившимся сюда отдельным репликам матери он вскоре понял: дядя Володя собирается в ближайшие день-два приехать вместе с женой в Одессу. И интересуется — как к этому отнесутся их родственники.

Заверив брата, что ему, как всегда, здесь все будут рады, мать вернулась к столу. Миша же вдруг понял: у него сам по себе начал возникать некий план. Точнее, всего лишь наметки плана.

На море стоял полный штиль, октябрьское солнце светило по-летнему. Миша давно уже лежал на песке в одних плавках. Дядя Володя, сидевший рядом в шезлонге, пока еще не решался снять даже рубашку и брюки. Единственной его уступкой погоде был висевший на спинке шезлонга пиджак.

Наконец солнце стало припекать всерьез. Кажется, теперь сдался и дядя Володя, во всяком случае, посмотрев на Мишу, он изрек:

— Мишаня, а не искупаться ли нам с тобой? А? Жарища какая?

Изучающе посмотрев на него, Миша кивнул:

— Давайте, дядя Володь. По-моему, самое время.

— Вот и я думаю,— встав с шезлонга, дядя стянул брюки и майку. Оставшись в одних трусах, почесал в затылке: — Черт. Я ведь без плавок.

Миша промолчал. Помедлив, дядя Володя посмотрел на него:

— Как думаешь, Миш, удобно будет искупаться в этих трусах?

Миша сел. На этот счет у него были свои соображения. Но, естественно, делиться ими с дядей он не собирался.

— Не знаю, дядя Володь. Вам решать.

— Ладно, пойду сбегаю за плавками, а то еще Лера придет. Подождешь?

---

[1] «Бирка» — документ, паспорт.

[2] «Корочки» — документы.

— Конечно.— Миша улыбнулся.— Давайте, дядя Володь. День ведь только начинается.

Дядя, утопая в песке, пошел к видневшемуся метрах в двухстах отсюда дачному поселку. Проследив за ним, Миша оглянулся. Пляж был пуст, в чем, собственно, он и не сомневался. Этот пляж на четвертом лимане, около их дачи, он знал отлично. Здесь и в разгар сезона довольно безлюдно. А сейчас, в середине октября, в будни, да еще утром никого и быть не должно.

Дождавшись, пока дядя скроется из вида, Миша быстро обыскал карманы висящего на шезлонге пиджака. В наружных ничего не было. Зато, сунув руку во внутренний, он сразу же нащупал толстую связку ключей. Бегло осмотрев связку, достал из лежащей рядом куртки заранее приготовленный восковой брусок. Сделав на нем тщательные двусторонние отпечатки всех ключей, положил связку на прежнее место. Брусок же, бережно обернув в чистый платок, спрятал во внутренний карман куртки.

Дядя показался минут через пятнадцать и не один, а уже вместе с женой. Теперь на нем были модные многоцветные плавки, а на тете Лере — уникальный импортный купальник.

Все втроем они купались и загорали до обеда. Причем гости, конечно, не уставали восхищаться солнечной погодой и теплой водой.

Вечером Миша зашел к знакомому слесарю. Показав ему брусок и дав щедрый задаток, попросил изготовить ключи по два экземпляра на каждый отпечаток.

Когда он зашел к слесарю на следующий день утром, ключи уже были готовы. Спрятав их в карман, Миша отправился в агентство Аэрофлота. Зайдя со служебного входа, попросил вызвать знакомую кассиршу. Кассирша была когда-то Мишиной любовницей и, он знал, все еще рассчитывала на продолжение связи.

Вышедшая вскоре девушка, увидев Мишу, по-свойски улыбнулась:

— Ой, Мишенька, привет. Вот уж не ждала. Как ты?

— Ничего. Любаш, есть дело.

— Ну да.— Любаша кокетливо поджала губы.— Без дела тебя ведь не дождешься.

— Люба...— Миша покачал головой.— Ты меня расстраиваешь.

— Мишенька, что ты, я пошутила. Что надо?

— Друг попросил взять ему два билета. Устроишь?

— О чем разговор. Куда?

— На завтра, на Москву. Один туда, один обратно. Туда утренним рейсом, обратно вечерним. На вечер не очень поздно, желательно часов на пять. Можно?

— Конечно.

— Тогда вот...— Миша передал Любе деньги.— И запиши данные.

Люба ушла. Минут через двадцать она вынесла ему два авиационных билета: один на завтрашний девятичасовой рейс Одесса — Москва, другой — на завтрашний вечерний пятичасовой Москва — Одесса. Оба билета были выписаны на имя Сухих Николая Александровича.

Несколько часов после этого Миша просидел дома, осторожно отделяя от паспорта Фотографию Сухих и вклеивая свою.

Вечером, встретившись с дядей, Миша предупредил, завтра, по случаю субботы, он хочет устроить ему и жене небольшой праздник. Утром они с дядей на моторке отправятся на лов кефали. Вечером же он приглашает его и тетю Леру в ресторан. Предложение дядя встретил с восторгом, что Мишу нисколько не удивило — он отлично знал, что дядя рыболов-фанатик и за возможность порыбачить готов отдать все.

Уже в пять утра они с дядей отправились на моторке в море. Клевало средне, тем не менее дядя, увлеченный самим процессом, не отрывал глаз от снастей. Миша терпеливо сидел рядом, закидывая спиннинг и изредка поглядывая на часы. Наконец, когда стрелка приблизилась к семи, сказал:

— Дядя Володь, я пас. Больше не могу. Может, закончим?

— Да ты что... С ума сошел... Сейчас самый клев...

— У меня глаза слипаются. Может, отвезете меня? А, дядя Володь?

Посмотрев на Мишу, как на сумасшедшего, дядя с сожалением отложил удочку. Вздохнул:

— Ладно. Раз ты сам себе враг.

У берега, спрыгнув прямо в воду, Миша бросил:

— Удачной рыбалки, дядя Володь. Не забудьте, вечером идем в «Красный». Столик уже заказан.

— Ладно, ладно... Счастливо...— Не глядя на Мишу, дядя уже выруливал в открытое море.

Пройдя к даче, Миша переоделся, сел в «Москвич» и через сорок минут был в аэропорту. Оставив «Москвич» на стоянке, прошел в зал регистрации. С собой Миша взял большой дорожный баул, в нем, если не считать нескольких брошенных на дно газет и небольшого полиэтиленового пакета, ничего не было.

Регистрацию и контроль Миша прошел без сучка и задоринки. Погода была летной, Ил-62 взлетел всего лишь с десятиминутным опозданием. Как только самолет набрал высоту, Миша занялся изучением газет. Никого из одесских знакомых он в салоне не заметил, впрочем, это его особенно и не волновало. Во всех случаях милиция начинает с изучения списков пассажиров. Но поскольку его фамилии в списках нет, он может быть спокоен.

Когда в аэропорту Внуково Миша вышел к стоянке такси, стрелки на его часах показывали без четверти одиннадцать. Почти тут же к нему подошел человек лет сорока в модной куртке, оценивающе посмотрев на Мишу, процедил:

— Браток, далеко?

— Какая разница. Везешь — везешь, нет — нет. А? Так везешь?

Еще раз изучив Мишу, человек вздохнул:

— Везу. Но браток, это тридцатник.

— Нет разговора.

Пройдя вслед за человеком, Миша сел на переднее сиденье черной «Волги». Включив мотор, водитель посмотрел на него:

— Куда везти-то?

— В центр. Но только чур без подсадок.

— Какие еще подсадки?

— Обычные. Мало ли. Лады?

— Лады.— Водитель пожал плечами.— Лишь бы ты никого не подсадил.

У Октябрьской площади Миша поднял руку:

— Все, капитан. Схожу здесь.

Водитель остановил точно у подземного перехода. Отсчитав три десятки, Миша вышел. Проследив за довольно быстро затерявшейся в общем потоке «Волгой», поднял воротник. По сравнению с Одессой здесь сейчас настоящая зима. Температура явно была не выше пяти градусов, дул холодный ветер, небо затянули облака. Поежив-

шись, Миша подумал: хорошо хоть догадался надеть теплую джинсовую куртку.

Дом дяди был совсем рядом, но Миша знал: прежде чем туда войти, он должен обязательно использовать по назначению то, что лежало в полиэтиленовом пакете. Декор и резиновые напалечники.

Наиболее надежным местом, скрытым от посторонних глаз, оказался подъезд ближайшего жилого дома. Зайдя туда и поднявшись на третий этаж, Миша достал из баула полиэтиленовый пакет. Натянул черный парик, приклеил снабженные липучкой накладные усы. С помощью зеркальца убедился: декор выглядит нормально. После этого на каждый из десяти пальцев Миша натянул прозрачные резиновые напалечники. Осмотрев их, подумал: теперь он может спокойно входить в дядину квартиру.

По подземному переходу, а потом над тоннелем он прошел к тихим переулкам, расположенным за Якиманкой. Вошел в подъезд и через пятнадцать минут уже стоял на лестничной площадке пятого этажа перед дверью дядиной квартиры с номером «18-б». В подъезде он никого не встретил, так что сейчас его волновало лишь одно: на площадку может выйти некстати кто-то из соседей. Выждав несколько секунд, бесшумно достал связку ключей. Дверь дядиной квартиры закрывалась на три замка; точно примерившись, Миша поочередно открыл каждый. Толкнув дверь, проскользнул в квартиру. Закрыв за собой створку, настороженно прислушался. Убедившись, что там, на лестничной площадке, по-прежнему все тихо, оглянулся. Миша знал, что квартира на ж у ч к е и нужно как можно скорей позвонить на пост вневедомственной охраны. Но трубку снял лишь откашлявшись и убедившись, что с голосом у него все в порядке. Набрав хорошо выученный номер и услышав отзыв, сказал с дядиными интонациями:

— Четвертый?

— Четвертый...— отозвался скучный голос.

— Это восемнадцать-бис. Мы пришли. Отключите, пожалуйста.

В трубке раздались гудки. Миша положил трубку. Огляделся. Двери комнат не заперты. Что ж, и на том спасибо. Посмотрел на часы: пять минут первого. В аэропорту он должен быть в четыре, значит, в его распоряжении около двух часов. Не густо. и все же вполне достаточно, чтобы найти в квартире что-то ценное.

Миша отлично знал расчетливый и осторожный характер дяди. Поэтому по верхам смотреть не стал, а сразу же начал изучать самые дальние углы и по очереди выдвигать все ящики. Расчет оказался верным: примерно через полчаса под постельным бельем в шкафу Миша обнаружил газетный сверток. При ближайшем рассмотрении сверток оказался пачкой облигаций золотого займа. Беглый подсчет показал, что облигаций в пачке примерно тысяч на десять. Еще через несколько минут в другом шкафу, теперь уже в женском белье, Миша нашел шкатулку с золотыми украшениями. Заполнявшие шкатулку до верху кольца, серьги и золотые цепочки стоили, по мнению Миши, гораздо больше, чем облигации. Засунув золото в карман куртки, Миша бросил пачку облигаций в баул и распахнул еще не изученный гардероб. Прямо перед ним, прикрытая полотняным чехлом, висела роскошная меховая шуба. Неплохо разбиравшийся в мехах Миша сразу понял: шуба из натурального горностая, стоит же такой балахон как минимум пятнаху[3]. Секунду поколебавшись, Миша достал шубу и, свернув в тугой рулон, положил в баул. Посмотрел на часы: начало второго. Все, можно уходить. Тем более теперь, в связи с облигациями, у него есть дело в городе.

С полминуты Миша стоял у входной двери, внимательно прислушиваясь. За дверью было тихо. Миша бесшумно выскользнул на лестничную площадку. Вытер пот: именно сейчас появление на площадке соседей могло оказаться роковым. Прикрыв дверь и услышав щелчок замка, вызвал лифт. Ему казалось, лифт идет бесконечно... Наконец кабина остановилась; войдя в нее, Миша нажал кнопку первого этажа. Кабинка дернулась, и Миша облегченно вздохнул. Теперь, когда лифт медленно полз вниз, определить, из какой имейно квартиры он вышел, не сможет уже никто...

Выйдя из подъезда, Миша двинулся к Садовому кольцу. Остановившись рядом с трассой, поднял руку. Дождавшись, когда рядом остановится свободное такси, пригнулся:

— Шеф, мне нужно помотаться по Москве. Плачу четвертак сверху.

— Долго мотаться-то?

— Да нет, минут сорок.

— Садись.— Подождав, пока Миша сядет рядом, водитель спросил: — Куда ехать?

— Шеф, ты ближайшие сберегательные кассы знаешь?

— Сберегательные кассы...— Водитель помолчал.— Да вроде есть тут поблизости. На Садовом.

— Мне нужно несколько сберегательных касс. Примерно штук пять.

— Пять так пять. Мне без разницы.

После того, как они объехали пять сберегательных банков, у Миши в бауле вместо облигаций лежало уже десять с небольшим тысяч рублей. Продать облигации порциями по две тысячи Миша решил из предосторожности. Также из предосторожности, зная характер дяди, который наверняка переписал номера всех ценных бумаг, Миша решил как можно скорее избавиться от облигаций. Сделать это, конечно, нужно было именно в Москве, поскольку в Одессе его легко могли засечь.

Вернувшись в машину из последнего сберегательного банка, Миша улыбнулся:

— Все, шеф, отстрелялись. Теперь в центр, к Большому театру. Желательно быстрей. Как, к полтретьему успеем?

Посмотрев на часы, показывающие десять минут третьего, водитель усмехнулся:

— О чем разговор. Туда десять минут езды.

— Давай. А то опаздываю.

Ровно через десять минут водитель остановил машину у колонн Большого театра. Рассчитавшись как было условлено, Миша вышел. Конечно, удобней было поехать во Внуково на этой же машине. Но Миша знал: если ограбление будет обнаружено, милиция может опросить водителей такси. И выяснить, что именно в этот день человек его возраста и его роста с баулом объездил пять сберегательных банков, после чего поехал во Внуково. Конечно, след сам по себе достаточно хлипкий. Но лучше от греха подальше, береженого и бог бережет. Да и в принципе он вполне еще успеет добраться до Внукова. Сейчас же, поскольку в последний раз он ел в начале пятого утра, надо срочно где-то перекусить. Тем более впереди его ждет довольно сложная операция: проход в самолет.

Разыскав ближайшее кафе, Миша плотно пообедал.

[3] «Пятнаха» — 15 тысяч.

Затем на стоянке такси без особого труда взял машину. Во Внуково он был без двадцати четыре, рассчитавшись с водителем, закинул баул на плечо и отправился в туалет.

Туалет был платным, и Миша довольно быстро занял отдельную кабинку. Здесь он прежде всего снял парик и усы, спрятав их в полиэтиленовый пакет. Затем вытащил из кармана золото. Изучив россыпь колец, серег и кулонов, надел на пальцы золотую печатку, перстень и обручальное кольцо, остальное спрятал в баул. Распихав по карманам деньги, подумал: несмотря на риск, он вынужден будет сдать баул в багаж. Другого выхода у него просто нет. Конечно, при перелете баул запросто могут украсть те же грузчики. Но иначе нельзя. Если милиция на контроле засечет лежащие в бауле шубу и золото и срисует[4] его, он рискует гораздо больше.

Упаковав в зале баул в бумажную обертку, Миша сдал его в багаж. Затем, пройдя с зарегистрированным билетом на контроль, без приключений миновал двух милиционеров.

Минут через сорок Миша уже сидел на своем месте в самолете. Еще через два часа, около семи вечера, он в целости и сохранности получил свой баул в багажной секции Одесского аэропорта. Положив баул на заднее сиденье «Москвича», наконец-то вздохнул спокойно. Основные трудности остались позади.

Дома, в своей однокомнатной квартире на Ришельевской, Миша прежде всего набрал телефон родителей. Услышав голос матери, спросил:

— Ма, не знаешь, где дядя Володя?

— Здесь. Тебя где носило-то?

— Да так, мотался по делам. Я ведь их сегодня пригласил в ресторан. Его и тетю Леру. Они хоть помнят?

— Как же не помнить. Они давно тебя ждут, одетые.

— Очень хорошо. Скажи, пусть выходят, я буду через пятнадцать минут.

Вечер в ресторане прошел на высшем уровне. Во всяком случае, дядя и его жена остались довольны.

Судя по последовавшему звонку из Москвы, кражу вещей из своей квартиры дядя обнаружил, как только вернулся из Одессы. Из его объяснений стало ясно: начатое следствие в основном проверяет его московских знакомых — тех, кто мог снять по телефону квартиру с контроля вневедомственной охраны. Из этих же объяснений явствовало, что никаких подозрений в отношении Миши у дяди даже не возникало.

В конце ноября Мише позвонил Дегтярь. После первой летней встречи в Москве они потом виделись всего лишь раз, в июле, когда Дегтярь на несколько дней приезжал в Одессу. В тот раз Миша отдал Дегтярю долг, а заодно помог по дружбе достать запчасти для дегтяревского «Жигуленка» — что, конечно же, было основательно обмыто. Затем Костя опять надолго уехал в Москву. И вот теперь он снова звонил отсюда, из Одессы.

После приветствий и короткого обмена новостями Дегтярь сказал:

— Мишань, мне опять надо помочь с тачкой. Кардан барахлит. Поможешь?

— Кардан барахлит...— Сказав это, Миша вдруг подумал: а ведь Дегтярь с его многочисленными знакомствами и связями в Москве ему нужен. Не то слово нужен. Нужен в главном, а именно в связи с «алмазами шаха». Ведь если ему, Мише, удастся взять эти камни, он без выхода за бугор не обойдется никак, если, конечно, хочет получить за «алмазы шаха» настоящую цену. Раньше, когда он впервые услышал об алмазах от Фарта, он какое-то время считал, что сможет реализовать камни через знакомых одесских ювелиров. Но теперь он понимал: делать этого нельзя. Нельзя, даже если он подключит к алмазам своего самого проверенного дружка, Фиму Лернера. Ведь «алмазами шаха» наверняка займется не только милиция, но и КГБ, и прокуратура; но если допустить, что такие серьезные конторы выйдут на кого-то из одесских ювелиров и засекут «алмазы шаха» у них — все, ему конец. Поэтому лучший вариант для сбыта алмазов только один: Москва.

— Костюнь, нет разговоров. Вообще, надо бы где-то посидеть. Как ты?

— Давай. А где?

— Скажем, в «Чайке», на Приморском. Сможешь подойти туда через полчасика?

В «Чайке», обсудив с Дегтярем технические детали ремонта карданного вала и поговорив некоторое время за жизнь, Миша сказал:

— Костюнь, тут такое дело: мне нужно сдать рыжье[5].

Пригубив коктейль, Костя удивленно посмотрел на Мишу:

— Рыжье? Ты что, думаешь, я по этой части?

— Нет, не думаю. Просто хотел спросить: ты мог бы найти мне в Москве канал? Надежный канал?

Несколько секунд Дегтярь изучал свой бокал. Наконец усмехнулся:

— Мишань, ну в принципе... В принципе все возможно. Но ты ведь знаешь, надежный канал по рыжью — серьезное дело.

— Поэтому и прошу. Ты ведь тоже знаешь: за мной не заржавеет.

— Знаю. Ладно...— Сказав это, Дегтярь посмотрел на Мишу в упор: — Мишань, я правильно понял: Одесса тебя не устраивает?

— Правильно.

— Д-да...— Дегтярь помолчал.— Н-ну... В общем, у меня есть люди. Но только, Миша: с ними нужно осторожно.

— Что значит осторожно?

— То значит, что это жучье[6]. Причем, насколько я секу в таких вещах, жучье крутое.

Крутое жучье... В общем-то Миша примерно этого и ожидал. Ни крутости, ни жучья он не боялся. То, что в Москве ему придется иметь дело с серьезными людьми, вообще было целиком в его интересах. Подумав об этом, он сказал:

— Ты что, имел с ними дело?

— Имел.

— То есть, они тебе верят?

— В общем, да.

— В общем меня не устраивает.

Дегтярь покачал головой;

— Они мне верят настолько, что считают: я их не сдам. Вот и все. По-моему, этого вполне достаточно. Или нет?

— Конечно. Их как, легко найти?

— Без проблем. Мастерская металлоремонта.

---

[4] «Срисовать» — обратить внимание, запомнить.

[5] «Рыжье» — золото.

[6] «Жучье» — серьезные преступники, воры в законе.

— У них там что, главный?

— Нет. Главный у них работает в скупке драгметаллов.

— Понятно.— Миша улыбнулся.— Спасибо, Костюнь. Насколько я помню: ты хотел иметь мои бока[7]? Вот эти?

— Хотел.

— Так вот, запомни: если с каналом все выгорит, это будет мой подарок. Договорились?

— Хорошо, договорились.

— Ты когда будешь в Москве?

— Как только починю кардан.

— Ясно. Тогда так: как только туда приедешь, свяжись с этими ребятишками. Скажи: есть, мол, кореш, которому вроде бы, на твой взгляд, можно верить. Кореш этот из Приморского края, из города Васильевска. Зовут Николаем. Запомнишь?

— Запомню. Из Приморского края, город Васильевск, Николай. Кто это, если не секрет?

— Не секрет. Это я. Мне важно, чтобы через этих ребят не пошли концы сюда, в Одессу. Понял, Костюнь?

Дегтярь усмехнулся:

— Понял. Тут понимать нечего.

— Тогда все. Скажи, прорисуется этот Николай где-то в конце года. Где она, эта мастерская металлоремонта?

— На Колхозной площади, рядом с комиссионным магазином. Там есть мастер, Ашот.

— Армянин?

— Да. Этот Ашот и есть... из той самой команды.

— Костюнь, еще раз спасибо. Ну и...— Миша улыбнулся: — Естественно, я рассчитываю, ты не будешь об этом трубить. Да?

— Правильно, Мишань. Я ведь тоже рассчитываю, что и ты не будешь.

Месяц спустя Миша по обыкновению ужинал в «Красном». Часов в девять он решил проветриться в холле. Подойдя к входу, бдительно охраняемому швейцаром, по привычке посмотрел сквозь застекленные двери. Снаружи, как всегда, стояла очередь — небольшая кучка людей, терпеливо ожидающая под редким ноябрьским снежком, когда их пропустят. Неожиданно Миша заметил в очереди знакомое лицо. Это был его бывший сокурсник по институту Витька Лукашов, или Лука. Дружили они еще с института. Правда, последние годы с Витькой, работавшим в пароходстве вторым механиком и ходившим в загранку, они виделись редко. Но тем не менее их дружба никогда не прерывалась.

Сейчас Витька, съежившись и сунув руки в карманы синей канадской куртки, стоял в самом конце очереди. Убедившись, что это в самом деле он, Миша сказал швейцару:

— Дядя Жор, пропустите, пожалуйста, моего друга. Вон он, в самом конце очереди. В синей куртке.

В «Красном» Миша был человеком уважаемым. Помедлив, швейцар открыл створку, и через пару секунд Лука уже стоял в холле. Поцеловавшись с Мишей, расплылся в улыбке:

— Мишань, спасибо.

— Ладно тебе. Как дела?

— Ничего. Место лишнее у тебя есть?

— Есть. Ты один?

— К сожалению. А ты?

— Тоже один.— Миша оглядел невысокого, атлетически сложенного Луку.— Давно из рейса?

— Я-то? — Сдав куртку швейцару, Лука пригладил темные волосы.— Да как тебе сказать. Вообще-то давно. Пошли? И там уже поговорим?

— Пошли.

За столиком они сразу же выпили по бокалу коньяка. Подождав, пока Витя закусит, Миша спросил:

— Как оно вообще?

— В смысле?

— Ну, вообще... Например, привез что-нибудь? Шмотки, технику? Может, бока есть приличные?

Взяв тарталетку с икрой и прожевав ее, Лука вздохнул:

— Мишаня, с боками и со всем прочим все. Завязано.

— Не понял. Расшифруешь?

— Тут расшифровывать нечего. Все, Мишаня, я списан[8].

Лука смотрел на него, чуть улыбаясь. Помедлив, Миша спросил:

— Что, серьезно?

Налив себе и Мише, Лука поднял бокал:

— Серьезней некуда. Загремел я, Камень.

— За что?

— Да...— Лука скривился.— Трава[9].

— Трава?

— Да. Везли туда травку с ребятами. Ну и загремели. Загремели все, а сдали меня одного. Такие дела. Так что за бугор я больше не ходок. Сам понимаешь, мешок завязан[10].

Миша размышлял: разглядывал бокал. Конечно, с одной стороны это плохо. Но с другой, кажется, судьба сейчас опять идет ему навстречу.

Подождав, пока Лука расправится с салатом из крабов, Миша спросил:

— Значит, ты загремел? А как насчет отмотки[11]?

Прожевав до конца, Лука усмехнулся:

— Миша, считай, я уже отмотал. Дали два-двадцать пять[12].

— Два-двадцать пять? — Миша изучающе посмотрел на друга.— По траве что-то мало.

— Так я же говорю, меня сдали на шару[13]. Доказательств у суда не было. Так что срок мне залудили просто от злости.— Достав пачку «Кента», Лука закурил.— И вообще, Мишань, мне это все остобрыдло. Может, переменим тему?

— Давай,— глядя на Луку, Миша подумал: сколько бы он ни искал, напарника лучше Витьки Лукашова ему не найти.— Только что ж ты мне не позвонил, когда загремел?

— Зачем?

— Мало ли. Я мог бы помочь.

— Да нет, Мишань, не помог бы.— Лука тронул нож.— Ничего, все обошлось.

— Ладно. Теперь уже поздно думать. Давай выпьем за встречу?

Примерно через час, когда они взяли третью бутылку коньяка и Лука несколько размяк, Миша спросил:

— Ты вообще куда сейчас приписан?

— Никуда. Толкусь в отделе снабжения порта. Разнорабочим на полставки. Я там почти не бываю. Прихожу только расписаться в ведомости.

---

[7] «Бока» — часы.

[8] «Списан» (мор.) — уволен из плавсостава на берег.

[9] «Трава» — наркотики.

[10] «Мешок завязан» — закрыта загранвиза.

[11] «Отмотка» — отмотать — отбыть наказание.

[12] «Два-двадцать пять» — два года принудительных работ по месту службы с удержанием 25 % заработка.

[13] «На шару» — в данном случае «напрасно».

— Не теребят?

— Да нет. Меня ж там все знают.

— Ну, а как... Как у тебя с бабками?

— С бабками...— Покрутив бокал, Лука усмехнулся.— Мишань, что за вопрос? Какие могут быть бабки, если человека списали с загранки? Если я скажу тебе, что нормально, ты поверишь?

— Да нет. Не поверю. А вообще... Вообще, чего ты хочешь в жизни?

— Мишань, кончай мне пудрить мозги. Если у тебя есть предложение, говори. Нет — давай пить дальше. А?

— Витюнь, ты меня не понял. Я действительно хочу знать, чего ты хочешь в жизни.

Тронув губами коньяк, Лука склонил голову набок:

— Хорошо, Мишань, я тебе скажу. В жизни я хочу того же, чего ты. Чтобы были бабки. Чтобы были телки. Вообще, чтобы все было нормально. Или не так?

— Все так. Хорошо, Витюнь, все это у тебя будет.

На некоторое время над столом воцарилось молчание. Вытянув из пачки сигарету, Лука не спеша прикурил. Сказал, затянувшись:

— Да? То есть, ты отвечаешь?

— Отвечаю.

— Ясно.— Лука посмотрел на Мишу в упор: — Мишань, может разъяснишь для начала: что от меня нужно?

— Ну...— Миша спокойно встретил взгляд Луки.— Для начала нужно достать две волыны [14].

— Две волыны? Тебе?

— Нам с тобой.

— Понятно.— Сделав несколько затяжек, Лука поднял глаза: — Мокруха?

— Допустим, мокруха. Ты против?

— Слушай, Мишаня, кончай гнать волну.— Лука стряхнул пепел.— Не надо меня проверять. А?

Миша легко хлопнул Луку по шее:

— Ушлый. Ладно, я пошутил. Нам с тобой надо съездить в Москву по одному делу. А волыны нужны для подстраховки.

Притушив сигарету, Лука вздохнул:

— Хорошо. Давай две пятихатки, и волыны будут. Фирменные. Что нужно, «байярд», «беретта» [15]?

— Все равно. Лишь бы стреляли.

— Понятно. Больше ничего не нужно?

— Ничего. Хотя...— Миша помедлил.— Ты мог бы сдать кому-нибудь из своих ребят натуральную шубу? На вывоз?

— Что за шуба?

— Женская. Из натурального горностая.

— Сколько ты хочешь?

— Потолок пятнадцать, низ — двенадцать. Двадцать процентов с этой суммы, за работу — тебе.

— Расклад понятен. Хорошо, Мишань, давай твою шубу. Попробую.

За вагонным окном непрерывно уносилась назад черно-белая пашня. Похоже, это уже Россия. На часах начало первого, сегодня двадцать третье января. Завтра утром, двадцать четвертого, то есть в канун Рождества, они будут в Москве.

Покосившись на сидевшего напротив и дремавшего Луку, Миша снова повернулся к окну. Там падал, кружась, сухой снег. Здесь же, в купе «СВ», было тепло и спокойно. Конечно, трястись более тридцати часов в поезде скучновато, но лететь в Москву самолетом из-за золота и пистолетов они не могли просто никак.

Да, первую часть проверки Лука прошел успешно: после их разговора в «Красном» он уже через два дня приехал к Мише, положив перед ним на стол две «беретты». Одновременно он передал ему пятнадцать тысяч, полученных за шубу. Естественно, Миша тут же вернул ему три тысячи в счет обещанных комиссионных.

Сейчас, когда до Москвы осталось меньше суток, Миша вдруг понял: его мысли все чаще возвращаются к Гале. Он ей позвонил перед выездом, сообщив, что приезжает в Москву вместе с другом. По этому поводу Миша предложил Гале встретить Рождество вместе. Как ему показалось, Галя охотно согласилась. Больше того, узнав, что он приезжает с другом, Галя сама подала мысль взять с собой кого-нибудь из подруг.

Миша усмехнулся. Что ж, он в долгу не останется. Среди золота, которое они везли сейчас в Москву, он давно уже присмотрел для Гали старинный женский перстень с рубином. Да и кроме этого перстня среди вещей, взятых у дяди, было немало цацек, которые не стыдно будет подарить Гале. Конечно, краденые вещи дарить опасно. Но идущее в Москве следствие выйти на него уже не сможет, это ясно даже ему. Так что из-за двух-трех вещей, которые он подарит Гале, ничего не случится. К тому же он уверен: Галю милиция проверять в любом случае не будет.

Выйдя вместе с Лукой на перрон Курского вокзала, Миша шутливо дотронулся кулаком до его живота:

— Витек, идем звонить девочкам.

— Девочкам? Ты что, серьезно?

— Серьезно. Только сначала звякнем Дегтярю.

— Давай.— Закинув сумку на плечо, Лука двинулся за ним.

Найдя телефон-автомат, Миша набрал номер Дегтяря. Костя отозвался сразу:

— Да?

— Костя, привет, это Миша Камень.

— А...— Дегтярь помолчал.— Приехал?

— Приехал. Я вместе с Лукой. С Витькой Лукашовым.

— Понятно. Какие планы?

— Да вот хотим сразу же пойти к твоим ребятам. Ты как, им звонил?

— Звонил. Давно, как только приехал в Москву.

— Ну и что?

— Они сказали, в принципе все это возможно. Только сначала хотят на тебя посмотреть.

— Правильная мысль. Пусть смотрят. Значит, к ним можно идти?

— Можно. Вы что, пойдете прямо сейчас?

— Прямо сейчас. Да, Костюнь, есть еще одно дело.

— Какое?

— Эти твои ребята, они как, могут устроить меня и Луку в гостиницу? В хорошую гостиницу.

— Ну... наверное. У них ведь все схвачено.

— Ты можешь им позвонить? И спросить, могут ли они устроить?

— Почему нет. Только, Мишань, это будет стоить бабок. Крутых бабок.

— Об этом не волнуйся. Если спросят, скажи: парень кредитоспособен.

---

[14] «Волына» — пистолет.

[15] «Байярд» — пистолет калибра 9,8 бельгийского производства, «беретта» — пистолет такого же калибра итальянского производства. Эти марки преобладают в контрабандной продаже в морских портах, в том числе в советских.

— Ты хочешь прямо сейчас?

— Да. Давай звони. А я тебе перезвоню... ну, скажем, минут через десять. Хорошо? Костюнь, учти: мне это нужно.

Позвонив Дегтярю через десять минут, Миша спросил:

— Ну что?

— Они говорят, гостиницу можно устроить. Но опять же, им нужно посмотреть на тебя. И на твои бабки. У себя в мастерской, на Колхозной.

— Понятно, Костюнь, спасибо. Созвонимся. Чао.

— Чао.

Нажав на рычаг, Миша подмигнул Луке:

— Считай, апартаменты у нас есть. Теперь звоним девчушкам.

— Давай. Насчет девчушек я никогда не против.

Набрав Галин номер, Миша сразу же услышал знакомый голос:

— Алло?

— Галюш, привет. Это я, узнала?

— Еще бы. Давно приехал?

— Только что. Только не приехал, а приехали.

— Приехали? А, ну да, я забыла, ты же с другом. Что вообще он из себя представляет, твой друг?

— Все при нем. Здоров, умен, богат.

— Старый, молодой?

— Мой ровесник. Вообще, что ты так беспокоишься? Тебя это волнует?

— А как же. Я пригласила Лизу. Ты ведь знаешь Лизу?

— Знаю. Для Лизы он будет в самый раз.

— Не убеждена. Лиза — девушка разборчивая. Как он хоть внешне?

— Красавцем я бы его не назвал. Но море обаяния. Настоящий мужчина. Поняла?

— Ой, Миша, ради бога... Знаем мы этих настоящих мужчин.

— Ладно, Галек, хватит разбираться. Скажи Лизе, что вечером, часов в восемь, мы за вами заедем. И повезем в лучший московский кабак. Хорошо?

— Договорились. До вечера?

— До вечера.— Повесив трубку, Миша посмотрел на Луку: — Все, Витюнь. Разговор слышал?

— Слышал. Как хоть телки, приличные?

— Приличные... Да ты копыта откинешь, как только их увидишь.

— Серьезно?

— Серьезно. Лука, ты помнишь, как тебя зовут?

— Мишань, обижаешь. Я же все выучил наизусть.

— Все же повтори.

— ...Хубов Антон Викторович. Из Васильевска Приморского края. Серию, номер?

— Не нужно. Пошли, а то мы еле успеваем.

«Хубовым Антоном Викторовичем» Лука стал после того, как в Одессе добытый с помощью Фарта специалист профессионально переправил паспорт, принадлежащий Сухих Анне Викторовне. Помимо имени и отчества пришлось изменить и фамилию — «Сухих» на «Хубов». Одинаковая фамилия в паспортах двух разъезжающих вместе людей могла вызвать подозрение.

Выйдя из такси на Колхозной площади, они без особого труда разыскали мастерскую металлоремонта. Перед тем, как войти, Миша спросил:

— Где у тебя волына?

— Не волнуйся, все в порядке. В кармане.

В крохотном помещении они увидели склонившегося над верстаком белобрысого паренька. А подойдя к окошку, Миша кашлянул:

— Добрый день.— Подождав, пока парень поднимет глаза, спросил доверительно: — Друг, нам бы Ашота... Он здесь?

— А зачем он вам? Если что починить, я сделаю.

— Нам не чинить. Мы по личному делу.

— По личному? — Изучив Мишин взгляд, паренек вздохнул. Сказал, взяв напильник: — Ашот! Тут тебя зовут!

— Кто? — Донеслось из-за стены.

— Не знаю... Какие-то ребята...— Паренек снова занялся работой. Секунд через десять выглянул смуглый человек лет тридцати пяти с черными усами и обширной лысиной. Наметанным взглядом Миша определил: силой этот человек не обижен. Похоже, он в самом деле из деловых.

Несколько мгновений оба смотрели друг другу в глаза. Наконец, подойдя ближе, человек кивнул:

— Вы меня спрашивали?

— Я. Мне нужен Ашот.

— Я Ашот. Что дальше?

— Поговорить надо.

— Поговорить о чем?

— Меня зовут Коля. Я с Приморья.

— Очень приятно. Что дальше?

— Вам должны были звонить насчет меня. Только что.

— Звонить — кто?

Миша покосился на белобрысого. Ашот кивнул:

— Можете при нем. Так кто мне должен был звонить?

— Костя Дегтярь.

Наверное, прошла целая вечность, прежде чем Ашот сказал:

— Д-да... Понятно. Второй, он что, с вами?

— Со мной.

Поразмышляв еще несколько секунд, Ашот наконец открыл дверцу в перегородке:

— Хорошо, проходите. Вот сюда, во вторую дверь.

Войдя вместе с Лукой в небольшую комнату, Миша увидел еще одного человека. Сидя за единственным в комнате столом, он не спеша крутил в руках пачку «Мальборо». Наверняка он был старше Ашота лет на пятнадцать. Правда, выглядел он при этом ничуть не хуже, тем более, что в отличие от Ашота у него были длинные темные волосы, почти не тронутые сединой. Объединяло же их то, что у обоих была смуглая кожа. И одежда: оба были почти в одинаковых джинсовых костюмах.

Ашот закрыл за собой дверь, и человек молча посмотрел на него. Ашот кивнул:

— Гурген, это... про которых звонил Дегтярь. Из Приморья.

— Понятно,— пожевав губами, Гурген отложил пачку «Мальборо». Улыбнулся:

— Что ребята, садитесь. Поговорим.

Поставив сумку рядом со стулом, Миша сел. Лука остался стоять. Гурген покосился на него:

— Садитесь, молодой человек. Места хватит.

— Спасибо, я постою.— Подойдя к подоконнику, Лука поставил на него сумку. Сунув обе руки в карманы канадки, прислонился к стене. На мгновение задержавшись на нем взглядом, Гурген повернулся к Мише:

— Меня, как вы слышали, зовут Гурген.

— Меня Коля.

— Меня Антон,— сказал Лука.

— Очень приятно...— Гурген снова покосился на него.— Коля... Костя говорил мне о том, что вы хотите что-то сдать. Я правильно понял?

— Правильно. Мы хотели бы сдать рыжье.

— Рыжье...— Выждав несколько секунд, Гурген снова взял пачку.— И много у вас рыжья?

— Для начала граммов триста.

— Даже граммов?

— А как еще?

— Это что, лом?

— Нет, это цацки. Некоторые с камнями. Просто я так сказал.

— Понятно.— Гурген снова взял пачку.— А почему для начала, Коля?

— Во-первых, мы вас не знаем.

— Теперь знаете.

— Во-вторых, не знаем ваших условий.— Миша улыбнулся.

— Д-да...— Гурген помолчал.— Что ж, все правильно. Ну, а можно посмотреть ваши цацки?

Помедлив, Миша достал из кармана заранее приготовленную цепочку с сердечком. Протянув, положил перед Гургеном. Цепочка, по самым скромным подсчетам, стоила не меньше пятисот рублей.

Изучив цепочку взглядом, Гурген посмотрел на Мишу:

— Я вижу одну цацку. А где остальные?

— Остальные будут после разговора.

— После разговора...— Гурген помолчал.— Как я понимаю, вы предлагаете мне оценить эту цацку?

— В общем, да.

— Ясненько.— Взяв цепочку, Гурген внимательно осмотрел ее. Найдя пробу, подержал на весу. Положил на прежнее место. Вздохнув, поднял глаза:

— Ну что, Коля, за эту вещь я могу сразу же дать вам две бумаги.

— Понятно.— Миша спрятал цепочку в карман. Взяв сумку, встал со стула. Улыбнулся: — Спасибо, Гурген. Было очень приятно познакомиться. Но мы все же пойдем. Извините.

— Что нибудь не так? — сказал Гурген.

— Да нет, все так. Просто мы пойдем, у нас дел много. Антон, пошли...

Вынув одну руку из кармана, Лука закинул сумку на плечо. Посмотрев на него, Гурген покачал головой:

— Хорошо, Коля. Я готов дать три бумаги. Пострадав при этом.

— Гурген, большое спасибо. Но мы в самом деле пойдем. Вы уж извините.

— Вам мало три бумаги?

Посмотрев на Гургена в упор, Миша усмехнулся:

— Гурген... Дело не в том, мало или много. Дело в том, что это вообще не разговор.

— А что разговор?

— Я думаю, вы знаете, что разговор.

Помолчав несколько мгновений, Гурген наконец потер щеку:

— Хорошо, Коля. Сядьте.

— Зачем?

— Сядьте, я ведь вас прошу. Поговорим спокойно.

Усевшись, Миша посмотрел на Гургена. Достав из пачки сигарету, Гурген не спеша прикурил. Выпустив вверх несколько колец, сказал:

— Коля, что вы хотите конкретно?

— Конкретно я хочу, чтобы вы все взвесили. Ну и тогда можно продолжать разговор. Но уже серьезно.

— Что значит серьезно?

— Серьезно, значит без фраерских цен.

— Д-да...— Выдавив это, Гурген снова выпустил несколько колец.— Но для серьезного разговора мне нужно посмотреть весь ваш товар.

— Пожалуйста. Вы подумаете, все взвесите и увидите товар. Весь.

Не спеша притушив сигарету, Гурген вздохнул:

— Хорошо, Коля. По-моему, у вас были еще какие-то вопросы?

— Были. Костя сказал, вы можете помочь устроиться в гостиницу.

Гурген потер бровь:

— Был такой разговор.

— Ну и как?

— Вам просто нужно где-то остановиться?

— Вообще-то, если честно, мы с Антоном хотели бы остановиться в нормальной хорошей гостинице.

— В нормальной хорошей гостинице...— Гурген помолчал.— А что вы считаете нормальной хорошей гостиницей?

— Нормальной хорошей гостиницей я считаю нормальную хорошую гостиницу. В Москве ведь есть хорошие гостиницы?

— А как же...— Гурген тронул пачку.— В общем, есть. Хорошо, Коля, допустим... Допустим... Допустим, я предложу вам гостиницу «Космос». Как, «Космос» вас устроит?

Интуристовский «Космос» Миша хорошо знал. Он бывал там вместе с Галей.

— Устроит.

— На сколько вы хотите остановиться?

— Для начала дней на пять. Если можно.

— Пожалуйста. Но это будет стоить некоторых денег.

— Примерно каких?

— Смотря какой вы хотите взять номер. Обычный? Люкс?

— Люкс. Если можно.

— Можно. Люкс в «Космосе» стоит шестьдесят восемь рублей в сутки. На пять суток с броней и пропиской это примерно четыреста колов. Плюс по бумаге с брата за устройство. Разумеется, в сутки. Итого за все — штука четыреста. Как, нормально?

Такса двести рублей в день за устройство по мнению Миши была несколько завышена. Но поскольку именно на это он и рассчитывал, то сказал, улыбнувшись:

— Вполне. Спасибо, Гурген.

— Пожалуйста. Паспорта у вас с собой?

— С собой. Только, Гурген...— Миша прищурил один глаз.

— Да?

— Бирки и бабки мы отдаем вам в «Космосе». У стойки. Вы уж нас очень извините. Хорошо?

— Если вы такие недоверчивые ребята, хорошо. Вы на тачке?

— Нет. Но можем взять.

— Зачем, моя стоит в переулке.— Гурген встал.— Пошли?

— Пошли.

Сев в гургеновскую «девятку», они уже через пятнадцать минут входили в «Космос». Швейцар посмотрел было вопросительно, но Гурген тронул его за плечо:

— Ребята со мной.— Подойдя к стойке администра-

тора, сказал негромко: — Давайте ксивы и бабки. И посидите в кресле.

Взяв у Миши и Луки паспорта, подождал, пока Миша отсчитает тысячу четыреста рублей. Небрежно сунув толстую пачку купюр в карман, подошел к стойке.

Усевшись в мягкие кресла, Миша и Лука молча следили, как Гурген разговаривает с администраторшей. Длилось это довольно долго, около десяти минут. Наконец, видимо, договорившись, Гурген протянул деньги и паспорта. Получив в обмен пустые бланки, подошел к столику:

— Заполняйте. У вас номер люкс на одиннадцатом этаже. На пять суток. Захотите продлить — условия те же.

— Паспорта остаются у администратора? — спросил Миша.

— Да. Вместо них вам дадут визитки. Но если вдруг понадобится паспорт — вам, конечно, его выдадут. Все?

— Все,— сказал Миша.— Если не считать разговора.

— Ну да.— Гурген помолчал.— Разговора... Наверное, лучше всего поговорить завтра. Как, Коля?

— Давайте завтра. Только желательно на нейтральной почве.

— В смысле?

— В смысле где-нибудь в городе. Сядем где-нибудь спокойно, поговорим.

Некоторое время Гурген изучал пол. Наконец пожал плечами:

— Хорошо. У вас есть место?

— Так...— Миша подумал.— Скажем, «Валдай». На Новом Арбате. Часа в два.

— Я правильно понял — вы будете мне что-то показывать?

— Правильно.

— Тогда «Валдай» не подойдет. Слишком людно. Вы знаете кафе «У Маргариты»? На Кропоткинской?

Миша колебался. Помедлив, Гурген тронул его за плечо:

— Коля, чего вы боитесь? Во-первых, я буду один. Во-вторых, насколько я понимаю, вы не бедные[16]. Или я ошибся?

— Нет, Гурген, вы не ошиблись. Хорошо, давайте у этой Маргариты.

— Давайте. Значит, в два на Кропоткинской в кафе «У Маргариты». Найти это кафе просто, его там все знают. До завтра?

— До завтра.

Сдав заполненные бланки и получив ключи, Миша вместе с Лукой поднялся на одиннадцатый этаж. Номер-люкс оказался вполне приемлемым: трехкомнатный, с двумя ваннами, большой прихожей и отличным видом из окон. Разложив вещи и приняв душ, оба спустились в ресторан. Здесь после обеда, показавшегося после дороги особенно вкусным, Миша заказал на вечер столик на четверых. Поднявшись в номер, они до половины седьмого блаженствовали в мягких креслах, развлекаясь очком и де-берцем[17].

В семь Миша позвонил Гале. Услышав ее голос, сказал:

— Привет, это мы. Ну как?

— Все в порядке. Лиза у меня.

— Тогда мы за вами заедем? Прямо сейчас?

— Давайте. Ты на машине?

— Нет, мы заедем на такси.

— Понятно. А куда мы пойдем?

Поймав себя на том, что Галин голос звучит для него сейчас райской музыкой, Миша сказал:

— В «Космос». Мы здесь остановились.

— Да? Очень мило. Хорошо, заезжайте. Мы ждем.

Выйдя, они взяли такси и, забрав Галю и Лизу, вернулись с ними к «Космосу». Раздевшись в номере и предоставив девушкам возможность навести на себя последний лоск, опустились в ресторан. Лиза выглядела прекрасно, про Галю и говорить нечего. Наверное, поэтому, когда они вчетвером прошли к своему столику, многие в ресторане молчаливо проводили их оценивающими взглядами.

Усевшись за столик, на котором стоял оговоренный заранее букет роз, Миша шутливо нахмурился:

— Ну что? Мы рады видеть всех в сборе накануне Рождества. Как настроение?

Пригнувшись к розам, Галя тихонько втянула воздух:

— Настроение прекрасное. А запах просто чудо. Мишенька, у вас что, какое-нибудь событие?

— Как событие? А Рождество?

— А, да, Рождество. Я совсем забыла.

— Лиза, ты тоже забыла?

Лиза улыбнулась:

— Да нет, я помню.

— Умница. Вообще, Лиза, ты потрясающе выглядишь.

— Миша, перестань.

— Нет, честное слово, клянусь. Между прочим, как тебе мой друг?

— Миша...— Лука толкнул его локтем.— Кончай.

— Ребята, я шучу.— Быстро открыв шампанское, Миша разлил его в бокалы.— Давайте выпьем за то, что каждый сам разберется — кому кто нравится. Как тост?

— Отличный...— Галя дотронулась до его бокала. Помедлив, к ней присоединилась Лиза. Выпив и поставив бокал, Миша сказал:

— Вообще мне хочется, чтобы у нас было весело.

— У нас будет весело,— сказала Галя.

В середине вечера, в разгар танцев, Лука сделал Мише знак: выйдем. Выйдя вместе с ним в холл, Миша кивнул:

— Что случилось?

— Миша, рыжье у тебя с собой?

— Рыжье? — Оглядев Луку, Миша пожал плечами: — Конечно. Не в номере же оставлять. А что?

— Ничего. Там вроде есть женские перстни?

— Женские перстни? — Посмотрев на напряженное лицо Луки, Миша наконец все понял.— Есть. А почему ты спрашиваешь?

— Ну... мне нужен перстень. Один. В долг.

— Тебе Лиза понравилась?

— Понравилась. Нельзя?

— Можно. Значит, ты хочешь подарить ей перстень?

— Хочу.— Лука смотрел на него, поигрывая желваками. Помедлив, Миша сжал его лицо ладонями. Притянул к себе:

— Витя, окстись. Какие между нами долги? — Отпустив его, шутливо толкнул в бок: — Ладно, дам я тебе перстень. Только зайдем в дабл, не здесь же.

Зайдя вместе с Лукой в одну из кабинок в туалете, Миша выгреб из кармана золото. Отобрал женские

---

[16] «Бедные» — в этом подтексте: безоружные.

[17] «Очко», «де-берц» — карточные игры.

перстни, остальное спрятал. Всего перстней оказалось одиннадцать. Миша кивнул:

— Выбирай. Только учти, вот этот, с большим рубином, уже мой.

Постояв, Лука взял один из перстней с бриллиантом.

— Вот этот, узорный, можно?

— Витюнь, мне без разницы. Этот, так этот.

Вернувшись к столу, Лука вскоре пригласил Лизу танцевать. Танцевали они довольно долго. После танца, сев на свое место, Лиза молча положила перед Галей левую руку. Изучив вспыхивающий искрами на безымянном пальце старинный узорный перстень, Галя покачала головой:

— Вот это да. Откуда?

— Витин подарок.

— Витин подарок? — Галя посмотрела на Луку.— Ну, Витя, ты меня просто потряс. Честное слово.

Лука молча усмехнулся.

— Можно, я тебя немного потрясу? — спросил Миша.

— Меня? Интересно, чем?

Незаметно достав перстень, Миша протянул зажатый кулак:

— Вот этим.

Миша разжал кулак, показав перстень с рубином. Взяв Галину руку, надел на безымянный палец. Галя шутливо подняла глаза к потолку:

— Ребята, вы нас просто убиваете. Умереть можно.— Изучив перстень, вздохнула: — Мишенька, я правильно поняла: это твой подарок?

— Да, это мой подарок.

— Потрясающе.— Вытянула руку.— Нет, Миша, ты даже не представляешь, как это красиво. Так ведь?

— Не знаю. Но я рад, что тебе понравилось.

Галя поцеловала Мишу в щеку, и они пошли танцевать.

После ресторана все четверо поднялись в номер. Парочки разошлись по комнатам, и вскоре выяснилось, что девушки без особых объяснений останутся здесь ночевать.

На следующий день примерно без десяти два Миша и Лука вошли в кафе «У Маргариты». Гурген не обманул, в этот час посетителей в кафе почти не было, сидела лишь обедающая пожилая пара и девушка с чашкой кофе. Не было также никаких признаков засады — ни снаружи, ни внутри. Тем не менее Миша на всякий случай предложил занять отдельный кабинет.

Гурген появился ровно в два. В руке у него был большой черный кейс. Войдя в кабинет, улыбнулся:

— Доброе утро, ребята.

После того, как Миша сказал «Привет», а Лука кивнул, сел. Поставив кейс на пол, поинтересовался:

— Давно сидите?

— Только пришли,— сказал Миша.

— Пока ничего не заказывали?

— Нет. Да к нам никто и не подходил.

— Тогда нужно заказать, чтобы потом не беспокоили. Спиртного здесь нет, так что лучше всего взять кофе. Как?

— Кофе, так кофе,— согласился Миша.

Увидев появившегося официанта, Гурген бросил:

— Гриша, принеси нам кофейничек. И не беспокой больше.

После того, как официант, поставив на стол три чашки и кофейник, исчез, Гурген не спеша разлил всем кофе. Пригубив из своей чашки, поднял глаза:

— Ну что, Коля? Начнем разговор?

— Начнем.— Не спеша достав из кармана полиэтиленовый пакет, Миша высыпал на стол все золото. Изучив лежащие на столе около двадцати мужских и женских перстней и колец, а также цепочки, кулоны и несколько пар серег, Гурген поцокал языком:

— В общем впечатляют. Но Коля, все это нужно посмотреть.

— Смотрите. Но при этом, Гурген, учтите: все это я показываю вам лишь для затравки.

Достав пачку «Мальборо», Гурген прикурил, не отрывая глаз от Миши. Сказал, затянувшись:

— Что же тогда будет не для затравки?

— Не для затравки мне нужна ваша помощь.

— Моя помощь?

— Да. Для выхода за бугор.

Стряхнув пепел, Гурген покачал головой:

— Это для меня новость.

— Теперь не новость, Гурген, хочу пояснить: я имею в виду не перевозку и не технику. За бугор мы можем вывезти любые цацки. Легко.

— Тогда — что нужно от меня?

— Мы просим подобрать нам надежного клиента. Естественно, фирмача.

С полминуты Гурген курил, разглядывая пачку «Мальборо». Наконец цокнул языком:

— Не знаю, даже, что вам сказать. Найти такого клиента не так просто.

— Я не говорю, что просто. Подумайте. Сразу же оговорим условия: за услугу я вам отстегиваю десять процентов.

— Десять процентов...— Гурген вздохнул.— Смотря от чего будут эти десять процентов.

— Эти десять процентов будут от камня.

— От камня?

— Да.— Миша отхлебнул.— От алмаза в двадцать карат.

— Ого.— Гурген испытующе посмотрел на Мишу: — Серьезно в двадцать карат?

— Серьезно.

— И что...— Щелкнув зажигалкой и выбив язычок пламени, Гурген тут же его погасил.— Этот камень сейчас с вами?

— Это неважно. Важно, что он есть.

Сигарета догорела почти до ободка, и Гурген положил ее в пепельницу.

— Ну что ж. Можно подумать.

— Подумайте.

— Я все правильно понял: вы мне даете десять процентов от двадцати карат?

— Именно. Десять процентов от двадцати карат.

— Ясно,— сделав несколько глотков, Гурген поставил чашку.— Хорошо, Коля, в этом смысле я вас понял. Ну а... цацки? Вы собираетесь мне их сдавать?

— Собираюсь.

— Тогда займемся цацками?

Вытащив из кармана лупу-монокль, Гурген вставил ее в глаз. Начал внимательно рассматривать вещи. Одновременно он складывал их одна к другой, в отдельные кучки. Наконец, когда двадцать колец, шесть цепочек, два кулона и три пары серег оказались рассортированными, взял стоящий у ног кейс. Положив кейс на стол, открыл. Краем глаза Миша заметил сложенные в кейсе

пачки крупных купюр. Не обращая внимания на его взгляд, Гурген достал из кейса микронные весы, пробирную доску, ящичек с кислотами и, наконец, прибор, напоминающий микроскоп. Начал методично, одну за одной, проверять вещи. Наконец, после того как последнее изделие было взвешено, опробовано на доске и испытано кислотой, Гурген придвинул к прибору вещи, в которых были драгоценные камни.

— Что это за прибор? — спросил Миша.

— Спектроскоп. Для проверки драгоценных камней.

Изучив последний камень, Гурген спрятал в карман монокль. Уложил в кейс приборы. Улыбнулся:

— Что ж, Коля, вы меня радуете. Фуфла [18] здесь нет.

— Раз нет, будем говорить?

— Хорошо, будем.— Гурген потер лоб.— Значит так, Коля: за все это я готов выложить вам прямо сейчас двадцать пять штук.

Названная сумма была выше той, на которую рассчитывал Миша. Тем не менее он скорчил кислую мину:

— Гурген... Вы же опытный человек. Посмотрите: тут одни камни стоят штук пятьдесят.

Гурген покачал головой:

— Может и стоят. Но вы попробуйте их сдайте.

Миша ничего не ответил.

— Молчите,— сказал Гурген.— Правильно делаете. Я согласен, если сдавать их штучно, за цацки можно взять раза в два, а то и в три больше. Но, во-первых, это не так легко сделать. Во-вторых, Коля, я не хочу вас обижать, но все эти вещи явно где-то взяты. Приобретая их, я рискую. Я должен что-то получить за риск?

— Должны. И все равно, двадцать пять штук мало.

— Коля, вы торгуетесь просто как цыган. Сколько вы хотите?

— Хотя бы тридцать.

— Тридцать не дам. Из уважения к вам могу дать двадцать семь. Но это мое последнее слово.

Покосившись на Луку, Миша спросил:

— Ну что, Антон, да или нет?

Умело затянув паузу, Лука скривился:

— Не знаю, Колюнь. Тебе решать.

— Хорошо...— Миша посмотрел на Гургена.— Хорошо, Гурген, да.

Гурген усмехнулся:

— Вы недовольны?

— Да нет. Просто жалко расставаться с рыжьем.

— Это другое дело. Но, Коля, поверьте: цена, которую я даю, абсолютно реальна. Без всяких скидок. За взятые вещи вам нигде больше трети не дадут.

— Наверное. Ладно, Гурген. Что, производим ченч?

— Давайте.

Открыв кейс, Гурген достал две пачки сотенных, пачку пятидесятирублевых и две пачки двадцатипятирублевок — все в банковской оклейке. Придвинул к Мише:

— Вот. Два раза по десять, один раз по пять и два раза по штуке. Итого двадцать семь штук.

Изучив брикеты, Миша сказал:

— Я проверю?

— Конечно.

Разорвав бандероли, Миша пересчитал две пачки сотенных. Убедившись, что здесь ровно двадцать тысяч, просмотрел пятидесятирублевки. Нет, судя по всему, кидать Гурген его не собирался, с пятидесятирублевками все тоже было в порядке. Выборочно просмотрев двадцатипятирублевки, Миша сложил деньги в сумку. Закрыл молнию.

— Все в норме, Гурген.

— Я могу забрать цацки?

— Можете.

Достав из кейса плоскую шкатулку, дно которой было устлано ватой, Гурген сложил туда золото. Положив шкатулку в кейс, щелкнул замками. Посмотрел на Мишу:

— Вы остаетесь или уходите?

— Нет, мы еще немножко посидим.

Наступила заминка, во время которой понять, о чем думает каждый из сидящих за столом, было трудно. Наконец Гурген сказал:

— Коля, насчет вашей просьбы о клиенте. Я подумаю.

— Я очень рассчитываю.

— Допустим, если что-то возникнет, как мы свяжемся?

— Наверное, лучше всего через Дегтяря.

— Можно,— согласился Гурген.— А можно через Ашота.

— А если нас не будет в Москве?

— Позвоните. У вас записан телефон мастерской?

— Нет.

— Запишите.

Записав телефон, Миша спросил:

— Если нам вдруг понадобится продлить «Космос» — это можно?

— Без проблем. Позвоните в мастерскую, я сделаю. Сколько вы еще пробудете в Москве?

— Не знаем. Может, встретим здесь Новый год.

— Тогда мы еще увидимся. Может быть, даже с клиентом.

— Было бы хорошо. Тогда что — счастливо?

— Счастливо,— взяв кейс, Гурген пошел к выходу. Убедившись, что дверь за ним закрылась, Лука спросил:

— Как думаешь, подлянки никакой не будет?

— Например?

— Например, они могут нас просто-напросто поставить [19]. Прямо сейчас.

— Вряд ли. Во-первых, за нас они будут отвечать перед Дегтярем. Во-вторых, Гурген наверняка просек, что у нас волыны. Зачем ему сейчас разборка [20], если он только что заработал полтинник [21]?

— В общем-то да.

Несколько секунд оба молчали. Наконец Лука сказал:

— С бабками как? Ты считаешь, он дал меньше?

— Наоборот. Здесь штук на пять больше, чем я ждал.

— Точно?

— Точно. Ну и... по уговору четвертая часть тебе.

— Спасибо, Камень.— Лука отхлебнул.— Только вычти из этой четвертной части трюльник [22]. За перстень.

— Трюльник за перстень я буду вычитывать из твоей доли весной. После главной работы.

— Я уже столько слышу про эту главную работу. Что хоть за работа?

— Насчет главной работы ты мог бы уже допереть. Ты ведь слышал разговор с Гургеном?

— Насчет камня в двадцать карат? Мы что, должны будем этот камень взять?

---

[18] «Фуфло» — фальшивка.

[19] «Поставить» — ограбить.

[20] «Разборка» — в этом контексте — перестрелка.

[21] «Полтинник» — в этом контексте — пятьдесят тысяч рублей.

[22] «Трюльник» — в этом контексте — три тысячи рублей.

— Должны. Весной.

— Почему именно весной?

— Потому что зимой там, где этот камень лежит, много народу. Ну, а весной все разъезжаются. Вернее, почти все.

— То есть...— Помедлив, Лука взял свою сумку.— То есть, ты хочешь сказать, этот камень лежит на чьей-то хате?

— Витюнь, ты прямо провидец. Лежит. Что, пошли?

— Пошли.

— Только осторожней, понял?

— Понял.— Сунув одну руку в карман, Лука подошел к входной двери. Осторожно открыл ее. Из-за его спины Миша увидел: часть переулка с одной стороны двери пуста. Чуть высунувшись, Лука посмотрел в другую сторону. Обернулся: — Пока все чисто.

— Тогда пошли. Идем сразу направо, на Кропоткинскую. Там возьмем тачку.

Выйдя на Кропоткинскую, они довольно скоро поймали свободное такси. И уже через час сидели у себя в номере в «Космосе».

Новый год Миша и Лука встретили, как и было задумано, в лучшем ресторане «Космоса» вместе с Галей и Лизой. Выехать в Одессу они собирались третьего января и, как оказалось, угадали — второго утром им в номер позвонил Гурген. Он сообщил, что сегодня, там же, в кафе «У Маргариты», в два часа дня, они могут встретиться с тем самым надежным клиентом, которого он обещал им найти. Договорившись, что Гурген заедет за ними в «Космос», Миша вместе с Лукой в час дня спустился вниз. В машине, после того как они сели на заднее сиденье, Гурген обернулся:

— Значит, ребятки, объясню все про клиента. Зовут Ильяс, он армянин. Из И...— Гурген назвал одну из арабских стран.— Вообще он постоянно живет в Европе, так что с этим проблем не будет. Дела я с ним имею уже лет восемь, за кредитоспособность отвечаю. Мужик он крутой, цены всегда дает нормальные. Само собой, в валюте. Как все это?

— Пока порядок,— сказал Миша.

— Теперь объясните примерно, чего вы от него хотите?

— Ничего особенного. Если мы сейчас убедимся, что он нам подходит, мы договариваемся еще раз встретиться здесь, в Москве, где-то ближе к лету. Встречаемся вчетвером, вы, Гурген, этот Ильяс, ну и я с Антоном. Во время встречи мы показываем ему камень. Он вместе с вами его осматривает и оценивает. После этого мы договариваемся о цене в валюте. Потом назначаем твердый день и место встречи в Европе. Там махнемся: он нам бабки, мы ему — камень.

Гурген посидел, оценивая услышанное. Наконец сказал:

— Время и место в Европе вы уже знаете?

— Место мы назовем потом. Ну, а время, скорей всего, это будет уже летом.

— Ясно.— Гурген включил мотор.— Тогда едем.

Когда они подъехали к кафе «У Маргариты», Миша увидел стоящий недалеко от входа пустой «Мерседес» с дипломатическим номером.

Ильяс, который ждал их в кафе за пустым столиком, внешне выглядел так, как и должен был выглядеть богатый армянин из арабской страны: средних лет, с идеальной прической, в отлично сшитом костюме, с множеством перстней на ухоженных пальцах. По-русски он изъяснялся довольно сносно. В разговоре, проходившем за чашкой кофе, Миша изложил Ильясу то же, что перед тем объяснил Гургену: примерно в мае-июне он хотел бы показать ему здесь, в Москве, алмаз весом примерно в двадцать карат. Ильяс ответил, что в сделке весьма заинтересован, и они уточнили технические детали. В Москве Ильяс увидит камень, они договорятся о цене и назначат друг другу встречу в Европе. Ильяс, удостоверившись, что камень тот самый и обмана нет, передает им деньги в валюте, желательно в долларах. Десять процентов от условленной цены Ильяс выплачивает Гургену. Условия этой выплаты Миши и Луки не касаются. Все остальные деньги передаются «Коле» и «Антону» непосредственно во время сделки.

По дороге назад, в «Космос», куда они вернулись на такси, Миша попытался понять: может ли Ильяс их кинуть. И пришел к выводу: полной уверенности в том, что Ильяс их не обманет, у него нет.

Вечером Миша и Лука вместе с Галей и Лизой устроили в «Космосе» прощальный ужин и на следующий день уехали в Одессу.

Глава четвертая

В середине весны Миша зашел к родителям как раз в момент, когда отец с матерью обсуждали ограбление квартиры дяди Володи, который только что звонил им из Москвы. Как понял вскоре из разговора Миша, ничего нового следствию выяснить так и не удалось. Версия, что квартиру ограбил кто-то из знакомых дяди Володи или тети Леры, не подтвердилась. Вообще дело вот-вот собирались закрывать. Как сообщила Мише мать, лично дядя Володя был убежден, что грабитель был так или иначе связан с милицией. Именно поэтому, считал дядя Володя, он и снял так легко квартиру с охраны. Дядя Володя был убежден: раз в деле замешан кто-то из милиции, толку от следствия все равно не будет.

— Значит, похищенное тю-тю?— спросил Миша во время обеда.— Не нашли?

— Да нет, облигации-то ведь нашли,— сказала мать.— По номерам. Он их в пять сберкасс сдал, представляешь?

— Кто «он»?

— Грабитель.

— Значит, его видели?

— Вроде две кассирши его вспомнили.

— Какой же он из себя?

— Такой, говорят, высокий молодой человек. Темноволосый, похож на грузина.

Помолчав, мать добавила:

— А может, это подставной был. Ведь это когда было, еще осенью.

Обдумав услышанное, Миша сказал:

— А остальные вещи?

— Ты имеешь в виду шубу?

— Не только шубу. Там ведь еще что-то взяли?

Мать улыбнулась:

— Шубу не нашли. Что ты на меня так смотришь?

— Ничего.— Миша с трудом выдавил ответную улыбку.— Разве у дяди Володи украли только облигации и шубу?

— Конечно. Ты что, не знал?

— Ну... я думал, у него много украли.

— Облигации на десять тысяч и шуба на пятнадцать — разве тебе этого мало?

— Нет, не мало,— сказал Миша после некоторой паузы.— Но все же я думал, взяли больше.

Про себя же пришел к выводу: все правильно. Дядя Володя не сообщил в милицию о пропаже золота, потому что и не должен был об этом сообщать. Ведь половина украденного, проданная Гургену, стоила не меньше семидесяти пяти тысяч. И у Миши осталось еще примерно столько же. Если бы дядя сообщил о пропаже такого количества драгоценностей, милиция наверняка бы поинтересовалась: каким образом он смог купить столько золота при своей зарплате? Да и для розыска дядя должен был дать подробное описание каждой вещи, наводя тем самым милицию на самого себя. Нет, давать такие описания вряд ли было в дядиных интересах...

Но если так, у него, у Миши, сейчас полностью развязаны руки.

Примерно через две недели, отобрав из оставшихся у него золотых вещей два браслета, Миша решил навестить Фиму Лернера. Теперь, когда он знал твердо, что взятое им у дяди золото очистилось, он мог без всяких опасений идти к любому ювелиру. Уж тем более к Фиме.

Мастерская Фимы располагалась в идеальном для такой точки месте, в самом центре Дерибасовской. Толкнув хорошо знакомую ему резную дубовую дверь, Миша сразу же попал в перегороженное на две части помещение. Размеры мастерской не превышали шести квадратных метров, но при этом помещение было оформлено с любовью и вкусом. Вошедшего сразу же обволакивало мягкими звуками музыки, для тех же, кто любил развлекательные программы, на экране вделанного в стенку видеомагнитофона постоянно крутились клипы. Сам Фима неизменно сидел за перегородкой с лупой в глазу.

При появлении Миши Фима поднял голову:

— Мишаня, ты ли это?

— Я, Фимочка, я.

— Я уж думал, ты вообще не существуешь.

— Прости, были дела.

— Что с тобой сделаешь. Простил.

Когда-то Миша жил с Фимой в одном дворе. Поскольку обделенный физической силой Фима считался слабогрудым, Мише, хоть он и был на целых два года младше, постоянно приходилось брать Фиму под свою защиту.

Сейчас Фима был совсем не таким, как в детстве. Он вытянулся, окреп и, если бы не обширная лысина, вообще мог считаться весьма привлекательным мужчиной. Одет Фима был в наверняка недавно привезенный из-за границы белый спортивный костюм.

Изучив Мишу взглядом, Фима кивнул:

— Как, на секунду? Или есть разговор?

— Есть. И серьезный.

— Входи.— Закрыв входную дверь на щеколду, Фима тут же приоткрыл другую дверь, находящуюся за ним и замаскированную в стене. Здесь находилось помещение, оборудованное для приема особо доверенных гостей. В крохотной кубатуре Фима ухитрился разместить тахту, стол, кресло, газовую плиту и даже уборную с умывальником.

Пропустив Мишу и прикрыв за собой дверь, Фима спросил:

— Чай, кофе? Может, виски? Есть «Олд бушмиллс».

— Фимочка, спасибо. Кофейку и все.

Заварив и разлив в чашки кофе, Фима сел на тахту.

— Мишаня, я тебя внимательно слушаю.

Вытащив из кармана оба браслета, Миша положил их на стол. Поставив чашку, Фима придвинул браслеты к себе. Заключил:

— Приятные штуки. Кислоты не нужно, ясно, что ретро. Ты их просто показал? Или хочешь предложить?

— Если они тебя заинтересуют, можешь взять.

Еще раз осмотрев браслеты, Фима сказал:

— По виду я мог бы дать за каждый пятеру[23]. Как?

— Вполне.

— Заметано. Ты пришел из-за них?

— Не только.

— Что еще?

— Фимочка, мне нужен твой совет.

Открыв новую пачку «Бенсона» и закурив, Фима улыбнулся:

— Давай. Чего-чего, а совет всегда пожалуйста.

— Мне нужно сдать одну вещь. За бугром. Но, понимаешь, Фима, за этой вещью может потянуться серьезный хвост. Ну и мне не хотелось бы ввязывать в это дело тебя.

— Только я не понял, что значит: может потянуться. Он что, еще не потянулся?

Несколько секунд Миша молчал, покручивая перед собой чашку. Наконец, решившись, сказал:

— Ладно, Фим. От того, что я скажу тебе это с е й ч а с, я тебя не подведу.

— Вали.

— Я думаю, у меня скоро будет один камень. Алмаз в двадцать карат.

Помолчав, Фима посмотрел на Мишу:

— Именно алмаз? Не бриллиант?

— Именно алмаз.

— Серьезная заявка. И что у тебя с этим алмазом?

— Я хотел сдать его за бугром и получить валюту. У тебя есть какие-нибудь виды?

Лицо Фимы стало каменным. Наконец, улыбнувшись, он тронул Мишу за плечо:

— Вообще момент не без трудностей.

— Дело в том, что вывожу я этот алмаз легко. Только видишь ли, Фима... Я уже сказал тебе, я не хотел впутывать в это дело тебя. Поэтому начал нащупывать почву в другом месте.

— Нащупал?

— Вроде да. Но у меня есть некоторые сомнения.

— Излагай. С кем ты имел дело?

— С одним жуком в Москве. Заведующим скупкой драгметаллов. Вывел меня на него Костя Дегтярь.

— Если не секрет, как зовут этого твоего жука?

— Гурген. На вид ему лет пятьдесят.

Фима потер щеку. Вздохнул:

— Такого не знаю. Хотя знакомые армяне в Москве у меня есть. Ну и нашел он тебе клиента?

— Вроде бы. Это тоже армянин. Гурген объяснил: это армянин из фирмы. Подданный И..., но живет в Европе.

— Понятно.— Фима посидел, покусывая ноготь.— И что вы решили?

— Решили, что сначала я показываю этому клиенту камень здесь, в Москве. Потом мы назначаем точную дату и место встречи в Европе. Уточняем сумму. И при встрече производим ченч.

[23] «Пятера» — 5 тысяч.

— Ну да. Ну да.— Сказав это, Фима осторожно положил сигарету в пепельницу.— Теперь: на какую примерно сумму ты рассчитываешь?

— Думаю, не меньше ста штук. В грюнах[24]. Как, реально?

Потрогав погасшую сигарету, Фима поднял глаза:

— Что же, для взятого[25] камня в двадцать карат сто штук в валюте — нормальная цена. Но учти, если камень выдающийся, тебе могут дать и больше. До ста пятидесяти. Но это если камень абсолютно без вкраплений, голубого или белого оттенка. Только, Мишаня...— Фима помолчал.— У вас шел разговор о комиссионных?

— Конечно. Я обещал Гургену десять процентов.

— Понятно. В общем-то процент нормальный.

— Если возьмешься ты, процент пойдет тебе.

Фима снова занялся своими ногтями. Поднял глаза:

— Ты им веришь?

— А черт их знает. Сейчас, например, мне кажется: эти два армянина запросто могут меня кинуть.

— Я правильно понял: ты хочешь вывезти этот камень в круиз?

— Правильно.

— Больному легче.— Фима помолчал.— Ладно, берусь. У меня как раз есть человек в одном из портов захода. В Неаполе. Наш, одесский, я с ним постоянно имею дело. И он все сделает. Когда примерно у тебя появится этот камень?

— В мае-июне. Если все будет хорошо.

— Лады. Как только дашь знать, я все подготовлю.

Теперь, после разговора с Фимой, Мише не нужно было ломать голову, куда деть алмазы. В том же, что рано или поздно он узнает, когда именно Любовь Алексеевна останется в Москве одна, он был уверен. Этим занимался Фарт, которому, по их уговору, была обещана треть выручки.

Так и случилось. Позвонив ему как-то в начале апреля, Фарт сказал:

— Мишаня, Ленка попросила достать ей два люкса на рысака[26]. На конец мая, начало июня. Ей и Веронике.

Помолчав, Миша переспросил, не веря удаче:

— Два люкса на рысака? Точно?

— Точно. У Вероники появился крутой жених. А Ленка снюхалась с его корешом. Ну и обмолвилась. Мол, нет ли у меня блата.

— Что ты ей сказал?

— Сказал, подумаю.

— Молодец. Как насчет нашей установки?

— Все в норме. Ленка думает, мы с тобой не встречаемся.

О том, что Вероника Ларионова собирается выйти замуж второй раз, Миша узнал от Фарта еще в прошлом году. Он ожидал, что она может предпринимать что-то вроде свадебного путешествия. И все же то, что путешествие состоится здесь, на круизной линии Одесса — Батуми, было не просто удачей, а попаданием в десятку. Ведь теперь о том, когда именно Вероника уедет из Москвы и когда вернется, Миша будет знать точно. Осмыслив все это, он сказал:

— Фарт, позвони Ленке сегодня же. И скажи: два люкса ей будут.

---

[24] «Грюны» — доллары.

[25] «Взятый» — ворованный.

[26] «Рысак» — рысаками в Одессе называют пассажирские суда, стоящие на внутренней круизной линии Одесса — Батуми — Одесса.

Глава пятая

Распахнутое окно квартиры, которую им удалось снять в Москве абсолютно втихаря, через вторые руки, выходило на Кутузовский проспект. Разглядывая пробуждающуюся майскую толчею на тротуарах, Миша усмехнулся. Там, за стеклянной выгнутой стеной кафе «Хрустальное», чуть дальше, в пятнадцати минутах ходьбы отсюда, за Киевским вокзалом, сидит сейчас в своей квартире Любовь Алексеевна. Сидит одна, теперь он это знает точно, Фарт по телефону подтвердил, что два дня назад теплоход «Украина» с Вероникой, ее дочерью, женихом Вероники, другом жениха и Ленкой вышел в круиз из Одессы. Сегодня по расписанию «Украина» должна зайти в Ялту. То есть пока все хорошо. Кроме одного: время идет, а он никак не может решиться.

При мысли об этом Миша ощутил знакомую ноющую пустоту где-то под горлом. Будь все проклято, подумал он. Ведь уже третьи сутки после их приезда в Москву что-то мешает ему снять трубку. Причем он сам не может понять, в чем дело; в том ли, что он никак не может придумать *надежную байку*, или в том, что он в *самом деле* боится мокрухи.

Миша посмотрел на беззаботно курившего рядом Луку. Ясно, Лука сейчас понимает его состояние. Но в случаях, когда нужно принять решение, что-то срочно рассчитать и взвесить, спрос с Луки маленький.

— Может, позвонить Фарту? — сказал Лука.— А не ждать, когда он сам нам позвонит?

— Хорошо, мы ему позвоним, и что?

— Не знаю. Все же это лучше, чем сидеть и ждать у моря погоды.

Последний раз Фарт звонил им из Одессы вчера вечером, сообщив, что никаких новостей нет. Новости же, по Мишиному расчету, должны были поступить к Фарту от Ленкиных друзей, с которыми Фарт нарочно все это время не прерывал дружбы. В эти же дни, когда Ленка вышла в круиз, Фарт держал с ее родителями особо тесную телефонную связь. Именно на это Миша и рассчитывал. Ведь надежную байку можно будет сочинить, лишь зная последние новости. Конечно, в запасе всегда была версия «вещей бывшего зятя Володи», но идти на нее Миша не решался. Ведь за это время в семье Ларионовых многое могло измениться.

— Давай все же подождем,— наконец сказал Миша.— Немного, но подождем.

— Давай,— согласился Лука. И в этот момент позвонила междугородная.

Сняв трубку, Миша услышал голос Фарта:

— Мишаня, Ленка сегодня звонила домой. Из Ялты.

— Ну и что? — Миша ощутил комок, застрявший в горле.

— Ничего. У них все в порядке, плывут. Тут такое дело...— Фарт замолчал, и Миша, не выдержав, спросил:

— Какое?

— Да... Ленка вроде послала им подарок. Из Ялты. С одним знакомым.

— Подарок? — Лишь сейчас Миша сообразил, что имеет в виду Фарт. Ведь если Ленка послала подарок родителям, то же самое вполне могла сделать и Вероника.— А что за подарок?

— Да вроде она там что-то в буфете купила. На шипе. Ну там сам понимаешь. Кофе, конфеты. Сигареты для отца фирменные.

Черт, подумал Миша, как же он сам об этом не догадался раньше. Ведь вся Одесса знает, что буфеты на рысаках сбывают оставшийся после загранки дефицит. Вот она, байка. В самую жилу.

— А насчет Вероники они ничего не говорили? — спросил Миша.

— Ничего. Но думаю, что и Вероника могла что-нибудь послать.

Фарт человек понятливый. Кажется, с байкой наконец все решено.

— Ладно, Саня. Если что новое узнаешь, звони.

— Обязательно.

Положив трубку, Миша встретил настороженный взгляд Луки.

— Фарт? — спросил Лука.

— Он. Ленка сегодня, послала своим родителям подарок. С шипа.

— Ну и что?

— Ничего. Думай головой. Ведь Вероника могла сделать то же самое.

Некоторое время Лука сидел, разглядывая стену. Вздохнул:

— Считаешь, мы можем нести бабуле подарок от Вероники? А если она ничего не посылала?

— Еще неизвестно, что лучше: посылала она или не посылала.

— Это еще почему?

— Если она посылала, она могла описать человека, с которым посылала. Правда, здесь можно выпутаться. Сказать, что этот человек передал посылку нам.

— Д-да...— Лука помолчал.— Значит, нужно набрать все это? То, что она могла ей послать?

— Ничего не нужно. Возьмем коробку, положим туда что угодно, перевяжем. И все. При нас смотреть, что мы принесли, бабушка не будет. Насколько я знаю, она бывшая оперная певица. То есть дама интеллигентная. А если и будет...— Миша поиграл желваками. Обговаривая налет, они с Лукой решили: м о ч и т ь бабку они будут лишь в самом крайнем случае. Но сейчас, представив на миг, как они попадут в эту квартиру и останутся с глазу на глаз с Любовью Алексеевной, Миша понял: от мокрухи им не уйти. Особенно если Любовь Алексеевна начнет проверять посылку. Впрочем, кончить бабку они будут вынуждены в любом случае. Иначе их рано или поздно заметут. Подумав об этом, Миша закончил: — А если и будет, придется поставить ей заглушку, в завал. Понял?

— Чего тут не понять.— Лука встал.— Ну что, давай искать коробку?

К дому на Бережковской набережной они подошли пешком. С собой они взяли лишь наполненную пустыми бутылками и тряпьем картонную коробку из-под обуви. Коробка эта, несколько раз перевязанная шпагатом, вполне могла сойти за посылку, посланную бабушке заботливой внучкой. Все остальное, что могло бы пригодиться, а именно волыны, ножи и кастеты, пришлось оставить в квартире на Кутузовском. Ведь если им удастся войти и н а ч а т ь все уже в квартире, они в любом случае обойдутся без волын. Если же им не повезет и их заметут раньше времени, просто из-за того, что бабка поднимет панику на лестничной площадке, милиция может впаять им срок за одни только волыны.

Остановившись у телефона-автомата, Миша посмотрел на знакомое окно. Створки раскрыты, значит, хозяйка дома. Что ж, пока все как будто складывается. Да и время в самый раз, пол-одиннадцатого.

Лука вытащил сигареты, спросил, закурив:

— О чем думаешь?

— О том, что хорошо бы бабка позвала нас двоих.

— Ясное дело. А если не позовет?

— Если не позовет, я пойду один. Видишь то окно? На третьем этаже, у второго подъезда?

— Вижу.

— Когда я пойду к ней, на всякий случай стой там.

— Понял. Буду стоять. Давай подержу коробку.

— Держи.— Передав ему коробку, Миша опустил монету. Прислушался к себе. Он знал: сейчас, именно в этот момент, он должен быть абсолютно спокоен. Если его сейчас выдаст голос, старуха сразу же все поймет.

Набрав номер, Миша прислушался. Гудок. Еще гудок. Черт, наконец трубка щелкнула. Голос, явно принадлежащий старой женщине, сказал:

— Алло?

— Простите, можно попросить Любовь Алексеевну? — Кажется, он сказал это спокойно.

— Любовь Алексеевна слушает.

— Здравствуйте, Любовь Алексеевна. Это говорит знакомый вашей внучки Вероники. Она просила передать вам посылку.

— Да, да, слушаю вас... Вы говорите, посылку?

— Да, из Ялты. Мы с ней вместе плыли на теплоходе «Украина». Но потом сошли. Она собрала вам посылку, ну и мы ее привезли.— Повторив все это про себя еще раз, Миша прикинул: был ли прокол? Нет, кажется, не было. Это подтвердил голос, сказавший после некоторой паузы весьма дружелюбно:

— Очень любезно с вашей стороны. Простите, как вас зовут?

— Саша.

— Саша, вы москвич?

— Нет, мы с другом здесь проездом. Сегодня уезжаем.

— Сегодня... А когда бы вы могли передать мне посылку?

— Мы сейчас около вашего дома.

— Ах, даже так, вы около дома...— Голос помолчал.— Хорошо, Саша, поднимайтесь. Вероника дала вам адрес?

— Да. Бережковская набережная, дом... квартира... Второй подъезд, третий этаж. Правильно?

— Правильно. Код двести пять. Только вот не знаю, может, вы поднимитесь один? А ваш друг подождет?

— Как скажете, Любовь Алексеевна.

— У меня не очень убрано, вы уж извинитесь перед ним, ладно?

— Хорошо, Любовь Алексеевна. Тогда я сейчас поднимаюсь?

— Поднимайтесь.

Повесив трубку, Миша посмотрел на Луку. Тот спросил:

— Ну и что?

— Позвала. Но говорит, чтоб я поднялся один.

— Почему? — Лука несколько раз быстро затянулся.— Боится?

— Не знаю.

— Д-да...— Лука облизал губы.— Вообще-то она как, одна в квартире?

— Тоже не знаю. Сказала, у нее не убрано. А там пойди пойми.

— Ну и что? — Лука посмотрел в упор.— Пойдешь?

— Пойду, что спрашивать. А ты... стой, где договорились.

— Хорошо.

Взяв коробку, Миша двинулся к подъезду. Войдя в тамбур, набрал код, затем, поднявшись на лифте на третий этаж, нажал кнопку дверного звонка. Почти тут же дверной глазок потемнел. Еще через секунду дверь открылась.

В проеме стояла женщина в атласном халате, которую Миша при всем желании не мог бы назвать «старушкой». Она держалась прямо, на изрезанном морщинами лице, несмотря на отсутствие косметики, еще сохранились следы красоты, к тому же от нее исходил запах хороших духов. При всем этом хозяйке квартиры наверняка было далеко за семьдесят.

Увидев Мишу, женщина приветливо улыбнулась:

— Саша?

— Да, Любовь Алексеевна, я Саша. Вот, посылка для вас.— Сказав это, Миша подумал: наверное, лучше всего ей подошло бы определение «пожилая дама». Но в любом случае эту пожилую даму ему придется замочить.

— Да входите, же, входите, не стойте. Посылку поставьте... Ну хотя бы вот сюда, на тумбочку.

Войдя и поставив посылку, Миша услышал за спиной щелчок дверного замка. Проскользнув мимо, Любовь Алексеевна сказала с улыбкой:

— Саша, я хочу предложить вам чаю. Вы ведь с дороги. Надеюсь, вы не откажетесь?

— Не знаю даже.— Миша изобразил колебание.— У меня ведь внизу друг.

— Ах да, вы же с другом. Я забыла.

— Может, я спущусь и предупрежу?

— Сашенька, зачем же.— Любовь Алексеевна тронула его за руку.— Не нужно никого предупреждать. Зовите вашего друга.

Вот это действительно везение, подумал Миша.

— А это удобно?

— Удобно. В квартире я более-менее прибрала. Чай готов. Зовите, зовите его. А я пока накрою.

Выйдя из квартиры и спускаясь по лестнице, Миша как-то отстраненно подумал: что, если она сейчас проверит посылку? Вообще-то такого быть не должно, ну а вдруг? Нет, вряд ли. Дама вроде Любови Алексеевны такого себе не позволит. Если же и позволит, это все равно уже ничего не изменит.

Он выглянул из подъезда. Лука стоял в двух шагах от двери: увидев его, спросил:

— Не впустила?

— Впустила. Зовет нас выпить чая. Пошли.

Уже в лифте Миша пояснил:

— В квартире кто-то должен оказаться у нее сзади. И шарахнуть по голове чем-нибудь тяжелым. Только так. И не забудь, тебя зовут Антон.

— Не забуду.

Как только Любовь Алексеевна открыла дверь, Миша облегченно вздохнул: коробка в целости и сохранности лежала на тумбочке. С порога представил Луку:

— Любовь Алексеевна, это Антон, мой друг.

— Очень приятно. Входите, молодые люди. Проходите вот сюда, в столовую. Чай готов.

В столовой Миша сразу оценил обстановку. На накрытом крахмальной скатертью столе стояли подносы с бутербродами и печеньем, вазочки с черной и красной икрой и маслом, фарфоровые чашки. По одной этой комнате было ясно: квартира богатейшая. Сервант и горка были забиты фарфором и столовым серебром, на стенах висели два огромных холста в золоченых рамах, от расставленной повсюду мелочи вроде серебряных фигурок и филигранной эмали рябило в глазах. Да, подумал Миша, что взять здесь хватает и без алмазов шаха.

Войдя в столовую, Любовь Алексеевна поставила на стол чайник. Кивнула:

— Ребята, берите хлеб, масло, икру, делайте бутерброды. Давайте чашки, я налью чая. И расскажите, как там мои.

Миша сразу же понял: чем дольше они будут сидеть вот так, попивая чай и отвечая на вопросы Любови Алексеевны о Веронике и дочери Вероники, тем труднее им будет начать.

Наконец, решившись, Миша отодвинул чашку:

— Любовь Алексеевна, я хотел бы ненадолго выйти. Можно?

— Да, да, Саша, конечно. То, что вам нужно, около кухни. Думаю, вы найдете.

— Прошу прощения.— Выйдя из-за стола, Миша прошел на кухню. Он стремился поскорей найти небольшой тяжелый предмет. В конце концов, выбрав щипцы для колки орехов, зажал их в правой руке. Постоял немного, примерился и, войдя в столовую, без раздумий, сразу же ударил Любовь Алексеевну по виску. В удар он вложил всю силу. Тем не менее Любовь Алексеевна не отключилась, больше того, начала поворачиваться к нему, схватившись за висок. Повернуться до конца она не успела: Лука, перегнувшись, ударил ее в висок с другой стороны. От движения Луки на пол полетели посуда, что-то грохнуло сзади, но Миша этого уже не замечал; вместе с Лукой он начал беспорядочно наносить удар за ударом, стараясь попасть по виску или затылку.

Остановились они, лишь когда стало ясно: тело с трудом удерживается на стуле. Хозяйка квартиры была или мертва, или в глубокой отключке.

Некоторое время оба стояли, тяжело дыша. Из столбняка их вывел шум мягко сползшего на пол тела. Надо сделать что-то еще, подумал Миша, чтобы быть уверенным в ее смерти. Вот только что. Ударить по голове чем-нибудь тяжелым? Перерезать горло?

Лука все еще с трудом переводил дыхание. Посмотрев на него, Миша сказал хрипло:

— Тащи нож с кухни. Надо ее добить. Живой оставлять нельзя.

Лука ушел. Почти тут же раздался телефонный звонок. Миша вздрогнул, но сразу же взял себя в руки. Пусть звонят. Хозяйка квартиры вполне могла выйти на улицу. Будто ответив его мыслям, телефон смолк.

Наконец вернулся Лука. В руке он держал длинный острый столовый нож. Оба присели рядом с телом. Посмотрев на Мишу, Лука оскалился и полоснул ножом в том месте, где кончался закинутый подбородок. Вверх брызнула кровь; увернувшись, Лука полоснул еще. Протянул нож Мише:

— Камень, помоги...

Взяв нож, Миша не глядя, с силой провел несколько раз по тому же месту. Бросив нож, встал. Покосился: кровь из огромной раны на горле сочилась еле-еле. Старуха мертва, сомнений в этом теперь нет.

Не сговариваясь, оба отошли к окну, явно бессознательно, чтобы не видеть тела. Миша все еще не мог прийти в себя. Лука, судя по его виду, тоже был в трансе. Наконец Лука сказал:

— Посмотри, на мне нет крови?

Миша всмотрелся: на светлом галстуке Луки виднелось несколько бурых пятен. Все остальное, куртка, брюки и рубашка, было чисто.

— Галстук,— сказал Миша.— А на мне?

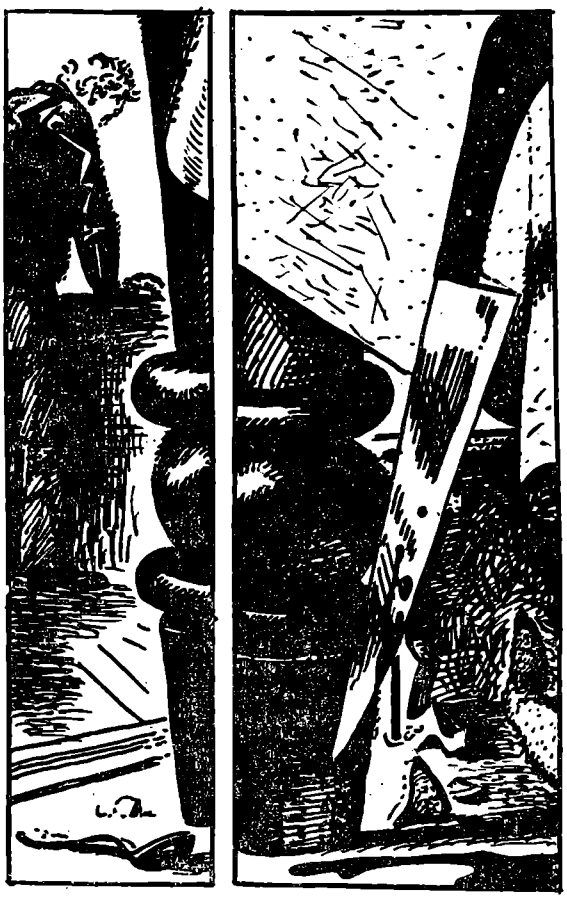
— На тебе нет. Только руки. Пойдем помоем?

— Пойдем.

Пройдя в ванную, они вымыли руки. Сняв галстук и спрятав его в карман, Лука предложил:

— Может, завернем ее в ковер? А то смотреть на нее... не очень.

— Давай,— согласился Миша. Пройдя в столовую, они закатали тело в ковер. Отодвинув сверток к стене, встали.



Снова раздался телефонный звонок; подождав, пока трели стихнут, Лука сказал:

— Камень, давай быстрей сматывать.

— Мы пришли за камнями.

— А вдруг кто-то придет?

— Как придет, так и уйдет. Начинаем искать.

Разбив квартиру по комнатам, они начали методично проверять места, где, пусть даже в теории, могли бы быть оборудованы тайники для хранения «алмазов шаха». Они проверяли, просматривали и простукивали буквально все: от шкафов и сервантов до антресолей и стен. По очереди, не спеша они осмотрели дальние углы, взломали замки у шкатулок и отделений сервантов, перерыли белье и одежду, вскрыли два зазора в стене. В некоторых подозрительных местах они даже отковыряли филенку с мебели. Всем этим шмоном они занимались около четырех часов. Тщетно — главного, семнадцати «алмазов шаха», о которых Фарт слышал от Ленки, они так и не нашли.

Наконец, убедившись, что искать дальше бессмысленно, Миша посмотрел на часы. Шел третий час дня. Выругался про себя, понимая: как ни велико его желание найти «алмазы шаха», риск, что их засекут, давно уже превзошел все разумные пределы. Телефон в квартире звонил уже пять или шесть раз. Звонки могли ничего не значить, но если допустить, что знакомые Любови Алексеевны встревожатся и обратятся в милицию, их с Лукой не спасет уже ничто...

Будто угадав его мысли, Лука мотнул головой:

— Мишаня, уходим. Берем что есть и сваливаем.

— Черт, куда она их дела...

— Не думай, глухой номер. Берем что есть. Иначе сгорим.

— Ладно, уговорил,— сказал наконец Миша.— Только решим, что брать.

— А что решать? Найдем у нее сумки и сложим, что есть.

— Сумок мы брать не будем.— Поймав настороженный взгляд Луки, пояснил: — Мы должны выйти, как есть.

— В смысле?

— В смысле без всяких сумок. И обязательно по одному.

— Боишься шухера?

— Боюсь. Если нас засекут с сумками, нас в этом доме любой срисует не раз. И мы в очке[27]. Согласен?

Лука оглядел комнату:

— Жаль. Товара здесь хватает.

— Самому жаль. Но для дела надо свалить без шухера. Сначала давай сотрем пальцы. Доставай платок.

Вытащив носовые платки, они тщательно протерли все поверхности, на которых могли остаться следы их пальцев. Затем, сложив найденное в квартире на одном из столов, бегло просмотрели добычу. На взгляд Миши

самым ценным из нее были пасхальные яички, образки, крестики и другие поделки с клеймом Фаберже. Всего таких предметов набралось около тридцати. Были здесь также золотые украшения и чеки Внешпосылторга примерно на четыре тысячи рублей. Рассовав все это по карманам, остальное из-за громоздкости решили оставить.

Подойдя к входной двери, Миша прислушался. На лестничной площадке было тихо. Кивнул Луке: идем.

Выйдя из квартиры и захлопнув за собой дверь, они прислушались. Ни души. Пригнувшись к уху Луки, Миша сказал одними губами:

— Жми к вокзалу. Встречаемся у пригородных касс.

[27] «Мы в очке» — в этом контексте — «нам плохо».

Лука двинулся вниз по лестнице. Довольно скоро Миша услышал хлопки входных дверей: сначала первой, потом второй. Тут же кто-то с верхнего этажа вызвал лифт. Дождавшись, пока кабина проползет мимо, Миша не спеша пошел вниз. У выходных дверей никого не было, открыв их, Миша сразу же повернул направо, в сторону от вокзала. Этот участок набережной по прошлому приезду он знал неплохо. Пройдя немного вдоль дома, перешел проезжую часть и остановился прямо у троллейбусной остановки. Примерно через минуту подошел троллейбус. Войдя в полупустой салон, Миша вздохнул с облегчением.

Следующей остановкой был Киевский вокзал. Сойдя

с троллейбуса, Миша сразу же увидел Луку, прохаживающегося около пригородных автоматов. Подойдя, спросил:

— Как у тебя?

— У меня тихо. А у тебя?

— И у меня тоже. Пошли.

Утром двадцать седьмого мая в 25-м отделении милиции Москвы раздался звонок. Женщина, назвавшаяся С-вой, сообщила, что обеспокоена пропажей своей близкой приятельницы, Любови Алексеевны Ларионовой. По словам С-вой, Ларионова, с которой они твердо условились вчера встретиться, в назначенный день, то есть

вчера, двадцать шестого мая, ни на один ее телефонный звонок не ответила. Озабоченная этим С-ва сегодня утром подъехала к Ларионовой домой, но на ее звонки в дверь также никто не отозвался. Учитывая преклонный возраст своей приятельницы, С-ва опасалась самого худшего.

На квартиру Ларионовых были посланы участковый и приданный ему в помощь дежурный оперуполномоченный. Вскрыв квартиру в присутствии понятых, работники милиции обнаружили в одной из комнат завернутый в ковер труп хозяйки. У покойницы было перерезано горло, на голове виднелись следы многочисленных ударов. Все в квартире было перевернуто вверх дном. После осмотра квартиры у работников милиции не осталось сомнений: хозяйку убили с целью ограбления.

К месту происшествия была вызвана следственно-оперативная группа. Был проведен тщательный осмотр места происшествия. После осмотра и опроса свидетелей выяснилось: в числе прочих ценностей из квартиры Ларионовой было похищено семнадцать уникальных алмазов, принадлежавших наследникам Петра Ларионова — Любови Алексеевне Ларионовой и ее приемной правнучке Веронике.

В тот же день руководитель группы следователь Юрий Железняков по постановлению районного прокурора возбудил уголовное дело по факту убийства пенсионерки Л. А. Ларионовой и ограблению ее квартиры.

Проснувшись, Миша понял: он в квартире на Кутузовском. Еще секунда ему понадобилась, чтобы осознать: он лежит на тахте одетый. Рядом на двухспальной кровати сопел Лука. Лука лежал на спине, опухший, с растрепанными волосами, и тоже одетый. Попытавшись вспомнить, какое сегодня число, Миша наконец сообразил: двадцать восьмое. Точно, сегодня двадцать восьмое мая. Старуху они замочили позавчера, двадцать шестого. И с тех пор весь вечер двадцать шестого и весь день двадцать седьмого пили вглухую, беспробудно.

Последнее, что помнил Миша из вчерашнего, был какой-то кабак в полуподвале на Новом Арбате. Они пришли туда после бани, решив сначала только поужинать. Но в конце концов не выдержали и снова надрались в лоскуты. Непонятно только, как они ухитрились добраться после этого домой...

Ощутив тупую боль в затылке, Миша поднялся. Прошел в ванную. Здесь, оглядев себя в зеркало, открыл кран и долго стоял, подставив затылок под холодную струю. От ледяной воды затылок в конце концов заломило, но боль прошла.

Заварив крепкий кофе, Миша примерно с час просидел на кухне. Постепенно он понял: сейчас, на третий день, он чувствует себя нормально. Во всяком случае, его уже не тянет непрерывно возвращаться мыслями к тому, как они завалили старуху. И вообще, поразмыслив, он пришел к выводу: его жизненный горизонт сейчас выглядит более-менее чистым. Конечно, слегка портит настроение то, что они так и не нашли в квартире «алмазы шаха». Но поскольку каждая из вещей Фаберже, взятых им с Лукой, тянет не меньше, чем на полтинник[28] — этот удар судьбы можно как-нибудь пережить. К тому же все прошло тихо. И, конечно, утешает то, что у них в Москве есть идеальные клиенты, Гурген и Ильяс. С которыми они уже имели дело и которые, что очень важно, не знают их настоящих имен.

Вскоре на кухню вышел Лука. Мельком взглянув на Мишу, взял чашку, налил себе кофе. Сделав несколько глотков, сказал, глядя в потолок:

— Б...ь... Башка болит, хоть стреляйся. А у тебя?

— У меня в норме. Прими душ или сходи в баню. Пройдет.

— Ладно, обойдусь.— Закурив, Лука несколько раз с наслаждением затянулся.— Какие планы?

— Планы у нас одни: сдать товар. Причем поскорей.

— Гургену и... этому второму?

— Да. Сделать это нужно сегодня. Прямо сейчас.

— Так давай сделаем? — Лука покосился.

— Давай.— Разыскав в записной книжке телефон мастерской, Миша подтянул к себе аппарат. Набрав номер, услышал:

— Мастерская...

— Простите, можно попросить Гургена?

— Гургена? — удивленно переспросил голос.— А... кто его спрашивает?

— Коля из Приморья. Передайте Гургену: у меня к нему есть дело. Срочное.

— Хорошо. Вы можете подождать у телефона.

— Жду.

Трубку положили. Некоторое время Миша прислушивался к отдаленным голосам. Наконец раздался голос Гургена:

— Слушаю вас?

— Гурген?

— Да... Коля?

— Коля. Гурген, хотелось бы встретиться. Как вы, если прямо сейчас?

— Прямо сейчас...— Гурген помолчал.— Что, по тому самому делу?

— Не совсем. Но близко. Хочу кое-что показать.

— Н-ну...— Гурген вздохнул.— Хорошо, давайте встретимся. Где?

— Знаете скверик у гостиницы «Украина»? Между «Украиной» и «Сантехникой»?

— Знаю.

— Давайте там через полчаса. Мы будем ждать вас с Антоном. Как?

— Хорошо. Через полчаса я туда подъеду.

В антикварнате Миша разбирался неплохо, поэтому для начала решил показать Гургену пять вещей Фаберже. После некоторого раздумья он выбрал пасхальное яичко, два нательных крестика и два овальных медальона с надписью вязью то ли на арабском, то ли на персидском языке. Медальоны были выбраны специально с расчетом на Ильяса, который, по словам Гургена, был подданным И... Ходовая цена за каждую из этих вещей по последним сведениям колебалась от семидесяти до ста тысяч рублей. Значит, Гурген, с учетом риска, может предложить им сейчас от тридцати до сорока.

Отобранные вещи Миша положил в карман куртки. Затем, взяв с собой на всякий случай пистолеты, они с Лукой вышли в скверик у гостиницы «Украина». Ждали они недолго; минут через пять к скамейке, на которой они сидели, подошел Гурген. Отсюда, из скверика, хорошо была видна его «девятка» — которую он поставил сразу за оградой. В «девятке» сидел кто-то еще, но кто, Миша разглядеть не смог.

Усевшись, Гурген посмотрел на Мишу:

— Будете показывать?

---

[28] «Полтинник» — в этом контексте — пятьдесят тысяч рублей.

— Конечно.— Достав из кармана пасхальное яичко, Миша протянул его Гургену. Взяв яичко в руки, Гурген внимательно осмотрел вещь. Достал из кармана лупу, стал изучать клеймо. Наконец сказал:

— У вас есть что-то еще?

— Сначала я хотел бы знать цену за это.

Некоторое время Гурген сидел, разглядывая яичко.

— За это... Ну, допустим, двадцать.

— Не пойдет.— Встретив взгляд Гургена, Миша улыбнулся: — Не пойдет, Гурген. Давайте вещь, и расходимся.

— Хорошо. Сколько вы хотите?

— Сорок, без торговли.

— Сорок много. Я рискую.

— Мы тоже рискуем.

— Хорошо, готов дать тридцать, но это последняя цена.

— Гурген, давайте так: или мы говорим реально, или разбегаемся. Без обиды.

Гурген стал разглядывать видневшуюся за деревьями набережную. Наконец сказал скучным голосом:

— Хорошо, Коля, допустим, я согласен. Но хотелось бы посмотреть, что у вас есть еще.

Спрятав яичко в карман, Миша сделал вид, что долго выбирает. Наконец, нащупав крестик и медальон, протянул:

— Вот. Еще пара вещей для затравки.

Положив оба предмета на ладонь, Гурген покосился:

— Все?

— Если мы сойдемся, могу найти для вас еще один крестик. И еще один медальон.

Гурген явно колебался. Улыбнувшись, Миша взял у него ц а ц к и.

— Думайте, Гурген. Учтите, мы сегодня уезжаем.

— Сколько же вы хотите за все?

— За все, то есть за пять вещей — пять по сорок. Итого двести.

Пожевав губами, Гурген выдавил:

— Прайсы крутые. Боюсь, у меня с собой таких бабок нет.

— Нет на все — возьмите, на что есть. Или ничего не берите.

— Ладно, ребята,— Гурген встал.— Подождать можете?

— Подождем, куда ж мы денемся.

— Схожу за Ильясом, он в машине. Без него говорить все равно бессмысленно.

Открыв дверцу «девятки», Гурген посмотрел на Ильяса. Оба были ворами в законе, занимавшими примерно равное положение и понимавшими друг друга с полуслова. Изучив взгляд Гургена, Ильяс спросил:

— Есть маза?

— По-моему, есть. У них пять вещей Фаберже.

Ильяс вгляделся в сторону скверика. Коля и Антон сидели отсюда метрах в пятидесяти. Кажется, кроме них в этот час в скверике никого не было. Заметив взгляд Ильяса, Гурген добавил:

— Мне показалось — под ними дымит[29].

— Дымит...— Ильяс помолчал.— Насчет Фаберже — уверен, что подлинники?

— Уверен. Но для точности посмотри ты.

— Посмотрю,— согласился Ильяс.— Они что, сдают все пять?

— Все пять? Считаю, для мазы все вещи нужно брать прямо сейчас. Без разговоров.

— Нужно, значит возьмем. Сколько они хотят за пять?

— Двести тонн[30]. По сорок за вещь.

Ильяс посмотрел на свой кейс:

— По-моему, бабок хватит. В кейсе двести сорок. Ладно, пойдем посмотрим. Вопрос в том, что это за вещи.

Взяв кейс с деньгами, Ильяс вместе с Гургеном прошел к сидящим на скамейке Коле и Антону. Усевшись, сказал с улыбкой:

— Добрый день, Коля. Привет, Антон.

Оба кивнули. Выждав для вежливости, Ильяс спросил:

— Вроде у вас есть интересные цацки?

— Вроде есть.— Коля покосился. Гурген прав, подумал Ильяс, оба слегка не в себе. Еще раз убедившись, что вокруг никого нет, Коля, сунув руку в карман, протянул пасхальное яичко: — Посмотрите.

Покрутив яичко, Ильяс нашел клеймо. То, что это подлинник Фаберже конца девятнадцатого века, было ясно сразу. Тем не менее он сказал, изобразив что-то вроде сомнения:

— Штучка забавная. Но вполне может быть фуфелем.

Снова покосившись, Коля процедил:

— Фуфелем, значит, фуфелем. Если есть недоверие, разбегаемся. И цацка остается у нас.

Переигрывать опасно, подумал Ильяс. Ребятишки тертые, и похоже, под ними в самом деле дымит. Настолько дымит, что ребята могут испугаться и свалить с вещами. В таком случае они с Гургеном кинут сами себя, упустив солидный навар. В Европе за такое яичко сейчас могут сразу же дать около двухсот тысяч долларов. Если же цацку удастся выставить на аукцион, она принесет еще больше. Конечно, вещь явно в з я т а я, но ведь с его возможностями риск можно свести к минимуму. Так что рискнуть стоит. Сказал негромко:

— Коля, не нужно спешить. Не нужно.

— Я не спешу. Решайте. Да — да, нет — нет.

— Гурген сказал, у вас есть что-то еще?

— Есть.

Заметив настороженный взгляд Саши, Ильяс вернул яичко: — Пожалуйста. Вот ваша цацка. Считайте, насчет нее мы договорились.

— В смысле?

— В смысле мы даем за нее сорок,— вступил в разговор Гурген.— Как вы просите. Но есть один момент.

— Какой? — спросил Коля. Говорил один он, Антон все время молчал.

— Такой, что, надеюсь, законы вы знаете. Или нет?

— Знаем.

— Если заболеете[31], не дай, конечно, бог, язык в хвост. Никто никого не видел. Иначе... сами понимаете. Найдем на дне.

— Само собой. Как и вы. Хотя пока болезни у нас не предвидится.

— Тогда все в порядке,— сказал Ильяс.— Сколько у вас еще цацек?

— Четыре.— Поискав в кармане, Коля протянул овальный медальон.— Посмотрите это. Потом покажу остальное.

---

[29] «Под ними дымит» — (жарг.) — им грозит опасность, могут вот-вот арестовать.

[30] «Тонна» — (разг.) — одна тысяча рублей.

[31] «Болеть» (вор. жарг.) — быть арестованным.

Взяв медальон, Ильяс тщательно изучил его. Нет, ошибки быть не могло, он держал сейчас в руках «Овал каджаридов». Всего таких медальонов по заказу шахского дома Каджаридов фирма Фаберже изготовила в начале двадцатого века около ста. Такими памятными бляшками последний из каджарской династии, Мамед-Али Шах, награждал особо отличившихся перед троном приближенных. Вещь уникальная: отделанный драгоценными камнями и эмалью медальон с надписью по центру на фарси — «Нижайшему рабу раба Аллаха». Вещь надо брать, и брать без звука. Посмотрел на Колю:

— Это тоже берем. Что, так и будем смотреть по одной?

— Да нет. Вот, глядите,— Коля выложил на его ладонь еще три предмета. Ильяс еле сдержался, чтобы не выдать волнения: перед ним лежали два изумительных по работе нательных крестика. И еще один «Овал каджаридов» — чуть отличающийся от первого. Изучив клейма и убедившись, что вещи подлинные, Ильяс сказал сдержанно:

— Хорошо, Коля, мы берем все. По вашей цене. Я правильно понял: вы хотите за пять цацок двести штук?

— Правильно.

— Где проведем ченч? Здесь? Или в машине?

— Если деньги у вас с собой, давайте здесь. Вокруг как будто тихо.

— Как скажете.— Положив кейс на колени, Ильяс осторожно приоткрыл крышку.

Деньги Коля считал не спеша. Наконец, разорвав и проверив последний брикет, закрыл крышку.

— Все в порядке.

Гурген предложил:

— Хотите подвезем? Если куда нужно?

— Спасибо, Гурген. Мы еще посидим, подышим воздухом.

— Я так и понял. Тогда чао. Если что новое будет, звоните. Пока.

— Пока,— сказал Коля. Не проронивший за все время ни слова Антон кивнул.

Гурген и Ильяс захлопнули за собой дверцы. «Девятка» отъехала. Проследив, как она заворачивает за угол, Миша посмотрел на Луку:

— Как?

— Никак.— По виду Луки было ясно: он тоже все еще не может поверить, что терка[32] прошла удачно.

С минуту оба молчали, откинувшись на спинку скамейки и переживая только что закончившуюся сдачу товара. Наконец, разглядывая тянущиеся вверх этажи «Украины», Миша осознал: сейчас, вот здесь, в этом кейсе, лежат живые двести штук. Живые, теплые, наличманом. Раньше он не мог и представить, что когда-то будет держать в руках такие бабки. Тем не менее эти бабки сейчас здесь, у него.

Будто угадав его мысли, Лука спросил:

— Бабки точно не фуфель?

Покосившись, Миша открыл крышку кейса:

— Проверь.

Взяв из кейса пачку сторублевок, Лука бегло перелистал купюры:

— Вроде все в норме.

— Все и должно быть в норме. Они ведь не дураки.

— Ты прав, они не дураки.— Достав сигареты, Лука не спеша прикурил. Спросил после нескольких затяжек: — Что делаем?

— В смысле?

— Ну... Может, позвоним девчушкам? Лизе и Гале?

Сейчас Миша очень хотел бы позвонить Гале. И, естественно, увидеть ее. Подумал: может, так и сделать? Нет, тут же сказал он сам себе. Никто не должен знать, что они были в Москве и и м е н н о в э т и д н и. Выдавил, пересилив себя:

— Никаких девчушек. Сейчас звоним хозяевам, что квартира больше не нужна. И сваливаем в Одессу.

— Жаль...— огорченно протянул Лука.— Никто ведь не узнает.

— Узнает, не узнает, неважно. Подставляться нам с тобой ни к чему. Позвоним девочкам, как только окажемся в Одессе. Ну и вызовем их, и тогда уж раскрутимся на всю катушку. От души. Чтобы была п о л н а я н а т у р а. А сейчас идем за шмотками. И в кассу.

Вечером они благополучно сели в вагон «СВ» фирменного поезда «Черное море» и через тридцать часов вышли на одесский перрон.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

[32] «Терка» (жарг.) — обсуждение условий сделки.

ПРОЗА

ФУФЕЛЬ

Роман

Анатолий РОМОВ

Рисунки Арсения Сергеева

Глава шестая

Кондиционер не спасал, в крохотном кабинете райпрокуратуры все равно было душно. Не выдержав, Юрий Железняков распахнул окно. Из проема пахнуло раскаленным июльским воздухом, но он подумал: пусть. Зато есть хоть какое-то подобие ветра. С раздражением он перелистал одну из многих лежащих на его столе папок с одинаковой пометкой: «Дело Ларионовых». Мелькнули досконально изученные бумажки, набившие оскомину названия: протокол допроса, протокол выемки, протокол опознания. Досадливо крякнув, Железняков закрыл папку. С момента, когда он начал расследование убийства Ларионовой и ограбления ее квартиры, прошло уже два месяца, но пока ни у него, ни у приданных ему следственной бригады и оперативных групп МВД и КГБ нет ничего реального. За это время Железняков вместе с помощниками допросил более двухсот человек, так или иначе связанных с семьей Ларионовых, проверил оперативным путем все варианты и возможности проникновения в квартиру лиц из уголовной среды, разослал фотографии и описания похищенных вещей практически во все отделения милиции Союза. Тщетно — ни одна из пропавших из квартиры вещей, главными из которых, конечно же, были «алмазы шаха», нигде и никаким образом не проявилась и не высветилась, не последовало никакой стоящей наводки и от уголовных элементов, среди которых стараниями МВД проводилась огромная по обычным меркам работа. Конечно, подумал Железняков, он может сослаться на вариант, более-менее щадящий его самолюбие: убийство и ограбление на Бережковской относится к числу так называемых абсолютно нераскрываемых преступлений. Что, кстати, предусматривается теорией криминалистики. Но если он хочет быть абсолютно честным, то должен сейчас признать: он просто-напросто не справился с делом.

Все сколько-нибудь стоящие детали, по которым он мог хотя бы приблизительно определить направление поисков в деле Ларионовых, давно уже были им рассмотрены и изучены. Тем не менее сейчас он попытался вернуться к ним снова.

В отрезок времени, когда было совершено преступление, никто из соседей не слышал шума взламываемой двери, криков и вообще никаких звуков, наводящих на мысль о насилии. Это означало, что своего убийцу (или убийц) Ларионова скорее всего впустила в квартиру сама. Значит, преступник или преступники, хоть отдаленно, но были все же как-то связаны или с самой убитой, или с кем-то из ее окружения.

Все возможные и даже невозможные варианты таких связей группа Железнякова тщательно изучала и проверила. Никаких положительных результатов проверка не дала, какие связи могли быть использованы преступниками для проникновения в квартиру, следственной бригаде определить так и не удалось. Конечно, исключительно для отчета было намечено несколько так называемых перспективных кандидатур из числа подозреваемых. Но для себя Железняков давно уже сделал вывод: все эти кандидатуры — типичная пустышка.

На первых порах все же было легче. После того, как он принял дело к производству, у него было довольно много реальных кандидатур. Но, как водится, после тщательной объективной проверки все они одна за другой отпали.

Окончание. Начало в № 1, 2 1992.

В круг этих реальных кандидатур Железняков вначале включил как людей, очень близких семье Ларионовых, таких, как подруга Вероники Ларионовой Лена Фортушняк, жених Вероники, известный журналист-международник Тимур К., бывший муж Вероники и отец ее дочери Владимир Ч., так и тех, кто имел отношение к семье Ларионовых лишь косвенно. В их число среди прочих подозреваемых попали родители Лены Фортушняк и ее муж Александр, живущие в Одессе, приятель Тимура К. Алексей Д., тоже журналист-международник, находившийся в день убийства вместе с Вероникой, Леной и Тимуром К. на борту совершающего круиз теплохода «Украина»; в реальных кандидатах побывала и встречающаяся длительное время с Владимиром Ч. Ирина Л., сотрудница одного из московских НИИ. В поле зрения Железнякова попал даже некто Вячеслав И., москвич, прервавший круиз на «Украине» в связи с ухудшением здоровья жены. То, что его жена, находящаяся тогда на шестом месяце довольно сложной беременности, действительно почувствовала себя плохо, было в дальнейшем подтверждено документально. Из Ялты этот Вячеслав И. выехал двадцать пятого мая, то есть в день убийства, направляясь в Симферополь. Билет на самолет в Москву он смог достать лишь двадцать шестого утром, как, во всяком случае, явствовало из его показаний. С собой Вячеслав И. вез посылку, которую Вероника послала скучавшей по ней в Москве бабушке. В Москве Вячеслав И., по его словам, позвонил в квартиру Ларионовых сразу же после приземления. Но, не дозвонившись, целиком ушел в хлопоты, связанные со здоровьем жены. Снова в квартиру Ларионовых он позвонил лишь на четвертый день после прилета, чтобы уже от Вероники, вернувшейся в Москву, узнать о случившемся.

Одно время Железняков всерьез склонялся к мысли, что именно Вячеслав И. мог как-то использовать удобный случай с посылкой. Ведь под эту марку в квартиру Ларионовых легко мог бы проникнуть любой человек, польстившийся, скажем, на «алмазы шаха». Линия Вячеслава И. была тщательно отработана, как, впрочем, и все остальные. Увы, проверка показала: ни Вячеслав И., ни другие, попавшие в поле зрения следствия люди, к преступлению на Бережковской набережной отношения не имеют.

Среди деталей, осложнявших следствие, было и то, что Железняков до сих пор не мог определить для себя: сколько же именно людей проникло двадцать пятого мая в квартиру Ларионовых. Судя по учиненному там разгрому, преступников было как минимум двое. Однако никто из свидетелей, отметивших, что в подъезд Ларионовых входили в то утро чужаки, не указал, что этих чужаков было больше одного.

Да, в показаниях свидетелей все время как бы маячил в отдалении человек, скорее всего молодой и «современного вида», вошедший в подъезд двадцать пятого мая около одиннадцати утра и вышедший около трех дня. Вообще-то, во всяком случае по времени, с этим молодым человеком все совпадало. Но в остальном никакой определенности не было. Так, некоторые из свидетелей считали, что этот молодой человек был одет в светлую куртку и светлые брюки и ничего в руках не держал. Другие, наоборот, утверждали: молодой человек был совершенно точно одет в джинсовый костюм и держал в руке спортивную сумку. Расплывчаты были и показания, касающиеся направления движения после выхода из подъезда. Одни настаивали, что он направился налево, к Киевскому вокзалу, другие, что он пошел направо, к Мосфильму.

Железняков снял телефонную трубку. Он отлично понимал: если сейчас что и могло ему помочь, то лишь настойчивые оперативные действия. Именно поэтому он по очереди позвонил начальникам опергрупп, майору милиции Ченчину и капитану госбезопасности Свиридову, сообщив, что, если они не заняты, он рад будет видеть их у себя.

В кабинет Железнякова Ченчин и Свиридов вошли почти одновременно. Первым появился и сел за стол светловолосый, голубоглазый, с плотным мускулистым торсом Ченчин. Почти тут же в дверь заглянул Свиридов. Оглядев комнату, произнес привычное: «Привет честной компании» — и, прикрыв за собой дверь, сел на второй свободный стул. В отличие от Ченчина Свиридов был худощав, с черными с проседью волосами и казацким носом с горбинкой.

Совещания в последнее время, когда стало ясно, что следствие заходит в тупик, проводились по обоюдному согласию почти каждый день. Сначала оперативники сообщали о новостях по своей линии, затем выкладывал все, что ему удалось выяснить за сутки, Железняков. Потом все трое, подведя общий итог, намечали план дальнейших действий, хотя в принципе всё с этими действиями давно уже было ясно. Если они и могли сейчас на что-то рассчитывать, то лишь на то, что где-то, в Москве или в Союзе, всплывет хотя бы одна из похищенных вещей.

Ченчин и Свиридов, по мнению Железнякова, наверняка были неплохими оперативниками, во всяком случае, все эти два месяца они п а х а л и ч е с т н о, не отлынивая и выполняя просто-таки огромный объем работы. Не их вина, подумал Железняков, что результаты этой работы пока минимальны.

Выслушав сообщения, в которых практически не содержалось ничего нового, Железняков в ответ честно признался: у него тоже все пока на нуле. На его вопрос о новых идеях Свиридов заметил:

— Юрий Алексеевич, убежден, у вещей вроде «алмазов шаха» и штучек Фаберже путь может быть только один: в дипкорпус. И потом, опять же через дипкорпус, за кордон. Считаю, никаких новых идей по этому поводу быть не может.

Подначивая товарища, Ченчин улыбнулся:

— Значит, Игорь, плохо работаешь. Дипкорпус ведь на тебе.

Свиридов повел головой:

— Плохо работаю... Не шмонать же дипломатов. Тебе легко говорить.

— А ты выяви оперативным путем. Покрутись, повертись, а выяви.

— Пробую, Володечка, пробую. Но пока ничего не получается.

После недолгой паузы Ченчин сказал:

— Вот что, Юрий Алексеевич... Единственное, что я могу — добиться еще одной ориентировки.

— Кажется, уже третьей,— сказал Свиридов.

— Совершенно верно, третьей. За подписью, скажем, замминистра. Как, пойдет?

— Пойдет,— подумав, согласился Железняков.— По-

моему, замминистра ориентировок по нашему делу еще не подписывал.

Ченчин вздохнул:

— Я понимаю, вы иронизируете. И все же худобедно эта ориентировка разойдется по Союзу. По всем ОВД. Это все, что я могу. Других идей нет.

Железняков улыбнулся:

— Да ладно вам, Володя, что вы... Будто мы не знаем друг друга. Спасибо за помощь. Кто-кто, а я знаю, что такое выбить подпись зама. И вообще, братцы, давайте не вешать носа. Мне кажется, ничего еще не потеряно.

Оглядев номер люкс гостиничного комплекса «Интурист» на улице Горького, валютная путана Алиса Савченко, больше известная как Алиса-Торпеда, уселась в кресло. Подумала: вообще-то этот Джон, снятый ею только что,— фамилию Джона, хотя тот дал ей визитную карточку, она не помнила,— человек вполне нормальный. Канадец, лет не больше сорока, ведет себя без глупых приколов и идиотских вопросов. И вообще все бы давно уже было по делу, ведь они минут двадцать как вошли в номер. Джон начал даже раздеваться, и вдруг совсем некстати раздался этот телефонный звонок. Черт их знает, этих фирмачей, иногда от них просто не поймешь, чего ожидать. Видите ли, его вызвали на какое-то срочное совещание у босса. Здесь же, в гостинице. Ничего себе совещание у босса, раздраженно подумала Алиса — первый час ночи... Она бы давно уже отработала и ушла. А так сиди, жди его.

Машинально вытащив из сумочки пачку «Сэйлема», Алиса собралась закурить. Но, взглянув в упаковку, вдруг обнаружила: пачка пуста. Курить тем не менее хотелось. В конце концов Алиса не поленилась встать и методично осмотреть все места, где могли быть сигареты. Она даже обшарила карманы висящего в шкафу пиджака, плюнув на приличия. Тщетно. Сколько она ни искала, сигарет нигде не было.

Поразмыслив, Алиса наконец решила плюнуть на спокойствие и спуститься в бар. Если Джон вернется без нее, с ним ничего не случится. Сообразит, что она вышла, и подождет. Она же на всякий случай оставит сумочку на видном месте, чтобы Джон сразу понял, что вышла она ненадолго.

Придя к этому решению, Алиса достала из сумочки зажигалку и кошелек с деньгами и вышла в коридор. Хорошо знавшая Алису и к тому же купленная с потрохами дежурная по этажу куда-то ушла, коридор был абсолютно пуст. Вызвав лифт, Алиса спустилась на третий этаж, где без особых хлопот взяла у бармена за пятнаху пачку «Сэйлема». Выкурить сигарету ей хотелось прямо здесь, в баре, или, на худой конец, в лифте. Но, здраво рассудив, Алиса решила все же не ломать себе кайф и спокойно покурить в номере. Вызвав лифт, снова поднялась на десятый этаж. За столиком дежурной сидела теперь какая-то незнакомая лохиня — толстая девица с нарукавниками, надетыми прямо на голые руки. Не обратив на лохиню никакого внимания, Алиса спокойно пошла к номеру и взялась уже было за дверную ручку, как лохиня вдруг крикнула:

— Девушка, подождите, пожалуйста! Вы куда?

Первым желанием Алисы было послать эту курицу матом, причем не просто послать, а послать подальше, от души. Все же, сдержавшись, она протянула небрежно:

— Плиз?

— Девушка, не нужно! Вы наша, я ведь вижу! — Встав из-за стола, лохиня направилась к ней.— Зачем вы хотите войти в номер? Вообще, что вы делаете на этом этаже?

Алиса, с презрением посмотрев на лохиню, закурила — кайф теперь все равно был сломан. Сказала, затянувшись:

— Милая, ну что ты шумишь? Вообще, откуда ты выползла?

— Слушайте, как вы разговариваете? Кто вы такая?

— Вот я и спрашиваю, кто ты такая? Где вообще Софья Петровна?

— Софье Петровне стало плохо, я ее заменила. Прошу вас или показать документы, или немедленно покинуть этаж.

Снова подавив остро возникшее у нее желание послать лохиню матом, Алиса выдавила:

— Киска, запомни: я никуда отсюда не пойду. И отвали от меня. Отвали, не зли.

— Попрошу вас покинуть этаж. Или я вызову милицию.

— Ой, напугала... Ой, напугала, напугала... Да вызывай хоть батальон.— Войдя с этими словами в номер, Алиса протянула недовольно: — Джон... Джо-он... Уэлл уеа аа ю?

На ее слова никто не отозвался. Алиса, обернувшись и окончательно потеряв терпение, бросила пялящейся на нее дежурной:

— Ну что стоишь, несчастье? Или садись за стол. Или вали за своими ментами. Иди, я буду здесь.

— И пойду.— Повернувшись, дежурная ушла. Прикрыв за ней дверь, Алиса прошла в номер. Оглянувшись, со вздохом села в кресло, чтобы хоть здесь спокойно покурить. Курить ей пришлось недолго, минуты через три в коридоре раздались громкие голоса. В дверь постучали:

— Пожалуйста, откройте. Есть кто-нибудь в номере? Оупен ди доо, плиз! Оупен ди доо!

— Оупен, оупен...— Встав, Алиса открыла дверь. За ней стояли все та же новая дежурная и незнакомый Алисе молодой милиционер. Вздохнув, Алиса подняла глаза к потолку: — Нет, я сейчас умру... Братцы, ну что вы ко мне привязались?

— Гражданочка, попрошу ваши документы! — строго сказал милиционер.— На каком основании вы находитесь в номере?

— На очень простом, зашла к своему знакомому. Он ненадолго вышел, сейчас придет.

— Находиться в номерах после одиннадцати запрещено. Тем более у иностранных граждан. Попрошу документы!

— Опять вы — документы. Товарищ сержант, вы откуда, из сто восьмого?

— Откуда я неважно. Настоятельно прошу предъявить документы. А также выйти из номера, иначе придется вывести вас силой. Прошу!

— Ой, ой, уже и силой! — Взяв сумочку, Алиса вышла с ней в коридор.— Если вы из полтинника, можете спросить у Сергея. Он подтвердит: я всегда веду себя нормально.

— Попрошу документы,— сухо сказал сержант. Убедившись, что он не уступит, Алиса протянула паспорт:

— Пожалуйста. Изучайте, мне не жалко.

Взяв паспорт, сержант милиции Виктор Шиндяев сделал вид, что внимательно изучает его. Хотя по ситуации было ясно: девицу так и так придется везти в отделение.

Иначе дежурная вполне может катануть на него телегу. В «Интурист» Шиндяев прибыл по срочному вызову для наведения порядка ввиду начавшейся в ресторане драки, на патрульной машине. Как довольно часто случается, после того как они с напарником поднялись в ресторан, там давно уже все было тихо. Убедившись, что они «сгоняли порожняк», напарник пошел искать дежурного опера, чтобы оформить ложный вызов. Шиндяев же, вместо того, чтобы спокойно ждать его в машине, по дурости остался в холле. Именно в этот момент дежурная по этажу его и поймала.

Да, подумал Шиндяев, изучая паспорт, вот так и ловят дураков. Надо же было ему так вляпаться. Ведь путаны, тем более путаны из «Интуриста», совсем не его забота. Ими действительно занимается сто восьмое. Так бы они с напарником до следующего вызова спокойно отдохнули, а так теперь ему, а значит и напарнику, придется оформлять деваху в отделении.

Закрыв паспорт, Шиндяев строго посмотрел на путану:

— Алиса Дмитриевна, вам придется проехать со мной в отделение. Прошу.

Обольстительно посмотрев на Шиндяева, невольно отметившего: эх, до чего хороша девка, путана протянула:

— Ой, товарищ сержант, за что? Я ведь ничего не нарушила?

— Нарушили правила пребывания в гостиницах «Интуриста».

— Интересно, как же это я нарушила? Ну, прошла в коридор, ну и что? Подождала в номере знакомого? Что, нельзя? Если надо, могу заплатить штраф. Сколько нужно, двадцать пять, пятьдесят?

— Штраф вы заплатите в отделении. Там с вами и разберутся. Прошу пройти со мной.

В отделении, посадив путану на скамейку в «предбаннике», Шиндяев доложил дежурному, молодцеватому старшему лейтенанту, как было дело. Выслушав его, старший лейтенант процедил, крутя в руках Алисин паспорт:

— Алиса-Торпеда... Алиса-Торпеда... Д-да... Не есть хорошо... Посмотрел на Шиндяева: — Я правильно понял: вы сняли ее с клиента?

— Н-нет... В общем, нет...— растерянно протянул Шиндяев.— А что?

— Ничего. Что она сделала-то хоть, что вы ее к нам приволокли?

— Как что? Сидела в чужом номере. Шлялась по гостинице.— Лишь сейчас Шиндяев сообразил, какую глупость сморозил. привезя сюда девицу.

— В какой хоть позе она сидела в номере? С клиентом?

— Ни в какой. Она одна была в номере.

— Понятно.— Дежурный поднял глаза к потолку.— Слушайте, ребята, вы вообще кто? Патруль?

— Патруль.

— Так что же вы лезете не в свои дела?

— Да там...— Шиндяев понял, что краснеет.— Да там дежурная по этажу вонь подняла. Деться было некуда.

— Дежурная по этажу... Вы что, ей подчиняетесь? Почему вы должны слушаться дежурную по этажу?

— Товарищ старший лейтенант...

Дежурный махнул рукой:

— Ладно, сержант, свободен. В другой раз не проявляйте самодеятельность, хорошо?

— Хорошо...— Чувствуя себя оплеванным, Шиндяев вышел на улицу. Усевшись в машину, он от души выругался. Отлично понявший его напарник дал газ, и патрульная машина ушла в ночь.

Повертев в руках паспорт Алисы, дежурный посмотрел на коротавшего с ним смену дежурного оперуполномоченного капитана Байдулина:

— Лех, ну ты видел? Что я с ней буду делать?

Байдулин, специализировавшийся в сто восьмом как раз по путанам «Интуриста», философски заметил:

— А что ты можешь сделать? Слупи с нее четвертак и отпусти.

— Четвертак... Да она в суд на меня подаст.

— Не подаст, имеешь полное право. За нарушение режима. Не волнуйся, ей твой четвертак — раз плюнуть.

— Ладно, придется. Только в смысле дела неудобно. Хоть извиняйся перед ней.— Постучав в стекло, дежурный показал Алисе: можешь войти. Войдя в дежурку, Алиса пропела с лучезарной улыбкой:

— Здравствуйте, Павел Викторович, здравствуйте, Алексей Петрович... Вот захомутали негодяи, совсем ни за что.

Дежурный вздохнул:

— Во-первых, не негодяи, а работники милиции. Во-вторых, ты ведь, Алиса, знаешь: захомутать ни за что невозможно. Я слышал, ты сидела в пустом номере? Было дело?

— Сидела, ну и что? Нельзя?

— Нельзя. Объяснять, что к чему не буду, давай двадцать пять рублей, бери квитанцию, и расходимся.

— Пожалуйста. Я и там готова была заплатить.

Дежурный подтянул к себе книжечку. Но выписать штраф ему не удалось, в окошечко заглянул постовой:

— Товарищ старший лейтенант, машина пришла... Вас просят...

— А...— Крякнув, дежурный встал.— Алексей, оформи, пожалуйста, квитанцию. Неизвестно, сколько я там провожусь.

— Хорошо.— Усевшись, Байдулин достал ручку. Пока он писал, Алиса от нечего делать стала просматривать лежащие на столе цветные фотографии. На фотографиях был изображен антиквариат вроде нательных крестиков, кулонов, образков, медальонов и прочего в том же роде. Судя по Алисе, затейливые безделушки позабавили ее, а в конце даже увлекли всерьез.

Наконец, изучив фотографии до конца, Алиса посмотрела на продолжавшего писать Байдулина:

— Что с этими цацками, Алексей Петрович? Разыскиваются?

— Разыскиваются, разыскиваются...— Закончив наконец оформление квитанции, Байдулин придвинул листок к Алисе: — Никак, что знакомое увидела?

— Может, и увидела.

— Серьезно? — Байдулину показалось: на секунду в глазах Алисы мелькнуло сомнение.— Если вспомнишь, окажешь большую услугу милиции. Учти это. Слышишь, Алиса?

Алиса театрально замотала головой:

— Ой, ой, Алексей Петрович, вы что, шуток не понимаете? Где я все это могла увидеть? Такие цацки только в музеях лежат. А я в музеи не хожу, времени нет. Где автограф-то ставить, а?

— Автографа не нужно. Давай двадцать пять, бери квитанцию, и расстаемся.— Взяв двадцатипятирублевку, Бадулин подумал: ведь он сам толком не помнит, по какому именно делу разыскивается этот антиквариат.

Алиса ушла, раздался телефонный звонок. Байдулин

снял трубку. Приняв сообщение поста, перевернул одну из фотографий. Карандашным росчерком на обороте было обозначено: «Дело Ларионовых». Вот так номер, подумал Байдулин. Хорош же он. Фотографии-то, оказывается, проходят по нашумевшему делу. Конечно, Алиса могла просто сболтнуть насчет этих фотографий, но если допустить, что она действительно видела одну из этих вещей, получается, он ни за здорово живешь только что отпустил важнейшую свидетельницу, дал ей спокойно уйти. Лопух. Теперь ищи ее свищи. Кто-кто, а он путан знает, сегодня она снимает клиентов в «Интуристе», завтра то же самое будет делать где-нибудь в Прибалтике или на юге. Или еще того чище, выскочит замуж за фирмача и, как говорится, с концами. К тому же Алиса запросто может предупредить того, у кого она, скажем, могла одну из этих вещичек видеть. Хорош специалист по путанам...

Посидев немного, Байдулин подумал: в конце концов все это могло ему почудиться. Ведь ничего определенного о цацках Алиса не сказала. Она на них отреагировала, но ведь на такие цацки отреагирует любая женщина.

Найдя таким образом оправдание возможному промаху, Байдулин, когда дежурный вернулся, об эпизоде с фотографиями промолчал.

В четыре часа дня, подведя свой «вольво» к модному в Москве ресторану «Золотой дракон», Ильяс поставил машину на обычное место около гостиницы «Континенталь». И в этот момент увидел Гамида.

Невысокий, смуглый, в отлично сшитом костюме, Гамид стоял от него метрах в пяти и весело болтал с какой-то девушкой около своего «мерседеса».

Последней сделкой, состоявшейся у Ильяса с Гамидом месяц назад, была уступка ему «Овала Каджаридов». Судя по поведению Коли и Антона, изделие наверняка было украдено и разыскивалось. И все же Ильяс рискнул. Во-первых, Гамид страшно завелся. За медальон он готов был дать практически любую цену. Не остановило его и то, что Ильяс честно предупредил: вещь может разыскиваться. Гамид поклялся, что буквально на днях оставляет пост военного атташе и уезжает из Москвы. Сошлись они на том, что Гамид переводит на счет Ильяса в «Банк де Женев» двести тысяч долларов. И, пользуясь дипломатической неприкосновенностью, вывозит «Овал Каджаридов» из Москвы.

В том, что касалось первой части договора, Гамид не обманул. Получив «Овал Каджаридов», он в тот же день перевел в «Банк де Женев» оговоренные при сделке двести тысяч. А вот относительно второй части договора сейчас, при виде Гамида, у Ильяса возникли некоторые опасения. Если Гамид снова вернулся в Москву, то почему сразу же не позвонил?

Ладно, в конце концов подумал Ильяс, не так уж это и важно. Гамид — человек молодой, у него могут быть свои дела. Выйдя из машины, бросил Гамиду по-арабски:

— Салям алейкум, Гамид.

— О, Ильяс...— Гамид улыбнулся.— Алейкум уассалям. Подожди, я сейчас освобожусь. Посидим где-нибудь?

— Давай. У меня как раз заказан столик в «Драконе».

Дождавшись наконец, когда Гамид расстанется с девушкой, Ильяс прошел с ним в ресторан. Усевшись за столик в углу, Гамид поднял обе ладони:

— Ради Аллаха, Ильяс, извини. Я должен был с ней договориться. Не сердишься?

— О чем ты. Я сам не прочь договориться с такой девушкой.

— Пожалуйста. Как только у нас с ней закончится — она твоя.

— Гамид, ты что, шуток не понимаешь? Надолго в Москву?

— Видишь ли...— Гамид подождал пока официант поставит на стол закуски и водку.— Видишь ли, Ильяс, я вообще не уезжал.

Любопытное сообщение, подумал Ильяс. «Овал Каджаридов» он продал Гамиду лишь потому, что тот уверил его: он оставляет пост военного атташе и уезжает в И... Сказал, разлив водку:

— Я правильно понял: ты хочешь сказать, что все это время был в Москве?

— Правильно. Я все это время был в Москве. Я обманул тебя, Ильяс.

— Обманул, зачем?

— Из-за этой вещи,— Гамид дотронулся пальцами до груди.— Из-за «Овала Каджаридов». Прости.

— Пожалуйста, я тебя простил.— Ильяс улыбнулся.— Выпьем?

— Выпьем, конечно. С огромным удовольствием.

Осушив рюмки, оба положили себе закуски. Подождав, пока Ильяс покончит с крабами, Гамид сказал:

— Ильяс-джан, я понимаю, мне нет прощения. Я тебя обманул. Но пойми, я ведь мусульманин. Когда я впервые увидел эту вещь, она меня просто околдовала. Ты можешь меня понять?

— Могу. Но пойми и ты: с этой вещью нужно быть очень осторожным. Я ведь тебя предупреждал. Ее никто не должен видеть здесь, в России.

— Ее никто и не увидит. Она спрятана так надежно, что догадаться об этом не сможет сам шайтан. Клянусь! — Гамид снова поднял обе ладони.— Ты мне веришь?

Теперь, когда Гамид его обманул, Ильяс ему не верил. Но поскольку двести тысяч долларов давно уже лежали на его счету, улыбнулся:

— Само собой, Гамид-джан. И вообще, забудем об этом разговоре, хорошо?

— Ильяс-джан...— Поцеловав воздух у пальцев, Гамид повернул ладони к собеседнику: — Я всегда знал, что ты настоящий друг!

Посмотрев на потухшее табло, а потом на показавшуюся в проходе стюардессу с тележкой, Байдулин понял: аэробус набрал высоту. Рядом, в кресле, мирно дремал Ченчин. За ним, вглядываясь в иллюминатор, сидел Свиридов.

Байдулин, откинувшись в кресле, подумал: еще вчера, четырнадцатого августа, он знать не знал ни Свиридова, ни Ченчина. И не мог даже предположить, что сегодня первым же утренним рейсом вылетит с ними в Сочи. Началось же все с того, что вчера у себя на столе, придя на работу в отделение, он увидел новую ориентировку по «Делу Ларионовых». Ясно, сначала ориентировка не вызвала у Байдулина никакого энтузиазма — ведь с момента эпизода с Алисой прошло уже несколько дней. Рассуждая здраво, возвращаться к этому эпизоду сейчас было бы просто-напросто нелогично, если не сказать больше.

И все же, занявшись неотложными делами, Байдулин перед самым обеденным перерывом решился и набрал один из указанных в конце текста телефонов МВД.

Сразу после этого события приняли настолько стремительный оборот, что Байдулин практически опомнился лишь сейчас.

Выслушав сомнения Байдулина, оперуполномоченный ГУУР МВД попросил его подождать и соединил с Ченчиным. Представившись, Байдулин повторил Ченчину все, что уже рассказал оперуполномоченному, сейчас, после второго пересказа, ему самому история уж точно показалась пустяковой. Однако, судя по реакции Ченчина, тот считал по-другому, поскольку уже через пятнадцать-двадцать минут примчался на своей машине в сто восьмое.

Здесь, не выходя из отделения, Байдулин с Ченчиным сразу же оседлали телефон. После без малого полусотни телефонных звонков они установили с абсолютной точностью: Алисы-Торпеды в Москве сейчас нет. Ченчин расстроился. Однако Байдулин, имевший некоторый опыт в розыске путан, сел после этого на телефон капитально и, подключив все связи, в конце концов установил: по свидетельству одной из самых ближайших подруг два дня назад Алиса-Торпеда обмолвилась, что собирается съездить куда-нибудь «на гастроли». Ченчин с Байдулиным прозвонили все наиболее доходные для путан места отдыха в Союзе. И выяснили: с позавчерашнего дня Алиса-Торпеда занимает номер полулюкс в гостинице «Жемчужина» в Сочи. Правда, перезвонивший через двадцать минут сочинский оперуполномоченный, друг Байдулина Саша Музалевский уточнил: после того, как два дня назад Алиса оформила вселение в гостиницу, никто ее уже в «Жемчужине» не видел. Но поскольку номер все еще официально числился за Алисой, Саша считал, что из Сочи она пока не выехала. И к прилету Байдулина обещал как минимум принять все меры к розыску.

Табло над проходом горело уже давно: через десять минут они приземлились.

На трапе Байдулина обласкали мягкие прикосновения солнечных лучей. Тут же он увидел: недалеко от крыла аэробуса стоит черная «волга». Невысокий человек с пшеничными усами, помахивающий им поднятой рукой — Саша Музалевский. Значит, «волга» пришла за ними.

Познакомившись с Ченчиным и Свиридовым, Саша пригласил всех в машину. Пока «волга» крутилась на подъездах к аэропорту, все молчали. Наконец, после того как машина вышла на трассу, Саша сказал:

— Братцы, значит, дела такие! Алиса с первого дня приезда живет на даче у некого Грибкова. Это, так сказать, наша сочинская крутизна [1].

— А вообще-то кто он такой, этот Грибков? — спросил Ченчин.

— Личность у нас известная. Уроженец Сочи и вообще крутится здесь всю жизнь. Проходил по нашумевшим делам, главным образом связанным с цеховиками. Но каждый раз за недостатком улик уползал. Ему тридцать восемь, холост, у него шикарная дача недалеко от центра. Я правильно понял: вам нужно, чтобы Алиса опознала вещичку? И все?

— Правильно,— подтвердил Ченчин.— Но это «и все» для нас значит довольно много. У вас есть какие-нибудь предложения?

— Да какие тут особенно могут быть предложения. Наверное, нам просто-напросто нужно встретиться с Алисой тет-а-тет. И поговорить. Так ведь?

— Не совсем,— вступил в разговор Свиридов.— Если нам она скажет то же, что когда-то сказала Леше, это одно дело. Если же Лешины подозрения оправдаются, и она подтвердит, что видела где-то одну из вещей, все уже будет по-другому. Мало ли какой там расклад.

— Все правильно,— согласился Музалевский.— Нам, так сказать, желательно получить Алису в полное свое распоряжение. Поэтому предлагаю сначала подъехать в центр. К одной бильярдной.

— Алиса играет в бильярд? — спросил Байдулин.

— Алиса нет. В бильярд играет Грибков. Поскольку Алиса живет у него на даче, разумно было бы сначала поговорить с ним. И действовать в зависимости от результатов разговора.

— А он точно сейчас там? В бильярдной? — спросил Ченчин.

— Точно. Я проверял.

Остановив «волгу» в центре Сочи, на круто поднимающейся вверх улочке, Музалевский вышел.

Ждать пришлось долго, около часа. Давно уже наступила дневная жара. Несмотря на опущенные стекла, все трое в перегретой машине взмокли от пота. Но приходилось терпеть.

Наконец Музалевский вышел из скверика. Открыв дверь и усевшись за руль, вздохнул:

— Черт. Хуже нет связываться с крутизной. Лучше пуд соли съесть.

— Возражает? — спросил Байдулин.

— Да нет, в конце концов я его уломал. Он согласен уступить нам Алису на два дня при условии, что мы не причиним ей никакого вреда.

— Так мы ей и не причиним,— сказал Ченчин.— Вы объяснили, что она нужна всего лишь как свидетельница?

— Объяснил. А он мне объяснил, что ему всего лишь один день в «Жемчужине», в которой Алиса практически не живет, стоит две кати.

— Мне бы его заботы.— Ченчин помолчал.— Как же мы теперь к ней подступимся? Прямо на даче?

— В принципе можно прямо на даче. Хотя...— Музалевский посмотрел на часы.— Четверть второго. В это время она вполне может быть в хачапурной.

— Она что, любит хачапури? — спросил Ченчин.

— Да, с красным вином. Есть у нее такая придурь. Когда-то она мне призналась, что это ее любимая еда. Хачапури с красным вином и с зеленью. Может, поедем туда?

— Что ж, раз такое дело, поедем. Это далеко?

— Да нет, две минуты.

Развернувшись к набережной, Музалевский вскоре остановил «волгу» у окруженного самшитовой порослью одноэтажного павильона. Сказал, выключив мотор:

— Вообще-то все эти дни она ходила сюда постоянно. Примерно в это время. Садится она за служебный столик, у кухни, в дальнем левом углу. Сидит всегда одна, даже если зал переполнен. Подойти к ней, наверное, лучше всего вдвоем. Один из этих двух должен ее знать. Но не я, поскольку меня здесь могут сразу же определить.

Сидящий рядом с Музалевским Ченчин обернулся:

— Леша, Игорь, как? Побеседуете с красавицей?

— Побеседуем.— Байдулин кивнул Свиридову. Тот молча вышел.

Подойдя вместе со Свиридовым к входу в павильон, Байдулин заметил:

— Игорь, разговор лучше всего вести мне одному. Если, конечно, она там.

---

[1] «Крутизна» — (жарг.) — богатый человек.

— Естественно, я буду стоять рядом и подыгрывать.

Войдя в зал, Байдулин остановился у двери. Алису он увидел сразу. Как и предполагал Музалевский, она сидела в дальнем левом углу, одна за столиком. Кажется, с хачапури было покончено; тарелки стояли в стороне, Алиса не спеша прихлебывала вино из бокала. При этом ее взгляд был безмятежно устремлен в пространство. Судя по всему, Алиса сейчас явно не была настроена обращать внимание на мелочи, на каких-то там входящих людишек вроде Байдулина и Свиридова, на переполненный зал и прочее.

Как только они остановились у столика, Алиса процедила, не поворачиваясь:

— Столик служебный. Садиться сюда нельзя.

Подождав, пока Алиса сделает очередной глоток, Байдулин сказал негромко:

— Алиса, радость моя, мы и не собираемся сюда садиться.

Скосив глаза, Алиса поставила бокал. Конечно, она не ожидала его здесь увидеть. И сейчас явно пыталась понять, каким же образом Байдулин оказался в этой хачапурной и вообще, что ему от нее нужно.

Наконец, посчитав, видимо, что пауза слишком затянулась, Алиса сказала:

— Алексей Петрович... Вот так встреча. Вас что, перевели в Сочи?

— Нет, Алисочка, к сожалению. Просто мне нужно с тобой поговорить. Но вообще сначала надо ведь поздороваться. Добрый день. Как дела, как поживаешь?

— Поживаю ничего.— Кажется, Алиса уже пришла в себя.— О чем же это, Алексей Петрович, вам захотелось со мной поговорить? Не объясните?

— Объясню. Алисочка, объясню. Всему свое время. Ты вообще как, уже закончила?

— Вообще-то...— Алиса помолчала.— Обедать я закончила. Но если честно, у меня полно дел.

— Все же, надеюсь, поговорить со мной ты не откажешься. Или ты предпочитаешь, чтобы тебя официально вызвали на допрос?

— На допрос? — Алиса дернула плечом.— Интересно, в связи с чем на допрос-то?

— В связи с довольно серьезным делом, косвенно связанным с тобой.

— Как понять «косвенно»?

— Так и понять. Я, например, считаю: напрямую с этим делом ты не связана. Поэтому ты нужна нам как свидетельница. Пока.

— Интересно.— Алиса помолчала.— Может, все же скажете, зачем это я вам понадобилась?

— Скажу, Алиса, обязательно скажу. Но не здесь. Если ты готова поговорить по-хорошему, могу предложить поговорить рядом. В машине.

Посмотрев на Байдулина, Алиса вздохнула:

— Алексей Петрович, неужели я заслужила перед вами, чтобы со мной разговаривали в ментовской машине?

— Алиса, перестань. Во-первых, это не просто машина, а «волга». Новая. Во-вторых, если ты не хочешь говорить в машине, мы можем просто куда-нибудь отъехать. Скажем, на берег моря. И поговорить там, любуясь солнцем и волнами. Как, такой расклад тебе не претит?

Выждав, Алиса взяла салфетку. Осторожно промакнув губы, встала.

— Ладно, Алексей Петрович. Я ведь все знаю, вы как прицепитесь, уже не отвяжешься. Где машина-то? Надеюсь, у входа?

— У входа.

Первым на заднее сиденье «волги» сел Свиридов, затем Байдулин помог сесть Алисе, лишь после этого он сел сам. Увидев Музалевского, Алиса покачала головой:

— Александр Игоревич, вы тоже здесь?

— Тоже, Алиса, тоже.— Музалевский обернулся.— Добрый день. Извини, что не подошел к тебе сразу, решил подождать в машине. По-моему, ты прекрасно выглядишь.

— Ладно вам, прекрасно. Хорошо вам, вас здесь четверо на меня одну.

— Алиса, не греши. Разве плохо, когда тебя окружают такие молодцы?

— Я не говорю, что плохо.— Алиса открыла сумочку.— Ладно, что с вами сделаешь. Хоть закурить эти молодцы мне позволят?

— Конечно,— Ченчин обернулся.— Курите сколько хотите.

— И я не возражаю, Алисочка,— сказал Байдулин.— Вообще, может ты правда хочешь побеседовать где-нибудь на воздухе? Саша, ты местный, предложи что-нибудь.

Музалевский посмотрел на прикуривающую Алису:

— Алиса, как тебе Агурское ущелье? Это более-менее недалеко?

Сделав затяжку, Алиса откинулась на сиденье. Сказала, выпустив дым:

— Не нужно никакого ущелья. Отъедем в сторону, и все. Время дорого. Отъедем, и спрашивайте, что нужно. Вы же все равно будете спрашивать.

— Будем.— Музалевский дал газ. Через минуту, остановив машину в пустом переулке, выключил мотор.— По-моему, место идеальное.

— Терпимо,— сказала Алиса.— Спрашивайте, я жду.

— Алиса, ты помнишь нашу последнюю встречу? — спросил Байдулин.— В сто восьмом отделении?

— В сто восьмом? Конечно, помню.

— Может, ты и фотографии помнишь, которые разглядывала?

— Фотографии? — Стряхнув пепел в пачку, Алиса посмотрела на Байдулина.— А-а... Так вот зачем я вам нужна. Из-за этих фотографий.

— Именно, Алиса, именно.

— Понятно.— Алиса помолчала.— Напрасно это вы, Алексей Петрович. Я ведь вам сказала, никакого отношения к этим фотографиям я не имею. Я ведь сказала?

— Сказала, но уже потом. А перед этим сказала другое. Что, может, одну из тех цацек на фотографиях, ты видела. Было ведь? Алиса?

— Что-то не помню.

— Так вот я тебе напоминаю. На мой вопрос, не встречалась ли тебе одна из этих вещей, ты сказала: может, и встречалась.

— Не знаю. И вообще, Алексей Петрович, я и цацки-то эти не помню. Мало ли какие цацки вы у себя разыскиваете. Что, я все их должна помнить?

— Насчет всех никто не говорит. А вот эти посмотри.— Байдулин протянул Алисе пачку фотографий. Притушив и затолкав сигарету в любезно открытую Свиридовым пепельницу, Алиса взяла фотографии. Довольно долго она перебирала снимки, поочередно рассматривала каждый. Наконец вернула пачку Байдулину:

— Любопытные штучки. Алексей Петрович, ну, а допустим, я не помню?

— Не помнишь что? Где ты их встречала?

— Да. Может, одну из этих цацек я где-то и видела. Но где, не помню. Что тогда?

— Объясню. Надеюсь, ты понимаешь разницу между свидетельницей и сообщницей?

— Н-ну... допустим, понимаю.

— В таком случае учти: все эти цацки мы рано или поздно найдем. А когда мы их найдем, с железной неизбежностью выяснится: видела ли ты их раньше или нет. И если выяснится, что видела, получится уже, что ты не свидетельница, а сообщница. Отказом от показаний укрывшая в свое время краденое. Как, я доступно объяснил?

— Доступно,— Алиса посидела, чуть прикрыв веки. Наконец улыбнулась: — Ладно, Алексей Петрович. Одну из этих вещичек я в самом деле видела.

— Вот это уже другое дело.— Снова достав снимки, Байдулин протянул их Алисе.— Покажи, пожалуйста, какую. Не спеши.

— Сейчас.— Перебрав фотографии, Алиса протянула снимок, на котором был изображен овальный медальон с арабской вязью.— Вот эту.

— Понятно.— Байдулин вгляделся в снимок.— И где же ты ее видела?

— На одном фирмаче, клиенте.

— Что значит на фирмаче? Он что, ее носит?

— Да.— Алиса небрежным жестом провела по груди: — Вот здесь, как образок.

— И давно ты на нем ее видела?

— Так... Последний раз я ее на нем видела недели две назад.

— Последний раз... Ты хочешь сказать, ты ее видела на нем не один раз?

— Да, не один.

— Не один раз видела, а нам сказать не захотела?

— Не захотела. Вы ведь знаете, что бывает... за выдачу.

— Знаю. Но, во-первых, ты никого не выдала, ты просто опознала вещь. Во-вторых, очень даже возможно, о твоих свидетельских показаниях вообще никто никогда не узнает.

— Да уж. Ведь вы сами сказали, вы эти вещи все равно найдете.

— Найдем, ну и что? Я лично сделаю все, чтобы о твоих показаниях никто не узнал. И вообще, о твоей безопасности мы как-нибудь позаботимся.

— Спасибо, Алексей Петрович. Утешили.

— Перестань, Алиса. Раз я сказал, значит, так и будет.

— Хорошо, перестала.

— Так сколько раз ты видела эту вещь на фирмаче?

— Сколько...— Алиса склонила голову набок.— Вообще-то, точно не помню.

— Постарайся вспомнить.

Алиса пошевелила губами.

— По-моему, раза два-три.

— Все-таки два или три?

— Допустим, три.

— И каждый раз цацка висела на его груди?

— Да.

— То есть, можно предположить: этот твой фирмач ее носит, не снимая?

— Не знаю. Я видела ее три раза. А там пойди пойми.

— Теперь постарайся вспомнить, когда ты увидела эту вещичку в первый раз.

— В первый раз...— Помолчав, Алиса закатила глаза под лоб.— Сейчас. В первый раз... В первый раз... По-моему, это было где-то в июне. Да, в июне.

— Точного числа не помнишь?

— Числа нет. Кажется, это было в конце месяца. Да, в конце. Потому что в начале меня не было в Москве.

— Кто этот иностранец?

— Ну... он арабеска. Зовут его Гамид.

— Понятно. Он араб, зовут Гамид. Фамилия?

— Ой, Алексей Петрович, фамилию я не выговорю. Помню только, что-то вроде «Абде...», «Абже...». В общем, на «А». Еще я знаю, он военный атташе И.

— Военный атташе И.? — переспросил Свиридов.— Это точно?

— Точно. У него это на визитной карточке написано.

Ченчин и Свиридов переглянулись. Если показания Алисы правдивы, а сомневаться в том, что они правдивы, нет оснований — главное для себя они выяснили.

— Что ж, Алиса, спасибо,— сказал Байдулин.— Твои показания мы запишем. И если все, что ты сказала, верно, ты нам очень помогла.

— Почему же это может быть неверно? Я все сказала, как было.

— Как было, значит, как было. Спасибо. Только хочу попросить еще об одном одолжении. У тебя, я слышал, есть номер в «Жемчужине»?

— Есть. А что?

— Ты могла бы пожить в нем пару — тройку дней, никуда не выходя? И смириться с тем, что в соседнем номере будет жить кто-то из наших?

— Интересная история. Это еще зачем?

— Нам это очень нужно. Само собой, ты не будешь сидеть взаперти. Можешь ходить на пляж, в бассейн, бар, ресторан, вообще куда тебе угодно. Но желательно при этом, чтобы ты не покидала территорию гостиницы. И дня два — три не пользовалась междугородним телефоном. Как, сделаешь для нас такую любезность?

— А что, я могу отказаться? Придется.

Войдя вслед за Ченчиным и Свиридовым в небольшой предбанник, директор московского физкультурно-оздоровительного комплекса УПДК[2] показал на деревянную лавку, над которой висели мужские брюки и куртка:

— Вот его вещи. Он в сауне один и просил никого к нему не впускать. А там как знаете. Учтите, он мужик скандальный.

— Спасибо,— сказал Ченчин.— Вообще-то у нас к вам просьба — далеко не уходить. Вы ведь хорошо его знаете?

— Не очень хорошо, но знаю. Он наш постоянный клиент.

— В таком случае вы можете, когда мы войдем в сауну, перекрыть горячую воду?

— Перекрыть горячую воду?

— Да. И еще одна просьба: когда мы вас позовем

[2] УПДК — Управление МИД СССР по обслуживанию дипломатического корпуса.

и начнем выяснять, почему нет горячей воды, крикните, пожалуйста, сантехника.

— Как же я его крикну? Его можно только вызвать по телефону.

— А вы крикните.

— Что... это ваш человек?

— Да. Зовут сантехника Коля, поэтому вы крикните: «Коля, пойди посмотри, тут что-то с горячей водой». И он придет.— Свиридов приоткрыл входную дверь, за которой стоял человек в рабочей одежде, с инструментами в руках.— Вот. Это и есть Коля.

Изучив «Колю», директор подытожил:

— Значит, как только вы входите в сауну, я перекрываю горячую воду. Да? И когда вы меня вызываете, кричу Колю?

— Все правильно. И, войдя, просите нас освободить сауну. И все.

— Понятно.

Директор вышел, а Ченчин и Свиридов быстро разделись и вошли в сауну. При их появлении сидящий на нижней ступени Гамид А. повернулся. На его мощной волосатой груди был хорошо виден небольшой медальон с арабской вязью.

Встретившись взглядом с Гамидом А., Свиридов сказал приветливо:

— Здравствуйте. По-моему, вы из спорткомитета?

Недоуменно оглядев вошедших, атташе дернул плечом:

— Из какого спорткомитета? Это моя сауна, я за нее заплатил. Тут никого не должно быть, кроме меня.— Для военного атташе по-русски Гамид А. говорил вполне сносно.

— Подождите, подождите...— Ченчин поднял обе руки.— Мы ведь тоже заплатили за сауну. Давайте разберемся. Можно сесть рядом?

Не дожидаясь разрешения, Ченчин сел рядом с Гамидом А. Теперь, вблизи, он смог разглядеть медальон более отчетливо. Да, не было никаких сомнений: овальная бляшка, висящая на груди военного атташе — точная копия медальона, похищенного из квартиры Ларионовых.

Было слышно, как Свиридов, успевший, пока Ченчин садился, выйти в предбанник, откручивает там краны. Изредка в пол с силой била вода.

Посмотрев на Ченчина, Гамид А. покачал головой:

— Послушайте, я снял сауну на три часа. Прошу вас уйти. Найдите свою сауну.

Ответить Ченчину помешал раздавшийся из предбанника крик Свиридова:

— Володя, горячей воды-то нет! Вот влипли!

— Как нет? Извините, сейчас я выясню.— Ченчин вышел в предбанник.— Что за дела, мы заплатили деньги, так еще и горячей воды нет... Игорь, позови там кого-нибудь!

— Сейчас.— Свиридов открыл входную дверь.— Есть кто-нибудь из начальства? А, Сергей Петрович... Можно вас на минутку, Сергей Петрович? У нас горячей воды нет.

Войдя и оглядевшись, директор сказал нехотя:

— Этого не может быть... Ладно, подождите, тут где-то сантехник болтается... Коля! Коля, будь добр, подойди! Тут что-то с горячей водой...

К этому времени из сауны вышел и Гамид А. Увидев директора, сказал на повышенных тонах:

— Господин директор, откуда эти люди? Я заплатил за сауну, но они говорят, они тоже заплатили. Что тут происходит?

Покосившись на колдующего над краном сантехника, директор сказал негромко:

— Господин Гамид, простите, пожалуйста, Сейчас мы все выясним. Мне показалось, эти люди с вами...

— Они не со мной. Я их вообще не знаю.

Директор посмотрел на Ченчина:

— Товарищи, как это все понять?

— А что тут понимать? — Ченчин полез в карман висящих на крючке брюк.— Вот, у нас есть квитанция. Сауна номер семь, при бассейне,— показал бумажку.— Вот.

— Я и смотреть не буду, седьмая сауна совсем в другом месте. Пожалуйста, попрошу одеться и пройти в свою сауну.

Ченчин посмотрел на Свиридова:

— Видал?

— Видал. Получается, ошиблись. Сергей Петрович, вы уж нас извините. И вы...— Свиридов перевел взгляд на Гамида А.— И вы, товарищ, уж нас извините. Перепутали.

Гамид А. что-то пробурчал сквозь зубы. «Сантехник Коля», закончивший к этому времени работу, выпрямился:

— Все, Сергей Петрович. Просто прокладку заело.

— Ладно, Коля, спасибо. Давайте, товарищи, одевайтесь и проходите в седьмую сауну.

Оделись Ченчин и Свиридов быстро.

Гамид А., оставшись один в пустом предбаннике, недовольно хмыкнул. И, войдя в парную, опять опустился на деревянную ступеньку.

Железняков посмотрел на часы: десять утра. Именно к этому времени сюда, в райпрокуратуру, был приглашен для беседы военный атташе Гамид А. Приглашение атташе далось Железнякову непросто; для того, чтобы Гамид А. согласился в конце концов прийти, Прокуратуре СССР пришлось провести длительные переговоры и согласования в МИД.

Посидев немного, Железняков вздохнул: то, что атташе опаздывает, понятно, наверняка он совсем не рвется посетить прокуратуру. Хуже другое: похоже, он, Железняков, слегка волнуется. Вообще-то этому есть оправдание, ведь здесь, в районной прокуратуре, ему никогда еще не приходилось иметь дело с военными атташе.

Еще раз подытожив все, что ему удалось выяснить к этому времени, Железняков подумал; да, он волнуется, ну и что? Он волнуется, и все же уверен — улик, чтобы заставить Гамида А. сказать правду, у него вполне достаточно.

Наконец в дверь постучали.

— Войдите! — сказал Железняков.

Дверь открылась, в кабинет вошли два человека. Один из них, судя по военной форме, и был военный атташе; на вид ему было лет около тридцати. Второй, в гражданском, остановившийся чуть сзади первого, скорее всего был его переводчиком.

— Господин следователь прокуратуры Железняков? — спросил человек в гражданском.

— Совершенно верно.

— Мы из посольства И. по согласованию с МИД СССР.

— Очень приятно.

— Его высокоблагородие военный атташе И. в Москве господин Гамид А. любезно согласился посетить прокуратуру для разъяснения. Я его переводчик. Что прикажете?

— Прежде всего, господа, прошу вас сесть.

Гости сели. От Ченчина и Свиридова Железняков знал, что Гамид А. неплохо говорит по-русски. Ясно, переводчика атташе взял с собой не только для политеса, но и для того, чтобы при обдумывании ответов получить дополнительное время. Что ж, в этой ситуации вполне нормальный ход. Встретив вопросительный взгляд переводчика, Железняков сказал:

— Передайте господину Гамиду А., что я очень благодарен ему за согласие прийти сюда.

После перевода Гамид А. важно кивнул. Напыщенности ему не занимать, подумал Железняков. И все же вряд ли этот преуспевающий на вид человек в эполетах с аксельбантами искушен в допросах. Во всяком случае ему, Железнякову, представляется сейчас отличная возможность это проверить.

Задав несколько вводных вопросов для затравки, Железняков сказал:

— Уважаемый господин атташе, хочу довести до вашего сведения: недавно в Москве было совершено серьезное преступление. Убийство и ограбление.

Переведя сообщение Железняков и выслушав ответ, переводчик сказал:

— Его высокоблагородие господин Гамид интересуется — почему вы это ему сообщаете?

— Передайте господину Гамиду: у расследующих это дело органов есть серьезные основания считать, что одна из похищенных в результате преступления вещей находится у него. Во всяком случае, находилась у него до самого последнего времени.

Выслушав перевод, Гамид А. покачал головой. Бросил что-то презрительно.

— Его высокоблагородие господин Гамид решительно возражает,— сказал переводчик.— И считает все вами сказанное инсинуацией.

— Боюсь, это не инсинуация.— Достав прикрытый до этого листом бумаги снимок «Овала Каджаридов», Железняков придвинул его к Гамиду А. Дождавшись, пока атташе скосит глаза, сказал:

— Уважемый господин атташе, прошу внимательно изучить эту фотографию и сказать, знакома ли вам эта вещь.

Выслушав сообщение от переводчика, Гамид А. придвинул снимок ближе. Всмотревшись, покачал головой. Что-то сказал.

— Его высокоблагородие господин Гамид заявляет: вещь, изображенную на фотографии, он видит впервые,— пояснил переводчик.

— Понятно.— Железняков помолчал.— Спросите у господина Гамида, хорошо ли он подумал над ответом?

После слов переводчика Гамид А. что-то недовольно бросил. Переводчик сообщил:

— Господин Гамид подумал хорошо. Он удивлен, что вы выражаете сомнение в искренности его слов.

— Передайте господину Гамиду: сомнение я выражаю лишь потому, что следствие располагает показаниями множества свидетелей, видевших вещь, изображенную на фотографии, на господине Гамиде. Спросите, желает ли он, чтобы я назвал имена этих свидетелей?

После коротких переговоров с шефом переводчик спросил:

— Свидетели, о которых вы говорите, советские подданные?

— Да. Все эти свидетели советские подданные.

— В таком случае господин Гамид выражает серьезные сомнения в правдивости их показаний. Он уверен, что их показания инспирированы советскими органами, ведущими следствие.

— Понятно. В таком случае я позволю себе предъявить господину Гамиду вещественные доказательства, беспристрастно свидетельствующие: вещь, изображенная на предъявленной господину Гамиду фотографии, до последнего времени находилась именно у него.

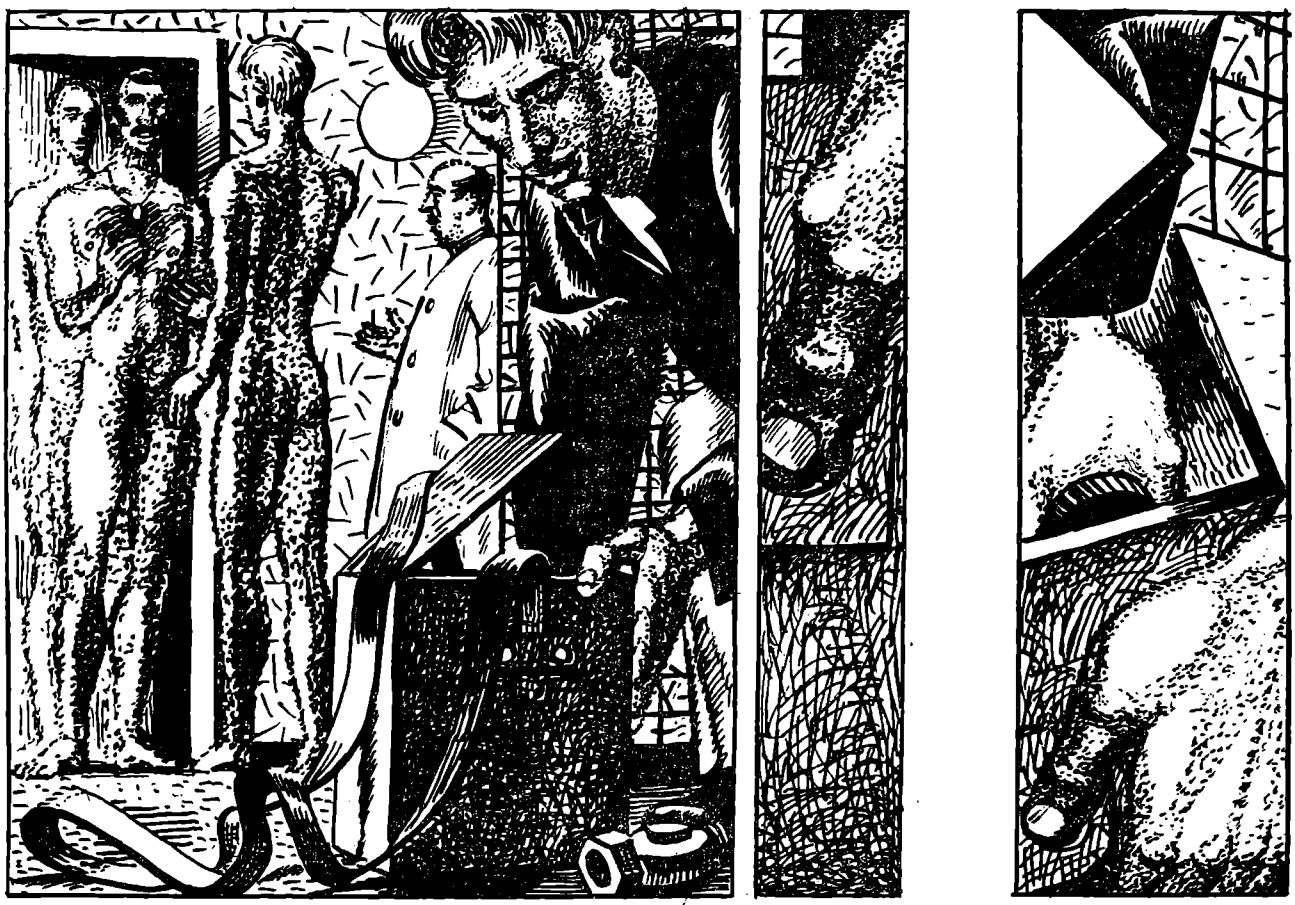
Сделав перевод, переводчик сообщил ответ:

— Господин Гамид хочет спросить: что это за вещественные доказательства?

— Вот они.— Железняков придвинул к Гамиду А. пачку фотографий.— Господин Гамид А. может их внимательно рассмотреть.

Судя по Гамиду А., рассыпавшему фотографии веером, он ожидал всего, но только не этого. «Сантехник Коля», он же эксперт-фотограф КГБ, поработал на славу: на лежащих сейчас перед военным атташе снимках был изображен он сам, стоящий в предбаннике в костюме Адама. Ракурсы, взятые «сантехником Колей», были самые разнообразные, но главное — на каждом снимке был отчетливо виден висящий на груди Гамида А. «Овал Каджаридов».

— Я понимаю, эти фотографии могут быть для господина Гамида довольно большой неожиданностью,— сказал Железняков.— Вполне возможно, он решит отрицать факты, заявив, допустим, что следствие прибегло к фотомонтажу. В таком случае он допустит большую ошибку,



поскольку ясно: при таких качественных отпечатках у следствия наверняка есть и негатив, который в случае необходимости оно не преминет предъявить суду.— Выждав, Железняков добавил: — Впрочем, и мне, и, думаю, господину Гамиду вряд ли хотелось бы доводить дело до суда. Для того же, чтобы дело не дошло до суда, выход у нас один — лояльность. Лояльность и честное сотрудничество. Передайте господину Гамиду: мне бы хотелось, чтобы он это понял.

Выслушав перевод, военный атташе долго молчал. Наконец что-то сказал.

— Господин Гамид спрашивает: может ли он немного подумать? — объяснил переводчик.

— Это его право. Но хотелось бы, чтобы раздумье не очень затягивалось в его же интересах.

Вечером этого же дня в квартире Ильяса в Москве раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Ильяс узнал характерный голос Гамида А. Его дальний родственник говорил по-арабски:

— Ильяс, нам нужно срочно увидеться. Ты мог бы подъехать сейчас к месту, где мы встречались в последний раз?

По тону Гамида было ясно: случилось что-то серьезное. Серьезным делом, связанным с Гамидом, сейчас могло быть только одно — обнаружение «Овала Каджаридов». Ильяс тем не менее сказал спокойно:

— Хорошо, я выезжаю.— Повесил трубку, выругав при этом Гамида. Если милиция или КГБ вышли на проданный Гамиду «Овал Каджаридов», в их поле зрения наверняка попал и он, Ильяс. Значит, его телефон вполне может прослушиваться.

Впрочем, сев в «вольво», Ильяс подумал: если «Овал Каджаридов» засвечен, прослушивание телефона не имеет уже никакого значения. Никакого.

Когда Ильяс подъехал к стоянке около гостиницы «Континенталь», «мерседес» Гамида был уже там. Перейдя в машину к Ильясу, Гамид сложил ладони:

— Ильяс, ты был прав. Я не послушался тебя, и теперь перед тобой очень виноват. Они вышли на «Овал Каджаридов».

— Вышли точно?

— Точно. Сегодня я был у них в прокуратуре. Эти сволочи ухитрились сфотографировать меня с «Овалом Каджаридов» на груди.

— Где же это им удалось сделать?

— В сауне, будь они прокляты.

В сауне, подумал Ильяс. Значит, на сам «Овал» они вышли гораздо раньше. Ведь скрытую съемку в сауне не так просто подготовить. Покосился:

— И что же ты хочешь от меня?

— Ильяс... Если я им не скажу, как «Овал Каджаридов» попал ко мне, они поднимут скандал. И на моей карьере будет поставлен крест.

— Ты хочешь, чтобы я пошел к ним и заявил: это я передал Гамиду А. «Овал Каджаридов»? Да?

— Ильяс, перестань... Я хочу всего лишь, чтобы ты разрешил мне сказать, «Овал Каджаридов» я купил у тебя. Купил. не зная, что он разыскивается. Я же... Я же обещаю помочь тебе всем, чем смогу. Клянусь.

— Хорошо,— сказал Ильяс, выдержав соответствующую моменту паузу.— Хорошо, Гамид, говори. Может, я действительно как-нибудь отобьюсь.

Гамид снова сложил ладони вместе:

— Спасибо, Ильяс. Спасибо, я этого не забуду. Клянусь тебе, не забуду.

— Но для того, чтобы я отбился, и вообще, для того, чтобы все кончилось хорошо, ты должен выполнить одно условие.

— Какое?

— Ты можешь смело сказать им, что «Овал Каджаридов» получил от меня. Но с одной поправкой — я не продал тебе его, а подарил. Здесь, в России, валютные операции между частными лицами запрещены. И если ты скажешь, что купил у меня «Овал», меня сразу же посадят на восемь лет. Понимаешь, чем это мне грозит?

— Понимаю. Хорошо, Ильяс, я скажу: эту вещь ты мне подарил.

— Не просто скажешь, Гамид, ты должен мне обещать, что на этих своих показаниях будешь стоять до конца.

Железняков посмотрел на сидящего перед ним Ильяса Т. Тот, встретив его взгляд, вежливо улыбнулся. Допрос длился уже четвертый час, тем не менее выдержка Ильясу Т. за все это время не изменила ни разу. И, хотя показания допрашиваемого явно были далеки от истины, уличить его в этом Железняков так и не смог.

Осложняло дело еще и то, что Ильяс Т., будучи формально советским подданным, подпадал, как лицо, женатое на гражданке И., под двойную юрисдикцию.

Выдержав взгляд Железнякова, Ильяс Т. сказал:

— Юрий Алексеевич, клянусь, я просто не могу понять: почему вы мне не верите? Ведь в конце концов вся эта история проста, как мычание.

— Не так уж она проста, Ильяс Мовсесович,— сказал Железняков. Сказал уверенно, но при этом поймал себя на том, что возражает лишь из боязни потерять нить допроса. Ильяс Т. покачал головой:

— Нет, Юрий Алексеевич, история на самом деле очень проста. Вам ли не знать, что в Москве ежедневно таких историй происходят десятки, если не сотни? Повторяю ее всю, если вам еще не наскучило: ко мне на улице, для точности, недалеко от гостиницы «Украина» подошли два молодых человека. И предложили купить вот эту самую забавную вещичку, медальон, изображенный на фото. Одет я, сами видите, как бы под фирму. К гостинице подъехал на своей «вольво». Естественно, молодые люди приняли меня за иностранца. Я, само собой, ни секунды не допускал, что вещичка может представлять из себя реальную ценность. Но вещичка была милой. К тому же я, зная арабский алфавит, понял, это для моего родственника и приятеля Гамида будет хорошим подарком. Именно поэтому я и купил у молодых людей эту вещь за бешеную, на мой взгляд, сумму в триста рублей — ничуть об этом не жалея. Естественно, ни своих имен, ни еще каких-либо данных эти молодые люди мне не сообщили.

Несколько секунд оба сидели, глядя друг на друга в упор. Наконец Ильяс Т. улыбнулся:

— Ну и последнее, Юрий Алексеевич. Я думаю, вы все же должны оценить, что явился я к вам добровольно? Или нет?

Действительно, Ильяс Т. явился сегодня в райпрокуратуру добровольно. Они пришли вместе с Гамидом А., который принес и отдал Железнякову «Овал Каджаридов». Пояснив, что получил его в подарок от Ильяса Т. Ясно, Железняков должен был хотя бы формально с этим считаться.

В который уже раз взвесив все детали, Железняков сказал:

— Что ж, Ильяс Мовсесович, вы правы. Оценить это я должен. Поэтому больше, во всяком случае, сегодня, я вас задерживать не буду.

После того как Ильяс Т., подписав протокол допроса, ушел, Железняков позвонил в соседнюю комнату, где сидели в ожидании Ченчин и Свиридов, спросил:

— Что будем делать?

Как всегда, за двоих ответил Ченчин:

— Думаю, выход у нас один: нащупать его связи. И работать уже по ним.

Сидя в кабинете директора гостиницы «Космос», Ченчин и Свиридов терпеливо ждали, когда оперуполномоченный БХСС по гостинице Ивакин вернется в кабинет.

Выяснив вчера, что знакомый Ильяса Т. Гурген О.,

оценщик пункта скупки драгметаллов, связан неясными пока им отношениями с администратором «Космоса» Кондрашовой, Ченчин и Свиридов решили на всякий случай эту линию проверить. После короткого обсуждения, во избежание ненужных подозрений было решено поручить проверку Ивакину. То, что беседа Ивакина с Кондрашовой длилась уже около двух часов, означало, по расчетам Ченчина и Свиридова, что Ивакин решил выполнить порученное ему задание на совесть.

Они не ошиблись. Вернувшись в кабинет, Ивакин сообщил: Кондрашова действительно оказывала Гургену О. различные услуги. В том числе и услуги, касающиеся устройства в «Космос» людей, о которых ее просил Гурген О. Имена, паспортные данные и словесные портреты этих людей он, Ивакин, переписал в свой блокнот.

После изучения записей в блокноте Ивакина Ченчин и Свиридов убедились: за последний год в гостиницу «Космос» по рекомендациям Гургена О. были устроены самые неожиданные люди. Переписав фамилии этих людей и подъехав в райпрокуратуру, они снова занялись сортировкой протеже Гургена О., но уже вместе с Железняковым. Отбросив юных девушек, людей пенсионного возраста, а также еще несколько явно не подходящих кандидатур, все трое остановились в конце концов на пятерых молодых людях в возрасте до тридцати двух лет. После нескольких звонков в места проживания этих молодых людей выяснилось: двое из них, некто Сухих Николай Александрович и Хубов Антон Викторович из Приморья, проживавшие в «Космосе» с двадцать четвертого декабря прошлого года по третье января нынешнего, вселились в гостиницу, воспользовавшись чужими паспортами. Один из этих паспортов, выписанный на имя Сухих Анны Викторовны, был к тому же еще и подделан. Владельцы документов, супруги Сухих, в декабре и январе никуда из Приморья не выезжали. Немаловажной деталью было то, что паспорта, которыми воспользовались молодые люди, были утеряны супругами Сухих летом прошлого года в Одессе.

Это заставило Железнякова вспомнить о родственниках ближайшей подруги Вероники Ларионовой Лены Фортушняк. Совсем недавно эти родственники прошли проверку, предпринятую Одесским ГОВД. Тогда, два месяца назад, эта проверка показала: родственники Лены, а именно ее родители и муж Александр, никуда в мае и июне из Одессы не выезжали. Ничего предосудительного в тот период не наблюдалось и в их поведении. Допросы родственников Вероникиной подруги, проведенные тогда одесской милицией, также не дали повода для подозрений.

Но все это было два месяца назад. Сейчас же, после сообщения из Приморья, напрашивался вывод: Одессой надо заняться плотнее. При этом особенно внимательно надо отнестись ко всему, что касается родственников Лены Фортушняк.

Войдя в кабинет директора гостиницы «Космос», администратор Кондрашова вопросительно посмотрела на сидящего у стола Ивакина. Перевела взгляд на разместившихся рядом Ченчина и Свиридова.

— Садитесь, Анна Павловна,— Ивакин подождал, пока Кондрашова, миловидная женщина возраста «чуть за тридцать», сядет на стоящий перед столом стул.— Анна Павловна, помните, у нас с вами шел разговор о людях, поселенных по просьбе вашего знакомого Гургена О.?

— Помню.

— Среди этих людей есть два, как нам кажется, довольно молодых человека, которыми я и мои коллеги заинтересовались особо. В гостинице они жили давно, месяцев восемь назад, и все же нам крайне важно, чтобы вы их вспомнили. Как, сможете?

— Попробую.— Кондрашова помолчала.— Когда точно они въехали?

— Точно двадцать четвертого декабря. Как раз в канун Рождества. Разместились они, если верить документам, в номере люкс одиннадцатого этажа, 1109. Выехали третьего января. Сразу после Нового года.

— Понятно.— Посидев, Кондрашова нахмурилась.— Борис Петрович, я немного подумаю, хорошо? — Кондрашова прикрыла глаза.— После Нового года... После Нового года...— Посмотрела на Ивакина: — По-моему, один из них был повыше, другой пониже?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю. Я ведь их не видел.

— Я их помню. Молодые ребята, один блондин, другой потемнее.

— Если бы мы показали вам их фотографии, вы могли бы их узнать? — спросил Ченчин.

— Наверное.

— Тогда посмотрите.— Достав из большого конверта стопку фотографий знакомых, приятелей, даже друзей детства Александра Фортушняка, которые они со Свиридовым только что привезли из Одессы, Ченчин разложил их перед Кондрашовой.— Посмотрите внимательно. Не торопитесь. Может быть, кого-то узнаете.

Фотографий было много, около пятидесяти, поэтому они заняли почти весь стол. Снимки Кондрашова изучала долго. Наконец отодвинула в сторону несколько фотографий. Поколебавшись, выбрала из них два снимка.

— Вот. По-моему, это они.

— По-вашему? — спросил Ченчин.

— Да. Очень похожи. Вообще память на лица у меня неплохая.

— Спасибо, Анна Павловна.— Подождав, пока Кондрашова выйдет, Ченчин перевернул оба снимка. На одном было написано: «Каменский М. А.», на втором — «Лукашов В. Н.».

Эти же фотографии были вскоре опознаны дежурной по этажу, горничной и официантом, обслуживавшим Каменского и Лукашова в ресторане.

В тот же день Железняков, позвонив в Одессу, попросил собрать о Каменском и Лукашове как можно более полные сведения. В том числе выяснить, были ли они в конце мая в Одессе.

На следующее утро Одесса сообщила по телефону: с середины до конца мая Каменского и Лукашова в Одессе не было совершенно точно. Где они находились в это время, выяснить не удалось. Характеристики как на Каменского, так и на Лукашова были не из лучших. Лукашов недавно был осужден условно за хранение и попытку провоза наркотиков, Каменский к уголовной ответственности не привлекался, однако не раз попадал в поле зрения милиции. В настоящее время, по данным Одесского ОУВД, Каменский и Лукашов находятся на борту дизель-электрохода «Крым», совершающего круиз по линии Одесса — Батуми.

Нос лоцманского катера то и дело зарывался в морскую волну, поднимая фонтаны брызг. Стоя в шкиперской

рубке, Железняков разглядывал надвигавшийся борт стоящего на рейде Туапсе дизельэлектрохода «Крым». По данным водной милиции Михаил Каменский и Виктор Лукашов находятся сейчас там, занимая каюту люкс по правому борту. Вахтенный помощник капитана, с которым Железняков только что разговаривал по радиотелефону, подтвердил: оба пассажира на берег не сходили.

Виктор Лукашов и Михаил Каменский... Вполне возможно, подумал Железняков, они и не имеют никакого отношения к убийству на Бережковской набережной. И все же, сопоставляя факты, он все больше и больше приходит сейчас к убеждению: это его люди. Даже если

Лукашов и Каменский не главные преступники, то уж во всяком случае очень близко стоящие к ним фигуранты [3].

Катер сбавил ход. Наконец, после того как шкипер выключил мотор, начал медленно приближаться к спущенному с борта трапу, покачиваясь на волне.

Железняков вышел из рубки. Стоящие здесь Ченчин и Свиридов, а также четверо оперуполномоченных туапсинской водной милиции, все в гражданской одежде, посмотрели на него.

— Поднимаемся,— сказал Железняков. И, взявшись за леер [4], первым ступил на трап.

Здесь, на «Крыме», двери кают люкс выходили прямо на променандек [5]. Поэтому, открыв дверь и переступив комингс [6], Миша сразу же ощутил мягкое прикосновение ветра. Тут же увидел Галю, загорелую, в белых шортах и белой короткой майке. Стоя у лееров, Галя, чуть приподняв голову и закрыв глаза, ловила последние лучи уже спускающегося солнца. Почувствовав, что Миша стоит рядом, повернулась. Положив руки ему на плечи, шутливо нахмурилась:

— А Витя? Лиза его ищет, ищет. Неужели спит?

— Одевается...— Миша хотел было поцеловать Галю. Он даже сделал движение, чтобы приблизить ее к себе. Но именно в этот момент что-то его остановило, и через

мгновение он понял: этим «что-то» были семь крепких людей в гражданском, не спеша поднимавшихся по трапу. Люди, это он видел очень хорошо, сошли с ошвартовавшегося внизу, у трапа, лоцманского катера. Незаметно скосив глаза, подумал, пока без особой паники: ментовка. За ними? Неизвестно. Может, за ними, а может, нет.

Галя улыбнулась:

— Мишенька, что с тобой? О чем задумался?

— Ни о чем.— Наконец-то он смог поцеловать ее в шею, продолжая при этом следить за людьми в штатском.— Вернее, я задумался о том, почему мы с тобой сейчас не одни.

— Ну...— Отстранившись, Галя посмотрела на него

[3] «Фигурант» (спец. юр.) — лицо, в том или ином качестве проходящее по конкретному делу.

[4] «Леер» (мор.) — оградительный трос.

[5] «Променандек» (мор.) — промежуточная (прогулочная) палуба.

[6] «Комингс» (мор.) — порог любого помещения на судне.

со свойственной только ей усмешкой.— Ми-иша... Какой ты странный. Это никуда не уйдет.

— Ты права, никуда. Мы ведь хотели пойти в бар?

— Ну да. Идем?

— Конечно. Займите с Лизой столик. А мы подойдем.

— Хорошо. Только не очень долго, ладно?

— Конечно. Мы будем через минуту.

— Но не больше. Ждем! — Махнув рукой, Галя повернулась. Пошла вдоль переборки. Наблюдая за ее легкой походкой, Миша вздохнул. Если эти семеро, уже ступившие на палубу и скрывшиеся пока за надстройкой, пришли за ними — Гали он больше никогда не увидит. Впрочем, почему эти семеро хомутов обязательно должны подняться на «Крым» за ними? У милиции должно хватать дел и без них.

Наконец Галя скрылась в люке. Оглядев пустой променандек, Миша крикнул в отдраенный иллюминатор:

— Лука, скорей! Неужели трудно натянуть джинсы?

И тут же увидел: слева, оттуда, куда только что ушла Галя, по палубе к нему идут трое. Покосился направо — с той стороны идут четверо. На секунду мелькнуло: может, прыгнуть за борт? И попробовать дотянуть до берега? Тут же усмехнулся — какая чушь.

Первый из идущих слева остановился. Помолчав, сказал голосом, будничным до тошноты.

— Простите, вы Каменский Михаил Александрович?

— Да,— Миша выпрямился.— Он самый. Каменский Михаил Александрович.

Чутье его не обмануло, они пришли за ними. И означать это могло только одно: все кончено.

Виктор Анисимович Парин, старший следователь по особо важным делам, взглянул прямо в глаза сидящего перед ним Михаила Каменского. Не найдя в них ничего, кроме усталости и желания рассказать все, что нужно, лишь бы мука допросов наконец кончилась, взглянул в окно. Там шел снег. С момента задержания Каменского

и Лукашова минуло почти четыре месяца. Близился Новый год. Новый год, подумал Парин, а до «алмазов шаха» он пока так же далек, как и в самом начале знакомства с Каменским и Лукашовым.

Сейчас, в декабре, Парин уже понимал: то, что у следователя райпрокуратуры Железнякова дело отобрали, тут же передав ему, было по отношению к молодому специалисту несправедливостью. Допросы Каменского и Лукашова Железняков провел виртуозно, уже в конце первой недели заставив их во всем признаться. Во всем, кроме одного: оба в один голос твердили, что «алмазов шаха» в квартире Ларионовых так и не нашли. Именно поэтому следствие в конце концов и было передано сюда, в следственную часть Прокуратуры СССР, к нему, Парину: Случилось это два месяца назад, и за это время он успел

чуть ли не подружиться как с Каменским, так и с Лукашовым. Использовав все известные ему приемы и уловки, он заставил подследственных признаться в нескольких не относящихся к основному делу побочных преступлениях, однако от причастности к похищению «алмазов шаха» оба и по сей день твердо и решительно отказывались.

Нажав кнопку вызова конвоира, Парин сказал:

— Миша, на сегодня хватит. И все же мой вам совет: подумайте. Хорошо подумайте. Поймите, признание действительно облегчит вашу участь. Это не просто слова.

Каменский мрачно усмехнулся:

— Виктор Анисимович, неужели вы до сих пор не убедились, что мы говорим правду. Не было в квартире этих алмазов. Или были, но мы их не нашли. Даю вам любое слово.

После того, как дверь закрылась, Парин некоторое время разглядывал телефон. И вдруг ему в голову пришла до предела банальная мысль. Настолько банальная, что он сначала лишь досадливо кхекнул.

Все же, посидев несколько секунд в раздумье, Парин наконец снял телефонную трубку. Набрав номер, услышал знакомый голос единственной оставшейся в живых потерпевшей, Вероники Ларионовой:

— Алло?

— Вероника, добрый день, это Виктор Анисимович.

— Добрый день, Виктор Анисимович. Что... что-нибудь новое?

— Новое, не новое, но у меня появилась одна мысль. Вы ведь хорошо знали бабушку?

— Так. А к чему вы это, Виктор Анисимович?

— К тому, Вероника, что я хотел попросить вас поискать в квартире. Почему-то мне кажется, что эти самые алмазы никуда из вашей квартиры не уходили.

Положив трубку, Парин, будучи абсолютно уверен, что ни к каким реальным последствиям его предложение не приведет, занялся текущими делами.

Каково же было его удивление, когда часа через два, сняв трубку после очередного звонка, он услышал взволнованный голос Вероники:

— Виктор Анисимович, алмазы нашлись!

— Подождите, подождите,— поспешил перебить он.— В квартире вы сейчас одна?

— Одна.

— Я сейчас приеду. Большая просьба: до этого момента никому не открывать.

В квартиру на Бережковской набережной Парин приехал через двадцать минут вместе с экспертами и понятыми. Потрясенная Вероника показала на лежащий на столе старый атласный халат:

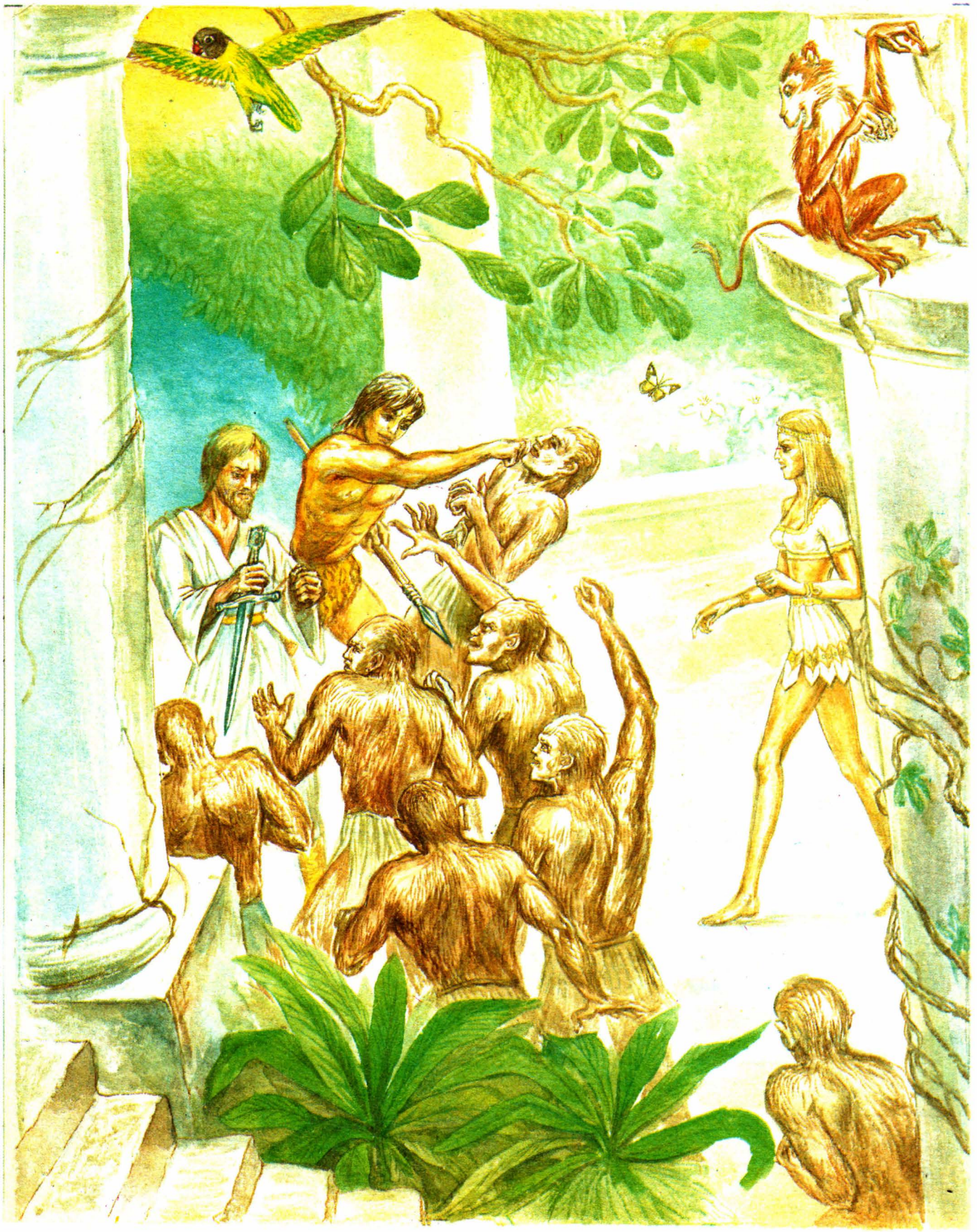
— Они там... Я их даже не вынимала... В плечике...

Один из экспертов взял халат. Вывернув рукав, обнажив подложное ватное плечико. В холщовой ткани был хорошо виден разрез, сделанный, видимо, Вероникой. Эксперт кивнул напарнику:

— Подстели чистый лист...— Подождав, пока напарник положит на стол чистый лист, осторожно высыпал на него один за другим «алмазы шаха».

Как и ожидалось, их было ровно семнадцать.

Рисунки Александра Разбойникова



I
Бельгиец и араб

Только доброе имя предков, которое он покрыл несмываемым позором, спасло лейтенанта Альберта Верпера от разжалования. Покровителю удалось добиться для него назначения в один из отдаленных военных постов Конго, и поэтому он избавился от тяжелой необходимости предстать перед военным судом. Альберт Верпер знал, что суд наверное приговорил бы его к расстрелу, и потому первое время был искренне доволен своей судьбой.

Но шесть месяцев тягучего однообразия и полнейшей оторванности от внешнего мира изменили его взгляд на вещи и отношение к окружающим.

Он тосковал по веселой, шумной жизни Брюсселя, этой оживленнейшей из столиц. В душе его зарождалась глухая ненависть к людям, которым он еще так недавно был признателен за избавление от унижения и позора.

Чувствуя свое бессилие по отношению к сославшим его властям, он мало-помалу перенес всю накопившуюся злобу на их представителя в Конго — своего непосредственного начальника.

По вечерам Верпер и его начальник — холодный замкнутый человек — просиживали часами на веранде их общей квартиры, молча выкуривая одну папиросу за другой. И по мере того как ненависть Верпера к капитану росла и превращалась в манию, он стал рассматривать природную молчаливость своего начальника как личное оскорбление. Ему казалось, что капитан презирает его за прошлое.

Однажды они сидели по обыкновению на веранде, и в молчании докуривали свои папиросы. Вдруг Верпер вскочил. Глаза его сузились и налились кровью, веки дрожали, пальцы судорожно сжимали рукоять револьвера.

— Вы опять оскорбляете меня! — крикнул он, подбегая к капитану.— Это в последний раз! Я благородный офицер и не позволю всякому подлецу издеваться над собой!

Капитан с удивлением повернулся к нему. Ему уже приходилось видеть людей, одичавших в джунглях, обезумевших от одиночества, гнетущей тоски и изнуряющей лихорадки. Он встал и протянул руку, чтобы положить ее на плечо лейтенанта, успокоить, образумить его. Но Верперу показалось, что капитан хочет его схватить; дуло револьвера было на уровне сердца капитана, и не успел тот сказать хоть слово, как Верпер спустил курок.

Без крика, без стона упал человек на дощатый пол веранды...

Туман, заволакивавший сознание Верпера, внезапно рассеялся, и он увидел себя и свой поступок в настоящем свете. Возбужденные голоса донеслись до него из помещения солдат; в темноте кто-то бежал к веранде.

Сейчас они схватят его, убьют, а если и не убьют, то свяжут и отвезут вниз по Конго, где эта операция с неменьшим успехом будет произведена полномочным военно-полевым судом.

Верпер не хотел умирать. Никогда прежде не испытывал он такой жажды жизни, как сейчас, когда и в самом деле лишил себя права жить.

Люди приближались. Что делать? В отчаянии он побежал через двор, все еще сжимая в руке револьвер. У ворот его задержал чернокожий часовой. Верпер не задумываясь пристрелил его. Схватив винтовку и патронташ убитого, он распахнул ворота и исчез во мраке джунглей.

Всю ночь Верпер бежал, углубляясь все дальше в чащу джунглей, пока не свалился, наконец, совершенно обессиленный. Голод и усталость так изнурили его, что он потерял сознание.

В таком состоянии и нашел его Ахмет-Зек.

Увидав заклятого врага — европейца, спутники Ахмета схватились за копья и хотели заколоть его, но Ахмет остановил их. Следовало сначала допросить человека и лишь потом убить.

Лейтенант Альберт Ве́рпер был перенесен в палатку Ахмет-Зека, и несколько черных рабов стали приводить его в чувство. Они по каплям вливали ему в рот вино и жидкую пищу, и понемногу пленник очнулся. Открыв глаза, он увидал фигуру араба у входа в палатку. Араб, встретив взгляд пленника, вошел в палатку.

— Я — Ахмет-Зек.— объявил он.— Кто ты такой и что ты делал в моих владениях? Где твои солдаты?

— Ахмет-Зек!

Глаза Верпера широко раскрылись от удивления, а сердце сжалось от страха. Он был в руках самого отчаянного из разбойников, известного своей ненавистью к европейцам, и в особенности к тем, которые носили бельгийскую военную форму. Уже много лет военные силы бельгийского Конго безуспешно боролись с этим человеком и его приспешниками.

Теперь в самой ненависти этого человека к бельгийцам блеснул луч надежды для Верпера. Он сам был таким же бесправным и отверженным, как и разбойник, и Верпер решил воспользоваться этим.

— Я слышал о тебе,— отвечал он,— и искал тебя. Соотечественники отвернулись от меня. Я ненавижу их. Бельгийские солдаты рыщут по моим следам, чтобы убить меня. Я знаю, что ты защитишь меня от них, потому что ты тоже ненавидишь их. В благодарность я готов поступить к тебе на службу. Я — опытный солдат, я умею драться, и твои враги — мои враги.

Ахмет-Зек молча разглядывал европейца. Вероятнее всего, неверный лжет. Но возможно он говорит правду, а в таком случае его предложение достойно серьезного внимания. Опытный боец никогда не бывает лишним в отряде, тем более, если он обладает опытом и знанием военного дела.

— Ну что ж! — проговорил Ахмет-Зек.— Если даже ты и солгал, убить тебя я всегда успею. Какой награды ожидаешь ты за свои услуги, если не считать того, что я дарую тебе жизнь?

— О, мне нужно только, чтобы ты кормил и одевал меня первое время,— отвечал Верпер,— а там, если я заслужу большего, мы всегда сможем сторговаться.

Так лейтенант Альберт Верпер стал членом разбойничьей шайки знаменитого Ахмет-Зека. Вместе с дикими разбойниками-арабами дезертир-бельгиец теперь совершал дерзкие набеги на караваны и деревни туземцев и возвращался в стан с награбленной слоновой костью и толпами пленников, которых разбойники продавали в рабство. Он старался ни в чем не уступать своим новым товарищам и сражался с такой же яростью и жестокостью.

Ахмет-Зек с видимым удовольствием следил за успе-

хами своего нового воина и начинал проникаться к нему доверием.

У Ахмет-Зека была одна заветная мечта; он давно ее лелеял, но не мог найти случая осуществить ее. С помощью европейца задача решалась значительно легче, и Ахмет-Зек решил довериться бельгийцу.

— Слышал ты когда-нибудь о человеке, которого зовут Тарзаном? — спросил он как-то Верпера.

Верпер кивнул головой.

— Слыхал, но никогда не встречался с ним.

— Если бы не он, мы вели бы наши дела спокойнее и с гораздо большей прибылью,— продолжал араб.— Много лет уже он преследует нас, изгоняет из самых богатых областей страны, восстанавливает и вооружает против нас туземцев. Он очень богат. Если бы удалось заставить его выплатить нам большое количество золота, мы были бы отомщены и вознаграждены за те потери, которые потерпели из-за него.

Верпер вынул из усеянного драгоценными камнями портсигара папиросу и закурил.

— А ты подумал о том, как заставить его заплатить? — спросил он.

— У него есть жена,— отвечал араб,— она, как говорят, очень красива. За нее можно будет и на севере получить хорошие деньги, если будет слишком трудно добиться выкупа у Тарзана.

Верпер опустил голову и задумался. Что будет, если он откажется участвовать в этом деле? Его жизнь в руках дикаря, который жизнь неверного ценит меньше, чем жизнь собаки. Верпер хотел жить, и какое дело было ему, в сущности, до этой женщины! Она, несомненно, была из европейского культурно организованного общества, а он был отверженным. Если он откажется принять участие в ее похищении, Ахмет-Зек убьет его. Нет, все-таки жизнь дороже всего.

— Не решаешься? — пробормотал Ахмет-Зек.

— Нет, я думал о том, насколько это выполнимо. Риск очень велик. Ты хорошо заплатишь мне за это, Ахмет-Зек!

Довольная улыбка пробежала по лицу разбойника.

— Вот это хорошо сказано, Верпер! — проговорил он и похлопал лейтенанта по плечу.— Ты заслуживаешь хорошего вознаграждения, и ты его получишь. Но прежде всего надо подумать, как привести наш план в исполнение.

Они уселись на мягком коврике под вылинявшими шелками некогда великолепного шатра Ахмет-Зека и долго и таинственно шептались в темноте. Была уже поздняя ночь, когда Верпер вернулся в свою палатку.

На следующий день Верпер подверг самому строгому осмотру свой бельгийский мундир, тщательно удаляя с него все знаки отличия. Из своей богатой коллекции награбленных вещей Ахмет-Зек извлек небольшой шлем и европейское седло; и, экипированный таким образом, Верпер выехал в сопровождении нескольких черных рабов-сафари из стана разбойников.

II
На пути в Опар

Две недели спустя Джон Клейтон, лорд Грэйсток, возвращаясь домой после осмотра своих обширных африканских владений, заметил кучку людей, которые ехали по равнине между его домом и лесом.

Он остановил лошадь и стал следить за маленьким отрядом. Его зоркий глаз издали заметил сверкающий на солнце белый шлем всадника, ехавшего впереди. Полагая, что это странствующий охотник-европеец, который направляется к его дому в надежде на гостеприимство, лорд Грэйсток натянул поводья и медленно поехал навстречу незнакомцу, а через полчаса гость и хозяин уже входили в дом, и лорд Грэйсток представил своей жене Жюля Фреко.

— Мы заблудились! — объяснил Фреко.— Мой проводник никогда прежде не бывал в этой местности. Я счастлив, что встретился с вами. Не знаю, право, что бы мы стали делать, если бы не очутились случайно в ваших владениях.

Решено было, что Фреко и его люди останутся здесь на несколько дней, чтобы отдохнуть от тяжелого пути, а потом лорд Грэйсток даст им проводника.

Под личиной французского джентльмена, хорошо воспитанного, любезного и свободно располагающего своим временем, Верперу нетрудно было обмануть своих хозяев и расположить их к себе. Но чем дольше он оставался в доме, тем невозможнее казалось ему осуществление его планов.

Леди Грэйсток никогда не выезжала одна далеко от дома, и беззаветная преданность свирепых вазири, из которых, главным образом, состояло войско Тарзана, делала невозможной попытку как похищения леди Джен, так и подкупа самих вазири.

Прошла неделя, а Верпер, насколько он мог сам судить, был не ближе к своей цели, чем в день приезда. Помог случай. Утром рассыльный привез еженедельную почту, и лорд Грэйсток, запершись в кабинете, до обеда был занят корреспонденцией. За обедом он казался расстроенным и, очень рано распрощавшись, ушел к себе. Леди Грэйсток вскоре последовала за ним.

Верпер, сидя на веранде, слышал их голоса; они о чем-то серьезно совещались. Хитрый бельгиец сразу сообразил, что происходит что-то необычное. Спокойно поднявшись со стула и стараясь держаться в тени густо разросшегося вокруг дома кустарника, он подкрался к окну.

Уже первые услышанные им слова взволновали его. Говорила леди Грэйсток:

— Я всегда опасалась за кредитоспособность этого общества. Но мне кажется совершенно невероятным, что они обанкротились. Я полагаю, что там были какие-нибудь крупные злоупотребления.

— Это, вероятно, так и есть! — отвечал Тарзан.— Но, какова бы ни была причина краха, факт остается фактом. Я потерял решительно все, и мне ничего не остается делать, как вернуться в Опар за новыми богатствами.

— О, Джон! — воскликнула леди Грэйсток, и Верпер почувствовал, как дрожал ее голос.— Неужели нет другого выхода? Мне страшно подумать, что ты вернешься в этот ужасный город. Я готова прожить всю жизнь в бедности, только бы тебе не пришлось снова подвергаться таким опасностям.

— Ты напрасно беспокоишься! — смеясь, отвечал Тарзан.— Я достаточно благоразумен, чтобы быть осторожным, а кроме того, вазири пойдут со мною, а уж они-то не дадут меня в обиду.

— Они однажды уже убежали из Опара, оставив тебя на произвол судьбы! — осторожно напомнила леди Джен.

— Они не сделают этого вторично. Им и тогда было очень стыдно за себя, и они уже возвращались обратно в Опар, когда я их встретил.

— Можно найти другой выход! — настаивала жена.

— Я не вижу никакой другой возможности приобрести состояние. Я буду очень осторожен, Джен. Жители Опара не заметят, что я снова был у них в гостях и

лишил их еще одной части сокровища, о существовании которого они и не подозревают.

Решительность его тона очевидно убедила леди Грэйсток в том, что дальнейшие споры бесполезны, и она переменила разговор. Верпер постоял еще некоторое время под окном, но, уверившись в том, что он узнал самое важное, и боясь быть замеченным, вернулся на веранду.

За завтраком Верпер объявил, что он думает уехать на днях, и попросил Тарзана разрешения поохотиться в его владениях на обратном пути из страны вазири. Бельгиец провел два дня в приготовлениях к отъезду и, наконец, действительно уехал в сопровождении всей своей свиты и одного проводника из племени вазири.

Не успели они пройти пять-шесть верст, как Верпер заявил, что он захворал и останется здесь до тех пор, пока не поправится. Он отпустил проводника вазири, сказав, что вызовет его, как только сможет продолжать путь, затем потребовал к себе в палатку одного из наиболее преданных Ахмет-Зеку черных и отдал приказание следить, когда Тарзан двинется в путь и в каком направлении он пойдет.

Бельгийцу недолго пришлось ждать. На следующий день разведчик возвратился с сообщением, что Тарзан с пятьюдесятью воинами на рассвете направился на юго-восток.

Написав длинное письмо Ахмет-Зеку, Верпер призвал к себе предводителя отряда и сказал ему:

— Пошли сейчас же гонца с этим письмом к Ахмет-Зеку. Сам же оставайся здесь и жди дальнейших распоряжений. Если сюда придут от англичанина, скажи, что я очень болен, лежу в палатке и не могу никого принять. А теперь дай мне человек шесть наиболее сильных и храбрых воинов, и я пущусь по следам англичанина.

И в то время как Тарзан, сняв с себя европейский костюм, покрыв свои бедра куском меха и вооружившись самым примитивным образом, вел своих верных вазири к мертвому городу Опару, бельгиец-дезертир неотступно следовал за ним.

Для Тарзана-обезьяны это путешествие было сплошным праздником. Вся его цивилизованность была только внешним покровом, который он был рад сбросить при первом удобном случае вместе со стеснявшим его европейским костюмом. Только любовь женщины удерживала его в рамках этой кажущейся культурности. Жизнь среди европейцев породила в нем презрение к цивилизации.

— Укажите же мне того толстого самодовольного труса,— говорил он,— который когда-нибудь создал прекрасный идеал. Все светлое и прекрасное в человеческом уме и сердце родилось под бряцание оружия, в борьбе за жизнь, в лапах нужды и голода, перед лицом смерти и опасности.

Его вазири были, в сущности, даже культурнее, чем он. Они варили мясо, прежде чем есть его, и от многих предметов, которые Тарзан почитал за лакомства, отворачивались, как от нечистых. Но Тарзан недаром был вскормлен дикой обезьяной: он жаждал горячей крови свежеубитого зверя, его мускулы требовали битвы с могучими обитателями джунглей, чтобы снова испытать свою силу, которая в первые двадцать лет жизни давала ему право на существование.

III
Голос джунглей

Наступила ночь. Тарзан лежал в четырехугольной, сплетенной из колючих веток палатке, которая до некоторой степени защищала его и воинов от нападения диких зверей. Возле палатки, у пылающего костра, стоял на страже один из воинов вазири.

Больше часа Тарзан метался на своем ложе из травы и не мог уснуть. Вздохи, кашель львов и рычанье других обитателей джунглей звучали мощным призывом в ушах дикого английского лорда. Воспользовавшись тем, что часовой отвернулся, он встал и неслышно, как призрак, раздвинул стенки палатки. В темноте сверкнули желтые глаза. Тарзан вскочил на ближайшее дерево и взобрался на верхние тонкие, качающиеся ветви. Луна ярко освещала ему дорогу, легкий ветерок шелестел листвой, каждая хрупкая веточка, на которую он ступал, предательски гнулась.

Он остановился на минуту и поднял голову и руки к луне Горо. Крик обезьяны-самца готов был сорваться с его губ, но он удержал его, боясь всполошить своих вазири.

Теперь он двигался медленнее, осторожно крадучись по веткам. Тарзан-обезьяна выслеживал добычу. Он опустился на землю и очутился в непроглядной мгле джунглей. Свет луны не проникал сквозь густую листву. Время от времени он нагибался и ловил запах. На земле было много следов различных зверей; среди них он нашел свежий след оленя Бары. Рот Тарзана наполнился слюной, глухой рев вырвался из его груди. Исчезли последние следы искусственной сдержанности. Тарзан снова был первобытным охотником, первобытным человеком.

Тонкое обоняние Тарзана предупредило его о том, что олень близко. Он снова взобрался на дерево и, продолжая свой путь по нижним веткам, настиг Бару на залитой лунным светом поляне.

В правой руке человека-обезьяны был длинный охотничий нож, принадлежавший когда-то его отцу. На короткий миг он повис над ничего не подозревавшим Барой и вдруг бросился сверху прямо на гладкую спину животного. Под тяжестью человеческого тела олень упал на колени, и, прежде чем он успел подняться, острый нож вонзился ему в сердце. Тарзан вскочил на труп своей жертвы, чтобы ознаменовать свою победу криком торжества, но в эту самую минуту ветер донес до его ноздрей что-то такое, что заставило его насторожиться и удержать победный крик. Он стал пристально вглядываться в ту сторону, откуда дул ветер, и через минуту высокая трава на противоположной стороне лужайки раздвинулась, и лев Нума величественно вступил на поляну. Дойдя до середины поляны, он остановился, его желто-зеленые глаза с завистью глядели на счастливого охотника. Нуме не везло в эту ночь. Глухой рев сорвался с губ человека-обезьяны. Нума ответил тем же, но не двинулся с места. Он тихонько помахивал хвостом и не сводил глаз с Тарзана, который преспокойно уселся на корточки на туше оленя и отрезал здоровенный кусок мяса от задней части убитого животного.

Этому льву никогда прежде не приходилось встречаться с Тарзаном-обезьяной, и он был сейчас в полнейшем недоумении. Перед ним было существо по виду и запаху похожее на человека (а Нума уже испробовал человеческого мяса и знал, что хотя оно и не самое приятное на вкус, но зато получить его гораздо легче, чем какое-либо другое), но в зверином реве этого существа было что-то, что напоминало Нуме огромных волосатых противников, и он стоял, не смея сдвинуться с места, в то время как голод и запах горячего мяса раздражали его до безумия.

Но соблазн был слишком велик, и Нума решился. Его хвост внезапно поднялся стоймя в воздухе, и в то же мгновение Тарзан, прекрасно знавший, что обозначает это

движение, схватил в зубы отрезанный им кусок мяса и вскочил на ближайшее дерево. Нума, кинувшийся вперед со скоростью экспресса, нашел пустое место там, где рассчитывал наткнуться на противника.

Поблизости росло множество деревьев с большими твердыми плодами. Тарзан с легкостью белки перескочил на одно из них и стал торопливо срывать тяжелые плоды и кидать ими в огромную кошку, которую эта неожиданная бомбардировка привела в ярость. Под градом снарядов Нума не мог приступить к трапезе; он только ожесточенно ревел и рычал, увертываясь, как мог, от ударов, и в конце концов с гневным ворчанием отошел от туши оленя. Но, дойдя до середины поляны, вдруг смолк. Его крупная голова опустилась и вытянулась, тело приникло к земле, длинный хвост задрожал, и, крадучись, лев стал пробираться к деревьям на противоположную сторону поляны.

Тарзан тотчас же насторожился. Что могло привлечь внимание Нумы и заставить его забыть о своем поражении? Прикрепив оставшийся кусок мяса к сучковатой ветке, он обтер жирные ладони о свои голые бедра и по верхушкам деревьев пустился вслед за Нумой. Широкая, проторенная дорожка вела от поляны к лесу. Параллельно этой дорожке, прячась между стволами, крался Нума, а над ним, высоко в воздухе, словно призрак, двигался белый человек. Оба они одновременно увидели добычу Нумы. Впрочем, их тонкое обоняние уже раньше им сообщило, что это черный человек, а Тарзан, кроме того, почувствовал, что это старый мужчина, потому что и раса, и пол, и возраст имеют свой отличительный запах.

Это был сморщенный, высохший старикашка, весь изуродованный рубцами и татуировкой. Его плечи покрывала шкура гиены, высохшая голова животного покоилась на поседевшей макушке. По особым знакам на ушах Тарзан узнал в нем знахаря. Тарзан недолюбливал знахарей! Но в тот момент, когда Нума уже сделал прыжок, белый человек вдруг вспомнил, что месть сладка и что лев несколько минут тому назад похитил его добычу.

Прежде чем знахарь успел опомниться, он уже был в лапах Нумы. В это мгновение Тарзан спрыгнул с ветки, всей тяжестью упал на спину хищника и погрузил свой нож под левую лопатку. Обмотав длинную гриву вокруг правой руки, он вонзил зубы в шею льва и обвил его туловище могучими ногами.

Нума взревел от боли и от ярости, поднялся на задние лапы и упал на спину. Тарзан обладал нечеловеческой силой; он ни на минуту не выпускал льва из своих железных объятий и без перерыва вонзал свой нож в его бок. Несчастный зверь катался по земле, кусая и царапая воздух, рыча и корчась от невероятных усилий схватить страшное существо, сидевшее у него на спине. Тарзан сам был весь исцарапан, избит и покрыт кровью Нумы и липкой грязью. Оплошай он хоть на миг, и карьера воспитанного джунглями английского лорда навсегда была бы окончена!

Знахарь лежал там, где его настиг лев. Весь разодранный, истекающий кровью, он не в силах был подняться и убежать, и волей-неволей должен был наблюдать за ожесточенной битвой двух владык джунглей. Что же это было за необыкновенное существо? Оно не сдавалось царю зверей! И вдруг в памяти его встала поблекшая от времени картина давно прошедших дней: много лет тому назад он видел в джунглях гибкого белокожего юношу, несшегося по деревьям во главе целого стада громадных обезьян. Глаза старика замигали: в них отразился суеверный страх человека, который верит в духов и демонов.

Теперь старый знахарь уже не задумывался над тем, кто одержит победу. Он знал, что этот бог джунглей убьет Симбу.

Он видел, как лев начинает слабеть от потери крови, как его могучее тело дрожит и шатается. Наконец зверь свалился на землю, чтобы больше уже не подняться. Лесной демон, поставив ногу на все еще трепещущее тело, поднял лицо к луне, и из груди его вырвался такой дикий, лающий крик, что в жилах старого колдуна застыла кровь...

IV
Предсказание сбывается

Тарзан посмотрел на колдуна. Он убил Нуму не для того, чтобы спасти негра; он сделал это исключительно из мести ко льву. Но когда он увидел перед собой беспомощного умирающего старика, чувство, близкое к жалости, закралось в его дикое сердце. Он видел, что старик был уже при смерти и страдал. Нагнувшись, Тарзан осмотрел его раны и остановил кровотечение.

— Кто ты? — дрожащим голосом спросил старик.

— Я Тарзан из племени обезьян,— отвечал человек-обезьяна, и в голосе его звучала не меньшая гордость, чем если бы он сказал: «Я Джон Клейтон, лорд Грэйсток».

— Что же ты не убиваешь меня? — спросил он.

— Зачем мне убивать тебя? — проговорил Тарзан.— Ты не сделал мне зла. К тому же ты все равно уже умираешь, Нума-лев убил тебя.

— Так ты не убил бы меня?

Удивление и недоверие слышались в дрожащем старческом голосе.

— Наоборот, я спас бы тебя, если бы мог,— отвечал Тарзан,— но это невозможно.

С минуту старик молчал. Когда он заговорил, было видно, что ему немалых сил стоило собраться с духом.

— Я знал тебя раньше,— заговорил он,— еще в то время, когда ты бродил по джунглям поблизости от страны вождя Мбонги. Я уже был знахарем, когда ты убил Кулонгу и других воинов, ограбил наши хижины и унес наш сосуд с ядом. Сначала я не узнал тебя, но потом вспомнил белокожую обезьяну, которая жила с волосатыми обезьянами и досаждала жителям деревни Мбонги-вождя. Ведь это ты — бог лесов, Мунанго Ксевати. Скажи мне, прежде чем я умру: человек ты или дьявол?

Тарзан рассмеялся.

— Я человек,— сказал он.

Старик вздохнул и покачал головой.

— Ты намеревался спасти мне жизнь,— сказал он,— и за это я хочу отблагодарить тебя. Я великий знахарь. Слушай меня, белокожий! Тяжелые дни ждут тебя впереди. Это я прочел в моей крови, которую я помазал на ладонь. Вернись, Мунанго Ксевати! Вернись назад, пока не поздно. Опасность ждет тебя впереди, опасность подстерегает тебя сзади. Но та, что впереди, страшнее. Я вижу...

Он остановился и, захлебнувшись долгим, тяжелым вздохом, умер.

Было уже очень поздно, когда человек-обезьяна возвратился в палатку и лег среди своих воинов. Никто не заметил, как он вышел, никто не видел, как он вернулся. Он подумал, перед тем как уснуть, о предостережении знахаря и снова вспомнил о нем, когда проснулся. Но он не повернул обратно: Тарзан из племени обезьян был неустрашим.

В это утро в нескольких верстах позади Тарзана дру-

гой белый человек размышлял о том, что он слышал ночью, и был уже близок к тому, чтобы отказаться от своих намерений и повернуть назад. Это был убийца Верпер. В ночной тиши он услыхал победный крик обезьяны-самца, который Тарзан послал к лику луны Горо; он задрожал и закрыл лицо руками. И даже теперь в ярком свете дня при одном воспоминании о нем хотелось бежать от неведомой опасности. Но бельгийца удерживал еще бóльший страх; он боялся своего господина Ахмет-Зека.

На краю пустынной долины, за которой виднелись золотые купола и минареты Опара, Тарзан остановился. Он хотел пойти туда ночью на разведку, потому что обещал Джен быть крайне осторожным.

С наступлением ночи он двинулся в путь. Верпер, пробравшийся по скалам вслед за отрядом вазири и скрывавшийся в течение дня между огромными валунами на верхушке горы, крадучись следовал за ним.

Перед наружными стенами города возвышалась крутая гранитная скала. В этой скале находился вход в туннель, который вел в сокровищницу Опара. Тарзан легко взобрался на неприступную скалу. Верпер, кряхтя и обливаясь потом, дрожа от боязни, но подгоняемый вперед ненасытной жадностью и страхом перед своим хозяином, карабкался вслед за ним и достиг, наконец, вершины. Тарзана не было видно. Верпер притаился за одним из больших камней, но, не слыша шагов Тарзана, вышел и стал внимательно оглядываться.

Вскоре он нашел узкую расселину. Сглаженные от времени гранитные ступени вели в глубь скалы. Верпер спустился вниз и очутился перед отверстием, ведущим в длинный темный туннель. Здесь он остановился, боясь наткнуться на возвращающегося Тарзана.

А Тарзан в это время ощупью пробирался по гранитному коридору к тяжелым деревянным дверям сокровищницы. Минуту спустя он уже стоял посреди кельи. Сюда много лет назад сложили несметное богатство, принадлежавшее владыкам Атлантиды — великого материка, который теперь лежит глубоко под водами Атлантического океана.

Ничто не нарушало мертвой тишины подземной комнаты. Никто не входил сюда с тех пор, как Тарзан в последний раз закрыл за собой массивную дверь.

Довольный осмотром, Тарзан вернулся назад. Верпер из-за гранитного выступа следил за ним, пока он поднимался из мрака. Тарзан вышел из туннеля и направился к своим верным вазири. Тогда Верпер осторожно вылез из своего убежища, вошел в только что покинутое Тарзаном темное отверстие и исчез во мраке коридора.

Тарзан остановился на краю скалы и огласил долину раскатистым рычанием льва. Три раза повторил он призыв, внимательно прислушиваясь к замирающему эху. И в ответ с далекого конца равнины слабо донеслось такое же рычание — один, два, три раза. Басули, предводитель вазири, услыхал призыв своего господина и ответил.

Тарзан снова направился к сокровищнице, зная, что через несколько часов его черные воины будут с ним. Он успел шесть раз сходить в сокровищницу и обратно. Сорок восемь слитков чистого золота принес он к краю скалы. Каждый раз он брал с собой такую груду слитков, под тяжестью которой обыкновенный человек сразу бы упал. Наконец подошли воины, и Тарзан с помощью веревки, специально для этой цели захваченной, поднял их одного за другим на верхушку скалы. Когда Тарзан в седьмой раз миновал Верпера, за ним прошли еще пятьдесят вооруженных человек.

Пятьдесят воинов цвета черного дерева сделались носильщиками только из любви к могучему белому человеку. Только он мог своим приказом заставить сынов свирепого и высокомерного племени взяться за труд, недостойный храбрых воинов. И еще пятьдесят два слитка были вынесены из хранилища. Всего с прежде вынесенными Тарзаном — сто слитков, которые он рассчитывал взять с собой.

Когда визири вышли из комнаты, Тарзан вернулся, чтобы в последний раз взглянуть на сказочное богатство Атлантиды. Два набега, совершенные им сюда, были совершенно незаметны в этой груде золота. Тарзан вспомнил, как он впервые вошел в эту келью, случайно наткнувшись на нее во время бегства из подземелий храма, куда его спрятала Ла, верховная жрица солнцепоклонников.

Перед глазами снова встала сцена в храме, когда он лежал связанный на жертвенном алтаре, а над ним с высоко поднятым в воздухе кинжалом стояла Ла. Он вспомнил, как Та, обезумевший жрец, прервал богослужение и в ярости набросился на своих товарищей и как они обратились в бегство от озверевшего жреца; безумец напал на Ла, и он, Тарзан, вступил с ним в бой и бросил к ногам жрицы труп человека, который хотел ее обесчестить... Тарзан тряхнул головой, словно отгоняя от себя эти мысли, и, потушив мерцавшую свечу, повернулся к выходу.

Бельгиец терпеливо ждал его ухода. Он узнал тайну, из-за которой сюда пришел Тарзан. Сподвижник Ахмет-Зека теперь мог спокойно возвратиться к поджидавшим его друзьям, привести их в сокровищницу и унести с собой столько золота, сколько им будет по силам.

Вазири уже достигли противоположного конца коридора. Они подымались наверх, с радостью вдыхая свежий воздух и приветствуя звездное небо. Тарзан медленно последовал за ними. В последний раз закрыл он за собой массивную дверь забытой сокровищницы. А в темноте Верпер поднялся на ноги и расправил свои онемевшие члены.

Он протянул руку и с любовью погладил золотой слиток в ближайшем ряду. Подняв его с места, на котором золото лежало с незапамятных времен, Верпер взвесил его в руке и в порыве безумной жадности прижал к своей груди.

Тарзан в это время мечтал о счастливом возвращении домой, о нежных руках, которые обовьются вокруг его шеи, о теплой щеке, которая прильнет к его лицу. И вдруг среди радостных мыслей встало воспоминание о старом знахаре и его предсказании...

V

Алтарь огненного бога

Это случилось в ту минуту, когда Тарзан, закрыв двери, повернул к выходу. Кругом царили тишина и спокойствие. Вдруг земля зашаталась, заколебалась. Огромные куски гранита отламывались с потолка коридора и падали вниз, закупоривая проход; могучие гранитные стены затрещали, раскололись, покривились и повисли над обломками. Сорвавшейся сверху каменной глыбой Тарзана отбросило к дверям. Под тяжестью его тела двери растворились, и он грохнулся на пол.

В большой комнате, в которой было сложено золото, землетрясение произвело меньше повреждений, чем в коридоре. Несколько слитков упало с верхних рядов, кусок гранита откололся от потолка и рассыпался по полу, стены дали трещину, но не развалились.

После первого толчка все успокоилось. Верпер, свалившийся на пол при первом колебании почвы, поднялся на ноги и убедился, что он цел и невредим. Он ощупью пробрался к противоположному концу комнаты, где Тарзан оставил свечу; она была прикреплена воском к одному из слитков.

При помощи спичек бельгиец наконец нашел ее. Когда слабые лучи рассеяли густой мрак, Верпер облегченно вздохнул. В темноте его положение казалось куда более безнадежным. Сейчас у него было одно только желание: бежать, как можно скорее бежать из этой страшной могилы! Но когда он увидел обнаженного гиганта, лежавшего неподвижно на полу у самых дверей, он отступил во внезапном страхе. Вглядевшись пристальнее, он немного успокоился, придя к убеждению, что англичанин мертв. Из громадной зияющей раны на голове Тарзана сочилась кровь, и на каменном полу образовалась темная лужа.

Верпер торопливо перескочил через тело Тарзана и устремился в коридор. Ему не пришло в голову оказать помощь человеку, который, может быть, еще не умер, а только потерял сознание от удара и потери крови. Он думал только о том, как бы спастись самому. Но возродившаяся на мгновение надежда снова исчезла: у самых дверей коридор был совершенно загроможден грудами обломков.

Ему ничего не оставалось делать, как вернуться в сокровищницу. Взяв в руки свечу, он начал обследовать комнату. Прямо против коридора оказалась другая дверь. Он толкнул ее, и она сразу распахнулась, заскрипев на петлях. За ней открывался второй, такой же узкий коридор. Верпер пошел вперед и скоро очутился у каменной лестницы, которая вела наверх. Мерцающая свеча освещала дорогу. Вдруг ему пришлось остановиться. У самых ног зияла черная яма, и здесь, по-видимому, туннель заканчивался. Он поднял свечу и глубоко внизу увидел игравшее на водной поверхности отражение света. Это был водоем. Подняв свечу повыше, он стал вглядываться в темноту. На противоположной стороне туннель снова продолжался. Но как перескочить через этот колодец?

Верпер мысленно измерял расстояние до противоположной стороны колодца и раздумывал о том, стоит ли попытаться сделать такой огромный прыжок. Размышления его были прерваны пронзительным визгом, который, постепенно ослабевая, закончился несколькими зловещими завываниями. Крик был так напряжен, так ужасен, словно вырвался у великого грешника, который корчился от пыток на адском огне.

Бельгиец задрожал и в ужасе взглянул вверх. Высоко над головой он увидел клочок неба, усеянного яркими звездами. Он уже был готов крикнуть о помощи, но сдержался. Он не смел выдать своего присутствия. Он проклинал себя, что решился на такое дело, и горько жалел, что не вернулся сразу в лагерь Ахмет-Зека. Он даже готов был отдаться в руки военных властей Конго, если бы это только могло спасти его из того безнадежного положения, в каком он находился сейчас.

Побуждаемый безумным страхом, он решился наконец на отчаянный прыжок. Отойдя шагов на двадцать, он собрал все свои силы, разбежался, прыгнул, и в этот момент свеча погасла. Он летел вперед с вытянутыми руками, чтобы схватиться за что-нибудь в случае, если ноги не встанут на твердую почву.

Он ударился коленями о каменный пол в противоположной стороне туннеля, и его сразу отбросило назад. Несколько мгновений он судорожно цеплялся за камни и наконец повис над черной бездной. Несколько минут он не смел двигаться и продолжал висеть, обливаясь потом и слабея с каждой минутой. С величайшей осторожностью ему удалось, однако, кое-как выкарабкаться наверх. Он растянулся на полу совершенно обессилевший, стараясь совладать со своими потрясенными нервами.

Во время своего прыжка Верпер выронил свечу. Он приподнялся и, ползая на четвереньках, принялся терпеливо и настойчиво шарить вокруг себя. Этот маленький сальный огарок был ему сейчас несравненно дороже всех сказочных богатств Опара. И когда он наконец нашел его, то прижал к груди и упал на пол, рыдая от слабости и волнения. При свете ему легче было совладать со своими нервами, и он снова стал продвигаться вперед в поисках выхода из ужасного лабиринта. Вдруг, к его отчаянию, дорогу преградила каменная стена.

Верпер был умный и образованный человек. Военная тренировка приучила его соображать в тех случаях, когда нельзя брать силой. Кончающийся тупиком туннель не имел смысла: он непременно должен был продолжаться по ту сторону стены. При свете свечи Верпер стал осматривать стену. К великой своей радости он увидел, что тонкие обтесанные камни в кладке стены не скреплены между собой, а просто сложены без извести и цемента. Он попробовал вытащить один из камней, тот легко поддался. Он извлек один за другим еще несколько камней; и мало-помалу образовалось отверстие. Верпер пролез в него и очутился в большой низкой комнате. В одной из стен была большая дверь. Она не была заперта снаружи. За нею опять лежал темный длинный коридор. Бельгиец пошел по коридору, но едва он успел пройти несколько шагов, как свеча, догоревшая до основания, обожгла ему пальцы. Маленький фитилек затрещал и погас.

Верпер снова был в темноте. Мурашки пробежали по телу несчастного дезертира. Он не знал, какие ямы лежали впереди и какие опасности его ожидают, но чувствовал, что никогда еще не был так далек от свободы, как сейчас.

Он медленно стал пробираться вперед, держась руками за стены, ощупывая ногами каждую пядь, прежде чем сделать шаг. Он не отдавал себе отчета, как долго двигался он таким способом, но, чувствуя, что этому туннелю нет конца, решил прилечь и отдохнуть, прежде чем продолжать свой путь.

Когда он проснулся, его окружала все та же темнота. Он чувствовал себя теперь освеженным, бодрым и голодным.

Бельгиец снова пустился вперед ощупью. На этот раз ему пришлось идти недолго. Коридор закончился большой светлой комнатой. Свет проникал из отверстия в потолке, а к этому отверстию поднималась высокая каменная лестница.

Он, не задумываясь, поднялся по лестнице и очутился посреди круглого двора. Прямо перед ним возвышался каменный жертвенник, весь покрытый темно-бурыми пятнами. Верпер не обратил внимания на эти пятна, и лишь впоследствии их происхождение стало достаточно ясным и очевидным для него. Кроме отверстия в полу за алтарем, через которое Верпер поднялся из подземелья, на уровне пола еще было несколько дверей. Он облегченно вздохнул, и у него словно гора с плеч свалилась.

Верпер сделал шаг к одной из дверей и вдруг остановился, пораженный ужасом. Почти одновременно в каменной стене распахнулось несколько дверей, и целая толпа страшных людей высыпала оттуда и набросилась на бельгийца.

Это были жрецы огненного бога города Опара, которые много лет назад приволокли Джен Клейтон в свой храм к жертвенному алтарю. Длинные руки, короткие кривые ноги, злые близко посаженные глаза и низкие покатые лбы придавали им такой дикий, звериный вид, что кровь застыла в жилах бельгийца. С отчаянным криком кинулся он назад к лестнице, по которой за минуту перед тем поднялся из подземелья, но ужасные уродцы встали на его пути. Верпер упал перед ними на колени и ползал по земле, умоляя пощадить его, но они связали его и потащили по полу к подножию жертвенника.

То, что последовало, было лишь повторением процедуры, которая была проделана прежде над Тарзаном и Джен Клейтон. В храм вошли служительницы огненного бога и с ними Ла, верховная жрица. Верпера подняли и положили поперек жертвенника. Холодный пот выступил у него на лбу, когда Ла подняла над ним острый жертвенный нож. Словно сквозь туман доносились до него звуки гимна смерти. Сейчас эти вампиры наполнят свои чаши его горячей красной кровью и утолят ею свою нечеловеческую жажду...

Страшное рычание вдруг донеслось до его ушей. Нож дрогнул в руке верховной жрицы, глаза ее расширились от ужаса. Остальные в смятении с дикими воплями бросились к выходам. Жрецы ревели от ярости и страха. Верпер вытянул шею, стараясь увидеть, что произвело такую панику. И когда это наконец удалось, он замер от ужаса; огромный лев стоял посреди храма, и под его жестокими лапами лежало изуродованное тело первой жертвы.

Царь джунглей снова зарычал и метнул злой взгляд в сторону жертвенника. Ла вздрогнула, закачалась и упала на Верпера.

VI
Араб-разбойник

Как только Басули и его воины оправились от ужаса, охватившего их во время землетрясения, они немедленно вернулись в туннель. Они пошли искать Тарзана и двух вазири, которых не досчитались.

Весь коридор был загроможден обломками скал. В течение двух дней вазири работали, не покладая рук, расчищая дорогу к своим товарищам. После невероятных трудов им удалось расчистить путь всего на несколько ярдов, и из-под обломков они извлекли изуродованный труп одного из вазири.

Продолжая трудиться, они громко звали своего белого господина и черного товарища, но ни одного звука не раздавалось в ответ из темной глубины. Решив, что Тарзан и чернокожий погибли под обломками, вазири в конце концов прекратили свои поиски. В последний раз кинули они взгляд, полный слез, на место гибели своего господина и, взвалив на плечи тяжелые слитки золота, которые должны были доставить если не спокойствие и радость, то все же некоторые удобства их бедной, любимой госпоже, направились к далекому дому Грэйстоков.

Верные вазири и не подозревали, что происходило в это время в этом счастливом, полном покоя доме!

С севера шел Ахмет-Зек, вызванный письмом бельгийца. За ним следовала вся его орда, состоявшая из арабов и чернокожих.

Мугамби, черный Геркулес, сопровождавший Тарзана во всех его путешествиях от Острова Джунглей до верховьев Угамби и не раз деливший с ним опасности, первый заметил приближение зловещего каравана. Тарзан поручил ему предводительство над воинами, которые остались оберегать леди Грэйсток. Более смелого и преданного защитника трудно было найти. Он неотступно следовал за своей госпожой, когда она выражала желание поохотиться или прокатиться верхом по равнине, чтобы рассеять скуку одиночества.

Разбойники были еще очень далеко от дома, но Мугамби уже заметил их. Он остановился, внимательно вглядываясь в приближающийся караван, потом бросился бегом к негритянским хижинам, лежавшим в нескольких сотнях ярдов от дома. Он созвал воинов, праздно сидевших и лежавших около своих хижин, и отдал им приказание готовиться к битве. Чернокожие схватились за щиты и оружие и последовали за Мугамби к дому Грэйстоков.

Далеко на равнине крутилась пыль, вздымаемая караваном Ахмет-Зека. Мугамби не был уверен, что это неприятели; но он прожил всю жизнь в дикой Африке: ему уже приходилось встречаться с такими непрошеными гостями. Цель их прихода никогда нельзя было определить заранее. Во всяком случае, лучше быть наготове.

Дом Грэйстоков был мало приспособлен для обороны. Он даже не был огорожен частоколом. Тарзан построил его в стране безгранично преданных ему вазири и не рассчитывал, что какой-нибудь неприятель осмелится на него напасть.

На всякий случай к окнам были приделаны тяжелые деревянные ставни, чтобы защитить их от неприятельских стрел. Мугамби начал спускать ставни, когда леди Грэйсток появилась на веранде.

— В чем дело, Мугамби? — воскликнула она.— Что случилось?

Мугамби указал ей на равнину, где была ясно видна кавалькада белых всадников.

— Это арабы! — пояснил он.— Они с недобрым намерением пришли сюда. Они, вероятно, узнали, что Великого Бваны здесь нет.

Арабы были уже в ста ярдах от дома. Мугамби поспешил к своему войску. Он вышел вперед и громким голосом окликнул незнакомцев.

— Араб! — крикнул Мугамби,— что нужно тебе здесь?

— Мы пришли с миром! — ответил Ахмет-Зек.

— Тогда поверните назад и идите с миром,— ответил Мугамби.— Вы здесь не нужны.

Ахмет-Зек тихо сказал что-то, и арабы дали оглушительный залп по войскам Мугамби. Два черных воина упали, остальные хотели броситься в атаку, но Мугамби удержал их: он был так же осторожен, как и храбр Он знал, насколько бесполезно было бы нападение на конных воинов.

Ахмет-Зек выстроил свое войско в длинную линию и галопом помчался к дому Джен Клейтон, арабы открыли беспрерывную ружейную пальбу по кустарнику, за которым спрятались воины Мугамби. В свою очередь и вазири засыпали врагов своими меткими стрелами. Не один смуглый всадник свалился с коня, пронзенный смертоносной стрелой. Но силы были неравные. Арабов было слишком много, их пули проникали сквозь кустарники и попадали в цель. Тем временем Ахмет-Зек, обойдя дом, подобрался к нему с незащищенной стороны.

Бешеным галопом всадники неслись вперед, перескакивая через препятствия с такой легкостью, словно летели по воздуху.

Мугамби увидел их и, созвав уцелевших воинов, бросился защищать дом. На веранде с ружьем в руках стояла леди Грэйсток. Благодаря своим крепким нервам и хладнокровному спокойствию, она метко стреляла: недаром несколько лошадей неслись уже без седоков навстречу наступающей орде.

Мугамби втолкнул госпожу в дом и со своим поредевшим войском приготовился к последнему сопротивлению.

Арабы, домчавшись до веранды, разом остановились и дали залп по вазири, которые засыпали арабов стрелами из-за своих длинных овальных щитов. Эти щиты были хорошей защитой от вражеской стрелы, они могли отразить удар копья, но совершенно не годились для отражения свинцовых пуль арабских стрелков.

Не переставая стрелять, арабы вплотную подошли к дому. Теперь стрелы, выпущенные из окон, пролетали над их головами, а они безнаказанно могли стрелять по цели. Один за другим гибли воины вазири. Все реже и реже вылетали стрелы в ответ на ружейные выстрелы арабов. Ахмет-Зек скомандовал на приступ. Продолжая стрелять на бегу, арабы бросились к веранде. С дюжину злодеев пали от стрел защитников леди Грэйсток, но большинство добрались до двери и стали разбивать ее прикладами. В треск ломаемого дерева ворвался грохот выстрела: это Джен сквозь двери стреляла в жестокого врага.

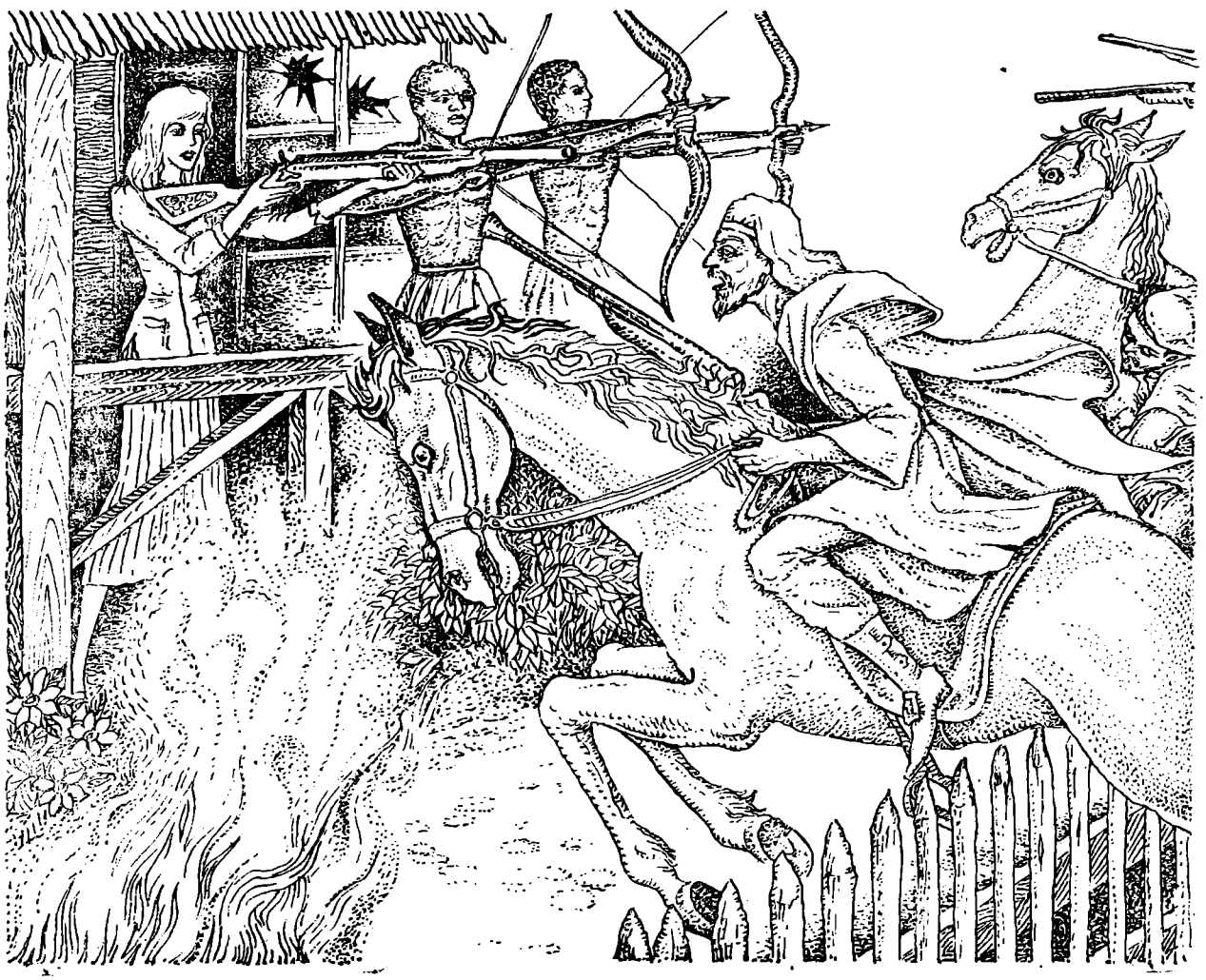
Дверь была слабой защитой. Она поддалась, наконец, напору наступающих и разлетелась на части. Толпа темнокожих убийц ворвалась в комнату. В углу стояла Джен Клейтон, окруженная маленькой кучкой своих верных защитников. Пол был усеян трупами людей, положивших за нее жизнь. Впереди воинов стоял великан Мугамби. Арабы подняли ружья.

— Не стреляйте в женщину,— крикнул Ахмет-Зек.— Того, кто причинит ей малейший вред, я убью. Хватайте женщину живьем!

Арабы кинулись к Джен, но были встречены тяжелыми копьями воинов вазири. Сабли засверкали в воздухе, длинные пистолеты произнесли свой громоносный смертный приговор вазири. Мугамби с такой силой метнул копье в ближайшего врага, что оно пронзило его насквозь, затем выхватил пистолет у другого араба и стал им направо и налево крушить головы всем, кто осмеливался приблизиться к его госпоже.

Трое-четверо оставшихся в живых вазири, следуя его примеру, сражались, как демоны, но они падали один за другим, и наконец один Мугамби остался защищать жизнь и честь подруги Тарзана.

Из другого конца комнаты Ахмет-Зек наблюдал за неравной битвой и подстрекал своих любимцев. Он медленно поднял ружье на плечо в ожидании момента, когда



можно будет выстрелить в Мугамби, не рискуя попасть в женщину или в одного из своих товарищей. Мугамби продолжал яростно отбиваться от нападавших арабов. Но Ахмет-Зек нажал собачку, и верный негр без стона упал к ногам своей госпожи.

Джен Клейтон тотчас была окружена и обезоружена. Арабы молча вытащили ее из дома. Великан, слуга Ахмет-Зека, поднял ее в седло, и в то время, как другие бросились к дому и постройкам, чтобы забрать с собой все, что можно унести, он выехал с ней за калитку и остановился в ожидании хозяина.

Джен Клейтон видела, как грабили ее дом, унося все, что представляло какую-нибудь ценность. Она видела, как люди побежали всюду с горящими факелами.

Разбойники, сорвав свой гнев и удовлетворив свою жадность, собрались у ворот и поскакали на север, увозя с собой Джен Клейтон.

Дом Грэйстоков был охвачен пламенем. Длинные огненные языки лизали неподвижные тела, распростертые на полу. Вдруг одно из них зашевелилось. Это был огромный чернокожий. Он повернулся и открыл залитые кровью страдальческие глаза. Мугамби, которого арабы считали мертвым, с трудом поднялся на четвереньки и сквозь застилавшие комнаты дым и пламя медленно пополз к дверям.

Каждый ярд стоил ему невероятных усилий; несколько раз он падал без сил на пол, но все же подымался и снова продолжал свой путь. Ему казалось, что он полз бесконечно долго, прежде чем добрался до веранды; комната напоминала огромную раскаленную печь. Он дополз до ступенек, скатился по ним в сад и, собрав последние силы, укрылся в освежающей прохладе кустарника.

Всю ночь пролежал он там, временами теряя сознание. Все его мысли были сосредоточены на одном, и в душе его было только одно стремление: месть, месть, месть!

VII
Сокровищница драгоценных камней в Опаре

Некоторое время Тарзан лежал как мертвый, но он не был мертв. Он зашевелился и открыл глаза. Кругом был непроглядный мрак. Он ощупал свою голову, и рука сразу стала мокрой и липкой от запекшейся крови.

Тарзан медленно приподнялся и сел, прислушиваясь. Кругом было тихо, как в могиле. Он встал и обошел ощупью вокруг комнаты. Кто он? Где он? У него болела голова, но никаких других последствий своего ушиба он не чувствовал. Он не помнил ни землетрясения, ни того, что было до него.

Неловкими движениями ощупывал он свое туловище, ноги, голову, точно эти предметы были ему совершенно незнакомы. Он обнаружил колчан за спиной, и кинжал у пояса. Что-то промелькнуло в его голове. Ах, да! Ему еще чего-то не хватало. Он ползком стал обшаривать пол в поисках вещи, исчезновение которой он чувствовал инстинктивно. Наконец он нашел его — свое тяжелое военное копье.

Тарзан знал наверное, что существует другой мир — лучше и светлее чем тот, что заключался здесь в четырех каменных стенах. Он наткнулся на дверь, которая вела в глубь туннеля, вошел в коридор и, двинувшись вперед безо всяких предосторожностей, наткнулся на каменные ступени, ведущие вверх.

Ничто не говорило ему, что он здесь уже был однажды. Местность была совершенно незнакома. Тем не менее, он продвигался в темноте так быстро, спокойно и уверенно, словно гулял по гладкой равнине при ярком свете полуденного солнца. И тут случилось то, что неизбежно должно было случиться.

Он дошел до края водоема, шагнул в пустое пространство и стремглав полетел вниз в черную глубину. Он упал в воду и пошел ко дну. Но колодец был неглубок. Копье ударилось одним концом о дно и встало вертикально, с его помощью Тарзану удалось вынырнуть на поверхность. Падение обошлось без ушибов. Лучи дневного света, проникая через круглое отверстие высоко над его головой, слабо освещали внутренность водоема. На одном уровне с поверхностью воды виднелось широкое отверстие в сырой, скользкой стене колодца. Подплыв к нему, Тарзан вылез из воды и ступил на мокрый пол большого туннеля. На этот раз он шел очень медленно и осторожно. Неожиданное падение послужило ему хорошим уроком. Туннель был прямой, как стрела, пол его был скользкий и мокрый, это говорило о том, что временами вода поднималась и затопляла его. Это очень затрудняло продвижение Тарзана: каждую минуту он мог поскользнуться и упасть. Туннель кончился, и Тарзан оказался у подножия лестницы.

Лестница несколько раз круто заворачивала и наконец привела Тарзана в небольшую круглую комнату. Слабый свет проникал сюда сквозь большую трубу. Далеко наверху она заканчивалась каменной решеткой, сквозь которую Тарзану было видно ясное голубое небо.

Человек-обезьяна с любопытством стал оглядывать комнату. Вся ее обстановка состояла из нескольких кованых сундуков с медными запорами. Машинально он приподнял крышку одного из сундуков и вскрикнул от восторга: перед ним, сверкая в полутьме и переливаясь всеми цветами радуги, лежали груды драгоценных камней. Тарзан, совершенно забывший о прошлом от последствий страшного ушиба и вернувшийся в первобытное состояние дикого человека, не имел сейчас никакого понятия о том, какое несметное богатство представляла его находка. Для него это были только красивые пестрые камешки. Он стал открывать другие сундуки. Все они были заполнены драгоценными камнями. Набрав полную горсть, Тарзан всыпал их в сумку, болтавшуюся на поясе.

Сам того не подозревая, Тарзан открыл давно забытое хранилище драгоценных камней города Опара. Игра с красивыми камешками вскоре надоела Тарзану, и он снова пустился в путь. За круглой комнатой начинался коридор. Он круто подымался вверх, причудливо извиваясь, и привел Тарзана в низкую комнату. От пола к отверстию в потолке подымалась крутая каменная лестница. Сквозь отверстие Тарзан увидел залитую солнцем площадку и высокие, обвитые диким виноградом колонны. Он с удивлением посмотрел на эти колонны: они как будто напоминали ему что-то. Тарзан наморщил лоб, стараясь вспомнить. Ему все казалось, что нечто ускользает от него, и он должен знать многое, чего сейчас не знает.

Его размышления были внезапно прерваны громким раскатистым ревом над его головой. Вслед за этим послышался отчаянный крик и визг. Тарзан решительно схватил копье и побежал к лестнице.

Странная картина представилась его глазам, когда он из сумерек подземелья попал на залитую светом площадку храма. Несмотря на то, что он забыл все, относившееся к его прошлому, в глубине его души сохранились еще представления о некоторых образах, и он сразу осознал, что перед ним находится много мужчин и женщин и огромный лев. Они бежали к выходам, а лев стоял посреди храма на трупе мужчины, менее счастливого,

чем его товарищи. Возле большой каменной глыбы стояла женщина, а поперек камня лежал неподвижно мужчина. Тарзан видел, как сверкали глаза льва, когда он смотрел на двух несчастных, оставшихся в храме. Страшный рев вторично огласил своды храма. Женщина вскрикнула и без чувств свалилась на тело мужчины, лежавшего на жертвеннике. Лев уже готов был сделать прыжок, но его внимание внезапно было отвлечено Тарзаном.

Верпер лежал неподвижно и беспомощно на жертвеннике. Страшный зверь встал на дыбы, но сильная рука поднялась в воздухе, и тяжелое копье вонзилось в грудь хищника. Голый великан, только что пронзивший льва копьем, бросился вперед с одним лишь ножом в руках. Лев поднялся на задние лапы и свирепо зарычал. И к ужасу и без того насмерть перепуганного бельгийца, с губ странного человека сорвалось точно такое же львиное рычание.

Ловким прыжком в сторону Тарзану удалось избежать тяжкого удара огромной мохнатой лапы. Вторым прыжком он вскочил на спину льва. Его руки обвились вокруг косматой шеи, зубы впились глубоко в тело животного. Рыча, прыгая, катаясь по полу, огромная кошка силилась скинуть своего яростного противника.

Ла пришла в себя. Точно очарованная, стояла она, не отводя глаз от борющихся. Нож Тарзана отыскал наконец сердце животного. Страшные судороги потрясли могучее тело, и лев упал к ногам победителя. Тарзан вскочил, поставил ногу на труп своей жертвы и, подняв лицо к небу, испустил такой ужасный крик, что Ла и Верпер содрогнулись, а гулкое эхо долго еще вторило ему под сводами храма. Тарзан повернулся, и Верпер узнал в нем мертвеца, которого он оставил в комнате драгоценностей.

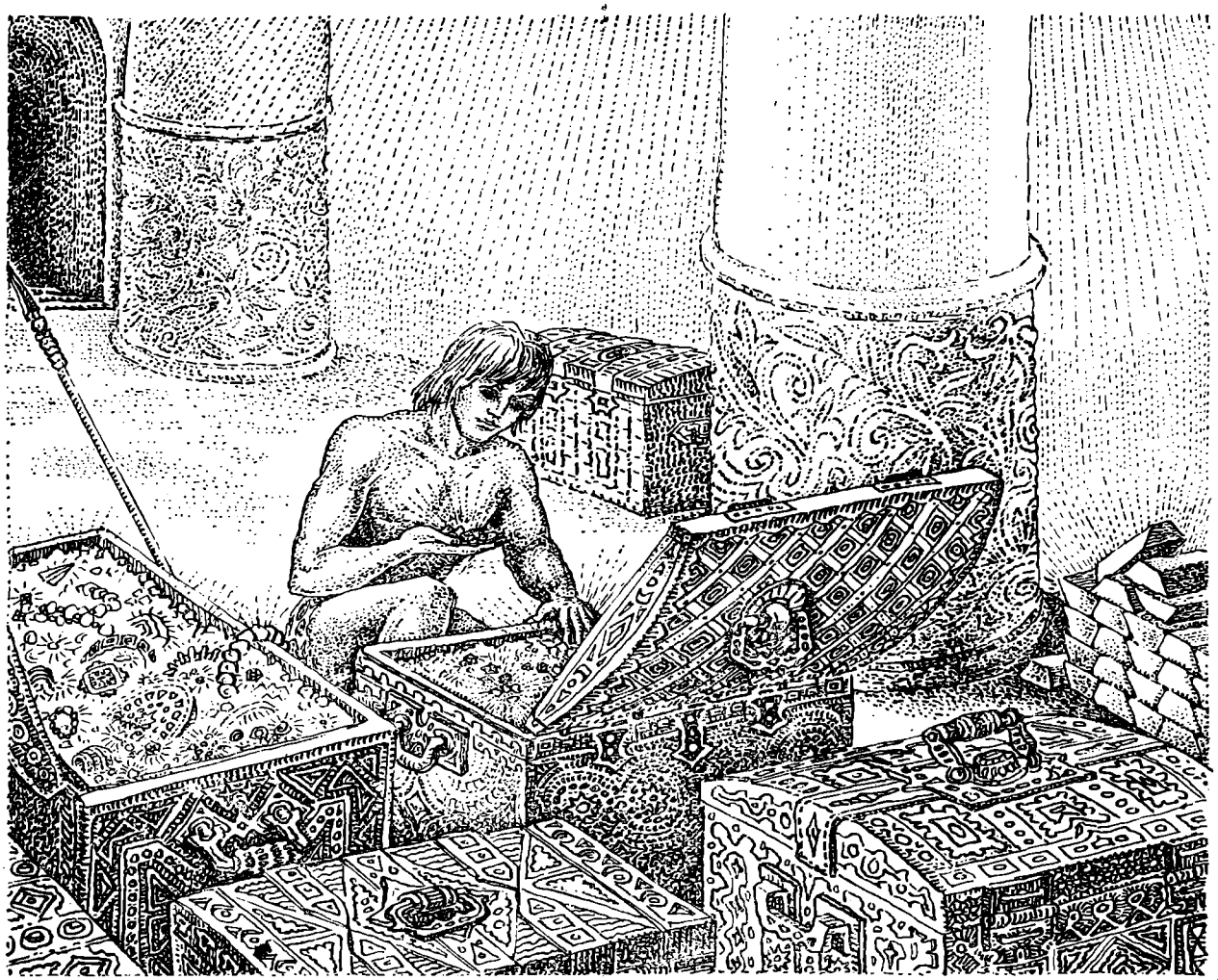
VIII
Бегство из Опара

Верпер был поражен. Неужели это существо было тем исполненным собственного достоинства англичанином, который оказал ему такой радушный прием в своем роскошном африканском доме? Неужели этот страшный победный крик мог вырваться из человеческой груди?

Ла пристально вглядывалась в лицо человека-обезьяны.

— Тарзан! — воскликнула она.— Это ты?

И она заговорила с ним на языке больших обезьян, который был языком жителей Опара.



— Тарзан, ты вернулся ко мне. Ла пренебрегала своими священными обязанностями в ожидании своего Тарзана! Она не взяла себе мужа, потому что на всем свете только он один мог стать ее мужем. И ты пришел ко мне. О, Тарзан, скажи же мне, что ты вернулся ради меня!

Верпер вслушивался в эти странные гортанные звуки и переводил свой взгляд с Ла на Тарзана. Поймет ли Тарзан этот язык? К его удивлению, англичанин ответил ей такими же гортанными звуками.

— Тарзан? — повторил он задумчиво.— Тарзан! Я как будто слышал это имя.

— Это твое имя — ведь это ты Тарзан! — воскликнула Ла.

— Я — Тарзан? — человек-обезьяна пожал плечами.— Ну что ж, это имя мне нравится. Я не знаю никакого другого, и потому я оставлю его себе. Но я не знаю тебя. Я не знаю, откуда пришел. Может быть, ты знаешь?

Ла покачала головой.

— Я никогда этого не знала.

Тарзан повернулся к Верперу и обратился к нему с тем же вопросом.

Бельгиец покачал головой.

— Я не понимаю этого языка,— сказал он по-французски.

Без напряжения и, по-видимому, совершенно не сознавая, что переходит на другой язык, Тарзан повторил свой вопрос по-французски.

Тут только Верпер понял, чем обернулась для Тарзана его травма. Очевидно, он совершенно утратил память и не помнил ничего из своей прежней жизни. Бельгиец уже хотел растолковать Тарзану, кто он и откуда, но внезапно его осенила мысль: если он хоть на время скроет от Тарзана правду, ему, может быть, удастся использовать для себя несчастье, постигшее англичанина.

— Я не могу сказать, откуда вы пришли,— сказал он,— но скажу, что если мы не уберемся сейчас же из этого проклятого места, то оба будем убиты на кровавом жертвеннике. Эта женщина уже была готова вонзить нож в мое сердце, когда лев прервал их адский обряд. Пойдемте же! Поищем выход из этого ужасного храма, прежде чем они оправятся от страха и вернутся сюда!

Тарзан снова повернулся к Ла.

— Почему ты хотела убить этого человека? Ты была голодна?

Ла возмущенно отвергла такое предположение.

— Он пытался тебя убить? — продолжал свой допрос Тарзан.

Ла подняла свою тонкую руку и указала на солнце.

— Мы хотели принести его душу в дар огненному богу! — сказала она.

Тарзан взглянул на нее с недоумением. Он снова был большой обезьяной, а обезьяны ничего не смыслят в таких вещах, как душа и огненный бог.

— Вы хотите умереть? — спросил он Верпера.

Бельгиец со слезами на глазах старался его убедить, что он вовсе этого не желает.

— Ну что ж, тогда и не надо! — проговорил Тарзан.— Пойдем отсюда. Эта самка убьет вас, а меня оставит для себя. Но здесь не место для Мангани. Я умру среди этих каменных стен.

Он повернулся к Ла.

— Мы уходим!

Женщина бросилась к нему и схватила за руку.

— Не оставляй меня! — кричала она.— Останься, и ты будешь верховным жрецом. Ла любит тебя. Весь Опар будет принадлежать тебе. Рабы будут исполнять каждое твое приказание. Останься, Тарзан!

Человек-обезьяна оттолкнул коленопреклоненную женщину.

— Тарзан не хочет тебя,— ответил он просто и, подойдя к Верперу, перерезал связывавшие его веревки.

Тяжело дыша, с искаженным от злобы лицом Ла закричала:

— Ты останешься! Ты будешь моим! Если Ла не может получить тебя живым, она получит тебя мертвым!

Подняв голову к солнцу, она испустила страшный, лающий визг.

В ответ послышался беспорядочный шум голосов в прилегающих к храму комнатах и коридорах.

— Придите, хранители жрицы! — кричала Ла.— Неверные осквернили святая святых. Придите, наполните ужасом их сердца, защитите Ла и ее алтарь, очистите храм кровью осквернителей!

Верпер не понял, но Тарзан понял все. Он подскочил к Ла, и, хотя она отбивалась с безумной яростью демона, обезоружил ее и передал Верперу длинный жертвенный нож.

— Это вам пригодится! — сказал он.

Едва он успел это сделать, как изо всех дверей в храм хлынули толпы уродливых кривоногих жрецов.

Они были вооружены дубинами и ножами, фанатичная ненависть распаляла их смелость. Верпер онемел от ужаса. Тарзан с гордым презрением оглядывал врагов и медленно двигался к двери, которую он наметил для выхода из храма.

Здоровенный жрец преградил ему дорогу. Тарзан поднял свое копье и размозжил ему череп. Тот не успел даже вскрикнуть.

Копье беспрерывно подымалось и опускалось на головы жрецов, пока Тарзан медленно прочищал себе дорогу к выходу. Верпер следовал по пятам. Он держал жертвенный нож наготове. Он удивлялся, что жрецы, смело вступившие в борьбу с таким силачом, как Тарзан, не решились броситься к нему, хотя он был значительно слабее. Верпер понял, что поставило его в такое привилегированное положение. Жрецы, не задумываясь, бросались в смертный бой с могучим Тарзаном, но суеверно боялись умереть от священного ножа.

Когда они выбрались из внутреннего двора храма, Верпер сообщил Тарзану о своем открытии. Тарзан усмехнулся и пропустил его вперед. Бельгиец шел, размахивая направо и налево священным оружием, и жители Опара в суеверном страхе разбегались от них.

Таким образом они легко пробрались через коридор и покои древнего храма. Верпер ахнул от удивления, когда они проходили через комнату с семью золотыми колоннами. С плохо скрываемой жадностью смотрел он на древние золотые плиты, вделанные в стены комнат и коридоров.

Они вышли к широкой улице, которая лежала между величественными колоннами полуразрушенных зданий и внутренней стеной города. Верпер увидел, как огромный волосатый самец спрыгнул с полуразрушенной колонны и, ощетинясь, заковылял навстречу голому великану. Желтые клыки были обнажены, сердитый лай и грозное рычание срывались с толстых губ.

Бельгиец наблюдал за своим спутником. Каковы же были его удивление и ужас, когда Тарзан встал на четвереньки и начал ползать вокруг кружившейся на одном месте обезьяны! Из человеческой гортани вырывался тот же звериный лай и то же рычание, что из глотки жи-

вотного. Однако поединка не последовало. Все приготовления кончились, как кончается обыкновенно большинство таких встреч в джунглях: один из противников теряет свою воинственность, неожиданно заинтересованный падающим листом, жуком или вошью на своем косматом животе. Человекоподобная обезьяна удалилась с полным достоинством, для того чтобы взглянуть на проползавшую мимо гусеницу, которую она и проглотила после недолгого исследования.

Целый час они искали узкий проход во внутренней стене. Проторенная дорожка вывела их за внешние укрепления города, в мертвую долину Опара. Верпер вскоре убедился, что Тарзан не имеет ни малейшего понятия о том, где он находился и откуда он пришел. Он бесцельно бродил по долине, отыскивая себе пищу. Верпер пришел в ужас от необычайного меню своего спутника. Тарзан с видимым удовольствием уничтожал жуков, грызунов и гусениц. Он и в самом деле превратился в обезьяну.

Ночью они сделали привал. Они сидели у небольшого костра, на котором жарились дикая свинья, убитая стрелою Тарзана. Тарзан был погружен в размышления. Он тщетно старался уловить какие-то мысли, которые все время ускользали от него. Но так и не додумавшись ни до чего, он открыл кожаную сумочку, привешенную к его поясу, и вынул оттуда пригоршню блестящих маленьких камешков. Огонь костра заиграл в них мириадами лучей, и в эту минуту Верпер, смотревший на них в немом восторге, вполне определенно понял, как необходимо ему общество человека-обезьяны.

IX
Верпер похищает драгоценные камни

Два дня Верпер разыскивал своих спутников, которых он оставил у подножия холмов. На закате второго дня он наткнулся на изуродованные трупы трех чернокожих.

Верпер сразу догадался, в чем дело. Из маленького отряда сопровождавших его негров только эти трое не были рабами. Остальные, очевидно, воспользовались удобным случаем, чтобы освободиться из-под власти жестокого хозяина. Холодный пот выступил на лбу Верпера: только благодаря счастливой случайности он избежал подобной участи.

Тарзан не высказывал ни малейшего удивления или интереса по поводу этой находки. Утонченная психика цивилизованного человека, вследствие полученного им ушиба, сделалась снова совершенно чужда и непонятна ему.

Сейчас во всех своих мыслях и действиях он руководствовался уроками большой обезьяны Калы и примерами и указаниями Керчака, Тублата и Теркоза, совершенно механически сохранив знание французского и английского языков.

Вечером перед костром Тарзан опять забавлялся сверкающими стеклышками. Верпер спросил его, что это такое и где он взял? Тарзан отвечая, что это разноцветные камешки, из которых он хочет сделать себе ожерелье, и что он их нашел глубоко под храмом огненного бога.

Бельгиец с облегчением заметил, что Тарзан не имел никакого представления о ценности камешков. «Это облегчит захват их!» — думал он. Может быть, это странное существо просто отдаст их ему, если попросить у него.

— Дайте мне взглянуть на них,— сказал он.

Но в ту же минуту огромная бронзовая ладонь Тарзана опустилась на яркие камешки. Он оскалил зубы и зарычал. Верпер поспешил отдернуть руку, а Тарзан, как ни в чем не бывало, продолжал свою игру и беседу с Верпером. Он проявил только свойственное всем животным инстинктивное стремление сохранить свое добро. Убивая дичь, он всегда делился с Верпером, но если бы Верпер случайно дотронулся до той части, которая принадлежала Тарзану, он вызвал бы то же дикое и злобное предупреждение.

Странное поведение англичанина поразило Верпера. Он видел в нем опасного безумца, который в любой момент может кинуться на него с оскаленными зубами. Верпер ни на минуту не обманывал себя надеждой, что он сможет выйти победителем из борьбы с Тарзаном. Он мечтал только о том, как бы улизнуть от Тарзана и как можно скорее попасть в далекий стан Ахмет-Зека. Но бельгиец не решался пуститься по джунглям один, вооруженный только жертвенным ножом. Тарзан являлся защитой, которой ни в коем случае не следовало пренебрегать. К тому же Верпер решил во что бы то ни стало завладеть сумкой с драгоценными камнями. В душе его происходила борьба между двумя различными чувствами: жадностью и страхом, но в конце концов жадность взяла верх.

Ахмет-Зек ничего не узнает об этих богатствах. Они будут принадлежать одному только Верперу, и при первой же возможности он доберется до берега моря и уедет в Америку. Там под другим именем он снова заживет полной жизнью и до известной степени вознаградит себя за все лишения. Он жил теперь надеждой, заранее предвкушая ту роскошную жизнь досужего богача, которую он будет вести.

На третий день после их бегства из Опара чуткое ухо Тарзана уловило звук людских шагов позади них. Некоторое время Тарзан стоял неподвижно, внимательно прислушиваясь; его тонкие ноздри раздувались, стараясь вдохнуть в себя каждую струйку воздуха. Потом он потянул Верпера за собой в густые кусты и, притаившись там, стал ждать.

На тропинке показался лоснящийся черный воин, чуткий и осторожный. За ним гуськом следовали около пятидесяти таких же чернокожих воинов. Каждый из них был нагружен двумя темно-желтыми слитками, привязанными к спине. Верпер с первого взгляда узнал войско, которое сопровождало Тарзана в Опар. Он посмотрел на Тарзана. Дикие глаза пристально вглядывались в проходящих, но Тарзан не узнал Басули и своих верных вазири. Когда все воины прошли, он обернулся к Верперу и сказал:

— Теперь мы пойдем за ними и убьем их.

— Зачем? — спросил бельгиец.

— Они чернокожие,— объяснил Тарзан,— а человек, который убил Калу, тоже был чернокожий. Они все враги Мангани.

Верпер не испытывал никакого желания вступить в бой. Он был от души рад, что встретил их, потому что уже начинал сомневаться, найдет ли дорогу через джунгли в страну вазири. Верперу хотелось, чтобы золото было отнесено туда, куда несли его вазири. Чем дальше воины Басули унесут его, тем ближе будет ему и Ахмет-Зеку идти за ним.

Поэтому он стал отговаривать Тарзана от намерения убить чернокожих, убеждая, что негры, наверное, выведут в богатую страну, изобилующую дичью. После долгих разговоров ему удалось убедить Тарзана следить за ними издали. Наконец наступил момент, когда Тарзан и

бельгиец, следуя за воинами, поднялись на возвышенность и увидели широкую равнину Вазири, сверкавшую в излучинах реку и далекие леса на севере и западе.

Тарзан смотрел на хорошо знакомую картину, но не узнавал ее. Все его внимание было занято пасущимися стадами; он даже не взглянул на то место, где был его дом.

Заслонив глаза рукою, Верпер долго и пристально вглядывался в знакомую местность. Он не верил своим глазам: ни дома, ни амбаров, ни построек там уже не было. Конюшни, хлева, стога сена — все исчезло. Очевидно, Ахмет-Зек уже побывал здесь.

Басули и его воины, как только спустились в долину, заметили опустошение, произведенное на их земле. Они спешили туда, возбужденно разговаривая между собой. Когда они прошли наконец вытоптанный сад и остановились перед грудой обгоревших обломков на месте, где был дом их хозяина, самые страшные опасения стали уверенностью.

Останки человеческих трупов, наполовину обглоданные гиенами, лежали на земле; на трупах было достаточно остатков одежды и украшений, чтобы Басули мог себе ясно представить ужасные подробности несчастья, обрушившегося на дом его господина.

— Арабы! — проговорил он.

На каждом шагу воины наталкивались на новые свидетельства жестокости безжалостного врага, который воспользовался отсутствием Великого Бваны, чтобы опустошить его владения.

— Что же они сделали с леди? — спросил один из чернокожих.

— Женщин они, наверное, взяли с собой,— сказал Басули,— если еще живы леди и наши женщины, мы должны поторопиться.

Из-за тростников у реки Верпер и Тарзан наблюдали за чернокожими, которые вырыли в земле яму, опустили туда свою тяжелую золотую ношу и засыпали ее песком.

Тарзан не проявил к их работе особого интереса. Верпер много бы дал, чтобы иметь здесь своих спутников, которые помогли бы унести золото.

Зарыв сокровище, негры отошли в сторону от зловонных трупов и сделали привал, чтобы отдохнуть, прежде чем пуститься в погоню за арабами.

Сгустились сумерки. Верпер и Тарзан сидели в тростниках, доедая остатки мяса, принесенного с собой. Бельгиец был занят своими мыслями. Он был уверен, что вазири будут преследовать Ахмет-Зека. Ему слишком хорошо были известны военные приемы дикарей, характер арабов и их низких приспешников, и не сомневался, что они продадут, если уже не продали, всех женщин вазири в рабство. Уже одного этого было достаточно, чтобы вызвать немедленную месть со стороны такого воинственного племени, как вазири.

Верперу нужно было найти возможность подоспеть к арабскому стану раньше вазири, чтобы предупредить Ахмет-Зека о преследователях и о местонахождении золотого клада.

О том, что станет делать араб с леди Грэйсток, ввиду умственного расстройства ее мужа, Верпер нисколько не заботился.

Золото, зарытое неподалеку от сгоревшего дома Грэйстоков, представляло неизмеримо большую ценность, чем любой выкуп за леди Грэйсток, и если бы Верперу удалось уговорить Ахмет-Зека дать ему хоть часть его, он был бы вполне удовлетворен.

Неизмеримо большую важность для Верпера представляли богатства, заключенные в маленькой сумочке Тарзана. О, если бы он мог завладеть ею! Все планы, приходившие ему в голову, он отвергал как непригодные.

Тарзан перевел свой взгляд на Верпера. Бельгиец почувствовал, что за ним следят, притворился спящим и стал дышать ровно и глубоко, как крепко уснувший человек.

Тарзан думал. Он видел, как вазири зарывали золото. Верпер объяснил ему, что они это делают для того, чтобы кто-нибудь не нашел его и не забрал с собой. Это показалось Тарзану великолепным способом сохранить ценности. С того вечера, как Верпер выразил желание поглядеть на блестящие камешки, Тарзан с подозрительностью дикаря оберегал свою сумочку.

Довольно долго Тарзан наблюдал за своим товарищем. Наконец, уверившись, что тот спит, он вынул из-за пояса охотничий нож. Взрыхлив землю ножом, он руками стал выгребать ее, пока не образовалась ямка пяти-шести дюймов глубины. Туда он опустил сумку с драгоценными камешками. Верпер чуть не вскрикнул от радости и совсем забыл, что он должен дышать, как спящий.

Тарзан внезапно остановился. Его чуткий слух сразу уловил это обстоятельство. Сузившиеся глаза пристально вглядывались в Верпера. Верпер понял, что он пропал. Он вздохнул, протянул руки вперед и повернулся на спину, бормоча что-то, словно встревоженный дурным сном. Через минуту он уже снова дышал спокойно и глубоко. Он долго чувствовал на себе его внимательный взгляд. Потом Верпер услышал слабый звук падающего песка и похлопывания рук о землю. Он понял, что драгоценный мешочек зарыт.

Целый час Верпер лежал неподвижно, боясь пошевельнуться. Потом повернулся на бок лицом к Тарзану и открыл глаза. Человек-обезьяна спал. Протянув руку, Верпер мог достать до того места, где была зарыта сумочка.

Долгое время он лежал, прислушиваясь, потом стал ворочаться, умышленно производя шум. Но Тарзан не просыпался. Верпер вытащил из-за пояса жертвенный нож и воткнул его в землю. Тарзан не шевельнулся. Бельгиец осторожно проталкивал нож вниз. Он чувствовал, что кончик ножа уперся в твердую кожу сумочки. Тогда он надавил на ручку ножа. Маленькая песочная горка поднялась и раздвинулась, и из-под нее выглянул краешек кожаной сумочки. Верпер схватился за него, вытащил сумочку и спрятал ее у себя на груди.

После этого он засыпал яму и придавил песок. Жадность толкнула Верпера на этот безумный шаг. Вдали заревел леопард, а в густых тростниках за спиной Верпера какой-то большой зверь крался на мягких лапах. Верпер боялся ночных хищников, но несравненно больше боялся справедливого гнева зверя-человека, который спокойно спал рядом. Верпер с величайшей осторожностью сделал несколько шагов, но вдруг остановился и посмотрел на спящего.

«Почему бы нет?» — подумал он.

Он вернулся и наклонился над Тарзаном. В руке его блестел жертвенный нож верховной жрицы огненного бога.

X

Ахмет-Зек узнает о сокровище Верпера

Мугамби, истекая кровью, с трудом плелся по следам арабов. Он продвигался очень медленно, но свирепая ненависть и дикая жажда мести гнали его вперед. Между тем время шло, раны Мугамби заживали, силы восстанав-

ливались, и постепенно его могучее тело обрело прежнюю мощь, но арабы на конях уже успели достигнуть своего укрепленного лагеря и остановились в ожидании Альберта Верпера.

Во время долгого, утомительного путешествия Джен больше страдала от опасений за свою судьбу, чем от неудобств и утомительной дороги. Это было бы уже счастьем для нее, если бы она знала, что арабы увезли ее, рассчитывая только на выкуп. Но ей не раз приходилось слышать о белых женщинах, проданных такими злодеями, как Ахмет-Зек, в рабство в черные гаремы, или уведенных на север, чтобы там сделать их наложницами турецких сералей.

Джен никогда не падала духом и не терялась в трудные минуты жизни. Она надеялась на лучший исход, пока можно было надеяться, и смотрела на самоубийство как на последнее средство, чтобы избегнуть бесчестия и позора. Пока был жив Тарзан, у нее были все основания надеяться на спасение. Ни один человек, ни один зверь диких джунглей не обладал умом и силой ее супруга. Она считала дни, которые должны были пройти до его возвращения из Опара. Он вернется и увидит, что произошло за время его отсутствия, и ему понадобится уже немного времени, чтобы окружить укрепленный лагерь арабов и истребить разношерстную толпу его обитателей.

В том, что он найдет ее, она ни на минуту не сомневалась. Для него следы, оставленные разбойниками, будут так же ясны и многозначительны, как для нее печатная страница открытой книги.

В это время к стану Ахмет-Зека пробирался сквозь джунгли Верпер. Ночью он забирался на деревья. Днем пугливо пробирался вперед, залезая на дерево всякий раз, как только малейший звук предупреждал его о приближающейся опасности. Наконец издалека он увидел частокол, окружавший деревню арабов.

Почти одновременно с ним подошел к частоколу и Мугамби. Спрятавшись за большим деревом, он следил за приближавшимся бельгийцем. В ободранном, взъерошенном белокожем он сразу узнал гостя своего хозяина, который выехал из дома Грэйстоков накануне ухода Тарзана в Опар. Мугамби уже хотел окликнуть бельгийца, но что-то остановило его. Он видел, как смело и уверенно Верпер приближался к воротам деревни через открытую поляну.

Верпер крикнул. Ворота сразу распахнулись, и Мугамби стал свидетелем радушной встречи, которую арабы устроили недавнему гостю лорда и леди Грэйсток. И негру сразу все стало ясно: этот белый — шпион и предатель. Именно ему вазири были обязаны набегом арабов в отсутствие Великого Бваны. И к злобе негра против арабов прибавилась жгучая ненависть к белому шпиону.

При виде лейтенанта Ахмет-Зек с удивлением оглядел рубище, покрывавшее тело бельгийца.

— Что случилось? — спросил он.

Верпер рассказал все по порядку. Он пропустил только маленькую подробность о сумочке, которая была плотно привязана к его кушаку под одеждой. Глаза араба сузились от жадности, когда он услышал о золоте, которое вазири закопали около развалин дома Грэйстоков.

— Теперь уже нетрудно вернуться за ним и привезти его сюда! — сказал Ахмет-Зек.

— А женщина? — спросил Верпер.

— Не остается ничего другого, как продать ее на север,— ответил разбойник.— За нее дадут хорошие деньги.

Бельгиец одобрительно кивнул головой. Если ему удастся уговорить Ахмет-Зека послать его во главе отряда, который повезет леди Грэйсток на север, он сможет воспользоваться случаем и улизнуть. Он с радостью отказался бы от своей доли золота, лишь бы только уйти подобру-поздорову со своей заветной сумочкой.

Он уже достаточно ознакомился с приемами Ахмет-Зека. Большинство бежавших снова попадались в его руки. Верпер не раз слышал ужасающие крики этих дезертиров, когда их пытали перед казнью.

— Кто пойдет на север с женщиной? — спросил он.

Ахмет-Зек на минуту задумался. Золото, зарытое у дома англичанина, представляло значительно большую ценность, чем сумма, которую можно выручить за эту женщину. Ему необходимо было избавиться от нее как можно скорее. Араб, знающий все дороги и племена страны, легко сможет скрыться на севере с деньгами, вырученными за продажу женщины. Верперу же вряд ли удастся скрыться в стране, столь враждебной европейцам, а Ахмет-Зек со своей стороны постарается, чтобы отряд, который будет сопровождать бельгийца, состоял из надежных людей. Наконец Ахмет-Зек заговорил:

— Я не вижу необходимости обоим возвращаться за золотом. Ты поедешь на север с женщиной. Я дам тебе письмо к моему приятелю, который знает все рынки для этого товара. Мы встретимся здесь после того, как покончим со своими делами.

Верпер с трудом скрыл свою радость. Они принялись обсуждать подробности предстоящих путешествий, а потом Верпер простился и удалился в свою палатку. С наслаждением вымывшись, он прикрепил небольшое ручное зеркальце в задней стене палатки, придвинул грубый стул к неотесанному столу и, вооружившись бритвой, принялся удалять со своего лица густую, жесткую растительность.

Отогнав на время усталость, Верпер после бритья развалился на хромом стуле, чтобы выкурить перед сном папиросу. Засунув большие пальцы обеих рук за пояс, он нащупал драгоценный мешочек, привязанный на ремешке вокруг пояснины. Он вздрогнул от радостного волнения, когда подумал о самоцветах.

Что сказал бы Ахмет-Зек, если бы узнал о них? Верпер злорадно усмехнулся. Как засверкали бы глаза старого мошенника, если бы только он мог взглянуть на это сокровище! Верпер не имел еще возможности полюбоваться камешками, он даже не пересчитал их и только приблизительно догадывался о том, сколько они должны стоить. Он расстегнул пояс и вынул заветный мешочек, взвесил в одной руке, потом в другой и, медленно повернув стул к столу, при свете маленькой коптящей свечи высыпал содержимое мешочка на грубые неотесанные доски.

Яркая, сверкающая игра камней превратила внутренность неопрятной убогой палатки в великолепный дворец в глазах замечтавшегося бельгийца. Он представлял себе, как перед ним, владельцем сказочного богатства, раскрываются двери золоченых палат; он думал о власти, о наслаждениях и роскоши, которые ему всегда были недоступны.

Какое-то отражение шевельнулось на поверхности маленького зеркальца и вернуло Верпера к действительности. Он еще раз взглянул в глубину зеркальца и увидел в нем мрачное лицо Ахмет-Зека, выглядывавшее из складок занавеси у входа в палатку.

Верпер едва подавил крик ужаса. С редким самообладанием он медленно перевел свой взгляд на стол, словно и не глядел в зеркало. Он, не торопясь, вложил драгоценные камни обратно в мешочек, запрятал его к себе за пазуху, вынул из портсигара папиросу, закурил

ее и встал. Зевая и потягиваясь, он медленно повернулся к дверям палатки. Лица Ахмет-Зека уже не было видно в складках занавески...

Сказать, что Альберт Верпер был испуган, было бы мало. Он сознавал, что Ахмет-Зек никогда не позволит никакому богатству проскользнуть у него между пальцев. Бельгиец медленно приготовился ко сну. Он не знал, следили ли за ним, но, если бы кто-нибудь и следил, то не мог бы подметить и следов нервного беспокойства, которое Верпер тщательно старался скрыть.

Два часа спустя складки в передней части палатки раздвинулись, и темный силуэт нырнул внутрь. В руке его был длинный нож. Он бесшумно приблизился к груде одеял, разостланных на нескольких ковриках. Быстро и легко пальцы нащупали под одеялом тело Альберта Верпера. Огромная рука поднялась в воздухе, остановилась на мгновение и опустилась. Еще и еще подымалась и опускалась рука с ножом. Но тело было совершенно безжизненно, и это поразило убийцу. Он лихорадочно откинул покрывало и стал искать сумочку, которую рассчитывал найти на трупе своей жертвы.

Через мгновение он выпрямился с проклятьем. Ахмет-Зек под покрывалами нашел только груду платья, сложенного так, что оно имитировало спящего человека. Верпер бежал...

Ахмет-Зек бросился наружу, грозным голосом созывая сонных арабов. Они высыпали из своих палаток. Но тщетно обыскивали они деревню — Альберта Верпера и след простыл. В бешенстве Ахмет-Зек велел седлать коней, и, несмотря на то, что ночь была непроглядно темна, арабы выехали из деревни и рассыпались по лесу в поисках беглеца.

Мугамби, прятавшийся весь день в густом кустарнике, проскользнул, никем не замеченный, в ворота. Кучка черных стояла у ворот, глядя вслед уезжавшим, и, когда последний араб выехал из деревни, чернокожие стали запирать ворота, а Мугамби помогал им. В темноте его приняли за своего и даже не окликнули.

В течение целого часа Мугамби исследовал многочисленные хижины и палатки, стараясь определить, где находится его госпожа. Наконец он наткнулся на хижину, у которой стоял часовой. Мугамби спрятался в тени за углом и стал ждать. Пришел другой часовой — сменить своего товарища.

— Пленница на месте? — спросил вновь пришедший.

— Да, она здесь! — отвечал первый часовой.— Никто не переступал этого порога с тех пор, как я здесь стою.

Сменщик присел на корточки у дверей, а его товарищ ушел спать.

Мугамби подкрался ближе. В руке он сжимал толстую узловатую палку. Ничто не нарушало его хладнокровия, хотя сердце переполнилось радостью, когда он убедился, что леди действительно здесь. Часовой сидел спиной к чернокожему великану. Узловатая дубина описала дугу и опустилась на его голову. В тишине раздался звук тупого удара — и часовой безжизненно обмяк.

Через мгновенье Мугамби уже обшаривал внутренность хижины, сначала осторожно, выкликая шепотом: «Леди!», потом с яростной поспешностью, пока истина не предстала перед ним во всей своей ужасной простоте: хижина была пуста!

XI
Тарзан снова становится зверем

Несколько мгновений Верпер стоял над спящим Тарзаном с поднятым ножом, но страх остановил его. Что, если первый удар не попадет в сердце его жертвы? Верпер содрогнулся при мысли, что ожидает его в таком случае.

Верпер изменил свое намерение. Драгоценные камни принадлежали теперь ему. Остаться здесь дольше — значит погибнуть. Он повернулся и стал украдкой пробираться сквозь тростник, направляясь к далекому лесу.

Тарзан все еще спал. Куда девалась та необыкновенная чуткость, которая всегда охраняла его от неожиданных опасностей? Страшный удар по голове, полученный им при землетрясении в Опаре, на время притупил его чувства. Тростник зашелестел и раздвинулся, и в двух шагах от спящего показалась массивная голова льва. Зверь остановился и, увидев спящего человека, поджал задние лапы, а хвост его стегал по воздуху из стороны в сторону.

Удары хвоста по тростнику разбудили Тарзана. Обитатели джунглей просыпаются живо — и в самый момент пробуждения они уже обладают сознанием и в состоянии управлять собой. Не успел Тарзан открыть глаза, как уже был на ногах с копьем в руке, готовый к нападению. Он снова был Тарзаном из племени обезьян, чутким, бдительным, проворным.

Нет таких двух львов, которые обладали бы одинаковыми характерами, да и один и тот же лев при одних и тех же обстоятельствах не всегда поступает одинаково. Что руководило львом — удивление, страх или осторожность? Он повернулся и прыгнул назад в тростник, в то время как Тарзан вскочил на ноги.

Тарзан пожал плечами и огляделся, ища своего товарища. Того нигде не было видно. Сначала Тарзан подумал, что Верпер схвачен и унесен другим львом, но, осмотрев следы на песке, пришел к убеждению, что бельгиец ушел один через равнину. На мгновение он был озадачен, но потом решил, что Верпер испугался, заслышав приближение льва, и в страхе бежал. Презрительная улыбка появилась на губах Тарзана, когда он подумал о том, что товарищ не потрудился даже предупредить его об угрожающей опасности. Что ж? Тарзан не станет его искать.

В ста ярдах одиноко подымалось большое дерево. Тарзан подошел к нему, взобрался наверх и, найдя удобный сук, приготовился ко сну.

Солнце стояло уже высоко в небе, когда Тарзан проснулся. Его мозг, возвращенный в примитивное состояние, не был занят никакими другими мыслями, кроме сознания необходимости добывать себе пищу и защищать свою жизнь. На этот раз именно голод разбудил его. Его взгляд скользил по опустошенным полям и лугам лорда Грэйстока, но Тарзан-обезьяна не узнал этой местности. Как чужой, смотрел он на движущиеся фигуры Басули и его воинов. Последние приготовляли себе завтрак и собирались в поход, чтобы отомстить за разгром дома их господина.

Человек-обезьяна с любопытством оглядывал чернокожих. Где-то в глубине его сознания мелькала мысль, что все это имело какое-то отношение к нему, но он никак не мог связать свою новую жизнь, с которой ему пришлось встретиться после того, как он выбрался из темных подземелий Опара, с каким-нибудь событием из его прошлой жизни.

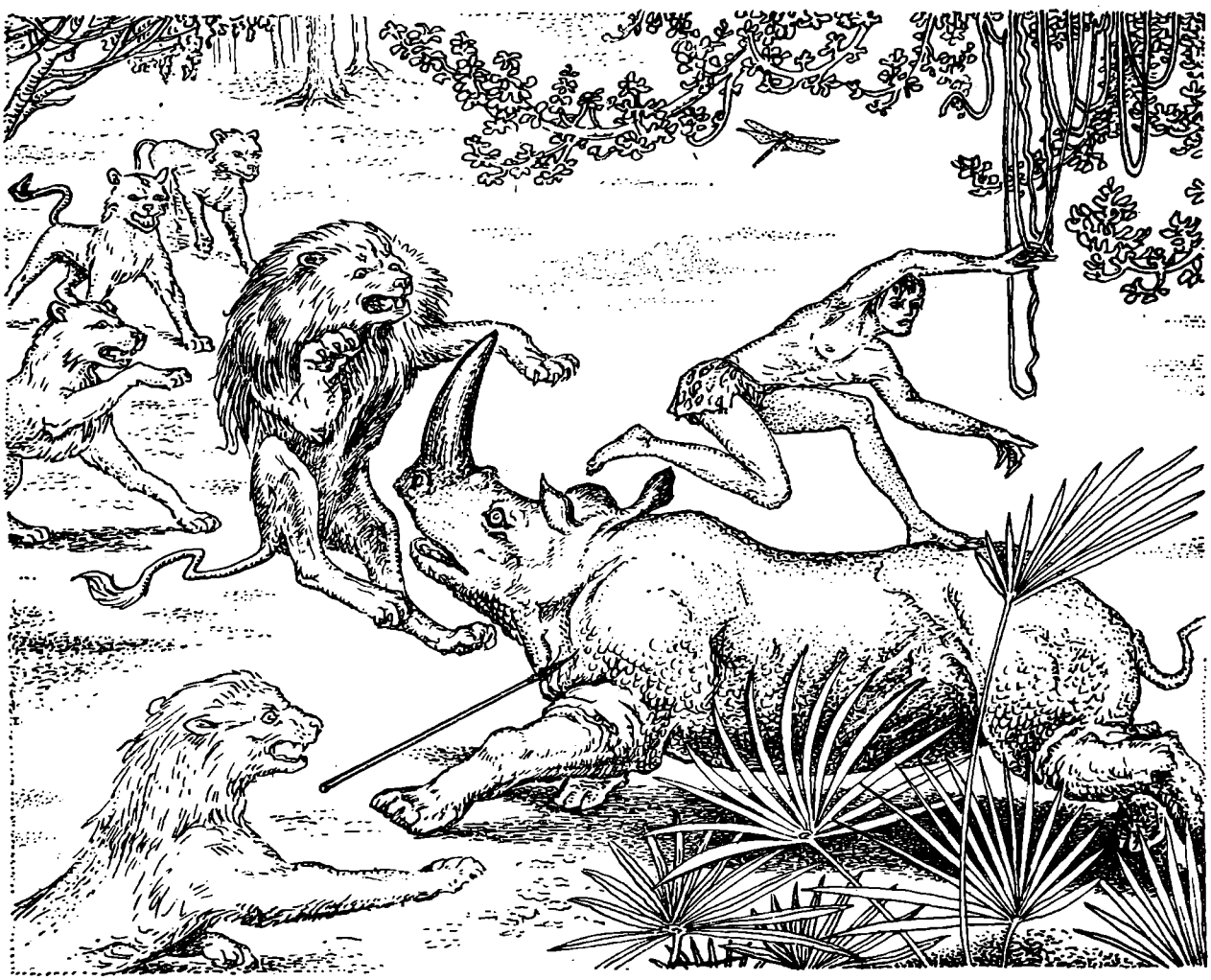
Словно сквозь туман вспомнил он безобразную и страшную фигуру, волосатую, свирепую. Память вернула его к детству. Это была огромная обезьяна-самка Кала, его приемная мать. Рядом с ней в памяти его вставали и другие: Теркоз, Тублат, Керчак и еще одна — Тика, маленькая подруга детских игр Тарзана. Картины детства, проведенного среди обезьян, одна за другой возникали перед ним, и по мере того, как они становились ярче и яснее, в нем просыпалось желание вновь очутиться среди этих мохнатых зверей с нависшими бровями.

Он видел, как чернокожие потушили огонь своего костра и ушли, но хотя лицо каждого из них еще недавно было ему так же хорошо знакомо, как его собственное, вид их не пробудил в нем никаких воспоминаний.

На широкой равнине паслись стада диких животных. Тарзан наметил себе жертву среди небольшого стада лоснящихся зебр. Он продвигался на четвереньках или полз на животе. Тарзан остановил свой выбор на самке, но и на этот раз им руководил лишь один инстинкт. Он приготовил копье и осторожно подтянул под себя ноги. Одним быстрым движением он поднялся, метнул тяжелое копье в бок самки и сам прыгнул тотчас же к ней с охотничьим ножом в руке.

Секунду животные стояли неподвижно, оцепенев от неожиданности. Потом самка закричала от боли и испуга, и они бросились бежать. Но Тарзан-обезьяна мог пробежать несколько ярдов с той же скоростью. Он догнал самку и одним прыжком очутился у нее на спине. Она повернулась, стараясь лягнуть и укусить своего врага. Тарзан крепко держался одной рукой за короткую гриву. Молодая зебра боролась храбро и ожесточенно, но коварный нож вонзился ей прямо в сердце, и она грохнулась на землю. Человек-обезьяна поставил ногу на ее туловище и огласил равнину победным криком Мангани.

Тарзан поднял свою жертву и перенес ее под куст, за которым он сам раньше прятался. Усевшись на труп зебры, он отрезал большой кусок от задней части животного и принялся утолять голод теплым, сочащимся кровью мясом. Из-за кустарника вдруг появились две гиены, привлеченные пронзительным криком зебры. Тарзан оскалил зубы и зарычал. Гиены ответили тем же и отошли немного назад. Они уселись на порядочном расстоянии от него и не сводили глаз. Насытившись, Тарзан отрезал несколько кусков мяса про запас и направился к реке. Дорога лежала мимо гиен, и Тарзан не счел нужным изменять из-за них свой путь.



Со спокойным величием льва Нумы он шел прямо на ворчащих животных. Сначала они вызывающе ощетинились, но потом отодвинулись в сторону, уступая дорогу могучему человеку-обезьяне. Спустя минуту они уже разрывали остатки зебры.

У реки Тарзан утолил жажду и выкупался. Он спрятался от жары в тени развесистого дерева неподалеку от своих разрушенных амбаров. Его глаза были устремлены в ту сторону равнины, где начинался густой лес. Желание окунуться в его таинственную глубину довольно долго занимало мысли Тарзана. Он решил, что со следующим восходом солнца уйдет в лес. Ему незачем было торопиться. Сожаление о прошлом и опасения за будущее не омрачали сознания Тарзана. Он мог целыми днями лежать, вытянувшись во весь рост на качающейся ветке, потягиваясь всеми своими членами и наслаждаясь благословенным покоем абсолютной безопасности: никакие заботы, никакие сомнения не нарушали его умственного покоя. Лорд Грэйсток перестал существовать.

Несколько часов Тарзан тихонько раскачивался на своем лиственном ложе. Почувствовав голод и жажду, он слез с дерева и медленно двинулся к реке. Протоптанная зверями тропинка, по которой он шел, напоминала узкую длинную канаву. По обеим ее сторонам возвышались зеленые стены, образованные непроходимым густым кустарником и деревьями, обвитыми сверху донизу толстыми лианами. Тарзан почти вышел к реке, когда навстречу показалось целое семейство львов. Они возвращались с реки — взрослый лев, две львицы и четверо молодых львов. Тарзан остановился и зарычал, остановилось и львиное семейство. Большой лев обнажил клыки и испустил глухой, предостерегающий рев.

Человек-обезьяна сжимал в руке свое копье, но он не рассчитывал с таким ничтожным оружием вступать в бой с семью львами. Он стоял на месте, ворча и рыча, львы отвечали тем же. Это была одна из тех встреч, которые часто случаются в джунглях. Каждая сторона старалась отпугнуть другую. Ни та, ни другая не хотела уйти назад и уступить дорогу, и в то же время не хотела первой начать битву. Львы были слишком сыты, чтобы прельститься такой добычей. Трудно сказать, как долго продолжалось бы это бескровное сражение. В конце концов Тарзану пришлось бы все равно уступить более сильному по численности врагу.

Конец этому бессмысленному положению был неожиданно положен персонажем совершенно посторонним. Тарзан вместе со львами производил такой шум, что и не почувствовал, как сзади какая-то огромная туша стремительно несется прямо на него. Он опомнился только тогда, когда она была уже совсем близко и спасение казалось невозможным. Обернувшись, он увидел Буто-носорога. Но сознание было так неразрывно связано с мускулами у этого первобытного, не испорченного культурой человека, что в тот же момент он мгновенно повернулся и воткнул копье в грудь Буто. Копье вонзилось в тело носорога в том месте, где шея соединяется с левым плечом, и почти насквозь пробило тело животного. Тарзан сделал большой прыжок и опустился на спину носорога, миновав большой твердый рог.

Маленькие свиные глазки носорога яростно засверкали. Он заметил львов и бешено кинулся на них. Тарзан в это время упепился за спутанную сетку ползучих растений и очутился на дереве. Первый лев сразу был поднят могучим рогом обезумевшего зверя, растоптан и отброшен в сторону. Остальные шесть бросились на носорога, яростно кусая и царапая его, а он топтал их и колол своим рогом. С высоты своего убежища Тарзан с интересом наблюдал за горячей схваткой, потому что высшие обитатели джунглей любят созерцать такие столкновения. Для них это такое же развлечение, как для нас театры и спорт. Вначале Тарзану казалось, что Буто выйдет победителем. Он уже покончил с четырьмя из семи и жестоко ранил остальных, как вдруг во время короткой передышки неожиданно опустился на колени, перевернулся на бок и замер.

Копье Тарзана сделало свое дело. Оружие, сделанное руками человека, убило зверя, который мог бы отразить нападение семи львов; копье Тарзана прокололо здоровые легкие, и Буто свалился от внутреннего кровоизлияния, когда победа его была уже совсем близка.

Тарзан спустился вниз; раненые львы, ворча и визжа от боли, поторопились убраться с места роковой битвы. Тарзан вытащил копье из тела Буто, отрезал кусок мяса и скрылся в джунглях.

XII
Ла хочет мстить

Описав большой круг, Тарзан вышел к реке в другом месте. Здесь он напился и опять взобрался на дерево. Он охотился, совершенно забыв о прошлом и мало думая о будущем. А в это время пятьдесят страшных, волосатых мужчин с кривыми, короткими ногами, вооруженные ножами и большими дубинами, двигались за прекрасной полунагой женщиной. Это Ла, верховная жрица огненного бога, и ее жрецы пустились в далекий путь на поиски дерзкого похитителя их священного жертвенного ножа.

Никогда прежде Ла не переступала за каменную ограду Опара, ибо в этом не было необходимости. Исчез жертвенный нож! Переходя из рук в руки через неисчислимые века, он достался ей по наследству от одного из погибших и забытых атлантов как символ религиозного авторитета и царственной власти. Исчезновение драгоценной короны или великой печати Англии не могло бы привести британского короля в большее отчаяние и уныние, чем то, в которое повергла Ла, верховную жрицу и царицу города Опара, кража священного ножа.

Негодование, злоба и ненависть кипели в душе Ла. Религиозное усердие фанатика, алтарь которого был осквернен, усиливалось гневом оскорбленной женщины. Дважды бросала она свое сердце к ногам богоподобного человека, и дважды он оттолкнул его.

Ла знала, что она прекрасна: она действительно была хороша не только с точки зрения доисторических атлантов, но и на взгляд наших современников. До первого прихода Тарзана в Опар Ла никогда не видела мужчину, если не считать уродливых, кривоногих полуобезьян Опара. С одним из них она должна будет соединиться рано или поздно для того, чтобы не прерывалась прямая линия верховных жриц.

В легендах Опара говорилось о богоподобных мужах далекого прошлого и о черных мужчинах, которые приходили сюда не так давно, но последние всегда были врагами и приходили, чтобы грабить и убивать. Эти легенды поддерживали надежду в народе Опара, что в один прекрасный день неведомый материк подымется из волн Атлантического океана и пришлет резные, украшенные золотом галеры на помощь своим несчастным изгнанникам-потомкам.

Приход Тарзана пробудил в сердце Ла безумную надежду на то, что исполнение древнего предсказания близко. До этого она была холодной, бессердечной женщиной, дочерью тысячи других холодных, бессердечных,

прекрасных женщин, которые никогда не знали любви. И когда любовь пришла к ней, она пробудила страсть, дремавшую в тысячах поколений, и Ла превратилась в один пылающий, трепещущий порыв. И когда этот порыв встретил препятствие, вся великая сила любви, нежности и самопожертвования была переплавлена в чувство великой ненависти и жажды мщения.

Обуреваемая этими страстями, Ла вела свое шумное воинство, чтобы вернуть священный символ ее высокого назначения, и наказать дерзкого злодея, причинившего ей столько мучений. С какой радостью будет она смотреть на предсмертные судороги Тарзана! Какие пытки она придумает для него! Она заставит его умирать долгой, мучительной смертью.

Ла и ее жрецы не были знакомы с жизнью джунглей, но их было много, и это уже само по себе было достаточной защитой. Они ушли уже далеко от дома и без особых происшествий продвигались по следам Верпера и Тарзана. Их сопровождали три большие обезьяны, которые должны были выслеживать жертву, потому что жрецы не умели этого делать. Ла определяла порядок похода, она выбирала место для стоянки, назначала час для отдыха, и, хотя она была совершенно неопытна в этих вещах, природным умом настолько превосходила своих жрецов и обезьян, что делала все гораздо лучше, чем сделали бы это они.

Много дней продолжалось их путешествие. Однажды во время полуденной остановки, когда все лежали, отдыхая от утомительной ходьбы, одна из обезьян внезапно поднялась и стала обнюхивать воздух. Несколькими гортанными звуками она приказала всем замолчать и, поднявшись на дерево, побежала в ту сторону, откуда ветер донес запах человека. Жрецы безмолвно окружили Ла. Им недолго пришлось ждать. Через несколько минут обезьяна появилась из густых зарослей джунглей, подошла прямо к Ла и обратилась к ней на языке больших обезьян.

— Большой Тармангани спит. Пойдем и убьем его.

— Не смейте убивать его! — приказала Ла.— Приведите Большого Тармангани ко мне живым и невредимым. Месть принадлежит мне.

Зловещий отряд осторожно пробирался сквозь джунгли, предводительствуемый большой обезьяной. Она остановила жрецов неподалеку от большого дерева. На массивной низкой ветке лежал Тарзан, вытянувшись во весь рост. Даже во сне одна его рука обхватила толстую ветку, а сильная коричневая нога вытянулась вперед и тоже обвилась вокруг ветки.

Он проснулся лишь тогда, когда три обезьяны навалились на него всей своей тяжестью и сбросили на землю. Он был совершенно оглушен падением и не успел опомниться, как пятьдесят ужасных волосатых мужчин окружили его. В один момент Тарзан стал центром кусающей, кричащей, дерущейся толпы. Они медленно одолевали его, хотя вряд ли нашелся среди них один, который не испытал бы на себе тяжелых кулаков и острых клыков Тарзана.

XIII
Приговоренный к смертной казни

Ла недолго пришлось ждать, через несколько минут Тарзан, связанный, беспомощный, лежал у ее ног.

— Поставьте мне палатку! — распорядилась она.— Мы здесь переночуем, а завтра перед лицом огненного бога Ла принесет в жертву сердце осквернителя храма. Где священный нож? Кто взял его у Тарзана?

Но никто не видел ножа, и все уверяли, что Тарзан не имел при себе священного орудия, когда его схватили. Тарзан посмотрел на отвратительных, грозящих ему уродцев и презрительно заворчал. Он взглянул на Ла и улыбнулся. Смерть не испугала его.

— Где нож? — спросила его Ла.

— Я не знаю,— отвечал Тарзан.— Тот человек унес его с собой, когда убежал от меня. Зачем нужен вам этот нож? Вы можете сделать себе другой, точно такой же. Неужели только ради ножа вы преследовали нас? Отпустите меня, и я найду его и принесу вам.

Ла горько рассмеялась. В глубине души она сознавала, что не за одно похищение жертвенного ножа собиралась она предать его казни; но когда она взглянула на него, связанного и беспомощного, слезы навернулись у нее на глаза, и она отвернулась, чтобы скрыть их. Но осталась непреклонна в своем решении жестоко наказать Тарзана за то, что он осмелился отвергнуть ее любовь.

Когда жрецы раскинули палатку, Ла велела принести туда Тарзана.

— Всю ночь я буду пытать его,— сказала она жрецам,— а с первыми лучами зари приготовьте пылающий алтарь, и я принесу его в жертву огненному богу.

Вплоть до заката солнца жрецы были заняты устройством жертвенника. Во время работы они пели заунывные гимны на древнем языке Атлантиды. Они не знали смысла слов, они только повторяли молитвы, переходившие от учителя к ученику, еще с тех незапамятных времен, когда хвостатые предки первобытного человека раскачивались на деревьях в сырых, болотистых джунглях, там, где теперь находится Англия.

Под сенью палатки Ла ходила вокруг связанного по рукам и ногам Тарзана. Тарзан был готов к смерти. Его могучие мускулы не в состоянии были одолеть множество веревок, связывавших его руки и ноги — он уже не раз тщетно пытался разорвать их. И все же он улыбался Ла.

А Ла? Она смотрела на его божественно прекрасное тело, на улыбающееся лицо и заставляла себя думать о том, что он отверг ее любовь. Законы огненного бога повелевают покарать нечестивого, который осквернил святая святых, который украл с запятнанного кровью жертвенника Опара жертву огненного бога, и не один, а три раза. Три раза Тарзан обманул бога ее отцов! Ла остановилась и опустилась на колени подле человека-обезьяны. Она приложила острие ножа к боку Тарзана и надавила на рукоятку. Но Тарзан улыбнулся и пожал плечами.

Как он был красив! Она сравнивала его с кривыми, уродливыми полулюдьми, среди которых должна выбрать супруга, и вздрогнула при этой мысли.

Наступили сумерки, а за ними пришла и ночь. Перед глазами верховной жрицы огненного бога вставала картина завтрашнего торжества. Она видела, как это прекрасное, гигантское тело извивается в пламени костра, как обгорают и обугливаются эти улыбающиеся губы над крепкими белыми зубами. Она ясно представляла, как огненные языки слизывают густую, черную, всклокоченную гриву этой красивой головы. Но было ли чувство, которое испытывала Ла, ненавистью?

Темная африканская ночь спустилась над лагерем, освещенным только неровным светом костра. Тарзан страдал от жажды и острой боли, причиняемой ему туго затянутыми веревками на кистях и щиколотках, но не жаловался. Он знал, что судьба его решена, что никакие мольбы не смягчат сурового приговора, и не тратил вре-

мени на упрашивания, веря, что его мучения не могут продолжаться вечно. В это время кто-то подбросил новую охапку сучьев в костер, и яркое пламя внезапно осветило внутренность палатки и прекрасное лицо лесного бога. Любовь, которую Ла почувствовала к нему, увидев его впервые, и которую она лелеяла долгие годы, мечтая о нем, захлестнула женское сердце. Не нужно пытки! Смерть, немедленная смерть дерзкому осквернителю святыни! Один удар тяжелого лезвия, а труп туда, в объятия пылающего костра! Рука занесла нож в воздухе и остановилась, готовясь к удару,— и Ла, слабая женщина, упала без сил на тело любимого человека.

Ее руки в немой ласке скользили по его обнаженной груди, она покрывала его лоб, глаза, губы горячими поцелуями, она прикрыла его своим телом, словно защищая его от ужасной судьбы, которую сама же ему приготовила, и дрожащим, жалобным голосом умоляла его о любви. Бурная, безумная страсть овладела прислужницей огненного бога, в течение нескольких часов она не могла совладать с собой, но наконец сон одолел ее, и она задремала. А Тарзан, не тревожась за будущее, спокойно спал в объятиях Ла.

При первых проблесках зари Тарзан был разбужен пением жрецов города Опара. Начатое в тихих, мягких тонах, пение быстро перешло в дикий вопль кровавого вожделения.

Ла зашевелилась, ее прекрасная рука крепче прижала к себе Тарзана, улыбка появилась на губах, и она проснулась. Но когда значение погребальных песнопений дошло до ее сознания, улыбка сошла с лица, глаза расширились от ужаса.

— Люби меня, Тарзан! — воскликнула она.— Люби меня — и ты будешь спасен!

Веревки, связывавшие Тарзана, остановили кровообращение и причиняли ему страдание. С сердитым ворчанием он повернулся на бок спиной к Ла. Это был его ответ. Верховная жрица вскочила, горячая краска стыда, залившая на мгновение ее щеки, сменилась смертельной бледностью.

— Сюда, жрецы огненного бога! — крикнула она.— Приготовьтесь к жертвоприношению.

Кривоногие уроды поспешили на зов своей повелительницы и вошли в палатку. Они подняли Тарзана, вынесли его из палатки, и, продолжая путь, отмечали такт, покачиваясь из стороны в сторону на своих кривых ногах.

За ними шла Ла. Лицо верховной жрицы было бледно от мук неразделенной любви и ужаса предстоящего обряда. Но Ла была тверда в своем решении. Неверный должен умереть. Презревший ее любовь получит возмездие на пылающем костре за оскорбление. Она видела, как они положили прекрасное тело на жесткие ветки. Верховный жрец вопросительно взглянул на нее; факел догорал, и огонь уже обжигал его руки, а хворост был так маняще близок. Тарзан закрыл глаза и ждал конца. Он знал, что будет страдать и умрет, но не боялся. Смерть — не событие для того, кто вырос в джунглях, она поджидает на каждом шагу, следует по пятам в течение дня и ложится рядом по ночам. Человек-обезьяна вряд ли задумывался над тем, что ожидает его после смерти.

Он почувствовал, что Ла наклонилась над ним, открыл глаза и увидел бледное, измученное лицо и слезы, застилавшие ее глаза.

— Тарзан, Тарзан! — простонала она.— Скажи мне, что ты любишь меня, что ты вернешься со мною в Опар — и ты будешь жить. Я спасу тебя, несмотря на гнев моего народа. В последний раз я спрашиваю: что ты ответишь мне?

Рядом стоял дикий фанатик с отвратительным звериным лицом, готовый по первому ее приказанию поджечь костер. Этот урод должен будет стать ее супругом, если она не найдет другого, менее отталкивающего. Ла вздрогнула. Тяжело дыша, она наклонилась над Тарзаном.

— Да или нет? — прошептала она.

Из глубины джунглей донесся слабый звук, который наполнил сердце Тарзана надеждой на спасение. Он издал резкий, пронзительный крик, который заставил Ла отступить на несколько шагов. Нетерпеливый жрец ворчал, перекидывая факел из одной руки в другую и все ближе поднося его к смолистым сучьям.

Звук, привлекший внимание Тарзана, приближался; теперь и другие слышали его. Это был резкий рев слона. Когда Ла наклонилась над Тарзаном, пытаясь прочесть свой приговор в его глазах, она увидела, как тень заботы пробежала по его лицу. Только теперь она сообразила, что обозначал его пронзительный крик. Он призывал Тантора-слона на помощь. Брови Ла нахмурились, дикий огонек появился в ее глазах.

— Ты, отказываешься от Ла? — вскрикнула она.— Так умри же! Огонь! — коротко приказала она, повернувшись к жрецу.

— Тантор идет сюда,— сказал Тарзан.— Я думал, что он спасет меня, но теперь я слышу по его голосу, что он убьет всех, кто попадется ему на пути. Он найдет тех, кто попытается спрятаться, потому что Тантор охвачен любовным безумием.

Ла хорошо знала, как свирепеет слон-самец, обезумевший от любви. Тарзан не преувеличивает. Трудно предсказать заранее, что сделает животное, потерявшее над собой контроль.

— Я не могу любить тебя, Ла! — тихим голосом говорил Тарзан.— Я и сам не знаю почему: ведь ты так красива. Я не мог бы жить в Опаре, мой дом — просторные дикие джунгли. Нет, я не могу любить тебя, но и не могу допустить, чтобы ты умерла, пронзенная клыками Тантора. Перережь веревки, и я еще смогу спасти тебя!

Тоненькая струйка дыма поднялась над костром, сухие сучья затрещали, охваченные пламенем. Огненные языки все ближе подползали к Тарзану. Из леса донесся треск ломаемых ветвей и вывороченных стволов. Тантор приближался. Беспокойство овладело жрецами. Они бросали пугливые взгляды назад и вопросительно смотрели на Ла.

— Бегите! — приказала она и, наклонившись над пленником, перерезала связывавшие его веревки.

Тарзан вскочил на ноги. Возмущенные жрецы закричали от гнева и возмущения. Жрец, поджегший костер, бросился к Ла.

— Изменница! — крикнул он, поднимая дубину,— теперь и ты умрешь!

Тарзан прыгнул вперед и вырвал дубину из рук разъяренного урода. Жрец накинулся на него, кусая и царапая.

Схватив кривоногого жреца своими мощными руками, Тарзан поднял его высоко над головой и бросил в толпу фанатиков, собиравшихся уже кинуться на своего недавнего пленника. Ла не выказала и тени испуга; только гордое презрение к жрецам и восхищение перед человеком, которого она так безнадежно любила, можно было прочесть на ее прекрасном лице.

В это время огромный, обезумевший слон выскочил на поляну из-за деревьев. Тарзан моментально повернулся к Ла, схватил ее на руки и помчался к ближайшему дереву. Слон со свирепым ревом гнался за ним. Белые руки Ла

крепко обвились вокруг шеи Тарзана. Она почувствовала, как он подпрыгнул в воздухе и стал взбираться на дерево, стараясь уйти подальше от жилистого хобота толстокожего.

Увидя, что его жертвы ускользнули, слон бросился за разбегавшимися во все стороны жрецами. Он поднял ближайшего из них клыками и швырнул высоко на дерево. Другого он обхватил хоботом и стал яростно колотить о ствол, пока несчастный жрец не превратился в сплошную кровавую массу. Слон бросил его на землю и кинулся вслед за убегавшими.

Еще двое жрецов погибли, раздавленные гигантскими ногами, остальные успели скрыться в чаще джунглей. Внимание разъяренного великана снова обратилось к Тарзану. В джунглях издавна была известна дружба, которая существовала между Тарзаном и племенем Тантора. Ни один слон не причинил бы зла Тарзану, белой обезьяне. Но охваченный любовным безумием, самец хотел уничтожить своего старого друга.

Тантор вернулся к дереву. Он уперся передними ногами в ствол и, вытянув свой длинный хобот, пытался достать им до Тарзана. Но человек-обезьяна заранее предвидел это и забрался на самую верхушку дерева, до которой не мог дотянуться хобот слона. Это довело обезумевшего Тантора до исступления. Земля содрогалась от его рева и визга. Упершись головой в ствол, он изо всех сил начал толкать его; дерево наклонилось, но не упало.

Странно вел на этот раз себя Тарзан. Если бы Нума, Сабор, Шита или какой-нибудь другой зверь джунглей хотели погубить его, человек-обезьяна прыгал бы на дереве, закидывая своего врага импровизированными снарядами и всячески издеваясь над ним. Но сейчас он сидел совсем тихо на недосягаемой вышине, и на его красивом лице было выражение глубокой печали и жалости.

Тарзан любил Тантора больше всех обитателей джунглей. Если бы у него была возможность убить слона, он не сделал бы этого. Пройдет пора дикой страсти — и Тантор станет прежним добрым Тантором, и Тарзан снова сможет вытянуться во весь рост на широкой спине животного и нашептывать сказки в большие отвислые уши.

Видя, что дерево не валится от его толчков, Тантор рассвирепел еще больше. Он обернул хобот вокруг ствола, широко расставил огромные ноги и начал дергать дерево, стараясь вырвать его с корнями. К изумлению Тарзана, дерево стало медленно поддаваться. Маленькие холмики образовались у подножия, оно закачалось... Еще момент, и оно будет вырвано и брошено на землю.

Тарзан взвалил Ла на спину и в тот момент, когда дерево стало медленно склоняться к земле, перепрыгнул на стоявшее рядом меньшее дерево. Это был чрезвычайно опасный скачок: Ла закрыла глаза и вздрогнула. Тарзан по ветвям деревьев пробрался дальше в лес.

Вырванное с корнями дерево с грохотом повалилось на землю, сминая меньшие, встретившиеся на его пути. Тантор, убедившись, что его добыча скрылась от него, яростно затрубил и бросился в погоню.

XIV

Женщина побеждает жрицу

Вначале Ла зажмурилась и в ужасе прижалась к Тарзану, но через минуту она набралась храбрости и приоткрыла глаза. Тарзан буквально летел по верхушкам деревьев, огромными прыжками перескакивая с одного дерева на другое; но теперь Ла уже не боялась. Она чувствовала себя в полной безопасности, так велика была ее вера в это необыкновенное существо.

Странное существо была Ла из Опара; вся сотканная из противоречий и меняющаяся, как капризный ребенок. Жестокая и кровожадная прислужница безжалостного бога, трогательно мягкая женщина, вся — нежность и сострадание. Воплощение ревности и мстительности, и рыдающая девушка, великодушная и всепрощающая, в одно и то же время — девственно чистая и развратная, но всегда женщина.

Какой-то злополучный жрец, искавший убежища в джунглях, показался на глаза взбешенному Тантору. Животное повернулось, набросилось на него, подняло на бивни, отбросило в сторону и, отвлеченное от своей цели, повернуло на юг и скрылось в чаще. Через несколько минут рев его затерялся в отдалении.

Тарзан спустился на землю, и Ла соскользнула с его спины.

— Созови свой народ! — сказал Тарзан.

— Они убьют меня,— возразила Ла.

— Никто не убьет тебя, пока Тарзан из племени обезьян с тобою. Позови их, и мы поговорим с ними.

Ла издала странный, необыкновенный звук, похожий на пассаж флейты, и он разнесся далеко по лесу. Раздались ответные клики на лающем языке жрецов Опара: «Мы идем, мы идем!»

В одиночку и небольшими кучками из глубины леса стали появляться жрецы, и вскоре большая часть свиты приблизилась и остановилась неподалеку от верховной жрицы и ее спасителя.

Когда собрались все, Тарзан обратился к ним:

— Ваша Ла цела! — сказал он.— Если бы она убила меня, она сама была бы теперь мертва, да и многих из вас уже не было бы в живых. Но она пощадила меня, чтобы я мог спасти ее. Идите с ней своей дорогой назад к Опару, а Тарзан пойдет в джунгли. Да будет всегда мир между Тарзаном и Ла! Я жду ответа.

Жрецы заворчали. Они не хотели взять Ла назад, они хотели совершить свой обряд и принести Тарзана в жертву огненному богу.

Это надоело Тарзану.

— Вы исполните приказание вашей повелительницы,— сказал он нетерпеливо,— и вернетесь с ней в Опар, или же Тарзан из племени обезьян созовет обитателей джунглей и убьет вас всех. Я не знаю, где ваш священный нож, но вы можете сделать другой. Обещаете ли вы мне, что вернетесь с Ла в Опар и не причините ей зла?

Жрецы собрались в кучу, совещаясь и споря. Они ворчали и лаялись между собой, и Тарзану стало наконец ясно, что один из них мешал согласию. Гнев и ревность переполняли сердце верховного жреца; его возмущало, что Ла открыто призналась в своей любви к чужеземцу, в то время как по обычаю она должна была принадлежать ему.

Задача казалась неразрешимой. Наконец другой жрец выступил вперед и, подняв руку, обратился к Ла.

— Кадж, верховный жрец, хочет вас обоих принести в жертву огненному богу,— объявил он,— но все мы, кроме Каджа, с радостью вернулись бы в Опар с нашей повелительницей.

— Вас много против одного,— сказал Тарзан,— почему же вам не настоять на своем? Вернитесь в Опар с Ла и, если Кадж будет сопротивляться, убейте его!

Жрецы Опара приветствовали эту мысль громкими криками одобрения. Она казалась им внушением свыше. Долгие годы они беспрекословно покорялись каждому желанию верховных жрецов, но когда они сообразили, что могут заставить Каджа поступить, как они хотят, то обрадовались, как дети, получившие новую игрушку. Они окружили и схватили Каджа.

— Жрец! — сказал Тарзан.— Ла возвращается в свой храм. Тарзан вернется в Опар еще до наступления дождей, и если что-нибудь случится с Ла, горе тебе!

Кадж угрюмо обещал не причинять вреда своей повелительнице.

— Оберегайте ее! — крикнул Тарзан на прощанье жрецам.

— Ла будет ждать твоего прихода, мечтая и тоскуя. О, скажи же мне, что ты придешь! — в слезах воскликнула прекрасная жрица.

— Кто знает? — проговорил Тарзан и, быстро вскочив на дерево, направился на восток. Он бежал по верхнему ярусу деревьев, пока ночная мгла не спустилась над джунглями. Тогда он лег в густой листве и заснул крепким сном. Мысль о завтрашнем дне не тревожила его сознания, и даже образ Ла казался воспоминанием далекого прошлого.

Прошло два дня со времени бегства Верпера. Тарзан вспомнил о красивых камешках, и ему захотелось снова поиграть ими. А так как у него не было никаких неотложных дел, он решил отправиться на равнину и откопать сумочку.

Хотя там, где были зарыты камешки, не осталось никакого знака, и место ничем не отличалось от любой другой пяди земли на узкой полосе, тянувшейся на несколько верст до линии, где тростники переходили в луга,— тем не менее Тарзан безошибочно, с твердой уверенностью направился прямо к месту.

Охотничьим ножом он раскопал неплотно лежавшую землю, но, хотя вырытая яма была глубже той, которую он выкопал в первый раз, он не нашел ни сумочки, ни драгоценных камней. Тарзан понял, что его ограбили, и брови его мрачно нахмурились. Ему не потребовалось долго искать виновника, и он, не задумываясь, решил отправиться вдогонку за вором.

Следы, оставленные два дня назад, в некоторых местах были совершенно стерты. Однако Тарзан легко отыскал их. Белый человек спустя двенадцать часов не мог бы их проследить и на двадцать шагов, а черный потерял бы их на первой версте, но Тарзан из племени обезьян еще в раннем детстве развил в себе чувства до такой степени, как никто из обыкновенных смертных.

На месте, где стояла нога, долгое время сохраняется ее запах. Он совершенно незаметен для нас, но для существ низшего порядка, особенно для хищников и преследуемых, он так же интересен и временами более ясен и понятен, чем для нас печатная страница.

Тарзан руководствовался, однако, не одним только обонянием. Зрение и слух его тоже были необыкновенно развиты благодаря тому, что вся его молодость прошла в джунглях, где для сохранения жизни требовались непрерывная бдительность и изощрение всех своих способностей.

Тарзан шел по следам Верпера через лес на север, но давность следов затрудняла его работу, и он продвигался вперед очень медленно. На пути ему попадались отряды диких воинов, но Тарзан старался держаться вдали от них: он преследовал определенную цель, и эти незначительные встречи не должны были отвлечь его от главного. Это были отряды Басули и его союзников, которые направлялись к сборному пункту, чтобы оттуда вместе двинуться на север и соединенными силами осадить крепость Ахмет-Зека. Но Тарзан смотрел на них как на врагов, он не помнил, чтобы он когда-нибудь был дружен с чернокожими.

Наступила ночь. Тарзан остановился около огороженной частоколом деревни араба-разбойника. Сидя высоко на дереве, он смотрел вниз, наблюдая за тем, что происходит внутри ограды. Он выжидал удобного момента, чтобы прокрасться в деревню, и в это время с наслаждением грыз толстые круглые концы большой кости, раскалывая ее на мелкие кусочки своими сильными челюстями и высасывая восхитительный костный мозг. Но глаза его все время были прикованы к стану Ахмет-Зека.

Тарзан видел арабов в белых одеяниях и полуголых негров, но ни один из них не был похож на человека, укравшего его драгоценные камни. Он терпеливо ждал, когда в деревне воцарится ночной покой. И вот наконец улицы опустели, и все, кроме часовых у ворот, ушли спать. Тогда он спрыгнул на землю, обошел лагерь и приблизился к частоколу с противоположной стороны.

У его пояса висел длинный аркан, сделанный из сырой кожи. Он был крепче и надежнее тех травяных веревок, которыми ему приходилось пользоваться в детстве. Размотав его, Тарзан быстрым движением закинул аркан наверх на острый конец столба частокола. Туго затянув узел, он попробовал, крепко ли он держится, быстро и ловко взобрался наверх. Свернуть веревку в кольцо и привязать ее к поясу было делом секунды. Бросив быстрый взгляд вниз и убедившись, что кругом никого нет, Тарзан осторожно спрыгнул на землю.

Перед ним тянулись длинные ряды палаток и хижин. Исследование каждой из них представляло большую опасность, но ему не нужно было входить в каждое жилище через дверь, окно или щель в стене. Он мог по запаху определить, находилась ли внутри его добыча. Наконец он подошел к палатке, около которой почувствовал запах вора. Тарзан прислушивался, приложив ухо к полотну палатки, но изнутри не доносилось ни звука.

Он обрезал веревку у колка и, приподняв край палатки, просунул голову внутрь. Внутри было темно и тихо. Тарзан осторожно вполз в палатку — запах бельгийца был очень силен, но это не был живой запах. Прежде чем палатка была осмотрена, Тарзан уже знал, что в ней никого нет.

Он тщательно обыскал все углы, но не нашел драгоценных камней. В том месте, где были навалены одеяла, полотно палатки было прорезано, и, обнюхав это место, он заключил, что бельгиец недавно вышел через отверстие.

Не долго думая, Тарзан последовал тем же путем. Следы вели его все время в тени позади хижин и палаток — и для Тарзана стало ясным, что бельгиец, прячась от людей, тайком крался по этой дорожке. Он, очевидно, боялся жителей деревни, или действия его были такого рода, что он не желал быть накрытым.

Следы довели Тарзана до задней стены одной из туземных хижин. Небольшое отверстие, недавно вырезанное в камышовой стене, вело внутрь хижины. Тарзан безбоязненно пошел по следам.

Много разнообразных запахов ударило в нос Тарзана, когда он очутился в хижине. Среди них он ясно почувствовал вдруг запах, который в его дремлющем сознании пробудил некоторые воспоминания о прошлом. Это был слабый, нежный запах женщины.

Когда Тарзан почувствовал этот запах, странное беспокойство овладело всем его существом — непреодолимое влечение, с которым ему суждено было вновь познакомиться, тот могучий инстинкт, который толкает самца к его подруге. Запах бельгийца тоже был в хижине, и когда оба эти запаха смешались и достигли ноздрей Тарзана, ревнивый гнев закипел в душе человека-обезьяны.

Хижина тоже оказалась совершенно пуста, и, убедившись, что похищенная сумочка не была спрятана здесь, Тарзан вышел через дыру в задней стене. Он опять пошел

по следам бельгийца, пересек открытую поляну, перелез через частокол и скрылся в джунглях.

XV
Побег Верпера

Соорудив чучело и уложив его в постели, Верпер пролез под задней стеной палатки и направился к хижине, в которой находилась Джен Клейтон.

У дверей сидел на корточках часовой. Верпер смело подошел к нему, шепнул несколько слов на ухо, сунул в руку пачку табаку и прошел в хижину. Чернокожий подмигнул и усмехнулся, оскалив зубы.

Верпер, будучи одним из приближенных Ахмет-Зека, мог, конечно, беспрепятственно входить в любое помещение в деревне. В палатке Верпер шепотом заговорил по-французски:

— Леди Грэйсток! Это я, Фреко. Где вы?

Но ответа не последовало. В темноте Верпер с лихорадочной поспешностью обшаривал хижину. В ней никого не было. Он уже собирался выйти из хижины и расспросить часового, как вдруг глаза его, привыкшие к темноте, заметили у основания задней стены пятно, которое выделялось в окружающей мгле. При ближайшем осмотре это пятно оказалось отверстием, прорезанным в стене. Верпер, уверенный в том, что леди Грэйсток ушла через него, последовал ее примеру.

Его жизнь висела на волоске. Он должен скрыться и уйти как можно дальше от деревни, прежде чем Ахмет-Зек откроет побег. По двум весьма существенным причинам он хотел устроить также побег леди Грэйсток и скрыться вместе с ней. Во-первых, если бы он спас ее, он заслужил бы благодарность англичан и таким образом был бы до некоторой степени обеспечен от передачи в руки бельгийских властей. Это было бы чрезвычайно важно в случае, если бы выяснилась его личность и ему предъявили бы обвинение в убийстве офицера. Он не мог идти на запад, потому что бельгийские владения лежали между ним и Атлантическим океаном. Юг был закрыт для него из-за присутствия там ограбленного им человека-обезьяны. На севере были друзья и союзники Ахмет-Зека. И только на восток через британскую восточную Африку он мог пройти, не боясь быть задержанным.

Сопровождаемый знатной англичанкой, которую он спас от ужасной судьбы, и представленный им как француз по имени Фреко, он не без основания мог надеяться на активную поддержку со стороны англичан.

Но теперь, когда леди Грэйсток исчезла, его шансы

на успех падали. После того, как Ахмет-Зек обнаружил драгоценности, и бегство Верпера стало неизбежным, Верпер, мечтая о будущем, представлял себе, как он убедит леди Грэйсток, что муж ее умер, постарается заслужить ее благодарность и тем самым завоюет её сердце.

В этой части деревни, наиболее отдаленной от ворот, Верпер заметил две или три длинные жерди, приставленные к частоколу. Они были, вероятно, приготовлены для постройки хижины и случайно оставлены здесь. Верпер совершенно правильно определил, что леди Грэйсток именно здесь перелезла через стену. Не мешкая ни минуты, он сразу же повернул на восток.

* * *

В нескольких верстах к югу Джен Клейтон, тяжело дыша, лежала в ветвях большого дерева, куда она забралась, спасаясь от голодной львицы. Ее бегство из деревни оказалось легче, чем она предполагала. Нож, которым она прорезала камышовую стену хижины, она случайно нашла воткнутым в стену ее тюрьмы.

Обойти позади деревню, держась в тени, было делом нетрудным; счастливый случай привел ее к жердям, приставленным к частоколу, и, таким образом, самая трудная задача была решена.

Целый час бежала она на юг по дорожке, протоптанной зверями, как вдруг до ее чутких ушей долетел шорох мягких шагов хищника. Она поспешила взобраться на дерево: Джен Клейтон была слишком умна и опытна, чтобы продолжать путь после того, как она заметила, что за ней следят.

Верперу повезло. Всю ночь он шел сквозь джунгли, и ничто не остановило его на пути. Но на заре он заметил конного араба, который следовал по его пятам. Это был один из любимцев Ахмет-Зека. Много таких молодцов рыскало сейчас по лесу во всех направлениях, разыскивая беглого бельгийца.

Увидев араба, бельгиец спрятался в густом кустарнике. Все ближе и ближе подъезжал он. Верпер припик к земле. Вдруг неподалеку зашелестели листья кустарника. Глаза его впились в темную завесу на противоположной стороне тропинки. Постепенно он разглядел очертания огромного, бурого чудовища со свирепыми желто-зелеными глазами, которые глядели через тропинку прямо в его глаза.

Верпер едва не вскрикнул от страха, но по дороге приближался вестник другой смерти, такой же верной и не менее ужасной. И он промолчал, скованный ужасом. На противоположной стороне тропинки лев приготовился было к прыжку, но его отвлек от добычи подъезжающий всадник.

Бельгиец видел, как тяжелая голова повернулась в сторону разбойника, и немного успокоился. Араб ехал не спеша. А что, если нервный конь почует близость хищника и понесется вскачь, оставив Верпера в лапах царя зверей? Но лошадь не подозревала о грозившей опасности. Она шла спокойно, пережевывая сорванную траву. Лев стремительно выскочил из-за кустов и прыгнул на всадника. Лошадь заржала от испуга и бросилась в сторону, едва не задавив Верпера. Лев стащил беспомощного араба на землю. Бельгиец сразу заметил опустевшее седло и, ухватившись за его край и гриву, вскочил на спину животного.

Полчаса спустя голый великан, пробиравшийся по нижним веткам деревьев, остановился недалеко от этого места. Запах крови сильно ударил ему в нос, смешиваясь с запахом льва Нумы. Великан наклонил голову на бок и стал слушать. Впереди на тропинке раздавалось жадное чавканье льва. Хрустение костей, громкое глотание больших кусков, довольное рычание — все говорило о близости царя зверей, занятого трапезой.

Тарзан не старался скрыть своего приближения, и Нума заметил его. Громкое, зловещее рычание раздалось из-за кустов. Тарзан остановился на низкой ветке над головой льва и взглянул вниз на жуткую картину. Могла ли эта неузнаваемая кровавая масса быть человеком, которого он искал? Человек-обезьяна не был уверен. Время от времени он спускался на тропинку, чтобы при помощи обоняния проверить свое предположение, а именно, что бельгиец следовал по этой тропинке на восток.

Он отошел от льва еще дальше к востоку, снова спустился и начал обнюхивать землю. Здесь не было следов того, кого он выслеживал. Тарзан вернулся к дереву. Внимательно он оглядывал землю вокруг изуродованного трупа, стараясь заметить сумочку с красивыми камешками: но ее здесь не было.

Он бранил Нуму и старался отогнать его от трупа, но в ответ получил лишь сердитое рычание. Тогда он стал срывать ветки с ближайшего сука и кидать ими в своего давнишнего врага. Нума вглянул наверх, оскалив клыки, но не поднялся со своей добычи...

Тарзан приладил стрелу к луку и, натянув изо всей силы тугое дерево, которое только он мог согнуть, выпустил ее в Нуму. Стрела вонзилась глубоко в бок, и Нума вскочил и заревел от ярости и боли.

Он делал тщетные прыжки, пытаясь достать насмехавшегося над ним человека-обезьяну. Тарзан выпустил еще одну стрелу. На этот раз он старательно прицелился, и стрела застряла в спинном хребте Нумы. Громадный зверь остановился, неловко подался вперед и свалился ничком, парализованный.

Тарзан спустился на тропинку, подошел ко льву и глубоко вонзил копье в свирепое сердце. Вытащив свои стрелы из тела животного, он вернулся в кусты и стал рассматривать бренные останки добычи. Лица уже не было. Тарзан был так уверен в том, что тело принадлежало человеку, который его ограбил, что не счел даже нужным удостовериться в этом по запаху, который смешивался с запахом хищника и свежей крови его жертвы.

Все старания Тарзана были обращены на разыскивание сумочки. Но ни на трупе, ни вокруг него не было никаких следов ни сумочки, ни ее содержимого. Человек-обезьяна был разочарован не столько потерей разноцветных камешков, сколько тем, что Нума лишил его возможности отомстить.

Не понимая, куда могло скрыться его сокровище, Тарзан решил с наступлением темноты снова войти в арабскую деревню и тщательно обыскать ее. Взобравшись на дерево, он направился прямо на юг, в поисках добычи. Он был голоден, и ему хотелось позавтракать до полудня, потом лечь на каком-нибудь дереве подальше от лагеря, где ничто не потревожит его покоя, а ночью приступить к осуществлению своего плана.

Едва Тарзан ушел с тропинки, на ней появился высокий черный воин; твердым шагом он направился на восток. Это был Мугамби. Он остановился подле трупа льва. На его лице появилось выражение недоумения, когда он нагнулся, чтобы осмотреть раны животного. Тарзан извлек свои стрелы из тела льва, но для Мугамби причина смерти зверя была так же ясна, как если бы обе стрелы и копье все еще торчали в трупе.

Чернокожий украдкой оглянулся вокруг. Труп был совсем теплый, и из этого он заключил, что убийца должен быть где-нибудь поблизости. Мугамби покачал головой и продолжал свой путь по тропинке с удвоенной скоростью.

Он шел целый день, останавливаясь по временам, чтобы крикнуть в чащу: «Леди!» — в надежде, что она, наконец, услышит и откликнется. Но к концу дня безграничная преданность привела его лишь к несчастью.

Уже несколько месяцев Абдул-Мурак со взводом абиссинских солдат, въехав в джунгли с северо-востока, усердно разыскивал разбойника-араба Ахмет-Зека, который шесть месяцев тому назад нанес тяжелое оскорбление его царю Менелику, ворвавшись на территорию Абиссинии и уведя с собой рабов.

Случилось так, что Абдул-Мурак в этот день, около полудня, сделал привал. Солдаты только слезли с коней, когда Верпер, не замечая их присутствия, прискакал на своей измученной лошади к месту их стоянки. Он был, конечно, моментально окружен. Солдаты сняли его с седла и повели к своему начальнику.

Подчеркивая свое европейское происхождение, Верпер старался убедить Абдул-Мурака, что он француз. Он рассказывал мрачному абиссинцу, что когда он охотился в джунглях, на него напали разбойники, перебили всех его спутников, и он сам спасся только благодаря чуду.

Из случайной фразы, брошенной абиссинцем, Верпер узнал цель экспедиции и, сообразив, что эти люди — враги Ахмет-Зека, поторопился взвалить на него вину и за свое несчастье.

Боясь, однако, снова попасть в руки разбойника, он старался отговорить Абдул-Мурака от дальнейших преследований Ахмет-Зека. Он уверял абиссинца, что у Ахмет-Зека большое и сильное войско и что сейчас он поспешно идет на юг.

Рассудив, что для погони за арабом потребуется много времени, а исход битвы с ним очень сомнителен, Мурак без особого сожаления отказался от своих планов и отдал приказ приготовиться к возвращению в Абиссинию.

Под вечер внимание абиссинцев было привлечено странными звуками, доносившимися с запада. Чей-то могучий голос несколько раз повторял одно и то же слово: «Леди! Леди! Леди!».

Несколько абиссинцев, крадучись, пошли на звук этого голоса. Через полчаса они вернулись, таща за собой Мугамби. Первый, кого увидел Мугамби в лагере абиссинцев, был Жюль Фреко, недавний гость его господина, тот самый француз, который накануне на глазах Мугамби вошел, как свой, в деревню Ахмет-Зека. Когда он увидел, что Верпер его не узнает, он не стал ему представляться.

Ссылаясь на то, что он безобидный охотник одного из южных племен, Мугамби просил отпустить его на свободу; но Абдул-Мурак пришел в восхищение от прекрасного телосложения воина и решил взять его с собой в Аддис-Абебу и принести в дар Менелику.

Мугамби и Верпер были уведены под конвоем, и тогда только Верпер понял, что на него смотрят скорее как на пленника, чем на гостя. Он пробовал протестовать, но здоровенный солдат ударил его по лицу и пригрозил пристрелить, если он не успокоится.

Мугамби не принимал неудачи близко к сердцу. Он ни на минуту не сомневался, что во время путешествия ему не раз представится возможность отвлечь бдительность своих стражей и бежать.

Не расставаясь с этой мыслью, он старался расположить к себе абиссинцев. Он расспрашивал об их императоре, стране и выказывал желание скорее достичь конца похода, чтобы насладиться всеми хорошими вещами, которыми, по их словам, изобиловала Аддис-Абеба. Таким образом удалось усыпить их подозрительность, и они с каждым днем предоставляли ему все больше свободы.

Пользуясь тем, что его держали вместе с Верпером, Мугамби пробовал допытаться у него о местонахождении Тарзана, о судьбе леди Грэйсток и о нападении разбойника на владения Грэйстоков. Но так как Мугамби не хотел, чтобы Верпер знал, кто он, то ему приходилось подходить к вопросу окольными путями: с другой стороны, Верпер тщательно скрывал свою роль в деле разгрома владений его гостеприимного хозяина.

Был знойный полдень. Отряд Абдул-Мурака подошел к цветущим берегам широкой, чистой, прозрачной реки. В ней не водились крокодилы, которыми кишели многие здешние реки, и абиссинцы решили воспользоваться случаем и окунуться в прохладные струи.

Пленникам тоже разрешено было выкупаться. Когда Верпер стал раздеваться, Мугамби заметил, с какой заботливостью и осторожностью он снял что-то, завязанное вокруг его поясницы. Эту таинственную вещь он тщательно обернул сорочкой. Верпер так нервничал, что сверток, который он мял в руках, выскользнул и упал на землю. И Мугамби, заметил, как содержимое рассыпалось по траве.

Мугамби бывал со своим господином в Лондоне. Он далеко не был тем непосредственным дикарем, за которого его принимали. Он входил в контакт с космополитической толпой величайшего города мира, посещал музеи и останавливался у витрин магазинов, а кроме всего, это был умный и проницательный человек.

В тот момент, когда самоцветы Опара рассыпались, засверкав перед его удивленными глазами, он сразу оценил их значимость. Но он увидел еще кое-что, что заинтересовало его значительно больше, чем камни.

Тысячу раз Мугамби видел маленькую кожаную сумочку на поясе своего господина. Это бывало тогда, когда Тарзан из племени обезьян, желая развлечься и повеселиться, возвращался на несколько часов к первобытным приемам и обычаям своего детства и, окруженный воинами, охотился на львов и леопардов, слонов и буйволов тем примитивным способом, который так любил.

Верпер заметил, что Мугамби видел драгоценные камни. Он торопливо стал собирать их, а Мугамби, притворившись равнодушным к таким пустякам, спустился к реке.

На следующее утро Абдул-Мурак был огорчен и обозлен неприятным известием: чернокожий пленник скрылся ночью. Верпер пришел в отчаяние, узнав о бегстве Мугамби, но, когда его дрожащие пальцы нашарили сумочку под сорочкой и сквозь кожу прощупали твердые очертания ее содержимого, бельгиец успокоился.

XVI

Тарзан опять становится предводителем Мангани

Ахмет-Зек с двумя приближенными ушел от лагеря далеко на юг, чтобы преградить дорогу беглецу. Другие арабы рассыпались по джунглям в разных направлениях, так что за ночь они образовали в джунглях большой круг и теперь все продвигались к центру.

Около полудня Ахмет-Зек и его спутники сделали остановку, чтобы отдохнуть. Предводитель разбойников был в дурном настроении: мало того, что он был одурачен неверным (что само по себе было достаточно позорно), он одновременно лишился драгоценностей, которых жаждало его алчное сердце, и это было уже слишком много.

Ну, что же? Он все еще имел женщину. На севере он выручит за нее хорошую цену, и, кроме того, у него в запасе клад, зарытый у развалин дома англичанина.

Слабый шум в джунглях заставил Ахмет-Зека насторожиться. Он, держа ружье наготове, приказал своим

спутникам замолчать и спрятаться. Вдруг густая зелень раздвинулась, и из-за нее высунулась голова женщины. Она боязливо оглядывалась по сторонам и, видя, что опасность ей не угрожает, вышла, наконец, на открытое место. С губ Ахмет-Зека сорвалось проклятие. Он не верил своим глазам: это была его пленница. А он-то был уверен, что она находится под надежной охраной в его лагере!

Джен медленно пробиралась по поляне. С тех пор как она покинула деревню арабов, она дважды едва не попалась в лапы хищников, один раз чуть было не наткнулась на сыщика Ахмет-Зека. Уже почти отчаиваясь в возможности когда-либо достичь безопасного места, она была полна решимости бороться до тех пор, пока ее мытарства не кончатся смертью или избавлением.

В то время как арабы следили за ней из-за кустов, из-за листвы ближайшего дерева другая пара глаз наблюдала за сценой, происходившей внизу. Это были удивленные, беспокойные, сияющие серые глаза. Тот, кому принадлежали эти глаза, мучительно напрягал память, стараясь понять, почему лицо и фигура этой женщины казались ему знакомыми.

Неожиданный треск в кустах в том месте, откуда появилась Джен Клейтон, привлек к себе внимание арабов и наблюдателя на дереве. Женщина обернулась. Огромная человекоподобная обезьяна показалась из-за кустов, а за ней ковыляла еще одна, и еще, и еще. Но леди Грэйсток не стала останавливаться и считать, сколько этих ужасных созданий шло за ней по пятам.

Она бросилась бежать через поляну на противоположную сторону, и когда достигла кустов, Ахмет-Зек и его прислужники схватили ее. В этот момент голый бронзовый гигант спрыгнул с дерева.

Повернувшись к удивленным обезьянам, он произнес несколько гортанных звуков и, не заботясь о том, какое впечатление они произвели на обезьян, повернулся и бросился к арабам.

Ахмет-Зек тащил Джен к лошади, а его слуги торопливо отвязывали коней. Женщина, силясь вырваться от араба, повернулась и увидела человека-обезьяну, который бежал к ней. Ее лицо просияло от радости!

— Джон! — крикнула она.— Благодарение богу, ты пришел вовремя!

За Тарзаном шли обезьяны, удивленные, но послушные его приказанию. Арабы увидели, что им не успеть сесть на коней, а значит не удастся убежать — звери и человек настигнут их. Ахмет-Зек узнал в человеке своего давнишнего противника и решил раз и навсегда избавиться от него.

Крикнув арабам, чтобы они следовали его примеру, он поднял ружье и прицелился в бегущего великана. Почти одновременно раздались три выстрела. Тарзан и двое из его человекообразных волосатых воинов упали ничком на траву.

Грохот выстрелов остановил остальных обезьян. Ахмет-Зек и его товарищи воспользовались их замешательством, вскочили в седла и помчались галопом, увозя с собой убитую горем женщину.

Они прискакали к деревне, и Джен опять очутилась в заточении в маленькой хижине. Но на этот раз к ней не только приставили второго часового, но и связали по рукам и ногам.

Когда арабы скрылись из виду, обезьяны подошли к своим товарищам, простертым на земле. Один был мертв, но другой, а также большая белая обезьяна еще дышали. Ворча и бормоча на своем странном языке, волосатые чудовища окружили их.

Тарзан первый пришел в сознание. Он сел и огляделся вокруг. Из раны на его плече шла кровь. Медленно поднявшись на ноги, он прежде всего взглянул на то место, где в последний момент видел самку, пробудившую в его дикой груди такое странное волнение.

— Где она? — спросил он.

— Тармангани увели ее с собой,— ответила одна из обезьян.— Ты говоришь на языке Мангани? Кто ты?

— Я — Тарзан,— отвечал человек-обезьяна,— могучий охотник, храбрейший боец. Когда я рычу, джунгли молчат и содрогаются от ужаса. Я — Тарзан из племени обезьян. Меня долго здесь не было, но теперь я вернулся к моему народу.

— Да,— сказала одна старая обезьяна,— это в самом деле Тарзан. Я знаю его! Это хорошо, что он вернулся. Теперь у нас будет хорошая охота.

Остальные обезьяны подошли поближе и стали обнюхивать человека-обезьяну. Тарзан стоял очень спокойно, с полуобнаженными зубами и напряженными мускулами, готовыми к действию: но никто не стал оспаривать его право быть среди них. и осмотр и обнюхивание окончились к общему удовлетворению.

Обезьяны рассказали Тарзану, что они шли на восток. По дороге внимание их привлек запах самки, и они стали выслеживать ее. Они хотели сейчас продолжать прерванное путешествие; но Тарзан предпочитал погнаться за арабами и отобрать у них женщину. После довольно продолжительных споров было решено, что они все-таки сначала отправятся на несколько дней поохотиться на восток, а потом вернутся и отыщут арабов.

Причиной, по которой он решил отложить свое преследование, была рана. Разумнее было подождать, пока она заживет, прежде чем снова вступать в борьбу со стреляющими из ружей Тармангани.

И в то время как Джен с туго связанными руками и ногами лежала в своей темнице, ее защитник бродил по джунглям в обществе волосатых чудовищ. Он терся с ними плечом о плечо так же просто, как за несколько месяцев до этого пожимал руки своих знакомых в одном из наиболее избранных и фешенебельных клубов Лондона.

Но все время в глубине его пострадавшего и притупленного мозга таилась мысль, что ему нечего делать здесь, что ему следовало быть, по каким-то непонятным причинам, в другом месте, среди совершенно других существ. К тому же его все время влекло назад к арабам, чтобы отобрать женщину, которая будила его дикие чувства.

История с сумочкой до известной степени тоже занимала его мысли, и у него, таким образом, было основание торопиться в лагерь разбойников. Он хотел завладеть красивыми камешками и самкой. Потом он вернется к большим обезьянам с новой подругой и с блестящими игрушками, уведет свою волосатую компанию в далекую чащу, неведомую человеку, и там проживет всю жизнь, охотясь и воюя с обитателями джунглей.

Он обратился к товарищам-обезьянам, объяснил им в чем дело, и пытался уговорить их сопровождать его, но все, кроме Таглата и Чолка, отказались. Чолк был молод, силен и одарен бо́льшим умом, чем его товарищи. Экспедиция сулила приключения и поэтому сильно манила его.

У Таглата была совсем иная побудительная причина, и если бы Тарзан из племени обезьян подозревал о ней, он бы набросился на обезьяну и задушил ее в ревнивой ярости.

Таглат был уже не молод, но это был громадный зверь с колоссальными мускулами, жестокий и, в силу своего большого опыта, хитрый и сообразительный. Рост и вес

часто помогали ему победить более ловкого молодого противника. У него был мрачный и угрюмый нрав. Это выделяло его даже среди его нахмуренных товарищей, где такой характер является скорее правилом, чем исключением. Хотя Тарзан и не замечал этого, Таглат свирепо ненавидел его...

Когда они двинулись в путь, остальные обезьяны окинули их прощальным взглядом и вернулись к своему важному занятию: они в это время обедали.

Тарзану стоило больших трудов сохранить в сознании своих спутников цель и смысл путешествия, потому что обезьяны не могут долго сосредотачиваться на одном предмете. На пути встречается столько вещей, которые отвлекают внимание!

Вначале Чолк настаивал на том, чтобы бежать как можно быстрее, словно деревня разбойников была рядом, но через несколько минут упавшее дерево привлекло его внимание: под ним, наверное, можно было найти много вкусных вещей. И когда Тарзан спохватился и вернулся искать его, он нашел Чолка перед гниющим стволом, из-под которого он усердно выкапывал личинок и жуков, которые составляют существенную часть обезьяньего меню. Так как Тарзан не хотел вступить в драку, ему ничего не оставалось делать, как терпеливо ждать, пока иссякнут лакомые запасы под деревом.

Когда Чолк наконец кончил, оказалось, что исчез Таглат. После долгих поисков Тарзан нашел этого достойного господина в созерцании страшных мучений раздавленного им грызуна. Он сидел и равнодушно смотрел в другую сторону, пока это занятие ему не надоело, и тогда он окончил мучения своей игрушки, проглотив ее.

Эти курьезные причины задерживали прибытие Тарзана в деревню Ахмет-Зека; но человек-обезьяна терпел, потому что для выполнения плана ему были нужны Чолк и Таглат.

Постоянно поддерживать в колеблющемся сознании человекоподобных интерес к их предприятию — дело нелегкое. Чолк начал уставать от бесконечного пути, привалы были редкие и короткие. Он с удовольствием прекратил бы поиски приключений, если бы Тарзан не раздразнил его соблазнительными картинками огромных запасов пищи, которые они найдут в деревне Тармангани.

Таглат же лелеял свою тайную надежду с бóльшим постоянством, чем этого можно было ожидать от обезьяны. Но по временам он был готов бросить это предприятие, и, если бы Тарзан не заманивал и его, он давно бы сбежал.

Был душный тропический день, когда тонкое чутье трех путешественников предупредило их о близости арабского лагеря. Они подкрались к нему под защитой густой зелени деревьев.

Молча взобрались они на нижние ветки большого дерева, прилегающего к частоколу. Отсюда можно было отлично видеть, что происходило внутри.

Из ворот деревни выехал всадник в белом бурнусе. Тарзан сказал Чолку и Таглату, чтобы они оставались на месте, а сам пробрался по ветвям к тропинке, по которой ехал араб.

Араб ехал медленно, не подозревая об опасности, которая грозила ему с деревьев. Человек-обезьяна сделал небольшой круг и забрался на дерево впереди араба. Здесь он притаился на нижней ветви, свешивавшейся над тропинкой. Араб приближался, тихо напевая монотонную песню пустыни. Он проехал под нависшей ветвью; наверху слегка зашелестели листья. Конь вдруг захрапел и присел: бронзовое человекоподобное существо упало к нему на круп. Мощные руки обвились вокруг араба и стащили с седла на землю.

Десять минут спустя Тарзан вернулся к своим товарищам с одеждой под мышкой. Он показал свои трофеи, рассказывая низкими гортанными звуками, как он добыл их. Чолк и Таглат пощупали материю, обнюхали ее и, приложив к ушам, старались даже вслушаться в нее.

Тарзан снова повел их к тропинке, все трое спрятались в кустах и стали ждать. Вскоре на тропинке показались двое черных разбойников Ахмет-Зека в белых бурнусах. Они возвращались в лагерь, весело смеясь и разговаривая между собой. Вдруг из-за кустов выскочили три гиганта. Миг — и негры лежали мертвыми, а над ними склонились фигуры трех убийц. Тарзан и с них снял верхнюю одежду, затем спокойно вернулся с Чолком и Таглатом на дерево, которое они облюбовали.

Здесь человек-обезьяна нарядился сам и нарядил своих косматых товарищей в эти одеяния. Издали их можно было принять за трех одетых в белое арабов, молча сидящих в лесу на дереве.

До наступления темноты Тарзан вел наблюдение за арабами. Кроме хижины, в которой он впервые почуял запах самки и возле которой он сейчас увидел двух часовых, Тарзан наметил и палатку Ахмет-Зека. Что-то говорило ему, что именно там он найдет свою сумочку с камешками.

Чолк и Таглат были очень заинтересованы своим замечательным нарядом. Они щупали его, нюхали и пристально оглядывали друг друга с видимым удовольствием. Чолк, который по-своему был шутником, протянул длинную волосатую руку, схватил капюшон бурнуса Таглата и спустил ему его на глаза.

С сердитым хрипом Таглат кинулся на Чолка, не подняв даже шерстяной ткани, которая затемняла его зрение.

Тарзан кинулся к дерущимся. Качаясь и чуть не падая со своего ненадежного насеста, три огромных зверя колотили и кусали друг друга, пока, наконец, Тарзану не удалось разнять рассвирепевших обезьян. Обезьяны, привыкшие к частым спорам, в которых теряется больше волос, чем крови, быстро забывают о таких незначительных схватках, и через минуту Чолк и Таглат опять сидели рядом и спокойно ждали, когда человек-обезьяна разрешит идти в лагерь Тармангани.

Ночная мгла спустилась на землю, и Тарзан повел своих товарищей к отдаленному краю деревни.

Подняв складки бурнуса под мышки, чтобы ноги не запутались в длинных полах, Тарзан с небольшого разбега вскочил на верхушку забора. Опасаясь, что обезьяны вздумают подражать ему и только зря изорвут одежду, он спустил сверху к ним копье. Чолк и Таглат, уцепившись за него, быстро вскарабкались за верхушку частокола, и через минуту все трое молча спрыгнули вниз.

Прежде всего Тарзан повел их к хижине, где была заключена Джен. Сквозь грубо заделанное отверстие в стене он старался уловить запах самки, за которой он пришел.

Чолк и Таглат, прижав свои волосатые щеки к лицу кровного аристократа-англичанина, вместе с ним обнюхивали местность. Все они убедились, что женщина была внутри, и каждый реагировал на это по-своему.

Чолк отнесся к этому совершенно равнодушно. Самка была все равно не для него, а для Тарзана. Он хотел скорее заняться уничтожением пищевых запасов Тармангани, не прилагая к добыванию еды никаких усилий. Тарзан сказал, что это будет его наградой, и он был вполне удовлетворен.

Но злые налитые кровью глаза Таглата сузились, когда он понял, что близится минута для осуществления его тщательно обдуманного плана. Он облизнулся, причмокнул своими отвислыми губами и затаил дыхание.

Убедившись, что самка была там, где он рассчитывал ее найти, Тарзан повел обезьян к палатке Ахмет-Зека. Проходивший мимо араб и двое черных рабов заметили их, но ночь была очень темна, и белые бурнусы скрывали волосатые тела обезьян и гигантскую фигуру их предводителя. Они опустились на корточки, словно разговаривая между собою, и не вызвали никакого подозрения. Ахмет-Зек разговаривал со своими приближенными. А Тарзан, притаившись снаружи у задней стены палатки, внимательно прислушивался к их беседе.

XVII
Джен Клейтон в смертельной опасности

Лейтенант Альберт Верпер с ужасом думал о судьбе, которая ждала его в Аддис-Абебе, и мечтал о бегстве. Но абиссинцы после исчезновения Мугамби удвоили свою бдительность, боясь, что Верпер последует примеру негра.

Одно время Верпер даже думал подкупить Абдул-Мурака. Он собирался предложить ему часть содержимого сумочки; но, боясь, что тот потребует за его освобождение и остальное, оставил эту мысль и стал искать другого выхода.

Его осенила идея. Через день после бегства Мугамби Верпер стал добиваться аудиенции у Абдул-Мурака. Когда Верпер предстал перед ним, мрачный взгляд абиссинца не обещал ничего хорошего. Но бельгиец помнил о слабости всего человечества к золоту и решил довести дело до конца.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Абдул-Мурак.

— Свободы! — ответил Верпер.

Абиссинец презрительно усмехнулся.

— И ты потревожил меня, чтобы сказать то, что известно всякому дураку,— проговорил он.

— Я могу заплатить за это,— сказал Верпер.

Абдул-Мурак громко рассмеялся.

— Заплатить? — переспросил он.— Уж не теми ли лохмотьями, которые висят на твоих плечах? Или, может быть, под твоей одеждой скрыта тысяча пудов слоновой кости? Убирайся отсюда, дурак, и если ты еще раз явишься ко мне со своими глупостями, я прикажу тебя высечь.

— Выслушай меня! — умолял Верпер.— Что, если я дам тебе столько золота, сколько могут унести десять человек? Пообещаешь ли ты тогда, что меня доведут целым и невредимым до первого английского поста?

— Столько золота, сколько могут унести десять человек? — повторил Абдул-Мурак.— Да ты с ума сошел! Где ты возьмешь столько золота?

— Я знаю, где оно спрятано! — ответил Верпер.— Обещай мне, и я поведу тебя к нему.

Абдул-Мурак перестал смеяться. Он пристально смотрел на бельгийца. Человек казался нормальным, но десять мер золота! Это было невероятно. Абиссинец задумался.

— Хорошо! Предположим, что я обещаю,— сказал он.— Как далеко это золото отсюда?

— На расстоянии одной недели к югу!

— А знаешь ли ты, какое наказание ожидает тебя, если мы не найдем золота?

— Если его там не окажется, я отвечу своей головой,— сказал бельгиец.— Я собственными глазами видел, как его зарыли. И даже больше того; там не десять мер, а столько, сколько могут унести пятьдесят человек. Оно целиком будет принадлежать тебе, если ты передашь меня под защиту англичан.

— Отлично! — проговорил абиссинец.— Я обещаю тебе свободу, если там будет даже пять мер; но пока золото не в моих руках, ты останешься пленником.

— Я согласен,— сказал Верпер.— Завтра мы двинемся.

Абдул-Мурак кивнул головой, и Верпер вернулся в тюрьму. На следующее утро абиссинские солдаты были удивлены приказанием повернуть на юг.

А в это время Ахмет-Зек отдавал приказание своим помощникам снарядить отряд воинов и носильщиков, чтобы отправиться к развалинам дуара, принадлежавшего англичанину, и принести с собой сказочное богатство, о котором говорил ему лейтенант. Пока он отдавал приказания, молчаливый слушатель притаился около палатки и ждал, когда можно будет войти в нее и отыскать любимые камешки.

Наконец арабы оставили палатку. Их предводитель тоже вышел наружу, чтобы выкурить трубку. Едва успел последний араб выйти, как в задней стене, приблизительно на расстоянии шести футов от земли, появилось острие ножа, раздался шуршащий звук разрезаемого шелка.

Тарзан вошел в палатку. За ним пролез и Чолк, но Таглат не последовал за ними. Он повернул обратно и в темноте стал прокрадываться к хижине, где находилась Джен. У входа сидели двое часовых, беседуя вполголоса. Молодая женщина лежала внутри на грязной циновке. У нее не осталось никакой надежды, и она твердо решила сносить все муки до тех пор, пока не представится возможность прибегнуть к последнему средству, о котором она даже думать не хотела — к самоубийству.

Таглат подошел к углу хижины и оглянулся. Часовые были всего в нескольких шагах от него, но он помнил о ненавистных ему мечущих гром и молнию палках Тармангани. Он найдет более верный способ нападения.

Край крыши нависал над головами часовых, и оттуда Таглат мог прыгнуть на них, никем не замеченный. Одного движения могучих челюстей будет достаточно, чтобы прикончить одного из стражников прежде, чем другой успеет спохватиться. А там уж нетрудно будет справиться и с ним.

Таглат отошел на несколько шагов, разбежался и прыгнул на крышу. Она, поддерживаемая снизу стеной, несколько секунд терпела тяжесть звериного тела; но когда Таглат шагнул вперед, соломенная кровля осела и раздвинулась, и Таглат полетел вниз. Часовые, услышав треск кровельных жердей, вскочили и бросились в хижину. Джен тщетно пыталась освободиться, огромная туша грохнулась на пол так близко от нее, что прижала край платья.

Обезьяна, почувствовав ее движение, нагнулась и одной рукой мощно подняла ее. Бурнус прикрывал тело, волосатое ее тело, и Джен подумала, что ее обхватила человеческая рука. Радостная надежда наполнила ее сердце, которое до сих пор было погружено в бездну отчаяния.

Часовые были уже в хижине, но стояли в нерешительности, не зная, кто виновник этого треска. Их глаза, не привыкшие к темноте, не могли ничего разобрать, и они не слышали ни единого звука, потому что обезьяна не шевелилась, ожидая их нападения. Но сообразив, что с ношей на руках он не может вступить в бой, Таглат решил одним махом прорваться на свободу. Нагнув

голову, он устремился прямо на часовых, загораживавших дверь. Могучий толчок его плеч повалил их на пол, и, прежде чем те успели опомниться, обезьяна была уже далеко и во мраке ночи неслась к ограде.

Сила и быстрота ее спасителя удивили Джен Клейтон. Неужели Тарзан жив? Кто кроме него мог с такой легкостью поднять взрослую женщину?

Одним огромным прыжком он очутился на частоколе, повис там на одно мгновение и спрыгнул на землю по ту сторону. Теперь Джен была почти уверена, что она в объятиях своего мужа, а когда обезьяна влезла на дерево и по веткам понеслась в джунгли, как это много раз проделывал Тарзан, она и вовсе перестала сомневаться.

Приблизительно в версте от лагеря райбойников, на освещенной луной прогалине, спаситель остановился и бросил ее на землю. Его грубость удивила Джен, но она все еще верила, что это был Тарзан. Но в этот момент обезьяна, стесненная непривычной человеческой одеждой, сорвала с себя бурнус — и глазам пораженной ужасом женщины представились страшное лицо и волосатая фигура гигантской человекообразной обезьяны.

Джен Клейтон вскрикнула и лишилась сознания. Из-за ближайших кустов лев Нума голодными глазами смотрел на них и облизывался.

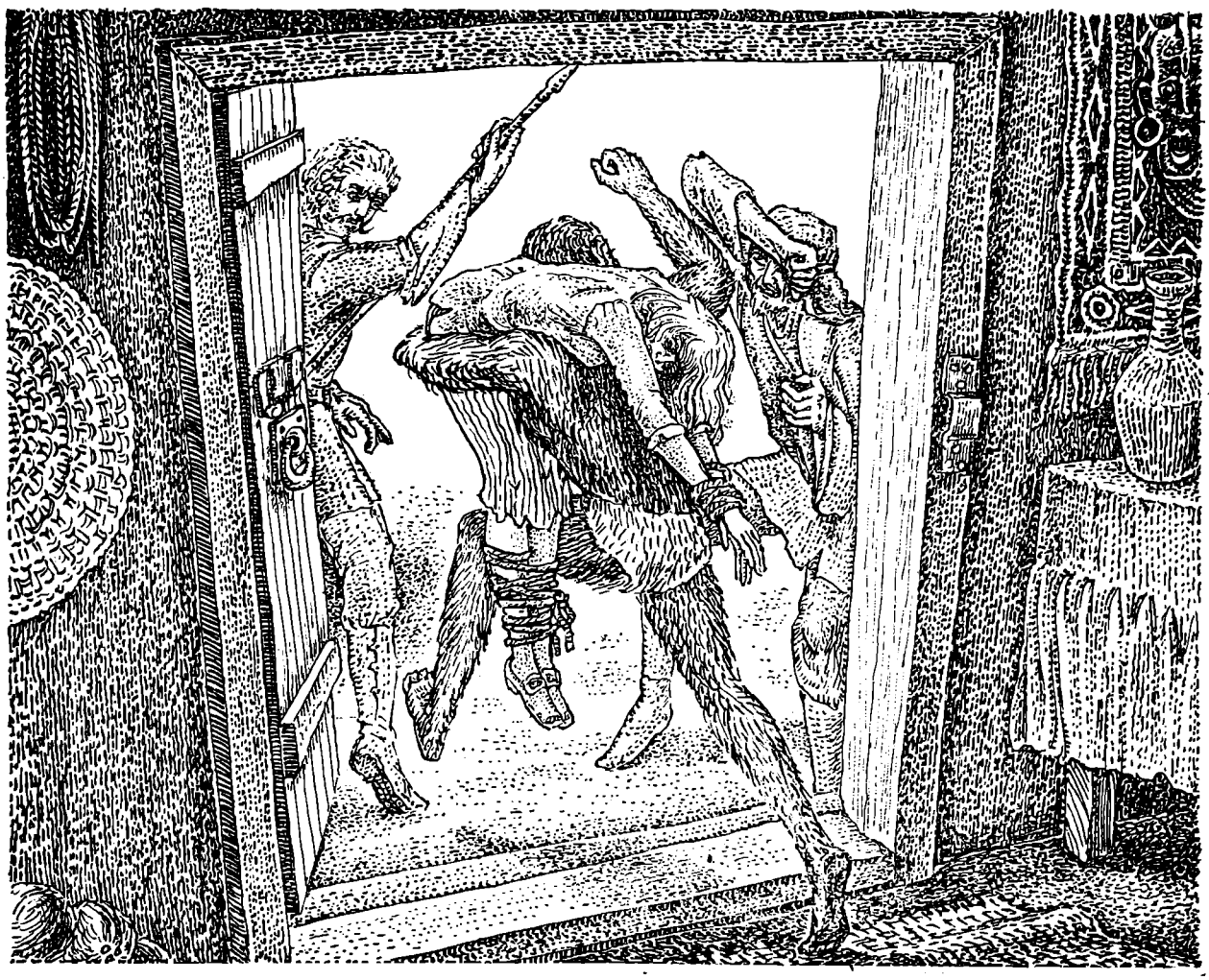
Тарзан обыскал всю палатку Ахмет-Зека. Ни один предмет не ускользнул от его зорких глаз. Он перевернул вверх дном всю палатку, но сумочки с красивыми камешками все-таки не нашел.

Убедившись, что его сокровища здесь нет, Тарзан решил вернуться к самке и завладеть ею прежде, чем продолжать дальнейшие поиски.

Приказав Чолку следовать за ним, он вышел сквозь дыру из палатки и совершенно открыто направился к хижине, в которой была заключена Джен.

Ему бросилось в глаза, что Таглат исчез. Но, знакомый с капризами и непостоянством обезьян, Тарзан не придал этому большого значения. Пока Таглат не мешал его планам, Тарзану было безразлично, где он прятался.

Когда Тарзан приблизился к хижине, он заметил у ее дверей столпотворение. Люди казались очень возбужденными, и Тарзан, опасаясь, что Чолк, несмотря на его костюм, будет узнан, велел ему уйти в конец деревни. Чолк заковылял к частоколу, стараясь держаться в тени, а Тарзан смело подошел к взволнованной толпе. Торопясь узнать, в чем дело, он смешался с чернокожими и арабами, и совершенно упустил из виду, что только у него одного были копье, лук и стрелы, которые могли навлечь подозрение.



Работая плечами, он протолкался сквозь толпу и был уже у самых дверей. Но в эту минуту один из рабов опустил руку на его плечо.

— А это кто такой? — спросил он и одновременно откинул капюшон с лица Тарзана.

Тарзан из племени обезьян никогда в своей дикой жизни не имел обыкновения вступать в рассуждения с врагом. Поэтому схватил своего обличителя за горло. Действуя арабом, как оружием, Тарзан расчистил себе дорогу к дверям и через секунду уже был в хижине. Беглый осмотр убедил его в том, что хижина пуста. Но нос уловил запах Таглата. Глухое, зловещее рычание сорвалось с губ Тарзана. Услыхав эти звуки, люди, подбежавшие к дверям, чтобы схватить дерзкого пришельца, отступили назад. Они переглядывались, перепуганные и озадаченные. В хижину вошел человек, а сейчас они собственными ушами слышали в ней рычание дикого зверя. Что бы это могло быть? Может быть, лев или леопард забрался туда, незамеченный часовыми?

Тарзан увидел в потолке отверстие, через которое провалился Таглат. Он понял, что обезьяна либо вошла, либо вышла через отверстие. Тарзан подпрыгнул, ухватился одной рукой за край стены, вылез на крышу и спрыгнул на землю позади хижины.

Наконец арабы набрались храбрости и решились войти; предварительно они даже дали несколько ружейных залпов сквозь стены. Но хижина была пуста. А в это время Тарзан на краю деревни искал Чолка, но обезьяна исчезла бесследно.

Лишенный своей самки, покинутый изменником-товарищем, не отыскав блестящих камешков, Тарзан перелез через забор и скрылся во мраке джунглей. Он был сердит и печален. Было бы безумием вернуться в лагерь арабов, когда он весь поднят на ноги. Во время бегства из деревни Тарзан потерял следы Таглата и теперь кружил по лесу, стараясь снова напасть на них.

На небольшой освещенной луной поляне большая обезьяна склонилась над бесчувственным телом Джен. Зверь разрывал веревки, опутывавшие руки и ноги женщины, нетерпеливо дергая и грызя их.

Тарзан шел несколько правее и не мог их увидеть, но ветер доносил до него их запахи.

Еще момент — и Джен была бы спасена, хотя Нума готовился уже к нападению. Но судьба, и без того неумолимо жестокая, на этот раз превзошла себя: ветер на несколько минут изменил направление, и запах, который должен был бы привести Тарзана к его жене, был отнесен в противоположную сторону.

Тарзан прошел в пятидесяти шагах от того места, где разыгрывалась ужасная трагедия.

XVIII
Борьба за золото

Утром Тарзан понял, что и в выслеживании Таглата ему на этот раз не повезло. Он, конечно, найдет Таглата, только не так скоро, как он думал. Он поест, поспит, а потом снова отправится в путь. Джунгли велики, но не менее велики ловкость и хитрость Тарзана. Таглат мог уйти очень далеко, но Тарзан обязательно найдет его.

Размышляя таким образом, человек-обезьяна выслеживал оленя Бару. Полчаса Тарзан шел по его следам по тропинке, утоптанной копытами животных. Вдруг, к его удивлению, олень показался впереди. Он с бешеной скоростью бежал назад прямо на охотника.

Тарзан отскочил в сторону, взобрался на нижнюю ветку развесистого дерева и притаился в густой листве, как хищный зверь, поджидающий добычу.

Тарзан не знал, что так безумно напугало оленя: может быть, это был лев Нума или пантера Шита. Но это мало интересовало человека-обезьяну; он был готов отстоять свою добычу от любого из обитателей джунглей.

Тарзан повернулся спиной к приближающемуся животному и с согнутыми коленями повис на покачивающейся ветке, чутким ухом прислушиваясь к стуку приближающихся копыт.

Через секунду олень был под деревом, и в то же мгновение Тарзан спрыгнул сверху на его спину. Тяжесть тела придавила оленя к земле; он рванулся в напрасном усилии подняться. Могучие руки отогнули его голову далеко назад, круто повернули ее — и Бара был мертв. Тарзан перевалил тушу через плечо, вскочил на дерево и снова уселся на нижних ветках прямо над тропинкой. Его зоркие глаза были прикованы к тому месту, откуда выбежал олень.

Ждать пришлось недолго. Скоро до слуха Тарзана донеслись звуки копыт, и Тарзан сразу определил, что приближается конный отряд. Схватив свою добычу, человек-обезьяна поднялся на среднюю террасу дерева и уселся поудобнее на толстом суку, откуда была видна вся тропинка внизу. Здесь он отрезал сочный кусок от задней части оленя и погрузил свои крепкие белые зубы в горячее мясо, наслаждаясь плодами своей доблести и ловкости.

На повороте извилистой тропы показалась голова первой лошади. Тарзан притаился: один за другим длинной, узкой лентой мимо него проезжали всадники, и он внимательно вглядывался в каждое лицо. Одного из них Тарзан узнал. Но человек-обезьяна настолько умел владеть своими чувствами, что ничем не выдал своего внутреннего волнения; даже выражение его лица не изменилось.

Внизу под деревом проехал Альберт Верпер. Он, конечно, и не подозревал, что пара внимательных глаз исследует всю его фигуру, стараясь обнаружить хоть какие-нибудь следы сумочки.

Абиссинцы ехали на юг. Полунагой белый великан с кровавой тушей оленя, перекинутой через плечо, отправился следом за ними. Запас еды был необходим: Тарзан знал, что ему, может быть, долго не представится случая вновь поохотиться, пока он будет преследовать бельгийца.

Выхватить его из среды вооруженных всадников Тарзан решился бы только в крайнем случае, потому что обитатели чащи привыкли действовать с хитростью и осторожностью; только боль или гнев могут толкнуть их на опрометчивый шаг.

Через два дня они пришли к широкой равнине. За нею вдали подымались горы. Тарзан помнил эту равнину: она будила в нем какие-то смутные воспоминания и непонятную тоску.

Около груды обгоревших балок всадники остановились. Тарзан, подкравшись совсем близко, спрятался в густом кустарнике и стал наблюдать за абиссинцами. Он видел, как они вскапывали землю, и подумал, что они закопали здесь мясо и теперь пришли за ним. Потом он вспомнил, как он сам закопал камешки; очевидно, они откапывали вещи, которые были здесь зарыты чернокожими.

Затем он увидел, как они вытащили какой-то грязный желтый предмет и чрезвычайно обрадовались. Вскоре целая груда слитков лежала на земле. Абдул-Мурак

смотрел на них горящими от жадности глазами и нежно поглаживал их.

Что-то зашевелилось в сознании человека-обезьяны. Он долго и внимательно смотрел на золотые слитки. Где это он видел такие же точно? Что это было? Почему Тарманган так добивались их? Кому они принадлежали?

Он вспомнил черных людей, которые их зарыли. Эти вещи, наверное, принадлежали им. Верпер, очевидно, хотел украсть их так же, как он украл сумочку с камешками. Глаза человека-обезьяны сердито засверкали.

В то время, как эти мысли мелькали в его голове, целый отряд людей выехал на равнину из леса и стал приближаться к развалинам дома. Бдительный Абдул-Мурак заметил их. Он приказал солдатам сесть на коней и быть наготове. В глуши Африки никто не может знать, дружествен или враждебен чужой отряд.

Верпер вскочил в седло и стал вглядываться в приближающихся людей. И вдруг, побледнев, он обернулся к Абдул-Мураку.

— Это Ахмет-Зек и его разбойники,— пробормотал он.— Они пришли за золотом.

Ахмет-Зек еще издалека заметил груду золотых слитков и убедился, что его опасения оправдались. Кто-то опередил его. Араб был взбешен. Последнее время все было против него. Он потерял драгоценные камни, потерял бельгийца и вторично лишился англичанки. А теперь кто-то пришел, чтобы похитить его сокровище. И он еще имел глупость полагать, что его золото в безопасности!

Он не интересовался тем, кто были эти воры. Но он был уверен, что они не отдадут золота без боя. Гро́мко гикнув, он пришпорил коня и понесся на абиссинцев. За ним, размахивая длинными ружьями над головами, дико крича, с бранью и проклятиями мчалась разношерстная орда его помощников-головорезов.

Люди Абдул-Мурака встретили их ружейным залпом и уложили нескольких арабов, но разбойники уже накинулись на них, и в ход пошли сабли и пистолеты.

Ахмет-Зек увидел и узнал Верпера и бросился к нему. Бельгиец, ясно представляя участь, которая ожидала его, повернул коня и помчался бешеным галопом прочь с поля битвы.

Поручив командование одному из своих приближенных и пригрозив ему смертной казнью в случае, если он не прогонит абиссинцев и не притащит золота в лагерь, Ахмет-Зек пустился в погоню. Даже здесь, рискуя потерять золото, он не мог отказаться от мести.

Битва на равнине была в полном разгаре. Ни свирепые абиссинцы, ни закоренелые убийцы-разбойники не щадили и не просили пощады.

Место, где прятался Тарзан, было занято абиссинцами. Людей Ахмет-Зека было больше, чем абиссинцев, и разбойники медленно, но верно уничтожали солдат Менелика. Для Тарзана исход битвы был безразличен. Он следил за борьбой с определенной целью — выбраться из кольца ожесточенных бойцов и погнаться за Верпером. Вдруг двое конных бойцов, араб и абиссинец, подскакали совсем близко к нему, яростно размахивая саблями.

Шаг за шагом араб оттеснял своего противника в кусты, лошадь абиссинца уже чуть не наступила на Тарзана, но в этот миг кривая сабля расколола череп абиссинца, и труп его свалился с седла, едва не задев человека-обезьяну.

Не успело испуганное животное прийти в себя и броситься наутек, как голый великан уже сидел верхом на его спине. Сильная рука схватила поводья, и удивленный араб увидел нового врага на месте только что убитого.

Но этот противник не размахивал саблей, лук и копье преспокойно висели у него за спиной. Оправившись от удивления, араб кинулся вперед с поднятой саблей. Он рассчитал удар, который должен был уложить человека-обезьяну. Но удар пришелся по воздуху, так как Тарзан вовремя успел уклониться. Араб почувствовал, как лошадь противника задела его ногу, а сильная рука вытянулась и обхватила его вокруг поясницы. Не успел он опомниться, как был стащен с седла, его враг прикрылся им, как щитом, и пронесся сквозь отряд его товарищей.

Миновав поле битвы, Тарзан швырнул араба на землю, и когда тот немного пришел в себя, он увидел, что его странный противник скачет через равнину к лесу.

Еще целый час продолжалась ожесточенная бойня. Прекратилась она только тогда, когда последний из абиссинцев свалился мертвым на песок равнины. Но горсточке людей удалось все-таки спастись, и среди них был Абдул-Мурак.

Победители собрались возле груды золотых слитков, вырытых абиссинцами, и стали ждать возвращения своего предводителя. Их радость несколько омрачилась воспоминаниями о странном голом белом великане, который промелькнул у них перед глазами. Им слишком хорошо было знакомо славное имя Тарзана из племени обезьян. Они сразу узнали заклятого врага лесных разбойников, и его появление нагнало на них панический ужас — тем более, что их уверяли, что Тарзана уже нет в живых.

Суеверные по природе, они не сомневались в том, что видели бестелесный дух умершего, и с ужасом оглядывались, ожидая его возвращения. Они спрашивали себя, какую месть учинит над ними этот дух за то, что они разгромили его владения и вдобавок покушались на его золото.

Ужас их возрастал с каждой минутой, а из-за тростников отряд черных воинов следил за каждым их движением.

Разбойники долго ждали Ахмет-Зека, и наконец страх перед привидением, которое могло каждую минуту возвратиться сюда, взял верх над чувством преданности к предводителю. Кто-то осмелился высказать молчаливое желание всех и заявил, что он намерен отправиться в лес на поиски Ахмет-Зека. В следующий же момент все были на конях.

— Золото тут будет в полной сохранности! — крикнул один из них.— Мы убили абиссинцев, а больше унести его некому. Идем искать Ахмет-Зека!

И, не задумываясь более, они пришпорили коней и в туче пыли, бешеным галопом поскакали через равнину. Из-за тростников вдоль реки черные воины крались к тому месту, где остались без присмотра золотые слитки Опара.

Когда Верпер достиг леса, он все еще был впереди Ахмет-Зека, но араб был на лучшем коне и уже догонял беглеца. Мчась вперед с безрассудной смелостью отчаяния, бельгиец все время понукал лошадь, и без того летевшую во весь опор по узкой извилистой тропинке, протоптанной зверями.

Позади себя он слышал голос Ахмет-Зека. Разбойничий атаман приказывал ему остановиться, но Верпер лишь глубже вдавливал шпоры в окровавленные бока своего загнанного коня. В лесу, в двухстах ярдах от опушки, упавший с дерева сломанный сук лежал поперек тропинки. Это было незначительное препятствие, и любая лошадь легко перескочила бы его, но силы скакуна Верпера были надорваны, он едва держался на ногах, и, когда сук подвернулся под передние ноги, лошадь споткнулась и всей тяжестью грохнулась наземь.

Верпер перелетел через ее голову, быстро вскочил и

подбежал к лошади. Схватив поводья, он стал тянуть их, но животное не могло или не хотело подняться, и, пока Верпер стегал и бранил ее, Ахмет-Зек показался на повороте.

Бельгиец моментально схватил ружье, лег позади лошади и выстрелил в Ахмет-Зека. Пуля пролетела слишком низко и попала в грудь лошади араба. Животное свалилось на землю в ста ярдах от Верпера. Араб, увидев стратегическое положение, которое занял бельгиец, не теряя времени, последовал его примеру и спрятался за тушей лошади.

Противники из укрытия попеременно стреляли друг в друга с громкими проклятьями и ругательствами, а Тарзан в это время приближался к опушке леса. Он услыхал их редкие выстрелы и, соскочив со взмыленного, полуживого абиссинского коня, направился на звуки кратчайшим и более верным и удобным для него путем — по веткам лесных великанов.

Он вскоре добрался до места, откуда в относительной безопасности мог наблюдать за действиями обоих противников. То один, то другой подымались они над телами лошадей, выпускали пулю, немедленно прятались за прикрытия и заряжали ружье, чтобы через минуту повторить ту же операцию.

Боевые запасы Верпера были очень скудны: Абдул-Мурак второпях вооружил его небогатыми доспехами абиссинца, павшего одним из первых в борьбе за золото. Положение казалось безвыходным: единственная надежда была на то, что, отдав драгоценности, ему удастся купить свою свободу.

У Верпера осталась одна пуля, и, воспользовавшись кратким перерывом, он громко крикнул:

— Ахмет-Зек! Одному аллаху ведомо, кто из нас оставит здесь свои кости, если мы будем продолжать наше глупое состязание. Ты хочешь получить драгоценности, а мне жизнь и свобода дороже, чем они. Так пусть же каждый из нас получит то, чего он желает, и с миром пойдет своей дорогой! Я оставлю тебе сумочку, а ты дашь мне возможность уйти.

Араб молча обдумывал предложение. Он только что выпустил свой последний патрон. И он ответил:

— Ну что же, иди своим путем, только камни оставь на виду. Видишь, я кладу свое ружье курком к тебе. Иди же!

Верпер снял с себя сумочку. Печально и нежно он нащупывал твердые очертания камешков. О, если бы он мог вынуть хотя бы маленькую горсточку. Но Ахмет-Зек не сводил с него своих проницательных глаз.

С тяжелым сердцем Верпер положил драгоценности на тушу лошади, поднялся, взял ружье и, не отрывая взгляда от Ахмет-Зека, стал пятиться по тропинке, пока поворот не скрыл его от взоров подозрительного араба. Но и тогда Ахмет-Зек не двинулся с места. Он боялся какой-нибудь выходки со стороны Верпера — одной из тех, на которые он сам был способен при подобных обстоятельствах. Он опасался не зря. Как только Верпер исчез из поля зрения араба, он спрятался за дерево и, подняв ружье, прицелился в то место, к которому должен был подойти Ахмет-Зек.

Но Ахмет-Зек не слишком полагался на запятнанную честь вора и убийцы. Взяв свое длинное ружье, он сошел с тропинки и стал подбираться к цели, прячась в густой спутанной растительности. Он полз на четвереньках осторожно и медленно и ни на мгновение не попал под прицел убийцы.

Верпер ждал с нервным нетерпением и удивлялся, почему араб не приходит за своей добычей. Вдруг в нескольких дюймах над сумочкой таинственно и неожиданно появилось дуло ружья и, прежде чем бельгиец сообразил, какую хитрую шутку сыграл с ним араб, конец ружья был ловко просунут под кожаный ремешок, сумочка поднялась в воздухе и через секунду исчезла в густой зелени. Верпер не решался выпустить наугад свой последний заряд.

Ахмет-Зек неслышно рассмеялся и осторожно отошел в глубь джунглей. Он был уверен в том, что Верпер поблизости ждет удобного момента, чтобы пристрелить его.

Верпер не тронулся с места, жадность и одновременно страх не позволяли ему уйти.

Но еще один человек видел все, и он не побоялся последовать за Ахмет-Зеком. Когда Ахмет-Зек наконец остановился, остановился и он, и навис над арабом, неподвижный и молчаливый, как смерть.

Ахмет-Зек провел языком по губам, распутал шнурок сумочки и, сложив руку чашечкой, высыпал на ладонь часть содержимого. Только один короткий взгляд кинул он на камешки. Его глаза сузились, проклятье сорвалось с губ, и он презрительно швырнул камешки на землю. Он поспешно опорожнил сумочку, осмотрел каждый камешек в отдельности и, швырнув их на землю, стал топтать ногами. Лицо его исказилось от гнева, и он так сильно сжал кулаки, что ногти впились ему в ладони.

Сверху Тарзан смотрел на него с удивлением. Ему было любопытно узнать, чем кончится вся эта история. Араб, взяв свое длинное ружье за ствол, как дубину, стал тайком красться сквозь джунгли рядом с тропинкой, по которой ушел Верпер. Когда он скрылся из виду, Тарзан спустился вниз и стал подбирать рассыпанные камешки. Рассмотрев их вблизи, он понял гнев араба: вместо блестящих и сверкавших драгоценных камней, которые привлекли к себе внимание человека-обезьяны в подземных кладовых Опара, в сумочке хранилась горсть самых обыкновенных — речной гальки.

XIX
Джен Клейтон и дикие звери

Тяжелые времена наступили для Мугамби после его побега из лагеря абиссинцев. Он брел через незнакомую лесную страну, в которой не мог найти воды, и с трудом добывал себе пищу. В течение каких-нибудь трех-четырех дней он так ослабел, что едва волочил ноги.

С каждым днем ему становилось все труднее устраивать на ночь убежище от диких хищников, а днем он еще более изнурял себя поисками и выкапыванием съедобных кореньев и отыскиванием питьевой воды.

Лужи стоячей воды, разбросанные на большом расстоянии друг от друга, кое-как утоляли его жажду. Тем не менее состояние его было очень плачевно. И трудно сказать, чем кончилось бы для него это путешествие, если бы совершенно случайно он не вышел к большой реке, в окрестностях которой было обилие плодов и дичи. Из отломившегося сука он сделал толстую, узловатую дубину и, пуская в ход хитрость, ловкость и это примитивное орудие, стал опять легко добывать мелкую дичь.

Зная, что предстоит еще очень далекий путь до страны Вазири, он разумно решил остановиться здесь, пока не восстановятся здоровье и силы. Мугамби соорудил прочное заграждение из колючего кустарника и внутри его устроил нечто вроде хижины с крышей, где он мог спокойно спать по ночам. Днем он уходил на охоту; только мясо могло вернуть могучим мускулам их прежнюю силу.

Однажды, когда он охотился, кто-то стал следить за

ним сквозь густую листву деревьев. Это был Чолк. Он смотрел на ничего не подозревавшего человека скорее с любопытством, чем с враждой. С тех пор, как Тарзан облачил Чолка в арабский бурнус, в душе человекоподобного проснулось желание подражать Тармангани. Однако бурнус так стеснял его движения и причинял ему столько беспокойства, что он давно сорвал его с себя и бросил.

Теперь он видел Гомангани, наряженного менее стеснительным образом. Весь его туалет состоял из мехового набедренника, нескольких медных украшений и головного убора из перьев. Это гораздо более отвечало вкусу Чолка, чем развевающееся платье, которое постоянно путается между ногами и цепляется за каждую ветку.

Чолк оглядывал сумку, которая перевешивалась через плечо Мугамби. Она-то, главным образом, и привлекла его внимание, потому что была украшена перьями и бахромой. С этого дня Чолк стал постоянно вертеться около хижины Мугамби. Он ждал случая, чтобы тайком или силой завладеть какими-нибудь частями туалета чернокожего.

Случай скоро представился. Внутри колючего заграждения Мугамби чувствовал себя в полной безопасности. Во время дневной жары он вытягивался на земле в тени хижины и спал до тех пор, пока уходящее на запад солнце не уносило с собой расслабляющий полуденный зной.

Наблюдая за Мугамби с верхушки дерева, Чолк однажды заметил, что черный воин, вытянувшись в своей хижине, спит крепким сном. Чолк дополз до ветки, свешивавшейся над заграждением, и соскочил на землю. Мягко ступая и не задевая на своем пути ни листа, ни былинки, обезьяна подкралась к спящему.

Наклонившись над ним, она стала осматривать его украшения. Несмотря на колоссальную силу Чолка, в глубине его маленького мозга таилось что-то такое, что не позволяло вызвать человека на бой. Это было врожденное у всех существ низшего порядка чувство странного страха перед человеком; страх этот останавливал иногда даже самых могучих обитателей джунглей.

Снять кусок меха с бедер Мугамби, не разбудив его, было невозможно. Единственной легкой добычей были узловатая дубина и сумка. Последняя сползла с плеча у чернокожего, когда тот повернулся во сне. Схватив их (это было все же лучше, чем ничего!), Чолк поспешно отскочил, взобрался на дерево и поторопился удрать в глубь джунглей.

Через некоторое время Мугамби проснулся и хватился сумки. Эта пропажа страшно взволновала его. Куда она могла деться? Она была у него на боку, когда он лег спать — в этом он был уверен: он помнил, что отодвинул ее из-под себя, потому что она давила на ребра и причиняла боль. Каким же образом она могла исчезнуть?

Суеверный дикарь подумывал уже о духах умерших друзей и врагов. В самом деле, чему можно было приписать такое таинственное исчезновение дубины и сумки, как не действию сверхъестественных сил? Но потом, при более тщательном осмотре, чуткий и сообразительный Мугамби нашел более материальное объяснение случившемуся.

На земле он заметил слабый оттиск огромных ног, похожих на человеческие. И теперь Мугамби уже знал, кто похититель его вещей. Выйдя из заграждения, он стал искать новые следы. Он взбирался на деревья, стараясь определить, в какую сторону убежал вор. Но слабые следы, которые оставляет за собой осторожная обезьяна, предпочитающая путешествовать по деревьям, Мугамби не сумел растолковать.

Благодаря отдыху Мугамби оправился и окреп — и теперь решил продолжать свое путешествие. Найдя другую дубину, он оставил реку позади и через лесную глушь стал пробираться к стране Вазири.

* * *

В то время как Таглат возился с веревками, опутывавшими руки и ноги его пленницы, огромный лев подкрадывался все ближе и ближе к своим жертвам.

Обезьяна сидела спиной к нему. Она не видела мощной лохматой головы, которая выглядывала из-за зеленой густой стены. Таглат не подозревал, что сильные задние лапы уже подогнулись под бурым животом и готовились к внезапному прыжку, об угрожающей ей опасности обезьяна узнала, когда раскатистый торжествующий рев нападающего льва раздался за ее спиной.

Даже не оглянувшись назад, Таглат отскочил от лежавшей в глубоком обмороке женщины и бросился в сторону. Но было уже поздно. Вторым прыжком лев очутился на широкой спине обезьяны.

Когда Таглат упал, в нем заговорил инстинкт самосохранения и проснулась вся ловкость, свирепость и сила. Перевернувшись на спину, он сцепился с хищником в смертельной схватке, такой дикой, такой отчаянной, что сам великий Нума должен был затрепетать от ужаса. Схватив льва за гриву, Таглат погрузил желтые клыки глубоко в шею хищника и, не раскрывая рта, наполненного кровью и волосами противника, глухо и свирепо зарычал.

Лев взревел от ярости и боли. Противники катались по траве, как одержимые. Но вот огромная кошка вытянула задние лапы под животом, вонзила когти глубоко в грудь Таглата и изо всей силы дернула вниз, распоров тело обезьяны. Выпотрошенное животное судорожно вздохнуло и замерло неподвижной окровавленной массой под тяжелым телом победителя.

Нума вскочил и осмотрелся — не скрываются ли где-нибудь еще враги? Но его взгляд встретил только безжизненное тело женщины в нескольких шагах от него. С сердитым ворчанием лев положил переднюю лапу на труп жертвы и, подняв голову, огласил джунгли диким ревом торжества.

Его взгляд блуждал по просеке и наконец снова остановился на молодой женщине. Большие немигающие глаза впились в неподвижное тело Джен Клейтон. Гордо выпрямившись, величественная фигура льва неожиданно съежилась и осела, и медленно и осторожно, словно ступая по чему-то очень хрупкому, он пополз к женщине.

Судьба смилостивилась над Джен, оставив ее в счастливом неведении опасности. Леди Грэйсток не знала, что лев подкрался и остановился возле нее. Она не чувствовала ни зловония горячего дыхания, обдававшего ее лицо, ни слюны, стекавшей на нее из открытой пасти.

Наконец лев передней лапой повернул тело женщины на бок, пристально вглядываясь в нее и все еще не зная, жива она или мертва. Но шорох, донесшийся из джунглей, отвлек его внимание. Он вернулся к останкам Таглата и, усевшись спиной к женщине, принялся утолять свой голод.

За этим занятием и застала его Джен, когда, наконец, открыла глаза. Приученная к опасности, она сохранила самообладание даже при виде нового сюрприза, приготовленного ей судьбой. Она не вскрикнула и не двинула ни одним мускулом.

Джен поняла, что лев убил обезьяну и теперь пожирал свою добычу меньше, чем в пятидесяти футах от нее. Что могла она сделать? Лев съест и переварит обезьяну,

а потом вернется к ней, чтобы завершить свое пиршество, если к тому времени она не будет разорвана гиенами или другими лесными хищниками.

Мысли одна другой мрачнее сменялись в ее мозгу. Вдруг она заметила, что веревки на руках и ногах не причиняли ей больше мучений.

Она удивилась и шевельнула рукой. Что за чудо совершилось с ней? Ее руки не были связаны! Осторожно и бесшумно она пошевелила ногами: и они были свободны! Джен Клейтон не могла знать, что Таглат, разрывая веревки для своих гнусных целей, перегрыз их ровно за секунду до того, как Нума напал на него.

В первый момент сердце Джен наполнилось радостью и благодарностью судьбе. Но радость быстро прошла. Лев сидел всего лишь в нескольких шагах от нее. Мнимая свобода была послана ей лишь тогда, когда спасение было уже совершенно немыслимо.

Ближайшее дерево было в ста футах от нее, а лев меньше чем в пятидесяти. Встать и бежать к дереву сейчас — значило навлечь на себя немедленную гибель. Но может быть, наевшись досыта, он посмотрел бы равнодушно на бегство женщины. Она очень сомневалась в удачном исходе такой попытки, но, с другой стороны, совсем не была намерена упустить единственную возможность спасения, не попытавшись воспользоваться ею.

Она следила за движениями льва. Для того, чтобы видеть ее, он должен был повернуть голову не меньше, чем на полоборота. Бесшумно она перевернулась на бок и откатилась на несколько футов к ближайшему дереву. Потом, приняв прежнюю позу, она лежала несколько минут совершенно неподвижно, затаив дыхание и не сводя глаз со льва. Но лев не слышал ничего, что могло бы вызвать его подозрение. Тогда она снова откатилась на несколько футов — и снова замерла в пытливом ожидании, не спуская глаз со спины зверя.

Джен казалось, что она уже часами двигалась таким образом, а лев невозмутимо продолжал свою трапезу, не подозревая, что его вторая жертва ускользала от него. Она была уже в нескольких шагах от дерева. Еще секунда — и она могла бы вскочить на ноги и, отбросив в сторону осторожность, сделать дерзкий прыжок к спасению. Но вот лев повернул голову. Он увидел, как она повернулась и стала отползать от него. В этот момент Джен взглянула в его сторону и облилась холодным потом. Она поняла, что в двух шагах от цели смерть все-таки настигла ее.

Долгое время ни лев, ни женщина не шевелились. Зверь лежал неподвижно, повернув голову через плечо

и устремив глаза на жертву. Молодая женщина не смела пошевельнуть ни единым мускулом. Нервы ее были так напряжены, что она с трудом удерживала нарастающее желание вскрикнуть. Но прошло еще несколько секунд — и Нума вернулся к своему прежнему занятию. Только оттопыренные назад уши говорили о том, что лев был не совсем спокоен за свою добычу.

Зная, что малейшее ее движение немедленно привлечет внимание зверя, Джен решила рискнуть: попытаться добежать до дерева и вскарабкаться на нижние ветви.

Собравшись с силами, она вскочила на ноги, но почти одновременно с ней вскочил и лев и, круто повернувшись, с широко открытой пастью и ужасающим ревом бросился за ней.

Те, кто провел бо́льшую часть своей жизни в Африке, охотясь на крупного зверя, скажут вам, что вряд ли найдется на свете другое существо, способное на коротком расстоянии развивать такую скорость, с какой мчится нападающий лев. И потому, хотя расстояние было очень невелико, ужасающая скорость льва губила всякую надежду на спасение для молодой женщины.

Но страх может творить чудеса. И хотя лев уже оцарапал когтями ее башмак в то время, когда Джен взбиралась на дерево — ей удалось уклониться от страшного удара мохнатой лапы. И когда Нума ткнулся о дерево, молодая женщина уже достигла безопасной высоты.

Джен сидела на ветке ни жива ни мертва. После страшного напряжения, которое ей пришлось пережить, наступила реакция. Ей казалось, что она уже никогда не посмеет спуститься на землю. Ее охватывал неодолимый ужас при мысли о новых опасностях, которые ожидали ее на пути в страну Вазири.

Было уже почти темно, когда лев наконец ушел с просеки. Его место подле трупа обезьяны немедленно было занято кучкой гиен. Но если бы гиен даже не было на лужайке, Джен не решилась бы спуститься и приготовилась ждать наступления дня. Усталость наконец одолела ее, и она заснула глубоким сном, свернувшись клубочком на двух почти горизонтальных, близко друг от друга расположенных ветвях.

Когда она проснулась, солнце было уже высоко в небе. Вокруг было совершенно спокойно. Только обглоданные кости обезьяны, разбросанные по земле, свидетельствовали о том, что произошло здесь несколько часов назад.

Джен Клейтон мучили голод и жажда. Поэтому, набравшись храбрости, она слезла с дерева и снова начала свое путешествие через джунгли.

Она шла на юг в том направлении, где, по ее соображениям, должна была находиться равнина Вазири. Джен надеялась добраться до одной из многочисленных деревень вазири, разбросанных вокруг равнины, или же встретить по дороге охотников из племени преданных ей чернокожих.

День уже клонился к концу. Вдруг до нее донесся звук выстрела, стреляли где-то недалеко. За первым выстрелом последовал второй, третий... Боясь рисковать, она забралась на дерево около тропинки и, притаившись в густой листве, стала ждать.

Когда выстрелы стали реже, она уловила звук человеческих голосов. Потом стрельба совсем прекратилась, и она услышала голоса двух мужчин, громко перекликавшихся между собой, но слов не могла разобрать. За этим последовало долгое молчание, которое было прервано крадущимися шагами на тропинке впереди нее. Затем она увидела мужчину, он пятился с ружьем наготове, не отрывая настороженного взгляда от густых зарослей.

Джен сразу узнала в нем Жюля Фреко, своего недавнего гостя. Она уже была готова окликнуть его, обрадованная этой встречей, но он отошел в сторону и спрятался в кустах. Его, по-видимому, преследовал враг, и Джен не решилась крикнуть, боясь отвлечь его внимание или выдать его неприятелю.

Едва Фреко успел спрятаться, на тропинке появился араб в белом бурнусе и стал тихонечко красться вперед. Джен хорошо видела с дерева обоих противников. Она узнала в арабе предводителя разбойничьей шайки, которая ограбила ее владения и взяла ее в плен. И когда она увидела, что Фреко поднял ружье и прицелился в араба, ее сердце замерло в радостном ожидании.

Ахмет-Зек остановился посреди тропинки. Его зоркие глаза обыскивали каждый куст, каждое дерево. Его высокая фигура была хорошей мишенью для вероломного убийцы. Раздался выстрел, дымок поднялся из-за кустов, скрывавших бельгийца, Ахмет-Зек зашатался и упал на тропинку лицом вниз.

Когда Верпер вышел из засады, он был поражен чьим-то радостным криком. Оглянувшись, он увидел Джен Клейтон, которая легко спрыгнула с дерева и с протянутыми руками бросилась к нему, чтобы поздравить с победой над врагом.

XX

Джен Клейтон снова пленница

Платье Джен было изодрано, волосы растрепаны, но она была так хороша, радуясь встрече с другом и спасителем, что Альберт Верпер невольно залюбовался ею.

Бельгиец сильно подозревал, что Джен Клейтон знала о его участии в нападении на ее владения. Но его подозрения были сразу рассеяны ее искренним дружеским приветствием. Она была так счастлива, что неожиданно наткнулась на друга, притом в такой момент, когда надежда совсем было покинула ее. Она торопливо рассказала ему о несчастьях, постигших ее с того времени, как он покинул ее дом. И когда она заговорила о смерти своего мужа, то не в силах была удержаться от слез.

— Я потрясен,— сказал Верпер с притворным участием,— но я не удивляюсь. Этот злодей (он указал на труп Ахмет-Зека) терроризировал всю область. Люди Ахмет-Зека захватили всю равнину вокруг ваших прежних владений, и там вам нечего надеяться на помощь и спасение. Единственно, что нам можно сделать, это поторопиться на север к лагерю разбойников, чтобы попасть туда прежде, чем весть о смерти Ахмет-Зека дойдет до тех, кто у него остался. Там, путем хитрости, мы постараемся добыть проводников на север.

— Я думаю, что это вполне осуществимо,— прибавил он,— ведь я был гостем Ахмет-Зека раньше, чем узнал о том, кто он такой. И люди, оставшиеся в лагере, не подозревают, что я стал его врагом. Нам нужно прийти в лагерь прежде, чем разбойники, сопровождавшие Ахмет-Зека в последнем набеге, найдут его труп и вернутся туда. Это наша единственная надежда, леди Грэйсток, и для того, чтобы эта попытка увенчалась успехом, вы должны всецело довериться мне. Подождите одну минуту, я только сниму с трупа араба вещь, которую он у меня украл.

С этими словами Верпер направился к трупу, опустился на колени и стал торопливо обшаривать его.

К его изумлению и огорчению ни в одеянии, ни на теле Ахмет-Зека сумочки не оказалось. Поднявшись, бельгиец пошел назад по тропинке, он самым тщательным образом обшарил траву около трупа своей лошади и даже углубился на несколько шагов в джунгли по обе стороны

тропинки, но не нашел ничего. Озадаченный, разочарованный и сердитый, он вернулся наконец к молодой женщине.

— Не нашел! — объяснил он коротко.— Но я не решаюсь терять время на поиски, нам необходимо добраться до лагеря прежде, чем вернутся разбойники.

Не имея представления о характере этого человека, Джен с живостью приняла предложение и вместе с Альбертом Верпером направилась на север, во вражеский стан, где еще накануне была пленницей!

К вечеру следующего дня они достигли цели своего путешествия. Верпер предупредил молодую женщину, чтобы она не удивлялась ничему.

— Я скажу им,— говорил он,— что поймал вас и отвел к Ахмет-Зеку, но так как он сам в это время был занят ожесточенной битвой с вазири, то направил меня сюда, велел взять охрану и немедленно отвезти вас на север, а там как можно подороже продать работорговцу.

Искренность его тона и на этот раз подкупила Джен. Она понимала, что приходится пойти на отчаянные средства для того, чтобы спастись из отчаянного положения. И, хотя она содрогалась при мысли, что ей снова придется войти в ненавистную деревню разбойников, она не видела никакого другого выхода.

Громко окликнув часовых у ворот, Верпер схватил Джен за руку и храбро направился через поляну. Часовые открыли ворота и не сумели при виде его скрыть своего удивления. То обстоятельство, что беглый, преследуемый лейтенант вернулся в лагерь по доброй воле, совершенно их обезоружило.

Не теряя времени, Верпер направился к арабу Мохамет-Бею, который замещал в лагере Ахмет-Зека. И тут ему удалось своей дерзкой смелостью рассеять подозрения Мохамет-Бея и заставить того поверить рассказу о том, что побудило его возвратиться. Тот факт, что он привел убежавшую пленницу обратно, прибавлял весу его словам, и через несколько минут Мохамет-Бей уже дружески беседовал с Верпером... Полчаса назад он без рассуждений пристрелил бы его, если бы встретился с ним в джунглях.

Джен Клейтон была опять водворена в хижину, которую занимала раньше: но ее укрепляло сознание, что это лишь комедия, которую она и Фреко разыгрывали перед легковерными арабами.

Ее снова связали и приставили часовых к дверям, но прежде чем выйти, Верпер прошептал ей на ухо несколько ободряющих слов. От нее он пошел прямо в палатку Мохамет-Бея. Он высчитывал, когда могут вернуться разбойники с трупом своего убитого начальника. И чем больше он об этом думал, тем больше опасался, что без сообщников план его должен провалиться.

Мохамет-Бей сидел на циновке, скрестив ноги, и курил трубку, при виде европейца он поднял голову.

— Привет тебе, о брат мой! — сказал он.

— Привет и тебе! — ответил Верпер.

Некоторое время оба молчали. Араб заговорил первый.

— Как чувствовал себя господин мой Ахмет-Зек, когда ты в последний раз видел его? — спросил он.

— Никогда еще не был он более защищен от грехов и опасностей, угрожающих смертным,— ответил бельгиец.

— Это хорошо! — проговорил Мохамет-Бей, выпуская струйку синего дыма.

Снова наступило молчание.

— А что, если окажется, что он умер? — спросил бельгиец.

Он решил открыть правду и попытаться подкупить Мохамет-Бея для выполнения своего плана.

Араб наклонился вперед, глаза его сузились и впились в глаза бельгийца.

— Верпер! — сказал он.— Я много думал нынче вот о чем: ты так неожиданно вернулся в лагерь человека, которого обманул и который искал тебя с гневом в сердце. Я много лет прожил с Ахмет-Зеком. Даже его мать не знала его так хорошо, как знал я. Он никогда ничего не прощает и никогда не доверился бы человеку, который уже однажды обманул его. Я много думал об этом и пришел к заключению, что Ахмет-Зек действительно умер, потому что в противном случае ты никогда не посмел бы вернуться в его стан, для этого ты должен быть или более храбрым человеком, или большим дураком. Верпер, скажи мне, что тебе нужно? Если у тебя еще сохранились ценности, о которых говорил мне Ахмет-Зек, я не вижу, почему бы нам с тобой не отправиться на север вместе и не разделить между собой выкуп за белую женщину, да, кстати, поделить и то, что находится в сумочке. Как ты думаешь?

Злые глаза сузились, лукавая улыбка искривила тонкие губы, и Мохамет-Бей ехидно усмехнулся в лицо бельгийца.

Верпер был одновременно обрадован и обеспокоен поведением араба. Равнодушное спокойствие, с которым он принял известие о смерти начальника, сняло немалую тяжесть с плеч убийцы Ахмет-Зека, но требование разделить с ним драгоценности не предвещало ничего хорошего.

Сознаться в том, что он потерял драгоценности, значило бы навлечь на себя гнев или подозрение араба, и тогда все пути к спасению будут отрезаны. Поэтому он решил солгать и поддерживать Мохамет-Бея в приятной уверенности, что драгоценные камни все еще у него. Он решил положиться на будущее.

— Да! — сказал он.— Ахмет-Зек мертв. Он пал в битве с отрядом абиссинцев, которые меня держали в плену. Во время сражения я убежал, но сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из людей Ахмет-Зека остался в живых. Золото теперь в руках абиссинцев. Вероятно, сейчас они уже спешат сюда. Ведь они были посланы Менеликом отомстить Ахмет-Зеку за набег на абиссинскую деревню. Их очень много, и, если мы не поторопимся уйти, нас постигнет та же судьба.

Мохамет-Бей молча выслушал его. Он не знал, можно ли доверять словам неверного, но рассказ бельгийца давал ему повод оставить лагерь и отправиться на север.

— Если я поеду с тобой,— спросил он,— половина драгоценных камней и половина денег, вырученных за женщину, будут моими?

— Да,— ответил Верпер.

— Ладно,— сказал Мохамет-Бей,— я пойду и прикажу сняться с лагеря завтра же на заре. Все будет сделано, как ты хочешь: с нами поедут двадцать человек.

На этом они порешили.

На заре Джен Клейтон была разбужена шумом голосов возле ее хижины. Через минуту к ней вошел Фреко в сопровождении двух арабов. Арабы распутали веревки и помогли ей подняться. Потом они сунули ей горсть сухарей и вывели наружу при свете едва брезжившего утра.

Она вопросительно взглянула на Фреко, и, когда араб отвернулся, бельгиец нагнулся и шепнул ей, что все складывается как нельзя лучше. Молодая женщина успокоилась, и в душе ее вновь зародилась надежда, которая потухла было за эту долгую, мучительную ночь.

Скоро к ней подвели лошадь, подняли в седло и, окружив со всех сторон, вывезли за ворота деревни. Через

полчаса кавалькада повернула на север и в продолжение всего путешествия держалась этого направления.

Фреко очень редко разговаривал с Джен. Она понимала, что для осуществления их плана он должен был разыгрывать из себя ее притеснителя. И она ничего не подозревала, хотя не могла не заметить дружеских отношений между европейцем и арабом, предводителем отряда.

Но, если Верперу и удавалось избегать разговора с молодой женщиной, он совершенно не мог изгнать ее образ из своих мыслей. Сто раз в день его глаза останавливались на ней, и он любовался красотой ее лица и фигуры. С каждым часом страсть его росла, пока желание обладать ею не превратилось у него в настоящую манию.

На второй день путешествия Мохамет-Бей подъехал к Джен Клейтон. Со стороны могло показаться, что он только сейчас впервые заметил ее; но уже много раз в течение этих двух дней из-под капюшона бурнуса он следил за пленницей и пожирал ее глазами.

Скрытая страсть зародилась в его душе уже давно, когда он впервые увидел англичанку, взятую в плен Ахмет-Зеком. Но пока был жив его суровый господин, он и думать не смел об осуществлении своих желаний.

Теперь же только эта презренная собака — Верпер — стоял между ним и молодой женщиной. Разве так трудно убить этого неверного и взять себе и женщину, и драгоценные камни? А когда камни будут у него, незачем будет продавать женщину. Как ни велика сумма, которую ему предложили бы за нее, она будет ничтожна по сравнению с радостями, которые доставит ему пленница!

Он ехал рядом, не отрывая от нее глаз. Как она хороша! Его руки сжимались и разжимались в непреодолимом желании сдавить ее в своих объятиях.

— Знаешь ли ты, куда везет тебя этот человек? — спросил он.

Джен утвердительно кивнула головой.

— И ты готова стать игрушкой черного султана?

Молодая женщина отвернулась и не ответила. Она боялась выдать себя и Фреко, боялась, что у нее не хватит сил правдоподобно разыграть ужас и отвращение перед участью, которая якобы готовилась ей.

— Ты можешь избежать этой участи,— продолжал араб.— Мохамет-Бей спасет тебя!

И он протянул смуглую руку и сжал пальцы ей правой руки так неожиданно и так сильно, что это движение выдало его животную страсть так же ясно, как если бы он произнес признание.

Джен Клейтон выдернула пальцы из его руки.

— Скотина! — крикнула она.— Если ты сейчас же не оставишь меня, я позову господина Фреко.

Мохамет-Бей отодвинулся и нахмурил брови. Его тонкая верхняя губа приподнялась, обнажая ряд белых зубов.

— Фреко? — усмехнулся он.— Тут нет такого! Этого человека зовут Верпер. Он лгун, вор и убийца. Он убил своего капитана в Конго и убежал под защиту Ахмет-Зека. Он повел Ахмет-Зека грабить твой дом. Он последовал за твоим мужем, чтобы украсть его золото. Он сознался нынче мне, что ты считаешь его своим защитником и что этим он воспользовался и постарался заслужить твое доверие лишь для того, чтобы легче было повезти тебя на север и продать в гарем какого-нибудь черного султана. Мохамет Бей — одна твоя надежда.

Он злобно пришпорил лошадь и присоединился к передним всадникам, предоставив пленнице обдумать его слова на досуге.

Джен не знала, что было истинно и что ложно в словах Мохамет-Бея. Но в душе ее опять погасла надежда, и она с невольной подозрительностью стала смотреть на человека, которого считала своим единственным защитником в страшном мире врагов и опасностей.

Для пленницы везли отдельную палатку и ночью ее ставили между палатками Мохамет-Бея и Верпера. К ней были приставлены двое часовых и при таких предосторожностях не считали нужным связывать пленницу.

Вечером после разговора с Мохамет-Беем Джен сидела у входа в палатку, отрешенно глядя в даль. Она поужинала принесенными ей лепешками из кассавы и не поддающимся описанию варевом, в которое вошли: свежеубитая мартышка, пара белок и остатки зебры, добытой накануне. Но балтиморская красавица в борьбе за существование уже давно притупила свои тонкие чувства, которые в прежнее время возмутились бы даже при наличии гораздо меньших оснований.

Она не видела перед собой ничего: ни кучки людей, смеющихся и дерущихся между собой, ни джунглей, скрывавших от нее горизонт. Ее мысли были далеко. Она видела высокого, широкоплечего мужчину, возвращающегося верхом с отдаленных полей, она видела себя, стоящую у калитки в ожидании его с охапкой свежих роз, только что сорванных с кустов. Все это ушло, исчезло в прошлом, уничтоженное огнем, пулями и ненавистью этих низких жестоких людей... Джен вздрогнула и, едва сдерживания рыдания, вернулась в свою палатку и бросилась на груду грязных одеял. Уткнувшись в них лицом, она долго плакала, пока благодетельный сон не принес ей временного облегчения.

Джен Клейтон спала, а в это время из соседней палатки вынырнул высокий человек. Он подошел к часовому у входа в палатку пленницы, шепнул ему что-то на ухо, и часовой кивнул и скрылся в ночной мгле. Подойдя к задней стене палатки, он тоже что-то сказал другому часовому, и тот удалился вслед за первым.

Тогда темный человек вернулся ко входу, развязал скреплявшие полотно тесемки и бесшумно, как привидение, проскользнул внутрь.

XXI
Бегство в джунгли

Верпер не спал. Он метался в постели и думал о прекрасной женщине в соседней палатке. Он заметил, что Мохамет-Бей неожиданно стал проявлять интерес к пленнице, и догадывался, на чем основывалась внезапная перемена в его отношении к ней. Сердце Верпера переполнялось дикой ревностью при мысли, что Мохамет-Бей может привести в исполнение свои гнусные намерения относительно беззащитной женщины.

Странное дело! Намерения Верпера были нисколько не лучше намерений араба, а между тем он считал себя защитником Джен Клейтон и был убежден, что, если внимание Мохамет-Бея было ей противно, то такое же внимание со стороны Верпера могло быть ей чрезвычайно приятным.

Тарзан умер, и Верпер воображал, что он сможет заполнить в ее сердце место, ставшее свободным. Он мог предложить Джен Клейтон вступить с ним в брак, чего, конечно, не сделает Мохамет-Бей. В конце концов бельгиец пришел к убеждению, что пленница не только имела основание полюбить его, но что она различными чисто женскими приемами уже дала ему почувствовать зарождающуюся привязанность.

И вдруг внезапная решимость овладела им. Он откинул покрывало и поднялся. Натянув сапоги и прикрепив к поясу патронташ и револьвер, он выглянул наружу. Перед

палаткой пленницы не было часового. Положительно, судьба играла ему на руку!

У задней стены палатки тоже не было часового. Верпер, напрягая зрение, шагнул в темноту.

Луна слабо освещала внутренность палатки. У стены чей-то силуэт наклонился над грудой одеял. Понемногу глаза Верпера привыкали к темноте. Он увидел, что человек, склонявшийся над постелью, мужчина, и догадался, кто этот ночной посетитель.

Красная пелена застлала глаза бельгийца. Нет! Этот человек не получит ее! Она принадлежит ему и только ему. Он никому не уступит своих прав!

Он подкрался и кинулся сзади на Мохамет-Бея. Араб был поражен неожиданным нападением, но он был не из тех, кто сдается без боя. Пальцы бельгийца искали горло араба, но тот оттолкнул его и, поднявшись, повернулся к своему противнику. Верпер резко ударил его в лицо, и араб, зашатавшись, полетел на пол. Бельгиец дергал рукоятку револьвера, стараясь вытащить его, но, как назло, он застрял в кобуре.

Прежде чем Верпер высвободил оружие, Мохамет-Бей опомнился и бросился на противника. Отчаянно борясь и пытаясь задушить друг друга, противники метались на узкой площади палатки, в то время как женщина с глазами, широко открытыми от ужаса и удивления, следила за ними, не смея шевельнуться.

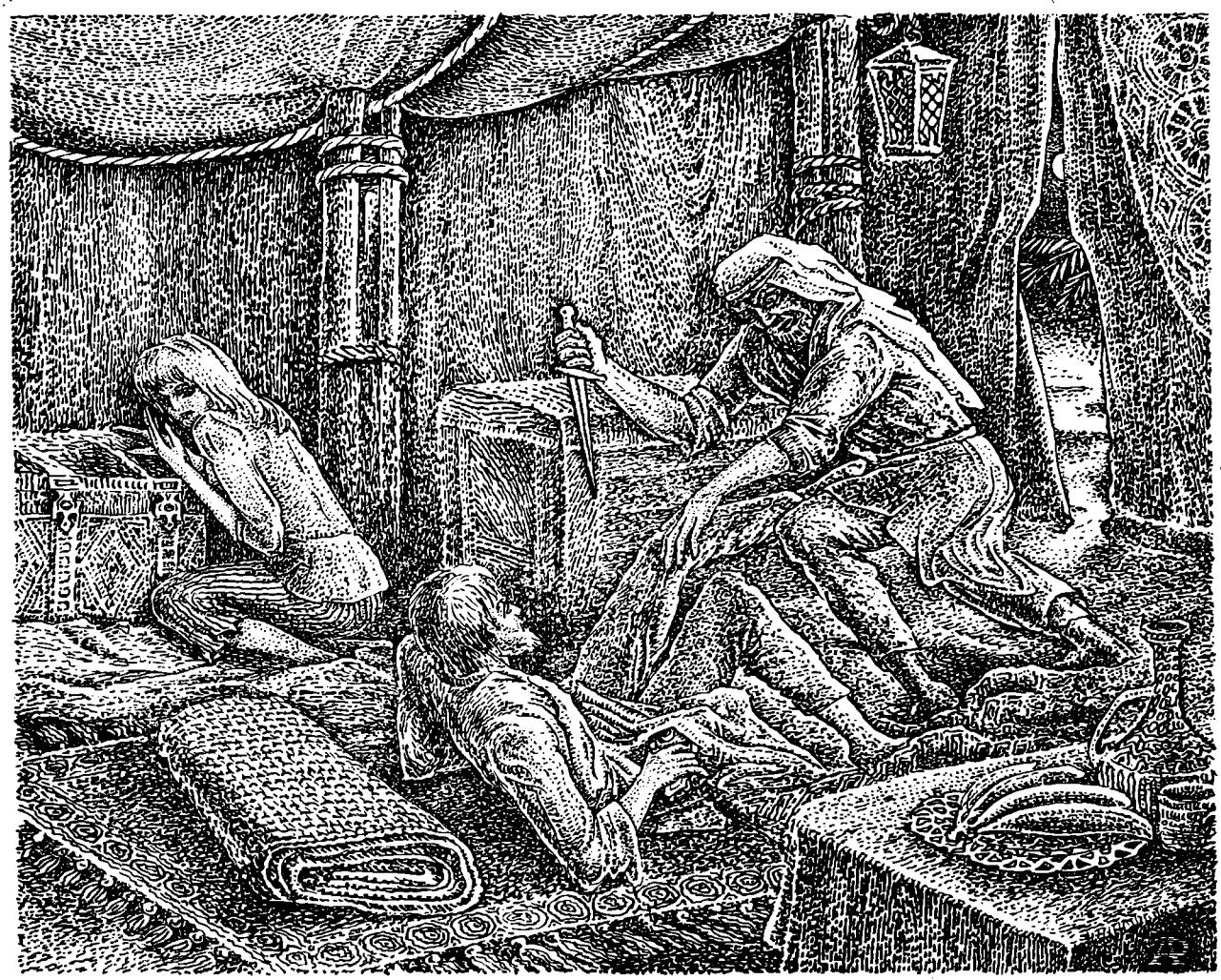
Несколько раз Верпер пробовал вытащить револьвер. Мохамет-Бей, не ожидая наткнуться на отпор, да еще отпор такого рода, пришел в палатку вооруженный только ножом. И во время первой короткой передышки он вытащил его из-за пояса.

— Собака! — пробормотал он.— Посмотри на этот нож! Взгляни хорошенько, неверный, потому что это последняя вещь, которую ты увидишь и почувствуешь в своей жизни. Если у тебя есть бог, молись ему сейчас — через минуту ты будешь мертв.

С этими словами он ринулся вперед с высоко поднятым над головой ножом. Верпер все еще безуспешно пытался освободить оружие. В отчаянии он бросился на пол к стене палатки и подставил ногу.

Хитрость удалась. Мохамет-Бей споткнулся о препятствие и грохнулся наземь. Он сейчас же вскочил, но в руке Верпера сверкнул револьвер, освобожденный наконец из кобуры.

Раздался громкий выстрел, и Мохамет-Бей упал, покатился по полу и замер у постели женщины, которую он



хотел обесчестить. Звук выстрела вызвал переполох. В лагере раздались возбужденные голоса. Люди перекликались друг с другом, перепуганные и недоумевающие.

Джен Клейтон подошла к Верперу с протянутыми руками.

— Чем смогу я отблагодарить вас, мой друг? — спросила она.— И подумать только, что я сегодня едва не поверила гнусной лжи этого мерзавца, когда он говорил мне о вашем вероломстве и о вашем прошлом.

Руки Верпера бессильно повисли. Он стоял, глядя на нее, и не находил слов для ответа. Ее доверие совершенно обезоружило его.

Тем временем в лагере арабы разыскивали, кто стрелял. Часовые, снятые Мохамет-Беем с поста, первые подали мысль осмотреть палатку пленницы. Верпер услышал, что сюда идут люди. Если его заподозрят в убийстве Мохамет-Бея — его ждет смерть. Он должен был найти какое-нибудь объяснение и помешать им увидеть труп.

Вложив револьвер в кобуру, он быстро вышел из палатки и очутился лицом к лицу с приближавшимися людьми. Он с улыбкой вытянул руку, преграждая им дорогу.

— Женщина сопротивлялась,— сказал он,— и Мохамет-Бей был вынужден выстрелить в нее. Она не убита, а лишь слегка ранена. Вы можете вернуться к себе. Мы с Мохамет-Беем останемся возле пленницы.

Он повернулся и вошел в палатку, а разбойники, удовлетворенные таким объяснением, вернулись к прерванному сну.

Возбуждение, пережитое Верпером во время схватки с Мохамет-Беем, и опасность, угрожавшая ему со стороны арабов, охладили пылкую страсть, во власти которой он находился еще несколько минут назад.

Но другое, новое чувство зародилось в душе бельгийца. Как бы низко ни пал человек, чувства рыцарства и чести, если только они когда-нибудь были в его сердце, не могут окончательно заглохнуть в нем; Альберт Верпер давно забыл о рыцарстве и чести, но совершенно бессознательно Джен Клейтон задела давно замолкнувшую струну, и она отозвалась глубоко в сердце дезертира.

Слишком много гнусности и подлости лежало на его совести, чтобы он мог надеяться когда-нибудь искупить свои проступки. Но в первом порыве раскаяния он искренне желал исправить, насколько это будет в его силах, то зло, которое причинила этой милой, нежной женщине его безграничная жадность.

Джен прервала его размышления.

— Что нам делать теперь? — спросила она.— Утром труп обнаружат. Они убьют вас, когда узнают.

Верпер несколько мгновений думал, потом быстро повернулся к женщине.

— У меня есть план! — воскликнул он.— Для его выполнения от вас потребуется храбрость и самообладание. Хватит ли у вас сил еще на одно испытание?

— Я готова на все, лишь бы бежать отсюда,— отвечала она с улыбкой.

— Вы должны притвориться мертвой,— пояснил он.— Я вынесу вас из лагеря. Я скажу часовым, что Мохамет-Бей приказал мне унести ваш труп в джунгли. Это на первый взгляд странное приказание я объясню тем, что Мохамет-Бей питал к вам безумную страсть и не в силах был больше выносить укоров совести при виде безжизненного тела.

— Да вы лишились рассудка! — воскликнула Джен.— Неужели вы думаете, что часовые поверят этой нелепой сказке?

— О, вы не знаете их! — отвечал он.— Несмотря на суровую внешность этих закоренелых преступников, в каждом из них есть романтическая жилка. Это чувство романтизма толкает людей к дикой жизни, преступлениям и разбою. Не беспокойтесь, наша хитрость удастся.

Джен Клейтон пожала плечами.

— Что ж, попробуем,— проговорила она.— Ну, а потом?

— Я спрячу вас в джунглях,— продолжал бельгиец,— а утром приду за вами и приведу двух лошадей.

— Но как объясните вы смерть Мохамет-Бея? — спросила она.— Она будет обнаружена прежде, чем вам удастся скрыться отсюда утром.

— Я ничего не стану объяснять,— ответил Верпер.— Это мы предоставим покойнику. Вы согласны на риск?

— Да.

— Тогда я сейчас принесу вам оружие и патроны.

Через минуту Верпер вернулся со вторым револьвером и добавочным патронташем вокруг пояса.

— Вы готовы? — спросил он.

— Да,— ответила молодая женщина.

— Тогда лягте ко мне на левое плечо. Так! Теперь свесьте руки, ноги и голову совершенно свободно, чтобы они болтались. Помните, что вы мертвы.

В следующий момент бельгиец уже шел по лагерю с телом женщины на плече. Двое часовых мерно шагали при ярком свете костра. Один из них заметил приближение Верпера.

— Кто ты? — крикнул он.— Что несешь ты на плече?

Верпер откинул капюшон бурнуса, чтобы часовой мог видеть его лицо.

— Это труп женщины,— пояснил он.— Мохамет-Бей просил меня унести его в джунгли, потому что он не может смотреть на лицо той, которую любил. Необходимость заставила его убить ее. Он жестоко страдает, он совершенно безутешен. Я с трудом удержал его от самоубийства.

Джен, перепуганная, неподвижная, ждала ответа араба. Конечно, он рассмеется и не поверит этой глупой сказке.

— Ты пойдешь один, или разбудить кого-нибудь, чтобы проводить тебя? — спросил араб, и в интонации его не слышалось ни малейшего удивления по поводу того, что в характере Мохамет-Бея так неожиданно обнаружились нежность и чувствительность.

— Я пойду один,— ответил Верпер и мимо часового проскользнул в узкий проход.

Несколько минут спустя он уже углублялся в джунгли со своей ношей и, когда стволы деревьев скрыли пламя лагерного костра, остановился и опустил ее на землю.

— Шш-шш,— прошептал он, видя, что женщина хочет заговорить, и, отведя ее еще глубже в лес, остановился под большим развесистым деревом. Здесь он, вручив Джен патронташ и револьвер, помог ей вскарабкаться на нижние ветви дерева.

— Завтра утром,— прошептал он,— как только мне удастся улизнуть, я вернусь за вами. Будьте мужественны, леди Грэйсток!

— Благодарю вас,— ответила она тихо.— Вы были очень храбры и очень добры ко мне.

Верпер не ответил, и ночная мгла скрыла краску стыда, залившую его щеки. Он торопливо повернулся и направился к лагерю. Часовой со своего поста наблюдал, как бельгиец вошел в свою палатку, но он не видел, как тот ползком вылез из-под задней стены и подкрался осторожно к палатке, в которой лежало тело Мохамет-Бея.

Верпер пролез внутрь и, не медля ни минуты, схватил мертвеца за кисти рук и потащил за собой.

Выбравшись наружу, он взвалил его на плечи и быстро перебежал через открытое место. У шелковой завесы палатки Мохамет-Бея он остановился, опустил тяжелую ношу на землю и притаился, прислушиваясь.

Убедившись наконец, что никто его не видел, он нагнулся, приподнял полу палатки и вполз внутрь, волоча за собой мертвеца. Он уложил труп в постель и стал рыться в темноте, разыскивая револьвер араба. Найдя его, он вернулся к постели, просунул правую руку с револьвером под одеяла и левой плотно обернул ее несколькими слоями толстой ткани. Потом он нажал курок и одновременно с этим закашлялся.

Заглушенный выстрел за звуками кашля не мог быть услышан даже вблизи палатки. Верпер остался доволен. Он вытащил револьвер из-под одеяла и осторожно вложил его в правую руку мертвеца, разместив три пальца вокруг рукоятки, а указательный прижав к курку. Потом он привел в порядок разбросанные покрывала и вышел из палатки тем же путем, спустив за собой шелковую полу и укрепив ее в прежнем положении. Затем он пробрался к себе и лег на постель.

На следующее утро он был разбужен криком раба Мохамет-Бея:

— Скорее, скорее! Мохамет-Бей лежит мертвый в своей палатке, он застрелился.

Верпер нервно вскочил с постели. Но при последних словах чернокожего он облегченно вздохнул.

— Я иду! — крикнул он и, натянув сапоги, вышел из палатки.

Когда Верпер вошел, толпа арабов стояла вокруг трупа своего начальника. Протолкавшись через людей, Верпер подошел к трупу. С минуту он молча вглядывался в мертвеца, потом повернулся к арабам.

— Кто сделал это? — крикнул он. В голосе его слышались угроза и обвинение.— Кто убил Мохамет-Бея?

И в ответ раздался целый хор возмущенных голосов.

— Мохамет-Бея никто не убивал,— кричали они.— Он сам убил себя. Аллах и вот это — наши свидетели!

И они указали на револьвер в руке мертвеца.

Вначале Верпер симулировал недоверие, но потом как бы поверил, что Мохамет-Бей покончил с собой, раскаиваясь в убийстве горячо любимой женщины.

Верпер собственноручно обернул покрывала вокруг трупа, стараясь спрятать места, обгоревшие во время выстрела. Шесть человек чернокожих вынесли труп на поляну и опустили его в неглубокую могилу, выкопанную перед лагерем. Когда комья земли стали падать вниз, еще один вздох облегчения вырвался из груди Верпера: его план удался.

После смерти Ахмет-Зека и Мохамет-Бея разбойники остались без предводителя и после короткого совещания решили вернуться на север к своим племенам.

Узнав об этом, Верпер заявил, что он поедет на восток к морю. Разбойники ничего не знали о драгоценностях Верпера, и так как в нем совершенно не нуждались, они не возражали, чтобы он шел своей дорогой.

Наблюдая за отъездом арабов, Верпер благодарил бога, что наконец избавился от их общества. Когда топот их коней замер в отдалении, Верпер направил свою лошадь к тому месту, где он накануне оставил леди Грэйсток.

Подъехав к дереву, он остановился и радостно воскликнул:

— С добрым утром!

Но ответа не последовало. Верпер тщетно вглядывался в густую листву. Он слез с лошади и взобрался на дерево, откуда ему были видны все верхние ветви. Убежище опустело — Джен Клейтон исчезла.

XXII

Сознание возвращается к Тарзану

Когда Тарзан перебирал камешки, брошенные Ахмет-Зеком, его мысли нечаянно вернулись к груде желтых слитков, из-за которых так ожесточенно бились арабы и абиссинцы.

Что было общего между этой грудой грязного металла и красивыми сверкающими камешками, которые раньше наполняли его сумку? Какая мучительная неясная мысль все время преследовала его? Что значило то смутное воспоминание, почти уверенность, что эта груда слитков имела какое-то отношение к его прошлому и что она принадлежала ему?

Что было в его прошлом? Он покачал головой. Бледные картины детства, проведенного среди обезьян, медленно проходили в его памяти, а за ними следовала странная путаница лиц, фигур и событий, которые как будто никакого отношения не имели к Тарзану из племени обезьян, а между тем казались ему знакомыми.

Медленно и мучительно восстанавливалась его память по мере того, как поврежденный мозг заживал благодаря прекрасному кровообращению.

Впервые за долгое время образы, появлявшиеся в сознании, показались ему близкими и знакомыми, но он не мог ни водворить их на места, которые они занимали в его прошлой жизни, ни назвать их по именам.

Особенно часто в смутных воспоминаниях больного мозга появлялся образ прекрасной самки. Кем была она Тарзану из племени обезьян? Ему казалось, что он ее когда-то видал в тех местах, где абиссинцы откопали золото, но только тогда окружающая местность была совсем другой.

Там было одно строение... нет, там было много строений... и там были плетни, живые изгороди и цветы. Тарзан наморщил лоб: он был озадачен. Ему уже показалось, что он нашел объяснение, и вдруг вся картина побледнела, словно подернулась дымкой, и на ее месте появилась сцена в джунглях: голый белый юноша, танцующий в кругу диких волосатых обезьян.

Тарзан покачал головой и вздохнул. Почему он не мог вспомнить этого? Он во всяком случае был убежден, что груда золота, место, где оно лежало, нежный аромат все время ускользавшей от него самки, образ белой женщины и он сам были каким-то образом неразрывно связаны между собой и что прошлое было связующим звеном между ними.

Но если в его воспоминаниях женщина была неразрывно соединена с тем местом, то где же было искать или ждать ее, как не там? Тарзан пойдет и поищет ее. Он перебросил пустую сумочку через плечо и по верхушкам деревьев направился назад к равнине.

Во время путешествия через равнину он наткнулся на небольшое стадо антилоп, которое паслось на полянке, со всех сторон защищенной кустами. Обстоятельства благоприятствовали охоте. В течение получаса Тарзан выслеживал жирную годовалую антилопу — и наконец одним махом подскочил к ней и уложил своим охотничьим ножом. Утолив голод, он направился по тропинке к реке. Когда он напился, ночь уже спустилась над равниной, а он был еще на расстоянии полуверсты от того места, где лежала груда желтых слитков.

В глазах обитателей джунглей время не имеет определенного значения, и торопливость, когда она не вызывается ужасом, гневом или голодом, для них вещь глубоко ненавистная. Поэтому он расположился на ночь на ближайшем дереве и заснул глубоким сном, убаюканный хором диких голосов преследователей и преследуемых. Утром

голод и жажда разбудили его. Он слез с дерева и направился к реке, к месту водопоя. Однако лев Нума опередил его. Огромный зверь стоял у водопоя и с жадностью лакал воду. Услышав шаги Тарзана, он поднял голову и через плечо взглянул на дерзкого нарушителя спокойствия. Он глухо зарычал, но Тарзан, догадавшись, что лев явился на водопой уже после завтрака, лишь немного отклонился с тропинки и вышел к реке в другом месте, в нескольких ярдах от бурого хищника. Он стал на четвереньки и погрузил лицо в прохладную воду. С минуту лев смотрел на человека, потом продолжил прерванное занятие. Человек и зверь утоляли жажду, стоя почти рядом, и со стороны могло показаться, что каждый из них забыл о присутствии другого.

Тарзан продолжал с наслаждением глотать воду, но краем глаза следил за каждым движением зверя, пока тот, напившись, не скрылся из виду.

Тарзан окунулся в прохладные струи, позавтракал яйцами, которые нашел в тростниках, и пошел вверх по реке к развалинам дома, где недавно лежала груда слитков.

Велико было его изумление и огорчение, когда, подойдя к месту битвы, он увидел, что желтые слитки исчезли. Из земли, истоптанной ногами людей и копытами лошадей, слитки словно испарились.

Все исчезло: красивые камешки, желтый металл, самка, его собственные воспоминания. Тарзан был недоволен, Тарзану все опротивело и надоело. Он вернется в джунгли и отыщет Чолка. И он побежал к джунглям и на опушке с проворностью обезьяны взобрался на деревья.

Два дня бродил он таким образом по лесу. Ел, пил и спал, когда того требовал его организм, убивал, когда иссякали запасы, и нимало не заботился о будущем. На третий день утром до его ноздрей донесся слабый запах лошади и человека. Не медля ни минуты, он переменил направление и потихонечку по ветвям деревьев стал двигаться навстречу запаху.

Вскоре он увидел одинокого всадника. В первый же момент зрение подтвердило то, что обоняние только подозревало: всадник был человеком, который украл его камешки. Гневный огонек появился в серых глазах человека-обезьяны. Он спустился на нижнюю ветку. Один быстрый прыжок, и Верпер почувствовал, как что-то тяжелое упало на круп его перепуганной лошади. Лошадь захрапела и бросилась вперед. Стальные руки обвились вокруг всадника. Он и моргнуть не успел, как его стащили с седла, и через секунду он уже лежал поперек тропинки, и голый гигант придавил ему грудь коленом.

Верпер с первого взгляда узнал Тарзана, и лицо его покрылось мертвенной бледностью. Он пытался крикнуть, просить, умолять, но жестокие пальцы не дали ему говорить.

— Где красивые камешки? — кричал человек, сидевший на его груди.— Что вы сделали с красивыми камешками Тарзана?

Пальцы вокруг его горла разжались, чтобы получить ответ. Некоторое время Верпер задыхался от кашля.

Наконец он овладел собой и заговорил:

— Араб Ахмет-Зек украл их у меня! Он заставил меня отдать ему сумочку.

— Я видел это,— ответил Тарзан,— но там были только такие камешки, которые покрывают берега рек. Даже арабу они были не нужны, он с гневом отшвырнул их, когда обнаружил подмену. Нет, мне нужны мои хорошие камешки. Где они?

— Я не знаю, я не знаю! — кричал Верпер.— Я отдал их Ахмет-Зеку, потому что иначе он убил бы меня. Через несколько минут он последовал за мной по тропинке, хотя и обещал больше меня не трогать, а я застрелил его. Я обыскал его, но не нашел сумочки.

— Я нашел ее, говорю я вам! — взревел Тарзан,— я нашел камешки, которые Ахмет-Зек отбросил с презрением. Вы спрятали их. Скажите мне, где они, или я убью вас!

И загорелые пальцы еще сильнее сжали горло бельгийца.

Верпер старался высвободиться.

— Боже мой, лорд Грэйсток! — с трудом прохрипел он.— Неужели вы совершите убийство из-за горстки камней?

Пальцы Тарзана разжались, удивление и недоумение отразились в серых глазах.

— Лорд Грэйсток! — повторил человек-обезьяна.— Лорд Грэйсток! Как это лорд Грэйсток? Где я слышал это имя?

— Да ведь вы же сами лорд Грэйсток! — воскликнул бельгиец.— Вы были ушиблены осколком скалы в туннеле Опара во время землетрясения. Вы пришли туда с вашими черными вазири за золотыми слитками из подземной комнаты. От ушиба вы утратили память. Вы Джон Клейтон, лорд Грэйсток; разве вы не помните?

— Джон Клейтон, лорд Грэйсток,— повторил Тарзан.

Несколько минут он молчал и сосредоточенно думал. Он провел дрожащей рукой по лбу, и вдруг в глазах его засветилась искорка понимания. Забытое имя разбудило смутные воспоминания, так мучительно преследовавшие Тарзана. Человек-обезьяна отпустил горло бельгийца и вскочил на ноги.

— Джен! — крикнул он и резко повернулся к бельгийцу.— Моя жена? — спросил он.— Что сталось с ней? Все мое имение разрушено. Вы имели какое-то отношение ко всему этому. Вы пошли за мной в Опар, вы украли драгоценности, которые я считал просто красивыми камешками. Вы подлец и вор! Не старайтесь разубедить меня.

— Он хуже, чем вор,— произнес спокойный голос позади них.

Тарзан с удивлением обернулся. На тропинке в нескольких шагах стоял высокий человек в военной форме. За ним несколько черных солдат в форме свободного штата Конго.

— Он — убийца, сэр! — продолжал офицер.— Я давно разыскивал его, чтобы предать суду за убийство старшего офицера.

Верпер поднялся с земли бледный, трясущийся от ужаса. Судьба все-таки настигла его, выискала в глухих, непроходимых джунглях! Он инстинктивно устремился вперед, чтобы бежать, но Тарзан схватил его за плечо.

— Подождите! — сказал человек-обезьяна своему пленнику.— Вы нужны этому господину и мне тоже. Когда я разделаюсь с вами, он сможет получить вас. Скажите, что стало с моей женой?

Бельгийский офицер с любопытством оглядывал почти голого белого гиганта. Странный контраст представляли примитивный наряд и вооружение с той легкостью и беглостью, с которой этот человек говорил по-французски.

Первое говорило о низшей, второе — о высшей ступени культуры. Он никак не мог определить социальное положение этого странного существа; но ему совершенно не нравился диктаторский тон, которым этот молодец изъявил права на его пленника...

— Простите меня,— проговорил он, выступая вперед и опуская руку на другое плечо Верпера,— но этот человек — мой арестант. Он должен пойти со мной.

— Он пойдет с вами, когда я сведу с ним счеты,— спокойно ответил Тарзан.

Офицер повернулся и сделал знак солдатам, стоявшим на тропинке позади него.

Кучка чернокожих быстро окружила Тарзана и его пленника.

— Закон и сила на моей стороне! — заявил офицер.— Не будем спорить. Если у вас есть личные счеты с этим человеком, вы можете пойти вместе с нами и в общем порядке подать на него жалобу в авторитетный суд.

— Ваши законные права весьма сомнительны, друг мой,— ответил Тарзан,— и ваше приказание имеет только кажущуюся, а не действительную силу. Вы осмелились вступить на британскую территорию с вооруженными людьми. Кто дал вам право на такое вторжение? Где бумаги, уполномочивающие вас на арест этого человека? И откуда у вас уверенность, что я не могу привести сюда вооруженный отряд, который воспрепятствует вашему возвращению в свободный штат Конго?

Офицер потерял терпение.

— Я не намерен вступать в переговоры с голым дикарем,— закричал он.— Если вы не хотите сами пострадать, не вмешивайтесь в мои дела. Сержант, возьмите арестованного!

Верпер прошептал Тарзану:

— Не отдавайте меня им, я покажу вам место, где прошлой ночью видел вашу жену. Она не может уйти далеко отсюда.

Солдаты по знаку сержанта подошли, чтобы схватить дезертира. Тарзан схватил Верпера, поднял его одной рукой, как он поднял бы мешок муки, и прыгнул вперед, пытаясь прорваться сквозь кольцо солдат. Кулаком он ударил в лицо ближайшего солдата и отбросил его в толпу. Он вырывал винтовки из рук тех, кто преграждал ему дорогу, и черные солдаты падали направо и налево под могучим натиском человека-обезьяны.

Чернокожие не решались стрелять из опасения ранить кого-нибудь из своих. Тарзан уже протолкался сквозь толпу, но один из солдат, подкравшись сзади, нанес ему тяжелый удар прикладом по голове. Тарзан упал, и в следующий момент с дюжину черных солдат уже сидели на нем. Когда он очнулся, то понял, что крепко связан — точно так же, как и Верпер. Бельгийский офицер, довольный тем, что погоня увенчалась успехом, пришел в хорошее настроение. Он подтрунивал над арестованными, говоря, что сам не рассчитывал на такую быструю и легкую победу. Тарзан молчал, зато Верпер был очень разговорчив и громко высказывал свое возмущение. Он уверял, что Тарзан — английский лорд, но офицер только рассмеялся, услышав это, и посоветовал пленнику приберечь красноречие для оправдания перед судом.

Как только Тарзан пришел в себя и обнаружилось, что повреждение его несерьезно, весь отряд двинулся к пограничной линии свободного штата Конго.

К вечеру отряд остановился у реки и стал готовить ужин. Из густой листвы джунглей пара диких глаз с напряженным вниманием следила за деятельностью черных солдат. Из-под нахмуренных бровей лохматое существо наблюдало за тем, как устраивалось заграждение, раскладывались костры и приготовлялся ужин.

Тарзан и Верпер лежали связанные за грудой походных ранцев. Когда ужин был готов, охранявший их солдат приказал им встать и подойти к огню.

Когда гигантский человек-обезьяна поднялся, выражение удивления появилось в глазах существа, сидевшего на дереве в джунглях, и глухой гортанный звук слетел с его губ. Тарзан моментально насторожился, но ответный крик замер у него на губах: Тарзан боялся вызвать подозрение солдат.

Вдруг его осенила блестящая мысль. Он повернулся к Верперу:

— Я сейчас обращусь к вам громко на языке, которого вы не понимаете. Сделайте вид, что вы внимательно прислушиваетесь к моим словам, и время от времени бормочите что-нибудь такое, что могло бы казаться ответом на том же языке. Наше спасение зависит от того, как вы справитесь с этой задачей.

Верпер кивнул головой в знак согласия, и тотчас же Тарзан заговорил на странном наречии, которое с одинаковым успехом могло быть лаем собаки и болтовней мартышки.

Солдаты с удивлением посмотрели на человека-обезьяну. Некоторые из них рассмеялись, некоторые отодвинулись от него в суеверном страхе. Офицер приблизился к арестованным и остановился позади них, с интересом и любопытством прислушиваясь к странному языку. Когда Верпер пробормотал в ответ какую-то чепуху, он не выдержал и, подойдя поближе, спросил, на каком языке они говорят.

Судя по разговорам, которые офицер вел с арестованными во время перехода, Тарзан догадывался приблизительно о степени его образованности и, руководствуясь этим, объявил, что они говорили по-гречески.

— О, я так и думал! — ответил офицер.— Но с тех пор, как я изучал его, прошло столько лет, что я не был уверен. В будущем, однако, я очень бы просил вас изъясняться на языке более мне знакомом.

Верпер отвернулся, чтобы скрыть усмешку, и прошептал:

— Что ж! Он принял это за греческий — и прекрасно!

Но один из чернокожих солдат пробормотал своему товарищу:

— Я уже слышал эти звуки раньше. Однажды ночью я заблудился в джунглях и слышал, как волосатые люди на деревьях разговаривали между собой, и их слова были похожи на слова этого белокожего. Лучше бы нам было не находить его. Он не человек, он — злой дух, и с нами случится несчастье, если мы не отпустим его!

И негр с ужасом посмотрел в черные джунгли.

Его товарищ нервно рассмеялся и подошел к группе солдат, чтобы рассказать им с вариациями и преувеличениями то, что он слышал. Через полчаса личность великана-пленника была окружена целой легендой о черной магии и внезапных таинственных смертях.

А далеко в окутанных ночной мглою джунглях волосатое человекоподобное существо по ветвям деревьев неслось на юг по какому-то таинственному поручению.

XXIII
Ужасная ночь

Джен Клейтон сидела в ветвях дерева, где оставил ее Верпер, и ей казалось, что эта долгая ночь никогда не кончится. Но наконец взошло солнце, и через час на тропинке показался одинокий всадник. Сердце молодой женщины вновь наполнилось надеждой.

Просторный бурнус и широкий капюшон скрывали лицо и фигуру всадника, но Джен хорошо знала, что это Фреко: ведь и он носил арабский костюм, а кроме него никто не знал, что она здесь, и только он мог прийти за ней. Но она не разглядела ни темного лица под белым капюшоном, ни колонны смуглолицых всадников, медленно ехавших за поворотом тропинки следом за своим предводителем.

Наклонившись вперед, она радостным криком приветствовала приближающегося всадника. При первом ее слове человек взглянул вверх; Джен увидела темное лицо Абдул-Мурака и в ужасе отпрянула назад, но было поздно. Он крикнул, чтобы она спустилась. Она поняла, что сопротивление бесполезно, медленно слезла на землю и, подойдя к абиссинцу, во имя человеколюбия и справедливости стала просить отпустить ее.

Рассерженный недавним поражением, потерей золота и бегством пленников, Абдул-Мурак менее всего был склонен внять мольбам женщины.

Разжалование, а может быть и смерть ждали его дома за неудачи и несчастья, постигшие экспедицию. Но хороший подарок мог смягчить гнев Менелика, и уж, конечно, этот нежный цветок чужой расы будет принят императором с большой благосклонностью.

Когда Джен замолчала, он кратко ответил, что готов оказать ей покровительство, но должен отвезти ее к своему повелителю.

Молодой женщине незачем было спрашивать, зачем она нужна его императору, и надежда снова погасла в ее душе. Она покорно дала поднять себя в седло позади одного из солдат и под новым конвоем поехала навстречу тому, что теперь уже казалось ей неизбежной судьбой.

В битве с разбойниками Абдул-Мурак потерял проводников. Сам он был совершенно незнаком с местностью и сбился с дороги. Он направился на запад в надежде наткнуться на какую-нибудь деревню, где мог бы найти проводников. Но, когда наступила ночь, он был так же далек от своей цели, как и на заре.

Унылые, павшие духом, мучимые голодом и жаждой абиссинцы расположились лагерем в дикой чаще джунглей. Львы, привлеченные лошадьми, дико рычали подле тернистого заграждения, и гул их диких голосов еливался с ржаньем насмерть перепуганных коней. Ни люди, ни звери не могли заснуть. Число часовых было удвоено, не столько на случай нападения львов, сколько для поддерживания костров, которые были лучшей защитой от зверей, чем тернистое заграждение.

Было около полуночи, но Джен, несмотря на бессонницу прошлой ночи, не могла даже задремать. Предчувствие несчастья, словно черный полог, висело над лагерем. Храбрые воины абиссинского императора нервничали и волновались. Абдул-Мурак то и дело подымался со своего ложа и беспокойно шагал взад и вперед между привязанными лошадьми и трещащими кострами. Молодая женщина видела его огромный силуэт на фоне яркого пламени костров и по его быстрым, нервным движениям поняла, что он боится.

Рычанье львов становилось все громче и яростнее. Лошади пронзительно ржали, стараясь порвать сдерживавшие их путы.

Огромный лев, свирепый и бесстрашный, подскочил к самой ограде, ярко освещенной пламенем костра. Часовой поднял ружье и выстрелил, и крошечный свинцовый шарик навлек все силы ада на маленький лагерь.

Пуля оставила глубокую болезненную борозду в боку зверя и привела его в неописуемую ярость, но не лишила мощи и силы. Боль и ярость заставили его забыть об осторожности, и с громким злобным ревом он одним прыжком перескочил через барьер и очутился среди лошадей.

Лошадь, на которую кинулся лев, отчаянно ржала от страха и боли. Остальные порвали свои путы и бешено метались по всему лагерю. Люди бросились к заграждениям с ружьями наготове, и вдруг из джунглей целое стадо львов, ободренных примером товарища, бесстрашно напало на лагерь.

Поодиночке, по двое, по трое перескакивали они через заграждение, и маленькое пространство лагеря наполнилось криками и воплями людей и ржаньем лошадей, отчаянно борющихся за свою жизнь с зеленоглазыми чудовищами джунглей.

Джен стояла, пораженная ужасом, глядя на кровавую бойню, кипевшую вокруг нее. Мчавшаяся во весь опор лошадь сбила ее с ног, а через секунду лев, гнавшийся за другой насмерть перепуганной лошадью, тоже задел ее, и она снова упала на землю.

Среди треска ружейной пальбы и рева хищников слышались стоны жертв, схваченных обезумевшими от запаха крови львами. Скачущие хищники и мечущиеся лошади мешали абиссинцам действовать совместно: каждый думал только о себе — и в общей схватке беззащитная женщина была совершенно забыта. Спастись было невозможно. Вокруг жужжали пули солдат, неслись лошади, рыскали львы.

Пораженная случайной пулей лошадь упала возле Джен, лев прыгнул через тушу умирающего животного на воина, стоявшего напротив. Человек поднял свое ружье и ударил им по широкой голове Нумы, но в следующий момент, крича от ужаса, солдат слабыми кулаками колотил лохматую грудь в напрасном старании оттолкнуть от себя огромную кошку. Лев опустил голову; разверзстая пасть с желтыми клыками закрылась над искаженным от ужаса лицом, и череп хрустнул в зубах хищника. Он перешагнул через труп лошади и поволок за собою безжизненную окровавленную ношу.

Труп мешал льву двигаться, и это еще больше разъярило его. Он злобно тряс безжизненное тело. Он ворчал и рычал, и бросил наконец предмет, который стеснял его движения. Он поднял голову и оглянулся в поисках новой жертвы, на которой он бы мог сорвать злобу. Гневные желтые глаза остановились на женщине, щетинистые губы раскрылись, обнажив клыки. Ужасающий рев вырвался из дикой груди, громадный зверь приник к земле и приготовился к прыжку на беззащитную жертву.

* * *

Рано заснул лагерь, в котором лежали крепко связанные Верпер и Тарзан. Двое чутких часовых мерно шагали взад и вперед, внимательно вглядываясь в непроницаемую мглу джунглей.

Тарзан не спал. Тихо, но мощно растягивал он веревки, связывавшие его кисти. Мускулы напряглись под гладкой загорелой кожей его плеч и рук, жилы на лбу вздулись от напряжения. Одна веревка порвалась, другая, третья — и правая рука освободилась.

Из джунглей донесся глухой гортанный звук, и человек-обезьяна застыл, безмолвный и неподвижный как статуя. Его уши и ноздри сквозь черную мглу старались уловить то, чего не могли разглядеть глаза.

Опять раздался таинственный звук в густой листве за лагерем. Часовой внезапно остановился, пытаясь разглядеть что-нибудь во мраке. Волосы встали дыбом на его голове. Он глухим шепотом окликнул своего товарища.

— Ты слышал? — спросил он.

Тот, дрожа, подошел поближе.

— Что слышал? — спросил он.

Снова повторился странный звук, и сейчас же в ответ раздался такой же звук из лагеря. Часовые прижались друг к другу, вглядываясь в черную пустоту, откуда донесся голос. Они онемели от страха и, не посмев даже разбудить своих товарищей, стояли в ожидании чего-то ужасного.

Часовым недолго пришлось ждать. Большое темное

существо спрыгнуло с дерева в лагерь. При виде этого призрака один из часовых пришел в себя. Он громко закричал, чтобы разбудить товарищей, и, подскочив к костру, подбросил в него охапку хвороста.

Белый офицер и черные солдаты вскочили на ноги. Пламя костра поднялось высоко, освещая весь лагерь, и проснувшиеся люди в суеверном страхе отступили назад перед тем, что представилось их глазам.

Десять-двенадцать огромных волосатых чудовищ показались на противоположном конце лагеря. Белый великан при помощи одной освобожденной руки поднялся на колени и кричал что-то этим страшным ночным посетителям на странном лающем языке.

Верперу удалось сесть. Он тоже видел дикие лица приближающихся человекоподобных и не знал, радоваться ему или пугаться. Огромные обезьяны с ревом подскочили к Тарзану и Верперу. Чолк шел впереди. Бельгийский офицер громко крикнул, приказывая своим людям стрелять. Но негры не двигались, исполненные суеверного страха перед волосатыми лесными людьми и уверенные, что белый великан, который может сзывать зверей джунглей, больше, чем просто человек.

Вытащив револьвер, офицер выстрелил, и Тарзан, зная, какое впечатление произведет пальба на его робких друзей, крикнул им, чтобы они поторопились.

При звуке выстрела несколько обезьян повернулись и бросились бежать. Но Чолк и с полдюжины других по приказанию человека-обезьяны схватили его и Верпера и понесли с собою в джунгли.

Путем угроз, упреков и ругательств бельгийскому офицеру удалось уговорить свою дрожащую черную команду дать залп по удалявшимся обезьянам.

Это был разрозненный, разорванный залп, но одна пуля попала в цель. Когда джунгли скрыли волосатых спасителей, Чолк, несший Верпера на широком плече, зашатался и упал.

Через секунду он снова был на ногах, но по его нетвердой походке Верпер понял, что тот тяжело ранен. Он ковылял далеко позади остальных и только спустя несколько минут после того, как они по приказанию Тарзана остановились, медленно доплелся до них, покачиваясь из стороны в сторону, и свалился под тяжестью своей ноши.

Падая, Чолк уронил Верпера лицом вниз, и тело обезьяны легло поперек его спины. Руки Верпера, все еще связанные, почувствовали прикосновение какого-то матерчатого предмета. Совершенно механически пальцы ощупали его. Это была мягкая сумка, наполненная маленькими твердыми зернышками. У Верпера захватило дыхание. Он узнал этот предмет. Это было невероятно — и все же это была истина.

Он лихорадочно пытался снять сумочку с обезьяны, но связанные руки не могли справиться с этой задачей. Ему, однако, удалось засунуть сумочку за пояс своих брюк.

Тарзан сидел неподалеку и распутывал последние узлы связывавших его веревок. Наконец он отбросил их от себя и поднялся на ноги. Он подошел к Верперу и, опустившись на колени, стал осматривать обезьяну.

— Чолк мертв! — объявил он.— А какое это было великолепное существо!

Он наклонился к Верперу и стал разрывать его путы. Прежде всего он освободил руки и потом занялся узлами на лодыжках.

— Я справлюсь с остальным,— сказал бельгиец.— У меня есть маленький перочинный нож, который не заметили, обыскивая меня.

Таким образом он избавился от услуг человека-обезьяны, открыл свой ножичек и перерезал ремень, удерживающий сумочку на плече Чолка. Справившись с этим, он переложил ее из-за пояса к себе за пазуху.

Жадность снова овладела Верпером. Забыты были все добрые намерения, пробужденные в нем доверием Джен Клейтон. То, что сделало доверие — уничтожила алчность.

Верпер не мог представить, каким образом самоцветы попали к большой обезьяне. Может быть, человекоподобное существо видело его стычку с Ахмет-Зеком и забрало их себе? Во всяком случае, он вновь обрел сокровища Опара: это было несомненно, и это было все, что нужно было знать Верперу.

— Теперь,— сказал человек-обезьяна,— исполните ваше обещание и покажите место, где вы видели мою жену.

Идти за медленно двигавшимся бельгийцем было утомительно и скучно. Человека-обезьяну раздражало промедление, но европеец не умел бежать по ветвям, как его спутники, и поэтому приходилось терпеть.

Обезьяны некоторое время шли за ними, но потом им это надоело. Одна из них остановилась на лужайке, и остальные присели рядом. Они из-под нахмуренных бровей смотрели вслед удалявшимся людям, пока те не скрылись из виду. Тогда одна обезьяна растянулась под деревом, другие последовали ее примеру. Тарзана поведение обезьян нисколько не удивило и не огорчило. Внимание его было отвлечено другим: издалека донеслось львиное рычание.

Тарзан не обратил бы внимания на знакомые звуки, но с той же стороны до него долетел звук выстрела. А когда за ним последовало отчаянное ржание лошадей и почти беспрерывная перестрелка, сопровождаемая свирепым рычанием львов, он сразу же насторожился.

— Кто-то попал в беду,— сказал он, поворачиваясь к Верперу.— Я пойду туда. Это могут быть друзья.

— Может быть, ваша жена с ними,— сказал бельгиец.

Найдя сумочку, он стал бояться человека-обезьяны и все время думал, как бы скрыться от этого гиганта-англичанина, который одновременно был его освободителем и тюремщиком.

При этих словах Тарзан ускорил шаг, словно его подстегнули хлыстом.

— Боже мой,— крикнул он,— она может быть там, и на них нападают львы! Они уже в лагере, я слышу это по ржанью лошадей, а вот это кричит человек. Оставьтесь здесь. Я вернусь к вам.

И, вскочив на дерево, он быстро понесся вперед, тихо и неслышно, как бестелесный дух.

Минуту Верпер стоял на месте. Потом хитрая улыбка появилась у него на губах.

— Остаться здесь? — проговорил он про себя.— Остаться здесь и ждать, пока ты вернешься и отнимешь мое сокровище? Нет, мой друг, я не дурак.

Повернув на запад, Альберт Верпер пробрался сквозь густую сетку вьющихся растений и исчез, словно призрак.

XXIV
Домой

По мере того, как Тарзан приближался к лагерю абиссинцев, все сильнее становилась его уверенность, что люди не могут справиться с рассвирепевшими хищниками. Наконец между деревьями показался огонь костров, и в следующую секунду человек-обезьяна повис над лагерем. Он кинул быстрый взгляд на кровавую бойню

внизу, и сразу охватил все поле битвы. Глаза его остановились на фигуре женщины, стоявшей в двух шагах от огромного льва. Только круп лошади отделял ее от свирепого хищника.

Положение казалось Джен таким безвыходным, что она словно окаменела под взглядом льва и с полной апатией ожидала его нападения.

К чему бежать? Не лучше ли пасть сейчас же? Ведь все равно спасения нет. Она даже не закрыла глаз, когда увидела, как лев подобрал под себя задние ноги, готовясь к прыжку; и в этот момент кто-то спрыгнул с дерева на землю.

Тарзан, ее Тарзан был жив! Крик невыразимой радости сорвался с ее губ и замер, когда она увидела, что ее муж совершенно безоружен и что лев, оправившись от неожиданности, повернулся к Тарзану, чтобы отомстить.

У ног человека-обезьяны лежало разряженное ружье убитого абиссинца. Быстрый взгляд, искавший на земле какое-нибудь орудие для защиты, заметил винтовку, и, когда лев поднялся на задние лапы, чтобы разорвать дерзкое существо, осмелившееся встать между Нумой и его добычей, тяжелое ружье с шумом рассекло воздух и раскололось на широкой голове.

Бездыханный лев упал на землю, и Джен бросилась в объятия мужа. Со всех сторон львы нападали на новые жертвы. Метавшиеся лошади угрожали растоптать их. Пули еще оставшихся в живых абиссинцев жужжали над их головами.

Оставаться здесь дольше — значило погибнуть. Тарзан схватил свою Джен и поднял ее на плечо. Абиссинцы видели, как голый гигант прыгнул с дерева, и теперь с удивлением смотрели, как он исчез в ветвях так же неожиданно, как и появился, унося с собой их пленницу.

С сердцем, переполненным радостью, Тарзан направлялся со своей драгоценной ношей к тому месту, где он оставил Верпера. Он был так счастлив, что решил простить бельгийца и даже помочь ему скрыться от преследующих его властей. Но Верпера на месте не оказалось. Тарзан несколько раз выкликал его имя, но ответа не последовало.

Убедившись, что человек умышленно скрылся от него, Джон Клейтон решил, что он вовсе не обязан подвергать свою жену дальнейшим опасностям, пустившись на поиски бельгийца.

— Своим бегством он признал свою вину, Джен,— сказал он.— Мы предоставим его участи, которую он сам себе уготовил.

Молча, охваченные радостью и тихой печалью, шли они сквозь знакомые джунгли. Под вечер до Тарзана долетел слабый звук.

— Мы приближаемся к вазири, Джен,— сказал он.— Я слышу их голоса. Они, вероятно, сделали привал на ночь.

Через полчаса они подошли к толпе черных воинов, которых Басули созвал на войну против разбойников. С ними были женщины их племени, которых они освободили в деревне Ахмет-Зека. Рядом с Басули стоял высокий черный воин, бросавшийся в глаза даже среди великанов вазири. Это был Мугамби, которого Джен считала погибшим под обгоревшими развалинами.

О, что это была за встреча! До поздней ночи пляски, песни и смех будили звонкое эхо темного леса. Вновь соединившиеся друзья без конца рассказывали друг другу о своих приключениях, своих битвах с дикими зверями и дикими людьми, и заря уже занималась, когда Басули в сотый раз описывал, как он с кучкой своих воинов наблюдал за битвой абиссинцев и разбойников, и, когда разбойники бежали, они вылезли из тростников и унесли драгоценные слитки, чтобы запрятать их в таком месте, где никогда не обнаружат их никакие разбойники. Из их отдельных воспоминаний о бельгийце выяснилась картина предательства Альберта Верпера. И только одна леди Грэйсток нашла в нем кое-что достойное похвалы, но и ей трудно было связать его многочисленные гнусные поступки с единственным примером чести и благородства.

— Глубоко в сердце каждого человека заложено зерно справедливости,— сказал Тарзан.— Твое доверие больше даже, чем твоя беспомощность, пробудили на мгновение заснувшую совесть этого падшего человека. Одним поступком он искупил все.

Прошло несколько месяцев. С помощью золота Опара верные вазири восстановили разрушенные поместья Грэйстоков. Жизнь обширной африканской фермы вошла в свое русло и потекла тихо и мирно, как до прихода Верпера и араба. Забыты были горе и невзгоды прошлого.

Впервые после долгих месяцев труда лорд Грэйсток разрешил себе маленькое развлечение. Была устроена большая охота, чтобы преданные труженики могли отпраздновать окончание своей работы.

Затея оказалась очень удачной, и через десять дней тяжело нагруженные охотники повернули обратно к равнине Вазири.

Лорд и леди Грэйсток с Мугамби и Басули ехали впереди колонны, смеясь и разговаривая с той дружеской фамильярностью и свободой, которыми общность интересов связывает честных и умных людей всех рас и племен.

Вдруг лошадь Джен испуганно попятилась от какого-то предмета, скрытого в траве лесной поляны. Зоркий глаз Тарзана искал объяснение испуга лошади.

— Что это? — воскликнул он, соскакивая с седла.

Через минуту все четверо окружили кучку человеческих костей и череп, лежавшие в траве.

Тарзан нагнулся и поднял кожаную сумочку, которая застряла между обглоданными костями. Крик удивления сорвался с его губ, когда он прощупал маленькие круглые предметы внутри ее.

— Сокровища Опара! — воскликнул он, высоко поднимая сумочку.— А вот это — все, что осталось от Верпера!

И он указал на кости у своих ног.

Мугамби засмеялся.

— Чему ты смеешься? — спросил Тарзан.

— Я наполнил сумочку бельгийца речными камешками, прежде чем убежал из лагеря абиссинцев. Я оставил бельгийцу простые камни и взял с собой то, что он украл у тебя. Открой сумочку — и ты увидишь.

Тарзан распутал ремешок и высыпал горстку камешков к себе на ладонь. Глаза Мугамби широко раскрылись от удивления, а Джен громко вскрикнула от восторга, когда из порыжевшей истасканной сумочки посыпались блестящие, ярко сверкающие камешки.

— Сокровища Опара! — воскликнул Тарзан.— Но как попали они снова к Верперу?

Никто не мог ответить на этот вопрос, потому что Чолк и Верпер были мертвы, а кроме них никто этого не знал.

— Бедняга! — проговорил человек-обезьяна, вскакивая в седло.— Даже после смерти он вернул мне потерянное. Пусть же его грехи покоятся вместе с его костями!

Эдгар
БЕРРОУЗ

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНА

Честь обнародовать эту историю принадлежит Буйному Пату Моргану, хохочущему, отчаянному, черноволосому потомку славных ирландских забияк.

Она и посвящена Пату Моргану, бывшему пилоту, лейтенанту американских ВВС, экс-изобретателю, боксеру-любителю, а главным образом — великолепному собутыльнику.

Мы должны были обедать вместе в «Вандоме» в тот день. Я дожидался Пата в баре, обсуждая вместе с прочими исчезновение борца-профессионала по прозвищу Скала. Без сомнения, все помнят его стремительный взлет к славе и как спортсмена, и как высокооплачиваемой кинозвезды. Его исчезновение занимало всех не меньше десяти дней. Мы пытались решить, похитили Скалу или полученные письма с требованием выкупа — дело рук какого-нибудь психа, когда вошел Пат Морган с экстренными выпусками «Геральд» и «Экспресс», которыми размахивали газетчики на улице.

Я пошел с Патом к нашему столику; он выложил газеты. Кричащий заголовок занимал чуть ли не полстраницы.

— Так его нашли! — воскликнул я.

Пат Морган кивнул.

— Полиция нашла не только его, но и меня. Я только что из главного управления.— Он пожал плечами, нахмурился и медленно заговорил.

— Мне всегда нравилось возиться со всякими изобретениями. Когда жена умерла, я постарался забыться, сосредоточившись на лабораторной работе. Это была плохая замена тому, что я потерял, но думаю, все же это меня спасло.

Я работал над новым горючим, куда дешевле и компактнее, чем газолин; но я обнаружил, что оно потребует радикальных изменений в устройстве двигателя, а у меня не было денег, чтобы перевести чертежи в металл.

Почти тогда же умер мой дед и оставил мне приличное состояние. Большая часть его ушла на экспериментальные модели, и вот, наконец, я отладил одну. Штучка вышла — просто блеск.

Я купил корпус и установил в нем двигатель, затем попытался продать и двигатель и горючее государству, но не тут-то было. Как только я доходил в официальных переговорах до некоей точки, я словно утыкался в невидимую каменную стену и застревал намертво.

Я так никогда и не узнал, кто или что тормозило меня, но я вспоминал тот случай с паровиком Добла.

Затем я обозлился и начал игру с русскими. В Европе снова задували ветры войны, и советские товарищи решительно заинтересовались новой авиационной техникой.

В ходе переговоров я и встретил доктора Стэйда, тоже контактировавшего с русскими. Профессор Марвин Стэйд, таковы были его полный титул и имя, был парнем что надо. Здоровяк, плотного сложения, холерического темперамента и с самыми пронзительными синими глазами, какие мне доводилось видеть. Вы наверняка читали в газетах об экспериментах Стэйда с замороженными собаками и мартышками. Он замораживал их в камень на дни и недели, затем оттаивал и возвращал к жизни. Он осуществил также уникальные исследования по части гипнотического обезболивания при операциях. Но Ассоциация хирургов и Министерство здравоохранения разнесли вдребезги его программу, поэтому он был в ярости. Мы с ним были два сапога пара, оба озверевшие, и у нас были к этому все основания. Один Господь знает, насколько честно мы боролись за наше дело — он за победы над болезнями, я — за прогресс воздухоплавания!

Красные приняли доктора с распростертыми объятиями. Они согласились не только дать ему возможность продолжать эксперименты как угодно широко, но и финансировать их. Они даже пообещали разрешить ему употреблять людей в качестве подопытных. Я думаю, что у них в распоряжении был большой запас контрреволюционеров.

Когда Стэйд узнал, что я планирую перегнать самолет в Москву, он спросил, нельзя ли ему со мной. Он любил рекламу в той же мере, что и науку, и известность ему совсем не претила. Я сказал, что риск слишком велик и что я не хочу брать на себя ответственность ни за чью жизнь, кроме своей собственной, но, презрительно фыркая, он своим обычным голосом отвергал каждое мое возражение. Наконец я пожал плечами и сказал: «О'кей».

Не буду утомлять вас деталями полета. Жаль, что вы не могли прочесть об этом в газетах, потому что просочись по официальным каналам хоть одно слово, нам бы оказали очень холодный прием. Пресса плотно закрыла всю информацию о нас, и точка. Были трудности с паспортами, отказы зарегистрировать самолет и все такое прочее. Но мы справились.

Двигатель работал отлично. Горючее — тоже. Все было отлично, включая мою навигацию, пока мы не оказались над самой забытой богом частью планеты — где-то в Северной Сибири, по моим картам. Именно там мой свежеизобретенный карбюратор и забарахлил.

К тому времени мы набрали десять тысяч футов высоты, но пользы от этого было мало. Приземлиться было негде.

И тут я увидел крошечное желтое пятно впереди. Сверху оно казалось не больше моей ладони, но это было чистое место — крохотное святилище в самом сердце неприятельского лагеря. Мы сближались, и оно росло, пока не превратилось в несколько акров красновато-желтой земли, свободной от деревьев. Это был самый чудесный пейзаж из всех виденных мною раньше!

Когда машина прокатилась и остановилась на поразительно ровной земле, я повернулся и поглядел на доктора Стэйда. Он закуривал сигарету. Его спичка догорела, он ухмыльнулся, и я понял, что он в порядке. Смешно, но никто из нас не заговорил с тех пор, как смолк мотор. Да и что было говорить?

Мы вылезли и огляделись. Неподалеку маленькая речка бежала на север, чтобы в конце концов припасть к Ледовитому океану. Спасший нас клочок земли находился к западу от изгиба реки. На восточной стороне вид-

нелся крутой утес, поднимавшийся над рекой футов на триста. Нижний слой выглядел как грязное стекло.

Когда мы приготовили и съели ужин, зарядил дождь. Долгие северные сумерки были стерты сердитыми тучами, что катились низко-низко с севера. Гром рушился на нас. Молнии рассыпали бледные бриллианты вокруг. Мы заползли в кабину и расстелили подстилки и одежду на полу за сиденьями.

Дождь все лил. То, что он когда-то сделал с древней Арменией за сорок дней и сорок ночей, с безымянной рекой где-то в Сибири он сделал за одну ночь. Никогда не забуду этот потоп.

На следующее утро вода бежала по новому руслу в нескольких ярдах от самолета, а утес отступил по крайней мере футов на пятьдесят к востоку. Передняя часть его обрушилась в реку и была снесена. Нижний слой был чистым, сверкающим льдом.

— Это интересно,— сказал доктор.

Спустившись к краю реки до нового утеса, он вдруг громко позвал меня. Я никогда не видел, чтобы профессор проявлял столько энтузиазма, разве что когда он честил своих неприятелей — медиков. Пришлось бежать.

Ничего такого восхитительного я сначала не увидел.

— Что это тебя так заинтересовало? — спросил я.

— Иди сюда, ирландец тупой, и погляди на человека пятидесяти тысяч лет от роду, а то и постарше! — Стэйд наполовину немец, наполовину шотландец, только это и объясняет его жуткий юмор.

Он был одет в меха и оброс могучей бородой. Человек лежал на боку, подложив руку под голову, словно крепко спал.

Стэйд был в экстазе. Он стоял там, выкатив глаза, и таращился на тело. Наконец шумно перевел дыхание.

— Ты сознаешь, Пат, что мы смотрим на человека, жившего пятьдесят тысяч лет назад, человека каменного века?

— Это подарок для тебя, док,— сказал я.

— Для меня? О чем ты?

— Ты можешь оттаять его и вернуть к жизни.

Мое предложение было шуткой, однако Стэйд был убийственно серьезен, когда принялся за дело. От меня толку было немного, потому что через пару дней я свалился в странной комбинации простуды и лихорадки, отчего бóльшую часть времени был слегка не в себе. Но когда я мог, я работал.

Две недели у нас ушло на постройку грубой хижины из молодых стволов, скрепленных глиной. Там были очаг и скамья для принадлежностей, захваченных с собой Стэйдом. Еще две недели мы вырубали нашего пещерного человека изо льда. Мы вынуждены были быть очень осторожными: была опасность расколоть его.

Я дал ему имя. Во льду, облаченный в шкуры, с мохнатым лицом, он был похож на громадного мордатого медведя-гризли, которого я видел однажды в Йеллоустоуне. Звали того гризли Джимбер-Джо, так же я окрестил и наше открытие. Лихорадка меня шатала — я чувствовал себя, словно после недельного загула.

Стэйд развел в очаге ревущее пламя, и наша хижина-лаборатория нагрелась, как духовка. Пропеллер с самолета, медленно вращаясь, обеспечивал циркуляцию воздуха сквозь проделанное для этой цели отверстие в стене. Я помогал устанавливать ледяную глыбу с нашим подопытным перед огнем, затем, окончательно отупев, свалился, предоставив все прочее Стэйду. Это был его праздник.

Все прочее я помню довольно смутно. Сначала Стэйд сделал большому Джиму переливание крови. Донором был я. Потом он сделал ему инъекцию адреналина. Склонившись над обмякшим телом, доктор время от времени взглядывал на меня. В его глазах полыхало пламя. Внезапно он дернулся к своему пациенту, и я услышал его сдавленный вскрик.

Джимбер Джо открыл рот и зевнул!

Стэйд ввел ему полторы унции вытяжки передней доли гипофиза. Большой Джим сморщился и засучил пальцами. Он определенно оживал, и это меня испугало. Я чуть не зарыдал. Мы словно бы вмешивались в дела, вершить которые положено лишь Богу.

Мы сотворили чудо.

Большой Джим оказался отличной особью мужского пола, шесть футов три дюйма и красивая мускулатура. Лицо под бородой оказалось привлекательным, с правильными чертами, хотя челюсть была несколько тяжеловата. Стэйд сказал, что ему лет двадцать с небольшим.

Часа через два гость из прошлого сел и взглянул на нас. Нахмурившись, он быстро огляделся, будто ища оружие. Но его не было. Стэйд проследил за этим. Он попытался встать, но был еще слишком слаб.

— Не огорчайся, приятель,— сказал я ему, когда он наконец откинулся обратно. Он следил за нами: глаза его были широкими, спокойными и по-звериному внимательными. Затем он снова уснул.

Проболел он долго. Мы оба побаивались, что он не выкарабкается. Все это время мы нянчились с ним, как с младенцем; зато когда он начал поправляться, он стал доверять нам. Он больше не хмурился, не шарахался и не тянулся за оружием, когда мы оказывались поблизости; теперь он улыбался нам, и это была щедрая, привлекательная улыбка.

Сначала он бредил, все время говорил на странном языке, в котором ни слова было не разобрать, с плывущим «л» и долгими гласными. Одно слово он повторял в бреду чаще других — «лилами». Иногда оно звучало как молитва, иногда — с мукой и отчаянием.

Карбюратор я починил. Ничего серьезного с ним не произошло, просто слегка засорился. Мы могли лететь, ведь наводнение спало; но был Джимбер-Джо, которого мы для краткости стали называть Джимом. Нельзя же было оставлять его умирать, а для полета он был еще слишком слаб, поэтому мы и застряли.

Как только он достаточно окреп, начались уроки английского. Поначалу все шло невыразимо медленно. Но Джим оказался способным учеником, и, несмотря на отсутствие основ, быстро продвигался. У него была превосходная память. Он никогда ничего не забывал — если что-то узнавал, то навсегда.

Было бы слишком долго рассказывать о неделях его выздоровления и обучения. Он полностью поправился и научился говорить по-английски — и превосходно, потому что Стэйд высокообразованный человек. Это хорошо, что Джим научился английскому не у меня — казармы и ангары не то место, где можно приобрести академический выговор.

Если Джим был интересен нам, вообразите, чем были для него мы. Однокомнатная хижинка, выстроенная нами, казалась ему чудом архитектуры. Он рассказал, что его народ жил в пещерах, и он все думал, что это за странную пещеру мы нашли, пока мы не объяснили ему, что построили ее.

Заинтриговала его и наша одежда, а уж оружие было нескончаемым источником восхищения. Когда я впервые взял его на охоту и подстрелил зайца, он остолбенел. Может быть, он был просто напуган шумом, дымом и мгновенной смертью добычи; но если и так, этого не показал. Джим никогда не выказывал страха, возможно потому,

что он его никогда и не ощущал. В одиночку, вооруженный лишь копьем с каменным наконечником да каменным ножом, он охотился на большого красного медведя, когда его настиг ледник. Он рассказал нам об этом.

— За день до того, как вы меня нашли,— сказал он,— я охотился на красного медведя. Дул ветер, снег и дождь хлестали меня. Ничего не было видно. Непонятно, куда было идти. Скоро я устал. Я знал — если лягу, то усну и никогда не проснусь. Но в конце концов не выдержал и лег. Если бы вы не появились на следующий день, я бы умер.

Как было ему объяснить, что его «вчера» — это пятьдесят тысяч лет назад?

В конечном счете мы все же продвигались, хотя я сомневаюсь, что он воспринял громадную дыру во времени от того момента, когда он покинул родную пещеру для охоты на большого красного медведя.

Когда он впервые понял, где оказался и что тот день и его времена никогда не вернутся, он снова выдохнул знакомое слово — «лилами». Теперь это было почти рыдание. Я не знал, что столько сердечной боли, столько жажды можно вложить в единственное слово.

Я спросил его, что оно значит.

Отвечать ему пришлось долго. Он старался справиться со своими чувствами, что было совсем неожиданно. Обычно казалось, что у него эмоций нет.

— Лилами — это девушка,— говорил он,— то есть была девушка. Она должна была стать моей подругой, если бы я вернулся с головой большого красного медведя. Где она сейчас, Пат Морган?

— Старайся не думать о ней, друг,— посоветовал я.— Ты никогда больше не увидишь Лилами снова.

— Нет, увижу,— ответил он.— Если я не умер, не умерла и Лилами. Я найду ее.

Самолет был настолько вне представлений Джима, что он даже не задавал о нем вопросов. Думаю, что другой человек при сходных обстоятельствах перепугался бы. Треск пропеллера, грохот выхлопов, дикий крен при взлете должны были испугать Джима, но он никак этого не показал. У него была физиономия вполне современного и весьма пресыщенного молодого человека.

Я дал ему свой старый костюм — брюки, горные ботинки и кожаную куртку. Он был гладко выбрит. Наблюдая, как мы скоблим свои подбородки, он настоял, чтобы и его побрили, а затем научился делать это сам. Трансформация была впечатляющей — из пещерного человека в Адониса через несколько движений ножницами и безопасной бритвой!

Я смотрел на него и думал о цивилизации, с которой ему вот-вот придется столкнуться. Очень скоро, думал я, Лилами для него станет лишь слабым воспоминанием. Но я не знал еще Большого Джима...

Мы, наконец, добрались до Москвы, и здесь чертовски дорого заплатили за неожиданного пассажира. Но что меня достало, так это их настойчивое желание доказать, что мы все шпионы, контрреволюционеры, нацисты, фашисты, капиталисты и все остальные, кого в Советской России предали анафеме.

Конечно, паспорта у Джима не было. Мы старались объяснить, что в плейстоцене паспортами не пользовались, но это ни к чему не привело. Они собирались нас расстрелять. В конце концов на помощь пришел американский посол, и они в качестве компромисса согласились выпереть нас из страны. Это меня устраивало — по сравнению с тем, что могло бы быть. В одном наш «русский опыт» пригодился: Стэйд и я решили держать язык за зубами относительно родословной Джима. Это было предложение Стэйда, и, признаюсь, я удивился, услышав его. Добрый доктор никогда не отказывался от рекламы, а здесь ведь для него был отменный шанс постучать в барабан. Подумать хотя бы о научных почестях.

Однако Стэйду все это было неинтересно, так он сказал. Он внезапно стал со мной застенчив и кроток — начал говорить о трудностях с установлением абсолютной научной истины, и все такое прочее. Предложил подождать немного — пусть наш гигант сориентируется сам. Он бы оставил Джима ненадолго на мое попечение, так как его ждут неотложные дела в Чикаго...

Я пожал плечами и согласился.

Мы прибыли в Америку, окутанные завесой молчания. Фактически Джима везли в США контрабандой, и нам приходилось об этом помалкивать. А что еще мы могли сделать! В конце концов, квота на плейстоценцев еще не введена.

Когда мы вернулись домой, я забрал его к себе на Биверли Хиллс: соседям было сказано, что это мой старый друг Джим Стоун из Скенектади.

Города, особенно большие, потрясли Джима. Он считал, что небоскребы — это большие горы с пещерами. Как ни смышлен он был, но представить, что человек может построить нечто столь колоссальное, Джим не мог.

Таскать его повсюду было просто подарком. Кино, например, для него было такой же реальностью, как смерть или налоги. Однажды мы смотрели сериал про пещерных людей, и Джим аж подпрыгивал на месте, ему было очень трудно сдержаться. Он просто изнемогал от желания влезть в одну из этих отличных пещер! А уж когда злодей схватил ведущую актрису за волосы и поволок через декорацию, Большой Джим выскочил в проход и помчался к экрану. Я сгреб его за фалды пиджака. Да, повеселились мы с Джимом...

Как-то вечером я взял его на борцовский матч в «Олимпик». У нас были места в партере. Одинокий Волк и Маленький Скелет наносили друг другу увечья за канатами ринга. Это взвинтило Джима.

— И это, по-вашему, великие воины? — спросил он. Затем, прежде чем я успел что-либо предпринять, перелетел через канаты, схватил и швырнул обоих в третий ряд.

Одинокий Волк и Маленький скелет пострадали, однако публика и устроители были за Джима. До конца вечера менеджеры подписали с ним контракт на встречу с победителем, и неделей позже наш пришелец из каменного века выступил на ринге перед Маленьким скелетом.

Вспоминая тот вечер, я смеюсь до сих пор. Скелет известен своим дурным характером, а также тем, что владеет всеми грязными трюками, которые знают другие борцы, да еще изобрел несколько своих. Но испробовать их на Джиме он не успел. В ту секунду, когда они сошлись на ринге, человек из времен мамонтов схватил его, добежал с ним до канатов и швырнул теперь уже в четвертый ряд.

Фокус этот, к восторгу публики, был проделан трижды, после чего Скелет остался среди зрителей. До сих пор никому не удается уговорить его выйти на ринг.

Почти то же случилось и в боксе. Я дал Джиму кое-какие предварительные наставления в мужественном искусстве делать из ушей цветную капусту. К тому времени он уже был известен как борец. Каждый вторник он приходил в «Олимпик» и сокрушал несколько завсегдатаев, швыряя в них противников. Он никогда не боролся, не строил рож, но и никогда не давал противнику шанса. Он просто хватал его и вышвыривал с ринга. Однажды ко мне обратился менеджер:

— А боксировать это чудо не может? — спросил он.

— Не знаю. Бороться он не умеет, однако всегда выигрывает. Почему бы не попробовать! Ставлю тысячу зеленых, что он отключит любого из ваших «Великих Белых Надежд».

— Принято,— сказал менеджер.

В следующую среду был бой. Я предостерег Джима:

— Не забудь,— наставлял я его,— что надо боксировать, а не бороться.

— Я должен бить? — поинтересовался Джим.

— Да, бить покрепче.

— Порядок. Давай его сюда!

Они пожали руки и разошлись по углам: гонг. Белая Надежда бросается вперед, начинает размахивать руками... Это его не спасло. Большой Джим выдал один жуткий удар правой, перенятый, верно, у пещерного медведя, и Белая Надежда повисла на верхнем канате. Это был конец боя. Прочие кончались так же...

И тут Джима заметили киномагнаты.

Однажды, когда мы еще обсуждали наш контракт в кино, довелось попасть на просмотр. Лорна Даунс играла главную роль. Как только она появилась на экране, Джим вскочил.

— Лилами! — закричал он.— Это я, Колани!

В это время злодей как раз издевался над Лорной. Джим прыгнул к экрану... Черт бы с ним, с экраном, однако Джима попытался задержать управляющий. Это была ошибка. После того, как управляющего принесли с тротуара, мне пришлось употребить все красноречие, чтобы поладить с ним и уберечь Джима от тюрьмы.

Когда мы вернулись домой, я спросил, что все это значит.

— Это была Лилами,— сказал он.

— Это не Лилами, это Лорна Даунс. А то, что ты видел, даже не сама Лорна — это ее движущееся изображение.

— Это была Лилами,— мрачно сказал этот громила.— Я тебе говорил, что найду ее.

Лорна Даунс тогда совершала рекламное турне со своей последней картиной. Джим собрался отправиться за нею. Я объяснил, что он подписал контракт на съемки и должен выполнять условие. Еще я сказал ему, что Лорна Даунс через несколько недель вернется в Голливуд, и он, хотя и очень неохотно, но согласился подождать.

Наконец Лорна вернулась. Я был с Джимом, когда они встретились. Это было на съемке в студии, посередине эпизода, но когда он увидел ее, то выскочил из кадра и побежал... Никогда прежде я не видел столько счастья и любви на мужском лице.

— Лилами! — сказал он голосом, звеневшим от чувства, и потянулся к ней.

Она отпрянула.

— Эй, парень, в чем дело? — поинтересовалась она.

— Ты не узнаешь меня, Лилами? Я Колани. Вот я и нашел тебя, и теперь мы можем уйти вместе. Долго же я искал тебя...

Она поглядела на меня.

— Вы его опекун, мистер? — спросила она.— Если так, то верните его в школу, и пусть его там запрут понадежнее.

Я отвел Джима в сторону и поговорил с нею. Всего я ей не сказал, но достаточно для того, чтобы она поняла, что Джим не сумасшедший, что он славный парень и что он в самом деле верит, что она и есть девушка, которую он знал в другой стране.

Он стоял поодаль, она присела и смотрела на него несколько секунд, прежде чем ответить, затем сказала, что будет с ним добра.

— Это будет интересно,— добавила она.

После этого они почти все время были вместе. Очень было похоже, что кинозвезда влюбилась в пещерного человека. Их можно было увидеть вместе и на просмотрах, и в тихих ресторанчиках, и на долгих автомобильных прогулках...

А потом однажды вечером она отправилась на вечеринку с коктейлями без него. Куда идет, не сказала: он разыскал ее и около семи приехал туда.

Лорна сидела на коленях у какого-то типа, и он, обняв за талию, целовал ее. Разумеется, это ничего не значило — для них. На вечеринке девушка может целовать кого угодно, конечно, кроме собственного мужа. Но для Джимбер-Джо из пятидесятого тысячелетия до рождества Христова это очень даже имело значение.

В два прыжка он перелетел комнату. Не сказав ни слова, он просто сгреб Лорну за волосы и сдернул ее на пол, затем схватил парня и запустил его через всю комнату. Вот теперь это был настоящий пещерный человек, без всякого сомнения!

Лорна вырвалась из его рук и залепила ему пощечину.

— Пошел вон, дурак здоровый!..— завизжала она.— Ромео несчастный! Кончено! Все с тобой!..

Пальцы Джима сжались в кулак, но он ее не ударил. Ярость ушла с его лица, плечи опустились. Без звука он повернулся и побрел прочь. Больше его никто не видел — до самого сегодняшнего утра.

Пат Морган поднял руку, заказывая официанту еще пару хайболлов.

— Вот и вся история Джимбер-Джо,— сказал он.— Понимай, как хочешь. По твоему лицу я вижу то, о чем и сам не раз думал: ты считаешь, что Стэйд воспользовался моим состоянием, а может, и загипнотизировал меня, чтобы внушить, что я видел то, чего никогда не происходило в той сибирской лачуге... Вполне возможно. Подобрал он какого-нибудь беглого, одичавшего до потери цивилизованного обличья мужика и... Чушь все это!

Он постучал по газете, где аршинными заголовками сообщалось о находке тела Джима-Скалы. Рассказывалось о взлете Джима к славе, об исчезновении, об обнаружении его этим утром, о возможном самоубийстве.

— Здесь не все,— сказал Пат Морган.— Полиция вызвала меня опознать тело, и это был точно Большой Джим. Они обнаружили его в камере холодильника продуктового склада — видимо, он был там уже не первую неделю. Лежал на боку, руки сложены под щекой. Более спокойного человека — живого ли, мертвого — я не видел. К лацкану его пиджака была приколота записка, адресованная мне. Полиция ничего не могла из нее понять, а вот мне она сказала все. Вот она: «Я иду искать настоящую Лилами. И не оттаивайте меня снова».

ЗАРУБЕЖНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Алан
ВИННИНГТОН

Рисунки
Евгении Стерлиговой

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Трудно предположить, что такой аккуратный человек, как Джек Аллертон, мог забыть о письме в кармане пиджака. Впоследствии миссис Аллертон рассказывала знакомым: у нее было не подозрение, а какое-то предчувствие, что у мужа есть любовница. Но кое-кто из знакомых был убежден, что Конни Аллертон тайком шарила по карманам мужа.

Джек уже чистил на крыльце свои ботинки; она тоже одевалась, собираясь в Олений парк, где они прогуливались каждое воскресное утро. Увидев, что муж оставил пиджак в прихожей, она инстинктивно заглянула во внутренние карманы. Письмо было написано округлым почерком школьницы; едва она прочитала первые слова «Джек, мой любимый», как у нее перехватило дыхание. Дрожа всем телом, она жадно читала восторженные фразы с множеством интимных подробностей о совместно проведенном уик-энде. Уже это было ужасно, но когда миссис Аллертон перевернула страницу, она поняла, что ее семейная жизнь — а это была вся жизнь для Конни — накануне краха.

«Дорогой,— читала Конни,— не знаю, как мне сдерживаться на службе: все время быть возле тебя, знать, что скоро мы окажемся на Багамских островах, на теплом золотистом песке, будем слушать рокот волн и не расставаться ни днем, ни ночью... Ах, мой любимый, для меня это так неожиданно, но я верю тебе... И я сделала все, как ты велел: заказала два отдельных билета на рейс 387 до Цюриха, вылетающий в 9.30 утра в следующий понедельник из аэропорта Хитроу. Твой билет — на имя Льюиса Тренча, а мой — на мое собственное. Не беспокойся, я буду точно ко времени...» Далее шли заверения в вечной любви и подпись «Джин».

Джин Ричардс! Мисс Ричардс, секретарша Джека! Значит, Конни все это время была слепой, если не замечала ни «деловых» телефонных звонков по вечерам, ни «служебных» поездок с пятницы до понедельника, ни «переговоров» в ресторанах, ни посещений ночных клубов «в мужской компании»...

Вихрем ворвался Роберт: он искал свои кеды. Она едва успела сунуть письмо обратно. Сердце неистово стучало.

— Тебе уже шестнадцать,— обратилась она к сыну,— так что пора уже убрать бомбы и револьверы, с которыми ты больше не играешь.— Чтобы оттянуть встречу с мужем, она ушла с сыном в его комнату.— А кеды твои — вон там, под кроватью...

— Если мы хотим еще выпить коктейль «У оленя»,— крикнул муж из дверей,— то пора идти.

Она сделала над собой усилие и ответила почти спокойным голосом:

— Нет, милый, иди один. У меня что-то закружилась голова.— Ей нужно было побыть одной, чтобы оправиться от шока и поразмыслить.

Когда Джек вернулся, Конни уже обрела спокойствие и решила не затевать скандала. Она сделает вид, что ничего не подозревает — это будет ее преимущество. Срочно предпринимать что-либо не было необходимости, и миссис Аллертон продолжала сохранять спокойствие. По крайней мере внешне. Тем более, что уже около года мистер Аллертон не приходил в ее спальню.

Понедельник. Впереди еще неделя. С самого утра Конни направилась к директору банка, которого никогда прежде не видела; все сообщения банка поступали в контору фирмы, где ее муж был одним из директоров. Глава банка, «белый воротничок» с полосатым галстуком, словно чем-то приклеил остатки волос к неуклонно расширяющейся лысине. Он не вызывал у Конни симпатий, и она попыталась сразу взять быка за рога:

— Мистер Эдли, я хотела бы сделать мужу небольшой сюрприз. Но мне нужно убедиться, что я не попаду впросак. Я присмотрела дом, такой, о котором мы с мужем давно мечтали, и мы можем сравнительно недорого приобрести его. Мне нужно лишь знать, сколько осталось на нашем текущем счету и сколько мы могли бы получить, заложив или продав наш теперешний дом.

Лицо мистера Эдли приняло озабоченный вид.

— Видите ли, миссис Аллертон, вы ставите меня в неловкое положение. «На нашем счету», как вы изволили выразиться, это значит на личном счету вашего мужа. То же относится и к дому, в котором вы оба живете, его владельцем официально является ваш муж. А правила нашего банка категорически запрещают давать какие-либо сведения о состоянии как того, так и другого, кому бы то ни было, кроме вашего мужа или его поверенного. Впрочем, может быть, ваш муж дал вам доверенность?

— Нет. Но я полагаю, вам известно, что этот дом купил для нас мой покойный отец.

Директор едва заметно пожал плечами.

— По закону, миссис Аллертон, дом принадлежит вашему мужу, и мы не имеем права давать другим лицам сведения обо всем, что касается этого дома.

Такой же прием ожидал ее и в конторе Коггена и Сквайра, их адвокатов. А в следующий понедельник Джек будет уже в Цюрихе, на пути к песчаным пляжам, в сопровождении молодой женщины — девчонки, лишь на шесть лет старше его собственного сына.

Ясно, что за границу его послала фирма. Но ведь и там ему понадобятся деньги. Раньше ей никогда не при-

ходила в голову мысль о самозащите; теперь все было ясно. Она останется без пенни за душой.

В этот вечер было труднее делать вид, что ничего не случилось. Но продолжительный детективный телефильм позволил ей не показать свою озабоченность.

Во вторник Джек тоже не обмолвился ни словом о предстоящем отъезде. Она уже думала, не приснилось ли ей все это в кошмарном сне, но в среду он начал разговор сам:

— Позвони, пожалуйста, Клиффордам, Конни, и предупреди, что мы не сможем в понедельник прийти к ним, как обещали.— Его голос был совершенно спокоен.— Я должен улететь на пару дней в Цюрих.

Ее охватил озноб.

— Это уже второй раз, Джек,— заметила она после паузы,— мы отменяем свой визит. И Клиффорды непременно обидятся. Может быть, можно сдвинуть твою поездку на вторник?

Он покачал головой.

— Дела важнее, чем бридж, дорогая. У меня деловая конференция. Очень жаль, но в понедельник в девять тридцать я должен лететь.

Набирая телефон Клиффордов, Конни пыталась придумать ловушку для мужа. Как она ни сдерживалась, голос ее в разговоре с миссис Клиффорд звучал почти истерично. Но она еще не знала, как соорудить эту ловушку. Несмотря на ее попытки удержать мужа, он собирался исчезнуть, обрекая ее с Робертом на длительную борьбу за существование, на тяжбы из-за алиментов и ее доли в совместном имуществе — имуществе мужа, согласно букве закона.

— Они разочарованы,— сказала она, повесив трубку. Потом сослалась на головную боль и ушла к себе.

После завтрака, как только Роберт убежал в школу, она сделала еще одну отчаянную попытку; положила свою руку на руку мужа и, поймав его взгляд, проговорила:

— Джек, милый, прошу тебя: не лети в понедельник в Цюрих...

Его глаза выразили изумление.

— Но я должен лететь. Дела с фирмой «Мюллер и компания» всегда входили в круг моих обязанностей. Что случилось?

— У меня странное чувство, Джек. Мне кажется, если ты улетишь, мы больше никогда не увидимся...

Он не моргнул глазом, лишь изумление в его глазах стало чуть слабее. Затем широко улыбнулся, словно посмеиваясь над сумасбродством суеверной супруги.

— Ну и как ты думаешь, что со мной может случиться?

— Не знаю. Катастрофа. Похищение самолета. Все, что угодно... Я боюсь...

Он ответил успокоительно-поучающе:

— Чепуха. В расчете на километр пути перелет куда безопаснее всех других способов передвижения, даже безопаснее, чем прогулка по городу. И потом, я уже не могу отменить или передвинуть назначенную встречу, это выглядело бы идиотизмом.

— Тогда возьми меня с собой.

На это трудно было возразить. Но ему удалось сохранить покровительственную улыбку.

— Не дури, Конни. Я все эти дни буду страшно занят. И подумай только, во сколько это обойдется — а пользы никакой.— Несколько минут он молчал, потом левая бровь многообещающе приподнялась. Очевидно, его осенила новая идея.— Знаешь что, Конни, через пару недель или через месяц будет еще одна конференция, на этот раз в Каннах, на Средиземноморском побережье. И мы поедем вместе на машине. Поедем не по магистральным шоссе, а по параллельным мало загруженным дорогам, через Эльзас, через Швейцарию, потом южнее, к Лазурному берегу. Бензин и отели оплатит фирма, и мы сможем наслаждаться почти бесплатно...— Он обошел вокруг стола и поцеловал жену.— А теперь мне нужно спешить.

Она услышала, как зарокотал автомобильный мотор. Еще несколько дней — и она его больше не увидит. Теперь она твердо знала: это конец. Что же делать?

По закону он имел право продать дом без ее согласия и забрать из банка «свои» деньги. Обращаться к директорам банка или фирмы бессмысленно: личная жизнь служащих и вкладчиков не входит в их компетенцию. Рассказать о найденном письме? Но и он, и миссис Ричардс попросту высмеют ее. Жаль, конечно, что она не сохранила письма... Объяснение с миссис Ричардс тоже не сулило успеха. А если сообщить полиции, что у него есть второй паспорт и что он берет с собой за границу больше разрешенных трехсот фунтов? Это, конечно, наказуемо, но где доказательства? Она пришла в ярость, когда поняла, что ничего не может сделать — разве что устроить скандал. Ведь она и Роберт останутся без всяких средств к существованию. Ну хорошо, она будет искать работу — она, женщина уже не первой молодости, без всякой специальности, к тому же при наличии полутора миллионов безработных... Она попробовала представить себе, как будет стоять в длинной очереди за пособием по безработице. Но еще до обращения за пособием ей придется продать за бесценок машину и стильную мебель, переселиться в жалкую комнатенку, забрать Роберта из привилегированной школы и перевести в общую... И это вместо мечты о собственном мопеде, который ему давно обещан! А Джек будет наслаждаться солнцем и морем, попивать ледяной джин с лимонным соком или тоником, нежиться с этой стервой, которая на целых двадцать восемь лет моложе его...

Аллертон был первым мужчиной в жизни Джин Ричардс. И, как она надеялась, будет последним и единственным. Он был необычайно привлекателен со своими седеющими висками и великосветскими манерами. Он покорил ее нежностью и чувством такта, проявил терпение и ненавязчивость — и она безнадежно влюбилась в «своего» Джека. В то же время ее молодость, привлекательность и развившаяся ненасытность в ласках льстили Джеку; она оказалась услужливой и уступчивой как раз тогда, когда он обнаружил, что не сможет долго скрывать свои финансовые махинации.

Некогда он сильно прогорел, занимаясь на свой страх и риск биржевыми спекуляциями. Чтобы возместить убытки, он слегка «причесал» баланс своей фирмы. Однако год за годом вскрывались новые недостачи. Полагая, что семь бед — один ответ, он увязал в долгах все больше, и с годами привык тратить больше того, что мог заработать. Он понимал, что рано или поздно его аферы всплывут, и давно уже готовился исчезнуть. Теперь надвигалась ревизия; бухгалтерские документы, в которые до конца года никто не собирался заглядывать, должны были со дня на день подвергнуться проверке. А ему отнюдь не улыбалось провести лет пять за решеткой.

Он предусмотрительно принял некоторые меры, которые должны были позволить в случае опасности в течение часа удрать за границу. В Цюрихском банке была депонирована кругленькая сумма на имя Льюиса Тренча. На это же имя он получил и «настоящий» паспорт, представив копию свидетельства о рождении Тренча из Сомерсетского музея и две фотографии собственной персоны. Настоящий же Льюис Тренч, не вынесший жизненных невзгод, почил в мире чуть ли не пятьдесят лет назад в возрасте двадцати месяцев от роду. И с тех пор спокойно спал на небольшом кладбище в Шропшире.

Когда Аллертон после утреннего объяснения с супругой появился в своей конторе, его величество Случай преподнес ему подарок. В контору поступила партия алма-

зов, еще не подвергшихся огранке, стоимостью никак не меньше ста тысяч фунтов стерлингов. Возможный покупатель должен был приехать, чтобы осмотреть их, только в понедельник. Аллертон очень естественно сделал вид, что положил пакетик с алмазами в сейф — и незаметно сунул его в карман. Затем вместе с другим директором установил запор сейфа на 10.30 утра в понедельник: именно тогда должен был прийти клиент. Но к этому времени, подумал он, Джек Аллертон уже не будет существовать как таковой. Будет лишь некий Льюис Тренч — в самолете, летящем из Лондона в Цюрих.

Потом он подумал, что брать с собой Джин Ричардс — глупо. Джин слишком много знала о нем, а смазливых девчонок можно найти за деньги где угодно. Но эту проблему он постарается решить позже. Сейчас нужно благополучно развязаться с делами в Лондоне.

— Джек, последний раз прошу тебя: не нужно лететь. Ну пожалуйста! Или — возьми меня с собой.— Конни сидела за рулем, и они ехали в аэропорт Хитроу, к цюрихскому рейсу номер 387.

— Конни, ты действительно городишь вздор. И ты абсолютно нелогична. Ты боишься катастрофы, ибо опасаешься оставить Роберта без отца, но тут же по доброй воле соглашаешься оставить его и без отца, и без матери — если только твое предчувствие сбудется. Но я должен быть в Цюрихе сегодня.

Этот цинизм возмутил ее. Он знал, что собирается бросить своего сына — и был способен воспользоваться таким аргументом!

В аэропорту Конни внимательно смотрела по сторонам. Джин Ричардс не показывалась. Будучи предусмотрительным организатором, Аллертон велел ей приехать еще до девяти часов, сразу же зарегистрировать свой билет и пройти на посадку.

Он сдал чемодан в багаж, оставив при себе небольшую сумку на молнии. Конни тщетно молила его отказаться от полета, но он лишь бросал на нее свирепые взгляды.

— Здесь мы должны расстаться, дорогая,— сказал он перед паспортным контролем.

— Счастливого пути, милый,— ответила она дрожащим голосом.— Да, чуть было не забыла. Это тебе на дорогу.— Она порылась в своей сумочке, достала перевязанный бечевкой плоский сверток и пластиковый пакет, в котором виднелись яблоко и апельсин, расстегнула молнию на его сумке, сунула в нее сверток вместе с пакетом и вновь застегнула.— Бутылка виски «Джонни Уокер» и фрукты.

— Спасибо, Конни. До свидания.

— Счастливого полета. Позвони мне вечером.

Он предъявил паспорт на имя Льюиса Тренча, сунул его обратно в сумку и направился в зал отлетающих. Но как только он прошел через кабину контроля безопасности, ему преградил путь чиновник в синей униформе.

— Извините, сэр. Контроль безопасности полетов. Вы позволите взглянуть на содержимое вашей сумки?

— Если это необходимо,— пожал плечами Аллертон и расстегнул молнию.— Прошу вас.

— Может быть, даже не понадобится, сэр. Скажите, есть при вас металлические предметы? Скажем, фото- или кинокамера?

— Нет, ничего такого нет.

Чиновник кивнул одному из своих коллег. Тот подошел поближе.

— Вы уверены?

— Стопроцентно,— ответил тот.— Прибор показал очень большое отклонение, когда проходил этот господин.

— Что у вас в сумке, сэр? — чиновник указал на плоский сверток, который в последний момент сунула Конни.

— Бутылка виски. Это ведь не запрещается.

— Вы позволите развернуть ее?

— Пожалуйста.

В свертке оказалась плоская коробка. В коробке лежал револьвер.

— О боже! — Аллертон раскрыл рот и с удивлением взирал на оружие. Второй контролер, не спуская глаз с Аллертона, сунул правую руку под мышку.

— Вы можете объяснить, сэр, почему у вас в сумке оружие?

Аллертон сглотнул слюну. Он узнал игрушечный револьвер сына и протянул было к нему руку. Вокруг его кисти тотчас сомкнулись стальные пальцы. Он постарался все же сохранить самообладание.

— Это бутафория,— проговорил он.— Игрушечный револьвер сына. Моя жена...— Он замолк, вспомнив, что теперь его зовут Льюис Тренч.— Это просто шутка моей жены.

Чиновник достал из пластикового пакета «фрукты». Кожура апельсина тотчас отвалилась, обнажив довольно естественно выглядевшую бомбу Мильса.

— Это тоже принадлежит моему сыну. Всего лишь игрушки.— Аллертон начал понемногу успокаиваться.— А теперь вы позволите мне идти?

— Довольно опасные игрушки, сэр.— Чиновник достал свой тяжелый полицейский револьвер.— Угон самолетов совершался с помощью куда более безобидных «игрушек»...

— Угон самолета?! Помилуйте, за кого вы меня принимаете? Я директор...

Аллертон осекся. В самом деле, кто же он теперь? А второй чиновник все еще держал руку под мышкой. Первый же вытащил тем временем из сумки Аллертона оба паспорта, раскрыл их на первой странице и внимательно рассматривал фотографии.

— Очевидно, оба паспорта принадлежат вам, сэр. Джек Аллертон — Льюис Тренч.— Его тон стал жестче: подозрения оправдались.— Я вынужден просить вас пройти с нами и разъяснить все это.

— Но я не могу...— пролепетал Аллертон.— Я должен попасть на цюрихский рейс... Я уверяю вас, что это всего лишь шутка моей жены...

— Вашей жены? — усмехнулся чиновник.— Вы имеете в виду миссис Аллертон или миссис Тренч? — холодно осведомился он.— Весьма сожалею. Обладание фальшивым паспортом уголовно наказуемо, а один из двух паспортов, очевидно, является фальшивым. Если вы не пожелаете добровольно последовать за нами и дать объяснения, мне придется арестовать вас.

Его привели в помещение, напоминающее тюремную камеру, с решетками на окнах. Он попросился в туалет, попытался было избавиться от пакетика с алмазами, но тут же был изобличен.

В следующие минуты на значительных расстояниях друг от друга почти одновременно произошли три события.

Чиновник службы безопасности спросил Аллертона:

— Итак, сэр, как вы можете объяснить все это?

Аллертон молчал. Удовлетворительного объяснения он дать не мог.

Мисс Ричардс потягивала над облаками бесплатный коктейль и ломала голову над причиной, которая могла задержать Джека. Ну ладно, прилетит следующим рейсом, подумала она. Он ведь такой тактичный и обходительный, он не заставит ее долго ждать.

Конни вернулась домой и, чтобы снять напряжение, выпила рюмку шерри. Затем, в ожидании телефонного звонка, репетировала, как будет выражать свое «удивление». Ведь она до последней минуты оставляла ему шанс стать «хорошим».

И она налила себе новую порцию шерри.

Перевод Ал. Яковлева

ПРОЗА

Мария СЕМЕНОВА
Рисунки Константина Комардина

СОЛЬВЕЙГ И МЫ ВСЕ

Историческая повесть

Теперь я спрашиваю себя: уж не Всеотец ли послал мне Тóргрима, испытывая, хорошим ли станет вождем Э́йрик сын Э́гиля сына Ха́ки из Хья́лтланда... Могучий О́дин, отец богов и людей, вечно стар. У него длинная борода и всего один глаз. Людям кажется, будто второй глаз он отдал вещим но́рнам, с тем, чтобы они позволили ему напиться из источника мудрости, клокочущего под корнями Мирового Древа.

Был ли то просто залог, как думают люди? Или столь горек на вкус оказался дарующий мудрость напиток, что даже славнейший из Асов не смог его вынести и сам в муке вырвал собственный глаз?

1

В тот год мы зимовали в Раумсдале, у одного крепкого бо́нда по имени Гуннар. Мы — это Хёгни ярл и все викинги, ходившие на трех его кораблях. И я, его воспитанник.

Много славных обычаев завещали нам предки. Но самый славный — тот, что велит родовитым людям отдавать детей на воспитание менее знатным. Все в нем: и великая честь, и доверие младшему товарищу по прежним походам. И добрая наука для мальчишки, которого называют сыном вождя.

Вот и я рос не дома — в Хьялтланде, на Островах,— а у старого Хёгни. А Хёгни ярл часто бросал якоря во владениях Гуннара, когда приближалась зима и с нею пора вытаскивать корабли. Гуннар был всегда рад нас принять. Мы ведь приходили к нему не с пустыми руками. Хёгни каждое лето водил нас в походы и когда торговал, когда грабил. У него нигде не было земли и своего дома. Но зато на Гуннаровом дворе его слушались, как самого хозяина. Мудрено ли — морской ярл! Хёгни даже поселил у него единственного человека, который звал его родичем и которого старый ярл берег еще больше, чем свои боевые корабли. У Гуннара жила его внучка, юная Асгерд. Мы с ней выросли вместе. Мы очень дружили, и называли нас женихом и невестой. Я с детства знал, что попрошу ее у старого Хёгни себе в жены, когда подрасту.

И вот теперь я был взрослым, я видел уже шестнадцать зим, и, наверное, все случилось бы так, как мы тогда оба хотели.

Если бы не пришел Торгрим...

День, когда все началось, выдался непогожим. Морской великан Эгир, повелитель подводной страны, с самого утра заварил в своем котле неистовый ветер. Тяжелые зимние волны, как водится, пробудились не сразу. Но к вечеру даже во дворе сделалось слышно, как за сторожевыми скалами фиорда ревел и бесновался прибой. Морской великан пробовал раскачать гранитные берега, но нет, этот корабль был слишком остойчив. Тогда Эгир нагромоздил в небесах черные тучи, и снежная буря обрушилась на фиорд.

Мокрые хлопья летели сплошной пеленой. Они слепили сощуренные глаза, липли к одежде и впивались в лицо, точно железные иглы. В такую погоду разумные люди предпочитают сидеть дома. За толстыми земляными стенами, у светло горящего очага. И рассказывать о чем-нибудь, заняв руки работой. И радоваться, что не пришлось угодить в эту бурю за три дня пути от ближайшего жилого двора...

Другое дело, никто из нас, молодых, нипочем не захотел бы в этом сознаться.

Когда стало темнеть, всех принял новый длинный дом, где Гуннар хозяин устраивал домашний тинг и пиры. Стены дома изнутри были бревенчатыми, а снаружи — из земли и камней. Крышу, подпертую прочными столбами, выстилал дёрн. Оттого летом длинный дом походил на громадный валун, скатившийся с ближних гор и обросший зеленым мхом и травой. А зимой, заметенный по крышу и окруженный сугробами — на сугроб. И во всякое время года он походил на корабль.

Просторный дом гостеприимно вместил всех, даже рабов. Рабы устроились по углам, возле входной двери. Разложили для починки старую сеть и тихо разговаривали между собой, стараясь не мешать.

Я хорошо помню, что Хёгни ярл сидел на почетном сидении, между резными родовыми столбами. На это место в любом доме сажают самого знатного, будь то хозяин или его гость. А я принес с собой медвежьих сухожилий и плёл для лука новую тетиву, забравшись с ногами на широкую лавку. Скоро уже рабыни приготовят вечернюю еду и внесут в дом столы.

Вот так мы сидели все вместе по праву свободных людей, и Кари сын Льота рассказывал о своей молодости и о разных приключениях, которые с ним бывали. Обо всём этом мы слышали прежде не один раз и не два. Но Кари умел говорить занятно, и его рассказы не надоедали.

Кари недавно встретил свою сороковую зиму. Но женщины по-прежнему считали его красивее иных молодых. Кари был вправду хорош собой и любил дорогие одежды. Но не за красоту выделял его Хёгни ярл, а за бесстрашие и умение сражаться. Он ходил кормщиком на его корабле и, как говорили, знал толк в кораблях. А мы называли его — Хо́льмганг-Кари, то есть Поединщик. Это за то, что он в молодости нередко пугал людей, притворяясь бе́рсерком.

Берсерк!.. Слово, как хриплый боевой клич... Одетый в медвежью шкуру — вот что оно означает. Берсерк — это неистовый воин, в котором скрытно живёт дух предка-медведя. В сражении или просто в мгновение гнева этот дух может проснуться. Тогда берсерк теряет речь и только страшно рычит. Он истекает пеной и кусает свой щит. Он не чувствует боли от ран. И когда доходит до схватки, такой воин стоит сотни обычных, потому что, по сути, он уже не человек, а волшебный медведь. Бывает, такими рождаются, бывает, становятся, и не всегда по собственной воле. Всякий вождь, за которым следуют один-два берсерка, считает, что удача его велика. Однако берсерки неуживчивы и часто скитаются сами по себе, вызывая людей на поединки и отнимая жён и добро. За это их многие боятся и мало кто любит.

Наш Кари в своё время путешествовал таким образом по всему Вику, от Хисинга до Ски́рингссаля, и никто не смел поспорить с ним лицом к лицу, хотя он лишь притворялся.

Вот каков был наш Поединщик, и вот о каком былом он весело рассказывал, когда со двора вдруг послышался остервенелый лай собак. В подобную ночь собаки не станут выскакивать по пустякам. Помнится, Кари замолк на полуслове. А я сразу подумал о медведе, которого чья-то неосторожность подняла из берлоги и погнала, тощего, страшного, в сваливавшихся космах, к человеческому жилью на разбой. А может, сам белый Хозяин Льдов приплыл к берегу на подхваченном ветром обломке? Такое бывало.

Псы, казалось, хотели и не отваживались напасть. И что-то чужое упрямо шло к нашему порогу сквозь это рычащее, задыхающееся от ненависти и страха кольцо...

Наверное, не я один подумал тогда о медведе. Все повернулись к двери, и многие потянулись к оружию, висевшему на стенах. А рабы положили сеть и подняли засов.

Сырой вихрь ворвался в дом. Пламя очага взвилось и яростно защипело. Во дворе было темно. Несколько человек подхватили копья и вышли наружу с горящими головнями в руках. Было слышно, как они закричали на собак. А потом вернулись в дом, ведя с собой человека.

Он был высокого роста, худой и широкоплечий. Он держал в руках свои лыжи. Громадный пёс прижимался к его коленям, показывая клыки не намного короче боевых ножей. От этих-то клыков с воем отскакивали наши сторожа. Однако хозяин пса вовсе не походил на охотника, заплутавшего в погоне за зверем. Нет. Он хорошо знал, куда шёл и зачем. И он добрался, куда ему хотелось. А на боку у него в чехле висела секира.

Такие странники появляются из темноты и вновь исчезают куда-то, но память о них задерживается надолго...

Он стоял возле двери и молча смотрел на нас, сидевших по лавкам. А мы смотрели на него. И тут оказалось, что мою Асгерд его приход околдовал меньше всех. Я и не приметил, когда это она сорвалась со своего места рядом со мной. Живо сбегала на другой конец дома, где готовилось угощение. И вернулась с большой чашкой горячего отвара.

Незнакомец был мокрый, хоть выжми, и одежда на нём вся заледенела. Он рукой ободрал лёд с бороды, стащил меховую шапку. Он был темноволосый, с неровными седыми прядями на макушке. Словно, кто взял белой краски и мазнул его по голове. Впрочем, он был моложе, чем выглядел. Я это понял по глазам.

Он взял у Асгерд горячую чашку и долго держал её в руках, отогревая ладони. Руки были большие и красные. Он плеснул в огонь, жертвуя духу приютившего его очага. И тихо сказал:

— Покорми и Серого, красавица, если ты так добра.

Я был среди тех, кто сразу подошёл рассмотреть незнакомца поближе. Я сделал это ещё и потому, что боялся, как бы улёгшийся волкодав не набросился на мою бесстрашную Асгерд. Но, видно, пёс был измучен не меньше хозяина. Она поманила его, и Серый покорно

поплёлся, оставляя на полу цепочку мокрых следов. Я взял у пришельца меховую куртку и повесил на деревянный гвоздь в стене. Потом я повёл его к хозяйскому месту. Пусть Гуннар бонд и старый ярл примут его, как надлежит.

— Будь гостем,— сказал ему мой воспитатель.— Это дом Гуннара бонда сына Сиггейра, а я зовусь Хёгни сыном Хедина, морским ярлом. А ты кто?

Человек посмотрел ему в глаза и ответил:

— Люди зовут меня Торгримом.

Я ждал — и все ждали — чтобы он назвал имя своего отца. И землю, где был рождён. Тогда мы знали бы, кто это такой пожаловал и чего от него ждать. Но Торгрим молчал. И я уже видел, что его молчание пришлось не по нраву старому ярлу. Я хорошо знал своего воспитателя. Торгриму не видать от него ни доверия, ни любви.

Но мне, привыкшему к мудрости старого Хёгни, впервые не захотелось с ним соглашаться... Торгрим чем-то понравился мне. Быть может, тем, что назвал красавицей мою Асгерд. Я любил её. Но другие люди смотрели на неё обычными глазами. И видели просто круглолицую девочку со смешными конопушками на носу...

Я повёл Торгрима с собой, чтобы дать ему сухую одежду. Я был вдвое моложе него, но тоже не из маленьких. И пока мы шли, он вдруг сказал мне:

— Так, значит, вот каков сын Эгиля конунга сына Хаки, которого, как я слышал, недавно внесли в могильный курган.

Я удивился таким словам и ответил:

— Ты не ошибся, пришелец, не пойму только, откуда тебе меня знать. Ты же меня ни разу не видел.

У Торгрима глаза сидели глубоко под бровями, и от того казалось, будто он всё время угрюмо смотрел исподлобья.

— Я видел твоего отца, и этого достаточно. Ты похож на конунга. У тебя то же лицо.

И эти речи озадачили меня ещё больше, потому что до тех пор меня чаще называли похожим на мать. Я любил свою мать. Я всегда привозил ей подарки, когда мы заходили на Острова. Однако для воина больше чести продолжить собою отца. И я был благодарен Торгриму за то, что он первым подметил моё сходство с отцом и сказал о нём вслух.

А когда он примерял мою рубашку, ему случилось оступиться впотьмах, и я увидел шрамы у него на спине. Очень давнишние, они тянулись вдоль хребта, как две толстые белые змеи... И как две змеи, шевелились при каждом движении. Я поднял было руку... и не посмел притронуться к ним. Что могло оставить такие следы? У меня мелькнула было догадка, но я её сразу отбросил. Нет. Не уходит живым тот, кому запустил когти в спину «кровавый орёл»...

Я спросил его:

— Что это такое у тебя на спине?

Он замер с моей рубашкой в руках. Словно почувствовал внезапный удар и пытался понять, не смертельную ли рану ему нанесли. Потом медленно повернулся. И проговорил неожиданно спокойно:

— Вот теперь я узнаю, умеет ли молчать сын конунга Островов.

Тут я подумал, что за всем этим, быть может, стояло какое-то бесчестье. Ведь рубцы на спине — совсем не то, чем хвастается воин. Но я ничего не сказал. И не то, чтобы я побоялся сцепиться с ним в тесной каморке, куда мы забрались. Просто мне не хотелось зря его обижать.

За едой Торгрим коснулся моего локтя своим. И спросил:

— Кто это там сидит, такой рослый, с крашеными ресницами?

— Это Хольмганг-Кари сын Льота из Вестфольда,— сказал я ему.— И людям кажется, что малу проку ссориться с ним, потому что он почти берсерк и умеет за себя постоять.

— Вот как?..— усмехнулся Торгрим. И я было встревожился, ожидая каких-то язвительных слов, назначенных рассердить нашего Кари. Так иной раз поступали пришлые задиры, которым вечно не терпится испытывать себя и других. Но Торгрим ничего не добавил, и тогда я сказал:

— А та, что покормила твоего Серого, это Асгерд дочь Хальвдана сына Хёгни, нашего ярла. И я посватаюсь к ней, когда займу место отца.

Немало мужества надо для спора с бурями вроде той, что заметала снегом наш фиорд. И чем бы ни кончился такой спор, редко он проходит для спорившего бесследно.

Торгрим не показывал вида, но я-то подметил, как он замерз. Он пил пиво и ел горячую рыбу, но согреться так и не смог. Ночью я слышал, как он ворочался, а потом начал кашлять. Он уснул только под утро, когда пришел Серый и свернулся у него в ногах.

Я слышал всё это, потому что он лежал на лавке рядом со мной, под одеялом, которое я ему подарил. Если бы не нашлось лишнего, я отдал бы ему своё. Гость ни в чём не должен узнать недостатка. Гость живёт в доме, сколько пожелает, и уходит, когда ему захочется. И даже если этот гость — твой кровный враг, и ты это знаешь. Торгрим мог не приглянуться старому Хёгни, но даже и он, мой приёмный отец, никогда не отважился бы прогнать его за порог!

Утром Торгрим поднялся с трудом... Он очень не хотел признаваться, что заболел, но когда он выбрался из-под одеяла, его затрясло. Я сказал ему:

— Ты простудился.

Он посмотрел на меня и неохотно кивнул. Начинавшийся жар заставлял его судорожно, толчками вбирать в себя воздух. Я хотел принести мёда или сушёной малины, но он вдруг спросил:

— Куда ты положил мои лыжи?

Вот, значит, как он решил избавляться от хвори. Встать на лыжи и гнать себя безо всякой пощады, пока не прохватит обильный исцеляющий пот... Не каждому это под силу, тут нужен крепкий дух и закалённое тело. Я подумал, что Торгрим был уже слишком болен для лыжного бега. Но я промолчал, он ведь вовсе не походил на человека, который нуждается в советах юнца. Я принёс ему лыжи и сказал:

— Я пошёл бы с тобой.

Старый Хёгни навряд ли похвалит меня, отпусти я его одного.

Снаружи было тихо... Над горами и морем неподвижно стояло серое небо. Лишь в одном месте в облаках желтела промоина, и оттуда тускло светило солнце, негреющее, медного цвета. Оно даже не отбрасывало теней.

За ночь похолодало, и мокрый снег превратился в наст, твёрдый, прочный, как боевой щит... Наст легко выдерживал человека, но кабанов и лосей ждали тяжкие времена. Обутые копытами ноги станут проламывать ледяную кору, и кровь окрасит следы, привлекая хищного зверя. И будут задыхаться и биться подо льдом глухари, закопавшиеся в снег накануне. И только волки, перекликаясь, погонят охваченную ужасом добычу...

Мы привязали лыжи к ногам и двинулись со двора. Я видел, каким усилием дались Торгриму первые сотни

шагов. Болезнь ломала его, он то и дело вытирал слезившиеся глаза. По-моему, раз или два он даже приостанавливался в раздумье: а не повернуть ли назад, в приветливый дом, к пылающему очагу и пушистому одеялу... Но нет. Он только заставлял себя идти всё быстрей. Он был очень горд и упрям, я уже успел это понять. Я держался у него за плечом. Пусть ему кажется, что я вот-вот его обгоню. Некоторое время спустя мы неслись уже во весь дух, и Серый поспевал за нами, вывалив из пасти язык.

Наверное, Торгрим всё же хорошо знал, что делал. Его движения постепенно делались легче и слаженней, только лыжи со свистом неслись по гладкому насту. Поймать его здорового наверняка было непросто, даже теперь я не без труда шёл с ним наравне. Я смотрел ему в спину и думал о том, как извивались на этой спине белые змеи. Мне было жалко, что он не захотел рассказать.

Потом мы прошли лес и выбрались к морю.

Оно было пустынным до самого горизонта и чёрным, как воронёный металл. Только там и сям виднелись не то белые гребни, не то обломки льдин. Прибой всё ещё грохотал далеко внизу, у подножия береговых скал. Тяжёлые волны медленно рушились на камни, намораживая белые бороды на гранитные подбородки утёсов... Здесь Торгрим остановился и вытер лицо снегом.

— А ты совсем неплохо бегаешь, конунгов сын,— сказал он мне.— Теперь домой!

Почему-то он большей частью называл меня не по имени, а вот так — конунгов сын. Или как тогда в каморке: сын Эгиля. И мне это нравилось. Старый Хёгни предпочитал называть меня мальчишкой. А иногда ещё сопливым. И хотя всё это было одинаково справедливо, именоваться сыном конунга было приятней...

Дома я увидел, что Асгерд всё-таки заварила малину. И заботливо держала питьё на углях, чтобы не остыло. Я с досадой подумал, что Торгрим, пожалуй, откажется. Ладно, впредь наука, не лезь к старшему со своими хлопотами, покуда не просят. Но вышло иначе. Торгрим с удовольствием выпил, и я впервые увидел на его лице нечто вроде улыбки:

— Спасибо, красавица.

И она покраснела, моя Асгерд дочь Хальвдана сына Хёгни. А Торгрим сразу пошел на своё спальное место. И прежде чем снять с себя рубашку, уселся лопатками к стене. Глаза наши встретились, и Торгрим кивнул. Он мне доверял и говорил об этом глазами, и я был горд, что он мне доверял.

Он закутался в одеяло и немедленно заснул, и тогда-то мы с Асгерд подобрались к нему поближе. Когда ещё рассмотришь человека так пристально и без помехи. Мы сидели тихо, чтобы не побеспокоить его. Наконец Асгерд шепнула:

— А он красивый, правда ведь?

Я удивился. Я назвал бы Торгрима мужественным. Пожалуй. И сильным. Но красивым? Темноволосого, с тёмными глазами?.. Однако потом, когда я поразмыслил, мне показалось, будто моя Асгерд не так уж сильно ошиблась.

Другое дело, это была угрюмая красота боевого корабля, летящего в штормовом море навстречу врагу...

Тут Торгрим шевельнулся во сне. Скрипнул зубами. И что-то хрипло пробормотал, но что именно, я не понял.

— Что он сказал? — на ухо спросил я у Асгерд. Она подумала и ответила:

— Он кого-то позвал... Это было женское имя.

— Какое?

Но Асгерд расслышала не намного больше, чем я.

— Не терлась бы ты тут,— сказал я ей.— Смотри, подхватишь болезнь.

Моя Асгерд склонила голову набок и посмотрела на меня озорно.

— Ты боишься, Эйрик сын Эгиля, как бы я не полюбила его вместо тебя!..

И убежала со смехом, довольная, что удалось меня подразнить.

2

Если хочешь весной выйти в море, зимой думай о корабле. А ведь мне предстояло плавание из Раумсдаля в Хьялтланд, на Острова, и это будет не просто поход. Когда я приеду домой, люди моего отца ударят мечами в щиты и назовут меня конунгом вместо него. Если пожелают, конечно.

— Жаль, поторопились мы продать тот корабль, что взяли нынешним летом возле Сольскей! — сокрушался старый Хёгни ярл.— Следовало бы тебе явиться домой на собственном корабле, и притом добытом в бою!

Я слушал его и думал, что мой воспитатель, как обычно, был прав. Летом нам действительно достался знатный корабль. Не намного хуже тех, на которых ходил сам ярл. Впрочем, сделанного не воротишь, что толку жалеть. Но когда Хёгни заговорил об этом во второй или в третий раз, Торгрим неожиданно подал голос, хотя его никто не спрашивал. И вот что он сказал:

— Не меньше славы выстроить хороший корабль, чем отнять его у врага.

Хёгни покосился на него, и я знал, что старику понравились эти слова. И не понравилось, что именно от Торгрима довелось их услышать. Но пока он раздумывал, как поступить, подошёл Хольмганг-Кари.

— Мне случалось строить корабли! — заявил наш Поединщик.— И не я оплошаю, если мне дадут десяток людей в помощь и точило для топора!

Хёгни ничего тогда не ответил, ибо не любил поспешных решений. И людей, склонных такие решения принимать. Но мы часто зимовали в здешнем фиорде. И каждый раз чинили корабли, так что у Гуннара скопилось в сараях немало доброго дуба, ясеня и сосны. Целых бревен и уже расколотых на доски. Хватит с избытком для починки старых лодий и для строительства новой. Может быть, Гуннар даже ждал, что когда-нибудь мы соберемся строить корабль.

А что касается Кари — все знали, что иногда он любил-таки прихвастнуть, но никогда не говорил о себе неправды. И если он обещал, это значило, что весной мы поднимем четыре паруса вместо трёх.

Когда Хёгни велел поставить стены и накрыть крышей новый науст — корабельный сарай, я сказал:

— Готово жилище
для дерева моря.
Равнина тюленей
путника примет...

Торгрим, подававший мне охапку корья для крыши, внимательно посмотрел на меня:

— Стало быть, ты к тому же и скальд, конунгов сын.

Я ответил:

— Это верно, но я пока редко складываю хорошие песни.

Торгрим лишь кивнул и ничего не добавил. Но мне показалось, что он, и без того нелюдимый, помрачнел ещё больше. Так, словно моя короткая вйса растравила в нём медленно тлевшую боль. Меня очень тянуло сказать ему ещё другие свои песни и послушать, что он о них думал, я почему-то сразу решил, что он должен был понимать в них толк. Но что-то остановило меня, и я промолчал.

Корабль!
Есть ли что краше боевого корабля, летящего под

полосатым парусом по вздыбленным непогодой волнам! Сорок молодых гребцов одновременно кладут руки на его вёсла. И ещё столько ждут своей очереди, готовые сменить уставших. Щерится на носу злобная клыкастая пасть, и прочь бегут все недобрые духи, освобождая дорогу... И даже морская великанша Ран сворачивает свою сеть, в которой после бурь остаются утонувшие в бездне... Если она отыщет поживу, это случится не здесь.

Двадцать с лишним шагов можно будет пройти по палубе моего корабля от форштевня до рулевого весла. И только пять — от борта до борта. Стремительный, он будет похож на иглу в руках женщины, вышивающей цветными нитками по темному полотнищу моря. Воистину так шьёт норна, вещая богиня судьбы. А нити — это жизни людей, которые её старшая сестра выпряла на своей прялке. И будущее служило ей куделью, пока она пряла.

Норны обрезают цветные нити острыми ножницами, когда какую придётся...

Старому Хёгни по-прежнему не нравился Торгрим. А ещё больше не нравилось, что нас часто видели вместе.

— По-моему, не ты приблизил его, а скорее он позволяет тебе, сыну конунга, быть около себя! — проворчал однажды мой воспитатель.— А если он сбежавший раб вроде Тунни из Упсалы? Ты об этом подумал?

Тунни, о котором он говорил, жил когда-то у Ауна, конунга свеев, и тот доверял ему, рабу, все свои сокровища. Но потом старого хозяина отнесли на погребальный костёр, а сын конунга, сев на место отца, отнял у Тунни ключи и послал его пасти свиней. Обиженный раб собрал десяток таких же недовольных и ушел со двора. Конунг хотел поймать его и заставить вернуться, но не сумел. Говорили, что Тунни и его люди стали жить сами по себе и даже нападали на других. И много зим оставались сущим бедствием для страны, пока наконец Тунни не встретил противника сильнее себя. А было это давно.

Я сказал старому Хёгни:

— А хотя бы и раб, если иной свободный может у него поучиться.

Я хорошо помню, как удивил ярла этот ответ. И я думаю, что с того дня он не полюбил. Торгрима больше. Ибо старик навряд ли не заметил, что именно с его приходом я впервые начал возражать вырастившему меня.

Между тем Кари-Поединщику Торгрим пришёлся по сердцу не намного больше, чем ярлу. Может быть, он тоже чувствовал, что от Торгрима словно бы тянуло ледяным ветерком. Как от плавучей горы, когда она медленно тает под солнцем, застряв у береговых скал. Я ни разу не видел этих двоих беседующими между собой. И тем не менее мне упорно казалось, будто они всё время приглядывались один к другому. Особенно Кари. И ещё я видел, что теперь уже он оказался на месте задиры, юнца, что намеренно тревожит признанного воина, надеясь потягаться с ним и добыть себе славу... Это стало особенно заметно после того, как мы узнали прозвище гостя: Вига-Торгрим, то есть Боец.

В сарае уже лежало на брусьях огромное, гладко отёсанное бревно — киль корабля. Он станет резать серые морские волны и цепляться за них выпирающим хребтом, когда ветру вздумается потащить судно вбок. В тот день мы пропитали его горячей смолой и пошли отмываться. И Кари выдернул у Торгрима середину полотенца, сказав:

— Такому никчёмному работнику достанет и дырявого края.

Это была величайшая неправда и притом сказанная прилюдно, и все ждали, что Торгрим по достоинству ответит на вызов. Но он не побежал в дом за секирой, хотя она и висела там на стене. Только усмехнулся — и вытер руки рубашкой...

Тогда многим стало казаться, что он был совсем не так храбр, как думали раньше. Я сказал ему об этом вечером, во время еды, и спросил, почему он позволяет называть себя трусом. Торгрим ответил:

— Тому нет проку в большой силе, кто показывает её по пустякам.

И я задумался над его словами, а потом решил, что их надо будет запомнить.

Теперь я не мог представить себе, чтобы Торгрим появился в нашем доме иначе, как только шагнув навстречу из свирепой метели, бушевавшей в ночной тьме над обрывами фиорда... Когда я пытался вообразить себе что-то иное, перед глазами неизменно вставал пустынный морской берег, не украшенный ни человеческим жилищем, ни парусом корабля. И Торгрим, который один-одинешенек шел по этому берегу, и даже чайки не окликали его, проносясь над катящимися волнами. А волны выплёскивались на берег, смывая следы.

Я стал мечтать, как меня выберут конунгом, и я подарю ему щит. И сам сложу щитовую драпу — стихи обо всём, что будет на нём нарисовано.

Торгрим по-прежнему не рассказывал о себе, и у него не допытывались ответа. Все помнили, как жил на свете могучий Гейррёд конунг, любимец Одина, не боявшийся никого. И как однажды он велел схватить незнакомца, забредшего к его очагу, поскольку тот тоже не пожелал рассказывать, кто он таков. И вот упрямца посадили между двумя кострами на полу и держали восемь ночей, так что одежда на нём прогорела до дыр. И невдомёк было Гейррёду, что это сам Один решил испытать, как его любимец принимает гостей!

Тело корабля схоже с человеческим телом. Есть в нем и хребет, и рёбра, вместилище жизненной силы, и кожа, боящаяся ран. Но только всё это делается из крепкого дерева. И хребет называют килем, кожу — обшивкой, а ребра — шпангоутами. Их в моем корабле должно было быть двадцать четыре. Кари старательно рисовал их углём на склеенных берестяных листах. Мы прикладывали эти листы к дубовым доскам и обводили, а потом вытёсывали и прилаживали к килю.

Мы работали дружно. И скоро сделалось видно, как красиво расширялся посередине и плавно сужался к корме и носу мой новый корабль. У него будут высокие борта, чтобы без опаски выходить в открытое море. И стройная мачта, для которой на киле был заранее приготовлен тяжёлый деревянный упор. И дракон на носу. В него перейдет душа жертвенного животного, которое будет заколото в день спуска на воду корабля. Мы будем надевать дракона на штевень, выходя в открытое море. А когда острова Хьялтланда поднимут над горизонтом свои зелёные спины — спрячем под палубу. Ибо негоже пугать добрых духов страны, где собираешься гостить.

Хёгни ярл пристально наблюдал за тем, как строился мой корабль. Он был старше нас всех и немало повидал славных судов. Но и он не находил, к чему бы придраться.

Однажды поздно вечером, когда кончали работу, мой воспитатель похвалил Кари и сказал в шутку:

— Берегись, не начали бы тебя звать за твоё умение вместо Поединщика — Строгалой.

Все слышавшие засмеялись, а Кари ответил так:

— Всякое может случиться, но пока ещё находятся люди, которые не отваживаются схватиться со мной.

Не я один при этих словах оглянулся на Торгрима... Торгрим что-то доделывал возле кормы, и сперва я решил, будто он то ли не расслышал, то ли не понял, что речь шла о нём. Но потом он отряхнул с себя стружки и не торопясь пошёл к нам вдоль корабля.

— Ярл,— сказал он, подойдя.— Вели своему человеку исправить шпангоуты, как я покажу. Иначе этот корабль не будет так быстроходен, как всем бы хотелось.

Тут уж наш Кари вспылил по-настоящему:

— Много понимает в кораблях пришедший пешком!

Он сжал кулаки, и, по-моему, даже усы у него встали дыбом, как проволочные. Иному противнику хватило бы одного его вида, чтобы убежать без оглядки. Должно быть, он и впрямь неплохо притворялся берсерком, путешествуя по Вику...

Торгрим спокойно повернулся к нему спиной и пошел из сарая.

Безоружный Кари в бешенстве подхватил с полу дубовый обрубок и кинулся было следом, но Хёгни ярл остановил его:

— Нечего ссориться. Завтра я сам посмотрю, в чем там дело.

Но я-то видел, что мой воспитатель был сильно озабочен и полез бы смотреть прямо теперь, будь в сарае хоть немного светлей.

А когда мы кончили умываться и пришли в дом есть, там сидела на лавке моя Асгерд. Я подошёл, собираясь сесть подле неё, и увидел у неё на коленях рубашку Торгрима. Асгерд пришивала заплату на разорванный рукав. Я сказал:

— Ты чинишь Торгриму рубашку?

Она подняла голову и спокойно спросила:

— А что?

— Ничего,— сказал я и подумал, ведь вправду нету дурного, если кто-то зашивает чью-то рубашку. Но садиться рядом с ней мне уже не хотелось. И ещё мне почему-то вдруг показалось, будто она стала много старше и взрослее меня... хотя мы родились в один год, и все это знали.

Ночью я долго вертелся с боку на бок.

Воины, ходившие за отцом, ударят мечами в щиты и назовут меня конунгом. Я буду водить их в походы и сделаюсь славен и знаменит. Так пройдёт много зим. А потом однажды я приеду в Скирингссаль. Или в другое какое-нибудь место. Но там тоже будет торг и пленники, привезенные для продажи. И я случайно увижу Торгрима, стоящего со связанными руками и с опущенной головой. И Асгерд, вцепившуюся в его локоть. И хозяина, торгующегося сразу с двумя покупателями, и каждому будет нужен только кто-то один.

Тогда я подойду к ним, и торговцы сразу куда-то исчезнут, потому что со мной подойдут мои люди, и все мы будем держать руки на топорах. А может, им не мало покажется и моего лица...

У меня будет с собой достаточно серебра, так что я выкуплю и Торгрима, и Асгерд, и отпущу их на свободу, и вот тогда-то она задумается, кто из нас двоих любил её крепче.

Мне понравилось то, что я придумал. Правда, тому, кто пожелает назвать Торгрима рабом, придётся проявить немало сноровки. Скорее уж он отправит в Вальхаллу десяток врагов и сам останется лежать, где стоял. Да и не получится из него раб. Я подумал, что будущее редко выходит таким, каким нам хочется его видеть. Но жаль было расставаться с придуманной поездкой в Скирингссаль, и я сказал себе, что Торгрима, может быть, ранят в бою. Или оглушат.

Утром мы собирались начать обшивать корабль досками... Добрые доски в два пальца толщиной уже лежали на козлах, готовые встать каждая на своё место — по шестнадцати на каждый борт. А рядом стояла смола в горшочках и пухлые шнуры коровьей шерсти, в три нитки. Мы уложим их между досками, и вода не проберется внутрь. Мне очень хотелось скорее увидеть корабль одетым в деревянную плоть. Поэтому я спал беспокойно и проснулся задолго до света. Меня разбудили осторожные удары топора, доносившиеся снаружи.

Я испугался спросонья, решив, что проспал, и работу начали без меня. Но длинное бревно в очаге сгорело едва наполовину, и люди вокруг еще спали под одеялами. Не было только Торгрима, я сразу это заметил, ведь мы с ним по-прежнему спали спиной к спине.

В сарае действительно кто-то работал. Дверь была прикрыта неплотно, и по снегу двигались отсветы от лучины, горевшей внутри. Ещё я услышал голос. Это был голос Торгрима, и он говорил песнь.

— Вёсла и нос
вепря волн
прозваньем укрась
Отца Побед.
Железо кали,
дерево жги,
могучие руны
пусть оно помнит...

Это была хорошая песнь, и я совсем было собрался войти и спросить Торгрима, кто её сложил. Но тут он заговорил снова, и я передумал. Я не понял, чью песнь он вспомнил сначала, но теперь он пытался сложить свою собственную, и у него ничего не получалось. Он яростно сражался со словами, и бой был неравным. Его висы рождались безжизненными и тусклыми, как оружие, слишком долго пролежавшее в сырости: им ещё можно замахнуться, но стоящего удара уже не нанесёшь... Никакого сравнения с той песнью, которую я услышал вначале.

Потом он умолк и не то вздохнул, не то зарычал...

Я громко кашлянул и пошел к приоткрытой двери, нарочно со скрипом приминая сапогами снег.

Торгрим стоял на коленях у левого борта, подтёсывая на свой лад последний шпангоут... Он поднял голову, когда я вошёл, и мне не показалось, чтобы он смутился. Я спросил его:

— Зачем ты портишь корабль?

Торгрим не спеша опустил топор и выпрямился, разглядывая свою работу. Весь борт действительно сильно изменился, и теперь я не мог понять, к худу или к добру. Торгрим сказал:

— Твой Кари совсем не плохой мастер, но кое-чего ему всё же недостаёт.

Тут я подошёл поближе, и он добавил:

— Я не трогал другую сторону, чтобы можно было сравнить.

Я встал у кормового штевня и начал смотреть. Я всё старался представить, как лягут доски на один борт и на другой, и подтёсанный борт неизменно оказывался красивее. А я знал, что самый лучший корабль обыкновенно бывает и самым красивым, и дело тут не в резьбе.

В конце концов я опустился на четвереньки, чтобы заглянуть ещё и снизу. И тут дверь отворилась опять, и в сарай вошёл Кари. Должно быть, его тоже разбудил стук топора. И он, конечно, сразу понял, что произошло.

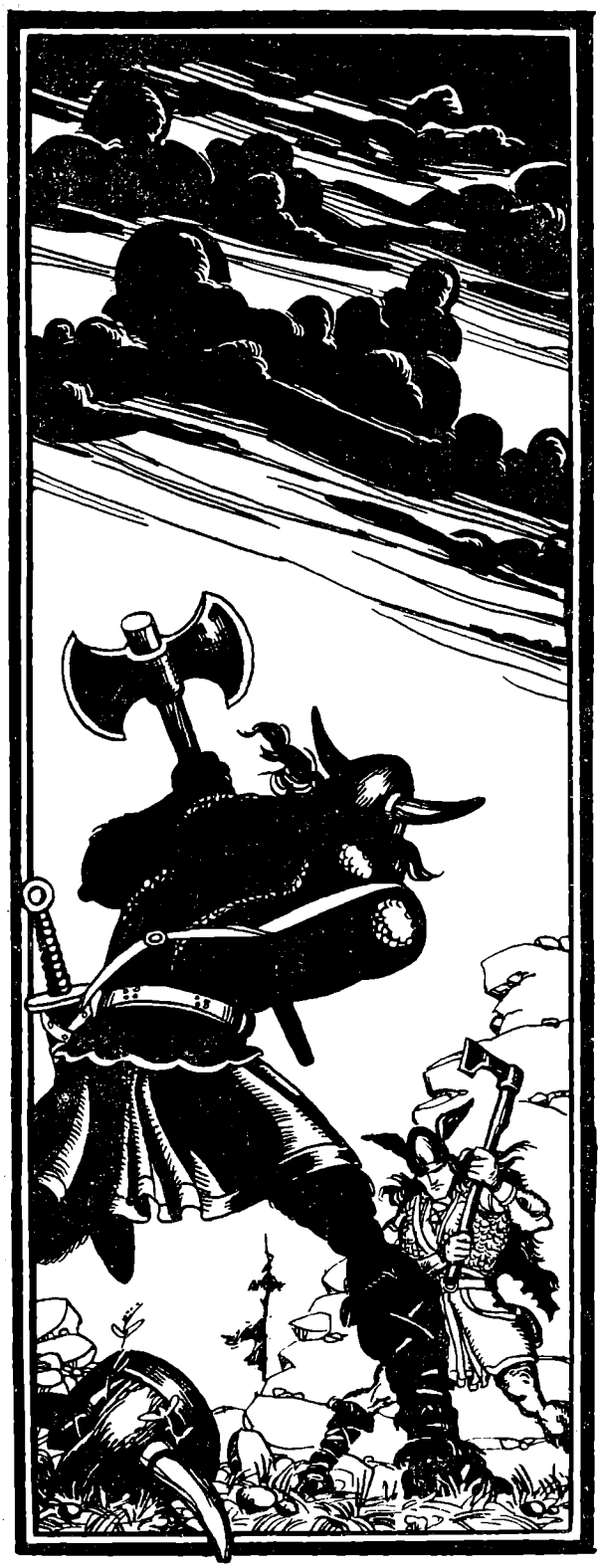
Я думал, Поединщик снова начнёт кричать и браниться, однако ошибся. Кари долго молчал и лишь постепенно наливался кровью, так, что глаза выступили из орбит. А потом пошёл к Торгриму, стискивая кулаки.

— Ты загубил мою работу, бродячий пёс. Я убью тебя...

— Не убьёшь,— сказал Торгрим.— Это ты ошибался, а я был прав.

Но Кари был менее всего расположен убеждаться в его правоте.

— Ты будешь драться со мной!.. — прохрипел он, подойдя вплотную.— Не видал я тебя в деле, Торгрим-Боец! И я думаю, что ты только и способен подсаживаться к невесте, когда поблизости нет жениха!



Он никогда бы не произнёс этих слов, если бы знал, что я здесь и всё слышу. Я ведь стоял на четвереньках за килем, и при лучине меня трудно было там разглядеть.

Торгрим ничего ему не ответил...

Но я увидел, как его руки, державшие обрезок доски, медленно сжались. И пальцы вошли в твёрдое дерево, словно железные клещи! Тогда я вскинул глаза и заметил, что у него задрожали ноздри и губы. Но не так, как от обиды или бессильного гнева. Это была какая-то страшная дрожь.

Тут я сообразил, наконец, что к чему. Я выскочил из-за киля и схватил его за локти:

— Торгрим!

Может быть, он успеет узнать меня, и тогда я попробую его остановить. А если нет, он убьёт меня с ближайший шпангоут. А потом и Кари, как бы тот ни бежал. А потом разнесёт в щепы и корабль, и корабельный сарай. Больше всего мне было жалко корабль...

Я вцепился в Торгрима что было сил, называя по имени. Глаза у него жутко блуждали, и за все свои шестнадцать зим я не встречал зрелища хуже, но тогда у меня просто не было времени испугаться. Он из последних сил боролся с безумием, и мне уже стало казаться, что ему не помочь, но тут он вдруг закрыл глаза и сел прямо на пол, едва не свалив и меня. По его лицу покатился пот.

Потом он выговорил:

— Это хорошо, что ты подоспел... Жаль было бы убить Кари. Он славный малый, хотя и глупец...

Его голос звучал хрипло и прерывался. Он так сцепил пальцы, что побелели суставы. Я сел рядом и лишь тут как следует понял, в какой переделке только что побывал, и зубы у меня застучали сами собой. А ведь я сражался в походах и, говорили, не отставал от других. Я коснулся рукой спины Торгрима, и он кивнул, не открывая глаз.

— Ты тогда не сказал этого вслух,— произнес он еле слышно.— Но ты верно догадался, что мне собирались врезать орла... В тот день я стал берсерком и перестал быть скальдом...

В сарае было холодно, и я сказал:

— Пошли в дом.

Он попытался встать и не смог. Я знал, что это такое: бессилие, овладевающее берсерками после припадка. Можно рассказывать о берсерках всякие небылицы, подражать им, как Кари, завидовать тем, у кого они ходят на корабле. Но я смотрел на Торгрима и думал о том, что совсем не хотел бы оказаться в его шкуре. В медвежьей шкуре, и ему от нее уже не избавиться...

Я все-таки заставил его подняться и тут заметил, что Хольмганг-Кари все еще стоял возле двери, прилипнув к ней лопатками, и теперь в его лице не было ни кровинки. Он не побежал, но не смог и прийти мне на помощь. Я не осудил его — как назвать трусом отступившего перед яростью берсерка!.. Я только махнул ему рукой, чтобы он скорей уходил...

Когда мы с Торгримом вернулись в дом, Кари лежал на своем месте, под одеялом, и притворялся, что спит. Может быть, утром он решит, что ему приснилось. И будет так думать, пока не заглянет в сарай.

Торгрим уснул, а я долго еще смотрел на продымленные стропила, едва освещенные очагом. Мне опять вспоминалась придуманная поездка в Скирингссаль. Но теперь все это выглядело таким мелким и глупым в сравнении с творившимся наяву. Я спросил себя, знала ли Асгерд, кому зашивала рубашку. И решил, что скорее всего нет, но это не имело значения, ведь я-то не собирался ничего ей говорить.

3

Торгрим все же зря посчитал нашего Кари глупцом. Теперь я думаю, до утра Поединщик на многое успел взглянуть иными глазами. Когда мы пришли в сарай, он уже вовсю стучал топором возле правой стороны корабля. Хегни ярл с удивлением посмотрел на него и на то, как изменились оба борта. Кари объяснил почти весело:

— Я решил переделать шпангоуты так, как посоветовал Торгрим.

Тогда оглянулись на Торгрима. Но Торгрим промолчал. Он разводил огонь, чтобы варить смолу и размягчать еловые корни. Промолчал и я. Мы трое ни о чем не договаривались друг с другом, но о случившемся ночью не обмолвился ни один.

Между тем жизнь в доме продолжалась как прежде. Женщины ставили пиво, привязывали камни к нитям ткацких станков, кроили и вышивали одежду. Надо было делать и мужскую работу — охотиться. Мальчишки ходили в лес, устраивали силки, били тупыми стрелами осторожную птицу. И мы, воины, всякий день становились на лыжи. Иногда к вечеру волокли домой оленя или лося. А чаще выходили на лед, сковавший фиорд от одного берега до другого, и долбили в нем лунки. Подо льдом ходила жадная зубатка, большеголовая треска и жирная сельдь. Зима выдалась холодная, и лед был надежный. Только одно опасное место подстерегало рыбака: там, где в фиорд впадала быстрая речка. Возле ее устья лед оставался непрочным даже в самый сильный мороз. Но все это знали, и в ту сторону никто не ходил.

Борта моего корабля поднялись уже до самого верха. Гладкие доски красиво находили одна на другую. Третью сверху сделали толще всех остальных. Кари прорезал в ней отверстия для вёсел — гребные люки. Скоро будет настлана палуба и поставлены скамьи. Мы сядем на них и будем грести. А у берега, на ночлеге, снимем скамьи и натянем над палубой просторный шатёр...

Каждый уже знал, на какую скамью сядет. И вытачивал для гребного люка круглую крышку, украшая ее узором, кому какой был по душе.

Я знал, что иные строители предпочитали скреплять бортовые доски заклепками: так быстрей. Но Кари сказал мне, что это не от большого ума. Если корабль сшит еловыми корешками, его борта легко гнутся под ударами волн, и самый лютый шторм их не сломает. Такое судно кажется Эгиру мягким, словно морской зверь, покрытый жиром и мехом. И море не трогает его, принимая за своего.

Когда корабль гонится за врагом, парусу помогают быстрые весла. Не всякое судно при этом способно нести щиты на бортах. Бывает, они закрывают гребные люки, мешая грести. Кари позаботился и об этом. Все-таки он был хорошим мастером, наш Кари.

А еще — весной, перед спуском на воду, корабль надо будет покрасить. Я долго думал, какой цвет для него выбрать. Если красный, его даже без паруса будет далеко видно в серых морских волнах. И все будут знать, что мы боимся немногих. А если коричневый или серый, его легко будет прятать за скалами, опустив мачту. И неожиданно нападать на купеческие корабли, идущие вдоль берега.

Я решил сделать его черным... Как утесы на севере или океан в непогоду. Черным, как ворон, спутник Отца Побед.

Я часто размышлял о Торгриме и о моей Асгерд, именно так, о двоих сразу, словно тому и следовало быть. Однажды Хёгни ярл накричал на свою внучку. Я не слышал, что он ей говорил, но она вышла с закушенной губой. Впрочем, ее глаза сухо горели, и она совсем не считала, что виновата. Я не стал к ней подходить.

Когда Сигурд Убийца Дракона отведал колдовского напитка, он лишился памяти и забыл о любимой. Тогда его невеста Брюнхильд добилась гибели жениха. А потом ударила себя в сердце над его погребальным костром.

Я заглядывал в себя, и что-то мне совсем не хотелось убивать мою Асгерд дочь Хальвдана сына Хёгни... или умирать самому. Я стыдился и думал, что, наверное, любил ее недостаточно сильно. И мне было совестно перед ярлом. Ему ведь наверняка хотелось породниться с конунгом Островов.

Я думал: а что если времена и впрямь измельчали, как сетуют старики, и люди разучились крепко любить?.. Это теперь я знаю, что был просто мальчишкой, молодым глупым мальчишкой, и не ведал толком, что такое любовь.

Однажды в морозный день Торгрим собрался на рыбную ловлю. Он приготовил снасть и крепкие берестяные салазки и спросил меня, не хотелось ли мне пойти с ним. Тогда я подумал о том, что ярл на моем месте давно бы уже заставил Торгрима драться, и сказал:

— Не хочу.

Торгрим стоял как раз возле своего спального места, где висел на стене его боевой топор.

— Ну как знаешь,— пробормотал он и натянул через голову меховой полушубок.

Днем я снял его топор со стены и вытащил из чехла. Топор был острым и очень тяжелым. Страшное оружие в умелой руке. А на лезвии, смазанном медвежьим салом от сырости, проступали глубоко вбитые руны. Двадцать четыре знака, привлекающие удачу к человеку, умеющему их начертать... Наверное, Торгрим не только холил свое оружие, но и владел им искусно. Я знал в этом толк: я тоже любил секиру гораздо больше меча.

Я погладил топор, примерился и раза два взмахнул им для пробы. И тут заметил мою Асгерд, вошедшую со двора. Я залюбовался ею, потому что она разрумянилась с мороза. Но потом она скинула теплый плащ, и на руке блеснуло запястье. Я не дарил его ей... Оно было стеклянное, и я сразу понял, откуда оно у нее. Не каждая набралась бы смелости открыто носить подобный подарок...

Наверное, надо было бы мне сорвать с нее этот браслет и растоптать на полу. Или бросить в очаг. Многие так поступили бы и еще как следует припугнули девчонку, чтобы впредь думала, кому улыбаться.

Я сказал:

— Надерет тебе уши Хёгни ярл...

Моя Асгерд ответила:

— Ты-то никогда не посмеешь!

Мы стояли по разные стороны очага. Я опустил руку с топором и сказал:

— Это ты верно подметила. Ты всем так дерзишь или мне одному, потому что я на тебя не замахнусь?

Она вспыхнула еще больше, и теперь уже не мороз был в том виноват. Не могла она так скоро забыть, как мы с нею сидели на кривой сосне над обрывом, и она гладила мою ладонь, ороговевшую от весла, а я рассказывал о Западной Стране, где мы сражались и брали добычу... Может быть, ей стало стыдно, моей Асгерд. Но только на миг.

— Ты взял его секиру! Ты хочешь драться с ним и решил испортить его секиру!

Я удивился про себя, почему огонь не сжег этих слов, пока они летели над очагом. Еще я подумал, что Торгрим, пожалуй, долго не станет дарить ей второго браслета, если ему передадут.

— Уйди отсюда, Асгерд,— сказал я тихо. Она ушла, даже не подобрав плаща. Недаром она была внучкой ярла, моя Асгерд, дочь Хальвдана сына Хёгни.

Я остался стоять с секирой в руке... Даже у злобного бога Локи, немало наделавшего гадостей людям и Асам, есть жена, которая его любит. Локи лежит в глубокой пещере, связанный за свои преступления необоримыми путами. А со свода пещеры свешивается змея, так что яд капает ему на лицо. Злобный Локи отчаянно корчится, и люди зовут это землетрясением. Но жена его Сигюн берет чашу и подставляет под ядовитые капли, чтобы Локи мог передохнуть...

Каждому нужна своя Сигюн, и Торгрим, должно быть, нашёл ту, которую искал. Но я-то не был виновен, если ее звали совсем не тем именем, что он продолжал шептать по ночам. Может быть, через двадцать зим и я скрипну зубами, вспомнив об Асгерд. А наяву стану дарить украшения совсем другой.

Но до тех пор я еще вернусь в Хьялтланд, на Острова. И обниму там свою мать. Она-то никогда не скажет, что я хотел испортить чужой топор.

Потом я пошел в сарай, взял там крышку от своего гребного люка и вырезал на ней Знак Вечности: три треугольника, сплетенные так, что невозможно понять, где кончается один и начинается другой...

Солнце везут по небу два могучих коня — Арвак и Альсвинн, Ранний и Быстрый. Солнце пышет огнем, но боги приделали к упряжи кузнечные меха. Меха раздувают небесное пламя и дают прохладу коням.

Летом, когда луга покрыты травой, Арвак и Альсвинн сыты и веселы. Высоко на небосклон вывозят они свою хозяйку и никак не хотят спускаться обратно. Зимой всё по-другому. Зимой кони скоро устают и торопятся в стойло. И потому-то зимой ночь тянется дольше дня.

Когда солнце начало клониться к закату, я подумал о Торгриме и спросил старого раба, в какую сторону тот уходил. Старик отвечал, что вверх по фиорду.

Тогда я сразу подумал о речке и попробовал вспомнить, предупреждал его кто-нибудь или не предупреждал. Во всяком случае, я ему не говорил ничего. И я не пошел с ним, так что Ран, если ей вздумается, заберет его без помех. А Торгрим мне доверял!

День стоял солнечный, и синие тени сосен пересекали мой путь. А впереди ярко розовели горы. Но я не останавливался посмотреть.

Я бежал быстро и скоро достиг обрывов, нависавших над устьем реки. Здесь я перевел дух и посмотрел с высоты на фиорд.

Глубоко внизу, отбрасывая длинную тень, шел на лыжах человек... Впереди бежала большая собака, запряженная в берестяные салазки. На салазках кучей лежала замерзшая рыба.

Торгрим далеко обходил опасное место, и у меня отлегло от сердца. С ним ничего не случится, я зря беспокоился и бежал, когда мог бы сидеть дома и что-нибудь делать...

Тут я увидел, как Серый насторожился и поставил уши торчком. А его хозяин воткнул копье в снег и поднял голову, прикрывая глаза рукавицей. Потом помахал рукой, и свернув, направился прямо ко мне. Как раз туда, где терпеливо ждал тонкий лед, ненадежно прихвативший быстрину.

Серого предостерегло собачье чутье. Сперва он сел и залаял, потом, волоча санки, забежал вперед. Торгрим не обратил внимание на его беспокойство.

— Торгрим! — крикнул я во всю силу легких, и морозный воздух обжег мое горло.— Стой!..

Но эхо разбило мой голос о каменные лбы скал. Торгрим вновь посмотрел на меня — и продолжал идти. Тогда я пододвинулся к краю обрыва и как следует оттолкнулся копьем.

Я неплохо знал, какой стороной привязывают лыжи к ногам... Мы часто забавлялись, спускаясь с крутых заснеженных гор, и не меня называли самым неловким, когда приходилось петлять между деревьями и валунами!

Я летел вниз, и ветер гудел в ушах. Я ни разу еще здесь не спускался. Камни вырастали впереди один за другим, я прыгал и поворачивал, и за спиной плащом висела снежная пыль. Самый проворный лыжник не сумел бы съехать с этой крутизны, не расплескав в руке чашу с водой... Лед фиорда был уже близок, когда я понял, что вот сейчас упаду. Я успел отбросить копье и свернуться в клубок, чтобы сберечь ноги. И покатился кувырком. Пухлый снег принял меня и остановил.

Река и Торгрим остались справа, по ту сторону большой скалы. Я поднялся и глянул наверх, и теперь высота показалась мне жутковатой. Надо будет рассказать дома, как я съезжал, и сделать это при Асгерд. Но только так, чтобы она не поняла, для кого я говорю.

Это я обдумывал уже на бегу. По счастью, я не сломал лыж и спешил добраться до Торгрима прежде, чем до него доберется Ран с ее сетью. Но потом услышал визг Серого, сменившийся отчаянным воем, и понял, что опоздал.

На белом снегу дымилась черная полынья... Торгрим окунулся в нее с головой. Когда я выскочил из-за скалы, он как раз вынырнул и, отплевываясь, схватился за край льда. Я сразу увидел, что он не выберется сам.

Он сказал мне:

— Не подходи сюда, конунгов сын.

Течение неумолимо затягивало его под лед. Соскользнут окоченевшие пальцы, и Торгриму конец. Он повторил:

— Незачем тебе сюда подходить.

Серый бегал вокруг, подвывая и скуля. Я видел, как гнулась под ним тонкая корочка льда. Прозрачная вода выплескивалась на край и немедленно застывала. Я полоснул ножом по ремням лыж, распластался на снегу и пополз.

Лед неплохо выдерживал ползущего, и я добрался до Торгрима без большого труда. Дотянулся до его рук и обмотал ему запястье концом ремня. Потом затянул петлю у себя на поясе и стал пятиться назад.

Серый все вертелся рядом и визжал. Салазки перевернулись, мерзлая рыба вывалилась на снег. Когда салазки наехали мне на руку, я поймал постромки. Пусть помогает.

Понятливый пес уперся лапами в снег. Я даже испугался, не лопнул бы ремень. Нет, пожалуй, скорее лопну я сам. Как струна на арфе у неумелого скальда. Я продолжал отползать. Я выдержал усилие, выдержал и ремень. Торгрим навалился грудью на край.

Полынья отпускала его неохотно... Тонкий лед скрипел и прогибался под нами, вода догнала меня и стала впитываться в одежду. Если лед затрещит, нам обоим придется одинаково худо. Торгрим тоже понял это и усмехнулся сведенными губами:

— Обрежь ремень, конунгов сын, Ран уже схватила меня за пятку. Мало проку тебе держать меня так крепко, как ты это делаешь.

Я не ответил. Я лежал лицом в воде, и кровь сочилась из-под ногтей. Серый хрипел в постромках. Потом Торгрим выбрался из полыньи весь и растянулся на льду. Ноги и нижняя половина тела едва ему повиновались. Но мне стало легче тащить, и я больше не останавливался, пока не оставил полынью далеко позади.

Тогда я выпустил Серого, уткнулся лицом в снег и долго лежал неподвижно. Я всхлипывал и никак не мог отдышаться. Я больше не думал ни об Асгерд, ни о том, что у меня у самого остались сухими лишь волосы на голове, и мороз жадно схватывал одежду, добираясь до тела...

Я знал только, что мы оба остались живы, Торгрим и я.

Я плохо помню, как мы возвращались домой. Позже мне рассказали, что первым, путаясь в перегрызенных постромках, во двор прибежал Серый. Он принес в зубах рукавицу Торгрима. Тогда Хёгни ярл понял, что дело неладно, и послал по его следу людей. И когда те люди миновали ворота, им показалось, будто по берегу плелись в обнимку два инеистых великана из сказки.

Мой воспитатель очень боялся, как бы я не заболел. Но с нами ничего не случилось, ни с Торгримом, ни со мной. Мы оба сразу свалились спать и проспали до вечера следующего дня. Я проснулся голодным и запросил есть, и Хёгни стал спрашивать меня, как было дело. И я рассказал все по порядку, промолчав только об Асгерд и ее словах у очага. И лишь потом вспомнил, что совсем позабыл о крутом обрыве и о своем спуске с него. Но я не стал возвращаться к началу и путать рассказ. Ведь это была безделица, не стоившая похвальбы.

4

После этого до самой весны все было тихо. Не случилось ничего, о чем следовало бы вспомнить. И я по-прежнему сидел за столом рядом с Асгерд и угощал ее из своего рога. Иначе стали бы много говорить про нее, про Торгрима и про меня. А когда распустились подснежники и фиорд очистился ото льда, мы спустили на воду новый корабль.

Он давно уже стоял в сарае совсем готовый. И черные смоленые бока отсвечивали подобно железным, когда я приходил его навестить. Я разговаривал с кораблем и гладил его дубовое тело. Он слушал меня и молча запоминал мои речи. Или глухо гудел, если я хлопал его ладонью. Когда вокруг будет реветь бездонное море, придет его черед показать, любит он меня или нет...

Мы осторожно вынули боковые подпорки и повели корабль из сарая, перекладывая катки. Тут стало ясно, что наш Кари не зря хвастался ремеслом. Корабль шел легко, не заваливаясь ни вправо, ни влево. Нас было не более тридцати человек, но мы без особой натуги притащили его на берег. Последнее усилие, и под дружный крик всех смотревших изогнутый форштевень впервые соприкоснулся с водой... Корабль вошел в нее так, что любой мог понять: берег служил ему лишь временным пристанищем, а теперь он попал домой. Раскачиваясь, он кланялся морю и приветствовал его. И дух захватывало от его красоты. И я сказал:

— Чайку игр валькирий
дочки Ва́на-Ньёрда,
ласковые, нянчат
на синих ладонях.
Если есть удача,
не боятся бури
спешащие к рати
на Сле́йпнире моря...

Ибо я назвал его Сле́йпнир, что значит быстро скользящий. Слейпниром зовут люди серого коня о восьми чудесных ногах, на котором одноглазый Один торопится к полям битв...

Я не очень думал, что говорил, песнь складывалась сама. Может быть, кто-то пожелает запомнить ее, а нет,

так и не надо, я сложу другую, получше. Мне казалось, я вправду попробовал меда и скоро стану могучим скальдом вроде Браги Старого, которого боги угощают за своим столом...

И не удивился бы таким речам и думам тот, кто смотрел на мой корабль вместе со мной!

Хёгни ярл, мой приемный отец, часто гостил в этом фиорде, у Гуннара бонда сына Сиггейра. Гуннару это нравилось, потому что Хёгни был щедр. И никакой враг не отважился бы напасть на двор, где вставали на якоря его корабли. Вот и в эту весну, едва мы начали собираться в море, Гуннар начал просить нас приехать опять. Однако теперь он усердно ходил не только за Хёгни, но и за мной.

Ярл благодарил хозяина и обещал не забывать, но мне что-то подсказывало: больше он сюда не вернется. Должно быть, он сильно состарился. Ведь и я уже не был тем малышом, которого мой отец когда-то посадил ему на колени. Я сделался викингом и мужчиной, и скоро меня назовут конунгом Островов...

Наверное, Хёгни решил бросить походы и осесть в Хьялтланде, на берегу. Иногда мне приходило на ум: а ведь тогда его воины навряд ли будут нужны ему, как теперь. Кари-Поединщик и все эти люди, среди которых я вырос... Захотят ли они тоже назвать меня конунгом? Или выберут кого-нибудь между собой и уйдут? Пожалуй, они поступят так, как им посоветует ярл. У меня чесался язык спросить его, но я молчал. Это было бы недостойно.

В тот раз Хёгни надумал забрать у Гуннара свою внучку и взять ее с собой. Надеялся, верно, ее образумить. Ведь Торгрим не был его человеком, и неизвестно, сядет ли он с нами на весла. Может быть, он останется по эту сторону моря, и, глядишь, будет все-таки выпито пиво на моей свадьбе с дочерью Хальвдана сына Хёгни...

Торгрим подошел ко мне и спросил, не найдется ли для него местечка на моем корабле.

Я знал, что раздосадованный Хёгни выбранит меня за глупость, ведь я брал человека, на которого заглядывалась моя Асгерд, и это вместо того, чтобы вызвать его на хольмганг... Я сказал:

— Ты будешь грести тем же веслом, что и я.

Ибо Вига-Торгрим стоил десяти девчонок, и каждая вдвое краше ярловой внучки!

Но я не мог перестать думать о ней, я ведь любил ее. В последний вечер я долго бродил по берегу один. На деревьях готовы были лопаться почки, я прикасался ладонью к шершавым влажным стволам и слышал движение и шум глубоко под корой. Пахло так, как никогда не пахнет ни осенью, ни зимой — талой водой и прошлогодними листьями... и еще чем-то, отчего ныло в груди.

Ноги принесли меня к месту, которое мы с Асгерд еще недавно называли своим. Там росла кривая сосна, на корявом стволе хватало места как раз для двоих. Оттуда был далеко виден фиорд. Почти до самого моря. В прежние годы Асгерд всегда приходила сюда помахать мне рукой. И я долго видел ее светлое платье среди зелени и темных береговых скал. Теперь, пожалуй, незачем было бы смотреть, даже если бы Асгерд осталась.

Сумерки уже сгущались, но я разглядел сидевшего на сосне человека, и сердце подпрыгнуло. Человек пошевелился и кашлянул. Это был Торгрим.

Я прирос к камням, на которых стоял... Торгрим смотрел на тропинку с Гуннарова двора, и было ясно, что не меня он здесь поджидал.

Он никогда не пришел бы сюда, если бы знал. Наверняка это Асгерд показала ему нашу сосну. И, конечно, не стала рассказывать, как сидела здесь со мной.

Сердце билось толчками, глухо и тяжело. Торгрим был хорошим охотником. Но я обошел его так, что он не услышал. И зашагал домой напрямик.

Я до сих пор не знаю, что, собственно, я собирался сделать или сказать... Я как раз застал мою Асгерд, когда она расчесала волосы костяным гребнем и прилаживала на лоб повязку, затканную серебром. Эту повязку я привез ей из Валланда.

Я встал против нее и стал на нее смотреть, и гребень замер у нее в руке. А рабыни, хлопотавшие у очага, переглянулись и выскочили за дверь. Я сказал:

— Сядь-ка со мной, Асгерд. Я хочу, чтобы ты села со мной, как ты это делала раньше.

Она села. Было похоже, она наконец-то меня испугалась. Я взял ее руку и сказал:

— Когда Торгрим поступает, как я, ему навряд ли кажется, будто он взял в руки лягушку.

Асгерд выдернула руку и отскочила прочь:

— Тебе-то что до этого, Эйрик сын Эгиля!

Я ответил:

— А то, что я тебя чаще вижу с ним, чем одну, и мне это мало нравится. Я ведь и сейчас знаю, куда ты собралась.

Асгерд не раздумывала долго:

— Торгрим скорее срубил бы мне голову, но не стал бегать за мной, как это делаешь ты.

Тогда я поднялся и пошел прочь, потому что мне больше нечего было сказать моей Асгерд дочери Хальвдана сына Хёгни. Я не ощущал даже боли, только пустоту, как после голода зимой. Моя Сигюн не пожелала держать надо мной чашу, и я не видел особенной разницы, куда идти.

Я пошел к кораблю... Если есть на свете что-то надежное, так это корабль. Его прочная палуба не подведет, не выскочит предательски из-под ног. Я взошел по еловым мосткам, и тяжелая лодья чуть вздрогнула, узнав мои шаги.

— Это я,— сказал я кораблю. Я сел на свое место и стал смотреть на звезды за бортом. Добрые жены перевелись. Такие, какой моя мать была для отца. Недаром он не смотрел на других. И потому был всегда так удачлив в походах, ведь она любила его и ждала!

А злую жену и брать незачем... Ведь не только от невесты можно дождаться, чтобы ей приглянулся другой.

Потом я подумал о завтрашнем дне и порадовался ему. Завтра будут поставлены паруса, и мы с Торгримом пойдем на одном корабле, Асгерд же — на другом. И так будет каждый день до вечера, а когда мы минуем шхеры и начнется открытое море — подряд несколько дней.

А потом я приеду в Хьялтланд и обниму свою мать. И она обнимет меня так же крепко, как я ее, потому что у матери есть только те сыновья, которых она сама родила. И ей нету нужды смотреть в дверь, ожидая, не шагнет ли к очагу еще кто-нибудь, как Торгрим, из ниоткуда, из ночной мглы.

В том походе Эгир нас баловал. Ветер послушно натягивал парус, пока не минула середина дороги. А потом, что редко бывает весной, в море пал штиль. И лишь мертвая зыбь катилась да катилась из-за горизонта, баюкая корабли...

Мы опустили мачты и уложили вдоль палуб, и весла заворочались в гребных люках, размеренно падая и поднимаясь, как крылья морских птиц, неутомимых в полете...

Ледяная вода еще дышала из-за борта мертвенным холодом, и бродячие льдины показывались над круглыми спинами волн, но когда Торгрим сменял меня на весле и я ложился на палубу — палуба была теплой от солнечных лучей.

Мой корабль нес меня по морю...

Я лежал на теплых досках, закинув за голову усталые руки, и смотрел на Торгрима, державшего весло. За краткое время похода он переменился едва ли не больше, чем за целую зиму. В нем поселилась какая-то тайная радость, и мне трудно было ее объяснить. Сперва я решил, что он

просто соскучился по морской работе и кораблю. Но нет. Он скорей походил на воина, который долго и трудно шел к месту сражения — и наконец обогнул последний мыс и увидел врага прямо перед собой...

Может, именно потому он перестал прятать свои рубцы. Он сидел на скамье голый по пояс. Тысячелетняя песня помогала гребцам наклоняться над веслами и снова откидываться назад. Я смотрел на Торгрима и видел, что железо тут начиналось прямо под кожей. Асгерд была все-таки права, выбрав из нас двоих его, а не меня. Белые змеи плясали на широкой спине. Седеющая грива спадала из-под повязки, и моя молодость не была большим достоинством сама по себе.

Ничего. Через двадцать зим я буду очень похож на него. Я это знал. А до тех пор я вполне проживу и без жены. И когда Торгрим отыщет своего недруга, я сумею встать с ним плечом к плечу.

Скоро мы должны были прийти в Хьялтланд, на Острова, где был курган отца и рядом мой дом, а на берегу ждала меня мать. Мы устроили привал на острове Медвежьем, последний привал на нашем пути. Этот остров был назван так из-за белых медведей, которых, что ни год, приносили с севера плавучие льды. Вот и нынче на западном берегу прятался в скалах чудовищный зверь. Но на обширном острове хватало пищи для всех, страшный пришелец пока ни разу не потревожил ни людей, ни скотину, жители видели только следы его лап.

А еще Медвежий был знаменит тем, что именно здесь мой отец однажды сразился с оркнейским викингом, Сигвальди ярлом, и одолел его в жестоком бою. Как рассказывали, Сигвальди тоже любил здесь останавливаться и нещадно обирал рыбаков, так что эти люди с тех пор всегда были приветливы и с моим отцом, и со мной.

На острове стоял всего один двор. Назывался он Котаруд — Двор Бедняка, потому что жили тут и впрямь небогато. Хозяин принял нас и собрал угощение, хотя после зимы лишних припасов у него не осталось. В маленьком доме не хватало лавок, чтобы уложить всех гостей, и мы легли спать как обычно в походе — на кораблях. Хозяин сокрушался об этом, но я не был обижен. Тот, кого называют морским конунгом, редко спит под закопченной крышей и коротает вечер у очага!

Я проснулся, когда утреннее солнце только запрягало коней... Торгрим, лежавший со мной, ворочался во сне и стонал. Я приподнялся на локте и внезапно ясно расслышал имя той, которую он звал к себе почти каждую ночь.

— Сóльвейг,— шептал Торгрим.— Сольвейг...

Навряд ли женщина по имени Сольвейг желала ему беды. Но в остальном это был нехороший, тягостный сон. Надо непременно помочь человеку, которому снится дурное. А то как бы не налетела злая волшебница-мара да не затоптала спящего насмерть.

Я тронул его за плечо:

— Торгрим, проснись...

Он вздрогнул и повернулся ко мне, открывая глаза, и мне показалось, что в первое мгновение он принял меня за кого-то. Но потом он вздохнул, нахмурился и провел рукой по лицу.

Спать больше не хотелось, и мы принялись одеваться Я сказал ему:

— Сегодня вечером будем дома.

Торгрим помолчал, потом отозвался:

— Я хочу кое-что показать тебе, конунгов сын. Сходим на берег.

И добавил:

— Лучше будет, если ты возьмешь свой топор.

Я вспомнил о медведе и подумал, что это был хороший совет.

Я шел за ним и гадал, чем же это он собирался меня удивить. Я бывал здесь и знал остров вдоль и поперек. А Торгрим вдобавок уверенно шагал к месту битвы отца, которое я знал лучше всего. Не думал же он в самом деле, что я был мало наслышан о подвигах отца и о том, как засыпали камнями погибшего Сигвальди ярла!

Торгрим остановился перед памятным камнем, поставленным над могилой ушедших в Вальхаллу в тот далекий день. На камне багровели выбитые и окрашенные руны. Эту надпись я сумел бы прочесть и в ночной темноте, и даже не глядя. На камне было много имен. Они не побежали, когда Эгиль конунг сошелся здесь с Сигвальди ярлом. Эгиль конунг велел поставить по ним этот камень, а Хегни сын Хедина высек руны...

Торгрим долго разглядывал вырезанное на камне. Потом обернулся ко мне и сказал:

— Здесь многих недостает, Эйрик сын Эгиля.

Сперва я удивился, я же знал, что отец и молодой тогда Хегни не могли забыть никого из своих. Потом я начал кое-что понимать. Я сказал:

— Каждую ночь ты зовешь женщину по имени Сольвейг.

Торгрим кивнул.

— Я любил женщину по имени Сольвейг. Но она меня не любила. Она выбрала того, кто был достойней — Сигвальди ярла.

Я стал ждать, что он скажет еще, и он продолжал:

— Видишь тот валун, обросший лишайником? Я лежал возле него, когда мне собирались выпрямить ребра, и это хотели сделать люди твоего отца Но хуже было то, что в плен попала и Сольвейг. Я слышал, конунг сделал ее своей рабыней, и она недолго у него прожила. Так что ты не зря принес сюда свой топор, Эйрик сын Эгиля сына Хаки. Ибо я поклялся отомстить твоему роду, и велика моя удача, что я сделаю это именно здесь.

Я выслушал его и сказал:

— Не торопился же ты с местью, Торгрим-Боец.

Он огрызнулся:

— Где я был столько зим, судить не тебе. Но не моя вина, что твой отец умер дома и от болезни, а не от моей руки в поединке. Ты же, его сын, боишься меня, как боялся все это время, пока я целовал Асгерд чуть не у тебя на глазах...

Сказав так, он вытащил топор, он как будто ждал чего-то, и я вдруг понял — он не столько оскорблял меня, сколько вызывал свое боевое безумие... которое превратило бы его в зверя, как тогда, в корабельном сарае.. помогло бы ему сражаться со мной и не вспоминать ни о чем.

Но бешенство берсерка, столько раз просыпавшееся без спросу, в этот единственный раз никак не желало явиться на его зов...

Он сам почувствовал это и угрюмо проговорил:

— Я не забыл, как ты спас меня из полыньи, конунгов сын. Я тогда загадал: вытащишь, значит, вытащишь и свою смерть. А если нет, значит, Один тебя бережет для других дел, и моя месть ему не нужна. И ты знай — если бы это я стоял там на льду, а тонул ты, я не дал бы тебе руки.

Я сказал:

— До сих пор ты говорил правду, Торгрим-Боец. А теперь ты лжешь.

Что толку рассказывать, как мы сошлись, и я бился с ним над костями людей, павших здесь, когда я еще не был зачат...

Секира бьет наподобие молнии Тора: второй удар редко бывает нужен. Мы с ним долго не могли коснуться один другого и только кружились, тяжело дыша. Железо со свистом рассекало воздух, но всякий раз натыкалось на другое железо и, лязгая, отскакивало прочь.

И мы молчали, потому что все было уже сказано.

Это тянулось долго, но потом я поскользнулся на камне и едва не упал. И тотчас разжал пальцы, выронив топор, потому что Торгрим ударил меня в плечо.

— Так! — усмехнулся он, когда я подхватил секиру левой рукой.— У меня тоже была сломана правая рука. Но я выжил, а ты умрешь здесь, конунгов сын.

Вот для чего он называл меня конунговым сыном.

Я заткнул бесполезную руку за ремень и ответил:

— Может, так оно и случится, хотя и сдается мне, рано ты торжествуешь, Торгрим-Боец. И вот что я еще тебе скажу, чтобы ты радовался поменьше. Мою мать тоже зовут Сольвейг, и я родился сыном пленницы, но отец женился на ней и ввел меня в род. И я помню, как она ждала его из походов! Ты потому и узнал меня тогда, я ведь похож на нее, а не на отца. И когда я ей расскажу, как расправился с тобой здесь, она, я думаю, не сразу припомнит, кто ты такой... и кто такой твой Сигвальди ярл!

Я сказал это и прыгнул вперед, ибо сил у меня оставалось как раз на один удар, и следовало его нанести. И я достал его топором, потому что мои слова оглушили его, и он промедлил обороняться. Но я не смог разглядеть, сильно ли мне повезло. Торгрим вдруг крикнул мне:

— Сзади!.. Берегись!..

Я хотел оглянуться, но не успел. Камни у меня за спиной хрустнули под тяжестью зверя. Я ощутил смрадное дыхание на своей щеке. И одновременно — страшный удар в спину, швырнувший меня на камни, лицом вниз.

5

Я открыл глаза и увидел над собой темные стропила Котаруда. И морщинистое, осунувшееся от забот лицо старого Хегни. Мой воспитатель смотрел на меня, подперев бороду кулаком. У меня хватило силы заговорить, и я спросил его:

— Где Торгрим?

Хегни наклонился ко мне и положил руку на мою грудь, чтобы я не вздумал пошевелиться. Он ответил:

— Торгрим принес тебя сюда на руках. Он рассказал обо всем, что у вас случилось, и я видел медведя, которого он зарубил.

Я повторил:

— Что с ним, Хегни?

Ярл вздрогнул.

— Он просил передать тебе, что из тебя будет славный боец. Ведь ты тяжело ранил его. Правда, я не знаю, кто из вас постарался больше, ты или медведь. Воины хотели казнить его за тебя, но я им не позволил, и Кари помог его отстоять. А сам он говорит, что умрет все равно, и не будет особенной разницы, если его и казнят.

Я закрыл глаза и лежал так некоторое время. Потом спросил:

— Где он сейчас?

— В козьем хлеву,— сказал Хегни.— Я велел устроить его там, потому что там чисто и тепло.

И дверь крепкая, добавил я про себя. Я сказал:

— Я пойду туда к нему.

Хегни покачал головой.

— Незачем тебе туда ходить. Ты весь в повязках, а я хочу, чтобы Сольвейг увидела тебя живым.

Я пошевелился и понял, что спина моя будет разукрашена не хуже, чем у Торгрима. Я сказал:

— Ты не пускаешь меня потому, что там у него сидит наша Асгерд. Ведь так?

Хегни отвел глаза и промолчал. Я спросил его:

— О чем они разговаривают?

Хегни ответил:

— Торгрим каждый день складывает для нее новую песнь. Это очень хорошие песни...

Тогда я здоровой рукой обнял его за шею, и мой воспитатель потом утверждал, будто на моем лице ему причудилась какая-то сырость. Но я больше склонен думать, что ему показалось. Я сказал:

— Помоги мне встать, отец.

...Как же далеко от жилого дома выстроили козий хлев в этом Дворе Бедняка! До него было целых пятьдесят семь шагов, я сосчитал. Я прошел все их, один за другим. Когда Хегни довел меня до двери, я увидел там Хольмганг-Кари. Наш Поединщик сидел на земле возле двери, а рядом стояло его копье и лежал привязанный Серый. Кари поднялся передо мной.

— Не казни Торгрима, конунг,— сказал он тихо.

— Я еще не конунг,— сказал я ему и схватился за дверь, чтобы не упасть.— Я сын конунга...

Я снял руку с шеи Хегни, потому что мне следовало войти туда одному.

Торгрим лежал на широкой лавке возле стены... И, наверное, было ему хорошо. По крайней мере, что бы он там ни говорил, а на умирающего он был похож не больше, чем я. И Асгерд действительно сидела подле него. И при виде меня вздрогнула и наклонилась вперед, словно думая его защищать.

Я сказал:

— Выйди, Асгерд.

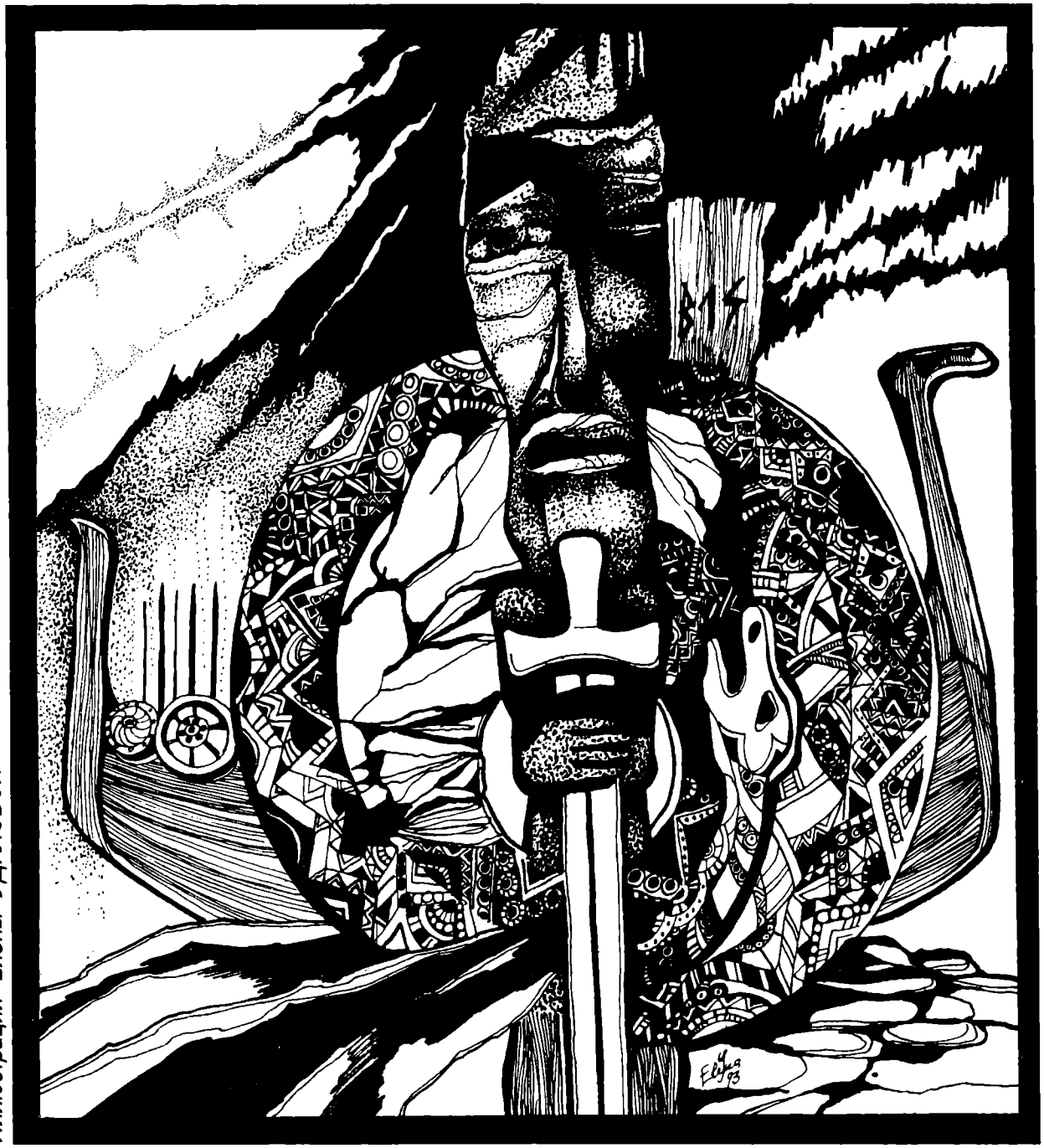
Она как не услышала. Торгрим повернул голову и поднял на нее глаза:

— Выйди, Асгерд...

Она встала, поправила на нем одеяло и исчезла за дверью. Моя Асгерд даже не взглянула мне в лицо и обошла, как обходят лужу. Струившиеся волосы и те не коснулись моего плеча... Я повернулся к Торгриму. Он смотрел на меня спокойно и весело. Он спас мне жизнь и на руках принес меня в Котаруд. Он убил своего медведя и снова мог складывать песни... Чего еще?

Тут я почувствовал, что ноги под мной подгибаются от боли и слабости, и испугался, как бы не упасть. Но все-таки я не упал и прошел те последние два шага, что нас еще разделяли. Я сел рядом с ним и долго молчал, прежде чем заговорить.

Мария СЕМЕНОВА



Иллюстрации Елены УДАЛОВОЙ

С ВИКИНГАМИ НА СВАЛЬБАРД

И кажется людям, что беспределен
тот океан и нельзя его переплыть.

Снорри Стурлусон

Помни, о Господи, что судно мое
так мало, а твое море так велико!

Старинная морская молитва

1. Сын и Отец

Люди не дали никаких имен тем двум горам на берегу, и Хельги про себя называл их по-своему: Сын и Отец. Отец до середины лета носил на голове снежную шапку, а в холодные годы не снимал ее вовсе, и серебряная седина вершины то ярко горела на солнце, то пряталась в облаках. Хельги случалось подниматься туда, и он видел крохотные березки, робко выглядывавшие из-под камней. И цветы, что были выше этих березок.

Сын стоял рядом с Отцом, на полшага ближе к морю, словно выдвинувшись из-за родительского плеча вперед, на простор, навстречу налетающим бурям.

В начале времен горы были великанами; рыжебородый Бог Тор[1] поразил их своим молотом, превратив в неподвижные камни. На закате мира камни вновь оживут, и старшая гора впрямь окажется седым великаном, приведшим в бой юного сына. Хельги был первым из людей, кому эти скалы доверили бережно хранимую тайну. И он никому не собирался ее раскрывать.

...Так вот, когда одинокий скалистый островок становился как раз по борту лодки, а Сын и Отец заходили друг за друга, это значило, что внизу раскинулась песчаная банка, изобильная рыбой, и можно выметывать снасть.

У берегов Раумсдаля[2] вот уже несколько дней не было ветра, и парни намаялись с веслами, пока добирались сюда из дому и ставили ярус[3]. Теперь они спали на дне лодки, на теплых от солнца гладких досках, усеянных присохшими чешуями, и лишь Хельги, вызвавшийся посторожить, один сидел на носу. И поглядывал из-под ладони на круглые сосновые поплавки, неподвижно лежавшие поодаль.

Глубоко внизу, в холодной прозрачной воде, колебались у дна кованые крючки с нанизанной на них лакомой мойвой. Осторожно шевеля плавниками, подкрадывалась к тем крючкам серебряная треска, жадная зубатка, жирный сплющенный палтус... Вот уже раскрываются рыбьи хищные пасти, а сильные тугие тела изгибаются для немедленного броска прочь!

Хельги ясно вообразил себе готовую попасться добычу и даже головой замотал: как бы не сглазить.

Немного погодя ему показалось, будто поплавки, увенчанные крашеными лоскутками, начали кивать и покачиваться, колеблемые медленной зыбью, почти незаметно докатывавшейся откуда-то издалека. Потом море вздохнуло поглубже, так, что шелохнулась тяжелая лодка. Хельги посмотрел на солнце и увидел, что его окружала бледная радуга. Тогда-то он поднялся и принялся будить спящих парней. Было очень похоже, что где-то там, вдалеке, тяжело ворочался шторм. Незачем ждать, чтобы тучи повисли над головой, а волны принялись хлестать через борта.

Молодые рыбаки наскоро плескали себе в лица забортной водой, стряхивая остатки дремоты, и брались кто за весла, кто за крепкие багры с крючьями на концах. Потом потянули ярус.

Толстая плетеная веревка ложилась кольцами, оставляя мокрые следы на досках. Вот подняли на борт увесистый каменный якорь, и все глаза напряженно уставились в сумрак глубины: ну-ка, что там на крючках? Не пришлось бы краснеть перед насмешливыми девчонками, когда те станут предлагать им, нерадивым, уступить на следующий раз и лодку, и снасть!

Первые несколько крючков и вправду вышли пустыми. Хитрые морские твари будто в издевку объели наживу и ушли себе невредимо. Но вот внизу блеснуло мутное серебро, и Хельги приготовил багор. Рыбина не сопротивлялась, ошеломленная быстрым подъемом со дна, но тонкая бечевка крючка могла не выдержать тяжести. Хельги привычно взмахнул багром — и треска в четыре локтя длиной гулко шлепнулась на деревянное днище, смазав широким мокрым хвостом по чьим-то босым ногам.

И работа пошла!.. Бездельных, лишних рук не стало на лодке. Вот показалась туповатая голова пятнистой зубатки, намертво закусившей длинное железо крючка: эту надо глушить как следует, зазеваешься — тяпнет за ногу, как злая собака, даже и сапог продерет, месяц будешь хромать...

А вот вынесло наверх плоскую темную камбалу чуть не в саму лодку шириной: палтус! Такого красавца и на праздничный стол не стыдно подать жареным или копченым. В шесть багров затянули вяло трепыхавшегося палтуса через борт, подняли остаток яруса со вторым якорем — и сели на весла. Хельги оглянулся назад, в сторону открытого моря: там в небесной голубизне уже забелели верхние края туч. Хельги вытащил из-под кормовой скамьи нарочно отложенный берестяной коробок с хлебом, козьим сыром, луком и вареной треской. Размахнулся и вытряхнул все это в воду, журчавшую и пенившуюся за кормой:

— Дал ты нам, Эгир[4], славную рыбу, дай и в следующий раз, когда приедем ловить.

На середине пути к берегу за кормой появилась полоса ряби, устремившаяся вдогон. Ребята живо подняли мачту, и налетевший ветер погнал лодку вперед. Хельги привычно устроился у кормила: ватажники полагали, что он неплохо с ним управлялся. Он знал, иные завидовали его сноровке, ведь в лодке были парни постарше — но про себя полагал, что было бы странно, окажись он, сын викинга[5], на свое пятнадцатое лето увальнем и неумехой.

Волны между тем становились все выше и круче, иные начинали уже вскипать яростной пеной. Послеполуденное солнце разбрасывало щедрые блики, и они дробились на синих спинах волн, слепя натруженные глаза.

Время от времени Хельги оглядывался на тучу. С моря подходила гора, начинавшаяся у самой воды, и взгляд не мог охватить ее всю целиком — приходилось задирать голову. Холодная, залитая неистовым светом вершина была белоснежной, совсем как у настоящей горы, увенчанной нетающими ледниками. Но каменные

---

1 Тор — Скандинавский Бог грома и молнии, изображался в виде рыжебородого богатыря на повозке, запряженной двумя козлами. Оружием Тора был молот Мйолльнир; это слово считается родственным русскому "молния". (Здесь и далее прим. автора).

2 Раумсдаль — историческая область на юго-западе Норвегии.

3 Ярус — род перемета, морская рыболовная снасть. Использовался на глубинах до 150 м, мог достичь сотен метров толщины и включал многие десятки крючков.

4 Эгир — в древнескандинавской мифологии подводный великан, персонификация океанской стихии. Жена Эгира — великанша Ран — собирала в свою сеть утонувших в море.

5 Викинги — древнескандинавские морские разбойники. Ученые спорят о происхождении этого слова. Многие считают, что оно означает "ушедший из дома".

горы на берегу были карликами рядом с той, что плыла в небесах, — даже такой исполин, как Отец. Надвигались, меняя свой облик, белые пики, дымчатые красноватые склоны и глубокие пещеры, залитые зеленоватыми сумерками. И подножие, где властвовала синяя тьма, где метались трепетные молнии и море смешивалось с небом... Хельги прикидывал расстояние до берега и радовался, что не промешкал. Поистине красива туча, сулящая бешеный шторм, но лучше любоваться ею с твердой земли.

Возле устья фиорда[6] были разбросаны плоские каменные острова, на которых не росло ничего, кроме мха. Иные острова совсем скрывались в прилив. Люди помнили, как на одном из них — Хельги мог бы указать, на котором, — грозный Харальд конунг[7] казнил своих врагов, привязав их к камню во время низкой воды. Видевшие говорили, те двое храбрецов пели боевые песни и подбадривали друг друга, пока не захлебнулись. Хельги бывал на островке, видел камень и мог представить себе, как все получилось.

Лодка побежала проливом, и волны сразу сделались тише. Вот теперь буря могла лютовать сколько угодно; вошел в шхеры[8], считай, что ты уже дома.

Солнце померкло, заслоненное тучей. Хельги увидел, как длинное облако, похожее на боевой корабль, скрыло Сына, ударилось в плечо Отца и поползло, извиваясь, по кручам... Ледяная вершина еще какое-то время парила над серым клубящимся туманом. Потом заволокло и ее.

А над устьем фиорда с южной стороны нависал чудовищный отвесный утес, рыжевато-серый, словно тронутое ржавчиной железо. Люди издавна называли его Железной Скалой, и далеко по побережью тянулась недобрая слава об этих местах. Неспроста, наверное, даже вездесущие чайки не строили здесь своих гнезд. Там, наверху, вправду цвели отменные ягодники и рыскала непуганная дичь, но стоило громко крикнуть или протрубить в рог, и можно было дождаться обвала. А у подножия скалы зимний лед получался гнилым и непрочным, горе, если кто пустится мимо на лыжах. И все это было кознями троллей[9], тех, что селятся в мертвой толще камней.

Железный Лес — вот как зовется гнездо ведьм, расположенное на севере, неведомо где; люди полагали, именно оттуда тролли притащили этот ржавый утес, утвердили возле моря себе на забаву.

Теперь под ним полосой лежало затишье. Первые капли дождя с шуршанием падали в воду. Чистившим рыбу пришлось вытереть руки и снова взяться за весла: впереди, за поворотом фиорда, был уже дом.

Хельги направил лодку к северному берегу, туда, где на отлогом склоне виднелся огороженный двор, и почти сразу увидел у воды мать.

После отца у нее больше не было мужа, не было и других детей, один только Хельги. Оттого-то в свои тридцать две зимы она была еще совсем молода, стройна и красива. Сватались к ней разные женихи, но мать всех прогоняла. Разве мог кто-нибудь из тех, кто звал ее к себе жить, сравниться с отцом!..

Мать стояла у самой воды, сцепив на груди пальцы, и набегавшие волны трогали ее кожаные башмачки. Хельги поднялся на корме, улыбнулся и помахал ей рукой. Мать боялась моря, и, правду молвить, ей было отчего беспокоиться. Все помнили, как прошлым летом после такой же бури волны выбросили изуродованные обломки корабля и два мертвых тела, державшихся синими пальцами за мокрые доски... Хельги прислушался к глухому, зловещему реву, доносившемуся из-за скал. Да, еще немного, и пришлось бы кидать за борт улов.

Лодка заскребла килем по дну. Молодые ребята выскочили в воду, подтаскивая суденышко к берегу. Рабы, пришедшие со двора, стали перекладывать добычу в плетеные корзины. Будет вечером овсяная каша, сдобренная жирной тресковой печенкой, добрая еда, от которой прибывает сил и здоровья!

И все разумные матери сидели себе дома, зная, что сыновья сумеют обмануть бурю и вовремя вернуться домой. Только Хельги обнимал заплаканную женщину, выглядевшую ему сестрой, и гладил ее русую голову рукой в налипших чешуях.

— Ладно, будет тебе, — говорил он матери на ее языке, зная, что ее это утешит. — Полно плакать-то, я же не потонул.

— Дитятко, — шептала мать, уткнувшись лицом в его загорелую шею.— Дитятко маленькое... Мстиславушка...

Это было второе имя, доставшееся Хельги при рождении. Так бывает всегда, если мать и отец принадлежат разным народам.

— Пойдем домой, — сказал Хельги. — Вымокнешь вся.

Когда-то давно, в детстве, квохтание матери сердило и обижало его, да и сверстники во дворе дразнили беспощадно. Но потом однажды он повзрослел и понял, что был для нее единственным родным существом в огромной, чужой и не очень-то приветливой стране. С тех пор он слушал ее воркотню, как достойно мужчине, снисходительному к слабости женщин. А кто пытался ему что-то сказать или, хуже того, язвительно посмеяться... что говорить, тот был воистину смел.

Двое старых рабов закатали штаны и принялись отмывать лодку от рыбьей крови, слизи и чешуи...

2. Никогда не слушай советов матери

Отец Хельги купил его мать на рабском торгу в далекой стране Гардарики[10]. Отец уехал туда из Норэгр[11] вместе с братьями, потому что Харальд конунг тогда сражался за власть, и сладить с ним впрямь было непросто. Мать говорила, отец выбрал ее только за сходство с некоей женщиной, которую он любил. Хельги полагал, что это была неправда. А если правда, то не более чем наполовину. Отец скоро забыл думать про злую красавицу, другое дело, норны[12] не отпустили им с матерью долгой любви. Мать прожила у него всего лишь девять дней и ночей, а потом он пал в битве от копья, которое пробило ему спину и вышло из груди, и Хельги знал, что мать хотела поехать на его погребальном ко-

---

6 Фиорд — узкий и длинный морской залив, глубоко вдающийся в сушу, часто с отвесными, обрывистыми берегами, неотъемлемая часть норвежской природы.

7 Конунг — древнескандинавский племенной или дружинный вождь, позднее король. Конунгами скандинавы называли русских князей. Сэконунг — "морской конунг", вождь викингов, не имевший земельного надела и дома, кроме корабля. Харальд конунг — имеется в виду Харальд сын Хальвдана, впервые объединивший страну в конце IX в. при отчаянном сопротивлении местных вождей. Его правление ознаменовалось массовой "эмиграцией" норвежцев в Ирландию, Исландию, Англию и на Русь.

8 Шхеры — небольшие, обычно скалистые острова вблизи материка, разделенные извилистыми проливами. Очень характерны для норвежского побережья. Плавание в шхерах требует большого искусства и знания местности.

9 Тролли — злая нежить скандинавских легенд, великаны-людоеды.

10 Гардарики — букв. "Страна Городов", так скандинавы называли Русь. Отсюда "гардский" — "русский".

11 Норэгр — "Путь на север", древнее название Норвегии.

12 Норны — скандинавские богини судьбы. Именами норн названы три вершины горы Мисери-фъёлль ("Горы Несчастий") на норвежском острове Медвежьем, расположенном на полпути между материком и архипелагом Шпицберген.

рабле. Старший брат отца не позволил ей этого и взамен дал свободу. Ей и сыну, который мог со временем появиться.

Теперь братья отца и все их люди снова жили у себя на севере, в Халогаланде, ибо конунг позволил им вернуться в страну. Только Хельги поселился здесь в Раумсдале, у дальней родни, и с ним мать. Таково было условие мира. И так должно было продолжаться, пока ему, Хельги, не минует пятнадцать зим.

Он долго ждал этого срока, и чем дальше, тем нетерпеливее. Но вот, наконец, настало нынешнее лето, совсем особенное в его судьбе. Скоро придут с севера два знакомых боевых корабля, и братья отца по обычаю введут его, сына вольноотпущенницы, в свой род.

Хельги нравилось вытаскивать из сундука секиру отца и примеривать к ней руку. В прежних своих битвах эта секира не причиняла ран. Если уж поражала, то насмерть. Один только раз вышло иначе, но тогда отец просто пощадил врага и ударил его обухом, а не острием. Людям кажется, пощадить врага порой бывает труднее, чем зарубить. Так поступают мужественные люди. Хельги знал, что должен это запомнить.

А еще в сундуке хранилась куртка мохнатого волчьего меха, которую отец носил много зим, называя счастливой. И Хельги нечасто извлекал ее на свет, опасаясь, как бы она по ветхости не развалилась. Мать однажды застала его в ней и сказала, что он сделался очень похож на отца. Наверное, ей просто хотелось порадовать сына, но у него сердце забилось чаще обычного, и он принялся думать, что когда-нибудь эта куртка окажется ему как раз впору... а может, даже чуть-чуть узковата в плечах...

У Эйрика Эйрикссона, хозяина двора, не было своих сыновей: только дочки, давно вышедшие замуж. Вот он и радовался Хельги, точно родному. Через несколько дней, когда шторм поутих и в небе проглянуло солнце, он подозвал Хельги к себе и сказал:

— Съезди-ка пригласи Кетиля Аусгримссона. Ведь скоро твой праздник.

Кетиль Аусгримссон, его зять, жил совсем недалеко, в соседнем фиорде. Хельги бывал у него и знал дорогу.

Прошлым летом к Эйрику приезжали корабельные мастера; они строили для него кнарр, морскую торговую ладью. Любопытный Хельги тогда подружился с мастерами и под их приглядом сам вытесал себе лодочку, быструю, прочную, хорошо слушавшуюся руля. Он часто ходил на ней по фиорду и на острова. И теперь он по привычке направился было в корабельный сарай, но мать остановила его:

— Не надо на лодке, Мстиславушка... Поезжай лучше верхом.

Хельги нахмурился.

— Морем ближе, только Железную Скалу и обогнуть. А на лошади — это же два дня добираться.

Мать не стала с ним спорить, но лицо у нее сделалось такое несчастное, что Хельги понял — придется в очередной раз уступить. Ладно, скоро они поедут на север, в Халогаланд, и он будет ходить в походы вместе со старшим братом и дядей. Тогда-то ей останется только бояться за него и глядеть в море с высокой горы, ожидая возвращения корабля!

Все еще ворча про себя, он вывел из конюшни буланую кобылку, на которой обычно ездил, и положил ей на спину мягкое кожаное седло. Мать подошла к нему, держа в руках вязаную шерстяную рубашку. Правду сказать, рубашка была старая и вся изорванная, потому что Хельги ходил в ней охотиться. Но толстая мягкая шесть хорошо сохраняла тепло, и мать раз за разом латала ее: не простыло бы дитя неразумное на высоких вершинах, где искрится лед и лежат холодные снежинки...

— Я не хочу ехать в этой рубашке, — сказал Хельги сердито. — Я в ней похож на слугу. Дай мне лучше ту крашеную, с вышитыми рукавами!

Мать ответила, улыбнувшись:

— Крашеную я положила тебе в сумку, чтобы не помялась в дороге. Ты наденешь ее, когда будешь подъезжать ко двору. Тогда Вальбьёрг увидит тебя в ней и подумает, что к ним приехал сын воина, а не какой-нибудь работник.

Вальбьёрг — так звалась румяная ровесница Хельги, воспитанница Кетиля Аусгримссона. Хельги покраснел и выдернул у матери рубашку. Мудра все же была мать и хорошо знала, как вести себя с сыном. Правда, еще какой-нибудь год назад его больше обрадовала бы похвала из уст самого Кетиля, а Вальбьёрг была всего лишь несмышленой девчонкой, и ее похвалы или насмешки значили меньше, чем шорох ветра в прошлогодней траве...

Двор Эйрика Эйрикссона назывался Линсетр — Место, где выделывают лен. Покинув его после полудня, Хельги переночевал в лесу и двинулся дальше с рассветом, совсем рано, когда солнце подсвечивало снизу медленно проползавшие тучи. Наверное, ласковые пальцы лучей щекотали тучам бока: тучи краснели и золотились от удовольствия и казались мягкими, как невесомый гагачий пух. Хельги знал, что они притворялись. Самую первую тучу Боги вылепили из мозгов поверженного великана. Оттого-то облакам нельзя доверять. День обещал быть жарким, но зазеваешься, и шагнет из-за горы холодная тень, ударит режущий ветер, сыпанет дождь, если не снег...

Коротая дорогу, Хельги время от времени вытаскивал меч и со свистом рубил ветви ближних кустов. Мать рассказывала, самые отчаянные викинги ее родины не только приезжали верхом к месту сражения, но и бились, не покидая седла. А не дело воину пренебрегать лишним умением, хотя бы и самым диковинным. Буланка только стригла ушами и бежала дальше, давно привыкшая к выходкам седока.

Конечно, меч у Хельги был совсем не такой, как те, что носили прославленные мужи вроде дяди и брата. Хорошие мечи отнимают у побежденных врагов или покупают за серебро, привезенное из похода. Или получают в подарок от великих вождей. Или раскапывают из древней могилы. Или сами куют в кузнице у хорошего мастера, это тоже почетно.

Хельги непременно добудет себе такой меч, когда его введут в род. И так уже он вполне достаточно отсиживался в Линсетре возле материной юбки, в то время как другие парни ходили на боевых кораблях начиная с двенадцати зим!..

Хельги думал нынче пополудни обогнуть вершину фиорда, а завтра утром постучаться в ворота Кетиля Аусгримссона. Денек выдался солнечный, и он сперва разделся до пояса, а потом, пожалев безропотную Буланку, слез с седла и повел ее в поводу. Викинг должен уметь ходить целыми днями, не зная усталости. И бегать быстрее всяких коней.

Еще немного погодя ему показалось, что вполне можно было обойтись без сапог. Он разулся, и сразу стало веселее шагать, и подумалось, что праздник, ожидавший его через несколько ночей,[13] впрямь должен был состояться. Исполинская зеленоватая чаша фиорда

13 Через несколько ночей... — скандинавы измеряли время в "ночах", а не в "днях", считая, что ночь "старше" дня. По этой же причине возраст человека отсчитывался в "зимах", а не в "летах".

лежала по правую руку; горы на том берегу стояли по колено в воде. Быстрые облака скользили по склонам, заросшим корабельными соснами, и тени скатывались по кручам, стремительно падая в воду. Чистый воздух позволял видеть все камни вершин, а далекие хребты уходили в синюю дымку, поднимаясь выше и выше, и Хельги в который раз позавидовал морским орлам, кружившимся над фиордом. Им ведь ничего не стоило развернуть могучие крылья и взмыть в небо, в синюю бездну, откуда видны разом все пределы земли... Хельги нравилось смотреть на фиорд. Он никогда не пытался облечь это в слова, но сердце само собой начинало стучать гулко и часто, и что-то мучительно и блаженно напрягалось внутри. Однажды он спросил мать, так ли хорошо было на ее родине, в Гардарики. Мать вздохнула, отвела глаза и ответила:

— Много краше...

Хельги изумился этим словам, потому что как раз стояла ранняя осень, и землю на каждом шагу расшивали искусные мастерицы, окрасившие свои нитки ярким ягодным соком, алым, темно-зеленым, лиловым и золотым!.. Он долго пытался вообразить красоту той далекой земли, где когда-то затеплилась искорка его будущей жизни... а потом понял, что мать все равно ответила бы именно так, даже доведись ей родиться на плешивом каменном острове, где нет ничего, кроме серых валунов.

С тех-то пор он стал усердно говорить на ее языке. А потом пошел в капище и поклялся на священном кольце, что когда-нибудь, став вождем, отправится в Гардарики. И не просто пойдет сам, но еще возьмет с собой мать...

Наверняка ведь ее порадует такая поездка.

Шаг у Хельги был размашистый, и к полудню впереди открылась вершина фиорда с ее песчаным бережком и тростниками в устье стремительной речки. Эта речка падала с нагромождения скал, и клокочущий водопад не замерзал даже в самые студеные зимы, лишь камни вокруг обрастали причудливыми кружевами. Русло реки пролегало по широкой долине, а дальше был перевал, открывавший дорогу в глубь страны. Этой дорогой старый Эйрик обычно ездил на тинг[14]. Хельги пригляделся: через перевал медленно ползла туча, неповоротливая, сизо-белая, взбитая ударами ветра.

Хельги любил эту долину. Не в первый раз смотрел он на нее и всегда воображал себе битву Тора с великанами, и как какой-нибудь смертельно раненный исполин полз умирать к океану, в муках волоча свое тяжелое тело и расталкивая коленями горы, словно кучи песка...

Скоро им с матерью придет пора собираться на север. Хельги еще никогда там не бывал, но знал по рассказам, что в Халогаланде тоже были и водопады, и сверкающие вершины, отражавшиеся в фиордах, а сами горы выглядели куда круче и неприступнее здешних. Но он всегда будет здороваться с моря со знакомым фиордом Линсетра, и на душе станет делаться тесно и тепло, когда над горизонтом плечом к плечу вырастут Сын и Отец...

Двор Кетиля Аусгримссона стоял на южном берегу соседнего фиорда; два морских залива разделял длинный мыс, кончавшийся Железной Скалой. И если говорить правду, люди предпочитали не заглядывать туда без нужды. Если бы у Железной Скалы спрятался человек, изгнанный за худые дела, даже кровные мстители не поторопились бы искать его на мысу. Все помнили, такое уже случилось однажды. В первую же ночь через фиорд долетел отчаянный крик, и люди поняли, что это оборотни поймали беглеца и сожрали на ужин...

Хельги был не из трусливых и притом носил на груди оберег, но на мысу ему было нечего делать. Он пересечет его у самого основания, там, куда как раз падала тень вершины Отца. Потом выберется на полуденный берег кетилева фиорда и стреножит на ночь коня.

А день удался жарким необыкновенно — как бы на ночь глядя не налетела гроза! Хельги еще завернул к

14 Тинг — скандинавское народное собрание, аналог славянского вече.

пастухам, что стерегли скот на зеленых горных лугах. Тропа вывела его к продолговатому белому камню, поставленному торчком; раньше такие камни называли Мернирами, и бездетные клали им богатые жертвы. Эта вера давно пошатнулась, да и рановато еще было Хельги думать о детях... но все же он вытащил из сумки лепешку, разломил надвое и оставил половинку у подножия камня. Пусть мир и урожай пребудут в Линсетре!

Псы с лаем выскочили навстречу, но скоро признали Хельги и долго извинялись, виляя хвостами. Молодые рыбаки, не державшие зла на хозяйского воспитанника, встретили его приветливо, налили кислого молока и тут же пустились спорить, каких коров следовало зарезать для пира. Ибо халейги[15] явятся в Линсетр самое малое двумя кораблями — это же какая уйма народу, и хоть бы один не горазд был крепко выпить и вкусно поесть!..

Когда Хельги распрощался с ними и двинулся дальше, он скоро обнаружил, что мухи, больно жалившие коров, привязались и к нему. Он взмок от жары, и крылатые твари липли к потному телу, стремясь полакомиться кровью. Хельги сломал молодую березовую ветку и отмахивался, пока не превратил ее в ободранный прут. И поскольку мухи не отставали, он решил, что неплохо бы выкупаться, смыть с себя пот.

Перед водопадом речка разливалась в круглое озерцо шириной в полсотни шагов. Речка текла с ледников, ее вода определенно была холоднее, чем в нежившемся под солнцем фиорде, и Хельги решил, что купаться стоило именно здесь.

Он постоял на берегу, вслушиваясь в размеренный рев падуна. Вода была настолько прозрачной, что сквозь толщу в рост человека виднелась скала — поток переливался через нее сплоченной струей, еще не успевшей вспениться и раздробиться.

Здесь любили играть залетные чайки. Ловкие птицы садились на воду почти посередине озерка и сидели спокойно, пока течение не подносило их к самому краю. И лишь когда поток был, казалось, готов утащить их с собой и расшибить о камни внизу — расправляли белые крылья и взмывали высоко над бешено клокочущей пеной, на зависть всем, кто не умеет летать.

А что здесь будет твориться попозже летом, когда двинется на нерест пятнистая красавица семга, и могучие рыбины длиной в две распахнутые руки начнут взвиваться над водопадом, тяжко бухаясь в озерко и грозя совсем выплеснуть его из каменной чаши!..

Хельги расстегнул пояс, скинул штаны и нагишом ступил в воду. Обкатанные каменки переворачивались под босыми ступнями. Холодная вода защекотала разгоряченное тело, и Хельги захохотал во все горло, бросаясь вперед. За шумом падуна он почти не услышал собственного смеха.

Может быть, нынче он купался тут в последний раз...

Хельги немалое время плескался в воде, то отдаваясь течению, то быстрыми взмахами удаляясь от водопада. Эта игра была опасной и нравилась ему, и матери о ней рассказывать он не собирался. А когда наконец решил выйти на берег и поделиться с Буланкой последней захваченной из дому лепешкой — он увидел, что Буланка была на берегу не одна.

Лес здесь подступал почти вплотную к воде, а рокот порога не дал ему расслышать голоса и звон железных стремян. Поэтому всадники, подъехавшие со стороны перевала, заметили Хельги раньше, чем он их.

Их было человек тридцать, если не больше. Все крепкие мужчины и суровые на вид. У каждого висел при седле круглый деревянный щит, многие везли луки и колчаны, полные стрел.

Так снаряжаются в дорогу не для того, чтобы проведать друга или посватать девушку в жены повзрослевшему парню...

Хельги огляделся и понял, что попался. Он мог, конечно, переплыть озерцо и кинуться удирать. Но лошади легко перенесут чужаков через брод, и он не успеет скрыться в лесу... Вот ведь незадача, а все потому, что он послушался матери и отправился к Кетилю сухим путем!

Один из всадников, бородатый, в нарядном полосатом плаще, подался вперед и приложил ладони ко рту.

— Эй, малый! — прокричал он, без труда перекрыв шум реки.— Поди-ка сюда!

Делать нечего. Хельги выбрался из воды и поспешно натянул штаны, с трудом просунув ноги в складки грубой шерстяной ткани, облепившей мокрое тело. Застегнул ремень с ножнами и почувствовал себя немного увереннее. Совсем немного. Набрал полную грудь воздуха и пошел навстречу незнакомцам.

— Я тут старший, и зовут меня Гиссуром Сигурдарсоном, — сказал ему всадник.— Ты, парень, верно, здешний и знаешь, по какой тропе ездят в Линсетр. Эйрик ждет нас пировать, да мы тут малость сбились с дороги.

Гиссур Сигурдарсон... Хельги сразу же показалось, будто он слыхал это имя. Он принялся рыться в памяти, стараясь припомнить, и припомнил-таки, о чем рассказывал старый Эйрик прошлым летом после поездки на тинг. Этот Гиссур часто ездил по населенным дворам и заставлял кормить себя и своих молодцов. И мало где его провожали пожеланиями скоро вернуться. Тогда на тинге многие хотели совсем объявить Гиссура вне закона, но Гиссур принялся щедро раздавать серебро и отделался простым трехлетним изгнанием, да пообещал навестить Эйрика и других, кто говорил против него...

— Ну так что, парень? — повторил Гиссур, и Хельги очень не понравилось, как шевельнулись при этом его усы.— Проводишь ты нас, или нам поискать кого-нибудь еще?

...И о чем только не передумал Хельги в этот единственный миг! Если он откажется их проводить, они зарубят его на месте. А может, прежде еще поджарят ему пятки возле костра. И уж как-нибудь отыщут дорогу, обойдясь без него. Достаточно будет расспросить пастухов, которых они найдут по его же следам. И неоткуда знать, успеют ли рабы разбежаться.

А если он их поведет, кто сказал, что он сумеет предупредить Эйрика и домочадцев? Хельги так и увидел жирный дым над знакомыми крышами Линсетра и мать, отчаянно бегущую к берегу. Вот она спотыкается, и Гиссур ловит пятерней ее длинную косу. Усмехается, наматывает на кулак...

Весь этот ужас промелькнул перед Хельги гораздо быстрее, чем можно про то поведать словами. Столь быстро, что Гиссур ничего не заметил — так просто, напуганный несообразека-парень, застигнутый без штанов и оттого слегка опалевший...

А Хельги между тем уже понял, как следовало поступить. Каждый когда-нибудь умирает, но никто не попрекнет мать, что она, обнимавшая храбреца, родила и выкормила труса.

— Я тебя провожу, Гиссур хевдинг,[16] — сказал он и постарался улыбнуться как можно дурашливее. — Нам с тобой по пути, я ведь и сам к Эйрику в Линсетр.

---

15 Халейги — норвежское племя, жившее на севере страны. Дало название исторической области Халогаланд.

16 Хевдинг — букв. "главарь", предводитель викингов.

Мой хозяин Кетиль послал меня передать, что заболел и не приедет на пир.

Спасибо матери: в этой драной рубашке его действительно легко было принять за слугу...

Когда лошади отдохнули и Гиссур велел трогаться дальше, Хельги поехал с ним рядом, впереди всех. Умолк позади водопад, и он уверенно свернул по едва заметной тропе на незаселенный мыс, тот самый, завершавшийся далеко в море Железной Скалой.

3. Тролли Железной Скалы

...Вот и кончилось для него ожидание праздника, кончилось ожидание счастья, которое, если хорошенько подумать, есть уже счастье. Придут корабли, и Эйрик Эйрикссон расскажет халейгам о судьбе племянника и брата. Он ведь будет знать, что к чему.

Задуманное Хельги было просто, как древко копья. При устье фиорда, напротив Железной Скалы, день и ночь бодрствовали внимательные сторожа. Мелькнут недобрые паруса, и мигом вспыхнет костер, яркий, дымный, хорошо видимый из Линсетра и с кетилева двора...

Погибший отец видел всего лишь двадцать семь зим. Хельги досталась жизнь почти вдвое короче, но людям запомнится, что это был все-таки сын.

— Не слишком наезжено! — сказал Гиссур, когда сворачивали на мыс.— К такому двору, как Линсетр, могла бы вести дорога пошире!

У Хельги екнуло сердце, но он вновь принудил себя улыбнуться, ответил чистую правду:

— Надобно тебе знать, мы ездим на лошади по большей части туда, куда нет морского пути.

Гиссур окинул его подозрительным взглядом:

— А ты почему отправился посуху?

Хельги соврал, почти не задумываясь:

— Люди называют меня Хегни-Зубатка, и ты сам понимаешь, что я не ем эту рыбу и всегда отпускаю ее, когда она попадается на крючок. Но вчера я нечаянно отведал ухи из зубатки и должен повременить ходить в море, а то как бы моя тезка еще не вздумала мне мстить!

Потом дорога вовсе сошла на нет, и под копытами коней зашуршала мертвая хвоя. Было так тихо, что Хельги поневоле прислушался: уж не крадутся ли между деревьями косматые горбуны, спешащие к негаданной поживе?.. А может, тролли притворяются соснами? И когтистые ветви протянутся к путникам, лишь только солнце опустится за горизонт?..

Гиссур начал оглядываться.

— Не нравится мне эта тропа! — сказал он зло. — Сплошные откосы! Я никогда не поверю, чтобы здесь не было лучшей дороги. Ты уверен, что едешь правильно, Хегни-Зубатка?

Дело было к вечеру, Хельги вел их южной стороной мыса, так как с северной уже должен был открыться Линсетр. Кто знает этого Гиссура, чего доброго, разглядит корабль Эйрика или его самого, если старик будет в той же одежде, в которой ездил на тинг... Хельги ответил:

— Твоя правда, есть тропа и по северной стороне. Но там можно пройти только пешком, и однажды там видели старуху, ехавшую на волке.

И добавил:

— Мне нравится, что мы с тобой повстречались, очень уж недобрые эти места, особенно по ночам.

Гиссур пробормотал что-то в бороду и не стал никого посылать искать другую дорогу.

— Ты вот что, малый, — сказал он погодя. — Видишь серые перья у того парня в колчане? Немногие стреляют метче его...

Хельги промолчал.

Ночью ему плохо спалось на мягкой траве возле костра. Время от времени он приоткрывал глаза и видел Гиссура, лежавшего неподалеку. Тот тоже спал скверно — то и дело вскидывался на локте, прислушиваясь к шорохам ночи. Навряд ли этот человек когда-нибудь боялся врага. Но против троллей, рыскающих во тьме, требовалось мужество древнего Хегни[17], чьим именем Хельги назвал себя накануне. А тот Хегни был способен смеяться, когда у него у живого вытаскивали сердце из груди.

Что поделаешь, Хельги тоже покрывался испариной, и внутри начинало противно урчать, стоило вообразить всадниц-ведьм верхом на ощеренных волках, со змеями вместо удил... Как выдержать, когда схватят за горло, вонзят когти в живот?.. Однако увидеть Линсетр горящим было страшней...

Хельги проснулся оттого, что кто-то вырвал у него из-под ладони ножны с мечом. Дернувшись спросонья, Хельги схватил рукой воздух, потом сел, продирая глаза. Он увидел свой меч в руках у одного из воинов: тот не торопясь осмотрел простое железное лезвие, потом приторочил ножны к седлу.

— Отдай!.. — сказал Хельги хрипло. Ему ответил сам Гиссур:

— Отдаст, когда приедем. А если заслужишь, подарим другой, получше.

Это можно было понять двояко. То ли пообещали награду, то ли пригрозили убить. Стало быть, он умрет безоружным, и Один задумается, пускать такого в Вальхаллу[18] или не пускать!..

— Долго еще ехать? — спросил Гиссур.

— Ты увидишь Линсетр нынче после полудня,— пообещал ему Хельги.— А если не будешь устраивать привала, то и пораньше.

Гиссур стиснул кулак, поросший короткими темными волосами.

— Не нравится мне все это, парень! Другие люди рассказывали, что дорога гораздо короче!

Хельги впервые огрызнулся:

— Эйрик живет у самого моря, потому что там удобная бухта. А если тебе не нравится, как мы едем, звал бы в провожатые тех других людей, не меня. Я ведь не напрашивался!

— Не перечь мне, щенок, не то останешься без зубов, — посоветовал Гиссур. — Мы теперь и без тебя не проедем мимо Линсетра. Будешь много болтать, привяжу тебя к дереву и оставлю здесь троллям, и пусть Эйрик или кто еще там разыскивает тебя, если у него скоро не прибавится иных хлопот!..

Хельги на это смолчал, но про себя подумал, что за ночь духи мыса не прибавили Гиссуру уверенности в себе.

...Он издали наметил себе эту прогалину, и во рту пересохло, а сердце заколотилось у горла. Последний, непоправимый шаг всегда труднее других.

Буланка шла по-прежнему неторопливо, и Хельги

---

17 Хегни — герой скандинавских легенд, мужественный воин, персонаж нескольких песен эпоса "Старшая Эдда".

18 Вальхалла — букв. "Палаты убитых в бою", в скандинавской мифологии — небесное жилище Одина, где после смерти пируют души героев. Один — в скандинавской мифологии верховный Бог, "Всеотец" Богов и людей, Бог войны, поэзии и мертвых. Обычно изображался в виде седобородого одноглазого старца с копьем в руках, в широкополой шляпе и синем плаще. Священными животными Одина считались волки и вороны.

не трогал поводьев. Лишь возле крайнего дерева он вдруг ударил ее пяткой, и лошадь скакнула, вынося его на открытое место.

Там, за провалом фиорда, хорошо видна была куча дров, заботливо уложенная на каменной площадке. Трое парней возле поленницы что-то высматривали в море... Они стояли спинами к Хельги. И тогда он сунул в рот два согнутых пальца и свистнул оглушительно и замысловато. Такой свист он перенял у брата, брат же выучился ему в Гардарики, у каких-то лесных финнов, передававших свистом новости от поселения к поселению, за полдня пути... Привычная Буланка и та испуганно присела на задние ноги, а лошади двоих всадников, выезжавших на прогалину следом, шарахнулись прочь так, что затрещали кусты. Хельги успел заметить, как ребята на той стороне одновременно обернулись... и кубарем покатился со спины верной Буланки, в густые мелкие сосенки, куда не было ходу верхом! Это только чужая жизнь бывает в цене или не в цене. Свою собственную никому не охота отдавать так просто, без выкупа, без попытки спастись.

Хельги скоро понял, что рассвирепевший Гиссур намерен был сполна ему отплатить. Мыс здесь превращался в голый каменный перешеек, увенчанный Железной Скалой; на беду, с той прогалины больше некуда было бежать. Зато Гиссур живо смекнул выстроить всадников цепью, и они погнали прятавшегося Хельги, как вепря, которого охотники вываживают из густых тростников и привечают острым копьем... Хельги крадучись отступал до самого края подлеска, а потом рванулся и побежал. Его заметили без промедления. Стрелы начали посвистывать совсем рядом, ломаясь о камни. Один раз Хельги оглянулся через плечо. На той стороне вздымался в утреннее небо маслянистый столб черного дыма, а всадники спешивались, добравшись до валунов. Больше он не оборачивался. Он бежал к Железной Скале. Страшное место вдруг подарило ему неверный отблеск надежды: если он прыгнет с вершины и сумеет остаться в живых, гиссуровы молодцы навряд ли спустятся за ним по крутизне. На памяти людей Железная Скала не покорялась еще никому...

Хельги мчался вверх отчаянными скачками, напрягая все силы. Его шаги звенели над самыми пещерами троллей, и те в ярости просыпались, готовые сожрать смельчака. Хельги слышал лязг когтей в полушаге от себя за спиной. Но вот наконец и макушка скалы: все, дальше пути нет. Ноги подламывались и стонали. Он подошел к краю и посмотрел вниз, сквозь полоску тумана, медленно завивавшуюся вокруг каменного ребра... Чайки с криком проносились далеко под ногами. Хельги никогда не боялся высоты, но голова закружилась. Там смерть.

Прежде, чем умереть, он окинул взглядом морской горизонт. Вблизи Железной Скалы не было островов, они будто расползлись прочь от зловещего камня; зато поодаль — и это на миг приковало внимание — стоял на якоре длинный боевой корабль. Совсем чужой и незнакомый темно-синий корабль. Верно, его-то рассматривали зоркие сторожа, ожидая, не вздумают ли отоспавшиеся викинги заглянуть в фиорд...

Стрела с визгом рванула штанину возле колена. Гиссуровы люди быстро приближались, прыгая с валуна на валун. Брошенные кони бродили у края подлеска. Была между ними и Буланка.

Хельги не стал пригибаться от стрел. Он повернулся к преследователям и вызывающе хлопнул себя ладонью пониже спины. А потом разбежался, как всегда это делал, прыгая со сверстниками в воду. Яростно оттолкнулся от края — и полетел вниз!..

4. Викингов никто не застанет врасплох

Темная в ржавых подтеках стена понеслась мимо, сливаясь в стремительные полосы. Ринулись навстречу скользкие зубы камней и пятна темной воды между ними. Тускло мелькнула и сгинула последняя мысль: успеть бы выпрямить ноги...

Холодная вода хватила обухом по рукам и затылку и погасила сознание, вышибив воздух из груди. Хельги глубоко ушел в зеленую темноту и едва не захлебнулся, всплывая к поверхности. В глазах было черно. Ему бы спрятаться в расколотых скалах, притвориться погибшим... но вместо этого он вяло поплыл прочь, в сторону моря. Он скоро понял свою ошибку. Стрелы начали взбивать бурунчики вокруг его головы, подбираясь все ближе. Тогда Хельги собрал последние силы и принялся нырять, зная, что стрелы, пущенные издалека, ослабевают в воде. Ему все еще везло. Некоторое время спустя стрелы стали редеть, и лишь одна, может, самая последняя, пребольно ударила в плечо повыше левой лопатки, но и та не утопила, не вошла глубоко. В конце концов она сама вывалилась из двигавшегося тела и повисла, запутавшись в рубашке... Хельги нырнул еще раз или два, потом приподнял голову над водой.

Железная Скала уже порядочно отодвинулась, и люди на ней стояли с опущенными луками, не желая зря опустошать колчаны. Хельги ощупал раненое плечо, выплюнул воду изо рта... Они, конечно, не дадут ему выплыть ни к сторожам, ни на кетилев берег. Были, правда, еще острова в море и матерая суша за мысом, недосягаемая для стрел. Но недавний шторм как назло перемешал воду у берега, нагнав холодную из придонной пучины. Он застынет в ней, не доплыв...

Тогда-то Хельги вспомнил о корабле, увиденном сверху.

Похоже, викинги плоховато знали здешние берега и опасались коварства течений. Они остановились вдали от островов и наверняка промерили глубину, чтобы не напороться на камни. Скорее всего, они бросили якорь ночью и после тяжелого перехода — на корабле совсем не было видно людей, лишь у кормы торчала из-за борта светловолосая голова — кто-то бодрствовал в одиночестве, охраняя спящих друзей.

Боевая лодья безмятежно лежала в зеркале моря, залитая тихим утренним солнцем, и даже носовой дракон был снят из уважения к духам фиорда...

Хельги плыл, стиснув зубы и стараясь больше грести правой рукой. В глазах то и дело начинало снова темнеть, как будто он действительно собирался утонуть здесь Гиссуру на потеху. Эта мысль подхлестывала остывавшую волю, и темный борт медленно приближался. На счастье, как раз был отлив: течение несло Хельги, дружески помогая. Он уже слышал, как журчали и переговаривались возле корабля медленные спокойные волны.

Кудрявый парень внимательно наблюдал за ним с высокого кормового сидения, гладя пушистого белого кота, пригревшегося на коленях. Когда Хельги подплыл совсем близко, он спустил кота с колен и положил локти на борт. Он сказал, весело щурясь:

— Это корабль Ракни сына Рагнара, морского конунга из Северного Мера, а мы его люди, и никто не станет хвастаться, будто застиг нас врасплох.

Глаза у него были голубые, необычно яркие на продубленном солнцем лице,которое было много темнее бороды и волос. И смешливые: Хельги сразу показалось, что человек с такими глазами навряд ли отрубит руку, уцепившуюся за борт.

— Возьми меня на корабль!.. — прохрипел он с отчаянием, чувствуя, что теперь уже точно не продержится долго. И добавил для верности: — Не то я решу, что ты меня испугался!..

Викинг молча перегнулся через борт, и Хельги успел увидеть у него на ладони черные от въевшейся грязи, окостеневшие мозоли гребца. Хельги уперся коленками, и викинг извлек его из воды одним могучим рывком, каким, наверное, привык вытаскивать якорь. Перенеся через борт, он поставил Хельги на палубу... и тут же, не дав оглядеться, почти без замаха ударил его по зубам, так, что Хельги растянулся в проходе между скамьями.

— Это,— сказал воин,— чтобы ты не думал, будто Ракни или его хирдманны[19] однажды кого-нибудь пугались.

По правде говоря, удар был нанесен без лишней жестокости и уж наверняка не во всю силу... но на нагретых солнцем палубных досках оказалось так покойно и хорошо, что Хельги совсем расхотелось не то что вставать — даже и открывать зажмуренные глаза. Лежать бы так да лежать. Викинг зря ударил его, достаточно было отпустить руку, и он свалился бы сам.

— Будет тебе, Оттар!.. — долетел другой голос, густой, как смола, и явно привыкший распоряжаться. — Думается, ему и так не мало досталось.

Хельги все-таки приподнял слипавшиеся веки. Мокрые ресницы радужно дробили свет, и в этой радуге веселый Оттар стоял, подбоченившись, у себя на корме, а белый кот с рыжим пятном на спинке терся, громко мурлыча, о его сапоги.

Хельги лениво поискал взглядом второго из говоривших, вскоре нашел его и понял, что это был сам вождь. Только слепой и глухой не выделил бы его среди всех — седеющего морехода с лицом почти бурым, как форштевень много плававшего корабля, и глазами неистовой зоркости, от которых не укроется ни риф в штормовом море, ни парус, появившийся из-за мыса... Старым воином его можно было назвать. Стариком назовут еще через двадцать зим, а может быть, и попозже.

Он, видно, только что проснулся и с любопытством разглядывал мокрого и взъерошенного Хельги, от одежды которого по палубе разбегались струйки воды.

— Так это и есть Ракни сэконунг, о котором у нас здесь столько разговоров...— негромко сказал ему Хельги. — А я-то думал, твои люди не ищут легкого верха, нападая на раненых. И предупреждают, прежде чем бить...

Ракни усмехнулся: дерзкие слова его забавляли.

— Я не вижу здесь раненых, — ответил он спокойно. — Разве что слегка поцарапанных. А есть враги, которых незачем предупреждать, ибо иначе их пришлось бы долго ловить. Вставай, парень, да выжми хорошенько штаны, пока не простыл! И рассказывай, кто ты таков и от кого удирал.

Хельги еще раньше показалось, будто от удара о палубу у него что-то хрустнуло за левым плечом. Поднявшись, он пошарил рукой и достал надломленную стрелу. Мельком взглянул на серые перья и выкинул стрелу за борт. Тяжелый кованый наконечник сразу утащил ее вниз. Хельги стянул рубашку, и морская соль въелась в плечо.

— Меня назвали по отцу, потому что я родился после его гибели, — сказал он вождю. — Моим отцом был

19 Хирдманны — члены "хирда", дружины викингов. Среди хирдманнов были воины разного ранга, но не было господ и рабов. По этой причине некоторые хронисты рыцарской Европы, привыкшие к совершенно иной воинской иерархии (рыцарь и свита слуг), описывают дружины викингов едва ли не как толпу, лишенную управления.

Хельги сын Виглафа сына Харальда из Торсфиорда, что в Халогаланде.

Он ждал чего угодно, но не того, что последовало. Ракни приподнялся на локте и захохотал во всю мочь. Хельги стоял с рубашкой в руках и чувствовал, что неудержимо краснеет.

— Стало быть, — сказал конунг, — славный Халльгрим Виглафссон тебе дядя? А Видга, сын его, — твой брат?

Хельги покраснел еще больше и кивнул:

— Это так.

Ракни покачал головой.

— Немало я видел беглых рабов, и все они врали по-разному, но ни у одного не хватало наглости причислять себя к подобному роду. Ты, лгунишка, не знаешь даже того, что младший сын Виглафа погиб неженатым. Скажи-ка лучше, почему тебя ловили и хотели убить? Ты что, поджег дом или поцеловал хозяйскую дочку? Да отвечай правду, пока я не надумал выкинуть тебя обратно в воду.

Хельги напрягся всем телом и выговорил раздельно:

— Хельги Виглафссон купил мою мать у торговца, но я родился уже сыном свободной. Хальггрим и Видга скоро приедут сюда, чтобы ввести меня в род. Если ты подождешь день или два, ты и сам сможешь в том убедиться.

Тут Ракни и Оттар обменялись быстрыми взглядами, но Хельги не заметил. Ему показалось, что он внезапно оглох, а потом вокруг начало быстро темнеть. Он еще выпрямился, пытаясь справиться с дурнотой, но это не помогло.

Он не видел, как склонился над ним веснушчатый рыжий верзила, у которого волосы надо лбом были почему-то короче всех остальных. Этот человек стащил с Хельги сапоги и штаны, умело промыл плечо. А потом завернул голову парня в необъятную овчинную куртку и уютно устроил под скамейкой гребца.

Ракни скинул одеяло, пошел умываться. Оттар поднял из-за борта кожаное ведерко воды, полил ему на руки:

— Как ты намерен поступить с мальчишкой, отец?

5. Мужские речи

Еще с закрытыми глазами Хельги почувствовал тяжелый размеренный ритм, приподнимавший то нос, то корму. Так качает только открытое море. Странное дело, Хельги совсем не помнил праздника, а ведь это явно был боевой корабль, и он ехал на нем в Халогаланд! Хельги пошевелился, потягиваясь, и вместе с болью в плече точно молния высветила в памяти все, что с ним произошло. Он рванулся спросонок, ударившись затылком о дубовую скамью, и это окончательно вернуло его к действительности. Тогда он открыл глаза и осторожно приподнялся.

Пасмурное небо касалось мачты, знать, жара надоела не только людям, но и богам. Судя по всему, стоял уже вечер, и над палубой несло капли дождя и брызги, туманом садившиеся на лицо.

Попутный ветер и отлогие волны баловали корабль. Один из викингов рассказывал что-то забавное, устроившись на носу: Хельги со своего места не слышал рассказа, только обрывки замечаний и смех. Двое других сдвинули колени и переставляли резные фигурки по клетчатой игральной доске. Фигурки, снабженные снизу шпеньками, не скатывались. Десяток любопытных окружал игроков. Иные взобрались на самый борт и сидели на ребре мокрой доски над близкой колышащейся водой, помогая советами. Так другие люди сидят дома на лавке. Хельги не удивился. Странно было бы, начни эти люди вести себя по-иному.

Рыжий малый, клевавший носом на соседней скамье, повернул голову и увидел, что Хельги проснулся. Он сказал ему:

— Диас Майрэ дуйт!

— Что?.. — спросил Хельги изумленно. Рыжий усмехнулся:

— Я сказал, да пребудут с тобой Господь и Мария. А ты мне должен ответить: диас Майрэ дуйт агус Падрайг, да пребудут Господь и Мария с тобою и с Патриком.

Пошарив возле себя, он протянул Хельги сверток:

— Одевайся... высохло на ветру.

Хельги подумал немного и понял, что встретил ирландца. Штаны и рубашка оказались сухими и теплыми, видно, кто-то позаботился о них еще до дождя. Хельги затянул тесемки на сапогах и спросил:

— Куда идет этот корабль?

Ирландец опять усмехнулся:

— Тебя, верно, в первую голову интересует, что будет с тобой. Так вот, Ракни конунг решил взять тебя в плавание, поскольку парень ты крепкий, а Кольбейн Лошадиная Грива напился пьяным и утонул, и людей на корабле не хватает. Ракни сказал, тебе полезно будет проветриться. А идем мы... Слыхал ты когда-нибудь про Свальбард?[20]

Свальбард!.. Холодные берега!.. Хельги проговорил медленно:

— Кто как, а в нашем роду верят, будто вправду есть на севере такая земля. Мой дед Виглаф мечтал ее повидать. Это в Утгарде[21], за краем мира. Там живут великаны.

Ирландец пригладил растрепавшиеся волосы и захохотал:

— Близко ты расположил край мира, приятель!.. Впрочем, это всегда так получается: пока кто-то один делает дело, остальные гадают, что выйдет. Надобно тебе знать, некий смельчак уже проложил дорогу на Свальбард, а Ракни задумал проверить, правдивы ли его рассказы и так ли велики и богаты новые земли... Ну что, ты не будешь просить, чтобы тебя выпустили на берег?

Тут к ирландцу подобрался другой человек. Широкоплечий, с длинными руками, способными, кажется, раскрошить в щепы упругое корабельное весло, он был очень сутул — словно бы попытался когда-то поднять непомерную тяжесть, да разогнуться так и не смог. Лицо у него было широкое и большое, но кто-то словно горстью собрал все его черты — нос, рот, глаза — в самую середину, оставив порядочно места по сторонам... Он не понравился Хельги с первого взгляда. Он

---

20 Свальбард — букв. "Холодные берега", арктическая земля, открытая викингами. Впервые упоминается в хрониках под 1194 г. ("найден Свальбард..."), но ряд исследователей полагает, что фактическое открытие могло произойти и много раньше. Автор, отнесший подобное плавание к концу IX в., считает свое допущение правдоподобным, поскольку мореходное искусство было тогда на вполне достаточной высоте, а климатические условия являлись едва ли не идеальными для плаваний в высокие широты. Впрочем, конкретное местонахождение Свальбарда спорно, различные авторы называют и о. Ян-Майен, и Восточную Гренландию, и кромку паковых льдов, и даже Землю Франца-Иосифа. Автору кажется наиболее правдоподобной гипотеза, согласно которой речь идет об архипелаге Шпицберген. В частности, эту гипотезу очень доказательно отстаивал Фридтьоф Нансен. По его предложению в современной Норвегии Шпицберген называется Свальбардом.

21 Утгард — букв. "внешний мир", "то, что вне ограды" — в скандинавской мифологии мир чудовищ, троллей и исполинов, постоянное место действия рассказов о воинских подвигах Тора.

и одет был заметно хуже других. Ни серебряной пряжки на поясе, ни запястья на левой руке...

Он сказал:

— Брось морочить парня своим Свальбардом, Луг! Ты бы лучше объяснил ему, что того храбреца мореходa зовут Вагн сын Хадда из Вика, и прошлой зимой его троюродный брат убил внучатого племянника Ракни на торгу в Скирингссале.[22] Наш Ракни поклялся, что не забудет обиды. Он надеется повстречать Вагна на Свальбарде, куда тот сулился поехать. Вагн — лучший человек в том роду, и поистине велика месть, за которой едут столь далеко!

Ирландец Луг отозвался недовольно:

— Все это так, Карк, но я-то не просил тебя рассказывать вместо меня. А ты, прыгун со скал, поди теперь к Ракни. Пусть он даст тебе весло.

Хельги поднялся, ища глазами вождя. Ракни сидел на корме, держа правило, и смотрел вперед, поверх всех голов. Хельги шагнул к нему и услышал, как Карк проворчал:

— Больно велика честь для беглого, сразу сажать его на весло. Путь бы сперва повозился с ведерками в трюме, как мы!

Хельги остановился.

— За тебя сказать не могу, — ответил он Карку, — а я не раб и никогда не был рабом. И мне случалось не только грести на длинном корабле, но и стоять у руля!

Карк насмешливо покивал:

— Сперва зашей дыры на своей рубашке, свободный. Ты заслуживаешь, чтобы мы назвали тебя Скрюмиром — Хвастуном.

Корабельщики начали оборачиваться... Примолк на носу веселый рассказчик, и даже игроки подняли головы поглядеть, что стряслось. Хельги сказал негромко:

— Ты подавишься этими словами. Или пускай не несет меня ни крепкая палуба, ни конский хребет.

Карк-вольноотпущенник был вдвое больше него. Он не сразу поверил, что гибкий телом мальчишка осмеливался угрожать.

— Всыпь ему, раум! — засмеялся кто-то из викингов; кажется, это был Оттар. — Выкинь его рыбам, тогда, может, мы благополучно дойдем до Свальбарда и назад!

Они собирались развлечься, и, может, даже сам Ракни, занятый на руле, разок бросил взгляд на дерзкого новичка... Хельги не оглядывался по сторонам, он смотрел на Карка и ждал. Честь — это такое богатство, за которое не жаль умереть. Нельзя ее ни подарить, ни отнять, можно лишь потерять или обрести самому...

Меч Карка лежал вместе с другими под палубой, в сундуке, но вдоль пояса висел тяжелый боевой нож с длинным клинком и изогнутой рукоятью. В умелых руках такое оружие беспощадно. Карк поднялся и пошел на Хельги, молча перешагивая через скамьи. У него были темные глаза, и в них тлел злой огонек.

Хельги дрожал всем телом и не мог унять эту постыдную дрожь. Она всегда поселялась в нем перед дракой и немедленно пропадала, как только доходило до дела. Нет, он не боялся. Он тоже был не совсем безоружен. Теперь настала пора испытать умение в деле. Только и всего.

— Ты, щенок, разговариваешь совсем как взрослый мужчина, — сказал ему Карк. — Вот и я — Тор свидетель — буду поступать с тобой как с мужчиной. Ты уж не обижайся.

Викинги снова засмеялись — эти слова всем пришлись по душе. Кулак Карка взмыл вверх, целя сопернику в подбородок, но Хельги успел увернуться и ударил ногой, как учил брат. Это была добрая наука. Карк взмахнул руками и грузно сел на скамью.

— Другие люди, — сказал Хельги, — давно уже поняли, что со мной следует поступать как с мужчиной. И не ты будешь называть меня щенком.

Карк, раздосадованный болью от удара и насмешками, выхватил нож и прыгнул вперед. Хельги поймал его руку своими обеими. Надо было вывернуть ее, но нынче у него просто не хватило сил. Он дернул к себе, заставив Карка потерять равновесие. Нож глубоко вошел в плотное дерево, а сам Карк оказался у пригнувшегося Хельги на плечах.

Навалившаяся тяжесть почти сломала Хельги, как когда-то на отмели, когда он один сталкивал лодку, всосавшуюся днищем в мокрую глину, и ведь тогда у него не болело плечо... Все же Хельги выпрямился, и быстро. Быстрее, чем можно про то рассказать, Карк, не успевший ни за что ухватиться, перевалился через подветренный борт. Его голова с беззвучно раскрывшимся ртом исчезла в серой, шершавой от дождя воде, быстро мчавшейся за корму. Ничего не поделаешь: трудно, имея за душой одну только силу, тягаться с прирожденным воином... Хотя бы и был этот воин еще очень юн.

— Поворот!.. — скомандовал Ракни, и люди бросились по местам. Викинги никогда не бросают своих. Это закон.

Хельги выдернул из скамьи нож, рассудив, что никто не оспорит добытого в схватке. И направился назад, к рыжему Лугу, но Оттар окликнул:

— Эй, парень, поди-ка сюда! Садись, будешь моим сменщиком.

Его скамья была на самом носу, и Хельги понял, что удостоился чести. Здесь садятся храбрейшие: когда корабли сходятся для битвы, на носу опасней всего. Он пошел к Оттару, нырнув под толстую шкаторину паруса, переползавшего с правого борта на левый. Корабль возвращался подобрать Карка, махавшего рукой из воды. Хельги сел рядом с викингом и спросил:

— Это ты предложил выкинуть его рыбам? Мне показалось, совет был неплохой.

Когда же Карку бросили веревку с петлей и вытащили его на палубу, он немедленно нашел глазами Оттара и Хельги, и Хельги увидел, как враз окаменело его лицо. Тогда он понял, что здесь, подле Оттара, сидел раньше именно Карк.

6. Вагн не будет прятаться от врагов

Корабль стоял на якоре возле скалистого мыса. Мореходы развели костры и приготовили ужин, а потом улеглись спать, натянув над скамьями полог из раскрашенной кожи.

Хельги знал, что завтрашний день не покажется ему легким, что надо выспаться, пока можно, пока не начался этот переход к Свальбарду, длящийся несколько суток... однако сон не шел.

Мать рассказывала, как она увидела отца после того последнего боя. Отца принесли к кораблю на огромном гардском щите, почти скрывающем стоящего человека. Воины опустили щит наземь так осторожно, словно боялись кого-нибудь разбудить, и мать увидела, что лицо отца осталось почти спокойным, только у ноздрей и на груди запеклась черная кровь, да открытые глаза были такими, что лучше в них не заглядывать. И вот тогда она поняла, что чужой воин, которого она боялась девять дней и ночей, никогда больше не обнимет ее, не

22 Скирингссаль — древний торговый город на западном берегу нынешнего Осло-фиорда.

проведет ладонью по волосам... И жизнь, остававшаяся еще впереди, эта долгая жизнь без него стала вдруг жизнью без радости и без счастья...

Хельги перевернулся на другой бок и вздохнул. Ему казалось порой, будто он все видел собственными глазами. Объятый пламенем погребальный корабль, медленно уходящий под парусом по великой реке, и мать, горько плачущую на берегу оттого, что ее не положили рядом с отцом...

А потом она родила на свет сына и стала отказывать всем, кто желал взять ее в жены и породниться с халейгами. А сватались к ней все достойные и славные люди, и, уж верно, не плохо жилось бы ей хозяйкой в каком-нибудь богатом дворе...

Было дело прошлой зимой на празднике Йоль[23], когда съели жертвенного кабана и плясали вокруг костров во дворе. Хельги думал тогда, что это был последний для него Йоль в Линсетре, и веселился от души... когда сзади вдруг послышался сердитый шепот матери и мужской голос, произносивший:

— Много женихов ушло отсюда ни с чем, но от меня-то ты не отделаешься так просто.

Хельги обернулся, оставив Вальбьёрг, с которой плясал. Там действительно стояла мать и с ней один из гостей, красивый и совсем не старый мужчина. Хельги знал, что еще перед пиром он долго беседовал с матерью наедине, но не слышал о чем. Теперь его пошатывало от выпитого пива, и мать, не желая поднимать шум, тщетно пыталась выдернуть у него руку.

Хельги, как на крыльях, перелетел через костер... Ему тогда повезло: он разделался с гостем примерно так же, как нынче с Карком. Подоспевшие парни подняли неудачливого жениха и повели прочь, пока не разгорелась настоящая ссора... А мать подошла к Хельги и прижалась к нему, жалобно заглядывая в глаза, и ему показалось, что она впервые признала в нем своего защитника и надежду, хотя Хельги давно уже стал выше ее ростом и гораздо сильней... Она впервые не выбранила его за то, что он ввязался в драку, где вполне могли покалечить. Вот ты и вырос, сынок. Теперь уже не я присматриваю за тобой и оберегаю, а наоборот. Зачем же ты так скоро вырос, сынок, зачем я не могу всю жизнь присматривать за тобой и оберегать!..

Он поедет с викингами на Свальбард. Он станет суровым героем, привычным к сражениям и к веслу и очень похожим на отца. Он думал об этом так, словно им предстояло вернуться через много-много зим, а не нынешним же летом... Все верно, но иногда отчаянно хотелось домой, в тихий Линсетр, и чтобы мать погладила по вихрам и назвала Мстиславушкой... или посидела с ним, как всегда, когда он был маленьким и болел...

Небось плакала теперь в жестоком отчаянии, потому что морские сторожа разглядели его прыжок с Железной Скалы и то, как Оттар втащил его на корабль. Не иначе, разыскала где-нибудь след и упросила Эйрика начертать крепкие руны,[24] привлекающие удачу. Да порезала палец и окрасила их, чтобы вернее помочь сыну в пути... Матери таковы: всю кровь по капле отдадут ради детей. Даже ради самых бездельных, от которых не дождешься толку ни нынче, ни потом.

Я вернусь, молча пообещал Хельги и пожелал, чтобы мать услышала его слова. Это бывает, люди слышат друг друга за много дней пути...

С тем он и уснул.

— Ты вот что, парень, — сказал ему Ракни конунг две ночи спустя. — Пореже бы ты называл себя Хельги, такие имена не для беглых рабов. И чтоб я больше не видел тебя возле форштевня. Ты ничем еще не заслужил права стоять там и смотреть!

Хельги больно хлестнули эти слова, но он промолчал: с вождями не спорят. А ведь он родился на корабле. На боевом корабле, где-то в датских проливах возле острова Хлесей,[25] когда братья отца возвращались домой из Гардарики. Стояла штормовая ночь, и брызги из-под форштевня окропили его, новорожденного, заменив чашу с водой, которую должен был взять в руки отец. Людям показалось, что неспроста это, и из мальчишки, пожалуй, мог получиться мореход...

Ракни и его викинги привыкли узнавать волка по волчьим ушам. Им еще придется поверить, что внук Виглафа Ворона вырос не за жерновами и не в хлеву...

Попутный ветер совсем некстати затих, и пришлось взяться за весла. Хельги сидел на палубе, глядя на мерно работавшего Оттара, и не без трепета ждал, когда наступит его черед. Он, конечно, знал, где у весла лопасть, а где рукоять. Он греб на корабле дяди, когда тот приезжал в Раумарики. Но что значили эти выходы на полдня по сравнению с той долгой мужской работой, которая теперь его ожидала! Оттар греб легко; сядешь после такого, и все сразу заметят, что корабль движется медленнее. А у Хельги ко всему прочему нещадно разболелось плечо, проткнутое стрелой. После насмешек Ракни он не стал его перевязывать, вот и приключился нарыв, поселилась противная дергающая боль... как грести?

— Держи весло, — совсем неожиданно сказал Оттар. Хельги подлез под его руки и сел рядом, чтобы перенять весло, не помешав соседям. Он не попросит отдыха, пока Оттар сам не прогонит его со скамьи. Чего бы это ни стоило...

Весло было тяжеленное, вытесанное из мелкослойной сосны и длиной в три человеческих роста. Кормовые и особенно носовые весла всегда делаются длиннее, это затем, чтобы все разом достигали воды. Вот и получается, что сидящие на носу не только первыми бросаются в бой, но и работают больше других. Оттого никто не может сказать, будто зависть и почет достаются им не по справедливости.

После первого же десятка ударов плечо облило невыносимым огнем, стало одновременно жарко и знобко, и Хельги помимо воли принялся беречь левую руку, чувствуя, как катится по лбу и груди преждевременный пот... Ну уж нет, сказал он себе. Жалобы они от него не дождутся.

Он молча греб еще некоторое время, но Оттар, улегшийся поспать под скамьей, все же что-то заметил.

— Сними-ка рубашку, — велел он Хельги, перехватывая рукоять. Хельги сполз на палубу и несколько мгновений наслаждался покоем, потом нехотя разделся. Он не мог посмотреть на себя сзади, а не то увидел бы, что кожа вокруг закрывшейся раны туго натянулась и была словно подперта изнутри.

— Садись опять за весло, — приказал безжалостный Оттар. — Я хочу посмотреть, наконец, умеешь ли ты грести. Пока мне кажется, что ты больше любишь болтать о могущественной родне!

Хельги посмотрел на него с ненавистью и рванул

---

23 Йоль — скандинавский языческий праздник Середины Зимы. Позже это название перешло на христианское Рождество.

24 Руны — скандинавские письмена, обладавшие, согласно поверьям, магической силой. Использовались большей частью для гаданий и разного рода заклятий, например, для надписей на памятных камнях (так называемые "рунические камни", по сей день сохранившиеся в разных районах Скандинавии).

(Продолжение см. стр. 55)

25 Хлесей — теперь остров Лесе (Дания) в проливе Каттегат.

весло на себя. Больное плечо обдало кипятком, и он содрогнулся всем телом. Скрипнул зубами и представил себе, что они догоняли врага... В плече сидел раскаленный гвоздь, и Хельги временами закрывал глаза, потому что из-под век текли слезы. Было трудно дышать. Он умрет здесь, за этим веслом. Наверное, это и есть судьба, которую он заслужил.

Потом гвоздь в его теле вдруг проткнул дырку наружу и вывалился вон. Оттар немедленно поднялся, кинул за борт кожаное ведерко и окатил Хельги, смывая растекшийся гной.

— Работай как следует, — сказал он и улыбнулся. — Будешь грести, пока не вытянет все.

Вот так они после сражения не давали своим ранам воспаляться и гнить. Упорная работа изгоняет из тела дурноту, испорченную кровь и, бывает, излечивает почти обреченных... Хельги только предстояло об этом узнать.

Вечером, когда ложились спать, Оттар подошел к нему, неся на плече любимца — кота. Он сказал:

— Я не знаю, сильно ли ты приврал насчет родни. Но ты по крайней мере выучился терпеть, и из тебя получится викинг. Теперь навряд ли кто будет бить тебя, как я тогда.

Хельги немедленно отозвался из-под одеяла:

— А попробовал бы ты ударить меня теперь, когда я совсем поправился и завел себе нож!

Засмеявшись, Оттар сгреб его в охапку вместе с одеялом и как следует стиснул. Хельги, не сопротивляясь, сперва поморщился, потом улыбнулся. От гребли трещала спина, да пришлось еще мыть и тереть тяжелый корабельный котел... так приказал Ракни сэконунг. Эту работу раньше всегда делал Карк.

Хельги рассказал Оттару:

— У меня ведь найдется и другое имя. Это потому, что моя мать приехала из Гардарики.

Оттар потребовал:

— А ну, скажи что-нибудь по-гардски.

— Рыба, — сказал проголодавшийся Хельги. — Корабль, меч, мир, щит, копье.

Оттар ударил себя по колену:

— Я знаю язык ирландцев и англов, потому что я там воевал, и еще финский и франкский, но этот мне незнаком. Надо было тебе попасть на корабль к Вагну, а не к нам! Там ты нашел бы, с кем поболтать. Прошлым летом они ходили торговать в Гардарики, в город Альдейгьюборг.[26]

Хельги вдруг ощутил приязнь к этому неведомому Вагну, ходившему в Гардарики, купцом, и захотел узнать про него побольше. Оттар словно подслушал и задумчиво проговорил:

— Никчемным малым был погибший, но мой приемный отец решил мстить за него, и люди скажут, что это было славное дело, а Вагна назовут подходящим для мести. Ваги достойный человек, и я сойдусь с ним один на один. Он не станет прятаться в заливах, или я скверно знаю людей. У него там выстроен дом, и он звал к себе всех, кто пожелает приехать. Он рассказывал о приметах, которых следует придерживаться в пути...

Хельги долго раздумывал над услышанным, и Ваги сын Хадда из Вика нравился ему все больше. Он явится в Свальбард снаряженным для промысла, а не для боя, и, уж верно, приснятся ему ночью серые кони, предвещающие погибель... Что ж, иные делаются осторожней в поступках, только если знают, что и у других есть наготове мечи и можно крепко поплатиться самим да еще накликать несчастье лучшему человеку в роду...

— Ваги путешествует по всему миру, как перелетная птица, — сказал Оттар. — У него даже корабль так и называется: Лебедь.

Хельги ответил:

— Должно быть, это не боевой корабль. Тот звался бы Ястребом или Орлом.

— Верно подмечено, — кивнул Оттар. — Ваги ходит на кнарре.

Кнарр круче боками и выше бортом, и грудь у него лебединая. Похожей на кнарр зовут женщину, которой судьба дала красивое полное тело. Кнарр не так проворен и поворотлив, зато не требует множества рук, чтобы управляться с ним в море, да и от непогоды там есть где укрыться...

— А этот корабль? — спросил Хельги. — Как его имя?

Оттар огляделся по сторонам, потом наклонился к самому его уху, чтобы морские тролли не сумели подслушать... но сказать в открытую все-таки не решился и ответил мудрено:

— Пятнистый бык горного склона, быстрый конь разветвленных мечей лба, вот как мы все его называем.

У Хельги захватило дух от восторга: похоже, слова повиновались Оттару еще охотней весла! Злобные великаны не наделены великим умом. Где им понять речи скальда,[27] с ходу раскусить иносказание-кеннинг и догадаться, что мечи лба, да еще разветвленные, это рога, а быстрый конь рогов — это красавец олень, грозный и неукротимый в бою!.. Стало быть, вот кто помчал Хельги на север. Поистине хорош был зверь и стремителен его бег...

7. Мужская работа

Берега заметно менялись день ото дня. Здесь был уже Халогаланд. Хельги совсем не знал этих мест и не мог сказать, когда они миновали шхерами Торсфиорд. А то и разошлись, не заметив друг друга, с кораблями халейгов. Однажды в непогожее утро за белой пеной прибоя выросли из тумана семь кряжистых великанов и не торопясь зашагали, окутанные облаками, мимо борта на юг. А еще здесь лежала в море скала, похожая на одноглазую голову, прибитую меткой стрелой. На диво силен был лучник и огромна стрела: в дыру, взявшись за руки, прошло бы несколько человек... Он и сам застыл неподалеку, этот стрелок. Тяжелыми складками вился каменный плащ, без отдыха скакал над волнами могучий вороной конь... Брат рассказывал Хельги о случившемся в стародавние времена. О черном всаднике, погнавшемся за красавицей Лехой, и о горном исполине, что заслонил любимую от смертной стрелы...

Раз за разом окуналось весло в плотные холодные волны. У воды здесь был удивительный цвет, как будто под взлохмаченной серой шкурой пряталась синяя-синяя плоть. Как та синева, что живет в небесах даже скрытая тучами, вот только морская была гораздо гуще и глубже. Когда рушился гребень волны, было видно, что в толще воды словно развели яркую краску, даже в ненастье не думавшую выцветать.

Но больше всего изменились ночи. Чем дальше на север, тем светлей они становились, и Оттар пообещал, что вскоре солнце совсем перестанет садиться за гори-

26 Альдейгьюборг — так скандинавы называли древнерусский город Ладогу, теперь — Старая Ладога Ленинградской области.

27 Скальд — скандинавский поэт и сказитель. Язык скальдической поэзии необычайно богат и сложен, современные исследователи называют ее "поэзией в квадрате". В древности считалось, что слово скальда обладало магической силой; так, хулительное стихотворение приравнивалось к оскорблению действием. Искусство стихосложения ценилось среди викингов едва ли не выше умения сражаться и водить корабли.

зонт и ночью поплывет над морем, как днем, разве только пониже. Вот тогда-то можно будет двигаться вперед круглыми сутками, и каждый захочет есть или спать в разное время, не так, как теперь, когда в мире сохраняются и полночь, и полдень... Хельги слышал про такое от дяди, но сам не видел.

Ракни стоял у руля, правя на северо-запад, море было чисто, но впереди, по его словам, на несколько дней пути раскинулись острова. Конунг собирался миновать их знакомыми проливами, кратчайшим путем.

Ветер был попутный, но какой-то порывистый и ненадежный, точно дыхание умирающего. Ракни с неодобрением посматривал на парус, то наполнявшийся, то повисавший бессильно. Опытный мореход полагал, что это не к добру.

Около полудня он начал высматривать что-то на севере, потом подозвал к себе Оттара. Оттар проследил, куда указывала его рука, и кивнул.

Хельги тоже оглянулся на север, но ничего там не увидел, кроме плотных облаков, не первый уже день стоявших по горизонту. Белый кот мягко вспрыгнул подле него на скамью, стал умываться. Хельги взял кота на колени, почесал ему за ухом. Кот перевернулся на спинку, принялся ловить его руку. Но, должно быть, и он уже ощутил в воздухе что-то зловещее. Ему внезапно надоело играть, он фыркнул и ринулся прочь, больно рванув по коленям когтями, острыми, как отточенные крючки.

— Ну и пошел отсюда, ведьмин выкормыш!.. — обиженно ругнул его Хельги. — Не стану вылавливать, когда свалишься за борт!..

Минуло немного времени, и стена облаков словно бы покатилась прямо на них, подминая и море, и еще невидимые за горизонтом дальние острова. Ракни смотрел вперед, недовольно нахмурившись. Мало радости повстречать шквал в опасной близости от берегов. Это в открытом море можно подставить ветру корму и хоть спать, пустив плыть по волнам мешок китового жира. Здесь не то, здесь хватай весла и сражайся, как в битве, если не хочешь оказаться на скалах...

Люди рядом с Хельги начали доставать кожаные шапки, промасленные куртки и толстые рукавицы. Хельги сидел молча: у него не было ничего теплее рубашки, натянутой на голое тело. Оттар иногда делился одеждой, но Ракни как раз советовался с ним на носу, а шарить в трюме без хозяина Хельги не стал. Он вытащил из гребного люка деревянную крышу-затычку и спрятал, чтобы не потерялась. Викинги разбирали весла, лежавшие в рогульках по бортам корабля. Хельги взял свое, просунул узкую лопасть в круглый люк и стал ждать, на всякий случай привязавшись к скамье, а в спине и плечах снова началась непрошенная дрожь.

Над кораблем все еще горело чистое небо, и от этого налетавшая туча была вдвое черней. Хельги казалось, она кипела подобно котлу, позабытому над очагом. А море оставалось спокойным, ибо шквал обгонял волны, которые сам порождал.

— Спустить парус! — рявкнул Ракни сэконунг, и перекладина мачты живо съехала вниз. — Мачту долой! Весла на воду!..

Канатами свалили мачту и уложили вдоль палубы, накрепко привязав. Весла ударили дружно, разворачивая корабль носом на север. Хельги оказался к туче спиной и так и не оглянулся посмотреть, как она подходила. На него вдруг резко дохнуло сырым холодом, словно из ледяной пещеры в горах, и стало темно. Мгновение, другое... и на воду, на корабль, на согнутые в гребле спины повалил снег. Да такой, какой на памяти Хельги случался не каждую зиму, не говоря уже о лете!

Драконья голова на носу бесстрашно хватала зубами серые космы. Сыпали с небес не снежинки и даже не хлопья — неистово крутясь, наотмашь хлестали тяжелые комья, пригоршни, клочья мокрых меховых шуб!.. Хельги не видел уже ничего, кроме спины воина прямо перед собой. Он мгновенно промок, и ветер полосовал тело, как плетью. Снег превратил воду в густую серую кашу, и еще неизвестно, что было труднее, совершать сам гребок или заносить весло против ветра, упруго хватавшего лопасть... Вот и начиналась она, истинная мужская работа без поблажек, та самая, способная обесчестить или прославить... Весло быстро тяжелело, то ли из-за липкого снега, то ли это просто казалось. Рукам, не защищенным рукавицами, приходилось хуже всего. Хельги ощутил судорогу и равнодушно подумал, что руки скоро станут прозрачными и примерзнут к рукояти весла, но это уже не имело значения, потому что тролли облепят снегом весь корабль и превратят его в плавучую гору, и она медленно двинется обратно на юг, чтобы без остатка растаять где-нибудь на мели...

Потом в клубящейся тьме возник Оттар. Его короткая кудрявая борода поседела, забитая снегом. Он перехватил у Хельги весло и столкнул его со скамьи. Хельги скорчился возле борта и сунул пальцы в рот, потом спрятал их под мышками — не помогло. Тогда он яростно взмахнул руками несколько раз, как всегда это делал, потеряв в лесу рукавицы, и под кожей заколола вернувшаяся кровь.

Оттар размеренно заносил весло. Этот не притомится, пока не обойдет кругом всего населенного мира. Хельги был девчонкой и слабаком: он позволял другому грести вместо себя. Надо прогнать Оттара... сейчас... он только чуточку передохнет...

Буря тяжело валила корабль. Хельги то проваливался в бездну, то возносился высоко вверх и видел волны, катившиеся из мглы. Потом глубоко в животе родилась сосущая пустота. Так было, когда однажды он взял Вальбьёрг за рыбой и они угодили в зыбь, и Вальбьёрг позеленела лицом и запросилась грести, а он не дал — вот еще, станет она ему помогать! — но Вальбьёрг расплакалась, и он скрепя сердце всунул в уключины еще пару весел, она схватилась за них и немедленно ожила... Хельги взобрался на скамью и крикнул Оттару в ухо:

— Пусти!

Голос прозвучал тонко и жалобно. Викинг отдал ему весло вместе с толстыми кожаными рукавицами, прилипшими к дереву. Хельги смалодушничал и не спросил его, как он собирался без них обойтись. Он вдел руки в рукавицы: было мокро, но по крайней мере тепло. Весло показалось еще тяжелей прежнего, но Хельги крепко схватил вырывающуюся тварь и принялся грести, как будто от этого зависела его жизнь. Да так оно и было.

Потом стало смеркаться... по счастью, северная летняя ночь была светлой, и даже тучи, ползшие по самым волнам, не могли ее погасить. В это время Ракни услышал впереди грохот прибоя, и ветер на миг разорвал сплошные полотнища снега, показав береговые откосы, уходившие в непроглядный туман, и буруны, скалившиеся у подножий.

Ракни переложил руль, правя вдоль берега. Это было смертельно опасно. Налетит волна выше других и проломит доверчиво подставленный борт, опрокинет, потащит на скалы. Или оплошает Оттар, вцепившийся в снасти возле форштевня, и высунутся из воды черные зубы, прокусят тонкое деревянное днище...

Прилив шел против ветра, и волны вздымались на страшную высоту. Корабль мчался между отвесными стенами, и деревянные кости стонали от напряжения.

Чайки срывались с утесов и носились с криками, словно предвкушая поживу...

Но, видно, не зря шли люди за Ракни сэконунгом, не зря верили в удачу вождя. Он сумел разглядеть узкий вход между скалами, суливший убежище. И правило в его руках снова развернуло корабль. Ракни закричал сорванным голосом, и обледенелые весла взвились в последнем отчаянном усилии, разгоняя тяжелую лодью, а потом спрятались в люки. Глаз у Ракни был безошибочный. Вздыбившаяся волна подхватила корабль и с грохотом пронесла сквозь ущелье — до утесов по обеим сторонам достала бы вытянутая рука. Корабль перелетел через камни и закачался в узком проливе.

Врывавшаяся зыбь лизала нависшие скалы, постепенно слабея. Ракни огляделся, и на корме слышали, как он пробормотал:

— Входя в дом, сначала прикинь, как станешь выбираться назад. Не пришлось бы нам тащить своего коня на руках!

Сказав это, он стащил шапку и вытер лицо. Стоять в шторм на руле тяжелее, чем даже грести.

— Отдохни, Ракни! — крикнул Оттар. — Я бы постоял там теперь вместо тебя!

Ответом был хохот, раздавшийся над скамьями. Но не успел он смолкнуть, как невидимое течение словно рукой потащило нос корабля, наваливая на выступ скалы. Веслам не развернуться было здесь для спасительного удара. Четверо кинулись к форштевню, подхватывая шесты... слишком поздно!

Хельги обернулся, и увиденное осталось в памяти навсегда. Оттар, оказавшийся один на один со скалой, ухитрился вклиниться между нею и форшевнем: он упирался ногами в щербатый каменный рог, а плечами — в скулу корабля... у него не нашлось под руками багра, да и не выдержал бы багор. Хельги никогда не думал, что один человек способен удержать корабль. Наверное, никому, кроме Оттара, не стоило даже пытаться.

Карк первым подоспел на выручку и взревел по-медвежьи, налегая на шест. Подбежали другие, и полоска мутной воды стала медленно расширяться. Оттара вытащили наверх за одежду. Он лег на мокрую палубу и остался лежать. Люди через него переступали. Чернота медленно уходила с его лица. Что говорить: если бы его вовремя не схватили за шиворот, он свалился бы в воду и наверняка утонул.

Хельги готов был рухнуть на палубу и умереть. Однако прежде пришлось отнести на место весло, а потом Ракни велел слазить в трюм и проверить, много ли воды. А потом ставили над скамьями шатер, и Хельги еще справился с растяжкой, которую сунули ему в опухшие руки. Он отупел от усталости, но откуда-то издалека пробивалась глухая обида. По всей справедливости, это ему следовало заметить расселину, а потом оказаться на носу и не дать кораблю пропороть бок об утес... И не беда, если бы его раздавило в лепешку. Он бы еще услышал голос Ракни сэконунга: жаль, мы не поверили сразу, это действительно был внук Виглафа из Торсфиорда... Поистине судьба давала ему случай, но он предпочел струсить и не заметить его, и неоткуда знать, будет ли другой.

Оттар поднялся наконец с палубы и пошел к своей скамье. Он пошатывался, и Карк все норовил его поддержать. Однако Оттар дошел сам, и Хельги принес из трюма его спальный мешок. Карк зло посмотрел, однако ничего не сказал.

Хельги потом только узнал, что его, самого молодого, едва не оставили на ночь сторожить, но Ракни не позволил, сказав, что мальчишка не выдержит и заснет все равно... Вот и выпало Карку ходить по палубе до утра, беседуя с выбравшимся на прогулку котом.

8. Пламя битвы

На другой день мореходы поднялись не рано. Ни у кого не было сил даже поддразнивать несчастных, вынужденных с отвращением натягивать холодную, сырую одежду и сушить ее на себе. Имевшие запасы делились с товарищами, но на всех не хватало.

Один Оттар проснулся как ни в чем не бывало и принялся умываться водой из- за борта. Любой другой лежал бы пластом, перенеся выпавшее ему накануне, а Оттару — хоть бы что. Это потому, подумал Хельги угрюмо, что я полдня греб вместо него, и он не устал.

Он сказал Оттару:

— Вчера ты выручил всех...

Викинг отмахнулся полотенцем — раскрасневшееся загорелое тело было тверже мореной бортовой доски. Он ответил:

— Все дело не во мне, а в сапогах. У меня сапоги из акульей кожи, вот я и не поскользнулся.

Хельги попросил его:

— Окати и меня.

Если бы он был скальдом и вздумал сложить про Оттара хвалебную песнь, он непременно сравнил бы его с березой. Что может быть мужественней белоствольного дерева, схватившего корнями скалу и развернувшего упругие ветви навстречу яростным осенним штормам!..

Вокруг молча высились отвесные кручи, не везде позволявшие выйти на берег. Снег таял, и вниз со звоном бежали ручьи. Больше ничего не было слышно; ветер притих, и серый плащ неба рвался тут и там, показывая слепящую голубизну. Косые потоки света порождали серебряные пятна на темной воде. Молодые ребята ловили глупышей и жадных бакланов, закидывая крючки, спрятанные в катышки сала. Ощипанные тушки подвешивали. Потом их бросят в котел.

Ракни велел положить сходни и отрядил несколько человек поискать сушняка на костер. Он напутствовал их так:

— Возьмите оружие и почаще оглядывайтесь по сторонам. И не разговаривайте громко!

Парни молча кивнули. Оттар отомкнул для них сундук, где сохранялось оружие, и каждый взял свое — кто секиру, кто меч. Хельги подошел было расспросить, в чем дело и почему нельзя громко болтать, но все слова тут же разлетелись с его языка в разные стороны, ибо Оттар вытащил из сундука свой собственный меч и сдернул с него ножны, проверяя, не завелась ли ржа.

Какой это был меч!..

Хельги видел подобные только у дяди и у старшего брата: они привезли их из Гардарики, и на любом торгу за них дали бы страшную цену. Клинок в два локтя длиной казался одетым прозрачной чешуей из-за причудливого рисунка, проступавшего в глубине. Такие делают из множества металлических прутьев, скрученных вместе; оттого получается, что внутри меча живет вязкое, неломающееся железо, а на лезвии блестит острая сталь.

Подобное оружие любят, верно, как единственную женщину, чтят как вещую святыню и в бою полагаются, как на побратима.

Хельги сначала задохнулся и онемел от восторга, потом робко потянулся к мечу.

— Можно мне... подержать немножко...

За подобную просьбу вполне можно было получить по затылку, но Оттар только усмехнулся и протянул ему серебряную рукоять. Хельги взял меч и немедленно перепугался, как бы не оступиться на колебавшейся палубе да не выронить чудесный клинок в бездонную соленую воду... Наверное, Оттар всякий раз перед сражением накрепко стягивал на запястье петлю!

— Я называю его Гуннлоги, — сказал Оттар.

Гуннлоги, Пламя Битвы... хорошее имя. Хельги обхватил пальцами черен и несколько раз взмахнул мечом над головой, повторяя приемы, которые знал. Меч был еще тяжеловат для него, но если бы заиметь хоть вполовину такой... уж он бы с утра до вечера таскал и подбрасывал камни на морском берегу, чтобы рука сливалась с мечом воедино и сама становилась такой же упругой и крепкой...

Нежданное счастье совсем лишило его наблюдательности, и он не заметил удивленного одобрения, отразившегося у Оттара на лице. Хельги возвратил меч и с сожалением покосился на свою пустую ладонь, еще хранившую отпечаток рисунка. Оттар сказал, пряча Гуннлоги в ножны:

— Жаль было бы вчера утонуть. Я левша, и немногим нравится драться со мной. Ваги редко ввязывается в сражения, но люди рассказывают, что это величайший боец!..

После еды Хельги отправился чистить котел. Его уже почти перестало бесить это рабское дело: он решил для себя, что через него придется пройти.

Он никогда не бывал в море подолгу, и твердь под ногами раскачивалась, как палуба корабля. Ему тоже не велели отходить далеко, и на сей раз он вызнал причину.

— Финны[28] живут в здешних местах, — объяснил Оттар. — Видишь сложенные камни там, на горе? Это их путевой знак.

Финны жили и в Раумсдале, где-то в заросших лесом горах. Но они были немногочисленны, и их никто не боялся, предпочитая, правда, не ссориться. Все финны рождались могучими колдунами, а колдунов не стоит сердить. Хельги понизил голос, чтобы не расслышал подкравшийся оборотень, и спросил:

— Ракни конунг хочет устроить набег?

Это была глупость, и Оттар засмеялся:

— Не много толку было бы от набега, потому что финны обычно успевают удрать, да и взять-то с них нечего, кроме дырявых оленьих шкур... Ракни просто не хочет обижать финских Богов. Они живут в камнях и не любят, чтобы рядом шумели.

Вот Хельги и вертел головой, сойдя с берега. Мало ли кто сидит в соседней скале! Он даже песком по донцу котла старался ерзать потише. Это не всегда получалось, и Хельги виновато косился на крутые лбы валунов: не серчайте, финские Боги. Я же совсем не хотел вам помешать.

А про себя уповал, что могучий Тор его защитит. Не сюда ли, на север, ездил Тор в своей колеснице и крушил молотом великана за великаном, а карликов, жителей подземелья, просто давил ногой, как червей!..

Хельги притащил чистый котел назад на корабль, и Оттар посмеялся над ним снова. Финны, сказал он, клали жертвы вовсе не каждому камню подряд, а лишь некоторым, и те священные камни очень легко отличить.

А пока Хельги возился в грязном песке, Оттар успел сходить на лодке к расселине в скалах. Теперь, когда отступили накатывавшиеся волны, там совсем не стало прохода тяжелому морскому кораблю.

— Лучше разведать, что хорошего впереди, — сказал Оттар конунгу, когда лодочку втащили на палубу.

---

28 Финны — здесь: саамы (лопари). Скандинавы считали их искусными колдунами. В древнейшие времена саамы населяли всю Скандинавию, а не только северную ее часть. Норвежцам времен викингов был полностью чужд национализм, и смешанные браки не были редкостью.

— Но зато я видел кита, застрявшего в бухте. Мы можем вернуться и убить его на мелководье.

— Посмотрим, — ответил вождь.

9. С глупцами не спорь.

Совсем поздно ночью, когда солнце повисло низко над северным горизонтом, Хельги улизнул с корабля поискать особенные валуны, стоявшие, как объяснил Оттар, каждый на нескольких других, поменьше. Было страшно, но любопытство возобладало. Да и не собирался он уходить далеко.

Он сперва даже вздрогнул, увидев рыжего Луга коленопреклоненным. Но потом разглядел две палочки, связанные накрест, и успокоился. Все ирландцы христиане. Можно было с самого начала сообразить, что к чему.

Луг заметил присутствие Хельги, но молитву не прекратил. Хельги сел неподалеку и стал смотреть, как Луг шевелил губами и делал священные знаки у себя на груди. Он не боялся, что помешает ирландцу. Брат говорил — христиане любят славить своего Бога в людных местах, надеясь привлечь побольше народу.

— Ты молился Белому Богу?[29] — спросил Хельги, когда Луг поднялся с колен. Ирландец кивнул, а потом указал на будто выстриженные волосы у себя надо лбом:

— Видишь? Это теперь все заросло, а раньше здесь была тонзура. Я монах.

Хельги много слышал об удивительных людях, которые не носили оружия и не брали себе жен. Но видеть живого монаха ему не приходилось. Он поудобней устроился на подушке серого мха:

— Расскажи мне об этом, ведь вы, ирландцы, умеете рассказывать занятно. И еще я хочу, чтобы ты выучил меня своему языку. Все мои родичи ходили к вам в Западную Страну,[30] и я там побываю.

Луг подошел к нему и сел рядом.

— Теперь у меня другой рассказ на уме, Хельги сын Хельги. И тоже очень занятный.

Хельги вскинул на него глаза:

— Ты... назвал меня по имени, ирландец?

Монах улыбнулся доброй улыбкой.

— Надо быть сыном хорошего отца, чтобы грести, как ты вчера, и не жаловаться на холод.

Хельги отвернулся, чувствуя, что краснеет. Ему-то все это виделось совершенно иначе.

— Ладно, — буркнул он, пряча смущение. — О чем ты собирался мне рассказать?

— О том, — ответил ирландец, — как я сам угодил к ним на корабль, и, может быть, это научит тебя и предостережет. На вашем языке такое называется страндхуг...[31] Ракни и еще один вождь, с которым они тогда вместе ходили, решили поживиться в нашем монастыре. Его людям показалось, что меня можно будет с выгодой продать на торгу, но я всех разбрасывал, пока не подошел Оттар и не скрутил меня один на один. Тогда меня связали и бросили в трюм, где сидел уже Карк. Его еще раньше взяли в каком-то датском дворе, и там он тоже был рабом. Вот так я оказался в плену и думал, что, верно, всю жизнь буду пасти свиней где-нибудь в Северном Мере. Однако Господь покарал викингов штормом вроде того, который загнал нас сюда, но только еще похуже, и второй корабль опрокинулся у всех на глазах. Ракни хотел спасти людей, но вытащил всего троих. Вот тогда кто-то сказал, что Богам нужна жертва, и для этого могут пригодиться пленники, сидящие в трюме.

Хельги молча кивнул: такое случалось.

— Я решил, — продолжал Луг, — что гибель приблизилась, и начал молиться. Но Оттар ответил тем людям, что больше проку будет дать нам ведерки. Сначала мы с Карком черпали воду, потом Ракни пришлось посадить нас на весла. А тех, кто держал в руках весло, уже не продают на торгу.

Хельги снова кивнул. Желтое небо не севере задумчиво тлело, не потухая и не разгораясь. Хельги проговорил:

— Ты, верно, пожелал остаться у Ракни, потому что решил попутешествовать, но от оружия отказался, ведь ты монах.

Луг ответил:

— Я прочел множество книг о храбрых и праведных людях, пересекавших море на кожаных кораблях, а теперь Господь дал мне случай самому посмотреть на чудеса. Ракни великий мореплаватель и путешествует всюду, куда может добраться на корабле. Когда-нибудь я вернусь в свой монастырь и поведаю братьям о походе на Свальбард...

— И о том,— вставил Хельги, — как отомстят Вагну сыну Хадда из Вика.

— Да, — повторил Луг медленно, — и о том, как будет убит Ваги сын Хадда из Вика. Но я не все еще тебе рассказал... Карк повадился служить Оттару после того, как тот спас жизнь нам обоим. Карк, бедняга, уже не находит счастья в свободе, ибо не ведает, что такое свобода. Оттару это наскучило, и он не случайно посоветовал тебе выкинуть его рыбам, а потом позвал к себе на весло. Ты сам решишь, как поступать, но я бы предложил тебе быть осторожней. Господь не дал Карку большого ума. Карк просто хочет служить Оттару и думает, что без тебя для него все станет как прежде.

Хельги повел плечами: толстая вязаная рубашка неплохо выручала его, но из темной расселины тянуло сырым сквозняком.

— Я не боюсь Карка, — сказал он ирландцу. — Я не стану с ним спорить, ибо Один не советовал спорить с глупцами. Но ты пожелал меня предупредить, и я тебе благодарен.

Когда они вернулись на корабль, Оттар уже лежал в своем спальном мешке. Хельги прокрался по палубе и неслышно устроился рядом, чтобы не потревожить его, но Оттар приподнялся на локте и сказал:

— Я давно хочу спросить, а нету ли у тебя дома сестренки на годок постарше, чем ты?

— Нету, — ответил Хельги удивленно. — У моей матери никого больше нет, кроме меня.

— Жалко, — сказал Оттар и закрыл глаза, сунув руку под голову, а Хельги задумался, с чего бы это викингу понадобилось спрашивать его насчет сестры. Ему вдруг показалось досадным, что у него не было сестры и нельзя было похвастаться перед Оттаром ее красотой, и он почти уже решил рассказать ему о Вальбьёрг, однако в последний момент хватило ума промолчать. Ведь если бы Оттар появился около Вальбьёрг в кетилевом дворе, ему, Хельги, определенно незачем стало бы туда приезжать!

10. Белая шубка

Гребцы не торопясь работали веслами. Корабль тихонько крался вперед, следуя изгибам фиорда. Оттар

29 Белый Бог — в скандинавской традиции христианский Бог, Христос.

30 Западная Страна — Ирландия.

31 Страндхуг — набег викингов на побережье с целью пополнения съестных запасов и грабежа.

стоял на носу, и гибкий шест в его руках внимательно проверял глубину, нащупывая камни.

Места были совсем незнакомые, и даже Ракни вождь не знал, куда выведет этот залив. Люди настороженно молчали, делая долгие промежутки между гребками, и потому-то им удалось расслышать слабый плеск весел, доносившийся откуда-то спереди.

Ракни негромко подал команду. Чмокнула крышка трюмного лаза, и викинги начали вооружаться. Хельги принес Оттару его меч. Оттар поблагодарил кивком и распустил на ножнах завязки.

Корабль как раз проходил под нависавшей скалой, почти дотянувшейся в вышине до побратима-утеса на том берегу. Опытный Ракни не зря приказал оставить мачту лежащей: прямо над головами проплывали скользкие гранитные своды, покрытые накипью, разноцветным лишайником, красным, желтым и черным... Людям почти не приходилось грести. Начавшийся прилив рождал проворное течение, и оно несло корабль само по себе.

Вот форштевень медленно выдвинулся из-за скалы, и все невольно вытянули шеи, вглядываясь вперед. Фиорд здесь неожиданно расширялся, заполняя круглую чашу шириной в полтора полета стрелы. Посередине торчал из воды огромный валун, чем-то похожий на закутанного в шубу старика. Была даже голова в шапке, словно изваянная отдельно и положенная сверху. Прилив знай карабкался по каменным складкам одежд, и вокруг старика кипели злые водовороты.

К этому-то камню с другого конца фиорда двигалась целая вереница маленьких лодок. А в лодках сидели финны.

Любопытному Хельги очень захотелось рассмотреть их поближе, но где там! Первое мгновение минуло в ошеломленной тишине, зато потом финны чуть не одновременно развернули свои суденышки и кинулись прочь с таким криком, словно к ним пожаловал оживший мертвец, или, хуже того, прадед-камень снялся с насиженного места, взмыл в небеса и полетел прочь!

Когда от тебя удирают, всегда хочется догнать. Да и оружие, привешенное к поясам, само собою затанцевало в ножнах. Гребцы дружно рявкнули и навалились на весла, бросая вперед тяжелый корабль. Ни дать ни взять проголодавшийся кот соскочил с лавки на брызнувших по полу мышей. И никому не ведомо, чем кончилось бы дело, но тут Оттар обернулся и заорал во все горло, останавливая друзей. Он первым заметил, что одна из лодок так и осталась беспомощно раскачиваться, лишенная весел: пока плыли все вместе, другая подталкивала ее впереди. А в лодке была девушка. Маленькая, съёжившаяся от ужаса и потому казавшаяся еще меньше.

— Тихо вы!.. — смиряя голос, приказал Оттар гребцам и добавил: — Поймаем её, пока не выскочила в воду.

Сам он осторожно, без стука опустил на палубу свой шест и перегнулся наружу, ложась на борт животом.

Лодка с девушкой медленно приближалась. Эта лодка действительно сильно отличалась от остальных — разукрашенная, убранная перьями и кусочками меха, мягко застланная донной травой. Девчонка сидела в ней ни жива ни мертва, этакая малявка в белой шубке до пят, сама похожа на беленького олененка, только выучившегося бегать... Ветра не было, весла корабля почти беззвучно двигались в лодках, и Оттар уже разговаривал с нею на языке финнов, именно как с олененком, отбившимся от стада.

У неё в суматохе свалилась с головы вышитая перевязка, и видны были прямые русые волосы. Карие глаза округлились, скулы мягкими бугорочками выступили на побелевшем лице. Она не отвечала Оттару, верно, со страху немногое понимала. Только то, что он не кричал на нее, не угрожал...

Ракни конунг на корме подал знак, останавливая весла: корабль приблизился к лодке вплотную и навис над ней темно-синей скулой, оцарапанной о кулаки валунов. Оттар совсем свесился наружу и медленно, не делая резких движений, протянул девушке руки:

— Ты думаешь, я равк,[32] выскочивший из могилы? Потрогай меня, я теплый, я живой.

Ужас перед незнакомцем сперва отогнал её к другому борту лодочки, так, что та чуть не перевернулась. Но мало толку спасаться вплавь от людей, на воде чувствующих себя едва ли не увереннее, чем на суше: а может, ей, как некогда Хельги, почудилось, будто у Оттара совсем не злые глаза... Она тихо-тихо подняла руку и доверчиво тронула подставленную ладонь.

Наверное, она думала тут же отдернуть руку, отскочить... какое! Опустевшая лодка легко закачалась, отходя от корабля: Оттар выпрямился и перенес девушку через борт.

Он поставил было её на палубу, но потом засмеялся и поднял рядом с собой на скамью, и только тогда её голова приподнялась над его плечом. Финны рождались малорослыми все как один, и подле Оттара это было особенно заметно. Викинги, посмеиваясь, сгрудились вокруг, и девчонка совсем помертвела, сообразив наконец, в какую переделку попала.

Хельги нашел взглядом Луга и заметил, что ирландец покрылся красными пятнами и, не имея оружия, стискивал найденный под скамьями багор... Хельги понял, зачем. И похолодел, поймав себя на страшном желании: ему захотелось встать рядом с монахом и заступиться за девочку — свалиться мертвым на палубу — но не услышать, как она закричит, когда с неё сдернут одежду...

Карк протянул руку и ущипнул девушку сквозь белую шубку. Решил, видно, потешиться хоть так: все равно ему не скоро дадут ее поцеловать. Она ахнула и прижалась к Оттару, как к родному, а Оттар оглянулся, увидел ухмылявшегося Карка и вдруг больно, хлёстко ударил его по руке... Карк отскочил, ссутулившись еще больше. Как собака, что не признала хозяина переодетым, куснула его, получила пинок и теперь готова ползать на брюхе, вымаливая прежнюю ласку... Оттар обнял расплакавшуюся девочку, стал гладить встрепанные волосы:

— Не бойся, Беленькая.

Ракни подошел к ним, оставив правило.

— Хватит реветь! — проговорил он сурово. — Давай лучше рассказывай, куда тебя везли все эти люди!

Морской конунг никогда не имел семьи, и полудетские слёзы Беленькой его только сердили. Не надо было долго разглядывать Ракни, чтобы понять: перечить ему не стоило. Разумная девушка всхлипнула еще раз или два, утерлась и начала говорить. Она всё еще держалась за Оттара, и он, конечно, легко мог бы оторвать от себя цеплявшиеся пальцы, но не делал этого, только переступал с ноги на ногу и улыбался.

...Финны племени самэк,[33] или Люди-олени, откочевали на острова еще зимой, когда проливы схватило

32 Равк — самый страшный персонаж саамских легенд, "оживший мертвец". По представлениям саамов, таковым мог оказаться любой незнакомый человек.

33 Самэк — одно из самоназваний норвежских саамов.

льдом и можно было проехать. Здесь не так мучил оленей злой прилипчивый гнус, и важенки спокойно телились в привычных местах, принося здоровый приплод. А кроме того, здесь всегда славно ловилась рыба, и можно было досыта есть и в изобилии вялить про запас на ветру. Так было всегда на памяти рода, но не нынешним летом. Что-то случилось с неисчислимыми прежде стадами трески. Наверное, это нагая женщина Сациен прогнала её от берегов...

Тогда стали спрашивать мудрого нойду[34], знающего колдуна. Три дня нойда не ел и не пил и наконец взял звонкий бубен и поднялся духом к Пейве-Солнцу и к ясному месяцу, а потом спустился к мертвым под землю, в страну Ябме-акко-абимо... И поведал, вернувшись, что нужно принести в жертву коня. Белого коня из тех, на которых ездят тайа[35] — высокорослые чужаки. А не сыщут коня, пускай к богам уйдет человек.

Ехать искать коня было долго и хлопотно: по голым горам, через проливы, за множество островов. Времени минует — страшно сказать, а долго ли протянешь без доброй трески, на одних морских слизнях и птичьих яйцах, собранных по обрывам! Сам с голоду умрешь и деток уморишь, либо без оленей останешься, тоже не лучше. Вот и указали на неё старухи со стариками, и нойда одобрил их выбор, велел ей надевать праздничный белый печок,[36] чесать волосы гребешком. И то: неужели не смилостивится Живущий-на-камне, не поможет правнукам, давшим ему крепкую, красивую, искусную в любой работе жену?..

— Вон там живет сейд...[37] — указала Беленькая на каменного старика.— В прилив там всегда случается водоворот... Я должна была уйти к нему жить...

Он и вправду клокотал возле скалы, жадно поднимаясь всё выше... Беленькая смотрела завороженно. Оттар покосился на вождя.

— Сейд уже смилостивился, — сказал Ракни отрывисто. — Догоняй своих и растолкуй им, чтобы возвращались. Тайа покажут место, где на мелководье лежит великая рыба. Её, мне думается, хватит на всех.

Оттар снова перегнулся через борт, опуская девушку в лодку. Было заметно, что ему совсем не хотелось с ней расставаться. Он передал ей весло. Она стремительно ударила лопастью, и лодочка полетела стрелой. Уже исчезая в протоке, лукавая девчонка оглянулась и помахала рукой. И Оттар немедленно помахал в ответ, решив, конечно, что это предназначалось ему.

Молчаливые темные горы отражались в узком фиорде, угрюмое небо дарило пасмурный свет, и даже снег на вершинах не резал глаз в ползущем тумане. Непогожие дни вправду окутывают северный край тяжелым плащом — но этот серый плащ соткан из такого количества разных нитей, от пепельных до серебряных и жемчужных, что невозможно наглядеться досыта...

11. Мать и отец

К концу дня финны переборoли страх и вернулись, и все вместе они отправились за добычей. Финнов было едва ли не меньше, чем мореходов: в краю, скудном пищей, люди селятся далеко друг от друга, чтобы не мешать охотиться и пасти оленьи стада, и ездят в гости к ближнему соседу за три дня пути. А одевались они почти одинаково, что мужчины, что женщины, сторонний глаз не сразу и разберется, кто где. Хельги сперва показалось, будто у всех у них были больные, несообразно опухшие ноги, но потом он пригляделся и понял — это из-за обуви, набитой травой и крепко примотанной к щиколотке, чтобы не проникала вода. Наверное, Людям-оленям так было удобно.

Злополучный кит никуда не делся со вчерашнего дня. Он всё так же ворочался и пыхтел в мелкой бухточке-луже, и финны радостно загомонили, увидев его: поистине, такая гора мяса только и могла быть подарком богов! В руках охотников появились гарпуны с наконечниками из кости и рога, редко у кого с драгоценными железными остриями. Викинги приготовили копья, Луг и Карк вооружились широкими ножами, разделывать тушу. Спустили лодку и направились к киту.

Обреченный исполин недолго бил могучим хвостом. Слишком опытны и смелы были люди и хорошо знали, как быстрее прикончить зверя и не оскорбить его дух лишним страданием. Хельги собирал по берегу плавник. Ему бросилось в глаза — Оттар резче замахивался и бил вдвое сильнее, если видел, что Беленькая на него смотрит...

...Последняя судорога погасла на жирных темных боках, и финны облепили тушу, как муравьи. Их пир начался немедленно, они не дожидались, пока разгорится огонь и мясо на палочках потемнеет, обретая дразнящий запах. Рыжего Луга так и передернуло от отвращения, когда викинги тоже начали подходить к киту и лакомиться, придерживая левой рукой горячие сочащиеся полоски и обрезая мясо ножом у самого рта... Плюнув, Луг перекрестился и сел возле костра к ним спиной. Ему, прочитавшему сто книг, неоткуда было знать, что сырое, еще по сути не умершее мясо имеет совершенно удивительный вкус и лучше поддерживает силы, чем всякая иная еда, а зимой лишь оно порой может отогнать страшную хворь, от которой выпадают зубы и приключается смерть...

Истинная мудрость готова не только учить, но и вбирать чужую науку, обогащаясь сама.

Во время охоты финны понемногу перестали дичиться и в конце концов перемешались с викингами за огромным общим костром. От сытости и жара огня их лица румянились, пушистые объевшиеся собаки и те благостно виляли хвостами, утратив обычную злость. Когда подошло время укладываться, Люди-олени уже безбоязненно утвердили на берегу длинные жерди и натянули кожаные шатры. В такой шатер-кувас не помещается много народу, зимой там устраивают женщин с ребятами, мужчины же всовывают внутрь голову и плечи, выставляя ноги наружу, и спят прямо на снегу, не думая замерзать в теплых меховых штанах.

Викинги, как обычно, отправились спать на корабль. Тут Хельги приметил, что Оттар куда-то запропастился, и окликнул его, приложив руки ко рту. Оттар не отозвался. Хельги встревожился и подошел было к Ракни, но конунг досадливо отмахнулся:

— Оттар придет.

Он, должно быть, знал, о чем говорил. Хельги долго ждал Оттара, потом все же влез под кожаный полог, приготовил Оттару его мешок и залег один под скамью.

Оттар вернулся очень поздно, вернее, не поздно, а рано, потому что близилось утро. Хельги проснулся, когда викинг толкнул его коленом, пробираясь впоть-

---

34 Нойда — саамский жрец, шаман, иногда — колдун.

35 Тайа — саамское название для всех несаамов.

36 Печок — саамская верхняя одежда из оленьего меха шерстью наружу.

37 Сейд — в саамских легендах дух обожествленного предка, живущий в камне; согласно поверьям, может выйти наружу в образе старика с длинной седой бородой, в очень простой одежде, с сияющим посохом. Сейд не любит шума и суеты и может, разгневавшись, перелететь на другое место. Сейдам еще в начале XX в. приносили жертвы, в том числе и кровавые.

мах. Оттар был чем-то очень доволен и даже мурлыкал чуть слышно, стаскивая одежду. Он блаженно заснул едва ли не прежде, чем забрался в мешок. Он всегда так засыпал. Зато Хельги остался лежать с открытыми глазами, уставившись в темноту палатки, и горечь, какой он никогда раньше не знал, затопляла его, не оставляя просвета. Он никогда и ничего не докажет Ракни и Оттару. Он так и будет чистить песком грязный сальный котел. А когда они сходят на Свальбард и зарубят там несчастного Вагна, он вовсе им надоест, и они продадут его на первом же торгу. Ну и что с того, что он греб веслом на боевом корабле. Вот так другие люди украли из дому и продали его мать. Там, в Гардарики. Ведь если поискать хорошенько, у него нашлись бы за морем и бабка, и дед, давно оплакавшие дочку и никогда не видевшие внука!..

Хельги сам не знал, что это такое на него накатило. И добро было бы из-за чего. А то из-за того лишь, что Оттар и Беленькая гуляли по острову, вместе провожая зарю!..

Мать рассказывала Хельги, как она впервые увидела отца.

Они сидели в палатке хозяина-купца — двенадцать молоденьких рабынь, и со страхом смотрели на затянутый пологом вход. Этими местами шло на рать войско храброго словенского князя, вот хозяин и расположился тут, в прибрежном лесу, и принес богу торговли кусок мяса и луковицу, испрашивая барыша.

Его палатку правильнее было бы назвать землянкой, ибо слуги растянули ее над ямой, убранной изнутри досками и тканью. Ступеньки уходили наверх, к пологу, не дававшему видеть синее небо. Впрочем, палатка была старая и довольно дырявая, ветер шевелил мешковину, и тонкие лучики бродили по лицам рабынь.

Сюда уже заглядывали воины-словене, юные и постарше, но ни одной не купили, потому что хозяин боялся продешевить и торговался упрямо. Теперь лучики переселились на дощатую стену, и самые беспечные из рабынь понемногу переводили дух: им начинало казаться, что страшный торг и новые хозяева не сбудутся для них еще несколько дней.

Тут-то снова послышались приближающиеся голоса, взлетел кверху полог, и хозяин колобком скатился в палатку.

— А ну улыбайтесь, кикиморины отродья!.. — зашипел он на шарахнувшихся девчонок. — Да повеселее, если по ремню не соскучились!..

А следом уже спускался другой человек, и дощечки ступенек жалобно поскрипывали под ним, потому что входивший был великаном.

Мать не врала — Хельги внимательно приглядывался к дяде и брату, да и сам был уж никак не меньше всех во дворе...

Этот вошедший выпрямился и подпер крышу светловолосым затылком. Он вглядывался в полутьму и явно не слушал трескотни купца, нахваливавшего товар. Ветер снова рванул холст, и луч солнца упал на его лицо. Мерзкое нутро было у торговца рабынями, но подле этого воина он показался еще и отвратительным внешне!..

А отец мгновенно обежал глазами несчастных перепуганных девок, увидел мать и указал на нее рукой. Она узнала потом — другие люди рассказали ему, будто здесь была рабыня, похожая на женщину, которая его не любила... Вот он и пришел сюда именно за ней, а не за другой. А тогда она в ужасе отшатнулась, пряча ладонями лицо и умоляя своих гардских Богов явить светлое чудо и сделать, чтобы не на нее, не на нее указала жилистая, окованная мозолями рука... Только представить, как эта рука ляжет ей на плечо! Но Боги чуда не сотворили, и подружка, сидевшая рядом, тихонько заплакала. А хозяин подскочил к матери и больно рванул за косу:

— Утрись, дура, выпорю!..

Слезы портят лицо — кабы этот урманин еще не повернулся и не ушел... Но отец шагнул вперед и отшвырнул купца, едва не свалив:

— Я выбрал ее, и теперь я сам стану ее бить.

Он совсем не плохо говорил по-словенски, отец. Хельги теперь, наверное, говорил еще лучше.

— Не самая красивая тебе приглянулась, — радостно засуетился торговец. — Смотри, у меня есть и другие, получше...

Он даже не думал обижаться, хотя его чуть не вываляли в пыли. Отец слушал вполуха, изредка поглядывая на мать:

— Я выбрал ту, которую выбрал, и не ты мне будешь советовать. Неси сюда весы!

Сметливый купец понял уже, что северный воин не поскупится на серебро, и назвал цену неслыханную — три марки[38]. Хельги Виглафсон заплатил не торгуясь. И пришлось матери подняться с земляной лавки, потому что он крепко взял ее руку пониже локтя, как привык браться за весло или рукоять секиры, и почти поволок вон из палатки...

Так она шла за ним, стремительно шагавшим через лес, просвеченный красноватым садившимся солнцем, к берегу и кораблю, и едва не падала с ног — шаг отца был для нее слишком широк, а коленки подламывались от беспомощного, унизительного страха, и его пальцы зло и больно сжимали ей руку, и перед глазами кружилась тропа и медные сосновые стволы...

Она же не знала, что они с отцом полюбят друг друга, и вся жизнь разделится для нее пополам: на девять дней с ним и на множество зим без него...

Хельги понял, что больше не уснет все равно, и сел в темноте, поджав под себя ноги. И тягостная, нехорошая мысль впервые посетила его: а может, и не было между ними никакой любви, и россказни матери на самом деле лишь выдумки, которыми она тешила его и себя?.. Дымилось разгромленное капище, и Боги падали с алтарей! Наверняка отец поступил с нею так, как всегда поступают с рабынями, и она теряла рассудок от ужаса и пыталась вырваться из его рук, но это было невозможно, она сама вспоминала, как взвешивали за нее серебро и понадобилось разделить монету, и отец сломал ее в ладони...

Оттар ровно дышал рядом, закутавшись в мех.

Брат говорил, у отца не было других рабынь. Наверное, брат не обманывал, и мать действительно хотела быть убитой и похороненной вместе с отцом, но всё это не имело больше значения. Хельги теперь доподлинно знал, как было дело, и никому не удастся его переубедить.

Люди редко жалуют купленную на торгу. Но это была совсем особенная рабыня, непохожая на всех остальных, это была его мать. Хельги стало отчаянно жалко мать, которую он всегда считал такой счастливой. Он угрюмо усмехнулся собственной жалости и подумал: что же, тем другим девчонкам, которых вместе с ней продавали, досталась доля еще хуже. Их не обнимали прославленные воины, у них не родились сыновья, для которых можно было бы выдумать сказку.

Хельги выбрался из шатра и стал смотреть на рыжее зарево, медленно переползавшее по горизонту. Ирландец Луг, назначенный сторожить, неподвижно сидел на

38 Марка — скандинавская мера веса, около 216 граммов, и одновременно мера стоимости.

другом конце корабля. Ветер дул с океана, и Хельги вдруг показалось, что вместе с ветром долетал зловещий, тихий, медленный грохот. Хельги не выдержал, подошел к Лугу и спросил его:

— Ты что-нибудь слышишь?

Луг прислушался и покачал головой.

— Нет, ничего.

Хельги остался около него. Под чугунными небесами ползла с моря чужая черная жуть, пробиравшая пуще ночного холода, до костей. От нее не укроешься в палатке, не спрячешься в мешке из жаркого оленьего меха, можно лишь уехать в иные края, туда, где растут большие деревья и солнце спокойно спит по ночам, а не бродит, навевая горькие мысли, как утратившая покой душа.

Одинок и беззащитен был скорлупка-корабль в тяжелом камне фиорда, посреди холодной земли, осиянной бледной полуночной зарей...

12. Богиня, дарующая сыновей

Утром Оттар протянул Хельги туго скрученный сверток:

— Держи! Это тебе.

— Спасибо, — сказал Хельги и взял.

Викинг расхохотался:

— Не мне, Беленькой спасибо. Она сказала, ты плохо одет и непременно замерзнешь там, куда мы собрались. Она отругала меня и велела присматривать за тобой получше. Она решила, ты мой младший братишка.

Хельги раскрыл сверток. Там оказался теплый олений полушубок, занимавший удивительно мало места, такие же штаны и еще рукавицы. Он немедленно натянул дареное: все оказалось более или менее впору, может, чуть-чуть великовато. Сперва это удивило его, ведь он был много выше самого высокого финна. Но потом вспомнилось, что финны часто торговали с соседями — может, и эта одежда была сделана на продажу. Хельги всунул руки в мягкие, толстые рукавицы, предвкушая, как славно будет в них на заснеженном Свальбарде... и сообразил, что Оттар навряд ли вспомнил бы об ошибке Беленькой, посчитавшей их братьями, если бы эта ошибка была ему неприятна. Он смутился и проговорил:

— Думается, финны решили поселиться возле кита. Вон, женщина уже строит жилище, и муж ей помогает.

Повыше кита действительно копошились две крохотные фигурки, перетаскивавшие дерн, камни и жерди. Оттар пригляделся внимательней и засмеялся:

— Строить-то она строит, но не для себя. Этой женщине скоро рожать, а в новом домике станет жить Богиня Саракка, посылающая девочек. Финны предпочитают, чтобы рождались девчонки. У них и вождь женщина, если ты заметил.

Он помолчал и вдруг добавил мечтательно, смягчаясь лицом:

— А вот у меня будет сын. Беленькая обещала молиться другой Богине, той, что дарует сыновей.

Хельги едва не выронил ремешок, которым подпоясывался.

— Ты взял Беленькую в жены?

Оттар ответил:

— Я подарил ее матери три ножа и колокольчики для ездового оленя, и она не отдаст Беленькую другому. Когда мы вернемся, я сразу увезу ее и устрою пир, какой полагается.

Хельги почему-то обрадовался за него, как будто Оттар действительно был ему братом. Вот ведь как по-разному распоряжается судьба. Бывает, едут на свадьбу, а приходится ввязаться в сражение. Бывает, видно, и наоборот...

Китовая туша не была еще съедена даже наполовину. Налетевшие птицы тучами клубились над пищей, и финны напрасно пробовали их отогнать. Люди Ракни конунга вялили мясо, развешивая его так, чтобы не добрались собаки.

После утренней еды Хельги вновь поволок по берегу тяжелый закопченный котел. Пока он чистил его, мимо прошел Карк; в этот раз он дольше обычного торчал поблизости и улыбался насмешливее, чем всегда. Или Хельги так показалось. Разом поднялось в душе все пе-

режитое за ночь!.. А если Ракни приставил его к котлу только затем, чтобы посмотреть, покорно ли он согласится пачкаться вместо раба?.. Не зря говорят люди — тому не нужна лучшая доля, кто за нее не дерется!

— Ну вот что... — сказал Хельги и выпрямился, отряхивая руки. — Не будешь ты радоваться, на меня глядя. Бери-ка этот котел и скреби его сам, а у меня найдутся дела поважней!

Вольноотпущенник взбесился мгновенно: он все еще надеялся одолеть Хельги в бою на ножах, знать, умишко ему и впрямь отпущен был небогатый. Хельги встретил его самым простым приемом, на который в Линсетре не попался бы ни один сосунок. И немного погодя уже сидел верхом на распластанном теле, крепко держа. Карк не сопротивлялся.

— Будешь чистить котел? — спросил Хельги спокойно, Карк отозвался покорно:

— Буду...

Новое унижение мало что добавило к тем, которых он перенес в жизни без счета. Хельги выпустил его и ушел. Велика ли честь придавить к земле неумеху, для славы выбирают лучшего противника, а не худшего. Но пусть они видят — и Оттар, и сам Ракни сэконунг — Хельги не раб и никому не даст обращаться с собой как с рабом...

Они провели у финнов еще несколько дней, отдыхая и запасаясь в дорогу. И теперь уже не один Оттар, а добрая половина оставалась ночевать на берегу. Маленькие круглолицые женщины ласково их принимали. А мужья не только не гневались, но, кажется, были довольны. Великую удачу принесли на их берег тайа-мореходы — пусть же удача задержится навсегда...

Люди-олени рассказали, что этот фиорд нигде не имел удобного выхода в море, но с северной стороны можно было выбраться через волок. Туда и решили отправиться.

За два дня перед отплытием у Оттара пропал кот. Он и на прежних стоянках никогда не пропускал случая погулять в одиночку, поохотиться на пестрых мышей, но всегда успевал вовремя взбежать по сходням на корабль. В этот раз он не возвращался очень уж долго. Подстерегла ли его коварная расщелина в скалах, из которой не выбраться даже ловкому и цепкому зверю, или разорвали злые финские лайки, или подхватила когтистыми лапами белая северная сова?..

— Может быть, я и знаю, в чем дело, — сказал вольноотпущенный Карк. — Один из нас недавно был оцарапан и пообещал не вытаскивать кота, если тот свалится за борт...

Он не глядел на Хельги, но Хельги отозвался:

— Это случилось со мной, однако кота я не топил.

Он готов был держаться на своем до конца, но Оттар не стал его расспрашивать, только махнул рукой:

— Брось, Карк, тебе уже мерещится.

Карк понял, что обвинить Хельги не сможет, и замолчал. У него был вид промахнувшегося ударом. А потом втащили мостки, и люди самэк, вышедшие к воде, сладили мореходам добрый путь: воткнули в землю шалашиком три сучка и положили сверху четвертый, длинный, смолистый, обращенный вослед кораблю...

13. Я вернусь еще до зимы

День перевалил полуденную черту. Оттар молча работал тяжелым веслом, а Хельги сидел рядом на палубе, поглядывая вперед. На самом деле уже давно была его очередь, но Оттар просто не отдал ему весло и не пустил на скамью. Он греб и греб, и Хельги даже не пытался с ним заговорить. Он знал, что к чему. Беленькая, с которой Оттар все эти дни был неразлучен, не пришла проводить корабль. Ее мать и та ничего не могла объяснить и лишь растерянно отвечала, что Беленькая еще на рассвете уехала куда-то на лодке. Оттар не стал разыскивать ее и не попросил Ракни помедлить с отплытием...

В конце концов Хельги не выдержал и обратился к нему:

— Может быть, ей не хотелось, чтобы ты видел ее слезы.

Оттар отозвался не сразу:

— Может быть.

Хельги почудилось, будто складка на его лбу немного разгладилась, и он задумался, что бы такое сказать ему еще. В это время один из викингов, сидевший по другую сторону прохода, обернулся и хмыкнул:

— Не ждали мы, Оттар, что ты так раскиснешь из-за девчонки. Понадобилось тебе положить глаз на финку, она же у любого повиснет на шее, как у тебя.

— Что? — спросил Оттар ровным голосом. — Что ты сказал?

Мудры были люди, установившие обычай в мире держать оружие в сундуках. Другое дело, парни вроде Оттара и голыми руками натворить могут немало.

— Вы там, на носу!.. — проскрипел от правила голос Ракни вождя. — Чем ссориться, посмотрите-ка лучше вперед!..

Оттар и Хельги одновременно вскинули головы, и Оттар ничего не сказал, только вобрал в себя воздух как-то странно, со всхлипом.

Вывернувшись из узкой протоки, наперерез кораблю летела легкая лодка. Весло равномерно взблескивало в руках финской девчонки, стремительно гнавшей лодку вперед. А на носу, подняв, словно боевое знамя, пышный белый хвост, стоял кот. Кот пел победную песнь: плеск воды заглушал его вопли, но Хельги видел, как раскрывалась маленькая зубастая пасть.

На корабле сразу перестали грести. Оттар не глядя бросил весло, и Хельги подхватил скользнувшую рукоять. Растрепанная и раскрасневшаяся девчонка ловко подогнала лодочку к борту, и кот, собравшись в тугой комок, прыжком преодолел полоску воды, без промаха вцепившись Оттару в плечо. А Оттар низко наклонился наружу и вновь, совсем как тогда, вынул Беленькую из лодки. Только в этот раз он долго не ставил ее ни на палубу, ни на скамью. Держал в руках и целовал, целовал без конца...

Кот спрыгнул с его плеча, и, метнувшись, вскочил к Хельги на колени. Хельги принялся гладить теплого кота, слушая громкое счастливое мурлыканье и про себя торжествуя: стал бы разумный кот ласкаться к человеку, пытавшемуся его погубить!..

Беленькая рассказала, что произошло. Оказывается, ее младший брат нашел возле берега мешок, в котором что-то барахталось и жалобно кричало. Мальчик сперва испугался, но потом вытащил мешок из воды и спас полузадохшегося кота. Ему понравился красивый и ласковый зверь, и он надумал оставить его у себя. Хорошо, Беленькая смекнула, где следовало искать сорванца...

Она сидела рядом с Оттаром, тесно прижавшись, и он держал ее в крепком кольце рук, не думая выпускать. Хельги взглядывал на них порой и сразу отводил глаза, словно подсмотрев ненароком что-то совсем для него не предназначенное...

Вечером, когда корабль подошел к волоку и были брошены якоря, Оттар и Беленькая ушли далеко за скалы и разожгли там костер.

— Вечно этот Оттар оказывается тут как тут, —

проворчал один из людей. — Я бы тоже не отказался посидеть с красивой финкой возле огня!

Ракни, слышавший это, усмехнулся:

— Мой приемный сын оказывается тут как тут и тогда, когда надо выручать всех. Если бы ты всегда вел себя как он, может, и девушки сделались бы улыбчивее!

Утром стали перетаскивать корабль.

Даже самые большие корабли строят так, чтобы легко водить их по волокам, перекладывая катки. Это разумно — мало ли что встретится в дальней дороге! Вот и на Олене деревянные катки хранились под палубой, рядом с камнями, уложенными в трюм ради остойчивости корабля. Теперь их вытащили наружу — иные совсем новые, другие посеревшие от старости; вмятины на них казались привезенными с другого конца света. Разгруженный корабль легко плясал в мелкой прибрежной воде. Вот под киль подвели первый каток с выточенной на нем ложбинкой, дружно налегли... Корабль задрожал, и острый форштевень выдвинулся из воды, со скрипом вминая в землю следующий каток. Беленькая смотрела внимательно, держа кота на руках. Ей все было в диковинку. Когда корабль выбрался на сушу и поплыл вперед, тяжело переваливаясь, она пошла рядом с Оттаром. Хельги видел, она глядела со страхом. В точности как мать, когда ей казалось, будто дитя неразумное взялось за непосильную ношу. Глупая девчонка не знала, что Оттар еще и ее мог бы посадить на другое плечо!..

А лодочку Беленькой оставили на внутреннем берегу. Проводив их, она поедет домой.

Волок вправду оказался недлинным. Ракни все поглядывал на небо, торопя людей:

— Скоро задует попутный ветер, тогда уляжетесь отдыхать.

Он вовсе не собирался проводить возле берега еще ночь.

Крепкие молодцы без большой натуги столкнули корабль в воду по другую сторону перешейка, бросили якоря и сразу понесли по сходням загодя перетащенное добро. Пробегая туда и обратно — а после того, как отпустила плечи тяжесть лодьи, бегалось необычайно легко, — Хельги несколько раз оглядывался на Беленькую, неотрывно следившую за Оттаром. Наверное, такое лицо было у матери, когда уходил от берега погребальный корабль...

Это сравнение не показалось Хельги удачным, и он в сердцах погнал его прочь. Но отделаться от раздумий о матери и отце оказалось не просто, и неожиданно выплыло: а кто сказал, что он, Хельги, хорошо ладил бы с ним, останься он жив?..

Наконец погрузку закончили.

— Убрать сходни! — велел Ракни без промедления, и Хельги сел к веслу, полагая, что Оттару захочется постоять на корме. Но Оттар вдруг взялся рукой за борт и выскочил на прибрежный камень, и кот белым мячиком выпрыгнул вслед.

Беленькая всплеснула руками, срываясь с места. Она-то уже думала, он так и не обнимет ее на прощание.

— Возьми меня с собой... пожалуйста... — расслышали на борту. Кто-то насмешливо фыркнул. Ракни сердито постукивал пальцами по рукояти правила, но молчал.

— Смешная ты, — сказал Оттар. — Я же вернусь еще до зимы.

Нагнувшись, он подхватил под брюшко кота и сунул его Беленькой в руки:

— Держи... это чтобы ты меня не забыла.

От таких слов у Беленькой сразу хлынули слезы, а Оттар повернулся и в два прыжка взлетел на борт по подставленному веслу. Потом Ракни подал команду, и корабль взмахнул крыльями, как морской орел, пускающийся в полет. Он шел на север, к темной полоске ряби, сулившей ветер. Хельги принялся грести, а Оттар действительно остался на корме и не уходил, пока мог видеть Беленькую и кота, вывернувшегося из ее рук и недоуменно стоявшего рядом...

А потом островерхие каменные горы и зеленые долины меж ними погрузились в синюю дымку, и два маленьких светлых пятнышка растворились, пропали, словно их и не было вовсе...

14. На плечах карлика Нордри!

— Вот и добрались мы до северного предела земли!.. — сказал, озираясь, Ракни сэконунг. Необычность случившегося заметно волновала его, добавляя разговорчивости: — Должно быть, здесь редко бывают даже китоловы. Только Оттар Путешественник[39] с острова Сенья, что служил Эльвраду конунгу англов[40] и теперь хвастается, будто тот включил его рассказы в какую-то сагу...

Оттар ответил:

— Неплохо ты сделал, назвав меня в его честь. Это принесет мне удачу. Но ты забыл еще про Вагна Морехода, отец. А ведь он первый двинулся отсюда на север, в открытое море, между тем как мой тезка повернул вдоль берега на восток, в Биармаланд[41].

— Да, совсем забыл, — усмехнулся Ракни, и эта усмешка определенно не сулила Вагну добра.

Небо было ясным, и в солнечной вышине властвовал Отец Зимы — мертвящий северный ветер. Хельги поеживался в накинутом полушубке и пугливо думал о том, что же ждало на Свальбарде, где этот ветер рождался и мужал, летя над ледяными горами!..

А море переливалось всеми оттенками яркой, густой синевы. Море лежало на западе, на севере и на востоке. Последний язык земли дотягивался с юга. Его венчала головокружительная скала — белые буруны окутывали огромный камень, неведомо как скатившийся к подножию... Где-то поблизости стоял карлик Нордри, держащий на спине весь северный край!

Вот за этим последним мысом Ракни и поставил корабль. Конунг ждал бури с юга: такой, чтобы загромоздила тучами дорогу северным ветрам, чтобы подхватила корабль и вынесла его прямо на Свальбард... Оттар Путешественник тоже просидел здесь немалое время, поглядывая в небеса. Ветер не обманывает, ветер приходит всегда. Надо только вовремя заметить его приближение и еще угадать, не раскачает ли он опасные волны... Все это было для Ракни делом привычным.

Хельги тоже смотрел на ослепительные синие волны, насмешливо скалившиеся белыми гребешками. Он полагал, что заметит признаки бури никак не позже вождя.

---

39 Оттар Путешественник — норвежский мореплаватель, в конце IX в. обогнувший Скандинавию с севера и, по-видимому, достигший Белого моря. Его рассказ об этом плавании был записан английским королем Альфредом Великим; он свидетельствует о блестящем мореходном искусстве викингов, в частности, о том, что они знали вихревую природу циклонов и умели ей пользоваться. Имя "Оттар" означает "наводящий ужас на войско".

40 Эльврад конунг англов — Альфред Великий, английский король (871—901), прославившийся как полководец, политический деятель, объединитель страны, законодатель, писатель и переводчик. В Лондоне (ставшем при нем английской столицей) воздвигнут ему памятник.

41 Биармаланд — "страна биармов" на побережье Белого моря, посещавшаяся скандинавами в IX в. и позже. Считается, что название "биармы" соответствует русскому "пермь". См. также Оттар Путешественник.

Только Оттару, кажется, наплевать было и на ветер, и на Свальбард, и даже на Вагна Морехода сына Хадда из Вика. Ракни косился на него с неодобрением, но не ругал. Этот хозяин моря, которого никто не ждал на берегу, все-таки понял — в финском становище с его приемным сыном случилось что-то такое, о чем сам он, премудрый Ракни сэконунг, едва знал понаслышке...

И ветер пришел!

Однажды Ракни тяжело протопал вдоль палубы, безжалостно пиная зарывшихся в одеяла:

— Вставайте!

Правду сказать, люди давно отвыкли на него обижаться. Все знали, этот вождь не выбирал себе ношу полегче. Хельги с Оттаром одновременно вылетели из-под скамьи, и Хельги сразу приметил опытным глазом, что наперерез северной волне катилась другая, с востока. А в небе уже виднелись края туч. Волны всегда опережают большой шторм, и по ним многое узнают наперед. Вот и Ракни уже прикинул силу подходившего ветра и решил, что ему можно довериться.

Проспавшиеся корабельщики первым долгом поставили мачту, приготовили парус. Потом принесли с берега вчерашнюю жареную оленину. Ракни выбрал большой румяный ломоть и встал с ним возле форштевня:

— Ты, Вана-Ньерд, повелитель Лебединой Дороги[42]! — проговорил он торжественно. — И ты, Эгир, гостеприимный морской великан! Помогите мне и моему кораблю!..

Размахнулся и забросил приношение далеко в воду. За мысом было тихо — Хельги видел, как вокруг пищи заметались жадные тени... Жертву не отвергли.

Мореходы сели вокруг котла и принялись завтракать, впол-глаза следя за далекими облаками.

Морские бури сварены в великанском котле. Без устали ходит в том котле усердный черпак — вот бури и продолжают вращаться, уже выплеснутые в полет...

Корабль вышел в море при сильном юго-восточном ветре. Спустя некоторое время этот ветер совсем отклонил к югу. У такого ветра тоже есть имя: Свасуд — Ласковый. Люди благодарны ему, приносящему оттепели посреди лютой зимы. А потом южный ветер превратится в юго-западный и западный, и наконец снова задует холодный Отец Зимы, летящий из-за края мира, из бездны Гинунгагап... Зима старше лета, и власть ее велика.

Верные себе, викинги до слез хохотали, приметив на берегу сапог, вывешенный рыжим Лугом сушиться и позабытый.

— Удача тебя ждет, — сказали смущенному ирландцу. — Похоже на то, что ты вернешься со Свальбарда невредимым и подберешь его здесь!

Проплыла мимо величественная громада мыса, и Хельги почувствовал, как начал отодвигаться назад, пропадая за горизонтом, весь населенный мир с его странами, городами и могучими реками... Впереди был только Океан без берегов, опоясывающий землю, — и поистине кажется людям, что беспределен тот Океан и нельзя его переплыть!.. Хельги оглянулся. Он хорошо помнил испуг, охвативший его, впервые взятого в открытое море, когда горы на берегу стали неотвратимо погружаться в пучину, даже заснеженные исполины Сын и Отец... Он побежал тогда к брату, сидевшему у руля: как же так, ведь берег начал тонуть и надо скорее спасать мать и всех живущих в Линсетре!

Братец Видга, суровый викинг восемнадцатью зимами старше Хельги и сам отец троих почти таких же мальчишек, скупо улыбнулся и объяснил, что так бывает всегда: корабль повернет, возвращаясь, и берег всплывет. Потом добавил, подумав:

— А смышленый ты парень, запомнил, что я рассказывал про Исландию. Там острова действительно появляются и пропадают сами собой!

И успокоил смотревшего на него малыша:

— Но это бывает только там, а Исландия далеко.

Да, Исландия была далека, может, даже дальше, чем Свальбард. Но дорога туда проложена не одним кораблем и не десятью. Род за родом переселялся на остров уже не первое лето. Люди везли старух матерей, жен и малых ребят, даже скотину, — и ничего, доплывали, занимали землю, обживались... А Ракни со своими отчаянными смельчаками уходил в неизвестность. И тучи наползали сплошной пеленой, пряча веселую синеву.

Хельги оказался среди немногих, кто не скучал по ночной темноте и не страдал из-за обилия света. К тому же добрые норны наделили его способностью спать урывками, обходясь без долгого ночного сна. Этим он вышел не в мать — ей было достаточно чуть-чуть подремать днем, чтобы полночи потом крутиться в постели. Не зря дядя однажды сказал ему, что таковы были все мужчины их рода, истинные мореплаватели, умеющие спать или бодрствовать по необходимости, а не из-за того только, что на небе день или ночь.

Вот и теперь он спал когда хотел и не боялся пропустить что-нибудь интересное.

Редкие мокрые снежинки садились на кожаный полог, укрывший спящих. Суровый океан будто баюкал корабль, и на всей палубе не спали только Хельги и еще два человека. Оттар сидел у руля, а Ракни — поблизости на скамье. Они негромко переговаривались, временами что-то показывая друг другу.

— Ты отклонился сейчас к западу, — сказал Ракни.

— Почему?

— Потому, — ответствовал Оттар, — что ветер ушел, а здесь есть течение. Волны, которые оно порождает, должны идти из-за кормы, а я заметил их справа.

— Так, — проворчал Ракни. — Покажи-ка мне их.

Оттар улыбнулся: видно было, что это казалось ему детской игрой. Он посмотрел на Хельги и ответил:

— Сейчас покажу, надо только обождать, пока снова появятся.

Хельги принялся смотреть вместе с ним. Увидев нужную волну, он даже дернулся было указать, но в это время Оттар проговорил спокойно и не оборачиваясь:

— Вот она, отец, я уже чувствую, как приподнимает корму.

И добавил, снова покосившись на Хельги:

— А еще бывает в море чудо-волна. Я слышал, она рождается там, где случилось землетрясение или упала ледяная гора...

— Хватит болтать, — недовольно перебил Ракни, и Хельги понял, что морского конунга вовсе не радовали незваные ученики.

Отойдя, он разулся, всунул ноги в отсыревший спальный мешок и вдруг подумал: а когда море светится, по свету глубин всегда можно понять, где проливы, а где матерая сушь. Оттар про это ничего не сказал. Наверное, он и не знает.

Такая мысль по-детски утешила Хельги, и он уснул.

(Окончание следует.)

42 Лебединая Дорога — в скандинавском поэтическом языке название моря.

Мария СЕМЕНОВА

С ВИКИНГАМИ НА СВАЛЬБАРД

15. У Вагна тоже есть сын, мать и жена

Под утро зоркий Оттар поднял всех криком:

— Вижу землю, вставайте!

Хельги едва не первым взвился из мешка и успел заметить вдали буроватую приземистую громаду, проглянувшую в разрыве клубившегося тумана — Хельги помнил, как он начинал собираться еще ночью, этот туман. Так бывает, когда в холодную воду выплеснут ведро кипятка.

Другим викингам повезло меньше. Пока они продирали глаза, остров затянуло опять.

— Все правильно, — проговорил Оттар с кормы. — Вагн так и рассказывал.

— Это Свальбард? — спросил Хельги. Оттар усмехнулся:

— Этот остров лежит посередине пути, и Вагна занесла сюда буря во время лова сельдей. Корабль едва не разбило о скалы, но Вагн нашел бухту на восточном берегу, под горой с тремя вершинами, где птицы загадили ему всю палубу...

— Вагн — величайший мореход из всех, о которых я слышал, — проговорил Ракни и отошел. Он любил приемного сына и в который уже раз сдержал раздражение: пусть возится с сосунком, если это может его позабавить...

Хельги умоляюще смотрел на Оттара, ожидая продолжения, и Оттар сказал:

— Они встретили здесь множество моржей и белых медведей и еще нашли пресное озеро, где водилась очень вкусная рыба. Правда, туда нелегко было дойти, потому что ноги вязли в грязи, — ведь там, на острове, совсем ничего не растет. А потом буря затихла, и они увидели стаю гусей, летевших на север. Люди Вагна успели отдохнуть и сделать запасы, вот он и решил пойти вслед за гусями и разведать, нет ли там земли...

Хельги немедленно захотелось поудить в озере невиданных рыб, добыть несколько моржовых клыков и белую медвежью шкуру, не намокающую в воде. Но Оттар сказал:

— Ракни не будет здесь останавливаться. Он хочет непременно добраться на Свальбард прежде Вагна. А надо еще найти фиорд и домик на берегу!

Однако остров все же дал Хельги понять, что мечта непременно исполнится. Он показался снова, уже за кормой, и на сей раз Хельги ясно разглядел далекую гору с тремя сгорбленными вершинами, смотревшими вслед кораблю. И вдруг показалось, что это стояли в серых плащах три старые норны, вестницы непреклонной судьбы: Урд, Верданди и Скульд...

Он хотел было по привычке сказать об этом Оттару, но что-то остановило его, и он промолчал.

Ночью Ракни пожелал вести ладью сам, и Хельги с Оттаром бок о бок устроились под скамьей. Хельги хотелось поговорить, и он очень обрадовался, увидев, что Оттар с улыбкой смотрел вверх, на полог, шевелившийся от ветра. Это было необычно; Хельги давно заметил — те же самые люди становились в море много молчаливее, чем на берегу. На корабле негде уединиться и некуда прогнать неприятного человека. Легче всем вместе придерживать языки, избегая лишних обид...

Викинг повернулся к Хельги и сказал, словно смущаясь:

— Я тут думал про Беленькую...

Хельги ответил:

— У тебя будет сын. Все финны колдуны, а их женщины в особенности. Она сделает, как обещала.

Оттар почесал плечо и блаженно зажмурился:

— Я не об этом... хотя и об этом тоже... я ей гагачьего пуха со Свальбарда привезу для перинки... просто... я ведь обнимал красивых девчонок, но я никогда на думал, что может быть, как у нас с ней... Я из-за нее совсем другим стал. Я как будто не только Ракни теперь принадлежу. Она же горевать по мне будет, если погибну, ведь правда?

Оттар говорил трудно и сбивчиво, и Хельги слушал его, затаив дыхание. Небось не Карк был удостоен такого доверия и не Ракни сэконунг. Да и не поняли бы они ни ничего. А Хельги однажды сорвался со скалы, куда завела его погоня за дикой козой, и в короткий миг полета, пока рука не сомкнулась на гибком корне сосны, единственное, о чем он подумал, было: мать седая станет, когда его найдут там на камнях!.. Он поймал свою козу и похвальбы ради притащил ее живую домой, и мать встретила его у ворот. Еще в полдень ее словно локтем толкнули, так и металась весь день, места себе найти не могла. Хельги крепко это запомнил... Теперь ему все казалось, будто мать так и стояла на дороге, там, где он видел ее в последний раз.

Он спросил Оттара:

— А есть у тебя родня кроме Ракни?

— Наверное, есть, — сказал Оттар тихо. — Только я ничего про них не слыхал. Ракни нашел меня на разбитом корабле, где не было больше живых, а я и говорить еще не умел. Может, я сын пленников, которых везли на продажу, а может, меня тоже родили девять морских дев, как Бога Хеймдалля. Ракни так и не до-

знался, откуда шел наш корабль. Он усыновил меня и дал имя, и я до сих пор думал, что мужчине достаточно иметь отца... ты понимаешь... такая маленькая и молоденькая... а вот по голове меня гладит... я не знаю... словно мать... Ты слышал, как Ракни называет свой меч? — спросил он и сам ответил: — Рождающий Вдов.

Да, здесь поистине не нужны были кеннинги[1], от подобного имени в ужасе разбежались бы все тролли. Оттар помолчал и добавил:

— Я теперь думаю, ведь у Вагна есть в Вике и мать, и жена. И маленький сын...

На другое утро Хельги сразу показалось, что вокруг значительно похолодало. Во всяком случае, он долго раздумывал, прежде чем вылезать из мешка. Но потом увидел Ракни, нахмурившегося с кормы из-под надвинутой шапки, и стыд прибавил решимости.

То, что это стоял день, а не ночь, можно было понять только по положению солнца. Корабль шел на север, а справа, ближе к корме, ползущие облака истончались, распадаясь на слои, и оттуда проникал бледный негреющий свет. Круглые сутки эта промоина будет медленно двигаться по горизонту, и все время будет казаться, что уже вечер и над морем тлеет закат...

А на волнах, вблизи и поодаль, сзади и спереди, сколько хватало глаз, лениво качался лед.

Были здесь маленькие, изъеденные водой льдинки, с шуршанием разламывавшиеся под форштевнем. Были белые плиты размером в полпалубы, еще хранившие следы птичьих лапок и лунки, прогрызенные тюленями. Ракни внимательно и искусно уводил от них корабль. Оттар и Карк молча сидели на носу с длинными шестами в руках. Время от времени они разом вставали, и облитые железом острия упирались в бок какой-нибудь льдине, подкравшейся особенно близко.

Хельги невольно засмотрелся на куски красивого голубого льда, резко выделявшиеся среди всех. Ветер и вода потрудились на славу: Хельги замечал то спящего зверя, то птицу, то человека в длинном плаще... Иные глыбы перепоясывали темные полосы грязи, виднелись вмерзшие камни. Это был лед с ледников, лед, родившийся на земле. Первая и грозная весть, которую посылал им Свальбард.

— Плохо! — сказал Ракни. — Возьмем западнее, а то как бы не раздавило корабль!

Он был прав. К северо-востоку льдины смыкались в сплошное тяжко колыхавшееся поле, и над ним в сером тумане дрожал и серебрился мертвенный отсвет. Хельги узнал потом, как назывался этот удивительный свет: ледяная радуга. Вот только вряд ли она служила мостом богам и добрым знаком всем людям, как та, что бывает после дождя. Очень скоро оттуда, из мглы, выдвинулось угловатое чудовище, при виде которого Ракни зло выругался и еще сильнее переложил руль, а ирландец Луг покачал головой и перекрестился. В шершавой стали моря лежал осколок ледника, выломанный напряжением нечеловеческих сил. Он был в несколько раз длиннее корабля, а чистый, словно мечом срезанный бок показался завороженному и испуганному Хельги высотой едва ли не в половину Железной Скалы.

Битва исполинов еще длилась на севере, и это был лишь малый ее отголосок.

И снова почудился зловещий медленный грохот, и черной жутью повеяло от молочно-голубого обрыва... Хельги яростно замотал головой, гоня наваждение прочь.

Корабль далеко обходил смертоносного гостя, и айсберг величественно поворачивался перед мореходами, прежде чем вновь пропасть в холодном тумане...

Ракни все же безошибочно угадал, в какую сторону следовало спасаться. Чем дальше на запад, тем меньше делалось льда. А потом остались лишь маленькие обломки, от которых можно было и не уворачиваться.

Только по-прежнему неутомимо носились над волнами молчаливые серые буревестники, высматривающие неосторожную рыбу; да тюлени, никогда не видевшие человека, показывали из воды то любопытные усатые мордочки, то гладкие спины...

16. Холодные берега

Знать, по вкусу пришлось Эгиру оленина, пожертвованная перед отплытием. Северный океан все так же ровно дышал под тяжелыми тучами, ползшими вровень с мачтой корабля. Вечный вечер длился без конца и начала, и где теперь стояло низкое солнце, никто не мог с уверенностью сказать...

Опытный Ракни лучше многих знал истинный, беспощадный нрав здешнего моря. Он поделил людей на две части и приказал, чтобы одни непременно бодрствовали, пока другие спят. Он сам возглавил половину, остальных поручил Оттару; но никто не видел, чтобы вождь подолгу лежал в меховом мешке под скамьей.

Вдобавок ко всему, шторм, дружески подставлявший плечо, ушел своим путем на восток, и ветер снова стал северным. Приходилось растягивать парус вдоль корабля и часто поворачивать, хитростью побеждая его угрюмую мощь. Путь, конечно, затягивался, да и людям прибыло работы, и Ракни совсем потерял сон.

— На Свальбарде отосплюсь, — буркнул он сердито, когда Оттар однажды посоветовал ему отдохнуть.

Хельги уже думал, что не сумеет застать Оттара одного у правила. Но берег не спешил показываться из тумана, и Хельги все-таки подстерег, когда Ракни ляжет и закутался с головой, и бесшумно прокрался мимо конунга на корму.

Оттар, нахохлившись, сидел на высоком сидении рулевого, откуда так удобно оглядывать море. На руках у него были теплые оленьи рукавицы — финский подарок.

— Совсем извелся Ракни сэконунг, — сказал Хельги негромко.

— Хороший вождь, вот и беспокоится, — отозвался Оттар. — Я не знаю второго такого. Ну, может, еще мой тезка с острова Сенья... да Вагн Мореход.

— А ты сам? — спросил Хельги удивленно. Оттар отмахнулся:

— Ну, я... У меня на самом деле давно есть свой корабль и люди, для которых я хевдинг. Однако я напросился с ним сюда простым гребцом, чтобы он еще немножко меня поучил. Ты же слышал, как он меня допрашивал. Как мальчишку, первый раз попавшего в море... вроде тебя.

---

1 Кеннинг — особое иносказание, употреблявшееся в поэзии скальдов.

— Я не первый раз в море, — сказал Хельги совсем тихо, с бьющимся сердцем. — Допроси и меня, если хочешь.

Он уже готовился рассказывать про волны и облака, про приметные звезды, позволяющие выйти на Фэрейские острова[2] или к Хьялтланду[3] но Оттар молча глянул на него и вдруг слез со своего места, приказав коротко:

— Держи руль!

Лишь много времени спустя Хельги понял, что Оттар намеренно застиг его врасплох; тут уж не притворишься, тут уж само тело либо отзовется привычным движением, либо не отзовется. Так выбирают щенка: вытряхивают весь помет в воду и смотрят, кто барахтается упрямей.

Что ж, Хельги умел перенимать руль при встречном ветре. Он пошире расставил ноги, приноравливаясь к ритму качки, отзывавшемуся размеренным трепетом правила... И пропал куда-то накинувшийся было страх, оставив лишь ощущение радостного и любимого дела. Того единственного дела, ради которого стоило появится на свет. Если бы сейчас Хельги спросили, что он хотел бы делать всю жизнь: сражаться, как отец, добывая бранную славу, или водить по морю корабли? — сын воина сгорел бы со стыда, но ответил без колебания: водить корабли...

Он был согласен стоять здесь на ветру до самого Свальбарда, без смены и без еды, и Ракни мог просыпаться и говорить ему все, что угодно... Оттар сперва на всякий случай держал ладонь на руле, потом убрал ее. Хельги и не заметил, когда.

Корабль — это ведь не просто доски и брусья, пущенные по волнам. Кто лежал на палубе, согретой солнечными лучами, и греб обледенелым веслом, доверяя свою жизнь кораблю, тот привыкает чувствовать его тело как собственное, если не острей. Но правило, колеблющееся в ладонях, дарует совсем особое чувство. С ним рождаются: кому не дано, тому уж и не дано. Есть люди, отведавшие меда поэзии, и есть неспособные стать скальдами, как бы им того ни хотелось.

Хельги слился с кораблем в одно существо, став его слухом, зрением и умом. А правду молвить, у конунга был отличный корабль. Премудрые строители сшили его еловыми корешками, и Хельги видел, как упруго дышали, прогибаясь, увенчанные щитами борта. Хельги взялся бы спорить, что борта были из ясеневых досок; он ходил на кнарре Кетиля, дубовом и вдобавок обитом гвоздями, и ему совсем не понравилась натужная дрожь, с которой крепкое судно напролом шло сквозь гребни... Олень был совсем не таков. Он перетекал с волны на волну, гибкий, как ныряющий кит, он принадлежал морю, и море принадлежало ему...

— Пусти, — сказал Оттар. — Хватит с тебя.

Хельги отдал ему руль и сел на палубу, прячась от ветра. Его словно разбудили посреди счастливого сна, и было очень обидно. Обидней, чем тогда в Финнмарке, когда Оттар дал ему подержать свой меч и потом спрятал его обратно в сундук...

2 Фэрейские острова — теперь Фарерский архипелаг.
3 Хьялтланду — теперь Шетландские острова.

По команде Оттара люди перетянули парус, и корабль, повернув, опять зашагал по серым ступеням волн. Оттар ненадолго оторвал взгляд от моря, посмотрел на Хельги и сказал:

— Ты, верно, заметил, что во всех переделках Ракни сам берется за руль. Он даже мне не доверяет корабль, когда начинается настоящее дело.

Хельги молча кивнул... и неожиданная мысль заставила его вздрогнуть, словно рука, тяжко опустившаяся на плечо: нет, не утонул дед Виглаф, пропавший много зим тому назад!.. У деда был корабль не хуже, чем этот, и сам он знал о море не меньше, чем Ракни и Оттар, вместе взятые. Он не мог утонуть!..

Свальбард открылся перед ними как-то слишком уж обыкновенно. Так, словно это был тот безымянный остров на середине пути или любой другой, затерявшийся в сумраке моря. А вовсе не таинственная земля на самом пороге Страны Великанов!

Первыми, как водится, изменились волны: стало видно, что они шли не из открытого моря. Потом точно щит исполина заслонил корабль от северного ветра. Спавших растолкали, и все молча смотрели вперед, ожидая появления земли.

И вот наконец поредела, раздвигаясь, серая завеса тумана, и смутно зачернели громадные береговые утесы. За ними видны были подножия гор, уходивших в низкие облака...

— Вагн говорил, Свальбард показывался им несколько раз, — пробормотал Оттар, стоявший в проходе между скамьями. — Но достаточно было приблизиться или взобраться на мачту, и видение пропадало. Впрочем, тогда стояла ясная погода...

— Ну, это-то не видение, — отозвался Ракни, и зачарованно молчавшие викинги точно ожили, начали разговаривать и смеяться, принялись искать на берегу вход в удобную бухту. И то сказать, последние дни холод донимал беспощадно, так, что никого уже не грели сырые мешки, и Ракни даже распорядился устроить очажок в старом котле, хоть руки оживить после весла и мокрых канатов... Теперь можно будет набрать на берегу плавника и развести огонь до небес, а над ним повесить жариться самого большого оленя!

Железный Ракни, конечно, безо всяких передышек отправился бы искать западный берег и домик, построенный Вагном. Но конунг принадлежит своим людям не в меньшей степени, чем они ему принадлежат.

— К берегу! — велел Ракни и переложил руль, а Оттар побежал на нос. Вдвоем с Арком они сняли с форштевня резную драконью голову и убрали ее в трюм: пусть-ка здешние духи поласковее встретят гостей! Потом спустили парус, и гребцы взялись за весла, а Оттар привычно отвязал длинный шест — щупать глубину. Все как обычно при подходе к незнакомому берегу. Вот только гребцы то и дело норовили оглянуться через плечо, а Ракни выкрикивал команды еще более хрипло, чем всегда.

Ведь там, дома, в Норэгр, многие верили, будто именно здесь море и земля обрываются в бездну. И можно, набравшись храбрости, перегнуться через край и посмотреть вниз!..

...Нет, он не растаял призраком в тумане, этот бурый каменный берег, на который они ступили-таки в глубине облюбованного залива! Вот зашуршала под килем крупная галька, и остановился корабль, и все, кто был на его палубе, разом бросились через борта, не боясь вымочить ноги. Бородатые мореходы ликовали подобно мальчишкам, впервые переплывшим фиорд. Земля!.. Настоящая, надежная земля под ногами, и после стольких ночей в холоде и сырости на палубе корабля снова можно устроить палатку под гостеприимным навесом скалы. Можно раздеться догола и вымыться в звенящем неподалеку ручье, не думая о том, что плавание продлится неведомо сколько и воду надо беречь!

Луг еще на палубе начал осенять себя священным крестом, а на берегу немедленно преклонил колени, поцеловал черные камни и зашептал, славя своего Бога... Насмешники-викинги успели дать монаху прозвище: Босоногий.

Хельги дружески хлопнул его по плечу.

— Не горюй, Луг, теперь мы поймаем тюленя и справим тебе хорошие сапоги.

Ирландец поднял глаза, и Хельги увидел, что они были счастливыми и подозрительно влажными. Луг мечтал сподобиться господних чудес, и теперь они представали ему одно за другим. Дай волю, он и здесь примется искать своих святых, ходивших на кожаных кораблях. И уж поистине найдет о чем поведать, возвратившись домой!..

— Стало быть, вот он и Свальбард, — сказал Оттар. — А помнишь, отец, сколько советчиков предостерегало тебя?

Ракни не спеша оглядел берег, отлого начинавшийся у воды и постепенно все круче устремлявшийся кверху. Потом прищурился и начал рассматривать другую сторону фиорда. Там подпирал тучу утес, весь белый от птичьего помета, и ни расстояние, ни ветер не могли заглушить множества пронзительных голосов...

Ракни сказал:

— Похоже, однако, что Утгард и вправду отсюда недалеко. Вагн велел высматривать гору с остроконечной вершиной. Он говорил, там виден кусок каменной ограды, которой великаны обнесли когда-то весь мир!

Хельги однажды спросил Оттара, что сделает конунг, если Вагн не появится. Оттар удивился: Вагн говорил о поездке как о деле решенном, и Вагн не из тех, кого могло бы остановить известие о замыслах Ракни...

— Мало кто зовет меня трусом, но у меня и то екало сердце, пока мы сюда добирались. А Вагн шел первым и не знал, найдет ли что-нибудь, кроме холодного моря. Вот если бы удалось побеседовать с ним перед сражением!..

17. Знак

Как ни хотелось конунгу скорее найти становище Вагна, для поисков нужна была по крайней мере ясная погода. Однако небо не спешило очищаться от туч, и немудрено — совсем неподалеку кипел прославленный котел, в котором Эгир варил морские ненастья. Серая мгла ползла по воде, и бухту окутывал густой плотный туман. Временами он скрывал даже корабль, стоявший у берега на якорях. Неторопливо кружившееся солнце просачивалось наземь каким-то прощальным скорбным мерцанием, озаряя исполинские чертоги, воздвигнутые

в облаках... Посреди лета тлели нескончаемые осенние сумерки, и никто не мог взять в толк, за что же Ваги Мореход хвалил эту страну.

Хельги с детства не любил вечеров, наводивших его на мысль о разлуках. Он завидовал Оттару, который сохранил и смешливый нрав, и привычку окатываться холодной водой. Ручей, протекавший возле палатки, брал начало из ледника, и после умывания в нем ветер с мелким дождем казался почти ласковым. Может, в том и было все дело: не унывает от холода знающий, что бывает куда холодней...

Однажды Хельги показалось, что его рубашка стала очень уж грязной и заскорузлой от пота. Он неумело принялся за стирку и вспомнил, что дома это всегда делала мать, и ловко же у нее получалось!.. Он вдруг увидел ее идущей к нему по каменистому берегу: вот она садится на выброшенную морем корягу, и можно обнять ее: уткнуться в мягкие колени лицом... Так часто бывало, когда он маленьким закидывал прутик-удочку с прибрежных корней, а мать приходила спросить, велик ли улов и не пора ли ставить на угли сковороду...

Оттар спугнув видение, сказав:

— А что, отец, может, в этих местах совсем и не бывает добрых деньков?

Тот нестоящий викинг, кто не носит на кончике языка множества веселых и насмешливых слов. Мореходы частенько забавлялись, подначивая друг дружку: однако на всем корабле только Оттар решался трогать вождя.

— Бывают! — отрезал Ракни угрюмо. — Ваги утверждал, что бывают!

— Я полагаю, — продолжал Оттар невозмутимо, — он говорил также, будто в ясную погоду здесь очень красиво...

Ракни понял, наконец, что приемный сын нарочно его поддразнивал.

— Ну вот что, — распорядился он по-прежнему хмуро. — Раз тебе не сидится, сходи на охоту. Если я съем еще одного баклана, у меня у самого вырастут перья!

До тех пор он никому не позволял далеко отлучаться.

Оттар вооружился луком и копьем, позвал двоих крепких парней и ушел. Хельги огорченно смотрел ему вслед: вот и опять не придется похвастаться сноровкой и доказать, что с него может быть толк... пятнадцати зим от роду разве поймешь, что о тебе позаботились, удержали вдали от опасности, стерегущей за ближним холмом!

Охотники вернулись достаточно быстро. Друзья Оттара волокли подстреленного оленя, а сам он нес на плече двух лебедей.

— Смотри, какие красавцы! — показал он их конунгу. — Тор свидетель, они и не думали улетать.

Олень, по его словам, тоже вел себя словно ручной: подпустил их вплотную и с любопытством смотрел, как в него целились из лука. Олень был невелик ростом, поменьше тех, на которых ездили финны, но крепок и очень пушист. Ракни нагнулся над ним, долго рассматривал уши и рога, не нашел никаких меток и сказал:

— Это дикий олень. Значит, люди вправду тут не живут.

Он велел отрезать рогатую голову зверя и принести с корабля деревянных Богов, без которых ни один разумный человек не пускается в путь. Викинги собрались вокруг разведенного костра, а Ракни принялся греть Богов и мазать их жиром из распоротого оленьего брюха:

— Я одолел неблизкий путь, чтобы ублажить тебя, Один, местью за родича. Не годится тебе, одноглазый, останавливать меня перед порогом судьбы!

Морской конунг то ли испрашивал милости у Отца Богов, то ли угрожал. Если бы Один вдруг появился здесь у костра в развевающемся синем плаще, с копьем Гунгнир в руке и с воронами, каркающими на плечах, Ракни навряд ли опустил бы глаза...

По фиорду плыли белые и голубые льдинки — течение и ветер тащили их в открытое море. Оттар ловко поймал багром одну из них, близко подошедшую к берегу. Голову оленя положили на эту льдину, и Ракни, подумав, добавил к ней лебедя, того, что был покрупнее. Могучие крылья птицы почти касались воды...

Отлив подхватил льдину, и скоро она уже плыла в сторону моря, кружась и постепенно пропадая в тумане. Хельги показалось, будто она двигалась чуть-чуть быстрее других. Он сразу понял, что это был знак. Вот только не у кого было спросить, хороший или плохой!

На другое утро — и это действительно было утро — он проснулся оттого, что Оттар встряхнул его за плечо:

— Ветер переменился, вставай!

Хельги босиком выскочил из палатки, на ходу поддергивая штаны. Тучи разорвались над фиордом, и видна была огромная гора, вонзавшаяся в синеву белым ослепительным рогом. Грудь горы покрывал панцирь разноцветных скал, сизых, черных, красноватых. Пятнами проступала зелень. Меж скалами начинались осыпи, простиравшиеся до подножия, как плащ.

Если северные горы вправду были исполинами, окаменевшими в начале веков, то один из них определенно стоял здесь, сверху вниз глядя на Хельги. Облака расползались все больше, с небес обрушивались потоки неистового света, и вода, только что угрюмо-стальная, вспыхивала серебром. Птицы, тысячами носившиеся над фиордом, закричали пронзительнее, ныряя за рыбой и снова взмывая в тучах огненных брызг...

Викинги торопливо натягивали одежду, сворачивая спальные мешки и одеяла, снимали деревянные подпорки палатки. Прилив позволил подвести корабль к самому берегу, и погрузку кончили быстро.

— Так!.. — сказал Ракни с нескрываемым торжеством. — Похоже, эту-то гору Ваги увидел с моря за полсуток пути. Значит, нас вынесло туда же, куда и его. Поднять парус! Мы пойдем на запад вдоль берега, и пусть вылезет моя борода, если придется долго искать!

Полосатый парус разгорелся над ними, как пламя: до чего же хорош он был в синем небе, среди крутых, изломанных, заснеженных гор!

— Посмотри внимательнее на берег, Луг, — толкнули в бок ирландца. — Не забыл ли ты чего-нибудь на сей раз?..

18. Ваги не обогреется у очага

Мать рассказывала Хельги, что в Гардарики земля

была теплая, ласковая, живая. Уютный кров и обильный стол всякому доброму гостю!.. Мать полагала, что даже прекрасная и щедрая земля Норэгр не шла с ее родиной ни в какое сравнение. Это Хельги собирался когда-нибудь проверить сам. Но если он надумает еще раз съездить на Свальбард, он не возьмет с собой ни Вальбьерг, ни мать, как бы они ни просились.

Величавые гористые берега, вдоль которых шел корабль, ошеломляли чужой, пугающей красотой. Этот мир был полон холодного света, он жил сам по себе и никого не звал в гости... Ай да Ваги! Немало надо решимости, чтобы без спроса войти в такие чертоги!

Ракни неожиданно повернул руль, правя мористее, и Хельги увидел на берегу язык ледника, неживший в каменной долине. Белое чудовище тянулось к воде, словно желая напиться, горбатую спину покрывали трещины и длинные груды камней... чего боялся Ракни сэконунг?

Когда ледник остался уже за кормой, воздух в долине вдруг задрожал, и невидимая лавина стремительно вырвалась в море. Крутые вспененные волны перекатились через еще заметный след корабля... Хельги так и услышал треск паруса, раздираемого внезапным ударом, увидел запрокидывающуюся палубу и нависшую зеленую стену воды, а на берегу — неистого великана, заходящегося грохочущим смехом.

— Ваги рассказывал, такие вихри здесь очень сильны, особенно в фиордах, — задумчиво проговорил рядом Оттар. И добавил почти зло: — И чего им понадобилось драться там в Скирингссале, этому родичу Вагна с внуком нашего Ракни!.. Тоже мне, не поделили мехового плаща!.. Пошли бы выпили пива да и помирились, как подобает мужам!..

Наверное, Ваги Мореход в самом деле хотел, чтобы идущие следом легко нашли его дом. В ясную пору заблудится здесь было решительно невозможно: Ракни уверенно называл то приметную гору, то островок, а потом без колебаний миновал устье фиорда, бросив коротко:

— Не этот!

Хельги все время казалось, что Ваги незримо был среди них на корабле, предупреждая, указывая дорогу...

А на берегах хлопотало стремительное свальбардское лето. В глубине фиордов открывались долины, полные яркой зелени и цветов. Олени спокойно паслись на склонах, нагуливая тело: они никогда не знали ни волков, ни мерзкого гнуса. И не было слышно прибоя за гомоном птиц, тучами срывавшихся с утесов. А там, где скалы отступали от моря, сменяясь широкими галечными отмелями, голубой воздух сотрясал низкий рокочущий рев, и землю прятали бурые туши бесчисленных моржей... Ракни далеко обходил лежбища, не видя толку попусту беспокоить зверье. Но и поодаль от берега, рядом с кораблем, то и дело всплывали изумленные нерпы, а еще дальше из волн поднимались столбы воды и теплого пара — дыхание могучих китов...

И надо всем этим сияли вечные ледники и высились зубчатые пики, кутавшиеся в снеговые плащи. Острые горы не заросли не то что лесом, даже кустарником. Летняя зелень вскипала на осыпях лишь там, куда часто заглядывало солнце и редко — холодные ветры. Но

таких мест было немного. Боги выковали Свальбард из морозного серебра, и, должно быть, могущественные скалы хранили покой этой земли

Потом ветер начал стихать, а по вершинам гор серыми змеями потянулся туман. Ракни велел взяться за весла и стал с беспокойством вглядываться вперед, ища укромную бухту или отлогий берег, не занятый моржами, куда корабль можно было бы вытащить на катках. Нет ничего хуже шторма возле чужих берегов, а здесь и посреди лета могла нагрянуть пурга!

Однако им повезло. За очередным мысом по левому борту открылась в море низменная земля, а вдоль правого распахнулся фиорд, столь широкий, что его едва не приняли за пролив. Приметы совпали: именно о таком рассказывал Вагн. Теперь следовало идти вдоль южного берега до бревна, утвержденного в куче камней. За ним-то покажется рукав фиорда, где Вагн Мореход выстроил себе дом.

Ракни, казалось, на время позабыл даже о тучах, черной стеной надвигавшихся с юго-востока. Жилье врага было совсем рядом, и он войдет в него уже нынче. Это будет славное дело, достойное памяти и рассказов. Ракни не считал, что проявлял отвагу, пересекая грозное море, безошибочно выводя к Свальбарду послушный корабль. Отвага — это не показать спину в бою, хотя бы на тебе живого места не было от ран... А ходить по морю, где веками рождались, кормились и умирали поколения предков — кто же посчитает это за подвиг, кому вздумается рассказывать об этом сагу, складывать песнь?

...Снег начался внезапно. Густые хлопья с шорохом падали в воду и на глазах выстилали берега белым ковром. Хельги и дома видел такое: почти черный фиорд под мрачно-серым, низко надвинувшимся небом, уложенный в нетронутые белые берега. Но здесь были еще и льдины больше самого корабля, величественные, неторопливые, светящиеся изнутри мертвенным голубым светом... Это поразило его, как поразило бы всякого, не лишенного глаза на красоту.

Потом с неба обвалился ветер, и корабль содрогнулся, а снег превратился в маленькие стрелы, зло разившие пришельцев.

— А ну-ка, нажмите на весла! — донесся с кормы голос вождя. — Пусть видят здешние тролли, что у меня тут викинги, а не бабы. И не им осаживать моего коня в двух шагах от конюшни!

Это прозвучало как боевой клич. В ответ люди завели песню, тяжкую и размеренную, как морской накат: так издавна помогали себе гребцы. Хельги жадно шарил глазами по берегу, разыскивая обещанное бревно.

Обломки скал, кучи камней и разбросанный волнами плавник... долгое время нечто не обнаруживало прикосновения человеческих рук. Впрочем... сдвинутые вместе валуны там, над полосами догнивающих водорослей... если бы Хельги ставил путевой знак, навряд ли он расположил бы его иначе... так, а что там такое в двух сотнях шагов выше по склону, на осыпи, где ветер никак не даст снегу улечься? Обломанная лесина с явными отметинами топора! Хельги вскочил на ноги:

— Бревно!..

— Вижу, — отозвался сэконунг. И добавил насмешливо: — Может, ты еще объяснишь, как оно туда взобралось?

Люди захохотали, и только Оттар неожиданно вступился за Хельги:

— Бревно могло затащить туда ветром. Ты сам рассказывал, какие тут бывают бешеные ветры, отец.

Ракни утер рукавом мокрое от снега лицо и нехотя кивнул:

— Ладно, посмотрим, что там за мысом.

За поворотом берега появились залив с узким устьем, наполовину перегороженным каменной грядой. Гряда сдерживала зыбь, и серая вода в заливе была удивительно гладкой. Низкие тучи напарывались на скалы. Горы здесь тоже были сложены из разноцветных пластов, сверху вниз тянулись черные трещины, и не зря Вагн говорил об ограде, воздвигнутой усилиями великанов. А выше всех вздымалась гора, запиравшая вершину фиорда. Облака опоясывали ее, а по склону, из просторной долины, выползал в воду ледник — недобро-голубой и громадный, с отвесным, как бы обрубленным краем...

Вымокшим людям некогда было любоваться неведомыми берегами. Дружный крик, раздавшийся над фиордом, согнал с камней пятнистых тюленей: на северной стороне, за песчаной косой, стоял дом!.. Совсем такой, как строили где-нибудь в Раумсдале или в Северном Мере!.. Ракни набрал полную грудь воздуха, но ничего не сказал и молча повернул руль, а Оттар огрел Хельги ладонью по спине, едва не смахнув его со скамьи. В последний раз взбили пену длинные весла...

— Вытаскивайте корабль! — приказал Ракни, когда под килем скрипнул песок. — И пусть оставит меня удача, если я велю спустить его раньше, чем сквитаюсь с этим Вагном Мореходом сыном Хадда их Вика!..

Мощный голос породил эхо на берегу, как будто утесы повторяли клятву вождя.

В доме, пропахшем нежилой сыростью, нашлось хозяйское место с родовыми знаками Вагна, и последние сомнения исчезли. Ракни ликовал и не пытался скрыть радости. В немыслимой дали он разыскал этот дом и зажег огонь в очаге, возле которого никогда больше не обогреется его кровник. Вагн сойдет на берег, и его встретят мечи. Ракни знал своих людей. Они победят.

И вот впервые за много ночей все спали под крышей, в тепле, под хорошо высушенными одеялами, слушая сквозь дрему ласковое потрескивание огня, и штормовая волна не грозила хлестнуть из-за борта... Вагн позаботился о тех, кому вздумается открыть его дверь. Он запас в избытке и дров, и даже вяленого мяса: не найденное прожорливыми песцами, оно ничуть не испортилось за минувшие две зимы.

Достойный человек для мести, что говорить...

19. Вальхалла

Через несколько дней Оттар заскучал и подступил к конунгу:

— Позволил бы ты мне, отец, сходить вверх по долине. Хочу посмотреть, что там забавного в глубине страны, за ледником.

Ракни, возившийся в корабельном имуществе, не слишком обрадовался.

— Я тебя отпущу, а в это время тролли принесут сюда Вагна. Ты об этом подумал?

Оттар ответил:

— Об этом можно спросить Гуннлоги.

Он открыл оружейный сундук, вытащил меч, развязал ремешок на ножнах, повернул меч рукоятью вниз и с силой встряхнул. Лезвие не выдвинулось наружу и на полпальца.

— Видишь? — сказал Оттар весело. — Гуннлоги полагает, что ты можешь отпустить меня и нечего не боятся. И я совсем не чувствую, чтобы духи-двойники Вагна сюда приближались. Иначе мы с тобой уже челюсти вывернули бы от зевоты.

Ракни долго смотрел то на Оттара, то на меч. Потом спросил по-прежнему недовольно:

— А с собой кого ты возьмешь?

Оттар обернулся и кивнул на Хельги, стоявшего неподалеку:

— Да хоть его.

Ракни смерил глазами Хельги и разрешил:

— Ну, с этого-то в случае чего все равно толку немного...

Хельги остановился, словно уткнувшись в стену лицом, и кровь бросилась в щеки. Мимо него проскочил Карк и согнулся перед Оттаром в три погибели, умоляя:

— Возьми меня...

— Зачем? — удивился Оттар. — Хватит мне одного товарища, я же не пойду далеко.

Но Карк повалился на колени и принялся так униженно обещать, что понесет самый тяжелый мешок и каждый день будет готовить еду, что Оттар в конце концов махнул рукой:

— Ладно, только чтобы не слушать, как ты скулишь.

Вольноотпущенник вскочил и немедленно побежал собираться. Оттар усмехнулся ему вслед и покачал головой, а Хельги неприязненно подумал, до чего все-таки Карк был некрасив. Это так: невольник может быть сколь угодно пригож, но истинной красоты в нем никогда нет и не будет. Не живет красота без мужества и без свободы. А мужественный человек не потерпит, чтобы его называли рабом. Хотя бы это ему стоило жизни. Вот такого наверняка запомнят красивым. Даже если он был хром, горбат и впридачу черноволос...

Белая спина ледника неистово сверкала на солнце, и Оттар радостно щурился:

— Вагн говорил, его все время подмывало разведать, нет ли чего интересного за перевалом. Но они были заняты охотой, потому что хотели добыть клыков и шкур для торговли, и никуда так и не выбрались. Мы побываем там самыми первыми, ты понял?

Ледник длинным языком уходил вниз, к воде. Дом Вагна и синий корабль возле него казались игрушечными. Дальше виднелся залив и каменный мыс в его устье: за ним волновалась холодная, солнечная синева большого фиорда с неторопливо плывшими айсбергами и бурыми в белых шапках горами на том берегу... Оттуда дул могучий, ровный, стремительный ветер, и из глаз сами собой катились слезы. Только ли от холода, или, может, еще от восторга?.. Дурманящий простор и совсем не такой, как дома, в зеленых горах Раумсдаля. Смешно даже вспоминать, сколь громадным и исполненным тайны совсем недавно был родной уютный фиорд! Чего стоил один заповедный мыс с его Железной Скалой! А теперь все это шапкой можно было накрыть, словно гагачье гнездо с сидящей на нем крапчатой уткой...

Хельги слышал, конечно, что Вальхалла, обитель Отца Богов, была чертогом с многими очагами в полу и со стенами, увешенными оружием. Все так, но ему с детства представлялось не дымное жилище, пропитанное запахами стряпни, а что-то похожее на морозные, полные света зимние облака... Нет, на месте Одина Хельги точно поселился бы где-нибудь здесь. Боги не возделывают полей, человеческая пища им не нужна. Но не нарочно ли была создана эта ширь, чтобы любоваться ею с порога Вальхаллы — зрелище, достойное героев, а ведь был меж ними и отец!..

Каждый человек не просто живет сам. Его грудью дышат бесчисленные поколения рода, все, ушедшие в непроглядную темноту, и все, кому еще не настало время родиться. Глазами сына смотрел на Свальбард Хельги Виглафссон, которого сожгли в Гардарики. И дед Виглаф. мечтавший повидать эти края. И от того вдвое радостней было глядеть по сторонам и шагать вслед за Оттаром по камнепаду, взбираясь все выше!

Карк сдержал обещание: действительно навьючил на себя все припасы и еще порывался идти первым, особенно когда перебирались через ледник.

— Невелика будет неудача, если я провалюсь... — повторял он умоляюще, заглядывая Оттару в глаза. Но уговорить его не сумел. Оттар сам пошел впереди, и однажды снег расступился у него под ногами, обнажив глубокую трещину во льду. Копье Оттара легло поперек, и он выскочил из ловушки еще прежде, чем Хельги с Карком подоспели на помощь.

— Вперед наука мне, неосторожному, — сказал он, отряхиваясь и сплевывая в бездонную голубую дыру. — Вот видишь, Карк, мы могли потерять не только тебя, но и всю нашу еду.

Карк молча нагнулся, помогая ему вычистить снег из сапог. Руки у вольноотпущенника заметно дрожали.

А когда они уже сошли с ледника и двинулись дальше вверх к перевалу, позади вдруг раздался удар грома, от которого все трое испуганно обернулись.

— Лед трескается, — сказал Оттар и добавил, подумав: — Так вот почему я не видел ни одной нерпы там возле края!..

Хельги хотел спросить его, в чем дело, но перехватил насмешливый взгляд Карка и промолчал.

На самом перевале тоже властвовал ветер — в глаза летел песок и мелкая пыль. Так всегда, если земля не укутана травяной шубой, не прошита гибкими корнями деревьев. Скрипели под ногами камни, раздробленные водой и морозом на множество колючих обломков. Больно было идти по ним в мягких кожаных сапогах. К тому же сверкающая Вальхалла снежных гор и большого фиорда не была больше видна: впереди и вокруг лежала голая пустошь, то тут, то там вздымавшая в небо безжизненные скалы. Лишь морские птицы по-прежнему кружились над головами, да прошмыгнул и скрылся впереди облезлый летний песец...

— Не много потерял Вагн оттого, что не побывал здесь, — сказал Хельги, поправляя лямки мешка. Оттар откликнулся:

— Мне самому мало нравится это нагорье, но мы ушли еще недостаточно далеко, чтобы о чем-то судить.

А Карк бросил язвительно:

— Ты можешь вернуться, если раздумал идти. Тут близко, и ты навряд ли заблудишься.

Хельги остановился, задрожав от обиды:

— Я не говорил, что хочу назад. И выбирай слова, сын раба, пока я не надумал вогнать их тебе обратно в глотку!

— Хватит ссориться! — остановил их Оттар. — Я так и знал, Карк что ты изведешь меня нытьем, а его примешься задирать!

20. Россказни плавающих по морю

Потом они увидели между холмами небольшой ледник, весь засыпанный пылью и сильно подтаявший на солнце. У одного края собралось целое озеро, и в нем шумно плескалось стадо гусей.

Здесь решили устроиться на ночлег. Правда, не из чего было сложить костер, но в мешках сыскались лососи, пойманные уже на Свальбарде и приготовленные в построенной Вагном коптильне, а рядом бежала чистая голубая вода — чего еще?..

У всех гудели усталые ноги, подзабывшие в плавании о дальних переходах пешком, но троим сразу спать не годилось. А ну пожалует в белой шубе грозный Хозяин Льдов, привлеченный запахом человека, или подкрадется, горбясь за валунами, потревоженный тролль!

— Первым будешь сторожить ты, — сказал Оттар Карку. — Разбудишь меня, когда солнце доберется до той горы. А ты, — повернулся он к Хельги, посидишь после меня, пока солнце не встанет вон там. Запомнил?

Хельги кивнул и подумал, что Оттар выбрал себе самую трудную стражу — в середине ночи, когда всего сильнее клонит ко сну. Он хотел сказать, что не маленький и не нуждается в поблажках... но Оттар уже спал, с головой забравшись в мешок в поисках темноты.

...Хельги удивился спросонья недружелюбному тычку под ребра, разлепил веки и увидел над собой Карка. Правду молвить, глаза открылись с трудом, и он сразу подумал, что разбудили его слишком рано, не в очередь. Он не ошибся: бледно-желтое солнце, прикрытое легкой дымкой, висело как раз над первой вершиной из тех, что Оттар указал им накануне.

— Оттару досталось вчера не меньше, чем нам, — сиплым шепотом проговорил Карк, влезая в мешок, — Особенно на льду. Буди его сам, если не выспался, а я не стану.

Хельги промолчал, лишь злорадно отметил, что мешок у него был как раз подходящий, латанный-перелатанный и грязный, криво скроенный из вонючей лысой овчины... Сидел бы вместо Оттара сам и не перекладывал этого на других!

От обиды сон как будто пропал, но Хельги знал, что непременно задремлет, если не встанет. Он поднялся и тут же застучал зубами, поспешно натягивая штаны. Северный ветер отгонял тяжелые непогожие тучи, но зато сам был по-зимнему жесток. Накануне, пока они шагали в гору, да еще с мешками на плечах, холод ощущался как-то не так...

Хельги немного попрыгал на заиндевелых камнях, размахивая руками, но камни хрустели очень уж громко. Тогда он решительно разделся, подошел к увешанному сосульками краю ледничка, полюбовался немного таинственным светом, мерцавшим из глубины — и шагнул под обжигающе-холодные струйки, весело катившиеся в озеро.

Видела бы мать, подумал он, вертясь и содрогаясь под частой капелью, от которой на груди и руках выступали жаркие пятна. Да, здесь никто не лез к нему с советами и предостережениями, не упрашивал одеваться теплее и ни в коем случае не ходить на лодке мимо Железной Скалы... Но странное дело: теперь, когда надоедливые заботы матери превратились в воспоминания, они растягивали его губы улыбкой вместо того, чтобы сердить. А может, он просто стал взрослым мужчиной?

Спросить бы Оттара, но Оттар, не знавший матери, навряд ли сумел бы что-нибудь подсказать.

К тому времени, когда солнце напоролось на вершину черной скалы, оплавило ее и осталось висеть, истекая золотой кровью, Хельги распластал второго лосося и принялся его чистить. Пожалуй, пора было будить остальных, и он запустил мелким камешком в Карка, потом в Оттара. Оба немедля проснулись, и Оттар вместо благодарности выругался:

— Всякий сопляк берется судить, сильно л я устал!

Он не привык, чтобы ему возражали. Хельги отмолчался: он стерпел бы даже затрещину, на Оттара нельзя было обижаться, как не обижаться на старшего брата. Зато Карк смотрел на него в явной тревоге, ожидая отместки. Страх, достойный невольника. Древний Хельги, чье мужество не знало предела, сам пошел на казнь, не желая, чтобы вместо него убили раба. Карк, наверное, никогда и не слыхал про такое, рабы редко беседуют о чем-либо кроме еды и работы. Он так и не понял, почему Хельги не стал его выдавать.

Сворачивая мешок, Оттар все смотрел на гусей, щипавших редкую зелень и громко гоготавших на том берегу. Хельги ждал, что Оттар предложит добыть впрок две-три птицы, благо каждый захватил с собой лук, — но Оттар вдруг сказал:

— Сколько гусей, а вот лебедя я больше не видел. Может, я последних застрелил возле Рогатой горы?

Они направились вниз по течению ручья. Вода в нем была мутная и неслась с бешеной силой, ворочая камни: думай дважды, прежде чем затевать переправу. Кое-где ручей проел в песчанике широкое глубокое ложе; в иных местах попадался гранит, и ручей с ревом пенился на порогах.

— Всего на пять ночей отпустил меня Ракни, — сказал Оттар. — Надо нам поворачиваться, если мы вправду хотим увидеть что-нибудь, кроме этих камней!

Весело было идти вместе с ручьем, бежавшим под гору; сделалось еще веселее, когда впереди вновь открылось далекое море и гористые острова, черные на синем, с серебряными шапками ледников. Совсем другой берег, не тот,что провожал их накануне.

Этот склон смотрел к югу, на солнце. Перевал останавливал холодные ветры, и здесь росло куда больше зелени, чем в фиорде Вагна, шага нельзя было сделать, не наступив на цветок. Хельги впервые в жизни стало жалко их мять. И как не пожалеть белые, желтые,

красные, ярко-лиловые звездочки, едва успевшие обрадоваться скудному солнечному теплу? Зря, что ли, они так прижимались друг к другу и к земле, собираясь в зеленые подушки, и на одном крохотном кустике можно было обнаружить сразу ягоды и цветы: то, в других странах успевало свершиться за одно лето, здесь растягивалось на два, а то и на три. Надо будет собрать потом десятка два разных и захватить домой — показать матери. Мать любит цветы...

Путешествие по ручью кончилось неожиданно скоро. Сперва Хельги заметил, что птицы стали носиться так часто, как бывает лишь рядом с гнездовьями, а ведь до моря было еще неблизко...

Он едва успел подумать об этом, и цветущая тундра исчезла, ринувшись в бездну обрывом чудовищной высоты. На выступах слоистого камня кричали и суетились вездесущие кайры. Ручей с разбегу перелетал через кромку и падал вниз цельной струей. Шума ее падения нельзя было различить.

Оттар первым подошел к самому краю и посмотрел вниз, уперев руки в колени.

— Ого, — долетело до Хельги. Хельги тоже заглянул в пропасть и понял, что возглас Оттара относился не к высоте.

Там, прямо под ногами, были хорошо виден сине-зеленый, облитый солнцем фиорд с мутными пятнами в устьях речек и ручьев, впадавших с разных сторон. В глубине проступали темные мели. Устье фиорда слепило глаза, плотно закупоренное льдами. А на берегу, за сыростью и водорослями полосы отлива, стоял дом. Очень похожий на тот, что выстроил себе Вагн. Оленьи рога украшали гребень его крыши... А рядом с домом виднелся длинный боевой корабль, заботливо вытащенный на сушу и поднятый на подпопорки. И — ни души вокруг, если не считать круживших и галдевших обитателей гнезд...

— Вот и верь после этого россказням путешествующих по морю, проговорил Оттар и отодвинулся от края. — Я смотрю, сюда плавают все, кому только не лень!

21. Колокольчик возле края расселины

Хельги прикинул на глаз расстояние до вершины фиорда и отозвался:

— Немалое время мы потратим, обходя обрыв. И как знать, кто встретит нас в доме.

Оттар усмехнулся:

— Даже если там сам Вагн, он не погонит нас с порога. Но на Вагна мало похоже, этот корабль не его. А обходить обрыв мы не будем, мы спустимся. Если, конечно, никто их нас не боится.

Да, лететь отсюда было навряд ли ближе, чем с железной Скалы... Хельги еще раз посмотрел вниз и ослабил лямки мешка, чтобы в случае чего легко сбросить его со спины.

Карк уже вытащил пару крепких веревок и невозмутимо сравнивал их, протягивая меж пальцев. Нетерпеливый Оттар выдернул у него одну и бросил Хельги свободный конец:

— Пойдешь вторым... я сам проверял их еще на корабле, на каждой можно вешать всех нас троих.

Карк вдруг посерел, как обсохшие на солнце булыжники, и прижал огромные ладони к груди:

— Дай мне эту веревку и позволь пойти первым!.. Я здесь самый никчемный, невелик будет убыток, если сорвусь!..

Оттар ответил, привязывая веревку к ремню:

— Ты здесь самый ловкий и навряд ли слабее меня. Удержишь, если птицы стащат нас со скалы.

Хельги понуро молчал, слушая вполуха. Дома он один ползал по кручам, одолевая обрывы пострашней этого, а Оттар опять оберегал его, как маленького, ставя в середину. И мало пользы доказывать, что в горах Линсетра давно не осталось скалы, не выглаженной его животом...

Конец веревки ударил Хельги по сапогам: на лице Карка бессильная злоба мешалась с искренней мукой. Случилось что с Оттаром, вольноотпущенник не переживет его ни на день.

Оттару тоже явно не впервые приходилось карабкаться по крутизне. Мало ли у каких островов останавливался прежде Ракни сэконунг, посылая своих людей набрать вкусных птичьих яиц!

Оттар спускался медленно и осторожно, изредка поглядывая вниз. На всем огромном обрыве не было уголка, не облюбованного какой-нибудь птицей; волей-неволей Оттар тревожил гнездо за гнездом, и разъяренные хозяева взмывали из-под ног, неистово ругаясь на своем языке и целя острыми клювами в его затылок, укрытый плотной кожаной шапкой. Оттар не отмахивался, больше оберегая руки, лишенные рукавиц.

Хельги легко шел по его следу, не ослабляя сверх меры и не натягивая веревку, и улучал еще время разглядывать отчаянно храбрых наседок, вжимавшихся в камень в какой-нибудь пяди от его лица. Капли белого помета приставали к одежде. А когда птица не выдерживала и слетала, на узеньком выступе оставалось пятнистое яичко, резко суженное к одному концу и потому не скатывавшееся вниз. Их можно было брать хоть прямо губами, но Хельги не был голоден, и птицы возвращались, переставая кричать. Потом он поднял голову и увидел, что запасливый Карк привязал к шее свою шапку и собирал в нее все яйца, до которых мог дотянуться. Больше Хельги на него не смотрел.

Он как раз добрался до карниза в целый локоть ширины, на котором можно было удобно устроиться и перевести дух. Оттар уже побывал здесь и спускался дальше, придирчиво ощупывая камни. Хельги невольно залюбовался им, ловким, как дикая кошка... И вдруг казавшийся прочным уступ рассыпался под Оттаром в прах, точно вылепленный их песка! Оттар повис на одной руке, тщетно шаря в поисках хоть какой-нибудь трещины. Похолодевший Хельги увидел, как неотвратимо крошилась и та единственная опора, что еще держала его над пустотой.

Оттар не попросил помощи, надеясь выкарабкаться сам, но Хельги не стал дожидаться: обвил ногами надежный гранитный желвак, торопливо намотал на руку веревку, чтобы под тяжестью Оттара не так сильно рванула, и заорал что было мочи:

— Выступ слева! Иди по скале!

Оттар посмотрел на него и кивнул, убедившись, что Хельги сидел действительно крепко. И убрал пальцы с

предательски разламывавшегося камня, намереваясь упереться в стену ногами и сдвинуться левее, где будет полегче.

...Веревка лопнула как раз посередине. Лопнула, едва натянувшись, точно свитая из гнилого мочала. Глаза Оттара изумленно расширились, а в следующий миг он полетел вниз.

У него хватило выдержки уже в падении кое-как оттолкнуться, уходя от обрыва, а потом высвободиться из лямок и пинком отбросить мешок. Хельги показалось, что Оттар падал нескончаемо долго, постепенно делаясь меньше... Белый венец бурунов был огромным: это значило, что Оттар разбился.

Хельги стащил свой мешок и повесил на выступ, потом перехватил ножом веревку, скреплявшую его с Карком. Покрепче вбил нож обратно в ножны... Карк что-то кричал, но Хельги не слушал. На узком карнизе было не разбежаться. Хельги взмахнул руками и прыгнул прямо с места. Мелькнул, впечатываясь в память, одинокий синенький колокольчик у края расселины...

...Да, этот откос определенно был побратимом Железной Скалы. Такая же ведьмина забава. А вода, встретившая Хельги!.. Недаром искрились кружевами белые забереги. В Раумсдале тоже бывала зимой такая водичка, но Хельги всегда благоразумно обходил стороной проруби и полыньи...

Он глубоко канул в этот прозрачный жидкий огонь, но потом вынырнул и увидел неподалеку мокрую, без шапки, облизанную голову Оттара, Оттар подплыл, яростно загребая руками, и хрипло велел:

— К берегу! Живо!..

Он знал, что в подобной воде совсем необязательно тонуть. Человек погибает в ней прежде, чем кто-нибудь сосчитает до тысячи.

Хельги поплыл с ним рядом; плылось гораздо труднее, чем тот раз дома, хотя и тогда он не на шутку боялся замерзнуть. Отлив мешал им, и возле самого берега Хельги вдруг разом перестал чувствовать руки и ноги. Оттар за шиворот выволок его на сушу. Здесь не было солнца, зато ветер, стекавший с ледяных гор, немедля вонзил отточенные ножи. Это был холод, какого Хельги никогда раньше не знал. Проковыляв несколько шагов прочь от воды, он увидел на своей одежде расползавшиеся пятнышки льда и понял, что это воистину приближался конец. Он подумал о смерти почти равнодушно. Что-то в нем еще требовало борьбы, но кровь и жизни быстро отступали вглубь тела, и сознание съеживалось, уходя.

— Раздевайся! — крикнул Оттар. — Раздевайся, щенок!

Хельги поднял руки, но пальцы не гнулись. Оттар содрал с него полушубок. Сам он был уже голый, белый с синими губами и какой-то по-особому гладкий, точно сделанный их подтаявшего снега. Хельги, наверное, выглядел не лучше. Оттар сунул ему в руки увесистый камень:

— Беги! В гору беги!..

Хельги выронил камень и попытался сесть. Жестокая оплеуха заставила выпрямиться, но ненадолго. Холод добивал его, холод, в который просто нельзя было поверить. Холод по имени Модсогнир — Высасывающий силы. Хельги не понимал, что такое гора.

Оттар заставил его снова взять камень и вытянул по

спине поясным ремнем, на котором еще болтался обрывок веревки:

— Бегом, говорю, ты, рожденный в помойке!..

Серебряные бляшки ранили кожу, но крови не было. Сперва Хельги едва тащил ноги, однако удары и ругань сыпались беспощадно, и он зашагал уверенней, потом побежал. К концу подъема он начал соображать, что происходило. Он сказал Оттару:

— Хватит меня пороть, теперь я не упаду.

Вниз они спускались наперегонки. У воды повернули и снова побежали наверх, каждый со своим камнем. Вот когда Хельги почувствовал в спине и плечах саднящую боль, провел ладонью и увидел на руке красные капли!.. Тело оживало, всю кожу кололи изнутри маленькие иголки.

Они взбежали на косогор еще два или три раза, и к ним подоспел Карк. Он тяжело дышал, но Хельги сразу понял, за что Оттар называл его самым ловким. Карк даже не растерял птичьих яиц из шапки, висевшей на шее. А в глазах вольноотпущенника стояли, кажется, слезы. Этот с радостью вспорол бы себе живот, только чтобы Оттар мог обогреть руки!

— Костер разложи! — велел ему викинг. — Побольше...

Карк бросился складывать плавник. Его спальный мешок остался сухим; Оттар не пожелал греться один, и пришлось сделать из мешка одеяло. В него закутались оба, и Карк постарался, конечно, чтобы Оттару достался самый теплый и пушистый кусок.

Одежда сохла отчаянно долго, и камни пригодились еще не раз. Карк хотел раздеться, но Оттар ему не позволил:

— Не легче замерзать втроем, чем вдвоем.

Карк испек собранные яйца и все предлагал их Оттару, но на еду никого не тянуло. Наконец Оттар и Хельги влезли в горячие, пропахшие дымом полушубки и немедленно повалились спать прямо на камнях. Не было сил дойти до близкого уже дома и постучать в дверь. Или хоть удивиться, почему никто не вышел спросить, что случилось и отчего столько шума на берегу.

22. Не мстят рабам и собакам

Хельги не знал, сколько они спали. Долго, наверное. Может, полсуток, а может, и больше. Он проснулся с ощущением тревоги, и точно, Оттар осторожно сжимал его руку:

— Медведи...

Хельги сразу вспомнил, что накануне у них остался на всех один лук и два копья. Незачем спрашивать, отчего Оттар не спешил на охоту.

Он медленно приподнял голову, высовываясь из-за валуна. Сначала ничего не было видно, но вскоре звери появились из-за дома и принялись играть около заросшей стены, обложенной землей и камнями. Ветер дул с их стороны, и они не чуяли людей.

Это была медведица с двумя сыновьями. Три кома желтоватого меха перекатывались друг через друга, беззлобно ворча. Наверное, низкое бледное солнце казалось им по-летнему жарким. Хельги содрогнулся при мысли, как бы Хозяева Льдов не надумали еще искупаться: тогда боя не миновать. Медвежата баловались по-детски, но их возня была игрой юных чудовищ.

— Странно... — проговорил Оттар некоторое время спустя. — Ванн рассказывал, не так они ведут себя возле жилья!

— А может, это оборотни? спросил вдруг Карк. — И дом принадлежит им?..

Оттар молча сжал губы, а Хельги нашарил у шеи свой серебряный молоточек и крепко стиснул в кулаке.

Наконец медведица подняла голову, понюхала воздух и, коротко рявкнув, повела детей прочь от берега, в глубь страны. Должно быть, ветер доставил ей оттуда какую-то добрую весть.

— Мудро ты поступил, Карк, что не стал жарить уток, — сказал Оттар, выпрямляясь во весь рост и выходя из-за валуна. — Запах жареного они слышат удивительно далеко, и по ветру, и против.

Оказывается, Карк поймал двух гаг, пока они спали.

— Я выщиплю у них пух, — сказал он со счастливой улыбкой. — Ты говорил, тебе скоро понадобится...

Оттар покачал головой.

— Пух с убитой гаги — мертвый пух, и в нем толку немного. Мне нужен живой, от гнезда, из которого вышли птенцы. Он счастливее, да и теплее. Я сам его соберу.

Карк понурился и отошел, огорченный. Опять он не сумел угодить.

Когда доедали печеные яйца, Оттар спросил его:

— А где веревка, из-за которой я свалился вчера? Я не отказался бы посмотреть, отчего она порвалась.

Карк ответил:

— Я сжег ее. Мне подумалось, она заслуживала казни.

Дверь дома оказалась сколочена из крепких корабельных скамей. Твердое дерево хранило следы огромных когтей, но видно было, что жадный зверь так с ним и не справился. Оттар рассмотрел в щель, что дверь держала изнутри тяжелая поперечина. Его могла отворить только человеческая рука.

И трудно сказать, почему, но был у этой двери такой вид, словно она не поворачивалась в петлях уже давным-давно. Оттар громко постучал кулаком, хотя все трое заранее чувствовали — ответа не будет. Оттар постучал еще раз, потом вытащил нож, поддел и выбросил поперечину из заушин. Ссохшийся запор уступил легко, точно радуясь, что кто-то его потревожил.

Внутри было тихо и холодно. В раскрытый проем падал сноп ярких лучей, но освещал лишь неведомо когда потухший очаг. По сторонам лежала плотная тьма, и Оттар негромко велел Хельги:

— Высеки огонь. Я хочу, чтобы именно ты это сделал.

Хельги молча послушался. Очаг, дрова в котором сгорели лишь наполовину, затеплился не сразу. Но постепенно мрак отступил, и Хельги увидел людей.

Сперва он так и вскочил на ноги, хватаясь за нож: чего хорошего ждать от затаившихся в потемках!.. Однако потом разглядел, что все они были давно мертвы, и перевел дух.

Четверо лежали на широких лавках вдоль стен, ук-

рытые пушистыми одеялами. Пятый сидел на хозяйском сидении, подперев голову рукой. На Свальбарде совсем не было гнили, и время лишь превратило людей в обтянутые кожей скелеты. Если их не тревожить, они останутся такими же до сумерек мира, до великой битвы Богов.

Оттар подошел к сидевшему и внимательно осмотрел его, не касаясь руками. При жизни этот человек был великаном. Даже теперь его рост и ширина плеч бросались в глаза. И он был одет, как одевались халогаландские викинги: кожаные штаны, заправленные в теплые сапоги, полушубок мехом наружу... прямые, очень светлые волосы в которых почти не было седины, спадали из-под шапки на плечи. А на коленях, в ножнах, украшенных резным серебром, дремал длинный меч.

— Так значит, сбылась твоя мечта, Виглаф Ворон сын Харальда из Торсфиорда, — негромко сказал ему Оттар. — Я понял, что это ты, еще по кораблю. Но мало верилось мне, что я увижу здесь тебя самого.

Хельги, стоявший с кресалом в руке, едва не выронил его на пол. Потом подошел к Оттару и остановился подле него. Сердце бешено колотилось. Так вот почему он не испытал особого страха, увидев мертвого хозяина дома. Негоже бояться родни. Задумчиво склонив голову на руку, перед ним сидел его дед.

У него был пояс с искусно отлитой серебряной пряжкой: в точности такие носили дяди и брат. Еще один пояс-близнец лежал дома, в заветном сундуке вместе с волчьей курткой отца... И эти мягкие сапоги с вышитыми на них знаками рода... такими же, как те, что Хельги старательно и ревниво подновлял на собственной обуви...

И если бы Виглаф Ворон открыл вдруг глаза, они наверняка оказались бы синими, как небо, как студеное море весенним ветреным днем. И он узнал бы внука. Непременно узнал бы...

Хельги чувствовал, что должен заговорить, но волнение душило его, он не мог справиться с собой и молчал.

— Ну, сейчас опять пойдет болтать о родне... — тихонечко, словно про себя, хмыкнул Карк у него за спиной. — Начнет всем доказывать, что не сбежал от хозяев!

Он хотел насмешить Оттара и побольнее задеть Хельги. Он не знал, какую лавину стронут его слова.

Обида охватила Хельги, как жгучее пламя, как давешняя ледяная вода. Обида из тех, за которые в отплату требуют жизнь! Что он сотворил бы дальше, неведомо; Оттар обернулся первым, и Карк покатился по полу, угодив ногами в очаг. Он поднялся на четвереньки, глядя непонимающими глазами: за что такая награда?.. Верный пес, опять получивший от возлюбленного хозяина внезапный и жестокий пинок. С его подбородка капала кровь, и Хельги одумался. Не метят рабам и собакам. Их либо убивают на месте, либо не обращают внимания.

— Возьми, — проговорил Оттар и глазами показал Хельги меч на коленях молчаливого хозяина дома. — На тебя он не обидится.

Кусая губы, Хельги приблизился, посмотрел в лицо сидевшему и, решившись, бережно потянул наследие своего рода из-под иссохшей руки в кожаной рукавице. Меч дался ему будто даже с охотой. Он не попытался выпасть из ножен и наказать похитителя, как надлежит верному клинку. А рука деда осталась висеть на три пальца выше колена, словно ветка умершего дерева...

— Ты еще поплывешь к Одину на корабле, Виглаф Торсфиордец, и твои люди вместе с тобой, — проговорил Оттар по-прежнему тихо. — Это я тебе обещаю. Мы вернемся сюда с конунгом и похороним вас как подобает. А теперь нам надо спешить.

Он оглянулся на Хельги — тот стоял совсем бледный, крепко прижимая к груди меч, — и кивнул ему:

— Гаси очаг, пора нам идти.

23. Гуннлоги не обманул

— Они не замерзли, — рассуждал Оттар, шагая по каменной пустоши мимо знакомого озерка. — У них там полно было дров. И не голод взял их. Вокруг много дичи, да и ремни на одеждах все целы. Думается мне, они умерли от болезни. У Вагна тоже умер один человек, который не стал дожидаться, пока медвежье мясо прожарится как следует. Видел ты там белую шкуру? Может, этот медведь и ломился к ним в дом...

Хельги слушал молча. Он потрогал руку деда, когда вытаскивал меч. Твердая и холодная, она не ответила на прикосновение. И теперь ему все казалось, будто он был виноват — не пришел к Холодному Берегу на корабле, не подоспел вовремя, не спас... Что с того, что Виглаф умер задолго до срока, когда ему, внуку, выпало родиться на свет... Хельги воочию представлял, как зима за зимой превращали дом в бесформенную снежную глыбу, как разгорались многоцветные, ослепительные, шумные весны, а дверь все так же оставалась закрытой, и люди не разговаривали и не двигались в темноте, лишь иней то покрывал их лица, то пропадал...

— Навряд ли старик собирался здесь зимовать, — продолжал Оттар. Ракни когда-то называл его отчаянным викингом, но не их тех, кто пренебрегает опасностями. Жаль, приглянулся им неудобный фиорд! наверное, это моржи их привлекли, ты же слышал, как ревело за мысом. А потом фиорд забило льдами, и они не сумели выбраться до холодов...

— Их всего пятеро там, — сказал Хельги, глядя под ноги. — Где же остальные?

Оттар покачал головой.

— Это мы навряд ли узнаем. И, боюсь, никто теперь не узнает.

У Хельги сильно разболелась под мешком исхлестанная спина, и он все поправлял наплечные лямки, стараясь не подавать вида, но Оттар вдруг сказал ему:

— Я, кажется, поколотил тебя сильнее, чем следовало. Не сердись, просто я очень за тебя испугался.

Хельги почувствовал, что краснеет.

— Мог бы лупить меня крепче, я заслужил. Я прыгал тебя выручать, а вышло, что тебе еще пришлось возиться со мной.

Оттар обдумал эти слова, потом ответил с усмешкой:

— Если бы мне не пришлось возиться с тобой, может, я и сам не отделался бы так легко.

Меч деда висел у Хельги за левым плечом. Хельги все время чувствовал его там, словно нес живое существо.

Карк плелся сзади, не поднимая головы и не радуясь солнечному дню. Хельги мог бы припомнить, как вышел из дома и увидел: Карк сидел согнувшись и покачивался, точно пьяный. Но Оттар позвал помочь поставить на место запор, и стало не до того. А когда они взобрались на перевал и развернули мешки, он уже наполовину сквозь сон услыхал, как Карк сел рядом с Оттаром и робко спросил:

— Стал бы ты спасать меня, если бы это я побывал в воде?..

— Да ну тебя, Карк, — буркнул Оттар, устраиваясь на жестких камнях. — Ты же сообразил, что следовало делать, и спустился сухим.

Хельги прижался щекой к теплому черену меча и уснул. Этот меч не превратится в гадюку и не ужалит его. Не зря он следил за знаками рода на сапогах и старательно подражал резковатому северному выговору халейгов, а когда мать кроила одежду, просил украсить ее, как любили в Халогаланде! Мать бралась за вышивку, и, конечно, всякий раз наполовину разбавляла узор привычным, словенским. А Хельги с неизменным удивлением убеждался, что это нисколько не портило работы...

На другой день впереди вновь засиял бело-голубой горб ледника и за ним — густая синева моря и встающая из волн серебряная Валхалла островов.

— Не обманул меня Гуннлоги! — вглядевшись. Сказал Оттар довольно. — Он достаточно ходил со мной по морю и тоже понял, что Вагна остановит северный ветер!

Корабль Ракни сэконунга по-прежнему одиноко стоял на подпорках. Вился над крышей дома серый дымок, ходили по берегу люди, кто-то ловил рыбу, выехав на лодке на середину фиорда... На сей раз ледник зловеще загремел прямо под ногами, заставив всех подскочить, и Оттар велел идти по длинной полосе глины с камнями, тянувшейся вдоль его изрытой ручейками спины. Здесь можно было не опасаться трещин, но подмокшая глина, скользкая, как свиное сало, так и плыла, и трое спустились вниз перемазанные с головы до пят.

— Знать бы заранее, что ты потеряешь два добрых лука и копье —никуда бы я тебя не отпустил, — проворчал Ракни, когда путешественники подошли к дому и друзья их окружили. — Ну, показывай, непоседа, что ты там принес мне взамен!..

Оставшиеся дома тоже, оказывается, не теряли времени даром. Сушились в сторонке добротно отскобленные шкуры, а стол ломился от тюленьего и моржового мяса, напоминавшего по вкусу говядину. Хельги сидел на мягко застланной лавке, вытянув ноги к огню, жевал хрустящую жирную корочку и слушал вполуха, о чем рассказывал Оттар. Иногда ему начинало казаться, что все пережитое за эти пять дней и ночей привиделось ему во сне. Тогда он поднимал глаза и смотрел на меч, который Ракни из уважения к павшему повесил на стену подле своего. Ножны и рукоять мерцали в отблесках очага, будто подмигивая, и Хельги, слегка захмелевший от сытости и тепла, отвечал тем же. Ему вспомнилось, как разговаривал в ним Оттар в доме деда и после, и делалось еще теплее и веселей. Придется им всем тут поверить в его родство с викингами из Торсфиорда. С теми, что разведали Свальбард самыми первыми опередив Вагна Морехода и Ракни! И произойдет это скоро. Совсем скоро...

— Неплохо ты сделал, пообещав ему похороны, — сказал конунг. — Мало верится мне, чтобы Один не принял его, хотя он погиб и не в бою. Это был великий герой. Как только я разделаюсь с Вагном, мы сразу отправимся туда и совершим все, что надлежит.

24. Смех ледового тролля

Карк сидел на прибрежных камнях, неторопливо чистя котлы — Вагна и корабельный. Вода, в которой плавали куски льда, неохотно смывала прилипчивый жир. Впрочем, Карку было не впервой. Он разложил костер между камнями и подогревал на тем то один котел, то другой, заскорузлой горстью сгребая темный песок.

Пискнула дверь, и из дому, зевая и щурясь, выбрался Хельги. Накануне у него не достало сил долго бороться со сном: он первым лег спать и вот теперь проснулся раньше других.

Хельги потянулся и подошел к берегу умыться, но Карк только что выплеснул грязный кипяток, вода была мутная, и Хельги обогнул дом, направляясь к реке.

Река текла из другой долины, не из той, куда они ходили. Хельги понаблюдал немного за рыбами, проносившимися в бегущей воде. Наверное, в верховьях реки тоже стоило побывать. Может быть, потом, когда они убьют Вагна и ограбят его кнарр... Хотя навряд ли у верховий сыщется что-нибудь значительнее, чем дом деда, найденный за перевалом!

Хельги вернулся к двери и сел на пороге. Посмотрел на согнутую спину Карка и вдруг впервые подумал, что этому бедолаге за всю его жизнь, похоже, не приходилось слышать доброго слова. Разве только от Оттара — не зря же Карк готов был умереть за него по первому знаку...

Карк неожиданно оглянулся на Хельги и сказал:

— Оттар вчера весь вечер рассказывал, как забавно ты прыгал от страха на леднике, и конунг очень смеялся.

— Да?.. — спросил Хельги ровным голосом, подходя и останавливаясь в двух шагах. — Наверное, тебе тоже хочется посмеяться?

Он ждал, что Карк тотчас вспылит и схватится за меч, ибо все они теперь ходили с оружием по приказу вождя, со дня на день ожидавшего Вагна. Но вольноотпущенник лишь невесело покачал головой и ответил:

— Зачем мне смеяться? Чтобы вы с Оттаром меня снова избили?.. Просто Ракни сказал вчера: Хельги Виглафссон не побоялся бы встать на краю ледника, на самом обрыве. И даже не обернулся бы на треск за спиной.

Хельги проговорил недоверчиво:

— Мой отец ни перед кем не опускал глаз, но он не хвастался мужеством, когда от этого не было проку.

Карк равнодушно пожал плечами и снял с огня вскипевший котел:

— Выбирай сам, как поступать, а мне нет дела ни до тебя, ни до твоей родни. Мне просто жаль Оттара, он ведь почти совсем поверил, что ты не врешь.

Хельги посмотрел на ледник... Неуютно мерцавшая громадина заполняла вершину фиорда, красновато-черные скалы нависали над ней с боков. Хорошо виден был прибрежный обрыв, местами гладкий, местами разбитый трещинами, подточенный беспокойной водой, гулко плескавшийся в устьях глубоких пещер... Там действительно совсем не было нерп, знать, нерпы боялись падавших глыб. Ладно, если начнет отваливаться глыба, это всегда можно почувствовать и вовремя отскочить... Обрыв казался совсем близким, но на самом деле предстояло шагать и шагать...

Карк долго смотрел ему вслед. Потом опять принялся за котел.

А воин-сторож, ходивший туда-сюда с копьем в руках, глядел большей частью в сторону моря.

Оттара очень обрадовала солнечная погода: ни клочка тумана на всем небосводе! Правду сказать, Свальбард нравился ему и в снегу, и затянутый тучами... но северный ветер означал, что и нынче они не дождутся.

Взяв ведерко, он привычно поискал глазами Хельги.

— Он сидел здесь, а потом ушел, — сказал Карк. — Кажется, на реку, я не смотрел.

Когда из дому вышел Луг, Оттар озирался с круглого валуна, затенив ладонью глаза. Вот он увидел что-то и замер... Солнце висело прямо над ледником, но острое зрение различало уменьшенную расстоянием фигурку, неподвижно стоявшую у обрыва.

— Что он там делает?.. — спросил Оттар встревоженно. Никто ему не ответил. Тут со стороны ледника донесся удар грома, а еще прежде они увидели, как человек взмахнул руками и шагнул в сторону, но все-таки упрямо вернулся на прежнее место и остался стоять...

Оттар спрыгнул с валуна и молча побежал к леднику. Ирландец не раздумывая кинулся следом. Карк растерялся было, но затем поспешно отряхнул руки и пустился вдогонку, придерживая мешавший ему меч. Однако Оттар бегал гораздо быстрее их обоих, и они скоро отстали.

Хельги не увидел Оттара, выскочившего на ледник в сотне шагов от него. Он смотрел на фиорд, на высившиеся вдали снежные пики, но мало что видел. Его тошнило от страха и от стыда за этот страх. Только что обрыв едва не сбросил его, вздрогнув под ногами и как будто накренившись вперед... Конечно, это только казалось, и трусость была тем недостойнее.

— Хельги! — во всю мочь крикнул Оттар, приложив руки ко рту. — Хельги, берегись!

Но в это время ледник снова загрохотал, похоронив его голос, и Хельги ничего не услышал: ни предупреждения, ни того, что его впервые назвали по имени. Он не пошевелился, и тогда Оттар побежал к нему по скользкому склону, спотыкаясь, перепрыгивая через ручьи.

Хельги обернулся только тогда, когда Оттар, задыхаясь, схватил его за плечо. И первое, что он увидел, была глубокая трещина, отделившая край ледника, на котором оба стояли. Она росла на глазах, расширяясь, поблескивая свежими гранями...

— Быстрей!..

Оттар первым перелетел через провал, покидая рождавшийся айсберг. Хельги, прыгнувший следом, поскользнулся и упал грудью на край. Зевнула под ногами непомерная бездна, и он в мгновение ока рассмотрел ее всю, ослепительно чистую, полную спокойного голубого огня... Оттар успел плашмя броситься на лед и сгрести его за одежду. И бегом рванулся дальше наверх, к самой макушке ледника. Хельги поспевал а ним изо всех сил.

Что было дальше, хорошо видели люди конунга и сам Ракни. Вот неожиданно прекратились громовые раскаты, и снова стали слышны крики чаек, метавшихся над фиордом. И огромный ломоть льда начал неторопливо и тихо сползать, погружаясь в зеленоватую воду. Вот он скрылся весь целиком, и на его месте вспух тяжелый пузырь, внезапно расцветший неистовым водяным вихрем, ослепительно сверкавшим на солнце. Море протянуло когтистую лапу, достав и накрыв две черные точки, медленно, слишком медленно отползавшие прочь... Это продолжалось целую вечность. И вот наконец вода схлынула, возвращаясь, и сделалось видно, что из двух фигурок осталась на месте только одна.

И лишь тогда докатился чудовищный хохот ледового тролля, сожравшего человека.

По берегам фиорда с ревом и грохотом промчалась волна. Она чуть-чуть не добралась до корабля, уволокла брошенные Карком котлы и с размаху смела костерок — едва не прежде, чем он успел на нее зашипеть.

Хельги стоял на бурой крошащейся гальке, шатаясь и прижимая левый локоть к боку ладонью, а сбежавшиеся люди стояли вокруг. Прямо перед собой Хельги видел конунга, его сумасшедшие глаза и лицо, перекошенное от боли. Ракни что-то говорил ему, а может, кричал, держа меч, выдернутый из ножен, но Хельги различал только, как двигались губы. Он все еще был там, на леднике, И надвинувшаяся стена воды без конца опрокидывала его и тащила, сбив с ног. Он помнил, как ухитрился втиснуть локоть в какую-то ямку, как охватил мелькнувшую руку Оттара в рукавице и держал ее, не выпуская, даже когда противно затрещало плечо и стало нечем дышать... И как потом отступила вода и он остался лежать, вмятый в лед, все еще не веря толком, что спасся, и окликнул Оттара, но Оттар не отозвался, и тогда он посмотрел и увидел, что в рукавице, которую судорожно стискивали его пальцы, вместо живой руки торчал обломок ледышки...

Ракни пошел к нему, занося меч для удара. Хельги не попятился. Ракни поступит по справедливости. Солнечные блики росли на длинном клинке. Оттар ждал по ту сторону темноты.

— Это я подучил его пойти на ледник, — сказал вдруг Карк, и все обернулись. Карк понемногу отступал прочь из круга, к воде. Он тоже держал перед собой меч, и у него были глаза мертвеца. Жил только вздрагивавший и кривившийся рот. Он сказал:

— Думал я истребить никчемного мальчишку, а погубил Оттара. теперь мне незачем жить.

Ракни конунг миновал Хельги, как пустое место.

— Не придется тебе поганить Рождающего Вдов, — сказал Карк. Поставил свой меч рукоятью на камни и навалился грудью на острие. Круглый кончик клинка неохотно вполз в тело, но Карк согнул колени и навалился сильнее, и куртка на спине приподнялась острым горбом. Карк покачнулся и упал. Когда подошел Ракни,

он посмотрел на него и выговорил, захлебываясь пузырящейся кровью:

— Станешь сжигать Оттара, брось меня ему под ноги...

— Не будет тебе этого, — ответил сэконунг. — Тебя зароют там, где море встречается с землей[4]. Ты не стоишь огня.

Вот тогда Карк завыл, корчась на мокрых камнях. Этот вой звучал над берегом невыносимо долгое время, но в душе Хельги дотла выгорело все способное чувствовать, и он не оглянулся. Луг ощупал его выдвинутое плечо и резко ударил ладонью, ставя руку на место. Хельги ничего не сказал и не переменился в лице. Это была всего лишь боль тела, не заслуживша, чтобы ее замечать.

25. Лебедь

Трудно было придумать худшее горе, и притом такое, чтобы хватило сразу на всех. Два дня они разыскивали Оттара, два дня без сна и без еды. Сперва с какой-то надеждой, иные даже окликали его присушивались — не отзовется ли... потом уже без недежды. И все-таки их удача была велика: Оттара нашли.

Повезло с этим самому Ракни. К концу второго дня отчаявшийся гонунг взобрался на ледник и посмотрел оттуда на айсберг, убивший его премного сына. Ледяная гора так и не смогла покинуть фиорд и стояла у дальнего берега, застряв на мели. Там-то Ракни увидел Оттара, примерзшего ко льду. Должно быть, айсберг подхватил его, переворачиваясь. Вот и вышло, что разглядеть Оттара можно было лишь с высоты.

Ракни молча спустился вниз и пошел по берегу. Прилив нанес в фиорд битого льда, толстые белые щиты грызли и перемалывали друг друга, ворочаясь между айсбергом и камнями. Викинги, не спускавшие с вождя внимательных глаз, видели, как он ступил на ближайшую льдину и пошел прямо вперед, со звериной ловкостью перепрыгивая с края на край. Он ухитрился даже обойти айсберг кругом, выбирая удобное место для подъема. И полез на вершину, помогая себе топором. Постоял немного над Оттаром и принялся вырубать его изо льда.

Подоспевшие люди по одному повторяли его путь.

Оттар лежал на спине, безжизненно раскинув руки и ноги, и лицо под ледяной коркой осталось почти спокойным, только на губах смерзлась кровь, выдавленная их легких, а синие глаза закрылись лишь наполовину, и левая рука была согнута в локте, как будто он силился приподняться... быть может, его выбросило сюда искалеченного, но еще живого, и он пытался позвать на помощь, вырваться из ледяных пут?.. Он звал все тише и тише, медленно врастая в голубоватую толщу, и все это время они ходили в какой-то сотне шагов и не ведали, что он здесь, что он жив, что его еще не поздно спасти!..

Секира конунга свистела в воздухе, с неистовой силой взламывая лед. Потом Ракни бросил топор, поднял на руки нагнущееся тело и шагнул с ним вниз. Он спустился к самой воде, ни разу не оступившись. Там уже ждала лодка, подогнанная через залив.

— Надо выполнить то, что мой сын посулил Виглафу из Торсфиорда! — сказал Ракни сэконунг. — Я похороню их всех вместе и так, как хоронят героев. Спускайте корабль!

Катки уже подминали скрипучую гальку, когда один из воинов осторожно напомнил:

— Ты заклял свою удачу, вождь, пообещав не спускать корабля.

Ракни холодно глянул через плечо:

— Это я клялся, не ты. А мне теперь наплевать.

...Вот и снова стоял Хельги на том берегу, откуда совсем недавно уходил таким счастливым, унося славный меч и тайну гибели деда, не первый десяток зим мучившую его род... А едва не большая половина половина счастья была оттого, что рядом шел Оттар. Хельги крепко любил дядю и брата. Но дядя и брат жили в Халогаланде и редко приезжали надолго. Наверное, Беленькая не спроста посчитала их с Оттаром братьями, младшим и старшим... Беленькая... Беленькая... Она называла викингов Людьми-кораблями и забавно дивилась имени судна: ведь она сама была из рода Оленя...

Всю дорогу сюда Хельги стоял на корме, около вождя, державшего правило. Он показывал путь — единственный живой из троих, бывавших здесь раньше. Нелегко дался ему этот труд, ведь тогда они путешествовали пешком. Все же он не ошибся и точно вывел корабль. А Ракни за все полдня не сказал ему ни слова. Ни единого слова.

Теперь Олень стоял за ледяной перемычкой, удерживаемый якорями, а люди отовсюду стаскивали плавник, обкладывая ладью торсфиордцев. Следовало бы спустить ее и отправить в море пылающей, но за множество зим бортовые доски отошли одна от другой, да и как перетащить корабль через торосистый лед... Виглафа вынесли из дома, осторожно вырубив часть скамьи. Когда морской ветер дохнул на деда, тронув волосы, Хельги показалось, что тот вот-вот встанет и выпрямится, оживая... Виглафа усадили под мачтой корабля, там, где лежал уже Оттар. Рука старого викинги по-прежнему висела над коленом, держа пустоту. Ракни подумал немного и вложил в нее добрый меч, давно потерявший владельца и скучавший без дела на дне сундука. Оттару тоже предстояло войти к Одину, неся чужое оружие. Когда хотели снять Гунлоги со стены, ремни ножен захлестнули деревянный гвоздь, стянувшись мертвым узлом.

— Это вещий меч, — сказал Ракни сэконунг. — Он хочет остаться здесь, и перечить ему негоже.

На родине матери вокруг погребального костра делали краду — огненный круг, не дававший смотреть, как пламя прикасается к мертвым. Очень уж тяжело это видеть, а у потерявших любимого и так горя в достатке. Да и не к чему наблюдать последнее таинство глазам смертного человека!

Племя отца верило в других богов, а вместо крады здесь был высокий борт корабля, вспыхнувший весь разом, от форштевня до рулевого весла.

Хельги закрыл глаза... Судьба была выращена и сжата, как горсть ячменных колосьев, тяжело ложащихся в ладонь. Он никуда не пойдет с этого места. Он

4 Где море встречается с землей... — т. е. место, не принадлежащее ни одной из стихий. В таких местах хоронили преступников.

останется здесь и умрет, а умерев, почернеет и высохнет, как дед Виглаф и его друзья. Он будет бродить по Свальбарду, по речным долинам, по каменным осыпям и снежным вершинам, и самый тонкий наст не прололомится под ним, и звук шагов не потревожит чутких гусей... Может, он еще встретит деда и Оттара, прежде чем они умчатся в Вальхаллу. Он попросится кормщиком к ним на корабль. Навряд ли они велят ему убираться...

Бешено гудело высокое пламя, превращавшее в пепел бесплотные останки деда и могучее тело Оттара, еще так недавно умевшее сражаться в бою, работать без устали — и любить...

Вот провалилась палуба корабля, поник на носу прекрасный деревянный дракон, рухнула мачта, и все начало смешиваться одно с другим, превращаясь в бесформенные головни.

Откуда-то с моря вдруг взялся белый лебедь, неторопливо летевший на север. Сперва он так и шарахнулся от клубов черного дыма, взметнувшихся навстречу. Но скоро будто почувствовал, что здесь ему не будет беды. Описал круг над головами людей и скрылся за скалами.

Хельги проводил его взглядом и вспомнил, что говорил Оттар а подстрелянных лебедях. И как они приносили жертву возле Рогатой горы. И знак, которого никто не объяснил. А ведь это было так просто. Голова оленя и белая птица, распластанная на окровавленном льду! Ты добудешь лебедя-Вагна, сказал конунгу Один. Но смотри — придется тебе отдать за него лучшего из всех, кто ходит на Олене, твоем корабле!

Наверняка и сам Ракни думал о том же. Его рука лежала на рукояти меча, и пальцы свело от напряжения. А потом стоявшие ближе других услыхали:

— Ты заплатишь мне, Вагн, еще и за то, что я поехал в эту проклятую страну и лишился здесь сына.

и потом, когда огонь взвился особенно яростно:

— Море дало мне тебя, море и отняло. Только вот не думал я, что это случится так скоро.

Долго горело светлое пламя, и дым восходил высоко, обещая сожженным великие почести на небесах. Когда угли завалили камнями, а в опустевшем доме Виглафа стали накрывать стол для священного поминального пира, Хельги сел возле кострища, вложил руки на коленях и опустил на них голову. Луг подошел к нему и наклонился, желая что-то сказать, желая что-то сказать, но Ракни, входивший в дверь, обернулся.

— Ступай в дом, ирландец!

Хельги показалось, что это прозвучало брезгливо. Пусть так.

Луг подошел к конунгу и тихо ответил, глядя в глаза:

— Тебе Оттар был сыном, а мне остаться здесь.

Ракни посмотрел на него, потом на неподвижного Хельги... коротко кивнул и шагнул через порог. Впервые с тех пор, как его назвали вождем, он уступил чьей-то воле. Хорошо знавшие конунга удивились бы он немедля свернул шею монаху или приказал повесить нечестивца, пренебрегшего священной едой.

А Луг вернулся к Хельги и сел на камень против него, Когда рука Хельги выскользнула из-под головы и повисла, ирландец стащил с плеч куртку и закутал его, спящего, поудобнее уложив на земле.

...Хельги плыл, теряя силы в холодной воде, и кудрявый парень смотрел на него смешливыми глазами, гладя пригревшегося на коленях кота. Нет, этот воин не отрубил бы руку, схватившуюся за борт. Скорее он сам выскочил бы в воду и спас Хельги, если бы тот начал тонуть!

Он и стукнул-то его тогда именно как меньшого братишку, с перепугу наговорившего дерзостей. Ударил бы как следует, и не увидел бы Хельги никогда свальбардских туманов.

...Хельги греб длинным веслом, и нарыв наливался гноем и болью, пронзая плечо, а Оттар подхлестывал язвительными словами, хорошо зная, что здесь поможет только работа...

...Беленькая гнала легкую лодку, и кот пел победную песню, а Оттар протягивал руки, перегнувшись через борт корабля.

Но все не уменьшалась между ними полоска темной воды, и с медленным грохотом раскалывалась ледяная гора, и ужас рос в глазах финской девчонки, и все отчаянней взмахивало весло, и соленые капли смерзались на загорелых щеках, ледяной коркой сковывая лицо...

А потом словно бы заплакал маленький мальчик.

Он открыл глаза, и сперва ему почудилось, будто все сбылось и он был на корабле деда, резавшем небесные волны. Но поистине такое было слишком уж хорошо. Покачивались над головой знакомые облака, и полосатый парус гнал прочь надежду. Значит, смерть опять прошла стороной, Берег Мертвых не хотел его принимать... Хельги повел глазами и увидел на ближней скамье рыжего Луга.

— Да пребудут с тобой Господь и Мария, — сказал ирландец. — Что тебе снилось? Расскажи, если хочешь а я попробую истолковать.

— Мало хорошего, ответил Хельги неохотно. — Я слышал плач.

Луг кивнул, нисколько не удивившись. Навряд ли стоило говорить вслух о том, что это сам Хельги только что плакал во сне. Луг сказал так:

— Вот и мне больше всего жаль не Оттара, не Карка и не тебя. И даже не Беленькую. Я думаю про ее сына, которому тоже захочется разузнать об отце. А что она сможет поведать ему? Они с Оттаром не были вместе и десяти дней.

Хельги рывком сел, открывшееся совпадение ослепило отблеском далекой грозы: его собственная мать, всего девять дней и ночей прожившая у отца!.. Он даже не спросил, с чего это Лугу вздумалось жалеть Карка, который и так умер слишком легко...

Луг отвернулся, посмотрел вперед. Там уже виднелось устье фиорда и айсберг на мели, который люди, не сговариваясь, нарекли Оттаровой Стамухой[5]. На обратном пути Ракни обошелся без проводников.

Монах проговорил негромко, как бы думая вслух:

— Этому малышу надо будет вырасти похожим на Оттара. Ему пригодился бы старший брат, неплохо знавший отца...

— Пригодился бы, — сказал Хельги. Луг оглянулся:

5 Стамуха — большой айсберг, севший на мель.

на него смотрел суровый, умудренный испытаниями муж, постигший цену словам.

26. Парус!

Когда минуют Сумерки Богов и мир, спасенный от огня, возродится, на Оттара будет похож человек по имени Ливтрасир, Сражающийся-За-Жизнь. Слишком велика была в нем живая и горячая сила, чтобы полностью умереть даже на погребальном костре. Людям продолжало казаться — он вот-вот распахнет дверь и войдет, и все станет как прежде. Никто не садился на его место за общим столом, и Хельги видел, как порой воины поворачивались в ту сторону, желая что-то сказать, спросить или пошутить, и напарывались взглядом на пустоту. Только Пламя Битвы безмолвно поблескивало на стене... Это прекратится нескоро.

Ракни вспоминал сына не чаще и не реже других. Он ни разу не вздохнул, когда при нем заговаривали об Оттаре. Однажды в Линсетре женщина хоронила любимого брата, утонувшего в ведьминой полынье под Железной Скалой. Эта женщина почернела от горя, но не выронила ни слезинки, сидела около мертвого и сама выглядела мертвой, пока не подошел старый Эйрик и не отпустил какую-то очень грубую шутку, мол, ни девкам, ни женам проходу не было от твоего парня, а вот Ран-великанша, как видно, сумела за себя постоять.

Тут-то она всплеснула руками так, что платье лопнуло под мышками, и хлынули слезы, уносящие из сердца недуг, и мудрый Эйрик первым обнял горюху...

Ракни, конечно, ни в чем таком не нуждался. Людей вроде него излечивают не слезы. Конунг теперь подолгу пропадал один на морском берегу: а возвращаясь домой, говорил о сражениях или молчал.

За Хельги Виглафссона отомстил сам вождь словен. Отец еще дышал, когда князь зарубил человека, проткнувшего его копьем. Другое дело, это никого уже не спасло.

За своего родича Ракни поклялся о голове Вагна Морехода и отправился добывать ее в самую вершину моря, на Свальбард. За внучатого племянника, который погиб в Скирингссале по собственной глупости, которого Ракни и видел-то последний раз еще в колыбели, зато предостаточно наслышан был от общей родни — бездельный удался парнишка, не многого от него и ждали!

За Оттара... во всех девяти мирах не нашлось бы уголка, куда не добрался бы конунг, и существа, которое он пощадил бы, творя свою месть. Но за Оттара убивать было некого. Тролля не вызовешь на поединок. Воду и лед не поразишь ударом меча. А Карк свое уже получил.

Однажды Ракни вернулся с берега раньше обычного и с головой до ног залитый кровью. Он отстранил воинов, встревоженно бросившихся навстречу.

— Это не моя кровь. Сходите кто-нибудь, обдерите медведя.

Медведей они видели часто, но до схватки еще не доходило.

Викинги немедленно отправились по следу, прихватив с собой волокушу; и на диво лют оказался тот медведь и громаден! Поднятый на дыбы, он далеко превзошел бы самого рослого человека, а про зубы и когти на лапах, крепких, как кованое железо, не стоило говорить. Он был убит одним страшным ударом: меч Ракни раскроил его голову и всю тушу до середины груди. Хозяин Льдов повстречал ярость и силу себе под стать.

Да, не мало будет Вагну, когда Рождающий Вдов выползет из ножен по его душу. И уж в особенности, если Ракни возьмет Вагна живым!

Неподалеку от дома, за голыми песчаными дюнами,расположилось гагачьей гнездовье. Хельги повадился ходить туда и по полдня наблюдать за какой-нибудь гагой, терпеливо гревшей будущее потомство. Утки подпускали его вплотную, и дело было не только в доверчивости: прожорливые поморники с криком и дракой кружились над самыми головами наседок, — попробуй

отлучись от гнезда! Хельги изловил двух разбойников и привязал их к шесту. Пленники молотили длинным и крыльями, раскачивая жердь. Сперва они истошно кричали, потом замолкли и умерли. Хельги выкинул их песцам и поймал двух новых на смену.

Как-то на гнездовье заглянул Луг, послушал кошачьи вопли подвешенных птиц и стал просить Хельги отпустить неразумных, творящих зло не со зла.

— Не твое дело, — сказал ему Хельги, и монах принужден был отступить.

Хельги сильно переменился и сам это чувствовал. Он был иным даже тогда, когда стоял перед конунгом, придерживая вывихнутый локоть. Болели и отваливались невидимые струпья, щенок, выкинутый из лукошка, полз на берег, хрипя и давясь проглоченной тиной, теперь в его памяти было не только родное материнское брюхо, пахнущее молоком, но и беспощадные пальцы, стиснувшие загривок, и холод, и плач братишек с сестренками, захлебывавшихся в воде... руку, протянувшуюся к нему нынче, встретило бы рычание, а не визг.

Воины и сам Ракни больше не винили его, по крайней мере вслух. Казнить ли спасшегося от смерти, за то, что другой бросился на выручку и погиб сам? Но если бы предвидеть, какую неудачу принесет он на корабль, его поистине утопили бы еще у Железной Скалы. Хельги знал это наверняка. Да... Могли бы суровы молодцы стрелять и пометче...

Потом очередной шквал замел снегом гагачий берег, да так, что наружу торчали лишь головы многострадальных наседок. Хельги подоспел на помощь и осторожно откапывал уток. На другой день он попробовал погладить одну из гаг. Та сжалась в комочек, но не побежала с гнезда. Хельги трогал теплые перья, беззащитную шею и, казалось, вспоминал что-то давно позабытое...

Однажды из-за мыса долетел голос прибоя, быстро перешедший в низкий грохочущий рев. Тяжелый накат принялся сотрясать каменные кручи — Ракни, вернувшийся с высокого берегового обрыва, бросил у очага меховый плащ, мокрый от брызг.

— Шторм идет с юга, — сказал он коротко. Вытащил прочную франкскую кольчугу, внимательно осмотрел ее и надел. Взял шлем и стал проверять, не ослабли ли заклепки. Воины начали снимать со стен мечи и секиры, надежные, красиво разрисованные щиты... Может, эта буря принесет с собой Вагна? Пора бы!

Море было теперь иссиня-серым и страшным; на юге росла из воды зловещая стена облаков. Скоро она закроет солнце, и станет темно. Придет ветер и будет срывать с катящихся волн дымные гребни, метя океан...

Ракни первым вышел наружу. Фиорд, заслоненный горами и зубчатым хребтом сторожевого мыса, еще оставался спокойным; но на большой залив, куда без помехи вкатывалась зыбь, жутко было смотреть. Ветер словно пригибал волны, и лишь на отмелях они торжествующе выпрямлялись, делались круче и круче и наконец обрушивались, захлестывая неприступные утесы, на сотни шагов заливая галечные низины. Плотное облако брызг тянулось далеко вглубь страны... Это была буря из тех, что могут до неузнаваемости изменить побережье. Шторму еще добавлял силы прилив: высоко поднявшаяся вода стронула даже Оттарову Стамуху, и та медленно поворачивалась, царапая дно... Недаром носились серые буревестники, недаром загодя ушли с лежбищ моржи! Хельги забежал проведать гнездовье. Гаги, наученные опытом поколения, сидели спокойно. Здесь было хорошее место: большинству птиц ветер даже не встопарщивал перьев. Он лишь повалил шест с привязанными поморниками. Один хищник издох и валялся, как смятая тряпка, второй разинул клюв и попытался схватить Хельги за рукавицу. Неожиданно для себя самого Хельги перерезал веревку и ногой отбросил птицу подальше от гаг. Немного погодя та приподнялась и заковыляла, волоча крылья, как пьяная, прочь...

Долгое время в море не было совсем ничего видно, только летели черные тучи, все ниже прижимавшиеся к воде. Хельги начал уже думать, что ожидание снова окажется напрасным. Наверняка Вагн отсиживался где-нибудь за островом, а может, давно уже потонул. Великое нужно было искусство, чтобы обмануть этот шторм, не дать ему погубить себя и корабль!

Хельги оглянулся на дом, так облепленный снегом, что скрылись цветы, ярко пестревшие на крыше. Потом посмотрел на Ракни. Конунг несводил глаз с океана. Рука в рукавице сжимала крестовину меча.

Одна за одной проносились косматые, изорванные полосы туч. Иногда они чуть-чуть расходились, приподнимаясь, и вот Ракни указал на ярко-белую полосу, обнявшую полгоризонта:

— Ледяная радуга!

Это надвигалось ледовое поле, затянутое в водоворот шторма. Уродливые тролли прыгали и кувыркались во мгле: то-то будет потеха, когда оно упрется в неподатливую сушу, и льдины с грохотом полезут одна на другую, вздыбливая чудовищные торосы! А еще больше потехи, если подвернется корабль или дом на открытом низменном берегу!

Хельги едва успел разглядеть троллей и порадоваться, что фиорд был хорошо защищен, когда вдаль протянулось сразу несколько рук:

— Парус!..

27. Оттарова Стамуха

Синий со светлым узором, он летел немного впереди льдов, торопясь в знакомую гавань. Хельги с первого взгляда узнал крутые бока и высокую, острую грудь кнарра. Такое судно никогда не обгонит боевого корабля, но в бурю ему приходится легче. Особенно, когда его ведет, как теперь, искуснейшая рука. Кнарр танцевал, паря над волнами. Очередной гребень скрывал парус из глаз, но спустя время он вновь возникал там, вдалеке, кренясь в стремительном, смертельно опасном полете...

— Это Вагн, — сказал Ракни спокойно. Так спокойно, будто и не ради встречи с этим вот кораблем он отправился в путь, вытерпел множество бед и наконец поджег погребальную поленницу сына.

— Зря я надевал меч, — сказал Ракни. — Ему не войти в фиорд, даже если лед его не догонит. Корабль раздавит о берег!

Хельги посмотрел на воду, бешено клокотавшую в устье. Неспроста передвинулась туда Оттарова Стаму-

ха! Прилив повернул, и течение неслось в горловину с быстротой горной реки. Ракни был прав.

Хельги снова перевел взгляд на корабль... Глаз уже различал его оснастку и даже головы людей, выплескивавших воду из трюма.

— А ну, разложите-ка пару костров, — велел Ракни и усмехнулся. — Пусть не кажется им, будто главный враг позади.

Ваги сумел-таки опередить льды. Его кнарр действительно напоминал лебедя, летевшего над заливом. Пена из-под форштевня взвилась двумя длинными крыльями. Ветер выносил корабль на самые вершины волн, и в воздухе повисало полкорпуса. Казалось, судно вот-вот переломится, но Ваги уваливался под ветер, кнарр соскальзывал и несся вниз в гремящем облаке пены... Как он повернет к фиорду, не подставив борта?

Со стороны это выглядело почти невозможным, но Ваги сделал и невозможное. Кнарр вспахал склон черной горы, вывернулся из-под смертоносного удара гребня и нацелился прямо на устье

...Это было страшное зрелище: корабль, неподвижно замерший в проливе под развернутым парусом и с буруном, пенившимся у форштевня! Течение усиливалось, кнарр стало сносить обратно в залив. Весла высунулись в люки и удержали его, но продвинуться не удавалось.

Ракни начал прохаживаться туда-сюда между кострами... Потом заложил руки за ремень и бросил насмешливо:

— Был бы у него боевой корабль с веслами по всему борту, не болтался бы он там, как дохлый тюлень.

Хельги плотнее натянул шапку, спасаясь от ветра. Скоро устанут гребцы, и кнарр разобьет... А ведь Оттар не стал бы издеваться над гибнущими храбрецами. Он бы теперь размышлял, как им следовало спасать себя и корабль. А может... может, и сам постарался бы что-нибудь предпринять...

Ледяное поле уже неотвратимо вламывалось в залив. Ваги попал в западню: он уже не мог развернуться и уйти в открытое море, где никакой шторм не погубит доброго корабля. А берег, содрогавшийся под ударами волн, не давал укрытия и не позволял вытащить кнарр. Бросить его и попытаться спастись вплавь?.. Страшен с виду прибой, однако опытного пловца прибой может и пощадить; вода же... Хельги передернуло: у него были свои счеты с этой водой.

Он едва не вскрикнул, когда на хребте мыса, на мокром льду скал, вырос силуэт человека. Значит, они решили-таки выбираться поодиночке, и этот, полуголый, хромающий, был первым, кому повезло. Что он станет делать теперь? Попробует спрятаться?.. Человек махнул рукой оставшимся на кнарре и вдруг побежал, волоча ногу, вдоль мыса: к устью, потом прочь. Снова бросился в волны и поплыл на середину фиорда — к Оттаровой Стамухе.

Гребцы из последних сил удерживали корабль. Лед тяжело ворочался, надвигаясь. Ракни еще раз посмотрел на кнарр, потом на плывущего и сказал словно нехотя:

— Так вот, значит, что у них на уме. Мужественный человек, кто бы он ни был!

Хельги не понял, о чем говорил вождь.

Пловец достиг айсберга, подтянулся и начал карабкаться наверх. Ему некогда было искать удобное место, он дважды съезжал по гладкому льду, падая в воду, и Ракни всякий раз ударял кулаком по ладони, ругаясь вполголоса. Было видно, как слабел, замерзая, неизвестный храбрец. Но вот ему удалось всадить в трещину нож и зацепиться. Он не полез высоко — только до первых острых зубцов. Снова помахал на корабль и торопливо потащил что-то из воды.

И Хельги понял, наконец, за что хвалил его конунг. Вот кончилась тонкая веревка, которую он принес собой с корабля, и на смену ей пополз толстенный канат. Должно быть, человек не впервые возился на льду и умел отличить хрупкий от несокрушимого. Сдирая ногти, он обвел моржовой петлей надежный выступ стамухи, прозрачно-голубой и крепкий, как халогаландский гранит... В третий раз махнул рукой, выпрямившись во весь рост, и до берега долетел дружный крик, с которым ухватили канат его друзья на корабле.

Люди хотели спастись, и неистовое усилие победило. Корабль закачался в безопасном фиорде, парус хлопал под порывами ветра, но эти порывы уже не могли его разорвать. Мореходы быстро спустили рей и на веслах подошли к Оттаровой Стамухе.

— Мужественный человек, кто бы он ни был, — повторил Ракни сэконунг.

Хельги посмотрел на Стамуху, но никого там не увидел. Он долго приглядывался и наконец нашел спасителя корабля, неподвижно лежавшего на гладком плече горы... Люди с кнарра поднялись к нему и унесли своего товарища на корабль.

Конечно, они видели костры на берегу, боевую лодью около дома и воинов, ожидавших возле края воды. Но, промешкав совсем немного у Оттаровой Стамухи, кнарр с прежним бесстрашием двинулся к знакомой стоянке.

Ракни надел шлем, поправил нащечники и застегнул их под подбородком. Воины позади него сомкнули щиты. Костры яростно трещали на ветру, разбрасывая искры. Пламя стелилось, растапливая снег. Кнарр заскреб килем по гальке и остановился. Потом оттуда бросили мостки, и Хельги увидел Вагна Морехода, стоявшего около борта.

Вернее, Ваги больше висел на плечах двоих крепких парней, бережно его подпиравших... У него были прямые волосы и совсем не было бороды, но Хельги вдруг увидел Оттара, поднявшегося из ледовой могилы и пришедшего к ним сюда с белым лицом и синими глазами, наполовину закрытыми!.. Не хватало только крови у рта, зато был лоб и щеки, жестоко рассаженные о камни!..

Вот он шевельнулся, двинувшись вперед, и друзья осторожно свели его по сходням на твердую землю. Они не боялись расправы. Они никого и ничего уже не боялись.

Вот наконец и встали друг против друга два кровника, Ракни сын Рагнара и Ваги Мореход! У Ракни в вороте куртки виднелась кольчуга. Люди в кольчугах редко бывают миролюбивы.

Ваги пошевелил губами, пытаясь что-то сказать... Ракни пришлось подойти к нему вплотную.

— Мои люди вымокли и замерзли, Ракни сэконунг, — медленно, с мучительным трудом прошептал Ваги. — Если ты хотя бы дашь им обсохнуть и обогреться, тебя не назовут несправедливым. А я сойдусь с тобой

теперь или когда ты пожелаешь. Ты ведь не из тех, кто за смерть родича берет серебром.

Там, где только что пробирался корабль, сокрушали друг дружку, вставали на дыбы и со скрежетом лезли на скалы могучие льдины, воздвигались и с грохотом рушились торосы — это раздосадованные тролли пожирали сами себя. Ветер срывал с вершин белые шапки, и снеговые полотнища то смешивались с тучами, то стремглав падали в воду. Вооруженные люди молча стояли лицом к лицу и смотрели на Ракни.

— Ну вот что, — вдруг хрипло, отрывисто выговорил конунг. — Тебе тоже найдется место у очага, Ваги Мореход! Это говорю я, Ракни сын Рагнара из Северного Мера. И будет так, как я велю!

Деяния людей, подобных Ракни сэконунг не обсуждают. Так не обсуждают поступки древних героев: о них просто рассказывают и все, дела героев и сами они слишком значительны, чтобы ругать их или хвалить. Для них нет обыденной мерки, и Ракни встал с ними в рост. Убей он Вагна, и сага о его мести отправилась бы в путь от очага к очагу — великое и страшное дело, не всякому по плечу, угрюмая и громкая слава, что притянула бы к нему немало сердец!.. И все-таки он сделал по-своему, Ракни, самый непреклонный мститель из всех ступавших на палубу корабля. Ракни, Переломивший Судьбу. Ракни, разорвавший пряжу норны и поднявшийся над здравым смыслом обыкновенных людей... Ибо отказаться от мести может поистине лишь величайший герой. Которому никто не указ, ни люди, ни боги, ни судьба. Даже Оттар не помышлял о подобном, а уж как он хвалил Вагна и сожалел, что тому придется погибнуть!.. Ракни прошел этот шаг за него и за себя. Но вот если бы Оттар не замерз во льду, погубленный ничтожной местью раба... Как знать, что теперь совершилось бы на берегу? Как знать?..

А когда все двинулись к дому, Хельги приметил в сторонке Луга, почему-то не торопившегося в тепло. Хельги взял его за плечо. Ирландец нехотя обернулся, и Хельги увидел: по щекам монаха, застревая в рыжей густой бороде, скатывались слезы.

— Б, ионтех ан фиар э, — трудно глотая, выговорил Луг. — Это был человек. Это был человек...

28. Беспределен тот океан.

Мать рассказывала Хельги и такое, о чем редко рассказывают сыновьям. Наверное, она считала его совсем уже взрослым и способным понять. А может, просто не с кем было поделиться.

В самое первое утро на корабле у отца она откинула полог и выбралась из палатки наружу... Это было дивное утро; солнце только что встало из-за великой реки, и дальний берег дрожал в сизом тумане. Корабль с вечера стоял на якорях, и люди спали на берегу — все, кроме отца, матери и сторожей. А рано утром и отец ушел на совет к князю, и мать проснулась одна.

Она кое-как пригладила волосы и посмотрела за борт: хотелось умыться, но мать впервые была на корабле и боялась насмешить сторожей, глядевших с кормы. Ведерко так и не попалось ей на глаза,и она осторожно двинулась к сходням. Совсем молоденькая девочка, всего-то от роду шестнадцати зим. Или лет, как они считали там в Гардарики. Всего-то на год постарше, чем был теперь ее сын.

Когда она проходила мимо сторожей, одному из них показалось, что она смотрела по сторонам уж очень высокомерно. Мог ли уразуметь безусый мальчишка, что не будет иного взгляда у несчастной рабыни, сжимавшей остатки покалеченной гордости в слабеньком кулачке! Ведь она не родилась невольницей, мать. И мечтала, свободная, достаться единому, кто растопит неуступчивое девичье сердце... а не тому вовсе, у кого звонче брякнет кошель!..

Сторож сказал ей,слова, за которые, по мнению Хельги, его следовало убить:

— Не воображай много, девка, из-за того, что за тебя уплачена тройная цена.

Хельги долго расспрашивал мать, но так и не вытянул из нее ни имени, ни прозвища наглеца. Мать всегда отвечала, что он был очень молод и потом пал в битве, защищая отца, а имя ей не запомнилось. Конечно, она обманывала. Она просто боялась, не начало бы дитя неразумное задирать братьев обидчика или сыновей, если они жили теперь на земле.

Этот воин объяснил обомлевшей девчонке, в чем было дело, и ее будто сломали, как тоненькую хворостинку, попавшую под сапог. Значит, мало того, что чужеземец купил ее и не удосужился ни полсловечка шепнуть на ухо о любви! Он еще и обнимал словно бы другую, не пожелавшую ему улыбнуться!.. Такое унижение незачем было терпеть...

Мать посейчас толком не знала, о чем думала, чем занималась весь день. Когда же подоспел вечер и стало ясно, что отец вот-вот возвратится, она опять улизнула с корабля и прокралась по берегу подальше от стана. И наконец закрыла глаза и пошла прямо в воду, и вода залила ее по колени, потом по грудь. Холодная вода, сбежавшая с ледников...

Матери казалось — береговая круча надежно скрыла ее, и она лишь надеялась, что быстрое течение не заставит мучиться долго... но сзади громко плеснуло, и сильные руки поймали ее за локти и выхватили, как перышко, из темной воды.

Отец вынес ее на берег, и матери было все равно, как он ее накажет, потому что в душе она почти уже умерла. Отец посадил ее на траву и сам сел подле нее. Он крепко обнял мать и молча гладил мокрые волосы, пока она не заплакала и не уткнулась лицом в его плечо...

Вот с того дня они и полюбили друг друга, и отец хотел освободить ее и взять в законные жены, но не успел. Хельги задушил бы любого, посмевшего усомниться.

Никто не сказал, что они хорошо ладили бы втроем — Хельги, мать и отец. Но все это не имело бы никакого значения, если бы отец жил!..

Он вернется домой, и мать увидит, что больше не о чем плакать. А потом он поедет к Вальбьерг и проведает ее в Кетилевом дворе. И никакие тролли, живущие на мысу, не смогут его остановить. Пусть боится их тот, кто отродясь не высовывался дальше Железной Скалы. А он ходил с викингами на Свальбард.

Вагн болел долго, и многие думали, что больше ему не подняться. Это было бы тяжелым несчастьем; никто

не хотел, чтобы судьба Оттара повторилась. Каждый старался что-нибудь для него сделать, и дружеская забота отогнала смерть. Вагн окреп, и они с конунгом подолгу сидели на берегу и что-то рисовали на сером песке, рассказывая один другому о землях, где довелось побывать. Хельги дал бы выдрать у себя половину волос только за то, чтобы подойти и послушать. Но гордость пересиливала, и он не подходил.

Он по-прежнему часто навещал привыкших к нему гаг. Оказалось, люди Вагна еще в тот раз начали приваживать их и даже выстроили несколько убежищ из плавника и камней. Хельги посчитал это благим делом, которое следовало продолжить. Ирландец приходил ему помогать. Однажды он сказал Хельги:

— Все вы здесь называете меня Лугом, но это не мое настоящее имя. Я не стал открывать его язычникам и назвался именем предка, которого у нас почитали когда-то.

— Оттар знал, как тебя звать? — спросил Хельги. — Если он не знал, и я не хочу.

— Оттар скрутил меня и привел на корабль, — ответил монах. — Но благодаря ему я перестал желать погибели вашему племени и разорения вашей земле. Во Христе меня называют братом Фланном, а в мирской жизни я звался Туамой О'Суйллевайном, это значит — из рода Одноглазого. Мой род не дал великих вождей, но Суйллевайн был славным героем.

— Я все же буду звать тебя Лугом, — сказал Хельги. — Я так привык.

Монах протянул ему камешек величиной с полкулака:

— Возьми, тебе пригодится.

Камень был красивый, весь в прожилках и трещинах, дробивших солнечный свет. Хельги спросил недоуменно:

— Где ты взял его? И зачем?

Луг поплотней запахнул куртку.

— Ты помнишь, наверное, когда хоронили Оттра и твоего деда, Ракни велел вкатить на могилу большую глыбу, лежавшую там неподалеку. Я отколол кусочек, пока справляли поминальный пир.

Спустя несколько дней у гаг вылупились малыши. Матери тщательно высушили потомство и увели его в море. Тогда Хельги с Лугом пришли собирать пух. Они держались вместе. Монах занятно рассказывал о кораблях, обтянутых бычьими кожами, и о солнечных землях на западе, которых эти корабли будто бы достигали когда-то. Хельги пообещал, что постарается помочь ему вернуться домой.

Свальбардское лето отгорело ярко и быстро. Умолкли шумные гнездовья, засобирались на юг гуси, и Вагн посоветовал конунгу не медлить с отплытием:

— Скоро начнутся шторма, и они могут нас здесь запереть. Я и сам едва выбрался в позапрошлом году.

Ракни кивнул. Он сделался еще молчаливее, чем был.

Когда снимали оружие со стен, он не стал распутывать узел, державший ножны Пламени Битвы. Вынул деревянный гвоздь из бревна и убрал все вместе в сундук. Если овладевший мечом будет знать, кто такой Оттар, он тоже не развяжет узла.

Корабль Ракни сэконунга шел на юг. Холодные Берега, давно скрывавшиеся в тумане, посылали вслед тя-

желые серые облака. Иногда они спускались к самой воде, и тогда прятался даже Лебедь, шедший на расстоянии полета стрелы. Хитроумно был выстроен этот кнарр — под парусом он почти не отставал от Оленя. Искусные мастера предназначили его не для войны, но путешественник вроде Вагна мог смело отправляться на нем хоть вокруг всей земли: он не подведет на середине пути.

Северный ветер тянул прямо в корму, не доставляя больших забот никому, кроме рулевого. Хельги стоял у форштевня, глядя вперед.

После гибели Оттара ему часто мерещилась какая-то прозрачная, печальная песня без мелодии и без слов. Словно далекий, далекий крик птичьей стаи, донесшийся из-за туч. Эта песня зазвучала в нем и теперь, стоило вспомнить синие заливы Свальбарда и хребты белых вершин, уходящие за горизонт.

Скоро там начнутся сильные снегопады. Пролетит над побережьем слепая пурга, белый пух густо покроет оба дома и каменный курган в Могильном фиорде, и придет тишина. Долгая, долгая ночь сомкнется над Свальбардом, и лишь отблески сполохов будут играть на обледенелых камнях...

Вот так обзаводится человек зарубками на душе и памятными местами, властно зовущими его отовсюду, где бы он ни был. Даже мать, если попадет когда-нибудь в Гардарики, сразу примется скучать по Линсетру и вздыхать, рассказывая о нем. Подобное не минует и Хельги, и он перестанет ненавидеть Холодные Берега, а через несколько зим выстроит себе корабль и захочет побывать на Свальбарде еще раз. Склонить голову перед курганом, подняться вверх по лососевой реке и посмотреть-таки, где ее начало... Но сперва он все же повидается с матерью, поздоровается с горами и воздвигнет памятный камень по Оттару, сожженному так далеко от Норэгр...

Зло родило зло, понял вдруг Хельги, глядя на серые, шершавые спины волн, лениво обгонявших корабль. Ракни обидел его недоверием, и он полез вон из кожи, доказывая свою правоту. Никогда не ссорившийся с рабами, он не попытался поговорить с Карком по-доброму, высокомерно предпочитая колотить его, неумеху... И Карк мстил — неуклюже и очень по-рабски, исподтишка. И оба не видели в ослеплении, что эта вражда все время била по Оттару. Кот, брошенный в воду, подрезанная веревка и, наконец, голубая пасть ледника... Если Ракни или кто другой пойдет на Свальбард через год-два, наверняка Оттарова Стамуха еще будет стоять посередине фиорда — памятник злу, которое однажды вырвалось из рук творивших его и само нанесло смертельный удар...

Хельги ощутил чье-то присутствие за спиной и обернулся. Возле него стоял Ракни.

При виде конунга Хельги немедленно вспомнил тот давний запрет ходить на нос корабля, наверное, сейчас снова погонит прочь от форштевня... Однако Ракни промолчал, внимательно разглядывая что-то впереди, хотя на самом деле до берега оставалось еще двое суток пути и вокруг не было ничего, кроме тумана. Хельги уже начало казаться, что конунг, занятый своими мыслями, попросту его не заметил. Но тот неожиданно проговорил:

— Как ты думаешь, твой родич Халльгрим Виглафссон пустит нас с Вагном перезимовать к себе в Торсфиорд?

Хельги ответил:

— Я и сам хотел предложить тебе это. И думается мне, надо будет забрать с собой Беленькую. Она там, наверное, уже строит дом для богини, дарующей сыновей.

И добавил, помедлив:

— Конунг, ты назвал меня родичем Халльгриму Виглафссону...

Ракни спокойно кивнул:

— Мы с Оттаром почти с первого дня в этом не сомневались.

Хельги смотрел на него молча, и немой, отчаянный крик рос в его душе. А Ракни продолжал по-прежнему невозмутимо:

— Многим кажется, что Оттар погиб из-за тебя. Если бы я тебя зарубил, его гибель оказалась бы напрасной. Поэтому ты живешь. Я долго не хотел тебе говорить, но лучше скажу. Оттар собирался вступить с тобой в побратимство. Он сам мне говорил. И послушай, что я скажу тебе еще. Тот меч, что принадлежал Виглафу Ворону, я отдам твоему дяде. У него там найдутся наследники достойней тебя, и он уж сообразит, как распорядиться. Но Оттар обидится на меня, если Гуннлоги достанется не тебе. Все видели, он не захотел взять его в курган. Ты наденешь этот меч, когда тебя введут в род и настанет твоя пора совершать мужские дела. А насчет Беленькой ты неплохо придумал. Сын должен походить на отца. Вот ты и поможешь ей вырастить мореходца.

Поистине это была самая длинная речь, которую Хельги слыхал когда-либо из его уст... Замолчав, вождь повернулся, чтобы уйти к себе на корму.

— Ракни! — сказал Хельги уже ему в спину. — Ракни сэконунг! Можно мне будет еще пойти с тобой на корабле?

— Можно, — кивнул Ракни и вновь повернулся, но все же помедлил уходить, еще раз глянул на Хельги и проговорил: — Мне не было особенно тошно смотреть на тебя, когда ты вел корабль в Могильный фиорд. И мой сын клялся однажды, будто ты управляешься на руле едва не лучше меня. Пойдем-ка, я хочу сам это проверить!

Хельги нахмурился и пошел за ним на корму. Укутанный тучами, впереди и вокруг корабля лежал океан. Холодный северный океан, мглистым кольцом окруживший населенную землю... И кажется людям, что беспределен тот океан и нельзя его переплыть.

Иллюстрации Елены УДАЛОВОЙ